3 1761 08114711 8

А 7655

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ОСНОВАНА ВЪ 1880 ГОДУ

3-5

МАРТЪ

ПРАГА
1922

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРЕМЛЬ“ ВЪ ПРАГѢ.

J. OTTO, Éditeur. Prague, Karlovo nám. č. 34. (Tchécoslovaquie).

Отдѣленія Из-ва: въ Вѣнѣ: I. Gluckgasse 3, Wien; въ Братиславѣ: Bratislava, Laurinská ul. 8; въ Константинополѣ: Dépôt central de l'Union des Villes russes, Constantinople, Grand' rue de Péra 388/8.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ:

Для Франціи: J. Povolozky & Cie, Éditeurs, Paris, 13, rue Bonaparte.
Для Германіи: Russ. Buchhandlung „Heinrich Sachs“, Berlin SW, Wilhelmstr. 20.
Для Америки: A. G. Malishevsky, New York. 144—23 Str. Elmhurst N. I.
Для Англіи: Русскій книж. магазинъ. N. Makaroff, 18, Bury St., London, W. C. 1.
Для Бельгіи: Librairie Franco-Russe, S. Feldman, Bruxelles, Avenue Louise, 112.
Для Литвы: M. Z. Lwovič. Lithuanie, Kovno, Loisves aleja, 68.
Для Латвіи: A. Valter, J. Rapa & Co. Riga, Boite Postale Nr. 158. Riga, Lettonie.
Для Румыніи и Бессарабіи: „K. Schechter & Fii“, Chişinău, Roumanie.
Для Сербіи: SHS. Belgrade, книж. магазинъ „Руска Мисао“, Поенкаревя ул. 20.
Для Болгаріи: „Росс.-Болгарское книгоизд-во“, Софійскій Банкъ. Sophia, Bulgarie.
Въ Вѣнѣ: Russische Buchhandlung „Jacub Persky“, Wien VII, Mechitharistengr. 4.
Въ Данцигѣ: W. Neumann, „Negropont“, Ostsee-Schwarzmeer-Gesellschaft, Danzig, Elisabethwall, 9.

УЧЕБНИКИ ДЛЯ РУССКИХЪ ШКОЛЪ:

„НОВАЯ НАРОДНАЯ ШКОЛА.“ Первая послѣ букваря книга. (Съ иллюстр.) . . . . . кр. ч. 24·—
»COURS PRATIQUE DE LANGUE FRANÇAISE«, Méthode Chancel et Glaeser.
Pour la 1—2me année 1-я ч. . . . . 24·—
Pour la 3—4me année 2-я ч. . . . . 24·—
François Coppée: »CONTES CHOISIS«. Со словаремъ и объясненіями. — Для чтенія, школъ и самообразованія . . . . . 18·—
Большой ФРАНЦУЗСКО-РУССКІЙ СЛОВАРЬ.
DICTIONNAIRE FRANÇAIS RUSSE. Par A. Elaguine, Prof.
Совершенно новое изданіе по Макарову и Larousse, съ обновл. техн. терминол. 900 стр. (paraîtra prochainement).
СЛОВАРИ изданія J. Otto:
Словарь чешско-французскій. Prof. Dr. J. Herzer. 705 страницъ мал. разм., въ перепл. . . . . 45·—
Словарь французско-чешскій. Prof. Dr. J. Herzer. 600 страницъ мал. разм., въ перепл. . . . . 40·—
Русско-чешскій словарь. Б. Морковинъ. 775 стр. мал. размѣра 77·—
Словарь Чешско-нѣмецкій и Нѣмецко-чешскій. Въ перепл. . . 24·—
Имѣются также большіе **словари англ., франц. и нѣмецко-чешскіе.**

ИЗБРАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

I. Серія. **Для старшаго возраста.**

Л. Н. Толстой, А. С. Пушкинъ, В. Г. Короленко, А. Чеховъ, Скиталецъ, Н. В. Гоголь, И. С. Тургеневъ.

II. Серія. **Для средняго возраста.**

Л. Н. Толстой, Ѳ. М. Достоевскій, А. П. Чеховъ, М. Н. Богдановъ, Д. В. Григоровичъ, В. М. Гаршинъ, В. И. Немировичъ Данченко, И. А. Крыловъ, В. Д. Сиповскій, И. С. Тургеневъ, С. Т. Аксаковъ, Н. В. Гоголь.

Сборникъ стихотвореній Извѣстныхъ русскихъ поэтовъ (Антологія.) 506 стр. . . . . кр. ч. 40·—
Д. С. Мережковскій: „Царевичъ Алексѣй“. Трагедія въ 5 дѣйств. 12·—
Л. Н. Толстой: „Воскресеніе“. Полное изданіе . . . . . 36·—

J. OTTO, ÉDITEUR. PRAGUE, TCHÉCOSLOVAQUIE.

Живностенскій Банкъ
въ Прагѣ.

Правленіе: Прага,Říkopy 30. Телефонъ 6720-32.

Акціонерый капиталъ: Кч. 200,000.000·—. Запасный и страховой фонды: Кч. 113,696.289·53.

Главное отдѣленіе: Прага V, Королевскіе Виноградъ, Уголъ Гавличковой ул. и Тылова нам. 13.

Отдѣленія: Млада Болеславъ, Братислава, Брно, Нѣмецкій Бродъ, Чешскія Будейовице, Ходонинъ, Градецъ Королевы, Ихлава, Клатовы, Колинъ, Кошице, Либерецъ (Рейхенбергъ), Мельникъ, Оломуцъ, Моравска Острава, Пардубице, Писекъ, Пильзенъ, Простѣовъ, Таборъ, Теплицъ, Тріестъ, Устье н. Э., Карловы Вары (Карлсбадъ); Вѣна I, Херренгассе 12. Экспозитура Тріестскаго отдѣленія въ Опатіи (Opatiji).

Производитъ всевозможныя торговыя операціи какъ въ Чехословакіи, такъ и заграницей.

Вышелъ и поступилъ въ продажу второй номеръ ежемѣсячнаго критико-библіографическаго журнала

НОВАЯ РУССКАЯ КНИГА

подъ редакціей проф. А. С. Ященко. Издательство И. П. Ладыжникова.

Содержаніе: Статьи Бориса Пильняка „Нашъ заказъ", Георгія Лукомскаго „Итоги и задачи русской художественной дѣятельности за границей", Давида Бурлюка „Литература и художество въ Сибири и на Дальнемъ Востокѣ" (1919—1922), Ю. Геккера „По книжнымъ лавкамъ Москвы" и др. — Рецензіи. — Книгоиздательская хроника. — Судьба и работы писателей. — Писатели о себѣ. — Пресса. — Книжная лѣтопись.

Цѣна номера 25 марокъ. Для странъ съ высокой валютой цѣна повышается на 100%.

Адресъ редакціи: Berlin W. 50, Augsburger Straße 33.
Адресъ конторы: Berlin W. 50, Rankestraße 33.

LA CAUSE COMMUNE

„ОБЩЕЕ ДѢЛО"

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: (во франкахъ)

	1 м.	3 м.	6 м.	1 г.
Франія и Бельгія	8	22	40	75
Друг. стр.	10	27	50	90

Ежедневная Газета.

Редакторъ-издатель В. Л. БУРЦЕВЪ.

РЕДАКЦІЯ И ГЛАВНАЯ КОНТОРА: *142, Rue Montmartre, 142, Paris.*
Тел.: Louvre 36·51. Телегр. адр.: Bourtzeff-Paris.

ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ И ОБЪЯВЛЕНІЙ
съ 10 до 12 утра и съ 2½ до 6 час. дня ежедневно, кромѣ праздниковъ.

Отдѣленіе редакціи и конторы въ Чехословакіи: Praha II., v Jámě, č. 1., b. VIII.

АКЦІОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

раньше

ЗАВОДЫ ШКОДА

(соединенные съ „Соединенными Машиностроительными Заводами, акціонерное общество, бывшіе Шкода, Рустонъ, Бромовскій и Ринггофферъ“).

Главное Управленіе:

ПРАГА-СМИХОВЪ

Чехословацкая республика.

Заводы въ Пильзенѣ, Доудлевцѣ, Ниржанахъ, Градцѣ Королевы и Смиховѣ.

ВЫВОЗЪ ВО ВСѢ СТРАНЫ!

- Необработанныя, полуобработанныя и вполнѣ обработанныя части изъ стали и изъ сѣраго чугуна, поковки самыхъ большихъ размѣровъ и вѣса для всякаго рода промышленности, желѣзныхъ дорогъ, шахтъ, судоходства, равно какъ для сельскохозяйственныхъ надобностей.
- Отливки изъ всякаго рода металловъ и изъ электростали.
- Зубчатыя колеса („Цитроенъ“, „Маагъ“ и др.), рессоры всевозможныхъ видовъ и сортовъ, инструменты, наковальни и т. д.
- Желѣзныя конструкціи и краны для всевозмож. цѣлей.
- Паровые котлы разныхъ системъ.
- Локомотивы и тендеры для различныхъ ширинъ пути.
- Двигатели паровые, газовые и нефтяные разныхъ системъ и конструкцій, холодильн. и ледотворныя машины.
- Обрабатывающія машины, гидравлическіе прессы, паровые молоты, дробилки, компрессоры для воздуха, подвижныя автомобильныя мастерскія, тракторы, моторные и паровые плуги, бензинные локомобили и шоссейные катки.
- Сепараторы для молока „Либелла“. Типографскія машины и т. д., и т. д.
- Полное механическое оборудованіе заводовъ: сахарныхъ, рафинадныхъ, дистиллировочныхъ, мыловаренныхъ, пивоваренныхъ, сушиленъ, солодовень, холодильниковъ, ледниковъ, скотобоенъ, шахтъ, рудниковъ и желѣзопрокатныхъ заводовъ, верфей, арсеналовъ, равно какъ морскихъ судовъ и рѣчныхъ пароходовъ, электр. центральныхъ станцій и т. д. и т. д.

Проспекты и смѣты по требованію.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
ПЕТРА СТРУВЕ

КНИГА III.

ПРАГА
1922

Типографія „Политика“ въ Прагѣ.

Стихотвореніе.

Раскрыла осень влажные глаза,
Не нашъ, не нашъ осенній взглядъ.
Въ парчѣ — рубинъ, смарагдъ и бирюза.
Не нашъ, не нашъ ея нарядъ.

Нестройный буйный звонъ колоколовъ.
Не нашъ, не нашъ протяжный звонъ.
На небесклонѣ — горы — станъ орловъ.
Не нашъ, не нашъ и небесклонъ.

Кому тамъ гробъ сосновый мастерятъ?
Не нашъ, не нашъ тяжелый гробъ.
Кому молитву спѣшную творятъ?
Не нашъ, не нашъ дьячекъ и попъ.

Вотъ кто то бросилъ комъ земли, какъ встарь.
Не нашъ, не нашъ тотъ комъ земли.
Зарывъ, ушли могильщикъ и звонарь.
— Не нашъ, не нашъ, — сказавъ, ушли.

А. Ѳедоровъ.

Опустошенная душа.

(Исповѣдь.)

(Окончаніе.)

Помню послѣднюю встрѣчу съ Богомъ...

Мнѣ было лѣтъ двѣнадцать отъ роду, когда срокъ нашей ссылки окончился, и намъ разрѣшили переѣхать на жительство въ городъ Екатеринбургъ.

Послѣ нашего маленькаго и грязненькаго городка, гдѣ было больше заборовъ, чѣмъ домовъ, и собакъ больше, чѣмъ жителей, Екатеринбургъ мнѣ показался такимъ-же огромнымъ, величавымъ и загадочнымъ, какимъ кажется Петербургъ впервые пріѣхавшему въ него провинціалу. Бѣлый, нарядный, шумливый городъ, съ красивымъ озеромъ, надъ которымъ высокій каменный мостъ съ чугунными рѣшетками. Озеро въ рамкѣ зеленыхъ садовъ и лѣса. По вечерамъ на немъ огни, лодки, хоровое пѣніе. Изъ прибрежнаго общественнаго сада несется и плаваетъ надъ водою оркестровая музыка... Все ново, красиво, интересно! Меня обстригли и принарядили. Стали напоминать о приличіяхъ, отучать отъ грубыхъ словъ и жестовъ, къ которымъ я привыкъ уже и которыхъ какъ-то не замѣчали раньше сами родители. И папа съ мамой прифрантились. Точно вся жизнь сразу по другому пошла...

Наняли семинариста въ репетиторы, чтобы подготовить меня въ гимназію. Папѣ съ мамой заниматься со мной было теперь некогда: папа самъ готовился къ экзамену, — изучалъ разныя права, чтобы сразу сдать экстерномъ за весь юридическій факультетъ. Мама читала лекціи по естествознанію въ какихъ-то „кружкахъ самообразованія.“ Впрочемъ, для своихъ лѣтъ я зналъ по всѣмъ предметамъ куда больше, чѣмъ это требовалось по программѣ для поступленія во второй классъ, и единственное слабое мѣсто мое былъ „Законъ Божій.“ Папа съ мамой не захотѣли „возиться“ сами съ Закономъ Божіимъ и пригласили репетитора.

Семинаристъ пощупалъ мои знанія по всѣмъ предметамъ и вынесъ такое заключеніе:

— Великолѣпно, кромѣ, однако, Закона Божія! Тутъ — вродѣ какъ иновѣрецъ!

Мама весело засмѣялась.

— Да, да... иновѣрецъ! Но это пустяки: онъ мальчикъ способный и въ два мѣсяца постигнетъ въ совершенствѣ всю эту „поповскую премудрость.“

— Конечно, терпѣніе и трудъ, какъ говорится, все перетрутъ, а я со своей стороны приналягу!

— Съ вашей помощью онъ одолѣетъ эту премудрость!

Сошлись и поладили. И вотъ я снова предъ лицомъ ниспровергнутаго родителями Бога!

Молитвы на малопонятномъ языкѣ, съ трудными для произношенія и запоминанія словами, были прямо моей каторгой. Долбилъ, какъ попугай, злился, приходилъ въ бѣшенство и кричалъ мамѣ:

— Не могу я запомнить эту ерунду!

— А тогда не поступишь въ гимназію!

А поступить мнѣ такъ хотѣлось! Поднимаю брошенный молитвенникъ и снова начинаю долбить.

За то „Ветхій Завѣтъ“ идетъ, какъ по маслу. Для меня это — сказки! Разсказываю съ усмѣшечкой. Хохочу, приготовляя заданный репетиторомъ урокъ:

— Мама! Мама! Вотъ ерунда! Послушай: китъ проглотилъ человѣка!

— Ну, такъ что-же тутъ...

— Да у кита такой маленькій ротъ, что онъ человѣка не можетъ проглотить!

Мама даже сконфузилась: естественница, а не знаетъ этого! Я ее стыжу.

— Должно быть, не китъ, а акула! — говоритъ мама, улыбаясь.

Я не могу успокоиться, бѣгу съ этимъ открытіемъ въ кабинетъ къ папѣ:

— Какая ерунда, папочка, напечатана!

— А что именно?

— Китъ человѣка проглотилъ!

— Ну, такъ что-же?

— Да ты развѣ не знаешь, что у кита очень маленькое отверстіе — глотка?

Папа разсердился, обидѣлся, что я знаю, а онъ — нѣтъ:

— Учи, какъ напечатано. Не твое дѣло! Китъ, такъ китъ. Если бы было напечатано, что Іона кита проглотилъ, — говори, что Іона проглотилъ кита. Не лѣзь ко мнѣ съ пустяками! У тебя есть репетиторъ...

Вотъ тоже съ Навуходоноссоромъ: превратился въ звѣря, а въ какого — не сказано.

— Мама! Въ какого звѣря превратился Навуходоноссоръ?

— Развѣ тамъ не сказано? — недовольно спрашиваетъ мама. — Я забыла... Спроси у папы!

— Папа не велитъ спрашивать...

— Ну, вотъ придетъ репетиторъ и спросишь!

— Онъ тоже ничего не понимаетъ! Вретъ онъ все... Я его спросилъ про Іону съ китомъ, а онъ споритъ: говоритъ, что не акула, а китъ. Я принесъ ему Брема и показалъ. А онъ чешетъ за ухомъ и говоритъ: киты тогда были огромные, какъ горы, и въ ротъ киту могъ проѣхать цѣлый пароходъ! Ерунда какая...

Однако къ репетитору я всетаки обратился, искусилъ его: говорю, что Навуходоноссоръ превратился въ корову. А онъ:

— Не сочиняй!

— Ну, въ лошадь!

— Не сочиняй! Въ звѣря, въ хищнаго звѣря!

— Это невѣрно напечатано.

— Нѣтъ, вѣрно...

— Если ѣлъ траву, значитъ — животное травоядное и жвачное. Ага!

Репетиторъ покраснѣлъ и сказалъ, что надо отвѣчать — „въ звѣря," а въ какого не говорить...

Не воспламеняли меня прекрасныя повѣствованія Библіи. Не будила уже ихъ красочная поэзія моей фантазіи, какъ и сказки. Не вѣрилъ я больше въ ихъ правду. Запоминалъ легко, а разсказывалъ съ улыбочкой, обращаясь за-панибрата съ библейскими героями, критиковалъ ихъ поведеніе и поступки, уличалъ въ невѣжествѣ; пророкъ Елисѣй — злой и глупый старикъ, потому что связался съ глупыми мальчишками и напустилъ на нихъ медвѣдицу; Навинъ не могъ остановить солнца, потому что движется не солнце, а земля и т. п.

Съ большимъ интересомъ и почтеніемъ училъ я „Новый Завѣтъ," гдѣ снова встрѣтился съ скорбной повѣстью Голгофы. Хотя я уже не вѣрилъ, что Христосъ воскресъ изъ

мертвыхъ, но развѣ, даже при этомъ невѣріи, можно было оставаться равнодушнымъ къ этой величайшей изъ трагедій? Помню, что я горько плакалъ, читая „Страсти Христовы“ и мнѣ было жалко не вѣрить, что Христосъ воскресъ. Такъ хотѣлось вѣрить въ это свѣтлое чудо воскресенія!...

Осенью сдавалъ экзамены въ гимназію. Поразилъ всѣхъ учителей своей „образованностью“ и начитанностью, особенно по географіи, куда я приплеталъ свои познанія по астрономіи, ботаникѣ и зоологіи. Однако по „Закону Божьему“ сконфузился: молитвы на разныя случаи жизни перепуталъ, „Вѣрую“ зналъ не достаточно твердо, а главное — разсердилъ батюшку неумѣніемъ себя держать:

— Не улыбайся и не тычь руками! Ты Слово Божіе разсказываешь!

И всетаки меня приняли. Мама дала слово батюшкѣ, что всѣ недочеты будутъ исправлены подъ руководствомъ семинариста, репетитора, въ теченіе мѣсяца...

Помогла-ли мнѣ гимназія возвратиться къ Богу?

Нѣтъ. Она только еще болѣе отдалила меня отъ Божества и помогала моему невѣрію и поверхностному атеизму, привитому мнѣ въ домѣ родительскомъ. Государственнымъ воспитаніемъ дѣлалось все, чтобы отталкивать насъ отъ Бога, религіи и церкви. Прежде всего это дѣлалось насиліемъ надъ дѣтской совѣстью, насиліемъ въ самой примитивной, грубой формѣ. Угрозами и наказаніями насъ заставляли ходить въ церковь, гдѣ за нами шпіонили надзиратели, и чѣмъ иногда не брезговалъ самъ батюшка. Потомъ — насъ заставляли одинаково вѣрить въ Ветхій и Новый Завѣты, одинаково чтить и ветхозавѣтнаго Бога мести и новозавѣтнаго Бога любви и всепрощенія. Заставляли лицемѣрить: не признаваться въ сомнѣніяхъ, когда онѣ появлялись. За такія сомнѣнія только наказывали и грозили исключить изъ гимназіи. Требовали долбить тексты, выучить „отъ сихъ до сихъ“, представлять свидѣтельство за казенной печатью о томъ, что говѣлъ, пріобщался и вообще всѣ недоимки Богу взнесъ полностью. Если вся эта фальшивая внѣшность, полная казеннаго лицемѣрія, была въ порядкѣ, значитъ ты — истинный христіанинъ и больше отъ тебя ничего не требуется. Что творилось въ нашихъ молодыхъ душахъ, какіе вопросы и сомнѣнія тамъ вставали, требовали отвѣта и разъясненія — никому не было не только

важно, но даже интересно! Ни дома, ни въ гимназіи. Такое отношеніе къ Богу и религіи, конечно, лишь профанировало религіозное чувство, ибо насъ молча пріучали обманывать Бога и фарисействовать и лицемѣрить. Такъ какъ нехожденіе къ обѣднѣ и всенощной грозило наказаніями, оставленіемъ въ классѣ на второй годъ, а иногда и исключеніемъ изъ гимназіи, то гимназисты старались въ церкви прежде всего лѣзть на глаза батюшкѣ и шпіонящему начальству. Показавшись имъ на глаза, уходили. Записавшись въ какой-нибудь церкви въ „списокъ исповѣдующихся", не говѣли и не причащались, а выправляли свидѣтельство за печатью и представляли этотъ подложный документъ своему начальству.

Этотъ условный казенный Богъ гимназіи даже религіозныхъ мальчиковъ отталкивалъ отъ церкви и религіи, а такихъ, какъ я, только утверждалъ въ родительскомъ поученіи, что „Богъ и попы придуманы для того, чтобы держать въ страхѣ и повиновеніи вѣрующихъ дураковъ"!...

Однажды я сдѣлалъ попытку искренно подѣлиться съ законоучителемъ своими сомнѣніями и потомъ горько раскаялся и закаялся...

— Батюшка! Вотъ тутъ мы споримъ... Въ сотвореніи міра сказано, что Богъ сначала сказалъ „Да будетъ свѣтъ!," а потомъ сотворилъ солнце, луну и звѣзды!

Батюшка сразу вскипѣлъ:

— О чемъ-же вы, болваны, спорите?

— Значитъ, солнца не было, а свѣтъ былъ? Откуда-же былъ свѣтъ?

— Вотъ что... Пошелъ-ка ты, нигилистъ, вонъ изъ класса... да останься послѣ уроковъ на три часа безъ обѣда! Посидишь да подумаешь, — авось, поймешь, что для Бога нѣтъ ничего невозможнаго...

Ну, развѣ возможна при такомъ взаимоотношеніи какая-нибудь искренность предъ тѣмъ, кто долженъ быть „отцомъ духовнымъ"?

А вотъ еще вопросъ вамъ, отцы духовные!

Новый Завѣтъ Христа даетъ заповѣдь любви и всепрощенія: „любите даже враговъ своихъ!" А Богъ гнѣва и мести Ветхаго Завѣта наказываетъ евреевъ за то, что они, пожалѣвъ дѣтей, не истребили поголовно всѣхъ аммонитянъ, какъ онъ повелѣлъ имъ. Насъ заставляли съ одинаковымъ благо-

говѣніемъ относиться къ этимъ разнымъ по существу Богамъ и одинаково видѣть справедливость и въ жалости, любви и состраданіи къ ближнему и въ страшной жестокости къ нему. Великое смущеніе рождало это въ нашихъ дѣтскихъ душахъ, ибо создавало тамъ непримиримую логическую и сердечную раздвоенность... Нельзя возсоединить любовь съ ненавистью, милосердіе съ жестокостью! Вотъ у меня теперь рождается желаніе спросить васъ, отцы духовные... Неужели пострадалъ бы престижъ Господа Бога, если бы вы сказали намъ, дѣтямъ: „Человѣкъ не можетъ постигнуть существо Бога, хотя извѣчно стремился и стремится къ этому. Въ этихъ своихъ тщетныхъ стремленіяхъ человѣкъ не можетъ подняться выше доступнаго ему познанія съ помощью своихъ несовершенныхъ чувствъ и мозга и потому на представленіи людей о Богѣ всегда лежитъ печать человѣческой безпомощности“?

Неужели такъ же пострадалъ бы престижъ Господа Бога, если бы вы сказали намъ, дѣтямъ, что Библія есть прекрасная книга, въ которой правда жизни перемѣшана съ прекрасными сказками и легендами древности?

Вѣдь, я — христіанинъ и для меня истина не въ Библіи, а въ Евангеліи. Какъ я могу одинаково чтить и вѣрить Библіи и Евангелію, когда одна говоритъ мнѣ — „Око за око и зубъ за зубъ“, а другое требуетъ ударившему меня по одной щекѣ подставить для удара и другую?

Множество такихъ вопросовъ вставало въ нашихъ отроческихъ головахъ, но насъ заставляли ихъ таить въ себѣ, прятать отъ васъ и отъ людей, лгать и притворяться, что мы во все вѣримъ и ни въ чемъ не сомнѣваемся.

* * *

Вотъ вспомнилась одна исторія изъ гимназической жизни, поучительная и многознаменательная...

Хотя нашъ батюшка былъ очень строгъ съ нами по части знанія всѣхъ заповѣдей Стараго и Новаго Завѣтовъ, но невсегда показывалъ намъ примѣръ ихъ почитанія. Вопреки заповѣди Господа „Нѣсть бо эллинъ и іудей“ онъ ненавидѣлъ евреевъ, называлъ ихъ не иначе, какъ „жидами“ и при всякомъ случаѣ публично, предъ всѣмъ классомъ, свидѣтельствовалъ это словомъ своимъ. Однажды одинъ мальчуганъ спросилъ его:

— Батюшка! А въ исторіи Ветхаго Завѣта все про жидовъ говорится...

— Про народъ израильскій!

— Жиды-же?

— Тамъ былъ „народъ избранный Богомъ“... Жидами стали послѣ того, какъ Христа распяли. „Кровь Его на нихъ и на дѣтяхъ ихъ!“ Сами они этого пожелали...

Кто владѣлъ устами батюшки: Богъ любви и всепрощенія или Богъ мести?

И что онъ проповѣдывалъ намъ? Библію или Евангеліе?

И вотъ что случилось среди насъ, учениковъ его.

Дѣло происходило въ концѣ Великаго поста. У насъ въ классѣ учился тихій мальчикъ-еврей, Мотя Кругель, сынъ часовщика. Учился хорошо, но говорилъ съ акцентомъ, почему классъ нерѣдко смѣялся, когда Мотю вызывали къ доскѣ отвѣчать урокъ. И рѣчь и ужимки смѣшили насъ. Однако, Мотя уже привыкъ къ этому и давно пересталъ обижаться. У евреевъ начиналась пасха, а у насъ шла еще шестая недѣля поста. Мотю по случаю ихъ пасхи отпустили домой и онъ укладывалъ книги въ ранецъ, чтобы уйти изъ гимназіи. Подошелъ инспекторскій сынъ и сталъ его вышучивать:

— И сказите, поцему ви уходите себѣ?

— У насъ-зе пасха!

— Сказите! А у насъ великій постъ. У насъ теперь скоро будутъ жиды Христа распинать, а ви рады: у васъ пасха? Ну, а если я вамъ дамъ въ морду по случаю вашей пасхи?

Не помню подробностей. Сказалъ-ли что-нибудь Мотя, оттолкнувъ приставшаго къ нему гимназиста, или былъ иной поводъ, но дѣло кончилось тѣмъ, что Мотя дѣствительно получилъ въ морду. Вышелъ большой скандалъ. Мотя ревѣлъ и, обращаясь ко всему классу, взывалъ къ справедливости:

— Ви-же всѣ видѣли! За что? И что я ему сдѣлалъ?

Намъ было жалко Мотю. Мы всѣ были на его сторонѣ. Но обидчикъ крикнулъ:

— Такъ вашъ Богъ велитъ! Око за око и зубъ за зубъ! Вы, жиды, били Христа по щекамъ, значитъ, — получай въ зубы!

— Богъ у всѣхъ людей одинъ! — кричалъ Мотя, отирая окровавленныя губы.

— Врешь! Вы нашего Бога распяли! — раздались крики со всѣхъ сторонъ.

— Но я совсѣмъ не виноватый... Какое мнѣ дѣло до вашего Христа?

— Ловкій! А что жиды говорили, когда кричали „распни его“? Кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ...

Крикъ, слезы, хохотъ. Мы всѣ были уже на сторонѣ побившаго Мотю... Появился класный наставникъ и приступилъ къ разбирательству происшествія. Онъ допрашивалъ Мотю, инспекторскаго сына и все время улыбался. Мы понимали, что онъ въ душѣ своей одобряетъ расправу надъ Мотей.

— Вѣроятно, онъ смѣялся надъ Христомъ? — спрашивалъ онъ, обращаясь къ классу.

— Онъ говорилъ — наплевать мнѣ на вашего Христа!

— Я говорилъ „какое мнѣ дѣло до вашего Христа“... У меня-же своя вѣра...

— Ну, братецъ, это все равно... Такъ оскорбительно отзываться о Христѣ...

Дѣло разбиралось въ педагогическомъ совѣтѣ; тамъ выяснилось, что Кругель кощунственно порицалъ Христа, что и вызвало вполнѣ естественный отпоръ со стороны религіозно-настроенныхъ дѣтей. Мотя больше въ классѣ не появлялся, его исключили, а инспекторскій сынъ превратился въ „истинно-вѣрующаго“, и съ той поры нашъ батюшка замѣтно измѣнилъ свое отношеніе къ этому лѣнтяю и началъ ставить ему „пятерки“...

Эта религіозная распря въ классѣ дала пищу для оживленныхъ споровъ въ классѣ на религіозно-моральныя темы. Въ этихъ спорахъ ясно проявлялся хаосъ понятій, раздвоенность души, вызванная именно безсиліемъ мысли и чувства возсоединить Старозавѣтнаго гнѣвнаго и мстительнаго Бога съ Христомъ и его моралью. Но никто не пришелъ къ намъ на помощь!.. Законоучитель, появившись впервые послѣ этой исторіи въ классѣ, когда кто-то попытался спросить его: Богъ ли далъ чрезъ Моисея заповѣдь „Око за око“, махнулъ рукою:

— Сиди на мѣстѣ!

— Мы тутъ споримъ, батюшка, изъ-за Кругеля...

— Не о чемъ спорить! Проучили жиденка и ладно! Иди-ка, отвѣчай урокъ!..

Моя душа долго не могла успокоиться. Я мучился смутно сознаваемой несправедливостью и неправдой, которыя чувствовалъ во всей этой исторіи съ Мотей. Въ моей душѣ былъ тоже хаосъ. Душа искала успокоенія и разрѣшенія... Гдѣ его найти? Въ школѣ только рождали и увеличивали этотъ хаосъ, а дома... Въ нашемъ домѣ эта исторія обсуждалась совсѣмъ въ другой плоскости. Она послужила поводомъ папѣ съ мамой и ихъ друзьямъ лишній разъ заговорить о вредѣ Бога, религіи и національности. Не все я, конечно, понималъ въ этихъ разговорахъ, но суть всетаки схватилъ: боги, религіи и національности порождаютъ вражду между людьми и мѣшаютъ имъ соединиться въ одну дружную семью, поэтому надо сдѣлать такъ, чтобы не было ни христіанъ, ни магометанъ, ни іудеевъ, ни русскихъ, ни нѣмцевъ, ни китайцевъ, а чтобы были просто люди и у всѣхъ была бы одна вѣра — соціализмъ...

* * *

Ни Бога, ни религіи у меня уже не было, но національный инстинктъ былъ еще живъ.

Было время войны съ Японіей. Чрезъ Екатеринбургъ изъ Европейской Россіи лились потоки здоровыхъ солдатъ на театръ военныхъ дѣйствій и потоки раненныхъ и искалѣченныхъ — обратно. Улицы кишмя-кишѣли военными, сестрами милосердія, фургонами съ ранеными, проходившими къ вокзалу съ музыкой эшелонами. Бѣлые флаги съ красными крестами рѣяли надъ множествомъ домовъ. Гимназисты были охвачены патріотическимъ подъемомъ: сбирали деньги, бѣгали на станцію провожать и встрѣчать воиновъ, ходили по лазаретамъ, запоемъ читали газеты и телеграммы. Насъ пугалъ ужасъ войны, съ его массовымъ истребленіемъ и калѣченіемъ людей, но мы проникались чувствомъ восторженнаго умиленія предъ солдатами и офицерами, отправлявшимися на войну, и чувствомъ глубочайшаго состраданія къ раненымъ и искалѣченнымъ. Я трепетно радовался нашимъ побѣдамъ и страшно огорчался пораженіями и неудачами. Невидимо носилъ я въ душѣ своей гордость великаго народа и любовь къ своей великой родинѣ...

И никакъ я не могъ тогда понять, почему папа съ мамой и всѣ наши друзья чувствуютъ совсѣмъ напротивъ...

— Папа! Сегодня у насъ въ гимназіи подписка для раненыхъ нашего гимназическаго лазарета. Дай денегъ!

— А фигу съ масломъ хочешь?

Не даетъ папа денегъ. На мое недоумѣніе онъ отвѣчаетъ:

— На такое дѣло я не дамъ ни копѣйки! Я не признаю войны и не воюю!

— Ты не воюешь, а Россія воюетъ. Неужели тебѣ не жалко раненыхъ солдатъ?

— Это не мое дѣло. За кого воевалъ, тотъ пусть жалѣетъ и денегъ даетъ!

— Но они, папа, сражались за насъ, русскихъ!

— Я ихъ не просилъ за меня сражаться. Пусть платятъ тѣ, за кого они, дураки, шли на смерть! Убирайся! Ни гроша не получишь...

— Какъ-же такъ...

Это былъ ударъ дубиною по моей головѣ и по душѣ, которыя еще хранили предразсудокъ національнаго инстинкта! Не могу вмѣстить. Бѣгу и жалуюсь матери на папу:

— Прогналъ, разсердился, не далъ... Они сражались за насъ, а ему жалко...

Мама поморщилась, дала рубль и сказала:

— Только не говори папѣ, — разсердится!

— Почему? У насъ всѣ даютъ. По три, по пяти рублей даютъ, а Егоровъ внесъ двадцать пять рублей...

— Какой Егоровъ? машинально спрашиваетъ мама.

— А вотъ магазинъ-то, гдѣ ты покупаешь...

— Ну, пускай буржуи и даютъ! Мы, соціалисты, не должны поддерживать эту войну: ее затѣяли царь съ буржуями.

— Значитъ, пусть, солдаты домой изъ лазарета оборванные идутъ?

— Пусть! Въ другой разъ умнѣе будутъ: откажутся воевать.

— Мамочка! Но вѣдь тогда насъ побѣдятъ японцы!

— Тѣмъ лучше!

Ничего не понимаю! Прислушиваюсь къ разговорамъ про войну въ нашемъ домѣ и теряюсь окончательно: всѣ радуются, когда насъ, русскихъ, побѣждаютъ, и недовольны, когда побѣждаемъ мы, русскіе...

— Мамочка! Какъ-же такъ?

Мама вразумляетъ меня, глупаго:

— Помогать войнѣ и радоваться нашимъ успѣхамъ — значитъ одобрять вражду народовъ и помогать царю съ буржуями сидѣть на шеѣ народа...

— Но если насъ всегда будутъ побѣждать японцы, то они перебьютъ очень много русскаго народа. Неужели тебѣ не жалко?

— А если будутъ побѣждать русскіе, то перебьютъ очень много японцевъ. Почему тебѣ жаль русскихъ, но не жаль японцевъ?...

— Потому что я — русскій, мамочка! Мнѣ хочется, чтобы побѣждали русскіе!

— Почему? Объясни! Японцы — такіе-же люди, какъ и мы...

— Я не знаю, почему... Просто хочется! Русскихъ жалко, а японцевъ — нѣтъ...

— Вотъ это-то и скверно. Тебѣ не жаль японца, японцу не жаль тебя. Вотъ люди и убиваютъ другъ друга. Это глупая жалость. Людей на землѣ много, всѣхъ не перебьешь. Для соціалиста не должно быть ни русскихъ, ни японцевъ, а только человѣчество. Пораженіе Россіи будетъ пораженіемъ враговъ соціализма, царя и буржуевъ, и мы должны желать не побѣды, а пораженія. Понялъ?

Такъ дошла очередь до послѣднихъ уцѣлѣвшихъ еще въ моей душѣ сказокъ: о любви къ отечеству и національной гордости! Я не знаю, какъ, когда и кто разсказалъ мнѣ эти сказки. Не помню, чтобы раньше, въ раннемъ дѣтствѣ, кто-нибудь говорилъ мнѣ объ отечествѣ и національности, какъ о положительныхъ народныхъ цѣнностяхъ. Очевидно, это были просто инстинкты, съ которыми рождается на свѣтъ современный культурный человѣкъ. И вотъ теперь эти инстинкты внезапно проснулись во мнѣ, разбуженные угрозою для національно-государственнаго бытія моего русскаго „я". Мнѣ безотчетно хотѣлось, чтобы побѣждали русскіе, и на нихъ же всецѣло направлялось мое чувство симпатіи и состраданія. Въ моей душѣ внезапно ожили животворящія сказки, сотворившія мое огромнѣйшее сказочное царство-государство, сыномъ котораго я родился... Но вѣдь для моихъ умныхъ, всезнающихъ папы съ мамой этотъ инстинктъ народнаго самосохраненія былъ только пережиткомъ исторіи и буржуазнымъ предразсудкомъ!

А вѣдь папа съ мамой — мои единственные боги на землѣ и на небѣ! Приходили друзья, ссыльные политики, и теперь въ домѣ часто шли разговоры о войнѣ, о Россіи и о томъ, что съ нею будетъ, когда ее побѣдятъ японцы...

Среди ссыльныхъ женщинъ были такія, у которыхъ, видимо, какъ и у меня, подростка, пробудился врожденный инстинктъ національнаго самосохраненія и потому иногда начинались горячіе споры именно на ту самую тему, которая не давала мнѣ покоя и заставляла меня надоѣдать родителямъ своей „глупой жалостью". Эти немногія женщины начинали противорѣчить папѣ, и тогда онъ начиналъ горячиться и произносилъ цѣлыя рѣчи. Ходилъ крупными шагами по комнатѣ, курилъ, вскидывалъ волосами на головѣ и говорилъ громко, отчетливо, точно читалъ по книгѣ и диктовалъ, какъ учитель въ классѣ. И всѣ стихали и слушали, потому что папа былъ у нихъ — самый главный и ученый, писалъ статьи и посылалъ ихъ за границу.

Какъ сейчасъ помню эту картину. Помню даже содержаніе папиныхъ рѣчей, вѣроятно, потому, что отецъ и послѣ, когда я былъ уже студентомъ, повторялъ эти рѣчи почти слово въ слово одинаково.

— Что такое это пресловутое „отечество"? Мужикъ бьетъ свою бабу до полусмерти — это мое отечество, валяется мертвецки пьяный въ канавѣ, какъ свинья — это мое отечество, земля стоитъ на трехъ китахъ — это мое отечество. Илья пророкъ катается по небу въ огненной колесницѣ — мое отечество. Винная монополія, квасъ, самоваръ — мое отечество. Произволъ, насиліе надъ мыслью и совѣстью, охранка, тюрьмы, висѣлицы — мое отечество. Вы желаете любить и защищать это отечество?

— Нѣтъ, но развѣ только въ этомъ и видите вы...

— Отечество есть собраніе суевѣрій, предразсудковъ и глубочайшаго невѣжества, унаслѣдованныхъ народомъ отъ предковъ и совершенно ненужныхъ и даже вредныхъ для человѣчества! Любить отечество значитъ любить свои собственныя болячки!

Женщины начинали поддаваться рѣзкому и образному слову папы, возражали тихо, неувѣренно, говоря о прекрасномъ русскомъ языкѣ, о русской душѣ, о народномъ творчествѣ, о Пушкинѣ, о Глинкѣ, Гоголѣ и Достоевскомъ...

— Достоевскій! Этотъ пасквилянтъ и юродивый ретроградъ можетъ быть предметомъ вашей гордости?

Женщины смолкали. Только одна еще пищала изъ угла:

— Всетаки мы — русскіе... У всѣхъ народовъ есть національность...

Папа уже не слушалъ. Онъ кричалъ:

„Къ черту всѣ эти переговорки, разъединяющія человѣчество по отечествамъ, религіямъ, національностямъ! У насъ, соціалистовъ, не должно быть родины! Наша родина всюду, гдѣ свѣтятъ звѣзды! Человѣчество — вотъ единственное наше отечество. Пора выбросить въ помойную яму всѣ эти сентиментальныя сказки феодализма! Онѣ — какъ гири на ногахъ соціализма...

Папа всѣхъ переговорилъ. Наступаетъ общее молчаніе. Я любуюсь папой, который побѣдоносно ходитъ по комнатѣ, и думаю: „какой умный у меня папочка: всѣхъ побѣдилъ!“ А папа походилъ, швырнулъ окурокъ папиросы и произнесъ:

— Если японцы насъ поколотятъ, — это будетъ величайшее счастіе!

— Для кого? — пугливо, чуть слышно, спрашиваетъ женскій голосъ изъ уголка.

— Для всѣхъ и вся! — кричитъ папа — для русскаго народа, для соціализма, для всего человѣчества!.. Да. И для насъ съ вами, Марья Петровна!

— Ну, а для тѣхъ, которые убиты или искалѣчены? — еще пугливѣе и тише спрашиваетъ Марья Петровна...

Тутъ я настораживаюсь всей душой. Она, моя душа, разрывается пополамъ: съ одной стороны, она чувствуетъ какую-то правду въ чувствахъ Марьи Петровны, а съ другой — гордость за папу и увѣренность, что вотъ папа сейчасъ что то скажетъ, и правда Марьи Петровны и моя съ ней — будутъ окончательно побѣждены... Такъ и есть! Опять говоритъ папа:

— Кто убитъ — мертвъ, ему все равно. Даже лучше, чѣмъ искалѣченному. Что касается искалѣченныхъ, такъ отъ войны ихъ останется горсточка въ сравненіи съ тѣми милліонами, которые калѣчатся тѣлесно и духовно на фабрикахъ буржуазнаго государства. Надо говорить только о живыхъ и о будущихъ поколѣніяхъ, о судьбахъ человѣчества. Поняли, Марья Петровна?

— Поняла! — виновато говоритъ изъ уголка безтолковая, хотя и очень добрая, Марья Петровна, а папа дѣлаетъ ей выговоръ:

— Вы, Марья Петровна, плохая соціалистка, вы еще пропитаны буржуазнымъ образомъ мыслей и чувствованій. Въ васъ упорно отсиживается христіанскій сентиментализмъ и прочія добродѣтели рабской морали. И въ нихъ вы путаетесь, какъ барышня, впервые надѣвшая платье со шлейфомъ. Обрѣжьте поскорѣе свой буржуазный шлейфъ, Марья Петровна! Иначе васъ придется исключить изъ партіи...

Всѣ весело хохочутъ надъ бѣдной Марьей Петровной. Виновато смѣется и сама она. Покраснѣла. На лбу — капли пота... Мнѣ жалко немножко Марью Петровну, но пусть въ другой разъ не споритъ съ папой, моимъ богомъ!

Марьѣ Петровнѣ неловко. Она подсаживается къ столу и шепотомъ проситъ маму:

— Налейте ужъ и мнѣ чашечку чая!

Мама налила и говоритъ:

— Счастье человѣчества покупается всегда цѣной крови и гибели другихъ людей. Жалость и состраданіе — это фальшивая монета буржуазной соціологіи и морали...

— Вотъ именно! — подтверждаютъ голоса со всѣхъ сторонъ.

Теперь моя душа уже не разрывается: я побѣжденъ папой вмѣстѣ съ Марьей Петровной.

Такіе разговоры бывали теперь часто въ нашемъ домѣ, и я молча принималъ въ нихъ непремѣнное участіе, становясь то на сторону одного, то на сторону другого, и трепетно ожидая, что скажутъ папа съ мамой. Величайшее удовольствіе испытывалъ я, конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда моя ставка выигрывала, т. е. когда папа съ мамой становились въ разговорѣ на сторону того, къ кому я мысленно присоединился.

Конечно, многаго я въ этихъ спорахъ не понималъ, многое понималъ по-своему, но все-же кое-что усваивалъ, потому что не скучалъ, волновался, какъ спорившіе взрослые, и даже порою подавалъ и свой голосъ, восклицая „браво!“, „ну, ужъ!“, „ловко!“ и т. п. Я уже освоился со многими спеціальными словами и выраженіями изъ лексикона родителей и друзей нашихъ. „Буржуазія“, „пролетаріатъ“, „капиталистъ“, „эксплоататоръ“ и даже „прибавочная стоимость“ и „экспро-

пріація“ — это все я уже постигъ и самъ употреблялъ. Труднѣе постигались „соціализмъ и соціализація“ и „интернаціонализмъ“, — тутъ я путался и безпокоилъ маму:

— Соціализмъ, мамочка, это когда всѣ равны и никто никого не эксплоатируетъ... Вѣрно?

— Вѣрно.

— А интер... интер...

— Итернаціонализмъ?

— Да, да!

— Когда ты не русскій, не нѣмецъ, не еврей, а просто человѣкъ!

— Вспомнилъ!.. и когда — не христіанинъ, не татаринъ, не...

— Опять путаешь: не татаринъ, а магометанинъ! Однимъ словомъ — безъ религіи и національности! Человѣкъ — соціалистъ! И больше ничего... На остальное наплевать!

Нечего и говорить, что „республика“ и „революція“ для меня давно уже не требовали никакихъ объясненій. Но было одно слово, которое никакъ не укладывалось въ моей головѣ. Это любимое папино слово — „человѣчество“. Я видѣлъ, что это слово для всѣхъ окружавшихъ меня совершенно ясно, чувствовалъ, что это слово очень значительное, почти страшное и что въ немъ-то именно и кроется вся пружина міра... Огромное, страшное слово, вродѣ какого-то сказочнаго великана! А никакъ не добьешься, что оно такое? Предъ этимъ загадочно-таинственнымъ словомъ, которое звучитъ въ устахъ папы, какъ живое незримое существо, я становлюсь въ тупикъ. Человѣчество! Когда солдаты на вокзалѣ кричали: „здравія желаемъ, ваше превосходительство!“, мнѣ всегда чудилось, что кричатъ не „превосходительство“, а „человѣчество!“

Папа всегда занятъ: читаетъ или пишетъ. Неудобно къ нему приставать съ вопросами, а потомъ и совѣстно признаться, что я не понимаю, что такое „человѣчество“. Мама — другое дѣло! Она рада, когда ее что-нибудь такое спрашиваешь, умное.

— Мамочка! Человѣчество... это значитъ... Что это такое?

— Всѣ люди, какіе живутъ на землѣ и будутъ жить послѣ насъ.

— Значитъ, и буржуи?

Мама морщится... Я улавливаю на ея лицѣ нѣкоторое недоумѣніе.

— Какъ тебѣ сказать... Всѣ люди!... Мы... Значитъ — всѣ, и буржуи... Но потомъ буржуевъ не будетъ. Въ будущемъ человѣчество будетъ одной дружной семьей.

— А какъ-же до тѣхъ поръ? Значитъ — сейчасъ нѣтъ человѣчества?

— Ахъ, какой ты безтолковый! И сейчасъ есть человѣчество, но мы понимаемъ подъ этимъ словомъ всѣхъ самыхъ лучшихъ людей на всемъ земномъ шарѣ...

— А какъ-же съ буржуями?

— Ну, покуда и они... Куда-жъ ихъ дѣнешь?

— А которые будутъ потомъ, а теперь еще не родились, — они тоже человѣчество?

Мама сердится:

— Ты задаешь глупые вопросы, мальчикъ!

— Вовсе не глупые! Вотъ папа говоритъ, что у соціалистовъ отечество въ человѣчествѣ... Въ которомъ? Которое — теперь? Есть у тебя теперь отечество въ человѣчествѣ?... Мама! Есть у тебя теперь отечество въ человѣчествѣ?

— Не понимаю...

Стараюсь объяснить матери, что именно хочется мнѣ понять. Дѣло въ томъ, что мнѣ крѣпко запомнилась любимая папина фраза — „у насъ съ буржуями нѣтъ ничего общаго!“, и вотъ я усиленно добиваюсь узнать, что такое то человѣчество, въ которомъ сокрыто папино и мамино отечество. И теперь — человѣчество, и послѣ будетъ человѣчество.

— Поняла? Человѣчество теперь есть?

— Есть.

— Съ буржуями?

— Ну, да... Но послѣ ихъ не будетъ!

Начинаемъ оба раздражаться...

— Да я знаю, что не будетъ, а теперь есть?

— Ну, такъ что-же изъ этого?

— Значитъ, и у тебя съ папой и у буржуевъ вмѣстѣ?

— Что вмѣстѣ?

— Да человѣчество, въ которомъ — отечество!

— Ну, другъ мой, это выходитъ „сказка про бѣлаго бычка“. У меня начинаетъ голова болѣть. Дай мнѣ отдохнуть! У меня мигрень начинается...

— Сама не понимаешь, а говоришь, что я безтолковый...

— Иди къ папѣ! Надоѣлъ ты мнѣ со своимъ человѣчествомъ и отечествомъ!...

— Ну, и не надо!

Ушелъ, разсердился. Не пошелъ къ папѣ. Сами знаютъ, а объяснить не хотятъ! Проходитъ нѣсколько дней. Дома снова споры и разговоры, и опять то и дѣло упоминаютъ о человѣчествѣ. Надо-же, наконецъ, узнать, что такое это загадочное че-ло-вѣ-че-ство?! Это слово всѣ произносятъ даже какъ-то особенно, громко и протяжно, и никто не споритъ о немъ. Всѣ знаютъ, а разсказать не хотятъ. Точно скрываютъ отъ меня.

Однажды выбралъ удобный моментъ и рѣшился поговорить съ папой.

— Папа! Къ тебѣ можно?

— Можно, голубчикъ. Что скажешь? Задача не выходитъ? Опять алгебра?

— Нѣтъ! Задачи всѣ рѣшилъ... А вотъ человѣчество...

— Какое человѣчество?

Разсказываю папѣ свою муку, жалуюсь, что мама отказалась объяснить. Папа доволенъ. Улыбается, беретъ карандашъ и бумагу, садитъ меня рядомъ за письменный столъ, чертитъ по листу и говоритъ:

— Это, братъ, вродѣ задачи по алгебрѣ. Ты по алгебрѣ уже кое-что знаешь... Такъ вотъ. Пусть русскій народъ будетъ нѣкоторая величина, которую мы назовемъ буквою „a“, французы — „b“, нѣмцы — „c“ и т. д. переберемъ всѣ народы на землѣ. Понятно?

— Понятно.

— Послѣдній по счету народъ назовемъ буквою „n“. Теперь пишемъ: $a+b+c...+n=A$. Такъ вотъ это A, сумма всѣхъ сложенныхъ величинъ, и есть человѣчество. Понятно?

— А мама говоритъ, что и тѣ, которые умерли и тѣ, которые потомъ родятся — тоже человѣчество. А ты считалъ только живыхъ?

— Погоди! Все поймемъ... Это — основная формула человѣчества. Когда твой покойный дѣдушка смотрѣлъ на

эту формулу, то онъ видѣлъ себя въ буквѣ А. Смотримъ мы съ тобой и тоже видимъ себя въ буквѣ А. Мы съ тобой умремъ, а формула останется, и когда тѣ люди, которые родятся потомъ, будутъ смотрѣть на формулу, они тоже будутъ видѣть себя въ буквѣ А. Понятно?

— Понятно! Понятно, папочка! Вотъ теперь другое дѣло, а мама...

Я въ бѣшенномъ восторгѣ: вѣдь я своими глазами вижу букву А, которая изображаетъ человѣчество! Папа любитъ всегда объяснять буквами, и это такъ интересно и понятно!...

— Итакъ, другъ мой, мы имѣемъ человѣчество прошлаго (твой дѣдушка!), человѣчество настоящаго (мы всѣ!) и человѣчество будущаго (неродившіеся!)... Человѣчество прошлаго въ нашихъ заботахъ не нуждается, оно попадаетъ въ руки людей науки, которые, изучая жизнь прошлаго человѣчества, отыскиваютъ правильный путь для насъ...

— Понятно! Понятно!... А мама мямлила-мямлила... А вотъ ты говорилъ, что твое отечество въ человѣчествѣ. Оно, значитъ, въ буквѣ „А“?

— Да.

— А вѣдь въ буквѣ „А“ и буржуи?

Папа расхохотался, погладилъ меня по головѣ и сталъ объяснять всѣ секреты своей формулы человѣчества.

— Но это формула простая, схематическая... Разовьемъ ее дальше!

— Ахъ папочка, какъ интересно!

— Каждый человѣкъ состоитъ изъ двухъ частей: разумной, сознательной, и неразумной, безсознательной, куда входятъ всѣ его суевѣрія, предразсудки, заблужденія и вообще глупость и невѣжество. Такъ-же и каждый изъ народовъ. Тогда русскій народъ можно изобразить суммою $a+p$. Здѣсь „а“ есть все количество народнаго сознанія, а буква „р“ — народное невѣжество, предразсудки, религія, націонализмъ и прочая ерунда на постномъ маслѣ. Вотъ такъ-же разложимъ и всѣ другіе народы, — получимъ $b+p$, $c+p$ и т. д. до $n+p$. Тогда наша формула человѣчества приметъ такую форму...

Въ концѣ концовъ папа изобразилъ количество народовъ буквою М и у него получилась окончательная формула: $a+b+c+\ldots n=A-Mp$.

— Когда всѣ народы сбросятъ съ себя власть невѣжества, всѣ свои р, то и получится человѣчество разумное, сознательное, человѣчество соціализма.

— Папочка! А кто-же дѣлаетъ вычитаніе: А—Мр?

— Исторія, сама жизнь, наука, мы, соціалисты. Люди становятся умнѣе, перестаютъ вѣрить въ чудеса, въ боговъ, въ отечество и прочія сказки... Невѣжество убавляется, а потому происходитъ вычитаніе... Понялъ?

Въ припадкѣ благодарной радости я поцѣловалъ папу, схватилъ листъ съ папиными формулами и побѣжалъ, было, уличить маму, но дорогой вспомнилъ про „буржуевъ“ — какъ съ ними быть въ окончательной формулѣ? Гдѣ они, въ какой буквѣ?

Вернулся къ папѣ и поставилъ дополнительный вопросъ.

— Буржуи-то?... Мг!

Папа посмотрѣлъ на листъ съ формулами, нахмурилъ брови и улыбнулся:

— Буржуи, другъ мой, попадаютъ всѣ въ величину Мр. Когда наступитъ власть пролетаріата, иначе сказать — диктатура пролетаріата, то изъ буквы А будутъ вычтены и всѣ буржуи: ихъ отбросятъ, какъ и весь прочій лживый и вредный хламъ стараго міра...

— Ага! Теперь знаю... А мама мямлила-мямлила...

Нѣсколько дней подрядъ я былъ увлеченъ формулой человѣчества и продѣлывалъ надъ ней всевозможныя алгебраическія издѣвательства. Опредѣлилъ количество общечеловѣческой глупости, потомъ, принявъ количество народонаселенія въ Россіи въ 120,000,000, опредѣлилъ, сколько глупости и невѣжества приходится на одного русскаго. Вспомнилъ о папѣ: онъ такой умный, что для него р=о!... Хочу быть такимъ-же умнымъ, чтобы и у меня р=о!... А это бываетъ только у соціалистовъ! Буду соціалистомъ! Пусть ссылаютъ!... А если японцы насъ побѣдятъ, то будетъ революція и республика, и тогда не посмѣютъ ссылать, казнить и сажать въ тюрьму... Лучше пусть побѣдятъ японцы!

* * *

Былъ у насъ въ классѣ мальчикъ Павловъ. Отецъ его былъ офицеромъ и сражался съ японцами. Мы съ Павловымъ сидѣли на одной партѣ. Однажды онъ мнѣ признался, что

рѣшилъ тайно отъ матери убѣжать на войну, туда, гдѣ сражается папа.

— Хочешь — убѣжимъ вмѣстѣ?

Я тогда былъ уже достаточно просвѣщенъ родителями и отвѣтилъ такъ:

— Дуракъ я, что ли? Если насъ японцы побѣдятъ, — лучше будетъ. Почему тебѣ хочется сражаться съ японцами?

— За Россію!

Какъ я ни старался убѣдить Павлова, что все это — глупости и предразсудки, Павловъ не поддавался. Я уже воспринялъ отъ папы съ мамой и ихъ друзей презрительное отношеніе къ военнымъ: „пушечное мясо“ или „мясники“! Когда будетъ соціализмъ, войны не будетъ и не нужны будутъ всѣ эти важничающіе люди въ погонахъ съ шашками, орденами и револьверами. Я давно уже потерялъ интересъ къ телеграммамъ съ театра военныхъ дѣйствій и совершенно равнодушно относился къ нашимъ пораженіямъ. А мой сосѣдъ по партѣ, Павловъ, весь трепеталъ, читая военныя новости, слѣдилъ по картѣ за боями, рисовалъ битвы, причемъ у него всегда побѣждали русскіе, ненавидѣлъ японцевъ, которыхъ называлъ „макаками“ и, когда привозили плѣнныхъ, ходилъ на станцію, вертѣлся подъ окнами вагоновъ съ плѣнными и, когда изъ окна выглядывалъ японецъ, Павловъ грозилъ ему кулакомъ. Павловъ боготворилъ офицеровъ и солдатъ, маршировалъ съ ними подъ музыку, носилъ фуражку по-офицерски, молодцевато, и зналъ много солдатскихъ пѣсенъ. Павловъ гордился Россіей и называлъ ее — „Мать-Рассеюшка“. Этотъ мальчикъ только разъ былъ у меня въ гостяхъ и папѣ съ мамой не понравился.

— Солдафонъ! — сказала про него мама. А папа сдѣлалъ мнѣ упрекъ:

— Неужели ты не нашелъ себѣ товарища поинтеллигентнѣе?

Я уже забылъ о нашемъ разговорѣ съ Павловымъ, когда по гимназіи разнеслась вѣсть, что Павловъ убѣжалъ на войну, да еще и денегъ утащилъ у матери. Про Павлова напечатали въ нашей газетѣ. Въ гимназіи всѣ читали газету и смѣялись. Съ шумнымъ весельемъ объявляли мы входившимъ въ классъ учителямъ о нашемъ классномъ событіи: вѣдь Павловъ изъ нашего класса!...

— Иванъ Максимычъ! Павловъ сражаться съ японцами уѣхалъ!

— Надоѣло учиться! — объясняли всѣ учителя поступокъ Павлова и шутили надъ незнающими урока:

— Ты, видно, тоже сражаться задумалъ?

Дня черезъ три Павлова перехватили гдѣ-то на маленькой станціи и привезли обратно въ городъ. По улицамъ вели съ полиціей. Какъ арестанта! Сперва его хотѣли исключить изъ гимназіи, но приходила его мать и плакала. Когда Павловъ снова появился въ гимназіи, его встрѣтили хохотомъ и насмѣшками. Смѣялись гимназисты, смѣялись и учителя:

— А ну-ка, гдѣ у васъ герой-то?

Изъ гимназіи Павлова не исключили, но убавили отмѣтку изъ поведенія и посадили на три праздника въ карцеръ. Два праздника Павловъ отсидѣлъ, а на третій повѣсился. Попросился въ уборную и тамъ его нашелъ сторожъ: висѣлъ на своихъ подтяжкахъ на дверной ручкѣ. Точно стоялъ на колѣняхъ. Большой переполохъ былъ въ гимназіи! Въ первый день послѣ этого мы совсѣмъ не занимались въ классѣ, а только разговаривали про Павлова. Павлова вскрывали и нашли, что у него что-то не такъ было устроено въ мозгахъ. Папа сказалъ:

— Набилъ голову всякой ерундой, вотъ и допрыгался!

Классъ просился провожать Павлова на кладбище, — не пустили. Спросили батюшку, попадетъ-ли Павловъ въ рай? Батюшка сказалъ, что Богъ проститъ его поступокъ, потому что Павловъ былъ увлеченъ великимъ чувствомъ патріотизма.

— А зачѣмъ-же ему убавили поведеніе и посадили въ карцеръ?

— Онъ укралъ у матери деньги...

Прійдя домой, я спросилъ папу про „патріотизмъ". Папа даже разсердился на батюшку:

— Патріотизмъ это любовь къ старымъ предразсудкамъ и суевѣріямъ. Ерунда! Всякій, кто теперь желаетъ намъ побѣды надъ Японіей — дуракъ, потому что помогаетъ царю и буржуямъ! Попъ вашъ тоже старается имъ помочь...

— А знаешь, папа, что сказалъ нашъ батюшка про соціализмъ и соціалистовъ?

— Ну! Любопытно.

— Онъ сказалъ, что соціализмъ это — „что́ твое, то-мое, а что́ мое, на-ка, выкуси"! И показалъ фигу! Честное слово!

— Твой батюшка глупъ или еще хуже — обманщикъ. Попамъ вообще не надо вѣрить! Въ древности поповъ называли жрецами. Знаешь, почему?

— Почему?

Папа засмѣялся и сказалъ мнѣ стихи:

Попы издревле доказали
Неистовство утробъ своихъ
И въ древности такъ много жрали,
Что назвали „жрецами“ ихъ!...

Стихи эти привели меня въ восторгъ. Я нѣсколько разъ просилъ папу повторять эти стихи и запомнилъ ихъ наизусть. Однажды передъ урокомъ Закона Божія я написалъ ихъ на классной доскѣ. Прочиталъ ихъ батюшка, разсердился и стеръ тряпкой.

— Я знаю, кто это написалъ! — сказалъ батюшка, обводя классъ взоромъ.

Всѣ притихли. „Не узнаетъ! Никто не выдастъ!“ — думалъ я, прячась за спину впереди сидящаго товарища.

Батюшка долго молчалъ, потомъ углубился въ классный журналъ и вдругъ назвалъ мою фамилію!

— Иди-ка, поэтъ, къ доскѣ отвѣчать урокъ!

Я былъ пораженъ, испуганъ, обезкураженъ. Попробовалъ обидѣться:

— Какое право вы имѣете думать, что это я написалъ на доскѣ?

— Развѣ я сказалъ, что написалъ ты? Я этого не говорилъ...

— А почему-же вы назвали меня поэтомъ?

— Волосы не стрижешь! Остричься надо.

Весь классъ захохоталъ, а батюшка покачалъ съ упрекомъ головою, вздохнулъ и говоритъ:

— Ну-ка, поэтъ, отвѣчай урокъ!

Урокъ я зналъ, но такъ былъ смущенъ и взволнованъ, что сразу все изъ головы вылетѣло. Путался-путался и замолчалъ.

— Два съ минусомъ!

И вотъ съ этихъ поръ началась война съ батюшкой. Сталъ онъ допекать меня за каждымъ урокомъ. Какъ не выучу, — собьетъ и два съ минусомъ! Пожаловался родителямъ. Папа пошелъ въ гимназію, поругался съ батюшкой и съ директо-

ромъ, — меня взяли изъ гимназіи. И возненавидѣлъ я съ этой минуты всѣхъ батюшекъ на свѣтѣ.

* * *

Нашъ городъ превратился въ станъ побѣжденной Россіи. Всѣ дома и улицы полны больными, ранеными, искалѣченными, пьяными и озлобленными солдатами. Плачъ и стоны, ругань и проклятія! Пѣсни, драки, разгромы винныхъ лавокъ, простертыя за подаяніемъ руки и сжатые кулаки съ угрозами. И днемъ и ночью льется окровавленный потокъ побѣжденныхъ, и тонетъ въ немъ нашъ прежде такой чистый и нарядный городъ. Не вмѣщаетъ онъ катящихся обратными волнами голодныхъ, окровавленныхъ, озлобленныхъ людей. На всѣхъ площадяхъ — лагери, ночные огни, пѣсни, стоны, проклятія, гармоника... Горожане боятся выходить на улицы, запираютъ на ночь ставни и ворота. Купцы неохотно открываютъ магазины. Самое страшное творится на вокзалѣ. Я не знаю, что тамъ дѣлается, меня не пускаютъ на улицу. Слышно только, какъ тамъ иногда стрѣляютъ. Папа съ мамой довольны, но меня не выпускаютъ. А меня такъ тянетъ посмотрѣть, какая это такая революція... Ходятъ съ красными флагами и поютъ „отречемся отъ стараго міра“. То поютъ, то стрѣляютъ, то кричатъ „ура“. Всѣ говорятъ, что началась забастовка, а какая такая забастовка? Къ намъ, то и дѣло, заходятъ ссыльные. Пошепчутся съ папой или мамой и уходятъ. Отъ меня что-то скрываютъ. Иногда у насъ ночуютъ какіе-то незнакомые. Я вижу и чувствую, что вокругъ совершается нѣчто необыкновенное.

— Мамочка! Это революція началась?

— Да. Революція.

— Куда-же ты уходишь? Тебя могутъ убить!

— Намъ нечего бояться: мы — не буржуи!

— И папа ушелъ, и ты уходишь, а меня не пускаете...

Такъ вотъ она, революція, о которой такъ часто говорилось въ нашемъ домѣ!

Какъ говорилъ папа, такъ и вышло: побѣдили насъ японцы, и вышла революція. Папа умный, очень умный...

Не могу сидѣть въ комнатахъ. Провожу почти весь день на дворѣ у забора. Стою на ящикѣ и смотрю черезъ заборъ, что дѣлается на улицѣ. Идетъ полицейскій, а я кричу ему черезъ заборъ:

— Долой самодержавіе!

Ничего. Смѣется...

Какъ-то вечеромъ пришли ссыльные и стали говорить, кто куда скоро поѣдетъ.

Папа сказалъ, что мы поѣдемъ въ Петербургъ!

— Теперь насъ пустятъ, папочка?

— Теперь мы ихъ въ тюрьмы сажать будемъ!

— А тамъ республика?

— Если нѣтъ, такъ сдѣлаемъ!

Я безконечно счастливъ. Поѣдемъ въ Петербургъ! Вотъ теперь папа имъ всѣмъ покажетъ, какъ сажать людей въ тюрьму!

Ночью не спится. Все думаю про революцію, про республику и про Петербургъ.

— Мама! Слышишь? Опять стрѣляютъ...

— Спи! спи!...

— Дуракъ — Павловъ, что удавился... Можетъ быть, думалъ, что въ рай попадетъ... Сгніетъ и больше ничего! Червяки... фу!... Люди такія-же животныя...

— Хорошо, хорошо... Замолчи! Будетъ разсуждать...

Не молчится. Думаю: если всѣ — животныя, то какъ-же папа съ мамой?

— Мама! Значитъ и ты, и папа — тоже?

— Что „тоже“?

— Животныя?

— Если всѣ, значитъ, и мы... Во всякомъ случаѣ самыя высшія животныя — соціалисты...

— Самый умный на всемъ свѣтѣ — Марксъ, мамочка?

— Марксъ и Энгельсъ. А у насъ, русскихъ, — Плехановъ и Ленинъ.

— Который умнѣе: Плехановъ или Ленинъ?

— Оба умные. Только одни считаютъ своимъ учителемъ Плеханова, а другіе — Ленина.

— Я знаю, за кого вы съ папой! Вы — за Плеханова!

— Ну, ладно... Спи!

— Вы съ папой — меньшевики, а Иванъ Павлычъ — большевикъ!

* * *

Такимъ я былъ въ 13-14 лѣтъ, когда формируется душа человѣческая... Всѣ сказки индивидуальной и соціальной

психики были уже частью разрушены, частью обезкровлены и обречены на отмираніе. Нѣтъ Бога, нѣтъ религіи, нѣтъ отечества, есть отравленный инстинктъ чувства національнаго и государственнаго самосохраненія, черепки христіанской морали, худосочная любовь къ живому человѣку и къ своему народу, вообще полная анемія всѣхъ религіозно-этическихъ и соціальныхъ эмоцій, необходимыхъ для питанія и роста какъ вообще души человѣческой, такъ, въ особенности, національно-государственной души. Я уже почти утратилъ способность непосредственно ощущать симпатію и антипатію, инстинктомъ распознавать дурное и хорошее, доброе и злое, красивое и некрасивое. Все это, какъ безстрастный естествоиспытатель, я могъ воспринимать лишь при помощи разсудочнаго аппарата и съ подведеніемъ всего подъ двѣ родительскихъ аксіомы: 1) люди такія-же, какъ и всѣ прочія, животныя, главная цѣнность которыхъ — не чувство, а разумъ и сознаніе и 2) высшій разумъ и сознаніе — въ соціализмѣ. Структура моей отроческой души была уже обработана такимъ образомъ, что соціализмъ неизбѣжно долженъ былъ сдѣлаться для меня единственнымъ выходомъ изъ пустоты родительскихъ разрушеній, единственной вѣрой и цѣлью жизни... И потому родители, рано или поздно, должны были сойти со престола моего Божества, гдѣ сидѣли до поры до времени, и уступить свои мѣста Карлу Марксу съ Энгельсомъ...

Я увѣровалъ въ нихъ, не имѣя еще сколько-нибудь основательнаго представленія о томъ, что такое соціологія и политическая экономія и что такое теорія, такъ называемаго, научнаго соціализма. Я именно увѣровалъ, какъ увѣровала теперь масса тѣхъ, кто именуетъ себя соціалистами и коммунистами. Для этого не было необходимости предварительно изучать какъ самого Маркса, такъ и безчисленныхъ пророковъ и апостоловъ его. Достаточно было нѣсколькихъ популярныхъ брошюрокъ, схематично, а потому очень убѣдительно и логично излагавшихъ основы марксистской вѣры, чтобы, при родительской обработкѣ души, сдѣлаться убѣжденнѣйшимъ соціалистомъ! Вѣдь, въ концѣ концовъ, въ соціализмъ можно только вѣрить или не вѣрить, какъ и въ Бога.

Развѣ не сказалъ одинъ изъ Марксовыхъ пророковъ, Либкнехтъ, что соціализмъ можетъ завоевать міръ лишь при томъ условіи, если будетъ сохранять и поддерживать вѣру, какъ

Исламъ, исключительно только въ себя? Сравнивъ соціализмъ съ исламомъ, Либкнехтъ сказалъ:

— Исламъ былъ такъ долго непобѣдимъ исключительно потому, что вѣрилъ только въ себя и въ каждомъ не магометанинѣ видѣлъ врага!

А если все дѣло въ вѣрѣ, при чемъ тутъ наука?! И почему можно вѣрить въ Карла Маркса, но нельзя вѣрить въ Бога?...

И развѣ важно, что, увѣровавъ въ Карла Маркса и его вѣроученіе, я пошелъ въ деталяхъ не за Плехановымъ, а за Ленинымъ? И это — тоже дѣло вѣры, только дѣло вѣры!

Разногласія съ отцомъ и матерью начались у меня, когда я былъ еще въ послѣднихъ классахъ гимназіи. Тогда еще я началъ уклоняться въ „большевистскую ересь". Это было время раздѣленія „Марксовой церкви" на два враждующихъ лагеря, подобное тому, которое свершилось въ Православной церкви въ XVII столѣтіи. Ленинъ уподобился патріарху Никону: сталъ исправлять священныя Марксовы писанія. Произошелъ расколъ. Образовалось два лагеря, двѣ секты: меньшевиковъ, соотвѣтствовавшихъ приверженцамъ „древляго благочестія", и большевиковъ, соотвѣтствовавшихъ никоніанцамъ. Великое смущеніе, распря и взаимное заушеніе творили другъ надъ другомъ враждующіе, а уклониться отъ этой распри было невозможно: или меньшевикъ или большевикъ, третьяго выхода не было...

Въ чемъ крылась сущность раскола? Со стороны это было непонятно: люди одной Марксовой вѣры нещадно колотятъ другъ друга своимъ общимъ богомъ, Марксомъ-же! И какъ будто-бы оба лагеря дѣлаютъ это искренно, а въ своихъ доводахъ и ссылкахъ на писанія, одинаково правы!... Въ чемъ крылся секретъ? Обѣ стороны были одинаково правы или неправы, ибо единый Марксъ, подобно Янусу, имѣлъ два лица, обращенныхъ одно вправо, другое влѣво. Обращенное вправо лицо — лицо основоположника „научнаго соціализма" — эволюціонно, другое, лицо автора „Коммунистическаго манифеста", обращенное влѣво — революціонно. Выраженіе перваго — спокойное лицо мужа безстрастной науки, выраженіе второго — возбужденное и мстительное лицо революціонера. Можно вѣрить только въ одно которое-нибудь изъ двухъ лицъ... Сразу въ оба нельзя!...

Мы, молодежь, какъ болѣе легковѣсные по научной части, но болѣе тяжеловѣсные по части темперамента и всякихъ крайностей, быстро совращались въ Ленинскую ересь. Юности свойственна склонность къ нетерпѣнію и къ скорѣйшему дѣйственному проявленію своего темперамента. И только поэтому я, будучи студентомъ соціалъ-демократомъ, очутился въ кружкѣ большевиковъ. Конечно, это до глубины души оскорбило моихъ родителей. Отецъ часто вступалъ со мною въ острую полемику, забивалъ меня своей математической логикой и марксистской эрудиціей, но... убѣдить не могъ. Вѣдь, когда человѣкъ во что-нибудь повѣрилъ, всѣ доводы логики безсильны... „Ты говоришь логично, на словахъ я съ тобой согласенъ, но я всетаки вѣрю не тебѣ, а Ленину!“ — вотъ итогъ всѣхъ родительскихъ вразумленій.

Однако весь этотъ расколъ до поры до времени оставался какъ-бы своимъ „семейнымъ дѣломъ“. Но вотъ, какъ снѣгъ на голову, свалилась на голову культурнаго человѣчества страшная бойня, именуемая всемірной войною. Молохъ капитализма, съ его звѣриной борьбою изъ-за рынковъ, потребовалъ колоссальныхъ человѣческихъ жертвъ. Ни Богъ, ни религія, ни мораль, ни право — ничто не помѣшало Молоху... И даже „пролетаріи всѣхъ странъ“ начали усердно избивать другъ друга во славу этого Молоха! Молохъ побѣдилъ и Христа, и Маркса...

Вотъ тутъ-то и начинается трагическое интеллигентское землетрясеніе, отъ котораго разсыпалась наша общая „Башня Вавилонская“ до небесъ, а всѣ мы, ея строители и каменщики, заговорили вдругъ на разныхъ языкахъ и перестали понимать другъ друга.

Въ нашемъ кружкѣ всѣ оказались „пораженцами“. Ленинъ написалъ, что самый лучшій исходъ для Россіи — пораженіе ея армій. А вѣдь, мы еще съ дѣтства отцами нашими были пріучены къ этой пораженческой истинѣ!...

Окончательный разрывъ съ отцомъ!... Начинаю говорить съ отцомъ по этому вопросу и сразу — столкновеніе.

— Пораженіе Германіи и наша побѣда — говоритъ отецъ — есть торжество демократіи, а наше пораженіе — торжество реакціи!

— Развѣ пораженіе самодержавія теперь уже не торжество соціализма, какъ ты утверждалъ раньше?

— Раньше было такъ, а теперь иначе. Теперь на карту поставлены судьбы государствъ и народовъ! Теперь отъ исхода войны зависятъ эти судьбы. Пойми, что въ такихъ случаяхъ даже соціалистъ долженъ взять въ руки ружье и защищать свой народъ и свое отечество!

— А развѣ теперь твое отечество уже не въ человѣчествѣ? Развѣ теперь отечество это не любовь къ своимъ болячкамъ, какъ говорилъ ты прежде? Неожиданный патріотизмъ! Ну, а какъ-же судьбы соціализма? — иронически спрашивалъ я отца.

— Да поймите-же вы, идіоты, что если вы потеряете страну, свое отечество, то вамъ негдѣ будетъ устраивать и соціалистическое государство! — кричалъ въ изступленіи отецъ, а мать чуть не плакала.

— Міръ великъ! Не говорилъ-ли ты когда-то самъ, что у соціалиста нѣтъ родины и что родина его всюду, гдѣ свѣтятъ звѣзды?!

И вотъ мы съ папой и мамой перестали понимать другъ друга и стали почти врагами. Я сталъ презирать отца, когда-то моего бога...

Раньше онъ называлъ нашихъ „кадетъ“ буржуями и злобно изобличалъ или, какъ онъ выражался, раскрывалъ сущность этой партіи, теперь заговорилъ съ ними на общемъ языкѣ: какъ и кадеты, онъ говорилъ о государственности отечествѣ, національномъ бытіи, о любви къ родинѣ и народу...

Да вѣдь все это — именно тѣ самыя „сказки“, отъ которыхъ вы, милые папа съ мамой, съ малыхъ лѣтъ такъ рьяно и настойчиво освобождали мою дѣтскую душу, очищая ее отъ всякихъ суевѣрій и предразсудковъ!

Не вы-ли своими собственными руками вырывали изъ души моей съ корнями эти „плевелы“ соціальной психики, а теперь требуете ихъ отъ меня?

Не вы-ли сами задушили во мнѣ вѣру въ Бога, въ религію моего народа, въ благостность національнаго инстинкта и идеи отечества?

Опустошили мою душу, водрузивъ въ ней вмѣсто всѣхъ животворящихъ сказокъ человѣческой жизни нѣкоторый алгебраическій иксъ, называемый „человѣчествомъ“, а теперь изумляетесь, что тамъ пустота!

Да, тамъ нѣтъ ничего живого! Тамъ есть „буржуазія“, „пролетаріатъ“, „интеллигенція“, „идеологи“, „классъ“ и прочія категоріи капиталистическаго строя, но тамъ нѣтъ просто человѣка, настоящаго живого человѣка!

Вы, отцы, и сами не подозрѣвали, что у васъ, кромѣ этихъ абстрактныхъ величинъ, понятій и категорій, подъ пепломъ книжной мудрости, тлѣли еще искры полученныхъ вами по наслѣдственности отъ народниковъ предразсудковъ и суевѣрій, извѣстныхъ въ исторіи подъ именами „отечество“, „національность“, „патріотизмъ“ и т. д. Въ страшные дни угрозы національно-государственному бытію русскаго народа эти тлѣющіе угольки разгорѣлись и освѣтили вамъ души подлинной правдой жизни... Благо вамъ! Но вѣдь у меня, какъ и у великаго множества молодежи, этихъ тлѣющихъ угольковъ уже не было, ибо со дней ранняго дѣтства вы, замѣтивъ всякій „дымокъ отечества“, торопились погасить и залить тлѣвшіе угольки наслѣдственныхъ инстинктовъ. И потому я не могъ понимать вашего новаго языка, на которомъ вы начали неожиданно говорить со мной. Для насъ этотъ языкъ былъ — „древній“ и мертвый. Нашъ языкъ былъ новый, не русскій, а изобрѣтенный Марксомъ „интернаціональный волапюкъ“, и въ немъ не было такихъ словъ, какъ родина, отечество, національность, религія.

Могъ-ли я не повѣрить именуемому вами лжепророкомъ Ленину, что вы — предаете соціализмъ и Карла Маркса?

Могъ-ли я не повѣрить писателю Максиму Горькому, который въ своемъ журналѣ „Лѣтопись“ плевалъ въ національную душу народа, на отечество и свое государство во имя человѣчества и который плевалъ въ душу всей интеллигенціи, которая загорѣлась огнемъ любви къ своей родинѣ и къ своему народу?

Скажите теперь по совѣсти, отцы наши, кто насъ толкалъ въ бездну?

Истинно говорю вамъ: вы сами. Вы толкали меня туда отъ дней самаго ранняго дѣтства. Великіе провокаторы и инквизиторы соціализма лишь пришли и подобрали меня и тысячи мнѣ подобныхъ. Въ опустошенныя вами души наши они вдохнули лишь духъ злобы и мести, превративъ насъ въ игрушку Сатаны...

И вотъ, какъ Іуда, предали мы на пропятіе свою роди-

ну, свое отечество и свой народъ и пошли за великими провокаторами и инквизиторами Марксовой вѣры... А вы убѣжали, оставили насъ...

Благо вамъ, ушедшимъ и умывшимъ руки, подобно Пилату!

Горе намъ, повѣрившимъ лжепророкамъ!

Лѣвый ликъ Карла Маркса создалъ Звѣриное царство. И вотъ я — звѣрь въ клѣткѣ вашего звѣринца...

* * *

На прощанье мнѣ хочется поговорить съ вами, отцы, о той вѣрѣ, въ которую вы насильственно крестили меня вмѣсто Христовой...

Страшная и жестокая эта вѣра! Въ основѣ ея не Богъ любви, а Богъ мести. И не даромъ пророкъ ея, Либхнетъ, даетъ своимъ вѣрующимъ завѣтъ видѣть врага въ каждомъ несоціалистѣ. Пророкъ этотъ не договариваетъ лишь одного неизбѣжнаго вывода: врагъ этотъ подлежитъ поголовному истребленію, безъ всякой пощады...

Если вѣра во Христа поднимаетъ личность человѣческую надъ міромъ животнаго царства, то вѣра въ Маркса принижаетъ ее до личности животнаго...

Да, эти двѣ вѣры — враждебны другъ другу по самой сущности своей и лживо кощунствуетъ поэтъ Блокъ, заставляя впереди насъ, большевиковъ, идти съ краснымъ знаменемъ и въ бѣломъ вѣнцѣ самого Христа... Эти двѣ вѣры не могутъ жить рядомъ. Одна должна погибнуть.

Помните искушеніе Христа въ пустынѣ діаволомъ? Помните то средство, то чудо, которымъ діаволъ предлагалъ Христу сдѣлаться господиномъ міра?

Этимъ средствомъ былъ камень, превращенный въ хлѣбъ. Діаволъ, видимо, былъ не менѣе проницательнымъ соціологомъ, чѣмъ Кетлэ, утверждавшій, что соціализмъ есть въ сущности вопросъ желудка. Христосъ-же сказалъ: „Отойди отъ меня, сатана! Не о единомъ хлѣбѣ живъ человѣкъ!“

„Человѣкъ“ въ вѣрѣ Марксовой — лишь коллективный зоологическій типъ или видъ животнаго. Тутъ если не возвращеніе, то подчеркнутое напоминаніе о Дарвиновской обезьянѣ. Борьба классовъ это такъ похоже на звѣриную борьбу за существованіе. Въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ-же „за-

конъ естественно-исторической необходимости“, приводящій будто бы къ совершенству бытія. И тутъ и тамъ ненужны никакія религіозно-этическія основы. Нѣтъ ни добра ни зла. Есть только законъ естественно-историческаго роста силы одного изъ борящихся видовъ животныхъ, именуемыхъ „рабочимъ классомъ“. Нѣтъ правды и справедливости, рождаемыхъ животворящею силою Христовой любви къ ближнему. Вмѣсто нихъ ветхозавѣтное „око за око, зубъ за зубъ“, превратившееся въ „око за зубъ, смерть за око“...

* * *

Все это я постигъ, къ несчастію моему, слишкомъ поздно, ибо волки ходили въ овечьихъ шкурахъ. Я понялъ это лишь теперь, когда новый Исламъ отъ Маркса двинулся походомъ крестить огнемъ и мечемъ всѣхъ инаковѣрующихъ...

Когда-то въ дѣтствѣ мама говорила мнѣ, что соціалисты самые умные изъ всѣхъ животныхъ на землѣ. Нѣтъ! Они не самые умные, а только самые жестокіе, самые кровожадные...

Только теперь я понялъ многое изъ того, чего не понималъ въ юности.

Среди насъ, юныхъ марксистовъ, былъ очень популяренъ и любимъ поэтъ-философъ Нитше. Намъ и въ голову не приходило, какъ можно одновременно любить и почитать Маркса и Нитше? Теперь это для меня ясно: и Марксъ и Нитше — враги Христа и Его морали. Для нихъ эта мораль любви и милосердія — „рабья мораль“. Тутъ діаволъ соединяетъ крайняго коллективиста и крайняго индивидуалиста. И Нитше, презиравшій демократизмъ и соціализмъ, дѣлается любимцемъ марксиста, по существу своему демократа и соціалиста.

Соціальный, логическій и моральный абсурдъ!...

Я знаю: вы, отцы, посмѣетесь надо мной! Вы, вѣдь, отрекаетесь, отъ насъ, большевиковъ, и лишаете насъ званія марксистовъ и соціалистовъ. Вы пріемлете правый ликъ нашего Януса и вѣруете, что именно вашъ путь приведетъ въ царство Божіе на землѣ. Не поздно-ли теперь вѣрить вообще въ это царство? Тамъ, гдѣ нѣтъ мѣста Богу, невозможно и царствіе Божіе. Вѣдь, и вашъ путь лежитъ тоже чрезъ „диктатуру пролетаріата“. Мы только опередили васъ и показали людямъ эту диктатуру... Обѣ дороги одинаково ведутъ въ Звѣриное царство!

Мы искали счастья и радости для всѣхъ и дали только страданія и скорбь. Мы искали правды и справедливости и потонули въ беззаконіяхъ. Мы искали абсолютной свободы и создали абсолютный деспотизмъ. Мы хотѣли возвеличить человѣка на землѣ до Бога и унизили его до пресмыкающагося... Мы стремились на научныхъ основаніяхъ своей вѣры построить царство братскаго равенства и пришли къ равенству звѣрей въ зоологическомъ саду, пребывающихъ въ рабской зависимости отъ тѣхъ, кто бросаетъ имъ въ клѣтки ежедневную порцію пищи.

Мы доказали только одно, что если для преображенія обезьяны въ человѣка требуются десятки тысячъ лѣтъ, то для превращенія человѣка въ обезьяну требуется очень немного времени...

Вы, отцы, называете насъ еретиками „научнаго соціализма". Вы убѣждены, что ваша праведная Марксова вѣра основана на точныхъ научныхъ выводахъ и законахъ, а потому все должно свершиться такъ, какъ предсказано пророками... Но вѣдь сами пророки требовали отъ васъ прежде всего вѣры! А вѣра и наука несовмѣстимы, ибо всякая вѣра основана на чудѣ. И весь вашъ „научный соціализмъ" съ этой точки зрѣнія — только научная гипотеза, оказавшаяся, какъ немало другихъ научныхъ гипотезъ, научной утопіей... Откуда ваша вѣра въ возможность „коммунистическаго равенства"? На какихъ точныхъ положительныхъ наукахъ эта вѣра построена? Вѣдь, сами-же вы, позитивисты и матеріалисты, на основаніи точныхъ и положительныхъ наукъ, оставляете человѣка въ ряду „позвоночныхъ млекопитающихъ", рядомъ съ обезьяной. Не вы-ли сами утверждаете, что человѣкъ—только усовершенствованная обезьяна? Почему-же вы освобождаете человѣческую жизнь отъ подчиненности общимъ законамъ природы? Вотъ напримѣръ, законъ неравенства. Вся жизнь, все движеніе въ природѣ основаны именно на неравенствѣ, ибо жизнь есть движеніе, а всякое движеніе есть лишь стремленіе къ равенству и недостиженіе его. Именно этимъ вѣчнымъ стремленіемъ къ равенству и вѣчнымъ недостиженіемъ его творится въ природѣ самый процессъ жизни. Всякое достигнутое равенство въ природѣ знаменуетъ собою прекращеніе движенія, застой, разложеніе и смерть. На какомъ-же основаніи вы освобождаете жизнь человѣка на землѣ отъ

подчиненности этому общему міровому закону? Не потому-ли, что человѣкъ — „царь природы“? Но, вѣдь, съ точки зрѣнія тѣхъ-же точныхъ и положительныхъ наукъ, это не больше, какъ самозванство!

Только теперь я увидалъ и понялъ, что только вѣра въ Бога способна превращать усовершенствованную обезьяну въ человѣка и что Марксъ, отнимающій у людей Бога, возвращаетъ ихъ къ обезьянѣ!...

О если-бы обрѣсти потеряннаго Христа!... Но это для меня невозможно.

Теперь у меня нѣтъ никакого Бога: небесный отняли вы, отцы, а въ земного, въ Маркса, я не вѣрю болѣе.

Радуйтесь и торжествуйте: я абсолютно свободный человѣкъ на землѣ. Я теперь Андреевскій „голый человѣкъ на голой землѣ“. Для меня остается абсолютная пустота на землѣ и на небесахъ!

Я ни въ кого и ни во что болѣе не вѣрю, ничего не хочу, ни о чемъ не жалѣю и никого не люблю...

Я проклинаю часъ своего рожденія и жду смерти. Больше ничего.

— Прощайте, усовершенствованныя обезьяны!...

* * *

Эта скорбная повѣсть опустошенной человѣческой души есть художественная переработка рукописи, полученной мною отъ сестры милосердія Валентины Тархановой, служившей въ одномъ изъ военныхъ лазаретовъ въ г. Ростовѣ въ дни гражданской войны. По словамъ этой сестры милосердія, авторъ рукописи — захваченный въ плѣнъ большевистскій политическій комиссаръ К., молодой интеллигентный человѣкъ. Освобожденный отъ разстрѣла подъ условіемъ смыть свое преступленіе боевыми заслугами на фронтѣ противъ „красныхъ“, онъ смертельно ранилъ себя изъ револьвера и былъ привезенъ въ лазаретъ. Г-жа Валентина Тарханова, которая ухаживала за раненымъ К. въ лазаретѣ, за день до смерти молодого человѣка, получила отъ него тетрадку-рукопись съ просьбою отдать ее какому-нибудь писателю. Она отдала ее мнѣ.

Евгеній Чириковъ.

Изъ Св. Терезы Испанской.

О Красота безмѣрной глубины!
О Чистота безбрежнаго сіянія!
О въ часъ ночной, въ глубокій часъ молчанія
Таинственные, трепетные сны!

Всѣ тайники моей души полны
Безмолвныхъ словъ, и грезъ, и воздыханья,
И слышу я: какъ будто трепетанья
Проносятся на крыльяхъ тишины.

И раскрывается просторъ нежданный,
Просторъ бездонный радостныхъ лучей,
Сіяющій, безмѣрный и желанный!

И смолкнетъ звукъ затверженныхъ рѣчей,
И міръ померкнетъ, блѣдный и туманный,
Передъ сіяніемъ Твоихъ очей!

Ник. Арсеньевъ.

Бѣгство.

(Продолженіе.)

Часть II.

Къ линіи фронта.

ГЛАВА I.

Неудачи. Дѣвушки.

Когда ѣдешь въ дальнюю дорогу, то обыкновенно бываетъ такъ, что первую половину пути живешь прошлымъ, а потомъ сразу происходитъ какая-то перестановка, и центръ тяжести перемѣщается въ будущее.

Не то было теперь. Лошадь шла бодрымъ, размашистымъ шагомъ, увозя насъ въ глубь ночи, и съ каждымъ ея шагомъ я чувствовалъ, какъ быстро все дальше и дальше уплываютъ куда-то назадъ всѣ впечатлѣнія послѣднихъ дней и минутъ. Еше съ полчаса мы проѣхали молча, погруженные въ только что пережитое. Изъ этого оцѣпенѣнія меня вывели тихія причитанія и всхлипыванія Федора. Мнѣ пришло въ голову, что онъ боится за себя, и я спросилъ, что съ нимъ.

„Какъ что", съ упрекомъ возразилъ онъ, „а легко, развѣ, мнѣ своихъ господъ такъ изъ дома увозить, невѣсть куда, такъ ли мы съ Вами, Иванъ Николаевичъ, ѣзжали прежде?"

Еще съ гимназическихъ лѣтъ и потомъ въ Университетѣ я всегда страшно нервничалъ передъ экзаменами, нервничалъ до того, что потомъ было даже стыдно за себя. Но стоило только мнѣ вытянуть билетъ, какъ отъ волненія не оставалось и слѣда, мной овладѣвали такое спокойствіе и увѣренность въ успѣхѣ, которыя часто даже и не имѣли достаточныхъ основаній. Такъ было и потомъ во время войны, когда приходилось бывать въ „дѣлѣ".

И теперь я тоже чувствовалъ, какъ съ каждой минутой, съ каждымъ шагомъ лошади, бодрость, спокойствіе, увѣренность въ себѣ и упорная воля къ жизни и побѣдѣ растутъ во мнѣ. Чувствовалъ, что не обману Алешу и сдержу свое обѣщаніе. Борьба уже не пугала, а притягивала, рискъ за-

думаннаго и предстоящаго возбуждалъ, волновалъ и даже радовалъ, любовь и мысли о своихъ не удерживали, а толкали впередъ.

Первыя десять верстъ, мы нѣсколько разъ, проѣзжая кустарниками и лѣсомъ, слѣзали и шли шагахъ въ пяти позади телѣги, но потомъ, выѣхавъ на прямую дорогу, залегли въ телѣгу и задремали. Деревень по дорогѣ не было. Прогромыхалъ на рысяхъ гдѣ-то совсѣмъ вблизи большой обозъ откуда-то возвращавшихся порожнякомъ мужиковъ, разъ какъ-то сбились и долго бродили по мягкой пахотѣ, отыскивая дорогу.

Наконецъ, часамъ къ четыремъ ночи, мы благополучно добрались до большого села, въ которомъ у насъ былъ знакомый лавочникъ. Мы рѣшили передневать у него, разспросить, что слышно о фронтѣ, по возможности достать адресъ слѣдующей дневки, а тамъ что Богъ дастъ.

Была глубокая, темная ночь, все спало. Мы слѣзли съ телѣги и шли по бокамъ и немного сзади ея. Въ карманѣ я нащупывалъ револьверъ. Еще по дорогѣ было рѣшено, что Федоръ, знавшій лавочника пойдетъ на развѣдку, узнать, дома ли хозяинъ. Мы были, хотя и въ глубокомъ, но тылу, и всегда можно было наткнуться на какой нибудь постъ, особенно въ хорошемъ домѣ. Подъѣхавъ къ лавкѣ, мы остались около телѣги, а Федоръ скрылся въ темнотѣ, слышно было, какъ онъ долго стучался и съ кѣмъ-то велъ переговоры, наконецъ онъ вернулся.

Результаты были неутѣшительные. На стукъ отвѣчалъ мужской голосъ, „по всей видимости“, — разсказывалъ Федоръ „самъ хозяинъ, я говорю: Хозяинъ дома? — А онъ отвѣчаетъ: Нѣту его дома, уѣхалъ. — Пустите, — говорю, переночевать изъ Гремячего. — Кто теперь, въ такое время, да еще ночью пускаетъ, поищите, — говоритъ, — другого мѣста“.

— Дай я попытаюсь, онъ еще недавно меня приглашалъ къ себѣ — сказалъ Алеша и ушелъ. Скоро и онъ вернулся и тоже безрезультатно. Несомнѣнно это былъ самъ хозяинъ, но, пользуясь тѣмъ, что Алеша не называлъ себя, тотъ, хотя повидимому и узналъ голосъ Алеши, продолжалъ увѣрять, что хозяина нѣтъ дома. Называть себя было рискованно, а вдругъ, все таки не онъ. Мы задумались. Вотъ и первый неуспѣхъ, что жъ теперь дѣлать?...

— А, чертъ съ нимъ, сказалъ Алеша, не хочетъ пускать, не надо, я вспомнилъ, здѣсь гдѣ-то по рѣкѣ у меня еще есть знакомый мельникъ, ѣдемъ туда, онъ верстъ за семь.

Снова поѣхали, теперъ уже вдоль рѣки. Дорога была ужасная, мы ныряли въ какія-то рытвины и водомоины, взбирались на горы, лошадь почти стала, пошелъ мелкій дождь.

Часа черезъ полтора мы добрались наконецъ до мельницы, но, напуганные первой неудачей, рѣшили дожидаться разсвѣта, ночью могли опять не пустить. Въ темнотѣ нельзя было разобрать, гдѣ мы остановились, слышно было только, что гдѣ-то близко шумитъ вода. Федоръ, завернувшись въ брезентъ, забрался отъ дождя подъ телѣгу и прилегъ тамъ, а мы, тѣсно прижавшись другъ къ другу и накрывшись чуйкой, легли въ телѣгу, немного согрѣлись и задремали. Проснулся я, какъ мнѣ показалось, отъ какаго-то страшнаго шума и грохота и сразу вскочилъ. Дождь все продолжалъ слегка моросить, густой туманъ съ рѣки пришелъ на смѣну темноты; гдѣ-то, какъ мнѣ казалось, совсѣмъ надъ нашей головой, громыхала по разъѣзженной дорогѣ телѣга.

Мы стояли не то въ огородѣ, не то на выгонѣ, совсѣмъ близко отъ рѣки, сквозь клубы тумана и тонкую сѣтку дождя слегка вырисовывалась мельница и надворныя постройки. Алеша тоже проснулся, вскочилъ и черезъ минуту скрылся въ туманѣ. Прошло не меньше получаса, пока онъ вернулся.

— Ну что? — встрѣтилъ я его. — Да не везетъ намъ съ тобою сегодня, отвѣчалъ онъ. Встрѣтилъ меня очень любезно, съ удовольствіемъ бы — говоритъ — пустилъ васъ, да у меня контроль ночуетъ на мельницѣ, хорошо, что еще спятъ. Спасибо ему, что совѣтъ далъ. Оказывается, что въ двухъ верстахъ отсюда на рѣкѣ усадьба Повалишиныхъ, они живутъ у себя и конечно насъ примутъ.

Стало совсѣмъ свѣтло, ѣхать дальше было уже рискованно. Федоръ служилъ у насъ давно, и его могли узнать, лошадь почти стала. Съ минуту мы стояли около телѣги въ какомъ-то нерѣшительномъ раздумьи.

— Ну что жъ, надо идти, — сказалъ я.

— Идемъ — отвѣчалъ Алеша.

Мы закинули свои сумки за плечи.

— Куда же вы теперь? — испуганно и недоумѣнно глядя на насъ, спросилъ Федоръ.

— Куда Богъ дастъ, — махнувъ рукою въ направленіи фронта, отвѣчалъ Алеша.

— Ну, прощай, Федя — сказалъ я. — Спасибо тебѣ, кланяйся нашимъ, разскажи, куда мы ушли, скажи, чтобы не безпокоились и не горевали о насъ, что все благополучно, береги моихъ безъ меня, а если вернусь, Богъ дастъ, никогда тебя не забуду.

Мы поцѣловались. У него вдругъ какъ-то жалко сморщилось все лицо, и, отвернувшись, онъ, всхлипывая, заплакалъ, безнадежно махнувъ рукой. Мы быстро пошли въ гору. Послѣдняя связь съ домомъ была порвана.

Было холодно и сыро; сильно продрогши и стараясь согрѣться быстрой ходьбой, мы дошли до усадьбы Повалишиныхъ, показавшейся слѣва за поворотомъ рѣки на высокомъ каменистомъ бугрѣ. Небольшой, посѣрѣвшій отъ времени, старый одноэтажный, тесовый домъ подъ красной желѣзной крышей обычнаго помѣщичьяго типа, стоялъ въ яблоновомъ саду.

Оставивъ Алешу подъ горой у рѣки съ нашими сумками, я пошелъ къ дому. Бѣглымъ привычнымъ взглядомъ я окинулъ усадьбу; сразу было видно, что хозяйства здѣсь больше не ведется, все было въ запустѣніи. Небольшой домикъ производилъ впечатлѣніе нежилого, кое-гдѣ окна были разбиты и не вставлены, на усадьбѣ было пусто.

Я взошелъ по двумъ ступенькамъ на покосившуюся деревянную террасу и черезъ стеклянную дверь заглянулъ въ комнату. На полу, на сѣнникахъ спало нѣсколько дѣтей, въ комнатѣ надъ чѣмъ-то возилась старушка. Я тихо постучалъ. Она испуганно оглянулась и пріотворила дверь. Съ Повалишиными мы знакомы не были, и никого изъ нихъ я никогда не видалъ, зная о нихъ только по наслышкѣ, но я не сомнѣвался, что фамилія моя имъ извѣстна.

— Простите, сударыня, что безпокою Васъ въ такой ранній часъ, не могу ли я видѣть госпожу Повалишину? — сказалъ я, приподнявъ фуражку.

Она посмотрѣла на меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ, очевидно моя умышленно изысканная фраза не вязалась съ моимъ костюмомъ, а любезный поклонъ съ артистически хулиганскимъ картузомъ.

— Это я — отвѣчала она, о чемъ я впрочемъ уже догадался.

— Позвольте Вамъ представиться, я Иванъ Бѣленихинъ, мы бѣжали съ двоюроднымъ братомъ изъ-подъ ареста отъ большевиковъ на фронтъ, не можете ли вы укрыть насъ гдѣ нибудь у себя на сегодняшній день?

— Уходите скорѣе — тихо и серьезно сказала она, — въ сосѣдней комнатѣ спитъ предсѣдатель упродкома, онъ здѣсь съ продовольственнымъ отрядомъ, идите вонъ въ тотъ лѣсокъ, я сейчасъ пришлю туда свою дочь.

Я поблагодарилъ, поклонился и быстрыми шагами сталъ спускаться съ бугра.

— Ну, и везетъ намъ съ тобой, — сообщилъ я Алешѣ результатъ своей миссіи, за три часа два комиссара.

Онъ засмѣялся.

— Однако надо быть осторожнѣе — подумалъ я. Документы документами, а попадаться на глаза всетаки не слѣдуетъ, мы изъ дома всего нѣсколько часовъ, и уже два раза насъ спасала только случайность.

Лѣсъ, куда мы вошли, былъ молодой, но очень частый осинникъ и дубнякъ; отъ уже переставшаго, но долгаго и упорнаго дождя, очевидно шедшаго здѣсь гораздо дольше, вся земля пропиталась водой, какъ губка, подъ ногами чавкало, деревья при малѣйшемъ прикосновеніи осыпали цѣлымъ дождемъ. Забравшись въ самую глушь, мы сѣли на пенушки, развязали сумки и стали закусывать.

Прошло часа два, никто не показывался. Вдругъ совсѣмъ близко отъ насъ звякнулъ топоръ, разъ, другой, и опять все смолкло. Люди были отъ насъ въ двухъ шагахъ, мы сидѣли, боясь двинуться и переговариваясь шепотомъ.

— Не пришлось бы намъ здѣсь цѣлый день провести; выходить и искать гумна, чтобы укрыться — рискованно — сказалъ Алеша.

— Это еще что́! — отвѣчалъ я. А вотъ если это не порубщики, а лѣсной сторожъ, и насъ найдутъ, то это будетъ уже хуже!

— А-ню, А-ню — раздался вдругъ снизу съ лога полу-призывъ, полу-пѣсня, голосъ былъ женскій.

Я зналъ, что дочь Повалишиныхъ зовутъ Анной. По разсказамъ, это была красивая, задорная и веселая дѣвушка, кружившая всѣмъ голову, и очень бойкая — типъ Зинаиды изъ „Первой Любви.“ Мы быстро сложили свои сумки и сбѣжали въ логъ.

Передъ нами стояли двѣ дѣвушки и съ любопытствомъ и нѣкоторымъ восхищеніемъ насъ разглядывали. Однако, оказавшаяся Аней, дѣйствительно, была очень красива. Высокая, стройная, съ нѣжнымъ румянцемъ и тонкими чертами лица, голубые глаза задорно смотрѣли изъ подъ черныхъ бровей. Другая была небольшого роста, полная и скорѣе некрасивая, но съ мягкимъ симпатичнымъ выраженіемъ лица. Мы раскланялись.

— Какое удивительное знакомство — заговорила первая, протягивая намъ руку. — Право наши матери должны намъ завидовать, въ ихъ время не было такихъ романтическихъ и интересныхъ приключеній. Дѣйствительно, мама права — засмѣялась она — вы прекрасно костюмированы, замѣчательно стильно. Какъ досадно, что мы не можемъ принять васъ у себя. Вотъ познакомьтесь, это моя подруга Оля, она беретъ васъ подъ свое попеченіе, она поведетъ васъ къ себѣ, здѣсь недалеко, тамъ вы будете въ безопасности и можете провести весь день.

Мы прошли вмѣстѣ съ полверсты. Аня все время непринужденно и весело болтала, временами переходя на французскій языкъ. Алеша съ присущимъ ему изяществомъ галантно за ней ухаживалъ. Рѣзкій диссонансъ нашего костюма, вида и положенія съ ея умышленно свѣтскимъ разговоромъ былъ такъ великъ, что я невольно улыбался. На поворотѣ къ усадьбѣ мы разстались.

— Я была представлена Екатеринѣ Сергѣевнѣ — прощаясь, обратилась ко мнѣ Аня, рѣзко измѣняя тонъ. Въ какомъ она ужасномъ, навѣрно, сейчасъ состояніи. Всего, всего вамъ хорошаго, дай вамъ Богъ успѣха — немного волнуясь и съ блестящими глазами, говорила она, пожимая намъ на прощанье руки.

ГЛАВА II.

Неожиданная помощь. Ночь.

Оля обѣщала провести насъ къ себѣ незамѣтно, полевыми дорожками. По дорогѣ мы узнали отъ нея, что она мѣстная сельская учительница, сирота и живетъ здѣсь съ матерью и дѣдомъ, у котораго прежде въ селѣ была небольшая лавченка. Благополучно пробравшись на край села че-

резъ мостъ, черезъ запущенный вишневый садикъ, мы вошли въ ихъ домъ.

— Садитесь пожалуйста, сказала Оля, я сейчасъ приду, — и быстро скрылась въ сосѣдней комнатѣ.

Мы сидѣли, улыбаясь своему положенію, чувствуя себя и немного неловко и не вполнѣ безопасно, такъ какъ каждую минуту могъ придти кто нибудь посторонній.

За перегородкой шелъ негромкій, оживленный разговоръ; очевидно, Оля посвящала свою мать въ тайну приведенныхъ ею въ домъ гостей.

Черезъ минуту оттуда вышла уже немолодая женщина и ласково съ нами поздоровалась. Сперва разговоръ касался безразличныхъ предметовъ, но скоро она, повидимому, не выдержала и начала горячо выражать намъ свое сочувствіе и соболѣзнованіе, распрашивая о нашей семьѣ и о томъ, кого мы тамъ оставили. Мы высказали ей свои опасенія, но хозяйка насъ успокоила, говоря, что у нихъ безопасно и „такихъ людей“ не бываетъ.

Стукнула дверь, и Оля побѣжала навстрѣчу, очевидно чтобы предупредить о насъ. Вошелъ высокій, худой старикъ въ поношенномъ пиджакѣ и высокихъ сапогахъ, перекрестился на иконы, разгладилъ большую, сѣдую бороду и чинно, нѣсколько церемонно, но любезно насъ привѣтствовалъ. Подали чай и завязался общій разговоръ какъ всегда о тяжелой жизни, о совѣтскихъ порядкахъ, мѣстныхъ происшествіяхъ и о томъ, что ждетъ насъ всѣхъ въ будущемъ. Однако надо было подумать и объ отдыхѣ, мы просили укрыть насъ гдѣ нибудь побезопаснѣе, и Оля пошла устраивать намъ постели въ погребѣ подъ домомъ.

Неожиданно въ комнату вошелъ человѣкъ лѣтъ сорока пяти, въ поддевкѣ, коренастый, плотный, съ черной бородой и живыми глазами, степенно, какъ близкій знакомый, поздоровался съ хозяевами и поклонился намъ.

Разговоръ прервался, я вопросительно посмотрѣлъ на хозяйку, она какъ будто поняла и успокоительно улыбнулась. Гость искоса на насъ поглядывалъ, стараясь опредѣлить, что мы за люди, старикъ отвелъ его въ сторону и что-то шепнулъ.

— Тэкъ, тэкъ — вернулся онъ къ столу и затѣмъ, не обинуясь, прямо сталъ спрашивать насъ о нашемъ маршрутѣ, мы отвѣчали. — Да, трудное дѣло, господа, тяжелое дѣло —

заговорилъ онъ, когда мы кончили, — вѣдь теперь не іюнь мѣсяцъ, когда каждый кустикъ подъ себя пуститъ, того и гляди снѣгъ пойдетъ, да и сейчасъ не больно тепло, такъ нивѣсть гдѣ останавливаться вамъ никакъ невозможно, не вытерпите вы безъ жилья, а къ незнакомому человѣку стукнуться — и нарваться можно. Ужъ о фронтѣ я и не говорю — тамъ одинъ Богъ, да надо вѣдь и до фронта еще добраться. Документы, знаете ли, своимъ чередомъ, а береженаго Богъ бережетъ. Много еще впереди вамъ трудовъ предстоитъ. Вы какъ — прервалъ онъ свои невеселыя для насъ разсужденія, — на Лебяжье и на Куликовскіе Выселки пойдете, къ утру въ Выселкахъ будете? — Будемъ. — Ну тогда я вамъ туда къ пріятелю письмо дамъ. Человѣкъ для васъ золотой, весь уѣздъ знаетъ и большое прежде дѣло велъ, опять же тамъ уже ближе къ цѣли будетъ и вамъ виднѣе, и онъ васъ направитъ хорошо.

И не откладывая предложенія, онъ сѣлъ писать. Хозяйка и старикъ сочувственно и одобрительно ему поддакивали. — Въ случаѣ чего, разорвите, а подписываться я уже не буду, не такое время, онъ и такъ повѣритъ, только назовите меня, — передалъ онъ мнѣ свое посланіе.

Письмо было короткое, необыкновенно стильное и какъ будто списанное изъ тургеневской „Собаки“.

„Уважаемому Григорію Ивановичу поклонъ и почтеніе. Податели сего люди проходящіе и вѣрные и имѣютъ цѣль, наставь и помоги по усмотрѣнію, они тебѣ все разскажутъ“; дальше шло нѣсколько дѣловыхъ сообщеній коммерческаго характера.

Мы поблагодарили своего незнакомаго друга за неожиданную помощь, очень для насъ цѣнную; пришла Оля, и мы отправились спать.

Въ погребѣ было сыро и холодно, одежда наша тоже, хотя и не промокла, но была очень сыра; усталость взяла свое и, укрывшись хозяйскими шубами, мы быстро заснули.

Алеша проснулся первымъ и разбудилъ меня. Въ маленькое окно, подъ самымъ потолкомъ, проникалъ тусклый свѣтъ пасмурнаго дня. Насъ позвали обѣдать.

Пока мы укладывали сумки, пока хозяйка и Оля суетились, накрывая на столъ и стараясь получше насъ накормить, и мы пообѣдали, подошелъ и вечеръ. Алеша похмуривался, торопился и все посматривалъ въ окно. Наконецъ все было

кончено. Хозяйка съ жалостью на насъ поглядывала, готовая каждую минуту расплакаться. Намъ насовали въ карманъ яблокъ, подарили, какъ мы не отказывались отъ этого цѣннаго и тогда уже рѣдкаго подарка — двѣ коробки спичекъ, а мальчикъ принесъ двѣ срѣзанныхъ и обдѣланныхъ имъ палки. Оля обѣщала проѣхать къ нашимъ, обо всемъ имъ разсказать и успокоить.

— Ну, милостивые господа, какъ ни жалко, а не буду васъ задерживать, промолвилъ старикъ, — присядемте по старому обычаю передъ дальней дороженькой, да помолимся. — Всѣ сѣли и съ минуту молчали. Но вотъ старикъ всталъ и началъ креститься на иконы. — Дай вамъ Богъ, пошли Господь успѣха, счастливой дороги — провожали они насъ.

Растроганные этой удивительной сердечностью и такимъ искреннимъ и горячимъ сочувствіемъ, мы не находили словъ благодарности...

— Ну, въ ходъ — сказалъ Алеша, когда мы вышли изъ дома, — плохо, братъ, сильно мы припоздали, а мѣсто страшно путанное, — и мы быстрыми шагами, почти бѣгомъ стали спускаться къ рѣчкѣ.

Надо сказать, что мы съ Алешей много разъ путешествовали вдвоемъ, и верхомъ, и на велосипедахъ, и пѣшкомъ и часто забредали далеко отъ дома, оріентируясь только по картѣ. Во всѣхъ нашихъ путешествіяхъ обыкновенно, какъ мы шутя это называли, на Алешѣ лежалъ пейзажъ, а на мнѣ жанръ, то есть въ его обязанность входило изучить карту и вѣдать дорогой, а на моей выработать общій планъ движенія и пути и вести всѣ переговоры. Но въ этотъ разъ онъ какъ-то отъ всего старался нѣжно меня оберечь и все взвалить на себя, въ сущности онъ меня вывелъ, и ему я обязанъ своею жизнью.

Карту, которая у насъ кончалась какъ разъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ по нашимъ предположеніямъ долженъ былъ быть фронтъ, онъ еще сидя въ землянкѣ, изучилъ до тонкости. Кромѣ большой практики, въ этой области у него былъ несомнѣнный талантъ. Глядя на карту, онъ видѣлъ не ее, а мѣстность совершенно живой, а при взглядѣ на мѣстность умѣлъ отбросить всѣ мелочи и краски, затемняющія суть, чувствуя остовъ мѣстности и охватывая все существенное и основное. Поэтому, до самаго фронта онъ шелъ, рѣдко

вынимая изъ за голенища карту и съ такой увѣренностью и безъ ошибокъ, какъ будто уже тысячу разъ бывалъ здѣсь. Вѣроятно сказывалась старая привычка гвардейца-кавалериста, выработанная и на маневрахъ, и на войнѣ. По ночамъ однако изъ за близорукости онъ становился совершенно безпомощенъ и потому-то теперь и волновался, теряя почву подъ ногами.

Въ эту ночь, чтобы дойти къ утру до Куликовскихъ Выселокъ, намъ предстояло пройти верстъ тридцать. Верстахъ въ десяти начинался большакъ, шедшій до самыхъ Выселокъ. Надо было во что бы то ни стало до полной темноты добраться до него. Село Лебяжье стояло какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы должны были выйти на большакъ. Но какъ ни быстро мы шли, такъ что даже сразу стало жарко отъ ходьбы, а ночь надвигалась еще скорѣе. Перейдя рѣку по мосту и поднявшись на гору, мимо какой-то разоренной усадьбы, мы вошли въ лощину, густо поросшую кустами. Дороги уже почти не было видно, постепенно она перешла въ тропинку, а потомъ и совсѣмъ пропала.

Я всегда любилъ ночь, видѣлъ ночью хорошо и потому, оставивъ его въ лощинѣ, пошелъ на поиски дороги. Очень скоро я нашелъ ее, и мы стали подниматься въ гору.

Вдругъ мы почти вплотную уткнулись въ одинокую избу. Я обошелъ ее кругомъ, было еще рано, и въ окнѣ свѣтился огонекъ. Заглянувъ въ окно, я увидалъ, какъ нѣсколько человѣкъ мужиковъ, въ бѣлыхъ холщевыхъ рубахахъ, сидятъ за столомъ и ужинаютъ, въ печкѣ ярко горѣлъ огонь. Съ минуту я простоялъ, ничего не предпринимая, не будучи въ состояніи оторваться отъ этого зрѣлища, до того чувствовалось, какъ въ избѣ тепло и уютно.

На стукъ въ окно вышелъ молодой парень и какъ то особенно радушно сталъ объяснять намъ дорогу. Изъ его пожеланій: „Счастливаго вамъ пути, братцы, благополучно вамъ до дому добраться“, — привѣтливыхъ и ласковыхъ, было сразу видно, за кого онъ принялъ двухъ мужчинъ, путешествующихъ ночью въ такую погоду и не здѣшнихъ.

Мы опять спустились въ лощину, прошли еще съ полчаса и опять сбились. Темнота, холодъ, грязь, дождь, дороги нѣтъ и гдѣ она — Богъ вѣдаетъ. И если мы не теряли присутствія духа и были спокойны, то развѣ потому, что великъ еще и не-

исчерпанъ у насъ былъ запасъ бодрости и энергіи. Унывать было рано, это была вѣдь только первая ночь пути.

Долго мы выбирались изъ лощины, вдругъ гдѣ-то какъ будто въ небѣ, очевидно съ очень крутого бугра блеснулъ огонекъ.

Алеша пошелъ спрашивать дорогу. Долго ничего не было слышно, но вотъ отчаянно залаяла и завизжала собака, послышался разговоръ.

„Ге, ге, ге, ге...“ раздался съ горы его голосъ; мы сошлись.

— Какимъ-то чудомъ, а идемъ вѣрно — сказалъ онъ, — представь, подхожу я къ избѣ, тамъ сидитъ старуха, одна, я спрашиваю: Бабушка, какъ на Лебяжье пройти? А она, не видя меня и не выходя изъ хаты, отвѣчаетъ — Не ходи, родимый, на Лебяжье, тамъ солдаты стоятъ. — Вотъ тебѣ и „связь арміи съ населеніемъ“, видно много теперь нашего брата такъ путешествуетъ, дезертиры — это самая популярная профессія. Надо принять это къ свѣдѣнію. Лебяжье можно миновать, до большака по ея словамъ версты двѣ.

Дорога до большака была торная и наѣзженая, но чтобъ не сбиться, — я шелъ впереди, — приходилось до того напрягать зрѣніе, что у меня временами ходили уже круги въ глазахъ; то двѣ блестящихъ колеи ясно были видны, то опять скрывались. Когда, наконецъ, обойдя Лебяжье, мы добрались до такъ страстно ожидаемаго большака, мы облегченно вздохнули. Сбиться уже больше было невозможно, но дорога была невѣроятно тяжела.

Весь тридцатисаженный большакъ чего навѣрное не было съ тѣхъ поръ, какъ по немъ перестали ходить обозы съ товарами, то есть со времени проведенія желѣзныхъ дорогъ, былъ страшно разъѣзженъ, очевидно по нему прошли большія воинскія части, глубокія колеи, почти канавы, были наполнены жидкой грязью. Нѣсколько разъ, скользя и ругаясь, мы падали.

Дождь усилился. Мой ватный пиджакъ постепенно пропитался водой до послѣдней нитки, и струйки холодной воды потекли у меня по спинѣ. А мы все шли и шли, борясь съ невидимымъ пространствомъ, настойчиво и упорно, изрѣдка перекидываясь короткими фразами и останавливаясь, чтобы свернуть папироску, быстро размокавшую на дождѣ.

Наконецъ, часамъ къ двумъ ночи мы неожиданно уткнулись въ небольшую деревушку, единственная деревня по до-

рогѣ была отъ нашихъ „Выселокъ“ верстахъ въ восьми, очевидно мы прошли уже больше двадцати верстъ. Приходить къ Григорію Ивановичу ночью было и неудобно и рискованно, проситься на ночлегъ въ избу въ этой деревнѣ — и подавно.

Тогда мы рѣшили дождаться разсвѣта, пріютившись гдѣ нибудь въ ригѣ. Но, какъ и слѣдовало ожидать, сколько мы ни бродили по задворкамъ, вездѣ встрѣчались только большіе замки и прочныя ворота. Наконецъ, попалась и открытая рига, но почти безъ крыши и съ цѣлымъ озеромъ воды посрединѣ. Дѣлать было нечего, надергавъ мокрой соломы изъ омета, подстеливъ ее подъ себя и накрывшись ею сверху, мы попытались заснуть. Алеша, лучше одѣтый и потому меньше промокшій, вскорѣ уже сталъ тихо похрапывать.

У меня ничего не выходило; только-что одна сторона согрѣвалась, какъ другая коченѣла, малѣйшее движеніе ощущалось благодаря промокшей одеждѣ, какъ холодная ванна. Такъ промучился я часа два; подъ конецъ, только что мнѣ какъ будто удалось задремать, какъ послышался шорохъ шаговъ. Я привсталъ.

Кто-то ходитъ около риги, снаружи, трогая крышу и шелестя соломой, вотъ подходитъ все ближе, ближе, вотъ уже въ воротахъ и входитъ внутрь, на секунду все смолкло, — и вдругъ типичное безпокойное хрюканье, очевидно, почуявшихъ насъ свиней кончило мою тревогу. Заснуть, однако, я уже не могъ, и не будучи въ состояніи выдерживать больше эту пытку, разбудилъ Алешу. Обойдя деревушку, мы опять побрели по большаку.

Стало свѣтать, дождь стихъ, и немного повеселѣло. Усталые отъ непривычнаго и очень тяжелаго перехода, насквозь промокшіе, продрогшіе и невѣроятно грязные, часамъ къ семи мы добрели до „Выселокъ“. Домъ Григорія Ивановича по описанію былъ найденъ сразу. Было совсѣмъ свѣтло, но въ деревнѣ всѣ спали. Съ полчаса мы еще посидѣли неподалеку отъ дома, ожидая появленія въ домѣ какихъ нибудь признаковъ жизни, но никто не показывался, и, не выдержавъ больше искушенія войти въ тепло, я двинулся къ дому.

На мой стукъ въ окно и отчаянный лай собаки въ окнѣ показалась голова какой-то старухи. Я объяснилъ, что имѣю дѣло къ Григорію Ивановичу, она пообѣщала кого-то разбудить и скрылась. Прошло минутъ десять, никто не пока-

зывался. Я не вытерпѣлъ и сталъ опять стучать. Наконецъ, дверь открылась, и на крыльцо вышелъ маленькій, сгорбленный старичекъ съ рѣдкими сѣдыми волосами на головѣ и нечесанной спутанной бороденкой.

— Что за люди, чего надо? — сурово и недружелюбно проговорилъ онъ.

Недружелюбіе старика не могло, однако, сломить и побороть моей настойчивости и, позвавъ Алешу, я почти насильно вошелъ въ избу, сказавъ, что есть дѣло къ хозяину.

Войдя, я съ радостью увидалъ, что мы на черной половинѣ дома — въ кухнѣ, — это насъ устраивало. Старикъ сурово молчалъ, а старуха сказала намъ, что Григорія Ивановича нѣтъ дома, уѣхалъ, и когда пріѣдетъ неизвѣстно. Въ другое время извѣстіе это могло бы привести насъ въ отчаяніе, но жажда тепла и покоя была такъ велика, что никакія силы уже не могли бы насъ теперь заставить уйти отсюда.

Только что мы стали раскладываться, какъ вошла хозяйка. Сказавъ ей, что у насъ есть дѣло къ Григорію Ивановичу и получивъ отъ нея довольно неопредѣленное и кислое согласіе на наше полу-сообщеніе, полу-просьбу подождать его здѣсь, мы быстро стали, не стѣсняясь, снимать съ себя мокрую одежду.

Наконецъ, дорога къ большой русской печкѣ, еще не остывшей за ночь, которая какъ магнитъ къ себѣ притягивала и которую старуха, безъ умолку болтая, начала вновь растапливать — была свободна. И, взообравшись на нее, сквозь охватившую насъ дремоту, мы почувствовали какъ тепло, ласково насъ окутывая, быстро вытѣсняетъ холодъ изъ тѣла.

И часто потомъ, когда, уже перебравшись на эту сторону, послѣ долгихъ и тяжелыхъ испытаній, то по глубокому снѣгу въ морозъ и метель, то по вязкой, невылазной украинской и кубанской грязи, подъ дождемъ и вѣтромъ, измученный и истерзанный и душой и тѣломъ, непрерывно два мѣсяца шелъ я, подвигаясь къ Екатеринодару, — взбираясь вечеромъ на такую же русскую печку, но уже не съ близкимъ и роднымъ мнѣ Алешей, а съ чужими и далекими мнѣ людьми, — какъ часто вспоминалъ я эту первую, теплую печь и ея ласковое гостепріимство.

ГЛАВА III.

Экзаменъ. Нужный человѣкъ.

Мы крѣпко проспали вѣроятно часовъ шесть; было уже не рано, когда я проснулся отъ вкуснаго запаха горячихъ щей и оживленнаго разговора въ кухнѣ. Какой-то мужчина, котораго съ печки мнѣ не было видно, давалъ хозяйкѣ, сидѣвшей за столомъ, рядъ полу-совѣтовъ, полу-указаній по хозяйству, называя ее на „ты“ и уменьшительнымъ.

„Хозяинъ“ — радостно мелькнуло у меня въ головѣ, но, изъ осторожности, я продолжалъ притворяться спящимъ и прислушиваться къ разговору.

Убѣжденіе мое подъ вліяніемъ отвѣтовъ хозяйки стало крѣпнуть. Тогда, не слѣзая съ печки, я осторожно выглянулъ.

Въ противоположномъ углу стоялъ мужчина лѣтъ сорока, средняго роста, худощавый, съ рыжей бородкой и острымъ лицомъ, въ донельзя обтрепанномъ пиджакѣ и грязныхъ сапогахъ. По манерѣ себя держать и по разговору, который мнѣ уже удалось услышать, было видно, что это человѣкъ бывалый, энергичный, ловкій и быстрый въ рѣшеніяхъ. Описаніе подходило, меня смущалъ только уже слишкомъ обтрепанный пиджакъ.

Однако было уже поздно, мой маневръ не ускользнулъ отъ него, и не успѣлъ я даже спросить его, не онъ ли такой то, какъ онъ быстро аттаковалъ меня вопросами: кто мы, откуда, куда и зачѣмъ идемъ, что и гдѣ дѣлали раньше, гдѣ служили и т.д.

Я бы съ мѣста могъ прервать его контръ-вопросомъ, не онъ ли то самое лицо, которое намъ нужно, но не успѣлъ да и колебался, а онъ на мои отвѣты задавалъ все новые и новые мѣткіе вопросы. Я рѣшилъ принять его аттаку. Кстати это былъ и первый экзаменъ той версіи нашего путешествія и нашего общественнаго положенія, которое мы придумали. Нужно было сдѣлать репетицію передъ возможнымъ болѣе серьезнымъ допросомъ.

Алеша проснулся и молча слушалъ.

Однако, чѣмъ дальше шли вопросы, тѣмъ экзаменаторъ становился все неумолимѣе. Это уже былъ не экзаменъ, а форменное слѣдствіе, быстрое, находчивое и ядовитое, не дававшее опомниться, изобличавшее въ слѣдователѣ большого знатока крестьянскаго быта и жизни.

Я уже начиналъ раскаиваться въ своей рѣшимости, чувствуя, что экзаменъ проходитъ на три съ минусомъ и убѣждаясь, что видѣть чью либо жизнь мало, надо, чтобы ее знать, извѣдать ее самому — когда онъ вдругъ такъ же неожиданно, какъ началъ, прервалъ свои разспросы, пытливо и недовѣрчиво поглядывая на насъ, какъ будто говоря: „Эхъ, господа, хорошо все это, да что-то не то“.

Наконецъ, я спросилъ его, не онъ ли Григорій Ивановичъ?

— Я самый, отвѣчалъ онъ.

— У меня къ вамъ письмо есть отъ такого-то — и я назвалъ фамилію.

— Пожалуйте.

Быстро пробѣжавъ записку, онъ подошелъ къ печкѣ и, совсѣмъ близко нагнувшись ко мнѣ, тихо спросилъ: „кто такіе будете“?

Я назвался.

— Изъ Гремячаго?

— Да.

— Очень пріятно познакомиться, слѣзайте, здѣсь всѣ свои, будемъ обѣдать.

Послѣ обѣда всей семьей въ кухнѣ, мы прошли на чистую половину и тамъ проговорили нѣсколько часовъ.

Прежде всего мы условились, на случай, если кто нибудь заѣдетъ, сидѣть на печкѣ и не показываться на глаза, такъ какъ изъ оконъ, выходившихъ на дорогу, было видно, какъ мимо безпрерывно идутъ и ѣдутъ солдаты въ обѣ стороны. Верстахъ въ шести, оказывалось, стоялъ штабъ корпуса, и туда и оттуда все время ѣхали конные. Въ случаѣ-же, если бы дошло дѣло до провѣрки документовъ, хозяинъ долженъ былъ сказать, что зашли молъ прохожіе обогрѣться, а кто де такіе, — не спрашивалъ.

Затѣмъ началось совѣщаніе о нашемъ маршрутѣ. Свѣдѣнія о фронтѣ у Григорія Ивановича были и подробныя и вполнѣ достовѣрныя. Фронтъ стоялъ все тамъ же, но, судя по многимъ и несомнѣннымъ даннымъ, красные готовились къ наступленію.

Идти по большаку, въ фронтовой полосѣ, судя по тому движенію, которое мы видѣли изъ оконъ, было, конечно, невозможно, ежеминутно мы могли быть остановлены. Прихо-

дилось двигаться проселками, взявъ на западъ. Путь немного удлинялся, но, такъ какъ мы рѣшили идти днемъ, то можно было на этомъ выгадать время. Послѣднее рѣшеніе было вызвано отчасти и тѣмъ, что мы были уже внѣ своего уѣзда, и въ лицо меня и Алешу никто не зналъ, но, главнымъ образомъ, тѣмъ, что, какъ показали наши поиски большака прошлой ночью, не по прямой дорогѣ ночами идти было невозможно. Плутанья приводили къ разспросамъ, что было очень опасно, днемъ же мы могли даже и обходить деревни.

Григорій Ивановичъ далъ намъ адреса трехъ своихъ знакомыхъ, къ которымъ можно было обратиться съ просьбой о гостепріимствѣ и за указаніями. Первый изъ указанныхъ имъ лицъ жилъ верстахъ въ двадцати, второй въ тридцати и третій въ сорока пяти. Помощь эта была, конечно, исключительно цѣнной, у насъ теперь было три этапа и послѣдній въ одномъ переходѣ отъ фронта, а главное, что адресатъ въ этомъ послѣднемъ пунктѣ по своему положенію — старшаго учителя въ большомъ министерскомъ училищѣ, могъ намъ очень помочь совѣтомъ.

Разложивъ свои карты, мы подробно и детально разспросили его о дорогѣ. Дѣйствительно человѣкъ для насъ оказался золотой. Подъ конецъ этой дѣловой части нашего разговора, я спросилъ его объ утреннемъ экзаменѣ. Онъ засмѣялся.

— Мужика легче обмануть, чѣмъ меня, я ихнюю жизнь лучше ихъ самихъ знаю, да и другихъ людей довольно всякихъ повидалъ на своемъ вѣку. Въ общемъ ничего, но коечто нескладно.

Его совѣты и здѣсь были очень цѣнны и мѣтки. Окончивъ эту оффиціальную часть, мы разговорились.

Онъ спросилъ о причинахъ, вынудившихъ насъ къ побѣгу, и, узнавъ ихъ, осторожно высказался въ томъ смыслѣ, что мы погорячились, поторопились, что все можно было устроить по хорошему, подчинившись силѣ и поступивъ на службу.

— Сила солому ломитъ, противъ рожна не попрешь — закончилъ онъ.

Уже вечерѣло, и Григорій Ивановичъ уговорилъ насъ остаться у него до утра, такъ какъ двадцать верстъ мы бы сегодня все равно не прошли, и одежда наша была еще совсѣмъ мокрая. Вечеромъ онъ много и съ удовольствіемъ разсказывалъ о себѣ, о своей прошлой и настоящей жизни.

Григорій Ивановичъ и въ прошломъ и въ настоящемъ, то-есть уже при большевикахъ, былъ фигурой для нашей деревни очень типичной. По большевицкой терминологіи онъ былъ классическій типъ буржуя и деревенскаго „кулака.“ Въ великорусской деревнѣ кулакъ — терминъ вполнѣ опредѣленный, это ростовщикъ и при томъ по преимуществу берущій за хлѣбъ, данный весной — засѣянный загонъ — осенью. Народническая литература придала этому термину „распространительное толкованіе,“ а большевики, обозвавъ можетъ быть и не устами умнаго и эластичнаго Ленина, но всей своей практикой на мѣстахъ, кулакомъ — всякаго дѣльнаго хозяйственнаго крестьянина, извратили смыслъ, затрепали и превратили опредѣленіе въ ругательство и орудіе партійной борьбы. Кулакомъ Григорій Ивановичъ конечно не былъ, онъ велъ очень крупное мукомольное дѣло, не забывая себя, но и не прижимая округу, благодаря чему и могъ остаться у себя послѣ переворота. Разореніе коснулось и его, но онъ, какъ человѣкъ практичный, сумѣлъ ликвидировать все, что могъ — своевременно.

Разсказъ его о томъ, какъ „освобожденный“ большевиками народъ по прежнему, по проложеннымъ старымъ тропинкамъ ходитъ къ прежнимъ „притѣснителямъ-спекулянтамъ“ за всякимъ дѣломъ, а къ „товарищамъ“ у которыхъ однѣ книжки, да и то все про „коммунію“ — ни ногой, и какъ это составляетъ главную причину негодованія и возмущенія „товарищей“, былъ очень колоритенъ. Въ своихъ разсужденіяхъ онъ исходилъ изъ признанія совершившагося и понималъ, какъ, всѣ жившіе въ Совѣтской Россіи, что не только всѣ реставраціонные планы, но даже и все, что имѣетъ хоть сколько нибудь реставраціонный духъ и тонъ, рождая въ народѣ подозрѣнія и боязнь кары за революцію и погромы — обречено на неудачу и только усиливаетъ большевиковъ, но къ большевикамъ онъ всетаки относился съ глубокимъ презрѣніемъ, хотя и признавалъ ихъ исключительную энергію и упорство. Его конечно и больше занимала и была лучше извѣстна, главнымъ образомъ, ихъ хозяйственная дѣятельность, и по его разсказамъ, полнымъ несравненныхъ анекдотовъ, выходило такъ, что большевики и не знаютъ среды, въ которой дѣйствуютъ, и не имѣютъ представленія о дѣлѣ, которое ведутъ. Свою теперешнюю жизнь онъ, не скрывая и не стѣсняясь, называлъ маскарадомъ.

— Теперь уже начали за умъ браться, видятъ, что совнархозомъ нашего брата-буржуя не замѣнишь, такъ рѣшили насъ на службу зазывать, мы не пошли, тогда ужъ заставлять стали. Куда, развѣ можно изъ подъ палки работать да еще въ такомъ тонкомъ дѣлѣ, какъ торговля! Вотъ и меня запрягли въ упродкомъ, да что, одинъ смѣхъ да грѣхъ.

Мы рѣшили на другой день, если удастся, пройти всѣ сорокъ пять верстъ, сразу до нашего третьяго этапа и потому рано залегли спать въ кухнѣ, гдѣ намъ устроили постель на соломѣ, на полу. Но, или дневной сонъ, или масса насѣкомыхъ, жадно набросившихся на свѣжую добычу, — но спали мы плохо и проснулись рано. Еще во снѣ мнѣ все слышался тихій и однообразный шумъ; проснувшись я съ тревогой вышелъ на крыльцо. Шелъ сильный и упорный дождь.., Стало, разсвѣтать, въ домѣ проснулись, напились чая, хозяева занялись своими дѣлами, а мы тоскливо ходили изъ кухни на крыльцо и обратно, не зная, что предпринять, дождь все лилъ и лилъ. Григорій Ивановичъ уговаривалъ насъ немного обождать, а старикъ, принявшій участіе въ совѣщаніи прошамкалъ, что „дождь не надолго, стороною проходитъ и не обложной, — скоро кончится". — Дѣйствительно часамъ къ 12-ти стало проясняться, посвѣтлѣло, и показалось солнце. Быстро пообѣдавъ и поблагодаривъ Григорія Ивановича, мы тронулись въ путь.

ГЛАВА IV.

День случайностей.

До первой большой деревни, которую обойти было невозможно, такъ какъ поперекъ нашей дороги протекала рѣчка и единственный мостъ черезъ нее былъ въ деревнѣ, было верстъ десять, но дорога послѣ дождя была такая скользкая и трудная, что прошли мы часа три. Солнце немного пригрѣвало, настроеніе у насъ было бодрое, и мы шли полевыми дорожками, сокращая путь и минуя деревни, весело переговариваясь.

Одинъ разъ, на всякій случай, зашли на деревню и спросили у бабъ, работавшихъ въ ригѣ, дорогу — оказалось, что идемъ вѣрно. Переходили лога.

Только что спустились въ одну лощину, какъ вдругъ цѣлая толпа мужиковъ свалилась откуда-то съ горы прямо намъ

на голову. Насъ окружили, отступать было и поздно и некуда. Повидимому, мужики шли со сходки или съ какого нибудь дѣлежа и „жеребьевки“. Видъ у нѣкоторыхъ былъ комиссарскій. Одинъ бойкій малый сталъ насъ разспрашивать, куда и зачѣмъ мы идемъ. Молодежь, глядя на насъ, посмѣивалась.

— Э, да что тамъ говорить, — вдругъ оборвалъ нашъ допросчикъ — „у насъ тутъ добрая половина такихъ, какъ вы, ступайте себѣ съ Богомъ, счастливаго вамъ пути.

Сходка дружно захохотала и двинулась дальше.

Къ деревнѣ мы подходили съ нѣкоторой тревогой, это былъ первый проходъ черезъ населенное мѣсто днемъ. Типичная картинка нашихъ мѣстъ открылась передъ нами, когда мы вошли на высокій гребень, готовясь спуститься въ село. Яркая зелень выгона, посвѣжевшаго отъ дождей, небольшая мутная, вздувшаяся рѣчка въ низкихъ берегахъ, съ простенькимъ деревяннымъ мостомъ черезъ нее, избъ сто пятьдесятъ подъ соломенными крышами, то ярко желтыми — новыми, то темно-бурыми — старыми, нѣсколько кирпичныхъ домовъ, крытыхъ подъ желѣзо и маленькая бѣлая церквушка на бугрѣ. Отсюда наша дальнѣйшая дорога была видна, какъ на ладони. Мы съ минуту задержались на бугрѣ, невольно залюбовавшись.

— Какая типичная и милая намъ картинка — проговорилъ Алеша.

Но не только намъ было все хорошо видно съ бугра. И мы, стоя на верху гребня, не остались незамѣченными. Только что мы стали спускаться внизъ, какъ слѣва изъ подъ горы, изъ небольшого кирпичнаго домика, къ которому, какъ я потомъ только замѣтилъ, шла телефонная проволока, наскоро прикрѣпленная къ невысокимъ шестамъ, вышелъ молодой малый въ защитной гимнастеркѣ и, на секунду задержавшись на крыльцѣ, глядя на насъ изъ подъ руки, закричалъ: „Эй, товарищи, а ну-ка остановитесь-ка на минуточку.“

Въ нашемъ планѣ побѣга былъ одинъ большой пробѣлъ. Съ одной стороны мы знали, что бѣжать, какъ бѣгали наши военноплѣнные въ послѣднюю войну, то-есть исключительно ночами, по компасу, стараясь не попасться ни одному живому существу на глаза, невозможно, особенно въ такую пору, когда мы шли. Обыкновенно побѣги потому и проваливались, что совершенно измученные бѣглецы, не выдерживали

своего положенія дикихъ звѣрей и, въ концѣ концовъ, неосторожнымъ шагомъ губили свое предпріятіе. Мы сознавали, что бѣжать по своей странѣ, не тоже, что по вражеской, гдѣ населеніе и агенты власти были заодно, и что вѣрные документы и отсутствіе по возможности всего компрометирующаго въ случаѣ обыска, прочнѣе насъ обезпечатъ, чѣмъ излишняя осторожность и сопротивленіе. Но съ другой стороны вставалъ такой вопросъ: „Ну, а если гдѣ нибудь встрѣтится одинокій вооруженный и задержитъ насъ, что дѣлать?“ И отвѣтъ былъ одинъ: взять револьверъ, и мы его взяли, хотя присутствіе его и вызывало у меня все время опасенія.

Первыя же слова солдата, — очевидно это былъ телефонистъ съ поста полевой почты, — въ мигъ вывели насъ изъ созерцательной задумчивости.

— Брось револьверъ — тихо сказалъ я Алешѣ, который въ этотъ день взялъ его къ себѣ. Онъ заколебался и моментъ былъ упущенъ.

— Уже поздно, замѣтитъ — отвѣчалъ Алеша.

Мы спокойно, не торопясь и не останавливаясь, двинулись навстрѣчу идущему къ намъ солдату. Алеша шелъ впереди, а я инстинктивно, для приданія увѣренности своему виду, вынулъ кисетъ и сталъ медленно крутить папиросу. Мы сошлись и, поздоровавшись, спросили, что надо?

Нашъ увѣренный и дружелюбный тонъ, повидимому, смутилъ телефониста. Совсѣмъ уже не тѣмъ тономъ охотника, выслѣдившаго и поймавшаго добычу, какимъ онъ насъ остановилъ, онъ сталъ разспрашивать, кто мы, откуда, куда и зачѣмъ мы идемъ и съ чьего разрѣшенія. Солдатъ былъ не изъ простыхъ, повидимому потершійся въ городахъ и съ полуинтеллигентнымъ говоромъ.

— А документы на это есть? — спросилъ онъ.

— А какъ же, кто жъ теперь днемъ по дорогѣ безъ документовъ ходитъ — со смѣшкомъ отвѣтилъ ему Алеша. Я тѣмъ временемъ закурилъ, а Алеша, какъ стоявшій впереди, протянулъ солдату свое удостовѣреніе, какъ разъ отвѣчавшее на всѣ предложенные вопросы.

Тотъ внимательно прочелъ его и осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ.

— А отъ службы свободны? все не унимался онъ.

Дали другую бумажку и ее онъ внимательно прочелъ и

совсѣмъ уже другимъ тономъ спросилъ: — А какъ же вы черезъ фронтъ пройдете, вѣдь васъ не пропустятъ, фронтъ вѣдь до вашихъ мѣстъ далеко не доходитъ, онъ сейчасъ по Н-ской желѣзной дорогѣ стоитъ? Сообщеніе это было для насъ очень цѣнно. Красноармеецъ былъ повидимому толковый и, какъ телефонистъ, освѣдомленный. Мѣсто имъ названное было какъ разъ то, гдѣ мы и предполагали фронтъ.

— А намъ такъ въ городѣ у насъ сказали, товарищъ, — отвѣчалъ я — коли фронтъ дойдетъ до васъ, такъ пройдете, а не дойдетъ, на фронтѣ, у начальства разрѣшеніе возьмете.

Отвѣтъ былъ наивный, но солдатъ успокоился.

— Ну, ступайте, коли такъ, сказалъ онъ.

— Счастливо оставаться, отвѣчали мы и, попрощавшись съ нимъ уже за „ручку", не торопясь пошли на мостъ.

— Ну, — радостно обернулся ко мнѣ Алеша, когда мы отошли отъ поста, — „наши документы блестяще выдержали экзаменъ.

Успѣхъ и у меня поднялъ духъ, но возможность обыска и револьверъ не выходили изъ головы.

Этотъ день повидимому былъ днемъ ряда счастливо оканчивающихся испытаній. Только что мы успѣли, перейдя черезъ мостъ, начать взбираться на противоположный бугоръ, какъ сзади справа показалась группа всадниковъ человѣкъ въ двадцать. Они ѣхали параллельно рѣкѣ саженяхъ въ двухстахъ отъ насъ. Мы быстро сбросили свои подозрительныя сумки на землю, спрятали револьверъ и карты подъ большую „грудку" на пашнѣ и сѣли, ожидая новаго противника. Однако, благодаря ли холмистой мѣстности мы остались незамѣченными, или просто два мирно сидѣвшихъ и покуривавшихъ у дороги мужчины, не обратили на себя ихъ вниманія, но вскорѣ они скрылись въ направленіи только-что пройденнаго нами моста.

Было около пяти часовъ, когда мы подошли къ одинокому хуторку, невдалекѣ подъ горой виднѣлась деревня. По нашимъ разсчетамъ до нашего перваго этапа, оставалось версты двѣ. За плетневымъ заборомъ во дворѣ слышались удары топора. Не знаю почему, хотя мы и знали дорогу, но, вѣроятно, по своей старой деревенской привычкѣ разговаривать со всѣми встрѣчными и спрашивать дорогу, когда надо и когда не надо, я подошелъ къ плетню и заглянулъ во дворъ. Молодой малый, лѣтъ двадцати пяти, рубилъ дрова.

— Здравствуйте — обратился я къ нему — далеко ли до Гордѣевки?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, — недалече, версты три, а вамъ кого тамъ надо?

— Измайлова Петра Федоровича, знаете?

— Какъ не знать, знаемъ, мы у него и землю эту купили, да вамъ, пожалуй, — онъ весело и лукаво посмотрѣлъ на меня, — туда не по пути будетъ.

— А что?

— Да слухъ есть, къ нему сегодня изъ города „товарищи" пріѣхали, самого забрали, все поразорили, книги пораскидали и сейчасъ тамъ околачиваются, бумаги осматриваютъ.

— Да, это пожалуй что и впрямь не по пути — отвѣчалъ я, — спасибо, что сказали, прощайте.

— Прощайте, не на чѣмъ, сами понимаемъ — возразилъ онъ.

Я вернулся къ Алешѣ, дожидавшемуся меня на дорогѣ, и мы стали совѣщаться. До второго этапа было еще верстъ десять, хода часа два или два съ половиной. Часа черезъ полтора ужъ должно было стемнѣть.

— А не попроситься ли намъ къ нимъ на хуторъ переночевать, малый хорошій, а на хуторъ кто-жъ поѣдетъ, предложилъ я, и мы повернули назадъ къ избѣ.

Парень сразу же охотно и ласково согласился.

— Ступайте въ хату, я сейчасъ приду — сказалъ онъ.

— Это наша первая остановка у незнакомыхъ, и притомъ уже не у своихъ братьевъ „буржуевъ" — сказалъ Алеша — а вѣдь везетъ намъ сегодня, случайность за случайностью, хороши бы мы были у Измайлова, а помнишь твой споръ съ дѣдушкой, когда я какъ то у васъ былъ, вотъ тебѣ и каждый человѣкъ кузнецъ своего счастья — вотъ тебѣ и логика и разсчетъ.

Дѣйствительно я вспомнилъ, что какъ-то послѣ какой-то неудачи, я вернулся домой въ угнетенномъ настроеніи, недовольный собой, и дѣдушка, желая вѣроятно меня утѣшить, долго со мной спорилъ, доказывая мнѣ, что успѣхъ всякаго дѣла въ самой незначительной степени зависитъ отъ насъ самихъ, по большей частью являясь результатомъ привходящихъ, не поддающихся учету и предвидѣнію, причинъ.

Мы вошли въ избу, тамъ сидѣли двѣ бабы, высокая сухая старуха — мать и молодайка — жена парня. Съ печки на

насъ пугливо поглядывалъ мальчикъ лѣтъ четырехъ, съ копной бѣлыхъ льняныхъ волосъ на головѣ. Стемнѣло и пришли съ работъ мужчины — отецъ и сынъ. Зажгли огонь, бабы сѣли за прялки, мы угостили мужиковъ махоркой, и начался разговоръ. Предложивъ обычные вопросы, старикъ сталъ разспрашивать о подробностяхъ нашего пути. Желая его успокоить, я сказалъ, что у насъ есть документы.

— Эхъ, родной, — отвѣчалъ онъ, — на что мнѣ твои документы, развѣ мы какіе нибудь, не понимаемъ. Много, охъ, много васъ такихъ-то теперь проходитъ, надняхъ еще ночевали, развѣ мы не понимаемъ.

— Нѣтъ, мы не дезертиры — возразилъ Алеша, парень посмѣивался.

— И то будто не изъ тѣхъ — вмѣшалась старуха — гляжу я на нихъ, и сумки у нихъ, и одежда у нихъ вся своя. А вотъ надысь одинъ такой-то шелъ, такъ безо всего, одна обротка въ рукахъ, а самъ видать — дальній, зашелъ напиться, я и спрашиваю, — какъ же это ты, дѣточка, съ одной обротью идешь, а онъ — такъ и иду — говоритъ, — въ ней, оброткѣ, мамаша, вся моя сила и есть. Пру себѣ напрямикъ по зеленямъ, какъ встрѣчу кого, — не видали ли, говорю, товарищи, моего сѣраго мерина, со двора ушелъ. — Нѣтъ — говорятъ, — не видали — а я дальше. Такъ-то, ребятушки — закончила она — съ оброткой-то видать способнѣе идти, опять же по дорогѣ, и обротать можно лошадку чью, скорѣе дома будете.

Всѣ засмѣялись.

— Остра она у меня на языкъ, старуха-то — смѣялся старикъ.

— Чего тамъ остра — не унималась она — развѣ я что худое говорю, идутъ люди „по своимъ дѣламъ“, такъ-то, сынки, у насъ это теперь прозывается, ну и пущай себѣ идутъ. Да что тамъ говорить, это я такъ, ребятушки, смѣюсь, вы не сумлѣвайтесь, мой то Сема тоже вѣдь здѣсь дома, „по своимъ дѣламъ“ околачивается, срокъ давно уже вышелъ. Какъ на деревнѣ загалдятъ, такъ онъ и изъ избы вонъ, а что ужъ зимой будетъ и не придумаемъ — неожиданно, какъ это часто бываетъ съ простонародными женщинами, перешла она на миноръ, и вздохнула.

— Ничего, старуха, можетъ скоро все и кончится — отвѣтилъ старикъ, — слыхать теперь съ обѣихъ сторонъ на

убыль пошло. Былъ я въ городѣ, сказывали какой-то Махно объявился, большую силу имѣетъ и за мужиковъ стоитъ, за нашего брата.

— Эге, — подумалъ я — вотъ въ какую дальнюю глушь залетѣли уже о немъ вѣсти — но, конечно, ничего не возразилъ.

На этомъ и кончилось это и безцеремонное и наивно-простосердечное разспрашиваніе. Парень перевелъ разговоръ на германскую войну, мы вспоминали разные случаи изъ нея, потомъ заговорили о деревнѣ и о теперешней жизни. Старикъ разсказалъ, какъ трудно ему было купить землю и перенести изъ деревни стройку на хуторъ и какъ часть купленной земли теперь у него отобрали при передѣлѣ, спасибо еще не всю, и то только изъ за того, что она была своей же волости и все равно подлежала передѣлу въ ихъ деревнѣ. Такъ за мирнымъ разговоромъ скоротали длинный осенній вечеръ до ужина.

— Ну, бабы, довольно вамъ, бросай прялки, сбирай, жена, ужинать — сказалъ старикъ ласково, но суровымъ тономъ, — слѣзай внучекъ съ печки, слѣзай, голубеночекъ — нѣжно уговаривалъ онъ пугливаго мальчика.

Послѣ ужина мы вынули изъ сумки чай и сахаръ, недавно привезенный кѣмъ-то рѣдкій подарокъ изъ города, которые, какъ мы не отказывались, а Катя положила всетаки ко мнѣ въ сумку, и предложили хозяевамъ напиться съ нами чайку. Баба-молодайка, убиравшая со стола, и старуха, кормившая помоями свинью, вылѣзшую изъ подъ печки, — чинно и церемонно, согласно деревенскимъ правиламъ приличія, отказывались. Мы настаивали. Мужчины согласились и разрѣшили и женамъ сѣсть съ нами.

Всѣ уже кончили, а старикъ все пилъ стаканъ за стаканомъ съ однимъ кусочкомъ сахару въ прикуску и безконечно разсказывалъ намъ разныя исторіи о злыхъ людяхъ, какъ „вотъ тоже, годовъ двадцать пять тому назадъ, зашли вотъ такъ-то къ нему двое, попросились переночевать, онъ до гостей всегда былъ охочъ и ласковъ, пустилъ, а утромъ глядь ни ихъ, ни лошадокъ на дворѣ, какъ не бывало, насилу нашелъ потомъ на ярмаркѣ.“

Мы уже стали примолкать, съ трудомъ поддерживая разговоръ, и молодой хозяинъ, бывалый солдатъ, хорошо грамотный и много культурнѣе всей своей семьи, видя, что мы

устали, заговорилъ о ночлегѣ. Намъ составили скамейки, положили на нихъ свѣжей сухой соломы, застелили ее рядномъ и дали покрыться шубами. Уже сквозь сонъ я слышалъ, какъ старикъ лежа на печкѣ, тихо бормоталъ молитвы. Наконецъ все стихло.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Ив. Бѣленихинъ.

Отрывокъ.

Какъ въ оснѣженномъ Петроградѣ,
Въ день ледохода на Невѣ,
Къ чугунной прислонясь оградѣ,
Слѣдя въ высокой синевѣ
Рожденье радостныхъ снѣжинокъ,
Внимая треску синихъ льдинокъ, —
Въ зимѣ предчувствую весну.
Вчерашнему не вѣрю сну
И знаю: близокъ часъ возврата
Въ любимый городъ надъ Невой,
Гдѣ пахнетъ талый снѣгъ весной,
Гдѣ въ строгой желтизнѣ Сената,
Въ упрямо вздыбленномъ конѣ
И въ Александровской колоннѣ —
Наперекоръ всей новизнѣ —
Хранится память прежней славы,
Петра, Екатерины блескъ,
Строфъ Пушкина размѣрный плескъ...
Безъ скипетра и безъ державы
Надъ нами бдитъ орелъ двуглавый.

Глѣбъ Струве.

О Декабристахъ.

По семейнымъ воспоминаніямъ.

I.

„Семейный Архивъ,“ — сколько прошлаго, ушедшаго, былого въ этихъ словахъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, сколько поблекшаго, увядшаго, и, несмотря на блеклость, сколько благоуханнаго. Къ сожалѣнію, все это въ словахъ, а въ самихъ архивахъ, что осталось?

Бумажное наслѣдіе нашихъ отцовъ, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда не подверглось поруганію, извлечено изъ обстановки, въ которой оно хранилось, развезено по разнымъ казеннымъ учрежденіямъ, свалено по канцеляріямъ, по сундукамъ въ кладовыхъ музеевъ, перебирается и распредѣляется людьми, далекими отъ той внутренней жизни, которой дышатъ эти пожелтѣлые листки. Вырванные изъ своихъ семейныхъ гнѣздъ, изъ той атмосферы родственнаго вниманія, въ которой они хранились, архивы наши потеряли, — безвозвратно потеряли именно то благоуханіе, которое было самымъ цѣннымъ ихъ свойствомъ. Они его потеряли потому, что оно было не имъ присуще, а сообщалось имъ сыновнею любовью родственно связаннаго съ ними потомка. Для тѣхъ людей, которые сейчасъ ими занимаются, это не живыя страницы далекаго, но близкаго прошлаго, а только „документъ.“ Все, что будетъ на основаніи этого документа написано, будетъ не болѣе, какъ сводка; все, что будетъ къ нему прибавлено, будетъ либо догадка, либо вымыселъ. Только свой человѣкъ увидитъ за „документомъ“ жизнью трепещущее письмо, только сынъ за почеркомъ почувствуетъ характеръ и образъ, только внукъ за мелькомъ брошеннымъ именемъ ощутитъ прикосновеніе жизненныхъ теченій, переплетенія семейныхъ отношеній. Только въ самомъ себѣ, (а не въ бумагѣ) найдетъ онъ разгадку тому, что не досказано. И тогда, то, что онъ прибавитъ къ „документу,“ не будетъ ни догадкой, ни вымысломъ. Это будетъ, если не личныя воспоминанія, то — куски жизни, отраженные въ его памяти. Изъ глубины дѣтства возникаютъ и всплываютъ на поверхность какіе-то клочки, обрывки: — звукъ голоса, взглядъ, усмѣшка, имя, кличка, портретъ, сухой цвѣтокъ, кусокъ матеріи, пѣсня, прибаутка, запахъ... И въ каждомъ такомъ намекѣ есть воскрешающая сила, необманная сила, столь же необманная, какъ и сила „документа.“

Посторонній изслѣдователь изъ письма выводитъ; семейному изслѣдователю письмо само разсказываетъ и — гораздо больше, чѣмъ въ письмѣ написано. Да будетъ же мнѣ позволено воспользоваться вышеуказаннымъ преимуществомъ „семейнаго изслѣдователя“ и, въ качествѣ внука декабриста, разсказать о томъ архивѣ, который былъ у меня и котораго у меня нѣтъ.

Весной 1915 г., разбирая вещи въ старомъ шкапу на тогдашней моей квартирѣ въ Петербургѣ (Сергіевская 7), я неожиданно напалъ на груду бумагъ. Часть ихъ лежала вповалку, но большинство было уложено пакетами, завернутыми въ толстую сѣрую бумагу; на пакетахъ этихъ, запечатанныхъ сургучемъ и перевязанныхъ тесемками, были надписи: отъ такого-то къ такому-то, отъ такого-то до такого-то года, отъ такого-то до такого-то номера; иногда оговорка о пропускѣ въ номерахъ. Въ надписяхъ я сейчасъ же призналъ почеркъ моего дѣда, декабриста Сергѣя Григорьевича Волконскаго. Тутъ же было нѣсколько переплетенныхъ тетрадокъ. Раскрывъ ихъ, я увидѣлъ въ одной письма матери декабриста, княгини Александры Николаевны Волконской, въ другихъ — письма къ женѣ декабриста, княгинѣ Маріи Николаевнѣ Волконской, урожденной Раевской, отъ разныхъ членовъ ея семьи, родителей, братьевъ, сестеръ. Еще было нѣсколько большихъ переплетеныхъ тетрадокъ, — это былъ журналъ исходящихъ писемъ. Наконецъ были кипы писемъ самихъ декабристовъ, — Сергѣя Григорьевича и Маріи Николаевны, очевидно, возвращенныхъ моему отцу послѣ смерти адресатовъ. Среди всего этого письменнаго матеріала множество рисунковъ: портреты акварельные, карандашные, виды Сибири, сцены острожной жизни, въ числѣ ихъ портреты работы декабриста Бестужева, карандашные портреты извѣстнаго шведскаго художника Мазера, въ 50-хъ годахъ посѣтившаго Сибирь и зарисовавшаго многихъ декабристовъ. Однимъ словомъ, — съ полокъ стараго шкапа глядѣло на меня 30 лѣтъ Сибири (1827 — 1856), да не одна Сибирь: письма начинались много раньше, съ 1803 года, и кончались 1866, годомъ смерти декабриста Волконскаго.

Такое наслѣдіе обязываетъ. Я рѣшилъ заняться разработкой и изданіемъ его. Въ разработкѣ помогалъ мнѣ Б. Л. Модзалевскій, завѣдующій Пушкинскимъ домомъ при Академіи Наукъ, знатокъ русской генеалогіи и работникъ по архиповѣденію. Изданіе взялъ на себя Е. А. Ляцкій, руководитель издательства „Огни,“ столь много сдѣлавшаго въ области мемуарной литературы.

Предполагаемое изданіе должно было называться „Архивъ Декабриста“ и состоять изъ четырехъ частей: 1 „До Сибири“, 2 „Заточеніе“, 3 „Поселеніе“, 4 „Возвращеніе“. По предварительному подсчету матеріала, онъ, вѣроятно, занялъ бы пять, шесть томовъ. Иллюстраціонный матеріалъ былъ мною

сфотографированъ. Работа пошла быстро и, несмотря на всѣ затрудненія, сперва военнаго, а потомъ революціоннаго времени, первый томъ „Архива Декабриста“ вышелъ въ іюлѣ 1918 г.

Въ самомъ началѣ работы я снесся съ Иркутской Архивной Комиссіей, прося не отказать мнѣ въ доставленіи матеріаловъ касательно сибирскаго житья нашихъ изгнанниковъ. Секретарь этой Комиссіи отвѣтилъ мнѣ нѣсколькими письмами, въ которыхъ выказалъ много теплоты и вниманія къ интересовавшему меня дѣлу. Отъ себя онъ помѣстилъ нѣсколько объявленій въ сибирскихъ газетахъ, и въ отвѣтъ на этотъ призывъ я получилъ много писемъ отъ сибирскихъ старожиловъ, сыновей и внуковъ такихъ людей, которые были знакомы съ декабристами. Эти письма неизвѣстныхъ людей рисовали трогательныя картины быта, характеристики лицъ и отношеній и въ горячихъ выраженіяхъ неподкупной искренности свидѣтельствовали о памяти, какую оставили декабристы въ мѣстномъ населеніи. Моимъ безвѣстнымъ корреспондентамъ приношу здѣсь глубокую свою благодарность. Если когда-нибудь страницы эти попадутся имъ на глаза, они узнаютъ, что волна разрушенія, унесшая всю работу рукъ моихъ, унесла и ихъ имена, и ихъ адреса...

Всѣ рисунки были мною увезены въ деревню, въ имѣніе Павловку, Борисоглѣбскаго уѣзда, Тамбовской губерніи. Здѣсь, во флигелѣ я собралъ и устроилъ „музей декабристовъ“. Кромѣ картинъ, портретовъ и проч., были тамъ многія вещи, декабристамъ принадлежавшія. Такъ, была у меня ложка, которою ѣлъ С. Г. Волконскій, его чубукъ, его палка, часы, подсвѣчникъ, столъ, ноты, принадлежавшія княгинѣ Маріи Николаевнѣ... Всѣхъ мелочей и не перечислить. Порядокъ и покой этого маленькаго музея были нарушены осенью 1918 года, когда я покинулъ свое имѣніе и перевезъ наиболѣе близкія и сердцу дорогія вещи въ уѣздный городъ. Здѣсь, несмотря на почти уже невозможныя условія жизни, весною того же года, на Святой, въ библіотекѣ Народнаго Дома, я открылъ въ пользу Общества Вспомоществованія раненымъ и увѣчнымъ воинамъ „Выставку Декабристовъ“. Въ двухъ большихъ залахъ и двухъ маленькихъ ихъ комнатахъ размѣстились четыре отдѣла: „До Сибири“, „Сибирь“, „Оффиціальная Россія“ и „Возвращеніе“. Выставка эта въ Петербургѣ и Москвѣ, конечно, имѣла бы большой успѣхъ. Каталогъ ея, болѣе двухсотъ номеровъ, вѣроятно, и по сіе время сохранился у кого-нибудь изъ жителей города Борисоглѣбска или въ мѣстной общественной библіотекѣ. Убрать съ такою любовью собранную выставку мнѣ уже не пришлось, — въ солдатской шинели, съ котомкой платья и бѣлья, въ пять часовъ утра, пѣшкомъ я долженъ былъ покинуть родной городъ... Знаю, что часть вещей, спеціально художественной цѣнности, была затребована и вывезена Кол-

легіей Охраны Памятниковъ и сейчасъ покоится въ подвалахъ Румянцевскаго музея.

Самый архивъ въ подлинникѣ и въ копіи былъ мною заблаговременно пересланъ въ Академію Наукъ, а оттуда, заботами Б. Л. Модзалевскаго, переправленъ въ Румянцевскій же музей.

Каждую часть изданія я предполагалъ снабдить предисловіемъ. Первое предисловіе вышло въ свѣтъ съ первымъ томомъ. Въ силу обстоятельствъ, этотъ первый томъ будетъ и послѣднимъ... Ко второй части („Заточеніе") предисловіе уже было мною написано. Это былъ разсказъ о первыхъ десяти годахъ сибирскаго житья; разсказъ, составленный исключительно по письмамъ княгини Маріи Николаевны и вмѣстѣ съ тѣмъ дававшій духовный ея портретъ, какъ онъ изъ этихъ писемъ вырисовывается. Но эта работа, — какъ и всѣ мои бумаги, замѣтки, письма, примѣчанія и прочій рукописный матеріалъ, — была отобрана у меня уѣздными властями въ то время, когда все мое имущество было объявлено народной собственностью. Когда въ 1919 г. былъ посланъ туда делегатъ отъ Охраны Памятниковъ, съ тѣмъ, чтобы вывезти мои работы, онъ уже ничего не нашелъ: „бумаги, отобранныя въ бывшемъ домѣ Волконскаго, были израсходованы"... тамъ, гдѣ вообще расходуется ненужная бумага...

Постараюсь на этихъ страницахъ по памяти возстановить, сколько могу, но прошу читателя не посѣтовать за отсутствіе ссылокъ и датъ: у меня не осталось ничего. Предвидя возможную пропажу, я снялъ копію съ упомянутаго второго предисловія и отдалъ на храненіе одной старушкѣ въ уѣздномъ городѣ. Но и это оказалось недостаточно безопаснымъ, — старушка была вынуждена закопать ее въ землю. Въ январѣ 1921 г. мнѣ привезли эту рукопись въ Москву. Когда я развернулъ ее, у меня въ рукахъ она разсыпалась, — это былъ прахъ... Такъ исчезъ послѣдній слѣдъ моей работы. Пока пишу эти строки, передо мной на столѣ стоятъ — фотографія съ одной изъ комнатъ, въ которыхъ размѣщался „музей декабристовъ", портретъ княгини Маріи Николаевны, миніатюра, изображающая ея мать, и кедровая шишка отъ сибирскаго кедра, посаженнаго мною въ паркѣ моего бывшаго имѣнія. Вотъ все, что у меня осталось... Но — память дороже вещей.

Цѣнность этого матеріала, который судьба предоставила мнѣ въ этихъ бумагахъ, нельзя назвать чисто исторической, — она гораздо больше въ раскрытіи бытовой и психологической стороны той удивительной эпохи и тѣхъ удивительныхъ людей. Думаю, что для истинныхъ ревнителей прошлаго, для тѣхъ, кто въ прошломъ ищетъ не фактовъ, а жизни, эта сторона даже цѣннѣе; она цѣннѣе не только по существу, но и по рѣдкости своей. Событія достаточно извѣстны, но

именно бытъ и психологія людей, при скудости нашихъ, семейныхъ архивовъ, при нерадѣніи, съ какимъ предшествовавшія поколѣнія относились къ бумажному наслѣдію отцовъ, составляютъ самую дорогую сторону прошлаго, тѣмъ болѣе дорогую, чѣмъ труднѣе возстановить ея картину. Съ этой точки зрѣнія нашъ архивъ представляетъ рѣдкую цѣнность; врядъ ли отъ кого-либо изъ участниковъ декабрьскихъ событій остался столь обильный и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовательный, почти „непрерывный" матеріалъ. И въ этомъ матеріалѣ не сами событія, а какъ они отражались въ умахъ и сердцахъ, какъ люди о нихъ узнавали, передавали другъ другу, какъ страдали, радовались, ссорились, мирились. Такое событіе, какъ политическій заговоръ, разразившійся военнымъ возстаніемъ въ Петербургѣ 14 декабря 1825 г., со всѣмъ, что было имъ вызвано, не могло не отразиться самымъ глубокимъ образомъ на взаимоотношеніяхъ людей. Не говоря о политическихъ убѣжденіяхъ, оказались затронутыми вопросы общественнаго и служебнаго положенія, были потрясены условія матеріальнаго быта, были подвергнуты испытаніямъ прочность и искренность семейныхъ отношеній. Вотъ въ чемъ истинный интересъ нашего архива. Интересъ увеличивается тѣмъ, что матеріалъ сосредоточивается вокругъ такихъ двухъ центральныхъ фигуръ, какъ идеальный, нѣсколько утопичный и не отъ міра сего декабристъ князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій и романтическая, героическая въ красотѣ своего подвига личность княгини Маріи Николаевны.

О декабристахъ было много изслѣдованій, о ихъ женахъ писали поэты, но ни точность историческаго изысканія, ни сила поэтическаго творчества не создадутъ этимъ людямъ болѣе высокаго памятника, чѣмъ тотъ, что выростаетъ со страницъ семейнаго бытоописанія. Вѣдь самая героическая жизнь состоитъ изъ накопленія мелочей; и вотъ эти мелочи, простотой своей и простотой отношенія къ нимъ, еще болѣе поднимаютъ высокую сторону того, что для писавшихъ было будничной повседневностью. „Какія героини, — говаривала по возвращеніи изъ Сибири Александра Ивановна Давыдова, — какія героини! Это поэты изъ насъ сдѣлали героинь, а мы просто поѣхали за нашими мужьями". Такъ смотрѣли они на свой подвигъ и не сознавали даже, какъ этой скромностью возвышали его.

Такова окраска общаго духа, которымъ вѣетъ со страницъ нашего архива. Повседневность геройства и геройство въ повседневности. И рѣдко, когда съ большей ясностью и болѣе скорбной остротой, чѣмъ при разборкѣ этихъ страницъ, пожелтѣлыхъ и покрытыхъ трудно разбираемыми, иной разъ уже блеклыми письменами, вставали передъ сознаніемъ — житейская ничтожность всего земного и эстетическая цѣнность всего, что когда-то было...

Былое! Ясна ли вся прелесть этого слова? Теперь, когда все прежнее сметается, за одно стирается въ сознаніи людскомъ и прошлое. Между тѣмъ это совсѣмъ не одно и то же. Можно не любить, даже ненавидѣть прежнее, и все же любить прошлое; можно не желать возвращенія прежняго и тѣмъ не менѣе любовной памятью цѣпляться за прошлое, воскрешать его къ эстетической жизни. Конечно, это умѣніе различать и оцѣнивать есть признакъ тонкой культуры, и, болѣе чѣмъ когда либо, въ наши дни хочется напомнить о цѣнности прошлаго; хочется ясно отмѣтить разницу между нецѣнностью отжитаго и пережитаго и цѣнностью прожитаго. „Что пройдетъ, то будетъ мило", сказалъ поэтъ, и каждая настоящая минута, перегорая въ смерти и уходя въ прошедшее, нами оттуда извлекается и выводится къ новой жизни. Изъ разбитыхъ сосудовъ мы по каплямъ, по крошкамъ собираемъ трепетъ прошлой жизни, и этотъ трепетъ, для прошлаго ненужный, для настоящаго, казалось бы, безполезный, — въ безпокойной растерянности нашихъ исканій и метаній говоритъ намъ о тщетѣ земныхъ страстей, о безпричинности страданій, о безсиліи негодованій; онъ въ настоящемъ говоритъ о вѣчности „и на бунтующее море льетъ примирительный елей".

Для тѣхъ, кто это понимаетъ, для тѣхъ послѣдующія страницы.

II.

Однажды, въ моемъ уѣздномъ городѣ меня просили прочитать съ благотворительною цѣлью лекцію о декабристахъ. Я счелъ долгомъ обратить вниманіе того, кто велъ со мной переговоры, на то, что въ началѣ моей лекціи мнѣ придется говорить о многомъ такомъ, что сейчасъ не въ чести обрѣтается (это было весною 1918 года): о князьяхъ, генералахъ, даже императорахъ и императрицахъ... „И говорите, сказалъ онъ — говорите. Потому что одно дѣло попасть въ Сибирь изъ деревни, а другое дѣло попасть въ Сибирь изъ дворца". И это сказалъ человѣкъ, самъ вышедшій изъ деревни и вернувшійся изъ Сибири (что не помѣшало ему быть разстрѣляннымъ).

Ни на одномъ изъ участниковъ декабрьскаго возстанія этотъ контрастъ не проступаетъ такъ ярко, какъ на князѣ Сергѣѣ Григорьевичѣ Волконскомъ. Блестящее образованіе, блестящее положеніе въ свѣтѣ и при дворѣ, блестящая, даже по тѣмъ временамъ, головокружительная карьера (въ 23 года онъ былъ генералъ-майоромъ), барабанный бой и знамена Наполеоновскихъ войнъ, участіе въ пятидесяти восьми сраженіяхъ, празднества Вѣнскаго Конгресса, — вся юность его прошла подъ тѣмъ героическимъ дуновеніемъ молодости, ко-

торымъ дышало „дней Александровыхъ прекрасное начало“. И послѣ этого — ночь Сибирскихъ рудниковъ...

Родители Сергѣя Григорьевича стояли высоко по лѣстницѣ общественно-служебной и придворной. Отецъ его, князь Григорій Семеновичъ былъ сыномъ генералъ-аншефа князя Семена Федеровича Волконскаго, въ семилѣтнюю войну командовавшаго провіантмейстерскою частью. Григорій Семеновичъ и самъ былъ вояка и заслужилъ отъ Суворова наименованіе „неутомимаго“ и „трудолюбиваго“. Отъ 1803 до 1816 г. онъ былъ генералъ-губернаторомъ или какъ тогда говорили — военнымъ губернаторомъ Оренбургскаго края. Постъ видный, почетный и, если можно такъ выразиться, живописный. Близость „къ предѣламъ Азіатскимъ“, посѣщеніе вассальныхъ хановъ, караваны верблюдовъ, нагруженныхъ дарами Азіатскихъ степей, разливы рѣкъ, все это проходитъ въ письмахъ старика и, въ связи съ нѣсколько приподнятымъ тономъ самого пишущаго, придаетъ имъ не совсѣмъ обычный характеръ, покрываетъ ихъ налетомъ чего-то Державинскаго, — это какія-то оды домашняго обихода.

Большинство сохранившихся отъ него писемъ — къ дочери его, Софьѣ Григорьевнѣ, бывшей замужемъ за Волконскимъ же, княземъ Петромъ Михайловичемъ, извѣстнымъ впослѣдствіи начальникомъ штаба при Александрѣ I-мъ и министромъ двора при Николаѣ I. Называетъ онъ свою дочь „дражайшая княгиня Софья Григорьевна“, „покрываетъ цѣлованіемъ ея драгоцѣнныя ручки“, на конвертѣ послѣ адреса, приписываетъ „и душевному другу“ или — „и ангелу моему“. Сидя „въ своемъ одиночествѣ“, вдали отъ „веселостей столицы“ и „береговъ Невскихъ“ престарѣлый отецъ заочно „прижимаетъ въ свои сердечныя объятія“ всѣхъ членовъ семьи, столь же многочисленныхъ, сколько взысканныхъ милостями царскими. Старшій сынъ — „нашъ князь Николай Григорьевичъ“, побывавъ въ 1813 г. вицекоролемъ Саксоніи, назначается генералъ-губернаторомъ Малороссіи; второй — „нашъ князь Никита Григорьевичъ“ жалуется флигель адъютантомъ, а „герой нашъ князь Сергѣй Григорьевичъ“ стяжаетъ славу на поляхъ сраженій: въ двадцать три года онъ генералъ-майоръ, нѣсколько разъ раненъ и контуженъ, усыпанъ знаками отличія. Помню, въ запискахъ Хомутовой разсказъ. Сидѣли въ оперѣ, отворяется дверь, въ ложу входитъ Сергѣй Волконскій въ шинели. Его спросили, почему онъ не снимаетъ шинели? „Изъ скромности, отвѣчалъ онъ, солнце прячетъ въ облака лучи свои“. Онъ распахнулся, — его грудь горѣла орденами...

Старшіе два сына были женаты. Николай — на графинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Разумовской, внучкѣ гетмана; Никита на княжнѣ Бѣлосельской-Бѣлозерской, извѣстной впослѣдствіи Зинаидѣ Волконской, сыгравшей видную роль въ ли-

тературно-художественномъ движеніи своего времени, обворожительной красавицѣ, воспѣтой Пушкинымъ, Мицкевичемъ. О ней скажемъ нѣсколько словъ ниже. Сергѣй Григорьевичъ въ то время еще не былъ женатъ; уже послѣ смерти отца, можно сказать наканунѣ декабрьскихъ событій, онъ женился на Маріи Николаевнѣ Раевской.

Изъ своего Оренбургскаго одиночества сановный отшельникъ радостнымъ окомъ слѣдилъ за судьбою дѣтей, какъ она катилась отъ грохота сраженій къ блеску придворныхъ торжествъ; и этотъ далекій шумъ тѣшилъ его сердце, и пробуждалъ чувства родительской гордости. Это былъ удивительный старикъ, полный своеобразія. Современные мемуары изобилуютъ разсказами о его странностяхъ. Сохранилось преданіе о томъ, что однажды онъ своего старшаго сына Николая ударилъ по щекѣ. Мальчикъ ушелъ и заперся въ своей комнатѣ. Черезъ нѣсколько минутъ раскаявшійся отецъ стучится въ дверь, но сынъ не отпираетъ. Тогда слышится голосъ: „отопри, я сталъ на колѣни". Сынъ отворяетъ дверь, — и оба, отецъ и сынъ, стоятъ на порогѣ другъ передъ другомъ на колѣняхъ. Съ годами его странности увеличивались; здѣсь, можетъ быть, сказывалось вліяніе раны въ голову, полученной при взятіи Мачина. Но въ самомъ дѣлѣ, невѣроятныя подробности читаемъ о немъ. Въ большой каретѣ цугомъ выѣзжалъ онъ на базаръ, закупалъ провизію; позади кареты, по бокамъ ливрейныхъ лакеевъ висѣли гуси и окорока, которые онъ раздавалъ бѣднымъ. Посреди улицы онъ вылѣзалъ изъ кареты, становился на колѣни, иногда въ грязь, въ лужу и творилъ молитву. Онъ былъ очень богомоленъ; на портретѣ работы Боровиковскаго онъ изображенъ съ руками сложенными на Библіи. Вотъ какъ въ своемъ стихотвореніи, поднесенномъ ему по случаю „пожалованія ордена Святого Андрея Первозваннаго", описывалъ Григорія Семеновича нѣкій Евреиновъ.

Я мимо Спаса шелъ по улицѣ Сѣнной;
Гляжу — въ часовнѣ — кто онъ въ лентѣ голубой?
Встревожился тогда, не вѣрю я глазамъ,
Но вдругъ представился Волконскій князь очамъ.
. . . . . .
Иной бы, получа такую благодать,
Въ театръ бы поскакалъ, чтобъ тамъ себя казать,
А ты, достойный мужъ, въ храмъ божескій спѣшишь...

Другой современникъ пишетъ, что, если бы Св. Синодъ былъ освѣдомленъ о чудесахъ, которыя выдѣлываетъ въ Оренбургѣ князь Григорій Семеновичъ, то, конечно, распорядился бы внести его въ Четьи Минеи. Третій, извѣстный въ свое время поэтъ, князь Ив. Мих .Долгорукій, — говоритъ: „Страннаго будучи характера, онъ прославился въ публикѣ

многими проказами, которыя сдѣлали его настоящимъ чудакомъ.“ На улицахъ Оренбурга встрѣчали военнаго губернатора, гуляющимъ въ халатѣ поверхъ нижняго бѣлья, а на халатѣ всѣ ордена; въ такомъ видѣ онъ иногда заходилъ далеко, а возвращался на какой-нибудь встрѣчной телѣгѣ.

Характера мягкаго, добродушнаго, поэтъ въ душѣ, страстный любитель старой итальянской музыки, Григорій Семеновичъ въ тѣ времена, когда родительскій авторитетъ въ семьѣ, и даже гнетъ, почитался добродѣтелью, только любовался своею семьею, не направлялъ, не предписывалъ. Семейный корабль шелъ по волнамъ житейскимъ къ славѣ и почету, казалось безъ кормчаго. Письма его полны одними лишь „душевными сладчайшими сентиментами“ къ „дорогимъ объектамъ“ его родительской любви. Трогательны попеченія о маленькихъ внукахъ, дѣтяхъ Софьи Григорьевны — „ангелахъ Александрины, Митюши и Григоріи“. Неусыпная чувствуется заботливость: „дѣтей ангеловъ держи, голубушка, гдѣ ихъ комната, чтобъ всегда былъ чистѣйшій свѣжій воздухъ, отнюдь не жаркая натопленная печь: никогда у ангеловъ кашлю не будетъ“. Какое-то библейское благоговѣніе владѣетъ имъ всякій разъ, какъ узнаетъ, что дочь его „въ благословенномъ положеніи“. Но дальше нѣжныхъ совѣтовъ и увѣщаній авторитетъ родительскій не идетъ. Интересны бытовыя подробности; происходитъ постоянный обмѣнъ съ Петербургомъ. Ему высылаютъ одеколонъ, оподельдокъ, жасминовой помады, пеперментъ. Отъ времени до времени получаетъ онъ отъ дочери новый мундиръ и всегда приурочиваетъ обновить его въ тотъ или иной праздникъ. Празднества занимаютъ большое мѣсто въ Оренбургской жизни. Кромѣ церковныхъ и царскихъ, празднуютъ и семейные именины и рожденія, и Оренбургское общество не разъ танцовало, въ то время, какъ обыватели на улицѣ любовались при пушечной пальбѣ на транспарантные вензеля Софьи Григорьевны и ея „ангеловъ — дѣтей“. „Всѣ здѣшнія красоты и жительствующее общество въ день радостный, матушка княгиня Софья Григорьевна, вашихъ дражайшихъ именинъ всѣми щерьбетами угощаемы были. Горѣло въ фейерверкѣ ваше мнѣ и всѣмъ пріятное имя, за ужиномъ многочисленные за виновницу пили тоасты съ громомъ пушекъ. Ваше имя, князь Петра Михайловича и дитяти, Богомъ наданнаго князь Григорія Петровича, въ пирамидахъ при разныхъ огняхъ зажжено было, — далѣе за полночь, по здѣшнему обыкновенію, угощаемые разъѣхались съ полной любовью къ вамъ, княгиня Софья Григорьевна“.

Отъ себя Григорій Семеновичъ посылаетъ въ Петербургъ киргизскихъ каурыхъ лошадей, мѣха, чай, — все, что приносятъ караваны изъ „предѣловъ Азіатскихъ“, также отъ казаковъ: икру, бѣлорыбицу, стерлядь. Большое мѣсто въ перепискѣ занимаютъ кашемировыя шали, которыя въ то время были

въ такой модѣ; красныя, тонкія, пестрыя; бѣлая, предназначенная для Императрицы Маріи Федоровны, понравилась: „Обѣщаю Вамъ наряжаться въ сію шаль при напоминаніи о васъ... Шаль прекрасная, и я очень чувствительна къ намѣренію вашему мнѣ удовольствіе сдѣлать“. Но не однимъ неодушевленнымъ товаромъ балуетъ Григорій Семеновичъ родныхъ своихъ и знакомыхъ. Онъ проситъ позволенія у дочери поставить у нее въ домѣ, пока ихъ не развезутъ по сановникамъ, „колонію коралькопаковъ до двухъ десятковъ“... Но всѣ угрюмые, и нехорошіе лицами, всѣ крещеные, и привита оспа. На нихъ тоже была въ то время „мода“; когда Ларины пріѣхали въ Москву къ старой теткѣ, четвертый годъ больной въ чахоткѣ, имъ отворилъ дверь

Въ очкахъ, въ изодранномъ кафтанѣ,
Съ чулкомъ въ рукѣ сѣдой калмыкъ.

О дѣлахъ управленія своего въ этихъ семейныхъ письмахъ Григорій Семеновичъ мало говоритъ, но проходятъ въ бѣглыхъ наброскахъ картины жизни того края: бунты непокорныхъ казаковъ, сношенія съ ханами, научныя экспедиціи въ поискахъ руды. Все это бѣгло, но широко и въ постоянномъ общеніи съ природой: „караваны у меня выходятъ богатые, торговля начинается, погода обѣщаетъ плодородіе“. Прямо поэтическимъ дуновеніемъ оживлены картины Урала, который онъ называетъ старымъ именемъ „Рифейскія горы“: „Судя по описаніямъ объ Альпійскихъ горахъ, нельзя подумать, чтобы здѣшнія горы съ прекрасными долинами, покрытыми многочисленными стадами, не могли сравняться съ оными: и здѣсь есть сѣдые Альпы, покрытые вѣчнымъ снѣгомъ, и здѣсь бьютъ каскады, и здѣсь есть утесы, устрашающіе путешественниковъ, но не страшные отъ того, что уже нѣсколько вѣковъ грозятъ разрушиться надъ головами безпрерывныхъ вояжеровъ и никогда еще не упадали“.

Въ одномъ только случаѣ измѣняется общій тонъ благодушія, которымъ дышатъ письма Григорія Семеновича, — когда онъ учуетъ, что гдѣ-нибудь запахло взяткой: „ежели откроется корыстность, превращу въ ничтожество интересанта“.

„Азіатское одиночество“ Григорія Семеновича не разъ было услаждаемо посѣщеніями членовъ его семьи. Сергѣй Григорьевичъ со старшимъ братомъ Николаемъ навѣстилъ отца въ 1808 году, Софья Григорьевна пріѣзжала въ 1807 г. и второй разъ съ братомъ Николаемъ въ 1816 г. Дважды посѣтила мужа княгиня Александра Николаевна — въ 1805 и въ 1816 гг. Пріѣзды супруги обставлялись пышно; Григорій Семеновичъ выѣзжалъ къ ней навстрѣчу, лишь только приходила вѣсть, что княгиня приближается „къ предѣламъ азіатскимъ“. Предѣлы эти понемногу начинаютъ ему докучать, и есть указаніе, что завѣтной его мечтой было получить постъ посла въ Константинополѣ.

Таковъ былъ Григорій Семеновичъ, таковъ онъ выступаетъ изъ своихъ писемъ, столь же привлекательныхъ по настроенію, сколько страшныхъ по почерку своему: нельзя себѣ представить ничего болѣе труднаго, и къ трудности письма прибавляется еще трудность своеобразной орфографіи. За разборку этихъ писемъ особенно признателенъ Б. Л. Модзалевскому; если бы они не были въ свое время разобраны имъ, если бы не были напечатаны въ первомъ — и единственномъ томѣ „Архива Декабриста", я бы не могъ дать характеристики моего прадѣда. Характеристика, конечно, неполная, хотя бы потому уже, что I-й томъ останавливается на 1816 г., а Григорій Семеновичъ умеръ въ 1824 г. Но и сказаннаго, думаю, довольно, чтобы образъ его вырисовался. Все заставляетъ думать, что настоящимъ главой семейства была — „ваша добродѣтельная мать, моя дрожайшая супруга, княгиня Александра Николаевна".

Дочь фельдмаршала князя Николая Васильевича Репнина, статсъ-дама, оберъ-гофмейстерина трехъ императрицъ, кавалерственная дама ордена Св. Екатерины первой степени, княгиня Александра Николаевна была характера сухого; для нея формы жизни играли существенную роль. Придворная до мозга костей, она замѣнила чувства и побужденія соображеніями долга и дисциплины. Пока шелъ допросъ декабристовъ, и сынъ ея сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости, она уже была въ Москвѣ, гдѣ шли приготовленія къ коронаціи. Императрица, снисходя къ ея горю, предоставила ей оставаться въ своихъ комнатахъ но, пишетъ ея внучка Алина своей матери Софьѣ Григорьевнѣ, бабушка ради этикета все-таки присутсвовала на представленіи дамъ. Этикетъ и дисциплина, вотъ внутренніе, а, можетъ-быть, правильнѣе сказать, — внѣшніе двигатели ея поступковъ; всѣ ея дѣйствія исходили изъ этихъ соображеній, всѣ чувства выражались по этому руслу. И надо сказать, что событіе 14-го декабря поставило ее въ трудное положеніе: первая дама въ имперіи, и сынъ каторожникъ...

Въ 1824 г. (17 іюля въ 11 час. утра) скончался въ Петербургѣ старый князь Григорій Семеновичъ, послѣ восьмидесятидвухлѣтней жизни и сорока четырехъ лѣтъ супружества, вкусивъ отъ земного своего существованія все, что могутъ дать знатность, довольство, многочисленное потомство и незлобивый, добродушный характеръ. Княгиня схоронила его въ Александро-Невской лаврѣ, приготовивъ себѣ мѣсто, на которомъ легла сама десять лѣтъ спустя. Она переѣхала на житье въ Зимній дворецъ, предоставивъ свой домъ на Мойкѣ у Пѣвческого моста — тотъ самый домъ, гдѣ впослѣдствіи жилъ и умеръ Пушкинъ, — дѣтямъ. Пока дѣти воевали, или путешествовали, или пребывали на мѣстахъ своего служенія, княгиня проводила часы, свободные отъ обязательствъ придворнаго этикета и свѣтскаго представительства, въ обще-

ствѣ преданной своей компаньонки, француженки Жозефины. Эта Жозефина на страницахъ нашего архива занимаетъ довольно видное мѣсто. Она была, какъ бы сказать, вторымъ центромъ семьи; въ своихъ письмахъ она излучается ко всѣмъ ея членамъ, разсыпаннымъ по лицу Европы; черезъ нее они узнавали другъ про друга, и къ ней же стекались издалека семейныя недоумѣнія, домашнія порученія. Въ жизни нашихъ сибирскихъ изгнанниковъ почти цѣлыхъ пять лѣтъ, отъ 1831 до 1835 г. можно сказать услаждены тѣмъ, что приносилъ имъ въ мрачное заточеніе ясный, бисерный почеркъ Жозефины. Это была непрерывная связь съ теченіемъ семейной жизни, со всѣмъ тѣмъ беззаботнымъ счастливымъ, что осталось позади. Каждую пятницу шло письмо изъ Зимняго дворца въ Сибирь и несло извѣстія о помолвкахъ, свадьбахъ, беременностяхъ, рожденіяхъ, крестинахъ, зубкахъ, болѣзняхъ, леченіяхъ и проч. Изгнанники наши цѣнили довѣрія заслуживающую точность и правдивость этихъ писемъ, а самое Жозефину Сергѣй Григорьевичъ, декабристъ, называлъ не иначе, какъ ma soeur (сестра).

Жозефина прожила со старухой княгиней до самой ея смерти въ 1835 году и потомъ уѣхала въ Парижъ. Есть въ нашемъ архивѣ еще два письма изъ Парижа, изъ которыхъ между прочимъ видно, что она разыскала тамъ мать г-жи Анненковой. (Извѣстно, что декабристъ Анненковъ былъ женатъ на француженкѣ, которая послѣдовала за нимъ въ ссылку).

Письма Жозефины цѣнны еще и въ бытовомъ отношеніи. Видимъ въ нихъ всю закулисную челядь стараго барскаго житья; въ нихъ дѣвичья, слышится и кухня, отголоски конюшни. Но больше всего, конечно — дѣвичья. Сколько ихъ, начиная съ кастелянши Екатерины Семеновны Крыловой! Была Агрипина, была Акулина, была Василиса, была незамѣнимая Груша, мастерица на всѣ руки, которая разъ даже въ Москвѣ, во время коронаціи, когда французъ парикмахеръ опоздалъ, сама причесала Алину „по гречески“, такъ что всѣ на балу хвалили. Еще была Жюленька, которая изъ дѣвочекъ выросла и доучилась до того, что „заступила мѣсто Екатерины Семеновны“, о чемъ однажды сама извѣщала Сергѣя Григорьевича въ письмѣ, которое ему писала по порученію Жозефины, болѣвшей въ то время глазами. Наконецъ, шмыгало по корридорамъ Зимняго, Кремлевскаго, Таврическаго дворца, въ аппартаментахъ старой княгини, не мало калмычекъ, — то были отъ князя Григорія Семеновича дары Азіатскихъ степей...

У меня была прелестная картина, изображавшая, — въ гостиной Зимняго дворца этихъ двухъ женщинъ, столь крѣпко спаянныхъ жизнью и столь мало другъ на друга похожихъ. За круглымъ столомъ сидитъ, раскладывая пасьянсъ, княгиня

Александра Николаевна Волконская; въ креслѣ на колесахъ, грузная, въ бѣломъ атласномъ платьѣ, а напротивъ нее — тоненькая, въ клѣтчатомъ шелковомъ платьѣ ея компаньонка Жозефина Тюрненже. Обѣ въ широченныхъ чепцахъ; только чепецъ Жозефины легкій, кисейный, а чепецъ княгини съ тяжелыми атласными лентами и бантами, которые какъ пламя расходятся вокругъ ея большой некрасивой головы. У нея было красное лицо съ мясистыми щеками, небольшимъ крючковатымъ носомъ и большими на выкатъ глазами. Она ходила грузной походкой, говорила, судя по странной привычкѣ въ письмѣ удваивать согласныя, сухо, чеканно. Въ сужденіяхъ ея чувствовался обычай, укладъ, неоспоримость того, что установлено привычкой, освѣщено повторностью. Портретовъ ея у меня было пять, шесть; между прочимъ одинъ, акварельный, писанный ею самой и, согласно собственноручной надписи, ею же самой подаренный сыну Никитѣ въ день ея рожденія; ни на одномъ изъ портретовъ не выглядятъ такъ страшно ея большіе на выкатъ глаза, ни на одномъ пестрые банты чепца не стоятъ такимъ алымъ пожаромъ вокругъ краснаго лица, и ни на одномъ не сіяютъ такимъ блескомъ ордена, знаки отличія и обсыпанный алмазами медальонъ съ портретами императрицъ. У меня хранилась прядь ея волосъ, бѣлой, совершенно серебряной сѣдины. Наконецъ еще упомяну, что кресло на колесахъ, изображенное на картинкѣ, перешло къ внучкѣ ея, дочери декабриста, Еленѣ Сергѣевнѣ (сперва Молчановой, потомъ Кочубей, потомъ Рахмановой) и хранилось въ имѣніи послѣдней, Вороньки, Черниговской губерніи. Въ этомъ креслѣ декабристъ, вернувшись изъ Сибири, часто сидѣлъ, въ особенности послѣдній годъ своей жизни; въ немъ сидя, писалъ свои „записки“, съ него сойдя, перешелъ на смертный одръ...

Таковы, по письмамъ, по портретамъ, по преданію, черты той, кто была матерью декабриста. О ея отношеніи къ нему во время процесса и впослѣдствіи во время ссылки, поговоримъ ниже.

Въ началѣ 1825 г. (11 января) Сергѣй Григорьевичъ сочетался бракомъ съ Маріей Николаевной Раевской, дочерью генерала Николая Николаевича Раевскаго, извѣстнаго участника Бородинскаго сраженія и защитника Смоленска. Свадьба была въ Кіевѣ; Раевскіе были Кіевляне; ихъ именіе Болтышка было въ Кіевской губерніи; тамъ же подъ Кіевомъ была усадьба матери Николая Николаевича, Екатерины Николаевны, — знаменитая въ исторіи декабризма Каменка. Здѣсь, въ этомъ семейномъ гнѣздѣ, подъ крыломъ гостепріимной хозяйки, среди разливаннаго моря стараго помѣщичьяго хлѣбосольства, по ночамъ происходили тайныя засѣданія тайнаго политическаго общества.

III.

Старуха Екатерина Николаевна, мать Николая Николаевича Раевскаго, была одною изъ многочисленныхъ племянницъ Потемкина, урожденная Самойлова. Она вышла замужъ столь молодой, что первый годъ замужества часто тайкомъ отъ мужа играла въ куклы; какъ зазвенятъ бубенцы, возвѣщающіе возвращеніе супруга, такъ тотчасъ куклы быстро убирались. Этотъ бракъ, устроенный отцомъ дѣвушки, по старому обычаю, безъ совѣта молодыхъ, былъ непродолжителенъ; Екатерина Николаевна осталась молоденькой вдовой съ сыномъ Николаемъ на рукахъ, будущимъ героемъ отечественной войны. Вскорѣ она вторично вышла замужъ, уже по любви, за Льва Васильевича Давыдова. Отъ Давыдова она имѣла многочисленное потомство. Кромѣ своихъ дѣтей, у нея воспитывалось огромное количество племянниковъ. Съ ними вмѣстѣ воспитывалась дочь старика дворецкаго, на правахъ пріемной дочери, но соблюдался такой обычай: когда отецъ, обнося блюдо, доходилъ до дочери, дочь должна была встать и поцѣловать ему руку. Она впослѣдствіи вышла замужъ за Стояновскаго и была матерью извѣстнаго въ свое время предсѣдателя Департамента законовъ и Императорскаго Русскаго Музыкальнаго общества. По старому обычаю, домъ кишелъ приживальщиками и приживалками. Екатерина Николаевна Давыдова, какъ племянница Потемкина, была такъ богата, что изъ однихъ заглавныхъ буквъ, принадлежавшихъ ей имѣній можно было составить фразу: „Левъ любитъ Екатерину“. Къ тому времени, о которомъ говоримъ, т. е. къ 1825 году, высокіе хоромы огромнаго Каменскаго дома оглашалъ „веселый шумъ семейной деревенской жизни“, оживляли постоянные наѣзды гостей, нескончаемыя празднества. Центромъ этой жизни была жена одного изъ сыновей Екатерины Николаевны, Александра Давыдова, обворожительная Аглая, — француженка, дочь герцога Грамона, которую воспѣвалъ Пушкинъ, про которую одинъ современникъ писалъ, что все, начиная отъ главнокомандующихъ до корнетовъ, умирало у ея ногъ. Все это жило, а по выраженію того же современника, — „жило и ликовало“ и не замѣчало, что тутъ-же, подъ тѣмъ же кровомъ назрѣвало что-то тайное, чему суждено было развернуться въ нѣчто страшное.

Въ одной изъ верхнихъ комнатъ, окно до поздней ночи, когда все уже въ домѣ спало, оставалось освѣщеннымъ. Что тамъ происходило? Этотъ вопросъ задавалъ себѣ неоднократно инженеръ Шервудъ, приглашенный въ Каменку, чтобы поставить мельницу на рѣкѣ. Однажды, давъ ходъ своему любопытству, онъ взлѣзъ на дерево. Онъ увидѣлъ вокругъ стола засѣдающихъ заговорщиковъ. Окно было открыто, онъ

все слышалъ... Каждую ночь Шервудъ взлѣзалъ на дерево и, наконецъ, въ Петербургъ полетѣлъ доносъ. Этотъ доносъ, направленный Аракчееву, былъ Аракчеевымъ представленъ Александру I; у Александра I онъ залежался и не получилъ движенія. Николай I впослѣдствіи прозвалъ его „Шервудъ вѣрный", декабристы перекрестили его въ „Шервудъ скверный".

Фактическая исторія декабризма достаточно извѣстна; ихъ мысли, ихъ стремленія, ихъ пути достиженія могутъ быть изучены по книгамъ. Я на этихъ страницахъ задался цѣлью разсказать то, чего въ книгахъ нѣтъ и потому только въ двухъ словахъ скажу для того читателя, который бы этого не зналъ, кто такіе декабристы.

Цвѣтъ русской молодежи, преимущественно офицерство, въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, вверженный въ военное броженіе, охватившее Европу, увлеченный Наполеоновскими войнами, увидалъ „заграницу". Эти молодые люди соприкоснулись съ укладомъ тамошней государственной и общественной жизни, оцѣнили разницу этихъ условій съ тѣми, въ которыхъ жили у себя на родинѣ. Уже ранѣе того воспитаніе поставило ихъ въ противорѣчіе между тѣмъ, чему ихъ учили, и тѣмъ, что дѣлалось вокругъ нихъ. Взрощенные въ принципахъ французской философіи XVIII вѣка, они жили среди крѣпостного права... Когда они вернулись домой, они уже не могли примириться съ дѣйствительностью. Они задумали рядъ реформъ. Въ основу легло освобожденіе крестьянъ, а затѣмъ цѣлый рядъ пожеланій, изъ которыхъ многія и по сей часъ представляются намъ несбыточными мечтаніями. Они желали конституціи, народнаго представительства, гласнаго суда съ участіемъ присяжныхъ, свободы печати и проч.

Въ десять лѣтъ Тайное Общество сплотилось, окрѣпло, но, какъ показали впослѣдствіи событія, у него не было, при тогдашнемъ отсутствіи телеграфа и желѣзныхъ дорогъ, при разсыпанности членовъ его отъ Кіева и Кавказа до Петербурга, у него не было возможности столковаться и средствъ упрочиться. Тѣмъ не менѣе, ждали случая выступить. Случай думали найти въ той исторической заминкѣ, которой было отмѣчено вступленіе на престолъ Николая I. Старшій братъ Константинъ отказался отъ престола въ пользу Николая, но объ этомъ оффиціально не было извѣстно, и въ то время, какъ Императрица Марія Федоровна приглашала сына Николая преклониться передъ братомъ за его великодушіе („Prosternez-vous devant votre frère"), государственныя учрежденія и войска не знали, что дѣлать. Одни присягали Николаю, другіе Константину. Офицеры, члены Тайнаго Общества, воспользовались замѣшательствомъ, вывели свои полки на Сенатскую площадь (14 декабря 1825 года).

Произошелъ бой, кончившійся подавленіемъ мятежа. Неудачная попытка раскрыла еще одну слабую сторону заго-

вора: у нихъ не было никакихъ корней. Народъ не зналъ о нихъ. Солдаты повиновались офицерамъ либо изъ побужденій слѣпой дисциплины, либо даже подъ туманомъ недоразумѣнія; они кричали „Да здравствуетъ Конституція“, но многіе думали, что „Конституція“ есть женскій родъ отъ слова „Константинъ“ и что этимъ обозначается жена Великаго князя Константина Павловича...

Вспышка на Сенатской площади была, выражаясь современнымъ нашимъ языкомъ, „ликвидирована“ къ вечеру того же дня. На полѣ сраженія вокругъ памятника Петра Великаго осталось много раненыхъ, Исаакіевскій мостъ провалился подъ тяжестью спасавшейся толпы; былъ убитъ командующій Петербургскими войсками, графъ Милорадовичъ, произведено масса арестовъ, и съ разныхъ концовъ Россіи поскакали въ Петербургъ подъ конвоемъ фельдъегерей арестованные офицеры, члены Тайнаго Общества. Въ числѣ ихъ былъ и князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій.

Онъ былъ арестованъ въ Умани, гдѣ находился по долгу военной службы. Привезенный въ Петербургъ, онъ былъ помѣщенъ въ одинъ изъ казематовъ Алексѣевскаго равелина Петропавловской крѣпости въ первыхъ числахъ января.

Самое патетическое, самое драматическое, что есть въ нашемъ архивѣ, это, конечно, письма 1826 года. Бомба, разразившаяся въ Петербургѣ 14 декабря, застала разныхъ членовъ семьи въ разныхъ мѣстахъ. Княгиня Марія Николаевна была въ Болтышкѣ, Кіевской губерніи, имѣніи ея отца, гдѣ со дня на день ожидала разрѣшенія отъ бремени. Мать декабриста, княгиня Александра Николаевна, была въ Петербургѣ, при вдовствующей Императрицѣ Маріи Федоровнѣ. Сестра декабриста, княгиня Софья Григорьевна, бывшая съ мужемъ княземъ Петромъ Михайловичемъ Волконскимъ при кончинѣ Императора Александра I-го, находилась въ пути, сопровождая тѣло Государя изъ Таганрога въ Петербургъ. Къ ней навстрѣчу изъ Петергурга ѣхала дочь ея Алина, любимая племянница Сергѣя Григорьевича. Старшій братъ находился на мѣстѣ своего служенія въ Полтавѣ, жена его, княгиня Варвара Алексѣевна, съ дѣтьми была въ Парижѣ. Братъ Никита былъ въ Москвѣ, тамъ же была его супруга, обворожительная княгиня Зинаида. Семья Раевскихъ была не менѣе разбросана. Родители Маріи Николаевны были съ нею, ожидая ея родовъ; тутъ же была ея младшая сестра Софья Николаевна; другія двѣ сестры были въ Москвѣ; братья Александръ и Николай были отвезены въ Петербургъ для допроса, который, какъ извѣстно, кончился ихъ полнымъ обѣленіемъ и высочайшимъ о томъ рескриптомъ на имя ихъ отца.

При такой разбросанности членовъ обѣихъ ихъ семей, обмѣнъ письмами не могъ не быть весьма значительнымъ. Самое цѣнное, конечно, среди массы писемъ, къ этому году

относящихся, это письма самой Маріи Николаевны къ Сергѣю Григорьевичу. Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе патетическое, чѣмъ эти письма жены къ мужу. Отъ перваго написаннаго изъ деревни, черезъ два дня послѣ извѣстія объ арестѣ, и въ которомъ она уже говоритъ, что поѣдетъ за нимъ въ Сибирь, до послѣдняго, написаннаго въ Нерчинскѣ и начинающагося словами: „Наконецъ я въ обѣтованной землѣ", — это, можно сказать, одинъ гимнъ любви, преданности и чувства долга. Высокій духъ этихъ писемъ, непоколебимая стойкость въ принятомъ рѣшеніи, еще больше выступаютъ при ознакомленіи съ письмами, которыя молодая княгиня получила отъ своихъ родныхъ. Только теперь ясно становится, черезъ что она прошла, какую выдержала борьбу. Она не только встрѣтила неодобреніе своему рѣшенію слѣдовать за мужемъ, — она, можно сказать, была окружена заговоромъ, обойдена сѣтью. И вѣдалъ этимъ заговоромъ, какъ ни трудно вѣрится, ея родной братъ Александръ Николаевичъ Раевскій. Есть письмо его къ княгинѣ Софьѣ Григорьевнѣ Волконской (сестрѣ декабриста), въ которомъ онъ извѣщаетъ ее, что, получивъ отъ отца предписаніе наблюдать за спокойствіемъ сестры, онъ предупреждаетъ княгиню, что ея письмо къ сестрѣ онъ вскрылъ и что оно не будетъ передано по адресу.... Понемногу правда стала выплывать. Волконскіе, которымъ рѣшеніе Маріи Николаевны, понятно, было пріятно, стали писать въ двухъ, трехъ экземплярахъ, пользовались „оказіями." Недоразумѣніе, однако, между обѣими семьями залегло глубоко. Каждая семья считала своего члена жертвою членовъ другой семьи. Княгиня Софья Григорьевна писала старухѣ матери о братьяхъ Раевскихъ: „это исчадіе ада" (une émanation infernale) и прибавляла, что братъ Сергѣй, конечно, никогда не признается, что былъ ими обойденъ. Старикъ же Раевскій черезъ мѣсяцъ послѣ отъѣзда Маріи Николаевны въ Сибирь, писалъ дочери Екатеринѣ, что поѣхавъ, она повиновалась не чувству, а „вліянію Волконскихъ бабъ, которыя похвалами ея геройству увѣрили ее, что она героиня, — и поѣхала, какъ дурочка". Вся семья упрекала ее въ экзальтаціи и недостаткѣ разсудительности, а Волконскихъ обвиняли въ томъ, что они ее взвинчивали и торопили ѣхать, даже не удостовѣрившись, готова ли она въ матеріальномъ смыслѣ къ отъѣзду. Братья никакъ не могли примириться съ ея рѣшеніемъ и сурово осуждали ея мужа. Николай Раевскій много лѣтъ спустя, въ 1832 году, писалъ сестрѣ, что онъ никогда не проститъ ея мужу жестокости, съ какою, женившись на ней, онъ сократилъ жизнь ихъ отца и сдѣлался виновникомъ ея несчастія. Но больше всѣхъ негодовала родная мать Маріи Николаевны.

IV.

Софья Алексѣевна Раевская, жена генерала Николая Николаевича, была дочерью Константинова, библіотекаря Екатерины Великой, и по матери — внучкой Лемоносова. Женщина характера неуравновѣшеннаго, нервная, въ которой темпераментъ бралъ верхъ надъ разумомъ. Подъ впечатлѣніемъ минуты она иногда въ своихъ письмахъ къ дочери дѣлаетъ ей сцены, и это въ Сибирь, за восемь тысячъ верстъ. При этомъ женщина характера сухого, мелочнаго, въ глазахъ которой подвигъ дочери есть только семейное осложненіе, неудобное для всѣхъ, вредное для карьеры братьевъ и отца. Послѣднее соображеніе больше всего, повидимому, ее мучило: преданность мужу владѣетъ всѣмъ ея существомъ; несмотря на многочисленное свое семейство, она до послѣднихъ дней своихъ оставалась болѣе супругой, нежели матерью. Но каково было дочери еще въ 1829 году, — значитъ, черезъ три года послѣ событій, получать въ Сибири фразы, вродѣ слѣдующей: „вы говорите въ письмахъ сестрамъ, что я какъ будто умерла для васъ. А чья вина? Вашего обожаемаго мужа... Немного добродѣтели нужно было, чтобы не жениться, когда человѣкъ принадлежалъ къ этому проклятому заговору. Не отвѣчайте мнѣ, я вамъ приказываю“. Скажемъ мимоходомъ, что вся семейная переписка проходила на французскомъ языкѣ; вотъ почему встрѣчаемся съ мѣстоимѣніемъ „вы“ больше, нежели съ „ты“.

Нельзя не упомянуть и еще объ одной причинѣ того раздраженія, которымъ всегда и все больше и больше страдала мать Маріи Николаевны, Софья Алексѣевна Раевская. Эта причина — Давыдовское родство ея мужа. Мать Николая Николаевича Раевскаго, Екатерина Николаевна, какъ сказано, вышла вторымъ бракомъ за Давыдова, отъ котораго имѣла многочисленныхъ дѣтей. Софья Алексѣевна не любила свою свекровь и не прощала ей второго брака, принесшаго ея семьѣ столько сонаслѣдниковъ. Къ тому же, надо прибавить, семья Давыдовыхъ была очень блестяща; два старшихъ брата Николая Николаевича Раевскаго сдѣлали блестящіе браки. Петръ, по прозванію „le beau“, въ котораго была влюблена принцесса Баденская, сестра Императрицы Елизаветы Алексѣевны, былъ женатъ на графинѣ Орловой (его сынъ получилъ титулъ графа Орлова-Давыдова); Александръ, котораго Пушкинъ прозвалъ „рогоносецъ величавый“, былъ мужемъ обворожительной Аглаи, о которой мы упоминали выше. Все Каменское „ликованіе“, а въ особенности обворожительная Аглая, не нравилось Софьѣ Алексѣевнѣ. Къ этому прибавлялось и то еще, что младшій братъ Давыдовъ, Василій Львовичъ, женатый на Александрѣ Ивановнѣ Потаповой, той самой, чьи слова мы выше приводили, былъ замѣшанъ въ декабрьскую исторію и также поплатился ссылкой. Этотъ фактъ де-

кабризма въ самой семьѣ мужа, конечно, гораздо больше компрометировалъ Раевскихъ, чѣмъ причастность къ заговору сторонняго человѣка — Волконскаго. Все это надо имѣть въ виду, если хотимъ опредѣлить атмосферу семейныхъ отношеній и истинный камертонъ семейной переписки. Жалко рядомъ съ высокими чертами характера упоминать о мелочахъ людскихъ, но нельзя и проходить мимо нихъ.

Изъ всего этого видимъ, что мало поощрительна была обстановка, въ которой созрѣвалъ планъ и производились сборы княгини Маріи Николаевны. Родной отецъ, только скрѣпя сердце, согласился на ея отъѣздъ, когда увидѣлъ, что всѣ предосторожности ни къ чему, и отпустилъ ее не иначе, какъ подъ условіемъ, что она вернется черезъ годъ, а мужу ея писалъ: „Надѣюсь, что ты не сдѣлаешься эгоистомъ и не будешь ее удерживать". Въ своихъ „запискахъ" княгиня Марія Николаевна вспоминаетъ страшную сцену, когда, передъ прощаніемъ, отецъ грозилъ ей проклятіемъ, въ случаѣ, если она не вернется. Сцена эта, впослѣдствіи воспроизведенная Некрасовымъ въ его поэмѣ „Русскія Женщины", вызвала негодованіе со стороны сестеръ Маріи Николаевны, надолго ее пережившихъ. Они сочли ее выдумкой „господина Некрасова", и Софья Николаевна заготовила горячую, и, надо сказать, очень нелогичную статью, въ которой обѣляла память отца отъ подобной клеветы. Статья предназначалась для распространенной въ то время газеты „Голосъ", но не была напечатана вслѣдствіе настоянія ея племянника Николая Михайловича Орлова. Но какъ же добрыя старушки удивились бы, если бы узнали, что возмутившая ихъ сцена вовсе не выдумана „господиномъ Некрасовымъ", а описана въ собственноручныхъ, тогда еще неизданныхъ запискахъ ихъ сестры. Но о поэмѣ Некрасова скажемъ ниже; здѣсь только упомянемъ, что не одна эта сцена возмутила нашихъ старушекъ. По поводу прогулки по берегу моря, подъ восторженными взглядами Пушкина, Екатерина Николаевна Орлова сказала: „вовсе мы не такъ были воспитаны, чтобы съ молодыми людьми бѣгать по берегу моря и себѣ ботинки мочить..."

Жестокая страстность сцены проклятія дочери отцемъ не мѣняетъ ни высокаго характера Николая Николаевича, ни его любви къ дочери и нисколько не подвергаетъ сомнѣнію искренность тѣхъ прелестныхъ писемъ, которыя онъ ей послѣ этого писалъ. Проявленія сильныхъ душевныхъ порывовъ могли уживаться съ проявленіями отцовской нѣжности въ характерѣ Смоленскаго героя, котораго племянники Давыдовы называли „черный дядя". Его письма къ „Машенькѣ" или о ней къ сыну „Алексашѣ" полны такого нѣжнаго чувства къ дочери, что раскрываютъ совершенно новыя, намъ, потомкамъ, невѣдомыя, струны въ характерѣ того, про кого Наполеонъ говорилъ, что онъ созданъ изъ матеріала, изъ котораго дѣла-

ются маршалы. Его отношеніе къ отъѣзду дочери прошло черезъ мучительную эволюцію. Изъ писемъ къ сыну Александру и изъ писемъ сестеръ другъ къ другу видно, какъ онъ сдавался неохотно, понемногу. Какъ увидимъ ниже, княгиня Александра Николаевна объявила, что поѣдетъ къ сыну въ Сибирь. 3-го августа Николай Николаевичъ пишетъ: „Старуха ѣдетъ къ сыну, чему я не вѣрю". И несмотря на то, а можетъ быть именно потому, что онъ этому не вѣритъ, онъ ставитъ свое разрѣшеніе на отъѣздъ дочери въ зависимость отъ поѣздки старухи: поѣдетъ свекровь, можетъ ѣзжать и она. Удивительнымъ благородствомъ, высокимъ безпристрастіемъ отличаются его отзывы объ арестованномъ зятѣ; онъ отдаетъ должное достойному его поведенію, прямотѣ его отвѣтовъ. Это не совсѣмъ совпадаетъ съ отношеніемъ братьевъ къ мужу сестры. Софья Николаевна пишетъ сестрѣ Екатеринѣ, что братъ Николай въ противность отцу, нарисовалъ поведеніе Волконскаго въ самыхъ скверныхъ краскахъ.

Сестры въ это трудное время выказали много участія къ Маріи Николаевнѣ. При отъѣздѣ ея изъ Москвы Екатерина Николаевна снабдила ее многимъ необходимымъ въ дорогу и даже заставила надѣть собственную свою шубу. Въ дальнѣйшемъ отношеніе сестеръ къ ея положенію не отличалось тою теплотой, какой бы можно было ожидать въ столь тѣсной и дружной семьѣ. Надо сказать, что боготвореніе отца въ семьѣ Раевскихъ заслоняло собой всѣ другія чувства; мы видѣли отношеніе братьевъ, отзывъ Николая о Волконскомъ; сестры конечно думали такъ же; тотъ фактъ, что она огорчала отца, казался имъ болѣе значительнымъ, чѣмъ само горе сестры. Кромѣ того, надо принять во вниманіе и характеры, и обстоятельства жизни. Любимой сестрой Маріи Николаевны была Софья Николаевна; Екатерина Николаевна Орлова была на много старше; сестры даже называли ее „бабушка", къ тому же она была въ то время уже замужемъ, слѣдовательно имѣла свои семейные интересы. Елена, хотя была старше Маріи Николаевны, внушала къ себѣ скорѣе материнскія чувства и, повидимому, не могла быть сильной поддержкой въ горѣ. Но и Софья Николаевна, хотя и любимая, поражаетъ въ своихъ письмахъ дидактизмомъ своего отношенія къ сестрѣ. Въ ней всегда чувствуется гувернантка; она или порицаетъ или одобряетъ, и иногда прямо удивляться приходится сухости, съ которой она отвѣчаетъ на запросы изгнанницы-сестры. Нельзя не отмѣтить и того, что изъ всѣхъ сестеръ только Елена никогда не забывала прибавить въ письмѣ поклонъ „Сергѣю". Это вниманіе такъ же дорого цѣнилось Маріей Николаевной, какъ больно ее огорчало молчаніе другихъ...

Мы нѣсколько забѣжали впередъ, заговоривъ о письмахъ Сибирскаго періода; но намъ показалось это удобнымъ, во всякомъ случаѣ краткимъ способомъ обрисовать семейныя

настроенія, при которыхъ пришлось Маріи Николаевнѣ проявлять свою настойчивость въ выполненіи задуманнаго плана. Мы еще встрѣтимся съ членами семьи Раевскихъ на пути нашего разсказа, но съ отъѣздомъ Маріи Николаевны, Болтышка погружается въ уныніе. Набѣжавшая на Каменку туча не надолго ее омрачила; „ликованія“ скоро возобновились и продолжались, пока живо было то поколѣніе. Но какой то рокъ надъ нею тяготѣлъ. Говорятъ, черезъ недѣлю послѣ смерти старухи Екатерины Николаевны, уже на полкахъ, на этажеркахъ, въ шкапахъ, въ комодахъ ничего не оставалось: стая приживальщиковъ все реквизовала. Не въ наши дни, конечно, удивляться исчезновенію семейныхъ гнѣздъ; но Каменка исчезла много раньше революціи. Еще въ 1830 году Марія Николаевна пишетъ изъ Сибири про „огромный Каменскій домъ“. Я былъ тамъ какихъ-нибудь шестьдесятъ пять лѣтъ спустя, — отъ дома не оставалось слѣда. Я засталъ еще въ живыхъ сына декабриста Василія Львовича Давыдова, Николая Васильевича; онъ ребенкомъ оставался въ Россіи, какъ родившійся до ссылки отца; слѣдовательно, когда я его видѣлъ, ему было девяносто лѣтъ. Статный, красивый, съ еще темными бакенбардами, онъ лежалъ больной, — приближалась болѣзнь, которая унесла его черезъ нѣсколько недѣль; въ лихорадкѣ густымъ громкимъ голосомъ онъ говорилъ стихи. Онъ еще помнилъ старую Каменку; онъ помнилъ, какъ еще дѣтьми они подглядывали въ замочную скважину и видѣли на билліардѣ сидящаго и пишущаго съ лихорадочной поспѣшностью „курчаваго поэта“; листъ за листомъ отбрасывалъ онъ на середину билліарда: то писался „Кавказскій плѣнникъ“, посвященный Николаю Раевскому. Да, это поколѣніе еще помнило, слѣдующее уже играло въ канавкахъ, гдѣ былъ фундаментъ стараго дома, и съ любопытствомъ подбирало въ канавкахъ раковины устрицъ, — остатки дѣдовскихъ ликованій. Слѣдующее поколѣніе уже и этого не видѣло. Когда я былъ въ Каменкѣ весною 1915 года, на мѣстѣ стараго дома цвѣли яблони. Теперь? Теперь, можетъ быть, остался еще въ саду „Пушкинскій гротъ“, а противъ него, по другую сторону запруды — бѣлая, круглая, въ ампирномъ стилѣ мельница Шервуда...

V.

Сергѣй Григорьевичъ сидѣлъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости. Допросъ начался въ январѣ, приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе въ половинѣ іюля. Процессъ достаточно извѣстенъ и по оффиціальнымъ документамъ, и по многочисленнымъ мемуарамъ. Изъ „Записокъ“ Сергѣя Григорьевича мы объ этомъ ничего не узнаемъ. Онъ разсказываетъ, какъ его привезли въ Зимній Дворецъ; генералъ

Левашевъ оставилъ его дожидаться, пошелъ доложить Государю. Черезъ нѣсколько минутъ дверь отворилась, Государь быстрымъ шагомъ вошелъ и, грозя пальцемъ, сказалъ: „я“... На этомъ словѣ „я“ Николая I обрываются „Записки“ декабриста Волконскаго...

Невѣденіе семей о предстоящей судьбѣ осужденныхъ было тѣмъ тягостнѣе, чѣмъ длительнѣе тянулся процессъ и чѣмъ противорѣчивѣе были слухи. Тѣмъ временемъ, несмотря на неумолимость, съ которой относился къ декабристамъ Николай I и которую сохранилъ до послѣдняго дня своей жизни, общеніе съ заключенными не было безусловно запрещено. У насъ сохранилось много писемъ на его имя, помѣченныхъ Петропавловской крѣпостью, какъ мѣстомъ полученія ихъ. Начиная съ матери, всѣ родственники тѣмъ или инымъ образомъ откликнулись на роковое событіе, выразили узнику чувства соболѣзнованія. Старуха княгиня написала сыну четыре письма (это единственныя русскія письма, всѣ послѣдующія въ теченіе пяти лѣтъ писаны по французски) и уѣхала въ Москву, куда „угодно было Императрицѣ Маріи Федоровнѣ меня назначить ѣхать съ собой“, — начинались приготовленія къ коронаціи. Какъ извѣстно, коронація задержалась и была отложена вслѣдствіе смерти Императрицы Елизаветы Алексѣевны, скончавшейся въ пути изъ Таганрога въ Петербургъ 4-го мая въ городѣ Бѣлевѣ. 13-го іюля печальное шествіе царственныхъ колесницъ прибыло въ Чесменскій дворецъ, и въ тотъ же день Алина Волконская, дочь Софьи Григорьевны, съ разрѣшенія Государя, посѣщаетъ дядю въ крѣпости. Очень цѣнны ея нѣкоторыя замѣчанія, присующія настроеніе старухи княгини въ это тяжелое для нея время, при самыхъ небывалыхъ обстоятельствахъ. „Бабушка вчера много плакала, сегодня почти не спала“. „Императрица была у бабушки, утѣшала ее.“ „Государь просилъ бабушку утѣшиться, не смѣшивать дѣла семейныя съ дѣлами службы, — одно другому не помѣшаетъ.“ И дѣйствительно, на коронацію она получила брилліантовые знаки ордена Св. Екатерины. Императрица и сама, надо думать, чувствовала нѣкоторую неловкость по отношенію къ старой княгинѣ. Послѣ 13-іюля, дня, когда состоялся приговоръ надъ декабристами, она пять дней не видала княгиню и только 18-го числа написала, наконецъ, записку, въ которой говоритъ, что мысль о свиданіи съ ней причиняетъ ей боль, и которую кончаетъ просьбой принять ее благожелательно и не переставать вѣрить ея старой дружбѣ: „Recevez-moi bien et croyez toujours à mon ancienne amitié.“ 20-го іюля Алина пишетъ: „бабушка говоритъ, что она хочетъ ѣхать въ Сибирь повидать сына“. Объ этомъ своемъ намѣреніи старая княгиня писала и невѣсткѣ. Придавать ему большое значеніе не приходится, — это былъ истерическій порывъ, а, можетъ быть, простое изліяніе словъ.

Съѣздить навѣстить сына въ крѣпости было много легче, нежели ѣхать въ Сибирь; однако, старая княгиня отъ этого воздержалась. Она писала сыну, что боится за свои силы, да и его не хочетъ подвергать такому потрясенію; къ тому же, какъ пишетъ Алина, Императрица упрашивала бабушку беречь себя...

Пока родня въ круговоротѣ коронаціонныхъ приготовленій съ оглядкой перешептывалась, Сергѣй Григорьевичъ въ своемъ казематѣ Алексѣевскаго равелина слушалъ бой курантовъ на башнѣ Петропавловскаго собора...

Остался отъ этого времени акварельный портретъ Маріи Николаевны, который ему было разрѣшено имѣть въ крѣпости. Этотъ портретъ онъ передъ уходомъ въ Сибирь оставилъ сестрѣ съ слѣдующей на немъ надписью: „Je confie aux soins de ma bonne soeur Sophie celle qui avait assuré mon bonheur détruit par moi.“ (Поручаю заботамъ моей доброй сестры Софьи ту, которая составила мое счастье, разрушенное мною). Портретъ этотъ остался у меня въ Римѣ и, такимъ образомъ, уцѣлѣлъ... Была также крохотная записочка на листикѣ въ полтора квадратныхъ вершка, мелко исписанная его рукой; онъ проситъ сестру расположить въ ихъ пользу общественное мнѣніе, повліять на смягченіе участи женъ и пр. Записочка эта была передана Софьѣ Григорьевнѣ запеченная въ хлѣбѣ. Гдѣ она сейчасъ, не знаю...

Невольно напрашивается вопросъ, что сказалъ бы Григорій Семеновичъ, если бы дожилъ до 1826 года? Онъ, для котораго дѣйствительность была идеаломъ. Онъ, который вѣрилъ въ несомнѣнность окружающаго, какъ въ нерушимость весенняго и осенняго равноденствія! Онъ, для котораго, повидимому, не существовало „вопросовъ.“ Что бы испытала безоблачная лазурь его міровоззрѣній, когда бы онъ узналъ, что „герой нашъ, князь Сергѣй“ поднялся на царя? Какъ могъ бы онъ это обнять умомъ своимъ, онъ, писавшій дочери „утѣшаюсь, матушка, что ты безпрерывно занята наилучшими въ жизни упражненіями при высочайшемъ дворѣ.“ Можно ставить себѣ вопросы, но и сама исторія не рѣшается отвѣчать на нихъ: Григорій Семеновичъ умеръ за полтора года до ареста сына. Одно можно сказать — несуразна русская жизнь, но шагаетъ быстро...

Марія Николаевна узнала объ арестѣ мужа 28-го февраля. Отецъ передалъ ей эту вѣсть съ значительнымъ запозданіемъ, потому что она лежала въ тяжкой болѣзни послѣ родовъ. Какъ только она оправилась, она собралась въ Петербургъ. Первенца своего Николиньку она оставила по пути, въ Бѣлой Церкви, на попеченіе своей тетки графини Браницкой. Въ Петербургѣ, въ началѣ апрѣля она имѣла съ мужемъ то свиданіе въ крѣпости, о которомъ упоминается въ ея „Запискахъ.“ Добилась она этого свиданія не легко. Она написала Бенкен-

дорфу, который отвѣтилъ ей, въ весьма теплыхъ выраженіяхъ, соболѣзнуя судьбѣ своего бывшаго школьнаго и боевого товарища, но относительно свиданія не говорилъ ничего опредѣленнаго. Тогда она обратилась съ письмомъ къ Государю. Въ нашихъ бумагахъ была черновая этого письма; но была и другая черновая: братъ Александръ Николаевичъ пишетъ Бенкендорфу, отъ имени матери и своего, просьбу о томъ, чтобы свиданіе не было разрѣшено, — мать и братъ боятся за здоровье Маріи Николаевны, но, прибавляютъ они, если будетъ разрѣшено, то пусть предварительно графъ Орловъ повидаетъ Волконскаго и возьметъ съ него слово, что онъ не только не будетъ удерживать жену, но потребуетъ, чтобы она немедленно возвращалась къ своему ребенку. Повидимому, такъ все и произошло. Письмо Бенкендорфа отъ 12-го апрѣля, а 23 княгиня пишетъ мужу: „я уѣзжаю завтра, разъ ты этого желаешь.“ Достойно замѣчанія, что черновые обоихъ писемъ къ Бенкендорфу, т. е. просьба о свиданіи и просьба о томъ, чтобы свиданіе не было разрѣшено, писаны одной рукой, — рукой Александра Николаевича Раевскаго...

Марія Николаевна вернулась къ своему Николенькѣ въ Александрію, усадьбу графини Браницкой при Бѣлой Церкви. Здѣсь она ожидала исхода суда надъ государственными преступниками. Здѣсь же былъ въ это время братъ ея Александръ Николаевичъ, окружавшій бдительнымъ вниманіемъ ея переписку въ напрасной надеждѣ разбить ея намѣреніе слѣдовать за мужемъ.

Семьи осужденныхъ до самаго послѣдняго дня оставались въ невѣдѣніи относительно участи несчастныхъ своихъ родственниковъ. Волконскіе до послѣдней минуты не теряли надежды. Есть письмо княгини Софьи Григорьевны къ матери, въ которомъ она строитъ планы о томъ, въ какую комнату они помѣстятъ Сергѣя, когда онъ будетъ выпущенъ изъ крѣпости. Но основаній къ той или другой надеждѣ не было никакихъ; никто не смѣлъ замолвить слова; старуха княгиня боялась дыхнуть и только исполняла совѣтъ императрицы — берегла себя. Наконецъ, числа 15-го іюля Екатерина Николаевна Орлова пишетъ сестрамъ: „Императрица сказала княгинѣ Волконской, что Сергѣй останется живъ.“ Это оказалось наибольшее, на что можно было надѣяться.

Приговоромъ Верховнаго Суда Волконскій, причисленный къ первой категоріи, былъ осужденъ на смертную казнь отсѣченіемъ головы; высочайшей резолюціей, смягчавшей всѣ степени наказаній всѣмъ ста двадцати одному преступнику, смертная казнь замѣнена двадцатилѣтней каторгой и пожизненнымъ поселеніемъ. Пяти человѣкамъ, верховнымъ судомъ поставленнымъ внѣ категорій и присужденнымъ къ четвертованію, четвертованіе замѣнено повѣшеніемъ. Въ чудное іюльское утро одна фрейлина, гуляя по Царскосельскому парку,

остановилась на берегу пруда: на той сторонѣ Императоръ Николай I игралъ со своимъ пуделемъ, бросалъ въ воду свой платокъ, пудель кидался въ воду, выносилъ и возвращалъ... Въ это время подходитъ къ государю адъютантъ и что-то докладываетъ. Николай I бросаетъ и пуделя и платокъ и быстрыми шагами возвращается во дворецъ: ему было доложено, что въ ту ночь приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ пятью изъ декабристовъ... Извѣстенъ случай съ Рылѣевымъ — у него оборвалась веревка; его вздернули вторично. Между двухъ повѣшеній къ нему вернулся даръ рѣчи. И вотъ тутъ разногласіе, — что онъ сказалъ? По однимъ источникомъ онъ сказалъ: „Подлецы, даже повѣсить не умѣютъ." По другимъ онъ сказалъ: „И веревки порядочной въ Россіи нѣтъ". По свидѣтельству Маріи Николаевны онъ сказалъ: „Я счастливъ, что дважды умираю за отечество". Кому вѣрить? Скажу, что это пожалуй, не важно, — что онъ сказалъ. Онъ, можетъ быть, ни одной изъ трехъ фразъ не сказалъ; но важно, что и кому можно приписать. И вотъ почему послѣднее изреченіе наиболѣе цѣнно, цѣнно, какъ опредѣленіе человѣка.

Другая картина изъ той же страшной ночи: вокругъ пяти висѣлицъ гарцующій на своемъ конѣ генералъ Чернышевъ, сабли, которыя ломаютъ надъ головами колѣнопреклоненныхъ раздѣтыхъ офицеровъ; ордена, летящіе въ костеръ...

Всякая власть всегда карала и, конечно, будетъ карать тѣхъ, кто противъ нее возстаетъ. Здѣсь разница только въ степени строгости и въ масштабѣ ея примѣненія. Это разница, такъ сказать, количественная. Но есть и качественная разница, проявляющаяся въ томъ, какъ законъ примѣняется. Здѣсь имѣетъ значеніе большее или меньшее соблюденіе общечеловѣческихъ требованій. Въ концѣ концовъ смертная казнь всегда останется смертною казнью, и сухость ея ничѣмъ не смягчить, но жестокость ея увеличить всегда можно. И вотъ, въ этомъ сказывается уровень человѣчности той власти, которая ее примѣняетъ: все то глумленіе и издѣвательство, сопровождающее осужденную жертву до того страшнаго порога, за которымъ наступаетъ настоящее равенство людей. Долго намъ казалось, что жестокость кары декабристовъ не можетъ быть превзойдена...

Княгиня Марія Николаевна томилась въ невозможности выѣхать такъ скоро, какъ бы хотѣлось; и матеріальные вопросы, и всякія формальности, и приставанія родныхъ... Уже осень наступала, а она все еще была въ Бѣлой Церкви. 2-го сентября Николай Николаевичъ пишетъ ей, что одинъ пріѣзжій изъ Иркутска встрѣтилъ „несчастныхъ" подъ Екатеринбургомъ, что онъ видѣлъ Волконскаго „ни въ чемъ не нуждающагося". Наконецъ, 9-го октября она выѣхала. Мать и сестра пріѣхали, чтобы проводить ее до Яготина, полтавскаго

имѣнія Репниныхъ. Здѣсь прожили послѣднія двѣ недѣли вмѣстѣ и, наконецъ, пробилъ послѣдній часъ: мать и сестра должны были ѣхать домой. Племянница Маріи Николаевны, княжна Варвара Николаевна Репнина, присутствовавшая при отъѣздѣ изъ Яготина Раевскихъ дамъ, въ прелестныхъ своихъ неизданныхъ запискахъ говоритъ „Leurs adieux furent déchirants.“ („Ихъ прощаніе было душу раздирающее“).

Полна тревоги ѣхала княгиня въ Петербургъ. Получитъ ли она разрѣшеніе на отъѣздъ въ Сибирь? Какъ отнесутся къ ней власти? Какъ отнесутся тѣ изъ родственниковъ мужа, которыхъ она еще не знала? Наконецъ, самый мучительный вопросъ, разрѣшатъ ли ей взять съ собой ребенка? Если не разрѣшатъ, къ кому она его пристроитъ? Полна тревоги ѣхала княгиня, а между тѣмъ полны прелести и радости ея письма съ пути, озаренныя улыбкой Николиньки. Путешествіе, хотя и тягостное по цѣли, протекало съ пріятностью; Николинька перенесъ его прекрасно и былъ веселъ всю дорогу. Одно только печалитъ княгиню: она все хочетъ его заставить сказать „папа“, а у него все выходитъ „мама“. Зато, когда онъ смѣется, ея радость не знаетъ границъ, ея дорожная карета озаряется свѣтомъ... Все это читаетъ въ своемъ сибирскомъ заточеніи Сергѣй Григорьевичъ, на всѣхъ этихъ письмахъ помѣчено его рукой: „получено такого то числа, Благодатскій рудникъ“...

Числа 10-го ноября Марія Николаевна пріѣхала въ Петербургъ и остановилась въ домѣ свекрови на Мойкѣ у Пѣвческаго моста, въ той самой квартирѣ, гдѣ одиннадцать лѣтъ позднѣе умиралъ Пушкинъ.

VI.

Мы подошли къ самому трепетному моменту въ тяжкой жизни Маріи Николаевны. Все, что было высокаго и нѣжнаго въ ея природѣ, все, что было лирическаго въ ея характерѣ и драматическаго въ ея положеніи, все сгустилось, сосредоточилось въ предѣлахъ этихъ нѣсколькихъ недѣль, проведенныхъ ею въ Петербургѣ передъ отъѣздомъ въ Сибирь.

Центральная фигура этого момента — маленькій Николинька. Жгучей болью проходитъ черезъ всѣ письма того времени вопросъ объ этомъ ребенкѣ. Николай I не позволилъ женамъ декабристовъ, отъѣзжавшимъ за мужьями, взять съ собой своихъ дѣтей: дѣти, родившіяся въ Россіи, должны были оставаться въ Россіи. Можетъ быть, это былъ со стороны государя тактическій пріемъ, средство воспрепятствовать отъѣзду женъ. Также смотрѣли на дѣло и родственники, — они надѣялись, что мать возьметъ верхъ надъ супругой. Княгинѣ Волконской никто изъ сестеръ и братьевъ не сказалъ, что прекрасно ѣхать за мужемъ, но всѣ говорили, что жестоко поки-

дать сына. Между тѣмъ, въ одномъ изъ первыхъ писемъ къ отцу она говоритъ: „мой сынъ счастливъ, мой мужъ несчастенъ — мое мѣсто около мужа“. Много мужества, стойкости и терпѣнія пришлось Маріи Николаевнѣ выказывать впослѣдствіи, въ теченіе всей жизни, но никогда обстоятельства не предъявляли ей такихъ требованій, какъ въ эту страшную минуту отъѣзда.

Какъ всѣ жены декабристовъ, во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ, такъ и она должна была за разрѣшеніемъ на отъѣздъ обратиться съ личной просьбой къ Государю. Полна трагизма сцена, когда мать читаетъ отвѣтное письмо императора Николая, въ которомъ Государь предупреждаетъ ее объ ожидающихъ ее за Иркутскомъ ограниченіяхъ, а маленькій сынъ на ея колѣняхъ играетъ и забавляется большой красной печатью на конвертѣ царскаго письма. Это послѣднее упоминаніе княгини о Николенькѣ передъ отъѣздомъ; она простилась съ нимъ съ соннымъ, чтобы больше его уже не увидѣть... Предостереженія Государя не только не остановили ее, они какъ будто дали ей послѣдній толчекъ къ отъѣзду. Письмо отъ 21-го декабря получено было ею вечеромъ, — она выѣхала въ четыре часа утра. Это письмо я нашелъ въ сундукѣ, на чердакѣ нашего бывшаго петербургскаго дома. Я снялъ съ него фотографическій отпечатокъ для будущаго предполагавшагося изданія...

Остался прелестный портретъ работы Соколова, писанный какъ разъ въ это время, передъ отъѣздомъ Маріи Николаевны. Съ бѣлымъ покрываломъ на головѣ, въ синемъ платьѣ, съ шитыми золотомъ рукавами, держитъ она, грустная, своего первенца на колѣняхъ. Одинъ изъ популярнѣйшихъ портретовъ того времени, много разъ воспроизведенный, и это не помѣшало одному иллюстрированному журналу во время войны отпечатать его съ надписью: „типъ галиційской крестьянки“. Оригиналъ принадлежалъ моей родной теткѣ Еленѣ Сергѣевнѣ Рахмановой и находился до революціи въ ея имѣніи Вейсбаховка, Прилукскаго уѣзда, Полтавской губерніи.

Ребенокъ остался на попеченіи бабушки и тетки. Бабушка сильно къ нему привязалась; Софья Николаевна Раевская пишетъ сестрѣ въ Сибирь: „старая княгиня, повидимому, очень любитъ твоего сына, если вообще можно сказать, что она кого нибудь любитъ, кромѣ своей внучки Алины“. Кратковременная земная жизнь маленькаго Николеньки была окружена лаской. Кромѣ родныхъ, бабушки и тетушекъ, окружали его нянюшки и мамушки, — цѣлый штатъ барской челяди. Среди нихъ — вывезенная Маріей Николаевной изъ Болтышки Аграфена. Эту Аграфену княгиня впослѣдствіи слезно молила пріѣхать къ ней въ Сибирь, но такъ и не дождалась... Маленькимъ Николенькой всѣ интересовались. Мы знаемъ изъ записокъ княжны Варвары Николаевны Репниной, что, когда

она съ матерью представлялась вдовствующей Императрицѣ, Марія Ѳедоровна справлялась о здоровьи Николеньки, — „cet enfant de malheur“.

Мы знаемъ изъ писемъ, что лѣчилъ Николеньку докторъ Ланъ и что ласкала и няньчила его также нѣкая M-lle Imbert, бывшая компаньонка жены Жерома Бонапарта, которая какъ-то въ Женевѣ присоединилась къ кому то изъ семьи и осталась съ ними жить. Странное сближеніе, — но княгиня Марія Николаевна изъ Читинскаго острога горячо благодаритъ M-lle Imbert за заботы, которыми она окружала Николеньку до послѣдняго дня его жизни. Ласки и заботы оказались безсильны противъ силы судьбы: 17-го января 1828 года Николенька скончался. Память ребенка увѣковѣчена знаменитой эпитафіей Пушкина:

Въ сіяньи, радостномъ покоѣ,
У трона вѣчнаго Творца,
Съ улыбкой онъ глядитъ въ изгнаніе земное,
Благословляетъ мать и молитъ за отца.

Эти стихи княгиня получила въ Сибири въ письмѣ, написанныя рукою ея отца, который прибавлялъ: „Посылаю тебѣ, другъ Машенька, стихи Пушкина на твоего сына. Онъ до сихъ поръ никогда лучшаго не писалъ“. Николай Николаевичъ добавлялъ, что стихи будутъ высѣчены на могилѣ ребенка. Мы знаемъ, что онъ похороненъ въ Александро-Невской Лаврѣ, но могилы его намъ не удалось розыскать...

Мы забѣжали впередъ, но трудно, говоря объ отъѣздѣ княгини Маріи Николаевны, трудно не остановиться на образѣ этого младенца, вокругъ котораго сосредоточилось столько любви и страданія и надъ головою котораго почіетъ благословеніе великаго поэта.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Князь Сергѣй Волконскій.

Стихотворенія.

I.

Въ тишинѣ угасавшаго дня
Птица громко сказала: прости!
Въ небѣ ангелъ спѣшилъ унести
Золотистыя капли огня.

Мнѣ хотѣлось постигнуть зачѣмъ
Льется столько невидимыхъ слезъ.
Задрожалъ безъ отвѣта вопросъ.
Синій лѣсъ былъ спокоенъ и нѣмъ.

Въ темнотѣ, въ подошедшей ночи
Блѣдный вечеръ исчезъ навсегда.
Покатилась, упала звѣзда,
И я сердцу сказалъ: не стучи!

II.

Тихо и грустно, что лѣта не стало.
Кисти рябины. Расцвѣченный кленъ.
Листья шуршатъ при паденьи устало.
Солнцемъ желтѣющимъ лѣсъ озаренъ.

Вѣтеръ, вздохнувъ, замираетъ лѣниво.
Воды уснули, дорожки пусты.
Длинныя тѣни легли молчаливо
И перекинули къ ночи мосты.

III.

Изъ Кристины Джорджины Россетти.

Когда умру я, милый,
Не нужно мнѣ ни слезъ,
Ни тѣни надо мною,
Ни къ изголовью розъ,
Травой простой и вольной
Пусть зарастетъ мой слѣдъ,
И ты меня, какъ хочешь,
Припомнишь, или нѣтъ.

Я не очнусь въ могилѣ
Отъ свѣжести дождей,
Я ночью не услышу,
Какъ плачетъ соловей,
И видя сонъ загробный,
Сквозь вѣчный полусвѣтъ,
Я, можетъ быть, припомню,
А, можетъ быть, и нѣтъ.

Андрей Блохъ.

Парижскіе вечера.

Іюльскій вечеръ.

Можно ли не любить Парижа? Можно ли, когда нибудь сказать: „онъ мнѣ надоѣлъ“?

Прохладнымъ іюльскимъ вечеромъ я проходилъ по Тюльерійскому саду, вѣрнѣе, по той улицѣ, которая раздѣляетъ садъ на двѣ части и называется теперь Avenue Paul Deroulède. Я живу за рѣкой, или какъ у насъ говорятъ въ русской колоніи: „на Петроградской сторонѣ“, на старой rue du Bac, проложенной еще въ 1550 году, у набережной Theatins.

Здѣсь устроенъ былъ когда то паромъ для подвоза матеріаловъ при постройкѣ Луврскаго дворца. Дорога, которая вела къ парому и получила названіе „Паромной улицы“, т. е. rue du Bac.

Мнѣ приходится ежедневно проходить по Avenue Deroulède; живу я безвыѣздно въ Парижѣ уже много лѣтъ и, казалось, могъ бы привыкнуть къ красотѣ Тюльерійскихъ садовъ.

Этотъ садъ — словно волшебная греза, чудесный миражъ, выросшій среди каменныхъ громадъ города по мановенію волшебной палочки какой-то таинственной феи. Но его разбивали не феи, а, воздвигнутые вокругъ него дворцы Лувра строили не циклопы, а люди.

Гдѣ-же они эти великіе художники, сумѣвшіе создать чудо и ревниво унесшіе съ собой тайны своего творчества. Ихъ нѣтъ, а тѣ что остались, — потомки и наслѣдники — медленно, но вѣрно уничтожаютъ старый Парижъ. Но...

Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ,
А съ благодарностію: были...

Тюльерійскіе сады — это сады Армиды съ ихъ кущами деревьевъ, среди зелени которыхъ ютятся статуи, вазы, пруды и фонтаны. Это садъ миѳическаго короля „Флорестана XXXIV“ изъ „Спящей красавицы“ съ его волшебнымъ дворцомъ, окаймляющимъ садъ съ трехъ сторонъ, съ его клумбами, кущами, боскетами

эспланадами, съ его густо разросшимися партерами красныхъ, нихъ, бѣлыхъ и желтыхъ цвѣтовъ. Мраморныя скамьи, позеле-вшія отъ времени, сѣрыя балюстрады, алеи и площадки — все о сливается въ сложную симфонію красокъ, архитектурныхъ ній, живописныхъ пятенъ. Дворецъ тяжелыми массами, съ при-дливо подымающимися надъ архитектурными линіями высокими ышами архитектора Мансара, мечтательно дремлетъ на фонѣ іюль-аго неба, глубокаго, синяго и прекраснаго.

Когда то безчисленныя окна его горѣли огнями, но теперь они ражаютъ свѣтъ угасающаго дня и кажутся мертвыми. А по ту орону, противъ главнаго фасада дворца, въ безконечной пер-ективѣ, за фонтанами, эспланадами и прудами, высится строгимъ пуэтомъ Обелискъ, а еще за нимъ, въ концѣ Елисейскихъ по-й, Тріумфальная арка.

Всю красоту Парижа и все величіе Франціи создали ея ко-ли и императоры. Какія-бы демократическія идеи ни были сей-съ въ модѣ, но это историческій фактъ и съ этимъ вѣдь ни-го не подѣлаешь.

Республика, съ ея демократическими вкусами не дала ни Тюльe-іскаго сада, ни Луврскаго дворца. Но она создала отвратитель-й скелетъ безъ души и пластическаго тѣла — Эйфелеву башню, е болѣе отвратительное колесо — la Grand Roue и ужасающую авританскую“ безвкусицу — Трокадеро. Эти обличители ху-кественнаго вкуса Республики, какъ истые parvenus, назойливо настойчиво лѣзутъ въ глаза; они видны издали, когда подъ-жаешь къ Парижу; трудно найти въ городѣ пунктъ, изъ кото-го ихъ не было бы видно.

Что дѣлать. Мѣщанское искусство всегда выпячивается съ кой то наглостью впередъ, а истинное искусство, какъ старое но: чѣмъ медленнѣе его пьешь, тѣмъ болѣе и болѣе постигаешь о тонкій чудесный букетъ и его мягкій, ароматный вкусъ. Оно янитъ, и радуетъ, и волнуетъ, и кружитъ голову, и заставляетъ рдце усиленно и взволнованно биться. Но Эйфелева башня и Ко-со валитъ съ ногъ и отъ нихъ сразу дѣлается тошно, какъ отъ шеваго вина, выпитаго сразу и не въ мѣру.

Художники Республики не оставили въ покоѣ чуднаго прои-еденія искусства королевской Франціи — Тюльерійскаго сада. и постарались его „украсить“ и среди его прелестныхъ рощъ ставили памятникъ Гамбеттѣ.

Гамбетта былъ очень уважаемый дѣятель и большой патріотъ,

и, конечно, заслуживалъ памятника. Но видѣть среди этого фантасмагорическаго волшебства жалкую фигуру одноглазаго мужчины въ длинномъ старомодномъ сюртукѣ, среди обнаженныхъ нимфъ, сатировъ и музъ, обидно и жалко. Онъ заслуживалъ бы не такого безвкуснаго памятника и не среди этихъ садовъ. Развѣ мало въ Парижѣ площадей и улицъ. Но демократическіе вкусы не считаются съ такимъ пустякомъ, какъ стиль эпохи. И вотъ, онъ стоитъ среди этой выдержанной во всѣхъ деталяхъ красоты, какъ бѣльмо на красивомъ лицѣ...

Вечеръ темнѣетъ, небо мрачнѣетъ; отдѣльныя кущи и рощи сливаются въ массы; блѣднѣютъ сатиры и нимфы, боги и полубоги, музы и богини и ихъ обнаженныя мраморныя тѣла цѣломудренно покрываются флеромъ іюльскаго вечера; они уходятъ въ невѣдомую даль, исчезаютъ въ глубинѣ зеленыхъ массъ, закутываясь въ плащъ надвинувшейся ночи. Но садъ съ его неопредѣленными очертаніями становится еще красивѣе своей загадочностью, своими тѣнями и тайнами, и дворецъ тяжелой черной массой надвигается на садъ, словно прижимаетъ его къ своей могучей каменной груди.

Хотѣлось бы, чтобы тысячеокій дворецъ, какъ въ волшебной сказкѣ ожилъ въ эту душистую іюльскую ночь; чтобы окна его засвѣтились изнутри праздничными огнями и чтобы томные звуки стариннаго менуэта, спокойнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ величаваго разлились по этимъ кустамъ, цвѣтамъ и деревьямъ и напоили собой дремлющій садъ.

И вотъ они несутся по саду. Это не менуэтъ. Плоховатый симфоническій оркестръ народныхъ концертовъ Тюльерійскаго сада играетъ знаменитый секстетъ изъ „Лючіи", сопровождая солистовъ. Слышится высокое сопрано, и мягкій вечерній вѣтерокъ бережно доноситъ высокія ноты, звонкія и прозрачныя сквозь безчисленную листву деревьевъ. Остальныхъ голосовъ почти не слышно, но ихъ чутко угадываешь напряженнымъ слухомъ...

* * *

Я подѣлился мыслями, навѣянными на меня Тюльерійскимъ садомъ и іюльскимъ вечеромъ съ сидѣвшимъ со мной пріятелемъ. Онъ русскій эмигрантъ соціалъ-революціонеръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ французскій врачъ. Онъ пошелъ на войну добровольцемъ, имѣетъ fourragère и croix de guerre. Онъ женатъ на иностранкѣ, милой женщинѣ, очень правыхъ взглядовъ.

Какъ они уживаются: онъ очень лѣвый, она очень правая — я не знаю. Но живутъ они дружно и любятъ другъ друга. Онъ образованный человѣкъ и не безъ вкуса. У него — къ великому, кажется, его эсъэрскому огорченію — влеченіе къ музыкѣ, къ театру, къ изящной литературѣ, къ поэзіи. Кажется онъ борется съ этими вкусами, но противъ природы ничего не подѣлаешь.

— Да, — грустно отвѣтилъ онъ на мои восторги. — Парижъ красивъ, и особенно чудесенъ этотъ садъ и этотъ дворецъ. Но я не могу смотрѣть на эту красоту вашими глазами и любоваться ею, какъ вы.

— Почему.

— Когда я смотрю на дворецъ, въ моемъ воображеніи встаютъ мысли, что въ немъ жили короли и угнетали несчастный народъ... Ну да, это можетъ быть и смѣшно, и вы правы, что смѣетесь, но это такъ. И мнѣ дѣлается противно, и вся красота исчезаетъ.

Я подумалъ, что онъ шутитъ или просто забавляется, но нѣтъ, онъ говорилъ серьезно. Лицо его было хмуро.

— Да, — продолжалъ онъ, — я думаю, сколько потребовалось народнаго пота, и, вѣроятно, человѣческихъ жизней, чтобы создать эту красоту. Что дѣлать, — поспѣшилъ онъ подкрѣпить себя. — Когда то въ молодости мнѣ показалось, что жизнь несправедлива, что счастье и блага черезчуръ неравномѣрно распредѣлены между людьми, что многое въ нашей жизни не нужно, а что нужно, того нѣтъ, что одни чрезмѣрно наслаждаются, а другіе чрезмѣрно страдаютъ. И когда я понялъ, что въ этомъ виноваты короли и императоры, то я сталъ революціонеромъ. Вотъ, вы, любуясь этимъ дворцомъ, думаете о волшебномъ садѣ „Спящей Красавицы", и, можетъ быть, видите и фею Сирени, притаившуюся вотъ за этимъ кустомъ, и очаровательнаго принца, который подплываетъ по рѣкѣ — по Сенѣ, — въ лодкѣ, украшенной цвѣтами, ко дворцу, въ которомъ заснула красавица Аврора... А я вижу, какъ согнанные изъ всѣхъ окрестностей Парижа крестьяне перетаскиваютъ несовершенными способами тяжелые камни, какъ напряженными до боли мускулами и окровавленными руками они тянутъ канаты парома... Какъ ихъ земли остаются необработанными изъ за королевской прихоти, какъ болѣютъ и мрутъ ихъ жены и дѣти. И мнѣ дѣлается страшно, и вся красота исчезаетъ, и я ненавижу королевскій режимъ и все, что съ нимъ связано.

Онъ задумался.

— Нужна ли въ сущности человѣчеству вся эта красота? нерѣшительно спросилъ онъ. — Можетъ быть и безъ нея можно было бы обойтись... Помните „Погасимъ фонари, если они не могутъ свѣтить одинаково“. И потомъ: я ненавижу пышность, сложность, lux. Красиво то, что просто. Смотрите, какъ все просто и ясно въ природѣ.

— Какой вздоръ, — возразилъ я ему. — Въ природѣ есть незабудки съ пятью голубыми лепестками и желтымъ сердечкомъ, и есть орхидея, сложнѣйшій и причудливѣйшій цвѣтокъ. Есть булыжникъ и изумрудъ. Есть воробей и павлинъ. Посмотрите на сложный рисунокъ и подборъ красокъ на его перѣ...

— Пожалуй, сказалъ онъ задумавшись. — Если бы жена услыхала мои разсужденія — продолжалъ онъ, засмѣявшись, — хватило бы на весь вечеръ...

Въ его тонѣ чувствовалось страстное желаніе быть опровергнутымъ.

Но мнѣ больше не хотѣлось спорить. Очарованіе волшебной ночи было испорчено. Я зналъ, что въ ранней молодости — онъ разсказывалъ мнѣ это — онъ познакомился съ жандармами изъ-за „храненія литературы“ — какое нелѣпое выраженіе. Онъ былъ арестованъ, шелъ по этапу, сидѣлъ въ тюрьмѣ, и, наконецъ, былъ высланъ заграницу. Здѣсь онъ страдалъ, голодалъ, учился, пробивался, болѣлъ тоской по родинѣ и, наконецъ, проклялъ „режимъ“.

Я все это зналъ, и мнѣ часто было жаль его. Эта нелѣпость изломала его душу.

— Что же я вамъ скажу, — отвѣтилъ я на его тревожный нѣмой вопросъ. — Я скажу, что вы мнѣ напоминаете человѣка, котораго въ дѣтствѣ глупая русская нянька напугала, въ темной комнатѣ, „букой“. Такъ онъ и остался напуганнымъ на всю жизнь. Вы стали взрослымъ, а страхъ къ темной комнатѣ остался, и отвращеніе къ „букѣ“, которую теперь вы называете „царизмомъ“ или „королизмомъ“, я не знаю, у васъ тоже осталось...

— Пожалуй это такъ. Но что дѣлать. Есть яды, которые отравляютъ на всю жизнь. Да, и „глупая нянька“, это тоже вѣрно. Вы слышите — финалъ секстета. Какъ сейчасъ ясно доносится. И какъ хорошо. И какая ночь...

Мнѣ опять стало его жаль. Бѣдный, надломленный человѣкъ. Какъ его тянетъ въ заманчивую красивую даль Искусства, и какъ отравленный организмъ притягиваетъ его къ землѣ. Онъ знаетъ,

что безъ красоты нѣтъ счастливой жизни, а только животное прозябаніе. Дай человѣку только необходимое, и онъ превратится въ звѣря — какъ то самъ онъ, неожиданно для себя обмолвился этимъ старымъ афоризмомъ. Но ему всетаки порой кажется, что красота — это дессертъ, безъ котораго можно прожить, не умеревъ съ голоду, и что дессертъ — это прихоть буржуевъ. Можетъ быть, ему это уже больше и не кажется, но ему кажется, что, если онъ не будетъ такъ думать, то это будетъ безчестно. Да, есть яды, которые отравляютъ на всю жизнь.

Спустилась ночь, и ярко вспыхнули фонари. И въ ихъ голубоватомъ электрическомъ свѣтѣ новой красотой и новыми, претворенными красками ожилъ садъ. Днемъ онъ блисталъ пестротой и яркостью красокъ. Теперь всѣ эти залитыя заходящимъ солнцемъ статуи, алые и желтые цвѣты, алое небо, золотисто-розовыя облака, вся гамма теплыхъ тоновъ вдругъ перемѣнила тональность на гамму холодныхъ, зеленовато-синихъ красокъ...

Какая красота, а онъ думаетъ, что радоваться этой красотѣ „безчестно“...

Стальной лентой текла рѣка. Мы проходили черезъ Pont Royal, и узкая темная и длинная rue du Bac втянула въ себя наши силуэты.

В. Свѣтловъ.

Въ пути.

Горячій день лицо цѣлуетъ мнѣ
Сверкающими, алыми устами.
Земля, какъ схимница, измучена постами,
И жаждетъ радости, и молится вдвойнѣ...
Какъ любопытный мальчикъ, надъ кустами,
Поникшими въ дремотномъ, знойномъ снѣ,
Вприпрыжку пробѣжалъ, потрогавъ ихъ руками,
Веселый вѣтерокъ — и сгинулъ въ вышинѣ,
Въ послѣдней шалости вдругъ вспѣнивъ на мгновенье,
Шуршащимъ шелестомъ прямые тополя...
И снова тишь. И жарко спятъ поля,
Дыша въ молитвенномъ и сладостномъ томленьи...

Вячеславъ Лебедевъ.

---

* * *

Ты земной, а я схимница бѣлая,
Облеченная бѣлой мечтой.
Ужъ давно эту рясу надѣла я
И повѣрила правдѣ простой.
И съ тѣхъ поръ своей жизнью наивною
Я, смиренная сердцемъ, жила,
Ограждаясь мольбой непрерывною
Отъ мірского соблазна и зла.
Но, пришелъ ты, земной и дерзающій
И разрушилъ мою тишину.
Предъ лампадой стою угасающей
Я, далекая миру и сну.
Мои четки по-полу растеряны,
Непокрыта ничѣмъ голова.
Мои пальцы въ крестѣ не увѣрены,
И увяли молитвы слова.

М. Невзорова.

Россія.*)

Ces serfs, à mesure qu'ils recevront la liberté, se trouveront placés entre des instituteurs plus que suspects, et des prêtres sans force et sans considération. Ainsi exposés, sans préparation ils passeront infailliblement et brusquement de la superstition à l'athéisme, et d'une obéissance passive à une activité effrénée. La liberté fera sur tous ces tempéraments l'effet d'un vin ardent sur un homme qui n'y est point habitué. Le spectacle seul de cette liberté enivrera ceux qui n'y participent point encore. Que dans cette disposition générale des esprits, il se présente quelque Pougatcheff d'Université (comme il peut s'en former aisément puisque les manufactures sont ouvertes), qu'on ajoute l'indifférence, l'incapacité ou l'ambition de quelques nobles, la scélératesse etrangère, les manoeuvres d'une secte détestable qui ne doit jamais, etc, etc... l'Etat, suivant toutes les règles de la probabilité se romprait, au pied de la lettre, comme une poutre trop longue qui ne porterait que par les extrèmités...

J. de Maistre.

Настанетъ годъ, Россіи черный годъ,
Когда царей корона упадетъ,
Забудетъ чернь къ нимъ прежнюю любовь,
И пища многихъ будетъ смерть и кровь;

Когда дѣтей, когда невинныхъ женъ
Низвергнутый не защититъ законъ;
Когда чума отъ смрадныхъ мертвыхъ тѣлъ
Начнетъ бродить среди печальныхъ селъ,
Чтобы платкомъ изъ хижинъ вызывать;
И станетъ гладъ сей бѣдный край терзать;
И зарево окраситъ волны рѣкъ...
Въ тотъ день явится мощный человѣкъ,
И ты его узнаешь, и поймешь,
Зачѣмъ въ рукѣ его булатный ножъ.
И горе для тебя. Твой плачъ, твой стонъ
Ему тогда покажется смѣшенъ;
И будетъ все ужасно, мрачно въ немъ,
Какъ плащъ его съ возвышеннымъ перомъ.

М. Лермонтовъ (1831).

---

*) Статья, написанная по просьбѣ англійскихъ друзей для одного англійскаго изданія.

Россія переживаетъ величайшій кризисъ, какой когда-либо переживала какая-либо страна. Величина и значительность этого кризиса опредѣляется не только размѣрами того „историческаго пространства," которое онъ захватилъ. Это не только кризисъ политическій, экономическій и соціальный, это кризисъ народнаго духа, національной стихіи въ условіяхъ величайшаго мірового потрясенія.

Послѣдствія кризиса можно сейчасъ только гипотетически начертать, ибо, разсуждая отвлеченно, онъ можетъ дать самые различные результаты, сообразно тому, какія силы возобладаютъ въ міровомъ развитіи и какъ пройдетъ равнодѣйствующая міровой исторіи. Но природу самаго кризиса, его существо, его духовное содержаніе уже теперь можно довольно точно опредѣлить, и такъ же точно мы можемъ охарактеризовать ту историческую почву, на которую упали духовныя сѣмена этого кризиса.

Въ русской историко-философской мысли есть традиція противопоставлять Россію остальному культурному міру, традиція особаго историческаго „призванія" Россіи, ея особой „учительской" миссіи. Эта традиція имѣла свои различныя выраженія, въ извѣстномъ смыслѣ прямо противоположныя. Съ одной стороны особое призваніе Россіи видѣли люди или умы величайшаго религіознаго напряженія. Это призваніе заключалось для нихъ въ томъ, что Россія, русскій народъ какъ-то своимъ духовнымъ бытіемъ и творчествомъ напомнитъ міру и утвердитъ высшую правду христіанства. Такова глубочайшая идея, историко-философская и религіозная въ то-же самое время, славянофиловъ и Достоевскаго. Это построеніе и это настроеніе носитъ не только религіозно-отвлеченный, но и мистически-конкретный характеръ. Это есть переживаніе, близкое къ эсхатологическимъ чаяніямъ первохристіанъ.

И рядомъ съ этимъ та же самая формально мысль подъ совершенно другимъ знакомъ! Это идея воинствующаго осуществленія соціализма, вѣра атеистическая, вѣра даже не въ Царство Божіе на землѣ, а въ безбожное преодолѣніе всего истор ическаго, ирраціонально сложившагося и существующаго назземлѣ, и, въ томъ числѣ и прежде всего, религіи. Такимъ обраомъ рядомъ съ апокалиптически-христіанскимъ мессіанизмомъ передъ нами выступаетъ мессіанизмъ, если можно такъ выразиться, атеистическій, который раздулъ и обострилъ всю антирелигіозную традицію человѣчества, соединивъ ее съ максимализмами во всѣхъ другихъ областяхъ — въ области экономической, соціальной и политической.

Въ смутныхъ настроеніяхъ современности часто проявляется склонность сливать воедино, смѣшивать эти два столь различныхъ пониманія русскаго призванія. Весьма возможно, что такое смѣшеніе есть психологически неизбѣжный фактъ извѣстнаго историческаго затемнѣнія сознанія, его какъ

бы ослѣпленія неожиданными и слишкомъ яркими красками дѣйствительности. По существу, въ основахъ, однако, тутъ не можетъ быть ни сліянія, ни даже компромиссовъ.

Въ ученіи о религіозномъ призваніи Россіи до высочайшаго напряженія доведены двѣ идеи, два начала: 1) идея націи, какъ соборной индивидуальности, въ которую погружена, изъ которой питается человѣческая личность, какъ нѣчто отъ этой силы не механически, не въ порядкѣ приказа зависимое, а органически, любовно-покорно ей подчиненяющеся и 2) идея благодати, идея индивидуальнаго и коллективнаго Божія призванія. Какъ бы ни ускромнять такое пониманіе призванія, въ немъ всетаки останется всегда извѣстное религіозное содержаніе и религіозный паѳосъ.

Въ томъ, другомъ пониманіи содержаніе и паѳосъ — антирелигіозны. Ускромненные, это содержаніе и этотъ паѳосъ могутъ превратиться въ приличное „свободомысліе“ того типа, который въ историческомъ развитіи мыслей пріобрѣлъ свое классическое выраженіе, напримѣръ, въ англійскомъ философскомъ радикализмѣ. Однако, не только Маркса и Ленина, но даже Оуэна и Бентама нельзя соединить съ Достоевскимъ и со славянофилами. Тутъ есть двѣ стихіи, которыя, даже отрѣшаясь отъ максималистическихъ формъ и выраженій, не сліянны.

Конечно, можетъ быть чисто формально-психологическое пониманіе религіи и религіозности, при которомъ страстное, фанатическое отрицаніе Бога можетъ быть разсматриваемо, какъ особый видъ религіи и религіозности. Но для великихъ историческихъ процессовъ существенны не только психологическая форма и окраска, а духовное содержаніе, имѣющее объективное значеніе и объективную цѣнность для того, кто вѣритъ въ это содержаніе.

Русская революція есть именно историческое столкновеніе такихъ двухъ духовныхъ содержаній, и борьба въ ней политическихъ идеаловъ и соціальныхъ стремленій есть въ извѣстномъ культурно-философскомъ смыслѣ лишь поверхностное выраженіе и отраженіе этого глубиннаго духовнаго столкновенія, которое далеко еще не закончилось, а наоборотъ прошло только одну стадію и приближается ко второй. Глубину этого столкновенія лишь смутно ощущаютъ и тѣ, кто въ немъ принимали и принимаютъ участіе, и посторонніе зрители. Отсюда — возникновеніе въ наше время въ Россіи гибридныхъ идеологій, которыя представляютъ либо приспособленіе старыхъ построеній къ новой исторической обстановкѣ, либо попытки даже объединить какъ-то тѣ два противоборствующихъ начала, въ столкновеніи которыхъ заключается духовное содержаніе русской революціи.

При этомъ весьма характерно, что идейная жизнь происходитъ сейчасъ почти исключительно въ такъ называемой „эмиграціи“. Нѣтъ ничего болѣе ошибочнаго, чѣмъ представлять себѣ

русскую „эмиграцію“ или, вѣрнѣе, русское „бѣженство“ по аналогіи съ эмиграціей французской революціи или эмиграціей императорской эпохи Россіи. Одна изъ особенностей происшедшей въ Россіи политической и соціальной революціи заключается въ томъ, что она духовную жизнь въ самой странѣ свела почти до минимума, а такъ какъ вся предшествующая исторія создала въ Россіи весьма интенсивную духовную жизнь, то жизнь эта сейчасъ въ значительной мѣрѣ перемѣстилась за границу. Передъ нами, стало быть, въ русскомъ „бѣженствѣ“ не политическая и даже не соціальная эмиграція, а обусловленное уничтоженіемъ элементарныхъ основъ хозяйственной и правовой жизни въ странѣ географическое перемѣщеніе ея сознательной духовной жизни. Поэтому, современная русская „эмиграція“ представляетъ (въ количественно болѣе крупныхъ размѣрахъ) аналогію такимъ явленіемъ, какъ перемѣщеніе греческой образованности въ Италію послѣ паденія Византійской Имперіи и перемѣщеніе тѣхъ культурныхъ элементовъ, которые должны были покинуть католическія страны въ силу религіозныхъ преслѣдованій. И если эти, только что упомянутыя, явленія для всего міра представляютъ, быть можетъ, большее значеніе, чѣмъ русская антибольшевистская эмиграція, то для самой Россіи это явленіе имѣетъ значеніе гораздо большее, чѣмъ для какой бы то ни было Европейской страны имѣли какіе-либо „исходы“ изъ нея. Значеніе русской „эмиграціи“ сейчасъ почти исключительно духовное и, какъ таковое, оно скажется въ Россіи въ будущемъ, когда политическая борьба въ современныхъ ея формахъ отодвинется на задній планъ, и соціальныя отношенія отвердятся.

Къ гибриднымъ формамъ идеологій, порожденнымъ революціей, принадлежатъ т. н. „евразійство“ *) и т. н. „націоналъ-большевизмъ“ **).

Евразійство внѣшнимъ образомъ продолжаетъ традицію славянофильства. Но особенностью славянофильства и тѣхъ нѣмецкихъ историко-философскихъ ученій, которыя на него вліяли, была идея, что страна или народъ, имѣющій свое историческое призваніе, въ немъ осуществляетъ какую то универсальную идею, какую то общечеловѣческую правду. При формальномъ національномъ партикуляризмѣ славянофильство было запечатлѣно широчайшимъ идейнымъ уни-

---

*) Евразійство получило свое главное литературное выраженіе въ коллективномъ трудѣ, въ сборникѣ „Исходъ къ Востоку. Предчувствія и свершенія. Утвержденіе евразійцевъ.“ Софія 1921 г. стр. 125 (статьи П. Н. Савицкаго, П. П. Сувчинскаго, кн. Н. С. Трубецкого и Георгія Флоровскаго).

**) „Націоналъ-большевизмъ нашелъ себѣ выраженіе въ книгѣ Н. Устрялова „Въ борьбѣ за Россію“ (Харбинъ 1920 г.) и въ сборникѣ „Смѣна вѣхъ“ (Прага 1921 г. статьи Ю. В. Ключникова, Н. В. Устрялова, С. С. Лукьянова, А. В. Бобрищева-Пушкина, С. С. Чахотина и Ю. Н. Потѣхина).

См. объ евразійствѣ и націоналъ-большевизмѣ мои статьи въ „Русской Мысли“ за прошлый и за текущій годъ.

версализмомъ. Эта черта въ евразійствѣ во всякомъ случаѣ гораздо слабѣе выражена. Евразійство мыслитъ себѣ Россію, какъ главный элементъ особаго культурнаго цѣлаго, противополагаемаго имъ германо-романскому міру, создавшему европейско-американскую культуру. Поскольку у евразійцевъ есть доктрина, эта доктрина сводится къ утвержденію культурно-расовыхъ особенностей народовъ евразійскаго міра. Въ этомъ утвержденіи повторяется обычная ошибка всѣхъ такихъ схемъ. Извѣстныя черты разсматриваются не какъ мѣняющійся, текучій результатъ исторической обстановки и событій, а какъ апріорно данныя, опредѣляющія и предопредѣляющія условія этой обстановки и этихъ событій. Поскольку евразійство подчеркиваетъ и ставитъ во главу угла всего историческаго попониманія судебъ Россіи родственность русской культуры съ азіатскимъ Востокомъ, постольку оно объективно страннымъ образомъ воспроизводитъ доктрину одного славянскаго ненавистника Россіи, нѣкаго поляка Духинскаго, который болѣе чѣмъ 50 лѣтъ тому назадъ проповѣдывалъ, что „московиты" суть восточная, туранская раса, лишь поверхностно соприкоснувшаяся съ западной, славянской культурой, усвоившая себѣ скандинавское названіе „русскихъ" и славянскій языкъ.*)

Евразійство и подобныя ему доктрины ставятъ проблему разъясненія тѣхъ особенностей русской культуры, которыя созданы историческимъ положеніемъ Россіи между Западомъ и Востокомъ, между Европой и Азіей. Тутъ есть, дѣйствительно, проблема, или, вѣрнѣе, цѣлый рядъ проблемъ. Вся исторія Россіи опредѣлилась ея географическимъ положеніемъ и комбинаціей извѣстныхъ историческихъ событій съ этимъ географическимъ положеніемъ. Нелѣпо московитовъ, въ качествѣ номадовъ-туранцевъ, противопоставлять осѣдлымъ арійцамъ-европейцамъ, какъ это дѣлаетъ Духинскій, но не подлежитъ сомнѣнію, что въ русской исторіи сыграли огромную роль, съ одной стороны, вторженія кочевниковъ и, съ другой стороны, стихійная русская колонизація восточныхъ пространствъ, направленная противъ кочевниковъ.

Націоналъ-большевизмъ является попыткой идеализаціи большевизма съ національной точки зрѣнія. Въ основѣ этой идеализаціи лежитъ предположеніе, что національная стихія большевизма не только не совпадаетъ съ его интернаціоналистически-коммунистической идеологіей, но дѣйствуетъ даже

---

*) Въ моихъ рукахъ находится сейчасъ его книга F. N. Duchinski (de Kiew). Peuples Aryâs et Tourans. Agriculteurs et Nomades. Nécessité des réformes dans l'exposition de l'histoire des peuples aryâs-europeèns et tourans particulièrement des Slaves et des Moscovites. Paris 1864. Критикѣ идей Духинскаго, которыя въ свое время представляли интересъ и смыслъ съ точки зрѣнія русско-польской борьбы, посвящены, между прочимъ, нѣкоторые труды знаменитаго русскаго слависта Владиміра Ивановича Ламанскаго.

въ прямо противоположномъ смыслѣ. Это предположеніе опирается на одно правильное и цѣлый рядъ неправильныхъ сужденій. Правильное заключается въ томъ, что интернаціоналистически-коммунистическая идеологія чужда русскому народу, что она лишь использовала возбужденіе народныхъ массъ и нѣкоторые ихъ инстинкты и, создавъ военную организацію, черезъ нее властвуетъ надъ народомъ. Неправильна и утопична мысль, что эта организація можетъ осуществлять какое бы то ни было національное призваніе. Дѣйствительность не даетъ никакихъ опорныхъ пунктовъ для національной идеализаціи большевизма.

Характерную черту русской революціи — такъ, какъ она реально осуществилась въ большевизмѣ — представляетъ не только и не столько ослабленіе государства и его силы въ традиціонной формѣ, но — что̀ еще важнѣе — ослабленіе и чисто животной силы населенія и духовной его культуры. Въ современной Россіи вымираетъ населеніе. Процессъ этотъ начался съ городовъ, гдѣ онъ и явился спутникомъ паденія городской жизни и культуры. Теперь онъ перенесся въ деревню.

Никакое объединеніе Россіи подъ властью совѣтовъ не можетъ маскировать этого основного біологическаго и культурно-экономическаго факта: вслѣдствіе продиктованнаго, во первыхъ, коммунистической идеологіей, во вторыхъ, похотью власти опредѣленныхъ физическихъ лицъ и опредѣленныхъ группъ этихъ лицъ, разрушенія извѣстныхъ формъ и институтовъ хозяйственной жизни, въ томъ историческомъ пространствѣ, которое занимаетъ русскій народъ, понизилась емкость территоріи по отношенію къ населенію. Тутъ мы воочію на огромномъ пространствѣ можемъ наблюдать явленіе хозяйственнаго упадка, то явленіе, которое для другихъ историческихъ средъ и эпохъ мы можемъ установить лишь гипотетически (въ двоякомъ смыслѣ). Въ самомъ дѣлѣ, для другихъ средъ и эпохъ мы либо не въ состояніи точно и вразумительно установить фактъ всеобщаго упадка — таковъ, на мой взглядъ, сложный случай того процесса, который принято именовать упадкомъ и паденіемъ Римской Имперіи, — либо мы неспособны указать конкретныя условія, тотъ механизмъ причинъ и слѣдствій, который привелъ къ данному результату — таковъ, мнѣ кажется, случай запустѣнія передней Азіи. Въ самой русской исторіи мы имѣемъ частный примѣръ связаннаго съ набѣгами до-татарскихъ кочевниковъ и съ татарскимъ нашествіемъ запустѣнія Кіевской Руси. Но этотъ процессъ былъ весьма значительно уравновѣшенъ происходившей одновременно колонизаціей болѣе сѣверныхъ и восточныхъ пространствъ позднѣйшей Россіи, колонизаціей, исходившей и изъ Кіевской области и изъ Новгорода. Въ 1918 г. одинъ изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ историковъ уже при господствѣ большевиковъ въ одномъ частномъ домѣ въ Москвѣ прочелъ лекцію, въ кото-

рой онъ отождествлялъ утвержденіе большевистскаго режима по его соціальному и культурному значенію съ татарскимъ разореніемъ и владычествомъ въ Россіи. Къ сожалѣнію, объективно слѣдуетъ признать, что почтенный историкъ произнесъ слишкомъ оптимистическое сужденіе. Ибо не можетъ подлежать сомнѣнію, что татарское нашествіе было явленіемъ гораздо болѣе поверхностнымъ, чѣмъ коммунистическое владычество. Выражаясь въ терминахъ французской соціологіи (Лакомбъ, Дюркгеймъ) татарское нашествіе и владычество было гораздо больше „évènement", чѣмъ „institution", болѣе событіемъ, чѣмъ учрежденіемъ. Большевизмъ многое разрушилъ, какъ „событіе" и еще большее подточилъ, какъ „учрежденіе" или режимъ. И, главное, онъ подточилъ и расшаталъ экономическій фундаментъ народной жизни и культуры. Не нужно быть экономическимъ матеріалистомъ для того, чтобы признавать фундаментальное значеніе для человѣческихъ обществъ хозяйственныхъ фактовъ. Культурныя явленія и силы — религія, искусство, наука — конечно, не опредѣляются по своему содержанію экономическими процессами, но культурная жизнь народа несомнѣнно зависитъ отъ его экономическаго уровня, и пониженіе этого уровня ниже извѣстнаго предѣла не можетъ не угрожать культурной жизни. Такъ, коммунисты марксистскаго толка своей собственной разрушительной работой подтверждаютъ частичную правду экономическаго истолкованія исторіи.

Но съ другой стороны — и начальный успѣхъ большевиковъ, и существованіе ихъ власти въ условіяхъ неслыханнаго экономическаго разоренія совершенно выпадаютъ изъ обычной схемы экономическаго истолкованія исторіи. Коммунистическая власть, существующая въ Россіи, лишена всякаго положительнаго экономическаго фундамента. Это чистѣйшій политическій фактъ, который, если и держится экономически на чемъ либо, то лишь на моментѣ чисто отрицательномъ, на оскудѣніи и нищетѣ народа, созданномъ самой же властью. Такъ называемая новая экономическая политика или, иначе эволюція большевизма, чрезвычайно любопытна и знаменательна именно съ этой соціологической точки зрѣнія. Она призвана создать въ странѣ новый экономическій фундаментъ, вѣрнѣе, возстановить старыя экономическія основы, которыя существовали до пришествія этой власти. А это значитъ, что долженъ измѣниться, выражаясь въ марксистскихъ терминахъ, экономическій фундаментъ общества. Но при этомъ коммунисты желаютъ сохранить свою политическую власть, т. е. коммунисты-марксисты желаютъ историческимъ экспериментомъ опровергнуть въ свою пользу историческую философію Маркса. На самомъ дѣлѣ имъ это, конечно, не удастся. Ибо не въ метафизически-абсолютномъ, а въ эмпирически - относительномъ смыслѣ экономическое

истолкованіе исторіи правильно устанавливаетъ соотношеніе общественныхъ процессовъ.

Русская революція явилась грандіознымъ подтвержденіемъ той истины, что политическія революціи всегда являются конечнымъ этапомъ какого то накопленія народныхъ силъ, ищущихъ себѣ выхода. Опять таки не нужно быть экономическимъ матеріалистомъ въ духѣ Маркса, чтобы отчетливо видѣть, что революціонное движеніе и возбужденіе, охватившее Россію съ начала XX вѣка, тѣснѣйшимъ образомъ связано съ ея экономическимъ развитіемъ, съ развитіемъ сельскаго хозяйства, промышленности, съ накопленіемъ богатствъ и капиталовъ, съ ростомъ населенія и съ огромнымъ количественнымъ ростомъ духовной культуры. И исторической проблемой является вовсе не происхожденіе революціи, которая явилась такъ же, какъ французская революція, порожденіемъ не столько отрицательныхъ и разрушительныхъ сторонъ и моментовъ стараго режима, сколько развившихся въ его нѣдрахъ положительныхъ силъ и культурныхъ устремленій. Историческую проблему представляетъ разрушительное и противо-культурное содержаніе этой революціи, приведшей къ неслыханному экономическому упадку и вымиранію населенія. Какъ могло получиться это содержаніе? Какъ могло оно въ такой мѣрѣ себя осуществить? Какъ это случилось?

Съ обычной оптимистической вѣрой въ прогрессъ этотъ ходъ вещей совершенно не вяжется. Но нужно, наконецъ, вмѣстѣ съ величайшими философскими умами второй половины XIX вѣка, имѣть мужество признать, что прогрессъ вовсе не обязателенъ для человѣчества, что зло есть въ жизни космоса и человѣчества такое же самостоятельное реальное начало, какъ и добро, что изъ-за человѣка въ человѣчествѣ и его исторіи борятся Богъ и дьяволъ. Это прежде всего эмпирически неотразимо.

Особенность русской революціи состоитъ въ томъ, что ея агентомъ явился не просто „народъ", а „вооруженный народъ". Война создала активную силу революціи. Только благодаря войнѣ такія огромныя массы народа могли активно вложиться въ революцію. Это обстоятельство опредѣлило собой и силу и размахъ революціи. Для пониманія этой стороны нужно твердо держать въ умѣ, что то, что мы разумѣемъ подъ силой и размахомъ такихъ движеній, какъ революціонныя, въ конечномъ счетѣ опредѣляется не силой одного только нападенія, но соотношеніемъ нападенія и сопротивленія.

Историческая проблема политической и соціальной революціи, совершившейся въ Россіи, сводится такимъ образомъ къ разъясненію слѣдующихъ вопросовъ.

I. Какъ получилось, что въ Россіи произошла революція, остріе которой оказалось обращеннымъ противъ собственности?

II. Почему и какъ такая революція могла восторжествовать, и къ чему это торжество привело?

Поставленные вопросы являются вопросами чисто историческими, проблемами исторической соціологіи. Ключъ къ разрѣшенію перваго вопроса мы найдемъ, если обратимъ вниманіе на соотношеніе силъ нападенія и сопротивленія въ русской революціи. Нападеніе велось во имя идей соціализма и коммунизма противъ существующей собственности и идеи собственности вообще. Тутъ рѣшающимъ оказалось то, что, въ силу поздняго развитія русскихъ идеологій подъ вліяніемъ Запада, въ русскомъ образованномъ классѣ, соціально являющемся особой разновидностью буржуазіи, безусловно господствующимъ было соціалистическое міровоззрѣніе, а въ народныхъ массахъ не выработалось ни привычекъ, ни идей собственности. На этомъ послѣднемъ моментѣ слѣдуетъ остановиться внимательно. Русское аграрное развитіе вовсе не начинается съ первобытнаго коммунизма, но оно выработало въ теченіе вѣковъ, предшествующихъ освобожденію крестьянъ, аграрный строй, въ которомъ вмѣсто понятія крестьянской собственности господствовало понятіе крестьянскаго надѣла.*) Тогда какъ западноевропейскій феодально-крѣпостной строй въ своихъ нѣдрахъ выработался и прообразовалъ крестьянскую собственность, въ Россіи именно этого не произошло и, хотя ни въ одномъ крупномъ европейскомъ государствѣ не было въ моментъ русской революціи такого абсолютно и относительно значительнаго количества хозяйственно самостоятельныхъ земледѣльцевъ, сидящихъ не на чужой землѣ, — крестьянской собственности въ Россіи еще не существовало. Не существовало въ томъ смыслѣ, что институтъ собственности не сдѣлался еще привычкой не сталъ еще прочнымъ регулирующимъ началомъ жизни народныхъ массъ. Комбинація соціализма образованныхъ классовъ и отсутствія духа собственности въ крестьянской массѣ создала ту духовную атмосферу, въ которой протекла русская революція. Институтъ собственности былъ беззащитенъ съ двухъ сторонъ: отъ него духовно отреклась интеллигенція и къ нему еще не пришли народныя массы. Этимъ исторически опредѣлилось то отсутствіе стойкаго и сознательнаго сопротивленія, которое встрѣтила въ Россіи революція, обращенная противъ собственности. Поскольку существовали элементы устроенной крестьянской собствен-

*) Въ Россіи, классической странѣ „общиннаго землевладѣнія", нельзя въ древнѣйшія эпохи ея исторіи найти слѣдовъ этого учрежденія, „живая исторія" котораго была раскрыта именно русскими экономистами (прежде всего незабвеннымъ для меня покойнымъ моимъ другомъ проф. А. А. Кауфманомъ) и историками (прежде всего покойной же А. Я. Ефименко, самымъ замѣчательнымъ историкомъ изъ русскихъ женщинъ). Результаты работы русскихъ ученыхъ весьма удачно сведены въ англійской книгѣ польскаго ученаго Левинскаго. (J. Lewinski. The origin of property and the formation of the village community. London. 1913.)

ности въ дореволюціонной Россіи — а на созданіе ихъ были направлены усилія такихъ дѣятелей, какъ Столыпинъ и Кривошеинъ,—эти элементы тоже сметены революціей. Революція обрушилась одинаково и на помѣщичью и на крестьнскую собственность. Вотъ почему съ чисто объективной точки зрѣнія совершенно невѣрно говорить, что революція покончила въ Россіи съ какимъ то феодальнымъ строемъ. Въ исторіи Россіи, конечно, были элементы и феодальнаго строя, но въ 1917 г. сметены были не эти элементы, а собственность, по своему существу вполнѣ совпадающая съ тѣмъ, что называютъ на западѣ „собственностью общаго права". Характеръ аграрной революціи въ Россіи опредѣлился именно тѣмъ, что въ Россіи выпалъ, собственно говоря, тотъ періодъ развитія и тотъ укладъ жизни, который назывался на Западѣ феодальнымъ и въ которомъ исторически сложилась идея и институтъ крестьянской собственности. Въ Россіи только въ XIX вѣкѣ государство сначала робко, въ лицѣ законодательства эпохи освобожденія крестьянъ, а потомъ дерзновенно-революціонно, въ лицѣ Столыпинскаго законодательства, создавало крестьянскую собственность, между тѣмъ какъ на Западѣ въ такихъ странахъ, какъ Франція и Германія, въ нѣдрахъ настоящаго феодальнаго строя, крестьянская собственность была прообразована, и потому освобожденіе крестьянъ на Западѣ было освобожденіемъ крестьянской собственности отъ лежащихъ на ней повинностей. Въ Россіи же освобожденіе крестьянъ, помимо ихъ личнаго освобожденія отъ рабства распалось: 1. на надѣленіе ихъ землей по законодательству Александра II на весьма неопредѣленномъ полу-публичномъ правѣ владѣнія и 2. на надѣленіе ихъ болѣе или менѣе настоящимъ правомъ собственности по законодательству Столыпина. Революція, упразднивъ помѣщичью собственность „общаго права", произвела анархическое дополнительое надѣленіе крестьянъ землей во имя соціализма и съ провозглашеніемъ соціализаціи земли. Ни тѣ условія русскаго аграрнаго строя, которыя предшествовали революціи, ни содержаніе ея не уполномачиваютъ насъ отождествлять ее съ паденіемъ феодально-крѣпостного строя. Тотъ аграрный строй, который существовалъ въ Россіи до революціи, не имѣетъ ничего общаго съ феодализмомъ. Крѣпостнымъ его въ извѣстной мѣрѣ можно еще назвать внутри самого крестьянства. И если аграрная революція была послѣдней судорогой общинно-крѣпостной Россіи, то судорога эта ударила не по феодализму, котораго не существовало, а по тѣмъ элементамъ и росткамъ общей собственности, которую создало все предшествующее историческое развитіе.

Когда сопоставляютъ русскую революцію съ французской, то забываютъ, что, кромѣ нѣкоторыхъ довольно поверхностныхъ сходствъ въ сферѣ чисто политической, старый

ежимъ Франціи не представляетъ никакой аналогіи съ тѣмъ ежимомъ, который разрушенъ былъ русской революціей. ля стараго режима Франціи были характерны, имѣли основное наченіе слѣдующія три черты: 1) партикуляризмъ или разробленность права и порядка управленія въ національно культурно объединенной средѣ; 2) связанность торговли;) связанность промышленности (и та и другая связанность оздана была какъ обычаемъ, такъ и полицейскимъ законоательствомъ); 4) крайнее развитіе сословныхъ привилегій , въ частности, податное неравенство сословій.

Въ Россіи стараго порядка не существовало ни того артикуляризма, ни той архаичности права и управленія, косрая была такъ характерна для Франціи. Напомнимъ, что ольтеръ, какъ извѣстно, острилъ, что, путешествуя по Франіи, на каждой перепряжкѣ лошадей приходилось мѣнять раво, и что одинъ новѣйшій изслѣдователь до-революціонаго режима утверждаетъ, что никакая самая тонкая карторафическая техника не можетъ передать дифференціаціи рава во Франціи стараго порядка. Съ половины XVIII вѣка ь Россіи окончательно восторжествовала свобода внутренней торговли, и внутреннія таможенныя пошлины были отѣнены въ Россіи самодержавной императрицей Елизаветой риблизительно на сорокъ лѣтъ раньше, чѣмъ онѣ были отѣнены французскимъ революціоннымъ парламентомъ. Въ поху французской революціи въ Россіи при господствѣ рѣпостного права фактически и въ значительной мѣрѣ юриически господствовалъ принципъ свободы промышленности, акъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ констатировалъ лучшій натокъ русской хозяйственной жизни той эпохи, знаменитый кономистъ Шторхъ, русскій по подданству, нѣмецъ по наіональности, англо-французъ, ученикъ Смита, Бентама и Сэя, о своимъ соціологическимъ идеямъ. Со второй половины IX вѣка уголовная и гражданская процедура въ Россіи была ь основѣ своей процедурой революціонно-императорской ранціи. Въ Россіи существовали сословія, но въ концѣ конъ, даже въ самое первое время послѣ паденія подлиннаго абства, какимъ было русское крѣпостное право, сословныя ривилегіи имѣли въ Россіи по сравненію съ Франціей ничтожое значеніе — о податномъ неравенствѣ сословій въ Россіи въ оментъ революціи смѣшно даже и говорить. Словомъ, хозяйтвенное и административно-правовое содержаніе французской еволюціи въ большей его части было осуществлено въ Россіи н. „старымъ порядкомъ“. Это ясно для всякаго, кто знаетъ сторію и разсуждаетъ объ историческихъ дѣлахъ по существу при помощи ясныхъ понятій, а не повторяетъ громкія лова и демагогическія фразы.

Есть еще одна особенность въ русскомъ національномъ азвитіи, сравнительно съ развитіемъ великихъ западно-евро-

пейскихъ народовъ (за исключеніемъ, можетъ быть, испа цевъ). Въ Западной Европѣ глубоко въ народную душу про никло то движеніе, которое извѣстно подъ общимъ наим нованіемъ реформаціи. Даже тамъ, гдѣ это движеніе внѣш нимъ образомъ не проявилось сколько нибудь внушительн какъ въ Италіи, и тамъ, гдѣ оно было сокрушено государ ственной и церковной реакціей, какъ во Франціи и въ ав стрійскихъ странахъ, оно потрясло народную душу и оста вило на ней глубочайшій слѣдъ. Значеніе реформаціи и тѣсн съ нею связанной католической реакціи заключается въ том что при посредствѣ религіи и церкви, начала извѣстной общ ственной морали и дисциплины глубоко проникли въ народ ную душу. Реформація означаетъ секуляризацію христіанско морали, ея превращеніе въ дисциплину и методику ежедне ной жизни, если угодно ея „обуржуазеніе". Я не говорю, чт значеніе реформаціи и вообще религіозныхъ движеній новаг времени исчерпывается этимъ. У нихъ есть аспектъ глубоко религіозный, мистическій, и эта мистическая стихія реформ ціи иногда глубоко и органически сливается съ аспектом государственно-воспитательнымъ, практически-буржуазным Если не ошибаюсь, лордъ Розбери мѣтко охарактеризовал Кромвеля, какъ „практическаго мистика".

Въ Россіи не было реформаціи, и не произошло поэтом секуляризаціи христіанской морали, того ея превращенія в методику и дисциплину ежедневной жизни, которое соверш лось на западѣ. Въ Россіи была религія и религіозность, н въ ежедневную жизнь, какъ дисциплинирующее начало, рели гія не проникала. Это очевидный и едва-ли не самый мног значительный фактъ русской исторіи. Одинъ изъ самыхъ за мѣчательныхъ мыслителей конца XVIII и начала XIX вѣк Жозефъ де Мэстръ, который прожилъ много лѣтъ въ Росси чрезвычайно тонко уловилъ эту черту русскаго развитія, хот характеръ русской религіозности остался ему непонятен „Cette puissance conservatrice et préservatrice (la réligion) n'exist pas en Russie. La réligion y peut quelque chose sur l'esprit humai mais rien du tout sur le coeur où naissent cependant tous le désirs et tous les crimes." *)

Исходя изъ мысли, что „jamais un grand peuple ne peu être gouverné par le gouvernement, j'entends par le gouverne ment seul" **) и отмѣчая проникновеніе въ русскій образован ный классъ передовыхъ западно-европейскихъ идей, Жозеф де Мэстръ, изъ отсутствія религіознаго воспитанія въ русском народѣ, выводилъ возможность въ Россіи самой разрушитель ной революціи, въ которой „quelque Pougatcheff d'université

*) Le comte Joseph de Maistre. Quatre chapitres inédits sur la Russi publiés par son fils le comte Rodolphe de Maistre. Paris 1859 p. 19. Де Мэстр какъ извѣстно, сближалъ православную религіозность съ протестантско

**) Loc. cit. p. 23.

буквально сломаетъ государство.*) Знаменитыя слова о „взбунтовавшихся рабахъ“**) были буквально предвосхищены въ этомъ пророчествѣ Ж. де Мэстра. Но интересно и существенно въ пророчествѣ французскаго мыслителя не эта его скорѣе банально-психологическая характеристика грядущей русской революціи, а ея глубокое историко-философское и въ то же самое время религіозное истолкованіе. Въ духовной и соціально-политической эволюціи русскаго народа выпало звено, которое для эволюціи западныхъ народовъ столь же или быть можетъ еще болѣе существенно, чѣмъ феодально-крѣпостной строй и городскія учрежденія. Буржуазная мораль и буржуазная дисциплина не имѣли въ Россіи тѣхъ корней, на которыхъ онѣ выросли въ западно-европейской культурѣ, и на которыхъ тамъ выросъ самый соціализмъ, какъ культурное движеніе.***)

Одинъ изъ современниковъ наблюдателей французской революціи замѣтилъ, что революціи бываютъ двухъ родовъ: однѣ преслѣдуютъ какую нибудь опредѣленную національную, политическую или соціальную цѣль; другія представляютъ нѣкое общее движеніе духа или души націи, движеніе, внушенное утомленіемъ, недовольствомъ и безпокойствомъ. И къ такимъ этотъ наблюдатель относилъ великую французскую революцію†). Еще болѣе эта характеристика приложима къ тому, что пережила Россія. Въ основѣ русской революціи лежитъ фактъ войны и потребность въ мирѣ, но на эту простую основу революціи, какъ событія, легъ цѣлый душевный процессъ, который вовсе не исчерпалъ и не удовлетворилъ себя революціоннымъ прекращеніемъ внѣшней войны.

И тутъ мы возвращаемся къ исходной точкѣ нашихъ размышленій. Кризисъ, переживаемый Россіей, не есть только

---

*) Указываемое здѣсь и приведенное выше, какъ эпиграфъ, мѣсто о »Pougatcheff d'Université« находится на стр. 26–27 »Quatre chapitres inédits sur la Russie«. Мы можемъ болѣе или менѣе точно датировать эту формулу знаменитаго автора, скончавшагося въ 1821 г. Ея первая редакція формулирована въ письмѣ, помѣченномъ Saint-Petersbourg le 15—27 aout 1811: »Si quelque Pougatcheff d'Université venait à se mettre à la tête d'un parti; si une fois le peuple était ébranlé, et commencait, au lieu des expéditions asiatiques une révolution à l'européenne, je n'ai point d'expression pour vous dire ce qu'on pourrait craindre

..... Bella, horrida bella!
Et multo Nevam spumantem sanguine cerno!

Cp. Lettres et opuscules inédits du comte J. de Maistre. Cinquième edition. Tome Premier (Paris 1869), p. 69.

**) Слова эти, какъ извѣстно принадлежатъ г. Керенскому.

***) Основную мысль, высказанную здѣсь, читатель найдетъ въ одной изъ моихъ Кэмбриджскихъ лекцій 1916 г., напечатанныхъ въ сборникѣ „Russian Realitees and Problems“.

†) Baron de Barante. De la littérature Française pendant le dixhuitième siècle. Эта замѣчательная характеристика духа революціи человѣкомъ, ее ребенкомъ и юношей пережившимъ, вышла въ свѣтъ анонимно въ 1809 г. Указанное мною разсужденіе находится на стр. 224—247 перваго изданія.

кризисъ политическій, экономическій и соціальный. Это кризисъ народнаго духа. Пришла къ концу цѣлая эпоха русской духовной жизни; содержаніемъ этой эпохи было переживаніе русской интеллигенціей западноевропейскихъ настроеній и идей XVIII и XIX вѣка. Идеи эти просочились въ народъ и произвели тотъ политическій и соціальный взрывъ, который мы пережили. Между идеями и соціальной средой, въ которую онѣ опустились и просочились, съ самаго начала было полное соотвѣтствіе и полное несоотвѣтствіе. Народу были доступны только именно наиболѣе популярныя въ интеллигенціи максималистскія соціалистическія идеи; идеи среднія, либеральныя и даже идеи умѣреннаго постепеннаго соціализма реформъ были ему не интересны и не привлекательны. Но, съ другой стороны, максималистскія идеи ничего кромѣ разрушенія внести въ эту жизнь не могли. Суть максимализма и заключается въ томъ, что его идеи превышаютъ жизнь и, входя въ нее, ее разрушаютъ, порывая органическія связи. Такъ и случилось въ этой революціи. Какъ экономическое и соціальное преобразованіе, она потерпѣла полное крушеніе, но это крушеніе есть лишь внѣшнее выраженіе десятилѣтіями подготовлявшагося внутренняго кризиса идей, вдохновлявшихъ все движеніе. И тутъ мы подходимъ къ крупнѣйшему отличію русской революціи отъ французской. Во Франціи литература XVIII вѣка создала духъ, который безраздѣльно господствовалъ и не имѣлъ себѣ соперниковъ. Рядомъ съ нимъ не было никакого духовнаго теченія, которое тогда-же выдвинуло бы крупные умы и создало бы великія произведенія. „L'esprit classique" въ его редакціи XVIII вѣка вдохновилъ революцію и воплотился въ ней. Только потомъ пришли Жозефъ де Мэстръ и Огюстъ Контъ, между которыми стоитъ Сенъ-Симонъ.

Совсѣмъ другое дѣло въ Россіи. Въ ея духовной жизни тотъ духъ, который вдохновилъ революцію и воплотился въ ней, не былъ отнюдь ни оригинальной, ни единственной, ни самой могущественной духовно силой. Если еще и можно съ натяжками виндицировать революціи Льву Толстому, хотя его антиполитическій и въ то же самое время религіозный духъ этому рѣшительно противится, то въ отношеніи другихъ и притомъ идейно самыхъ крупныхъ величинъ русской духовной культуры — Пушкина, Гоголя, славянофиловъ, Достоевскаго, Леонтьева, Влад. Соловьева, Розанова — такая операція явно несостоятельна. Духъ русской культуры, какъ онъ выразился въ творчествѣ этихъ людей и въ немъ восходитъ къ литературно-неоформленному духовному творчеству болѣе раннихъ эпохъ, выражавшемуся главнымъ образомъ въ церковно-религіозной жизни, не есть духъ русской революціи. Это чисто объективное соціологическое констатированіе. Генеалогію духа русской революціи можно тоже довольно точно начертать, и тогда окажется, что духъ русской революціи за-

несенъ съ Запада, что онъ плодъ максималистическаго усвоенія русской интеллигенціей передовыхъ идей западныхъ народовъ. Соотвѣтственно исторической эпохѣ, въ отличіе отъ духа французской революціи, духъ русской революціи находится подъ подавляющимъ господствомъ соціалистической идеи. Въ духѣ этомъ, однако, нѣтъ вовсе элементовъ оригинальныхъ, почвенныхъ. Поэтому онъ овладѣлъ русской народной стихіей лишь въ процессѣ преходящаго душевнаго возбужденія и держится теперь въ порядкѣ внѣшняго принужденія. Въ Россіи за внѣшней политической и соціальной революціей таится совсѣмъ иная и иначе значительная духовная проблема и борьба. Проблема эта была поставлена всѣмъ развитіемъ русскаго духа въ XIX вѣкѣ, и торжество самой радикальной въ міровой исторіи внѣшней революціи только освободило умы и души для выявленія и переживанія этой проблемы. Внѣшній переворотъ исчерпалъ себя и кончился. Начинается переворотъ внутренній, возвращеніе домой русскаго духа.

Такъ развертывается внутренняя трагедія русской революціи, гораздо болѣе существенная, чѣмъ всѣ политическія и соціальныя противорѣчія этой революціи. Вотъ почему такими фразами, какъ „крушеніе царизма“ или „торжество соціализма“ нельзя исчерпывающимъ образомъ охарактеризовать тѣхъ огромныхъ событій и столкновеній, которыя произошли въ Россіи. Произошло не только крушеніе одного строя и торжество другого. Внѣшнимъ столкновеніемъ двухъ силъ и двухъ порядковъ, въ сущности, открывается лишь внутренняя борьба двухъ духовныхъ строевъ, для которыхъ отнюдь не самымъ существеннымъ является ихъ отношеніе къ тому или другому внѣшнему, политическому или соціальному, порядку жизни.

Только такъ можно понять русскія событія, какъ національную всемірно-историческую трагедію. Только такъ въ ней видится не только разрывъ, катастрофа и паденіе, но преемство, катарзисъ и подъемъ.

Парижъ 20 февраля 1920 г. **Петръ Струве.**

Поправка.

Въ статью мою „Прошлое, настоящее, будущее“ (Р. М. 1922, кн. I-II) вкрались грубыя опечатки, которыя я прошу внимательнаго читателя исправить:

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
222	10 снизу	приспособляться	прислониться
224	21 сверху	метафизическій народъ	метафизически народъ
228	19 сверху	начало	начала
229	9 сверху	той же	той

Петръ Струве.

В. Г. Короленко.

(Рѣчь, произнесенная 29 января 1922 г. въ Парижѣ въ публичномъ засѣданіи Правленія Народнаго Университета.)

Второй разъ въ моей жизни мнѣ приходится выступать съ публичной рѣчью о В. Г. Короленкѣ, но и темы рѣчей, и обстановка, въ которой произносилась первая и произносится вторая, и общія настроенія — все такъ не похоже одно на другое. Тогда вся интеллигентная Россія праздновала въ Петербургѣ 25-лѣтній юбилей литературной дѣятельности Короленки; самъ юбиляръ присутствовалъ на праздникѣ, полный силъ, энергіи, жажды дѣятельности и вѣры въ блестящее будущее нашей родины. Теперь мы на чужбинѣ справляемъ печальныя поминки по нашемъ писателѣ, а Россія переживаетъ такія бѣдствія и такіе ужасы, что мы даже лишены возможности повторить слова Короленки, сказанныя имъ по поводу мултанскаго дѣла: „Нѣтъ, наше отечество свободно отъ каннибализма!"

Однако, во всякомъ чествованіи, будетъ ли это торжественное юбилейное празднество или скорбныя поминки, есть всегда одна общая черта — желаніе опредѣлить, что сдѣлано чествуемымъ или поминаемымъ, каково его значеніе. Это желаніе и объединило насъ сегодня.

Когда произносятъ имя Короленки, то у однихъ оно связывается съ художественными произведеніями, другіе вспоминаютъ его, какъ редактора одного изъ распространеннѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ русскихъ журналовъ „Русское Богатство", воображенію третьихъ рисуется рядъ крупныхъ и мелкихъ судебныхъ процессовъ, въ связи съ которыми Короленко выступалъ, какъ публицистъ, четвертые, наконецъ, видятъ его на самоотверженной работѣ въ голодный и холерный годъ. Я имѣю въ виду только возстановить въ вашей памяти общій литературный обликъ Короленки.

Первые литературные опыты Короленки относятся къ 1879 г. Русская литература къ этому времени уже пережила острый періодъ умиленія передъ народомъ, любованія его міросозерцаніемъ, его вѣрой, чистотой его нравственныхъ инстинктовъ и т. п. На смѣну этому направленію явился новый видъ народничества: романтизмъ уступаетъ мало-по-малу мѣсто реализму, и писатели начинаютъ понимать, что, говоря о мужикахъ, „нѣтъ никакой надобности ни умиляться, ни присѣдать, ни впадать въ меланхолію" (слова Щедрина).

Вы помните картину, которую хотѣлъ нарисовать Потугинъ въ „Дымѣ“: „образованный человѣкъ стоитъ передъ мужикомъ и кланяется ему низко: вылѣчи, молъ, меня, батюшка-мужичокъ, я пропадаю отъ болѣсти; а мужикъ, въ свою очередь, низко кланяется образованному человѣку: научи, молъ, меня, батюшка-баринъ, я пропадаю отъ темноты. Ну, и разумѣется, оба ни съ мѣста“. Въ 70-ые годы такія картины уже стали отодвигаться въ прошлое. Поэтому съ исторической точки зрѣнія намъ не кажутся диссонансомъ слова письма автора „Записокъ охотника“ Герцену: „Народъ, передъ которымъ вы преклоняетесь, — консерваторъ par excellence и даже носитъ въ себѣ зародыши такой буржуазіи въ дубленомъ тулупѣ, теплой и грязной избѣ, съ отвращеніемъ ко всякой гражданской отвѣтственности и самодѣятельности, что далеко оставитъ за собою всѣ мѣтко вѣрныя черты, которыми ты изобразилъ западную буржуазію“.

Не создавалъ себѣ кумира изъ мужика и деревни и Н. К. Михайловскій. Когда какъ-то въ литературномъ спорѣ Михайловскому замѣтили, что „настоящее слово“ скажутъ намъ „люди деревни“, онъ отвѣтилъ: „Если вы хотите ждать, что скажутъ вамъ люди деревни, такъ и ждите, а я и здѣсь остаюсь „профаномъ“... У меня на столѣ стоитъ бюстъ Бѣлинскаго, который мнѣ очень дорогъ, вотъ шкафъ съ книгами, за которыми я провелъ много ночей. Если въ мою комнату вломится „русская жизнь со всѣми ея бытовыми особенностями“ и разобьетъ бюстъ Бѣлинскаго и сожжетъ мои книги, — я не покорюсь и людямъ деревни. Я буду драться, если у меня, разумѣется, не будутъ связаны руки. И если бы даже меня осѣнилъ духъ величайшей кротости и самоотверженія, я всетаки сказалъ бы по меньшей мѣрѣ: прости имъ, Боже Истины и Справедливости, они не знаютъ, что творятъ. Я, всетаки, значитъ, протестовалъ бы. Я и самъ сумѣю разбить бюстъ Бѣлинскаго и сжечь свои книги, если когда-нибудь дойду до мысли, что ихъ надо бить и жечь. Но пока они мнѣ дороги, я ни для кого ими не поступлюсь. И не только не поступлюсь, а всю душу свою положу на то, чтобы дорогое для меня стало и другимъ дорого, вопреки, если случится, ихъ „бытовымъ особенностямъ“.

Народничество быстро перерождалось. Въ 1876—1877 гг. въ „Отечественныхъ Запискахъ“ уже печатались очерки Михайловскаго „Въ перемежку“, гдѣ такъ красочно былъ изображенъ типъ „кающагося дворянина“. Молодежь семидесятыхъ годовъ въ своихъ настроеніяхъ, конечно, еще инстинктивно стремилась къ старому смутно-романтическому народничеству, но новые властители думъ выводили ее на путь, казавшагося научнымъ, обоснованія народничества. Появлялось новое народничество съ соціалистическимъ оттѣнкомъ. „Обожаніе“ замѣнялось требованіемъ „служенія“, начались

поиски того „настоящаго русскаго мужика“, который бы, по выраженію Г. Успенскаго, „въ самомъ дѣлѣ олицетворялъ собою всѣ 26 томовъ Соловьева“.

Въ настроеніяхъ этого перерождавшагося народничества и воспитался Короленко. Его евангеліемъ были „Отечественныя Записки“; за чтеніемъ Г. Успенскаго, Щедрина и Михайловскаго, онъ, по собственному его признанію, „совершенно забывался“.

Но былъ и еще одинъ властитель думъ у молодежи семидесятыхъ годовъ — Лавровъ, привлекавшій Короленку тѣми сторонами своего ученія, какія были свойственны самому Короленкѣ по его природѣ: носителемъ и проводникомъ прогресса, проповѣдовалъ Лавровъ, является личность, проникнутая нравственнымъ началомъ; развитыя и критически-мыслящія личности — основные факторы прогресса.

Можно думать, что идеологія Лаврова и особенно Михайловскаго съ одной стороны, опредѣлила общій тонъ жизни и дѣятельности Короленки, съ другой — въ значительной мѣрѣ повліяла на его литературную судьбу. Припомните при этомъ суровую, съ ярко выраженнымъ оттѣнкомъ сектантства, проповѣдь Лаврова: „Кто изъ-за личнаго расчета остановился на полдорогѣ, кто изъ-за красивой головки вакханки, изъ-за интересныхъ наблюденій надъ инфузоріями, изъ-за самолюбиваго спора съ литературнымъ соперникомъ — забылъ объ огромномъ количествѣ зла и невѣжества, противъ котораго слѣдуетъ бороться, тотъ можетъ быть чѣмъ угодно: изящнымъ художникомъ, замѣчательнымъ ученымъ, блестящимъ публицистомъ, но онъ самъ себя вычеркнулъ изъ ряда сознательныхъ дѣятелей историческаго прогресса... Исторія требуетъ жертвъ. Ихъ приноситъ въ себѣ и около себя тотъ, кто беретъ на себя великую, но грозную задачу быть борцомъ за свое и чужое развитіе. Задачи развитія должны быть разрѣшены. Лучшее историческое будущее должно быть завоевано. Передъ каждою личностью, которая достигла до сознанія потребности развитія, сталъ грозный вопросъ: будешь ли ты одинъ изъ тѣхъ, кто готовъ на всякія жертвы и на всякія страданія, лишь бы удалось быть сознательнымъ и понимающимъ дѣятелемъ прогресса. Или ты останешься въ сторонѣ бездѣятельнымъ зрителемъ страшной массы зла, около тебя совершающагося, сознавая свое отступничество отъ пути къ развитію, потребность въ которомъ ты когда-то чувствовалъ. Выбирай!“

Правда, узкимъ сектантомъ Короленко никогда не былъ. Напротивъ, въ редакціи „Русскаго Богатства“ онъ, несомнѣнно, являлся болѣе широкимъ, терпимымъ и свободнымъ, чѣмъ большинство ея представителей. Но этотъ страстный и грозный окликъ „выбирай!“, услышанный въ чуткіе юношескіе годы, оставилъ на Короленкѣ опредѣленный слѣдъ и внесъ

въ его литературную работу извѣстное раздвоеніе: свободный художникъ и „критически-мыслящая личность“ часто вступали въ единоборство, и побѣдителемъ далеко не всегда оказывался „художникъ“. Въ нашемъ распоряженіи есть одно драгоцѣннѣйшее письмо Короленки, представляющее по содержанію своего рода литературное „credo“. Оно многое можетъ объяснить въ дѣятельности Короленки. Отвѣчая на вопросъ, какъ онъ смотритъ на задачи искусства и процессъ творчества, Короленко пишетъ, что онъ не мало думалъ объ этомъ и пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: „Покойный Чернышевскій говорилъ: красота присуща явленіямъ природы; мы только слабые копіисты, подражатели, и потому явленіе всегда выше изображенія. Отсюда стремленіе къ реальной правдѣ, какъ къ предѣлу. Гюи де Мопассанъ находилъ, что художникъ творитъ свою иллюзію міра, то, чего нѣтъ въ дѣйствительности, но что онъ создаетъ взамѣнъ того, что есть. Когда я думаю объ этомъ предметѣ, мнѣ всегда вспоминаются эти два полярныя мнѣнія. Мнѣ казалось всегда, что Чернышевскій не совсѣмъ правъ: художественное произведеніе, т. е. изображеніе — само есть явленіе природы, и какъ таковое — оно всегда равно всѣмъ остальнымъ явленіямъ. Выросъ цвѣтокъ — прекрасное произведеніе природы, явленіе. Онъ отразился въ ручьѣ — новое явленіе и тоже хорошо. Написано по этому поводу стихотвореніе. Но развѣ это, какъ явленіе, хуже цвѣтка и ручья. Блеснула молнія, загрохоталъ громъ. Прекрасное и величавое явленіе природы. Раскаты отражаются въ ущельяхъ... Но тѣ же раскаты звучатъ въ душѣ человѣка, отражаясь цѣлымъ рядомъ ощущеній. И вотъ мы силой возсоздающей способности сами вовлекаемся въ кругъ явленій. Мы видимъ эту человѣческую душу, въ которой отразился громъ и небесные огни... Развѣ это не новая совокупность „явленій“ природы, въ новомъ осложненіи только. Теперь дальше: мнѣніе пессимиста Мопассана. Можетъ ли быть „иллюзія міра“ безъ отношенія къ реальному міру. Очевидно, нѣтъ. Нужно соединить въ одно два эти элемента. Въ художественномъ произведеніи мы имѣемъ міръ отраженный, преломленный, воспринятый человѣческой душой. Это не просто безпочвенная иллюзія, а это новый фактъ, новое явленіе вѣчно творящей природы. Духъ человѣка вѣчно мѣняется. На одну и ту же старинную башню каждое поколѣніе смотритъ иными глазами. Но и природа вѣчно мѣняется, — отсюда ясно, что область художественнаго творчества, во 1-хъ, безконечна, во 2-хъ, находится въ вѣчномъ движеніи, создавая все новыя комбинаціи, которыя сами, какъ совокупность „явленія“ и отражающаго явленіе человѣческаго духа — суть живыя явленія природы.

„Теперь, если допустить (а я въ это глубоко вѣрю), что вселенная не есть случайная игра случайныхъ силъ и явленій,

что и „детерминизмъ“ и „эволюція“, что все это ведетъ къ признанію нѣкотораго закона, который „необходимо“ тяготѣетъ къ чему-то, что мы называемъ „благомъ“ во всѣхъ его видахъ (добро, истина, правда, красота, справедливость), то выводъ ясенъ: мы не просто отражаемъ явленія, какъ они есть, и не творимъ по капризу „иллюзію“ несуществующаго міра. Мы создаемъ или проявляемъ рождающееся въ насъ новое отношеніе человѣческаго духа къ окружающему міру. Совершенно понятно, что вовсе не безразлично, каково это новое отношеніе. Въ этомъ вѣчномъ стремленіи къ совершенству, которое я допускаю, какъ законъ, — есть движущая сила и сопротивленіе: одно рождается и развивается, другое отметается и гибнетъ. Нужно, чтобы новое отношеніе къ міру было добромъ по отношенію къ старому. Хорошая, здоровая и добрая душа отражаетъ міръ хорошо и здоровымъ образомъ. Художникъ запечатлѣваетъ это свое отраженіе и сообщаетъ его другимъ. Вы видѣли явленіе, то же явленіе увидѣлъ художникъ и увидѣлъ его такъ и такъ вамъ нарисовалъ это свое видѣніе, что и вы уже различаете въ немъ другія стороны, относитесь къ нему иначе. И вотъ воспринимающая душа человѣчества мѣняется сама.“

Короленко, конечно, не думалъ, что подобная работа по созданію новаго міроотношенія выполняется исключительно или преимущественно художниками: того же, по его мнѣнію, достигаютъ мыслители, астрономы, математики — отвлеченными формулами, а между отвлеченными формулами и художественнымъ образомъ помѣщается огромная цѣпь, середину которой занимаетъ иллюстрація отвлеченной мысли, иначе называемая тенденціознымъ произведеніемъ. „Что лучше,“ спрашиваетъ Короленко и отвѣчаетъ: „Это зависитъ отъ многихъ условій. Фетъ — несомѣнно, художникъ. Онъ научилъ насъ любоваться хорошо освѣщенной солнышкомъ барской усадьбой, рощей, „которая вся проснулась вѣткой каждой“, дорогой, по которой „вьется пыль“ — въ усадьбу ѣдутъ гости, можетъ быть, „милая“, везущая съ собой счастіе обитателя барской усадьбы; за гранью усадьбы уже нѣтъ ничего. Теперь возьмемъ Беллами. Онъ не художникъ, но и онъ тоже старается дать и образъ, и чувство. Чувство человѣка, въ душу котораго заглянуло будущее. Онъ еще точно не знаетъ, въ какихъ формахъ оно сложится, онъ ихъ рисуетъ наугадъ, даже порой не рисуетъ, а только чертитъ. И что же. Чье произведеніе выше? Правда, на это очень часто приводится соображеніе: многія вещицы Фета будутъ еще пѣть и читать, когда Беллами или, ну, хоть Некрасова — забудутъ. Это, мнѣ кажется, еще не критерій. Если у тебя на столѣ лежитъ вещица, ну, хоть бездѣлка изъ Помпеи, которая пережила вѣка — то это значитъ, что она сдѣлана хорошо и крѣпко, но вовсе не значитъ, что она очень цѣнна. Если даже допу-

стить (чего я не допускаю), что Фета будутъ еще читать, когда забудутъ даже Щедрина, то что же изъ этого. Живая сила измѣряется массой, приведенной въ движеніе — все равно въ какое время. Подсчитайте ту огромную массу новыхъ мыслей и чувствъ (новаго отношенія человѣка къ міру), которую въ свое время привелъ въ движеніе Щедринъ — и вы увидите, что, проживи поэзія Фета тысячу лѣтъ, она не подыметъ и десятой доли этого."

Въ этомъ письмѣ вся поэтика Короленки. Беллами для него выше Фета. „Стараніе" дать и образъ и чувство выше непосредственнаго поэтическаго вдохновенія, если за этимъ „стараніемъ" скрывается какая-нибудь нравственно-общественная мысль, а непосредственное поэтическое вдохновеніе связано только съ служеніемъ чистому искусству. Чистое искусство онъ сравнивалъ съ „тепличнымъ треньканьемъ", а жрецовъ его съ оффенбаховскимъ Калхасомъ. Однако самъ Короленко, какъ художникъ, силенъ только тамъ, гдѣ творчество его совершенно свободно, и гдѣ „стараніе" отсутствуетъ. Но „рефлексія" нерѣдко мѣшала ему творить. Отъ этого, какъ онъ самъ признавался, у него всегда было много „началъ" и „продолженій", а до „концовъ" не доходило.

Источниковъ этой рефлексіи нужно, впрочемъ, искать не только въ стремленіяхъ Короленки связать свое произведеніе съ какой-нибудь нравственной идеей, но и въ постоянно преслѣдовавшихъ его сомнѣніяхъ. Сомнѣнія эти были двоякаго рода, хотя психологически и родственныя другъ другу: сомнѣнія въ своемъ художническомъ дарованіи вообще и въ эстетической цѣнности отдѣльныхъ набросанныхъ или даже написанныхъ произведеній: „Таковъ ужъ у меня" художественный темпераментъ", писалъ онъ. „Я пишу немного и, главное, никакъ не могу овладѣть моимъ воображеніемъ настолько, чтобы заставить себя писать, когда надо. Иногда все это стоитъ въ головѣ, — сажусь, пишу... и затѣмъ все бросаю. Какъ будто и все написано, что надо, да не такъ, какъ я требовалъ отъ себя и отъ предмета. Мнѣ надо, чтобы каждое слово, каждая фраза попадала въ тонъ, къ мѣсту, чтобы въ каждой отдѣльной фразѣ, по возможности, даже взятой отдѣльно отъ другихъ — слышалось отраженіе главнаго мотива, центральное, такъ сказать, настроеніе. Иногда это мнѣ дается сразу, съ одного размаха, иногда подолгу не могу выждать соотвѣтственнаго настроенія. Тогда я откладываю работу, пока основной мотивъ какъ-нибудь не зазвучитъ въ душѣ. Вотъ почему у меня лежатъ нѣсколько разсказовъ, частью написанныхъ до средины, частью почти законченныхъ... Иногда какая-нибудь одна глава можетъ въ моихъ глазахъ уронить весь разсказъ, и я тогда не могу спокойно подойти къ столу, въ которомъ этотъ разсказъ лежитъ".

Когда первая книжка „Очерковъ и разсказовъ" разошлась

очень быстро, и совершенно естественно поднялся вопросъ объ изданіи второй книги, у Короленки начались долгія и мучительныя колебанія: „Я рѣшительно вижу“, писалъ онъ Гольцеву, „что составить книжку еще нельзя. Загрузить ее двумя такими монстрами, какъ „Слѣпой Музыкантъ“ и Содержаніе — это варварство. Я, вѣдь, не думаю еще о полномъ собраніи своихъ сочиненій и въ первую книжку не пихалъ же я все, мною написанное; за нѣсколько лѣтъ я выбралъ, что поинтереснѣе... Такимъ образомъ, мнѣ очень хочется второй томъ отложить.“

Сомнѣнія эти были спутниками Короленки до послѣднихъ лѣтъ его жизни, и, если рукописи его не исчезнутъ, то среди нихъ, конечно, найдется не мало не только начатыхъ, но и вполнѣ законченныхъ произведеній.

Были и другія свойства духовной организаціи Короленки, которыя мѣшали развернуться его художественному дарованію. Хотя онъ и зналъ высшее наслажденіе творческой работой, хотя его наблюдательный и чуткій умъ не пропускалъ безъ вниманія даже мелкихъ явленій жизни, однако въ его внутренней лабораторіи не все было предназначено для художественнаго творчества. Въ „философіи безсознательнаго“ Гартмана приводится одно письмо Моцарта, рисующее процессъ его творчества приблизительно въ слѣдующемъ видѣ: Моцартъ получаетъ впечатлѣнія отъ окружающаго міра, которыя незамѣтно ложатся на его душу, не требуя какихъ либо немедленнныхъ откликовъ; но, постепенно накопляясь, эти впечатлѣнія начинаютъ его безпокоить, волновать, мучить, и такое душевное состояніе уже властно и неудержимо стремится вылиться въ звуки. Л. Толстой говоритъ въ „Аннѣ Карениной“ о художникѣ Михайловѣ: „Онъ сталъ смотрѣть на свою картину всѣмъ своимъ полнымъ художественнымъ взглядомъ и пришелъ въ то состояніе увѣренности въ совершенствѣ и потому въ значительности своей картины, которое нужно было ему для того исключающаго всѣ другіе интересы напряженія, при которомъ одномъ онъ могъ работать“. Вотъ это состояніе, когда все превращается въ одно стремленіе, состояніе, которое было такъ хорошо извѣстно Пушкину, Гоголю, Л. Толстому, и многимъ другимъ писателямъ, Короленко испытывалъ рѣдко: онъ не вынашивалъ, не успѣвалъ вынашивать впечатлѣній отъ жизни, какъ художникъ, а торопился откликнуться на нихъ, какъ публицистъ.

Случалось, что Короленко сосредоточивался на какой-нибудь темѣ, рождались образы, являлась потребность писать, онъ старался больше ни о чемъ не думать, но въ голову лѣзли другія темы, жизнь требовала немедленнаго отклика, и писатель-художникъ безъ особыхъ страданій уступалъ мѣсто журналисту. Короленко думалъ, что онъ никакъ не можетъ

„овладѣть своимъ воображеніемъ настолько, чтобы заставить себя писать“, а на самомъ дѣлѣ онъ не давалъ возможности воображенію овладѣть имъ. „Я, оставивъ на время „сферу художества“, маленько увлекся боевымъ корреспондентскимъ задоромъ“, сообщаетъ онъ въ одномъ письмѣ. Къ сожалѣнію, это случалось довольно часто. Художникъ пытался побѣдить публициста, насильно вернуть вниманіе къ художественному произведенію, но, какъ правильно замѣчалъ самъ Короленко, „уже самыя старанія обратить вниманіе въ ту сторону, куда оно само не направлялось, охлаждали его и мѣшали работать“. Когда онъ потомъ возвращался къ своему произведенію, то бывало уже поздно: произведеніе затягивалось, осложнялось и часто совершенно забрасывалось.

Отвлеченію въ сторону публицистики способствовала, кромѣ того, редакціонная работа въ журналахъ. Когда въ 1884 году были закрыты „Отечественныя Записки“, Щедринъ ушелъ въ „Вѣстникъ Европы“, а Михайловскій мечталъ о новомъ, „своемъ“ журналѣ, Короленко продолжалъ печататься въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ и въ „Русской Мысли“. Ему даже предложено было войти въ редакцію „Русской Мысли“, но онъ рѣшительно отказался, тѣмъ болѣе, что это вхожденіе должно было наложить на него, какъ на беллетриста, нѣкоторыя тягостныя обязательства: „Я“, писалъ онъ по этому поводу, „сохраню за собой полную свободу и, если мнѣ потребуется когда-нибудь запрячься въ какія-нибудь оглобли, я скорѣе запрягусь въ оглобли банковскія, желѣзнодорожныя или иныя, но никогда въ литературныя“.

Однако, когда Михайловскій сталъ во главѣ „Сѣвернаго Вѣстника“, ближайшимъ сотрудникомъ котораго сдѣлался и Г. Успенскій, то Короленко охотно вошелъ въ составъ редакціи. Многіе тогда предполагали, что „Сѣверный Вѣстникъ“ будетъ играть роль „Отечественныхъ Записокъ“, но, какъ извѣстно, внутри самого „Сѣвернаго Вѣстника“ обнаружился глубокій расколъ, и скоро Михайловскій, а за нимъ и его друзья и единомышленники изъ журнала ушли. Затѣмъ всѣхъ объединило „Русское Богатство“, съ которымъ Короленко и связалъ прочно свое имя.

Конечно, связь съ редакціонной работой только укрѣпила увлеченіе Короленки публицистикой, публицистическая же жилка всегда была въ его природѣ. Объ этомъ можно судить по темамъ, которыя его волновали и рѣшительно отвлекали отъ художественной работы. Среди нихъ вы найдете не только холеру, голодъ или мултанское дѣло объ обвиненіи вотяковъ въ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ и вкушеніи человѣческой крови. Было бы неудивительно, что писателя-художника захватили эти крупныя по своему значенію темы. Мы понимаемъ, когда Короленко пишетъ по поводу мултанцевъ: „Мнѣ хочется крикнуть: нѣтъ, этого не было! Нѣтъ, наше

отечество свободно отъ каннибализма наканунѣ XX вѣка, нѣтъ, рядомъ съ христіанскими храмами не совершаются уже человѣческія жертвоприношенія". Мы понимаемъ вмѣстѣ съ нимъ, что „истерическими криками тутъ не поможешь", и намъ ясна страстная публицистическая работа Короленки-художника по этому дѣлу.

Но, вѣдь, Короленко съ увлеченіемъ отдавался и другимъ темамъ, напримѣръ: въ Нижнемъ Новгородѣ обнаруживаются растраты въ Александровскомъ дворянскомъ Банкѣ, и Короленко печатаетъ объ этомъ рядъ статей; кажется ему, что „земскій принципъ хромаетъ таки у насъ на обѣ ноги", и онъ съ неослабнымъ вниманіемъ слѣдитъ за нижегородскими земскими собраніями и печатаетъ о нихъ подробные отчеты; начинается въ судѣ дѣло о скопцахъ, Короленко безвыходно, можно сказать, сидитъ въ залѣ суда; около Сормова тонетъ нѣсколько десятковъ баржъ вслѣдствіе нераспорядительности начальника рѣчной полиціи, и „сфера художества" немедленно смѣняется у Короленки „боевымъ корреспондентскимъ задоромъ"; а затѣмъ идутъ многочисленныя статьи объ убійствѣ Сморгунера, о дѣлѣ генерала Ковалева и доктора Забусова, и т. д., и т. д.

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ темпераментъ писателя-публициста вредилъ темпераменту писателя-художника уже тѣмъ, что поглощалъ много вниманія, силъ и времени. Поэтому Короленко, какъ художникъ, оказался болѣе яркимъ въ тѣхъ своихъ произведеніяхъ, которыя ему дались „сразу, съ одного размаха", по его собственному выраженію. А такъ какъ такими произведеніями не могли быть произведенія большія по объему, то Короленко особенно плѣнителенъ въ своихъ миніатюрахъ. Здѣсь онъ обнаруживаетъ большую силу и какъ пейзажистъ, и какъ бытописатель, и какъ психологъ.

Припомните, напримѣръ, одну изъ такихъ миніатюръ, типичную для творчества Короленки, — „На Волгѣ". Дѣйствіе происходитъ на фонѣ величавой и спокойной картины матушки-рѣки. Главное дѣйствующее лицо — старый раскольникъ Дмитрій Парфентьевичъ. Кончается день, солнце виситъ надъ лѣсистой горой, и Дмитрію Парфентьевичу кажется, что „ничего не можетъ быть лучше спокойствія при угасающемъ днѣ... Только спокойствіе и молитва послѣ грѣшной суеты и утомленія". Съ нимъ дочь, задумчивая и мечтательная „начетчица, его непокорная молельщица" Груня. Группа татаръ и куча разнородныхъ пассажировъ. Центромъ вниманія является молодой лакей, заявляющій увѣреннымъ тономъ: „Я кулакомъ перекрещусь и то дѣйствуетъ. Да, вотъ такъ: во имя Отца, и Сына, и св. Духа, аминь. И то, все равно, дѣйствуетъ". Поднимаются горячіе споры, но парень всѣхъ озадачиваетъ замѣчаніемъ: „Теперича былъ у насъ на фабрикѣ, на суконной, гдѣ я жилъ, парень одинъ. Такъ ему, этому парню, ма-

шиной всю пятерню такъ и отхватило: рразъ! и кончено. Ни одного пальца! А рука то правая... Вотъ теперь и думайте: какъ тому парню быть, ежели у него одна култышка осталась".

Дмитрій Парфентьевичъ насторожился, какъ боевой конь при звукахъ трубы, и увѣренно разъяснилъ:

„Вотъ есть какой правильный крестъ, и этому кресту мы держимся во спасеніе."

Двуперстное сложеніе поднялось надъ головами слушателей.

— „Раскольникъ", пронеслось въ толпѣ...

— Мы не раскольники, — продолжалъ Дмитрій Парфентьевичъ, — а исповѣдуемъ правую вѣру. Этому кресту вѣрили святые отцы и патріархи. Такъ научаетъ и святой Феодоритъ.

Онъ еще выше поднялъ руку съ двумя сложенными перстами.

— Большой палецъ теперичe пригни къ мизинному и безымянному. Стало быть, въ ознаменованіе святыя Троицы. Три лица воедино. Два пальца подыми кверху: божество и человѣчество — два естества. И еще Феодоритъ научаетъ: приклони мало одинъ палецъ — средній. Значитъ человѣчество передъ божествомъ преклонилося. Вотъ!"

Всѣхъ, однако, смущаетъ култышка. Но для вѣрующей души Дмитрія Парфентьевича все ясно.

— А на этотъ счетъ вотъ какъ: ежели ему оторвало пальцы, онъ тутъ невиновенъ. Значитъ такъ попустилъ Господь. Его воля. А безъ крестнаго знамени человѣку жить невозможно. Безъ крестнаго знамени онъ хуже вотъ поганца этого, татарина. Стало быть обязанъ онъ креститься... правой рукой...

— Ну!...

— А персты, закончилъ Дмитрій Парфентьевичъ съ разстановкой: — персты слагать мысленно, по указанію святыхъ отцовъ и патріарховъ...

Въ толпѣ пронесся вздохъ облегченія и радости.

Въ это время „солнце краснымъ шаромъ повисло уже надъ самой водой, а съ востока, будто легкими взмахами вечернихъ тѣней, бѣжали по лугамъ сумерки, догоняя пароходъ и все замѣтнѣе налегая на Волгу".

Татары вдругъ поднялись и стали на молитву. Споры стали стихать.

Губы безшумно шептали слова невѣдомой и непонятной молитвы...

— Тоже вотъ... сказалъ какой-то мужикъ и замолкъ нерѣшительно, не досказавъ своей мысли.

— Свой обрядъ тоже сполняютъ, поддержалъ другой.

— Да, молятся тоже.

Всѣ замолкаютъ, слышатся только звуки молитвы, какъ вдругъ раздается молодой голосъ Груни:

— Какъ же теперь?... Какъ надо думать, дойдетъ ли вотъ эта молитва.

И во всѣхъ сердцахъ отозвалось: дойдетъ ли?

Глаза невольно подымались кверху, какъ бы стараясь уловить среди синевы вечерняго неба невидимый полетъ чужой и непонятной, но исполненной живого чувства молитвы... Волна плескалась гдѣ-то глубоко въ сумракѣ... Въ небѣ одна за другой зажигались яркія звѣзды, и синяя ночь безшумно неслась надъ лугами, горами и оврагами Волги. И, казалось, земля печально спрашиваетъ о чемъ-то, а небо молчитъ, исполненное спокойствія тайны"...

Такъ заканчивается этотъ удивительный по богатству драматическихъ переживаній, по простотѣ и красотѣ стиля, по изяществу пейзажа, — типичный для дарованія Короленки разсказъ-миніатюра на вѣчную тему:

„Я думалъ: жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ? Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,
Но постоянно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ. Зачѣмъ?"

Только здѣсь источники вражды другіе.

Разсказъ чуждъ и сентиментально-идиллическихъ тоновъ „Стараго звонаря" и нѣкоторой тенденціозности этюда „Въ ночь подъ Свѣтлый праздникъ". Такимъ же мастерствомъ отличаются разсказы-миніатюры „За иконой", „Рѣка играетъ" и нѣкоторые другіе. Болѣе крупныя произведенія Короленки всегда надуманы и нѣсколько тягучи.

По этимъ разсказамъ-миніатюрамъ можно догадываться, что могъ бы дать Короленко, какъ художникъ, если бы текущая дѣйствительность не приковывала его къ себѣ, какъ публициста. Когда ему удавалось вырываться изъ цѣпкихъ объятій этой дѣйствительности, проѣхать „чуть не по всему Керженцу въ лодочкѣ, плыть пять дней, четыре ночи ночевать въ береговыхъ пескахъ съ рыбаками, въ грозу ночью лежать подъ лодкой", или съ котомкой за плечами побродить по губерніи, тогда его художническая фантазія начинала работать. Однако большею частію злободневность быстро захватывала, и Короленкѣ приходилось „приневоливать свое воображеніе".

Безконечно жаль, что Короленко не далъ всего, что онъ могъ бы дать, какъ художникъ. Этому помѣшали обстоятельства личной жизни, тяготѣніе къ публицистикѣ и идеологія эпохи, въ которую ему пришлось жить и работать.

Короленко думалъ, что „живая сила измѣряется массой, приведенной въ движеніе, все равно въ какое время". И несомнѣнно, своей публицистической работой онъ „привелъ въ движеніе массу новыхъ мыслей и чувствъ", но также несо-

мнѣнно и то, что его, какъ публициста, скоро забудутъ. Это, впрочемъ, скорбная доля всѣхъ публицистовъ: въ памяти потомковъ остаются иногда имена наиболѣе выдающихся изъ нихъ, но произведенія ихъ большею частію забываются. Однако, какъ художникъ, Короленко не умретъ, и въ его поэтическихъ произведеніяхъ читатели далекаго будущаго сумѣютъ найти „живую силу“.

Незадолго до своей смерти Шелгуновъ рѣшалъ вопросъ: совершается ли прогрессъ борьбой поколѣній, или борьбой идей. Восьмидесятники, какъ извѣстно, выдвинули теорію борьбы поколѣній. Шелгуновъ, разбирая эту теорію, приходитъ къ выводу, что „законъ движенія“ слѣдуетъ искать не въ борьбѣ поколѣній и не въ томъ, что только всякое послѣдующее поколѣніе является дѣйствительнымъ выразителемъ общественнаго прогресса и что только съ камертономъ этого поколѣнія должна сообразоваться жизнь. По мнѣнію Шелгунова, есть нѣчто другое, что стоитъ выше поколѣній, что вліяетъ какъ на нихъ самихъ, такъ и на все многообразіе жизни всякой страны, всякаго народа. Это нѣчто — „идеи“.

Художественная красота сама по себѣ тоже „идея“, и, можетъ быть, Короленко-художникъ былъ ближе къ „закону движенія“, чѣмъ Короленко-публицистъ. Художественная красота — это тѣ „огоньки“, которые воспѣлъ Короленко. Она тоже имѣетъ свойство, „приближаться, побѣждая тьму, и сверкать, и обѣщать, и манить своею близостью“. А съ художественной красотой неразрывно связаны и добро, и справедливость. Вотъ почему мы можемъ сказать вмѣстѣ съ поминаемымъ писателемъ-художникомъ:

„Но всетаки... всетаки впереди — огни!“

Проф. **Н. Кульманъ.**

Къ познанію революціи.

I.

„Пріять революцію значитъ понять ее какъ великую историческую стихію, но это отнюдь не означаетъ пріятія замысловъ и умысловъ людей и толпъ, въ ней участвующихъ."

П. Струве.

1.

„Quand les sujets se révoltent il y sont poussés par des causes qu'ils ignorent et pour l'ordinaire, ce qu'ils demandent n'est pas ce qu'il faut pour les apaiser."

Mme de Motteville.

Фасадъ революціи и вывѣски, его пестрящія, не отвѣчаютъ внутреннему ея содержанію. Иниціаторы революціи говорятъ не на тему и быстро остаются не у дѣлъ. Смѣняющіе ихъ новые „дѣлатели" революціи съ паѳосомъ хватаются за бразды правленія, но одни лишь не замѣчаютъ, что, подобно Солопію Черевику, въ рукахъ у нихъ одна только уздечка съ привязаннымъ къ ней кускомъ красной свитки... А между тѣмъ революція идетъ своими путями, неизвѣстными и чуждыми ея участникамъ и творцамъ.

То наглядное, что обнаруживается все съ большей и большей рѣзкостью — это грозный процессъ разрушенія и распада всего государственнаго и общественнаго механизма.

Наряду съ положительными творческими порывами революціи и въ ущербъ имъ выростаютъ отрицательные, разрушительные. Долгая привычка подчиненія даетъ въ условіяхъ борьбы съ данной властью реакцію противъ власти вообще, создаетъ теченіе анархическое, стремленіе свободу отъ подчиненія довести до безпредѣльности.

Пишущему эти строки пришлось быть на съѣздѣ городскихъ головъ въ Москвѣ въ октябрѣ 1917 г. Ужъ кажется Временное Правительство не злоупотребляло своей властью. Оно какъ бы стѣснялось самого факта своего существованія. И что же — послушать представителей новыхъ муниципалитетовъ — главнымъ тормазомъ ихъ дѣятельности является давящая пята ненавистнаго центра и его мѣстныхъ представителей. „Вся власть городамъ!" вотъ былъ лозунгъ съѣзда. Можно было подумать, что находишься на конференціи суверенныхъ демократій. Но протестъ шелъ не только противъ государства, но и противъ права. „Мы не хотимъ жить по 16-ти томамъ Свода Законовъ Россійской Имперіи — мы бу-

демъ жить по 17-му тому, еще не написанному", восклицалъ представитель какой то, кажется, кавказской городской демократіи — и былъ шумно привѣтствованъ аудиторіей. Аналогичныя рѣчи, вѣроятно, раздавались и въ каждомъ отдѣльномъ городѣ среди различныхъ группъ гражданъ... но уже по отношенію къ деспотизму городского управленія. Государство распадалось, отдѣльные элементы его „брели розно".

Наряду съ этой, такъ сказать, принципіальной „диссолюціей" государства идетъ процессъ своеобразной „переборки" всѣхъ іерархическихъ отношеній. Этотъ процессъ образно описываетъ въ смутномъ времени князь А. Палицынъ. Всякій, пишетъ онъ, стремился тогда подняться выше своего званія, рабы хотѣли сдѣлаться господами, люди невольные перескакивали къ свободѣ, рядовой военный принимался боярствовать, люди сильные разумомъ ставились ни во что, „въ прахъ вмѣняемы бываху" этими своевольниками и ничего не смѣли сказать имъ неугоднаго (Ключевскій, курс. т. III., стр. 69). Аналогичный процессъ равненія по худшему мы наблюдали и теперь.

Наконецъ, пользуясь временной слабостью государственной власти и полной правовой безнаказанностью, наружу вылѣзаютъ всѣ грубые, противообщественные, звѣриные и грабительскіе инстинкты; въ отсутствіи „природнаго царя-хозяина", какъ говорилъ дьякъ И. Тимофеевъ, вышедшая изъ своего рабскаго устроенія челядь начинаетъ расхищать безпризорное имущество.

Страна дѣлается ареной безправія, своеволія, безсмысленнаго разрушенія и кроваваго безчинства.

Но поступательное движеніе революціи выражается не только въ явленіяхъ анархіи и разгрома. Революція самымъ фактомъ своего появленія и развитія обостряетъ еще одно, присущее всякому соціальному строю духовное теченіе: она толкаетъ умъ въ направленіи раціонализаціи общественнаго устройства. Дѣйствительно, разъ силою вещей на очереди стоитъ вопросъ о реконструкціи власти руками человѣческими — естественна аппелляція къ человѣческому разуму. На сцену являются тѣ раціоналистическія построенія человѣчекаго общества, которыя характерны для данной эпохи.

Маятникъ революціи получаетъ рѣзкій толчокъ въ направленіи утопическихъ настроеній. Дезорганизованное, разгромленное, лишенное сопротивляемости общество дѣлается объектомъ искушенія со стороны наиболѣе крайнихъ, послѣдовательныхъ и волевыхъ политическихъ группъ.

Тутъ наступаетъ наиболѣе драматическій моментъ революціи; на пути ея обозначается роковой перекрестокъ. На смѣну побѣдоносно завершенной борьбы со старой властью возникаетъ борьба въ станѣ побѣдителей. Впервые становится реально проблема власти.

Весь предшествовавшій періодъ революціи занятъ сплошь массовыми сценами, гдѣ единственнымъ актеромъ является толпа, а всѣ актеры оказываются статистами. Роль власти въ теченіе этого періода чисто пассивная, она существуетъ лишь номинально, ни царствуя, ни управляя. Единственная ея дѣятельность — монологъ; все ея законодательство, какъ бы оно ни называлось — декларація. Нельзя сказать, чтобъ эта дѣятельность не имѣла никакого значенія. Весна революціи порождаетъ напряженнѣйшую творческую работу лучшей части интеллигенціи, которая отливаетъ въ законодательныя нормы весь запасъ общественно-политическихъ идей, накопленныхъ и выношенныхъ современной эпохой. Создается богатѣйшій и цѣннѣйшій матеріалъ для послѣреволюціоннаго времени. Но непосредственнаго актуальнаго значенія вся эта дѣятельность не имѣетъ. Актуальное значеніе имѣетъ другое — все большее проявленіе анархическихъ признаковъ распада и наростаніе, на фонѣ этой анархіи, двухъ организующихъ силъ: крайняго лѣваго теченія и партіи возстановленія порядка. Развивающійся кризисъ требуетъ развязки, должна появиться власть, и она появляется въ двухъ возможныхъ формахъ. Либо революція побѣждается соціально-политическими силами прошлаго и признаетъ себя, такъ сказать, nulle et non avenue, открывая дорогу непосредственной реставраціи прежняго государственнаго строя. Либо революція, въ лицѣ своихъ крайнихъ партій, оказавшись въ очной ставкѣ съ охватившей страну анархіей, находитъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы не только преодолѣть эту анархію, но и подавить сопротивленіе партіи порядка, — и создается революціонная государственная власть. Въ первомъ случаѣ революція оказывается смутой и кончается возстановленіемъ порядка. Во второмъ случаѣ она переходитъ въ дальнѣйшій фазисъ своего развитія. Первый случай характеренъ для русской смуты XVII вѣка, которая не создала революціонной государственной власти, основанной на новомъ соціально-политическомъ базисѣ, а была подавлена энергіей служилаго средняго класса, — не новаго, выростающаго изъ революціи, впервые полноправно вступающаго на политическую арену, а прежняго, стараго служилаго класса, сумѣвшаго возстановить въ борьбѣ съ анархо-утопическими элементами прежній государственный строй. Второй случай характеренъ для переживаемой нами революціи, и въ этомъ ея отличіе отъ Московской смуты и глубокая черта сходства съ французской революціей.

Чѣмъ же объясняется эта фатальная побѣда лѣвыхъ сектантовъ надъ партіей порядка? Можно, конечно, указать на увлеченіе массъ утопическими лозунгами, какъ на причину овладѣнія коммунистами властью, можно отмѣтить исключительныя личныя волевыя качества ихъ руководителей, нераз-

борчивость въ средствахъ, примѣненіе насилія и террора, какъ причины сохраненія ими власти. Все это вѣрно, все это безспорно. Но есть и другія причины, болѣе глубокія, болѣе сложныя, но менѣе наглядныя.

2.

»Alles, was wir thun hat eine Folge, aber das Kluge und Rechte bringt nicht immer etwas günstiges, und das Verkehrte nicht immer etwas ungünstiges hervor, vielmehr wirkt es oftmals ganz im Gegenteil.«

Göthe.

Гете считалъ, что никогда великая революція не происходитъ по винѣ народовъ, а всегда по винѣ правительствъ. Революціи невозможны, если правительства идутъ имъ навстрѣчу своевременными улучшеніями и не противятся до тѣхъ поръ, пока необходимое не вырывается у нихъ силой. (Gespräche mit Göthe, III. 33.) Теоретически это вѣрно: каждая революція имѣетъ опредѣленное соціально-политическое содержаніе; если эти заданія выполняются въ условіяхъ существующаго правопорядка, революція дѣлается безпредметной и какъ бы погашается. Но практически, когда дѣло идетъ именно о великой революціи, знаменующей реконструкцію всего соціально-политическаго строя, осуществленіе подобнаго заданія почти что недостижимо въ процессѣ правомѣрной реформы. Для этого нужно, чтобы игрой случая во главѣ власти оказался Петръ или Наполеонъ, который, опираясь на массы, рѣзко и, по существу, революціонно порвалъ бы съ наличнымъ соціальнымъ порядкомъ и освободилъ бы мѣсто для новаго. Но идетъ ли рѣчь о томъ, чтобы предупредить революцію снизу революціей сверху или о томъ, чтобы ликвидировать уже разразившуюся, — въ обоихъ случаяхъ первой и основной задачей является обнаруженіе ея соціально-политическаго содержанія.

Эта задача является далеко не простой, несмотря на всю громадность и наглядность революціонныхъ событій.

Ключевскій отмѣчалъ, что изучая новую русскую исторію (которую онъ начинаетъ смутнымъ временемъ), чувствуешь, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше входишь въ область автобіографіи, подступаешь къ изученію самого себя, своего собственнаго духовнаго содержанія, насколько оно связано съ прошлымъ нашего отечества. Аналогичное ощущеніе испытываетъ, вѣроятно, каждый европеецъ, приступая къ ознакомленію съ исторіей французской революціи. Она далеко еще не въ прошломъ, еще живы и трепетны нити, связывающія насъ съ ней. Недаромъ каждый ея изслѣдователь непреодолимо изъ историка становится политикомъ и привноситъ въ изучаемыя явленія всего себя, со всѣми своими соціально-политическими, нравственными и религіозными

убѣжденіями и вѣрованіями. Французская революція до сихъ поръ не только объектъ историческаго изученія, но и арена борьбы соціальныхъ міровоззрѣній, и кафедра для проповѣди, и анатомическій театръ для диссекціи современнаго общества, и открытая сцена для научно-политическаго demi-mond'a, и ателье художественной репродукціи, и паноптикумъ пугающихъ восковыхъ фигуръ.

Поэтому естественно, что по поводу французской революціи существуетъ единственное въ своемъ родѣ разнообразіе сужденій и оцѣнокъ, какъ въ отношеніи всего процесса въ цѣломъ, такъ и отдѣльныхъ его эпизодовъ и дѣятелей.

Если такъ обстоитъ дѣло съ французской революціей, которая имѣетъ уже почти полуторастолѣтнюю давность, то что же сказать о попыткѣ проникнуть въ смыслъ русской революціи, въ которой мы живемъ? И все же это нужно дѣлать, въ этомъ направленіи нужно работать.

Если разсматривать революцію въ отдѣльныхъ ея эпизодахъ и подъ угломъ зрѣнія отдѣльныхъ ея участниковъ и творцовъ, то мы не выходимъ изъ круга какой то сплошной нелѣпицы: каждый слѣдующій моментъ революціи есть не слѣдствіе, а скорѣе отрицаніе предыдущаго, есть крушеніе всѣхъ сознательно поставленныхъ имъ заданій, есть ниспроверженіе его идеаловъ. Но если мы возьмемъ весь ходъ революціи въ цѣломъ, мы проникаемся какой то неумолимой внутренней логикой событій, вводящей всю эту многоголовую и многоголосую стихію безконечно разнообразныхъ и разноцѣнныхъ „умысловъ и замысловъ людскихъ толпъ и людей" въ опредѣленное и необходимое русло. Въ процессѣ таинственной гетерогоніи цѣлей весь этотъ хаосъ безсмысленныхъ преступленій и безплодныхъ жертвъ, все это непонятное шатаніе оголтѣлыхъ и озвѣрѣлыхъ людскихъ стадъ, всѣ эти фантастическіе сюрпризы непредвидимыхъ случайностей — превращаются подъ внимательнымъ взглядомъ безпристрастнаго наблюдателя въ трагическое по своимъ формамъ и непосредственнымъ результатамъ, но проникнутое какой то внутренней логикой массовое движеніе, предопредѣленное всѣмъ прошлымъ, несущее въ себѣ опредѣленную, имманентную ему цѣль. Эта цѣль и есть соціально-политическое содержаніе революціи. Ее нельзя распознать изученіемъ архивовъ революціи, воскрешеніемъ ея эпохи, проникновеніемъ въ сердца и умы ея дѣятелей. Напротивъ, живя въ революціи и революціей нельзя возвыситься надъ ней и обозрѣть ея пути. Для того, чтобы понять революцію, нужно выйти изъ нея, стать внѣ ея и надъ ней. Только отступя мысленно назадъ, мы въ исторической перспективѣ, сможемъ найти мѣсто, занимаемое въ русской исторіи переживаемой нами нынѣ революціей и, тѣмъ самымъ, обнаружимъ ея политическое содер-

жаніе. Только свѣтомъ прошлаго можно внести ясность въ настоящее, а слѣдовательно, и въ будущее. Чтобы быть политикомъ, надо стать историкомъ.

3.

Что у насъ преемственное, древнее, неискоренимо прочное? Табель о рангахъ, дворянскія грамоты, городовыя положенія, сенатъ, синодъ, крѣпостное право, чиновники, лейбъ-гвардія?... Только Императорская диктатура и сельскій бытъ.

Герценъ.

Бѣлинскій даже въ ту эпоху его жизни, когда онъ проклиналъ аполитическій морализмъ Гоголя (который онъ, кстати сказать, самъ въ свое время проповѣдывалъ) и когда онъ объяснялъ отсутствіе въ нашей литературѣ положительныхъ типовъ „цензурной таможней", такъ какъ по его мнѣнію, все человѣческое у насъ въ противорѣчіи съ общественнымъ, и вся общественная солидарность сводится къ пословицѣ — съ волками жить, по волчьи выть — этотъ самый Бѣлинскій долженъ былъ признать, что русская жизнь идетъ впередъ гигантскими шагами. „Какъ бы мы ни были нетерпѣливы, пишетъ онъ Кавелину, и какъ бы ни казалось намъ все медленно идущимъ, а вѣдь оно идетъ страшно быстро. Екатерининская эпоха представляется намъ уже въ миѳической перспективѣ, не стариной, а почти древностью". А не казалось ли полвѣка спустя, древностью эта самая эпоха Бѣлинскаго, который нѣсколькими годами раньше могъ подкрѣплять свое утвержденіе — „что и въ Россіи все идетъ къ лучшему" — слѣдующими аргументами: „Давно ли паденіе при дворѣ сопровождалось ссылкой въ Сибирь? А теперь оно сопровождается много, много если ссылкой въ свою деревню. Давно ли Минихъ, фельдмаршалъ, герой, былъ осужденъ на четвертованіе и только по милости Императрицы былъ сосланъ въ Сибирь, а теперь уже и насъ съ тобой, людей совершенно ничтожныхъ въ гражданскомъ отношеніи, не будутъ четвертовать даже и въ такомъ случаѣ, когда бы мы были достойны этого." Могъ быть значитъ и такой случай!? Да не посѣтуетъ на насъ серьезный читатель, но, быть можетъ, не излишнимъ будетъ, если мы нѣсколькими бытовыми черточками поможемъ ему во-очію представить себѣ тотъ путь, которымъ мы прошли, въ процессѣ нашей „новой" исторіи.

На балу у датскаго посла Меньшиковъ пустился плясать при саблѣ(!); усмотрѣвъ въ этомъ грубое нарушеніе свѣтскихъ приличій, Петръ напомнилъ ему о нихъ такой пощечиной, что у его свѣтлости („Алексашки") носомъ брызнула кровь.

Императрица Анна Іоанновна любила развлекать свои досуги пѣніемъ ея придворныхъ фрейлинъ. „Пойте, дѣвки", приказывала она имъ въ этихъ случаяхъ; если же, утомясь,

онѣ навлекали на себя неудовольствіе Императрицы — пѣніе часто должно было продолжаться часами — то „дѣвки“ были награждаемы „всемилостивѣйшими оплеушинами“ и отсылались стирать бѣлье.

При Екатеринѣ Великой тишина торжественныхъ спектаклей нарушалась иногда воплями перессорившихся кучеровъ, которыхъ тутъ же на мѣстѣ преступленія и пороли.

Во время одного спектакля въ крѣпостномъ театрѣ временъ Александра Павловича на актера, изображавшаго медвѣдя, бросился вдругъ датскій догъ хозяина-помѣщика и чуть не растерзалъ его. Собаку приказано было повѣсить. „Продолжайте, дураки“, распорядился хозяинъ, и спектакль продолжался своимъ чередомъ. Немногимъ отличались нравы государственныхъ театровъ, гдѣ актеровъ сажали въ крѣпость за непочтительность къ театральному начальству!

Салтыковъ разсказывалъ, что въ 1848 г. въ Вяткѣ на званомъ обѣдѣ у предсѣдателя палаты гражданскаго суда лакеями во фракахъ оказались... столоначальники палаты. „Это мои ребята“, объяснилъ на вопросъ о нихъ хозяинъ...

„Мальчикъ форейторъ, пишетъ Карамзинъ, кажется мнѣ мальчикомъ способнымъ къ поваренному искусству. Развѣ не отдать ли Вуколку къ хорошему повару на годъ?... Если Вамъ угодно, то мы помѣнялись бы: я доставилъ бы вамъ черезъ годъ очень хорошаго повара, а вы мнѣ лакея... Между тѣмъ буду искать нанять повара. И купить хорошаго повара никакого нельзя, продаютъ однихъ несносныхъ пьяницъ и воровъ“.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ! А между тѣмъ еще могутъ быть живы глубокіе старцы, которые помнятъ время, когда по объявленіямъ можно было искать повара хорошаго и не пьяницу.

Дѣйствительно культурное развитіе нашего общества въ сопоставленіи съ его возрастомъ представляетъ собой что то фантастическое. Вѣдь, какъ справедливо напоминаетъ Милюковъ въ вводной главѣ къ исторіи Второй Русской Революціи, „вся наша новая культурная традиція (отъ Петра) создана всего лишь восемью поколѣніями нашихъ предшественниковъ.“ А измѣрьте путь пройденный этими поколѣніями въ любой отрасли культуры! Недавніе ученики Европы мы выросли въ огромную культурную силу, и уже теперь представлялось бы любопытной темой выяснить то вліяніе, котсрое русская культура оказала и оказываетъ на западъ. Правда, принято считать, что есть цѣлыя области, гдѣ мы оказались бездарными и проявили лишь внѣшнюю воспріимчивость; что, въ частности, такой областью является государственно-правовое творчество. Такое утвержденіе грѣшитъ огромнымъ преувеличеніемъ. Русская армія, русская бюрократія, русское земство, русскій судъ являютъ собой примѣры не только

быстраго и рѣшительнаго прогресса, но и обладаютъ объективной полноцѣнностью по сравненію съ опытомъ запада.

И вотъ во всей этой быстротѣ развитія и мелькающей смѣнѣ культурныхъ типовъ и институтовъ, въ этой лихорадочной course à flambeaux, гдѣ каждое поколѣніе, запыхавшись, утративъ всѣ силы, едва доноситъ чуть не угасшій отъ быстроты бѣга пламень своимъ преемникамъ, гдѣ проблема отцовъ и дѣтей не сходитъ съ очереди и не утрачиваетъ жгучей обостренности актуальнаго духовнаго кризиса, гдѣ чуть не каждый въ своемъ личномъ развитіи, едва поспѣвая за вѣкомъ, сжигаетъ то, чему поклонялся, и поклоняется тому, что сжигалъ, — неизмѣнными и какъ бы вросшими въ землю остаются два основныхъ явленія русской жизни: самодержавіе и сельскій бытъ.

4.

»Malheur à ceux qui remuent le fond d'une nation«.
Rivarol.

Каждый народъ представляетъ собой тайну невѣдомыхъ возможностей. Мы не говоримъ объ общихъ психологическихъ свойствахъ человѣческой природы, неизмѣняемыхъ никакой культурой. „Malgré tous les efforts d'un siècle philosophique, говорилъ одинъ изъ крупныхъ „бѣлыхъ" писателей временъ Революціи, Rivarol, les empires les plus civilisés seront toujours aussi près de la barbarie que le fer le plus poli l'est de la rouille; les nations comme les mètaux n'ont du brillant que la surface."

Нѣтъ, мы говоримъ о самомъ содержаніи политическаго сознанія народа. Вѣдь чѣмъ опредѣляемъ мы сужденія наши о немъ? — тѣмъ, какъ оно выражается въ членораздѣльной политической рѣчи культурныхъ слоевъ общества. По успѣху, распространенности, популярности тѣхъ или иныхъ мыслей мы умозаключаемъ о большемъ или меньшемъ соотвѣтствіи этихъ мыслей настроеніямъ широкихъ массъ. Но гдѣ тотъ измѣритель, который сколько нибудь точно опредѣлитъ удѣльный вѣсъ этихъ настроеній? Вѣдь народъ молчитъ — это его обычное состояніе въ эпохи покоя, и какую думу онъ думаетъ, угадаетъ развѣ только геніальный политикъ или великій художникъ, интуитивно проникающіе въ душу народную. Трудно вывести народъ изъ состоянія молчанія, и горе тѣмъ эпохамъ, когда народъ въ концѣ концовъ вынужденъ прервать его. Тутъ только обнаруживается, какая пропасть лежитъ между тѣмъ, что говорятъ отъ имени народа, и тѣмъ, что онъ думаетъ самъ.

Это роковое расхожденіе между сознаніемъ народной массы и культурнаго меньшинства опредѣляется своеобразной соціальной относительностью времени. Пульсъ жизни разныхъ слоевъ населенія бьется далеко не въ униссонъ, и если то,

чѣмъ живетъ передовая интеллигенція еще не дошло до сознанія городского лавочника, то ассортиментъ обиходныхъ идей типичнаго крестьянина покажется какому-нибудь передовому адвокату обломкомъ ледниковаго періода. Такимъ образомъ, страна живетъ какъ бы въ разныхъ эпохахъ, причемъ степень живучести остатковъ прежнихъ эпохъ остается скрытой въ условіяхъ нормальной жизни и можетъ быть выяснена лишь въ періоды великаго потрясенія, когда уже каждый, силой вещей, принужденъ проявить свою дѣйственность и тѣмъ открыть свое нутро.

Но не только въ своемъ статическимъ состояніи народное сознаніе является mixtum compositum изъ живущихъ одновременно въ разныхъ слояхъ населенія разныхъ эпохъ, но и каждое отдѣльное сознаніе заключаетъ въ себѣ какъ бы геологическія наслоенія разныхъ послѣдовательныхъ періодовъ, причемъ степень жизненности этихъ наслоеній можетъ быть точно установлена только тогда, когда народъ выйдетъ изъ состоянія покоя. И тутъ порою оказываемся мы свидѣтелями того, какъ то, что казалось намъ давно умершимъ прошлымъ, что мы изучали въ памятникахъ старины и возстанавливали силой историческаго воображенія, внезапно, подъ вліяніемъ механическаго толчка, воскресаетъ въ народномъ сознаніи, какъ живое и снова дѣлается яркой составной его частью, развивая упорную мотиваціонную силу. „Прошлое“ неожиданно оказывается „настоящимъ“, умершее „вчера“ дѣлается живымъ „сегодня“.

5.*)

»La grande difficulté de la question de l'affranchissement consiste dans cette idée innée chez les paysans, qu'il est inséparable de la terre dans ce sens que la terre lui appartient bien plus qu'il n'appartient à la terre«.

Изъ письма французскаго посла при Россійскомъ дворѣ Рейневаля къ Гизо (1844),

При крѣпостномъ правѣ земля крестьянъ не была отдѣлена отъ земли помѣщиковъ. По самой идеѣ крѣпостного права отношеніе помѣщиковъ къ землѣ и къ крестьянамъ носило публично-правовой характеръ. Помѣщикъ несъ тягло службой, крестьянинъ — сельскимъ трудомъ, на основахъ барщины или оброка, а также рядомъ другихъ повинностей. Крестьянинъ содержалъ государство, содержалъ и помѣщика, какъ представителя государства. Помѣщикъ былъ представителемъ государственной власти на мѣстахъ, его вотчинная власть вытекала изъ этого его качества. Взаимоотношенія помѣщиковъ и крестьянъ не были опредѣлены закономъ.

*) Въ иномъ контекстѣ основныя мысли этой главы изложены въ моей статьѣ „Земельная революція въ Россіи“ Р. М. Софія. 1921 г. кн. X-XII.

Выдѣленіе крестьянамъ въ собственность обрабатываемой ими земли и установленіе точнаго размѣра и характера ихъ обязанностей и отношеній къ помѣщику не вышло изъ предѣловъ пожеланій и не получило отраженія въ законѣ. Какъ ни единодушны были въ этомъ отношеніи взгляды всѣхъ передовыхъ русскихъ людей, начиная еще съ до-Петровскихъ временъ, крѣпостное право не вышло изъ той патріархальной стадіи, когда взаимныя отношенія крестьянъ и помѣщиковъ опредѣлялись лишь бытомъ.

Идеологія земельныхъ отношеній сводилась къ слѣдующему. Земля царева. Она отдана помѣщикамъ, которые владѣютъ землей вмѣстѣ съ сидящими на ней крестьянами. Нельзя сказать, что помѣщикъ владѣетъ крестьянами, рабовладѣльчество было не духомъ, а извращеніемъ крѣпостного права; помѣщикъ владѣлъ крестьянами неразрывно съ землей, на которой они сидятъ. Равнымъ образомъ нельзя сказать, что помѣщикъ владѣетъ землею; земельная собственность въ ея частно-правовомъ аспектѣ была чужда идеѣ крѣпостного права; помѣщикъ владѣетъ „населенной землей". Отдѣльнаго, самостоятельнаго отъ крестьянъ права на землю помѣщикъ не имѣетъ. Право и помѣщика и крестьянъ распространяется одновременно на одинъ и тотъ же объектъ, на одну и ту же землю. Сказать, что земля принадлежитъ помѣщику будетъ такъ же невѣрно, какъ сказать, что земля принадлежитъ крестьянамъ; земля принадлежитъ обоимъ вмѣстѣ, крестьянамъ непосредственно, помѣщику черезъ посредство крестьянъ.

Эта вросшая въ сознаніе крестьянъ идеологія съ необычайной яркостью обнаружилась въ извѣстномъ эпизодѣ, разсказанномъ декабристомъ Якушкинымъ.

Вернувшись изъ французскаго похода, Якушкинъ, тяготясь своимъ положеніемъ рабовладѣльца, рѣшилъ освободить крестьянъ. Онъ поѣхалъ къ себѣ въ деревню, собралъ сходъ и сообщилъ крестьянамъ, о своемъ рѣшеніи отпустить ихъ на волю. Велико было его удивленіе, когда крестьяне, не обнаруживъ преждевременной радости, въ первую очередь освѣдомились: а какъ земля? и на отвѣтъ, что земля эта будетъ сдаваться имъ въ аренду, — спокойно отвѣтили: Нѣтъ, ужъ пусть будетъ по старому: мы ваши, а земля наша. Напрасно Якушкинъ пытался объяснить имъ всѣ преимущества свободнаго состоянія — всѣ усилія его оставались безплодны. Память и сознаніе народа совершенно иначе воспринимали вопросъ земли, чѣмъ честный декабристъ Якушкинъ. „Русскій человѣкъ, замѣчаетъ въ связи съ этимъ эпизодомъ Достоевскій, съ самаго начала и никогда не могъ представить себя безъ земли. Уже когда и свободы безъ земли не хотѣлъ признать, значитъ земля у него прежде всего, въ основаніи всего, земля — все, а ужъ

изъ земли у него и все остальное, т. е. и свобода, и жизнь, и семья, и дѣтушки, и порядокъ, и церковь — однимъ словомъ, что есть самое драгоцѣнное".

Эти соображенія Достоевскаго глубоки, но не совсѣмъ вѣрны. Они ослабляютъ одну существенную черту всего вопроса, именно ту, что, предлагая крестьянамъ свободу, — цѣной ея пріобрѣтенія ставили отказъ отъ земли, принадлежащей ему въ такой же, если не въ большей мѣрѣ, чѣмъ помѣщику. Получи свободу, но отдай свою землю. Но развѣ землю крестьянинъ получилъ изъ рукъ помѣщика? Земля одинаково принадлежитъ и тому и другому, или одинаково не принадлежитъ ни тому, ни другому. Самая постановка вопроса о полученіи свободы цѣной отказа отъ земли въ пользу помѣщика носитъ на себѣ слѣды явнаго насилія надъ исторической логикой и надъ крестьянскимъ сознаніемъ. Не въ томъ дѣло, могъ или не могъ русскій человѣкъ представить себя безъ земли, а въ томъ, что у русскаго мужика, весь вѣкъ сидѣвшаго на землѣ, хотятъ эту, его землю отнять. Онъ, весь вѣкъ на своей землѣ просидѣвшій мужикъ, былъ ограниченъ въ своихъ правахъ во имя интересовъ государства и былъ во имя этихъ интересовъ подчиненъ власти помѣщика, это онъ помнитъ и знаетъ — а теперь ему говорятъ: хочешь освободиться отъ этого подчиненія — отдай землю. Есть отъ чего въ уныніе придти! Эпизодъ, разсказанный Якушкинымъ, служитъ прекрасной иллюстраціей того страшнаго и рокового недоразумѣнія, которое, въ періодъ упадка крѣпостного права, царитъ въ отношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ по поводу земли.

Помѣщики, забывъ источникъ происхожденія крѣпостного права и первоначальный его смыслъ, забывъ то время, когда, властвуя надъ крестьянами, они сами въ такомъ же крѣпостномъ подчиненіи находились къ государственной власти, утрачивая постепенно всякое представленіе объ публично-правовыхъ обязанностяхъ крѣпостного права, привыкали постепенно къ мысли, что земля и крѣпостные принадлежатъ имъ такъ же, какъ имъ принадлежитъ домъ въ Москвѣ, выѣздная коляска или борзая собака. Понятіе публичной власти, при которой всякое право (правомочіе) дается лишь въ видахъ осуществленія опредѣленныхъ обязанностей и при примѣненій которой всякое осуществленіе права (правомочія), не обоснованное существомъ этихъ обязанностей, становится произволомъ, — поглощается постепенно — въ сознаніи помѣщиковъ — понятіемъ частной собственности, которая вообще принципіально не знаетъ положительныхъ обязанностей. Частно-правовой элементъ, такимъ образомъ, вытѣсняетъ публично-правовую сущность крѣпостного права. Крѣпостное право распадается на рабовладѣльчество и частную собственность на землю. Поэтому въ представленіи да-

же лучшихъ и расположенныхъ къ жертвамъ людей вопросъ земли и воли расчленялся. Максимумъ жертвъ, о которыхъ могла итти рѣчь, это отказъ отъ рабовладѣльчества безъ выкупа, но землю помѣщики единодушно признавали частной своей собственностью. Вопросъ освобоженія крестьянъ постепенно отдѣлился въ сознаніи помѣщиковъ отъ вопроса о судьбѣ земли.

Совершенно иначе продолжало думать и сознавать крестянство. Для него помѣщикъ оставался „властью", и только. Помѣщикъ, какъ частный земельный собственникъ не существовалъ въ представленіи крестьянъ. Этимъ объяснялось, что крестьяне подчинялись всякимъ проявленіямъ власти, какъ бы они ни были несправедливы, но когда у нихъ начинали отнимать землю — отвѣчали возстаніями. Земля принадлежала міру такъ же, какъ она принадлежала ему сто лѣтъ тому назадъ и, если надѣлъ уменьшался въ порядкѣ мірского передѣла, — это было нормальнымъ. Но если земля отнималась у міра въ пользу помѣщика — это было нарушеніемъ самыхъ основныхъ началъ той конституціи, на которой покоились взаимоотношенія помѣщиковъ съ крестьянами. Власть дана помѣщику надъ опредѣленными крестьянами, какъ владѣльцами опредѣленной земли, и отнятіе этой земли есть измѣна самому смыслу этой власти.

Освобожденіе крестьянъ не разрѣшило окончательно земельнаго вопроса. Крестьяне не только не получили всей помѣщичьей земли, они не получили и той земли, на которой сидѣли. Вмѣсто принципа фактическаго владѣнія, — единственнаго, на которомъ можно было начать постройку прочнаго и точнаго права собственности, въ основу реформы былъ положенъ принципъ надѣленія. Крестьянину давали столько, чтобы былъ обезпеченъ его бытъ и чтобы онъ могъ выполнять свои обязанности передъ правительствомъ. Отсюда естественная мысль: — разъ впослѣдствіи надѣленной земли для этой цѣли не хватитъ, надо прирѣзать еще изъ фонда, оставленнаго въ распоряженіи государства и помѣщика. Правда, ст. 8 Общ. Положенія, говоритъ: „Помѣщики, надѣливъ крестьянъ, въ постоянное пользованіе, за установленныя повинности, землею на основаніи мѣстныхъ положеній, не обязаны впредь, ни въ какомъ случаѣ, надѣлять ихъ какимъ бы то ни было, сверхъ того, количествомъ земли." Но не является ли это подробное декларативное отрицаніе своего рода подтвержденіемъ существующаго строя мысли? Во всякомъ случаѣ представленіе крестьянъ о публичномъ характерѣ ихъ правъ на землю остается непоколебленнымъ. Въ дальнѣйшемъ оно продолжаетъ питаться соками крестьянскаго хозяйственнаго коллективизма и, въ частности, общиннаго быта. Наличіе общины затрудняло крестьянину возможность отвыкнуть отъ публично-правового

взгляда на пользованіе землей. Принципъ дополнительнаго надѣленія землей и самъ по себѣ занимаетъ въ умѣ ихъ прочное мѣсто; а разъ живетъ общинный передѣлъ, то не умираетъ и мысль о черномъ передѣлѣ, который есть не что иное, какъ распространеніе общинныхъ порядковъ на весь земельный фондъ. Съ невиданнымъ напряженіемъ мысль эта проявилась въ крестьянскихъ безпорядкахъ 1905 г.

6.

„Въ господствующемъ землевладѣльческомъ классѣ, отчужденномъ отъ остального общества своими привилегіями, разслабляемомъ крѣпостнымъ трудомъ, тупѣло чувство земскаго протеста и дряхлѣла энергія общественной дѣятельности".

В. О. Ключевскій.

П. Б. Струве въ своихъ размышленіяхъ о русской революціи*) уже подчеркнулъ то громадное значеніе, которое имѣла въ судьбахъ Россіи роковая отсрочка установленія конституціоннаго режима и освобожденія крестьянъ. Мы не можемъ только согласиться съ тѣмъ приматомъ ограниченія самодержавія надъ уничтоженіемъ рабства, которое устанавливается П. Б. Мы не думаемъ, вмѣстѣ съ нимъ, что мнѣніе о вредѣ аристократической конституціи противорѣчитъ здравому смыслу вообще и въ частности тому, чему учитъ русская исторія послѣднихъ 200 лѣтъ. Напротивъ, мы считаемъ, что и здравый смыслъ и русская исторія послѣднихъ 200 лѣтъ служитъ доказательствомъ тому, что даже самодержавная реформа была отсрочена, а при проведеніи ея испорчена вліяніемъ помѣщиковъ и что если бы помѣщичья Россія была формально властвующей Россіей, то освобожденіе могло бы осуществиться только въ порядкѣ революціи.

„Я желалъ бы, писалъ Сперанскій, чтобы кто-нибудь показалъ мнѣ, какая есть разница между отношеніемъ крестьянъ къ ихъ господамъ и отношеніемъ дворянъ къ верховной власти. Развѣ послѣдняя не имѣетъ надъ дворянами той же самой власти, какъ дворяне надъ крестьянами? Итакъ, вмѣсто этой пышной классификаціи русскаго народа на различныя сословія, на дворянъ, купцовъ, мѣщанъ, я нахожу въ Россіи только два сословія: это рабы верховной власти и рабы землевладѣльцевъ. Первые свободны только относительно послѣднихъ; въ дѣйствительности въ Россіи нѣтъ свободныхъ людей, кромѣ нищихъ и философовъ. Что окончательно уничтожаетъ въ русскомъ народѣ всякую энергію, это тѣ отношенія, въ которыя поставлены между собою эти два класса рабовъ. Интересы дворянства требуютъ, чтобы крестьяне были ему совершенно подчинены; интересъ крестьянъ

*) Русская Мысль. 1921, кн. I—II и отдѣльнымъ изданіемъ. Софія 1921.

требуетъ, чтобы дворяне точно также были подчинены коронѣ... При этомъ власть короны представляется крестьянамъ, какъ единственный противовѣсъ власти ихъ господъ."

Теперь представимъ себѣ, что эта власть короны есть власть, раздѣляемая ею съ помѣщичьей аристократіей — какъ бы это отразилось на судьбахъ крестьянства? Это отнюдь не реторическій вопросъ. Политическое міровоззрѣніе тогдашняго общества извѣстно достаточно, чтобы можно было на вопросъ этотъ дать недвусмысленный отвѣтъ. Одинъ изъ современниковъ, наиболѣе, быть можетъ, трезвый и глубокій изъ политическихъ мыслителей и государственныхъ дѣятелей той эпохи, Н. И. Тургеневъ, этотъ именно вопросъ прямо ставитъ и даетъ отвѣтъ на него. Уничтоженіе рабства въ Россіи было основной задачей всей жизни этого честнаго и умнаго патріота; вся дѣятельность его была постоянной пропагандой этой идеи. И вотъ онъ, декабристъ, заочно приговоренный къ смертной казни восторжествовавшимъ самодержцемъ, весь проникнутый идеями политической свободы — пишетъ въ своемъ облеченномъ въ форму мемуаровъ политическомъ трактатѣ:

„Всякое расширеніе политическихъ правъ въ пользу дворянскаго класса было бы противно интересамъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ этомъ смыслѣ абсолютная власть есть якорь спасенія для нашей страны: только отъ этой власти можемъ мы ожидать отмѣны рабства, столь же несправедливаго, какъ и безполезнаго. Нельзя думать о свободѣ политической тамъ, гдѣ милліоны несчастныхъ не знаютъ даже простой свободы человѣческой." (La Russie et les Russes II стр. 322-3.)

Когда онъ замѣчалъ, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ по поводу споровъ объ эмансипаціи, желаніе добиться политическихъ правъ до освобожденія крестьянъ, онъ приходилъ въ негодованіе: à me voir on aurait cru que je défendais le pouvoir absolu. Это рѣдко случалось въ спорахъ съ молодыми людьми — ихъ всегда удавалось убѣдить, но споры съ пожилыми людьми, находящимися на вершинѣ пирамиды, и болѣе или менѣе проникнутыми аристократическими принципами, принимали страстный, даже бурный характеръ et „c'est alors surtout, заключаетъ онъ, que je me trouvais souvent entrainé à préconiser les avantages que présente le pouvoir absolu dans un pays où règne le servage" (I стр. 83).

Что это, увлеченіе фанатика или трезвая критика дѣйствительности?

„Какъ не пѣть намъ, мы счастливы, славимъ барина-отца", пѣли крестьяне въ куплетахъ для „сельской комедіи", написанныхъ Карамзинымъ. „Республиканецъ въ душѣ" — Карамзинъ былъ убѣжденнымъ крѣпостникомъ, и знаменитая записка его, представленная Императору Александру, представляетъ собою цѣлую философію исторіи, оправдывающую

весь русскій строй въ цѣломъ, включая и крѣпостное право. Между тѣмъ это былъ не мракобѣсъ, а русскій европеецъ, не интриганъ и не защитникъ личныхъ своихъ интересовъ, а честный патріотъ, „быта русскаго хранитель". А вспомнимъ людей діаметрально противоположнаго лагеря, не остановившихся передъ тѣмъ, что кн. Вяземскій мѣтко назвалъ „критикой вооруженной рукой на мнѣніе, исповѣдуемое Карамзинымъ!" Лишь медленно и постепенно дѣлалось освобожденіе крестьянъ неотъемлемой частью и первоочередной задачей ихъ политической программы; что же касается существа ея, то лишь самые передовые, неясные наброски приближались къ тому рѣшенію, которое нѣсколько десятилѣтій спустя было осуществлено Александромъ II. А кто былъ чуть не единственнымъ человѣкомъ среди правящей Россіи, который могъ понять ихъ мысли, отнестись къ нимъ съ сочувствіемъ? Не Императоръ ли Александръ I, страдавшій къ вящему огорченію Шишкова, „нещастнымъ предубѣжденіемъ" противъ крѣпостного права? И неужели онъ не осуществилъ бы реформы освобожденія, еслибы былъ хоть сколько нибудь поддержанъ обществомъ въ эпоху его либеральныхъ дерзаній? Но птенцы гнѣзда Александрова подросли уже къ тому времени, когда, по выраженію Ж. де Местра, истина могла доходить до Россійскаго Императора только черезъ посредство двухъ созданій: дамы или ангела.

А реформа Александра II? Вся она была испорчена помѣщичьимъ правящимъ классомъ, но могла ли бы она и такъ пройти, какъ она прошла, еслибы самодержавіе было ограничено помѣщичьимъ ландтагомъ? Именно потому, что у насъ было неограниченное самодержавіе, наша ночь 4 августа имѣла мѣсто не послѣ революціи, а въ самомъ ея зародышѣ, когда революція могла быть еще предотвращена. Тэнъ, сопоставляя соціальный переворотъ французской революціи съ паденіемъ крѣпостного права въ Россіи, замѣчаетъ: „A moins d'une armée bien commandée, obéissante et partout présente on ne fait point pacifiquement une grande transformation sociale; c'est ainsi que le tzar Alexandre a pu affranchir les paysans russes."

Да, наличіе сильной вооруженной власти было необходимымъ условіемъ, при которомъ только и возможно было направить разгорающуюся соціальную революцію въ русло соціальной реформы; но для этого не только нужно было подавить крестьянскія возстанія, нужно было подавить и протестъ помѣщичьяго привилегированнаго класса и даровать народу реформу своевременно и въ должномъ объемѣ, а это могла сдѣлать только самодержавная власть, которая и въ данномъ случаѣ, какъ почти всегда и раньше въ нашей исторіи, оказалась въ головѣ либеральнаго и просвѣтительнаго движенія.

Освобожденіе крестьянъ и ликвидація помѣщичьяго строя были исторической задачей русскаго самодержавія. Оно опо-

здало и съ первымъ и со вторымъ. Задержка ликвидаціи крѣпостного права обусловила задержку развитія политическихъ свободъ, ибо всякое ограниченіе самодержавія при крѣпостномъ строѣ устраняло бы единственное ограниченіе этого послѣдняго и его бы увѣковѣчивало. Эта взаимно обусловленная двойная задержка рѣшительно способствовала крушенію трона и всей Императорской Россіи. Такой урокъ мы готовы вычитать изъ русской исторіи послѣднихъ 200 лѣтъ. Но и только.

Когда предводитель „олигарховъ" кн. Д. М. Голицынъ началъ „всенощное оной затѣйки ухищреніе" рѣчью о томъ, что „надобно себѣ полегчать, — такъ полегчать, чтобы воли себѣ прибавить", Вас. Лукичъ Долгорукій отвѣтилъ: „хоть и зачнемъ, да не удержимъ этого". Мы думаемъ, что онъ былъ глубоко правъ. Исторія воцаренія Анны Іоанновны даетъ яркое подтвержденіе того, чему учитъ вся исторія русскаго государства, именно, что при наличіи крѣпостного состоянія никакое ограниченіе самодержавія было невозможно. Судьба земскихъ соборовъ служитъ тому порукой. Еслибы Анна Іоанновна и не разорвала немедленно и всенародно предложенныхъ ей пунктовъ, они испытали бы судьбу тѣхъ записей, которыя остались отъ періода смуты, этихъ памятниковъ политическаго мышленія эпохи, весьма любопытныхъ и поучительныхъ, но лишенныхъ реальнаго значенія.

И, поэтому, мы не скажемъ вмѣстѣ съ П. Б. Струве, что „Ленинъ смогъ разрушить русское государство въ 1917 г. именно потому, что въ 1730 г. курлядская герцогиня Анна Іоанновна восторжествовала надъ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ". Скорѣе, припоминая знаменитаго предка Д. М. Голицына, предшественника Петра, мечтавшаго освободить крестьянъ съ предоставленіемъ имъ земли изъ платежа оброка и съ вознагражденіемъ изъ этого оброка служилыхъ дворянъ, мы готовы сказать, парафразируя П. Б. Струве, что Ленинъ потому могъ разрушить русское государство въ 1917 г., что въ 1689 г. князю Василію Васильевичу Голицыну при царевнѣ Софьѣ не удалось осуществить своей земельной реформы. И можно быть увѣреннымъ, что еслибы князю Василію Васильевичу Голицыну дано было осуществить эту его реформу, то и курляндской герцогинѣ не удалось бы восторжествовать надъ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ, при томъ, конечно, условіи, еслибы онъ выступилъ въ защиту правъ не только аристократическаго сословія, но и другихъ сословій государства.

7.

„Откуда взяться консерватизму на Руси? Не подойти же къ гнилому плетню и сказать ему: ты не плетень, а каменная стѣна, къ которой я намѣренъ пристраиваться.“

И. С. Тургеневъ.

Штурмъ самодержавія начался 14 декабря. М. П. Погодинъ отмѣчалъ тогда же въ своемъ дневникѣ по поводу чтенія M-me de Staël о революціи: „Я давно уже раздѣлялъ россійскую революцію на два періода. Первый феодализмъ съ Рюрика, второй деспотизмъ съ Іоанна III. Третьему сѣмя положено 14 декабря. Первое европейское явленіе Россіи было въ 1812 г.... Къ новой перемѣнѣ шагъ сдѣланъ 14 декабря, и сіе 14 декабря къ будущему относится такъ, какъ Іоаннъ Калита къ Іоанну III. Чудится мнѣ, что и династіи имѣютъ извѣстное отношеніе къ эпохамъ: феодализму, деспотизму и представительному образу правленія. Въ россійской исторіи я вижу это ясно: мы переживаемъ вторую эпоху, и вторая династія у насъ царствуетъ.“ (Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. II стр. 18). И нужно почувствовать консервативную, богобоязненную и глубоко мѣщанскую фигуру Погодина, какъ она встаетъ изъ лѣтописнаго и безыскусственнаго повѣтствованія его трудолюбиваго біографа, чтобы оцѣнить все симптоматическое значеніе такого признанія въ его устахъ. 14 декабря было прогремѣвшимъ на всю культурную Россію memento mori, обращеннымъ къ Петербургскому самодержавію. Правда, это была лишь огромная демонстрація, за которой не было никакой реальной силы; попытка дворцоваго переворота на почвѣ искусственно и обманно раздутаго солдатскаго бунта. Но за этой сумасбродной попыткой стояли не личные или групповые интересы, а исполненная безкорыстія и самопожертвованія политическая мысль. „Обыкновенно сапожники дѣлаютъ революцію, чтобы сдѣлаться господами, а у насъ господа захотѣли сдѣлаться сапожниками“ — не удержался съострить умирающій Растопчинъ. 14 декабря было первой ласточкой революціи, идущей на смѣну слѣпыхъ крестьянскихъ бунтовъ и эпизодическихъ дворцовыхъ переворотовъ.

Такъ, какъ мы знаемъ декабристовъ и современную имъ Россію, — успѣхъ ихъ могъ означать лишь ввержение Россіи въ разрушительную и анархическую смуту. Николай I, подавляя возстаніе, защищалъ не только свой тронъ: онъ защищалъ государство. И отъ него зависѣло низвести 14 декабря съ пьедестала основоположника всероссійскаго революціоннаго движенія до эпизодическаго незначительнаго бунта: за нимъ осталась бы лишь память „мятежей и казней“, омрачающихъ начало его славнаго царствованія. Но для этого Николаю нужно было въ неизмѣримо большей степени обла-

дать чертами своего великаго прадѣда и властной рукой претворить накопляющуюся снизу темную революціонную стихію въ отчетливую и рѣшительную революцію сверху. Нѣсколькими десятилѣтіями раньше дарованная свобода могла лечь значительной, быть можетъ, рѣшающей гирей на вѣсы исторіи... Но Николай I, хотя и признавалъ крѣпостное право зломъ, но считалъ, что „прикасаться къ оному было бы зломъ еще болѣе гибельнымъ". „Я, конечно, самодержавный и самовластный, говорилъ онъ, но на такую мѣру никогда не рѣшусь".

Когда „Севастополь ударилъ по застоявшимся умамъ", надо было наконецъ рѣшаться, и 19-го февраля Самодержавіе выполнило свой историческій долгъ. Казалось, Россія окончательно выходитъ на широкую дорогу свободнаго и спокойнаго развитія. Однако уже тогда, въ самый свѣтлый мигъ освобожденія, современники чувствовали порою на душѣ какую то недоумѣнную тяжесть. „Какъ бы то ни было, писалъ Ив. Аксаковъ, освобожденіе было такъ обставлено, что для радости, т. е. произведенія чувства радости нуженъ отвлеченный процессъ мысли; нужно напомнить себѣ объ этомъ, идеализировать, глядѣть въ чаемое будущее, а не въ настоящее. Постоянно себѣ говоришь, что совершается одна изъ величайшихъ соціальныхъ революцій, но ее не осязаешь; тѣмъ, можетъ быть, прочнѣе ея дѣло, свѣжій воздухъ, конечно, уже появился, но фильтрованный сквозь такія вонючія тѣла, что его и признать трудно."

А реформа требовала не только выполненія, она требовала расширенія, продолженія, развитія... правда, въ направленіи часто далеко отличающемся отъ идеаловъ Ив. Аксакова. Она требовала постепеннаго и послѣдовательнаго уничтоженія всѣхъ элементовъ сословности; она требовала полнаго раскрѣпощенія личности отъ всѣхъ пережитковъ прошлаго, она требовала, слѣдовательно, и отказа отъ всѣхъ привилегій основанныхъ на уходящемъ строѣ, перехода власти и вліянія отъ прежняго правящаго класса въ руки всего организованнаго населенія. Могъ ли этотъ правящій классъ въ его цѣломъ проникнуться этими идеями, искренне принять эту программу? Естественно, что нѣтъ. Онъ пополнялъ свои ряды новобранцами, освѣжающими его составъ, онъ достигалъ значительнаго техническаго совершенства въ отдѣльныхъ отрасляхъ управленія, но въ общемъ и цѣломъ задачей новаго дворянско-разночинскаго служилаго сословія являлось сохраненіе statu quo ante. Между 60-ми годами и первой революціей Россія, собственно говоря, не имѣла органическаго законодательства. Вся энергія власти, подкрѣпленная инерціей устоявшагося государственнаго механизма, направлена на удержаніе Россіи на томъ моментѣ ея развитія, на которомъ она вышла изъ эпохи великихъ реформъ. Ста-

рая Россія не даетъ ходу Новой, эта послѣдняя ищетъ выхода своимъ стремленіямъ въ революціонномъ движеніи, неизмѣнно подавляемомъ мощью непоколебимаго „существующаго порядка вещей“, но разражающемся все съ новой и новой силой.

Но гдѣ же умѣряющая власть, гдѣ русское самодержавіе, которое властнымъ переводомъ стрѣлки уже перемѣстило Россію съ путей революцій на пути реформы?

Самодержавая власть была исторически обоснована и необходима, какъ единственная сила, могущая легализировать процессъ преодолѣнія государствомъ своего сословнаго прошлаго. Назначеніе ея было, слѣдовательно, по существу революціоннымъ. Она сдѣлала первый шагъ... и остановилась, провозгласивъ на начатомъ уже пути революціи принципомъ своимъ консерватизмъ. Тѣмъ самымъ Царь переставалъ быть властью общенародной и силой вещей дѣлался тѣмъ, отъ чего предостерегалъ В. О. Ключевскій въ знаменитыхъ засѣданіяхъ по выработкѣ конституціи: „Да избавитъ насъ Богъ, говорилъ онъ, отъ опасности, что въ народномъ воображеніи возстанетъ мрачный призракъ сословнаго Царя“. Этотъ грозный призракъ становился уже дѣйствительностью. Это далеко не значитъ, что Царь сознательно дѣлался защитникомъ одного сословія или класса помѣщиковъ и чиновниковъ, нѣтъ, но царь захотѣлъ быть консервативнымъ тамъ, гдѣ онъ по логикѣ исторіи долженъ былъ быть революціоннымъ, а такъ какъ остановить или попятить историческій процессъ не можетъ даже самодержавная власть, то она, по мѣрѣ развертыванія этого процесса, оказывалась, со своими консервативными тенденціями, все дальше и дальше отъ основного русла русской жизни, все тѣснѣе связывалась съ постепенно хирѣющими остатками старой Россіи. Утрачивая на склонѣ дней своихъ чутье дѣйствительности и подлинную волю къ жизни, самодержавіе подчиняется какому то полумистическому убѣжденію въ предустановленности существующаго порядка вещей и связываетъ съ нимъ свою судьбу.

8.

»Le plus grand malheur des guerres civiles est que l'on y est responsable même du mal que l'on'y fait pas.«

Le cardinal de Retz.

Эпоха русскаго, такъ называемаго, призрачнаго конституціонализма никого не удовлетворила и не успокоила.

Царская власть продолжаетъ себя считать неограниченной верховной властью — она доказала это актомъ 3 іюня; она желаетъ остаться фактическимъ правителемъ — она доказала это всей своей политикой. Дворянство, утративъ свое культурное, служилое и экономическое значеніе, продолжаетъ поль-

зоваться не по заслугамъ политическимъ вліяніемъ какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ. Все мѣстное управленіе и самоуправленіе не можетъ отрѣшиться отъ стараго сословнаго уклада. Добровольная ликвидація помѣщичьихъ земель протекаетъ въ условіяхъ эксплоатаціи крестьянской жажды земли; капитализація крупныхъ хозяйствъ идетъ за счетъ арендпаго фонда, искони находившагося въ пользованіи крестьянъ. Система управленія проникнута административнымъ произволомъ.

Волна либеральнаго негодованія наростаетъ и принимаетъ революціонный характеръ. — Дворъ задерживаетъ историческій процессъ конституціонно-демократической реконструкціи русскаго государства — вѣдь казалось бы еще нѣсколько рѣшительныхъ шаговъ, и Россія у цѣли! Вся надежда на революцію. Она должна завершить освободительное движеніе цѣлаго вѣка. Революція должна устранить — быть можетъ даже безкровно — послѣднія препятствія, чинимыя дворцовой и помѣщичьей кликой торжественному шествію Россіи на пути прогресса.

Такъ, примѣрно думало либеральное общество. Но разсчетъ былъ сдѣланъ безъ хозяина.

Революція питалась не только интеллигентски-либеральнымъ теченіемъ, добивающимся констуціонно-демократическихъ реформъ, но и другими, болѣе широкими и глубокими, именно интеллигентско-пролетарскимъ, соціалистическимъ и интеллигенско-крестьянскимъ, общинно-уравнительнымъ. Такимъ образомъ либеральная общественность, дѣлая революцію, расчищала лишьпуть революціи пролетарской и крестьянской.

Замѣчательно, что въ одномъ, весьма существенномъ отношеніи, всѣ революціонныя теченія сходились не только на общей имъ отрицательной цѣли: долой самодержавіе!, но и въ основномъ вопросѣ русской жизни, въ вопросѣ земли. Защита сельскаго быта отъ разлагающаго его индивидуализма оказалась включенной, съ большей или меньшей отчетливостью, въ политическій катехизисъ почти всей нашей прогрессивной общественности.*) Такимъ образомъ, борьба съ однимъ изъ столповъ русскаго прошлаго, самодержавіемъ, опиралась на непоколебимость второго, именно сельскаго быта. Грозный историческій парадоксъ, опредѣлившій теченіе русской революціи!

А между тѣмъ самодержавіе, въ послѣднюю минуту, рѣшительно порвало съ традиціей охраненія сельскаго быта. Революціонное движеніе 1905-1906 г. вызвало было къ жиз-

*) Такія явленія, какъ правовѣрно-марксистскія опроверженія народническихъ „утопій," не были характерны для интеллигентской массовой психологіи. Еще болѣе идейно изолированнымъ было то — вышедшее генетически изъ марксизма — по существу правильное пониманіе аргарной проблемы, которое, защищалось на страницахъ Русской Мысли въ періодѣ руководства ея П. Б. Струве.

ни заснувшее чувство самосохраненія у правящаго класса. Пробудившійся инстинктъ власти подсказалъ, что бороться съ основной силой революціи, стихійной крестьянской жаждой земельнаго расширенія, основанной на публично-правовомъ воспріятіи земельныхъ отношеній — можно только путемъ внѣдренія въ умы крестьянъ частной индивидуальной собственности. Эту задачу поставилъ себѣ Столыпинъ, этотъ „громадныхъ размѣровъ чиновникъ“ съ чутьемъ государственнаго человѣка и съ темпераментомъ народнаго трибуна. Столыпинъ понималъ, что время не терпитъ, и повелъ работу съ невиданной энергіей. Реформа Столыпина пошла въ общемъ удачно, хотя нельзя не признать, что имъ недооцѣнена была сила общиннаго быта и тяга къ земельному расширенію, а слѣдовательно, нельзя не пожалѣть, что одновременно не была осуществлена принудительная распродажа крестьянамъ крупныхъ частно-владѣльческихъ имѣній, въ предѣлахъ хотя бы такъ называемаго арендпаго фонда. Но и при данныхъ условіяхъ можно думать, что пройди еще 10 15 лѣтъ, и государственный корабль получилъ бы неоцѣнимый грузъ въ лицѣ милліоновъ новыхъ собственниковъ, что рѣзко увеличило бы силу его сопротивляемости стихіи революціи. Но... этимъ годамъ не дано было спокойно пройти, и реформа Столыпина испытала судьбу всѣхъ безнадежно запоздалыхъ реформъ: она лишь обострила вопросъ. Въ „судный день“ русской революціи весь накопленный запасъ собственническихъ умонастроеній былъ частью вывѣтренъ и вытѣсненъ ярко вспыхнувшей уравнительной и захватной горячкой, а частью уничтоженъ вмѣстѣ съ собственниками или задавленъ. Черный передѣлъ былъ à l'ordre du jour.

9.

„Чѣмъ полнѣе и рѣшительнѣе была бы побѣда крестьянской революціи, тѣмъ быстрѣе превратится крестьянство въ свободныхъ буржуазныхъ фермеровъ, которые дадутъ „отставку“ народническому соціализму“

Ленинъ.

Поскольку русская революція есть осуществленіе чернаго передѣла, она есть явленіе реакціонное; это попятное движеніе исторіи. Дѣло не только въ томъ, что въ процессѣ его совершенія разрушены огромныя цѣнности и на рядъ лѣтъ остановлено развитіе сельскаго хозяйства; по самой своей общественно-психологической природѣ это есть воскрешеніе уже, казалось, пройденнаго этапа народной жизни. Но въ преодолѣніи чернаго передѣла заключаются зерна огромнаго оздоровляющаго положительнаго движенія, знаменующаго реконструкцію всего сельскаго быта на началахъ индивидуальной собственности.

Черный передѣлъ имѣетъ двѣ стороны. Прежде всего это стихійное движеніе всей крестьянской массы противъ помѣщиковъ, ликвидація застарѣлыхъ счетовъ, оставшихся отъ крѣпостной эпохи. Это неистребимая часть русской революціи, которую нужно только легализировать.*) Но кромѣ этого, такъ сказать внѣшняго (расширенія землевладѣнія) и отрицательнаго (устраненія помѣщиковъ) содержанія, черный передѣлъ обладаетъ и положительнымъ. Это уничтоженіе всякой, въ томъ числѣ, крестьянской индивидуальной собственности путемъ распространенія общиннаго начала на весь земельный фондъ страны. Община поглощаетъ все, достигаетъ максимальнаго пространственнаго расширенія и безграничной власти; она освобождена отъ всякаго внѣшняго ограниченія и свободно предоставлена своимъ силамъ. Тѣмъ самымъ, она подвергнута величайшему испытанію опытомъ. Теперь уже не на кого переносить отвѣтственность, не на что жаловаться и некуда количественно увеличиваться — нужно, наконецъ, проявить себя, отвѣтить на всѣ запросы и осуществить всѣ надежды, связанныя со сказкой чернаго передѣла. Въ результатѣ, одержавъ послѣднюю блистательную побѣду — община кончается рѣшительно и безповоротно, уступая мѣсто частной индивидуальной собственности. „Въ борьбѣ обрѣтешь ты право собственности своей“, мѣткимъ крылатымъ словомъ обозначилъ еще въ 1918 г. П. Б. Струве основной результатъ земельной революціи.

Этимъ начинается новая эпоха русской жизни. Кончается „власть земли“, краснорѣчиво воспѣтая Глѣбомъ Успенскимъ, эта „кабала травинки зелененькой“. Успенскій съ ужасомъ думалъ объ этомъ концѣ. „Огромнѣйшая масса русскаго народа, писалъ онъ, до тѣхъ поръ и терпѣлива и могуча въ несчастьяхъ, до тѣхъ поръ молода душой, мужественно сильна и дѣтски кротка, словомъ, народъ, который держитъ на своихъ плечахъ всѣхъ и вся, народъ, который мы любимъ, къ которому идемъ за исцѣленіемъ душевныхъ мукъ — до тѣхъ поръ сохранитъ свой могучій и кроткій типъ, покуда надъ нимъ царитъ власть земли, покуда въ самомъ корнѣ его существованія лежитъ невозможность ослушанія ея повелѣній, покуда она наполняетъ все его существованіе... Оторвите крестьянина отъ земли, отъ тѣхъ заботъ, которыя она налагаетъ на него, отъ тѣхъ интересовъ, которыми она волнуетъ крестьянина, добейтесь, чтобы онъ забылъ „крестьянство“ — и нѣтъ этого народа, нѣтъ народнаго міросозерцанія, нѣтъ тепла, которое идетъ отъ него. Остается одинъ пустой аппаратъ пустого человѣческаго организма“. И вотъ, прежній народъ, прежнее народное міросозерцаніе уходитъ въ прошлое; мучительно и болѣзненно, цѣной крови, рожда-

*) См. мою вышеотмѣченную статью въ „Р. М.“ 1921 г. кн. X-XII.

ется новое поколѣніе, новая порода, новое „крестьянство“, съ новыми интересами, заботами, связями. Новое духовное содержаніе нужно для этихъ „человѣческихъ организмовъ“, вновь осваивающихъ дѣдовскую землю въ новомъ качествѣ единоличныхъ свободныхъ вѣковѣчныхъ хозяевъ. Эпоха „власти земли“ уступаетъ мѣсто эпохѣ „власти надъ землей“.

Кончается, вмѣстѣ съ тѣмъ, и цѣлая эпоха русской общественной мысли, умираетъ духовное теченіе, властвовавшее надъ русской интеллигенціей въ продолженіе многихъ десятилѣтей; въ актѣ чернаго передѣла безвозвратно погашается народничество. „Лучшее средство избавиться отъ искушенія, говоритъ Оскаръ Уайльдъ, это поддаться ему“. Именно этимъ способомъ разъ навсегда покончило крестьянство съ искушеніями народниковъ и теперь спокойно отвернулось отъ нихъ, „изорвавъ, по сообщенію одного изъ корреспондентовъ М. Горькаго, на онучи знамя Желябова и Брешковской“. Отнынѣ народничество уже не явленіе русской актуальной общественной жизни, а любопытный и поучительный казусъ общественной патологіи и лишь, какъ таковой, заслуживаетъ спеціальнаго изученія. Въ мірѣ политической дѣйствительности народничеству больше нѣтъ мѣста.

10.

»L'univers est rempli des peines et des supplices très justes, dont les exécuteurs sont très coupables«.

J. de Maistre.

Самое обидное (для революціонныхъ народниковъ, конечно), что ихъ доктрина, какъ демагогическая рабочая гипотеза, была использована не ими, а ихъ сосѣдями слѣва. Цѣною чернаго передѣла, цѣною ликвидаціи остатковъ помѣщичьяго строя, большевики овладѣли властью и получили возможность осуществлять свои утопическіе эксперименты. Въ этомъ отношеніи большевики поступили по рецепту якобинцевъ.

Какъ французская, такъ и русская революціи являются примѣромъ могучихъ идейныхъ движеній. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что французская революція вышла изъ салоновъ, гдѣ начиная съ средины XVIII вѣка, всѣ интеллигентные французы, начитавшись Руссо, Мабли и Монтескье, обсуждали проблемы устроенія человѣческаго общества на началахъ разумнаго естественнаго права и всѣ, вплоть до трезваго Сіейса, мечтали о времени, когда сольется наука о томъ, что есть, съ наукой о томъ, что должно быть и когда въ полной мѣрѣ проявится отличіе исторіи человѣческихъ глупостей отъ воплощенной, наконецъ, въ жизни политической науки.

Якобинцы времени конвента и сдѣлали практическій опытъ воплощенія въ жизнь той политической науки, которую ис-

повѣдывала вся интеллигентская Франція всей предшествующей эпохи. Отличіе ихъ отъ другихъ французскихъ интеллигентовъ лишь то, что тамъ, гдѣ остальные подъ вліяніемъ уроковъ жизни постепенно отступали отъ своихъ прежнихъ идеаловъ, коренные якобинцы продолжали итти съ желѣзной непреклонностью и послѣдовательностью. Въ бумагахъ Лагарпа найденъ былъ замѣчательный отрывокъ: „пророчество Казотта". Во время пира эпохи стараго режима, гости, принадлежащіе къ лучшимъ кругамъ французской просвѣщенной аристократіи, спрашиваютъ задумавшагося Казотта о причинѣ его разсѣянности. Казотта посѣтило мрачное видѣніе будущаго. На вопросъ каждаго изъ присутствующихъ о судьбѣ его, у него находится лишь одинъ кровавый отвѣтъ. Смущенные гости идутъ дальше въ своихъ вопросахъ, доходя, наконецъ, до перваго человѣка Франціи. Отвѣтъ все тотъ же. Но что же, восклицаетъ кто то въ изумленіи, мы будемъ покорены турками или татарами? — Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчаетъ Казоттъ, я же вамъ сказалъ: вами будетъ управлять одна лишь философія, одинъ лишь разумъ"...

Русская революція также вышла изъ русскихъ столовыхъ и гостинныхъ, гдѣ въ теченіе многихъ десятилѣтій вся русская интеллигенція, начитавшись о Фурье и Сенъ-Симонѣ, о Марксѣ и Энгельсѣ, увлекалась обсужденіемъ проблемы соціализма и проникалась вѣрой въ его устрояющую силу. Какъ якобинцы временъ конвента, такъ и большевики лишь послѣдовательно и непреклонно проводили въ жизнь то, о чемъ думали и мечтали всѣ русскіе интеллигенты предшествующей эпохи. Генеалогическое дерево большевистской революціи, не только явившейся послѣднимъ выводомъ марксизма, но и „ограбившей", по выраженію П. Б. Струве народничество, широко развѣтвляясь, глубоко проникаетъ въ исторію русской общественной мысли. Мы не говоримъ уже о всѣхъ мундирныхъ революціонерахъ, не говоримъ о великомъ раздробителѣ всѣхъ общественныхъ связей Толстомъ, не говоримъ о пламенномъ разрушителѣ исторіи Герценѣ, но мы неизбѣжно доходимъ и до энтузіаста Бѣлинскаго, признававшагося, что онъ любитъ иногда свободу по-маратовски, до педантическаго Пестеля, мечтавшаго о соціализаціи земли, даже до... Карамзина, питавшаго симпатію къ Робеспьеру и проливавшаго слезы при извѣстіи о его смерти.

Французскіе идеологи естественнаго права нашли себѣ твердую опору въ стихійномъ протестѣ нарождающейся буржуазіи противъ всякихъ наслѣдственныхъ привилегій. Основнымъ двигательнымъ нервомъ революціи была не свобода, а равенство. „Великіе представляются намъ большими, потому что мы на колѣняхъ... Встанемъ!"... стояло эпиграфомъ на популярномъ журналѣ идеалиста Лустало. Одна мысль о возвратѣ съ эмигрантами ихъ прежнихъ правъ —

объединяла разъѣдаемую неурядицами и истомленную произволомъ Францію въ одно цѣлое и давало ей огромную внѣшнюю сопротивляемость.

Тоже нужно сказать о русской революціи: она есть отрицаніе всего устоявшагося іерархическаго уклада, всѣхъ остатковъ сословнаго строя. И у насъ нервъ революціи равенство, а не свобода, и у насъ одна мысль о возвратѣ прежнихъ генераловъ, чиновниковъ, помѣщиковъ — объединяла красную Россію и давала ей огромную силу сопротивляемости противъ Россіи бѣлой.

Наконецъ, основой власти якобинцевъ была ликвидація феодальнаго режима и перераспредѣленіе земельной собственности. Ночь 4 августа только поставила вопросъ, а разрѣшенъ онъ былъ лишь конвентомъ, который этимъ связалъ съ революціей всю крестьянскую Францію. Точно такъ же, ликвидація послѣднихъ остатковъ помѣщичьяго строя и отдача помѣщичьей земли крестьянамъ — вотъ цѣна власти большевиковъ. Этимъ они связали съ революціей всю крестьянскую Россію.

Якобинцы были далеки отъ сознательнаго соціализма; но постепенно они дошли до него. Не уясняя органической связи между системой распредѣленія и самымъ существомъ экономическаго строя, отождествляя гражданина съ хозяйственнымъ субъектомъ и распространяя гражданскія обязанности на экономическую дѣятельность, они путемъ проведенія экономическаго равенства убивали духъ хозяйствованія, а частную иниціативу постепенно замѣняли административнымъ регулированіемъ. Такъ, шагъ за шагомъ, мѣропріятіе за мѣропріятіемъ, въ процессѣ, отдаленно напоминающемъ ходъ развитія современнаго военнаго соціализма, они дошли до полной этатизаціи хозяйственной жизни. Франція превращалась въ единое централизованное хозяйство. Результаты извѣстны. Только 9 термидора спасло Францію отъ ужасающей катастрофы. Если французы въ концѣ 1794 и въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ не погибли какъ мухи, замѣчаетъ Тэнъ, то это лишь потому, что якобинскій режимъ распался слишкомъ рано. Въ Китаѣ подобный опытъ продолжался дольше и тамъ были истреблены миріады людей...

Большевики сознательно и сразу осуществили то, къ чему медленно и постепенно подходили якобинцы, но то, что счастливо избѣгли французы, еще виситъ надъ Россіей, а отчасти уже сдѣлалось и дѣлается грозной дѣйствительностью. Ленинъ, сочетая въ себѣ Робеспьера съ нѣкоторыми свойствами Дантона, сумѣлъ удлинить срокъ своей власти, а бѣлое движеніе не сумѣло его сократить.

11.

Je regarde les effets de la Révolution . . tellement irrévocables, qu'un bouleversement, á moins que l'Empire ne fut démembré, ne pourrait plus les détruire. Je n'excepte pas même une contrerévolution armée.

Mirabeau.

Въ 1788 г. одинъ выдающійся французскій юристъ, защищая феодальную Францію отъ революціонныхъ поползновеній, говорилъ, что „различные народы" (!) Франціи связаны основными законами, капитуляціями, договорами, которыхъ „монархъ къ счастью не въ силахъ измѣнить", и доказывалъ полную невозможность созданія для Франціи единаго гражданскаго кодекса. Энтузіазмъ революціи не коснулся трезваго юриста, и онъ, послѣ краткаго выступленія на политической аренѣ въ эпоху прекращенія террора, оказывается за границами Франціи. Тамъ онъ мечтаетъ о возстановленіи монархіи. Во Франціи, пишетъ онъ, никогда не видали и не знали республики. Всѣ утомлены режимомъ революціи. Усталость, кончающая всѣ революціи, возвратила всѣ сердца и всѣ умы монархіи. Онъ настаиваетъ на немедленномъ возстановленіи этой послѣдней и выдвигаетъ два необходимыхъ для этого условія. Во-первыхъ, надо прійти съ готовымъ планомъ, безъ всякихъ предварительныхъ разговоровъ и предупрежденій и поставить всѣхъ передъ fait accompli. Во-вторыхъ, надо разъ на всегда покончить со всякой „эрготизаціей" (ergotisation), т. е. отъ всякихъ выводовъ, основанныхъ не на настоящемъ положеніи, а на воспоминаніяхъ своихъ прежнихъ правъ. »En cet état il ne s'agit pas uniquement de rétablir, il faut régénérer; il faut s'occuper des hommes encore plus que des choses, et créer, pour ainsi dire, un nouveau peuple«.

Это было писано по поводу проэкта возстановленія Людовика XVIII при помощи русскихъ въ августѣ и сентябрѣ 1799 г., т. е. наканунѣ 18 Брюмера. Писалъ это Portalis, будущій создатель Кодекса Наполеона.

А когда намъ придется — дастъ Богъ — участвовать въ созданіи единаго русскаго гражданскаго и земельнаго кодекса, не доисторическими ли покажутся тѣ времена, когда сельская община чуть не всѣми признавалась непоколебимымъ устоемъ государственности; когда едва ли кто могъ помыслить объ упраздненіи сословной обособленности крестьянскаго земельнаго правопорядка; когда pium desiderium оставалась всесословная волость, даже въ самомъ умѣренномъ ея варіантѣ, и прочно держалось еще сословное крестьянское самоуправленіе... И многіе знатоки крестьянскаго права, превратившагося силой вещей изъ особой дисциплины частью въ общее земельное право, частью въ дисциплину историческую, смогутъ отмѣтить въ своемъ прошломъ такой

же этапъ, какой отдѣляетъ Portalis'a, защитника феодальной Франціи, отъ Portalis'a, творца единаго гражданскаго кодекса.

И когда мы мысленно измѣряемъ пространство, которое отдѣляетъ насъ отъ еще недавняго прошлаго, кажущагося какимъ то инымъ воплощеніемъ, мы постигаемъ ту мудрую резиньяцію, которою проникнуто предостереженіе Portalis'a противъ того, что онъ назвалъ „эрготизаціей".

* * *

Русская революція въ своемъ соціально-политическомъ содержаніи есть крушеніе самодержавно-помѣщичьей Россіи. На первый взглядъ такое утвержденіе кажется мало обоснованнымъ. Развѣ не умеръ помѣщичій строй 19 февраля 1861 г., развѣ не кончилось самодержавіе 17 октября 1905 г.? Нѣтъ, эти двѣ великія даты знаменуютъ не конечныя, а начальныя этапы реконструкціи соціальнаго и политическаго строя. Есть основаніе думать, что, если бы кризисъ русскаго государства не былъ захваченъ міровой войной, то русская исторія пошла бы иными путями, и ликвидація самодержавно-помѣщичьяго строя протекла бы въ другихъ менѣе разрушительныхъ формахъ; но въ сложившейся исторической обстановкѣ русская революція служитъ свидѣтельствомъ тому, что запоздалое рожденіе буржуазной Россіи сопровождается еще большими муками, чѣмъ тѣ, какія были испытаны Европой. Длительный процессъ эволюціи, уже болѣе чѣмъ на полъ пути, превратился внезапно въ клокочущій потокъ революціи, унесшій безъ остатка Россію самодержавнаго царя-батюшки, помѣщиковъ и предводителей дворянства, волостныхъ писарей и сельскихъ общинъ.

Наступила та черная ночь, когда, какъ боялся Герценъ, народъ, подобно великану въ сказкѣ, готовъ перебить своихъ дѣтей только потому, что на нихъ надѣто чужое платье. Герценъ думалъ и вѣрилъ, что можно заставить народъ забыть отколъ его дѣтей проповѣдью „религіи земли." Исторія доказала обратное. Именно на использованіи этой „религіи земли" оказался построенъ предносившійся духовнымъ очамъ Герцена и пережитый нами: „небывалый примѣръ самовластья, вооруженнаго всѣмъ тѣмъ, что только выработала свобода, рабство и насиліе, поддержанное всѣмъ тѣмъ, что только нашла наука." На нашихъ глазахъ современный Чингизханъ во имя разумнаго устроенія человѣчества и во всеоружіи техники разгромилъ русское культурное меньшинство, а за нимъ и Россію въ цѣломъ.

Въ этомъ сочетаніи ипостизированія человѣческаго техническаго разума, какъ единственной устрояющей силы, съ стихійнымъ чернымъ передѣломъ, обнаруживается актуальное содержаніе революціи, какъ явленія реакціонно-утопическаго. Но этимъ не ограничивается содержаніе революціи. Утопическіе

элементы революціи уже утратили присущую имъ самостоятельную силу, продолжая держаться, помимо механическаго насилія, лишь остаткомъ связи съ реакціонными теченіями деревни. Деревня переживаетъ процессъ соціально-психической переплавки, въ которой перегораютъ послѣдніе остатки феодальныхъ представленій. Пусть мы оказались въ XVIII вѣкѣ — но вѣдь это случилось лишь потому, что этотъ XVIII вѣкъ былъ еще живой культурной эпохой для сельской массы. Она осталась почти нетронутой тѣмъ магическимъ культурнымъ превращеніемъ, которымъ щегольнула на весь міръ русская дворянская и разночинная интеллигенція, и когда эта сѣрая масса двинулась, то съ точки зрѣнія культурнаго меньшинства это оказалось движеніемъ „назадъ.“ Культурному меньшинству оказался вдругъ предъявленъ счетъ, который въ его представленіи былъ погашенъ многократной земской давностью, а взысканіе по счету было произведено такимъ способомъ, что были затоптаны чуть не всѣ достиженія этого меньшинства. Революція получила черты жестокой культурной реакціи, сопутствуемой невиданными жертвами, но нельзя забывать, что въ широкой исторической перспективѣ въ этомъ болѣзненномъ процессѣ распознаются элементы и массоваго движенія впередъ.

Конечно, трудно сейчасъ положеніе людей, защищающихъ здоровыя черты русской революціи, слишкомъ ужасны, жутки и тяжки переживаемые будни дѣйствительности и слишкомъ затуманены и затемнены дали будущаго. Но тѣ, которые хотятъ ковать новую Россію, должны найти въ себѣ силы отвести взоръ отъ того ужаснаго лица Медузы, которое являетъ собою современная намъ правда жизни, и, отвлекаясь отъ нея, хладнокровно и спокойно нащупывать и искать твердую и ровную почву, годную для того, чтобы можно было начать складывать на ней камень за камнемъ гранитный фундаментъ новаго великаго зданія. Былую Россію можно оплакивать, но воскресить ее нельзя, и безнадежна работа тѣхъ зодчихъ, которые будутъ пытаться возстановить прежніе планы и фасады, которые обратятъ свои силы на поиски отдѣльныхъ драгоцѣнныхъ по воспоминаніямъ частей, и вмѣсто грубой работы каменщиковъ и плотниковъ, займутся реставраціей орнаментовъ и фресокъ. Изъ строителей жизни имъ грозитъ превратиться въ археологовъ, жизнь пройдетъ мимо нихъ, какъ они проходятъ мимо жизни, и вмѣсто широкой русской равнины они окажутся въ узкихъ переулкахъ Геркуланума и Помпеи.

* * *

Неизбѣжный процессъ контръ-революціи начался. Какимъ путемъ пойдетъ дальше ея побѣдное шествіе? Кто сумѣетъ слить ея пути съ путями національнаго ренессанса и незыблемо, волеизъявленіемъ Россійской Верховной власти, утвердивъ

соціальныя достиженія революціи, вернетъ Новой Россіи ея старую мощь?

Русская революція далеко еще не кончилась, мы живемъ ею и въ ней, мы — участники и зрители Великой Драмы, заключительный актъ которой едва ли совпадетъ съ крушеніемъ большевизма. Мы, быть можетъ, и не замѣтимъ, когда въ потокѣ непрерывно смѣняющихся событій незамѣтно опустится занавѣсъ исторіи, и внезапенъ, быть можетъ, покажется намъ моментъ, когда, оглядываясь на прошлое и всматриваясь въ настоящее, мы, съ нѣкоторымъ удивленіемъ, убѣдимся, что революція уже кончилась, что ее больше нѣтъ, какъ кипящаго и бурлящаго переходного періода, что разлившіяся бурнымъ потокомъ воды жизни вошли въ какіе то новые берега и что лишь обрывки прежнихъ свинцовыхъ тучъ носятся на прояснившихся политическихъ горизонтахъ.

Когда суждено наступить этимъ днямъ, намъ — современникамъ знать не дано; будущее отъ насъ сокрыто.

Но одно ясно для насъ уже сейчасъ: русская революція не смута, которая должна кончиться возстановленіемъ прежняго порядка, а подлинная революція. Это не значитъ, что въ Россіи не имѣетъ шансовъ монархія, это не значитъ даже, что безнадежна кандидатура на русскій тронъ представителя династіи Романовыхъ: Was du ererbt von deinen Vätern hast, erwirb es um es zu besitzen (Göthe). Это значитъ, что всякое примитивное представленіе о реставраціи, какъ о возвратѣ прежняго строя въ цѣломъ, по самому существу своему — идеологія не завершенія, а продолженія революціи.

Французская революція была кончена Наполеономъ. „Безконечно ошибочно было бы думать, что Людовикъ XVIII возсѣлъ на тронъ своихъ предковъ. Онъ возсѣлъ лишь на тронъ Бонопарта“, говорилъ Ж. де Местръ. Бурбоны оказались другого мнѣнія и должны были уйти съ арены исторіи. Не явись Наполеонъ, Бурбоны оказались бы, вѣроятно, раньше во Франціи. Самъ Наполеонъ говорилъ въ 1810 г. Меттерниху, что когда онъ думаетъ о своемъ опустѣвшемъ мѣстѣ — онъ видитъ фигуру Людовика XVIII. Но такъ, какъ мы знаемъ Бурбоновъ, это означало бы лишь продленіе революціонного броженія: принять революцію они не хотѣли и не могли. Ненужными казались имъ совѣты такихъ трезвыхъ политическихъ мыслителей бѣлаго лагеря, какъ напр., Mallet du Pan. „Il faut écouter l'intérieur, писалъ онъ Людовику XVIII въ 1796 г., si l'on veut entreprendre quelque chose de solide... Ce n'est pas à nous à diriger l'intérieur, c'est lui qui doit nous diriger.“ „Il est aussi impossible, говорилъ онъ въ другомъ мѣстѣ, de refaire l'ancien régime, que de bâtir Saint-Pierre de Rome avec la poussière des chemins.“ Между этой точкой зрѣнія и представленіями Бурбоновъ и ихъ окруженія — цѣлая пропасть; Бурбоны смотрѣли не впередъ, а назадъ.

И нынѣ велико искушеніе освободить себя отъ отвѣтственной необходимости проникать въ смыслъ настоящаго простымъ и огульнымъ его отрицаніемъ во имя прошлаго.

Это — политическая романтика, не только безплодная, но и вредная, задерживающая насъ въ разрушительной стадіи революціи. Черезъ революцію — впередъ, вотъ единственный лозунгъ, которымъ можно овладѣть событіями и освободить путь для огромной, безконечно трудной, но и безгранично радостной задачи: Возстановленія Русскаго Національнаго Великодержавія.

18 августа 1921 г.
г. Софія.

К. Зайцевъ.

Ошибки и софизмы „историческаго“ взгляда на революцію.

По поводу статьи К. І. Зайцева.

Печатая статью К. І. Зайцева, написанную со свойственнымъ ему талантомъ и широтой захвата, я не могу, въ дополненіе къ разсужденіямъ помѣщенной выше моей статьи „Россія“, не подчеркнуть нарочито своихъ разногласій съ авторомъ.

Разногласія эти двоякаго рода: историческія и морально-политическія. Начну съ первыхъ.

Авторъ разсказываетъ цѣлый рядъ анекдотовъ стараго порядка для того, чтобы наглядно показать стремительность культурнаго и соціальнаго развитія Россіи. Нельзя сказать, чтобы Россія въ этомъ отношеніи рѣзко отличалась отъ западныхъ странъ. Въ началѣ XVIII вѣка въ Англіи была, напримѣръ, широко распространена вѣра въ то, что прикосновеніе руки короля можетъ исцѣлять больныхъ и творить чудеса. Вообще, между той Англіей начала XVIII в., которую изображаетъ Лекки въ своей извѣстной исторіи и Англіей его эпохи, различіе было, быть можетъ, не меньше, чѣмъ между Россіей XVIII в., которую характеризовалъ Ключевскій, и той Россіей, современникомъ которой былъ онъ и отчасти были всѣ тѣ изъ насъ, кто началъ сознательную жизнь въ XIX в. Культурное разстояніе между высшими и низшими классами Англіи, быть можетъ, всегда было не меньше, чѣмъ въ Россіи.

Подборъ анекдотовъ, приводимыхъ К. І. Зайцевымъ,*) исторически гораздо меньше характеризуетъ русскій „старый порядокъ“, чѣмъ собственныя слова автора: „русская армія, русская бюрократія, русское земство, русскій судъ являли собой примѣры не только быстраго и рѣшительнаго прогресса, но и обладали объективной полноцѣнностью по

*) Этотъ подборъ напоминаетъ по стилю и содержанію извѣстные анекдоты Де Мэстра и Гриваля, изданные въ 1879 г. отцомъ П. Гагаринымъ, и „De moribus Ruthenorum“ Виктора Гена.

сравненію съ опытомъ Запада". Эти слова иллюстрируютъ ту основную мысль, которую я всегда проводилъ и которая одна уже изобличаетъ сравненіе между французской и русской революціей, какъ исторически совершенно несостоятельное:

большая часть задачъ французской революціи была въ Россіи осуществлена т. н. старымъ порядкомъ.

Вообще, примѣняя терминъ „старый порядокъ" къ Россіи до февральской революціи, нужно памятовать, что смыслъ этого термина по существу совсѣмъ не тотъ, что въ отношеніи дореволюціонной Франціи.

Основной источникъ русской революціи не въ объективныхъ условіяхъ существованія „народа" и вообще не въ „народѣ", который есть въ этой драмѣ страдательное лицо, гораздо болѣе жертва революціи, чѣмъ ея дѣлатель, а въ отравленіи интеллигенціи соціалистическимъ максимализмомъ и въ томъ, что эта отрава, просочившись въ народъ, отравила и послѣдній.

То окончательное историческое осмысливаніе революціи, которое предпринимаетъ К. І. Зайцевъ, предполагаетъ вообще, что во всѣхъ историческихъ процессахъ и дѣяніяхъ есть смыслъ. Русская революція какъ разъ опровергаетъ этотъ историческій раціонализмъ и оптимизмъ.

Еще одно замѣчаніе. Да проститъ мнѣ, столь не любящій народниковъ и народничество, авторъ, но его разсужденія о томъ, что политическая свобода высшихъ классовъ до освобожденія крестьянъ принесла бы Россіи вредъ, есть разсужденіе чисто народническое и исторически несообразное. Исторія Россіи именно и показала, что для непрерывнаго и мирнаго развитія необходима была постепенность политическаго освобожденія. Правъ былъ не Н. И. Тургеневъ, а гораздо менѣе „либеральный", но во много разъ болѣе умный Н. С. Мордвиновъ, сказавшій, что, „лѣстницу нужно мести сверху". Перефразируя мой афоризмъ о Ленинѣ и кн. Дм. Мих. Голицынѣ, авторъ говоритъ о возможности „земельной реформы" въ XVII в. при царевнѣ Софьи! Меня удивляетъ, какъ ученый экономистъ можетъ высказывать такія странныя сужденія. Въ XVII в. „земельная реформа" (т. е. освобожденіе крестьянъ) была экономически непредставима и неосуществима. Болѣе того: даже въ концѣ XVIII в. и въ

началѣ XIX в. для власти, считающейся съ экономической обстановкой, а таковой, по существу дѣла, не можетъ не быть всякая историческая власть, ставилась задача прежде всего личнаго освобожденія крестьянъ и, въ связи съ этимъ, созданія, въ рамкахъ крѣпостныхъ отношеній, крестьянской собственности*). Вѣдь именно тѣмъ западное развитіе отличается отъ русскаго, что Западъ еще въ рамкахъ крѣпостныхъ отношеній создалъ крестьянскую собственность.

Реформа 19 февраля была испорчена не „помѣщичьимъ правящимъ классомъ", а народничествующей бюрократіей, которая для того, чтобы „охранить" крестьянъ отъ экономическаго и политическаго вліянія помѣщиковъ, не только сохранила, но наново конструировала и земельную общину, и административное крестьянское общество, и вообще административно-сословную особность крестьянъ**). Вѣдь не нужно забывать, что идея всесословной волости стала лишь въ 80-хъ годахъ XIX в. и позже идеей „либеральной" и „освободительной" — въ 60-хъ и 70-хъ г.г. эта идея была помѣщичьей „затѣйкой" и „реакціоннымъ" покушеніемъ на крестьянъ и ихъ самостоятельность. Сейчасъ великая столыпинская реформа испытываетъ на нашихъ глазахъ то же изумительное превращеніе, которое совершилось съ идеей всесословной волости, становясь какъ бы той соціально-политической осью, вокругъ которой начинаетъ въ умахъ значительной части русской интеллигенціи складываться идеальный и реальный образъ крестьянской собственнической Россіи. Выходитъ даже такъ — и это неотвратимое впечатлѣніе отъ всего разсужденія К. І. Зайцева! — что вся русская революція совершилась для того, чтобы цѣлостно и послѣдовательно сперва внѣдрить въ умы, а затѣмъ воплотить въ жизнь основную идею столыпинской реформы.

Я готовъ это признать, подъ этимъ выводомъ я, какъ историкъ, экономистъ и соціологъ, обѣими руками подписываюсь, но какъ политикъ я къ этому прибавляю:

---

*) Такова и была теоретическая постановка проблемы освобожденія крестьянъ въ екатерининское время („Задача" Вольнаго Экономическаго Общества!).

**) Едва ли не самой яркой идейной фигурой этой народничествующей бюрократіи является человѣкъ, самъ отнюдь не бывшій чиновникомъ: Юрій Самаринъ. По своимъ историко-философскимъ взглядамъ онъ былъ славянофиломъ-народникомъ, а по складу своего политическаго ума и по своему политическому темпераменту воспитанникомъ прусской государственности.

Поймите же послѣ этого, что вся революція была воистину произведена въ пустую.

Ибо для того, чтобы отмести тѣ жалкіе остатки сословнаго строя, которые сохранились въ Россіи къ февралю 1917 г., и проложить путь основнымъ началамъ столыпинской реформы вовсе не нужно было сокрушать великое государство, разрушать русскую промышленность, подрывать русское сельское хозяйство и, наконецъ, уморить милліоны христіанскихъ и не христіанскихъ, въ огромномъ большинствѣ „крестьянскихъ" душъ.

Я пріемлю тотъ историко-философскій выводъ, къ которому приходитъ К. І. Зайцевъ, но я дѣлаю изъ него единственно логическій нравственный и политическій выводъ. И это тѣмъ болѣе, что къ сожалѣнію я не могу заразиться революціоннымъ оптимизмомъ К. І. Зайцева. Пусть основная столыпинская идея русской революціи теперь прочно насаждена въ умахъ и интеллигенціи и народа — я думаю, что и въ этой предпосылкѣ — увы! — заключается огромное преувеличеніе — но вѣдь и „интеллигенція" и „народъ" и вся вообще Россія въ результатѣ революціи такъ отощали и изнеможены, что и съ лучшими идеями эта заморенная Россія долго еще будетъ еле жива.

Крестьянская собственность — идейное завоеваніе революціи.

Крестьянское разореніе и моръ это — ея реальныя завоеванія.

Пусть историческая стихія несетъ съ собой идейныя завоеванія, но мы не должны, не имѣемъ никакого нравственнаго права забывать о тѣхъ преступленіяхъ и преступникахъ, которые обрушили на Россію и русскихъ людей „реальное завоеваніе" крестьянскаго мора.

Да, въ Россіи невозможна реставрація, невозможна также, какъ голыми, изможденными и трясущимися руками нельзя на погорѣломъ мѣстѣ соорудить дворцы и храмы, но реставрація настолько невозможна въ Россіи, что нелѣпо этимъ понятіемъ и словомъ кого либо пугать.

Это неразумная и плохая политика.

Болѣе того, это — моральная ошибка, ибо извращаетъ историческую перспективу и даетъ пищу демагогіи.

И тутъ я прихожу къ основному морально-политическому

разногласію своему съ авторомъ. Я увѣренъ, что ему лично чужда всякая снисходительность къ той постыдной и лживой демагогіи, которая играетъ на исторически несостоятельной идеѣ реставраціи. Но нельзя дѣлать себѣ никакихъ иллюзій: такая демагогія чрезвычайно распространена и именно въ „русскомъ бѣженствѣ“.

Эта революціонная демагогія тѣхъ людей, которые, какъ правильно указываетъ самъ К. І. Зайцевъ, расчетъ революціи сдѣлали „безъ хозяина“, пытается оживить мертвыя и мертвящія идеи, опровергнутыя и отвергнутыя жизнью, обанкротившіяся и опозоренныя въ революціи.

Сейчасъ есть только одна вредная политическая романтика.

Это — романтика идеализаціи революціи.

Въ самомъ дѣлѣ мы уже прошли черезъ революцію и мы, конечно, должны итти впередъ. Но пойти и итти впередъ мы можемъ, лишь вернувшись къ истокамъ и источникамъ нашего національнаго бытія. Уйдя отъ лжи и мора, мы должны возрождать и возродить Святую Русь и Великую Россію.

Внѣ этого намъ и нашимъ сыновьямъ предстоитъ политическая смерть и нравственная гибель.

Разсужденія К. І. Зайцева есть всетаки плохая историческая метафизика, въ которой историческія реальности замѣняются какими то философическими тѣнями. Эта историческая метафизика падаетъ, какъ карточный домикъ, отъ одного простого и неотразимаго констатированія:

Отъ дореволюціонной Россіи было во всѣхъ отношеніяхъ неизмѣримо ближе къ основанной на крестьянской собственности свободной и богатой Россіи, чѣмъ отъ ограбленной и поруганной революціей „совдепіи“.

Но плохая историческая метафизика революціи есть въ то же время чрезвычайно опасная морально-политическая легенда о революціи. Въ туманѣ этой легенды изъ зрѣнія и совѣсти русскихъ людей могутъ исчезнуть груды крестьянскихъ труповъ, которыми Россія расплачивается теперь за революцію. Лжецы и демагоги будутъ утѣшать „крушеніемъ самодержавно-помѣщичьей Россіи“ въ крушеніи Россіи и гибели милліоновъ русскихъ людей. Боюсь, что на высоты историческаго созерцанія, вмѣстѣ съ метафизиками и вслѣдъ

за ними, взберутся политическіе фальшивомонетчики, и изъ историко-философскихъ видѣній и обобщеній первыхъ послѣдніе начнутъ стряпать новые обманы для и безъ того уже обманутаго народа.

Да не будетъ этого! Да соберется духовная рать, которая съ величайшимъ порывомъ ввысь соединитъ трезвую историческую и политическую мысль и пусть она выкуетъ для русскаго духа твердую броню противъ всякихъ революціонныхъ легендъ. Ибо сейчасъ намъ всего больше грозитъ именно эта наигоршая духовная опасность. Врагъ физически уже себя уничтожилъ, не будемъ его духовно гальванизировать.

Петръ Струве.

Свобода и безсмертіе.

†

Статья кн. Е. Н. Трубецкого.

Печатаемая ниже статья покойнаго кн. Е. Н. Трубецкого была написана имъ для выходившей въ Екатеринославѣ газеты „Слово“, но напечатана не была, такъ какъ вторженіе махновцевъ положило конецъ изданію газеты. Засимъ она, уже послѣ смерти автора была набрана для задуманнаго въ Севастополѣ двухнедѣльнаго журнала „Русская Культура“, но журналъ этотъ не вышелъ въ свѣтъ вовсе.

Статья кн. Е. Н. Трубецкого весьма характерна для автора, соединявшаго подлинное свободомысліе съ твердой вѣрой въ абсолютныя цѣнности. Свободомысліе Трубецкого покоилось на вѣрѣ въ божественныя начала и обѣтованія, въ разумъ и безсмертіе, его гуманизмъ опирался на глубокую религіозную убѣжденность. Печатая это посмертное исповѣданіе кн. Е. Н. Трубецкого, мы хотимъ въ умѣ читателей „Русской Мысли“, съ которыми онъ бесѣдовалъ въ теченіе всего истекшаго года, какъ авторъ задушевныхъ и напоенныхъ мыслями „Воспоминаній“, оживить образъ нашего отошедшаго въ лучшій міръ друга. Въ его прекрасныхъ словахъ для всѣхъ насъ — нравственное утѣшеніе, бодрящій призывъ къ душевному подъему.

П. С.

Во всякомъ героическомъ подвигѣ, во всякомъ актѣ самопожертвованія есть сознательная или безсознательная вѣра въ какой то посмертный смыслъ жизни, который выходитъ за предѣлы личнаго существованія. Этимъ подвигомъ мы заявляемъ, что не стоитъ жить для нашего личнаго удобства, счастья, эгоизма, что смыслъ жизни каждаго изъ насъ — въ какихъ то непреходящихъ міровыхъ цѣляхъ. И оттого то самая мысль о безкорыстномъ подвигѣ такъ возвышаетъ душу. Мы чувствуемъ, что этимъ подвигомъ личность перерастаетъ самое себя, ибо она врастаетъ въ міровое цѣлое и

увѣковѣчиваетъ себя въ немъ: ея жизнь вливается въ неумирающій потокъ жизни общей. Пусть мы умремъ. Есть цѣнности, которыя не умираютъ: въ нихъ отдѣльный человѣкъ найдетъ оправданіе своего существованія.

Въ обществѣ утвердился взглядъ, что цѣнностью, ради которой стоитъ жить и умереть, является свобода. Чѣмъ объясняется такая высокая ея оцѣнка?

Какъ бы ни была велика цѣнность свободы, ясно, что сама по себѣ она не можетъ быть послѣднею окончательною цѣлью нашего существованія. Ея цѣнность не въ ней самой, а въ человѣкѣ, для котораго она предназначена служить орудіемъ. Мы не могли бы цѣнить свободы, если бы не уважали человѣка, если бы не признавали въ немъ существа, достойнаго свободы.

Для насъ человѣкъ — центръ вселенной и не только центръ, но владыка и царь. На этомъ предположеніи покоится вся наша жизнь и дѣятельность и все наше пониманіе свободы. Требуя свободы для человѣка и только для него одного, мы тѣмъ самымъ заявляемъ о глубокомъ коренномъ отличіи его отъ внѣшней природы и твари; и это отличіе дѣлаетъ его существомъ единственнымъ въ своемъ родѣ. Мы этимъ самымъ показываемъ, что есть цѣлая бездна, которая отдѣляетъ въ нашихъ глазахъ человѣка отъ животнаго царства, что онъ для насъ — перворожденный всей твари.

И это отличіе отъ низшей твари у насъ у всѣхъ общее, всѣмъ одинаковое. Всѣхъ людей отдѣляетъ отъ животнаго царства одна и та же грань, одна и та же пропасть. Вотъ почему мы требуемъ для всѣхъ людей одинаковыхъ правъ. Мысль о свободѣ у насъ не отдѣляется отъ мысли о равноправіи.

Чтобы располагать собою и властвовать надъ внѣшнимъ міромъ, нужно обладать разумомъ, лишенныя разума животныя подвластны по природѣ: царство подобаетъ только разуму. Достойно свободы только такое существо, которое разумно можетъ устроить свою жизнь.

И мы требуемъ свободы для человѣка въ силу его царственнаго помазанія. Во всѣхъ видахъ и формахъ свободы мы уважаемъ только разумъ. Мы цѣнимъ свободу мысли, потому что мысль въ оковахъ неспособна къ творчеству: для творчества нуженъ свободный полетъ; безъ свободы изслѣдованія невозможна наука.

Мы цѣнимъ свободу слова, потому что безъ нея невозможны передача и усвоеніе мысли. Мы требуемъ неприкосновенности личности, потому что уважаемъ въ каждомъ человѣкѣ индивидуальнаго носителя разума. Мы требуемъ политической свободы, потому что уважаемъ коллективный разумъ народа.

Во всѣхъ видахъ свободы мы цѣнимъ ту возможность безпрепятственнаго проявленія разума, которая служитъ за-

логомъ его побѣды. Въ этой побѣдѣ наша цѣль и въ ней источникъ нашего воодушевленія. Свобода — это крылья разума.

Но сорвите съ человѣка его царственный вѣнецъ, развѣнчайте разумъ, и зданіе свободы рухнетъ, ибо вмѣстѣ съ разумомъ рушатся всѣ наши человѣческія цѣнности. Упразднитe эту грань между человѣкомъ и животнымъ царствомъ: тѣмъ самымъ вы ниспровергнете самыя основы правового порядка и возвеличите деспотизмъ. Тогда человѣкъ совершенно равноправенъ животному, его можно обращать въ орудіе. Если человѣкъ — червь, то его дозволительно раздавить.

Тутъ мы сталкиваемся съ однимъ изъ важнѣйшихъ философскихъ вопросовъ. Вѣра въ разумъ и его грядущую побѣду возможна только съ точки зрѣнія опредѣленнаго міропониманія — того, которое вѣритъ въ смыслъ жизни міровой.

Чтобы вѣрить въ эту побѣду, нужно знать, допускается ли она законами вселенной, не является ли въ ней человѣческій разумъ одинокимъ и чуждымъ, что значитъ вообще разумъ въ мірозданіи?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, нужно считаться съ тѣмъ философскимъ пессимизмомъ, который учитъ, что разуму нѣтъ мѣста въ строѣ вселенной. Въ этомъ случаѣ въ ней не найдется мѣста и для человѣческаго разума, ибо среди безсмысленной вселенной онъ можетъ быть лишь частнымъ проявленіемъ всеобщей безсмыслицы.

Къ такому выводу приходитъ Ницше. Онъ видитъ въ человѣческомъ разумѣ, нѣкотораго рода дурачество міровой стихіи. „Во всемъ существующемъ, говоритъ его Заратустра, — одно представляется невозможнымъ — разумность. Правда, по планетамъ разсыпано немного мудрости: эта закваска примѣшана ко всѣмъ вещамъ. Дурачества ради ко всѣмъ вещамъ примѣшана мудрость".

Иными словами: разумъ — не болѣе какъ привиллегія ничтожнѣйшей разновидности органическаго міра — человѣка. Въ міровой жизни вся коллективная работа человѣческаго разума не имѣетъ значенія; въ самой жизни человѣчества область сознательнаго, разумнаго — ничтожнѣйшій отдѣлъ. И Ницше приходитъ къ безотрадному выводу: разумъ — это сфера заблужденій, спасительныхъ для человѣческаго рода.

Для насъ въ высшей степени важно оцѣнить теоретическія основы такого пессимистическаго воззрѣнія. Если оно вѣрно, то вся наша антропоцентрическая этика рушится. Тутъ наша этика приходитъ въ конфликтъ съ нашимъ научнымъ міросозерцаніемъ.

Вся наша жизнь, все наше поведеніе построены на томъ предположеніи, что человѣкъ — царь вселенной. А между тѣмъ естественныя науки, какъ будто, указываютъ, что онъ ничтожнѣйшая ея часть, что вся наша цивилизація не болѣе

какъ скоропреходящая пѣснь земли. Объ этомъ, повидимому, свидѣтельствуетъ астрономія. Глядя на небесный сводъ, невольно спрашиваешь себя: какую роль играетъ разумъ среди этихъ безчисленныхъ міровъ. Можетъ ли онъ сравниться съ тѣми неподвижными созвѣздіями, которыя невѣдомо откуда появляются во мракѣ небесъ и такъ же быстро исчезаютъ, оставляя по себѣ скоропреходящій огненный свѣтъ. Этотъ вопросъ имѣетъ самое близкое отношеніе ко всему, что насъ здѣсь, на землѣ, волнуетъ, ко всѣмъ нашимъ практическимъ задачамъ и злобамъ дня.

Мы знаемъ, что наступитъ день, когда наша земля въ видѣ обледенѣлой глыбы будетъ носиться вокругъ потухшаго солнца; и мы хотимъ дать нашей землѣ какое-то разумное устройство. Не безсмысленны ли наши попытки? Не представляютъ ли онѣ собой сплошное „дурачество разума"?

Я не напрасно заговорилъ о падающихъ звѣздахъ. Это нѣмые свидѣтели ужасающей міровой драмы. Мы знаемъ, что это осколки распавшихся міровъ, развалины планетъ. Когда-то, быть можетъ, и онѣ были населены разумными существами, которыя гордо, какъ и мы, мечтали о своемъ достоинствѣ, боролись съ деспотизмомъ, требовали земли и воли. Зачѣмъ они это дѣлали и зачѣмъ мы это дѣлаемъ, разъ намъ предстоитъ та же участь. Не все ли равно, случится ли это сегодня, завтра или черезъ нѣсколько тысячелѣтій. Что значитъ въ міровой жизни время. Развѣ въ ней нѣсколько тысячелѣтій не то же, что одна секунда. И не есть ли этотъ неизбѣжный конецъ — полное посрамленіе человѣческаго разума.

Чтобы видѣть это посрамленіе, не надо обращаться къ астрономіи: достаточно совершить прогулку на кладбище. Тутъ мы найдемъ безобразную, возмутительную пародію на всѣ наши идеалы и формулы: тутъ и всеобщее равноправіе безъ различія вѣроисповѣданія, національности, пола и даже возраста; и полное осуществленіе четырехчленной формулы, потому что могильные кресты олицетворяютъ ожидающій каждаго изъ насъ всеобщій, прямой, тайный и равный жребій; наконецъ тутъ же и окончательное разрѣшеніе земельнаго вопроса, ибо, говоря словами Л. Н. Толстого, на кладбищѣ каждый человѣкъ получитъ въ надѣлъ какъ разъ столько земли, сколько ему нужно. И величайшій уравнитель — смерть пошла еще дальше самыхъ смѣлыхъ нашихъ утопій. Она сорвала съ человѣка его царственный вѣнецъ и уравняла его съ прахомъ. Неужели же эта республика мертвецовъ — окончательный вѣнецъ усилій человѣческаго разума?

Какую же цѣнность при этихъ условіяхъ можетъ имѣть для насъ разумъ? Если онъ посрамленъ и одураченъ, то съ нимъ вмѣстѣ ниспровергнуты всѣ наши человѣческія цѣнности — наша вѣра въ прогрессъ, наша любовь къ ближнему и тотъ безкорыстный подвигъ, которымъ мы думали себя увѣковѣ-

чить. Что же намъ уважать, предъ чѣмъ преклоняться въ человѣкѣ? Что остается отъ всего нашего цѣннаго, великаго, святого? Развѣ смерть не превращаетъ въ недостойный обманъ всѣ наши святыни? И если торжество смерти будетъ окончательнымъ, то самое наше негодованіе утрачиваетъ смыслъ: тогда намъ уже незачѣмъ возмущаться.

И прежде всего — развѣ эта гибель всего существующаго, развѣ это исчезновеніе разума не возмутительнѣе всѣхъ деспотизмовъ въ мірѣ? Что значатъ, по сравненію съ этимъ безобразіемъ вселенной, всѣ наши человѣческія безобразія: всѣ наши казни, убійства, издѣвательства надъ личностью. Деспотизмъ сѣетъ смерть. Но вѣдь онъ — частное проявленіе того всеобщаго царства смерти, которое лежитъ въ корнѣ вещей того міра, который весь во злѣ лежитъ. Чѣмъ намъ возмущаться, если мы не возмущаемся самымъ фактомъ смерти? И что даетъ намъ силу выносить жизнь, столь явнымъ образомъ неразумную и безсмысленную...

Отвѣтъ на это можетъ быть только одинъ: мы просто не вѣримъ въ смерть и не можемъ въ нее повѣрить. Несмотря на все то, что мы видимъ и знаемъ, вѣра въ смерть не умѣщается въ человѣческомъ сердцѣ. Мы признаемъ ее умомъ, мы считаемся съ нею въ нашихъ разсужденіяхъ, но отрицаемъ ее всѣмъ нашимъ существомъ, самою нашею жизнью: ее душа наша не пріемлетъ.

И потому то насъ и не смущаетъ окружающая безсмыслица. Въ основѣ нашей жизни лежитъ вѣра въ скрытый для насъ разумъ вселенной и въ его окончательную побѣду. Это одно даетъ намъ силу жить и принимать жизнь.

Если бы эта надежда не жила въ человѣкѣ, если бы она не таилась даже въ тѣхъ, кто умомъ ее отрицаетъ, то вскорѣ ужасъ смерти заморозилъ бы всякое воодушевленіе, убилъ бы всякую энергію и остановилъ бы самую жизнь: ибо нѣтъ того человѣческаго дѣла, которое не обезцѣнивалось бы смертью.

Чтобы жить и дѣйствовать, нужно вѣрить, что есть надъ нами солнце, которое не погаснетъ, что мы работаемъ не для могильнаго червя и что человѣческое достоинство не есть иллюзія. Намъ нужно достовѣрно знать, что міръ идетъ къ цѣли, что не погибнетъ человѣкъ и не сгинетъ то дѣло, въ которое мы вкладываемъ душу. Напрасны попытки доказать эту вѣру: она предполагается всякимъ движеніемъ нашего ума и сердца, самою нашею жизнью. Но также невозможно изгнать ее изъ нашего сердца. Если изгнать ее изъ сознанія, она всетаки будетъ жить гдѣ-то за порогомъ сознанія, въ тайникахъ нашей души: она есть то, чѣмъ мы живемъ и двигаемся...

Теперь понятно то, что я сказалъ о связи свободы и безсмертія. Въ безсмертіи смыслъ свободы и ея цѣнность. Эти

крылья нужны человѣческому разуму только въ томъ случаѣ, если онъ дѣйствительно способенъ къ тому творческому акту, для котораго нужна свобода, если она дѣйствительно можетъ создать что-либо великое и прочное, что не уничтожается. Свобода подобаетъ человѣку, какъ сосуду Безусловнаго. Признаніе свободы — это та дань уваженія, которую мы платимъ безсмертію.

Въ наши дни унынія и упадка духа, разброда мысли и всеобщей растерянности есть что то бодрящее въ этомъ сознаніи. Унывать не можетъ тотъ, кто видитъ смыслъ надъ окружающей безсмыслицей, кто сознаетъ величіе стоящей передъ нами цѣли. Цѣль эта даетъ увѣренность въ побѣдѣ: ибо если человѣкъ — носитель неумирающей, вѣчной правды, то нѣтъ той власти, которая могла бы лишить его царства, и нѣтъ той силы, которая могла бы его раздавить.

Но надо помнить, что правда не въ той ненависти, которая сѣетъ смерть, а въ той любви, которая созидаетъ жизнь. И когда мы поймемъ это, мы всѣмъ сердцемъ почувствуемъ, для чего нужна намъ свобода. Она нужна намъ для созиданія той новой неумирающей формы жизни, провозвѣстникомъ которой является свободный человѣкъ. Она нужна намъ для очеловѣченія Россіи.

Кн. Е. Трубецкой.

Большевизмъ и русская культура.*)

Судьба всякой націи опредѣляется ея культурой, судьба и цѣнность русскаго народа опредѣляется, поэтому, его своеобразной культурой. А наша своеобразность заключается въ томъ, что, творя высокую духовную культуру, мы въ то же время отрицали самую идею культуры. Мы не некультурный, а противокультурный народъ. Въ насъ идея культуры возстала противъ самой себя. И сущность нашей національной трагедіи какъ разъ въ томъ и состоитъ, что отрицательное отношеніе къ идеѣ культуры такъ же характерно для нашего національнаго міросозерцанія (поскольку оно выразилось въ творчествѣ нашей интеллигенціи), какъ характерно утилитарное влеченіе нашего общества къ культурѣ въ практической жизни. Это коренное противорѣчіе выразилось въ двухъ, одинаково враждебныхъ культурѣ и враждующихъ между собою, основныхъ направленіяхъ русской общественной мысли: въ аскетическомъ морализмѣ и въ утилитарномъ нигилизмѣ. И именно эти двѣ идеи, а не какіе либо политическіе факты или „соціальныя противорѣчія" явились тѣмъ динамитомъ, который, медленно накопляясь на протяженіи девятнадцатаго вѣка, наконецъ взорвалъ всю нашу многовѣковую культуру.

Самой характерной чертой нашего національнаго міровоззрѣнія, поскольку оно выразилось въ творчествѣ и практической дѣятельности нашей интеллигенціи, является народничество. Это народничество наше не есть просто народолюбіе, сострадательное влеченіе помочь темному народу подняться на объективно большую культурную высоту. Нѣтъ, понятіе народничества объемлетъ гораздо бо̀льшее содержаніе. Наше традиціонное интеллигентское народничество есть совершенно исключительный строй мысли, цѣлая религіозно-философская система, крайне противорѣчивая, логически нелѣпая, но психологически крѣпкая, устойчивая и дѣйственно мощная. Народничество есть то умонастроеніе, та система идей, изъ которыхъ вышелъ нашъ теоретическій и практическій большевизмъ. Большевизмъ, какъ соціально-политическая программа, ко-

---

*) Печатаемая ниже статья представляетъ извлеченіе (окончаніе) изъ статьи, которая была написана и набрана для перваго № журнала „Русская культура," имѣвшаго выйти въ Севастополѣ 1 ноября 1920 г. Разсужденія автора весьма близки къ основнымъ идеямъ „Вѣхъ," представляя ихъ приложеніе къ уже совершившемуся факту русской революціи. *Ред.*

нечно, носитъ на себѣ явную печать западнаго вліянія, въ этомъ смыслѣ, здѣсь нужно прямо сказать, что большевизмъ есть весьма послѣдовательный, милитаризированный марксизмъ. Большевики — гораздо послѣдовательнѣе и просто интеллектуально честнѣе меньшевиковъ и эсъ-эровъ всѣхъ толковъ, которые вѣдь и начали „соціализацію революціи" и ея „углубленіе," а большевики только быстро и рѣшительно закончили ихъ дѣло и „углубили" „до дыръ." Однако этимъ далеко еще не исчерпывается сущность большевизма. Если мы будемъ разсматривать большевизмъ не только, какъ нѣмецкій марксизмъ, но и какъ исконное русское народничество съ его принципіальнымъ революціонизмомъ, съ его соціальнымъ оптимизмомъ и соціально-метафизической вѣрой въ возможность абсолютнаго осуществленія счастья большинства, то мы скорѣе поймемъ и существенную природу большевизма, и смыслъ переживаемыхъ событій, нежели въ томъ случаѣ, если будемъ исходить изъ весьма популярныхъ афоризмовъ — „большевиковъ прислали нѣмцы въ запломбированномъ вагонѣ," „луну дѣлаютъ въ Гамбургѣ" и „жиды дѣлаютъ революцію" — афоризмовъ, лежащихъ въ основѣ вульгарной „философіи русской исторіи."

Большевизмъ, въ его цѣломъ, есть плоть отъ плоти и кровь отъ крови нашего русскаго интеллигентскаго народничества. Мы слишкомъ долго и явно лелѣяли большевистскую идею, слишкомъ заботливо за нею ухаживали, чтобы теперь чувствовать себя совершенно чистыми и свободными отъ нея. На протяженіи болѣе семидесяти лѣтъ мы, какъ факиры, заклинали судьбу и Бога, чтобы у насъ явилось то, на что мы взираемъ теперь съ великимъ смятеніемъ и ужасомъ. И въ современномъ стремленіи снять съ себя вину, указаніемъ на сомнительныхъ или вторичныхъ виновниковъ, сказывается наша вѣчная унизительная, рабья психологія. Когда Каменный Гость пришелъ, то даже Донъ-Жуанъ оказался слишкомъ большимъ джентельменомъ, чтобы отказаться отъ приглашенія.

Если поставить себѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, литературно-бактеріологическую задачу прослѣдить въ исторіи русской общественной мысли тотъ моментъ, когда зародился „вибріонъ" большевизма, то съ совершенной точностью можно указать на эпоху Бѣлинскаго. Именно тогда, когда этотъ властитель думъ современныхъ ему людей, со свойственной ему фуріозной измѣнчивстью, бросился отъ увлеченія Гегелемъ къ Фейербаху (хотя никогда не читалъ ихъ, а имѣлъ о нихъ понятіе отъ Станкевича и Герцена) и завопилъ: — „кланяюсь вашему философскому колпаку, Егоръ Федоровичъ (т. е. Георгъ Фридрихъ Гегель). Какое мнѣ дѣло до Абсолютнаго Духа, когда страдаетъ мужикъ," — вотъ въ этотъ самый моментъ зародился „вибріонъ„ большевизма. Тутъ оборвалась одна культурная нить романтическаго идеализма русской обществен-

ной мысли и началась другая, противокультурная нить матеріалистической и позитивно-раціоналистической мысли, черезъ Герцена, Писарева, Чернышевскаго, Добролюбова, Лаврова, Михайловскаго и различныхъ неонародниковъ дошедшая до насъ и затянувшаяся кровавымъ узломъ на нашей шеѣ.

Отрицаніе не только Абсолютнаго Духа, но и всѣхъ абсолютныхъ, объективныхъ цѣнностей, во имя практическаго земного устроенія, во имя бытовой пользы, — это умонастроеніе мы называемъ утилитарнымъ нигилизмомъ, который является первой существенной идеей нашего народничества.

Наша народническая интеллигенція никогда не имѣла особеннаго вкуса ни къ какимъ объективнымъ цѣнностямъ и всегда стремилась подчинить ихъ субъективнымъ интересамъ. Въ чистой наукѣ она всегда искала практической пользы, никогда не любила науку чистой, безкорыстной любовью, хотя всегда кичилась мнимой „научностью" своего міровоззрѣнія. Наука, какъ безкорыстное изысканіе истины, никогда не считалась у насъ самодовлѣющей культурной цѣнностью. Тургеневъ, одержимый базаровскимъ самочувствіемъ, сказалъ:

„Не нуженъ намъ ни Кантъ, ни Геродотъ,
Чтобъ знать, что устрицы кладутъ
Не въ носъ, а въ ротъ."

— А горьковскій босякъ подтвердилъ:

— Брюхо въ человѣкѣ — первое дѣло, а ежели брюхо сыто, значитъ и душа жива.

Красота, эстетика, также всегда считалось у насъ излишней безполезной роскошью и непозволительнымъ барствомъ. Пошлый бунтъ Писарева противъ Пушкина и эстетики, его совѣтъ Салтыкову печь булки вмѣсто писанія романовъ, утвержденіе, что „сапоги выше Шекспира" и полное согласіе въ томъ, что „печной горшокъ" — дороже Бельведерскаго Аполлона, — это не просто мальчишеская выходка, это — рѣзкая формулировка дѣйствительнаго отношенія народнической интеллигенціи къ культурѣ. На сторонѣ Писарева — „великая совѣсть" Л. Толстого, который зачеркнулъ все свое художественное творчество, такъ какъ считалъ его безполезнымъ и безнравственнымъ, а полезнымъ и нравственнымъ считалъ проповѣдь нравственнаго усовершенствованія и опрощенія. Здѣсь, Толстой, какъ великое явленіе культуры, возсталъ противъ самого себя и противъ культуры, во имя своего религіозно преломленнаго народничества, точно такъ же, какъ все русское народничество возстало противъ культуры, во имя брюшного благополучія.

Толстой великъ и цѣненъ не только, какъ замѣчательнѣйшій художникъ и религіозный мыслитель, — онъ цѣненъ еще и потому, что въ его трагической душѣ быстро и отчетливо совершился тотъ же процессъ смѣшенія противорѣчивыхъ

устремленій, какой медленно и мутно совершался въ душѣ всего русскаго народа. Странное и логически непонятное сцѣпленіе утилитарнаго нигилизма и аскетическаго морализма, — въ этомъ наибольшее своеобразіе русской интеллигентской души. Утилитарный нигилизмъ, взирающій на міръ изъ-за купеческаго прилавка, отрицающій всѣ абсолютныя сверхличныя цѣнности, поклонившійся чистой матеріи ради сытаго земного устроенія, и толстовскій аскетическій морализмъ, замкнувшійся въ склепъ религіознаго бездѣйствія и непротивленства, отвергнувшій всякое земное устроеніе, поклонившійся чистому духу ради личнаго усовершенствованія слились въ душѣ русскаго интеллигента въ очень своеобразномъ сочетаніи и образовали его живое противорѣчіе.

Будучи принципіальнымъ отрицателемъ теоретическихъ, эстетическихъ и религіозныхъ оцѣнокъ, русскій народникъ признавалъ только оцѣнки моральныя. Понятія добра и зла были единственными критеріями оцѣнки всякихъ явленій. Но эти понятія всегда брались не въ ихъ абсолютномъ, а въ относительномъ значеніи: понятія „добра“ и „зла“ ограничивались всегда узко-партійными понятіями „лѣваго“ и „праваго“, — съ сильнымъ наклономъ къ готтентотской морали. Попросту, въ понятіе „добра“ входило все, что совпало съ субъективнымъ представленіемъ „блага народа“, а въ понятіе „зла“ входило все, что противорѣчило субъективному представленію о „благѣ народа“. Вотъ это настроеніе, въ которомъ влеченіе къ моральнымъ оцѣнкамъ покрываетъ цѣликомъ все сознаніе, лишенное вѣры въ объективныя цѣнности, мы называемъ морализмомъ. И такъ какъ это настроеніе всегда сопровождалось у насъ стремленіемъ къ личному самоограниченію, нѣкоторымъ покаяннымъ чувствомъ, сознаніемъ вины передъ народомъ и волей къ опрощенію, то этотъ морализмъ можно назвать аскетическимъ. Эти два умонастроенія: утилитарный нигилизмъ и аскетическій морализмъ, какъ уже сказано, въ очень своеобразномъ, но логически неправомѣрномъ сочетаніи, составляютъ существо народнической идеологіи, направившей свое двойственное жало противъ идеи культуры.

Эта идеологія совпадаетъ, въ сознаніи народниковъ, съ религіознымъ представленіемъ о народѣ, какъ о той мистической средѣ, въ которой рождается и зрѣетъ окончательная земная правда. Поклоненіе народу всецѣло замѣнило религію въ душѣ русскаго интеллигента-народника, фанатическая вѣра въ народъ, какъ носителя какой-то окончательной правды, у него сопряжена съ такою же фанатическою вѣрою въ то, что „народушко есть Богъ“. Идолопоклонническое служеніе народу, не въ планѣ объективнаго повышенія культурнаго уровня, а въ планѣ субъективнаго представленія о матеріальномъ благѣ и счастьѣ большинства, — въ этомъ народничество видитъ „путь, истину и жизнь“.

Здѣсь оно опирается на невѣроятный соціальный оптимизмъ и находится во власти механико-раціоналистической теоріи счастья. Народничество зиждется на крѣпкой вѣрѣ въ возможность абсолютнаго осуществленія счастья большинства и въ то, что это счастье всегда потенціально пребываетъ въ мірѣ. Подобно тому, какъ Руссо утверждалъ, что „человѣкъ рождается свободнымъ", а между тѣмъ онъ всегда въ „оковахъ", такъ и народничество одержимо, своего рода, руссоизмомъ или соціальнымъ оптимизмомъ, по которому счастье большинства возможно достигнуть въ любой моментъ, стоитъ лишь механически устранить тѣ препятствія, которыя мѣшаютъ его немедленному обнаруженію. Условій человѣческаго счастья не нужно создавать, они всегда на лицо; не нужно никакого творчества, все уже сотворено, какъ слѣдуетъ; нужно только быть революціонеромъ и разрушать основы существующаго общественнаго и государственнаго строя. Вотъ почему народничество имѣетъ принципіально революціонный, не творческій характеръ и вотъ почему все дѣло у него сводится къ вооруженной борьбѣ, классовой ненависти и диктатурѣ пролетаріата.

И тутъ дѣлается яснымъ новое внутреннее противорѣчіе революціоннаго народничества, насквозь проѣденнаго матеріализмомъ и раціонализмомъ. Если въ мірѣ нѣтъ никакихъ абсолютныхъ, объективныхъ цѣнностей, если міръ есть механическое сцѣпленіе матеріальныхъ частицъ и произвольная игра слѣпыхъ силъ, какъ же возможна вѣра въ скрытую гармонію, въ разумное устроеніе міра, въ окончательное счастье? Никакого логическаго выхода изъ этого противорѣчія нѣтъ. Но это нисколько не смущаетъ интеллектуальную совѣсть народниковъ. Въ народнической душѣ всѣ противорѣчія уживаются въ полномъ хаотическомъ согласіи: раціональныя теоріи, плохо вычитанныя изъ разныхъ книгъ, превращаются у нихъ въ ирраціональную страсть, которая побуждаетъ ихъ волю къ практическимъ осуществленіямъ.

Но разъ все дѣло сводится къ механическому обнаруженію счастья и устраненію препятствій, то эта страсть превращается въ единственный этическій импульсъ народнической души, въ ненависть. Не столько положительная любовь къ народу, сколько отрицательная ненависть къ врагамъ народа, лежитъ въ основѣ дѣйствій революціоннаго народничества. И ужъ если міръ и земля, по метафизической вѣрѣ народниковъ, устроены такъ совершенно, что не требуется никакихъ творческихъ усилій для ихъ творческаго культурнаго преображенія, то „разрушеніе" есть то же, что созиданіе, а механическое распредѣленіе матеріальныхъ благъ вполнѣ замѣняетъ собой всякое производство. Вотъ почему соціализмъ не носитъ въ себѣ накакого творческаго начала: соціализмъ есть не творчество новыхъ цѣнностей, а лишь равномѣрное распредѣленіе старыхъ.

И тутъ совершенно ясна противокультурная тенденція революціоннаго соаіалистическаго народничества. Идея культуры, какъ совокупности объективныхъ цѣнностей, повышающихъ темпъ и качество жизни, чужда народничеству этически и враждебна ему метафизически. Культура, какъ творческое преображеніе жизни, въ наклонѣ къ абсолютнымъ идеаламъ истины, красоты и добра, культура, не какъ полезное средство, а какъ самодовлѣющая цѣнность, не возбуждаетъ и никогда не возбуждала у насъ уваженія. Мы всегда относились къ культурѣ утилитарно, понимая подъ культурой только матеріальную культуру: проведеніе дорогъ, разведеніе огородовъ и проч. полезныя дѣйствія. И „культурную дѣятельность" мы всегда цѣнили, не въ смыслѣ творчества новыхъ культурныхъ цѣнностей, а только въ смыслѣ распредѣленія или популяризаціи крупицъ элементарнаго „полезнаго" знанія.

Глубочайшій смыслъ большевизма въ томъ и заключается, что всѣ эти черты нашего исконнаго народничества онъ обострилъ до крайности и приступилъ къ фанатическому осуществленію своей спутанной и противорѣчивой вѣры. Онъ осуществилъ всѣ умонастроенія и чаянія исконнаго русскаго революціоннаго соціалистическаго народничества въ самой чистой, „ортодоксальной", грубо-утопической формѣ. Простую идею организаціи питанія, не требующую никакихъ особенныхъ предпосылокъ, онъ обосновалъ матеріалистической этикой и механико-раціоналистической философіей, возведя въ степень религіи вѣру въ абсолютное осуществленіе чаловѣческаго матеріальнаго счастья на землѣ. Эту вѣру въ возможность человѣческаго устроенія на началахъ разрушенія и распредѣленія, вѣру въ возможность подчинить требованіямъ соціальной полезности все стихійное въ частной и общественной жизни, большевики пытались осуществить на дѣлѣ и, надо отдать имъ справедливость, сдѣлали это такъ, какъ, въ сущности, иначе и нельзя было сдѣлать. Тѣ дѣла, печальными свидѣтелями которыхъ мы являемся, всѣ отъ начала до конца, заложены въ идеѣ соціалистическаго народничества и, при осуществленіи, иныхъ послѣдствій явить не могли. Опытъ произведенъ, и плачевные результаты его назидательны всѣмъ народамъ на долгія времена.

А для насъ, среди великаго множества поучительныхъ выводовъ изъ пережитыхъ событій, есть одинъ, очень важный выводъ: мы должны притти къ ясному сознанію, что, отнынѣ, Россія можетъ существовать только, какъ культурное государство: поэтому существо „русскаго вопроса", для насъ, русскихъ, заключается въ томъ: можемъ ли мы творчески преодолѣть нашу губительную народническую идеологію, сдѣлавшуюся нашей второй натурой.

N.

„Вѣхи“ и „Смѣна вѣхъ“.

На эту тему, которая вполнѣ естественно интересуетъ и волнуетъ всѣхъ русскихъ, живущихъ исторической и духовной жизнью, одинъ изъ сотрудниковъ „Вѣхъ“, извѣстный публицистъ А. С. Изгоевъ, прочелъ 5-го января докладъ въ петроградскомъ Домѣ Литераторовъ. Мы воспроизводимъ нынѣ этотъ докладъ дословно по изложенію его, напечатанному въ №№ 1—2 (5-6) „Лѣтописи Дома Литераторовъ“ (отъ 15 января 1922 г.). Пренія по докладу изложены весьма суммарно и въ такомъ видѣ представляютъ по существу мало интереса.

Ред.

Сравнивая „Вѣхи“ и „Смѣну Вѣхъ“, докладчикъ указываетъ, что „Смѣна Вѣхъ“ въ гораздо большей степени политическое выступленіе, чѣмъ „Вѣхи“, задача которыхъ состояла не въ критикѣ политическихъ позицій русской интеллигенціи, а въ пересмотрѣ нѣкоторыхъ основныхъ положеній ея традиціоннаго міросозерцанія. Но „Смѣна вѣхъ“ не только политическій жестъ. Это извѣстный шагъ къ исторіи русской мысли въ группѣ тѣхъ идей, сѣмена которыхъ были заложены въ старыхъ „Вѣхахъ“. Авторы „Вѣхъ“ не могутъ взять на себя отвѣтственности за мысли сотрудниковъ „Смѣны вѣхъ“, въ особенности такихъ, какъ А. В. Бобрищевъ-Пушкинъ, людей совершенно имъ чуждыхъ по своему моральному и идейному складу. Но нѣкоторые участники пражскаго сборника (Устряловъ, Ключниковъ) исходятъ, несомнѣнно, изъ круга идей, близкихъ къ взглядамъ авторовъ „Вѣхъ“. Авторы „Смѣны вѣхъ“ призываютъ работать совмѣстно съ совѣтской властью, увѣряя, что коммунизмъ изживается и перерабатывается, а интернаціонализмъ служитъ національнымъ интересамъ Россіи. Если бы такія заявленія сдѣланы были Ленинымъ или Троцкимъ, они представляли бы, конечно, большой политическій интересъ. Но въ устахъ Потѣхина или даже Устрялова для кого они обязательны? Не выдаютъ ли авторы „Смѣны вѣхъ“ бронзовыхъ векселей, платежа по которымъ не послѣдуетъ? Сильная сторона „Смѣны вѣхъ“, какъ произведенія политическаго — патріотизмъ, слабая — вольное или невольное непониманіе обстановки, въ которой они призываютъ людей работать.

Значеніе „Смѣны вѣхъ“, однако, не въ ея злободневной публицистикѣ, а въ томъ, что въ ней (особенно въ статьяхъ Устрялова или Ключникова) дѣлаются попытки идейно осмыслить и осознать коренныя и глубокія явленія русской жизни, дать идейно продуманные отвѣты на вопросъ, почему русская интеллигенція въ 1921 г. должна идти „въ Каноссу“ къ совѣтской власти для совмѣстной работы на благо русскаго народа. Авторы „Смѣны вѣхъ“ обвиняютъ интеллигенцію въ томъ, что, принявъ участіе въ революціи, она мечтала лишь объ удержаніи за собой опеки надъ народомъ и отвернулась отъ революціи, какъ только народъ, совершившій ее, пошелъ инымъ путемъ, чѣмъ ей хотѣлось. Народъ пошелъ за большеви-

ками, по мнѣнію смѣновѣховцевъ, именно потому, что только большевики вмѣстѣ съ народомъ взяли на себя отвѣтственность и за революцію, и за Россію.

„Смѣна вѣхъ“ проникнута своеобразнымъ славянофильствомъ. Русская революція пріобрѣтаетъ у авторовъ сборника всемірный и вселенскій характеръ, а интернаціонализмъ изложенъ у нихъ языкомъ Достоевскаго. Старая русская интеллигенція, по мнѣнію нео-вѣховцевъ, „безъ остатка исчерпываетъ и изживаетъ себя въ Ленинѣ“, а русская революція призвана предупредить „ужасы міровой революціи, которая при спокойномъ торжествѣ революціонной Россіи легко вылилась бы въ мирную и безболѣзненную революцію“. Все это очень туманно и фантастично, и напрасно было бы искать ясной и опредѣленной мысли въ этихъ мечтаніяхъ. Неменьшимъ туманомъ окутана у авторовъ „Смѣны вѣхъ“ и будущность, ожидающая самое Россію. Ключниковъ увѣряетъ, что Ленинъ это та цѣна, которой куплена новая Россія, а съ нею и новая русская интеллигенція. Передѣлывая все, великая русская революція впервые оказалась способной, по выраженію авторовъ „Смѣны вѣхъ“, и открыть пути для яркаго и могучаго русскаго либерализма, какъ послѣ нея же впервые становится возможенъ прогрессивный и устойчивый русскій консерватизмъ“. При помощи Достоевскаго и Ницше ученикъ Маркса и Энгельса превращенъ, такимъ путемъ, въ героя Карлейля. Устряловъ всецѣло воспринялъ одну изъ основныхъ тактическихъ идей Ленина: если хочешь прыгнуть на полтора аршина, разбѣгись для прыжка на сажень. „Запросъ русской революціи къ исторіи“ — идея соціализма и коммунизма. Но это, по мнѣнію Устрялова, разбѣгъ на сажень лишь для того, чтобы прыгнуть на полтора аршина и допрыгнуть до новой экономической политики. Не приписываетъ-ли, однако, Устряловъ, утверждая, что „Москва жертвуетъ коммунизмомъ, чтобы спасти совѣты“, Ленину своихъ мыслей, за которыя Ленинъ и не думаетъ отвѣчать?...

Исходя изъ того, что изъ всѣхъ боровшихся въ Россіи общественныхъ группъ однимъ большевикамъ удалось удержать въ своихъ рукахъ власть, авторы „Смѣны вѣхъ“ взяли на себя смѣлость подъ классовое, пролетарское государство подвести внѣклассовый національный фундаментъ. Принимаютъ ли такую постройку сами коммунисты? Какъ ни относиться къ марксистскому коммунизму, нельзя забывать, что это — стройная могучая интернаціональная доктрина, соперничающая по своему вліянію на массы съ наиболѣе сильными религіозными ученіями. И плохо вѣрится, чтобы въ какой бы то ни было моментъ своей жизни, на подъемѣ или при спускѣ, коммунизмъ обратился къ авторамъ „Смѣны вѣхъ“ за идеологической національно-государственной одеждой. Не переоцѣниваютъ ли они вообще соблазна цезаристскихъ идей и настроеній? Старыя „Вѣхи“ тоже указывали на мистику государства. Но онѣ были далеки отъ обожествленія государства, а авторы „Смѣны вѣхъ“, можетъ быть и безсознательно, обожествляютъ его. Они напоминаютъ римскихъ республиканцевъ, обожествлявшихъ своихъ цезарей. Съ этой точки зрѣнія „Смѣна вѣхъ“ является однимъ изъ симптомовъ бонапартистскихъ настроеній.

Между старыми и новыми Вѣхами при нѣкоторомъ наружномъ сходствѣ, по мнѣнію докладчика, огромное принципіальное различіе. Передъ

нами интеллигенція двухъ разныхъ типовъ, съ различными моральными физіономіями. Авторы „Смѣны вѣхъ“ утверждаютъ, что послѣ революціи интеллигенція должна радикально видоизмѣниться въ томъ духѣ, какъ ее хотѣли бы видѣть авторы „Вѣхъ“. Но авторы „Вѣхъ“ всегда стояли на той точкѣ зрѣнія, что есть нѣкія абсолютныя истины, которыя должны быть истинами русской интеллигенціи, независимо отъ того, каковъ въ данный моментъ государственный строй въ Россіи. Авторы „Вѣхъ“ доказывали, что сила интеллигенціи только моральная и что интеллигенція обрѣтетъ свою духовную силу лишь тогда, когда высшій критерій своихъ мнѣній и поступковъ она найдетъ не въ преходящихъ земныхъ или общественныхъ цѣнностяхъ, а въ цѣнностяхъ абсолютныхъ. Новыя „Вѣхи“ эту идею отвергаютъ. Между тѣмъ все, что мы пережили въ послѣдніе годы, способно только укрѣпить въ каждомъ чуткомъ и мыслящемъ человѣкѣ сознаніе истинности этой мысли. Внѣ ея нѣтъ ни свободы, ни человѣческаго достоинства, ни духовной силы.

Резюмируя свои выводы, докладчикъ указываетъ, что какъ злободневное политическое выступленіе, сборникъ „Смѣна вѣхъ“ особаго интереса не представляетъ. Какъ попытка использовать коммунизмъ и на интернаціонализмѣ построить зданіе Великой Россіи, онъ наивенъ. Скрытые же въ немъ цезаристскіе соблазны едва ли окажутся столь сильны, какъ надѣются нѣкоторые авторы. Но какъ симптомъ идейнаго броженія русской интеллигенціи, сборникъ и показателенъ, и интересенъ. Онъ свидѣтельствуетъ, что патріотическая тревога все глубже и глубже охватываетъ русскую интеллигенцію. Рецепты, прописываемые пражскими лѣкарями, даютъ, однако, мало надежды на выздоровленіе больного. Это все старыя мечты, что существуютъ какія то внѣшнія формы жизни общественной, государственной, интернаціональной, которыя дадутъ всеобщее счастье. Это — заблужденіе и миражъ. Такихъ формъ общественной, государственной и международной жизни нѣтъ. Человѣкъ всегда въ концѣ концовъ останется наединѣ со своимъ Богомъ, со своей совѣстью и предъ ними принужденъ будетъ держать отвѣтъ. И наше участіе въ общественной, государственной и международной жизни тогда только станетъ разумнымъ, честнымъ и серьезнымъ, когда въ глубинѣ своей души мы обрѣтемъ непреклонный голосъ, говорящій: „На этомъ я стою и не могу иначе“. (Апплод.).

Голодъ.

„И увидѣлъ я вдали смертное ложе. И что умираютъ побѣдители, какъ побѣжденные, а побѣжденные, какъ побѣдители. И что идетъ снѣгъ, и земля пуста“.

В. Розановъ.

1. Хлѣбный балансъ Россіи въ 1921—1922 г.

Въ 1921—1922 сельско-хозяйственномъ году неурожай захватилъ почти всю Россію. Только въ Юго-Западномъ районѣ (Кіевская, Волынская, Подольская и Черниговская губ.) урожай выше средняго. Средній урожай отмѣченъ въ Приозерномъ (лишь для ржи и озимой пшеницы) и въ Западномъ (лишь для ржи) районахъ. Во всѣхъ другихъ областяхъ огромнаго государства урожай опредѣленно ниже средняго или даже совершенно плохой.

Однако, общій сборъ зерновыхъ хлѣбовъ въ 1921 г. очень мало отличается отъ сбора 1920 г. Дѣйствительно, въ 1920 г. было собрано 2.200 милл. пуд.*), а въ 1921 г. — 1.964,2 милл. пуд. Если принять во вниманіе, что въ 1921 г. огромный районъ, изъ котораго легко можно выкроить 4—5 государствъ, равныхъ Англіи, лишился, благодаря засухѣ, почти всего урожая, то надо, пожалуй, признать результаты сбора 1921 г. въ остальныхъ районахъ Россіи даже лучшими, чѣмъ въ 1920 г.

Если бы въ 1921 г. посѣвная площадь не подверглась дальнѣйшему сокращенію, сравнительно съ 1920 г., то сборъ текущаго года врядъ ли бы отличался отъ сбора 1920 г.

Въ № 1—2 „Экон. зап.“ мы высказали въ формѣ догадки, свое заключеніе о сокращеніи посѣвной площади (25—30%) и сбора хлѣбовъ (до 40%) въ 1920 г., сравнительно съ мирнымъ временемъ. Теперь мы можемъ это подтвердить цифрами**). Согласно „Народн. Хоз.“ посѣвная площадь сократилась въ 1920 г.: для прод. хлѣбовъ на 20,2%, для кормовыхъ на 27,6%, для тѣхъ и другихъ на 22,7% противъ площади 1916 г. Принимая во вниманіе, что въ 1916 г. площадь была уже сокращена приблизительно на 6%, мы должны принять для 1920 г. общее сокращеніе посѣвной площади въ 28,7%. Наконецъ, сборъ хлѣбовъ въ 1920 г. равнялся 2.200 милл. пудовъ, тогда какъ въ мирное время и для той же территоріи***) сборъ четырехъ главныхъ хлѣбовъ былъ въ 3.670 милл. пудовъ,

---

*) Russian Inf. a Rev. № 1 даетъ нѣсколько меньшую цифру: 34 милл. тоннъ.

**) Всѣ данныя (изъ совѣтск. источн.) приведены въ Russian Economist № 4, стр. 1229 и сл.

***) Какъ для 1920 г., такъ и для 1921 г. мы предполагаемъ, что большевистскія данныя, касающіяся территоріи Россіи безъ отколовшихся окраинъ (Польша, Литва, Латвія, Эстонія, Бессарабія) и безъ псевдо-

т. е. производство 1920 г. дало на 40% меньше, чѣмъ въ мирное время*). Скажемъ еще, что сборъ 1920 г. былъ почти на 27% ниже мирновременной валовой (включая сѣмена) потребности Россіи (3.006 милл. пуд).

Перейдемъ теперь къ 1921 г. По даннымъ Кондратьева площадь посѣва подъ 4 зерновыми хлѣбами сократилась въ 1921 г., сравнительно съ 1916 г., такимъ образомъ:

Въ Центр. — Земл. районѣ (Курская, Орловская, Тамбовская, Рязанская, Тульская, Воронежск. губ.), на 37%; въ Средне-Волжск. (Казанская, Нижегородская, Пензенская, Саратовская, Симбирская, Уфимская) на 34%; въ Нижне-Волжск. (Астрах., Орденбурская, Самарская губ.) на 31%; въ Новороссійскомъ (обл. В. Донск., Екатеринославск, Херсонская и Таврическая губ.) на 32%; въ Юго-Зап. (Кіевская, Подольская, Волынская) на 47%; въ Малороссійскомъ (Черниговская, Харьковская, Полтавская) на 38%, въ Приуральскомъ (Пермская, Вятская) на 31%; въ Предкавказскомъ (Куб. и Терск. обл. и Ставроп. губ.) на 57%.

Для всѣхъ этихъ районовъ уменьшеніе площади посѣва равно: для продовольственныхъ хлѣбовъ — 30,6%, для кормовыхъ — 42%, а для тѣхъ и другихъ — 34,6%**). Учитывая приблизительно сокращеніе посѣвной площади въ 1916 г., сравнительно съ мирнымъ временемъ (6%), мы получаемъ для 1921 г. размѣръ сокращенія посѣвной площади въ производительныхъ районахъ (Астраханская, Пермская и др. губ. не вносятъ большого отклоненія въ эту цифру) въ 40,6% сравнительно съ мирнымъ временемъ.

Для всей Россіи (данныя Попова) цифры взяты нами изъ другого источника. Онѣ таковы: въ 1916 г. подъ зерновыми хлѣбами было около 73,3 милл. десятинъ, въ 1921 г. — 50,4 милл. десятинъ, т. е. на 31,3%

самостоятельныхъ республикъ: Закавказья, Туркестана и Дальневосточной республики. Исключеніе послѣднихъ областей можетъ вызвать недоумѣніе, особенно для 1921 г. За наше предположеніе говорятъ слѣдующія обстоятельства: 1) мы не встрѣчали указаній на включеніе этихъ областей въ общій хлѣбный балансъ. Въ 1920 г. Закавказье, кромѣ того, и не могло быть включено въ общій балансъ. 2) Сборы 1920 и 21 г. сравниваются въ совѣтской прессѣ, какъ относящіеся къ одинаковой территоріи. Значитъ, Закавказье во всякомъ случаѣ не входитъ въ балансъ 1921 г. 3) Урожай 1921 г. исчисленъ большевиками для территоріи съ населеніемъ 114.742.000 чел. (Russ. Inf. a Rev. № 3 стр. 59), тогда какъ все населеніе Россіи по послѣдней переписи (1 іюля 1921 г.) равняется 130.707.600 чел. (Russ. Inf. a Rev. № 5, стр. 110). Разница легко объясняется, если предположить, что урожай исчисленъ безъ включенія Туркестана (7.261.000 чел. — по новой переписи), Закавказья (6.828.900 чел. по мирновременнымъ даннымъ; въ новой переписи не показано отдѣльно), Приамурья (1.642.500 чел. — по мирновр. даннымъ; въ новой переписи не показано отдѣльно) въ общій хлѣбный балансъ Россіи. Тогда для основной территоріи, дѣйствительно, остается 114.975.000 чел. населенія (разница, какъ видимъ, съ совѣтской цифрой ничтожная). Такъ какъ урожай 1921 г. сравнивается въ совѣтской литературѣ безъ всякихъ оговорокъ съ урожаемъ 1920 г., то, значитъ, сборъ 1920 г. относится къ той же территоріи. Слѣдовательно, и для полученія цифры мирновременнаго урожая, надо исключитъ сборъ не только отколовшихся окраинъ, но и псевдо-самостоятельныхъ республикъ.

*) Эта цифра преувеличена, такъ какъ нами преуличены размѣры мирновременнаго сбора, благодаря трудности приспособить прежнія данныя къ новымъ границамъ Россіи. Эту ошибку ослабляетъ, однако, то обстоятельство, что для мирнаго времени взято только 4 хлѣба.

**) Болѣе подробныя данныя приведены въ Russian Econ. № 4 стр. 1231.

меньше. Сравнительно же съ мирнымъ временемъ площадь посѣва уменьшилась приблизительно на 37,3%. Итакъ, за одинъ годъ площадь посѣва зерновыхъ хлѣбовъ упала почти на 9% (37,3 — 28,7 = 8,6). Сборъ же хлѣбовъ въ 1921 г. равнялся 1.964,2 милл. пудовъ, т. е. былъ на 46,4% ниже мирновременнаго сбора (3.670 милл. пуд. — средняя цифра за 1909—13 г.) и почти на 35% ниже мирновременной валовой потребности (3006 милл. пуд. — средняя цифра за 1909—13 г.). Такимъ образомъ, если взять за исходный пунктъ мирновременную валовую потребность, то въ 1921 г. дефицитъ Россіи достигаетъ головокружительной цифры 1.041.800.000 пудовъ!

Однако, противъ исчисленія дефицита въ такомъ размѣрѣ можетъ быть выставлено два возраженія: 1) населеніе Россіи въ настоящее время уменьшилось, 2) норма потребленія упала. Дѣйствительно, средняя цифра населенія за 1909—13 г. на территоріи, о которой идетъ рѣчь, равнялась приблизительно 130 милл. человѣкъ, теперь же равна всего лишь 114,7 милл. человѣкъ. На самомъ дѣлѣ разница должна быть нѣсколько меньше, такъ какъ мы не могли въ точности учесть населеніе отпавшихъ областей Россіи и завѣдомо его приуменьшили. Но не будемъ объ этомъ спорить. Тогда изъ полученнаго нами дефицита надо скинуть приблизительно 353,4 милл. пуд. (потребит. норма 3006 : 130 = 23,1 пуда*) умножена на 15,3 милл. — разницу въ населеніи). Общій недохватокъ выразится, такимъ образомъ, въ цифрѣ 688,4 милл. пудовъ.

Наконецъ, можно еще спорить о нормѣ потребленія (беремъ валовую). Въ текущемъ году г-нъ Поповъ исчисляетъ норму потребленія (валовую) для всей Россіи въ 16,8 пудовъ, причемъ для района, пострадавшаго отъ засухи, беретъ всего лишь 15,2 пуд. (валовой сборъ 461,7 милл. пуд.; исчисленный дефицитъ въ 105,0 милл. пуд.; всего потребно, слѣдовательно, 566,7 милл. пуд.; населеніе 37,2 милл. чел.), а для района не затронутаго засухой, въ 17,6 пуд. (сборъ 1.502,3 милл. пуд.; исчисленный избытокъ 134,5 милл. пуд.; потребность 1.368 милл. пуд.; населеніе 77,5 милл. чел.).

Если даже принять, что наивысшая норма, принятая Поповымъ (17,6) хоть сколько нибудь отвѣчаетъ современному уровню потребленія, (что сомнительно), то и тогда получится дефицитъ въ нѣсколько десятковъ милл. пудовъ. Еще ближе можно подойти къ опредѣленію дефицита слѣдующимъ образомъ.

Мы полагаемъ, что наиболѣе близко къ истинѣ большевики учли потребность сельскаго населенія въ непострадавшихъ отъ засухи районахъ, такъ какъ при этомъ должно было сказаться стремленіе уберечь хотя бы остатки русскаго сельскаго хозяйства. По принятымъ для указанныхъ районовъ нормамъ потребленія можно сдѣлать правдоподобное заключеніе о размѣрахъ потребленія въ Россіи. Общая валовая норма потребленія**) для крестьянъ во всѣхъ „благополучныхъ“ областяхъ взята

*) Эта норма показываетъ, что мы незначительно преувеличили мирновременное населеніе современной территоріи Россіи. Для всей Имперіи валовая потреб. норма была (1909—13 г.г.): пшеницы — 6,56 пуд.; ржи — 8,29 пуда, ячменя — 2,65 пуд.; овса — 5,37 пуд. Всего — 22,87 п.

**) Всѣ цифры получены нами путемъ вычисленія на основаніи данныхъ, заключающихся въ таблицѣ Попова и изображающихъ хлѣбный балансъ Россіи въ 1921 — 1922 г. (балансъ этотъ изготовленъ Ц. Стат. Упр. Сов. Правит.).

въ 19,1 пуда на душу, причемъ для непострадавшихъ районовъ Европ. Россіи она понижена до 16,2 пуда, а для Сибири и Украины повышена соотвѣтственно до 24,7 и 25,1 пуда. Кидается въ глаза совершенно недостаточная норма для Европ. Россіи. Она продиктована явнымъ образомъ размѣромъ производства въ нынѣшнемъ году. Доставить хлѣбъ въ нужныхъ размѣрахъ все равно нельзя. Между тѣмъ, прежнее потребленіе (валовое) для Ц.-Земледѣльческаго, Прикамскаго и Ю.-Вост. районовъ колебалось отъ 21 до 25 пудовъ на душу. Въ потребительныхъ районахъ отъ 20—25 пуд. на душу. Поэтому мы думаемъ, что для Европ. Россіи надо принять норму не менѣе 19 пуд. на человѣка. Тогда, оставляя въ силѣ нормы Попова для Сибири и Украины, мы получаемъ для всего крестьянскаго населенія въ непострадавшихъ районахъ норму потребленія (валовую) въ 21 пудъ (взята средняя, взвѣшенная по числу населенія). Приложимъ теперь эту норму ко всему крестьянскому населенію современной Россіи (96.852 тысячь чел.), чтобы получить его обычную потребность: 2.033,9 милл. пуд. Остается 17,890 тыс. городск. населенія. Рабочихъ и служащихъ въ количествѣ около 4 милл. человѣкъ (см. объ этомъ ниже) совѣтская власть собирается снабжать по нормѣ 45 фунт. муки въ мѣсяцъ (13,5 пуда въ годъ) (см. Russ. Inf. a Rev. № 3 стр. 61) это даетъ 54 милл. пуд. Для остального гор. населенія примемъ 12 пуд. въ годъ на душу. Это даетъ 167 милл. пуд. Общій результатъ такой: потребность въ хлѣбѣ — 2.254,9 милл. пуд. сборъ 1964,2 милл. пуд. Дефицитъ равенъ 290,7 милл. пудовъ.

Это самая скромная оцѣнка дефицита, такъ какъ не принята во вниманіе армія (или вѣрнѣе: разница между армейской и обычной нормой потребленія).

Чтобы закончить вопросъ о хлѣбномъ балансѣ Россіи, отмѣтимъ еще слѣдующія обстоятельства:

1) для мирнаго времени нами взятъ сборъ только четырехъ главныхъ хлѣбовъ; въ большевистскомъ балансѣ фигурируетъ, по всей вѣроятности, гречиха, просо и пр.;

2) Размѣръ сбора 1921 г. подправленъ большевиками, сравнительно съ тѣми данными, которыя они получили съ мѣстъ. Сборъ въ пострадавшихъ районахъ увеличенъ на 30%, а въ непострадавшихъ на 25%*). Само по себѣ это дѣйствіе законное (о размѣрѣ повышенія умалчиваю), если имѣются свѣдѣнія о завѣдомомъ преуменьшеніи сбора. Для мирнаго времени нами подобной поправки не сдѣлано, хотя мы прекрасно знаемъ, что Ц. Ст. Ком. давалъ преуменьшенныя цифры сбора. Въ теченіе войны установилась практика трактовать валовую норму потребленія, полученную на основаніи свѣдѣній Ц. Ст. К., за чистую, такъ какъ сокрытіе хлѣба врядъ ли было меньшимъ, чѣмъ сѣмянная нужда.

Все это, вмѣстѣ взятое, рисуетъ современный хлѣбный балансъ Россіи въ еще болѣе мрачномъ видѣ. Дефицитъ не можетъ быть менѣе 350 милл. пудовъ. И воистину смѣшно, когда совѣтскіе чиновники доходятъ до утвержденія, что въ текущемъ году Россія имѣетъ избытки въ размѣрѣ... 29,5 милл. пудовъ. Впрочемъ, они и сами не вѣрятъ этому (Russ. Inf. a. Rev. стр. 58), такъ какъ „избытокъ“ получился въ результатѣ произ-

*) Russ. Inf. a Rev. № 3 стр. 58.

вольной игры съ нормами потребленія (напр., для голоднаго района Европ. Россіи валовая потребность исчислена въ 14,1 пуда на душу) и абстрактнаго предположенія, что всякій хозяинъ съѣстъ не болѣе измышленной нормы, а остатокъ предоставитъ для покрытія нужды согражданъ. Это предположеніе могло бы оправдаться въ двухъ случаяхъ: 1) если бы принятая норма соотвѣтствовала фактической, обычной и если бы имѣлся стимулъ къ продажѣ избытка, 2) если бы государство могло принудить лицъ, имѣющихъ излишекъ противъ установленной нормы, передать его въ распоряженіе органовъ власти.

Ни того, ни другого въ настоящее время нѣтъ. Поэтому счастливчикъ въ пострадавшей зонѣ, собравшій 18 пудовъ на душу, преспокойно ихъ потребитъ, хотя согласно измышленному балансу онъ долженъ былъ бы потребить 14 пудовъ и т. д.

2. Причины голода. Уже изъ выше приведенныхъ цифръ и соображеній видно, что бѣдствіе посѣтившее Россію, ужасно. Конечно основной причиной этого бѣдствія какъ „острой" болѣзни является засуха, но засухой дѣло тутъ не исчерпывается. Большевики съ этимъ согласны и, по своему обыкновенію, памятуя о правилѣ К. Пруткова, пытаются проникнуть въ „корень" вещей. Корень найденъ въ двухъ обстоятельствахъ: 1) въ негодной системѣ сельскохоз. культуры въ пострадавшихъ районахъ, 2) въ дѣятельности бѣлогвардейцевъ. (См. напр., откровенія Красина въ Russ. Inf. a. Rev. № 3 стр. 52 и 53, сравни № 1 стр. 2).

Вмѣсто помощи голодающимъ совѣтское правительство занялось разработкой вопросовъ, связанныхъ съ измѣненіемъ сельскохоз. культуры. Затѣя, имѣющая много общаго съ электрофикаціей! Другая причина: дѣятельность Деникина, Колчака, Врангеля и т. д. Чтобы покончить съ этимъ вопросомъ сразу, приведемъ слѣдующія данныя для Юга Россіи. Въ 1920 г. на Украинѣ было засѣяно подъ 4 главн. хлѣбами 12.381.000 десятинъ; въ 1921 г. — 10.095.000 десятинъ. За одинъ годъ площадь посѣва упала на 18,5%, т. е. на гораздо большій процентъ, чѣмъ для всей Россіи. Къ 1920 г. (Деникинъ ликвидированъ въ концѣ 1919 г.) сокращеніе посѣва на Украинѣ было, кромѣ того, меньшимъ, чѣмъ въ остальной Россіи*).

Этого вполнѣ достаточно.

Сокращеніе площади посѣва на всей территоріи Россіи, сокращеніе неудержимое и безостановочное, ни въ какой связи съ засухой не стоитъ и должно быть всецѣло поставлено на счетъ „коммунизма" (объ этомъ мы подробно говорили въ № 1—2 „Экон. Зап.").

Для текущаго года сокращеніе посѣва сыграло, въ частности, ту роль, что уменьшило сборъ на непострадавшей отъ засухи территоріи и тѣмъ обострило общее положеніе. Но основная бѣда заключается не столько въ сокращеніи площади въ текущемъ году, сколько въ систематическомъ сокращеніи производства во всѣ годы большевистскаго правленія.

Въ концѣ концовъ страна лишилась свободныхъ запасовъ хлѣба и въ годину бѣдствій оказалась совер-

*) Подробности см. Russ. Econ. № 4 стр. 1229, 1231 и 1232. Всѣ разсчеты по совѣтскимъ даннымъ.

шенно безпомощной. Вѣдь сами большевики признаютъ, что засуха много разъ посѣщала Поволжье. Но развѣ когда нибудь населеніе оказывалось безпомощнымъ въ такой мѣрѣ, не считая Годуновскихъ временъ?

Вотъ это обстоятельство, — полное истощеніе запасовъ въ странѣ, является не менѣе важнымъ факторомъ современнаго голода, чѣмъ засуха, и не можетъ быть сведено ни къ какимъ другимъ причинамъ, кромѣ большевистской системы хозяйства. Ни великая война, ни гражданскія войны, ни засуха не могли произвести опустошеній, которыя удалось произвести коммунизму. Къ 1916 г. общая площадь посѣва упала на 6%, къ 1917 г. — на 8,5% сравнительно съ мирнымъ временемъ. Къ 1920 г. площадь посѣва на Украинѣ была сокращена приблизительно на 10%, сравнительно съ 1916 г. А теперь? Достаточно взглянуть на цифры Кондратьева!

Почти полное истощеніе запасовъ въ странѣ приводитъ въ годину бѣдствій къ гораздо большимъ затрудненіямъ, чѣмъ это могло бы быть объяснено размѣрами и истощеніемъ. Дѣло въ томъ, что голодъ въ странѣ почти лишенной запасовъ, производитъ колоссальное психологическое вліяніе на держателей еще уцѣлѣвшихъ хлѣбныхъ рессурсовъ. Хлѣбъ тщательно скрывается. Вотъ причина того, что даже въ губерніяхъ, гдѣ несомнѣнно имѣется хлѣбъ, достаточный для прокормленія населенія, все же наступаетъ голодъ. Часть населенія, лишенная продовольствія, голодаетъ, такъ какъ другая часть населенія, обладающая запасами и кое какими избытками, придерживаетъ свое хлѣбное богатство.

Фактъ жестокаго голода въ нѣкоторыхъ районахъ Тамбовской, Екатеринославской, Александровской (Запорожской), Донецкой, Николаевской, Одесской, Кременчугской и т. д. губерній не подлежитъ уже никакому сомнѣнію.

Такимъ образомъ, основными причинами современнаго голода являются двѣ: 1) поразительное ослабленіе всего народно-хозяйственнаго организма страны, нашедшаго свое яркое выраженіе въ почти полномъ исчерпаніи запасовъ хлѣба, 2) страшная засуха, уничтожившая на значительной территоріи Россіи урожай.

3. Районъ, захваченный засухой, и количество голодающихъ.

Сопоставляя различныя данныя, сообщеныя въ разное время совѣтской печатью (Москов. „Правда“, „Эконом. Жизнь“, „Бѣднота“, „Гудокъ“, „Красная газ.“, „Извѣстія“, Rus. Inf. a. Rev. и т. д.), можно придти къ слѣдующему выводу о районѣ, пострадавшемъ отъ засухи.

Цѣликомъ поражены засухой слѣдующія губерніи и области: 1) Астраханская губ., 2) Уральская область, 3) Оренбургская губ., 4) Турайская обл., 5) Саратовская губ., 6) Самарская губ., 7) Симбирская губ., 8) Казанская губ., 9) Уфимская губ., 10) Таврическая губ., и 11) Херсонская губ.*) (По совѣтскимъ административнымъ

*) „Экон. Ж.“ отъ 15-го іюля сообщила, что Запорожская (Александровская) губ., включающая и Сѣверную Таврію, является райономъ крайняго неблагополучія и что она вся выгорѣла. Въ настоящій моментъ Мелитопольскій уѣздъ объявленъ голодающимъ. „Ужасы въ Волжскомъ районѣ“ блѣднѣютъ передъ тѣмъ, что наблюдается въ Запорожьи („Нов.

дѣленіямъ этотъ районъ составляютъ слѣд. губ. и области: Астраханская, Башкирія, Вятская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Татарская респ., Уфимская, Царицынская, Челябинская, Чувашская, Марксштадская, Актюбинская, Букѣевская, Кустанайская, Оренбургская, Уральская, Александровская, Николаевская, Одесская).

Поражены засухой частично: 1) Вятская губ. (4 Юго-вост. уѣзда, т. е. наиболѣе хлѣбородная часть), 2) Пермская губ., 3) Пензенская (Городищенскій уѣздъ объявленъ голодающимъ), 4) Воронежская, 5) Екатеринославская (объявлены голодающими: Екатериносл., Александровск. и Маріупольск. уѣзды, 6) Кременчугская губ. (большинство уѣздовъ), 7) Харьковская (3 уѣзда см. „Гудокъ" 11-го августа № 372), 8) Донская обл. (восточная часть; если принять во вниманіе, что три Восточные Округа: Урюпинскій, Медвѣдецкій и В. Донской присоединены къ Царицынской губ., то указаніе на неурожай въ Вост. части Донс. Обл. пріобрѣтаетъ другое значеніе), 9) Сѣверный Кавказъ (Сѣв.-вост. часть, преимущественно Ставропольская губ.) *). На Сѣв. Кавк. и въ Донской обл. 6 округовъ и уѣздовъ объявлены голодающими (см. „Красная газ." отъ 29-XII).

Кромѣ этихъ губерній упоминались еще Тамбовская (проф. Рыбниковъ на съѣздѣ агрономовъ) и Нижегородская. О первой до послѣдняго времени не было никакихъ извѣстій. Теперь сообщается о тяжкомъ продовольственномъ кризисѣ въ Козловскомъ уѣздѣ. Въ Нижегородской губ. извѣстно, что іюльскіе дожди поправили положеніе, хотя въ „Russian Inf. a. Rev." (№ 5 стран. 101) имѣется указаніе и на Нижегородскую губ., какъ на пострадавшую.

Все вышеизложенное показываетъ, что засуха въ большей или меньшей мѣрѣ поразила почти всѣ главнѣйшіе хлѣбородные районы **): Прикамскій, Юго-восточный, Сѣверо-кавказскій, Новороссійскій, Степной. Благополучно въ центрально-земледѣльческомъ, Юго-Западномъ и Малороссійскомъ (не совсѣмъ!) Мы не будемъ здѣсь распространяться о значеніи пострадавшихъ производительныхъ районовъ въ сельскомъ хозяйствѣ Россіи, отсылая интересующихся къ нашей статьѣ въ № 1-2 „Экон. Зап.". Скажемъ только, что подавляющая часть излишковъ, даваемыхъ въ мирное время всѣми производительными районами, приходилась какъ разъ на пострадавшія области. Изъ потребительныхъ районовъ пострадали только два: Нижне-Волжскій (Астрах.) и Приуральскій (Пермь).

Въ настоящее время въ Россіи стерлась грань между производительными и потребительными районами, стерлась грань между продовольственными и кормовыми хлѣбами, а для голодающей зоны стерлась грань между хлѣбомъ и травой. Сколько же людей захвачено бѣдствіемъ и сколько изъ нихъ голодаетъ?

Міръ"). „Изв." отъ 30 окт. сообщили о включеніи Крыма въ число голодающихъ районовъ. Уже давно писалось въ „Экон. Ж." о неблагополучіи Николаевской и Одесской губ.; позднѣе это подтвердилъ Калининъ. Въ настоящій моментъ Херсонскій, Николаевскій и Одесскій уѣзды объявлены голодающими.

*) Въ перечисленіи большевиковъ фигурируетъ еще Донецкая губ., образованная изъ части Екатеринославской губ., Донск. обл. и пр.

**) Придерживаемся классификаціи данной нами въ № 1-2 „Эк. Зап.".

Легче всего подсчитать населеніе въ группѣ губерній, цѣликомъ входящихъ въ зону засухи. Въ среднемъ за 1909—1913 г. населеніе было: въ Астраханской губ. 1.280,1 тыс. чел.; въ Саратовской, Самарской, Симбирской и Оренбургской (вмѣстѣ) — 10.926,5 тыс. чел.; въ Уральской и Тургайской области — 1.483,4 тыс. чел.; въ Казанской и Уфимской — 5.781,1 тыс. чел.; въ Херсонской и Таврической — 5.534,8 тыс. чел., всего — 25.005,9 тыс. человѣкъ.

Сколько населенія находится въ частично пострадавшихъ губерніяхъ, сказать трудно, но вышеуказанная цифра заставляетъ насъ съ извѣстнымъ довѣріемъ отнестись къ исчисленіямъ большевиковъ. Въ таблицѣ Попова (Russ. Inf. a. Rev. № 3. стр. 59, ср. № 5 стр. 101) число захваченныхъ несчастіемъ людей дается такое: въ Европ. Россіи 23.622 тыс. чел.; въ Азіатской Россіи 2.287 тыс. чел.; на Украинѣ 11.301 тыс. чел., всего 37.210 тыс. человѣкъ.*)

Однихъ дѣтей въ голодающихъ районахъ насчитывается 9,3 милл. человѣкъ.**)

Однако, общая цифра населенія въ пострадавшихъ районахъ еще ничего не говоритъ. Важно знать число нуждающихся въ помощи, число дѣйствительно голодающихъ. Выяснить, однако, это число не такъ то легко. Для Поволожья Поповъ еще въ іюлѣ принималъ количество нуждающихся въ помощи въ 8,25 милл. человѣкъ (безпосѣвные и съ посѣвомъ отъ 1 до 4 десятинъ).***) Эта цифра внушаетъ сомнѣнія. Позднѣе, однако, число нуждающихся въ помощи (цѣликомъ или частично) было опредѣлено въ 14,5 милл.,†) причемъ цифра эта была, видимо, получена механически, путемъ исключенія изъ разряда нуждающихся всѣхъ, имѣющихъ болѣе 4 десятинъ посѣва (7,5 милл. чел.). Кромѣ того, предполагалось, что лица, имѣющія отъ 1—4 десятинъ, нуждаются въ частичной помощи (7,5 милл. чел.), а имѣющія менѣе 1 десятины должны продовольствоваться цѣликомъ (7 милл. чел.). Эта механичность исчисленія совершенно не ко двору при современномъ урожаѣ въ Поволжьѣ, и мы думаемъ, что къ 7 милл. человѣкъ, нуждающихся въ полной поддержкѣ, необходимо прибавить нѣсколько милліоновъ человѣкъ изъ первой и второй категоріи. Провѣримъ это заключеніе. Сообщается, что въ Татарской республикѣ изъ 3,242.092 человѣкъ населенія 2,000.000 на краю голода (on the verge of starvation см. Russ. Inf. and Rev. № 4 стр. 77). Не въ лучшемъ положеніи находятся Самарская и Саратовская губ., которыя вмѣстѣ

---

*) Интересно отмѣтить, какъ постепенно измѣнялась оцѣнка количества пострадавшихъ людей совѣтскими дѣятелями и прессой. Воззваніе В. Ц. И. К. говорило о 10 милл. человѣкъ, Чичеринское радіо упоминало 18 милл. чел., г-жа Андреева (при своемъ пріѣздѣ заграницу) называла цифру въ 20 милл. человѣкъ, „Моск. Правда“ давала цифру 25 милл. „Красная газета“ отъ 1-го ноября исчислила голодающихъ болѣе, чѣмъ въ 30 милл. человѣкъ. Поповъ первоначально говорилъ о 16 милл. человѣкъ („Экон. Жизнь“ 11-го авг. № 176) и т. д. Ничего страннаго въ этомъ нѣтъ, такъ какъ по мѣрѣ проѣданія населеніемъ скудныхъ запасовъ „обнаруживаются“ все новые неблагополучные районы.

**) „Изв.“ В. Ц. И. К. отъ 27-го августа.

***) „Экон. Жизнь“ отъ 11-го августа.

†) Russ. Inf. a. Rev. № 1. стр. 2.

съ Татарской республикой причисляются къ наиболѣе пострадавшимъ (сборъ ниже 5 пуд. съ десят., т. е. ниже сѣмянной потребности).*) Въ Самарской губ. было въ мирное время 3,6 милл. жителей; въ Саратовской 3,1 милл. жителей, примемъ, что $^2/_3$ населенія и здѣсь находится на краю голода, какъ въ Татарской респ., т. е. кругло $4^1/_3$ милл. Такимъ образомъ, только въ этихъ губерніяхъ и въ Татарской респ. имѣется голодающихъ $6^1/_2$ милл.

Остается еще Симбирская, Уфимская, Астраханская и Вятская губ. (чтобы оставаться только въ предѣлахъ Поволжья и Прикамья!). Симбирская губ. имѣла населенія 1,9 милл. чел.; Уфимская — 2,9 милл., Астраханская — 1,2 милл.; Вятская — 3,8 милл.

Вятская пострадала частично. Въ остальныхъ же находится 6 милл. жителей. Если даже принять, что здѣсь на краю голода находится $^1/_3$ населенія (т. е. принять большевистскую пропорцію), то и тогда мы получимъ около 2 милл. голодающихъ, а во всѣхъ разсмотрѣнныхъ губерніяхъ — 8,5 милл. Мы думаемъ, поэтому, что число нуждающихся въ полной помощи достигаетъ въ Поволжьи 9 милл. чел. (учитывая Вятскую губ.).

Въ послѣднее время въ заграничной прессѣ**) былъ опубликованъ списокъ губерній Поволжья съ указаніемъ числа населенія и числа голодающихъ. Приведемъ его:

Губ. и обл.	Населеніе	Число голодающихъ
Астраханская	378.148	33.000
Царицынская	1,200.510	492.722
Саратовская	3,063.422	1,333.690
Нѣмкоммуна	454.368	254.525
Самарская	2,819.969	2,482.254
Татарская	2,852.135	2,000.200
Симбирская	1,656.682	1,369.831
Чувашская область . .	780.161	773.092
Марійская область . .	508.000	382.801
Вятская	2,057.987	379.524
Уфимская	2,009.459	931.382
Баш. респ.	1,260.082	900.000
Киргизская респ. . . .	2,391.611	1,309.540
Итого . . .	21,432.534	12,642.561

Эти свѣдѣнія, почерпнутыя изъ оффиціальныхъ источниковъ и относящіяся, видимо, ко всему Поволжью и части Степного края (т. е. къ большей, чѣмъ у насъ территоріи) заслуживаютъ полнаго довѣрія послѣ всего сказаннаго нами выше. (Не должно смущать, что изъ прежнихъ губерній накроено большевиками столько новыхъ республикъ и пр.) Такимъ образомъ, для Поволожья и Азіатской Россіи (Степной край), число голодающихъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ принять не меньше, чѣмъ $12^1/_3$ милл.

*) см. Russ. Inf. and Rev. № 3. стр. 58.
**) „Общее дѣло“ № 557.

Остается Сѣверный Кавказъ и Украина. На Сѣверномъ Кавказѣ тяжко пострадала Ставропольская губ. (см. Russ. Inf. a. Rev. № 3 стр. 58). По отрывочнымъ свѣдѣніямъ тамъ находится 630 тыс. голодающихъ и только однихъ дѣтей голодаетъ 180 тыс. Въ Екатеринославской губ. 400 тыс. голодающихъ („Новый міръ"); въ Херсонскомъ районѣ 144 тыс. голодающихъ („Новый міръ"). Только въ этихъ районахъ, слѣдовательно, имѣется около 1,2 милл. голодающихъ. А еще Одесскій районъ, Николаевскій, Запорожскій, Маріупольскій, Крымскій, Кременчугскій и т. д.

Мы думаемъ, что для всей Россіи цифра въ 15 милл. человѣкъ, находящихся „on the verge of starvation" врядъ ли будетъ преувеличенной. И кромѣ того, вѣроятно, имѣется еще значительный контингентъ, требующій частичной помощи.

4. Положеніе голодающихъ районовъ.

Для того, чтобы составить себѣ представленіе о томъ, что приходится переживать населенію голодающихъ районовъ, достаточно привести данныя о сборѣ хлѣбовъ въ пораженныхъ бѣдствіемъ областяхъ.*) Умолотъ ржи въ Саратовской губ. далъ 5 пуд. съ десятины; въ Самарской — 1 пудъ. Какъ мы видѣли, и въ Татарской республикѣ сборъ ниже 5 пуд. съ десятины. Въ Чувашской области яровой хлѣбъ не успѣлъ даже налиться. Въ нѣмецкой коммунѣ сборъ 3—5 пуд. съ десятины. Въ Адамовскомъ уѣздѣ Оренбургской губ. урожай далъ 1—3 пуд. съ десятины. Въ Актюбинской губ. рожь погибла вся, пшеницы погибло около 90%; съ оставшейся площади собрано около 5 пуд. съ десятины. Въ результатѣ „урожая" приходится на ѣдока въ годъ: въ Оренбургской губ. — 1,6 пуд.; въ Актюбинской — 3,2 пуд., въ Уральской — 1,5 пуд., въ Кустанайской — 1,1 пуд. и въ Букѣевской — 0,8 пуд. Въ Донской области сборъ далъ не болѣе 10,5 пуд. съ десят. для пшеницы, 10,5 пуд. для ячменя и 13 пуд. для овса; въ Ставропольской губ. изъ почти 1,5 милл. десятинъ посѣва хлѣбъ погибъ на 0,9 милл. десятинъ; всего собрано 7,5 милл. пуд., т. е. около 5 пуд. на десятину всей площади и около 5,7 пуд. на душу. Въ среднемъ Поволжьѣ сборъ озимой ржи далъ на 10% всей посѣвной площади ½—1 пудъ съ дес.; на 35% — 2-4 пуд.; на 35% — 4-7 пуд.; на 10% — 7-11 пуд. и на 5% отъ 11 до 25 пуд. и т. д.

Поповъ принимаетъ весь сборъ въ пострадавшей зонѣ Европ. Россіи въ 216,3 мил. пуд. при населеніи въ 23,6 мил. человѣкъ и при посѣвн. площ. въ 12,2 милл. дес. т. е. на душу приходится 9,1 пуда и 17,7 пуд. на десятину, но не надо забывать, что эти цифры увеличены на 30% (см. выше). За покрытіемъ сѣмянной нужды остается 5,2 пуда на душу и чуть болѣе 10 пуд. на десят. (сѣмянная нужда преуменьшена. Должна быть не менѣе 8 пуд. на десятину!).

Ужасающую картину „сбора урожая" въ тяжело пострадавшихъ губерніяхъ далъ г-нъ Подашевскій („Извѣстія" 202). Нѣкоторые крестьяне совсѣмъ не выходили на свои засѣвы, такъ какъ на ихъ участкахъ не оказалось ровнымъ счетомъ ни одного колоса. Другіе принесли домой по 10, 20 и даже 30 фунт. съ десятины. Сборъ этотъ носилъ невиданный ха-

*) Свѣдѣнія взяты изъ „Экон. Ж.", „Извѣстій", „Бѣдноты" и др.

рактеръ. Не жали, не косили, а просто люди ползали по своему полю и выщипывали „урожай“... Собранный хлѣбъ не молотили, не вѣяли, не пололи, а дѣлали такъ: Неочищенный колосъ вмѣстѣ съ соломой и корнемъ, со всей шелухой высушивали въ печкѣ и затѣмъ просто толкли въ ступѣ... Дальше уже начинался подножный кормъ, единый и для людей и для скотины. Питались одними и тѣми же кормами и травами... Съѣсть зарѣзанную собаку считалось своего рода лакомствомъ. Ѣли всякую падаль, трупы всѣхъ животныхъ. Начали уже ѣсть дерево... Берутъ дубовый сукъ „помоложе“ и мелко, мелко крошатъ его топоромъ...

Въ настоящее время люди уже начинаютъ ѣсть трупы, глину и Богъ знаетъ что еще. Послѣднія сообщенія изъ Россіи говорятъ объ ужасномъ состояніи населенія: голодающій не имѣетъ силы пойти за пайкомъ (гдѣ его даютъ, конечно!), а подвезти нельзя: нѣтъ лошадей.

Мы опускаемъ здѣсь описаніе подавляюшихъ подробностей голода. Приведемъ только данныя о двухъ наименѣе пострадавшихъ губерніяхъ: Пермской и Пензенской. Читатель тогда легко представитъ себѣ, что творится въ центрѣ голодной зоны.

Пермская губ. Весь Сарапульскій уѣздъ, 15 волостей Осинскаго, 9 вол. Оханскаго и 6 вол. Кунгурскаго уѣзда находятся не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ Поволжье. Почти весь этотъ районъ ослабленъ эпизоотіями и сибирской язвой, унесшими большое количество скота. Крестьяне съ весны питаются суррогатами и въ громадной части ѣдятъ хлѣбъ изъ лебеды, а въ Бельше (Сосн. вол. Оханск. уѣзда) ѣдятъ хлѣбъ изъ опилокъ. Ѣдятъ еще шиповникъ, рябину, дикую рѣдьку и пр.

Пензенская губ. Моск. „Правда“ говоритъ устами Калинина: „Первая кратковременная остановка въ Пензѣ показала, что только съ этой губерніи начинается замѣтное ухудшеніе урожая“. Эта „замѣтность“ подъ перомъ корреспондентовъ „Бѣдноты“ принимаетъ такія конкретныя формы: въ Саранскомъ уѣздѣ большинство крестьянъ хлѣба не имѣетъ. У кого есть корова, тотъ питается травой съ молокомъ (это было въ іюлѣ!), а у кого нѣтъ — одной травой. Больше всего въ Пензенск. губ. ѣдятъ „коневникъ“. Люди совершенно ослабѣли, нѣкоторые не могутъ пройти саженей 20, какъ падаютъ отъ вѣтра. Если достанутъ хоть горсть муки, то добавляютъ къ ней разную шелуху, древесную кору и т. д.

Что же страннаго, что населеніе бросилось спасаться изъ района смерти. Но надо себѣ представить всю трудность путешествія на полудохлой лошади по выжженному на сотни верстъ кладбищу. Да и большевики приняли мѣры къ прекращенію бѣгства.*) Вотъ причина сравнительно малаго числа покинувшихъ Поволжье (около 500 т.).

---

*) Russ. Inf. a Rev. изображаетъ это такъ: The Soviet Government had therefore to persuade the peasants that nothing was to be gained by migration; that help was at hand; and, above all, that seed for next year's harvest would be forth coming. The measures taken quickly checked the mass emigration.“

5. Сколько хлѣба надо заготовить въ текущемъ сельско-хоз. году.

Для опредѣленія количества подлежащаго заготовкѣ хлѣба въ текущемъ сельско-хозяйственномъ году мы будемъ исходить изъ самыхъ скромныхъ расчетовъ.

Общая заготовка должна удовлетворить слѣдующимъ потребностямъ: 1) потребности голодающихъ районовъ какъ въ сѣмянахъ, такъ и въ пропитаніи населенія. 2) потребности арміи и того контингента рабочихъ и служащихъ совѣтской власти, который еще находится на иждивеніи государства.

Такимъ образомъ мы исходимъ изъ предположенія, что всѣ другія категоріи населенія абсолютно смогутъ просуществовать сами до новаго урожая. (Это, думается, не совсѣмъ вѣрно: въ нѣкоторыхъ потребительныхъ районахъ къ веснѣ неизбѣжно начнутся продовольственныя затрудненія, такъ какъ хлѣбъ въ нихъ распредѣленъ неравномѣрно).

Начнемъ съ потребности голодающихъ районовъ.

1) Сѣмянная нужда. По исчисленію Попова сѣмянная нужда пострадавшихъ районовъ Россіи равна (461,7 — 312,1) 149,6 милл. пуд. при 20,7 милл. десятинъ, т. е. 7,2 пуда на десятину. Не будемъ спорить пока о самой нормѣ высѣва на десятину. Сколько изъ этой потребности должно быть удовлетворено государствомъ? Большевики считаютъ, что они должны къ тѣмъ 233 т. тоннъ*) сѣмянъ, которыя они отпустили для Поволожья осенью, еще отпустить весною 367 т. тоннъ**); всего значитъ, 600 т. тоннъ, т. е. около 36 милл. пуд. Сюда не вошла потребность Украины. Если предположить, что для Украины нуженъ такой же процентъ заготовки къ общей сѣмянной потребности, какъ и въ совдепіи (36%), то мы получимъ для пострад. части Украйны цифру приблизительно въ 18 милл. пуд. Такимъ образомъ, при общей потребности пострадавшихъ районовъ въ 149,1 милл. пуд. сѣмянъ, большевики врядъ ли считаютъ необходимымъ заготовить болѣе 54 милл. пуд. При этомъ: 1) площадь посѣва берется уже сокращенной, 2) норма высѣва на десятину пониженной (7,2 пуд. вмѣсто 8,9), 3) пропорція между потребностью и заготовкой сѣмянъ преуменьшена. Мы думаемъ, что заготовку сѣмянъ надо опредѣлить въ 70 милл. пуд. (для опредѣленія отношенія между заготовкой и потребностью взята пропорція между голодающимъ и общимъ населеніемъ пострадавшихъ районовъ; норма высѣва повышена до 8 пуд.).

2) Потребность голодающихъ въ питаніи. Мы пришли къ выводу, что голодающихъ въ Россіи не менѣе 15 милл. чел. Принимая норму въ 10 пуд. на человѣка, получаемъ общую потребность голодающихъ въ 150 милл. пуд. хлѣба. Однако, кромѣ этой категоріи пострадавшихъ несомнѣнно имѣется еще значительный контингентъ лицъ, нуждающихся въ частичной помощи. Примемъ его въ 5-6 милл. чел. (Опредѣлили сложнымъ путемъ), а потребность въ 25-30 милл. пуд. Слѣдовательно, для голодающихъ надо заготовить около 180 милл. пуд.

---

*) См. Rus. Inf. a. Rev. № 1 стр. 5.; въ № 5 (1 декабря) другая цифра 225 т. тоннъ (стр. 102). Тонну журналъ принимаетъ за 60 пуд.

**) Russ. Inf. a. Ref. № 5 стр. 101. Любопытно, что на другой же страницѣ дается цифра 416,7 тыс. тоннъ!

3) Потребность пенсіонеровъ сов. власти и арміи и пр. До сихъ поръ мы разсмотрѣли, такъ сказать, чрезвычайныя потребности въ заготовкѣ, вызванныя голодомъ. Обратимся теперь къ обыкновеннымъ потребностямъ.

а) рабочихъ и служащихъ совѣтская власть собирается питать въ количествѣ 3.662 тыс. человѣкъ (первоначально эта категорія ѣдоковъ исчислялась въ 6 милл. человѣкъ, затѣмъ была сокращена, см. „Эк. Ж." отъ 20 окт.) по 13,5 пуда муки въ годъ, т. е. по 14 пуд. зерна. Требуется въ годъ 51,3 милл. пуд.

в) арестованныхъ, инвалидовъ, больныхъ, дѣтей и пр. прежде считалось 6 милл. человѣкъ. Возьмемъ всего 4 милл. при нормѣ питанія въ 10 пуд. Всего требуется 40 милл. пуд. въ годъ.

с) армія. О численности арміи имѣются противорѣчивыя свѣдѣнія. Примемъ 1,5 милл. человѣкъ при годовой душевой нормѣ въ 14 пуд. Получаемъ 21 милл. пуд. Вмѣстѣ съ фуражемъ для конницы это даетъ до 40 милл. пуд.

д) Наконецъ, необходимо еще заготовить зернофуражъ для государственныхъ фабрикъ, заводовъ и пр. Необходимъ сѣмянной фондъ (считалось прежде 30 мил. пуд.) и т. п. Оцѣнимъ всю эту нужду въ 40 милл. пуд. (прежде принималось 80 милл. пуд.).

Такимъ образомъ, по всѣмъ этимъ статьямъ обыкновенной потребности мы получаемъ цифру въ 171,3 милл. пуд. Кругло 172 милл. Подведемъ теперь итогъ всей необходимой заготовкѣ. Она должна равняться 422 милл. пудамъ.

На чемъ можно произвести экономію?

Можно урѣзать засѣвъ полей въ пострадавшихъ райнонахъ, можно сократить сѣмянной фондъ наркомпрода, можно урѣзать рабочихъ и группу тюремныхъ и пр. пенсіонеровъ, но врядъ ли всѣ возможныя сокращенія дадутъ экономію болѣе 20-25 милл. пуд. Насколько мы были скромны въ нашихъ расчетахъ показываетъ тотъ фактъ, что первоначально вся регулярная потребность въ Россіи на 1921-22 г. была предположена въ количествѣ 310 милл. пуд. (Рабоч. и служащ. въ кол. 6 м. по 20 п. — 120 милл. пуд., для дѣтей, инвалидовъ, арестованныхъ и пр. 60 милл. пуд., армія — 50 милл. пуд., фуражъ — 50 милл. пуд., сѣмянной фондъ — 30 милл. пуд.). Тогда какъ мы приняли ее въ 172 милл. пудовъ*)! Поэтому мы увѣренно можемъ сказать, что наша цифра необходимой заготовки въ 422 милл. пуд. является минимальной.

---

*) Первоначальный планъ приведенъ и въ № 3 (стр. 61) Russ. Inf. a. Rev. Вся потребность Совдепіи и Украины дана въ 5.260.000 тоннъ (Совдепія 3.760 т. тоннъ и Украина 1.500 тыс. тоннъ), т. е. въ 316 милл. пуд. (Тонна журналомъ взята въ 60 п.) Журналъ, однако, пишетъ, что этотъ планъ подвергся многимъ измѣненіямъ и между прочимъ сообщаетъ о принятіи душевой нормы въ 45 ф. муки ежемѣсячно для рабочихъ. Окончательный планъ намъ неизвѣстенъ.

6. Вѣроятная заготовка и вѣроятное количество смертей.

Первоначально предполагалось заготовить... 582 милл. пудовъ. Путемъ продналога 357 милл. пуд. (Совдепія 240 милл. пуд., Украина 117 милл. пуд.) и путемъ товарообмѣна 225 милл. пуд. (Совдепія 150 милл. пуд., Украина 75 милл. пуд.). Конечно, теперь эта программа можетъ серьезно обсуждаться только полоумными.

Вся вѣроятная заготовка ни въ какомъ случаѣ не превыситъ 300-325 милл. пуд. За это говорятъ слѣдующія обстоятельства:

1) Въ 1920-21 г. было заготовлено при безконечно болѣе благопріятныхъ условіяхъ около 350 милл. пуд.

2) Въ непострадавшихъ частяхъ Россіи по исчисленію большевиковъ имѣется у крестьянъ всего 259,4 милл. пуд. излишковъ. (Въ Сибири — 96,7 милл. пуд.; на Украинѣ 144,1 милл. пуд., въ Европ. Россіи... 18,6 милл.). Кромѣ того, въ пострадавшей части Украины „излишковъ" обнаружено въ количествѣ 52,7 милл. пуд. Всего 312,1 милл. пуд. Если учесть, что въ непострадавшей части Россіи потребность городовъ исчислена большевкиами въ 124,9 милл. пуд. (по 10 пуд. на душу!). И если принять во вниманіе, что на поприщѣ товарообмѣна „спекулянты" рѣшительно побиваютъ совѣтскихъ и кооперативныхъ дѣятелей (признано оффиціально!), то станетъ весьма сомнительно, чтобы всѣ „излишки" перешли въ руки правительства. Конечно, величина заготовки можетъ не совпадать съ величиною вычисленныхъ излишковъ, т. к. хлѣбъ распредѣленъ неравномѣрно по хозяйствамъ. Можно у богатыхъ крестьянъ взять и болѣе 312 милл. пуд., можно заготавливать и въ пострадавшихъ и въ потребительныхъ районахъ, но тогда надо быть готовымъ къ тому, что часть домохозяевъ даже въ непострадавшихъ районахъ окажется къ веснѣ безъ хлѣба и безъ сѣмянъ и потребуетъ помощи. Если даже признать, что цѣлесообразнѣе сосредоточить хлѣбъ въ рукахъ государства, чѣмъ оставлять его въ рукахъ „кулаковъ", то все же необходимо учитывать при этомъ, что, вмѣстѣ съ увеличеніемъ въ хлѣбномъ бюджетѣ государства прихода, увеличится и расходъ.

3) Заготовка текущаго года по 10 ноября дала всего 125,8 милл. пуд.: въ совдепіи 82,6 милл. пуд. (въ томъ числѣ продналогъ 64 милл. пуд.), на Украинѣ 43,2 милл. пуд. (продналогъ 40,7 милл. пуд.). Мы не знаемъ сколько собрано къ концу 1921 года, но, судя по темпу заготовки, итогъ къ концу года врядъ ли превысилъ 180-190 милл. пуд. Заготовить во вторую половину сельско-хоз. года 110-120 милл. пудовъ будетъ крайне трудно. Обращаетъ на себя вниманіе ничтожное поступленіе по Сибири (190 т. тоннъ — 11,4 милл. пуд.!)*) и по Украинѣ. Думается, что Европ. Россія уже почти исчерпана (18,5 милл. пуд. излишковъ въ непострадавшей части!). Не этимъ ли объясняется посылка Дзержинскаго въ Сибирь для выколачиванія хлѣба? Свидерскій**) о заготовкѣ въ совдепіи отозвался весьма пессимистически, опредѣливъ возможный ея размѣръ въ 121 милл. пудовъ (вмѣстѣ съ ввозомъ съ Украины!) противъ 232 милл. предположенныхъ. Итакъ, мы приходимъ къ выводу, что заготовка врядъ ли превыситъ 300-325 милл. пуд. Дефицитъ получится почти въ 100 милл. пудовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ дефицитъ

*) Russ. Inf. a. Rev. №5 стр. 109.
**) Докладъ 4-й с. В. Ц. И. К., 5 окт.

въ первую очередь поразитъ голодающихъ. Значитъ, около 10 милл. человѣкъ должны будутъ погибнуть! Предполагая, что часть голодающихъ (1-2 милл.) спасется бѣгствомъ (эвакуировано пока по однимъ свѣденіямъ 399,2 тыс. чел., по другимъ — 474 т. чел. (см. Russ. Inf. a. Rev. № 4 стр. 80 и № 3 стр. 57), что американская и др. организаціи помощи „кромѣ русскихъ", доведутъ число своихъ пенсіонеровъ до 2 милл. чел. (въ данную минуту — 1,5 милл. дѣтей, см. Russ. Inf. a. Rev. № 5 стр. 102), то и тогда останется 6-7 милл. обреченныхъ на смерть. При самыхъ благопріятныхъ условіяхъ (увеличеніе заготовки или сокращеніе другихъ потребностей) это число врядъ ли опустится ниже 4 милл.

До сихъ поръ мы обсуждали только величину заготовки и размѣръ возможнаго дефицита, не касаясь другихъ факторовъ, имѣющихъ роковое значеніе для жизни голодающихъ. Таковыхъ факторовъ два: 1) крайнее запозданіе со сборомъ продналога и другими видами заготовокъ, 2) разстройство транспорта.

Причиной запозданія является комбинація методовъ заготовки: принудительнаго и вольнаго. Опытъ заготовки военнаго времени учитъ, что, если наряду съ принудительнымъ сборомъ существуетъ вольная закупка, или если объявлено о допущеніи послѣдней послѣ завершенія принудительнаго сбора (дѣйствующая въ настоящее время система), то этимъ либо аннулируется принудительный сборъ, либо терпятъ ущербъ оба вида заготовокъ. Въ текущемъ году получился, напр., такой заколдованный кругъ: товарообмѣнъ нельзя вести, т. к. налогъ не собранъ, а налогъ не собранъ потому, что крестьяне предпочитаютъ сохранить хлѣбъ для будущаго товарообмѣна или вести нелегальный товарообмѣнъ съ частными лицами.*) Конечно, это положеніе обостряется тѣмъ, что продналогъ посягаетъ на значительную часть хлѣбнаго достоянія крестьянъ (въ Совдепіи — 160 милл. пуд. изъ чистаго урожая въ 968 мил. пуд.) и даже на ихъ насущныя нужды.

О разстройствѣ желѣзнодорожного транспорта мы говорить не будемъ: это всѣмъ извѣстно. Скажемъ только, что „Изв." въ сентябрѣ сообщали о вопляхъ, которые несутся изъ Харьковской губ. о переполненіи ссыпныхъ пунктовъ. Въ послѣднее время былъ слухъ о гніеніи хлѣба на ссыпныхъ пунктахъ Ю.-Зап. района. Но страшно даже не разстройство желѣзнодорожного транспорта, а гужевого. И не потому, что это отразится на подвозѣ хлѣба съ ссыпныхъ пунктовъ къ станціямъ, а, главнымъ образомъ, потому, что прибывшій въ голодающіе районы хлѣбъ не удастся распредѣлить по необъятнымъ просторамъ пострадавшей зоны. Скотъ истребленъ или погибъ. Благодаря невозможности подать хлѣбъ въ отдаленныя отъ станцій селенія, приходится, сообщаютъ, закрывать питательные пункты. Населеніе же настолько истощено, что не можетъ двигаться. Сведемъ все сказанное воедино: заготовка врядъ ли достигнетъ потребнаго уровня, но если она его достигнетъ, то главная масса хлѣба будетъ заготовляться, благодаря опозданію, уже во время начавшагося вымиранія населенія и преимущественно въ очень удаленныхъ районахъ (Сибирь); послѣднее обстоятельство, въ связи съ разстройствомъ гужевого и желѣзнодорожного транспорта, пріобрѣтаетъ особое значеніе; однако, разстройство транспорта (всякаго)

*) Все это отмѣчалось въ „Извѣстіяхъ," въ Моск. „Правдѣ" и т. д.

сохраняетъ все свое гибельное вліяніе и при заготовкѣ на Украинѣ (особенно удаленъ наиболѣе урожайный раіонъ: Ю.-Западный), чрезвычайно удлиняя періодъ времени между моментомъ заготовки и подачи хлѣба въ голодающія области. Даже прибывшій въ пострадавшіе районы хлѣбъ невѣроятно трудно будетъ распредѣлить за полнымъ отсутствіемъ гужа. Такова картина создавшагося положенія.

Посмотримъ: быть можетъ практика жизни говоритъ иное.

Наркомпродъ представилъ Ц. К. Помощи (28 сент.) при В. Ц. К. И. такое предположеніе о питаніи голодающихъ въ пострадавшей зонѣ Совдепіи. Продовольствіе должно отпускаться: въ октябрѣ для 500 т. чел., въ ноябрѣ для 1 милл. чел., въ декабрѣ для 1,5 милл. чел., съ января 1922 г. для 2 милл. чел., причемъ до новаго урожая предположено отпустить 12 милл. пуд. (см. Russ Inf. and Rev. № 3 стр. 57). Ц. К. высказалъ пожеланіе объ отпускѣ 18 милл. пуд. Такимъ образомъ, въ лучшемъ случаѣ 3 милл. человѣкъ будутъ спасены. Иностранныя организаціи пропитаютъ не болѣе 2 милл. человѣкъ. Будетъ эвакуировано и убѣжитъ, скажемъ, 1—2 милл. человѣкъ. Всего 6—7 милл. человѣкъ. Голодающихъ въ Совдепіи 12,5 милл. человѣкъ. Погибнетъ, слѣдовательно, 5,5—6,5 милл. человѣкъ, т. е. то число, къ которому мы пришли выше для всей Россіи. Подводя итогъ всему сказанному, мы съ горечью должны констатировать, что нашъ выводъ о неизбѣжной смерти 6—7 милл. человѣкъ въ текущемъ году врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію.

Будемъ надѣяться, что судьба смилостивится надъ Россіей. Но одно несомнѣнно: этотъ годъ обойдется Россіи дороже, чѣмъ великая (2,5 милл. убитыхъ) и всѣ гражданскія войны, хотя въ настоящій моментъ на нашей родинѣ „не сражаются, не побѣждаютъ, не бѣгутъ.“ Тамъ просто „остаются недвижными костями, и на нихъ идетъ снѣгъ.“ *)

Старый продовольственникъ.

---

*) Слова въ кавычкахъ взяты изъ Розанова.

Народное Представительство Будущей Россіи.

Странная тема для времени, когда еще неистовствуетъ большевистскій режимъ.

Но не удивляйтесь. Объ этомъ надо думать уже теперь.

Послѣбольшевистская Россія пока лишь не ясно предносится сознанію, напряженно вглядывающемуся въ будущее. Еще догораетъ пожаръ и все застлано густымъ дымомъ. Но за этой завѣсой созрѣваетъ новая жизнь.

Какая она будетъ?

Во многомъ не такая, какъ мы ее себѣ рисуемъ. Но кое-что представляется безспорнымъ. По неумолимому закону „акція — реакція" (да-да, господа, сотворившіе такъ много „акцій"), по закону контраста, ради самосохраненія и въ силу повелительныхъ потребностей жизни — Россія, загнанная революціей и большевизмомъ въ смертный тупикъ, станетъ почти діаметрально противоположной тому, что пытались сдѣлать изъ нея революція и большевизмъ.

Они пытались сдѣлать ее антирелигіозной, она будетъ до экстаза религіозной.

Они пытались сдѣлать ее анти- и интернаціональной, она будетъ обостренно національной, націоналистической.

Они пытались вытравить въ ней самое понятіе о частной собственности, Россія же будетъ собственнической, какъ еще никогда не была. Самое упоминаніе о соціализаціи земли, домовъ и пр. будетъ встрѣчаться негодующими криками: „долой, довольно пили и лили нашу кровь вашими соціализаціями."

Грозной будетъ эта послѣбольшевистская Россія. Россія, пережившая всѣ муки, и воспрянувшая. Россія народнаго гнѣва, нѣсколько болѣе основательнаго, чѣмъ „народный гнѣвъ", который разыгрывала блаженной памяти I-ая государственная дума.

Эта Россія проклянетъ всю революцію цѣликомъ, со всѣми ея „завоеваніями" и „завоевателями".

Но и на этомъ она не остановится. Она отвернется также отъ всего предреволюціоннаго, что подготовляло революцію. Здѣсь она пересмотритъ все и не побоится отвергнуть многое, что провозглашалось, какъ безспорныя аксіомы. О, для ско ькихъ изъ этихъ предреволюціонныхъ аксіомъ будутъ потребованы доказательства. И сколько аксіомъ окажется безпомощными и голословными „навожденіями", „навязчивыми идеями", сознательной „ложью нашего времени".

Однимъ изъ такихъ „навожденій" признана будетъ прославленная и съ 1905 года возведенная въ культъ „четырехвостка".

Послѣ пережитого, думается намъ, не всѣ хвосты останутся у этой четырехвостки.

А останется ли само народное представительство?

На этотъ вопросъ отвѣчаемъ, не колеблясь: останется. И вотъ почему. Будущая русская государственная жизнь, насколько насъ не обманываетъ чутье, будетъ протекать подъ однимъ основнымъ знакомъ: „единеніе Верховной Власти съ народомъ". А это при 100-милліонномъ народѣ и есть народное представительство. На немъ будетъ настаивать сама Верховная Власть. Ибо она будетъ искать плечи, на которыя могла бы опереться, чтобы нести непосильное бремя лежащихъ на ней задачъ. Слѣдующая историческая аналогія въ данномъ случаѣ весьма показательна: все царствованіе Михаила Ѳеодоровича, избраннаго на престолъ послѣ смутнаго времени, почти сплошь было наполнено сессіями земскихъ соборовъ.

Если же народное представительство должно быть и будетъ, то необходимо теперь уже продумать вопросы возсозданія народнаго представительства и наиболѣе разумной его организаціи. Объ этомъ мало кто думаетъ, а между тѣмъ событія могутъ захватить врасплохъ.

Старыми формами народнаго представительства у насъ были: вѣче, земскіе соборы (отъ перваго, стоглаваго, 1554 г. до послѣдняго при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ въ концѣ XVII вѣка) и законодательная коммиссія 1767 г. при Екатеринѣ II. Если не останавливаться на этихъ болѣе раннихъ формахъ, то въ новѣйшую исторію у насъ было два типа народнаго представительства: одинъ функціонировавшій — другой чрезвычайный и не функціонировавшій, до революціонный и революціонный. Это — государственная дума съ государственнымъ совѣтомъ, съ одной стороны, и учредительное собраніе, съ другой. О большевистскихъ „совѣтахъ" мы не говоримъ, потому что это не народное представительство, а лживая, замаскированная форма тиранніи кучки злодѣевъ.

Очень поучительна не долгая исторія печальной памяти учредительнаго собранія. Выборы въ это собраніе были: всеобщіе, равные, прямые, тайные и пропорціональные по спискамъ. Кто пережилъ эти „идеальные" выборы, тотъ помнитъ, какое возмутительное издѣвательство надъ настоящей идеей народнаго представительства представляли они въ Россіи. Какіе-то, никому до того невѣдомые, вынырнувшіе изъ омута, партійные комитеты, ничего общаго съ народомъ не имѣвшіе, составляли партійные списки, включали туда своихъ партійныхъ „работниковъ", заявляли эти списки, и по нимъ обязана была голосовать масса населенія. Она въ этихъ спискахъ ничего не понимала, партійныхъ работниковъ въ глаза не видала, ничего о нихъ не знала, но разные партійные агитаторы грубѣйшей демагогіей привлекали массу къ своимъ спискамъ, мѣстами прямо всовывали ихъ въ руки избирателямъ. Въ результатѣ этой безстыдной комедіи, отъ которой „было бы смѣшно, если бы не было такъ грустно", получились „народные избранники", которыхъ спокойно разогнали пьяный солдатъ и матросъ по предписанію большевистскихъ режиссеровъ. И никто даже пальцемъ не двинулъ, чтобы защитить этихъ „избранниковъ". О томъ, что это было за собраніе, говоритъ его единственный актъ — актъ о соціализаціи земли. Въ немъ полагался центръ тяжести этого эсъ-эровско-большевистскаго учредительнаго собранія, а между тѣмъ, какъ выяснили по-

слѣдующія событія, онъ оказался глубоко противнымъ всей психологіи и стремленіямъ народа. Народъ не только не хотѣлъ соціализаціи земли, но, когда начали трогать его землю, отвѣтилъ на это массовыми возстаніями, съ которыми и до сихъ поръ не могутъ справиться большевики.

Въ учредительное собраніе протиснулись по партійнымъ спискамъ партійные работники. Они способны были провозглашать свои партійныя „платформы". Но ни на какую творческую работу они способны не были. Ясно поэтому, что не такимъ способомъ надо будетъ избирать то здоровое народное представительство, которое нужно будетъ возрождающейся послѣ революціонныхъ ужасовъ Россіи.

Но и система, по которой избирались до революціи члены государственной думы, не отвѣтила бы условіямъ жизни въ измѣнившейся послѣ революціи Россіи. Исчезло помѣстное землевладѣніе, разрушена промышленность, наполовину вымерли или разбѣжались города, перепутались старыя соціальныя и бытовыя отношенія. Наиболѣе уцѣлѣвшимъ классомъ является крестьянство, роль котораго въ избраніи народнаго представительства поэтому, естественно, усиливается. Будущая Россія — это крестьянская Россія, и парламентъ ея — будетъ крестьянскимъ парламентомъ. Поэтому и система выборовъ должна быть приспособлена къ условіямъ жизни крестьянства и его потребностямъ. Выборы должны быть организованы такъ, чтобы крестьянинъ могъ сознательно участвовать въ нихъ и выбирать тѣхъ людей, кого онъ лично хорошо знаетъ, а не кого подсунетъ ему въ спискѣ какой то партійный комитетъ. Кромѣ того правильно построенное народное представительство крестьянской Россіи должно покоиться на мѣстномъ самоуправленіи и завершать его. Это старая русская идея о „возглавленіи зданія", которая такъ и не была осуществлена, потому что государственная дума была параллельна земству, а не возглавляла его. Лишь фактически нѣкоторые члены думы персонально совпадали съ земцами, но это частичное совпаденіе не могло замѣнить отсутствовавшей органической связи учрежденій. Вслѣдствіе этого государственная дума являлась болѣе отраженіемъ случайныхъ партійныхъ группировокъ, нежели выраженіемъ реальныхъ потребностей страны и живущаго въ ней населенія. Если послѣ величайшаго испытанія, пережитого Россіей, посмотрѣть съ указанныхъ точекъ зрѣнія на выборы въ государственную думу, то и ихъ надо признать неудовлетворительными.

Какіе же должны быть выборы въ будущей Россіи?

Отвѣтъ. Прежде всего не по спискамъ и не прямые. Разумное народное представительство можетъ быть выбрано русской деревней при ея сознательномъ участіи только путемъ многостепенныхъ выборовъ. Но этого мало. Народное представительство должно завершать мѣстное самоуправленіе, т. е. должно быть органически связано съ земствомъ и изъ него рождаться. Наконецъ, новой власти придется непосредственно опереться на народъ, т. е. на крестьянскую массу, ей самой предоставить устраивать разныя стороны мѣстной жизни и возложить на нее цѣлый рядъ государственныхъ задачъ (охрана безопасности и пр.). Поэтому ясно, что жизнь придется налаживать снизу. Къ этому должно быть приспособлено и возрожденіе народнаго представительства.

Въ связи со всѣмъ этимъ намъ рисуется такая схема возрожденія народнаго представительства и выборовъ его.

I. Постоянные жители каждой волости избираютъ волостное земство.

II. Волостное земство каждой волости уѣзда избираетъ извѣстное число лицъ изъ состава волостныхъ земскихъ гласныхъ въ уѣздные земскіе гласные. Такъ избирается уѣздное земство.

III. Уѣздное земство каждаго уѣзда губерніи избираетъ изъ своего состава рядъ лицъ въ губернскіе земскіе гласные. Такъ избирается губернское земство.

Если Россія будетъ раздѣлена на самоуправляющіяся области,*) то каждое уѣздное земство области должно будетъ изъ числа лицъ, избранныхъ имъ въ губернскіе земскіе гласные, избрать своихъ представителей въ областное собраніе.

IV. Наконецъ губернское земство каждой губерніи избираетъ изъ среды губернскихъ земскихъ гласныхъ извѣстное число депутатовъ въ народное собраніе. Такъ избирается всероссійское народное представительство.

Этимъ народнымъ собраніемъ и возглавляется зданіе земской самоуправляющейся Россіи. Народное собраніе явится въ измѣненной формѣ былымъ земскимъ соборомъ.

Такая система выборовъ представляетъ громадныя преимущества. Населеніе, выбирая изъ постоянныхъ жителей своей волости волостныхъ гласныхъ, будетъ выбирать не какихъ то невѣдомыхъ ему партійныхъ дѣятелей, а хорошо извѣстныхъ ему мѣстныхъ людей. Выборы будутъ производиться не спеціально для избранія парламента, какъ это было при выборахъ въ государственную думу, а для земской работы. Поэтому выбирать будутъ людей не по партійнымъ ярлыкамъ, а по оцѣнкѣ ихъ мѣстнымъ населеніемъ, какъ людей, знающихъ мѣстную жизнь, мѣстныя нужды и отношенія, какъ людей, которымъ можно довѣрить земское хозяйство и все земское дѣло. Уже это создастъ извѣстную гарантію дѣловитости избранника. Вмѣстѣ съ тѣмъ при такой системѣ каждый членъ народнаго собранія будетъ непосредственно связанъ съ какимъ-то мѣстомъ и людьми этого мѣста (волости, уѣзда, губерніи). Это не то, что какой-либо петроградскій, московскій или одесскій политикъ, проходившій по списку тамъ, гдѣ его никто никогда не видалъ и гдѣ онъ самъ во всю жизнь не былъ и никого не знаетъ. Съ другой стороны, это будутъ люди, прошедшіе искусъ четырехъ выборовъ (на волостномъ собраніи, въ волостномъ земствѣ, въ уѣздномъ и губернскомъ земствѣ; обычно это будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ еще депутаты областного собранія). Есть много шансовъ, что черезъ такую фильтрацію пройдутъ лица, которыя высоко расцѣниваются населеніемъ и своими личными качествами, либо своею практическою дѣятельностью заслужили такую высокую расцѣнку.

---

*) Аналогично тому, какъ нами въ брошюрѣ „Дѣленіе Южной Россіи на области“ (Труды Подготовительной по Національнымъ дѣламъ Комиссіи. Екатеринодаръ 1919 г.) предложено раздѣлить Южную Россію на три области: Кіевскую, Харьковскую и Одесскую. Это дѣленіе въ значительной мѣрѣ было положено въ основу раздѣленія Южной Россіи на области при Генералѣ А. И. Деникинѣ.

Именно этотъ четырехкратный отборъ гарантируетъ, что пройдутъ не сѣрые безвѣстные, ничѣмъ не выдающіеся люди, а, наоборотъ, яркія, выдѣлившіяся фигуры, съ государственнымъ кругозоромъ и здоровымъ государственнымъ чутьемъ, привлекшіе къ себѣ вниманіе избирателей первый разъ въ земскихъ собраніяхъ. Шансы полученія серьезнаго дѣлового народнаго собранія еще болѣе увеличатся, если возрастъ, какъ для пассивнаго, такъ и для активнаго избирательнаго права будетъ достаточно высокъ.

Указанный порядокъ выборовъ создаетъ единую цѣльную систему самоуправленія, идущую непрерывно отъ волости до Имперіи. Эта органическая связь парламента съ земствомъ особенно необходима для парламента будущей крестьянской Россіи, Россіи мелкихъ земельныхъ собственниковъ. Надо возродить старую поговорку: „На землѣ отъ земли, съ землею и съ людьми.“ Таково должно быть будущее народное представительство. То представительство, въ единеніи съ которымъ новой власти придется изжить послѣдствія революціоннаго разрушенія и голода, придется заставить вновь зазеленѣть поля Россіи.

Хронологически возсозданіе народнаго представительства также должно явиться заключеніемъ работъ по возстановленію земскаго самоуправленія.

Новая власть получитъ въ наслѣдство отъ разныхъ мастей революціонеровъ, отъ смѣнившихъ ихъ большевиковъ и отъ новыхъ революціонеровъ разныхъ мастей, которые, вѣроятно, вторично появятся на время при отливѣ революціонной волны — невѣроятный хаосъ.

Въ этомъ хаосѣ новая власть должна будетъ въ первую же голову (наряду съ необходимѣйшими органами государственной власти) создать мѣстные земскіе органы. Въ основу при этомъ ляжетъ волостное земство. Мѣстная крестьянская организація удержалась даже въ большевистское время, охранивъ отъ коммунистовъ некоммунистическій строй деревенской жизни. Эта упорная крестьянская организація, принявъ новую форму волостного земства, естественно будетъ камнемъ, на которомъ придется строить новую Россію.

Также естественно будетъ предоставить волостнымъ земствамъ произвести выборы уѣздныхъ земствъ, и уѣзднымъ земствамъ — выборы губернскихъ земствъ и областныхъ самоуправленій. А когда соберутся губернскія земства, они смогутъ произвести выборы депутатовъ въ народное собраніе.

Вотъ организація народнаго представительства наиболѣе разумная и цѣлесообразная для будущей, возрождающейся къ новой жизни Россіи. Это, вмѣстѣ съ тѣмъ, тотъ порядокъ выборовъ, который одинъ можетъ быть фактически проведенъ въ послѣреволюціонной обстановкѣ.

Съ идеею такой организаціи народнаго представительства надо всѣми способами стараться ознакомить возможно болѣе широкіе слои русскаго населенія. И мы убѣждены, что именно такая система выборовъ, а не выборы по партійнымъ „шпаргалкамъ“, встрѣтитъ сочувствіе сельскаго населенія, проклинающаго всякія „четырехвостки“ и все, чѣмъ подарило Россію творчество, либо обезьянничанье государствовѣдовъ революціонной эпохи.

Проф. **Александръ Билимовичъ.**

Политическій обзоръ.

I. Русскія дѣла.

На свободной русской землѣ. Освобожденная отъ большевиковъ русская территорія, даже не считая безлюдныхъ пространствъ Охотскаго побережья и Камчатки, занимаетъ нынѣ пространство раза въ два большее Чехословакіи, съ населеніемъ примѣрно въ одинъ милліонъ жителей. Преодолѣвъ трудности организаціоннаго періода, мѣстная власть, Приамурское правительство, въ декабрѣ перешло въ наступленіе; передъ Рождествомъ былъ взятъ Хабаровскъ. Большевики, подтянувъ подкрѣпленія, взяли его въ серединѣ февраля обратно; наступленіе ихъ пока приостановлено верстъ на 60 южнѣе. По этому поводу они уже трубятъ объ угрозѣ Владивостоку, расчитывая на слабую географическую освѣдомленность Европы: не всякій знаетъ, что отъ Хабаровска до Владивостока — верстъ примѣрно столько, сколько отъ Праги до Генуи, хотя бы!

Свѣдѣнія о Дальнемъ Востокѣ идутъ преимущественно изъ большевистскихъ источниковъ, и подлинныя извѣстія, въ видѣ русскихъ дальневосточныхъ газетъ, отстаютъ отъ нихъ обычно на мѣсяцъ. Поэтому, большевики уже не однажды „брали“ Владивостокъ, сообщали о бунтахъ и раздорахъ среди „бѣлыхъ“, и все затѣмъ оказывалось московскимъ измышленіемъ.

Международное положеніе русскаго правительства Приморья сильно окрѣпло послѣ Вашингтонской конференціи, которая, вопреки стараніямъ не только большевиковъ, но и пособлявшихъ имъ „новотактистовъ“, не потребовала ухода японскихъ войскъ, т. е. сохранила возможность сговора русскихъ властей съ японцами для борьбы съ большевистской опасностью. По сообщеніямъ дальневосточныхъ газетъ находящійся сейчасъ въ Китаѣ, маршалъ Жоффръ высказался за необходимость активной борьбы съ большевизмомъ; на свиданіе съ нимъ, будто-бы, выѣхалъ ген. Лохвицкій. Мечты или быль — кто знаетъ!

Въ освобожденной мѣстности налаживается жизнь; почти сказочными кажутся извѣстія о томъ, что рабочимъ въ Иманѣ было выплачено жалованье золотомъ. Большевики сознаютъ, что Приморье становится для нихъ серьезной опасностью, и прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы справиться

съ нимъ въ кратчайшій срокъ. Командующему мѣстной красной арміей, носящему эффектную фамилію Блюхера, предписано „до Генуи выйти къ Тихому океану". „Коалиціонное" правительство Читы подтянули, придавъ ему болѣе однородно коммунистическій характеръ.

Приамурское правительство заявило протестъ противъ безправнаго положенія русскихъ въ Китаѣ и Маньчжуріи. Владивостокское народное собраніе, какъ единственный дѣйствующій на русской землѣ избранный всеобщимъ голосованіемъ парламентъ, предполагаетъ вынести резолюцію противъ приглашенія большевиковъ въ Геную.

Переоцѣнивать значеніе приморскаго оазиса было бы неосторожно, но недооцѣнивать, игнорировать его — безусловно вредно для русскаго дѣла.

Въ оккупированной области.

Въ совѣтской Россіи длится глубокое и безотрадное затишье. Голодный моръ опустошаетъ Поволжье; голодаетъ Крымъ и Донъ; скудѣетъ почти вся провинція. Кто можетъ, тянется къ Западу: раньше изъ столицъ сотни тысячъ устремлялись на югъ, на востокъ, къ „хлѣбнымъ мѣстамъ". Теперь хлѣбныхъ мѣстъ нѣтъ. Есть надежда на заграницу, на уцѣлѣвшія страны. И голодающіе пріѣзжаютъ въ центръ, просачиваются до польскаго рубежа. Провинціальная интеллигенція и бѣженцы изъ столицъ пробиваются въ Москву и Петроградъ. Здѣсь — какъ будто благополучно. Давно не было такого количества магазиновъ, продуктовъ! Столько встрѣчается знакомыхъ, проведшихъ эти годы на разныхъ концахъ Россіи. И трудно изблизи различить, видя внѣшнее оживленіе, что оно — слѣдствіе оскудѣнія провинціи и ликвидаціи золотого запаса. Эта основа столичнаго „благополучія" еще пока не исчерпана. Но большевики уже изыскиваютъ новыя платежныя средства; они учитываютъ даже свои запасы почтовыхъ марокъ для коллекцій (учреждено „государственное бюро филателіи"). Болѣе серьезные результаты въ смыслѣ положенія совѣтской казны и продленія господства большевиковъ имѣетъ предпринятая ими демагогическая кампанія въ пользу изъятія изъ церквей драгоцѣнныхъ предметовъ. Ведется кампанія подъ флагомъ борьбы съ голодомъ, и всѣ возраженія прихожанъ и духовенства побиваются гнѣвными укорами въ безсердечіи и своекорыстіи. На дѣлѣ, конечно, до голодающихъ врядъ ли дошла бы хоть сколько нибудь замѣтная доля реквизированнаго, — но благовидный поводъ для изъятія золота изъ церквей, наконецъ отысканъ. Можно предвидѣть, что если большевики еще удержатся нѣкоторое время, то подъ тѣмъ же предлогомъ — вѣдь голодъ при нихъ будетъ всегда, — пойдетъ ликвидація сначала имущества дворцовъ (уже началось!), затѣмъ музеевъ, а тамъ, можетъ быть и библіотекъ („на что намъ инкунабулы, когда народу ѣсть нечего" — доводъ бьющій). Большевики,

впрочемъ, могли бы указать на примѣръ Австріи, закладывающей теперь гобелены. Но это не смягчаетъ общей неприглядной картины — распродажи накопленнаго вѣками русскаго имущества на содержаніе аппарата интернаціональной власти!

Осенній промышленный подъемъ уже спадаетъ. Послѣ рекордной цифры 60 милл. пуд. въ декабрѣ, добыча угля въ Донецкомъ бассейнѣ снова упала въ январѣ до 38 милл. На заводахъ сами большевики „прекращаютъ развертываніе", такъ какъ для оплаты повышенной нормы труда не хватаетъ продуктовъ.

Очередной ростъ цѣнъ совершается довольно быстро. Къ первому марта черный хлѣбъ достигъ въ Москвѣ 36.000 р. за фунтъ, противъ 3.800 въ началѣ октября (и 360 руб. въ октябрѣ 1920 года).

Чрезвычайка „упразднена", т. е. вѣрнѣе переименована въ Особый Отдѣлъ и передана въ Комиссаріатъ Внутреннихъ Дѣлъ, во главѣ котораго сталъ ея испытанный руководитель Дзержинскій.

Нѣкоторое „опусканіе возжей" сказалось въ появленіи полунезависимой печати; аполитичныя изданія (стихи, эстетическая критика) выпускаются даже частными издательствами, — съ разрѣшенія военной цензуры. Сдержанно оппозиціонныя рѣчи произносятся въ учебныхъ заведеніяхъ, на собесѣдованіяхъ. По настояніямъ иностранныхъ соціалистовъ, выпущена изъ тюрьмы часть меньшевиковъ, нѣсколько человѣкъ изъ нихъ поѣхало заграницу; тѣ, кто не имѣлъ на это средствъ — высланы въ провинцію (та же мѣра наказанія примѣнена и къ членамъ Московскаго Общественнаго Комитета).

Совѣтская печать начинаетъ обращать вниманіе на монархическія настроенія. „Безпартійныхъ" она сплошь и рядомъ обозначаетъ какъ „скрытыхъ монархистовъ и эсэровъ" (своеобразное сопоставленіе!) Демьянъ Бѣдный пишетъ цѣлую сатирическую поэму „Царь Андрей" на тему о бѣдствіяхъ отъ возстановленія монархіи. Въ газетѣ „Коммунистическій трудъ" появилось оффиціальное сообщеніе объ убійствѣ Царской Семьи, причемъ большевики утверждаютъ, расчитывая на неосвѣдомленность массъ, что ими истреблены всѣ члены Императорской фамиліи. — О предательскомъ убійствѣ Великаго Князя Михаила Александровича повѣствуетъ „самъ" организаторъ убійства, коммунистъ Мясниковъ.

Въ концѣ марта собирается XI съѣздъ коммунистической партіи, первый послѣ введенія „новой экономической политики". Онъ будетъ, вѣроятно, заниматься, главнымъ образомъ, вопросами международной политики въ связи съ Генуэзской конференціей и переговорами съ „прочими соціалистами" о единомъ фронтѣ. На всякій случай, чтобы имѣть поводъ отвести с.-р. большевики выпустили брошюру якобы какого-то быв-

шаго эсэра В. Семенова, который повѣствуетъ о террористическихъ замыслахъ, — и на ея основаніи собираются привлечь къ суду Центральный Комитетъ эсэровъ.

Карельское возстаніе закончилось. Послѣдніе отряды повстанцевъ должны были отступить въ Финляндію въ серединѣ февраля. Борьба продолжалась около четырехъ мѣсяцевъ.

Въ зарубежной Россіи. Переселеніе Русской Арміи изъ Галлиполи въ Болгарію и Юго-Славію почти завершилось (въ Галлиполи еще около полутора тысячъ, которые перевозятся на дняхъ). То, на что мало кто смѣлъ надѣяться, сбылось: Армія не распылена, она сохранилась для Россіи. Наибольшая заслуга тутъ, несомнѣнно, за ген. Врангелемъ, который сумѣлъ устоять и отстояль свое войско, когда недавніе союзники его травили, а наиболѣе преданные друзья готовы были отчаяться. Тѣ сердечные проводы, которые устроили ген. Врангелю всѣ русскія организаціи Константинополя, объединили всѣхъ, кромѣ большевиковъ и большевистствующихъ. Всѣ искусственно проводимыя грани направо отпали при этомъ силою вещей: есть по существу только два стана — большевики и русскіе. То же повторилось и на встрѣчѣ ген. Врангеля въ Бѣлградѣ, куда Главнокомандующій прибылъ 1 марта.

Съ пріѣздомъ ген. Врангеля въ Юго-Славію и съ приближеніемъ Генуэзской конференціи (хотя она отложена была на 10 апрѣля, а говорять уже и о болѣе позднемъ срокѣ) на очередь снова встаетъ вопросъ о согласованіи дѣйствій русскихъ противобольшевистскихъ силъ. Меньшевики уже опредѣлили свою позицію; ихъ воззваніе отъ 18 февраля прямо указываетъ, что они въ существенномъ будутъ поддерживать большевистскія домогательства (признаніе, кредиты); они — „оппозиція Его Величества пролетаріата“; это не укоръ, но констатированіе факта. Эсэры занимаютъ пока опредѣленно враждебныя большевикамъ позиціи, но продолжаютъ, какъ всегда, бороться со всѣми реальными антибольшевистскими движеніями — въ частности, съ меркуловскимъ правительствомъ. Составъ русскаго блока предуказанъ событіями: это всѣ тѣ, кто стоитъ за Русскую Армію, всѣ тѣ, кто создалъ Приамурское правительство. До сихъ поръ нѣкоторые круги, перефразируя лозунгъ „ни Ленинъ, ни Колчакъ“, еще пытаются вести линію „ни Ленинъ, ни Марковъ“. Жизнь, диктующая согласованность дѣйствій для борьбы, должна сломить эти старыя взаимныя предубѣжденія...

Работа для этого нужна еще большая. Правое крыло монархическаго объединенія, не считаясь съ условіями момента, добивается, чтобы армія, какъ таковая, приняла монархическіе лозунги. Это вызываетъ естественный отпоръ, а нѣкоторые круги (политически неопредѣленные), группирующіеся вокругъ газетъ „Русское Дѣло“ и „Возрожденіе“, пытаются

использовать эти ошибки такта и внести рознь между арміей и организованными монархистами. Конституціонно-монархическія группы (съ органомъ „Грядущая Россія“) стремятся, наоборотъ, къ сплоченію всѣхъ антибольшевистскихъ силъ. Предстоящая въ концѣ марта конституціонно монархическая конференція должна явиться этапомъ въ этой согласительной работѣ.

Виленскій вопросъ. Виленскій вопросъ относится къ русскимъ, а не къ иностраннымъ дѣламъ, такъ какъ донынѣ ни одно законное русское правительство не признало отдѣленія Виленскаго района отъ Россіи.

Вильна, которую державы побѣдительницы предполагали отдать Литвѣ, была занята въ октябрѣ 1920 года, послѣ бѣгства большевиковъ изъ подъ Варшавы, польскимъ генераломъ Желиговскимъ, котораго Польское правительство оффиціально дезавуировало, но фактически поддерживало. Желиговскій объявилъ Виленскій округъ особой территоріей — „Средней Литвой“. Лига Націй хотѣла прислать международный отрядъ для надзора за плебисцитомъ, долженствовавшимъ рѣшить судьбу области; но часть отряда — испанцевъ — хотѣла везти черезъ Швейцарію, Швейцарія же отказалась пропускать какія либо войска, запротестовали и московскіе большевики, и посылка отряда такъ и не состоялась.

Правительство Желиговскаго назначило выборы въ сеймъ, которые состоялись въ январѣ при бойкотѣ со стороны всѣхъ партій, кромѣ польской. Въ собравшемся сеймѣ оказалось большинство изъ правыхъ группъ, стоящихъ за безусловное присоединеніе къ Польшѣ.

Между тѣмъ, польское центральное правительство, кабинетъ Пониковскаго — Скирмунта, сочло по международно-политическимъ соображеніямъ, желательнымъ дать Вильнѣ автономію (противъ подтасовки выборовъ рѣзко протестовала Англія, ожидались возраженія Лиги Націй). По соглашенію съ польскими правыми партіями, большинство виленскаго сейма отказалось принять автономію, и его представители демонстративно не явились на совѣщаніе съ кабинетомъ Пониковскаго, — что вызвало въ началѣ марта отставку всего польскаго министерства.

Большевики и „заграница“. Въ первые мѣсяцы этого года вывозъ золота изъ совѣтской Россіи, по свѣдѣніямъ прибалтійскихъ и скандинавскихъ банковъ, значительно усилился. Повидимому, большевики стремятся создать себѣ операціонный фондъ въ Европѣ. Съ Швеціей, гдѣ во главѣ министерства умѣренный соціалистъ Брантингъ, въ началѣ марта подписанъ торговый договоръ, который вносится теперь въ риксдагъ.

Наибольшій интересъ за послѣднее время вызывалъ вопросъ о признаніи большевиковъ державами. Приглашеніе

совѣтскихъ представителей на Генуэзскую конференцію, рѣшенное въ Каннахъ, повторяетъ старый планъ Ллойдъ Джорджа отъ начала 1919 г. Существенно измѣнилась обстановка, но основное затрудненіе — рѣзкая разница всего хозяйственно-правового уклада — осталось. Изъ него пытаются найти нормальные выходы, въ видѣ гарантіи особыхъ правъ иностранцевъ; это требуетъ особой юрисдикціи; строятся соотвѣтственные планы; можетъ быть, пойдутъ разговоры и объ особыхъ отрядахъ для поддержанія авторитета этихъ судовъ. Всѣ эти искусственныя комбинаціи мало имѣютъ шансовъ на осуществленіе, такъ какъ попытка возстановить хозяйство при большевикахъ — все равно слишкомъ дорогая и рискованная вещь.

У большевиковъ, а отчасти и въ зарубежной Россіи, существуетъ преувеличенное представленіе о ихъ значеніи для Европы. Изъ того, что отдѣльные искатели наживы ухитряются что-то урвать, выводится чуть ли не возможность разрѣшенія всего мірового экономическаго кризиса путемъ торговли съ Россіей. Уже французскій министръ торговли Діоръ совершенно правильно указывалъ, что наибольшая безработица какъ разъ въ тѣхъ странахъ, для которыхъ торговля съ Россіей никогда не имѣла существеннаго значенія (Англія и Америка), а, наоборотъ, Германія, ранѣе въ значительной мѣрѣ жившая этой торговлей, а также сношеніями съ тоже нынѣ неустроеннымъ прочимъ Востокомъ Европы, промышленно почти оправилась (причемъ торговля съ совѣтской Россіей играетъ ничтожную роль въ ея торговомъ балансѣ). Но большевики увѣрены, — или хотятъ всѣхъ увѣрить, — что безъ нихъ Европѣ не прожить, и приглашеніе Каннской конференціи въ Геную они сочли полной своей побѣдой („Побѣда при Каннахъ“ писали въ „Смѣнѣ Вѣхъ“, забывая, быть можетъ, что война, ознаменовавшаяся побѣдой Ганнибала при Каннахъ, закончилась затѣмъ полнымъ разгромомъ Карѳагена.) Они стали принимать гордый видъ, посылать ноты, то требующія перенесенія конференціи въ Лондонъ, чтобы имъ не такъ далеко было ѣхать, то протестующія противъ отсрочекъ по такимъ неважнымъ поводамъ, какъ какіе то министерскіе кризисы въ Италіи!

Ихъ максимальныя надежды на Генуэзскую конференцію — это предоставленіе имъ кредита; минимумъ требованій — признаніе de jure, которое, по ихъ мнѣнію, должно дать имъ болѣе свободное движеніе въ Европѣ, всюду — легализованныя миссіи, пресѣченіе открытой противобольшевистской работы, выдачу русскаго флота и т. д. (а можетъ быть, и русскаго золота заграницей). За это они готовы заплатить обѣщаніями, гарантіями правъ иностранцевъ, покоющимися на „честномъ словѣ“ коммунистической партіи, и предоставленіемъ преимущественныхъ правъ на остатки русской государ-

ственной движимости тѣмъ, кто окажетъ имъ наибольшее содѣйствіе въ дѣлѣ международнаго признанія.

Признаніе, конечно, нанесло бы русскому дѣлу извѣстный вредъ, затрудняя быть можетъ, организаціонную противобольшевистскую работу, но конечно оно само по себѣ не спасло бы большевиковъ, такъ какъ не устранило бы грозно растущаго оскудѣнія.

Пока же большевикамъ открылось поле международныхъ интригъ, и они пользуются новыми возможностями довольно оригинально, стараясь спутать всѣ комбинаціи и доказать полное отсутствіе моральной и политической устойчивости у „буржуазныхъ" правительствъ.

Пріѣзжавшій въ Германію Радекъ пустилъ во французскія и нѣмецкія газеты интервью, въ которыхъ вздыхалъ о франко русскомъ союзѣ, кивалъ на Англію, которая, молъ, рада держать „Россію" въ черномъ тѣлѣ; — если бы въ Россіи было „бѣлое" правительство, — цинично сознавался онъ, — съ нимъ должны были бы считаться какъ съ равнымъ, а насъ, большевиковъ, сторонники ослабленія Россіи прямо таки должны были бы выдумать, если бы насъ не было. Затѣмъ въ нѣмецкихъ газетахъ появилось сообщеніе о подписаніи предварительнаго соглашенія между большевиками и Франціей, и началась усиленная агитація въ пользу того, чтобы не дать французамъ себя опередить. Запестрѣли заголовки „Борьба за Россію", — т. е. за благосклонность совѣтской власти, — и большевистскія газеты писали съ торжествомъ о томъ, что совѣтская Россія изъ Золушки попала въ разборчивыя невѣсты. Опроверженія французовъ замалчивались и перетолковывались, и дѣло дошло до закрытаго засѣданія комиссіи рейхстага, послѣ котораго толки наконецъ затихли. Оказалось, что Радекъ предъявлялъ нѣмцамъ подложный договоръ съ французами, и вся авантюра имѣла цѣлью показать, какъ падки буржуазныя страны на возможность наживы: слухъ о томъ, что кто-то всерьезъ надѣется что-то урвать, тревожитъ всѣхъ конкуррентовъ и сбиваетъ со всѣхъ принципіальныхъ позицій.

Надо сказать, что Радеку не удалась бы его шумиха, если бы серьезные матеріальные интересы нѣкоторыхъ круговъ не были связаны съ успѣхомъ большевистской охоты за кредитами. Если бы, паче чаянія, большевики получили заемъ, для нихъ онъ былъ бы чистой прибылью, но при его обращеніи въ дѣло имъ пришлось бы подѣлиться и съ другими, — тѣми, кому они закажутъ товаръ. Конкретизируя: если бы скажемъ, американецъ далъ большевику взаймы — большевикъ купилъ бы себѣ у нѣмца нужные ему предметы; въ чистомъ убыткѣ — американецъ (долга большевикъ не вернетъ!), главный барышъ — за большевикомъ, кое-что получитъ, однако, и нѣмецъ. Поэтому, часть германской промыш-

ленности (гл. обр. германской, по валютнымъ и географическимъ основаніямъ) заинтересована непосредственно въ кредитѣ большевикамъ. Поддерживаемая ею печать естественно поэтому служитъ резонаторомъ совѣтскихъ заявленій. Но этотъ частный интересъ отдѣльныхъ промышленныхъ круговъ идетъ въ разрѣзъ не только съ общими интересами возстановленія мірового хозяйства, для котораго большевистская область является пробоиной, могущей стать опасной, — но и съ частными интересами всякой страны, какъ показала роль большевиковъ въ недавней германской забастовкѣ.

За признаніе и кредитъ большевики, пожалуй, готовы были бы заплатить и демонстративными правовыми уступками во внутренней политикѣ, допущеніемъ „прочихъ соціалистовъ", созывомъ какого-нибудь „представительнаго" собранія по примѣру Читинскаго; они — мастера инсценировокъ, и, можетъ быть, приберегаютъ таковыя подъ занавѣсъ. Это рѣшитъ вѣроятно XI-й съѣздъ коммунистической партіи.

Даже инсценировка парламента была бы сдвигомъ съ мертвой точки, конечно; и рѣшатся ли на нее большевики — покажетъ недалекое будущее. Свободная зарубежная печать всегда сможетъ разоблачить инсценировку, а всякая перемѣна нарушаетъ психологическую инерцію, одну изъ главныхъ опоръ всякой фактической власти.

С. С. Ольденбургъ.

7-III./22-II. 1922.

II. Дѣла иностранныя.

Англія. Глубокіе сдвиги, могущіе отразиться и на всей міровой жизни, сейчасъ, повидимому, назрѣваютъ въ Англіи. Наслѣдіе войны, ллойдъ-джорджевская коалиція, переживаетъ критическій періодъ.

Еще недавно казалось, что „примиривъ непримиримое" въ Ирландіи, политика компромиссовъ, политика рѣшеній отъ случая къ случаю, безъ общей цѣли и безъ плана, которую съ большимъ мастерствомъ проводилъ Ллойдъ-Джорджъ, имѣетъ шансы утвердиться надолго.

Но Ирландія — разочаровываетъ. Сиинь-фейнерскій парламентъ принялъ мирный договоръ, англійскія войска уводятся, а т. н. ирландская „республиканская армія" производитъ набѣги на Ульстеръ и похищаетъ десятки политическихъ дѣятелей враждебнаго лагеря. Въ партійной организаціи сиинь-фейнеровъ непримиримые, сторонники де Валера, имѣютъ большинство; на съѣздѣ партіи, (отношеніе котораго къ ирландскому парламенту примѣрно такое же, какъ съѣздовъ Росс. коммунистической партіи — къ Центр. Исп. Комитету) они преобладали, и подъ ихъ давленіемъ ирландское оффиціальное правительство согласилось отложить выборы пар-

ламента Ирландскаго Свободнаго Государства на три мѣсяца. Немедленные выборы дали бы, вѣроятно, большинство, сторонникамъ мира съ Англіей; но именно этого не хотѣли руководящіе сиинь-фейнерскіе круги, и правительство Коллинса имъ подчинилось, хотя въ нынѣшнемъ парламентѣ оно имѣетъ, хотя и маленькое, большинство,

Перестрѣлка и „похищенія“ на рубежахъ Южной Ирландіи и Ульстера и ростъ вліянія непримиримыхъ тревожатъ и нервируютъ общественное мнѣніе Англіи. Уже въ Палатѣ Общинъ (сессія открылась 7 февраля) при обсужденіи ирландскаго вопроса число возражающихъ, съ 50 въ декабрѣ, выросло до 100, а многіе воздержались еще отъ голосованія.

Въ Египтѣ и въ Индіи усиливаются, между тѣмъ, противоанглійскія движенія. Египту англійское правительство рѣшило предоставить формальную независимость, отмѣнивъ протекторатъ и замѣнивъ его системой договоровъ съ египетскими властями. Въ Индіи вспышки возстаній (Малабаръ), забастовки, проповѣдь бойкота англійской службы ростутъ особенно среди мусульманскаго населенія, составляющаго около четверти общаго числа. Независимость Египта, хотя бы внѣшняя, несомнѣнно должна отразиться и на Индіи. И на горизонтѣ встаетъ возможность мирнаго или почти мирнаго — распада Британской Имперіи.

Въ то же время, общее нежеланіе нести дольше повышенные налоги, отразившееся въ кампаніи „анти-расточительства“, все болѣе овладѣваетъ рядовымъ англичаниномъ. Сократить расходы — это почти что условіе существованія всякаго правительства Англіи въ данный моментъ. Совершенно ясно, что сколько нибудь крупное сокращеніе государственныхъ расходовъ неизбѣжно должно внести глубочайшія перемѣны въ весь строй. Какія нибудь демонстративныя сбавки жалованій министрамъ и высшимъ чинамъ дали бы гроши и только явились бы символомъ нивеллировки; въ Англіи это понимаютъ, и за дѣло взялись серьезнѣе.

Крупныя сокращенія возможны въ двухъ областяхъ: 1) по оборонѣ государства; 2) по его „бездоходнымъ предпріятіямъ“, — по учебному дѣлу, санитаріи, соціальному обезпеченію и т. д.; съ предоставленіемъ въ нихъ большей роли частной иниціативѣ и частной благотворительности.

Комиссія подъ предсѣдательствомъ сэра Эрика Геддса, задавшаяся цѣлью сократить бюджетъ на 100 милл. ф. стер. въ годъ, (весь довоенный бюджетъ Англіи былъ въ 200 милл.) уже предложила сокращенія на 75 милл. и обѣщаетъ дальнѣйшія. Изъ этой суммы 46 милл. относятся на военный бюджетъ, 18 милл. на народное образованіе, остальные на санитарію, пенсію, полицію и т. д.. Противъ доклада Геддса сразу началась кампанія съ двухъ сторонъ. Морское вѣдомство объявило проэкты сокращенія флота „диллетантскими“ и подрывающими

безопасность страны. Съ другой стороны вся радикальная печать ополчается противъ „недемократическаго духа“ доклада, который посягаетъ якобы на равенство въ вопросахъ образованія, грозя сократить до минимума безплатное обученіе, и т. д.

Разслоеніе снова идетъ по старымъ линіямъ — сторонники имперскаго единства, примата внѣшней безопасности, отрицанія нивеллировки черезъ государство съ одной стороны; сторонники „самоопредѣленіи“, ставки „на миръ всего міра“ и дальнѣйшей демократизаціи — съ другой.

На дополнительныхъ выборахъ коалиція терпитъ пораженіе за пораженіемъ; она съ 1918 г. потеряла уже 16 мѣстъ, — и, большей частью, въ пользу рабочей партіи. За нею, однако, попрежнему подавляющее большинство въ парламентѣ, около четырехъ пятыхъ всѣхъ голосовъ. Это большинство — неоднородно. Въ немъ значительную роль играютъ коалиціонные либералы, но все же уніонисты (консерваторы), съ не входящими въ коалицію болѣе правыми группами, имѣютъ много болѣе половины мѣстъ. Такъ — въ парламентѣ; срокъ его жизни — декабрь 1923 г.. Каковъ бы былъ теперь результатъ при немедленныхъ выборахъ — предсказать съ увѣренностью нельзя; оппозиція — рабочая партія и независимые („асквитовскіе“) либералы разсчитываютъ, что могли бы получить большинство. Но, съ другой стороны, на выборахъ въ Лондонскій муниципальный совѣтъ только что побѣдили консерваторы „анти-расточительнаго“ толка, получившіе 82 мѣста, противъ 26 либераловъ и 15 членовъ рабочей партіи.

Въ уніонистской партіи обнаружилось въ февралѣ серьезное недовольство, своего рода бунтъ „низовъ“ партіи противъ коалиціонной политики „верховъ“. Терпѣть пораженія и нести отвѣтственность за чужую, глубоко ей несимпатичную, политику уніонистской партіи не по душѣ. Она склонялась передъ необходимостью, пока ее оправдывалъ успѣхъ, пока Ллойдъ Джорджъ казался ей меньшимъ зломъ. Но ничего не получивъ отъ коалиціи, и собственными руками разрушивъ самыя основы своей политики (Ирландія!), она, видимо, устала „терпѣть“. Руководитель центральной партійной организаціи уніонистовъ сэръ Джорджъ Іонгеръ (Younger) открыто выступилъ противъ дальнѣйшаго отождествленія партіи съ Ллойдъ Джорджевской коалиціей. „Намъ нуженъ честный разводъ“, заявилъ онъ, — послѣ этого мы можемъ оставаться другъ съ другомъ въ великолѣпныхъ отношеніяхъ“.

Лидеры уніонистовъ, сжившіеся съ коалиціей и опасающіеся гадательныхъ результатовъ политическаго сдвига, пытаются успокоить своихъ нетерпѣливыхъ сочленовъ. Ллойдъ Джорджъ со своей стороны, грозитъ отставкой, если уніонистская партія не дезавуируетъ сэра Джорджа Іонгера (остроумцы говорятъ о борьбѣ двухъ Джорджей). Оппозиціонные либералы дѣлаютъ авансы коалиціоннымъ, надѣясь возста-

новить единство либеральной партіи и снова править въ составѣ прежняго лѣваго блока, бывшаго у власти 1906—1915, — либералы и рабочая партія, (на этотъ разъ только безъ ирландцевъ).

Какъ бы ни разрѣшился кризисъ въ данный моментъ, разслоеніе идетъ, повидимому, уже слишкомъ глубокое, чтобы могла снова надолго окрѣпнуть политика компромиссовъ. Во внѣшнихъ сношеніяхъ Англія становится пока гораздо менѣе активнымъ и менѣе опредѣленнымъ факторомъ, такъ какъ стали возможны крупные повороты руля, и трудно заранѣе учесть всѣ ихъ послѣдствія.

Германія. Англійскій кризисъ отразился на Германіи рѣзкимъ паденіемъ курса марки, и это очень характерно для тѣхъ „психологическихъ“ спекулятивныхъ, почти отрѣшенныхъ отъ нормальной экономики колебаній курса, которыя имѣютъ мѣсто въ послѣднее время. Уйдетъ Ллойдъ-Джорджъ, съ Германіи начнутъ суровѣе выжимать контрибуцію, марки упадутъ еще больше, надо скорѣе сбыть ихъ, — вотъ примѣрное разсужденіе массы обывателей.

Вопросъ о контрибуціи продолжаетъ висѣть въ воздухѣ. Германія вноситъ по 31 милл. мар. золотомъ или валютой каждые 10 дней и ждетъ рѣшенія союзниковъ. Англія сговорилась съ Франціей предоставить рѣшеніе т. н. комиссіи по возмѣщеніямъ, т. е. инстанціи, установленной Версальскимъ миромъ. Рейхстагомъ принятъ рядъ новыхъ налоговъ и принудительный внутренній „заемъ“ въ милліардъ марокъ золотомъ: заемъ первые три года — безпроцентный, дальнѣйшее не предрѣшено; по существу, это отчужденіе части капитала. На этомъ рѣшеніи удалось объединить значительное большинство рейхстага, и возобновились было толки о созданіи „большой коалиціи“.

Зловѣщимъ предупрежденіемъ врѣзалась въ жизнь Германіи желѣзно-дорожная забастовка въ первой половинѣ февраля. Противъ нее высказались всѣ „верхи“ профессіональныхъ организацій, и, несмотря на это, почти по всей Германіи, кромѣ Баваріи и оккупированныхъ мѣстностей, желѣзныя дороги стали. Въ Берлинѣ, гдѣ былъ центръ движенія, къ нему была пріурочена забастовка городскихъ предпріятій, оставившая было городъ безъ воды, свѣта, внутреннихъ путей сообщенія; коммунисты явились направляющей силой (причемъ нѣмецкая печать указывала на несомнѣнное содѣйствіе русскихъ большевиковъ) и пытались превратить забастовку во всеобщую, созвавъ для этой цѣли совѣщаніе фабрично-заводскихъ совѣтовъ Берлина. Благодаря энергичной работѣ добровольцевъ-техниковъ удалось, однако, постепенно наладить, хотя и въ скромныхъ размѣрахъ, ж.-д. движеніе, возстановить водоснабженіе, постепенно оживлять электрическія станціи. Чисто политическій характеръ движе-

нія сказался въ отсутствіи ясныхъ и сколько нибудь дѣловыхъ экономическихъ требованій. Когда сталъ выясняться неуспѣхъ, руководители забастовки пошли на переговоры, а правительство Вирта, издавшее вначалѣ грозное распоряженіе президента о запрещеніи всякихъ забастовокъ въ государственныхъ предпріятіяхъ, согласилось ограничиться увольненіемъ отдѣльныхъ лицъ, не затрагивая организацій.

Событія же первой половины февраля выяснили наличіе въ Германіи силъ, способныхъ активно противустоять забастовочному террору, но они же показали, что коммунисты владѣютъ еще мощной организаціей, способной, вопреки всѣмъ стараніямъ „прочихъ соціалистовъ", вовлекать въ борьбу общія массы рабочихъ. Окопавшись въ „завоеваніяхъ 1918—19 годовъ" (фабричные совѣты, профессіональные союзы съ широкими правами и т. д.), они могутъ въ удобную для себя минуту переходить въ наступленіе.

Вопросы, связанные съ забастовкой, послужили только предлогомъ къ рѣзкому выступленію противъ министерства Вирта; настоящей причиной его явилось назначеніе Ратенау на постъ министра иностранныхъ дѣлъ; переговоры о „большой коалиціи" сорвались, народная партія (нац.-либер.) сочла это назначеніе вызовомъ себѣ.

Антагонизмъ народной партіи, и, въ частности, Стиннеса, крупнаго предпринимателя и одного изъ вождей германской промышленности, — и бывшаго министра возстановленія, тоже крупнаго промышленника, Ратенау является борьбой двухъ государственно-экономическихъ воззрѣній. Стиннесъ (и народная партія) — за сокращеніе экономической роли государственной власти, Ратенау — за „государственный капитализмъ." Не столько внѣшняя (уступчивая) политика Ратенау, сколько его соціализаторскій уклонъ вызываютъ самый рѣзкій отпоръ сторонниковъ Стиннеса, доходящій до личнаго отвода и борьбы противъ всякаго правительства, въ составъ котораго входитъ Ратенау.

Общая международная обстановка требовала для даннаго момента сохраненія кабинета Вирта, паденіе котораго было бы понято во внѣ, какъ торжество „милитаризма". Поэтому парламентъ долженъ былъ выйти изъ положенія особымъ маневромъ. Большинство рейхстага по партіямъ высказалось противъ министерства: но при голосованіи вопроса о довѣріи, часть депутатовъ (баварской народной партіи) воздержалась, часть независимыхъ соціалистовъ покинула залъ, и правительство получило отъ рейхстага формальный вотумъ довѣрія. Это явилось все же нѣкоторымъ моральнымъ успѣхомъ Вирта: косвенно даже его противники признали, что для даннаго момента онъ необходимъ, какъ ни антипатиченъ онъ вообще.

Всплывшій въ концѣ февраля вопросъ о назначеніи на лѣто выборовъ президента (производимыхъ по конституціи

всенароднымъ голосованіемъ, а не парламентомъ) показалъ еще разъ, что въ Германіи нѣтъ ни одного имени, которое стояло бы внѣ спора, трудно представить сколько нибудь единодушное проведеніе той или иной кандидатуры. Поэтому, сохраненіе status quo съ президентомъ Эбертомъ наиболѣе, видимо, вѣроятно.

Италія. Неустойчивая итальянская коалиція изъ либераловъ и католиковъ было уже развалилась; поводомъ послужило недовольство либераловъ чрезмѣрнымъ, по ихъ мнѣнію, католическимъ уклономъ министерства Бономи, въ частности — визитами министровъ въ Ватиканъ послѣ смерти папы Бенедикта XV.

Избранный вначалѣ міровой войны, покойный папа долженъ былъ выдержать труднѣйшую борьбу, подвергаясь нападкамъ съ обѣихъ сторонъ, чтобы сохранить единство католической церкви, сыны которой сражались въ обоихъ враждующихъ станахъ. Онъ сумѣлъ сохранить нейтралитетъ, но болѣе активной роли ему судьба не судила. Избранный на его мѣсто кардиналъ Ратти, принявшій имя Пія XI, за время своего пребыванія въ Варшавѣ въ качествѣ папскаго нунція считался другомъ Польши и Франціи и совѣтовалъ жителямъ верхней Силезіи, присоединеннымъ къ Польшѣ, лойально примириться со своей судьбой. Въ отношеніи Италіи, повидимому, новый папа станетъ придерживаться примирительной политики, но согласится ли онъ отказаться отъ традиціи „ватиканскаго плѣна“ — пока неизвѣстно.

Когда большинство либеральныхъ депутатовъ высказалось противъ политики Бономи, министерство, не выжидая вотума парламента, вышло въ отставку. Начался министерскій кризисъ, длившійся около мѣсяца. Составить кабинетъ безъ католиковъ и соціалистической партіи, — отъ самыхъ правыхъ группъ до соціалистовъ - реформистовъ, — почти немыслимо. Какъ то сговориться съ католиками приходилось; въ то же время, сверженіе Бономи произошло именно подъ лозунгомъ борьбы съ ихъ „засиліемъ“. Парламентъ — безъ большинства; а избранъ онъ всего девять мѣсяцевъ назадъ; новые выборы — при дѣйствующей пропорціональной системѣ — дали бы опять почти тотъ же результатъ. Католики отводили всѣхъ лидеровъ либераловъ и радикаловъ, особенно возражая противъ Джолитти. Попытка же возродить министерство Бономи привела къ тому, что палата въ первомъ же засѣданіи большинствомъ почти $^3/_4$ голосовъ (всѣхъ противъ католиковъ и соціалистовъ-реформистовъ) выразила ему недовѣріе. Снова начались переговоры, и, наконецъ, было создано министерство де Факта, въ которомъ джолиттіанцы безъ Джолитти играютъ руководящую роль; имѣются и католики, но изъ второстепенныхъ. Министерство, по отзывамъ сочувствующихъ ему газетъ, не вызываетъ

ничьихъ восторговъ, но, по крайней мѣрѣ, не встрѣчаетъ особыхъ возраженій. Прочность его, конечно, сомнительна.

Фашисты (которые за послѣднее время начали пріобрѣтать наряду съ анти-соціалистическимъ характеромъ мѣстами анти-клерикальный характеръ) за послѣднее время проявили себя переворотомъ въ Фуіме, гдѣ они свергли „автономистскія“ выборныя власти и установили правительство изъ сторонниковъ полнаго объединенія съ Италіей. Инцидентъ окончится, однако, вѣроятно, возстановленіемъ выборныхъ властей, итальянское правительство врядъ ли захочетъ итти на международныя осложненія изъ-за внутренней борьбы въ Фіуме.

Вопросъ о Генуѣ. Шатанія внутри странъ, стоявшихъ за Генуэзскую конференцію, и твердый курсъ внутренней политики Франціи, относящейся спектически и даже съ опаской къ международнымъ ареопагамъ, не могли не оказать своего воздѣйствія. Франція, въ нотѣ къ Англіи, потребовала строгаго ограниченія задачъ конференціи и добивалась предварительнаго соглашенія союзниковъ по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ. Тактика традиціонной дипломатіи, частныхъ соглашеній, которую проводитъ Пуанкарэ, воспреобладала надъ попытками Ллойдъ-Джорджа ввести новые пріемы международной политики.

На состоявшемся въ Булони свиданіи премьеровъ англо-французское расхожденіе было ликвидировано — уступила, въ общемъ, при этомъ Англія. Франція согласилась участвовать въ Генуэзской конференціи, срокъ которой перенесенъ на 10 апрѣля; но при этомъ оговорено, что 1) конференція не можетъ касаться не только Версальскаго договора, но и прочихъ мировъ подъ Парижемъ; что 2) не можетъ быть поднятъ вопросъ о размѣрахъ или способѣ взиманія контрибуціи; что 3) изъ конференціи не должно произойти никакой постоянной организаціи, могущей замѣнить Лигу Націй; наоборотъ, рѣшенія конференціи могутъ быть переданы для исполненія Лигѣ; что 4) за Франціей въ полной мѣрѣ сохраняется право примѣненій санкцій (въ своей нотѣ французское правительство указываетъ, что, въ случаѣ возстановленія Габсбурговъ, Гогенцоллерновъ или иной „военной монархіи“ въ побѣжденныхъ странахъ, оно сочтетъ нужнымъ отказаться отъ принципа невмѣшательства); что 5) вопросъ о разоруженіи не можетъ быть поставленъ въ Генуѣ, „такъ какъ Германія еще не исполнила всѣхъ своихъ обязательствъ по Версальскому договору“, и, наконецъ, что 6) приглашеніе совѣтскаго правительства на конференцію никоимъ образомъ не предрѣшаетъ его признанія; вопросъ этотъ можетъ быть поставленъ только въ концѣ конференціи, причемъ, каждое изъ союзныхъ правительствъ оставляетъ за собой полную свободу дѣйствій.

Французская печать, какъ и болѣе правая часть англійской, въ общемъ удовлетворена результатами свиданія въ Булони. Остроумную ихъ оцѣнку даетъ графъ Аппоньи: „собирались, говоритъ онъ, мужъ и жена дать обѣдъ; стали сговариваться о томъ, какія заказать кушанья, и все другъ другу уступали, вычеркивая все, что не нравилось другому. Остались въ концѣ концовъ отъ всего меню только бульонъ да горчица".

За пріѣздомъ Ллойдъ Джоржа въ Булонь теперь послѣдовалъ пріѣздъ новаго итальянскаго министра иностранныхъ дѣлъ Шанцера въ Парижъ. Опредѣленность политики Франціи — независимо отъ ея достоинства по существу — несомнѣнно въ данный моментъ увеличиваетъ ея вліяніе во внѣ.

Конецъ Вашингтонской конференціи.

Вашингтонская конференція закрылась 6-го февраля. Она выполнила свое назначеніе: ограниченіе морскихъ вооруженій и Четверное Тихоокеанское соглашеніе, замѣнившее Англо-Японскій союзъ, стали совершившимся фактомъ; большаго отъ конференціи ея иниціаторы и не ждали. Изъ прочихъ постановленій заслуживаетъ вниманія отказъ Японіи отъ Шантунга, заявленіе державъ о гарантіи неприкосновенности Китая и такое же заявленіе о Сибири; при этомъ конференція не поддалась на большевистскую демагогію и не потребовала увода японскихъ войскъ изъ Владивостока; Японія же со своей стороны обязалась его очистить по установленіи въ Россіи законнаго правительства.

Изъ разныхъ странъ.

Во Франціи сохраняется преобладаніе внѣшнеполитическихъ надъ внутренне-политическими вопросами; національный блокъ, имѣющій прочное большинство въ палатѣ, сохранилъ бы его, повидимому, и въ случаѣ новыхъ выборовъ. Министерство Пуанкарэ поддерживается всей правой вплоть до роялистовъ; противъ него только соціалисты, часть радикаловъ и нѣкоторые личные противники премьера.

Въ Венгріи предстоятъ новые выборы. Созванное послѣ ликвидаціи большевизма Національное Собраніе разошлось 16 февраля, не выработавъ новаго избирательнаго закона; онъ вводится теперь правительственнымъ указомъ. Отъ изданнаго въ революціонные годы онъ отличается требованіемъ грамотности, повышеніемъ возраста (4 класса училища и 24 года для мужчинъ; 6 классовъ и 30 лѣтъ для женщинъ) и введеніемъ открытаго голосованія во всѣхъ округахъ, кромѣ большихъ городовъ (дающихъ около одной шестой всѣхъ депутатовъ). Создана новая единая правительственная партія, которая имѣетъ наибольшіе шансы побѣдить на выборахъ. Въ оппозиціи, кромѣ соціалистовъ, сторонники короля Карла. Правительственная партія, заявляя себя монархической, счи-

таетъ нужнымъ отложить династическій вопросъ до упроченія внѣшняго и внутренняго положенія Венгріи.

Новые выборы въ Португаліи дали большинство умѣреннымъ республиканцамъ. Образовано новое министерство, четырнадцатое за два года. Во второй половинѣ февраля произошло снова выступленіе войскъ — третій разъ съ лѣта 1921 года! — Правительство бѣжало изъ Лиссабона, но потомъ, повидимому, снова овладѣло положеніемъ. Вся исторія Португаліи за послѣдніе 10 лѣтъ со времени сверженія короля Мануэля представляетъ изъ себя серію учащающихся переворотовъ, производимыхъ сравнительно небольшими войсковыми частями.

Попытки войска, вѣрнѣе офицерства, играть активную политическую роль, — столь характерныя для средней и южной Америки, — въ нѣкоторой мѣрѣ проявляются въ дѣятельности такъ называемыхъ „военныхъ хунтъ“ и въ Испаніи; но здѣсь умѣряющей силой является королевская власть; такъ, въ недавнемъ конфликтѣ хунтъ съ министромъ Ла-Сіерви по поводу нѣкоторыхъ назначеній правительство отказалось подчиниться ультиматуму, король одобрилъ его рѣшеніе, и на бунтъ противъ короля офицерскіе организаціи не пошли.

Три интернаціонала. Переговоры о созданіи единаго соціалистическаго фронта пока не привели еще къ опредѣленному результату. Собравшаяся 25 февраля во Франкфуртѣ на Майнѣ соціалистическая конференція пяти государствъ (Англіи, Германіи, Италіи, Франціи и Бельгіи), состоявшая изъ представителей второго (Брюссельскаго) и $2^1/_2$-го (Вѣнскаго интернаціоналовъ, обсуждала вопросъ о согласованіи) дѣятельности соціалистическихъ партій въ международномъ масштабѣ. Конференція должна была явиться подготовительной къ намѣчаемому параллельно съ Генуэзской конференціей обще-соціалистическому съѣзду до большевиковъ включительно. Въ то же время 24 февраля открылось въ Москвѣ совѣщаніе исполнительнаго комитета третьяго интернаціонала съ представителями съ мѣстъ, посвященное тому же вопросу. Предполагается затѣмъ созвать въ Берлинѣ совѣщаніе исполнительныхъ комитетовъ всѣхъ трехъ интернаціоналовъ. Наиболѣе трудно разрѣшимымъ вопросомъ при соглашеніи прочихъ соціалистовъ съ большевиками является требованіе о предоставленіи извѣстной свободы соціалистическимъ партіямъ въ совѣтской Россіи; требованіе это составляетъ для второго и $2^1/_2$-наго интернаціоналовъ своего рода point d'honneur, для большевиковъ — это было бы нарушеніе всей ихъ полицейской системы. Будетъ ли найденъ компромиссъ, что нибудь вродѣ допущенія соціалистовъ, „лояльно признавшихъ совѣтскую власть“ и т. д. или нѣтъ, еще рѣшить трудно.

Вліяніе соціалистовъ въ Европѣ — сейчасъ уже на ущербѣ, и, вѣроятно, они не откажутся согласовать, такъ или иначе, свои дѣйствія съ правительствомъ, заявляющимъ себя соціалистическимъ, — если оно дастъ имъ для этого удобный предлогъ.

С. С. Ольденбургъ.

5. III./20. II. 1922.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

1. Архивъ русской революціи. Издаваемый І. В. Гессеномъ. Т. І. (изд. 2-е) 315 стр.; т. II. (изд. 2-е) 227 стр.; т. III. 277 стр.; т. IV. 289 стр. Берлинъ 1922. Ц. за томъ 70 герм. мар.

„Архивъ русской революціи" является первой попыткой собрать документы и свидѣтельскія показанія о послѣднихъ годахъ. Онъ представляетъ поэтому выдающійся интересъ. Хорошо изданныя большія книжки (in 4°) и по внѣшности производятъ благопріятное впечатлѣніе.

Наиболѣе полно освѣщенъ въ вышедшихъ четырехъ книжкахъ 1917 годъ. Ген. А. П. Лукомскій описываетъ февральскій переворотъ по впечатлѣніямъ Царской Ставки (т. II.); первостепенное значеніе для исторіи этихъ роковыхъ дней имѣютъ дополняющія его воспоминанія телеграммы и разговоры по прямому проводу Ставки съ командующими фронтами, съ Петроградомъ и т. д. (т. III); трагическимъ легкомысліемъ вѣетъ отъ телеграммъ изъ Думы, убѣждающихъ генералитетъ, что по зову временнаго правительства жители повезутъ арміи хлѣбъ и даже снаряды. — О временномъ правительствѣ имѣется очеркъ В. Д. Набокова (т. I), ѣдко характеризующій большинство его участниковъ, и воспоминанія тов. министра при Керенскомъ А. А. Демьянова (т. IV). О Корниловскомъ дѣлѣ и походѣ на Петроградъ въ дни большевистскаго переворота картинно повѣствуетъ ген. П. И. Красновъ (т. I). Взятіе большевиками Зимняго Дворца описано однимъ изъ участниковъ его обороны (т. IV). О брестскихъ переговорахъ имѣется отрывокъ изъ воспоминаній австро-венгерскаго министра иностранныхъ дѣлъ г. Чернина (т. II), дающаго краткія, но любопытныя характеристики большевистскихъ „дипломатовъ." Развалъ и ликвидацію старой арміи (Преображенскій полкъ) описываетъ въ своемъ дневникѣ С. В. Милицынъ (т. II).

Совѣтской Россіи удѣлено довольно много мѣста. Документовъ, оффиціальныхъ актовъ большевиковъ — нѣтъ; и, надо сказать, эти „акты," которые нѣкоторыя иностранныя издательства пытались собрать и систематизировать, въ сущности имѣютъ очень мало значенія для характеристики эпохи: жизнь идетъ не по нимъ, иногда изъ большого декрета только одинъ какой нибудь пунктъ пріобрѣтаетъ острое и реальное значеніе, а остальные остаются мертвой буквой. Но и о совѣтскомъ бытѣ матеріалъ всетаки еще далеко не исчерпывающій. Имѣется очеркъ работы въ „Главлѣскомѣ" Рапопорта (т. II), въ Военномъ Комиссаріатѣ (т. III) Смильгъ-Бенаріо, поѣздки по Сов. Россіи въ 1919—20 г. (Петроградъ—Вятка въ т. I и Петроградъ—Сибирь въ т. III); наконецъ, разсказъ баронессы М. Д. Врангель, матери Главнокомандующаго: „Въ совѣтскомъ раю" (т. IV), описывающій жизнь въ Петроградѣ 1918—20 г. и побѣгъ въ Финляндію, и разсказъ проф. Донского (псевдонимъ) о жизни въ Москвѣ и о побѣгѣ черезъ Польшу (т. I — до границы; т. IV — проѣздъ черезъ Польшу).

Изъ противобольшевистскихъ движеній наиболѣе полно изображены событія въ Прибалтикѣ, что, видимо, объясняется отчасти мѣстомъ изданія „Архива" — легче было достать матеріалъ. Документы о созданіи ген. Маршемъ т. н. Сѣверо-Западнаго Правительства (т. I), выдержки изъ „секретнаго доклада", дающія общій обзоръ событій въ этомъ районѣ

(т. II) и направленный противъ арміи Юденича меморандумъ Эстонскаго Правительства державъ Согласія (т. III) дополняются живымъ и непосредственнымъ дневникомъ баронессы Фрейтагъ-фонъ-Лорингофенъ о большевистскихъ дняхъ въ Ригѣ въ 1919 г. (т. II).

„Украинскому" періоду посвященъ отчетъ операціоннаго отдѣленія германскаго штаба о положеніи въ мартѣ 1918 г., при Радѣ и нѣмцахъ (т. I) и воспоминанія Р. Гуля о взятіи Кіева Петлюрой въ декабрѣ (т. II). Бытъ южно-русскихъ городовъ при смѣнѣ всевозможныхъ властей изображенъ въ очеркахъ Г. Игренева (Екатеринославъ авг. 1918, іюнь 1919; т. III) и Л. Л-ой (Кіевъ въ 1919—20 гг.) добровольцы, поляки, большевистскій трибуналъ; т. III). Крымъ при нѣмцахъ и краевомъ правительствѣ описанъ въ „Дневникѣ Обывателя" (т. IV); любопытный документъ, рисующій безцеремонное обращеніе „союзныхъ" представителей съ крымскимъ правительствомъ, помѣщенъ въ т. I.

О малоизвѣстномъ сѣверномъ фронтѣ (Архангельско—Мурманъ) едва-ли не исчерпывающія данныя сообщаетъ С. Добровольскій (т. III, стр. 5—146).

Мало вниманія въ первыхъ книгахъ удѣлено главнымъ потивобольшевистскимъ движеніямъ — Югу и Востоку. О Востокѣ — вообще ничего нѣтъ, о Югѣ — только оффиціальные акты, касающіеся учрежденія Особаго Совѣщанія при Добровольческой Арміи (т. IV) и небольшой очеркъ Ф. Штейнмана объ отходѣ изъ Одессы въ Румынію въ январѣ 1920 года (т. II). Имѣется, правда, еще очеркъ А. Дроздова „Интеллигенція на Дону" (т. II), но это скорѣе критическія „мысли по поводу", чѣмъ свидѣтельское показаніе.

Также не можетъ, собственно, считаться „архивнымъ" матеріаломъ статья А. А. Блока „Послѣдніе дни стараго режима" (т. IV), появившаяся въ Совѣтской Россіи въ концѣ 1920 г. въ журналѣ „Былое" и полностью воспроизведенная въ „Архивѣ". Фактическій матеріалъ (телеграммы и т. д.) въ общемъ совпадаютъ съ данными „Воспоминаній" ген. Лукомскаго, а характеристики весьма субъективны и не показываютъ знанія ни среды, о которой говорится, ни ея духа.

За этими немногими исключеніями, надо признать, „Архиву" пока удалось выдержать столь трудное въ наше время безпристрастіе въ подборѣ матеріаловъ. Для всякаго, кто пожелаетъ изучать русскую революцію, онъ явится незамѣнимымъ пособіемъ.

5. III. 1922. **С. С. Ольденбургъ.**

2. Grégoire Bekker. Le mouvement coopératif en Russie et la renaissance de la Russie. Préface de Louis de Brouckere. Bruxelles. 1921. Стр. 175. Цѣна 15 фр.

— Книга Г. Беккера вышла въ качествѣ одной изъ публикацій Institut Solvay (Institut de sociologie). Книга состоитъ изъ 3-хъ частей. Ч. I излагаетъ исторію русской коопераціи: до революціи (до 1905 г., съ 1905 г. до войны и во время войны до переворота), при временномъ правительствѣ и при большевикахъ до 1919 г. Ч. II описываетъ просвѣтительную дѣятельность русской коопераціи и отношенія послѣдней къ коопераціямъ другихъ странъ. Наконецъ, ч. III намѣчаетъ планъ участія коопераціи въ возрожденіи Россіи. Главными источниками для Беккера служили: книга Бубнова «The cooperative movement in Russia» (1917) и издающійся въ Лондонѣ русскій журналъ „The Russian Cooperation". Книга Беккера воспроизводитъ много фактическихъ данныхъ о русскомъ кооперативномъ движеніи. Эти данныя обрисовываютъ грандіозность роста русск. коопераціи. Ростъ ея шелъ полнымъ ходомъ уже съ 1905 г. и создалъ изъ нея организацію, которую не смогъ полностью разрушить даже большевизмъ.

Поэтому авторъ правильно видитъ въ коопераціи одинъ изъ главныхъ факторовъ возстановленія разрушенной жизни русской деревни и всего экономическаго аппарата Россіи послѣ возвращенія русской жизни на путь нормальнаго развитія.

Все это такъ, на кооперацію съ надеждой смотритъ всякій, кто вдумывается въ пути и способы возрожденія Россіи. Для продумыванія этихъ путей очень важно самое тщательное изученіе русской коопераціи. Важна также одушевленная кооперативная проповѣдь.

Но, поскольку рѣчь идетъ о разбираемой книгѣ, нельзя умолчать, что всякій, кто хотя чему-либо научился изъ грознаго урока нашей соціалистической революціи, испытаетъ тяжелое чувство при чтеніи многихъ страницъ книги Беккера. Авторъ ея одинъ изъ тѣхъ соціалистовъ, которые до сихъ поръ жуютъ старую жвачку объ „ужасахъ царизма", о тріумфальномъ шествіи революціи, прелести принесенныхъ ею „свободъ" и пр. Авторъ не понимаетъ, какъ рѣзко противорѣчитъ его изругиваніе „стараго режима" имъ же приводимымъ даннымъ о развитіи русской коопераціи до революціи. 12.000 потребит. обществъ съ 2 мил. членовъ и 250 мил. р. оборота въ концѣ 1914 года (20.000 обществъ съ 5 мил. чл. и 1.250 мил. руб. оборота въ концѣ 1916 г.), 13.000 кредитн. кооперативовъ съ 8 мил. членовъ и 614 мил. р. оборота въ 1914 году (16.000 этихъ кооперативовъ съ 10,5 милліон. членовъ и 784 мил. руб. оборота въ концѣ 1916 года), кромѣ того въ 1914 году 5.000 сельско-хозяйственныхъ товариществъ и 3.000 артелей (въ томъ числѣ 1.000 сибирскихъ маслодѣльныхъ артелей) — эти цифровые итоги, сколько бы ни поносилъ г. Беккеръ дореволюціонную русскую жизнь, показываютъ съ неопровержимой убѣдительностью, что „Старая Россія" создавала не столь уже неблагопріятную обстановку для развитія коопераціи. Во всякомъ случаѣ созданная г. г. соціалистами „вторая" Россія не можетъ похвастаться хотя бы тѣмъ, что она сохранила это полученное ею отъ „первой" Россіи кооперативное наслѣдство. А относительно „свободъ" позволительно замѣтить, что до революціи русскіе кооператоры (напр., проф. В. Ѳ. Тотоміанцъ, проф. А. Н. Анцыферовъ, В. Н. Зельгеймъ, С. В. Маракуевъ и самъ „leader de la coopération russe" А. М. Беркенгеймъ) вели свою кооперативную дѣятельность въ Россіи, а не скитались заграницей.

Не чувствуетъ авторъ и того, какъ мало пріятны будутъ для коопераціи тѣ признанія, которыя дѣлаетъ Беккеръ въ отдѣлѣ о періодѣ временнаго правительства (періодѣ, неизвѣстно почему называемомъ имъ „конституціоннымъ"!). Напр., признанія о томъ, что „всѣ кооператоры поддерживали революцію и революціонное правительство" (стр. 48), о томъ, какъ „кооперативные инструкторы разъясняли крестьянамъ значеніе... демократической республики и соціализма..." (48), о выдающейся роли, которую играли извѣстные кооператоры во временномъ правительствѣ (49), о томъ, какъ кооператоры протестовали противъ возстанія Корнилова (74) и пр.

Еще болѣе странно утвержденіе Беккера, что при совѣтскомъ режимѣ кооперація не только не уменьшила своей дѣятельности, но и продолжала „развиваться" (76). Несомнѣнно, что вслѣдствіе радикальныхъ соціалистическихъ воззрѣній многихъ кооператоровъ, кооперація не испытала такихъ преслѣдованій, какія выпали на долю другихъ сторонъ русской жизни. Нѣтъ спора также, что кооператоры проявили особую гибкость и особую склонность къ „нейтралитету:" напр., одновременная работа въ Москвѣ при Ленинѣ и Троцкомъ, въ Ростовѣ при Деникинѣ и въ Сибирѣ при Колчакѣ, и даже экономическія сношенія между собою, или отъѣздъ за границу съ порученіями юга и одновременно торговыя сдѣлки съ большевиками. Все это позволило сохранить извѣстную кооперативную организацію. Но, несмотря на все это, писать, что кооперація при большевикахъ „развивается" — это значить сознательно вводить въ заблужденіе своихъ читателей. Это такъ же вѣрно, какъ фраза Беккера, что „въ совѣтской республикѣ правительство дѣлаетъ всѣ возможныя усилія для содѣйствія поднятію умственнаго уровня рабочаго класса" (130—131). Рекомендуемъ сопоставить эту фразу съ тѣмъ, что говоритъ о положеніи народнаго просвѣщенія

недавно убѣжавшій изъ сов. Россіи С. С. Масловъ (его докладъ въ Общеславянской кооперативной палатѣ въ Прагѣ 4-го ноября 1921 года, см. „Земледѣліе“ № 2, стр. 61—62.)

Послѣ изложеннаго не удивляетъ, что въ особомъ § о „необходимости толчка изъ за границы“, Беккеръ видитъ этотъ спасительный толчокъ не въ сверженіи большевиковъ, не въ прекращеніи „соціалистическихъ“ ужасовъ, а... въ возможно быстромъ ввозѣ возможно большаго количества мануфактурныхъ товаровъ (151 и 153). Это мѣсто книги Беккера можетъ съ такимъ же успѣхомъ использовать Красинъ, съ какимъ Троцкій использовалъ въ цѣляхъ пропаганды „Смѣну Вѣхъ“ Ключникова.

Нечего и говорить о томъ, что при такихъ взглядахъ авторъ не могъ подойти даже къ той важной проблемѣ, которая поставлена передъ русской коопераціей, революціей и соціалистическимъ опытомъ. Мы имѣемъ въ виду проблему пересмотра кооператорами всего своего міровоззрѣнія, отреченія отъ прежнихъ соціалистическихъ путей и выхода на широкую дорогу созидательной работы по обслуживанію милліоновъ хозяйствъ крестьянъ-собственниковъ и возсозданію этимъ путемъ новой крестьянской Россіи.

Въ отличіе отъ ряда другихъ русскихъ кооператоровъ Беккеръ еще ходитъ въ узко сдвинутыхъ соціалистическихъ шорахъ. Мертвечиной изувѣрскаго соціализма еще вѣетъ отъ его книги. Жаль, что именно по такой книгѣ бельгійская и французская публика будетъ знакомиться съ русской коопераціей.

Проф. **Александръ Билимовичъ.**

3. Проф. В. Ѳ. Тотоміанцъ. Теорія коопераціи. 2 изданіе. Прага. 1921.

Авторъ, извѣстный въ русской литературѣ экономистъ, спеціально занимающійся коопераціей. Его перу принадлежитъ рядъ книгъ и множество статей по коопераціи, имъ же читались многочисленные курсы по коопераціи и велась практическая работа по развитію кооперативнаго дѣла въ Россіи. Нынѣ, покинувъ совѣтскую Россію, авторъ продолжаетъ заграницей энергичную литературную дѣятельность. Имъ издана книга объ экономическомъ положеніи Арменіи (L'Arménie économique. Paris 1920), затѣмъ кооперативная антологія (L'Anthologie coopérative. Paris 1921), далѣе въ Парижѣ вышла на русскомъ языкѣ краткая исторія экономическихъ и соціальныхъ ученій, о которой мы дадимъ отдѣльный отзывъ, и, наконецъ, въ Прагѣ переизданъ читанный авторомъ курсъ по теоріи коопераціи. Въ этой послѣдней книгѣ В. Ѳ. Тотоміанцъ излагаетъ ученіе о коопераціи умѣреннаго кооператиста проф. Г. Валенти и гораздо далѣе идущаго М. Маріани, потомъ ученіе французскаго теоретика коопераціи, солидариста проф. Ш. Жида, и, наконецъ, воззрѣнія на этику и экономику коопераціи англійскихъ христіанскихъ соціалистовъ, Э. В. Нила и Т. Хьюза. Авторъ ограничивается подробнымъ изложеніемъ одной за другой книгъ перечисленныхъ писателей и присоединеніемъ къ этому краткой критической оцѣнки развиваемыхъ ими воззрѣній. Систематическаго изложенія теоріи коопераціи авторъ не даетъ. Послѣ прочтенія книги остаются неясными вопросы: объ опредѣленіи коопераціи (въ книгѣ приведено нѣсколько различныхъ опредѣленій), о томъ, какое мѣсто должно занимать ученіе о коопераціи въ общей теоріи народнаго хозяйства, о классификаціи видовъ коопераціи и формъ объединенія кооперативовъ (морфологія коопераціи), о роли въ коопераціи отдѣльныхъ факторовъ производства, о мотивахъ кооперативной дѣятельности (вопросъ о т. н. „кооперативномъ духѣ“) и многіе другіе вопросы, относящіеся именно къ теоріи коопераціи. Этого мало. Въ книгѣ, несмотря на ея заглавіе, не разграничены теорія коопераціи и кооперативная политика. Къ теоріи отнесены замѣчанія о томъ, какою должна быть кооперація, что должны и чего не должны дѣ-

лать потребительныя общества и т. п. Такимъ образомъ, политика, ищущая отвѣта на вопросъ „что должно быть“, смѣшивается съ теоріей, интересующейся вопросами „что есть“ и „почему есть“. Это смѣшеніе отражается на архитектоникѣ книги. Этимъ замѣчаніемъ мы вовсе не хотимъ умалять важность вопросовъ кооперативной политики. Наоборотъ, мы думаемъ, что именно въ интересахъ, какъ теоріи, такъ и политики коопераціи, — строгое различеніе этихъ двухъ вещей.

Но, при всемъ томъ, книга В. Ѳ. Тотоміанца съ пользой будетъ прочтена всѣми, кто интересуется направленіемъ, въ которомъ эволюціонируетъ современное хозяйство, и тѣмъ новымъ, глубоко реформирующимъ, что привноситъ въ эту эволюцію кооперація. Особенно цѣнна разбираемая книга для практическихъ кооперативовъ, желающихъ осмыслить свою повседневную работу и освѣтить ее общими соціальными цѣлями. Наконецъ, книга весьма поучительна взятыми у разныхъ авторовъ параллелями между кооперацiей и соціализмомъ. Въ противоположность соціализму, кооперація, по мнѣнію Ш. Жида, не разрушаетъ частной собственности ни на предметы потребленія, ни на орудія производства. Она, наоборотъ, стремится — „посредствомъ ассоціацій сдѣлать рабочихъ собственниками орудій производства“. Кооперація, въ отличіе отъ соціализма и соціалистическихъ профессіональныхъ союзовъ рабочихъ, покоющихся на началѣ классовой борьбы (стачки и т. п.) является „преддверіемъ режима соціальнаго мира“. Кооперація медленнымъ эволюціоннымъ путемъ реформируетъ современное хозяйство и въ противоположность соціализму считаетъ безполезной насильственную экспропріацію путемъ революціи или путемъ законодательства. „Тѣ, говоритъ Ш. Жидъ, которые думаютъ, что существующій экономическій строй можетъ быть отмѣненъ мановеніемъ руки, ошибаются сами или же обманываютъ васъ“. „Предположимъ, что завтра совершится соціальный переворотъ. Кровавый день пройдетъ удачно... классъ буржуазіи будетъ уничтоженъ; частная собственность упразднена; земля, фабрики, машины, магазины, желѣзныя дороги, банки и наличныя деньги въ банкахъ — все будетъ въ рукахъ народа. Вы видите, что я вамъ рисую заманчивую картину. Вы спите въ постеляхъ буржуа и видите золотые сны... А потомъ? Эти фермы, фабрики, желѣзныя дороги нужно пустить въ ходъ. Нужно привести въ движеніе весь этотъ огромный экономическій аппаратъ... И не говорите, что это сдѣлается постепенно... Требованія соціальной жизни не подождутъ ни одного дня... Общество погибнетъ, или даже не погибнетъ, а судорожно отброситъ новый порядокъ, который его душитъ, и возвратится къ прежней жизни...“ Это писано задолго до нашей революціи. Начало сбылось — фабрики остановились. Подготовляется исполненіе конца. Пусть это ободритъ всѣхъ, ведущихъ борьбу съ творцами соціальнаго переворота въ Россіи. Кооперація, освободившаяся отъ преобладавшаго въ ней соціалистическаго революціонерства, можетъ оказать не малую услугу въ этой борьбѣ и возстановленіи нормальной экономической жизни Россіи. Ибо основными клѣтками ея соціальнаго тѣла будутъ индивидуальныя хозяйства земледѣльцевъ-собственниковъ, и эти клѣтки для своей жизнедѣятельности должны обрасти кольцомъ кооперативныхъ связей.

Если книга В. Ѳ. Тотоміанца поможетъ развитію такой здоровой несоціалистической коопераціи, она внесетъ свою лепту въ дѣло возрожденія нашей родины.

Проф. Александръ Билимовичъ.

4. Проф. В. Ѳ. Тотоміанцъ. Исторія экономическихъ и соціальныхъ ученій. Парижъ 1921 г. 283 стр. Цѣна 10 франц. франковъ.

Вышедшая въ изданіи объединенія земскихъ и городскихъ дѣятелей заграницей книга В. Ѳ. Тотоміанца есть воспроизведеніе сжатаго курса,

читаннаго авторомъ въ Московскомъ Университетѣ, а послѣ революціи въ Тифлисскомъ Политехникумѣ, и представляетъ собой 18 популярныхъ, доступно изложенныхъ лекцій по исторіи экономическихъ ученій. Такъ какъ русскій читатель растерялъ другіе курсы по исторіи политической экономіи, то разсматриваемая книга пополняетъ существенный пробѣлъ въ этой области.

Отъ другихъ курсовъ книга В. Ѳ. Тотоміанца отличается подробнымъ изложеніемъ содержанія „Утопіи" Мора, „Государства солнца" Кампанеллы и „Путешествія въ Икарію" Кабэ, затѣмъ изложеніемъ воззрѣній Карлейля, Рескина и Морриса, а также особой лекціей, посвященной „кооперативной школѣ". Въ этой лекціи, представляющей перепечатку соотвѣтствующихъ главъ книги „Теоріи коопераціи", изложены воззрѣнія Нила, Хьюза и Жида съ добавленіемъ взглядовъ Штаудингера. Заключеніе исторіи экономическихъ ученій кооперативной школой характерно для автора, отдавшаго свои силы изученію и пропагандѣ коопераціи.

Но въ изложеніи автора имѣются пропуски, которые желательно пополнить въ новыхъ изданіяхъ. Поскольку рѣчь идетъ о чисто-теоретическихъ ученіяхъ, въ книгѣ В. Ѳ. Тотоміанца ничего не сказано о теоріи прибыли Бемъ-Баверка, о номиналистическомъ ученіи о деньгахъ, о соціально-правовомъ направленіи (Штаммлеръ, Штольцманъ, Диль и др.), совершенно не упоминается оригинальный американскій экономистъ Ирвингъ Фишеръ и ничего, кромѣ упоминанія фамиліи Вальраса, не говорится о математической школѣ, не упоминается Лифманъ. Изъ направленій соціальной политики опущенъ (если не считать бѣглыхъ упоминаній въ связи съ Рескиномъ, Ниломъ и Хьюзомъ) христіанскій соціализмъ, равно, какъ не разсмотрѣнъ большевизмъ, которому посвященъ особый § въ 3-мъ изданіи „Histoire des doctrines économiques" Жида и Риста и особая глава въ 8-мъ изд. „Sozialismus und soziale Bewegung" Зомбарта.

Портитъ книгу также рядъ наивныхъ замѣчаній, вродѣ слѣдующихъ: „Въ настоящее время въ Греціи не только не презираютъ торговлю, но, кромѣ торговли, тамъ почти ничего не процвѣтаетъ" (18) или „Съ уничтоженіемъ постовъ въ Голландіи развивается рыболовство, молочное хозяйство и производство масла" (66) и др. Трудно также согласиться съ нѣкоторыми характеристиками автора, напр., когда онъ говоритъ, что матеріалистическое пониманіе исторіи — это „наиболѣе цѣнная, хотя и не разработанная часть ученія Маркса" (189). Но это уже дѣло взгляда.

Въ заключеніе, въ связи съ книгой В. Ѳ. Тотоміанца позволимъ высказать одно пожеланіе. Книга В. Ѳ. Тотоміанца вовсе не излагаетъ исторіи экономическихъ воззрѣній въ Россіи. Мы абсолютно не упрекаемъ за это г. Тотоміанца. Даже въ Россіи не было до сихъ поръ написано такой исторіи (кромѣ маленькой, въ самомъ гадкомъ смыслѣ тенденціозной книжки В. В. Свѣтловскаго и замѣчаній въ I томѣ его исторіи экономическихъ ученій). Заграницей же написать такую книгу очень трудно вслѣдствіе отсутствія источниковъ, собранныхъ въ какомъ либо одномъ мѣстѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ составленіе исторіи развитія экономической мысли въ Россіи было бы очень важно уже потому, что русскимъ экономистамъ придется послѣ революціи глубоко пересмотрѣть прежніе проторенные пути, по которымъ издавна и до самой революціи двигалась русская экономическая мысль. Важно было бы также появленіе такой исторіи на какомъ либо изъ западно-европейскихъ языковъ. Наше пожеланіе, поэтому, состоитъ въ томъ, чтобы русскіе экономисты, живущіе на чужбинѣ, пользуясь частью своей памятью, частью тѣми источниками, которые можно собрать въ отдѣльныхъ городахъ (Парижъ, Берлинъ, Женева, Лондонъ, Прага, Бѣлградъ, Софія, Варшава, Рига и Гельсингфорсъ), разработали по извѣстному общему плану отдѣльные этапы, пройденные русской экономической и соціальной мыслью. Эти фрагменты могли бы быть затѣмъ соединены въ одно цѣлое подъ общей редакціей кого-либо изъ русскихъ экономистовъ.

Проф. **Александръ Билимовичъ.**

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію „Русской мысли“ для отзыва:

Paul Apostol.-Alexandre Michelson. La lutte pour le pétrole de la Russie. Payot. Paris, 1922.

Артисты Московскаго Художественнаго театра за рубежомъ. Изд. „Наша Рѣчь“. Прага. 1922, стр. 62.

Архивъ русской революціи. (I. В. Гессенъ, издатель) т. I, стр. 312, т. II, стр. 226. Изд. „Слово“. Берлинъ. 1921 г.

Анна Ахматова. Четки. Стихи. Книгоизд-во С. Ефронъ. Берлинъ, стр. 118.

Banque et Monnaie. Dette de l'État. Questions Économiques soulevées par les Évènements de la Russie. Raports et documents. Octobre 1919 — juillet, 1921. Préface de Comte W.-N. Kokovtzoff, Président du Comité. Comité des représentants des banques russes à Paris.

Ф. Бееръ. Теорія относительности Эйнштейна и ея историческія основы. Книг-во С. Ефронъ. Берлинъ, стр. 77.

К. Д. Бальмонтъ. Сонеты солнца, меда и луны. Пѣсня міровъ. Книг-во С. Ефронъ. Берлинъ, стр. 271.

Александръ Блокъ. Стихотворенія. Книга 1-ая. 1921 г. Изд. „Слово“. Берлинъ.

Александръ Блокъ. Стихотворенія. Кн. 2-ая. 1922 г. Изд. „Слово“. Берлинъ.

Графъ С. Ю. Витте. Воспоминанія. Царствованіе Николая II. Книг-во „Слово“. Берлинъ 1921. стр. XXV, 511.

М. Горькій. Воспоминанія о Толстомъ. Изд. Ладыжникова. Берлинъ, 1921.

Романъ Гуль. Ледяной походъ (съ Корниловымъ). К-во С. Ефронъ. Берлинъ, стр. 160.

А. Даманская. Стеклянная стѣна. Изд. С. Ефронъ. Берлинъ, стр. 245.

Максъ Даутендей. Восемь ликовъ озера Бива. К-во С. Ефронъ, Берлинъ, стр. 224.

Демократически Прегледъ. Кн. IX. Софія. 1921 г.

Александръ Дроздовъ. Подарокъ Богу. К-во С. Ефронъ. Берлинъ, стр. 150.

Дѣтинецъ. Сборникъ первый. Берлинъ, 1922, стр. 212.

Желтый ликъ. Литературно-художественный альманахъ, посвященный Китаю. Издательство Н. П. Дукельскаго. Шанхай 1921, стр. 82.

Записки русскаго экономическаго О-ва въ Лондонѣ, кн. 4. 1921 г.

И. А. Кацель. Исторія Литвы. Ковно, 1921, стр. 140.

Н. Клюевъ. Пѣснь солнценосца. Издат-во „Скифы“. Берлинъ, стр. 19.

Листопадъ. Кн. I. Книг-во „Цвят“ стр. 46.

Арн. Марголинъ. Украина и политика антанты (Записки еврея гражданина). Изд. С. Ефронъ. Берлинъ, стр. 397.

Густавъ Мейринкъ. Големъ. К-во С. Ефронъ, Берлинъ, стр. 324.

Морской Сборникъ. № 4. Сентябрь 1921 г. Бизерта (Тунисъ). Подводная лодка „Утка". Ред. Кап. Монастыревъ, стр. 96.

Ив. Наживинъ. Каменная баба. Разсказы. К-во Дѣтинецъ. Берлинъ, 1921, стр. 206.

Открытое письмо захудалаго бѣлогвардейца товарищу Ленину 1917—1921. (Юбилейное изданіе.) Београдъ. Т. Милетича. Стр. 19. Ц. 2 динара.

Проф. Д. И. Пестржецкій. Около земли. К-во Дѣтинецъ. Берлинъ, 1922, стр. 135.

Эм. Радль. Томашъ Г. Масарикъ. Его жизнь, общественная и научная дѣятельность. Изд. „Наша Рѣчь". Прага, 1921, стр. 75.

Рабиндранатъ Тагоръ. Націонализмъ. К-во С. Ефронъ, Берлинъ, стр. 126.

Рерихъ. Цвѣты Моріи. Изд. „Слово". Берлинъ, 1921, стр. 126.

Т. Россимовъ. Стихи объ утерянномъ. Берлинъ, 1921. Изд. Ладыжникова. Стр. 62.

В. Сергѣевъ. Три года въ Совѣтской Россіи. Очерки. Изд. Поволоцкаго. Парижъ, 1921, стр. 139.

Сполохи. № 1. Изд. Евг. А. Гутнова. Берлинъ, стр. 56.

Слънце. Кн. 6—7—8. К-во „Слънце". Софія, 1921, стр. 124.

Игорь Сѣверянинъ. Менестрель. Изд. „Москва". Берлинъ 1921, стр. 90.

Собачья Доля. Петерб. Сборникъ разсказовъ. А. Ремизова, Е. Замятина, Соколова-Микитова, В. Ирецкаго и В. Шинкова. Изд. „Слово". 1922 г.

Сѣме. Кн. 2. Печат. при американските гимназии. Самоков, 1921. стр. 104.

S. Th. Totomiantz. Anthologie Coopérative. Guide théorique et pratique de la coopération, de consommation, de production et de credit agricole. S. Povolozky et Cie, éditeurs. Paris, p. 250.

Училищенъ Прегледъ. Изд. Мин. Нар. Просв. Кн. 8—9, Софія, стр. 431.

Max Hoschiller. Le miracle du sovietisme. Préface de A. Merheim. Payot. Paris, 1921.

А. П. Чеховъ. Три сестры, Изд. Ладыжникова. Берлинъ, 1921, стр. 90.

А. И. Чупровъ. Мелкое землевладѣніе и его основныя нужды. Съ предисл. А. А. Чупрова. Изд. „Слово". Берлинъ, 1921, стр. XVIII + 141.

Проф. Г. Г. Швиттау. Революция и народное хозяйство в России (1917—1921). Центр. Товарищ. Коопер. Издательства 1922, стр. 378.

Экономическія записки. Изд. Россійскаго Финансово-промышленно-торговаго Союза. Выпускъ 1 и 2. Октябрь и ноябрь 1921 г. стр. 75 in 4°. Вып. 3 и 4. Декабрь 1921 г. и январь 1922 г., стр. 90 in 4°, Парижъ.

И. Эренбургъ. Неправдоподобныя исторіи. Изд. С. Ефронъ, Берлинъ, стр. 138.

Изданіе О-ва „И. Отто" въ Прагѣ. — Société J. Otto, Éditeur à Prague.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. СТИХОТВОРЕНІЕ. — **А. Ѳедорова** 3
2. ОПУСТОШЕННАЯ ДУША. (Исповѣдь). *Окончаніе.* — **Евгенія Чирикова** 4
3. ИЗЪ СВ. ТЕРЕЗЫ ИСПАНСКОЙ. Стихотвореніе. — **Н. Арсеньева** 37
4. БѢГСТВО. (Повѣсть въ трехъ частяхъ). ч. II гл. I—IV. *Продолженіе.* — **Ивана Бѣленихина** 38
5. ОТРЫВОКЪ. Стихотвореніе. — **Глѣба Струве** . . . 63
6. О ДЕКАБРИСТАХЪ. По семейнымъ воспоминаніямъ. — **Кн. С. Волконскаго** 64
7. СТИХОТВОРЕНІЯ. — **Андрея Блоха** 92
8. ПАРИЖСКІЕ ВЕЧЕРА. Іюльскій вечеръ.— **В. Свѣтлова** 94
9. ВЪ ПУТИ. Стихотвореніе. — **В. Лебедева** 100
10. СТИХОТВОРЕНІЕ. — **М. Невзоровой** 100
11. РОССІЯ. — **Петра Струве** 101
12. В. Г. КОРОЛЕНКО. — **Проф. Н. К. Кульмана** . . . 116
13. КЪ ПОЗНАНІЮ РЕВОЛЮЦІИ. I. — **К. Зайцева** . . 128
14. ОШИБКИ и СОФИЗМЫ „ИСТОРИЧЕСКАГО“ ВЗГЛЯДА НА РЕВОЛЮЦІЮ. По поводу статьи К. I. Зайцева. — **Петра Струве** 158
15. СВОБОДА И БЕЗСМЕРТІЕ. — **Кн. Евг. Н. Трубецкаго** 164
16. БОЛЬШЕВИЗМЪ И РУССКАЯ КУЛЬТУРА. — **N.** . . 170
17. „ВѢХИ“ И „СМѢНА ВѢХЪ“ 176
18. ГОЛОДЪ. — **Стараго продовольственника** 179
19. НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО БУДУЩЕЙ РОССІИ. — **Проф. Александра Билимовича** 195
20. ПОЛИТИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ. I Русскія дѣла. – **С. С. Ольденбурга.** II Дѣла иностранныя. — **С. С. Ольденбурга** 200
21. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ. 1. Архивъ русской революціи. **С. С. Ольденбурга.** 2. Grégoire Becker. Le mouvement coopératif en Russie et la renaissance de la Russie. **Проф. Александра Билимовича.** 3. Проф. В. Ѳ. Тотоміанцъ. Теорія коопераціи. **Проф. Александра Билимовича.** 4. Проф. В. Ѳ. Тотоміанцъ. Исторія экономическихъ и соціальныхъ ученій. **Проф. Александра Билимовича** 217
22. Списокъ книгъ, поступившихъ вь редакцію для отзыва 223

Голосъ Эмигранта

двухнедѣльный журналъ посвященный защитѣ культурныхъ, правовыхъ и экономическихъ интересовъ русской эмиграціи

Пріемъ подписки и объявленій на означенныя изданія въ конторѣ издательства Г. М. Бейленсона

Berlin W. 50, Pragerstr. 14.

Цѣна отд. ном. 3 м., для странъ съ высокой валютой 5 марокъ.

„РУССКАЯ СИЛА"

ДЕМОКРАТИЧЕСКІЙ ОРГАНЪ РУССКОЙ ЭМИГРАЦІИ

посвященный вопросамъ практическ. работы русск. силъ за-границей, при ближ. участіи кружка „РУССКАЯ СИЛА" и Н. Н. Иванова.

При каждомъ номерѣ иллюстрированное приложеніе. Выход. въ концѣ каждой недѣли въ Берлинѣ.

Редакція и контора:

BERLIN W 62, WORMSERSTR. 6a III

(am Wittenbergpl.)

Цѣна номера въ Германіи съ иллюстр. прилож. 3 марки, въ Берлинѣ 2 марки.

Грядущая Россія

ОРГАНЪ РУССКОЙ НАРОДНОЙ МЫСЛИ.

Еженедѣльная газета выходитъ по четвергамъ.

Подписная цѣна въ мѣсяцъ въ Германіи 8 марокъ, заграницей 15 марокъ.

Адресъ редакціи:

BERLIN, BLEIBTREUSTR. 9 II

(Gartenhaus bei Keiluweit)

Открыта подписка на 1922 г. на газету

НОВОЕ ВРЕМЯ

Редакторъ-Издатель М. А. СУВОРИНЪ.

Газета выходитъ ежеднев., исключая послѣпразд. дни.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.
Въ Чехословакіи (въ чешск. крон.) . . .	30 ч. кр.	85 ч. кр.	160 ч. кр.
Въ Германіи, Австріи, Венгріи и Польшѣ (въ герм. мар.) . .	70 мар.	185 мар.	280 мар.
Въ Болгаріи (въ левахъ)	40 л.	115 л.	220 л.
Во Франціи, Англіи и друг. странахъ (во франкахъ)	10 фр.	28 фр.	50 фр.

Пріемъ подп. и объяв. произв. въ главной конторѣ «Новаго Времени», Белград. Кр. Натазіја ул., 21 и во всѣхъ агентствахъ газеты.

Товарищество Издательства

Свободная Россія

ВЛАДИВОСТОК, Пушкинская с. д. 28

Отдѣл издательскій:

Ежедневная демократич. газета

ГОЛОС РОДИНЫ

в мѣс. 4 р. 50 к., с перес. 6 р. зол.

Еженедѣльная безпарт. демокр.

Крестьянская Газета

в мѣсяц с перес. 50 копѣек зол.

Библіотека Свободной Россіи (Изящная, научная и учебная литература). Каталоги высылаются безплатно. — Стѣнные и отрывные Календари.

Отдѣл графическихъ искусствъ:

ЛИНОТИПО-ТИПОГРАФІЯ.
ФОТО-ЦИНКО-ЛИТОГРАФІЯ.
СТЕРЕОТИПНАЯ.
ШТЕМПЕЛЬНАЯ.
ЛИНОВАЛЬНО-ПЕРЕПЛЕТНАЯ.

Отдѣл торговый:

Книжн. магазин Голоса Родины с отдѣлом писчебумажных и канцелярских принадлежностей и пишущих машин.

Принимается подписка на русскую газету

»НОВЫЙ МІРЪ«

Цѣна подписки:

На годъ — 6 пезо; полъ года 3·50 и 3 мѣсяца - 2 пезо.

Деньги могутъ посылаться переводами, чеками и марками по слѣдующему адресу:

Semanario „Nuevo Mundo"

Buyacà 619 — Buenos Aires.

РУССКІЙ ГОЛОС

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА.

Г. ХАРБИН.

*

Подписка и объявленія: принимаются в Новом Харбинѣ в конторѣ газеты (Московскіе ряды, № 10).

На 1922 год

Ежедневная общественно-полит. и торговопромышленная газета

ШАНХАЙСКАЯ ЖИЗНЬ

издающаяся в г. Шанхаѣ.

В газетѣ принимают участіе: А. Ф. Агарев, А. Н. Байдужный, М. И. Барановскій, Іона Вочревѣсущій, М. Л. Гутман, В. Костенко, Л. Г. Кауфман. В. Ф. Классинг, С. Д. Мельниченко, Н. К. Новицкій, Обозрѣватель, Павлов, В Подгурскій (худ.), Гр. Ф. Семеш о, А. Е. Толин, Тор (худ.), К. Х. и другіе.

В крупных центрахъ Россіи, Китая, Японіи и Америки — собственные корреспонденты.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
на мѣсяц 2 дол. 50 с.

КОНТОРА И РЕДАКЦІЯ ПОМѢЩАЮТСЯ В ДОМѢ № 12 BOONE ROAD Shanghai.

Редактор: Редакціонный коллектив.
Издатель:
Издательство „Шанхайская Жизнь."

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на ежедневную
большую демократическую, полит.-экономическую и литератур. газету

»УТРО«

подъ редакціей АНАТОЛІЯ ГАНА

при постоянномъ участіи:

Арк. Аверченко, Ив. Бунина, К. Бальмонта, Б. Бажирова Бѣрина, Арк. Бухова, А. Бѣлугина, проф. Павла Виноградова, Сергѣя Варшавскаго, Діонео, Донъ Аминадо, Алекс. Дроздова, А. Куприна, Лоло, проф. А. И. Сургучева, Спектатора, Тебэ, графа И. Толстого, Льва Урванцева, А. Л. Фовицкаго (Альда), Евг. Чирикова, Саши Черного, Леонида Чацкаго, Алекс. Яблоновскаго, Антона Яковлева и другихъ.

Собственные корреспонденты въ Сибири, на Дальнемъ Востокѣ — и во всѣхъ крупныхъ центрахъ Америки и Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ С.Ш.Америки и Канадѣ доллъ.		Въ Нью-Іоркѣ и заграницей доллъ.	
На годъ	8·00	На годъ . . .	10·00
На полгода . . .	4·25	На полгода . .	5·00
На 3 мѣсяца . .	2·25	На 3 мѣсяца .	3·00
На 1 мѣсяцъ . .	1·00	На 1 мѣсяцъ .	1·00

Адресъ для писемъ и переводовъ, 105 E. 11 th St., New York. Телефонъ конторы: Stuyvesant 5505. редакціи: Franklin 6021. Для телеграммъ: Newyork »Utro«.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ БОЛЬШОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ

при ближайшемъ участіи:

Н. Д. АВКСЕНТЬЕВА, И. И. БУНАКОВА, М. В. ВИШНЯКА, А. И. ГУКОВСКАГО и В. В. РУДНЕВА.

*

Адресъ редакціи:

9 bis, rue Vineuse Paris (XVIe)

Téléphone: PASSY 89-61.

*

Подписка, продажа и пріемъ объявленій въ книжномъ магазинѣ

J. POVOLOZKY

13, rue Bonaparte, Paris (VIe).

Téléphone: GOBELINS 53-62

*

Подписная цѣна на каждые 3 мѣсяца: во Франціи 30 фр., въ другихъ странахъ 33 фр. Цѣна отдѣльного номера журнала 10 фр., съ пересылк. заказн. бандеролью 11 фр.

Принимается подписка на 1922 год на еженедельник

»ВОЛЯ РОССИИ«

под ред. В. И. Лебедева, М. Л. Слонима и В. В. Сухомлина.

Условия подписки:

На 1 мес. в Чехословакии. Австрии, Окраинных государств, в Румынии, Турции, Палестине — 20 чеш. крон, в Германии — 45 мар., в Скандинавских стран. — 2 шв. кр., во Франции и Бельгии — 5 фр., в Соединенных Штатах ½ дол., в Англии — 2 шил., Швейцарии - 2 фр. 40 с., в Италии — 10 лир.

Адрес конторы и редакции:

VOLJA ROSSII

UHELNÝ TRH 1, PRAGUE

Tchécoslovaquie.

Ежедневная литератур. общественно-политическая и экономическая газета

Вольная Литва

Органъ независимой демократическ. мысли.

Подписная цѣна заграницей с пересылкой на 1 мѣс. — 80 нѣм. м., на 3 мѣс. — 230 м. и на 6 мѣс. 400 м.

Адресъ редакціи и конторы:

Ковно, Laisvės Aléja 35.

Редакторъ-Издатель І. Я. ВОРОНКО.

„СЕГОДНЯ"

Независимая демократическая газета.

Редакція, главная контора и экспедиція:

РИГА,

Гердерова площадь № 1.

Цѣна отдѣльн, номера 5 рублей.

Подписная плата за мѣсяцъ:

Въ Латвіи 125 рбл.

За границей 135 рбл.

ГАЗЕТА

„Новый Путь"

Выходитъ ежедневно.

Редакція и контора:

Романовская, 14, кв. 7 :: РИГА.

Подписная цѣна:

въ мѣсяцъ 125 р., въ Бельгіи и Франціи 10 фр., Англіи 4 шил., Америки ½ дол.

Открыта подписка на 1922 г.

на общественно-политическую и литератур. газету

СВОБОДНАЯ РѢЧЬ

Газета выходитъ: по вторник., четверг. и суббот.

При участіи: Г. Б. Алексѣева, Б. Г. Вальденбургера, А. Н. Грабаря, проф. Э. Д. Гримма, проф. В. В. Завьялова, Н. С. Лукаша, К. В. Мочульскаго, Н. П. Нилова, К. К. Парчевскаго, М. Н. Пенковскаго, Ю. К. Рапопорта, проф. А. И. Рождественскаго, В. Н. Снегирева, Б. Н. Соколова, Ф. В. Татаринова, Е. Н. Чирикова, протопресв. Г. И. Шавельскаго, В. В. Шульгина и Н. М. Ярцева.

Подписная цѣна: въ Болгаріи: 1 м. — 24 л., на 3 м. — 60 л. и на 6 м. — 110 л. Заграницей: на 1 м. 3 фр. фр., на 3 м. 8 фр. фр. и на 6 м. 15 фр. фр. Подписка принимается съ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца.

Адресъ редакціи: Софія, Бул. Дондуковъ No. 40.

Ежедневная политическая, литературная и обществен. газета въ Варшавѣ

„ЗА СВОБОДУ"

Девизъ:

„ЗА РОДИНУ И СВОБОДУ".

Условія подписки:

Въ Польшѣ въ мѣсяцъ — 830 м. польск. За границу — 900 м. польск. Цѣна отдѣльнаго No. — 30 мар. польскихъ.

Адресъ редакціи и конторы:

Варшава, Новый Свѣтъ 22, кв. 47.

Открыта подписка на 1922 г.

на большую ежедневную газету

„Послѣднія Новости"

выходящую въ Парижѣ подъ редакціей **П. Н. Милюкова.**

Собственные корреспонденты во всѣхъ европейскихъ столицахъ и во всѣхъ центрахъ русской эмиграціи.

Обширная информація изъ жизни Советск. Россіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	12 мѣс.
Во Франціи . .	10 фр.	27 фр.	50 фр.	95 фр.
За границей . .	12 фр.	33 фр.	60 фр.	110 фр.

Адресъ конторы и редакціи: 5, rue de Gobelins, Paris XIII. Телефонъ: Gobelins 22—94.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1922 ГОДЪ на единственную на Балканахъ большую политическую и литератур. газету

РУССКОЕ ДѢЛО

Газета выходитъ въ гор. Софіи по средамъ, пятницамъ и воскресеньямъ въ форматѣ четырехъ больш. страницъ. Въ газетѣ принимаютъ участіе лучш. журнальныя силы.

Съ 1 января 1922 г. подписная цѣна: 1 мѣс.: въ Болгаріи 24 лева, Кор. С.Х.С. 18 дин., Германіи 24 мар., Чехіи, Венгріи и Австріи 20 ч.кр., Франціи и др. стр. 4 ф. ф. При подп. на 3 мѣс. и больше 10% скидки.

Пріемъ подписки и объявл. производ. въ конторѣ „Русскаго Дѣла". Софія, ул. Веслецъ, 2.

Новая Органъ русской освободит. национал.-государств. мысли

„Русская Жизнь"

ежедневная газета.

Издается въ Гельсингфорсѣ подъ редакціей Ю. А. Григоркова.

Подписная цѣна на 1922 г.:

Для Финляндіи на 1 мѣс. 12 м. Заграницей въ Германіи и Австріи 25 герм. мар., во Франціи и Бельгіи 7 фр., въ Англіи 4 шил., въ Америкѣ 5 цент.

Адресъ редакціи и главной конторы: Fienland, Helsingfors, Elisabetsgatan 29, lok. 2.

Рекомендуемъ всѣмъ изучающимъ чешскій языкъ!

УССКІЕ КЛАССИКИ НА ЧЕШСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

RUSKÁ KNIHOVNA.

До сихъ поръ вышло 80 томовъ.
Изданіе **„И. Отто“** въ Прагѣ, Karlovo nám. 34—35.
Спрашивайте во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Чехословакіи.

На чешскомъ языкѣ

УССКІЙ КРИЗИСЪ. RUSKÁ KRISE

Napsal Dr. Karel Kramář.

(Большой in 8°) 585 страницъ. Цѣна Kč. 88·—.
Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Чехословакіи.

Библіографическая рѣдкость:

рама изъ событій 1848 года, въ свое время запрещенная русской цензурой, и главная роль которой отведена великому чешскому писателю-поэту Карлу Гавличку Боровскому.

Д. Л. Мордовцева

ПРАЖСКІЙ ПОГРОМЪ

Историческая драма въ пяти дѣйствіяхъ.

зданіе второе Типографіи Э. П. Гейстлиха въ Прагѣ, съ предисловіемъ профессора В. А. Францева.

Цѣна Kč 30·—.

ѣна нумерован. экземпляровъ на роскошной бумагѣ Kč **50.**

о всѣхъ книжныхъ магазинахъ Чехословакіи.

Главный складъ у Т-ва „И. Отто“ въ Прагѣ.

»РУССКИЙ ГОЛОС«

Самая распространенная в Соедин. Штатах и Канаде ежедневная кооперативная газета RUSSKY GOLOS Corporation 64 East Seventh Street, New York.

Подписная цена.

В Нью Иорке и заграницу:
На год Д. 10·—, на 1 месяц Д. 1·—.

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO

31 E, 7 th St., New York.
Russian Daily Newspaper, Published Every Day including Sunday by V. Shimkin.

Подпис. цѣна заграницей:

на 1 год 10 д., на 6 мѣс. 5 д., на 3 мѣс. 2 д. 75 с., на 1 мѣс. 1 д.

„Русская Мысль“ основана въ Москвѣ въ 1880 г. *С. А. Юрьевымъ*, продолжателемъ котораго были *В. М. Лавровъ* и *В. А. Гольцевъ*. Съ 1907 по 1911 г. она выходила подъ редакціей *А. А. Кизеветтера* и *П. Б. Струве*, а съ 1911 по 1918 г. — одного *П. Б. Струве*.

„Русская Мысль“, нынѣ издаваемая заграницей, въ условіяхъ полнаго упраздненія въ Россіи свободы слова и книгопечатанія, будетъ осуществлять ту же задачу, которой она служила всегда: **быть органомъ свободной русской національной мысли, политической и культурной.** Имя ея редактора, который былъ единственнымъ отвѣтственнымъ руководителемъ журнала въ послѣдніе восемь лѣтъ его существованія, достаточно опредѣляетъ характеръ возобновляемаго литературнаго предпріятія. **Оно попытается сплотить вокругъ себя всѣ живыя духовныя силы, преданныя идеалу органическаго національнаго возрожденія Россіи, ея государственности и культуры.**

Въ ближайшее время редакція можетъ расчитывать на сотрудничество слѣдующихъ лицъ: **Г. А. Алексинскаго, М. Арнаудова, Н. С. Арсеньева, Г. Аѳанасьева, кн. В. В. Барятинскаго, М. В. Бернацкаго, А. Д. Билимовича, П. М. Бицилли, А. Блоха, С. С. Бобчева, П. М. Богаевскаго, Б. Божнева, И. А. Бунина, И. Бѣленихина, Г. В. Вильямса, П. Г. Виноградова, кн. С. Волконскаго, кн. С. А. Гагарина, В. Ф. Гефдинга, З. Н. Гиппіусъ, А. Н. Грабара, Г. Д. Гребенщикова, Д. Д. Гримма, Э. Д. Гримма, В. Х. Даватца, Г. Ѳ. Даниилова, С. С. Демосѳенова, Вл. Дитерихса, Н. В. Долинскаго, В. Б. Ельяшевича, Н. С. Жекулина, К. О. Зайцева, Б. П. Кадомцева, А. В. Карташева, Н. П. Кондакова, В. Костецкаго, К. Крамаржа, С. Кречетова, А. И. Куприна, Б. А. Лазаревскаго, Г. Ландау, И. Лаппо, В. Лебедева, А. Г. Левенсона, И. О. Левина, В. М. Левитскаго, Е. Лопатиной, М. Лотъ-Бородиной, И. Лукаша, Л. Львова, Н. Н. Львова, С. Маковскаго, Д. С. Мережковскаго, С. Метальникова, С. Микцлова, Д. Михальчева, К. В. Мочульскаго, В. Д. Набокова, М. Невзоровой, В. Нечитайлова, С. Никонова, Б. А. Никольскаго, Ю. А. Никольскаго, П. И. Новгородцева, бар. Б. Э. Нольде, Н. Н. Кордмана, кн. В. А. Оболенскаго, Ник. Окунева, С. С. Ольденбурга, П. А. Остроухова, Л. Опатовскаго, А. Погодина, М. Попруженко, В. Раевскаго, И. Радославова, З. Розовой, М. И. Ростовцева, П. Н. Савицкаго, И. Савченко, В. Свѣтлова, Ю. Ѳ. Семенова, В. Сирина, К. Н. Соколова, А. Соколовскаго, Е. Спекторскаго, Г. П. Струве, М. Струве, П. П. Сувчинскаго, И. Д. Сургучева, Ѳ. Тарановскаго, Ѳ. В. Татаринова, гр. Ал. Н. Толстого, кн. Гр. Н. Трубецкого, кн. Н. С. Трубецкого, А. В. Тырковой, Г. В. Флоровскаго, А. Цанкова, Л. Чацкаго, Н. Н. Чебышева, Е. Н. Чирикова, Г. И. Шавельскаго, В. В. Шульгина, П. Ярцева, Е. Яшнова, А. Ѳедорова.**

ЦѢНА настоящаго номера (мартъ), безъ пересылки: 28 к. ч.; 7 фр. фр.

Подписная цѣна сообщается немедленно по требованію. Справки въ конторѣ журнала: Prague, Karlovo nám. 35. **Тамъ же принимаются объявленія:**

Передъ текстомъ: за 1 стр. 800 Кч.; за 1/2 стр. 400 Кч.; за 1/4 стр. 250 Кч.
Позади текста: за 1 стр. 600 Кч.; за 1/2 стр. 300 Кч.; за 1/4 стр. 150 Кч.

Т-во „И. ОТТО“ въ Прагѣ, Чехословакія.

J. OTTO. Éditeur, Prague, Tchécoslovaquie.

Отвѣтственный редакторъ В. Червинка. — Типографія „Политика“, Прага.

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ОСНОВАНА ВЪ 1880 ГОДУ

АПРѢЛЬ

ПРАГА
1922

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. БѢГСТВО. (Повѣсть въ трехъ частяхъ). ч. II гл. V—IX. *Продолженіе.* — **Ивана Бѣленихина** 3
2. СТИХОТВОРЕНІЯ. — **Леонида Чацкаго** 31
3. ЦАРЬ БЕРЕНДѢЙ. Таёжная побывальщина. — **С. Р. Минцлова** 33
4. ПИСЬМО. Стихотвореніе. — **Вл. Холодковскаго** . . 63
5. ДНИ. *Продолженіе.* — **В. Шульгина** 65
6. ВЪ СТАРОМЪ ПАРКѢ. Стихотвореніе. — **В. Саянова** 90
7. ПѢСНИ ЮЖНЫХЪ СЛАВЯНЪ. — **В. Н. Нечитайлова** 91
8. ЦЕРКОВЬ И РЕВОЛЮЦІЯ. — Протопресвит. **Георгія Шавельскаго** 102
9. ОПЫТЫ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПУШКИНСКАГО ТВОРЧЕСТВА. I. — **П. Бицилли** 117
10. ВЪ МІРѢ ИСКАНІЙ И БЛУЖДАНІЙ. I. Знаменательный споръ. II. Соблазнъ прекраснодушія. — **Георгія В. Флоровскаго** 129
11. ПРОБЛЕМА ИНДЕТЕРМИНИЗМА ВЪ СВѢТѢ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ФИЗИКИ. — **А. Чупрова** 147
12. СОВѢТСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ РОССІИ. — **Алекс. Билимовича** 156
13. „ГЕНУЯ — ЕВРОПА — РОССІЯ“. — **К. П. Крамаржа** 172
14. ПИСЬМО РЕДАКТОРУ „РУССКОЙ МЫСЛИ“. — **И. О. Левина** 188
15. ПАМЯТИ ВЛАДИМІРА ДМИТРІЕВИЧА НАБОКОВА. I. **Петра Струве.** II. **П. Новгородцева** 192
16. ПОЛИТИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ. I Дѣла русскія. II Дѣла иностранныя. — **С. С. Ольденбурга** 197
17. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ. 1. Академикъ С. Ѳ. Платоновъ. Борисъ Годуновъ. — **Петра Струве.** 2. Henri Berr. L'histoire traditionnelle et la synthèse historique. — **Петра Струве.** 3. Georges Danos. L'idée de l'autarchie économique et les statistiques du commerce extérieur. — **Петра Струве.** 4. Домъ Литераторовъ. Пушкинъ—Достоевскій. — **Г. В. Флоровскаго** 216
18. ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ЗАМѢТКѢ „ВѢХИ“ И „СМѢНА ВѢХЪ“ 224

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

АКЦІОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

раньше

ЗАВОДЫ ШКОДА

(соединенные съ „Соединенными Машиностроительными Заводами, акціонерное общество, бывшіе Шкода, Рустонъ, Бромовскій и Ринггофферъ“).

Главное Управленіе:

ПРАГА-СМИХОВЪ

Чехословацкая республика.

Заводы въ Пильзенѣ, Доудлевцѣ, Ниржанахъ, Градцѣ Королевы и Смиховѣ.

ВЫВОЗЪ ВО ВСѢ СТРАНЫ!

- Необработанныя, полуобработанныя и вполнѣ обработанныя части изъ стали и изъ сѣраго чугуна, поковки самыхъ большихъ размѣровъ и вѣса для всякаго рода промышленности, желѣзныхъ дорогъ, шахтъ, судоходства, равно какъ для сельскохозяйственныхъ надобностей.
- Отливки изъ всякаго рода металловъ и изъ электростали.
- Зубчатыя колеса („Цитроенъ“, „Маагъ“ и др.), рессоры всевозможныхъ видовъ и сортовъ, инструменты, наковальни и т. д.
- Желѣзныя конструкціи и краны для всевозмож. цѣлей.
- Паровые котлы разныхъ системъ.
- Локомотивы и тендеры для различныхъ ширинъ пути.
- Двигатели паровые, газовые и нефтяные разныхъ системъ и конструкцій, холодильн. и ледотворныя машины.
- Обрабатывающія машины, гидравлическіе прессы, паровые молоты, дробилки, компрессоры для воздуха, подвижныя автомобильныя мастерскія, тракторы, моторные и паровые плуги, бензинные локомобили и шоссейные катки.
- Сепараторы для молока „Либелла“. Типографскія машины и т. д., и т. д.
- Полное механическое оборудованіе заводовъ: сахарныхъ, рафинадныхъ, дистиллировочныхъ, мыловаренныхъ, пивоваренныхъ, сушиленъ, солодовень, холодильниковъ, ледниковъ, скотобоенъ, шахтъ, рудниковъ и желѣзопрокатныхъ заводовъ, верфей, арсеналовъ, равно какъ морскихъ судовъ и рѣчныхъ пароходовъ, электр. центральныхъ станцій и т. д. и т. д.

Проспекты и смѣты по требованію.

Живностенскій Банкъ
въ Прагѣ.

Правленіе: Прага, Ржікору 30. Телефонъ 6720-32.

Акціонерый капиталъ: Кч. 200,000.000·—. Запасный и страховой фонды: Кч. 113,696.289·53.

Главное отдѣленіе: Королевскіе Виноградъ, Уголъ Гавличковой ул. и Тылова нам. 13.

Отдѣленія: Млада Болеславъ, Братислава, Брно, Нѣмецкій Бродъ, Чешскія Будейовице, Ходонинъ, Градецъ Королевы, Ихлава, Клатовы, Колинъ, Кошице, Либерецъ (Рейхенбергъ), Мельникъ, Оломуцъ, Моравска Острава, Пардубице, Писекъ, Пильзенъ, Простѣовъ, Таборъ, Теплицъ, Тріестъ, Устье н. Э., Карловы Вары (Карлсбадъ); Вѣна I, Херренгассе 12. Экспозитура Тріестскаго отдѣленія въ Опатіи (Opatiji).

Производитъ всевозможныя торговыя операціи какъ въ Чехословакіи, такъ и заграницей.

LA CAUSE COMMUNE

„ОБЩЕЕ ДѢЛО"

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: (во франкахъ)

	1 м.	3 м.	6 м.	1 г.
Франія и Бельгія	8	22	40	75
Друг. стр.	10	27	50	90

Ежедневная Газета.

Редакторъ-издатель В. Л. БУРЦЕВЪ.

РЕДАКЦІЯ И ГЛАВНАЯ КОНТОРА: *142, Rue Montmartre, 142, Paris.* Тел.: Louvre 36·51. Телегр. адр.: Bourtzeff-Paris.

ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ И ОБЪЯВЛЕНІЙ

съ 10 до 12 утра и съ 2½ до 6 час. дня ежедневно, кромѣ праздниковъ.

Отдѣленіе редакціи и конторы въ Чехословакіи: Praha II., v Jámě, č. 1., b. VIII.

Въ газетѣ принимаютъ участіе:

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ: А. В. Амфитеатровъ, акад. И. А. Бунинъ, З. Гиппіусъ, А. И. Куприпъ, Борисъ Лазаревскій, Д. Мережковскій и другіе.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЙ И ДРУГІЕ ОТДѢЛЫ: Н. И. Астровъ, Л. Б. Бернштейнъ, М. А. Богуславскій, А. А. Бубликовъ, В. Л. Бурцевъ, А. Ветлугинъ, В. В. Викторовъ-Топоровъ, проф. А. М. Горовцевъ, Діонео, князь П. Д. Долгоруковъ, прис. пов. И. В. Дуссанъ, проф. А. В. Карташевъ, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Л. Ф. Магеровскій, проф. А. В. Маклецовъ, Б. Немировъ, А. А. Осбергъ, гр. С. В. Панина, Д. С. Пасмаикъ, М. К. Первухинъ, Ал. Рогожинъ, Ф. И. Родичевъ, С. Г. Сватиковъ, Ю. Ф. Семеновъ. прис. пов. Г. Б. Сліозбергъ, А. В. Тыркова-Вильямсъ, И. К. Тимковскій, А. И. Филипповъ, Ал-дръ Яблоновскій, Сергѣй Яблоновскій (Потресовъ) и другіе.

СОБСТВЕННЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ „ОБЩАГО ДѢЛА" въ Берлинѣ, Бѣлградѣ, Варшавѣ, Владивостокѣ, Вѣнѣ, Гельсингфорсѣ, Женевѣ, Кишиневѣ, Константинополѣ, Лондонѣ, Нью-Іоркѣ, Прагѣ, Ревелѣ, Ригѣ, Римѣ и Софіи.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
ПЕТРА СТРУВЕ

КНИГА IV.

ПРАГА
1922

Типографія „Политика“ въ Прагѣ.

Бѣгство.

(Продолженіе).

Часть II.

Къ линіи фронта.

ГЛАВА V.

Интеллигенты.

На другой день утромъ, вставши вмѣстѣ съ хозяевами, чуть разсвѣло, мы поблагодарили хозяйку, наотрѣзъ отказавшуюся взять деньги, попрощались съ мужиками и тронулись дальше. Небо было покрыто черными тучами, сильно захолодало. Мѣстность рѣзко измѣнилась. Маленькіе, уютные виды нашихъ мѣстъ смѣнились широкими панорамами, на горизонтѣ синѣли лѣса, тянувшіеся на много верстъ и пересѣкавшіе поперекъ нашъ путь.

Дорога шла почти все время деревнями, приходилось обходить ихъ и мы только къ обѣду, закусивъ на ходу своими припасами, добрались до деревни, въ которой жилъ второй изъ указанныхъ намъ Григоріемъ Ивановичемъ его знакомыхъ. Деревня была большая и бойкая, мы подходили къ ней послѣ вчерашняго, нерѣшительно, обдумывая, какъ узнать, гдѣ нужный намъ домъ и какъ пройти къ нему незамѣченными. На наше счастье по дорогѣ ѣхалъ большой возъ съ капустой и мы, воспользовавшись имъ, какъ прикрытіемъ, разговаривая съ хозяиномъ воза и при встрѣчахъ переходя съ одной стороны на другую, добрались съ нимъ до деревни и кстати узнали, гдѣ нужный намъ домъ.

Хозяинъ дома, куда мы вошли, бывшій приказчикъ въ одномъ изъ сосѣднихъ имѣній, принялъ насъ съ первыхъ же словъ радушно, посовѣтовалъ немного обождать у него, такъ какъ сейчасъ черезъ деревню идутъ большія воинскія части, а дорога очень простая, и подтвердилъ, что учитель, къ которому мы шли, — дома, былъ у него только вчера и хорошо освѣдомленъ, такъ какъ и комиссары у него останавливаются, а на дняхъ забрался даже и казачій разъѣздъ.

Типографія „Политика“ въ Прагѣ.

Бѣгство.

(Продолженіе).

Часть II.

Къ линіи фронта.

ГЛАВА V.

Интеллигенты.

На другой день утромъ, вставши вмѣстѣ съ хозяевами, чуть разсвѣло, мы поблагодарили хозяйку, наотрѣзъ отказавшуюся взять деньги, попрощались съ мужиками и тронулись дальше. Небо было покрыто черными тучами, сильно захолодало. Мѣстность рѣзко измѣнилась. Маленькіе, уютные виды нашихъ мѣстъ смѣнились широкими панорамами, на горизонтѣ синѣли лѣса, тянувшіеся на много верстъ и пересѣкавшіе поперекъ нашъ путь.

Дорога шла почти все время деревнями, приходилось обходить ихъ и мы только къ обѣду, закусивъ на ходу своими припасами, добрались до деревни, въ которой жилъ второй изъ указанныхъ намъ Григоріемъ Ивановичемъ его знакомыхъ. Деревня была большая и бойкая, мы подходили къ ней послѣ вчерашняго, нерѣшительно, обдумывая, какъ узнать, гдѣ нужный намъ домъ и какъ пройти къ нему незамѣченными. На наше счастье по дорогѣ ѣхалъ большой возъ съ капустой и мы, воспользовавшись имъ, какъ прикрытіемъ, разговаривая съ хозяиномъ воза и при встрѣчахъ переходя съ одной стороны на другую, добрались съ нимъ до деревни и кстати узнали, гдѣ нужный намъ домъ.

Хозяинъ дома, куда мы вошли, бывшій приказчикъ въ одномъ изъ сосѣднихъ имѣній, принялъ насъ съ первыхъ же словъ радушно, посовѣтовалъ немного обождать у него, такъ какъ сейчасъ черезъ деревню идутъ большія воинскія части, а дорога очень простая, и подтвердилъ, что учитель, къ которому мы шли, — дома, былъ у него только вчера и хорошо освѣдомленъ, такъ какъ и комиссары у него останавливаются, а на дняхъ забрался даже и казачій разъѣздъ.

Часа черезъ три, закусивъ и напившись чаю, мы вышли задворками на дорогу, хозяинъ подробно намъ ее объяснилъ и даже проводилъ съ версту, и мы простились. Не прошло и получаса, какъ небо потемнѣло, и пошелъ первый снѣгъ.

Мы шли старымъ и густымъ хвойнымъ лѣсомъ, какъ всегда въ непогоду создающимъ впечатлѣніе уюта и, бодро шагая по мягкому ковру хвои, уже затемно добрались до большого двухъэтажнаго дома на краю села и по надписи увидали, что попали куда надо. Войдя черезъ черный ходъ въ кухню, мы спросили у сидѣвшей тамъ женщины, повидимому, кухарки, дома-ли учитель такой-то и не занятъ-ли онъ.

— Нѣтъ, одинъ сидитъ, читаетъ, отвѣчала она.

— Доложите пожалуйста, что просимъ принять насъ по дѣлу.

Она ушла.

Черезъ минуту на лѣстницѣ послышались шаги, и въ кухню вошелъ мужчина, лѣтъ сорока пяти, скромно, но прилично одѣтый, въ пенсне, съ интеллигентнымъ лицомъ.

— Вы хотѣли меня видѣть? спросилъ онъ, разглядывая насъ.

— Да.

— Что вамъ угодно?

Кухарка, оставивъ работу, съ любопытствомъ прислушивалась.

— У насъ къ вамъ есть одно дѣло, нельзя ли будетъ съ вами переговорить? нарочно, нѣсколько заминаясь, сказалъ я.

— А, пожалуйста, повидимому догадался онъ, что мы хотимъ говорить съ нимъ наединѣ, — пойдемте ко мнѣ.

Мы, какъ были, съ сумками за плечами и съ палками въ рукахъ, поднялись по лѣстницѣ и вошли въ его комнату. Чистый полъ, уютная теплая комната, книги въ шкафу и картины на стѣнахъ, все это поразило меня тѣмъ видомъ, отъ котораго я за послѣдній годъ успѣлъ уже отвыкнуть, и я почувствовалъ и понялъ то смущеніе, которое обычно было замѣтно на лицахъ мужиковъ, когда они входили въ барскій домъ, боясь запачкать его своимъ костюмомъ.

— Садитесь пожалуйста, проговорилъ онъ, — снимайте ваши сумки, вы вѣроятно издалека?

— Разрѣшите вамъ представиться — наконецъ прогово-

рилъ я, привставъ, — и простите, что мы рѣшились, не будучи съ вами знакомыми, васъ безпокоить, насъ направилъ къ вамъ Григорій Ивановичъ Струнниковъ.

— Какъ же знаю, внимательно вслушиваясь отвѣтилъ онъ.

— Я Бѣленихинъ, бывшій помѣщикъ *** уѣзда, это мой двоюродный братъ, мы бѣжимъ, спасаясь отъ ареста на фронтъ, не можете ли вы помочь намъ совѣтомъ и пріютить насъ до завтрашняго утра? Если послѣднее неудобно, то можетъ быть вы укажете кого нибудь на селѣ.

Онъ смотрѣлъ на меня молча, съ открытыми глазами, ничего не отвѣчая. Я сталъ уже сомнѣваться въ успѣхѣ, когда онъ вдругъ быстро заговорилъ.

— Вы Иванъ Бѣленихинъ, бывшій гласный?

— Да — улыбаясь отвѣчалъ я, — это я.

— Господи, какое время — всталъ онъ, — какъ приходится встрѣчаться и знакомиться; очень, очень радъ, съ удовольствіемъ помогу вамъ, чѣмъ только смогу, — пожималъ онъ намъ руки.

Часа полтора мы проговорили о совершенно постороннихъ предметахъ; уютная обстановка, интеллигентный въ полномъ смыслѣ этого слова собесѣдникъ, рядъ воспоминаній о прежней земской жизни, объ общихъ знакомыхъ, раскиданныхъ теперь по всему свѣту, все это унесло насъ куда-то далеко, заставивъ забыть и кто мы, и гдѣ, и зачѣмъ пришли. Нервы отдыхали отъ утомительной конспираціи въ разговорѣ со своимъ человѣкомъ, съ которымъ можно было не стѣсняться, къ которому не надо было приспосабливаться.

Я спросилъ, что у нихъ теперь дѣлается — „въ школѣ.“

— А, съ горечью махнулъ онъ рукой, вы помните послѣдній проектъ губернскаго Земства о расширеніи дѣла, а теперь — слова, слова, слова, прямо море словъ, декреты, обѣщанія, а въ результатѣ мерзость запустенія. Нашъ министръ, меценатъ, покровитель наукъ и искусствъ и самъ поэтъ, литераторъ, философъ и т. д. читаетъ свои бездарныя драмы въ кругу пресмыкающихся передъ нимъ поэтовъ и художниковъ, творитъ новую „пролетарскую“ культуру и „новаго“ человѣка, а на учительскихъ съѣздахъ пьяный, полуграмотный комиссаръ въ качествѣ наивѣрнѣйшаго аргумента непокорнымъ учителямъ тычетъ въ носъ наганомъ· Вы знаете — продолжалъ онъ — по моему самое отвратительное, что есть въ

совѣтскомъ строѣ, вѣрнѣе не въ совѣтскомъ строѣ, а въ тактикѣ коммунистической партіи — это небывалая грандіозная ложь, на каждомъ шагу лицо и изнанка, фасадъ и задворки. На фасадѣ: — все для народа, синематографы, театры, библіотеки, пролетарская культура, а здѣсь кругомъ, въ глуши, мадьяры, вылавливающіе дезертировъ, продовольственные отряды и порка, порка безъ конца цѣлыхъ деревень. Порка отцовъ тѣхъ самыхъ дѣтей, которымъ мы обязаны преподносить всѣ эти коммунистическія конфекты... И чтоже, кончилось тѣмъ, что мужики, видя въ учителяхъ агентовъ ненавистнаго имъ правительства, во многихъ мѣстахъ перенесли свою ненависть на нихъ и буквально морятъ ихъ холодомъ и голодомъ. Добрая половина времени у меня теперь уходитъ на то, чтобы съ одной стороны отписываться отъ всевозможныхъ „наробразовъ“ и стараться не проводить въ жизнь то, что невозможно, да и совѣстно проводить, а съ другой удерживать крестьянъ отъ бойкота школы. Въ деревнѣ еще что, а въ городахъ еще хуже. Недавно одна учительница, всю жизнь отдавшая школѣ, старушка, со слезами мнѣ разсказывала, что у нея на урокахъ, въ школѣ 2-ой ступени, какіе-то бородатые хулиганы съ папиросками въ зубахъ и не снимая фуражекъ въ стуколку играютъ — укрываются, видите ли, отъ фронта. Она пожаловалась комиссару, а тотъ, знаете, что ей отвѣтилъ: „вамъ очевидно пора на покой, видно не можете безъ палки преподавать; на ней, по старой системѣ, всю дисциплину строите, выдохлись, не умѣете „дѣтей“ курсомъ заинтересовать. Каково, подумайте! Изъ всѣхъ большевицкихъ мерзостей, можетъ быть, я, какъ учитель, ее больнѣе чувствую, эту заразу и разложеніе дѣтской души коммунистическимъ подкупомъ. Это невѣроятная подлость, покупать голоднаго ребенка лишней порціей сахара. До этого еще никто не додумывался. Организаторы, что и говорить.

Было видно, какъ наболѣло у него на душѣ, и возможность откровенно отвести ее, доставляетъ ему облегченіе.

— Простите меня, господа — вмѣшался, улыбаясь, Алеша, воспользовавшись небольшой паузой — но я долженъ вернуть васъ къ дѣйствительности, передъ вами — обратился онъ къ хозяину, — вѣдь не бывшій гласный, а бѣглый арестантъ.

— Ради Бога, простите, — отвѣчалъ тотъ — дѣйствительно я забылъ, что вамъ нужна моя помощь, а не рѣчи,

и воспользовался вашимъ обществомъ, чтобы отвести самому душу. Вѣдь вы навѣрно устали и голодны? Какъ намъ все устроить? — немного задумался онъ, — я васъ сейчасъ долженъ покинуть часа на два, сейчасъ 5. Я васъ отведу въ сосѣдній домъ, тамъ васъ напоятъ чаемъ, вы отдохнете. Внизу у насъ семейный учитель живетъ, а въ томъ домѣ холостые, люди хорошіе. У нихъ есть свободная комната, тепленькая. Вы тамъ побудете часа два, а потомъ приходите ко мнѣ ужинать и тогда мы обо всемъ и переговоримъ. Лучше, если вы не будете открывать своего инкогнито и скажете, что вы учителя, пришли изъ дальней волости съ цѣлью ознакомленія съ постановкой преподаванія у насъ.

— Они не большевики? спросилъ Алеша.

— О, нѣтъ, нисколько.

— Ага, ну тогда, чтобы объяснить нашъ завтрашній уходъ утромъ, мы сами будемъ разыгрывать коммунистовъ и послѣ вечерняго свиданья съ вами, скажемъ, что вы буржуй, пичкаете все старой рухлядью и что учиться у васъ здѣсь нечему, кстати и бѣлогвардейцы близко — опасно — рѣшили мы.

— Чудесно — засмѣялся онъ.

Вѣроятно прошло уже не меньше двухъ часовъ, какъ мы сидѣли и пили чай въ небольшой комнаткѣ, куда насъ отвели, разговаривая съ молодымъ учителемъ, немного смущенно намъ поддакивавшимъ, когда я, рѣшивъ показаться и двумъ другимъ учителямъ, вышелъ въ общую комнату, гдѣ нѣсколько человѣкъ сидѣло и разговаривало за самоваромъ.

— Скажите, товарищи, — обратился я къ нимъ, — а гдѣ у васъ здѣсь можно было бы руки пообмыть?

Часто, когда потомъ я вспоминалъ все наше путешествіе, мнѣ самому начинало казаться, что я описываю не дѣйствительно все съ нами происшедшее, а пишу какого-то новаго Жиль-Блаза, только уже не Сантиланскаго, или новыя маленькія „Мертвыя души“.

Одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ обернулся. Я узналъ его мгновенно, а онъ повидимому до того былъ удивленъ и моимъ видомъ, и моимъ тономъ и тѣмъ, что видитъ меня здѣсь, что молча уставился на меня, не отвѣчая ни слова. Чтобы не дать ему возможности узнатъ меня, или чтобы по крайней мѣрѣ дать ему понять, что я почему-то не хочу,

чтобы онъ меня узналъ, я съ еще большей развязностью повторилъ свой вопросъ, глядя прямо ему въ глаза. Онъ, запинаясь, отвѣтилъ, а я быстро вышелъ изъ комнаты.

Это былъ нашъ старый репетиторъ, жившій лѣтъ двадцать тому назадъ и лѣто и зиму у насъ въ Гремячемъ. Въ то время онъ былъ еще студентомъ, высланнымъ за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ изъ одного изъ университетскихъ городовъ, и ярымъ соціалъ-демократомъ. Помню, какъ мы отрывали его отъ Маркса, чтобы идти на охоту, разспрашивая по дорогѣ о его таинственныхъ чтеніяхъ и занятіяхъ. Сынъ небогатаго, разорившагося помѣщика, страстно любившій деревню, отличный ѣздокъ, серьезный охотникъ, чувствовавшій и понимавшій каждую мелочь деревенской жизни, онъ, какъ натура художественная, не могъ быть правовѣрнымъ и узкимъ доктринеромъ и сектантомъ. Можетъ быть именно поэтому, чтобы заглушить мучившія его сомнѣнія, онъ впослѣдствіи со страстью бросился въ партійную работу и революціонную жизнь. Я встрѣтилъ его уже послѣ 1905 года. Это былъ совершенно разрушенный человѣкъ: ссылки, тюрьма, личныя невзгоды, а главное политическія разочарованія безъ времени его состарили. Потомъ я потерялъ его надолго изъ виду, и вотъ мы опять встрѣтились. Пришло время идти къ нашему хозяину и первымъ долгомъ я спросилъ его про Евгенія Михайловича.

— Да, это онъ, надо будетъ немедленно его вызвать и предупредить, онъ человѣкъ умный, но можетъ всетаки не догадаться о причинахъ маскарада и кому нибудь сказать.

Черезъ нѣсколько минутъ появился и Евгеній Михайловичъ, мы встрѣтили его смѣхомъ.

— Я васъ сразу узналъ, заговорилъ онъ, пожимая намъ руки, — но вы меня озадачили и костюмомъ и, главное, тономъ, такъ что я не рѣшился ни съ кѣмъ подѣлиться своимъ удивленіемъ, понявъ, что дѣло не ладно, но что же все это значитъ?

Мы вкратцѣ повторили ему свой разсказъ.

— Вотъ теперь ваши ученики пошли по вашимъ стопамъ — шутя закончилъ я.

— Ахъ, чему же вы смѣетесь, Ваня — обмолвился онъ по старой привычкѣ, — вѣдь это такая трагедія и эта революція и ваша судьба, да и моя жизнь „такъ безумно въ мечтахъ прожитая“, въ мечтахъ и не сбывшихся и растоптанныхъ.

Онъ вспомнилъ Гремячее, растрогался, мы расцѣловались. Онъ ушелъ, желая намъ успѣха и счастья.

Послѣ его ухода, хозяинъ посадилъ насъ ужинать и мы приступили къ дѣлу. Фронтъ былъ совсѣмъ близко, въ двадцати, тридцати верстахъ отъ училища. Дѣйствительно, недавно сюда заскакалъ казачій разъѣздъ, но быстро скрылся, стрѣльба слышна каждый день. Вынувъ карты, мы стали совѣщаться о мѣстѣ перехода фронта, его линія была хозяину приблизительно извѣстна. Наконецъ мы намѣтили свой завтрашній путь. До той деревушки, около которой мы рѣшили переходить фронтъ и въ которой два дня тому назадъ еще стояли добровольцы, было верстъ тридцать съ лишкомъ. Первые десять верстъ приходилось идти открытымъ мѣстомъ, но зато остальныя двадцать шли все время до самой деревни глубокой балкой безъ деревень и дорогъ. Во всей округѣ все полно было войскъ и не проходило дня, чтобы въ село кто нибудь не заѣзжалъ.

Хозяинъ подарилъ намъ компасъ и на всякій случай карты мѣстности, шедшей верстъ на сто пятьдесятъ впередъ. На прощанье я попросилъ его переслать коротенькую записочку Катѣ.

„Мы двигаемся благополучно, цѣль близка, впереди осталось самое трудное, всѣ мысли съ вами и о васъ. Цѣлуемъ и благословляемъ“, писалъ я.

— Вы прекрасно разыграли вашу роль, господа — сказалъ намъ хозяинъ, наши учителя вами буквально терроризированы.

— Ну, не обижайтесь, когда завтра услышите, какъ мы васъ ругали, отвѣчалъ со смѣхомъ Алеша, и мы сердечно распрощались. На дворѣ, когда мы вышли, была форменная вьюга.

Поругавъ по уговору старшаго учителя, уже прямо враждебно смотрѣвшему на насъ, сожителю по комнатѣ, мы легли на приготовленныя для насъ постели; день прошелъ удачно, завтра должно было все рѣшиться.

Это были уже пятыя сутки, какъ мы ушли изъ Гремячаго. Я засыпалъ въ такомъ настроеніи, какъ бывало на войнѣ передъ боемъ, и вдругъ Гремячее предстало передо мной какъ живое. Небольшая комната. За столомъ, съ уже потухшимъ самоваромъ сидятъ всѣ наши. Дѣдушка, въ очкахъ, читаетъ, далеко отставивъ отъ себя книгу, какъ будто что-то въ ней

разсматривая. Маня съ Петей играютъ въ шахматы. Митя сидитъ позевывая и все посматриваетъ на мать, скоро ли она пошлетъ его спать. Катя, сидя за самоваромъ, что-то шьетъ, временами оставляя работу, она пристально смотритъ въ окно, какъ будто видя кого-то за нимъ въ непроглядномъ мракѣ ночи. Но вотъ всѣ расходятся, Катя убираетъ посуду, подходитъ къ окну и прислонившись головой къ стеклу тихо плачетъ. И вдругъ я чувствую, какъ быстро исчезаетъ все небольшое, но такое уже богатое пережитымъ за эти дни пространство, чувствую, что стою подъ этимъ окномъ, готовый протянуть къ ней руки со словами радости и утѣшенія: „я здѣсь, здѣсь, моя дорогая, я вернулся, не плачь, моя радость, мы опять вмѣстѣ". ...Я даже привсталъ съ кровати. Алеша и учитель тихо похрапывали, за окномъ вылъ вѣтеръ.

ГЛАВА VI.

Скорѣе...

Еще до солнца мы встали, умылись, быстро одѣлись и, не дожидаясь чая, вышли изъ деревни.

День былъ ясный и тихій, встало солнце, слегка морозило, снѣгъ тонкой, едва замѣтной бѣлой пеленой покрывалъ землю, налипая на подошвы, на землѣ оставались черные слѣды отъ сапогъ. Пройдя верстъ пять мы присѣли въ лѣсу и закусили. До балки оставалось еще верстъ семь; чтобы попасть въ нее, надо было обойти двѣ деревни и перейти большакъ. Мѣстность была пересѣченная и путанная; оріентировавшись по картѣ, мы тронулись полями прямо по компасу. Невдалекѣ проскакалъ верховой. По твердой походкѣ Алеши, я увидалъ, что и онъ также напряженно сосредоточенъ и приподнято-бодръ, какъ и я. Весь этотъ день, — до такой степени памятный мнѣ, что и до сихъ поръ вся дорога съ самыми мельчайшими подробностями стоитъ у меня передъ глазами, какъ живая — мы съ Алешей почти не разговаривали.

Только что мы вышли изъ лѣса на полевую тропинку, проложенную по зеленямъ, какъ вдругъ сзади, съ двухъ сторонъ показались два солдата съ винтовками. Видимо они старались догнать и обойти насъ съ боковъ. Я опустилъ руку въ правый карманъ, гдѣ у меня лежалъ револьверъ.

— Попробуемъ сперва мирно развязаться, а „то“ всегда успѣемъ — сказалъ мнѣ тихо Алеша, понявъ мой жестъ.

Мы замедлили шаги и стали закуривать. Солдаты догнали насъ.

— Далече до Алексѣевки? — обратился къ одному изъ нихъ Алеша, называя деревню верстахъ въ пяти въ сторонѣ.

— Не знаемъ, мы не здѣшніе, а вы что жъ туда идете?

— Да, вотъ освободились и до дома тянемъ.

Видя, что они ничего не говорятъ и не предпринимаютъ, мы простились и пошли дальше. Ребята были молодые, повидимому недавно мобилизованные.

Нѣсколько разъ мы спускались въ глубокія лощины и вновь взбирались на крутые бугры. Наконецъ верстахъ въ двухъ впереди, показался и большакъ, слѣва и справа на немъ виднѣлись двѣ деревни. По большаку ѣхалъ большой обозъ и шли пѣшіе. Поперекъ къ большаку, параллельно нашему пути, подходилъ оврагъ. Мы спустились въ него и подошли къ дорогѣ саженъ на сто; оврагъ кончился, оставалось ровное поле. Мы залегли, озираясь, и дождались момента, когда путь передъ нами расчистился. Тогда, придерживая одной рукой сумки и согнувшись, мы почти бѣгомъ перевалили черезъ большакъ и небольшое поле за нимъ и черезъ полчаса были уже въ нашей балкѣ.

Событія этого дня, вплоть до своей развязки, маленькія встрѣчи и эпизоды проносятся у меня въ памяти съ такой-же быстротой и мимолетностью, съ какой они переживались и тогда. Нѣсколько разъ мы заходили въ одинокіе хутора напиться воды, вездѣ встрѣчали гостепріимство, получали совѣты и указанія, наталкивались на бытовыя сцены, яркія и характерныя, нѣсколько разъ наспѣхъ закусывали и отдыхали, разговаривая съ маленькими пастушатами, стерегшими въ лощинѣ коровъ.

Приближался фронтъ и наростала тревожность. Идти было трудно, по дну долины текъ ручеекъ, дороги не было, и все время приходилось двигаться полубугромъ. Отъ долины отходили лога и развилки и часто очень трудно было рѣшить, гдѣ основной логъ, а гдѣ боковой, нѣсколько разъ мы сбивались, возвращаясь потомъ обратно. У Алеши вдругъ оторвалась отъ сапога подошва. Это была большая непріятность, въ дорогѣ ноги и обувь это почти все; онъ досадливо на-

хмурился, вынулъ ножъ съ шиломъ, и продѣлавъ въ подошвѣ дырки, наспѣхъ пришилъ ее къ сапогу веревкой.

Наконецъ часамъ къ четыремъ дня, мы, усталые отъ большого перехода, увидали, что балка кончается — впереди показалась большая деревня. Мы остановились, вошли въ боковую лощину, густо поросшую лѣсомъ, спустились на дно глубокой рытвины, наполненной сухими дубовыми листьями, и стали дожидаться темноты. Было очень холодно, морозило, стало темнѣть, мы разожгли маленькій костеръ изъ листьевъ и грѣлись у него. Вдругъ совсѣмъ близко грянулъ орудійный выстрѣлъ и послышался полетъ снаряда, еще и еще. Стрѣляли съ двухъ сторонъ, но перестрѣлка шла не черезъ насъ, а передъ нами. Я призадумался. Совсѣмъ стемнѣло, мы прозябли и дрожали, морозъ крѣпчалъ, вѣтеръ шумѣлъ въ деревьяхъ. Мы встали.

— Ну, Господи благослови, идемъ — серьезно сказалъ Алеша.

Минутъ черезъ двадцать хода, показались огоньки деревни. Чѣмъ ближе была деревня, тѣмъ инстинктивно замедленнѣе становились наши шаги. Къ деревнѣ мы подошли огородами и нарочно, не съ края, а съ середины. Медленно, прислушиваясь къ каждому шороху, вглядываясь въ темноту и останавливаясь послѣ каждаго шага, мы наконецъ уткнулись въ постройки. Тогда, оставивъ Алешу на гумнѣ, я пошелъ на развѣдку.

На улицѣ никого не было, но во всѣхъ избахъ свѣтился огонь и, несмотря на тишину, чувствовалось, что здѣсь идетъ жизнь. Тоненькая полоса свѣта отъ лампы шла изъ окна избы, стоявшей на противоположной сторонѣ. Я перешелъ въ тѣни улицу и осторожно заглянулъ въ окно. Нѣсколько бабъ оживленно о чемъ то разговаривали, мужчинъ не было. Терять времени было нельзя.

Я подозвалъ Алешу, и мы, войдя въ хату, напрямикъ стали спрашивать бабъ, гдѣ фронтъ и гдѣ красные и бѣлые. Бабы были страшно всѣмъ взволнованы и разстроены. Оханья и причитанья перемѣшивались съ разсказомъ. „Казаки“ или „бѣлые“, какъ они то такъ, то этакъ ихъ называли, по ихъ словамъ, стояли все время у нихъ и стоятъ и сейчасъ въ 3-хъ верстахъ отъ деревни на станціи желѣзной дороги, къ которой идетъ шоссе. Сегодня возлѣ деревни былъ бой и однимъ

снарядомъ красныхъ разрушило хату, подъ вечеръ пріѣзжали верховые и забравъ барановъ, куда-то уѣхали. Красные еще не приходили, но ихъ ждали, боясь смѣны власти, новыхъ поборовъ и репрессій за пребываніе въ деревнѣ бѣлыхъ. При настойчивыхъ разспросахъ, однако, неясно было, кто пріѣзжалъ въ деревню вечеромъ за баранами, а о результатѣ боя онѣ конечно и подавно ничего сказать не могли. Одно только онѣ всѣ утверждали согласно, что на станціи все время стоялъ и теперь стоитъ, — „часа два тому назадъ нашъ мужикъ пріѣхалъ“ — отрядъ бѣлыхъ.

— Батюшки, родимые, — причитала одна изъ бабъ — да что же теперь будетъ-то, что же теперь дѣлать намъ, тѣ пришли, мужа мово въ старосты понудили, барановъ позабрали, эти придутъ — остальное позаберутъ, съ мужикомъ-то, съ моимъ что исдѣлаютъ.

Слушать ее, однако, было некогда, мы поблагодарили и вышли, бабы провожали насъ самыми теплыми пожеланіями.

Надо было найти шоссе. Послышались шаги, мы спрятались, шелъ мужикъ, я спросилъ его дорогу, и черезъ десять минутъ мы уже быстро шагали туда, гдѣ казалось насъ ждалъ конецъ всѣмъ испытаніямъ.

— Скорѣе, скорѣе, черезъ полчаса мы будемъ на свободѣ, какъ будто говорило что-то во мнѣ, и я невольно все ускорялъ шаги, какъ будто притягиваемый какимъ-то невидимымъ магнитомъ.

Алеша отставалъ и часто останавливался, мы прошли уже въ этотъ день верстъ тридцать пять, онъ разбилъ ноги и похрамывалъ.

— Не торопись, мнѣ очень тяжело идти, наконецъ сказалъ онъ, я на минуту замедлилъ шаги, но потомъ опять почти побѣжалъ.

Черезъ полчаса впереди завиднѣлись силуэты построекъ и деревьевъ. Молодой мѣсяцъ, было показавшійся изъ-за тучъ, опять скрылся, и все почернѣло.

Нѣкоторые предметы и картины мы съ дѣтства привыкли связывать съ цѣлымъ рядомъ явленій, всегда имъ сопутствующихъ. Когда обычнаго сопутствія нѣтъ, становится какъ-то и странно и страшно. И до войны намъ всѣмъ приходилось видѣть нежилые дома, забитыя досками окна, развалившіяся хаты, но брошенной станціи желѣзной дороги никто изъ насъ до войны не

видалъ. Когда бы вы ни пріѣхали, хотя бы на самый маленькій полустанокъ „проселочной“ одноколейки въ самую глухую ночь – онъ всегда живетъ. На большихъ станціяхъ, на линіяхъ слышатся гудки, свистки, разговоры служащихъ, типичное постукиваніе молотка о колеса, шумъ выпускаемаго пара изъ паровоза. На маленькихъ—если на линіи и тихо, то внутри станціи всегда свѣтится огонекъ, спятъ на деревянныхъ диванахъ артельщики, въ телеграфной постукиваетъ аппаратъ, кто-то переговаривается съ сосѣдней станціей по телефону. Война должна была бы пріучить многихъ изъ насъ къ другимъ картинамъ, но все таки, каждый разъ, когда видишь брошенную станцію, появляется непріятное и жуткое чувство чего-то неестественнаго и непривычнаго. Такъ было теперь и съ нами.

Жуткая, мертвая тишина, на пути ни одного вагона, ни одного паровоза, нигдѣ ни огонька, ни разговора, ни шума, все умерло. Отъ дома къ дому, прислушиваясь у дверей и оконъ, тщетно стараясь уловить хоть какой нибудь признакъ жизни, мы наконецъ добрались такъ до вокзала... Вдругъ мнѣ послышался тихій разговоръ.

Оставивъ Алешу, я сталъ безшумно, по кошачьи, полуползкомъ подкрадываться къ тому мѣсту, откуда онъ донесся. Такъ, медленно добрался я до досчатаго забора, шагахъ въ десяти за нимъ показались силуэты нѣсколькихъ человѣкъ. Я уже говорилъ, что съ дѣтства любилъ ночь, она меня притягивала, выйти ночью изъ освѣщеннаго помѣщенія, подойти къ окну, такъ, чтобы все видѣть, не будучи самому видимымъ, всѣ эти юношескія увлеченія таинственнымъ пріучили меня и къ тихой твердой походкѣ, и къ острому зрѣнію. Война и послѣднія двѣ недѣли обновили старую практику.

Присмотрѣвшись, я разглядѣлъ въ темнотѣ нѣсколькихъ солдатъ, они стояли совсѣмъ близко и тихо переговаривались; впереди группы стоялъ высокій солдатъ, уже не молодой, съ длинными усами внизъ, въ папахѣ и съ кавалерійскимъ карабиномъ за плечами. „Казакъ“ — мелькнуло у меня въ головѣ, словъ разговора мнѣ уловить не удалось. Тогда, повернувшись, я так же тихо вернулся къ Алешѣ. Безумное рѣшеніе уже созрѣло во мнѣ.

ГЛАВА VII.

Попались.

Когда мы еще сидѣли у себя въ землянкѣ, мы нѣсколько разъ говорили другъ другу, что наша главная задача—задача психологическая, и что вся она въ томъ, чтобы утомленіе и нетерпѣніе не побѣдили осторожности. Настроеніе бѣглеца и вообще всякаго нелегальнаго, какъ маятникъ, всегда колеблется между двумя враждебными противоположностями — осторожностью и утомленіемъ. Чѣмъ больше усталость и физическая и моральная, тѣмъ безразличнѣе и смѣлѣе становишься и тѣмъ неизбѣжно оптимистичнѣе твои умозаключенія; чѣмъ свѣжѣе и бодрѣе, тѣмъ осторожнѣе и предусмотрительнѣе. Нелегальщина, это знаетъ всякій, кто ее испыталъ, неизбѣжно связана съ физическими лишеніями, но главное отъ чего устаешь, это отъ постояннаго нервнаго напряженія, не оставляющаго ни днемъ, ни ночью, устаешь до того, что не можешь справиться съ жаждой любой цѣной, но выйти изъ этой нелегальщины. Будь, что будетъ, лишь-бы конецъ. Въ этомъ часто несознаваемая, но истинная причина гибели нелегальнаго.

Тѣ удивительныя событія, которыя произошли съ нами въ эту ночь были для меня такимъ шокомъ, что стерли у меня въ памяти всѣ тѣ мотивы, которые заставили меня по собственной волѣ вторично пойти къ группѣ солдатъ. И черезъ нѣкоторое время, когда я могъ вернуться памятью и мыслью къ прошлому, я уже не въ силахъ былъ объективно проанализировать этого прошлаго, я уже не вспоминалъ о своихъ мотивахъ, а отгадывалъ ихъ, какъ чужіе. Успѣхъ первой повѣрки документовъ — такова была внѣшняя логическая причина моего рѣшенія, нервное утомленіе — его истинная причина. Такъ кажется мнѣ теперь

Быстро отдалъ я Алешѣ револьверъ, патроны въ маленькомъ холщевомъ мѣшочкѣ, компасъ, Алеша не возражалъ, — очевидно и съ нимъ было тоже — и уже не прячась, покашливая и нарочно громко ступая, пошелъ опять къ солдатамъ. Помню, что мы не прощались съ Алешей и все это было сдѣлано „на всякій случай“ — для очистки совѣсти, однако, я предупредилъ Алешу, что свистну въ случаѣ успѣха, а если это будутъ красные, начну громко кашлять и разговаривать.

Подойдя къ солдатамъ, которыхъ было уже человѣкъ семь, я развязно поздоровался и попросилъ бумажки закурить. Когда я подходилъ къ нимъ мнѣ уже показалось, что они какъ будто бы встревожились и послѣ моихъ словъ нѣсколько секундъ молчали.

— Бумажки — подошелъ ко мнѣ вплотную высокій, — а кто ты такой будешь?

Я такъ же развязно вкратцѣ разсказалъ ему уже заученную версію моего путешествія.

— Да какъ же ты сюда попалъ, почему ночью шляешься? — не унимался онъ.

— Нѣтъ, дѣло не ладно, товарищи, не иначе, какъ это шпіонъ отъ бѣлыхъ.

— Ну пропалъ — мелькнуло у меня въ головѣ, и я испыталъ такое же чувство, какое испытываетъ быстро просыпающійся отъ глубокого сна или сразу протрезвившійся. Весь туманъ самоусыпительныхъ разсужденій куда-то изчезъ, и нелѣпость моего поступка предстала предо мной во всей своей наготѣ. Но я не палъ духомъ, наоборотъ — бодрость, спокойствіе, ясность сознанія и увѣренность тона уже не покидали меня больше во всю эту ночь.

— Спасти Алешу — была моя вторая мысль. Все это пролетѣло въ головѣ въ одну секунду.

Я засмѣялся.

— Что вы, товарищи, да гдѣ же это видано, чтобы шпіоны такъ ходили, ну похожъ ли я на шпіона?

— А ты откуда родомъ? — спросилъ меня другой.

Я назвалъ уѣздъ.

— А деревни какой?

Я назвалъ и деревню.

— Э, да мы значитъ съ тобою земляки, изъ одной деревни, да что-то я тебя не узналъ, да и фамиліи такой у насъ не припомню, — ехидно засмѣялся онъ.

— Ну и везетъ — подумалъ я.

Но, не смутившись, спокойно отвѣтилъ: — да и немудренно, я отродясь тамъ и не былъ.

— Какъ не былъ, а самъ сказываешь, что тамошній — удивился онъ моему нахальству.

— Да такъ и не былъ, еще отецъ изъ деревни уѣхалъ въ Москву, я тамъ и родился и жилъ всегда по фабрикамъ,

а вотъ теперь съ голоду иду, сказываютъ можно земли получить, коли тамошній.

Допросчикъ смолкъ.

— Ну, нечего зря болтать — опять вмѣшался высокій, — гайда товарищи къ командиру полка, онъ лучше разберетъ.

Они окружили меня и повели. Я началъ громко разговаривать и закашлялся.

— Молчи, убью! — вдругъ кинулся ко мнѣ одинъ, съ дрожащимъ голосомъ, не то отъ страха, не то отъ злобы.

Изъ темноты появлялись все новыя и новыя фигуры, присоединяясь къ намъ, я шелъ уже въ толпѣ человѣкъ въ двадцать. Кромѣ меня всѣ шли съ опаской, стараясь не шумѣть и переговариваясь шепотомъ. Мы встрѣтили еще небольшой отрядъ.

— Вотъ, товарищъ ротный, шпіона поймали — сказалъ высокій, обращаясь къ одному изъ встрѣчныхъ.

— Веди въ штабъ полка — отвѣчалъ голосъ изъ темноты. — Станцію обыскали, никого нѣтъ?

— Никого — отвѣчалъ мой „казакъ“ — однѣ бабы попрятавшись!

Мы тронулись дальше.

По этому разговору и по тому, какъ они шли, осторожно засматривая въ окна и, лишь убѣдившись, что мужчинъ нѣтъ, врываясь въ дома и приказывая тушить свѣтъ, — я съ горечью и досадой увидалъ, что это были самыя передовыя части, можетъ быть, только за нѣсколько минутъ до насъ вошедшія на станцію.

Минутъ черезъ пять мы подошли къ большому дому, около него стояла толпа солдатъ, человѣкъ въ пятьдесятъ. Кто поеживался отъ холода и, топчась на мѣстѣ, тихо переговаривался съ сосѣдями, нѣкоторые курили, держа папиросу въ рукавѣ. Общее впечатлѣніе, что всѣ чего-то боятся, было замѣтно и здѣсь, хотя и въ меньшей степени.

— Смотри за нимъ — приказалъ высокій одному изъ нашихъ солдатъ, а самъ пошелъ въ домъ, очевидно докладывать обо мнѣ.

Я посмотрѣлъ на своего часового, это былъ молодой парень лѣтъ двадцати, на видъ нескладный и робкій, онъ стоялъ, засунувъ руки въ рукава и не снимая изъ за плечъ винтовки.

— Дальній? — спросилъ я его.

— Дальній — отвѣтилъ онъ, — орловскій.

— Мобилизованный?

— А то чтожъ?

Я предложилъ ему закурить, онъ согласился.

— Ну, если съ этимъ однимъ оставятъ, я спасенъ — подумалъ я, и вдругъ чувство жалости къ нему, при мысли о нашемъ возможномъ столкновеніи, зашевелилось во мнѣ.

— Что же вы, товарищи, неужели своего отъ чужого отличить не можете — вдругъ донеслись до меня слова изъ толпы солдатъ, и, прежде, чѣмъ я успѣлъ понять и сознаніе подсказало мнѣ, чей это былъ голосъ, — я почувствовалъ, какъ меня бросило въ жаръ.

Голосъ былъ Алешинъ. Ни на секунду не задумываясь, я инстинктивно бросился къ нему, мой часовой торопливо протискивался за мной.

— Если ужъ умирать, такъ вмѣстѣ.

— Это ты Степанъ, — обратился я къ нему, назвавъ его условленнымъ именемъ.

— Да, вотъ не вѣрятъ мнѣ товарищи, — весело отвѣчалъ онъ.

Я удивился его веселому тону. — Гдѣ револьверъ? — тихо шепнулъ я.

— Все выбросилъ — отвѣчалъ онъ — потомъ разскажу.

Насъ повели въ домъ.

Все, что я описываю съ момента моей поимки, потребовало времени немногимъ развѣ больше, чѣмъ нужно для прочтенія этихъ строкъ.

Насъ ввели въ домъ. Командиръ полка, повидимому, офицеръ новой формаціи изъ коммунистовъ, неинтеллигентнаго типа, сидѣлъ за столомъ, на которомъ лежали какія-то бумаги. Выраженіе лица было злое и озабоченное. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ, вѣроятно, начальникъ штаба или политкомъ — мальчишка съ видомъ жулика. Комната была полна солдатъ, грѣвшихся у печки, изъ за двери въ сосѣднюю комнату выглядывали испуганныя женскія лица.

Передъ сидящими за столомъ начальниками стоялъ мальчикъ лѣтъ 13—14, его, повидимому, допрашивали. Изъ допроса я понялъ, что онъ здѣшній, сирота, и что онъ былъ у казаковъ, въ то время, пока они здѣсь стояли. Его спра-

шивали о причинахъ его службы и старались получить свѣдѣнія о противникѣ. Мальчишка какъ-то фальшиво полуплакалъ, увѣряя, что его насильно забрали, дали винтовку, а потомъ ушли и бросили, а винтовку онъ самъ бросилъ, а гдѣ не помнитъ. Разсказъ былъ сбивчивый, неправдоподобный и какой-то неискренній, и мнѣ показалось, что мальчикъ умный и упорный и что онъ нарочно прикидывается глупенькимъ и обиженнымъ.

— Ладно, — сказалъ командиръ, — а это кто такіе?

Все тотъ же высокій, воображаемый „казакъ", сталъ разсказывать, какъ меня задержали.

— Кто такіе? — грубо прервалъ командиръ, обращаясь къ намъ.

Мы отвѣчали.

— Брешете, — оборвалъ онъ, — документы есть?

Мы подали документы. Онъ быстро просмотрѣлъ ихъ и, уже совершенно взбѣшенный, бросилъ ихъ обратно.

— Я такихъ бумаженокъ вамъ въ часъ тысячу надѣлаю, ну, погодите, голубчики, въ бригадѣ съ вами раздѣлаются.

— Ихъ обыскивали? — вдругъ спросилъ сидѣвшій рядомъ съ нимъ его товарищъ.

Слово „обыскивали" ударило меня, какъ хлыстомъ, и я почувствовалъ, что краснѣю. Въ сумкѣ за плечами у меня лежали карты, данныя намъ учителемъ, прекрасныя двухверстки стараго изданія генеральнаго штаба. Я забылъ о нихъ. Никто бы не повѣрилъ, что такія карты могли быть у рабочихъ, одного ихъ присутствія было довольно для немедленнаго разстрѣла. Вопросъ не былъ обращенъ ни къ кому въ частности, или не былъ услышанъ, и потому я, ни на секунду не задумываясь, успѣлъ отвѣтить: „обыскивали, ничего не нашли" — солдаты молчали, какъ будто подтверждая молчаніемъ мой отвѣтъ.

— У меня — добавилъ Алеша возмущеннымъ и жалующимся тономъ — товарищи сумку взяли; за что же, товарищи, рабочихъ обижаете, и такъ немного было, а теперь и послѣднее бѣльишко пропало.

„Товарищи" нахмурились.

— Ладно, ладно, въ бригадѣ все разскажете. Ротный командиръ, назначить трехъ людей изъ надежныхъ — продолжалъ полковой.

Кто-то назвалъ три фамиліи.

Изъ толпы солдатъ вышло три человѣка.

— Винтовки заряжены? — спросилъ командиръ полка.

— Заряжены.

— Наганы есть?

— Есть.

— Отведите всѣхъ трехъ въ штабъ бригады, вотъ бумага — онъ подалъ имъ какой-то клочекъ, — да смотрите у меня, если кого нибудь упустите — разстрѣляю.

ГЛАВА VIII.

Въ штабъ бригады.

Мы вышли, ночь была темная, морозило уже сильно, дулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ. Быстро выйдя на линію, мы пошли по шпаламъ. До штаба по словамъ солдатъ, довольно охотно съ нами разговаривавшихъ, было верстъ семь. Вели насъ въ такомъ порядкѣ. Впереди шелъ одинъ солдатъ, за нимъ мальчикъ, потомъ мы двое рядомъ и за нами остальные два солдата, снявъ винтовки и держа ихъ въ рукахъ. Всего прошли мы часа два.

Когда я еще стоялъ въ толпѣ солдатъ передъ допросомъ, то, какъ ни мало я былъ склоненъ къ наблюденію, такъ какъ всѣ мысли были о себѣ самомъ и о своемъ положеніи, но всетаки я невольно вслушивался въ ихъ разговоръ. Не могу припомнить дословно, что именно они говорили, но, судя по отдѣльнымъ замѣчаніямъ, фразамъ и словамъ, впечатлѣніе у меня осталось такое, что всѣ эти простые мужики, уже черезъ пять минутъ, послѣ двухъ-трехъ бытовыхъ вопросовъ, разговаривавшіе съ нами дружелюбно и привѣтливо и не имѣющіе никакого отношенія къ коммунистамъ, — тѣмъ не менѣе рѣзко враждебно относятся къ добровольцамъ. Въ нихъ они видѣли совсѣмъ не избавителей, а враговъ, а главное — причину войны и ихъ призыва. Страхъ, — всѣ они какъ то шерохливо боялись добровольцевъ и казаковъ — и борьба, какъ таковая, сама по себѣ, — сковывали и создавали силу сопротивленія. Стариковъ почти не было.

Было такъ темно, что передняго солдата почти не было видно, мы шли съ Алешей совсѣмъ рядомъ и неслышно тихо переговаривались.

— Гдѣ карты? — спросилъ онъ.

— Въ сумкѣ — отвѣчалъ я.

— Удивительно, какъ мы еще живы — сказалъ онъ какъ будто про себя.

Дѣйствительно, это было удивительно, такъ какъ съ Алешей, какъ я узналъ потомъ, произошло слѣдующее.

Услыхавъ мой кашель, онъ только что собирался уходить со станціи, понявъ, что я попался, какъ изъ темноты стали появляться одна за другой фигуры солдатъ. Они быстро проходили мимо по полотну дороги. Алеша прижался къ стѣнѣ, надѣясь, что его не замѣтятъ и полѣзъ въ карманъ за револьверомъ. Вдругъ одинъ „глазастый“ его замѣтилъ.

— Стой, ребята, никакъ человѣкъ стоитъ — сказалъ онъ другимъ и, быстро снявъ винтовку, направился къ Алешѣ.

Наганъ зацѣпился куркомъ за карманъ и никакъ не вынимался. Замѣтившій его солдатъ подбѣжалъ уже къ Алешѣ почти вплотную и, увидѣвъ его жестъ, кинулся на него съ крикомъ: вынь руки изъ кармана, вынь руки.

Наконецъ, вынувъ наганъ и почти окруженный, Алеша выбросилъ его на землю; прошло еще нѣсколько секундъ, пока солдатъ, запустивъ къ нему руку въ карманъ, нащупалъ въ мѣшечкѣ типичные нагановскіе патроны, взялъ ихъ и шопотомъ полуспрашивалъ, полугрозилъ:

— Говори, гдѣ наганъ? слышь, говори сейчасъ, гдѣ наганъ?

— Нѣту у меня, товарищъ, никакого нагана — отвѣчалъ Алеша.

— Нѣту — также тихо проговорилъ тотъ, — ну, ладно — и закуривъ, сталъ шарить по землѣ.

Другіе сняли съ Алеши сумку, и она вмигъ куда-то испарилась, тѣмъ временемъ Алеша вынулъ изъ другого кармана компасъ, быстро скомкалъ въ комокъ карты и выбросилъ ихъ. Компасъ ему, по его словамъ, было такъ жалко, что онъ выбросилъ его только передъ тѣмъ, какъ насъ повели на первый допросъ. Вѣроятно солдатъ нашелъ наганъ, потому что, немного пошаривъ по землѣ вокругъ, какъ разъ въ томъ направленіи, куда револьверъ былъ брошенъ, онъ выпрямился и, какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ довольно дружелюбно съ Алешей разговаривать, уже не вспоминая о наганѣ и видимо довольный цѣнной добычей.

— Слава Богу, что на вора напалъ. Будетъ молчать — закончилъ Алеша свой разсказъ.

Надо было, однако, приготовиться къ возможнымъ обыску и допросу.

— Ты не можешь бѣжать? — спросилъ я Алешу, когда мы вышли изъ выемки и по сторонамъ дороги пошелъ лѣсъ.

— Нѣтъ — отвѣчалъ онъ, — я еле, еле иду.

О томъ, чтобы попытаться бѣжать одному, я, конечно, и не подумалъ. Подъ предлогомъ ѣды, я снялъ съ помощью Алеши сумку и постепенно комкая листы карты, которую мы для удобства разрѣзали на части, отбрасывалъ ихъ въ сторону. Понемногу и изъ кармановъ и изъ сумки было выброшено все, что имѣло хоть сколько нибудь интеллигентный видъ.

Мы договорились съ Алешей о всѣхъ подробностяхъ и деталяхъ и нашего путешествія, и нашего мнимаго прошлаго на много лѣтъ назадъ, на случай допроса по одиночкѣ. Мы рѣшили, что если не удастся выкрутиться и будетъ ясно, что ведутъ на разстрѣлъ, выдать себя хотя бы даже и съ оговоромъ другъ друга, лишь бы выиграть и оттянуть время и добиться отправки въ свой городъ.

— Мы во что бы то ни стало должны выгадывать время, каждая лишняя минута жизни дастъ намъ и лишнюю возможность бѣжать, это вѣдь въ сущности не охрана, а шутки — подбадривалъ я Алешу.

Условившись обо всѣхъ мелочахъ и обо всемъ переговоривъ, мы оба замолчали, погрузившись каждый въ свои мысли. Во время нашего разговора мы не обсуждали вопроса о томъ, что насъ ждетъ, и какъ-то суевѣрно избѣгали слова „разстрѣлъ“, когда разсужденія приводили къ этому пункту, но, какъ выяснилось потомъ, оба мы не сомнѣвались, что насъ ведутъ на смерть. Въ этомъ убѣждали слова и поведеніе командира полка. Но все-таки, какъ ни странно, но я не чувствовалъ ни близости смерти, ни страха передъ ней и совсѣмъ не изъ храбрости, а просто потому, что никакъ не могъ себѣ представить, что я умру, что я буду убитъ и что меня больше не будетъ; жизнь и жизненность горячо протестовали, чувство шло въ разрѣзъ и не мирилось съ логикой. Въ головѣ вихремъ проносились всевозможные планы и картины предстоящаго допроса, наши отвѣты и ихъ воз-

можныя послѣдствія. И только щемящее чувство горькаго упрека себѣ — иниціатору и руководителю побѣга, своей легкомысленной неосторожностью погубившаго и Алешу, и себя, и тѣмъ самымъ и семью, — все время захлестывало мою геометрію. Съ особенной болью я возвращался мыслью къ Митѣ, онъ стоялъ передо мной, какъ живой, грустно и вопросительно на меня глядя, совсѣмъ такой, какъ въ тотъ моментъ, когда Анна Ивановна сообщила мнѣ объ арестѣ. Что-то будетъ съ нимъ, если меня убьютъ, что-то выйдетъ изъ него, что будетъ съ моими, когда они узнаютъ, что меня разстрѣляли?

„Нѣтъ, нѣтъ, ни за что, жить, жить, не сдаваться", — опять приливали волны бодрости и увѣренности. Но все уже было обдумано, практическая сторона предстоящаго, насколько только можно было ее предвидѣть, во всѣхъ мелочахъ была исчерпана до конца, и свободная, незанятая мысль опять возвращалась къ дому. Я не могъ отдѣлаться отъ ядовитой и терзающей мысли, что я мало любилъ своихъ, и что отсутствіе той дѣйственной любви, которая и предвидитъ и творитъ чудеса, для которой нѣтъ преградъ, и отсутствіе которой затемнило мнѣ сознаніе, потушивъ волю, погубило насъ — не выходило у меня изъ головы, мѣшая сосредоточиться передъ предстоящимъ рѣшительнымъ боемъ. Мысленно я уже составилъ письмо къ своимъ, въ немъ я просилъ ихъ и не убиваться обо мнѣ, и простить меня.

Холодный вѣтеръ вылъ въ кустахъ, складываясь въ грустныя мелодіи, знакомыя и терзающія. Невдалекѣ залаяли собаки, мы свернули въ сторону, бросивъ желѣзную дорогу, и вскорѣ вошли въ деревню. Долго мы искали штабъ бригады, никто не зналъ, гдѣ онъ. Наконецъ, кто-то насъ направилъ. Мы перешли по мосту рѣчку, названіе деревни было незнакомое.

Судя по нашему движенію, мы отошли назадъ и въ сторону.

— Здѣсь штабъ бригады? — спросилъ одинъ изъ нашихъ солдатъ часового, виднѣвшагося на высокомъ крыльцѣ большой кирпичной избы.

— Здѣсь — отвѣчалъ онъ, — что надо?

— Да вотъ вольныхъ привели, на станціи поймали, изъ штаба полка съ запиской прислали — объяснилъ одинъ изъ нашихъ конвоировъ.

— Сейчасъ спрошу, обождите — отвѣчалъ тотъ и скрылся въ сѣняхъ.

Несмотря на ходьбу, и мы и солдаты сильно продрогли. Минутъ черезъ пять хлопнула дверь, и на крыльцѣ показался часовой.

— Веди — послышался его голосъ изъ темноты, и мы вошли въ избу.

— Ну, начинается генеральное сраженіе — шепнулъ я Алешѣ, — говорить буду я, а ты только вверни во время о кражѣ сумки.

Въ просторной избѣ, хорошо вытопленной, ярко горѣла большая висячая лампа. Всѣ самыя маленькія детали, обстановка, лица стоятъ у меня въ памяти и сейчасъ, какъ будто это было не годъ тому назадъ, а вчера. За большимъ столомъ, стоявшимъ налѣво отъ входа, вдоль стѣны, на которомъ стояла посуда, валялись куски хлѣба, остатки ужина, карты, снятые револьверы и фуражки, сидѣло человѣкъ десять „начальниковъ", у многихъ не только на фуражкахъ, но и на груди красовались большія красныя звѣзды. Было видно, что тепло, усталость, отдыхъ и удачный исходъ дѣла привели ихъ въ хорошее настроеніе. Они спорили, вспоминали эпизоды боя и пили горячій чай съ молокомъ. Баба лѣтъ тридцати пяти, но еще моложавая и красивая съ тонкимъ, злымъ лицомъ, съ явно притворной лаской въ тонѣ угощала „дорогихъ гостей". Съ печки на насъ и на „гостей" поглядывало нѣсколько ребятишекъ, а въ углу въ другомъ концѣ избы сидѣлъ старикъ и двѣ дѣвушки, встрѣтившіе нашъ приходъ взглядами, полными сочувствія и грустной жалости.

Разговоръ на минуту смолкъ, и всѣ на наше счастье обратились къ мальчишкѣ, который опять что-то началъ мямлить, прося прощенія. Вся компанія возмущалась бѣлогвардейцами, мобилизующими дѣтей, — видно нѣтъ у нихъ силъ, сказалъ одинъ.

Я, улучивъ минуту, ввернулъ какую-то фразу въ ультрасовѣтскомъ стилѣ.

— А эти что? — спросилъ часовыхъ, уже отошедшихъ отъ насъ и грѣвшихся у печки, одинъ изъ двухъ, сидѣвшихъ къ намъ бокомъ, на короткой лавкѣ. Остальные опять обратились къ прерванному разговору.

Спросившій, съ смуглымъ лицомъ, хриплымъ голосомъ

и съ прямыми, свѣтлѣе лица, гладко зачесанными назадъ волосами, по виду интеллигентнѣе другихъ, очевидно, и былъ командиромъ бригады. Рядомъ съ нимъ и ближе къ намъ и къ двери, отъ которой мы почти не отошли, сидѣлъ некрасивый скуластый блондинъ, съ явно некультурнымъ, но умнымъ, спокойнымъ и немного унылымъ лицомъ. Вѣроятно это былъ политкомъ, такъ какъ брюнетъ все время съ нимъ совѣтовался. Весь допросъ вели только они.

Не дожидаясь отвѣта часовыхъ, я сталъ подробно разсказывать, какъ и почему мы ночью попали на станцію, куда, откуда и зачѣмъ идемъ, и предъявилъ документы.

— Документы въ порядкѣ — сказалъ „бригадный", передавая ихъ политкому. Тотъ тоже просмотрѣлъ ихъ и молча, пристально насъ разглядывая, протянулъ ихъ мнѣ.

Я воспрянулъ духомъ.

— Посадимъ ихъ къ арестованнымъ, а тамъ завтра разберемъ — опять проговорилъ первый.

— Тамъ полно, яблоку негдѣ упасть — сумрачно возразилъ блондинъ.

— Помилуйте, товарищи, ввязался я, — да за что же насъ, совѣтскихъ служащихъ, своихъ людей и подъ арестъ. Если уже нельзя на родину пройти, разрѣшите хоть назадъ вернуться, а когда уже прикончите бѣлыхъ, мы пропуска по всей формѣ у себя въ городѣ выправимъ.

Они молчали.

Я опять заговорилъ. Между прочимъ у насъ въ городѣ было вывѣшено завѣдомо ложное сообщеніе о томъ, что Курскъ, Харьковъ, Екатеринославъ, Кіевъ и Полтава уже взяты красными назадъ. Я зналъ, что эта прокламація имъ извѣстна, такъ какъ она распространялась въ красной арміи и сослался на нее въ оправданіе нашего путешествія.

— Если не вѣрите, отправьте насъ въ нашъ городъ, тамъ вамъ докажутъ, что мы съ разрѣшенія шли и объяснятъ нашу личность. Я вамъ, товарищи, всю дорогу разскажу, какъ мы шли сюда.

— А ну-ка, по какимъ деревнямъ вы шли сюда? — спросилъ брюнетъ, глядя на карту, передъ нимъ лежавшую. Я назвалъ деревни, обѣщая указать на обратномъ пути даже избы, гдѣ мы останавливались. Блондинъ все разсматривалъ насъ молча.

ГЛАВА IX.

Спасены. Не все еще.

— Нѣтъ, это не офицеры, — долетѣла до меня его фраза, тихо сказанная имъ сосѣду, — и по рукамъ и по разговору видно.

— Ну, еще немного — радостно подумалъ я и, все такъ же напрягая всю свою изобрѣтательность, продолжалъ болтать что-то въ томъ же духѣ.

Алеша потомъ говорилъ мнѣ, что онъ все время дрожалъ, боясь, что я проговорюсь, и что это было хуже пытки. По его словамъ, моя этимологія была хороша, совѣтскій жаргонъ еще лучше, но синтаксисъ интеллигента все время чувствовался. Его измѣнить конечно было всего труднѣе. Я и самъ чувствовалъ, что стою на краю пропасти, одно неудачное слово, и мы пропали.

— Развѣ вотъ что, отправить ихъ переночевать гдѣ нибудь здѣсь въ деревнѣ, а завтра, въ шесть часовъ утра, пусть придутъ, возьмемъ ихъ въ обозъ, довеземъ до ихъ мѣстъ, а тамъ выяснимъ, что за люди — опять обратился бригадный къ своему настоящему начальнику.

Тотъ опять промолчалъ, какъ будто колеблясь.

Въ это время вошли два или три солдата и подали бригадному, немного заслонивъ насъ, какія-то записки. Политкомъ обратился къ мальчишкѣ. Такъ прошло секундъ тридцать. Тогда я, подтолкнувъ локтемъ Алешу, сталъ медленно пятиться къ двери.

— Куда ты — съ изумленіемъ спросилъ онъ.

— Скорѣе за мной — отвѣчалъ я.

Наши конвоиры стояли къ намъ задомъ. Мы тихо открыли двери, вышли въ сѣни, оттуда на крыльцо. Часового не было, быстро сбѣжали мы по ступенькамъ и бросились со всѣхъ ногъ на гумно.

— Да что же это, мы спасены, — съ нервнымъ смѣхомъ радостно схватилъ я Алешу за руку, когда мы были уже внѣ опасности.

— Я ничего не понялъ — съ трудомъ переводя духъ, отвѣтилъ онъ, — отпустили насъ, или мы убѣжали? ничего не понимаю, во всякомъ случаѣ уже съ завтрашняго утра намъ и этимъ попадаться больше нельзя будетъ.

— Когда мы шли сюда, ты тоже думалъ, что мы идемъ на разстрѣлъ? — спросилъ я Алешу.

— Да. — отвѣчалъ онъ.

Мы прошли еще нѣсколько шаговъ по гумну, не соображая, куда и зачѣмъ идемъ, просто отъ того, что не могли стоять отъ волненія на мѣстѣ, радостные, взволнованные, гордые побѣдой. Ощущеніе было такое же, какъ послѣ труднаго и уже выдержаннаго экзамена, когда вся тяжесть уже позади, а на душѣ легко и свободно.

Но радоваться было рано, судьбѣ угодно было послать намъ въ эту ночь еще рядъ испытаній. Мы шли рядомъ, какъ вдругъ я услыхалъ совсѣмъ, совсѣмъ близко типичный звукъ — лошадь твердо жевала овесъ.

Только что я успѣлъ схватить Алешу за руку, чтобы остановить его, какъ изъ открытой риги, въ которой очевидно у самыхъ воротъ стояли лошади раздалось: „стой, кто идетъ?“

— Бѣжимъ — только успѣлъ я крикнуть Алешѣ и пригнувшись мы бросились со всѣхъ ногъ отъ деревни въ поле, вдоль длиннаго, саженей въ 8—10 скирда.

— Стой, держи, держи ихъ — раздался отчаянный вопль, и площадная брань полилась намъ вслѣдъ.

Я бѣжалъ вдоль скирда, сознавая, что это опасно, такъ какъ облегчаетъ вѣрный выстрѣлъ и все-таки не будучи въ состояніи отъ него оторваться. На спинѣ, между лопатокъ, я чувствовалъ то мѣсто, размѣромъ съ пятачекъ, куда сейчасъ попадетъ пуля, слухъ ждалъ выстрѣла. Его однако не, было. Вѣроятно у красноармейца, на счастье, не оказалось винтовки. Гумно быстро кончилось, и я уже бѣжалъ по пахоти, снимая на бѣгу со спины свою сѣрую сумку, боясь, что она будетъ видна.

Пробѣжавъ еще саженей сто, я съ разбѣга припалъ къ землѣ и сталъ прислушиваться, погони не было, все было тихо. Я былъ одинъ. Очевидно мы съ Алешей побѣжали по разнымъ сторонамъ скирда и потеряли другъ друга. Я прошелъ еще сажень сто въ раздумьи и удрученный. Но выбирать не приходилось, порознь мы бы все равно пропали. Я былъ увѣренъ, что и Алеша, какъ ни опасно, а будетъ бродить гдѣ нибудь рядомъ, ища меня, и потому, не долго думая, рѣзко и громко свиснулъ. Гдѣ-то вдали, въ полѣ правѣе и дальше меня, послышался отвѣтъ.

Мы сошлись еще болѣе возбужденные и радостные, испытывая такую же радость какъ при свиданіи съ человѣкомъ, котораго или считаешь погибшимъ, или много лѣтъ не видалъ. Пройдя отъ деревни еще съ версту, мы залегли отъ вѣтра въ канаву, закусили, свернули папиросы и, осторожно покуривая, стали совѣщаться, что дѣлать дальше. Нервы такъ были взвинчены, что усталости почти не чувствовалось, хотя позади уже было верстъ сорокъ пять, и въ пути, почти безпрерывномъ, мы были уже часовъ шестнадцать. Мы рѣшили вновь пробиваться на желѣзную дорогу, перейти ее и подвигаться дальше до утра, пока только хватитъ силъ, въ томъ направленіи, куда, по нашимъ соображеніямъ, должны были отступить бѣлые.

Днемъ идти уже больше было невозможно. Нашъ успѣхъ зависилъ теперь, какъ отъ быстроты отступленія казаковъ, такъ и отъ того, успѣемъ ли мы ихъ догнать. Ни картъ совершенно незнакомой намъ мѣстности, ни компаса, ни запасовъ и вещей, бывшихъ въ украденной у Алеши сумкѣ, у насъ больше не было. Но мы не отчаивались, положеніе еще не было безнадежнымъ.

Гдѣ была желѣзная дорога, хотя мы и отошли отъ нея ночью, — мы знали. А отъ нея верстахъ въ десяти-пятнадцати, лѣвѣе той станціи, гдѣ мы попались, шла другая дорога, какъ разъ точно въ нужномъ намъ направленіи. О лучшей оріентировкѣ и мечтать не приходилось. Предстояло отойти въ сторону и перейти первую желѣзную дорогу верстахъ въ пяти отъ станціи.

Сильно морозило, подъ ногами потрескивалъ тонкій ледокъ промерзшихъ до дна маленькихъ лужъ. Такъ пробрели мы полями еще съ часъ, дороги все не было, очевидно, мы плутали. Несмотря на то, что кое гдѣ на черной замерзшей пахотѣ лежалъ снѣгъ, было очень темно. Усталость начинала давать себя чувствовать.

Мы вошли въ лѣсъ, онъ былъ сожженный, — значитъ, по близости должна была быть усадьба и, вѣроятно, и деревня. Вскорѣ, когда мы опять вышли въ поле, она показалась на бугрѣ.

Я шелъ впереди и вдругъ почувствовалъ, что быстро падаю куда то внизъ, нѣсколько разъ перевернувшись и слегка разбившись, я ждалъ, что вотъ сейчасъ почувствую подъ

ногами землю, какъ раздался трескъ проломившагося тонкаго льда и меня какъ будто обожгло кипяткомъ. Когда я выбрался изъ ямы, вода текла съ меня ручьями, сапоги были полны, я дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. И безъ того измученный и усталый, я не выдержалъ этого послѣдняго испытанія.

— Боже мой, Боже мой, да за что же все это? — совершенно непроизвольно взмолился я, поднявъ руки къ небу.

— Ваня, голубчикъ, что съ тобой, да какъ же это ты — грустно и досадливо утѣшалъ меня Алеша, стоя рядомъ.

Я молчалъ, опустивъ голову.

— Идемъ скорѣе въ деревню, дальше идти все равно нечего и думать — продолжалъ онъ — ты же замерзнешь.

Дѣйствительно, пока мы добрались до деревни, я уже весь былъ покрытъ ледяной корой и такъ дрожалъ и стучалъ зубами, что не могъ говорить. Алеша пошелъ искать пріюта: — выбирай побѣднѣе — только успѣлъ я ему сказать. Прошло нѣсколько минутъ, я не выдержалъ и пошелъ за нимъ.

— Ну что?

— Въ одну не пустили, говорятъ, — своихъ полнымъ полно, послали напротивъ, а тамъ не отвѣчаютъ. — Я подошелъ къ окну, въ которомъ чуть свѣтился огонь притушенной лампы и сталъ рѣшительно стучать.

— Пустите, ради Христа, переночевать — молилъ я, — попалъ въ воду, замерзаю, не пустите, на порогѣ у васъ тутъ лягу, не могу дальше идти...

Должно быть мои слова и мой тонъ подѣйствовали.

— Старуха, а старуха, слышь, человѣкъ замерзаетъ — послышался голосъ, — вздуй огонь.

Старуха что-то ворчала.

— Вставай, вставай, старуха, грѣхъ не помочь человѣку — опять раздался голосъ съ печки, и старуха, ворча, стала сползать съ полатей, отвернула лампу и пошла къ двери.

Застучалъ засовъ, и дверь отворилась. Мы вошли, Алеша помогъ мнѣ раздѣться. Въ избѣ только и были двое. Старикъ съ печки, а старуха съ полатей крохотной бѣдной избенки, вздыхая, на насъ поглядывали. Почти ничего не объясняя и не разсказывая, я безъ церемоніи раздѣлся и полѣзъ на печку, старикъ потѣснился и накрылъ меня тулупомъ. Алеша со старухой развѣсили сушиться мою одежду. Согрѣвшись и уже засыпая, я видѣлъ, какъ бѣдный Алеша никакъ не

можетъ устроиться на короткой лавкѣ у холодной стѣны, возлѣ окна. Я извинился передъ нимъ.

— А, что тамъ, вотъ пустяки, — отвѣчалъ онъ.

— А какое сегодня число? — спросилъ я его.

— Кажется 18-ое, а что? — отвѣчалъ онъ.

— Надо запомнить — уже сквозь сонъ сказалъ я — навѣрное, наши молились за насъ сегодня, иначе нельзя объяснить, что мы живы.

Такъ кончилась эта ужасная, вѣчно памятная мнѣ ночь.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Иванъ Бѣленихинъ.

Изъ цикла „Портреты“.

Герцогина.

Я одинъ въ старинной столовой...
Шесть портретовъ висятъ кругомъ,
Но одинъ, герцогини въ лиловомъ,
Мнѣ особенно знакомъ.

Тонкій бархатъ въ узорныхъ складкахъ
И Брюссельскія кружева,
На рукѣ кольцо съ печаткой,
Въ пудрѣ пышная голова.

Мнѣ знакомы тонкіе пальцы
И кольцо на правой рукѣ,
Золотистый узоръ на пяльцахъ,
Дивный профиль въ парикѣ.

Но глаза безконечной муки
Не твои, и я ихъ боюсь, —
Я ихъ видѣлъ на днѣ фелукки,
Покидая родную Русь.

Смуглый Пьерро.

Вы вошли, и стало весело.
Захотѣлось ярко жить,
Очарованною пѣснею
Міръ туманный окружить.

Бѣлый мѣхъ и четкость линіи,
Шляпы бѣлое перо.
И звучитъ уже призывнѣе
Голосъ смуглаго Пьерро.

Вы ни слова не сказали мнѣ,
Поглядѣли и ушли.
Почему-же сердце каменнѣй,
Тѣни гуще залегли?

Обрученная вѣтру.

Въ этотъ день тоскующій и нѣжный
Вѣтеръ лижетъ смуглое лицо,
Развиваетъ ласкою небрежной
Локона кудрявое кольцо.
Развиваетъ, треплетъ, завиваетъ,
Шепчетъ въ уши свѣтлыя слова,
И смѣется, а о чемъ, не знаетъ...
Только ходитъ странная молва
Будто съ вѣтромъ ночью ты вѣнчалась,
Когда пѣли звѣздные лучи.
Оттого-ли мое сердце сжалось?
Оттого-ли голосъ не звучитъ?
Смуглая, кудрявая царевна,
Ставшая царицей на зарѣ,
Меня жжетъ пронзительная ревность
По твоемъ невидимомъ царѣ.

Леонидъ Чацкій.

Царь Берендѣй.

Таёжная побывальщина.

ГЛАВА I.

Ужъ и денекъ же выдался въ мартѣ мѣсяцѣ 1850 года! Засмѣяться хотѣлось отъ радости, глядя съ высокаго берега на синь поднебесную, на скованный льдомъ Енисей, на пасхи на Божьи — бѣлыя горы, что въ самую даль, туда на Иркутскъ, ушли. Все искрилось, все сверкало подъ лучами солнца. Ни конца, ни предѣла снѣгамъ и простору; глянешь назадъ, на закатъ, — тамъ по уступу горы, всѣ въ бѣлыхъ шлыкахъ, раскидались бревенчатые дома и избы Красноярска; что рать великановъ, упершись головами въ самое небо, стояли надъ ними, литые, какъ изъ серебра, столбы дыма изъ трубъ.

По широкимъ, пустыннымъ улицамъ кое гдѣ виднѣлись прохожіе; всѣхъ нарумянилъ морозъ, всѣмъ огнемъ позажигалъ глаза.

И на даль и на городъ глядѣлъ съ высокаго крыльца и безъ причины радовался всему, одѣтый въ нагольный тулупъ и мѣховую шапку, черноглазый молодецъ лѣтъ двадцати — хозяйскій сынъ Григорій. Двухъ-ярусный, большой домъ отца его, Матвѣй Палыча Ананьевыхъ стоялъ по-надъ самымъ обрывомъ, тамъ, гдѣ нынче бульваръ разбитъ. Домъ былъ большой, изъ необхватной лиственицы рубленный: растетъ это дерево туго, но ужъ зато и стоитъ безъ счета годовъ; извѣстно, что въ могилахъ, какъ волны по морю разбѣжавшихся по Енисейскимъ степямъ, даже желѣзо превратилось въ ржу и въ кипѣнь, а внутренніе срубы изъ лиственицы цѣлехоньки. А тѣмъ могиламъ-и-и-! и памяти о нихъ въ народѣ нѣтъ!

Два дворовыхъ пса зачуяли хозяина и косматые, заиндивѣвшіе, взбѣжали на крыльцо и, изгинаясь всѣмъ тѣломъ, принялись ластиться къ Григорію.

— Вотъ такъ денекъ задался! весело крикнулъ, длинный и нескладный парень; — онъ изъ кухни выскочилъ: — съ горы бы теперь на салазкахъ двинуть?

— Тятенька, вонъ, ѣдетъ: онъ те двинетъ! отвѣтилъ Григорій: — бѣги скорѣй, Нилка, отворяй ворота!

Долговязый зайцемъ заскакалъ черезъ сугробы, а Григорій отворилъ обитую оленьей кожей дверь и, что въ облакѣ, скрылся въ пару.

Въ низенькихъ горенкахъ было тепло и свѣтло: лучи солнышка, что золотой потокъ, лились сквозь кисейныя занавѣски въ маленькія окошки, пазорью вспыхивали на изразцовыхъ печахъ съ алыми цвѣточками, на двухъ зеркалахъ въ рамахъ изъ краснаго дерева и на гнутыхъ спинкахъ такой же мебели, тяжко покоившейся вдоль стѣнъ.

Ананьевыхъ были не кто нибудь, а исконные купцы, еще при матушкѣ Екатеринѣ Второй осѣвшіе на Красномъ Яру. И въ домѣ у нихъ водилось только все старинное и на вѣкъ слаженное, а про благословеніе Божіе и сказывать нечего: что ни передній уголъ въ горницѣ, то хоть моленную строить затѣвай — на любой иконостасъ хватило бы! И все древняго, строгаго письма были иконы, въ кованныхъ изъ серебра басьмахъ и окладахъ; въ иныхъ ризахъ камни самоцвѣтные, что огни, горѣли, а были и сплошь изъ жемчуга низаныя. Старой вѣры придеживался Матвѣй Палычъ — вѣтковскаго согласія былъ. Тишина и благолѣпіе царили въ дому его. А заправляла домомъ сестра его — Глафира, вѣкъ вѣковавшая въ дѣвушкахъ — гордая и непреклонная. И ростомъ была такая же, какъ гордынею — высокая, да прямая — крѣпостная стѣна, да и на поди!

Настоящей хозяйки — жены Матвѣя Палыча — Пелагеи Григорьевны и слыхать почти не было: смирная жила да кроткая; всѣмъ, кто ни встрѣнется, улыбнется и молвитъ что нибудь ласковое. Болтали въ городѣ, будто повреждена она разумомъ отъ испугу: пожаръ у нихъ въ домѣ приключился въ ночь рожденія первенца — Гриши, а въ правду ли такъ было — Господь разберетъ! ничѣмъ этого поврежденія, кромѣ тихости, людямъ она не являвала.

Самъ Матвѣй Палычъ держалъ ее бережно, сроду на нее не крикивалъ; да ужъ и на что тамъ кричать было? дунь онъ на нее, и то-бъ о стѣнку расшибъ: росту онъ, что доб-

рый осетръ, въ мѣрную сажень былъ, а она вся въ одной его бобровой бородѣ укрыться могла.

Не было вообще обихода кричать ни на кого у Матвѣя Палыча: развѣ густыя брови сдвинетъ, да глазами сверкнетъ — и того для порядку довольно было! — больно ужъ онъ могутенъ былъ — конскія подковы, что баранки, ломалъ! Сынъ Григорій былъ у нихъ единственный; тетка надышаться на него не могла и почесть отобрала его еще младенцемъ у матери; въ ея горенкѣ мальчикъ спалъ, у нея же весь день деньской съ мамкою-нянькою былъ. Пелагеѣ Григорьевнѣ то было какъ будто все равно; придетъ къ невѣсткѣ въ горницу, посидитъ, поглядитъ, какъ ребенокъ играетъ, поласкаетъ его, улыбнется всѣмъ и уйдетъ къ себѣ; а у себя она либо ризы на иконахъ чистила, либо въ окошко на горы да небо, глазъ не сводя, смотрѣла. Она же въ дому и канонницей была; службы Божіи такъ знала, что не всякій бѣглый попъ могъ супротивъ нея выстоять.

Сумраченъ подъѣхалъ къ дому Матвѣй Палычъ; велѣлъ кликнуть къ себѣ Веденѣя, а самъ вошелъ въ горницы, перекрестился на иконы и сѣлъ, что живая гора, за дубовый столъ.

Веденѣй Саввичъ въ старшихъ приказчикахъ у него жилъ; человѣкъ былъ въ лѣтахъ, обстоятельный. Самому бъ ему была пора въ купцы выходить, да фарта у него для себя не было: для чужихъ людей черезъ его руки деньги, что вода, по желобу текли, для себя — какъ въ дырявое рѣшето проваливались. И не то что бы зря кидалъ, — нѣтъ, не везло да и все тутъ!

Попыталъ онъ въ послѣдній разъ счастья съ годъ назадъ: купилъ на свой капиталецъ, что лѣтъ пять въ туесокъ складывалъ, рыбы обозъ, погрузилъ ее на баркасъ, чтобы по Енисею сплавить, а вода полая была, пучило рѣку непомѣрно, и на одной изъ ночевокъ сорвало баркасъ съ причаловъ, да объ скалу и кокнуло! пошелъ капиталецъ Веденѣй Саввича водяному на трынку!

Отъ такой бѣды другой на его мѣстѣ волосы бъ на себѣ рвать зачалъ, ума бы рѣшился — а у Веденѣй Саввича только губы дрогнули, когда принесли ему злую вѣсть: выдержки человѣкъ удивительной былъ! Перекрестился онъ.

— Воля, стало быть, Божья! — только и отвѣту отъ него слышали.

Примѣтили потомъ молодцы: стоялъ онъ у себя въ каморкѣ у окошка, бороду-мочалку въ кулакъ зажалъ и долго глядѣлъ невѣдомо куда. Думъ своихъ никому не сказывалъ, а болтали опосля, будто цвѣтъ, надъ которымъ стоялъ онъ, словно росой взбрызнутъ былъ. Можетъ и впрямь то слезы были, а только на глазахъ у него никогда ихъ не видывали!

Цѣнилъ его Матвѣй Палычъ и въ большой довѣренности держалъ; зналъ, что зря и слова не обронитъ старшій приказчикъ, а хозяйскую деньгу, что глазъ бережетъ.

Въ горенку, гдѣ сидѣлъ хозяинъ, вступилъ невысокій ростомъ, плотный человѣкъ съ рыжеватой бородкой: она вмѣстѣ съ лицомъ у него, какъ у Марка-пустынника, въ одинъ узкій клинъ пошла. Остановился у порога и глянулъ на Матвѣя Палыча.

— Иди ка сюда... поговорить хочу!.. молвилъ тотъ, и волосатой рукой ему на стулъ рядомъ съ собой указалъ.

Веденѣй Саввичъ притворилъ дверь и, не торопясь, сѣлъ, не отнѣкиваясь: честь эта была ему за обычай. Сѣлъ и руки на животѣ сложилъ.

— Уплыветъ, видать, то дѣльце отъ насъ, Саввичъ?... началъ Матвѣй Палычъ, легонько пристукивая кулакомъ по столу: такую ужъ повадку имѣлъ, коли не въ себѣ былъ. А ужъ и снасть же эту зубодробительную имѣлъ!... Не разберешь сразу, что передъ тобой на столѣ поставлено — не куличъ ли, молъ, добрый кулакомъ мерещится?

— Подкузмила насъ эта Ирбить, чтобъ ей ни дна ни покрышки!

— Плохая-съ была ярмонка... безразлично согласился Веденѣй Саввичъ.

— Какъ ни мерекаю — кругомъ вода: не извернуться съ деньгами... продолжалъ Ананьевыхъ: — въ долгъ просить не хочу, сроду не бирывалъ...

— Да и не къ чему съ... Веденѣй Саввичъ пошевелилъ пальцами: — со своихъ должниковъ долги пособрать — и того хватило бы!

— Сроковъ не вышло. Всѣ безъ денегъ сидятъ! воскликнулъ Матвѣй Палычъ: — ткнулся я сейчасъ къ одному, къ другому — и рады бы, говорятъ, отдать, да не могутъ!

— На деньгахъ спятъ съ... Въ кажномъ домѣ деньги водятся...

Матвѣй Палычъ развелъ руками.

— Не караси, вершью не выловишь! Главное — не хочу, чтобы разговоръ пошелъ, будто Ананьевыхъ зануждался, дескать...

— Старыхъ должниковъ пошевелить надобно съ... Есть такіе, что совѣсть давно забыли...

— Кто же такіе? усомнился Матвѣй Палычъ.

— Вабилина взять съ... Петра Мосѣича. Пятнадцать годовъ назадъ ему пять тысячъ серебра вы отвалили, въ землю вамъ кланялся, обѣщалъ отдать какъ оправится, а гдѣ онѣ съ?

— Думалъ я о немъ... отозвался Матвѣй Палычъ: — да вѣдь нѣтъ его, что камень въ водѣ пропалъ?

— Сыскался слѣдокъ съ...

— О? гдѣ онъ?! оживился Ананьевыхъ: — отъ кого узналъ?

— Торгашей двухъ знакомыхъ изъ Минусинскаго вечоръ повстрѣчалъ; сказывали, въ большой силѣ Петра Мосѣичъ находится: гуртовую торговлю скотомъ съ Иркутскимъ ведетъ.

— Гдѣ же живетъ? въ Минусинскомъ?

— Подалѣе съ... въ Урянхайской землѣ!

— Это гдѣ монголы что ль? За Саянами?

— Тамъ съ.

— Вотъ оно что!... далеконько... Матвѣй Палычъ почесалъ затылокъ. — А вѣдь пять серебра намъ хватило бы?

— За глаза съ...

— Гмъ... какъ взять то вотъ ихъ?

— Спосылать кого нибудь надобно съ. Можетъ и Петра Мосѣичъ чтобъ поплатиться оказіи ждетъ.

— Сколько денъ пути туда?

— Пыталъ я о томъ у торгашей: денъ до двадцати выйдетъ.

Матвѣй Палычъ мотнулъ головою. — Порядочно!... Вотъ что... добавилъ онъ и ладонью по столу хлопнулъ: — сыщи поди, Саввичъ, этихъ знакомцевъ, выспроси ихъ обо всемъ путемъ, а я померекаю, какъ дальше быть!

Веденѣй Саввичъ всталъ.

— Хорошо съ... промолвилъ онъ, перекрестился на иконы, поклонился имъ и хозяину и пошелъ изъ горницы. А Матвѣй Палычъ закрутилъ, что добрый конецъ каната, въ обѣихъ долоняхъ бороду, раздернулъ ее на полы, да такъ и застылъ у стола: задумался.

ГЛАВА II.

Торгаши пристали на заѣзжемъ дворѣ у стараго Сидорыча, что на взволокѣ жилъ. Сидѣли они не въ общей большой избѣ, гдѣ душно и парно было, а въ чистой половинѣ и чайкомъ баловались, когда Веденѣй Саввичъ показался. Разрумянилъ его шутникъ-морозъ, по усамъ ледяныя бирюльки развѣсилъ.

Увидали его торгаши, оба съ мѣстъ вскочили.

— Пожалуйте, гость дорогой! чайку горяченькаго съ морозцу! въ перебой заговорили, усаживая его за свой столикъ: нужный былъ человѣкъ старшій приказчикъ Ананьевыхъ — въ его рукахъ было разсрочку ли на товаръ дать, вовсе ли его въ долгъ отпустить.

Одинъ изъ торгашей подозвалъ паренька, болтавшагося съ полотенцемъ черезъ плечо у двери, пошептался съ нимъ. Юркнулъ тотъ, что мышь въ нору, а черезъ пару минутъ на столикѣ штофъ зазеленѣлъ, миска съ селянкой задымилась.

— Хвалятъ волжскую селянку изъ стерлядей, ну а до нашей изъ нельмы ей далече! замѣтилъ одинъ изъ торгашей, — Иванъ Митричъ, что помоложе былъ. Голосъ у него гудѣлъ, что у протодьякона; другой, чернобородый, хотя и постарше выглядѣлъ, а вертлявъ и визгливъ былъ.

— Куды ей! подтвердилъ онъ, наливая изъ штофа въ стаканчики: — винца, пожалуйте, откушайте!

Выпили, закусили, а по второму разу разговоры пошли уже настоящіе: навелъ ихъ стороной Веденѣй Саввичъ на Вабилина.

— Царь Берендѣй это урянхайскій! захихикавъ, сказалъ Семенъ Василичъ — тотъ, что чернобородъ былъ. — Большіе онъ обороты ведетъ!... Гурты въ Иркутскій головъ по тысячѣ и поболѣ гоняетъ...

— Дешевъ что ль скотъ въ Урянхаѣ? спросилъ Веденѣй Саввичъ.

Торгашъ махнулъ рукою.

— Народъ тамъ дуракъ живетъ! сказалъ онъ: — что ты хошь, то ему въ расплату и дай, все возьметъ. Хочешь — платокъ въ гривенникъ за торбака*) сунь, хочешь — ножикъ!

*) Годовалый бычекъ.

Да еще пасти и беречь животы будетъ, пока въ головы*) выйдетъ. Овца за иголку идетъ!

— Да ну ты?!

— Истинное слово! На то и бараны на свѣтѣ, что бы ихъ умные стригли! Сойоты, одно слово! Здравствуйте, Веденѣй Саввичъ!... торгаши опять подняли стаканчики и всѣ разомъ опрокинули ихъ въ разинутые рты.

— Житье, однако, тамъ! замѣтилъ Веденѣй Саввичъ, ставя свою посудинку на столъ. — Далече ужъ больно только... вы то часто ли туда ѣздите?

— Да стали теперь заглядывать... въ голосъ отозвались оба торгаша: — туда красный товаръ веземъ, оттуда пушнину всякую.

— Дорога есть, чтоль?

— Какая дорога — Божья! Зимой на саняхъ по Енисею ѣздимъ.

— Черезъ горы, прямикомъ, стало быть, ходу нѣту?

— И-и-и! чернобородый опять махнулъ рукою. — Хребты тамъ крутые, да высоченнѣющіе; съ иныхъ и лѣтомъ снѣга не сходятъ. Глянешь порой — что те сахарныя головы въ поднебесьи по облакамъ поразставлены. А по уваламъ да щелямъ тайга; медвѣдю въ ей, развѣ, въ пору продраться: — что ночь съ береговъ глядитъ! Жуть беретъ...

— Н-да... протянулъ Иванъ Митричъ: — купишь за денежку, а набѣдуешься на рубль. Еще хорошо, коли не обморозишься, а то пропадешь совсѣмъ!

— И долго такого пути?

— Недѣли на двѣ...

— Гдѣ же вы пристаете на ночь? Неужто на снѣгу спите?

— Зимовья наши, минусинскіе, на берегахъ кое гдѣ посрубили... отвѣтилъ Семенъ Василичъ: — избушки низенькія. Пустыя онѣ стоятъ. Доберемся до нихъ къ ночи, сейчасъ огонекъ на очажкѣ резведемъ, грѣемся... и спимъ тутъ же на нарахъ...

— Ну, а назадъ съ товарами какъ? по водѣ сплываете?

— Нѣтъ! И назадъ на саняхъ поспѣть норовимъ. Развѣ ужъ далеко очень заберется кто, да тепломъ его прихватитъ — ну, тогда дѣлать нечего, плотъ вяжетъ и на немъ сплываетъ.

---

*) Четырехлѣтній возрастъ.

— Что такъ? опасенъ Енисей что ли?

— Быстръ ужъ онъ очень въ горахъ: на тройкѣ за плотомъ не угнаться. И пороги есть. А на порогахъ, Господи твоя воля, что дѣется: волосъ дыбомъ встаетъ! Вода что въ котлахъ клокочетъ, вся въ пѣнѣ, брызги столбами кругомъ! половину плотовъ на щепы о скалы бьетъ!

— Ну, ну... обронилъ Веденѣй Саввичъ и головой качнулъ. — За моремъ, видно, телушка — полушка, да рубль перевозу?

— Истинно такъ! А берегами проѣхать негдѣ: круты очень, обрывисты — пѣшему не ступить.

Опять выпили и закусили, благо шанегъ горячихъ малецъ принесъ. Торгаши раскраснѣлись и запотѣли, что стекла въ банѣ; Веденѣй Саввичъ развѣ чуть поблѣднѣлъ въ лицѣ, сидѣлъ все тотъ же спокойный да дѣловитый: виннымъ парамъ у него въ голову ходу не было.

Развязало зато вино языкъ чернобородому.

Навелъ опять рѣчь Веденѣй Саввичъ на Вабилина, вызналъ гдѣ и какъ сыскать его, а Семенъ Василичъ нежданно зацѣпилъ и подноготную. Ударилъ онъ кулакомъ по столу.

— Что мы? сказалъ — мелочь мы, окуньки, и дѣламъ нашимъ грошъ цѣна! А кто разбогатѣть хочетъ скоро — по Вабилински орудовать надо: съ мясомъ рвать!

Веденѣй Саввичъ насторожился. — Какъ же это съ мясомъ рвать? освѣдомился.

— Какъ? Семенъ Василичъ подмигнулъ захмѣлѣвшимъ глазомъ: — вовсе даромъ брать!

— Кто жъ свое добро даромъ отдастъ?

— А дубье да ружья на что? Семенъ Василичъ пригнулся почесть къ самому уху гостя. Народъ смиренъ очень... вольная тамъ воля, ни начальства, ничего нѣту...

— Неужли грабилъ? усомнился Веденѣй Саввичъ.

— Вотъ тебѣ и неужли! Годовъ пять тому назадъ и съ убивствомъ...

— Напрасно это вы, Семенъ Василичъ, такое тревожите... вступился товарищъ его, Иванъ Митричъ. До того все молчалъ: оперъ голову на руки, а въ русыя патлы пальцы запустилъ.

— Ну ка, ты?!... вскинулся Семенъ Василичъ: — правду, вѣдь, сказываю!

— Не всякая правда на пользу...

— Ничего, не сумлѣвайтесь, дальше меня рѣчи ваши не уйдутъ, перебилъ зачинавшійся споръ Веденѣй Саввичъ. — Выпьемте еще по единому: теперь мой чередъ угощать!

Мигнулъ онъ мальченкѣ, и второй полштофъ появился. Опрокинули еще по стакашку, и патлы Ивана Митрича совсѣмъ ему на лобъ свисли: то ли онъ уснулъ, то ли такъ сидѣлъ — глазъ не видать было.

— Какъ же стряслось такое дѣло? обратился Веденѣй Саввичъ къ Семену Василичу. — Любопытно послушать!

— Просто! Вертался онъ съ торгу, съ Иркутскаго, съ молодцами: ихъ у него душъ до двадцати живетъ. По пути стадо въ степи встрѣнулось — агромаднѣющее. Жилья кругомъ — юртъ то есть, можетъ, на сто верстовъ кругомъ нѣтъ, пастуховъ всего трое-четверо... ну и загорѣлась душа Вабилинска! Миганулъ молодцамъ, гикнулъ, да на пастуховъ; тѣ къ конямъ — кони у нихъ всегда подъ сѣдломъ у прикола на готовѣ стоятъ — ну да гдѣ жъ поспѣть? Одному, однако, удалось ускакать.

Сбили Вабилински стадо и погнали. А самъ онъ съ десяткомъ молодцовъ позади поѣхалъ — слушалъ, не будетъ ли погони: зналъ, что не спустятъ такого дѣла сойоты. Къ вечеру время пошло, темнѣть шибко стало; видятъ Вабилински — гроза идетъ. А грозы въ тѣхъ мѣстахъ бѣдовыя; страсть Господня, что тогда въ горахъ дѣется. Трудно гнать стадо ночью, а въ грозу — горе! собьются овцы одна къ другой, что плотина, головы другъ дружкѣ подъ брюхи засунутъ — что хошь, то съ ними и дѣлай: на куски ихъ руби — съ мѣста не сдвинутся. А крупный скотъ врозь, ослѣпя, бросится — собери его, поди, въ потемкахъ!

Велѣлъ Петра Мосѣичъ скорѣй гнать стадо, а самъ выбралъ взгорокъ, да съ молодцами и залегъ на гребнѣ въ травѣ чтобы задержать, значитъ, погоню, коль будетъ. Молоньи стали попыхивать: сухая гроза нашла — безъ грому и безъ дождя; видывалъ, чать, такія? — все небо безъ перечь синимъ полымемъ обдавало. Лежатъ Вабилински часъ, лежатъ другой, ружья у всѣхъ изготовлены, слушаютъ... нѣтъ, не слыхать ничего. И вдругъ далече-далече будто простукотало что. Припали всѣ ухомъ къ землѣ — гонитъ погоня... торопко, густо чокаютъ копыта! Говоръ зачалъ доходить, люди

замаячили: видать при молоньяхъ стало, что летятъ на коняхъ во всю прыть и много ихъ.

Только вскакали они на пригорокъ, какъ вдругъ закричитъ Вабилинъ — пали!! Ухнули молодцы изо всѣхъ ружей. Кони у сойотовъ на дыбы; кто самъ съ сѣдла валится, у кого конь внизъ головой... крики, визгъ! Вабилински въ кашу въ эту изъ пистолетовъ — бацъ! бацъ! Ужесть!!... Сойотня безъ памяти назадъ, кто куда: у нихъ, вѣдь, окромя лука со стрѣлами да ногайки и оружія нѣтъ никакого: стрѣльбу то не всякій изъ нихъ, почитай, и слыхивалъ!

— И что же, такъ и сошло съ рукъ ему? спросилъ Веденѣй Саввичъ.

— А у кого жъ тамъ управу искать? У князей у ихнихъ, нойоновъ? Такъ съ ними разговоръ не долгій: отвезъ ему два штофа водки, да бездѣлку позанятнѣе — вотъ вамъ и судъ. Еще жалобщики же въ виноватыхъ останутся...

— Ну-ну... проронилъ Веденѣй Саввичъ и поджалъ губы: — прямой онъ царь Берендѣй... а вѣрнѣе — разбойникъ чистый!

Семенъ Василичъ захихикалъ тоненькимъ голоскомъ.

— Коммерція это урянхайская съ! Всѣ у насъ его Берендѣемъ промежду себя величаютъ. Да нѣшто онъ одинъ! А Усинское село взять, тамъ что дѣется?

— Буде! ровно бы только что проснувшись рыкнулъ на него товарищъ и локтемъ ткнулъ.

Семенъ Василичъ сразу смолкъ и съежился.

Веденѣй Саввичъ покачалъ головою.

— Не людямъ, такъ Богу придется отвѣтъ держать! молвилъ: — на Страшномъ судѣ не откупишься... И что же, веселъ живетъ опосля такихъ дѣловъ?

Семенъ Василичъ вскинулъ вверхъ плечи.

— Кто жъ его знаетъ?... угрюмъ, шибко угрюмъ съ обличья онъ: что тайга-те темная. Храмлетъ крѣпко.

— Храмлетъ? съ чего же: кажись, ровно ходилъ въ прежніе годы?

— Позапрошлымъ лѣтомъ съ коня упалъ. Ночью его въ степи гроза захватила. Ѣхалъ онъ съ работникомъ весь день ничего, а какъ стемнѣло да полыхнула молонья — озираться зачалъ. Какъ пыхнетъ — онъ на сѣдлѣ и переворотится: чудилось ему что то. Вскинулся такъ разовъ пять, да какъ

ахнетъ коня ногайкой! тотъ во весь духъ по кустамъ, по буеракамъ! Работникъ за нимъ: испугался тоже. Освѣтило опять степь, видитъ работникъ, конь Вабилинскій уже одинъ по степи летитъ: грива у него дыбомъ, сѣдло на боку. Сдержалъ онъ своего коня, кричитъ — нѣтъ отзыву! Искалъ, искалъ и наткнулся на хозяина; лежитъ безъ памяти и нога пополамъ. Взвалилъ онъ его поперегъ сѣдла, что мертваго, да такъ и довезъ домой, благо еще заимка ихъ уже близко была. Водой его отливали! Съ той поры и храмлетъ.

— Отъ такихъ дѣловъ почудится! сказалъ Веденѣй Саввичъ.

— Оченно просто! согласился чернобородый. — Да тамъ и безо всякихъ дѣловъ привидѣться есть чему: — нечистая сила, почитай, подо всякимъ кустомъ сидитъ!

— Полно, ты?

— Вѣрно говорю: самый водъ ей тамъ! ни храма, ни креста на тыщи верстовъ нѣтъ — одни камни да тайга дикая. На кажной горѣ, въ кажной щели*) мольбища изъ булыжинъ насыпаны — аввы по тамошнему. Поповъ нѣтъ, а колдуновъ сколько хошь! Бѣда...

Взяли знакомцы изъ штофа еще по посошку на дорожку, и Веденѣй Саввичъ сталъ прощаться.

Не обрадовали его разсказы торгашей; понасупясь шелъ онъ домой, неся вѣсти о старинномъ пріятелѣ Матвѣю Палычу.

ГЛАВА III.

— Люты, видать, на брёхъ знакомцы твои?... обронилъ Матвѣй Палычъ, выслушавъ приказчика.

— Не въ примѣту съ... скорѣй не договаривали будто чего!... отвѣтилъ тотъ.

— Посуди, голова: изъ разбойниковъ въ купцы, доводилось слыхивать, выходили, ну, а изъ купцовъ да въ разбойники... Ананьевыхъ развелъ руками — впервой слышу! Поди, поспрошай про нашихъ купцовъ, что тебѣ въ секретъ наплетутъ — тотъ обокралъ въ молодости кого, другой въ ямщикахъ ходилъ — сѣдока покончилъ, третій у проѣзжихъ чемоданъ съ задка срѣзалъ. И вѣрить всей такой пустяковинѣ?

— Какъ знать съ... гдѣ дымокъ, тамъ и огонекъ съ!...

*) Ущелье.

— Э! Наша братья хуже бабъ: и безъ огня дыму напуститъ! Языкъ, что куликъ — на подъемъ легокъ. Пустое это все! А что слѣдъ Вабилинъ сыскался — это вотъ ладно!... Помолчалъ Матвѣй Палычъ. — Деньги свои выручать надо... добавилъ. — Коли впрямь разбогатѣлъ Петра Мосѣичъ — отдастъ: въ ноги еще велитъ поклониться мнѣ, знаю его. Суровъ онъ, крутенекъ, вотъ и огонекъ весь!

Веденѣй Саввичъ молчалъ.

— Такъ я надумалъ... продолжалъ Матвѣй Палычъ: — что бъ дѣло это обдѣлать голова нужна... окромя тебя поручить мнѣ его некому. Выполнишь — изъ приказчиковъ долой тебя... Онъ глянулъ на Веденѣя Саввича. А того ровно по затылку ударили — воззрился на хозяина.

— Не пригоденъ ты будешь для новаго дѣла, порѣшилъ разсчитать тебя: въ компаньоны беру!

Пополовѣлъ въ лицѣ Веденѣй Саввичъ, съ мѣста вскочилъ.

— Что вы!... помилуйте съ?... сказалъ, а у самого даже губа нижняя задрожала. Еще бы: всю жизнь счастье отъ человѣка, что угорь изъ рукъ выскальзывало, а тутъ вдругъ на поди — само пришло!

Матвѣй Палычъ посмѣивался.

— И милую!... молвилъ. — Только отслужи напередъ: привези деньги и шабашъ — въ долю войдешь!

— Пошлетъ Господь, привезу съ... какъ о чемъ о стороннемъ отвѣтъ далъ приказчикъ; только по глазамъ видать было, что вся душа у него освѣтилась.

— Вотъ и ладно! Выбери себѣ двухъ молодцовъ понадежнѣе и съ Богомъ! И еще вотъ что... Матвѣй Палычъ пріумолкъ и бороду погладилъ: — четвертымъ молодцомъ хочу Гришутку своего съ тобой послать...

— Кого съ? Веденѣй Саввичу сдалось, что онъ ослышался.

— Гришку, говорю, аль оглохъ? Парень въ годахъ, пора ему на чужой сторонѣ хлѣба поѣсть, ума-разума понабраться. Не все дома съ бабьемъ сидѣть!

— Путь то далеконекъ съ!...

— А что ему? Не мятный пряникъ, не искрошится. Черезъ два дни, что бъ ужъ въ пути вамъ быть!

Отвѣсилъ Веденѣй Саввичъ низкій поклонъ красному углу, другой — еще ниже — хозяину и вонъ пошелъ. А у самого въ грудяхъ, что твоя музыка играетъ — хоть въ плясъ иди!

Только отворилъ онъ дверь во вторую горницу — чуть ею въ лобъ кому то не угодилъ. Глядитъ — передъ нимъ Григорій, хозяйскій сынъ.

— Веденѣй Саввичъ... шепчетъ: — вправду васъ тятенька въ Урянхай посылаетъ?

— Вправду... А что? подслушалъ да видно не все?

Ухватилъ парень за руку приказчика.

— Дяденька, милый, уговорите его, чтобъ и меня съ вами отпустилъ! А у самого только что слезы изъ глазъ не текутъ.

Усмѣхнулся Веденѣй Саввичъ.

— Ишь, ты прыткій какой! сказалъ; — ну, знай, что тятенька самъ того хочетъ: обряжайся въ походъ!

Коту ли на хвостъ наступилъ Григорій, самъ ли визгнулъ — только на мѣстѣ лица его вдругъ увидалъ приказчикъ валенки: перевернулся хозяйскій сынъ черезъ голову и, что угорѣлый, лбомъ въ горенку къ теткѣ дверь растворилъ.

— Тетенька, ѣду! завопилъ онъ тамъ и забрыкалъ, что телокъ въ полѣ: въ плясъ пошелъ.

— Куда ѣдешь то? Глафира Павловна у комода въ бѣльѣ разбиралась — обернулась и выпрямилась. — Да ты сдурѣлъ, аль нѣтъ?

Цѣловать ее, вмѣсто отвѣту племянникъ бросился.

— Пусти, шалый; ты и впрямь ума рѣшился! говорила она, отбиваясь. — Съ глазу ты, или тебя песъ дурной укусилъ?

— Тятенька меня въ Урянхай съ Веденѣй Саввичемъ посылаетъ!... едва дыша молвилъ Григорій.

— И слава тебѣ Господи! Спокойнѣе въ дому будетъ... отвѣтила тетка, оглаживаясь: — ишь, медвѣдь, измялъ всю. А далеко ли этотъ Урянхай?

— Денъ на двадцать пути отсюда!

— Мели, Емеля!... Въ самомъ дѣлѣ — далече ль до этого городу? оборотилась она къ Веденѣй Саввичу; тотъ стоялъ у порога и посмѣивался: баловень общій въ домѣ былъ Григорій, тоже и у него на колѣнкахъ мальчонкой прыгивалъ.

— Вѣрно сказалъ: денъ двадцать выйдетъ... отвѣтъ далъ. Приказали Матвѣй Палычъ и ему ѣхать со мной!

— Съ ума вы съ нимъ посошли что ли?! Глафира Павловна даже руками всплеснула. — Эдакую несмѣть верстовъ тащить его? по что? за чѣмъ онъ занадобился?

— Не моя воля, хозяйская съ... отозвался Веденѣй Сав-

вичъ: желается Матвѣй Палычу, что бы свѣту повидалъ Гриша, ума-разума понабрался бъ... Про страсти, что слышалъ, Урянхайскія и словомъ не обмолвился — зачѣмъ женскія сердца зря бередить?

Долго воевала въ своей горницѣ Глафира Павловна; по дому ходила — что изъ пистолета палила, такъ дверьми хлопала, одначе въ глаза брату поперечить не осмѣлилась. Пелагея Григорьевна, та и вовсе слова не молвила: только перекрестила Григорья да поцѣловала.

А Веденѣй Саввичъ порѣшилъ взять съ собой длиннаго Нилку — смышленъ очень былъ, да Микиту Лѣшаго: этотъ съ обличья не вышелъ — ровно бы его свинья не доѣла, такъ его воспа испортила, а ужъ за то и здоровъ былъ: двухгодовалаго бычка за рога на земь сваливалъ!

Закипѣла у Ананьевыхъ работа; во дворѣ двое саней-кибитокъ налаживали, такъ что бъ и спать въ нихъ можно было; снаружи желѣзомъ ихъ схватывали, внутри для тепла шкурами медвѣжьими обивали; въ домѣ въ два сундука всякій запасъ укладывали, а на кухнѣ стряпня шла: щи варили, пельмени постные готовили; вокругъ крыльца на снѣгу чашки со щами и доски съ кучами пельменей стояли — морозили ихъ, а потомъ кругами и грудами въ мѣшки складывали; у псовъ отъ духу и отъ поглядки ажъ слюнки текли: на привязи ихъ посадили, чтобъ шкоды какой не сдѣлали.

Насталъ день отъѣзда.

Еще до свѣту, что звѣзды, замелькали огоньки въ дому Ананьевыхъ. На длинномъ столѣ словно бы горы, задымились въ мискахъ шаньги, селянки и разное рыбное; постъ Великій стоялъ; накормила отъѣзжавшихъ Глафира Павловна до отвалу, а ужъ чаемъ налила — по иже еси, по самое горлышко; стали изъ за стола вставать, такъ подъ самыми кадыками у нихъ булькало.

Поднялись отъ стола, въ сосѣднюю горенку перешли, а тамъ Пелагея Григорьевна уже за налоемъ стояла. Народу набралась полна горенка: отъ мала до велика, всякъ, кто въ дому Ананьевыхъ жилъ, пришелъ помолиться съ отъѣзжающими.

Истово да внятно прочитала Пелагея Григорьевна положенное по уставу для въ путь шествующихъ; отбили они земные поклоны, приложились ко кресту и къ иконамъ и стали

прощенье у хозяевъ и у всѣхъ домашнихъ просить и въ поясъ кажному кланяться. А Григорій въ ноги отцу палъ; Матвѣй Палычъ снялъ съ божницы малую иконку Казанской Божіей матери и осѣнилъ его ею.

— Это тебѣ благословеніе мое родительское, молвилъ: — а наказъ мой тебѣ таковъ будетъ; Веденѣй Саввичъ замѣсто меня ѣдетъ, такъ изъ воли его шагу ступить не смѣй: что онъ скажетъ, то и свято, и быть по тому! Слышите молодцы, и къ вамъ эти слова говорю! оборотился онъ, и голосъ повысилъ, къ Нилкѣ съ Микитой.

— Слышимъ... понимаемъ съ!... отозвались тѣ.

— То то же! А тебѣ, Веденѣй Саввичъ, спуску имъ никому не давать: хозяйскій — не хозяйскій сынъ, а ежели стоить будетъ — отдери какъ сидорову козу! Везешь дурня, назадъ привози умного!

Распрощались всѣ, расцѣловались, оболоклись въ тулупы, а поверхъ нихъ въ дохи оленьи, да въ шапки мѣховыя съ наушниками и рукавицы, и почали выходить на крыльцо, въ сани разсаживаться. Сѣли по двое: на переднихъ молодцы, на заднихъ Веденѣй Саввичъ съ Григоріемъ. Въ кажныя сани по парѣ ружей хорошихъ, новыхъ — не кремневокъ, а съ курками — въ мѣховыхъ чехлахъ, сунули, да по два заряженныхъ пистолета кажный въ дохѣ имѣлъ: нельзя иначе — сторона глухая, дикая, а ѣхать впрямь какъ въ сказкѣ — въ нѣкоторое царство, въ нѣкоторое государство приходилось.

Оглядѣли — крѣпко ли къ задкамъ сундуки попривязаны, всѣ ли мѣшки уложены.

— Съ Богомъ! подалъ съ крыльца голосъ Матвѣй Палычъ.

Щелканули кнуты, и двѣ тройки коней — гусемъ, одна потемнѣй, другая вовсе рыжая, натянули посторомки; заскрипѣли сани, двинулись, кнуты за ними, что черныя змѣи, по снѣгу поволоклись.

— Съ Богомъ! Часъ добрый! закричали въ слѣдъ голоса. Кто рукой махалъ, кто около саней бѣжалъ.

Выбрались изъ воротъ сани, гикнули ямщики, взвились на дыбки уносные кони, и пошло мелькать строенье Красноярское...

А ужъ и день — истинный праздникъ былъ! Яркій, ясный, ангеламъ въ такіе дни самый летъ! Богатыремъ кажный человѣкъ себя въ нихъ чувствуетъ: все по плечу, все по роз-

маху! Э, да что говорить! Кто бѣлыхъ ризъ земли-матери не цѣловывалъ, въ снѣгу не валялся, не катывался — тотъ и не человѣкъ, почитай, — циплятина!

ГЛАВА IV.

Коротки зимніе дни, длинны, ухабисты дороги сибирскія! Что ладьи въ волнахъ ныряютъ въ нихъ сани; трудно непривычному сѣдоку, размотаетъ, резобьетъ его зимній путь хуже лѣтняго!

Притомились подъ вечеръ и Ананьевски послы. Что плотно поѣли-попили утречкомъ, про то и думать забыли: проголодались всѣ. А пристать негдѣ было: велики перегоны межъ ямскими станами — первый отъ городу въ семьдесятъ верстъ лежалъ.

Уже темнѣть зачало, когда засвѣтились впереди огоньки и зачернѣли избы слободскія — Нефедьевски. Подъ лютый лай псовъ въѣхали сани на улицу и своротили въ третьи ворота во дворъ. Среди него уже ихъ ждалъ хозяинъ съ подручными. Чутье, что ли, у нихъ на проѣзжающихъ, а только завсегда они гостей упредятъ и во дворъ встрѣчать выйдутъ.

Хозяинъ былъ человѣкъ знакомый, да и кто въ округѣ не зналъ и на ночлегъ не приставалъ у дѣда Михалъ Федорыча?

Вылѣзъ Веденѣй Саввичъ изъ саней, поздравствовался.

— Ночевать будете? спросилъ дѣдъ.

— Куды жъ на ночь ѣхать: не къ спѣху... отвѣтъ далъ Веденѣй Саввичъ. — Есть мѣсто, что ли?

— Найдется... айдате въ избу, грѣться!

Гурьбой всѣ за нимъ пошли. А ямщики съ подручными коней распрягать принялись, сани подъ навѣсъ вкатили.

Въ общей избѣ было жарко, что въ банѣ; человѣкъ десять мужиковъ ужинало за длиннымъ столомъ; вскраснѣлись всѣ, въ однѣхъ рубахахъ сидѣли. Провелъ хозяинъ новыхъ гостей въ сосѣднюю горенку — тамъ почище было: занавѣски на оконцахъ имѣлись, и столъ красною скатеркою былъ покрытъ. Приказалъ Веденѣй Саввичъ самоварчикъ да хлѣба, а Нилку съ Микитой послалъ къ санямъ — по куску щей да пельменей отрубить.

Мигомъ дѣло это они спроворили, отдали стряпкѣ разогрѣть и только поспѣли верхнюю одёжу посымать съ себя, да ноги размять — глядь ужъ на столѣ миска съ горячими щами, съ рыбой стоитъ; духъ отъ нея сладкій пошелъ по всей горенкѣ! Отдали честь гонцы постнымъ щамъ — какъ языкомъ миску вылизали; на смѣну пельмени горячія появились, а тамъ и пузастый ведерный самоваръ внесли: поставили на столъ — ну что те исправникъ на мосту стоитъ: пыхтитъ-попыхиваетъ, пары-дымъ изъ трубки пущаетъ.

Подсѣлъ китайской травки попить и Михалъ Федорычъ. Много годовъ онъ на горбу носилъ, а здоровъ, что кедровый кряжъ былъ; сутулился, однако, шибко!... смолоду черноволосъ гулялъ, а теперь только въ бровяхъ чернеть имѣлъ; весь бѣлъ былъ, ровно бы мятель ему снѣгомъ голову и полъ груди занесла!

— Далече ль ѣдете? освѣдомился у Веденѣй Саввича.

— Въ Минусинское... отозвался тотъ. — Пушнинки хотимъ присмотрѣть: недорога въ этомъ году, сказываютъ...

— Дѣло хорошее... да рановато, маленько, выбрались вы: мѣху еще подвозу настоящаго нѣтъ съ горъ. Попозже надобно бы...

— Загодя пріѣхать, поосмотрѣться, лучше... отвѣтилъ приказчикъ и перевелъ рѣчь на другое: про хозяйски дѣла сталъ распрашивать.

Къ кому они на самомъ дѣлѣ были посланы, по что̀ — о томъ порѣшено было имъ съ Матвѣй Палычемъ никому не сказывать: въ такихъ дѣлахъ завсегда лучше, что снѣгъ на голову, пасть.

Постели постлали гостямъ въ той же горенкѣ. Приказчикъ съ Григорьемъ на двухъ кроватяхъ на перинахъ легли, а молодцамъ пару сноповъ соломы ржаной раструсили у печки у горячей, да войлоки сверху накинули. Не глядя что жарко было, покрылись всѣ дохами и заснули, какъ дома не сыпывали: нѣту сна слаще дорожнаго!

Крѣпко спитъ молодость, тоньше сонъ у пожилыхъ людей: ночью заслышалъ Веденѣй Саввичъ песій вой подъ окномъ.

Не любилъ того воя Веденѣй Саввичъ, да и кто жъ его любитъ? либо къ пожару онъ, либо къ покойнику. Открылъ глаза — мѣсяцъ въ окошко свѣтитъ... лампадочка передъ

благословеніемъ Божіимъ теплится... Григорій и молодцы похрапываютъ — спятъ, въ углу сверчокъ пѣсню стрекочетъ... Только завелъ глаза приказчикъ — опять завылъ проклятый песъ: такъ завылъ, ажъ жуть за сердце взяла!

Не стерпѣлъ Веденѣй Саввичъ, всталъ и подошелъ къ окну — поглядѣть: коли песъ морду вверхъ, на строенье, задралъ — къ пожару это; яму, ежели, роетъ — къ покойнику.

Стекла въ окошкѣ всѣ, какъ разрисованы были — елочки, травки и ни вѣсть что порасписалъ на нихъ морозъ; ходитъ онъ по ночамъ по дворамъ, въ стѣны-двери постукиваетъ, дерева и окна, что невѣстъ, убираетъ-украшиваетъ. Соскоблилъ приказчикъ ногтемъ одну елочку и глянулъ: песъ сидѣлъ подъ самымъ окномъ у нихъ и лапами снѣгъ разгребалъ; потомъ остановился, сѣлъ, вскинулъ морду къ небу и взвылъ, что волкъ — долго да страшно такъ!

Плюнулъ Веденѣй Саввичъ, зачурался про себя и перекрестился.

— Пропади, ты, проклятый! молвилъ: — на свою голову воешь!

Пошелъ прочь и легъ въ постель. Еще раза два будилъ его тотъ же вой. А подъ утро драка собачья во дворѣ вышла: что медвѣди схватились псы, ревѣли и клубомъ должно быть катались; а какъ кончили, долго одинъ изъ бойцовъ на крыльцѣ сидѣлъ, вякалъ да повизгивалъ — темной ноченькѣ на чьи то зубы вострые жаловался.

Утромъ, какъ только поднялись, побѣгли Нилка съ Микитой подъ навѣсъ запасу отрубить на завтракъ; сняли они мѣшки со столба — на ночь ихъ подвѣшивали, чтобы псы не тронули — и только сунулись къ санямъ — глядь, изъ нихъ двѣ умильныя морды собачьи выставились.

Нилка оторопѣлъ, ажъ. — Батюшки, да никакъ это наши Полканъ съ Кучумкой?! А чего тамъ „никакъ“ — они самые были!

Выскочили изъ саней псы, ластятся, хвостами виляютъ; у обоихъ на шеяхъ обрывки веревокъ мотаются — перегрызли, примѣтно было, свои привязи, да въ догонку за поѣздомъ и ударились.

Взяли молодцы, что имъ надобилось, и поспѣшили въ избу, а псы поглядѣли имъ въ слѣдъ и опять въ сани за-

лѣзли: чужихъ псовъ опасались. Ну, да и тѣмъ, видать, хорошо досталось: кажному изъ одного уха по два сдѣлали!

— Гости къ намъ, Веденѣй Саввичъ, ночью пожаловали! заявилъ Нилка, въ горенкѣ.

Удивился тотъ. — О? кто да кто?!

— Полканъ съ Кучумкой!

Григорій изъ за стола вскочилъ. — Да неужто?!

— Истинное слово: въ нашихъ саняхъ подъ навѣсомъ сидятъ, каторжные!

Не утерпѣлъ Григорій, не сталъ ждать завтрака, откромсалъ отъ коровая пару добрыхъ краюхъ, накинулъ тулупъ, шапку на голову и побѣжалъ къ пріятелямъ.

— Такъ вотъ кто меня подъ утро взбудилъ? молвилъ Веденѣй Саввичъ: — ахъ ты жъ, волчья снѣдь, какую штуку удрали? И усмѣхнулся: видать, доволенъ былъ, что собаки увязались.

— Какъ это ихъ волки дорогой не заѣли? подалъ голосъ Микита. Рѣдко онъ говаривалъ — больше все слушалъ, да потомъ про себя думалъ да передумывалъ.

— Фартъ такой имъ! отвѣтствовалъ Нилка: — таланъ собачій! Съ собой ихъ возьмемъ, что ли?

— Куда жъ ихъ больше дѣвать? отозвался приказчикъ.

Воротился Григорій — сіяетъ весь: такъ былъ радъ собакамъ.

Позавтракали плотно гонцы и пошли въ сани садиться; кони уже въ упряжкѣ стояли, снѣгъ копытами рыли. Вышли на дворъ, тамъ война, тамъ гвалтъ идетъ промежду собачни! хозяйскія въ ярость вошли, наскакиваютъ на чужаковъ, лаютъ-надрываются, живьемъ бы ихъ съѣли, кажись, кабы сила была; тѣ къ санямъ прижались, ощерились, шерсть дыбомъ поставили — страсть глядѣть, не понять сразу что за звѣрье забѣжало невѣдомое?

Отогнали хозяйскіе работники своихъ псовъ, проѣзжіе попрощались и по мѣстамъ сѣли; Григорій обоихъ псовъ въ свои сани забралъ — посадилъ въ ногахъ промежду собой и Веденѣй Саввичемъ.

— Великъ ли перегонъ нонче намъ ѣхать? спросилъ приказчикъ дѣда-хозяина.

— Верстъ шестьдесятъ есть, сказываютъ . . . отвѣтилъ тотъ: — а настояще кто же знаетъ? Не считаны здѣсь верс-

ты: мѣрила ихъ баба клюкой, да махнула рукой!... Назадъ поѣдете — насъ не минуйте!

— Ваши гости!...

Забренчали бубенцы-погремцы и покатили сани по улицѣ. И опять бѣлы-снѣги отъ края по край земли развернулись - раскинулись, что жемчуга бурмицкіе блистать зачали. Закинулъ вверхъ голову Григорій — ни коней не видать, ни снѣговъ — одна празелень — глубина небесная; летитъ онъ по ней на крылахъ, душа мретъ отъ высоты, отъ счастія, нѣтъ ей, что птицѣ, ни предѣла ни удержу!...

ГЛАВА V.

На третій день пути Григорій соскучился съ Веденѣй Саввичемъ ѣхать, отпросился въ сани къ Нилкѣ; затѣйникъ тотъ былъ: сказку ли разсказать, пѣсню ль сыграть — все Нилку звали.

Пересѣлъ къ нему Григорій и собакъ обѣихъ съ собою забралъ. Выѣхали съ постоялаго двора чуть забрезжило; съ огнемъ вставали. За ночь сильно потеплѣло; небо мутное, сѣрое было, а по немъ, что розлитое молоко по столу, бѣлыя тучи ползли-ширились: снѣгъ несли.

Не успѣли тройки и десяти верстъ отъ двора отъѣхать — ровно бы кто всѣ тучи, что возы со снѣгомъ, на небѣ переворотилъ! Зги не видать стало; мягкія повалили хлопья, пушистыя. Кони шагомъ пошли. И они, и сѣдоки, и сани — все сразу бѣлымъ-бѣло сдѣлалось.

Оборотился ямщикъ къ сѣдокамъ, къ Григорію съ Нилкой и спрашиваетъ: — а что, господа купцы, ружья у васъ заряжены ль? А самъ что изъ сугроба глядитъ — одни глаза не залѣплены.

— Заряжены, отвѣтили: — а по что тебѣ?

— Да подлѣсокъ скоро начнется, а тамъ тайги верстъ двадцатъ захватимъ: волки встрѣнуться могутъ, а вы еще и съ собачками ѣдете!

— Что жъ, что съ собачками? сказалъ Григорій. — Нешто съ ними хуже?

— Еще бы: духъ отъ собаки сильный идетъ, далече его волкъ слышитъ: не любитъ онъ псинаго запаху!

Ощупали Нилка съ Григоріемъ ружья. — У насъ все въ порядкѣ — пущай являются.

Сдѣлали еще съ полверсты, стало маленько проясниваться: и снѣгъ тише пошелъ и на небѣ кое гдѣ оконца подѣлались. Обчистились сѣдоки, повстряхали съ себя и съ полостей снѣгъ, ямщики конямъ ходу прибавили.

Скоро и подлѣсокъ впереди показался: ельничекъ, да березнячекъ мелкій, да рѣденькій. А подалѣй за нимъ, всю землю съ восхода на закатъ тайга перепоясала: ровно бы спала она, а заслышала молвь людскую — поднялась, вся въ снѣгу, въ заносахъ, и темными глазами на проѣзжихъ уставилась.

Только въѣхали въ подлѣсокъ, указалъ ямщикъ рукояткой кнута на ближній пенекъ.

— Волкъ... молвилъ.

Глянули Григорій съ Нилкой — впрямь волкъ, а не пень; сидитъ, сѣрый, не шелохнется, только морду одну поворачиваетъ. Чуть подалѣй — еще два сидятъ рядышкомъ.

Всхрапнулъ уносный конь, остальные забезпокоились, ушами запрядали. А псы ума рѣшились: ощерились, рычатъ, изъ саней рвутся. Придержалъ ихъ Нилка за шивороты, а Григорій ружье вытащилъ, взвелъ курокъ, но хоть и близко волки были — не стрѣлялъ: въ пути волка бьютъ, когда въ сани лѣзетъ, зарядъ до послѣдней минуты берегутъ.

Сыты, надо быть, звѣри были: ни одинъ съ мѣста не сдвинулся. Обернулся Григорій — не видать позади ничего между кустовъ, нѣтъ волчьей погони.

— Ну, перву заставу миновали! молвилъ ямщикъ. — Теперь въ логу что Богъ дастъ?

А ужъ подлѣска и помину не стало — тайга обступила настоящая, не тронутая. Кедры пошли не въ обхватъ, не въ оглядь.

Что сказочные короли-королевичи пособрались они зимній сонъ своихъ королевъ-королевенъ — елей — оберегать; завернулись тѣ въ горностаевы мантіи, дремлютъ-спятъ на бѣлъ-пуховыхъ коврахъ, не шелохнутся. Уснули и короли-королевичи, шапки бѣлаго мѣху на синіе кудри надвинувши; спятъ-прислушиваются, все ли благополучно въ ихъ царствѣ? А вокругъ елей — дѣтки малыя, челядь-прислуга разная: тутъ и ольха, тутъ и березки и кусты прикур-

нули всякіе... на всѣхъ серебро, на всѣхъ кружево!... А подалѣй, въ глубь зайдешь — жуть возьметъ: не рядомъ ли, молъ, въ дуплѣ лѣшій дремлетъ - нѣжится, не за спиной ли за твоей въ берлогѣ на мху тепломъ Михайло Ивановичъ лапу сосетъ, ждетъ не дождется зову - шуму весенняго?

Ни описать, ни вздумать, что такое тайга зимой!

Кто хоть разъ повидалъ ее, тотъ къ морю ль теплому, въ сады уйдетъ жить, въ города ли въ самолучшіе, но и въ палатахъ бѣлокаменныхъ и изъ за кустовъ розовыхъ все будетъ завороженная царевна-тайга тому Ивану царевичу мерещиться...

Скользятъ, несутся впередъ сани, бѣжитъ назадъ чащоба серебряная.

Тетеревовъ стало попадаться безъ числа: что индюки на деревахъ у самой дороги сидѣли. Свѣситъ голову глупая птица, глядитъ краснымъ глазомъ на проѣзжающихъ, а тѣмъ хоть шапкой ее сбить въ пору!

Опять зачало сумеречить. Закружились, что листья осенью, повалили бѣлыя хлопья.

— А вѣдь еще потеплѣло? сказалъ Нилка: — глядико ся, снѣгъ, почесть, мокрый! Сгребъ Григорій пригоршню снѣга съ полсти, сжалъ — и впрямь хоть въ снѣжки играй: въ комокъ слѣпился!

— Весна будетъ ранняя! замѣтилъ ямщикъ. — Вѣтеръ съ полудня потягиватъ!... Зачуяла его и тайга. Отряхиваться зачали кедры, настораживаться: издалека гулъ налеталъ, ровно бы тамъ море студеное вскрылось и волну на берегъ нѣтъ-нѣтъ вскидывало.

Молвилъ что то одинъ кедръ, за нимъ другой; — радость, должно, принесъ имъ какую то вѣтеръ: пошелъ говоръ по всей тайгѣ!

Мотнулъ головою ямщикъ.

— Не ладно дѣло! обронилъ.

— Что неладно? спросилъ Нилка.

— Бураномъ бы насъ въ степи не захватило! тайги немного осталось, она здѣсь рукавомъ въ степь зашла!

Нырнулъ уносной конь, исчезъ — что въ пропасть сорвался; за нимъ второй, третій, и понеслись сани подъ крутую горку: въ логъ дорога пала.

А снѣгъ валитъ и валитъ...

Чуть видать скрозь него было, что по сторонамъ однѣ ели бѣленой стѣной встали. Дальше пошли полянки съ кустарничкомъ — волчье мѣсто любимое; озирались сѣдоки, но звѣрь не показывался: рѣдко онъ въ непогодь на открытыхъ полянахъ держится — норовитъ въ чащу поглубже схорониться.

Версты съ двѣ тянулся оврагъ; кое мѣсто кони по брюхо въ сугробахъ брели; выбрались, наконецъ, на горку — тамъ дорога лучше пошла.

Залились бубенцы, зарокотали: понеслись тройки во всю конскую прыть. А вѣтеръ какъ по трубѣ по просекѣ дулъ, снѣгомъ глаза слѣпилъ. И вдругъ тайгу что косой по сторонамъ срѣзало — позади осталась, кругомъ поле — степь гладкая разостлалась.

А по ней плясъ, по ней завируха шла!... Ровно бы тысячи лопатъ мѣшали-перемѣшивали небо съ землей — въ пяти шагахъ распознать ничего нельзя было: все несется, все кружится... Вѣтеръ ли вылъ-свисталъ, птицъ ли какихъ бѣлыхъ непомѣрная стая стенала-металась — не понять было!

Въ единый мигъ нанесло гору снѣга на сѣдоковъ и на сани.

Оглянулся Григорій: задній уносной конь его все время то мордой въ спину поталкивалъ, то на щеку дышалъ, и что то не чуть его стало?

Нѣту коня... ни его не видать, ни саней съ Веденѣй Савичемъ и съ Микитой...

— Стой ка ся! сказалъ ямщику Григорій. — Наши отстали!

Остановились; оборотились всѣ, всматриваются: — нѣтъ ничего кругомъ, да и на поди!

— Ау?! крикнулъ Григорій, ну да куда жъ человѣческому голосу въ такую вьюгу́ — что пухъ крикъ сдуло, развѣяло.

Пождали еще нѣкое время — ... нѣтъ отсталыхъ!

Затревожились Григорій съ Нилкой. — Надо ворочаться, искать!... сказали.

— Гдѣ искать то? отозвался ямщикъ: — сами только съ дороги собьемся!

— Не пальнуть ли? предложилъ Нилка. Вытащилъ онъ изъ за пазухи пистолетъ, поднялъ вверхъ и бахнулъ. Блеснулъ огонекъ, а выстрѣла и не слыхать, почитай, было: вродѣ какъ бы палкой о палку кто стукнулъ.

Прислушались — нѣтъ отзыва на стрѣльбу.

— Надо ѣхать, господа купцы! заявилъ ямщикъ: — насъ снѣгомъ занесетъ, коль на мѣстѣ стоять будемъ! Можетъ они уже впереди насъ ѣдутъ?

Шевельнулъ онъ возжами, натянули кони постромки, тронулись: по колѣно снѣгъ имъ хваталъ.

Прошло сколько то времени — зачали кони проваливаться; уносной и вовсе было упалъ. Остановились опять. Вылѣзъ ямщикъ, пошелъ мѣсто осматривать. Ступилъ шага три — и самъ по поясъ ввалился, едва выбрался.

— Лощина тутъ видать! крикнулъ. Обошелъ съ другой стороны — и тамъ тоже самое.

— А вѣдь дорогу мы потеряли!... проронилъ.

Встали и сѣдоки; пошли всѣ вокругъ ходить, да въ такую пургу не уйдешь далеко — отбиться просто! Нѣтъ дороги, ровно бы вѣдьмы ее, что нитку, изъ бѣлой скатерти вытащили!

— Садитесь, купцы! окликнулъ ямщикъ: — вертаться надо!

Заворотили коней. А снѣгъ попрежнему сѣчетъ лицо, сыплетъ и носится. Крутитъ его вьюга́, воетъ, бѣсится. Не домекнуться, куда править: сюда ѣхали — въ лицо вѣтеръ билъ, назадъ повернули — опять же въ лицо дуетъ. На бугоръ на какой то высокій заѣхали; ямщикъ вправо взялъ — и тутъ вьюга́ на встрѣчу....

Ужъ и ночь подошла: шибко стемнѣло. Ни звѣздъ не видать ни огонька... все потонуло въ бѣлесой мути.

— Не выпустить ли собакъ? предложилъ Нилка. — Можетъ онѣ жилье какое отыщутъ?

— А дѣло! обрадовался ямщикъ: — есть гдѣ то здѣсь заимочка недалече; съ дороги днемъ видать ее!

Выскочили Григорій съ Нилкой изъ саней, псовъ выпустили.

— Домъ, гдѣ домъ? ищи домъ!... сталъ наказывать Григорій: — ищи!... самъ рукой впередъ тычетъ. Виляютъ псы хвостами, не понимаютъ, что отъ нихъ требуется. Потомъ смекнулъ одинъ что то, побѣжалъ, зарыскалъ вокругъ коней и пропалъ — не видать его стало. Другой около хозяина сѣлъ.

— Умный Кучумка!... молвилъ Нилка: — а ты дуралей, Полкашка!

Песъ хвостомъ замахалъ, завиноватился, что глупѣй товарища оказался. Посѣдали всѣ въ сани, ждутъ. А Полканъ походилъ-походилъ, понюхалъ снѣгъ и какъ растаялъ — тоже исчезъ.

Свернули сани на ихъ слѣдъ. Не отъѣхали и сотни шаговъ — оба пса у самыхъ ногъ лошадей вывернулись; Кучумка полаялъ и опять впередъ побѣжалъ; Полканъ около уносного держался.

Опустилъ ямщикъ возжи: не нужны стали, кони сами за собакою шли. Невдолгѣ огонекъ впереди мелькануль.

— Заимка! сказалъ ямщикъ. И хоть и вьюга́ была, всѣ трое скинули шапки и перекрестились.

ГЛАВА VI.

Не спалъ, не дремалъ ямщикъ на вторыхъ саняхъ, только лицо отъ вѣтра все уворачивалъ: снѣгомъ его по больнымъ глазамъ, что кнутомъ, стегало.

Глянетъ впередъ — видитъ, что все въ порядкѣ: уносной, какъ на привязи, за другими санями идетъ, чуть не зубами за спинку ихъ держится — и опять отвернется; безпокоиться нечего, за дорогу передній отвѣчаетъ! Да только глянулъ однова — анъ впереди нѣтъ никого: мятелица одна по сугробамъ пляшетъ!

Нагнулся онъ съ облучка на слѣдъ посмотрѣть — и въ поминѣ нѣтъ его, все занесло снѣгомъ.

Дурковатъ парень былъ: ему бы не трогать коней, а онъ своротилъ лѣвѣе — рѣшилъ, что уносной слукавилъ. Поплуталъ-поплуталъ по степи, и влѣво, и вправо забиралъ — видитъ, совсѣмъ сбился!

А Веденѣй Саввичъ угрѣлся въ теплой дохѣ, зарылся лицомъ въ мѣхъ и уснулъ крѣпко... и въ мысляхъ нѣтъ, что онъ въ буранъ въ степи заблудился.

И Микита дремалъ, въ уголокъ подвалился.

Заслышалъ Веденѣй Саввичъ, что кто то за рукавъ его теребитъ. Пріоткрылъ лицо — ямщикъ подъ кожухъ заглядываетъ.

— Сбились мы, однако, съ дороги, ваше степенство...

— Ну ка ты? воскликнулъ тотъ. — А другія сани гдѣ?

— Нѣту ихъ... невѣдомо гдѣ...

Екнуло сердце у Веденѣй Саввича: не за себя испугался, за Григорія. Вылѣзъ онъ изъ подъ кибиточнаго навѣса, озираться зачалъ — да гдѣ тамъ, что увидать было: и сумерки пали и снѣгъ кругомъ не въ проглядь мело!

Выпалилъ Микита два раза изъ своихъ пистолетовъ — отвѣту не было; хотѣлъ еще изъ ружья ударить, да Веденѣй Саввичъ не дозволилъ: нельзя ночью съ пустыми руками остаться, а опять заряжать и думать не приходилось, крошки пороху въ дуло бы не попало — все бы вѣтеръ унесъ.

Поѣхали дальше, а куда — никто не зналъ. Приказалъ Веденѣй Саввичъ коней по ихъ волѣ пустить: конь завсегда лучше человѣка выберется.

Прошло времени съ часъ — зачернѣло впереди что то... елка оказалась. Еще мало погодя сталъ уносной: какъ въ стѣну уперся.

— А вѣдь тайга это, однако?... молвилъ ямщикъ.

— Назадъ воротились стало быть? спросилъ приказчикъ.

— Кто жъ е знатъ...

— Отпрягай двухъ переднихъ! распорядился Веденѣй Саввичъ. — А ты, Микита, поди погляди, гдѣ проѣхать лучше: непогоду подъ деревами перестоимъ!

— Минутъ черезъ пятокъ воротился Микита, взялъ двухъ коней за повода и пошелъ въ чащу; тамъ что те дворикъ подъ кедрами, ельничкомъ огороженный выискался; слѣдомъ за нимъ ямщикъ коренника подъ уздцы повелъ.

Сразу тихо стало: вверху гудитъ вѣтеръ, шумятъ вершины, а внизу не чуть его — ровно бы въ горницѣ. И снѣгъ, будто, пересталъ идти, развѣ кой гдѣ на прогалинахъ, что мягкія струйки съ неба, текъ.

Выпрягли коренного, привязали всѣхъ троихъ коней подъ кедромъ, сани рядомъ, что подъ шатеръ, подъ большую ель вдвинули, и присѣли всѣ.

— Огоньку бы было хорошо развесть! сказалъ Веденѣй Саввичъ: — близко, что ли, трутъ у тебя спрятанъ?

— Въ мѣшкѣ... отозвался Микита. Порылся въ саняхъ и досталъ, что требовалось. Ямщикъ, какъ конь въ степи, отгребъ ногою снѣгъ; подъ кедрами его всего на четверть было, а дальше мохъ проглянулъ. Надергалъ онъ моху, Микита присѣлъ на карачки и давай кресаломъ по кремню сѣчь; что звѣздочки посыпались искры, затлѣлся трутъ, а тамъ и мохъ занялся.

Насѣкли топоромъ вѣтокъ еловыхъ — нижнія завсегда вовсе сухія живутъ — и затрещалъ огонь, освѣтилъ-зарумянилъ ближнія дерева до половины. А кругомъ и выше чернымъ-черно стало.

Выгребъ ямщикъ изъ саней все сѣно, кое въ ногахъ было натискано, подбросилъ конямъ, и всѣ взялись ужинать.

— Гдѣ то наши теперь?... молвилъ Веденѣй Саввичъ. — Волки бы на нихъ не напали, не померзли бы?

— Волки въ завируху не ходятъ!... отозвался ямщикъ: — а замерзнуть гдѣ же? Теплынь — морозу почитай вовсе нѣтъ! Въ снѣгу отсидятся...

— Дай то Богъ...

На ночь сучьевъ для костра наготовили — цѣлую груду нарубили. А чтобы огонь не загасъ и волки бъ невзначай къ конямъ не подобрались, рѣшили караулъ держать по череду. Первую смѣну на себя Веденѣй Саввичъ взялъ.

Вынулъ изъ саней оба ружья, прислонилъ ихъ, что къ стѣнѣ башенной, къ кедру, тутъ же доху послалъ и сѣлъ передъ костромъ.

Ямщикъ съ Микитой въ саняхъ устроились; только завалились — сейчасъ и храпъ оттуда сталъ слышенъ; по другой бокъ кони будто дома, на конюшнѣ, сѣно хрустали. А какой тутъ домъ?! реветъ, гудитъ кругомъ тайга... будто вспугнутый несмѣтный табунъ мчится во тьмѣ, слышится топотъ и визгъ и крики какіе то...

Положилъ на себя крестное знаменіе Веденѣй Саввичъ и „да воскреснетъ Богъ“ про себя прочиталъ: такъ то оно въ ночи, да въ тайгѣ спокойнѣе!

* * *

А Григорій съ Нилкой въ тѣ поры въ теплой избѣ на полатяхъ рядкомъ на дохѣ лежали, рѣчь-бесѣду вели промежду себя.

Небогата избенка была, прокопченная, маленькая: не крестьянинъ хозяйствовалъ въ ней, а промышленникъ.

Дома двѣ бабы были съ дѣвочкой, а хозяинъ съ мальченкой вотъ уже третій мѣсяцъ въ тайгѣ звѣровалъ: зимою тамъ самый промыселъ! А какъ закаплетъ съ елокъ — и людъ крещеный на лыжахъ съ салазками, верхомъ гружеными, по домамъ тянется: мѣху уже нѣтъ настоящаго на звѣрѣ къ тому времени!

Отъужинали Григорій съ Нилкой и съ ямщикомъ своимъ припасомъ — его николи въ одни сани не складываютъ — и спать собрались. Лечь-легли, да не спалось молодцамъ — къ вьюгѣ прислушивались. А она въ двери, она въ окошки цапается, просится, она въ трубѣ свиститъ! То вдругъ великаномъ отъ земли до неба вскинется, объ стѣну грянется — ажъ избенка содрогнется вся. И прочь побѣжитъ... стонетъ, жалуется... что тысяча волковъ по степи разсыплется!...

На столѣ въ свѣтцѣ лучина горѣла: старуха — хозяйкина мать — пряжу сучила у оконца. А рядомъ съ ней на лавкѣ дѣвченка лежала, оперлась на локотокъ и слушала: бабка сказку ей сказывала.

Заслушались и молодцы.

...Жилъ-былъ промышленникъ... вела сказъ старуха: — бѣдный былъ, незадачливый. Другіе изъ тайги съ полными санками мѣховъ соболей и куницъ ворочались, а ему одни колонки да лисы въ капканъ попадались. И вотъ однова запримѣтилъ онъ середь тайги необнаковенный слѣдъ! Подивился ему промышленникъ, поставилъ капканъ, а къ вечеру пришелъ доглядѣть: анъ тамъ соболь попался, да какой — большой, темнаго бархату, серебромъ весь подернутый! Размахнулся промышленникъ, хотѣлъ пришибить его, а соболь и возговорилъ человѣческимъ голосомъ: — не бей ты меня, живымъ выпусти! Не простой я соболь, а царь соболиный — на вѣкъ я тебя за то счастливымъ сдѣлаю..."

Журчитъ, что ручеекъ, сказка, жужжитъ веретено, дрёмасонъ изъ потемокъ крадется...

* * *

Утро проснулось, что румяное яблочко! На небѣ ни пушинки... въ тайгѣ ни заворохнется ничто; кедры стоятъ, въ сѣды бороды усмѣхаются, что ночью дѣялось-молвилось вспоминаючи.

Только переглянулось съ вершинами деревъ солнышко, а ужъ сани Веденѣй Саввича изъ тайги выбѣжали.

Осмотрѣлся кругомъ ямщикъ. — А, вѣдь, это мы у самой дороги своей ночевали! сказалъ. — Назадъ, стало быть, насъ хотѣли отвезти кони?

— Похоже на то! молвилъ приказчикъ. А самъ все по сторонамъ глядитъ — не видать ли бугра сумнительнаго, не сидятъ ли гдѣ съ конями подъ снѣгомъ пропавшіе!

Нѣтъ, ничего такого въ примѣту не было — ровнымъ ровна степь; а ужъ бѣла до чего, а ужъ ярка! — что риза на Свѣтлой заутрени!

Отъѣхали верстъ съ пятокъ, затпрукалъ ямщикъ, остановилъ коней. — Слѣдъ, однако, господа купцы! не наши ли проѣхали?

Повыскочили всѣ изъ саней, снѣгъ осматривать зачали: явственный лежитъ отъ полозьевъ слѣдъ, свѣженькій.

Прикрылъ Веденѣй Саввичъ глаза отъ солнца ладонью и глянулъ впередъ: не видать ли, молъ, кого?... нѣтъ, одна степь бѣлѣла!

— Наши это проѣхали! вскричалъ Микита: онъ подалѣй всѣхъ отошелъ.

— Да въ правду ли? отзвался Веденѣй Саввичъ: — почемъ знаешь?

— Некому быть окромя ихъ: двѣ собаки, видать, рядомъ прыгали!

— Они, они! подхватилъ ямщикъ: — кто жъ тутъ съ собаками ѣздитъ? На заимкѣ, стало быть, они ночевали — оттуда сани бѣжали!

Просвѣтлѣлъ лицомъ приказчикъ.

— Ладно бъ, коль такъ! молвилъ. И таку радость ощутилъ, ровно бы его въ другорядь Матвѣй Палычъ осчастливилъ.

Размѣстились на саняхъ, дальше тронулись. И ямщикъ доволенъ былъ и Микита: всѣ сидятъ усмѣхаются.

— А ну ка, двинь настояще! сказалъ Веденѣй Саввичъ.

Натянулъ ямщикъ возжи туже, передернулъ: подобрались кони, зашвыряли въ лицо снѣжкомъ, ходко пошли.

— Во всю наддай... обронилъ Веденѣй Саввичъ: сердцу его съ печали отыграться надо было, потѣшиться!

Стоймя всталъ ямщикъ, поднялъ вверхъ возжи.

— Соколики, грабятъ!!... крикнулъ.

И, Боже мой, что сдѣялось! Рванули кони, что бѣшеные, закусили удила и пошли нести. Тутъ ужъ не правь, держись за что пришлось, гляди, только бы не вылетѣть. Снѣгъ что пули изъ подъ копытъ садитъ, вѣтеръ бьетъ въ лицо... Мать честная!! Да ужъ не самъ ли ты орломъ скинулся, взмахнулъ крылами, да надъ степью взвился-летишь?...

Знаютъ этотъ кличъ сибирскіе кони! Не однова онъ сѣ-

доковъ отъ бѣды спасалъ, а того чаще душу молодецкую тѣшилъ.

Не дано человѣческой плоти крылъ, даны онѣ душѣ человѣческой. А въ утѣху персти земной — земное пошло — кони быстроногіе, ширь-просторы сибирскіе...

Развѣ съ часъ минуло времени — открылась съ косогору деревня Марьевка. Только свернули сани на заѣзжій дворъ, а ужъ навстрѣчу имъ Григорій съ Нилкой бѣгутъ, руками машутъ, псы около нихъ скачутъ.

— Ну, слава те, Христе: къ добру обернулось все!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

С. Р. Минцловъ.

Письмо.

— Это было въ имѣніи, въ Вашемъ бѣломъ имѣніи...
Вы едва лишь спорхнули съ институтскихъ скамей.
Такъ случайно увидѣлъ Васъ въ дни весенней сирени я,
Когда сердце отзывчивѣй и печали яснѣй.

Познакомиться трудно ли — (мы вѣдь были сосѣдями.)
На опушкѣ у озера, на уѣздномъ балу...
Мой визитъ къ Вашей матушкѣ былъ невинной комедіей:
Я давно называлъ уже Васъ интимно „Лулу“. —

Я давно цѣловалъ уже Ваши пальцы весенніе,
Всѣ вопросы влюбленные разгадалъ я уже, —
Но объ этомъ никто не зналъ въ Вашемъ строгомъ имѣніи,
Лишь лохматый „Орфей“ одинъ, Вашъ цѣпной протеже.

Это все теперь прошлое, это все теперь дальнее, —
Это въ маѣ случилося, а въ іюнѣ прошло.
И не знаю, зачѣмъ теперь (просто стало печальнѣе...)
Я пишу это скучное и чужое письмо.

Почему то вдругъ вспомнилось мнѣ одно воскресеніе:
Возвращались изъ парка мы со смѣшныхъ похоронъ, —
Тамъ шутливо-торжественно предалъ я погребенію
Вашихъ радостныхъ чижиковъ, жертвъ котенка „Манонъ“.

Разметавъ на груди моей свои русые волосы,
Вы рыдали такъ искренно, вы страдали всерьезъ,
А потомъ, успокоившись, съ тайнымъ вызовомъ въ голосѣ,
Вы сказали разсѣянно, не унявъ еще слезъ:

— „Милый, — знаете новости, — буду замужемъ вскорѣ я.“
— Я молчалъ. Вы утѣшились. Гдѣ то стукнула дверь.
(Это очень несложная и смѣшная исторія —
И конечно ее уже Вы забыли теперь...)

Такъ въ іюнѣ случилося, въ тихій часъ воскресенія.
Когда жъ осень взмахнула утомленнымъ крыломъ,
Для чего то по почтѣ, я — получилъ извѣщеніе
Въ шелковистомъ конвертѣ, со стариннымъ гербомъ.

Въ этотъ вечеръ (увѣренъ я) Вы немножко поплакали,
А на утро Вы сѣли съ Вашимъ „мужемъ“ въ вагонъ
И умчались въ Италію, чтобы въ знойномъ Неаполѣ
Пережить восхитительный романтическій сонъ.

Въ Вашемъ бѣломъ имѣніи нынче Осень — помѣщицей.
Окна тамъ заколочены, а въ аллеяхъ туманъ —
И никто надъ могилками вашихъ птичекъ не крестится —
И молчитъ надъ куртинами Вашъ веселый фонтанъ.

А въ саду обезлюденномъ, на цѣпи громыхающей,
Подъ холодными брызгами съ обнаженныхъ вѣтвей,
Хрипло лаетъ взъерошенный, ревматизмомъ страдающій,
Вами горько обиженный и голодный „Орфей“.

...Это все уже прошлое, — это все уже дальнее, —
Это лѣтомъ пригрезилось...
...Это Осень сама
Впереди улыбается все свѣтлѣй, все печальнѣе
И диктуетъ медлительно мнѣ страничку письма.

Вл. Холодковскій.

Дни.

(Продолженіе.)

Предпослѣдніе дни конституціи.

3 ноября 1916 года.

Было такъ тихо, какъ бывало въ этомъ Таврическомъ дворцѣ послѣ бурнаго дня... Было тихо и полутемно... Самый воздухъ, казалось, отдыхалъ, стараясь забыть громкія волнующія слова, оглушительныя рукоплесканія, яркій нервирующій свѣтъ, — все, что тутъ было...

Я любилъ иногда по вечерамъ оставаться здѣсь совершенно одному. Нервы успокаиваются... И такъ хорошо думается... Думается совсѣмъ по иному... Можно посмотрѣть на себя со стороны... Такъ, какъ разглядываютъ изъ темноты освѣщенную комнату...

* * *

Вотъ кресло... Удобное кожанное кресло.

Передо мной огромная зала... Длинный рядъ массивныхъ, бѣлыхъ коллонъ... Нѣтъ онѣ сейчасъ не бѣлыя... Полуосвѣщенныя, онѣ сейчасъ загадочнаго цвѣта — оттѣнка неизвѣстности... О чемъ онѣ думаютъ?... Онѣ видѣли Екатерину, теперь созерцаютъ „его величество желтый блокъ“... Что онѣ еще увидятъ?...

* * *

Сегодня я сказалъ рѣчь... Ахъ, эти рѣчи.

— Вы такъ свободно говорите... Вамъ, вѣроятно, это никакого труда не составляетъ?

Знали бы они, что это такое!... Чего стоятъ эти полчаса, проведенные на „Голгофѣ“, на этой „высокой кафѐдрѣ“, какъ неизмѣнно ее называютъ наши батюшки... Какое неумолимое напряженіе мысли, воли, нервовъ...

Я какъ то былъ въ бою... Страшно? Нѣтъ... Страшно говорить въ Государственной Думѣ... Почему? Не знаю... Можетъ быть, потому, что слушаетъ вся Россія.

Впрочемъ, находятся утѣшители:

— За то Вамъ очень хорошо платятъ... Вы говорите раза три, четыре въ годъ... И получаете четыре тысячи рублей... Тысячу — за выходъ. Это почти Шаляпинскій гонораръ.

* * *

Кстати сегодня Шаляпинъ былъ на хорахъ. Кого только не было! Сегодня „большой думскій день". А это все равно, что премьера въ Маріинскомъ. Маклаковъ насъ познакомилъ. Шаляпинъ сдѣлалъ мнѣ комплиментъ по поводу моей рѣчи:

— Такъ рѣдко удается услышать чистую русскую рѣчь.

Это замѣчаніе въ высшей степени мнѣ польстило. Для насъ, кіевлянъ, „чистая русская рѣчь", — наше слабое мѣсто... Мы говоримъ плохо, съ южнымъ акцентомъ... И вдругъ...

* * *

Это пустяки... Но какимъ образомъ я, природный кіевлянинъ, а значитъ чистой воды черносотенецъ, дошелъ до нижеслѣдующаго: мнѣ только что сообщили, что моя рѣчь не появится въ провинціи, такъ какъ не пропущена цензурой... Что это значитъ? Это значитъ, что черезъ нѣсколько дней, ее будутъ стучать на машинкахъ барышни всей россійской державы и въ рукописномъ видѣ распространять какъ „нелегальщину"... Я — и „подпольная литература"! Нѣчто чудовищное!... Какимъ образомъ это произошло?

* * *

Эти бѣлыя колонны, вѣроятно, не замѣтили меня, когда, десять лѣтъ тому назадъ, робкимъ провинціаломъ я пробирался сквозь злобные кулуары второй Государственной Думы, — „Думы Народнаго Гнѣва". Пробирался для того, чтобы съ всероссійской кафедры, украшенной двуглавымъ орломъ, высказать слова истинно-кіевскаго презрѣнія къ ихъ „гнѣву" и къ ихъ „народу"... Народу, который во время войны предалъ свою родину, который шепталъ гнусныя змѣиныя слова „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше", который ради „свободы" жаждалъ разгрома своей арміи, ради „равноправія" гибели своихъ эскадръ, ради „земли и воли", униженія и пораженія своего отечества... Мы ненавидѣли такой народъ и смѣялись надъ его презрѣннымъ гнѣвомъ... Не свободы „они" были достойны, а залповъ и казней!

* * *

Залпы и казни и привели ихъ въ чувство... И бѣлыя колонны Таврическаго Дворца увидѣли третью Государственную Думу — эпоху Столыпина... Эпоху реформъ quand même — эпоху подъ лозунгомъ: „Все для народа — вопреки народу"... Мы, провинціалы, твердо стали вокругъ Столыпина и дали ему возможность вбивать въ крѣпкія мужицкія головы сознаніе, что земли „черезъ волю" они не получатъ, что грабить землю нельзя — и глупо и грѣшно, что земельный коммунизмъ непремѣнно приведетъ къ голоду и нищетѣ, что спасеніе Россіи въ собственномъ, честно полученномъ кускѣ земли — въ „отрубахъ", въ „хуторахъ", какъ тогда говорили, и, наконецъ, что „волю" народъ получитъ только „черезъ землю", то есть не прежде, чѣмъ онъ научится ее, землю, чтить, любить и добросовѣстно обрабатывать, ибо только тогда изъ вѣчнаго Стеньки Разина онъ станетъ гражданиномъ...

И сколько разъ эти бѣлыя колонны видѣли насъ, спѣшащихъ туда въ этотъ залъ, чтобы тамъ, — съ трибуны, неизмѣнно держащей двуглаваго орла, „глаголомъ жечь сердца людей", людей гораздо болѣе крѣпкоголовыхъ, чѣмъ саратовскіе мужики, людей, хотя и высоко образованныхъ, но тупо не понимавшихъ величія совершавшагося на ихъ глазахъ и не цѣнившихъ самоотверженнаго подвига Столыпина...

* * *

Столыпинъ заплатилъ жизнью за то, что онъ раздавилъ революцію, и, главнымъ образомъ, за то, что онъ указалъ путь для эволюціи. Нашелъ выходъ, объяснилъ, что надо дѣлать... Выстрѣлъ изъ револьвера въ Кіевѣ — увы! нашемъ Кіевѣ, всегда бывшемъ его лучшей опорой, — закончилъ столыпинскую эпоху... Печерская Лавра приняла пробитое пулей Багрова тѣло, а новый предсѣдатель совѣта Министровъ взялъ на себя тяжесть правленія...

И скоро мнѣ пришлось сказать:

— Будетъ бѣда... Россія безнадежно отстаетъ. Рядомъ съ нами страны высокой культуры и высокаго напряженія воли. Нельзя жить въ такомъ неравенствѣ. Такое сосѣдство опасно. Надо употребить какія-то большія усилія. Необходимъ размахъ, изобрѣтательность, творческій талантъ. Намъ надо изобрѣтателя въ государственномъ дѣлѣ... намъ надо „соціальнаго Эдиссона"...

И колонны слышали отвѣтъ.

— Отъ меня требуютъ, чтобы я былъ какимъ то Государственнымъ Эдиссономъ... Очень былъ бы радъ... Но чѣмъ я виноватъ, что я не Эдиссонъ, а только Владиміръ Николаевичъ Коковцевъ.

* * *

Конечно, В. Н. не былъ виноватъ. Какъ не былъ виноватъ весь классъ, до сихъ поръ поставлявшій властителей, что онъ ихъ больше не поставляетъ... Былъ классъ, да съѣздился.

* * *

Межъ тѣмъ передъ Россіей вставали огромныя трудности. Германія искала выхода для своего населенія, наростающаго, какъ приливъ, и для своей энергіи, усиливающейся, какъ буря. Естественно, что глаза нѣмцевъ жадно устремлялись въ лѣнивую пустоту Востока.

Какъ?! Эти ничтожные русскіе получаютъ 35 пудовъ зерна съ десятины!... Это просто стыдно. О, мы научимъ ихъ, какъ обращаться съ такой драгоцѣнностью, какъ русскій черноземъ. Къ тому же, если мы объявимъ имъ войну, у нихъ сейчасъ же будетъ революція. Вѣдь ихъ культурный классъ можетъ только пѣть, танцовать, писать стихи... и бросать бомбы.

И надъ Германіей неумолчно звучалъ воинствующій крикъ „Drang nach Osten“, и раздавались глухіе удары молотовъ Круппа...

* * *

И произошло то, что должно было произойти: нѣмецкіе профессора бросили германскую армію на Россію...

* * *

Тутъ случилось чудо... Та сама русская интеллигенція, которая во время японской войны насквозь пропиталась лозунгомъ „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“ и только въ пораженіи родины видѣла возможность осуществленія своихъ сновъ „о свободѣ“, — вдругъ словно переродилась.

И бѣлыя колонны видѣли, какъ 26 іюля 1914 года на кафедру, въ этотъ день горделиво подпираемую двуглавымъ орломъ, одинъ за другимъ всходили представители еще недавно пораженческихъ группъ и въ патетическихъ словахъ

обѣщали всѣми силами поддержать русскую государственную власть въ ея борьбѣ съ Германіей...

* * *

Успѣхъ не долго сопутствовалъ нашему оружію. Не хватило снарядовъ, и разразилось грозное отступленіе 1915 года. Я былъ на фронтѣ и видѣлъ все... Неравную борьбу безоружныхъ русскихъ противъ „ураганнаго“ огня нѣмцевъ... И когда снова была созвана государственная дума, я принесъ съ собой, какъ и многіе другіе, горечь безконечныхъ дорогъ отступленія и закипающее негодованіе арміи противъ тыла.

* * *

Я пріѣхалъ въ Петроградъ, уже не чувствуя себя представителемъ одной изъ южныхъ провинцій. Я чувствовалъ себя представителемъ арміи, которая умирала такъ безропотно, такъ задаромъ, и въ ушахъ у меня звучало:

— Пришлите намъ снарядовъ.

* * *

Какъ это сдѣлать?

Мнѣ казалось яснымъ одно: нужно прежде всего и во что бы то ни стало сохранить патріотическое настроеніе интеллигенціи. Нужно сохранить „волю къ побѣдѣ“, готовность къ дальнѣйшимъ жертвамъ. Если интеллигенція подъ вліяніемъ неудачъ обратится на путь 1905 года, то есть вновь усвоитъ психологію пораженчества, — дѣло пропало... Мы не только не подадимъ снарядовъ, но будетъ кое что похуже: будетъ революція.

И я, едва пріѣхавъ, позвонилъ къ Милюкову.

* * *

Милюковъ меня сразу не узналъ: я былъ въ военной формѣ. Впрочемъ, и вправду я сталъ какой-то другой. Война вѣдь все переворачиваетъ.

Съ Милюковымъ мы были ни въ какихъ личныхъ отношеніяхъ. Между нами лежала долголѣтняя политическая вражда. Но вѣдь 26 іюля какъ бы все стерло... „Все для войны!...“

Но все же онъ былъ нѣсколько ошеломленъ моей фразой:

— Павелъ Николаевичъ... Я пришелъ васъ спросить напрямикъ: мы — друзья?

Онъ отвѣтилъ не сразу, но все же отвѣтилъ:

— Да... кажется... Я думаю... что мы — друзья...

* * *

Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что кадеты не собираются мѣнять курса, что они попрежнему будутъ стоять за войну „до побѣднаго конца", но...

— Но подъемъ прошелъ... неудачи сдѣлали свое дѣло... Въ особенности повліяла причина отступленія... и противъ власти... неумѣлой... не поднявшейся на высоту задачи... сильнѣйшее разраженіе...

— Вы считаете дѣло серіознымъ?

— Считаю положеніе серіознымъ... И прежде всего надо дать выходъ этому раздраженію... Отъ Думы ждутъ, что она заклеймитъ виновниковъ національной катастрофы... И если не открыть этого клапана въ Государственной Думѣ, раздраженіе вырвется другими путями... Дума должна рѣзко оцѣнить тѣ ошибки, а можетъ быть преступленія, благодаря которымъ мы отдали не только завоеванную потоками крови Галицію, но и кто знаетъ, что еще отдадимъ... Польшу.

— Я еще не говорилъ со своими... Но весьма возможно, что въ этомъ вопросѣ мы будемъ единомышленниками... Мы, пріѣхавшіе съ фронта, не намѣрены щадить правительство... слишкомъ много ужасовъ мы видѣли... Но это одна сторона, — такъ сказать, необходимъ „суровый окрикъ"... но вѣдь нельзя угашать духа, надо дать нѣчто положительное... Какъ то оживить мечту первыхъ дней...

— Да... чтобы оживить мечту, чтобы поднять духъ, надо дать увѣренность, что всѣ эти жертвы, уже принесенныя, и всѣ будущія не пропадутъ даромъ... Это надо сдѣлать двумя путями.

— Именно?

— Съ одной стороны надо, чтобы тѣ люди, которыхъ страна считаетъ виновниками, ушли... Надо, чтобы они были замѣнены другими, достойными, способными, — людьми, которые пользуются общественнымъ вѣсомъ, пользуются, какъ это сказать, ну, общественнымъ довѣріемъ — что ли...

— Вы хотите отвѣтственнаго министерства?

— Нѣтъ... Я бы затруднился формулировать эти требованія выраженіемъ „отвѣтственное министерство"... Пожалуй

для этого мы еще не готовы... Но нѣчто въ родѣ этого... Не можетъ же въ самомъ дѣлѣ совершенно рамольный Горемыкинъ быть главою правительства во время міровой войны... Не можетъ, потому что онъ органически, и по старости своей, и по закорузлости не можетъ стать въ уровень съ необходимыми требованіями... Западныя демократіи выдвинули цвѣтъ націи на министерскіе посты!...

— А второе?

— Второе вотъ что. Чтобы поднять духъ, какъ вы сказали, оживить мечту, надо дать возможность мечтать... Я хочу сказать, что въ исходѣ войны, въ случаѣ нашей побѣды, мечтаютъ о перемѣнѣ курса... ждутъ другой политики... Ждутъ свободы...

— Въ награду за жертвы?

— Не въ награду, а какъ естественное слѣдствіе побѣды. Если Россія побѣдитъ, то очевидно побѣдитъ не правительство. Побѣдитъ вся нація. А если нація умѣетъ побѣждать, то какъ можно отказать ей въ правѣ свободно дышать... свободно думать, свободно управляться... Поэтому необходимо, чтобы власть доказала, что она, обращаясь къ націи за жертвами, въ свою очередь готова жертвовать частью своей власти... и своихъ предразсудковъ!

— Какія же доказательства?

— Доказательства должны заключаться въ извѣстныхъ шагахъ... Конечно война не время для коренныхъ реформъ... Но кое-что можно сдѣлать и теперь... Должно быть какъ бы вступленіе на путь свободы... Будемъ ли мы и въ этомъ согласны?...

Теперь уже я отвѣтилъ не сразу. Но все же отвѣтилъ:

— Лично я думаю, какъ Алексѣй Толстой: „Есть мужикъ и мужикъ. Коль мужикъ не пропьетъ урожаю, я того мужика уважаю“.

— Что это значитъ?

— Это значитъ: насколько народъ 1905 года, усвоившій пораженческую психологію, съ моей точки зрѣнія, не заслуживалъ ничего, кромѣ репрессій, настолько Россія 1915 года, о которой можно сказать словами того же Толстого — „иже кровь въ непрестанныхъ бояхъ за тя, аки воду, ліяхъ и ліяхъ“, — заслуживаетъ вступленія на путь свободы.

* * *

Этотъ разговоръ могъ бы служить прологомъ къ тому, что впослѣдствіи получило названіе „Прогрессивный Блокъ“, который его враги прозвали „Желтый блокъ“...

* * *

Шесть фракцій (кадеты, прогрессисты, лѣвые октябристы, октябристы-земцы, центръ и націоналисты-прогрессисты) Государственной Думы и часть Государственнаго Совѣта объединились на весьма скромныхъ „реформахъ“, которыя могли-бы разсматриваться, какъ „вступленіе на путь“...

Этими словами и былъ выраженъ въ „Великой Хартіи Блока“ (письменное соглашеніе фракцій) абзацъ, имѣвшій серьезное политическое значеніе:

„Вступленіе на путь отмѣны органичительныхъ въ отношеніи евреевъ законовъ“...

* * *

Однако этотъ пунктъ даже въ такомъ видѣ былъ тяжелъ для праваго крыла блока. И сколько разъ эти бѣлыя колонны видѣли наши лица, сугубо озабоченныя изъ за „еврейскаго вопроса“...

Мы понимали, что кадеты не могутъ не сказать что нибудь на эту тему. Мы даже цѣнили это „вступленіе на путь“, которое звучало такъ мягко... Съ другой стороны и по существу нельзя было не видѣть разницу въ теперешнемъ поведеніи руководящаго еврейства сравнительно съ 1905 годомъ.

Тогда они поставили свою ставку на пораженчество и революцію... и проиграли. Результатомъ этой политики были погромы и обновленная суровость административной практики. Теперь-же руководящее еврейство поставило ставку на „патріотизмъ“... Вся русская печать (а вѣдь она на три четверти была еврейская) требовала войны „до побѣднаго конца“... Этого нельзя было не замѣтить, и на это слѣдовало отвѣтить обнадеживающимъ жестомъ.

Но, Боже мой, какъ это было трудно! На фронтѣ развивалась сумасшедшая „шпіономанія“, отъ которой мутились головы и въ Государственной Думѣ. Люди не понимали, что „фронтовые жиды“ не перестанутъ шпіонить, если крѣпче поприжать „тыловыхъ“. Не понимали и того, что эти тыловые держатъ въ своихъ рукахъ грозное оружіе — прессу, которой

въ моментъ напряженія всѣхъ силъ государства меньше всего можно пренебрегать.

* * *

Остальное въ Великой Хартіи Блока было просто безобиднымъ. „Уравненіе крестьянъ въ правахъ“ — вопросъ предрѣшенный еще Столыпинымъ; „пересмотръ земскаго положенія“, — тоже давно назрѣвшій за „оскудѣніемъ“ дворянства“; вполнѣ вегетеріанское „волостное земство“; прекращеніе репрессій противъ „малороссійской печати“, которую никто не преслѣдовалъ: „автономія Польши“, — нѣчто совершенно уже академическое въ то время въ виду того, что Польшу заняла Германія...

Вотъ и все.

Но было еще нѣчто, изъ за чего все и пошло...

* * *

Это нѣчто заключалось въ требованіи, чтобы къ власти были призваны люди „облеченные общественнымъ довѣріемъ“. На этомъ все и разыгралось... Всѣ „реформы“ прогрессивнаго блока въ сущности для мирнаго времени... Кого интересуетъ сейчасъ „волостное земство“?... Все это пустяки. Единственное что важно: кто будетъ правительствомъ?

* * *

Вскорѣ послѣ образованія прогрессивнаго блока была попытка сговориться.

Въ одинъ неудачный вечеръ мы, блокисты, сидѣли за однимъ столомъ съ правительствомъ...

Ничего не вышло. Правда нѣсколько министровъ явственно были съ нами: они склонны были уступить.

Что собственно уступить?

Дѣло ясно: надо позвать кадетъ и предоставить имъ сформировать кабинетъ. Собственно говоря, почему этого не сдѣлать? Въ 1905 году кадеты были пораженцы и шли по одной дорогѣ съ террористами, — тогда ихъ позвать нельзя было. Но разъ они теперь — патріоты, то пусть бы составили кабинетъ. Боятся, что они будутъ слишкомъ либеральны? Пустяки: on a vu des radicaux ministres, on n'a jamais vu des ministres radicaux...

Сего не поняли, кадетовъ отвергли, и вотъ уже больше года тянется „это“... И Богъ одинъ знаетъ, къ чему приведетъ...

* * *

Да, — годъ съ лишнимъ...

Что сдѣлано за это время?

Присылали-ли мы имъ снарядовъ по крайней мѣрѣ?...

* * *

Зала въ Маріинскомъ Дворцѣ. Она вся темно-красная. До полу бархатомъ укрыты столы, — красиво выгнутые подковой... Красный бархатъ и на удобныхъ креслахъ... мягкіе ковры, совершенно глушащіе шаги, тоже красные.

Посрединѣ стола сидитъ военный Министръ. Онъ выдѣляется серебромъ погонъ среди черныхъ „сюртучныхъ“ крыльевъ. Справа отъ него сѣдой и желтый предсѣдатель Государственнаго Совѣта, слѣва — предсѣдатель Государственной Думы — огромный Родзянко. Рядомъ съ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта члены этого-же Совѣта, числомъ девять: Тимашевъ, Стишинскій, Стаховичъ, Шебеко, Гурко, графъ Толь, Ивановъ, еще кто-то. Рядомъ съ предсѣдателемъ Государственной Думы члены этой же Думы также числомъ девять: Дмитрюковъ, Марковъ 2-ой, Шингаревъ, Милюковъ, Чихачевъ, Львовъ, Крупенскій, я, еще кто то...

Противъ предсѣдателя представители всевозможныхъ вѣдомствъ. Среди нихъ нѣсколько генераловъ и самый замѣчательный — Маниковскій, начальникъ главнаго артиллерійскаго управленія.

Засѣданія сильно дисциплинированы, почти торжественны. Говорятъ негромко и обыкновенно немного. Иногда бываетъ такъ тихо, что слышно, какъ великолѣпная хрустальная люстра чуть звенитъ своими искрящимися привѣсками. Идеальной важности лакеи разносятъ кофе въ пріятныхъ чашкахъ.

Что это такое?

Это Особое Совѣщаніе по государственной оборонѣ. Въ 1915 году, подъ давленіемъ Государственной Думы, были образованы эти, такъ называемыя, Особыя Совѣщанія. Ихъ было четыре: „Особое Совѣщаніе по государственной оборонѣ“, (предсѣдатель — военный министръ); „Особое Совѣщаніе по транспорту“ (предсѣдатель — министръ путей сообщенія);

„Особое Совѣщаніе по топливу“ (предсѣдатель — министръ Торговли и Промышленности); „Особое Совѣщаніе по продовольствію“ (предсѣдатель — министръ Земледѣлія).

Эти Особыя Совѣщанія сдѣланы, если такъ можно выразиться, вродѣ какъ кузня... Кузнецъ — министръ съ его министерствомъ. А роль тѣхъ, кто работаетъ мѣхомъ, т. е. роль „раздувальщиковъ“, исполняемъ мы — члены законодательныхъ палатъ...

Военный Министръ докладываетъ:

— Въ послѣднее время въ Ставкѣ шли подсчеты количества снарядовъ, необходимаго для всего фронта. Въ настоящее время эти подсчеты закончены. Письмомъ на мое имя начальникъ штаба Ставки проситъ Особое Совѣщаніе по Государственной Оборонѣ довести производство снарядовъ до пятидесяти „парковъ“ въ мѣсяцъ.

Среди членовъ совѣщанія происходитъ движеніе. Это вѣдь самый важный вопросъ. Сейчасъ рѣшится масштабъ дѣла, а, слѣдовательно, и масштабъ войны. Пятьдесятъ „парковъ“, если считать на „полевые“ парки, которые заключаютъ въ себѣ тридцать тысячъ снарядовъ, — это выходитъ полтора милліона въ мѣсяцъ. Это много. Но достаточно ли...

Курчавая голова „мѣднаго всадника“ (такъ въ насмѣшку называютъ Маркова 2-го за его сходство съ Петромъ Великимъ) приходитъ въ движеніе. Онъ проситъ слова.

— Относясь со всѣмъ уваженіемъ къ произведеннымъ въ Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго подсчетамъ, я, тѣмъ не менѣе, долженъ заявить, — не въ обиду будь имъ сказано — что настоящая война совершенно доказала нижеслѣдующее. Со всякими вообще „подсчетами спеціалистовъ“ нужно поступать такъ, какъ поступилъ восточный мудрецъ со своей женой: нужно выслушать эти подсчеты... и поступить „наоборотъ“. Я убѣжденъ, что къ тому времени, когда мы сможемъ довести наше производство до пятидесяти парковъ, мы получимъ новое заявленіе, въ которомъ будетъ сказано, что „въ силу измѣнившихся условій техники“ всѣ прежніе подсчеты оказались недостаточными и требуется увеличить норму — вдвое. Я предлагаю не дожидаться этого неизбѣжнаго заявленія, а сразу, теперь же увеличить расчетъ Ставки вдвое и поручить Главному Артиллерійскому Управленію довести производство снарядовъ не до пятидесяти парковъ, а до ста парковъ въ мѣсяцъ.

Это заявленіе вызвало продолжительный обмѣнъ мнѣній. Часть членовъ Государственнаго Совѣта, привыкшихъ къ старой бюрократической дисциплинѣ, находили совершенно невозможнымъ въ чемъ либо измѣнять предложеніе Ставки Верховнаго Главнокомандующаго. Но на сторону Маркова весьма энергично сталъ монументальный Михаилъ Владимировичъ Родзянко, самой природой предназначенный для сокрушенія министерскихъ джунглей. Родзянко несетъ свой авторитетъ предсѣдателя Государственной Думы съ неподражаемымъ вѣсомъ. Это его достоинство и недостатокъ. „Цукать“ министровъ съ нѣкотораго времени сдѣлалось его потребностью. Впрочемъ, правду сказать, и было за что разносить, принимая во вниманіе сколько народу уложили и сколько губерній отдали. Маркова поддержалъ и пламенный Шингаревъ, который и на этотъ разъ тронулъ всѣхъ почти до слезъ. Шингаревъ очень перемѣнился за время войны. Я помню, какъ раньше, когда онъ говорилъ съ кафедры, у него иногда бывали такіе злые глаза... Теперь эти „злые глаза“ такъ часто подергиваются подозрительной влагой... И становятся удивительными, когда онъ говоритъ о Россіи... Остальные члены Государственной Думы, и Николай Николаевичъ Львовъ съ безконечно-доброй улыбкой и глазами фанатика, и Милюковъ, истинно-русскій кадетъ, по какой-то игрѣ природы имѣющій нѣкоторое обличье нѣмецкаго генерала, и Дмитрій Николаевичъ Чихачевъ, такой высокомѣрный на видъ, что про него его друзья говорили, будто у него не хватаетъ одного шейнаго позвонка, а на самомъ дѣлѣ только обостренно-порядочный человѣкъ, и другіе — всѣ поддержали „сто парковъ“. Къ намъ присоединились и нѣкоторые члены Государственнаго Совѣта... великолѣпный Михаилъ Стаховичъ, изящный Шебеко, умный и злой Гурко, Александръ Семеновичъ Стишинскій, несмотря на многодесятилѣтнюю добросовѣстную службу бюрократическому режиму, болѣе другихъ проявлявшій пониманіе новыхъ условій, въ которыя бросила Россію міровая война, и другіе...

Наконецъ предсѣдатель артиллерійской комиссіи, бывшій министръ Торговли и Промышленности, Тимашевъ сказалъ:

— Все это очень хорошо... Но мало желать, и мало постановлять. Надо, чтобы это постановленіе вообще могло быть выполнено... Я просилъ бы, чтобы начальникъ главнаго артиллерійскаго управленія, котораго это ближе всѣхъ ка-

сается, высказалъ, наконецъ, свое мнѣніе: возможно ли довести производство снарядовъ до ста парковъ въ мѣсяцъ?

Генералъ Алексѣй Алексѣевичъ Маниковскій былъ талантливый человѣкъ. Что онъ дѣлалъ со своимъ „Главнымъ Артиллерійскимъ Управленіемъ", я хорошенько не знаю, но въ его рукахъ казенные заводы, да и частные, (напримѣръ мы отобрали у владѣльцевъ огромный Путиловскій заводъ и отдали его въ ленъ Маниковскому) — дѣлаютъ чудеса. У него запорожская голова, соединеніе смѣлости и хитрости. Говоритъ громкимъ, но чуть хриплымъ голосомъ, говоритъ великолѣпно, хотя представляется, что онъ солдатъ и говорить не умѣетъ. Онъ всталъ и попросилъ Военнаго Министра:

— Разрѣшите доложить.

Генералъ Поливановъ, военный министръ, человѣкъ умный, задумчивый и большой дипломатъ. Когда онъ говоритъ, онъ всегда ежится плечами и нервно поводитъ головой, — это „тики", вѣрный признакъ угасанія индивидуума или рода.

Онъ разрѣшилъ Маниковскому говорить.

— Господа члены Особаго Совѣщанія... Я — солдатъ, — много говорить не умѣю. Вы ужъ меня простите... Дѣло обстоитъ такъ... Невозможнаго на стѣтѣ нѣтъ... Вы хотите сто парковъ въ мѣсяцъ?... Трудно... очень трудно... Но на то и война, чтобы преодолѣвать трудности. Ваше дѣло приказывать... Мое дѣло исполнить... Прикажите сто парковъ, — будетъ сто парковъ...

* * *

Мы „приказали"...

* * *

Однако Марковъ ошибся... но только въ другую сторону. Когда мы довели производство до ста парковъ — вмѣсто потребованныхъ ставкой пятидесяти, — тогда получилось новое предписаніе: довести производство не до ста, а до ста пятидесяти парковъ! Конечно „l'appetit vient en mangeant"...

Но мы доведемъ и до ста пятидесяти и почти уже довели, но только потому, что тогда имѣли смѣлость „свое сужденіе имѣть". Имѣли же мы эту смѣлость потому, что Особое Совѣщаніе состояло изъ генераловъ, окруженныхъ самыми вліятельными членами законодательныхъ палатъ, для которыхъ, какъ извѣстно, законъ не писанъ...

Вообще размахъ у насъ есть. Напримѣръ мы дали заказъ на 40.000.000 сапоговъ. Еще „немножко“, и мы осуществимъ соціалистическій идеалъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи ногъ: вся нація будетъ одѣваться, обуваться государствомъ... по заказамъ Особаго Совѣщанія по государственной оборонѣ.

* * *

Съ этой стороны наша совѣсть чиста. Мы сдѣлали все, что возможно. Свою обязанность „раздувальщиковъ священнаго огня“ военнаго творчества исполняли не за страхъ, а за совѣсть.

Но вотъ другая сторона... Бываютъ минуты, когда я начинаю сомнѣваться... Въ другомъ отношеніи, гдѣ мы условились быть не раздувальщиками огня, а какъ разъ наоборотъ, гасителями пожара, — исполняемъ ли мы свое намѣреніе? Тушимъ-ли мы революцію?

* * *

Правда больше года уже прошло. Революція до сихъ поръ еще не разыгралась. Раздраженіе Россіи, вызванное страшнымъ отступленіемъ 1915 года, дѣйствительно удалось направить въ отдушину, именуемую Государственной Думой. Удалось перевести накипавшую революціонную энергію въ слова, въ пламенныя рѣчи и въ искусные звонко-звенящіе „переходы къ очереднымъ дѣламъ“... Удалось подмѣнить „революцію“ то-есть кровь и разрушеніе, „резолюціей“, то-есть, словеснымъ выговоромъ правительству...

Удавалось и другое: удавалось на базѣ этихъ публичныхъ „строгихъ выговоровъ“ сохранять единство съ нимъ, съ правительствомъ, въ самомъ важномъ — въ отношеніи войны. Удавалось все время твердо держать надъ куполомъ Таврическаго дворца яркій плакатъ „Все для войны“... Сколько бы „мѣдный всадникъ“ не называлъ прогрессивный блокъ — „желтымъ блокомъ“, — это неправда, потому что блокъ трехцвѣтный: онъ бѣло-сине-красный, онъ національный, онъ русскій!

Но...

Но не начинаетъ ли красная полоса этой трехцвѣтной эмблемы, расширяться „не по чину“ и заливать остальные цвѣта?

Въ минуты сомнѣній мнѣ иногда начинаетъ казаться, что изъ пожарныхъ, задавшихся цѣлью тушить революцію, мы невольно становимся ея поджигателями.

Мы слишкомъ краснорѣчивы... мы слишкомъ талантливы въ нашихъ словесныхъ упражненіяхъ. Намъ слишкомъ вѣрятъ, что правительство никуда не годно...

* * *

Ахъ, Боже мой... Да вѣдь ужасъ и состоитъ въ томъ, что это дѣйствительно такъ: оно дѣйствительно никуда не годно.

Въ техническомъ отношеніи еще куда ни шло. Конечно намъ далеко до Англіи и Франціи. Благодаря нашей отсталости, огромная русская армія держитъ противъ себя гораздо меньше силъ противника, чѣмъ это полагалось бы ей по численной разверсткѣ. Намъ недавно докладывали въ Особомъ Совѣщаніи, что во Франціи на двухъ бойцовъ приходится одинъ солдатъ въ тылу. А у насъ наоборотъ, на одного бойца приходится два солдата въ тылу, то есть вчетверо болѣе. Благодаря этому число бойцовъ, выставленныхъ Россіей съ населеніемъ въ 170.000.000, немногимъ превышаетъ число бойцовъ Франціи, съ 40.000.000 населенія. Это не мѣшаетъ намъ нести жесточайшія потери. По исчисленію нѣмцевъ Россія по сегодняшній день потеряла восемь милліоновъ убитыми, ранеными и плѣнными. Этой цѣной мы вывели изъ строя четыре милліона противниковъ.

Этотъ ужасный счетъ, по которому каждый выведенный изъ строя противникъ обходится въ два русскихъ, показываетъ, какъ щедро расходуется русское пушечное мясо. Одинъ этотъ счетъ — приговоръ правительству. Приговоръ въ настоящемъ и прошломъ. Приговоръ намъ всѣмъ... Всему правящему и неправящему классу, всей интеллигенціи, которая жила безпечно, не обращая вниманія на то, какъ безнадежно въ смыслѣ матеріальной культуры Россія отстаетъ отъ сосѣдей...

То, что мы умѣли только „пѣть, танцовать, писать стихи и бросать бомбы“, теперь окупается милліонами русскихъ жизней — лишнихъ русскихъ жизней...

Мы не хотѣли и не могли быть „Эдиссонами“. Мы презирали матеріальную культуру. Гораздо веселѣй было создавать „міровую“ литературу, трансцедентальный балетъ и анархическія теоріи... Но зато теперь пришла расплата.

Ты все пѣла...

Такъ пойди-же попляши...

И вотъ мы пляшемъ... „послѣднее танго“... на гребнѣ окоповъ, забитыхъ трупами...

* * *

По счастію „страна“ не знаетъ этого ужаснаго баланса смерти: два русскихъ за одного нѣмца. И поэтому эта самая тяжкая вина исторической Россіи пока не ставится правительству на видъ... Тѣ, кто знаютъ балансъ — молчатъ. Ибо здѣсь пришлось бы коснуться и арміи. А армія пока забронирована отъ нападковъ. Объ ошибкахъ ставки и бездарности иныхъ генераловъ „политическіе вожди“ молчатъ.

* * *

Но, можетъ быть, такъ слѣдовало поступить и относительно правительства? Закрыть глаза на все — лишь бы оно довело войну до конца...

Если такъ и слѣдовало поступить, то это было невозможно. Когда мы съѣхались въ 1915 году въ Петроградъ, выбора не было. Всѣ были такъ накалены, что „заклеймить виновниковъ національной катастрофы“ было необходимо Государственной Думѣ, если она желала, чтобы ея призывъ — новыхъ жертвъ и новаго подъема, былъ воспринятъ арміей и страной. Между думой и арміей какъ бы сдѣлалось нѣмое соглашеніе:

Дума. Мы „ихъ“ ругаемъ, а вы уже не ругайтесь, а деритесь съ нѣмцами...

Армія. Мы и будемъ драться, если вы „ихъ“ какъ слѣдуетъ „нацукаете“...

* * *

И вотъ мы „цукаемъ.“

Не довольно-ли?

Бѣда въ томъ, что никакъ остановиться нельзя.

Военныя неудачи, напряженіе, которое становится не подъ силу, утомленіе массъ, явственно переходящее въ отказъ воевать, все это требуетъ особо искусной внутренней политики.

А внутренняя политика...

Зачѣмъ это дѣлается — одному Богу извѣстно... Нельзя же въ самомъ дѣлѣ требовать отъ страны безконечныхъ

жертвъ и въ то же время ни на грошъ съ ней не считаться!... Можно не считаться, когда побѣждаешь: побѣдителей не судятъ... Но „побѣждаемыхъ“ судятъ и судятъ не только строго, а въ высшей степени несправедливо, ибо сказано „vae victis“... Надо признать этотъ несправедливый законъ — „горе побѣжденнымъ,“ надо признать неизбѣжность этой несправедливости и сообразно съ этой неизбѣжностью поступать. Надо поступать такъ, чтобы откупиться не только отъ суда праведнаго, но и отъ суда несправедливаго. Надо дать взятку тѣмъ, кто обличаетъ... Ибо они имѣютъ власть обличать, такъ какъ на каждаго обличающаго — милліоны жадно слушающихъ, милліоны думающихъ такъ же, нѣтъ не такъ же, а гораздо хуже... Да, ихъ милліоны, потому-что военныя неудачи принадлежатъ къ тѣмъ фактамъ, которые не нуждаются въ пропагандѣ... „Добрая слава за печкой лежитъ, а худая по міру бѣжитъ“... За пораженія надо платить.

Чѣмъ?...

Той валютой, которая принимается въ уплату: надо расплачиваться уступкой власти... хотя бы кажущейся, хотя бы временной...

* * *

Интеллигенція кричитъ устами Думы:

— Вы насъ губите... Вы проигрываете войну... Ваши министры или бездарности или измѣнники... Страна вамъ не вѣритъ... Армія вамъ не вѣритъ... Пустите насъ... Мы попробуемъ!...

Допустимъ, что все это неправда, за исключеніемъ одного: Нѣмцы насъ бьютъ — этого вѣдь нельзя отрицать... А если такъ, то этого совершенно достаточно, чтобы дать Россіи вразумительный отвѣтъ...

* * *

Можно поступить разно:

1) Позвать прогрессивный блокъ, т. е. другими словами кадетъ, и предоставить имъ составить кабинетъ: пробуйте — управляйте...

Что изъ этого вышло-бы — Господь его знаетъ. Разумѣется кадеты чуда-бы не сдѣлали, но, вѣроятно, они все же выиграли-бы время... Пока разобрались-бы въ томъ, что кадеты не чудотворцы, прошло-бы нѣсколько мѣсяцевъ, —

а тамъ весна и наступленіе, которое все равно рѣшитъ дѣло: при удачѣ выплывемъ, при неудачѣ, все равно, потонемъ.

2) Если же не уступать власти, то надо найти Столыпина второго... Надо найти человѣка, который блеснулъ бы передъ страной умомъ и волей... Надо сказать второе „не запугаете," эффектно разогнать Думу и править самимъ, — не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ — самодержавно...

3) Если кадетъ не призывать, Столыпина второго не находить, остается одно: кончать войну.

Внѣ этихъ трехъ комбинацій нѣтъ пути, т. е. разумнаго пути.

Что же дѣлаютъ вмѣсто этого?

Кадетъ не зовутъ, Думу не гонятъ, Столыпина не ищутъ, мира не заключаютъ, а дѣлаютъ, — что?...

Назначаютъ „за мѣсто Столыпина" — Штюрмера, о которомъ Петербургъ выражается такъ:

— Абсолютно безпринципный человѣкъ и полное ничтожество... За внѣшность его называютъ „святочнымъ дѣдомъ"... Но этотъ „дѣдъ" не только не „принесетъ" порядка Россіи, а „унесетъ" послѣдній престижъ власти...

Къ тому же это „святочный дѣдъ" съ нѣмецкой фамиліей...

* * *

Разумѣется, шпіономанія — это отвратительная и неимовѣрно глупая зараза. Я лично не вѣрю ни въ какія „измѣны", а „борьбу съ нѣмецкимъ засиліемъ" считаю дурацко-опаснымъ занятіемъ. Я пробовалъ бороться съ этимъ и даже въ печати указалъ, что „поджигая бикфордовъ шнуръ, надо помнить, что у тебя на другомъ концѣ"... Я хотѣлъ этимъ сказать, что нельзя всякаго нѣмца въ Россіи считать шпіономъ только потому, что онъ нѣмецъ, памятуя о принцесѣ Алисѣ Гессенской, которая у насъ Государыней... Меня прекрасно поняли и тѣмъ не менѣе изругали съ „Новымъ Временемъ" во главѣ.

Все это такъ, но все же нельзя съ этимъ не считаться, когда всѣ помѣшались на этомъ и когда послѣднія неудачи на фронтѣ приписываютъ тому, что нѣкоторые генералы носятъ нѣмецкія фамиліи. Это нестерпимо глупо, но вѣдь всѣ революціи во всѣ вѣка двигались какими нибудь кругло-идіотскими соображеніями.

* * *

Измѣна...

Это ужасное слово бродитъ въ арміи и въ тылу... Началось это еще съ Мясоѣдова въ 1914 году, а теперь кого только не обвиняютъ. Вплоть до самихъ верховъ бѣжитъ это слово, и рыщутъ даже вокругъ Двора добровольныя ищейки. Какъ будто не достаточно зла причинено Россіи безсознательно, чтобы обвинять еще кого-то въ измѣнѣ...

И это положительно, какъ зараза. Люди, которые, казалось, могли-бы соображать, и тѣ шалѣютъ... На этой почвѣ едва не треснулъ блокъ... Во всякомъ случаѣ издалъ непріятный скрипъ...

* * *

Это было нѣсколько дней тому назадъ... Мы готовили „переходъ къ очереднымъ дѣламъ" по случаю новаго созыва Государственной Думы. Это вошло уже въ обычай. Въ обычай вошло и то, что переходы эти заключаютъ три части: привѣтъ союзникамъ, призывъ къ арміи — твердо продолжать войну, рѣзкая критика правительства...

Какъ всегда, мы собрались въ комнатѣ № 11. Пасмурное петербургское утро съ электричествомъ. Надъ бархатными зелеными столами уютно горятъ лампы подъ темными абажурами...

Милюковъ, Шингаревъ, Шидловскій, Капнистъ 2-ой, Скоропадскій, Львовъ 2-ой, Половцевъ 2-ой, я.

Предсѣдательствовалъ Шидловскій.

Былъ прочитанъ „проэктъ перехода." Въ немъ было роковое слово: правительство обвинялось „въ измѣнѣ"...

Рѣзко обозначилось два мнѣнія.

Мнѣніе № 1. Обращаю вниманіе на слово измѣна... Это страшное оружіе. Включеніемъ его въ резолюцію Дума нанесетъ смертельный ударъ правительству. Конечно, если измѣна дѣйствительно есть, нѣтъ такой рѣзкой резолюціи, которая могла-бы достаточно выразить наше къ такому факту отношеніе. Но для этого нужно быть убѣжденнымъ въ наличности измѣны. Все то, что болтаютъ по этому поводу, въ концѣ концовъ только болтовня. Если у кого есть факты, то я попрошу ихъ огласить. На такія обвиненія итти съ закрытыми глазами мы не можемъ.

Мнѣніе № 2. Надо ясно дать себѣ отчетъ, что мы вступаемъ въ новую полосу... Власть не послушалась нашихъ предо-

стереженій. Она продолжаетъ вести свою безумную политику... политику раздраженія всей страны... страны, отъ которой продолжаютъ требовать неслыханныхъ жертвъ... Мало того: назначеніемъ Штюрмера власть бросила новый вызовъ Россіи... Эта политика въ связи съ неудачами на фронтѣ заставляетъ предполагать самое худшее... Если это не предательство, то что же это такое? Какъ назвать это сведеніе на нѣтъ всѣхъ усилій арміи, путемъ систематическаго разрушенія того, что важнѣе пушекъ и снарядовъ — разрушенія духа, разрушенія воли къ побѣдѣ... Если это не предательство, то это во всякомъ случаѣ цѣпь такихъ дѣйствій, что истинные предатели не выдумали бы ничего лучше, чтобы помочь нѣмцамъ...

Мнѣніе № 1. Все это такъ, но все же это не измѣна. Если этими соображеніями исчерпываются доводы въ пользу включенія этого слова въ нашу резолюцію, то для меня ясно: измѣны нѣтъ, а, слѣдовательно, нужно тщательно избѣгать этого слова.

Мнѣніе № 2. Это слово повторяетъ вся страна... Если мы откажемся отъ него, мы не скажемъ того, что нужно, того, что отъ насъ ждутъ... Но это будетъ политикой страуса... Если этого слова не скажетъ Государственная Дума, то оно все же не перестанетъ повторяться всюду и вездѣ, въ арміи и въ тылу... Но если въ чрезмѣрной добросовѣстности мы спрячемъ голову подъ крыло и промолчимъ, то прибавится еще другое: скажутъ — Дума испугалась, Дума не посмѣла сказать правду, Дума покрыла измѣну, Дума сама измѣнила!... Мы ничего не перемѣнимъ въ настроеніи массъ, но только, въ добавокъ къ разрушенію всѣхъ скрѣпъ Государства, похоронимъ еще и себя... Рухнетъ послѣдній авторитетъ, которому еще вѣрятъ... Рухнетъ довѣріе къ Государственной Думѣ. Когда это случится, а это непремѣнно случится, если мы хотя бы въ смягченномъ видѣ не выскажемъ того, чѣмъ кипитъ вся Россія, — тогда это настроеніе и разсужденіе найдутъ себѣ другой выходъ... Тогда оно выйдетъ на улицу, на площадь... Мы должны это сказать, если бы и не хотѣли... Мы должны понимать, что мы сейчасъ въ положеніи человѣческой цѣпочки, которая сдерживаетъ толпу... Да, — мы сдерживаемъ ее, но все имѣетъ свой предѣлъ... Не наша вина, что это невыносимое положеніе продолжается такъ долго. Толпа насъ толкаетъ въ спину... Насъ толкаютъ, и мы дол-

жны двигаться, хотя и упираясь, сколько хватаетъ нашихъ силъ, но все же должны двигаться... Если мы перестанемъ двигаться, насъ сомнутъ, прорвутъ, и толпа ринется на тотъ предметъ, который мы все же охраняемъ, — охраняемъ, бичуя, порицая, упрекая, но все же охраняемъ... Этотъ предметъ, — власть... Не носители власти, а сама власть... Пока мы говоримъ, ее ненавидятъ, но не трогаютъ... Когда мы замолчимъ, на нее бросятся.

Мнѣніе № 1. Наше мнѣніе совершенно опредѣленное: нельзя обвинять кого-бы то ни было въ измѣнѣ, не имѣя на это фактовъ. Никакія убѣжденія, хотя-бы самыя краснорѣчивыя, насъ съ этого не собьютъ. Къ тому же на всѣ эти доводы можно привести контръ-доводы не менѣе убѣдительные. Напримѣръ, что касается авторитета Государственной Думы, то мы потеряемъ его именно тогда, когда позволимъ себѣ обвинять людей въ предательствѣ, не имѣя на это данныхъ. Авторитетъ, основанный на лжи, на обманѣ, или даже на легкомысленной терминологіи, не долго продержится. Мы на это не пойдемъ. Играть въ эту игру мы согласны только при одномъ условіи — карты на столъ! Сообщите намъ „факты измѣны“ или вычеркните это слово.

Мнѣніе № 2. Въ нашемъ распоряженіи факты есть. Но мы не можемъ сейчасъ ими подѣлиться по слишкомъ вѣскимъ соображеніямъ.

Мнѣніе № 1. Въ такомъ случаѣ мы остаемся при своемъ убѣжденіи.

* * *

Мы разошлись завтракать при зловѣщемъ скрипѣ Блока.

Но за завтракомъ разговоръ продолжался.

Мнѣніе № 1. Если вы хотите повторить пріемы 1905 года, то мы на это не пойдемъ.

Мнѣніе № 2. Что вы называете пріемами 1905 года?

Мнѣніе № 1. А когда вы приписывали правительству устройство еврейскихъ погромовъ, хотя вы отлично знали, что погромы — стихійны и существуютъ столько же времени, сколько существуютъ евреи, и что никогда русское правительство еврейскихъ погромовъ не устраивало.

Мнѣніе № 2. Во первыхъ Плеве устроилъ Кишиневскій погромъ, а во вторыхъ въ чемъ вы видите аналогію?

Мнѣніе № 1. Въ томъ, что, увлекшись борьбой, вы хотите нанести ударъ правительству побольнѣй и обвинить его въ измѣнѣ, не имѣя на то доказательствъ.

Мнѣніе № 2. Доказательства есть.

Мнѣніе № 1. Такъ предъявите ихъ.

Мнѣніе № 2. Мы и предъявимъ ихъ въ нашихъ рѣчахъ съ кафедры Думы.

* * *

Въ концѣ концовъ побѣдило компромиссное рѣшеніе. Въ резолюцію все же было включено слово „измѣна", но безъ приписыванія измѣны правительству со стороны Думы. Было сказано, что дѣйствія правительства, нецѣлесообразныя и нелѣпыя и какія то еще, привели, наконецъ, къ тому, что „роковое слово измѣна ходитъ изъ устъ въ уста"...

Это правда... дѣйствительно ходитъ...

* * *

Позавчера, 1-го ноября Милюковъ сказалъ свою рѣчь, которая уже стала знаменитой... и сама по себѣ и въ особенности потому, что она запрещена цензурой.

Онъ предъявилъ „факты измѣны".

Факты были не очень убѣдительные. Чувствуется, что Штюрмеръ окруженъ какими-то подозрительными личностями, но не болѣе. Но развѣ дѣло въ этомъ? Дѣло въ томъ, что Штюрмеръ маленькій, ничтожный человѣкъ, а Россія ведетъ міровую войну. Дѣло въ томъ, что всѣ державы мобилизовали свои лучшія силы, а у насъ „святочный дѣдъ" премьеромъ. Вотъ гдѣ ужасъ... И вотъ отчего страна въ бѣшенствѣ.

И кому охота, кому это нужно доводить людей до изступленія?! Что это нарочно, наконецъ, дѣлается!...

* * *

Есть такой генералъ Шуваевъ — военный министръ. Старикъ безусловно хорошій и честный... На мѣстѣ главнаго интенданта онъ былъ бы безусловно „на мѣстѣ", но какъ военный министръ... словомъ, съ нимъ будто бы произошло вотъ что. Какъ то онъ узналъ, что и его тоже кто то считаетъ измѣнникомъ (хотя на самомъ дѣлѣ никто этого никогда не думалъ). Старикъ страшно обидѣлся и, какъ говорятъ, все ходилъ и повторялъ:

— Я, можетъ быть, — дуракъ, но я не измѣнникъ!...

Милюковъ взялъ эту фразу главной осью своей рѣчи. Приводя разные примѣры той или другой нелѣпости онъ каждый разъ спрашивалъ: „А это что же — измѣна или глупость?“. И каждый разъ этотъ злой вопросъ покрывался громомъ аплодисментовъ...

Рѣчь Милюкова была грубовата, но сильная. А главное, она совершенно соотвѣтствуетъ настроенію Россіи. Если бы какимъ нибудь чудомъ можно было-бы вмѣстить всю страну въ этотъ бѣлый залъ Таврическаго Дворца, и Милюковъ повторилъ бы передъ этимъ многомилліоннымъ моремъ свою рѣчь, — то рукоплесканья, которыми его привѣтствовали-бы, заглушили бы ураганный огонь „ста пятидесяти парковъ снарядовъ“, изготовленныхъ генераломъ Маниковскимъ по „приказу“ Особаго Совѣщанія.

Министерскія скамьи пустовали...

* * *

Онѣ были пусты и сегодня, когда мнѣ пришлось итти — „на голгофу“.

Зато вся Дума переполнена... Всѣ фракціи — въ необычайномъ сборѣ, хоры — въ густой бахромѣ людей.

Я посмотрѣлъ на пустыя скамьи министровъ:

— Господа Члены Государственной Думы. Вы были свидѣтелями, какъ въ теченіе многихъ часовъ съ этой кафедры раздавались тяжелыя обвиненія противъ Правительства, — такія тяжелыя, что можно было-бы ужаснуться, слушая ихъ... И все же ужасъ — не въ обвиненіяхъ... Обвиненія бывали и раньше... Ужасъ въ томъ, что на эти обвиненія нѣтъ отвѣта... Ужасъ въ томъ, что эти скамьи пусты... Ужасъ въ томъ, что это Правительство даже не находитъ въ себѣ силы защищаться... Ужасъ въ томъ, что это Правительство даже не пришло въ эту залу... гдѣ открыто, передъ лицомъ всей Россіи, его обвиняютъ въ измѣнѣ... Ужасъ въ томъ, что на такія обвиненія, — такой отвѣтъ...

Я показалъ на скамьи министровъ...

* * *

Развѣ это не правда? Латинская юридическая поговорка гласитъ: „кто молчитъ — еще не соглашается; но если кто

молчитъ, когда онъ обязанъ говорить, — тогда онъ соглашается“...

Здѣсь именно этотъ случай. Правительство обязано говорить, разъ дѣло зашло такъ далеко. И даже не говорить, а отвѣтить. Отвѣтъ же въ данномъ случаѣ не можетъ быть словеснымъ. Есть обвиненія, на которыя отвѣчаютъ только дѣйствіемъ...

И дѣйствіе это должно быть: либо уходъ правительства, либо разгонъ Думы.

* * *

Но разъ Думы не разгоняютъ, и въ то же время обезчещенное правительство съ пятномъ измѣны на щекѣ продолжаетъ оставаться у власти, то намъ остается только жечь его словами, пока оно не уйдетъ. Потому что, если мы замолчимъ, заговоритъ улица.

Такъ я и сказалъ...

— И мы будемъ бороться съ этимъ правительствомъ, пока оно не уйдетъ. Мы будемъ говорить все „здѣсь“ до конца, чтобы страна „тамъ“ молчала... Мы будемъ говорить для того, чтобы рабочіе у станковъ могли спокойно работать... Пусть льютъ фронту снаряды, не оборачиваясь назадъ, — зная, что Государственная Дума скажетъ за нихъ все, что надо. Мы будемъ говорить для того, чтобы армія въ окопахъ могла стоять на фронтѣ лицомъ къ врагу... Не озираясь на тылъ... Въ тылу — Государственная Дума... Она видитъ, слышитъ, знаетъ и, когда нужно, скажетъ свое слово...

* * *

Да, и вотъ... И вотъ мою рѣчь будутъ стучать безчисленныя барышни, какъ „запрещенную литературу“... Государственная Дума сдѣлала то, что отъ нея ждали... Она грозно накричала на правительство, требуя, чтобы оно ушло.

„Расписаны были кулисы пестро...
Я такъ декламировалъ страстно...“

* * *

Господи, неужели же никто не въ силахъ вразумить!... Вѣдь нельзя же такъ... Нельзя же раздражать, людей, страну, народъ, льющій свою кровь безъ края, безъ счета. Неужели эта

кровь не имѣетъ своихъ правъ? Неужели эти безгласныя жертвы не даютъ никакого голоса...

Не все ли равно — измѣнникъ ли Штюрмеръ или нѣтъ? Допустимъ, что онъ самый честный изъ честныхъ. Но, если, правильно, или нѣтъ, страна помѣшалась на „людахъ заслуживающихъ довѣрія“, почему ихъ не попробовать?... Отчего ихъ не назначить? Допустимъ, что эти люди довѣрія плохи... Но вѣдь „Столыпина“ нѣтъ же сейчасъ на горизонтѣ. Допустимъ Милюковъ — ничтожество... Но вѣдь не ничтожнѣе же онъ Штюрмера... Откуда такое упрямство? Какое разумное основаніе здѣсь, — какое?!...

* * *

Въ томъ то и дѣло, что совершается что то трансцедентально-ирраціональное...

* * *

А кромѣ того есть Нѣчто, передъ чѣмъ безсильно опускаются руки...

Кто хочетъ себя погубить, тотъ погубитъ...

Есть страшный червь, который точитъ, словно шашель, стволъ Россіи. Уже всю сердцевину изъѣлъ, быть можетъ уже и нѣтъ ствола, а только одна трехсотлѣтняя кора еще держится...

И тутъ лѣкарства нѣтъ...

Здѣсь нельзя бороться... это то, что убиваетъ...

Имя этому Смертельному: Распутинъ...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

В. Шульгинъ.

Въ старомъ паркѣ.

Изъ Верлэна.

Въ старомъ паркѣ пустынно и стыло
Двое только-что тамъ проходило.

Взоры мертвы ихъ, губы безстрастны,
А слова еле слышны, чуть ясны.

Въ старомъ паркѣ деревья застыли...
Двѣ души о быломъ говорили:

„Ты помнишь страстныя объятія?“
„Зачѣмъ ихъ буду вспоминать я?“

„Все такъ-же-ль бьется сердце мнѣ въ отвѣтъ?“
„Меня во снѣ, какъ прежде видишь?“ — „Нѣтъ.“

„Блаженны были дни, когда мнѣ было можно
Сомкнуть мои уста съ твоими!“ — „Да, возможно.“

„Такъ сине было небо, надежды такъ огромны“.
„Надежды отжили, убиты... Небо темно.“

. . . . . .

Тихо въ поле ихъ тѣнь ускользала,
Ночь одна разговоръ тотъ слыхала.

В. Саяновъ.

Пѣсни южныхъ славянъ.

Эти пѣсни собраны мной въ юго-западной Болгаріи у границъ Македоніи и Сербіи. Не всѣ онѣ исключительно болгарскія, на нѣкоторыхъ изъ нихъ сказалось вліяніе сербское.

Въ этой части Болгаріи, представляющей изъ себя центръ Балканскихъ славянъ, — какъ бы на днѣ чаши — сохранились еще до нашего времени народныя пѣсни — этотъ ароматный напитокъ народнаго творчества. Его не расплескало ни турецкое пятивѣковое иго, потому что безплодныя скалистыя горы не привлекли сюда во всей своей силѣ мусульманскаго вліянія, ни „дороги въ Европу," сметающія на своемъ пути все самородное, — потому что онѣ пробѣжали сѣвернѣе.

И донынѣ здѣсь эхо зеленыхъ горъ повторяетъ глубоко-древнія славянскія пѣсни, распѣваемыя на нивахъ жницами, или въ рощахъ пастухами.

Здѣсь для стариковъ сто лѣтъ — еще не тяжелый грузъ, и простая, несложная жизнь сохраняетъ ихъ память ясной. Одна семидесятилѣтняя старуха (бабо Главановска, изъ г. Трьнъ) продиктовала мнѣ около двухсотъ пѣсенъ!

Какъ любопытную особенность, я замѣтилъ, что въ обычномъ разговорѣ этой старухи очень часто складъ словъ соединяется въ былинный размѣръ и ритмъ, — указаніе на естественное, „живое рожденіе" этого ритма.

Возлѣ этой же части Болгаріи, только со стороны Сербіи созданы и тѣ „Пѣсни Западныхъ Славянъ," которыя были записаны французомъ Merimée, и Пушкинымъ, въ несравненномъ переводѣ, внесены въ русскую литературу.

Ритмъ этихъ пѣсенъ — большею частью ритмъ нашихъ былинъ — почти однообразенъ и не всегда выдержанъ; временами стихъ, нуждаясь въ опредѣленномъ словѣ, дѣлаетъ скачки, какъ ручей по камнямъ, и затѣмъ снова, какъ ручей, звонко и плавно течетъ далѣе. Но зато въ оригинальномъ лирическомъ построеніи и содержаніи пѣсенъ, въ выразительности мѣткаго слова и въ лѣпкѣ формъ, — во всемъ этомъ виденъ славянскій геній.

В. Н. Нечитайловъ.

Гіацинтъ и Роза.

Въ садъ отъ горъ высскихъ Гіацинтъ примчался:
Захотѣлъ въ саду сорвать онъ Розу.
Гіацинту Роза тихо молвитъ:
— Успокойся, Гіацинтъ мой горный!
Еще Роза — не совсѣмъ готова;
Когда Роза расцвѣтетъ, созрѣетъ, —
Ахъ, она сама покличетъ Гіацинта!

---

* * *

Разъ пошла въ виноградникъ Марія,
Въ виноградникъ за бѣлыми гроздьями, —
И позвалъ ее парень, окликнулъ:
— Подожди-ка, Марія, постой-ка!
Мы пойдемъ къ винограднику вмѣстѣ;
Если-жъ вмѣстѣ идти не захочешь, —
Твою косу возьму, да отрѣжу,
Да отрѣжу до самаго корня,
Да заброшу ее на дорогу,
А проѣдутъ нагіе цыгане, —
Твою косу съ дороги подымутъ,
И сплетутъ изъ косы твоей сита,
Ахъ, два сита, два шелковыхъ сита!

---

* * *

— Стàно-Я́но, ты — красное яблоко,
Ты — бѣлà, какъ цвѣты у магноліи,
Ты — милà мнѣ красою пригожею!...

— Если я такъ милà тебѣ, глупенькій, —
Приди нà ночь ко мнѣ послѣ ужина,
Когда двери запоромъ не заперты,
Да коня не води за собою,
Да собаку съ собой не бери ты,
Не бери съ собой нà руку сокола...

Не дослышалъ отъ радости глупенькій:
И пришелъ онъ ко мнѣ передъ ужиномъ,
Съ нимъ и конь молодой – неразлучный другъ,
И собака за нимъ придружилася,
И принесъ на рукѣ также сокола.
Конь заржалъ, — перезвонъ пошелъ по̀ двору,
Песъ залаялъ — другіе отвѣтили,
Соколъ вскрикнулъ — пѣтухъ отозвался,
И на шумъ этотъ — мать пробудилася...

Царь и соколъ.

Ужъ какъ взвился сивъ-бѣлъ соколъ,
Да надъ царскими дворами,
Онъ четвертый день кружится,
Ни взлетая, ни спускаясь;
Видятъ это слуги царскіе
И царю они доносятъ:

— Слава тебѣ, царь честнѣйшій!
Ужъ какъ взвился сивъ-бѣлъ соколъ
Надъ твоими, царь, дворами;
Онъ четвертый день кружится,
Ни взлетая, ни спускаясь.

Царь на то имъ отвѣчаетъ:

— Гей, вы бросьте сѣть густую,
Сѣть густую со крючками!

И спѣшатъ исполнить слуги,
И бросаютъ сѣть густую,
Сѣть густую со крючками.
Соколъ взвился еще выше,
Еще выше — выше сѣти —
И оттуда сивъ-бѣлъ соколъ
Палъ на царскія колѣна,
И изъ праваго крыла онъ
Вытряхаетъ бѣлый свитокъ,
Бѣлый свитокъ, — письмо бѣло.
И велитъ тутъ царь и молвитъ:

— Гей вы, слуги, мои слуги!
Вы покличьте попъ-Николу,
Пусть письмо онъ прочитаетъ, —
Что гласитъ оно такое,
Что написано въ письмѣ томъ?

И зовутъ попа-Николу,
Онъ письмо читаетъ — плачетъ,
Прочитавъ, царю онъ молвитъ:

— Слава тебѣ, царь честнѣйшій!
Хочешь — казни, хочешь — милуй:
Только три дня буду попъ я,
Только три дня будешь царь ты!...

---

* * *

Воскликнула дѣвица, въ цвѣтникѣ гуляя:
— Холодныя ночи — съ кѣмъ я скоротаю?!
И услышалъ молодецъ во саду зеленомъ:
— Чѣмъ ты мнѣ заплатишь,– буду спать съ тобою?
— Черными очами, только спи со мною!
— Что мнѣ черны очи? ихъ я самъ имѣю.
Воскликнула дѣвица, въ цвѣтникѣ гуляя:
— Холодныя ночи, — съ кѣмъ я скоротаю?!
И услышалъ молодецъ во саду зеленомъ:
— Чѣмъ ты мнѣ заплатишь, буду спать съ тобою?
— Лицомъ моимъ бѣлымъ, только спи со мною!
— Что лицо мнѣ бѣло? Я лицо имѣю!
Воскликнула дѣвица, въ цвѣтникѣ гуляя:
— Холодныя ночи, — съ кѣмъ я скоротаю?!
И услышалъ молодецъ во саду зеленомъ:
— Чѣмъ ты мнѣ заплатишь, буду спать съ тобою?
— Моимъ тѣломъ стройнымъ, только спи со мною!

---

* * *

Отчего такъ Бѣлиградъ бѣлѣетъ?
Вѣрно что̀ то есть въ немъ, потому бѣлѣетъ:
Въ немъ живетъ Марія Бѣлиградка,
Лицо ея — солнце ясное,
Ея очи — черный виноградъ,
Ея брови — черныя піявки,
Ея шея — бѣлый мѣсяцъ, —
Потому то Бѣлиградъ бѣлѣетъ!

---

* * *

Пѐтрице, милая Пѐтрице!
Охрѝдское красное яблоко,
Преспа̀нская рыба игривая,
Елибаса̀нскій ножъ наво̀стренный,
Теплый колачъ изъ Ю̀руча,
Битòльское поле широкое,
Изъ Тыквеша пшеница бѣлая,
Солу̀нскій виноградъ засу̀шенный,
Сладкій сиропъ Во̀денскій,
Изъ Негòша вино ароматное!

Донка и пастухъ.

Какъ-то въ рощѣ Донка запоздала,
Запоздала въ рощѣ средь сирени;
Ей навстрѣчу — пастухъ-простофиля,
И слова такіе говоритъ онъ:
— Дай тебя я, Донка, поцѣлую!
А на это Донка отвѣчаетъ:
— Цѣловаться Донка здѣсь не хочетъ,
Отведи-ка Донку лучше въ поле —
Тебя въ полѣ Донка поцѣлуетъ...

Ну не глупъ-ли пастухъ простофиля?!
И пастухъ отводитъ Донку въ полѣ
И слова такіе говоритъ онъ:
— Дай тебя я, Донка, поцѣлую!

А на это Донка отвѣчаетъ:
— Цѣловаться Донка здѣсь не хочетъ,
Отведи-ка Донку до колодца, —
У колодца Донка поцѣлуетъ...

Ну не глупъ-ли пастухъ-простофиля?!
И привелъ онъ Донку до колодца,
И слова такіе говоритъ онъ:
— Дай тебя я, Донка, поцѣлую!
А на это Донка отвѣчаетъ:
— Цѣловаться Донка здѣсь не хочетъ,
Отведи домой ты лучше Донку
Тебя дома Донка поцѣлуетъ...

Ну не глупъ-ли пастухъ-простофиля?!
И пастухъ домой приводитъ Донку
И слова такіе говоритъ онъ:
Дай тебя я, Донка, поцѣлую!
Тутъ какъ крикнетъ Донка что̀ есть мочи:
— Ужъ ты выйди, мамо, на крылечко,
Да на диво, мамо, полюбуйся:
Вотъ оселъ довелъ меня до дому, —
Дай-ка сѣна ты ему на ужинъ,
Да воды налей-ка — пусть напьется!

---

* * *

— Гей ты красавица-дѣвица,
Въ чемъ тебя мать укоряетъ?
— Мать укоряетъ меня, добрый мо̀лодецъ,
Ахъ, укоряетъ меня все тобою:
Мимо двора моего ты проходишь,
Мимо проходишь, но ми̇нешь не мирно,
Камни берешь да въ ворота бросаешь, —
Псовъ нашихъ злыхъ ты каменьями дразнишь...
— Гей ты красавица-дѣвица,
Я зарекусь, не пройду теперь мимо —
Мимо двора твоего не пройду я!
— Нѣтъ, проходи, проходи, добрый мо̀лодецъ!
Брань и укоры отъ матери вынесу,
Только тоски по тебѣ не снесу я!..

* * *

Всю ночь ходилъ, — добычи не было,
Передъ зарей — увезъ красавицу,
Укралъ изъ дому изъ отцовскаго,
Похитилъ изъ подъ крыльевъ матери;
Увезъ на Пиринъ-гору дѣвицу,
Тамъ привязалъ коня за сосенку,
А сокола — за ель зеленую,
А дѣвицу — за руку правую;
Потомъ уснуть прилегъ не надолго.
Проснулся, глядь — анъ нѣту дѣвицы...
— Коня отдамъ, — найти бы дѣвицу!
Анъ глядь — и нѣтъ коня на привязи...
— Ой, за коня отдалъ-бы сокола!
Анъ глядь — все пусто, нѣтъ и сокола...

---

* * *

Во Будимѣ-градѣ — бой великій:
Триста королей сражаются за Стано;
Бьются триста и еще пятнадцать,
Бьются турки, бьются греки,
И разбили новый Будимъ-городъ,
И красавицу выводятъ изъ Будима,
А красавица имъ, Стано, отвѣчаетъ:
— Вы зачѣмъ розбили Будимъ-городъ?
Не могу за всѣхъ я замужъ выдти,
Одного изъ двухъ себѣ возьму я:
Или же Стояна, или же Ивана;
У Ивана — много стадъ пасется,
А Стоянъ — лишь очи черныя имѣетъ;
Но стада, что мелкая роса, исчезнутъ,
Только будутъ очи — черными до вѣка!..

---

* * *

Страстной любовью горю я
Къ милой Цвѣтанкѣ!
Когда идетъ она пò воду, —
Лицо ея свѣтится,
Когда-же съ водой возвращается, —
Груди трепещутъ ея:
Какъ рыбы Вардарскія,
Какъ лимоны Солунскіе,
Какъ Петровскія яблоки...
Къ милой Цвѣтанкѣ
Страстной любовью горю я!
Ахъ, мамо, ее мнѣ посватай,
Я гибну безъ дѣвушки этой
Умру безъ нея,
Загину безъ этой Цвѣтанки!

---

* * *

Ангелина рѣчку переходитъ,
Переходитъ — въ чисту воду смотритъ:
— Какъ бѣлà лицомъ я, да румяна!
Если-бъ стройной быть мнѣ, да высокой, —
Цѣлый міръ-бы приманила,
Я-бъ женатыхъ —разженила,
Обрученыхъ — разлучила,
Стариковъ — съ ума-бъ сводила...

---

* * *

— Гей, ты красавица, гей ты чудесная,
Рабомъ готовъ я три года быть твоимъ
За то, чтобъ видѣть тебя мнѣ стройную,
И очи черныя, и брови тонкія,
Прекрасный образъ твой, уста медовыя,
И шею бѣлую и грýди бѣлыя...

— Гей, добрый мòлодецъ, удалый мòлодецъ
Какая прибыль въ томъ, что только взглянешь ты?
Глаза-то — сытые, да руки — праздныя...

* * *

Дойна-дѣвица городъ строила,
Городъ строила, — выкликала:
— Кто, храбрецъ изъ храбрыхъ, явится
Да разрушитъ городъ Дойны, —
Тотъ возьметъ себѣ Дойну-дѣвицу!
Пришли турки, пришли греки,
Бились турки, бились греки, —
Не могли сломить, не могли разбить,
Разбить города Дойны-дѣвицы.
Ужъ какъ ѣдетъ тутъ лихой молодецъ,
На конѣ сидитъ, кистенемъ грозитъ,
И какъ крикнетъ вдругъ, да ударитъ онъ, —
Вмигъ сломилъ — разбилъ городъ дѣвицы!
Говоритъ тогда Дойна-дѣвица:
— Гой вы гой, мои девять братьевъ!
Соберитесь-ка, да поймайте,
Да поймайте мнѣ добра молодца,
Вы не бейте его, не ломайте,
А сюда ко мнѣ приведите,
Я свяжу его косой русою,
Я побью его очами черными,
Поломаю его бровями тонкими!

---

* * *

Дѣвица да молодецъ объ закладъ побились:
Вмѣстѣ спать спокойно три дня и три ночи
На одной постели, на одной перинѣ.
И за это молодецъ коня давалъ быстраго,
И давала дѣвица сундукъ свой со приданымъ.
Только легъ, — и спитъ уже, какъ барашекъ, молодецъ,
И одну лишь дѣвицу сонъ не усыпляетъ:
Вся-то разметалась налѣво-направо,
Вся то разметалась и первая молвитъ:
— Встань, проснись-ка молодецъ, я вѣдь посмѣялась!
Возьми коня быстраго и меня возьми съ нимъ!...

Дѣвица и соловей.

Какъ подъ бѣлыми сѣла дѣвица,
Да подъ красными сѣла розами,
Стала шить она, вышивать рукавъ,
А какъ стала шить, — пѣсню начала.
Слышитъ пѣсню ту пёстрый соловей,
И такъ молвитъ онъ красной дѣвицѣ:
— Ой ты гой еси, красна дѣвица!
Запоемъ-ка мы пѣсню новую:
Кто споетъ изъ насъ лучшимъ голосомъ?
Если ты споешь лучшимъ голосомъ, —
Мнѣ отрѣжешь ты крыло правое,
Если я спою лучшимъ голосомъ,
Твою руку я отрѣжу правую.
Пѣли два дня, пѣли три дня.
Поетъ дѣвица — голосъ все звучнѣй,
Соловей поетъ — надрывается.
И взмолился тутъ пёстрый соловей:
— Ой ты гой еси, красна дѣвица!
Ужъ не рѣжь ты мнѣ крыло правое,
Я двухъ птенчиковъ тебѣ выведу,
Они будутъ пѣть на зарѣ тебѣ,
Будутъ пѣть зарей, поздно вечеромъ,
Тебя дѣвицу — поутрý будить!

Монахъ и дѣва.

Запѣла дѣва въ лѣсу зеленомъ,
Въ лѣсу зеленомъ, въ ущельи темномъ, —
Монахъ ту дѣву услышалъ юный
И дѣву горькимъ клянетъ укоромъ:
— Господь убилъ бы тебя, пѣвунья, —
Зачѣмъ въ лѣсу ты не пѣла прежде
Пока не сталъ я монахомъ чернымъ...
О, пусто было-бъ широкой рясѣ,
Въ огнѣ сгорѣла-бъ ты, камилавка,
Водой снесло-бы всѣ бѣлы книги!...

Соловей.

— Ой ты, птичка, птичка, пестрый соловейко,
Что клюешь ты мало, да поешь тоскливо,
Крыльцами своими вѣтки все ломаешь
Ножками своими бѣгаешь по скаламъ?
Ахъ, мой другъ сердечный, я скажу всю правду,
Я скажу всю правду, лишь тебѣ признаюсь:
Наказалъ Господь-бы наказаньемъ лютымъ
Тѣхъ купцовъ-злодѣевъ, что прошли тутъ мимо,
Двухъ они поймали малыхъ моихъ птичекъ, —
Малыхъ моихъ птичекъ, соловушекъ малыхъ —
Посадили дѣтокъ въ клѣтку золотую,
Въ клѣтку золотую — въ царство золотое —
И одна — тоскуетъ, и поетъ — другая!...

Яна.

Захворала, заболѣла
Шея бѣлая у Яны.
Ей никто въ селѣ не вѣритъ —
А того, кто Янѣ вѣритъ —
Нѣту близко, нѣту съ нею:
„Во Стамбулъ ушелъ далекій
Покупать для Яны гривны,
Гривны мѣдныя, да кольца.
Пьетъ вино онъ во Стамбулѣ,
Вдругъ за чашей — вѣсть приходитъ
Что лежитъ больная Яна,
Что больную ждетъ могила...
Сунулъ парень ногу въ стремя
И пока надѣлъ другое, —
Подъ селомъ ужъ очутился,
А навстрѣчу — погребенье.
— Сто дукатовъ дамъ, — постойте!
Двѣсти дамъ — откройте Яну!“
И въ гробу открыли Яну:
Лицо бѣло — пожелтѣло,
Косы русыя — развиты,
Очи черныя — закрыты!...

В. Н. Нечитайловъ.

Церковь и революція.

Изъ всего, что пришлось мнѣ читать о возникновеніи и причинахъ нашей несчастной революціи, особенно яркими представляются мнѣ слова покойнаго адмирала Чухнина. Этотъ доблестный Командующій Черноморскимъ флотомъ въ ноябрѣ 1906 г. писалъ Государю въ своемъ всеподданѣйшемъ отчетѣ: „Военная буря затихла, но революціонная нѣтъ. Русскихъ людей невидимо для нихъ ведутъ къ междуусобной войнѣ, къ самоуничтоженію. Всѣ это понимаютъ. Нѣтъ величія духа для противодѣйствія.“

Революція, какъ явленіе весьма сложное, всякій разъ возникаетъ изъ цѣлаго ряда причинъ. Тутъ обыкновенно имѣютъ мѣсто причины частныя и общія, случайныя и, такъ сказать, постоянныя, неизмѣнно при всѣхъ революціяхъ повторяющіяся. Мнѣ хочется указать на одну изъ послѣднихъ причинъ, имѣвшую, на мой взглядъ, не послѣднее значеніе въ возникновеніи нашей революціи.

Когда будущій безстрастный и безпристрастный, далекій отъ нашего горя и отъ нашихъ переживаній, историкъ будетъ писать исторію нашихъ дней и, въ частности, описывать исторію царствованія Императора Николая II, онъ въ этомъ царствованіи отмѣтитъ много замѣчательнаго. Обратите вниманіе хотя-бы на такой фактъ. Въ началѣ царствованія Императора Николая II среди новобранцевъ числилось 90% неграмотныхъ; въ концѣ царствованія получилось обратное отношеніе: 90% грамотныхъ. Развѣ этотъ фактъ не говоритъ о томъ, какъ шагнуло впередъ за послѣднее царствованіе народное образованіе? Берите другіе факты. За время царствованія Имп. Николая II ожили и зацвѣли необъятная Сибирь и волшебный Туркестанъ, обѣщавшіе обогатить Россію; расцвѣли промышленность и торговля; поднялось земледѣліе. Народъ во многихъ отношеніяхъ сдѣлалъ огромный, въ нѣкоторыхъ — небывалый скачекъ впередъ. Въ этомъ было много великаго, но было и опасное, страшное.

Въ жизни всѣхъ народовъ самое опасное время, когда народъ перерастаетъ формы и отношенія, изъ которыхъ слагается укладъ его жизни. Мудрость правителей и законодателей въ томъ состоитъ, чтобы содѣйствовать не только развитію народнаго сознанія, росту народныхъ силъ и богатствъ, но и обновленію, усовершенствованію жизненныхъ

формъ и отношеній, предупрежденію того момента, когда разросшійся духъ не вмѣщается въ старыя формы, когда новое вино можетъ разорвать старые мѣхи.

Во всей работѣ правителей и законодателей это — самое трудное дѣло, ибо для измѣненія существующихъ жизненныхъ формъ и отношеній мало иногда бываетъ таланта, даже генія правителей, необходимъ еще откликъ, великодушный порывъ, проявленіе величія духа со стороны цѣлыхъ классовъ народа.

Кто знакомъ съ ходомъ событій ноября 1916-го года, тотъ вспомнитъ, что не только Государственная Дума, но и такія спокойныя, уравновѣшенныя и консервативныя организаціи, какъ Съѣздъ Объединеннаго Дворянства и Государственный Совѣтъ взывали тогда къ Государю, прося его проявить величіе духа. Государь проявилъ величія духа больше, чѣмъ требовалось и чѣмъ ждали эти организаціи: „для блага и счастья Родины“ онъ отрекся отъ престола и за себя, и за сына. Насколько я зналъ покойнаго Государя, я увѣренъ, что для счастья Родины онъ не остановился бы и передъ еще большей жертвой. Потомъ говорили, что Государь опоздалъ. Я думаю, что дѣло не въ этомъ. Я думаю, что какъ эта, такъ и всякая другая жертва, принесенная однимъ лицомъ, хоть и стоящимъ выше всѣхъ, могла бы оттянуть катастрофу, но не предупредила бы ее, если-бы она и была принесена раньше, ибо требовалось проявленіе величія духа не однимъ лицомъ, а множествомъ лицъ, цѣлыми классами.

Революція наша надвигалась быстро, незамѣтно лишь для тѣхъ, кто ничего не хотѣлъ видѣть. Надвигалась она на государство. Но кто зналъ состояніе церковной жизни въ то время, у тѣхъ зарождалось опасеніе, какъ бы пламень революціи съ государства не перебросился и на церковный корабль.

Тутъ я долженъ сказать нѣсколько словъ о положеніи нашей родной церкви передъ революціей.

Прежде всего прошу замѣтить, что въ Церкви надо различать двѣ стороны: вѣчную и временную, божественную и человѣческую.

Первую составляютъ: ученіе Церкви, благодатная сила Церкви. Вторую сторону составляютъ: люди, входящіе въ Церковь, церковныя учрежденія и организаціи, система и методы церковной работы. Совершенство первой стороны — фактъ, основа нашей вѣры; совершенство второй — возможность, идеалъ. Вторая сторона въ каждой Церкви отъ разныхъ причинъ колеблется и измѣняется: лица, не исключая и занимающихъ высшія іерархическія должности, могутъ быть лучшими иль худшими, учрежденія и организаціи — болѣе или менѣе совершенными, методы — болѣе или менѣе отвѣчающими цѣли. Я буду говорить объ этой второй временной, или человѣческой сторонѣ церкви.

Я прежде всего отмѣчу несомнѣнный фактъ, что наша русская Церковь за прошлое время достигла безусловныхъ и колоссальныхъ успѣховъ въ области развитія культа, обряда. Въ этомъ отношеніи ни одна изъ христіанскихъ Церквей не можетъ сравняться съ нею. Нашъ лѣтописецъ сообщаетъ, что когда то Греческая Церковь отличалась необыкновеннымъ великолѣпіемъ богослуженія, поразившимъ пословъ нашего Князя Владиміра. Греческіе источники также даютъ право думать, что въ древнее время греческое богослуженіе было величественнымъ и торжественнымъ. Извѣстно, напр., что Императоромъ Юстиніаномъ Первымъ былъ установленъ такой штатъ для храма Св. Софіи въ Константинополѣ: 60 священниковъ, 100 діаконовъ, 90 иподіаконовъ, 40 діакониссъ, 110 чтецовъ, 25 пѣвцовъ, 100 придверниковъ. Импер. Ираклій увеличилъ этотъ штатъ. Только особенной торжественностью совершаемыхъ во храмѣ Софіи богослуженій могъ вызываться столь многолюдный клиръ. Но... такъ было, не такъ — теперь. Теперь насъ, русскихъ, греческое богослуженіе поражаетъ своей неторжественностью и какой то нескладностью. Богослуженіе у Балканскихъ православныхъ народовъ тоже не можетъ удовлетворить насъ. Напротивъ, наше русское богослуженіе вездѣ: и въ Греціи, и въ Сербіи, и въ Болгаріи завоевываетъ себѣ все большія симпатіи, привлекая въ наши храмы массу мѣстнаго населенія. Наши храмы вездѣ переполнены, когда мѣстные храмы пустуютъ. Наше богослуженіе поражаетъ своей необыкновенной красотой даже инославныхъ иностранцевъ, несмотря на то, что главная, идейная часть, идейный смыслъ богослуженія отъ нихъ ускользаетъ. Еще задолго до революціи, по распоряженію Англійской Королевы Викторіи, были введены нѣкоторыя наши пѣснопѣнія въ англійское богослуженіе; между прочимъ введена цѣликомъ наша панихида. Сейчасъ, когда съ наплывомъ бѣженцевъ, представляется полная возможность вездѣ заграницей наше богослуженіе поставить такъ, какъ оно стояло въ Россіи, нѣмцы, французы, англичане переполняютъ наши храмы. Изъ Лондона сообщаютъ, что тамъ началось почти массовое обращеніе пораженныхъ красотой нашего богослуженія англичанъ, главнымъ образомъ изъ аристократіи, къ православію.

Роль богослуженія въ прошломъ религіозно-нравственномъ воспитаніи русскаго народа была огромной. Оно было не только главной, но во многихъ мѣстахъ единственной силой, религіозно воспитывавшей русскаго, особенно простого, человѣка. Церковь съ богослуженіемъ замѣняла для него и школу, и художественный музей, и всякія духовныя дисциплины. Священныя изображенія и священныя дѣйствія, слова молитвъ и звуки пѣснопѣній со всей этой обстановкой богослужебной — съ возженными свѣчами, съ дымомъ кадильнымъ — они,

а не проповѣдь, какъ у протестантовъ, не сложная и хитрая воспитательная система, какъ у католиковъ, будили въ душѣ русскаго человѣка идею о Богѣ и наполняли его душу высокими чувствами и стремленіями, которыя потомъ такъ ярко сказывались иногда въ его жизни.

Особенно рельефно выявлялась сила нашего богослуженія въ жизни нашихъ монастырей.

Кто же не знаетъ, что среди множества нашихъ монастырей были и такіе, которые, по образовательному уровню, жизни и дѣятельности населявшей ихъ братіи, оставляли желать многаго лучшаго. Не секретъ и то, что наши монахи, въ огромномъ процентѣ простецы, полуграмотные, а иногда и совсѣмъ неграмотные, въ рѣдкихъ случаяхъ были способны къ религіозно-просвѣтительной дѣятельности. И, однако, во всѣ монастыри, не исключая и самыхъ слабыхъ, валомъ валилъ народъ, и уходилъ онъ оттуда съ обновленными силами, съ успокоенной душой. Монастыри достигали этого черезъ богослуженіе.

Цѣльность, художественность, глубокая идейность и огромная назидательность русскаго богослуженія — общепризнанный фактъ. Чтобы не ослабить ихъ, нѣкоторые изъ весьма образованныхъ и видныхъ духовныхъ лицъ приходили къ отрицанію проповѣди за богослуженіемъ. Мысль эта можетъ показаться отсталой, но она имѣетъ свои основанія, ибо слабое, неудачное, неглубокое человѣческое слово, дѣйствительно, можетъ ослабить возбуждаемую богослуженіемъ высокую настроенность души вѣрующаго. Поэтому нельзя не согласиться, что для проповѣдника за богослуженіемъ иногда бываетъ „удобѣе молчаніе.“

Въ прошломъ, — еще разъ повторяю, — значеніе богослуженія въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія — огромно.

Въ храмѣ, при богослуженіи, изъ небесныхъ словъ, отъ божественныхъ призывовъ, отъ дышащихъ самоотверженіемъ и аскетизмомъ священныхъ ликовъ нашъ народъ воспринялъ и усвоилъ христіанскія и, въ частности, аскетическія идеи, проникся любовію къ подвигу самопожертвованія, который онъ въ своей исторіи такъ часто и такъ величественно потомъ проявлялъ.

Я сказалъ бы, что религіозно-нравственное воспитаніе нашего народа было исключительно церковно-богослужебнымъ.

Въ такомъ воспитаніи, при его огромныхъ достоинствахъ, былъ одинъ немаловажный недостатокъ. Оно не могло имѣть системы, оно шло урывками и не захватывало всѣхъ сторонъ обыденной жизни, не всегда проникало въ суету будней. Не отсюда ли развились нѣкоторыя особенности уклада русской жизни? Русскій человѣкъ, напр., какъ никто другой, способенъ къ подвигу и далеко не такъ способенъ къ подвижничеству, т. е. къ неуклонному, упорному, настойчивому, продолжительному напряженію силъ при исполненіи долга, иногда скучнаго

и мало для другихъ замѣтнаго. У русскаго человѣка часто, вслѣдъ за однимъ-двумя воскресными часами благочестивыхъ воздыханій въ храмѣ — шумно и бурно въ теченіе остальдней и часовъ недѣли проходили языческіе будни.

Не на этой ли почвѣ выросли особые типы русскихъ людей, вродѣ, напр., тѣхъ, которыхъ народная мудрость окрестила „спереди — блаженъ мужъ, а сзади — вскую шаташася,“ или вродѣ одного изъ героевъ Писемскаго, Кнопова, который сознается: „два только таперича у меня удовольствія въ жизни осталось: поѣсть и выпить хорошенько, да церковное пѣніе еще люблю.“ *)

Въ связи съ богослуженіемъ можно было бы говорить о развитіи у насъ церковнаго зодчества, иконописи, церковной музыки — искусствъ, въ широкомъ масштабѣ выявившихъ и русскую душу и русскій геній. Несомнѣнно, что эти искусства развились изъ одного корня — изъ глубокой любви русскаго человѣка къ возвышавшему въ теченіе вѣковъ его душу богослуженію. Необыкновенное развитіе и размноженіе монастырей, особый, въ сравненіи съ другими отраслями богословской литературы, ростъ аскетической у насъ мысли также обязаны богослужебному дѣлу.

Но наряду съ этой и нѣкоторыми другими свѣтлыми сторонами нашей церковной жизни виднѣлись и другія, заставлявшія многихъ задумываться; наряду съ сильными и здоровыми артеріями нѣкоторыя артеріи церковнаго организма были засорены и работали съ перебоями; въ массивѣ церковнаго корабля виднѣлись пробоины. Не будемъ долго останавливаться на этихъ сторонахъ, упомянемъ лишь про нѣкоторыя изъ нихъ.

Духовная школа, почти переставшая давать кандидатовъ священства и выпускавшая, пожалуй, не меньше атеистовъ, чѣмъ глубоко идейныхъ людей; преподаваніе Закона Божія въ школахъ, чаще мертвившее, чѣмъ оживлявшее души; вялость, а иногда и полная мертвенность приходской жизни; отсутствіе строгой системы, преемственности, методовъ и руководства въ пастырствѣ; безсистемность и значительный произволъ въ управленіи, — эти, ставшіе хроническими, недостатки тормозили и парализовали развитіе церковной жизни.

Упадокъ церковный остро чувствовался предъ революціей. Церковь блистала великолѣпіемъ обрядовъ, владѣла огромными матеріальными богатствами, насчитывала почти 150 милліоновъ принадлежащихъ къ ней вѣрующихъ, имѣла въ своемъ распоряженіи тысячи школъ, — внѣшнее все говорило въ ея пользу, но въ то же время до очевидности ясно было, что церковь все больше слабѣетъ, не использываетъ всѣхъ находящихся въ ея распоряженіи рессурсовъ и съ каждымъ годомъ больше теряетъ, чѣмъ пріобрѣтаетъ вѣрующихъ.

---

*) „Люди сороковыхъ годовъ.“

Тогда всю вину за церковное неустройство взваливали на засиліе свѣтской власти, давившей и связывавшей Церковь, и болѣе всего на Оберъ Прокурора. Нельзя, конечно, отрицать того, что вмѣшательство свѣтской власти, и чаще всего Оберъ Прокурора, въ дѣла церковныя бывало очень властнымъ и чувствительнымъ и на церковномъ организмѣ отзывалось иногда очень болѣзненно, но въ то же время никакъ нельзя согласиться съ тѣмъ положеніемъ, будто до того состоянія, въ какомъ находилась церковь передъ революціей, довели ее Оберъ Прокуроры или вообще свѣтская власть, давившая Церковь. Какъ извѣстно, въ теченіе послѣднихъ полутора лѣтъ передъ революціей должность Оберъ Прокурора Св. Синода занималъ безличный, безвольный и подобострастный Р...ъ, бывшій самымъ послушнымъ орудіемъ вь рукахъ всесильнаго тогда Петроградскаго Митрополита Питирима, которому онъ былъ обязанъ избраніемъ на этотъ высокій постъ. О покойномъ Государѣ Императорѣ Николаѣ II надо сказать, что онъ былъ благочестивѣйшимъ не по титулу только, а и по душѣ и по всему складу своей жизни. Онъ искренно любилъ церковь, желалъ ей преуспѣянія и готовъ былъ содѣйствовать всякому начинанію въ этомъ направленіи. То же надо сказать и о покойной Императрицѣ. И однако, въ эту пору, когда фактическимъ заправилой церковныхъ дѣлъ былъ Митрополитъ. церковное дѣло шло, какъ никогда раньше, худо.

Нѣтъ, не гнетъ и насиліе свѣтской власти разслабляли Церковь. Трудно представить больше тѣхъ гнета и насилій, которымъ подвергается Церковь отъ большевиковъ. И, однако, она въ эту пору развивается и крѣпнетъ. Если говорить о государственной власти, то въ прежнее время Церковь разслабляли не столько гнетъ сколько „благодѣтельная“ опека государственной власти, охранявшая ее и отъ ересей и расколовъ, и отъ иновѣрія и инославія и всѣмъ ее снабжавшая.

Церковь представляетъ собой своеобразный организмъ. Въ то время, какъ государство богатѣетъ и крѣпнетъ въ годы мира и спокойствія, Церковь крѣпнетъ и расцвѣтаетъ въ пору бурь, въ борьбѣ и страданіяхъ. Такъ было раньше, такъ будетъ и впредь. Когда Христосъ говорилъ своимъ ученикамъ: „блаженны вы, когда будутъ васъ поносить, гнать и преслѣдовать за Меня“, то Онъ несомнѣнно, имѣлъ въ виду и эту особенность Церковнаго организма. Огонь вѣры, религіозный духъ подогрѣваются и возбуждаются подвигомъ, самоотверженіемъ. Неумѣренная опека отнимала почву для подвига, усыпляла живыя силы, съ одной стороны, развивала безволіе и раболѣпство, съ другой и т. д.

Указанные выше недочеты нашей церковной жизни, дававшіе поводъ однимъ — хулить Церковь, другимъ — молить Бога объ ея обновленіи, возбуждали, съ приближеніемъ революціи у нѣкоторыхъ серьезныя опасенія: въ области

государственной, вѣдь, легко докатились мы отъ свободъ до террора и анархіи; нѣчто подобное могло случиться и въ Церкви.

Съ началомъ революціи, дѣйствительно, началось нѣкоторое броженіе въ церковной жизни.

Около новаго „революціоннаго“ Оберъ-Прокурора Св. Синода образовался кружокъ священниковъ — христіанскихъ соціалистовъ; на улицахъ Петрограда среди безпрерывно бродившихъ съ пестрѣвшими разнообразными призывами, красными тряпками группъ можно было видѣть одну группу, возглавляемую молодымъ священникомъ, издателемъ дешевенькой церковной газеты; на тряпкѣ, — конечно, красной, — этой группы красовалась надпись: „свободная церковь“.

Въ Кіевѣ образовалась духовная директорія изъ пяти лицъ, — кажется, изъ трехъ священниковъ и двухъ мірянъ, — захватившая власть надъ мѣстной духовной Консисторіей и пытавшаяся терроризировать Кіевскаго Митрополита Владиміра, потомъ въ январѣ 1918 года убитаго большевиками. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, какъ въ Орлѣ, Тулѣ, Твери составились бурные епархіальные съѣзды, — во главѣ ихъ стали самые либеральные, „свободные“ батюшки. Съѣзды низложили своихъ владыкъ. Одинъ изъ самыхъ благочестивыхъ нашихъ архіереевъ, Воронежскій архіепископъ Тихонъ, заподозрѣнный въ контръ-революціи, былъ арестованъ и въ арестантскомъ вагонѣ доставленъ въ Петроградъ. Опасность угрожала Церкви. Но Господь спасъ ее. Въ первый же періодъ революціи обнаружились своего рода „memento mori“, заставившіе крѣпко задуматься даже самыхъ горячихъ сторонниковъ церковной свободы.

Я укажу на два явленія. Первое можетъ кому-либо показаться ничтожнымъ, второму никто не откажетъ въ серьезности.

Первое явленіе — это первый революціонный оберъ-прокуроръ Св. Синода В. Н. Львовъ.

До революціи, будучи членомъ Гос. Думы, онъ числился въ рядахъ націоналистовъ. Когда обсуждались въ Думѣ церковные вопросы, онъ неизмѣнно выступалъ въ числѣ ораторовъ, причемъ всегда ратовалъ за церковную свободу, громя засиліе и гнетъ оберъ-прокурорской власти. За свои думскія рѣчи онъ, когда разразилась революція, и былъ посаженъ на оберъ-прокурорское кресло. Исполненіе столь ненавистной раньше для него должности онъ началъ съ заявленія, что онъ для того сталъ оберъ-прокуроромъ, чтобы освободить и обновить Церковь. Но... новый „свободный“ оберъ-прокуроръ оказался такимъ насильникомъ и деспотомъ, какого Церковь не видѣла за все существованіе прокурорской власти. Новый оберъ-прокуроръ кричалъ и топалъ ногами на престарѣлаго, 80 лѣтняго Московскаго Митрополита Макарія,

требуя отъ него немедленной подачи прошенія объ отставкѣ. Новый оберъ-прокуроръ заявилъ, что онъ избираетъ въ Петербургскіе Митрополиты — молодого Уфимскаго епископа Андрея (кн. Ухтомскаго), а въ Московскіе — Пензенскаго архіепископа Владиміра (Путяту), нынѣ знаменитаго тѣмъ, что за преступленія онъ въ 1918 г. изверженъ изъ сана и отлученъ отъ Церкви. Членамъ Синода стоило большихъ усилій, чтобы удержать оберъ-прокурора отъ быстраго и рѣшительнаго приведенія въ исполненіе такого рѣшенія. 15-го апрѣля 1917 года оберъ-прокуроръ потребовалъ увольненія на покой безъ суда и слѣдствія нѣсколькихъ архіереевъ. Синодъ отказался исполнить такое антиканоническое требованіе. Это было въ пятницу. На другой день, въ субботу, собравшемуся на засѣданіе Синоду приказано было стоя выслушать указъ Временнаго Правительства. Этимъ указомъ распускался старый составъ Синода и назначался новый. Указъ былъ объявленъ при огромной толпѣ чиновниковъ и служителей Синода, по приказанію оберъ-прокурора, „для торжественности“ наполнившихъ залъ синодальныхъ засѣданій.

Подобное зрѣлище было устроено оберъ-прокуроромъ и въ другой разъ.

Надо замѣтить, что во время засѣданій Синода въ залѣ засѣданій кромѣ оберъ-прокурора съ его товарищемъ, управляющаго синодальной канцеляріей съ его помощникомъ и секретарей-докладчиковъ никто не присутствовалъ. Но вотъ въ одинъ изъ первыхъ дней послѣ второго марта, лишь только члены Синода заняли свои мѣста, какъ въ раскрывшіяся двери зала густо повалила толпа синодскихъ чиновниковъ и служителей, заполнившая почти половину огромнаго синодскаго зала. Когда толпа успокоилась, выпрямившійся во весь ростъ оберъ-прокуроръ, повелительнымъ жестомъ указывая на стоявшее подъ портретомъ Государя на предсѣдательскомъ мѣстѣ, у стола для засѣданій, царское кресло, приказалъ: „Уберите это кресло“! Нѣсколько чиновниковъ бросились къ креслу, чтобы унести его, но сорвать кресло съ мѣста не могли: оно было крѣпко приковано къ полу. Повозившись безплодно нѣсколько минутъ, они должны были оставить царскій тронъ въ покоѣ. Толпѣ послѣ этого велѣно было разойтись. Неудачная церемонія кончилась...

Буду говорить о второмъ явленіи.

Еще Достоевскій устами Шатова заявлялъ въ „Бѣсахъ“: „Если въ Россіи бунтъ начинать, то его непремѣнно надо начать съ атеизма“.

Въ Россіи революція началась съ атеизма; вѣрнѣе сказать, атеизмъ сразу же сталъ самымъ сильнымъ рычагомъ революціи. Онъ проявлялся всюду и вездѣ: онъ сказался и въ дѣйствіяхъ оберъ-прокурора, когда тотъ кричалъ и топалъ на престарѣлаго Московскаго Митрополита Макарія, и въ

арестѣ и перевозкѣ въ арестантскомъ вагонѣ Воронежскаго Архіепископа Тихона, и въ низложеніи епархіальными съѣздами своихъ архіереевъ. Онъ сказывался въ дѣйствіяхъ революціонныхъ властей, арестовывавшихъ священнослужителей и глумившихся надъ ними подъ предлогомъ, что на колокольняхъ, будто бы, были установлены пулеметы. Онъ выражался въ опустѣніи храмовъ, точно съ отреченіемъ Государя Императора отъ престола земного, русскіе граждане обязаны стали отречься отъ Престола Небеснаго. Онъ выражался въ кощунственныхъ рѣчахъ и призывахъ революціонныхъ агитаторовъ. Онъ проявлялся вездѣ и всюду, но особенно ярко онъ сказался на фронтѣ.

Надо замѣтить, что фронтъ нашъ въ религіозномъ отношеніи во время великой войны, до самой революціи, представлялъ замѣчательныя картины. Въ то время, какъ въ тылу, особенно въ госпиталяхъ и санитарныхъ поѣздахъ, гдѣ среди санитаровъ много было сектантовъ, шла сектантская, а вмѣстѣ съ нею и пораженческая пропаганда, боевая линія совсѣмъ не знала пропаганды.*) Съ другой стороны, продолжительная, свыше года неподвижность фронта дала возможность всѣмъ воинскимъ частямъ устроить у себя вблизи окоповъ въ землянкахъ уютные храмы, а нѣкоторымъ настоящіе соборы, вмѣщавшіе 3—4 тысячи человѣкъ. Части одна передъ другой соперничали въ украшеніи своихъ храмовъ: въ устройствѣ иконостасовъ, утвари, начиная съ малыхъ подсвѣчниковъ, кончая нарядными величественными паникадилами. Все это дѣлалось изъ проволоки, гильзъ отъ пуль и снарядовъ, изъ поврежденныхъ штыковъ и пр. Талантливые мастера, однако, изъ такого примитивнаго матеріала умудрялись создавать весьма художественныя вещи.

При всѣхъ полкахъ завелись многолюдные, мощные, прекрасно съорганизованные хоры.

Церкви посѣщались чинами весьма усердно. Въ нѣкоторыхъ частяхъ священники сдѣлали опытъ: добились отмѣны наряда чиновъ на богослуженіе, — солдатамъ была предоставлена свобода въ отношеніи посѣщенія богослуженія. И, однако, въ этихъ частяхъ число посѣщающихъ не убавилось, а увеличилось.

Въ 1916 г. былъ введенъ въ арміи особый институтъ армейскихъ проповѣдниковъ. На каждую армію полагался особый проповѣдникъ. Его обязанностью было посѣщать части арміи и проповѣдывать въ нихъ. Выбирались проповѣдники чрезвычайно тщательно изъ самыхъ выдающихся священниковъ всей Россіи. Институтъ этотъ въ началѣ 1917 г. блисталъ дарованіями и силами. Познакомившись съ дѣятель-

*) Нѣкоторое исключеніе составлялъ Рижскій фронтъ, на которомъ сказывалась близость Риги — этого гнѣзда нѣмецкихъ шпіоновъ и сочувствовавшихъ нѣмцамъ рижскихъ баптистовъ, адвентистовъ и др. сектантовъ.

ностью нѣсколькихъ изъ армейскихъ проповѣдниковъ сѣвернаго фронта, англійскій генералъ Ноксъ въ 1916 г. призналъ геніальной мыслью введеніе этого института въ армію. Лѣтомъ 1917 г. проповѣдники юго-западнаго фронта привели въ восторгъ французскаго министра Тома.

И послѣ 2 марта армейскіе проповѣдники продолжали свою работу. Но... послѣ 2 марта главнымъ образомъ изъ Петрограда, а потомъ и изъ другихъ мѣстъ на фронтъ ринулась туча другихъ „проповѣдниковъ", главнымъ образомъ — изъ іудейскаго племени, которые почти всегда начинали свою проповѣдь со словъ: „Не вѣрьте попамъ! Не слушайте ихъ".

Состязаться армейскимъ проповѣдникамъ, какъ и вообще военнымъ священникамъ съ этими противниками было до невозможности трудно. Послѣдніе обѣщали солдату „землю и волю", — иначе — разрѣшали не воевать и позволяли грабить. Первые звали солдата къ подвигу, къ самоотреченію, къ долгу и послушанію. Легко было угадать, какой путь изберетъ закружившаяся голова солдата. „Мы проходимъ подвигъ крестный", — говорилъ мнѣ лѣтомъ 1917 г. проповѣдникъ 3-ей арміи. „Какимъ только оскорбленіямъ не подвергаешься. Въ послѣднюю поѣздку, напр., говорю имъ о солдатскомъ долгѣ, о правильномъ пониманіи свободы, — слышу сзади реплики: „чортъ кудлатый!" „водолазъ!" „Чаво его, товарищи, слушать! Никакова долгу... Землю надо поровну всѣмъ раздѣлить, да чтобы каждый своими руками обрабатывалъ, машиной ни-ни!" „Воевать хошь" — вдругъ подскакиваетъ ко мнѣ солдатъ, протягивая винтовку, — „такъ нà винтовку и иди въ окопы, а мы домой пойдемъ". и т. д.

Проповѣди революціонныхъ ораторовъ, глумившихся надъ Богомъ и ругавшихъ „поповъ", достигли своей цѣли. Опустѣли церкви на фронтѣ, ибо посѣщеніе церквей стало считаться контръ-революціоннымъ дѣломъ. Революція и Богъ не могли ужиться въ душѣ русскаго солдата. Революція, какъ ее ему разъясняли, сулила ему счастье и приволье, Богъ ограничивалъ и стѣснялъ его. Тогда — долой Бога! Микробъ безумія, охватившій солдатскую душу, выгналъ изъ нея Бога. Какую же позицію занимала Церковь во время революціи? Тѣ революціонныя выступленія отдѣльныхъ священниковъ и цѣлыхъ епархіальныхъ съѣздовъ, о которыхъ говорилось выше, были лишь эксцессами и ни въ какомъ отношеніи не могли характеризировать общаго направленія и настроенія церковной жизни.

Въ общемъ же Церковь, — разумѣемъ подъ нею въ данномъ случаѣ іерархію и клиръ, — въ первый періодъ революціи относилась къ ней выжидательно, осторожно, какъ бы приглядываясь, что изъ нея выйдетъ. Этому, несомнѣнно, способствовало и то обстоятельство, что наше духовенство, въ огромной своей части, представляло наиболѣе консервативную

часть русскаго общества, которой труднѣе всего было переживать перемѣну въ формѣ правленія. Находились даже и такіе священники, которые и послѣ отреченія Государя упорно продолжали поминать его за богослуженіями. Таковъ, напр., былъ престарѣлый настоятель церкви Іоанна Предтечи, на Обводномъ каналѣ, въ Петроградѣ. Другіе подчинились велѣнію, и Временному Правительству возглашали „многая лѣта". Но мысль то и у нихъ продолжала работать въ прежнемъ направленіи и иногда противъ ихъ воли пробивалась наружу.

Въ одинъ изъ апрѣльскихъ дней послѣ Пасхи 1917 г. въ Петроградскомъ Казанскомъ Соборѣ шла литургія. Служилъ протоіерей А.....й, съ діакономъ. До революціи на великомъ выходѣ обыкновенно поминовеніе начиналъ діаконъ: „Благочестивѣйшаго Самодержавнѣйшаго Вел. Госуд. Императора Николая А-ча да помянетъ Господь Богъ во Царствіи Своемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь." Священникъ продолжалъ: „Супругу его Благочестивѣйшую Государыню Императрицу А. Ѳ. да помянетъ Господь Богъ" и т. д. Послѣ революціи измѣнили порядокъ. Діаконъ поминалъ Синодъ и правящаго Архіерея, а священникъ послѣ него Временное Правительство и т. д. Въ описываемое время Петроградской Епархіей правилъ епископъ Гдовскій Веніаминъ. Вотъ діаконъ на великомъ выходѣ и началъ: „Свят. Прав. Синодъ и Господина нашего Преосвящ. Веніамина, Епископа Гдовскаго, да помянетъ Господъ Богъ" и т. д. Еще не смолкъ густой басъ діакона, какъ раздался тонкій, но отчетливый тенорокъ прот. А...о: „Супругу его..." Тутъ голосъ оборвался, протоіерей закашлялъ, наступила длинная пауза... Только минуты черезъ двѣ о. протоіерей пришелъ въ себя и уже дрожащимъ голосомъ продолжалъ: „Благовѣрное Врем. Правительство да помянетъ Господь Богъ" и т. д. На этотъ разъ публика отнеслась къ эпизоду благодушно, но бывали случаи, что подобные „lapsi linguae" кончались большими непріятностями для священниковъ.

Отношеніе Церкви къ революціи ярко выразилось на Всероссійскомъ Церковномъ Соборѣ.

Заслуга созыва Собора, главнымъ образомъ, если не всецѣло, принадлежитъ В. Н. Львову. Это, впрочемъ, не помѣшало Собору, въ лицѣ большинства своихъ членовъ, такъ встрѣтить бывшаго революціоннаго оберъ-прокурора, что онъ скоро пересталъ показываться на засѣданіяхъ Собора.

Соборъ не занимался политикой, не касался ни формы правленія, ни династическихъ вопросовъ, но уродливыя формы революціи, прежде всего, ложно понятая и во зло употребленная свобода, имъ были осуждены самымъ рѣшительнымъ образомъ. Многимъ, вѣроятно, памятны его пламенныя воззванія къ арміи, къ народу. Памятно, вѣроятно, и заступничество Собора предъ Временнымъ Правительствомъ за Корнилова,

какъ за борца противъ разложенія арміи и народной массы. Стойкость и прямолинейность Собора были поразительны. Кругомъ все бурлило и кипѣло, кругомъ бредили свободами и неслись въ невѣдомую даль, а Соборъ твердо стоялъ на вѣковыхъ устояхъ, съ чрезвычайной осторожностью дѣлая каждый шагъ впередъ и отметая все, что мало мальски казалось подозрительнымъ и опаснымъ. Соборъ устоялъ противъ всякихъ „свободъ“ и „завоеваній революціи“ въ церковной области и даже отмѣнилъ возстановленное, было, съ началомъ революціи право избранія прихожанами священниковъ. Возстановленіе Патріаршества нельзя отнести къ „завоеваніямъ революціи“. Это было возстановленіе прежняго, а не выявленіе новаго.

Такая неподвижность и, если хотите, реакціонность Собора тогда не удовлетворяла и даже пугала тѣхъ, кто ждалъ отъ него самыхъ рѣшительныхъ реформъ и улучшенія въ разныхъ областяхъ нашей церковной жизни. Теперь думается: можетъ быть, это было лучше. Ибо, ставъ на путь широкихъ реформъ, Соборъ могъ подпасть духу времени и не избѣжать большихъ ошибокъ. Церкви нужно было пройти черезъ огонь тяжкихъ испытаній, чтобы они очистили и обновили ее.

Страданія Церкви начались съ побѣдой большевиковъ. Исповѣдуя, что „религія — опіумъ для народа“, большевики не могли быть иными въ отношеніи Церкви, чѣмъ они есть. Надо ли повторять, что перетерпѣла за послѣднее время Церковь? Она ограблена и матеріально разорена. Ее все время гонятъ и преслѣдуютъ. За 4 года убито 28 епископовъ и нѣсколько тысячъ священниковъ. Надъ ней глумятся, ее высмѣиваютъ, на нее клевещутъ. Противъ нея ополчились, кажется, всѣ силы ада. И, однако, побѣдить ее не могутъ. Въ Россіи все сдалось большевикамъ: власть, армія, интеллигенція, рабочіе, крестьяне. Одна Церковь крѣпко стоитъ, какъ противная имъ, отрицающая ихъ сила. И не только стоитъ, но и все время борется съ ними, то прямо, обличая и громя ихъ, то косвенно, внѣдряя въ народъ начала христіанской вѣры и морали.

Ослабла ли русская Церковь за время большевистской власти, уменьшилось ли число ея вѣрующихъ? Я думаю: нѣтъ! Я думаю, что она за это время выросла, ибо у ней прибавилось число искреннихъ, одушевленныхъ, крѣпко вѣрящихъ въ ея вѣчную правду членовъ, и они тѣснѣе, чѣмъ раньше, сплотились вокругъ нея. Она выросла, ибо оживилось все ея дѣло: зацвѣла приходская жизнь, переродилась проповѣдь, измѣнились отношенія между пастырями и паствой, вся церковная работа стала жизненной и дружной. Переродились самые люди. Тѣ же владыки, что раньше боялись возвысить голосъ противъ Распутина, хотя имъ за это — самое бо̀льшее — угрожалъ переводъ въ другую, „худшую“ епархію,

теперь смѣло и дерзновенно возвышаютъ свой голосъ противъ властей и „міродержателей тьмы вѣка сего“, хоть и знаютъ, что ихъ за это ждутъ мученія, пытки и даже смерть. Неудивительно, что раньше, когда Церковь была матеріально богата и поддержкою власти знатна, тогда даже свои часто ее хулили и ея чуждались, а теперь, когда она ограблена, поругана, гонима, на нее обращены взоры почти всего міра. Такъ

„Незримая рука, простертая надъ нами,
Ведетъ насъ къ одному различными путями.“

Въ чемъ же въ ближайшемъ будущемъ должна проявить свою силу Церковь? Что она можетъ, что она должна дать своему народу?

Нѣкоторые думаютъ, что не далеко время, когда Святѣйшій Патріархъ возьметъ временно въ свои руки бразды народнаго правленія, чтобы затѣмъ передать ихъ въ руки исторически сложившейся власти, что онъ укажетъ и будущаго носителя этой власти. Кто знаетъ нашего Патріарха, тотъ знаетъ и то, что Патріархъ Тихонъ совершенно свободенъ отъ папскаго недуга — желанія властвовать надъ міромъ. Но, помимо этого, мнѣ представляется одна только возможность, когда высшій Представитель нашей Церкви могъ бы стать у кормила государственной власти, — это въ томъ случаѣ, если бы большевиковъ смѣнила анархія, и въ государствѣ уцѣлѣла бы, не развалившись, только одна организація — Церковь. Но этого, т. е. анархіи, можетъ и не быть. Болѣе вѣроятна другая возможность, что настанетъ пора, когда соберется Земскій Соборъ на Руси, чтобы положить начало новой государственной жизни измученнаго народа. Голосъ Церкви, конечно, раздастся на этомъ Соборѣ, и, конечно, онъ не будетъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Что и говорить: въ будущей Россіи будетъ благословяться имя каждаго, кто поможетъ положить начало власти сильной, честной, разумной и прочной. И Церковь, если бы она помогла въ этомъ дѣлѣ, оказала бы великую услугу народу. Но при всемъ величіи этой задачи, Церковь не можетъ не помнить, что это еще не главная ея задача. Тутъ требуется лишь участіе, поддержка со стороны Церкви. Рѣшать же задачу будутъ, съ одной стороны, — жизнь, съ другой — самъ народъ. Есть же другія задачи, которыя съ успѣхомъ могутъ быть разрѣшены Церковью, и нѣкоторыя изъ нихъ — только Церковью.

Я назову три такихъ задачи: 1) возбужденіе въ народѣ покаянія; 2) примиреніе враждующихъ сторонъ; 3) религіозно-нравственное перевоспитаніе народа.

Скажемъ о каждой порознь.

Первая задача — это вызвать въ народѣ глубокое, искреннее покаяніе. Съ покаянія должна начаться новая русская жизнь.

Слишкомъ много накопилось за послѣдніе годы на сердцахъ русскихъ людей злобы, а на рукахъ — крови, а за тѣмъ и другимъ — всякой неправды. Иные задыхаются, иные уже падаютъ подъ тяжестью этого кошмарнаго бремени. Съ переболѣвшихъ уже надо снять его; не чувствующимъ его надо о немъ напомнить. И то и другое должна и можетъ сдѣлать только Церковь.

Вторая задача — примирить враждующихъ.

Вмѣсто прежней стѣны, раздѣлявшей у насъ народъ и интеллигенцію, теперь выросла другая; теперь образовалось у насъ два класса: обидчиковъ и обиженныхъ, грабителей и ограбленныхъ, причемъ обиженной и ограбленной оказалась властвовавшая доселѣ надъ народомъ интеллигенція. Послѣдней за годы революціи нанесено столько ранъ, оскор леній, причинено столько несчастій, что забыть все пережитое можетъ не хватить силъ. Но, съ другой стороны, на враждѣ нельзя строить будущаго. Затѣмъ, и нынѣшніе обидчики могутъ предъявить свои счета за прошлое. Фактъ, вѣдь, остается фактомъ: 1000 лѣтъ государственной жизни, а народъ оставался неучемъ и невѣждою; 900 лѣтъ православной церковной жизни, а народъ въ дѣлѣ вѣры не умѣлъ отличить правой руки отъ лѣвой. Не будемъ говорить о многомъ другомъ. Поэтому, надо искать путей къ забвенію прошлаго и къ созиданію свѣтлаго будущаго, надо искать путей къ примиренію, не съ этой, конечно, кучкой бандитовъ и развратителей народной души, а съ этимъ, такъ легко, — потому что онъ по нашей же винѣ былъ невѣжественъ и слѣпъ, — одураченнымъ, обманутымъ народомъ. Примиреніе легче и скорѣе всего можетъ состояться въ Церкви и около Церкви, во имя Христа. Въ этомъ величайшемъ дѣлѣ едва-ли кто можетъ замѣнить Церковь.

Третья задача — это дальнѣйшее воспитаніе народа на религіозно нравственныхъ началахъ. Разруха въ этой области нашей жизни безконечно велика. Только дружными, планомѣрными и мудрыми усиліями Церкви, власти и школы можно будетъ постепенно парализовать развившееся зло и ввести духовную жизнь народа въ надлежащее русло.

Не нужно доказывать, что Церкви въ этой области открывается необозримое поле. Но не нужно доказывать и того, что для достиженія успѣха Церкви придется работать иначе, чѣмъ она работала прежде.

Вообще, наконецъ, надо сказать, что Церкви предстоитъ огромная работа по приведенію собственныхъ своихъ дѣлъ въ порядокъ. Продолжительное спокойное стояніе церковнаго корабля въ защищенной отъ бурь и вѣтровъ, охранявшейся государственной властью гавани, не прошло безслѣдно: корабль обросъ всякими ракушками, водорослями, утратилъ плавучесть. Испытанія послѣднихъ лѣтъ во многомъ подновили корабль.

Но не надо закрывать глазъ: многое — еще далеко не все. Слишкомъ великъ нашъ церковный организмъ, слишкомъ запущено было у насъ церковное дѣло; слишкомъ великая работа предстоитъ церкви. А для этого мало всего того, что уже произошло, — нужны еще многія, весьма серьезныя реформы (отнюдь не реформація) въ разныхъ отрасляхъ церковной жизни, нуженъ смѣлый и рѣшительный полетъ церковной мысли, нужно глубокое и окончательное обновленіе нашей Церкви на истинныхъ началахъ вселенскаго православія, въ чистотѣ воплощающаго духъ Христовъ.

Протопресвитеръ **Георгій Шавельскій.**

2 февраля 1922 г.
Софія.

Опыты характеристики пушкинскаго творчества.

I. Нѣкоторыя черты стиля Пушкина.

Искусство символично. Въ художественныхъ образахъ-символахъ раскрывается душа художника, осуществляется его индивидуальность. Чѣмъ совершеннѣе произведеніе искусства, тѣмъ тѣснѣе связь его символовъ съ ихъ содержаніемъ. Въ великихъ художественныхъ произведеніяхъ философскій и художественный планы совпадаютъ, различіе „формы“ и „содержанія“ уничтожается. Въ каждой сценѣ „Войны и Мира“ больше философіи, чѣмъ въ любомъ „философскомъ“ трактатѣ Толстого; но эта философія не можетъ быть отвлечена отъ повѣствованія. Или лучше сказать: ея истолкованіе возможно только путемъ эстетическаго анализа, изученія стиля. Надо отличать изученіе стиля отъ изслѣдованія его происхожденія. Истинный художникъ, подражая, творитъ заново. Поэтому, здѣсь анализъ пушкинской поэтической рѣчи въ нѣкоторыхъ ея особенностяхъ ведется намѣренно такъ, какъ еслибы Пушкинъ создалъ ее ex nihilo.

Въ первую очередь разсмотримъ описанія природы, причемъ напередъ формулируемъ одинъ изъ выводовъ: эти описанія очень просты и очень однообразны: у Пушкина есть нѣсколько готовыхъ оборотовъ, сложившихся очень рано (мы ихъ найдемъ уже въ лицейскихъ стихотвореніяхъ), которыми онъ пользуется постоянно. Такой выводъ отнюдь не есть какое нибудь посягновеніе на Пушкина. Художественная цѣнность поэтическаго произведенія столь же мало страдаетъ отъ того, что поэтъ повторяетъ себя самого, какъ и оттого, что онъ повторяетъ другихъ. Каждое изъ нихъ unicum, хотя и составлено изъ общихъ прочимъ стилистическихъ элементовъ. Пушкинъ пользовался своими привычными оборотами, потому что они ему были нужны: они каждый разъ наново рождались въ глубинахъ его творческаго духа. Здѣсь какъ разъ несомнѣнность художественнаго совершенства сама служитъ ручательствомъ.

Къ тому же, красота, какъ и истина, заключена въ нюансахъ. Одинъ и тотъ же художественный образъ, едва видоизмѣненный, даетъ иное содержаніе. Сравнимъ два стихотворенія. Одно — Желаніе, — полное радости, блеска и звучаній:

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы
оживлены дубровы и луга,
гдѣ весело шумятъ и блещутъ воды
и мирные ласкаютъ берега,
гдѣ на холмы подъ лавровые своды
не смѣютъ лечь угрюмые снѣга...

и далѣе:

... увижу ль вновь...
и своды скалъ, и моря блескъ лазурный,
и ясныя, какъ радость, небеса...

Другое, посвященное памяти госпожи Ризничъ (предпослѣдняя строфа):

Но тамъ, увы, гдѣ неба своды
сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
заснула ты послѣднимъ сномъ.

Родство слуховыхъ и зрительныхъ образовъ и здѣсь и тамъ очевидно. А между тѣмъ — какое различіе! Воды дремлютъ подъ скалами. Достаточно уже этой одной импрессіонистской черты. Вся природа подъ сіяющими сводами неба кажется пышной усыпальницей; космическая жизнь замираетъ вмѣстѣ со смертью любимой женщины. Эффектъ усиливается путемъ кумуляціи двухъ близкихъ по смыслу глаголовъ: дремлютъ, заснула.

Конечно, замѣтить и почувствовать этотъ оттѣнокъ возможно, лишь беря отрывокъ, описывающій природу, въ связи съ цѣлымъ. Пушкинъ — одинъ изъ величайшихъ мастеровъ въ искусствѣ, которое Брюнетьеръ подмѣтилъ у Флобера, — транспонированія образовъ. „Внѣшнее“ и „внутреннее“, зримое и эмоціонально-переживаемое у него отсвѣчиваютъ одно на другое, сливаются въ гармоническомъ единствѣ. „На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла, шумитъ Арагва предо мною“... Отчего эти два стиха звучатъ такъ обаятельно? Откуда ихъ значительность, богатство ихъ содержанія? Анализъ открываетъ слѣдующее: краткость этого стихотворенія даетъ возможность охватить, такъ сказать, его сразу. Отсутствіе какого бы то ни было перехода отъ „пейзажа“ къ изображенію переживаній (съ третьей строки начинается ex abrupto главная тема: „мнѣ грустно“ и т. д., и пейзажъ уже какъ будто забытъ) въ связи съ внѣшней связанностью обѣихъ частей (двѣ первыя строки требуютъ дополнительныхъ рифмъ), сообщаетъ всему первому четверостишію единство, усугубляющееся тѣмъ, что пейзажъ набросанъ отъ лица поэта, его воспринимающаго („шумитъ Арагва предо мною“). Первое четверостишіе связывается со вторымъ путемъ повторенія его послѣдняго слова: печаль моя полна тобою. Тобой, одной тобой. Конецъ этого стиха составляетъ синтактически одно цѣлое съ послѣдующимъ („унынья моего ничто не мучитъ“ и т. д.). Единство

двухъ послѣднихъ стиховъ подчеркивается несовпаденіемъ логической и ритмической паузъ („... отъ того — что не любить“ и т. д.) Такимъ образомъ моменты формальные и внутренніе дѣйствуютъ въ одномъ направленіи. Разъ прочитавъ это стихотвореніе, уже нельзя отрѣшиться отъ впечатлѣнія, созданнаго имъ въ цѣлости. Каждый образъ окрашивается сосѣдними. Изъ контрастирующихъ образовъ темной ночи (образъ усиливается тѣмъ, что рѣка представлена слышимой, но не видимой) и свѣтлой печали, и наконецъ сердца, которое горитъ, — рождается слитный образъ прозрачной, пронизанной свѣтами, мглы. Такъ создается зрительный колоритъ эмоціи. Но поэту этого мало: онъ заражаетъ ощущеніемъ ея напряженности. Это достигается, во-первыхъ, рядомъ повтореній. Повторенія звучаній: холмахъ, мгла, полна. Повторенія отдѣльныхъ словъ: печаль моя свѣтла, печаль моя и т. д.... тобою, тобой, одной тобой...; предо мною, мнѣ грустно...; любитъ оттого, что не любить и т. д. Повтореніе оборотовъ: не любить, не можетъ. Во-вторыхъ, ритмическими особенностями: чередованіемъ плавно льющихся и прерывистыхъ фразъ; причемъ здѣсь соблюдена градація въ наростаніи прерывистости тона: малая пауза въ третьемъ стихѣ; бóльшая въ пятомъ; и, наконецъ, уже указанный ритмическій „толчокъ“ въ седьмомъ. Этимъ самымъ повышается эмоціональная содержательность зрительнаго образа.

Приведу еще два примѣра: элегію „Погасло дневное свѣтило“ и отрывокъ „Ненастный день потухъ“. Въ элегіи подавленное и взволнованное настроеніе символизируется образомъ плаванья по волнующемуся вечернему морю. Единство достигнуто благодаря изумительной стильности въ смыслѣ строгой выдержанности образовъ:... волнуйся подо мной, угрюмый океанъ... Съ волненьемъ и тоской туда стремился я... И далѣе: душа кипитъ (какъ пѣнящееся море) и замираетъ, мечта знакомая вокругъ меня летаетъ, (какъ птица вокругъ корабля). Наконецъ, параллелизмъ образовъ, употребленныхъ то въ прямомъ, то въ переносномъ значеніи въ обѣихъ строфахъ:

1-ая строфа:

Погасло дневное свѣтило,
на море синее вечерній палъ туманъ...

2-я:

лети корабль...
...но только не къ брегамъ печальнымъ
туманной родины моей,
страны, гдѣ пламенемъ страстей
впервые чувства разгорались...

Тамъ подлинно заходящее за туманный горизонтъ моря солнце; здѣсь метафорически загорающаяся заря чувствъ „въ туманахъ печальной родины“ поэта.

Сродная эмоція тоскливаго воспоминанія объ утраченномъ счастьи выражена въ рядѣ сродныхъ образовъ контрастирующихъ красокъ и медленныхъ движеній... „Ненастной ночи мгла по небу стелется одеждою свинцовой...“ И, какъ contre-partie: „тамъ море движется роскошной пеленой подъ голубыми небесами...“ „Какъ привидѣніе за рощею сосновой, луна туманная взошла.“ И новая contre-partie: „далеко тамъ луна въ сіяніи восходитъ.“ Эти космическіе образы подготовляютъ появленіе ассоціативно связаннаго съ ними образа ея: „вотъ время по горѣ теперь идетъ она...“

Приведенныя стихотворенія даютъ почти исчерпывающее представленіе и объ элементахъ пушкинскаго стиля, поскольку рѣчь идетъ объ изображеніи природы. „Ночью моря гулъ глухой, иль шопотъ рѣчки тихоструйной“; вечерняя мгла, заходящее или восходящее солнце (или луна), — таковъ его обычный реквизитъ. На первомъ мѣстѣ стоятъ образы движущейся, текучей, водной стихіи. Въ передачѣ ея вида, гармоніи ея звучаній Пушкинъ достигъ мастерства, равнаго которому нѣтъ въ русской поэзіи. „Здѣсь море движется роскошной пеленой подъ голубыми небесами“... „Гулъ глухой, немолчный шопотъ Нереиды, глубокій, вѣчный хоръ валовъ...“ Абсолютное совершенство этихъ, такихъ „простыхъ“ стиховъ, поражаетъ, какъ нѣкая тайна, неподвластная анализу. Къ этимъ и сроднымъ образамъ онъ возвращается постоянно. Крымъ — „край, гдѣ блещутъ воды“ (Таврида), гдѣ „весело шумятъ и блещутъ воды“ (Желаніе), который „лобзаютъ лазурныя волны“. Онъ любитъ „глухіе звуки, бездны гласъ“ (Къ морю); муза водитъ его „слушать шумъ морской“; ощутивъ вдохновеніе, поэтъ бѣжитъ „на берега пустынныхъ волнъ“; впервые муза стала являться ему „близь водъ, сіявшихъ въ тишинѣ“ (Евг. Он. VIII, 1). Онѣгину въ деревнѣ „казались новы... прохлада сумрачной дубровы, журчанье тихаго ручья“. (I, 54). Татьяна вспоминаетъ о родной деревнѣ: „уголокъ, гдѣ льется тихій ручеекъ (VII, 53). „Журчащій ручей“ встрѣчается уже въ 1814 г. „Журча, въ травѣ душистой свѣтлый бродитъ ручеекъ“ (Блаженство). Съ тѣхъ поръ этотъ оборотъ употребляется одинаково часто во всѣ періоды творчества, переносится изъ мальчишеской „Вишни“ въ строгій шедевръ 30 г. (Осень: „Журча, еще бѣжитъ за мельницу ручей“). Имъ пользуется поэтъ для изображенія гармоніи и ритма своихъ стиховъ („...стихи мои, сливаясь и журча, текутъ, ручьи любви...“ Ночь; ср. Андре Шенье: стиховъ журчанье излилось); его онъ развиваетъ въ качествѣ философскаго символа въ „Трехъ ключахъ“. Движенія текущей воды варіируются: она „стремится“ (Вишня); „сбѣгаетъ съ камня на камень“ (Отрывокъ 27 г.), или „тихо вьется“ (тамъ же); „медлительно течетъ“ (Осеннее утро, 16 г.) „бродитъ по травѣ“ (Блаженство). Вода — „свободная стихія“, „символъ свободы“:

„Кто, волны, васъ остановилъ,
кто оковалъ вашъ бѣгъ могучій,
кто въ прудъ безмолвный и дремучій
потокъ мятежный обратилъ?
Вы, бури, вѣтры, взройте воды“ и т. д. (22 г.).

Слѣдующее мѣсто принадлежитъ образу движущейся по небу луны. Онъ сложился еще раньше, — уже въ 1812 г.: „безмолвно мѣсяцъ покатился“ (Пѣсня). Луна „плыветъ“ (Русланъ II, Воспом. въ Ц. Селѣ, 15 г.) „пробирается сквозь туманы“ (Зимняя дорога), „гуляетъ“ по небу, переходя изъ облака въ облако (Цыганы); „ходитъ средь небесъ“ (Гробъ юноши), „ходитъ въ облачномъ сіяньи“ (Гробъ Анакреона), „перебѣгаетъ“ изъ тучи въ тучу, озаряя ихъ „мгновеннымъ блескомъ“ (Русланъ IV, ср. Цыганы: „заглянетъ въ облачко любое, его такъ пышно озаритъ“), „обходитъ дозоромъ сводъ небесъ“ (Е. О. III, 16), „крадется по небу“ (Мечтатель), „катится“ изъ за тучъ (Мѣсяцъ, Русалка, Утопленникъ). И, кажется, только дважды, говоря о лунѣ, онъ умалчиваетъ о ея движеніи (Полтава, Донъ Жуанъ). Подобно лунѣ „катится“ по небу солнце (Къ Овидію, Евг. Он. VI, 24). Звѣзды, „свѣтлые цари“, „плывутъ“ въ небесахъ (Городокъ, 14 г., Къ Батюшкову, тогда же); ихъ „дивный хоръ течетъ такъ тихо, такъ согласно“ (Е. О. V, 9).

Пушкинъ воспринимаетъ природу, какъ сумму движеній. „Вездѣ передо мной подвижныя картины“, говоритъ онъ въ Деревнѣ; и въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать употребленное имъ однажды (Таврида) выраженіе „одушевленныя поля“. „Мертвая“ природа для него полна жизни и не нуждается ни въ чемъ для ея „оживленія“. Онъ не сказалъ бы, подобно Ламартину, что „жизнь пейзажа“ создаютъ единственно дѣйствующіе среди него люди.*) У него все движется и живетъ.

Онъ изображаетъ петербургское утро: встаетъ купецъ, идетъ разносчикъ, на биржу тянется извозчикъ, съ кувшиномъ охтенка спѣшитъ... Трубный дымъ столбомъ восходитъ голубымъ. (Е. О. I, 35). Онъ рисуетъ картину, открывшуюся ему съ Кавказскихъ высотъ: ...потоковъ рожденье и первое грозныхъ обваловъ движенье... Тучи смиренно идутъ... Низвергаясь, шумятъ водопады... Скачутъ олени, ползаютъ овцы... Пастырь нисходитъ къ долинамъ, гдѣ мчится Арагва, гдѣ Терекъ играетъ (Кавказъ, 1829 г.). Сколько движеній, и какое богатство ритмовъ и темповъ!

---

*) Описаніе окрестностей Бейрута. Оно заканчивается такъ: enfin, tout près de nous... deux ou trois maisons... nous offrent ces scènes animées et pittoresques qui font la vie de tout paysage (Voyage en Orient, Брюссельское изд. 1838 г. I, 184).

Pendant къ этой картинѣ Кавказа представляетъ другая, въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“. Здѣсь также картины раскрываются съ горы, на которой сидитъ плѣнникъ, — созерцающій грозу и смятеніе природы. За этой картиной слѣдуетъ изображеніе жизни черкесовъ. Что привлекало въ ней вниманіе европейца? Онъ любилъ ихъ „движеній вольныхъ быстроту, и легкость ногъ и силу длани“. Онъ могъ по цѣлымъ часамъ слѣдить, какъ черкесъ проворный „летаетъ“ на конѣ. Слѣдуетъ прочесть весь отрывокъ, поражающій богатствомъ образовъ движенія.*)

Еще примѣръ: сцена казни Кочубея: ...„скачутъ сердюки, въ строяхъ равняются полки. Толпы кипятъ. Сердца трепещутъ. Дорога, какъ змѣиный хвостъ, полна народу, шевелится“... На помостѣ „палачъ гуляетъ“... Гетманъ „скакалъ на ворономъ конѣ, а тамъ... телѣга ѣхала“... „Телѣга стала“... Кочубей и Искра молятся. „И вотъ идутъ они, взошли... Топоръ блеснулъ съ размаху, и отскочила голова... Другая катится вслѣдъ за ней...“ Такъ создается настроеніе напряженнаго ожиданія, волненія, ужаса.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ находится манера его портрета. Извѣстно его пристрастіе къ „ножкамъ“. Терпсихора мила ему, какъ богиня движеній. Гармоничность, изящество, легкость движеній — для него главное условіе красоты. „Ея движенья то лебедя пустынныхъ водъ напоминаютъ плавный ходъ, то лани быстрое стремленье“ (Полтава). Параллели: „смотрю на всѣ ея движенья“ (Увы, зачѣмъ она блистаетъ). „Счастливъ, кто близь тебя,... твой ловитъ свѣтлый взоръ, движенья милыя...“ (Отрывокъ 20 г.) „Движеній томная небрежность“ (Прелестницѣ). „Съ какою легкостью небесной земли касается она, какою прелестью чудесной во всѣхъ движеніяхъ полна“. (Кто знаетъ край). Въ посланіи къ Всеволожскому онъ говоритъ объ „изступленныхъ движеніяхъ“ египетскихъ дѣвъ (т. е. цыганокъ).

Геніальность изображенія Петра въ Полтавѣ именно въ томъ, что царь схваченъ въ движеніи:

...изъ шатра
выходитъ Петръ...
Ликъ его ужасенъ,
движенья быстры...
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Къ нему коня подводятъ...“ и т. д.

И далѣе онъ „мчится предъ полками“ въ сопровожденіи „несущихся толпой“ сподвижниковъ.

Поэтъ хочетъ изобразить тяготы крѣпостной неволи, и въ его воображеніи сразу возникаетъ образъ длинной про-

*) Ср. еще описаніе нравовъ скифовъ: „преграды нѣтъ для нихъ: въ волнахъ они плывутъ и по льду звучному безтрепетно идутъ“ (Къ Овидію).

цессіи рабовъ, нѣчто, напоминающее по композиціи античный рельефъ на фризѣ:

„склонясь на чуждый лугъ, покорствуя бичамъ,
здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ...
...младые сыновья идутъ собою множить
дворовыя толпы измученныхъ рабовъ“ (Деревня).

Всего чаще имъ владѣетъ представленіе быстрыхъ, стремительныхъ движеній. Въ первой главѣ Онѣгина герой четыре раза „летитъ“ (даже на почтовыхъ!), столько же разъ „скачетъ“, причемъ дважды „стремглавъ“. Въ свою деревню онъ „прилетѣлъ“. „Ленскій прискакалъ“ въ свою. Оба „скачутъ“ съ визитомъ къ Ларинымъ и назадъ „летятъ во весь опоръ“. Даже Рай ему рисуется, какъ поприще множества быстрыхъ движеній: „здѣсь ангелы волнуются, кишатъ, безчисленны летаютъ серафимы“ (Эпич. отр. 23 г.). Въ превосходной „Прозерпинѣ“ (Плещутъ волны Флегетона) острая эротическая эмоція выражена исключительно при посредствѣ множества образовъ стремительныхъ движеній самаго разнообразнаго характера, мелькающе-ускоренно смѣняющихъ другъ друга.

Одинъ изъ его излюбленныхъ образовъ-символовъ — корабль, представитель быстраго и вмѣстѣ легкаго, скользящаго движенія. Сюда относятся аллегоріи „Медокъ“ и „Аріонъ“, „Осень“ (сопоставленіе зарожденія поэтическаго творчества съ выходомъ корабля въ плаваніе), элегія „Погасло дневное свѣтило“. Не случайно ему нравился стихъ Тредьяковскаго: „Корабль Одиссеевъ, — бѣгомъ волны дѣля, изъ очей ушелъ и сокрылся“. Образъ полета корабля употребленъ уже въ 15 г. („суда летучія“ въ Одѣ на возвращеніе Александра). „Лети корабль“, восклицаетъ онъ въ элегіи. Въ сказкѣ о царѣ Салтанѣ корабликъ „бѣжитъ въ волнахъ“ (ср. Желаніе: и „средь валовъ бѣгущія суда“). Въ стихотвореніи „Къ морю“ онъ говоритъ о скользящемъ парусѣ рыбарей. „Скользить“ — одинъ изъ его обычныхъ глаголовъ: скользятъ лунные лучи (Заклинаніе), вѣтеръ скользитъ и вѣетъ въ паруса (Земля и Море), муза скользитъ средь бальной толпы (Е. О. VIII, 6), ему весело скользить по зеркалу водъ и т. д.

Шаблонный символъ дороги, какъ „жизненнаго пути“,*) пріобрѣтаетъ у него особенную глубину и содержательность, развивается въ дивныя маленькія поэмы (Зимняя дорога, Бѣсы), въ остроумныя блестящія аллегоріи (Телѣга жизни, Дорожныя жалобы), въ которыхъ такъ много пережитого, автобіографически вѣрнаго. Мотивомъ быстрой поѣздки не-

*) „Дорога“ и „Плаваніе“, какъ символы жизни, — уже въ 1814 г. (Городокъ и Къ Ломоносову).

обыкновенно удачно открывается начальное allegro molto Евгенія Онѣгина. Самый „романъ“ начинается съ момента, когда Онѣгинъ и Ленскій „прилетѣли“ къ Ларинымъ. Это второе allegro „Онѣгина“ стоитъ въ строгомъ символическомъ соотвѣтствіи съ слѣдующей темой молніеносно-быстраго развитія чувства въ душѣ Татьяны. Чайковскій геніально понялъ символическую значительность этого мотива „пріѣзда“, давъ ему такое массивное, торжественное, грандіозное музыкальное воплощеніе.

Схема онѣгинской завязки — герой прибываетъ въ опредѣленное мѣсто и здѣсь находитъ героиню, — или аналогичная схема, — герой встрѣчаетъ героиню на пути, — повторяется въ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ во множествѣ произведеній Пушкина. Алеко, „изгнанникъ перелетный“, попадается Земфирѣ, приходитъ съ нею въ таборъ и готовъ идти за нею всюду. Графа Нулина на пути въ „Петрополь“ выворачиваетъ коляска прямо противъ усадьбы Натальи Павловны. Донъ Жуанъ начинается сразу угадываемымъ, только что отзвучавшимъ бѣшеннымъ presto скачки: „Дождемся ночи здѣсь. Уфъ! Наконецъ, достигли мы воротъ Мадрита... „И уже онъ готовъ „летѣть по улицамъ знакомымъ“ разыскивать Лауру, — когда неожиданно встрѣчаетъ Донну Анну. Бурмина мятель заноситъ къ церкви, и онъ вѣнчается съ Марьей Гавриловной.

Столь же широко использованы и богато развиты сродный мотивъ „вхожденія“, „вступленія“ и мотивъ „прогулки“:

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
вхожу ли въ многолюдный храмъ...

Начало „Воспоминаній въ Царскомъ Селѣ“: „...сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный вхожу съ поникшей головой!“ Это уже влечетъ за собою образъ блуднаго сына: и долго я блуждалъ и т. д. А образъ „отрока библіи“ въ свою очередь влечетъ за собою образъ „царскосельскаго отрока“, который „скитался по лугамъ, по рощамъ молчаливымъ“. Равнымъ образомъ во „Вновь я посѣтилъ“ онъ такъ передаетъ живость охватившихъ его воспоминаній: „Кажется, вчера еще бродилъ я въ этихъ рощахъ“. Величайшее счастье для него — „по прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ“ (Изъ Пиндемонте). Онъ хочетъ передать ошеломленность отъ неожиданной измѣны: „стою, какъ путникъ, молніей застигнутый въ пустынѣ“ (Когда любовію и нѣгой упоенный).

Время, чаще всего — почти всегда — описываемое Пушкинымъ, — утро или вечеръ, весна или осень, — однимъ словомъ, время „наступленія“ или „исхода“. Вечеръ — какъ конецъ дня или начало ночи, весна, какъ конецъ зимы или начало лѣта и т. д. Описаніе ведется при помощи образовъ, отмѣчающихъ отдѣльные моменты „наступленія“. Приведу нѣсколько образчиковъ.

1814 г. (Кольна) Рѣдѣетъ ночь, заря багряна лучами солнца возжена; предъ ней катится твердь румяна...

Небесъ сокрылся вѣчный житель, заря потухла въ небесахъ; луна въ воздушную обитель спѣшитъ на темныхъ облакахъ (тамъ же).

1815 (Сраженный рыцарь). Послѣднимъ сіяньемъ за рощей горя, вечерняя тихо потухла заря, темнѣетъ долина глухая... Лѣнивой грядою идутъ облака и съ ними луна золотая.

1815 (Вишня). Румяной зарею покрылся востокъ, въ селѣ за рѣкою потухъ огонекъ... Туманы сѣдые текутъ къ облакамъ...

1816 (Осеннее утро). Поднялся шумъ... Съ небесъ уже скатилась ночи тѣнь, взошла заря, сіяетъ блѣдный день...

1819 (Русалка). Дубравы дѣлались темнѣй, туманъ надъ озеромъ дымился...

1817—20 (Русланъ и Людмила). Ужь поблѣднѣлъ закатъ румяный; надъ усыпленною землей дымятся синіе туманы и всходитъ мѣсяцъ золотой...

1821 (Кавказскій плѣнникъ). Рѣдѣлъ на небѣ мракъ глубокій, ложилась тѣнь на темный долъ, взошла заря... Ср. тамъ же описаніе — въ нѣсколькихъ стихахъ — постепеннаго наступленія вечера и ночи въ аулѣ.

1822 (Вадимъ). Проходитъ ночь, огонь погасъ, остылъ и пепелъ; водъ пучина бѣлѣетъ...

1822—31 (Евг. Он.): ..ужь луннаго луча сіянье гаснетъ. Тамъ долина сквозь паръ синѣетъ. Тамъ потокъ засеребрился...

1828 (Полтава). Рѣдѣла тѣнь, востокъ алѣлъ...

Въ отрочествѣ, какъ и въ періодъ полной художественной зрѣлости, поэтъ пользуется одними и тѣми же образами: поднялись туманы, взошла — или закатилась — луна, погасъ — или зажегся — огонь (любимый образъ „рѣшающаго" мгновенія), рѣдѣетъ тьма. Глаголъ „рѣдѣть" встрѣчается особенно часто. Ср. съ приведенными случаями еще: „рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда...", „едва рѣдѣла ночи мгла" (Русланъ); „и тѣни легкія рѣдѣли" (Мѣсяцъ); „уже рѣдѣютъ ночи тѣни" (Евг. Он. V, 6, 26); „рѣдѣетъ сумракъ" (тамъ же, VII, 44).

Сходные элементы въ великолѣпномъ описаніи утра въ Евг. Он. II, 28:

Она любила на балконѣ
предупреждать зари восходъ,
когда на ближнемъ небосклонѣ
звѣздъ исчезаетъ хороводъ,
и тихо край земли свѣтлѣетъ,
и, вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ,
и всходитъ постепенно день.

Свое полное символическое выраженіе это мироощущеніе получило въ нѣсколькихъ изумительныхъ мѣстахъ Онѣгина: (1) начало VII-ой главы; (2) строфы 40, 41 и начало 42 главы VI-ой; (3) стр. 29, 30 гл. VII-ой. Въ первомъ отрывкѣ наступле-

ніе весны; во второмъ и третьемъ — конецъ лѣта, осень и начало зимы.

Здѣсь каждый почти стихъ отмѣчаетъ одинъ изъ моментовъ даннаго времени года. Картина, развиваясь, непрестанно мѣняется, и притомъ мѣняется непримѣтно. Напр. 41-ую строфу 10-ой главы поэтъ посвящаетъ описанію поздней осени, и кончаетъ: „...дѣва прядетъ и, зимнихъ другъ ночей, трещитъ лучинка передъ ней". Въ этихъ отрывкахъ не фиксируется ни одно мгновеніе, „настоящее" лишено длительности, жизнь природы изображена въ ея подлинной абсолютной текучести.

Снова и снова бросается въ глаза символически столь показательное обиліе глаголовъ становленія или перемѣщенія. Снѣга сбѣжали... Синѣя, блещутъ небеса... Лѣса зеленѣютъ... Пчела летитъ... Или: короче становился день... ложился туманъ... гусей крикливыхъ караванъ тянулся... Приближалась довольно скучная пора... Встаетъ заря... Выходитъ на дорогу волкъ... Путникъ несется въ гору во весь духъ... Пастухъ не гонитъ ужъ коровъ... Или: лѣто быстрое летитъ... Сѣверъ, тучи нагоняя, завылъ... Идетъ волшебница зима... Пришла, разсыпалась... легла коврами... Въ развитіи аналогичнаго мотива въ осени играетъ еще одна черта: точность въ указаніи послѣдовательности отдѣльныхъ моментовъ становленія:

Дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ,
Журча, еще бѣжитъ за мельницу ручей,
Но прудъ уже застылъ...

И опять можно подмѣтить непрерывность художественнаго развитія Пушкина: и эти перлы поэзіи уже заключены in nuce въ одномъ юношескомъ стихотвореніи:

Вянетъ, вянетъ лѣто красно,
улетаютъ ясны дни!
Стелется туманъ ненастный
въ ночи дремлющей тѣни,
опустѣли злачны нивы,
хладенъ ручеекъ игривый,
лѣсъ кудрявый посѣдѣлъ,
сводъ небесный поблѣднѣлъ...
Скоро, скоро холодъ зимній
рощу, поле посѣтитъ,
огонекъ въ лачужкѣ дымной
скоро, скоро заблеститъ... (Къ Наташѣ, 16 г.)

Есть строгое формальное соотвѣтствіе между этими описаніями внѣшняго міра и воспроизведеніемъ фактовъ психической жизни. Въ „Разговорѣ Книгопродавца съ Поэтомъ" и въ „Осени" — изображеніе процесса поэтическаго творчества особенно характерно въ послѣднемъ стихотвореніи: „я забываю міръ и въ сладкой тишинѣ я сладко усыпленъ моимъ вообра-

женьемъ“ и т. д. Или — въ одномъ маленькомъ стихотвореніи — изображеніе еще совершающагося процесса перерожденія чувства любви:

Напрасно, милый другъ, я мыслилъ утаить
тоскующей души холодное волненье:
ты поняла меня, проходитъ упоенье,
перестаю тебя любить.

Въ слѣдующей строфѣ, вѣрный своему пріему, онъ уже говоритъ объ этомъ процессѣ, какъ завершившемся:

Исчезли навсегда часы очарованья,
пора прекрасная прошла.
Погасли юныя желанья,
надежда въ сердцѣ умерла.

Очень рано чувство теченія времени переходитъ въ область его сознанія и находитъ себѣ выраженіе въ поэзіи: см. заключительные стихи „Надписи къ бесѣдкѣ“ (16 г.):

(здѣсь я) въ восторгѣ сладостномъ погасъ
и время самое для насъ
остановилось на минуту.

Жизнь есть движеніе. Успокоеніе въ жизни онъ представляетъ себѣ не иначе, какъ переходъ отъ бурныхъ темповъ къ замедленнымъ. Онъ проситъ Аквилонъ затихнуть:

пусть облакомъ зефиръ играетъ
и тихо зыблется тростникъ.

Воспріятіе всей жизни — космической, личной и соціальной, какъ сплошного процесса, порождаетъ такіе образчики совершенной поэзіи, какъ напр. 19 октября 1836 г., гдѣ символомъ текучести личной жизни избрана „историческая“ жизнь. Поэтъ начинаетъ съ воспоминаній о минувшихъ царско-сельскихъ годовщинахъ. Какъ печальна нынѣшняя по сравненію съ прошлыми: Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется... Не даромъ, нѣтъ, промчалось четверть вѣка! Не сѣтуйте, таковъ судьбы законъ. Вращается весь міръ вкругъ человѣка, ужель одинъ недвижимъ будетъ онъ (3-я строфа). Отсюда начинается новая часть: въ строфахъ 4—8 сжато прослѣживается наполеоновская эпопея въ ея главныхъ стадіяхъ, причемъ каждая картина той или иной исторической бури усиливается движущимся фономъ личныхъ воспоминаній.

...Игралища таинственной судьбы
металися смущенные народы,
и высились и падали цари. (стр. 4-ая)
...когда возникъ лицей
. . . . . .

и мы пришли...
тогда гроза двѣнадцатаго года
еще спала; еще Наполеонъ
не испыталъ великаго народа,
еще грозилъ и колебался онъ (стр. 5-ая).

Стр. 6-ая ея contre partie:

Вы помните, текла за ратью рать;
со старшими мы братьями прощались,
и въ сѣнь наукъ съ досадой возвращались,
завидуя тому, кто умирать
шелъ мимо насъ...
Вы помните, какъ нашъ Агамемнонъ
изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался
. . . . . .

Вы помните, какъ оживились вдругъ
сіи сады, сіи живыя воды... (стр. 7-ая)
И нѣтъ его — и Русь оставилъ онъ,
взнесенну имъ надъ міромъ изумленнымъ
. . . . . .

И новый царь...
на рубежѣ Европы бодро сталъ.
И надъ землей сошлися новы тучи,
и ураганъ ихъ разметалъ. (стр. 8-ая).

Поэтъ не властенъ надъ своими образами, скорѣе наоборотъ. Если образы движенія, „становленія“, такъ владѣютъ Пушкинымъ, то это потому, что онъ непосредственно воспринимаетъ жизнь, какъ движеніе. Можно было бы показать, какъ изъ этого воспріятія жизни органически рождается его „мудрость“; пока же отмѣтимъ только этотъ первый, бросающійся въ глаза, простѣйшій фактъ психологіи Пушкинскаго творчества. Не въ немъ ли лежитъ разгадка прелести его столь животворяще дѣйствующей на душу поэзіи?

П. Бицалли.

Въ мірѣ исканій и блужданій.

I. Знаменательны споръ.

(„Переписка изъ двухъ угловъ“ Гершензона и Иванова.)

„Каждый бьется по своему, многіе мудрѣютъ и крѣпнутъ“... — читаемъ мы въ недавно опубликованномъ письмѣ одного изъ оставшихся „тамъ“, на родной чужбинѣ (газ. „Руль“, № 364, за 27 января с. г., въ статьѣ Лоллія Львова: „Мы и они“). Эти боренія и исканія для насъ, пребывающихъ за рубежомъ, почти всецѣло неизвѣстны и тайны; лишь урывками, чрезъ множество посредствъ, достигаютъ до насъ сбивчивыя и спутанныя вѣсти, и безмѣрно трудно сочетать ихъ въ сколько-нибудь опредѣленный и отчетливый образъ. И все-же чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе несомнѣннымъ становится, что какая то духовная работа „тамъ“ продолжается, что ни бытовой развалъ, ни житейскія тяготы, ужасы и потрясенія не усыпили, не оглушили, не затуманили тревожныхъ и вопрошающихъ. Пусть это совершается подспудно, пусть разрозненно, — лишь въ немногихъ, „избранныхъ“ душахъ: ни дѣланіе духовное, ни дѣланіе душевное статистическому учету не подлежитъ, и не на путяхъ этого учета устанавливается его вѣсъ, смыслъ и значительность. — Понять и сознать ту творческую духовную работу, которая совершается нынѣ въ Россіи, — есть задача настоятельная и властно требующая къ себѣ самаго пытливаго вниманія. И чѣмъ скуднѣе доступный намъ матеріалъ, тѣмъ пристальнѣе долженъ быть анализъ всякаго проявленія созидаемой культурной жизни потусторонней Россіи. Именно съ этой точки зрѣнія представляется „человѣческимъ документомъ“ важности чрезвычайной изданная въ 1921 г. въ Петербугѣ (изд. Алконостъ) „Переписка изъ двухъ угловъ“ Вяч. Иванова и М. О. Гершензона. За каждымъ изъ авторовъ стоитъ долгая исторія исканій, — въ нижеслѣдующихъ строкахъ я отвлекаюсь отъ всего того, что представлялось бы безконечно важнымъ историку русской мысли: я хотѣлъ бы выдѣлить лишь то, чѣмъ эта „переписка“ характерна для современности, — ея собственное идеологическое ядро. Ибо и тѣ вопросы, которымъ она посвящена, и то, какъ они ставятся, и то, какъ обсуждаются они, — все это носитъ на себѣ яркій знакъ современности, свѣжести, новизны.

Раздѣляетъ Иванова и Гершензона не столько различіе ихъ міровоззрѣній, противоположность идеологій, сколько различіе самихъ психологическихъ типовъ, самого подхода къ жизни, стиля и тоноса ихъ духовнаго опыта. Гершензонъ, по мѣткому выраженію Иванова, переживаетъ культуру не какъ живую сокровищницу даровъ, „но какъ систему тончайшихъ принужденій“; „для меня же“, говоритъ Ивановъ, „она лѣстница Эроса и іерархія благоговѣній.“ (Курсивъ здѣсь, какъ и повсюду, мой). Гершензонъ грезитъ о томъ, чтобы сбросить, „какъ досадное бремя“, отяготительный грузъ „умственныхъ достояній человѣчества“, потопить въ волнахъ забвенія „память о всѣхъ религіяхъ и философскихъ системахъ, обо всѣхъ знаніяхъ, искусствахъ, поэзіи, и выйти на берегъ нагимъ, какъ первый человѣкъ“, нагимъ, легкимъ и радостнымъ; ему „мерещится, какъ Руссо, какое то блаженное состояніе — полной свободы и ненагруженности духа, райской безпечности“, той первобытной невинности, когда ничто не стѣсняетъ „первозданный духъ“ человѣческій, — ему хочется „итти гдѣ вздумается, неистоптанными дорогами, неисхоженными тропами“; ему кажется, что это было бы „весело.“ Ивановъ мечтаетъ о другомъ, — о пламенной смерти, объ огненномъ перерожденіи духа, которое возможно всегда и вездѣ, — „въ каждомъ центрѣ любого горизонта,“ независимо отъ историческихъ одеждъ, независимо отъ возраста культуры; но возможно единственно только внутреннимъ напряженіемъ воли, дерзновеніемъ „вѣры,“ мощно и всевластно разрывающей всякія путы и узы. Идеалъ у обоихъ одинъ и тотъ же: „чтобы личное стало опять совершенно личнымъ и, однако, переживалось бы какъ всеобщее, чтобы человѣкъ зналъ во всякомъ своемъ проявленіи, какъ Марія, заодно и свое дитя, и Бога“, формулируетъ его Гершензонъ и повторяетъ за нимъ Ивановъ; но пути къ этому идеалу видятся имъ разные. Они оба одинаково — „индивидуалисты“, но въ основѣ ихъ построеній лежатъ разныя понятія личности. И именно этимъ различіемъ, различіемъ, въ конечномъ счетѣ, самочувствія и объясняется все ихъ расхожденіе, все ихъ различіе въ пониманіи и оцѣнкѣ „культуры.“

Индивидуализмъ Гершензона — это абстрактный формальный индивидуализмъ. Онъ хочетъ „полной свободы,“ „свободы сознаній и исканій“, „первоначальной свѣжести духа“, свободы ото всего, что не родилось въ его собственной личности, что уже создалось, что дается извнѣ, — прежде всего свободы отъ сложившагося быта, свободы отъ исторической сложности. И все внѣшнее, все, не имъ созданное, онъ отвергаетъ, — оно его тяготитъ, мѣшаетъ его дѣланію, связываетъ его силу и волю. Чужія достиженія отравили духовную атмосферу, опутали тончайшею сѣтью растлѣвающихъ соблазновъ человѣческую душу, спеленали

умъ и волю. „Съ ядомъ въ крови, съ изнеможеніемъ въ кости нельзя выйти на свободу“, восклицаетъ онъ. „И вѣра, и любовь, и вдохновенье, — все, что способно освободить духъ, — все въ насъ заражено и болѣзненно, и потому не освобождаетъ. Какъ вы хотите“, недоумѣваетъ Гершензонъ, „чтобы на почвѣ, заваленной глыбами вѣковыхъ умопостроеній и системъ, несмѣтными осадками старыхъ и новыхъ идей, установленной въ безпорядкѣ мавзолеями „духовныхъ цѣнностей“, — непререкаемыхъ цѣнностей вѣры, мысли, искусства, — чтобы на такой почвѣ взрастали могучіе дубы и нѣжныя фіалки. На ней прозябнутъ развѣ чахлый и жидкій кустъ, да плющъ развалинъ“. — Для Гершензона единственная „цѣнность“ — его собственная, самобытная и самодовлѣющая личность, и онъ открыто сознается, что „вовсе не знаетъ и не хочетъ знать, что встрѣтитъ человѣкъ за оградой покинутой тюрьмы...“ „Что онъ тамъ встрѣтитъ, безразлично“ важно, что наличныя „цѣнности“, доставшіяся ему по наслѣдству, а не выработанныя имъ самимъ, ему мѣшаютъ, — онъ „видитъ только преграду и провозглашаетъ только свое отрицаніе“. Конечно какой-то „положительный идеалъ“ уже созрѣлъ въ его сознаніи, и онъ-то и движетъ имъ; но „этотъ идеалъ смутенъ и неизреченъ“: будь онъ инымъ, будь онъ системою, доступной наименованію и объясненію, онъ былъ бы мертвенъ и безсиленъ. Важенъ не онъ, а порывъ къ свободѣ.

Нѣтъ и не можетъ быть никакихъ абсолютныхъ, никакихъ объективныхъ цѣнностей, — такъ можно формулировать точку зрѣнія Гершензона. „Объективная истина и есть, и нѣтъ“, говоритъ онъ самъ; „она реально существуетъ только какъ путь, какъ направленіе, но ея нѣтъ, какъ законченной данности, которую можно и должно усвоить себѣ“. „Откровенія истины, нисшедшія на отцовъ“, жалуется онъ, „превратились въ муміи, въ фетишей и уже не вонзаются въ душу, какъ благостно-разрушительный и плодотворный зарядъ, а заваливаютъ ее сверху глыбами гранита и щебнемъ распавшихся идей“. И это не случайность, — это есть внутренняя неизбѣжная закономѣрность развитія всякой идеи: первоначально она „зарождается въ личности“, и только пока она принадлежитъ ей одной, пока не выходитъ изъ ея тайниковъ, она полна, свѣжа и цвѣтуща; потомъ она замѣчается и принимается міромъ и сразу же „дифференцируется, разлагается на спеціальныя силы, на частные смыслы, въ которыхъ нѣтъ ея полноты и, значитъ, нѣтъ ея сущности“; наконецъ она становится „общепризнанной“ и превращается въ деспота: „вѣнценосная цѣнность холодна и жестока, а съ годами и вовсе каменѣетъ, превращается въ фетишъ“, въ идолъ, хуже того — становится „вампиромъ“. „Я знаю слишкомъ много“, описываетъ Гершен-

зонъ свое чувство, „и этотъ грузъ меня тяготитъ. Это сознаніе не я добылъ въ живомъ опытѣ; оно общее и чужое, отъ пращуровъ и предковъ; оно соблазномъ доказательности проникло въ мой умъ и истомило его. И потому, что оно общее, сверхлично-доказанное, его безспорность леденитъ мою душу. Несмѣтныя знанія, какъ милліоны неразрывныхъ нитей, опутали меня кругомъ, — всѣ безликіе, всѣ непреложные, неизбѣжные до ужаса. На что они мнѣ?“ — Такъ самоутвержденіе личности, взятой и понятой, какъ голая самость, какъ бездверая „монада“, приводитъ къ упраздненію цѣнностей вообще, приводитъ къ своеобразному цѣнностному солипсизму: только я и мои порожденія — цѣнны, а все прочее — тлѣнъ и суета, прахъ и обуза. „Что было во мнѣ потребностью сердца, объявлено моимъ священнымъ долгомъ“, восклицаетъ Гершензонъ, „взято изъ моихъ рукъ, какъ любимое, — и поставлено надо мной, какъ міропомазанникъ“. И ему хочется „свергнуть тирана, чтобы снова обнять въ немъ сына“, снова сдѣлать цѣнности — личными. И это можно, только отвергнувъ ихъ общезначимую обязательность, отвергши всѣ отвлеченныя цѣнности, выросшія изъ частныхъ и индивидуальныхъ, — Искусство, Собственность и Нравственность, Церковь и Религію, Національность, Культуру... Должна остаться только „личность“ и ея „неискоренимыя влеченія“. „Можетъ-быть“ догадывается Гершензонъ, „человѣку нужно было отъ изначальной свободы пройти черезъ долгій періодъ дисциплины, догматовъ и законовъ, чтобы снова, уже инымъ, выйти на свободу: можетъ быть такъ. Но горе поколѣніямъ, на чью долю выпалъ этотъ средній стадій — путь культуры“. И эта прблематическая необходимость ничего не оправдываетъ и не облегчаетъ. „Я знаю и вѣрю, что возможно иное творчество и другая культура, незамуравливающіе всякое благо въ мумію и всякую цѣнность въ фетишъ“. „Какая-то другая воля во мнѣ съ тоскою отвращается отъ культуры, отъ всего что дѣлается и говорится вокругъ. Ей скучно и ненужно все это, какъ борьба призраковъ, мечущихся въ пустотѣ, — она знаетъ иной міръ, предвидитъ иную жизнь, какихъ еще нѣтъ на землѣ, но которые станутъ и не могутъ не стать, потому что въ нихъ осуществится подлинная реальность; и этотъ голосъ я сознаю голосомъ моего подлиннаго „я“.“

Такъ Гершензонъ противопоставляетъ одну культуру — другой: стало быть, не въ томъ суть дѣла, что создалась „вообще“ культура, а въ томъ, что создалась — почему-то — не та, не „подлинная“ культура, а какое то ядовитое и уродливое подобіе ея. И въ этомъ пунктѣ совершенно яснымъ становится внутренняя раздвоенность его замысла обосновать культуру на „чистой“ личности: эта неот-

разимость и неминуемость, эта подлинная „реальность“ и долженствованіе историческихъ свершеній не есть ли тоже узы и гнетъ, не есть ли грузъ и безликое давленіе „отинуду“? Не есть ли эта, на „самочувствіи“ и „самопрозрѣніи“ основанная увѣренность въ благополучномъ наступленіи — когда-нибудь — радостныхъ временъ — тоже общая и отвлеченная „цѣнность“, „доказательностью“ своею пеленающая личныя дерзанія? Не есть ли она — „данное“, хотя бы и въ полусознательномъ опытѣ, не есть ли она — нѣчто „законченное“, а уже не „только путь“? И не долженъ ли абстрактно-формальный индивидуализмъ останавливаться у порога созиданій, исчерпывая нацѣло свои силы во вдохновеніи разрушающей страсти? Можно поставить вопросъ иначе: требуя хожденія по „неисхожденнымъ тропинкамъ“, „первозданный духъ“ свободы-ли своей требуетъ, или просто лучшаго и вѣрнаго пути? Въ томъ ли дѣло, что старый путь — торный, и слаще продираться сквозь чашу и подымать цѣлину, или въ томъ, что старый путь — не туда ведетъ? И еще, — возставая на то, что есть, что сложилось, — во имя новаго, обнаруживаетъ ли сознаніе свою силу или свою слабость, усталую и немощную, утверждаетъ-ли себя воля или рвется къ счастью блаженства, простора и покоя — изъ безконечной сложности бытія? — Поставить всѣ эти вопросы, это значитъ поставить вопросъ о томъ понятіи личности, которое подсказало Гершензону всѣ его утвержденія и мысли.

Вяч. Ивановъ и косвенно, и прямо ставитъ эти вопросы и отвѣчаетъ на нихъ своимъ исповѣданіемъ вѣры. „Наша истинная свобода“, пишетъ онъ Гершензону, „наше благороднѣйшее счастье и благороднѣйшее страданье всегда съ нами, и никакая культура у насъ его не отниметъ“. Живому духу не страшны мертвые идолы, — но преодолѣвается эта мертвенность только на путяхъ внутренняго оживотворенія, глубиннаго, существеннаго порыва и взлета. Только вѣрою преодолѣвается убивающій душу „соблазнъ“ культуры, только ея дерзновеніе разрываетъ путы; „отъ факта вѣры нашей въ абсолютное“, говоритъ Ивановъ, „зависитъ и свобода внутренняя, — она же сама жизнь“. Вѣрующій уже не живетъ „всецѣло“ въ культурѣ, всегда относительной, — онъ уже не всецѣло „имманентенъ“ ей, не сливается, не растворяется въ ней; онъ живетъ въ Богѣ, а „жить въ Богѣ“ это значитъ уже непосредственно, интимно соприкасаться съ „бытіемъ абсолютнымъ“ и тѣмъ самымъ существенно преодолѣвать всякую ограниченность и условность. „Жизнь въ Богѣ — воистину жизнь, т. е. движеніе, — говоритъ Ивановъ, — „это духовное возрастаніе, лѣстница небесная, нагорный путь“. И для того, кто вступаетъ на этотъ путь становленія чрезъ умираніе (Гётевское „stirb und werde!“), сама культура оживаетъ, перестаетъ быть только „монументомъ“, только „равниною развалинъ, или полемъ,

усѣяннымъ костями". „Есть въ ней и нѣчто во-истину священное: она есть память не только о земномъ и внѣшнемъ ликѣ отцовъ, но и о достигнутыхъ ими посвященіяхъ. Живая, вѣчная память, неумирающая въ тѣхъ, кто пріобщается этимъ посвященіямъ... Ибо послѣдніе были даны черезъ отцовъ для ихъ отдаленнѣйшихъ потомковъ, и ни одна іота новыхъ когда-то письменъ, врѣзанныхъ въ скрижаляхъ единаго человѣческаго духа, не прейдетъ. Въ этомъ смыслѣ не только монументальна культура, но и иниціативна въ духѣ", — она будитъ и вдохновляетъ. Монументальна культура только для упадочнаго духа, для „омертвѣлой памяти", — для духа, который не способенъ больше прозрѣвать то подлинное и существенное, что нѣкогда раскрывалось отцамъ. „Духъ не говоритъ больше съ декадентомъ черезъ прежнихъ возвѣстителей, говоритъ съ нимъ только душа эпохъ; духовное оскудѣніе обращаетъ его исключительно къ душевному, онъ становится всецѣло психологомъ и психологистомъ". Декадентъ не можетъ перейти заколдованной грани своей субъективности, — и тогда-то культура начинаетъ тяготить и беременить душу; тогда и рождается мечта освободиться отъ нея „забвеніемъ" и отреченіемъ. „Мечта Руссо", говоритъ Ивановъ, „проистекала отъ его безвѣрія". И мечта эта — обманчивая греза. „Не стряхнетъ (человѣкъ) съ плеча ненавистнаго ига мертвящей преемственности, отмѣнивъ ее насильственно, потому что она вырастетъ на немъ сама собою снова, — какъ горбъ неразлученъ съ верблюдомъ и тогда, когда онъ скинулъ со спины вьючный грузъ, — но освобождается отъ этого ига духъ — только взявъ на себя иное, — „легкое иго"..." „Разучиться грамотѣ и изгнать музъ (говоря словами Платона) — было бы только палліативомъ: снова выступятъ письмена и ихъ свитки отобразятъ снова то же неизмѣнное умоначертаніе прикованныхъ къ стѣнамъ узниковъ Платоновой пещеры". Свобода, „истинная и творчески дѣйственная", добывается „не выходомъ изъ данной среды или страны", „не поверхностнымъ разрушеніемъ внѣшнихъ слѣдовъ и оказательствъ" былого, — но „восхожденіемъ"; и „пуста свобода, украденная забвеніемъ"... „Не помнящіе родства — бѣглые рабы или вольноотпущенники, а не свободно-рожденные", не возродившіеся къ новой жизни люди. Есть только одинъ способъ не быть „понурымъ и унылымъ", „унылымъ гостемъ на темной землѣ", — это „огненная смерть въ духѣ"... „Будемъ вѣрить въ жизнь духа", взываетъ Ивановъ, „въ святость и посвященія, въ незримыхъ святыхъ окрестъ насъ, въ безчисленномъ сонмѣ подвизающихся душъ, и бодро пойдемъ дальше, не озираясь и не оглядываясь, не мѣря пути, не прислушиваясь къ голосамъ духа усталости и косности — о „ядѣ въ крови", объ „изнеможеніи въ кости"... Надо воскреснуть духомъ

и тогда воскреснетъ и все окрестъ... Безъ вѣры въ Бога человѣчество не обрѣтетъ утерянной свѣжести", заключаетъ онъ; — „напрасно сбрасывать съ себя устарѣлыя одежды, нужно скинуть ветхаго Адама. Молодитъ только вода живая". И, обращается онъ къ Гершензону, „предносящійся Вамъ образъ обновленнаго общежитія „безъ музъ и письменъ", какъ бы прельстителенъ онъ ни былъ — обманчивое сновидѣніе и décadance, какъ всякій руссоизмъ, если грезящійся Вамъ людской сонмъ не молитвенная община, а новые всходы такихъ же порченныхъ, какъ мы сами"...

Вся сила указаній Иванова обращена какъ разъ на то понятіе личности, которымъ опредѣляется вся совокупность утвержденій Гершензона. Онъ упрекаетъ тѣхъ, кто сгибается подъ тяжестью исторической ноши и хочетъ ее преодолѣть внѣшне, — „опрощеніемъ, — въ психологизмѣ, т. е. въ сущности въ потерѣ чувства реальности: для декадента „умолкли пророчества", ибо стала къ нимъ невоспріимчива замкнувшаяся въ себѣ душа. Анархическое своеволіе и бунтъ противъ культуры есть оборотная, соотносительная сторона этого онтологическаго и цѣнностного солипсизма: индивидуальность „хочетъ" только себя, кромѣ себя ничего не ощущаетъ, какъ подлинное и цѣнное. Пустынею лежитъ передъ нею міръ, ибо она угрюмо замыкается въ своей монадологической самости. И все тягостное навожденіе разсѣется тотчасъ-же, какъ она прозрѣетъ, и увидитъ, что міръ — живъ. Не потому пріемлетъ Ивановъ исторію и культуру, что исполненъ къ ней „сыновняго почтенія" и склоняется передъ ея созданіями, какъ чѣмъ то сложившимся и потому неизбѣжнымъ, — не въ „стихійную эволюцію культуры" онъ вѣритъ, а въ реальность міра, въ то, что въ космосѣ — есть реальность, что во-истину realia и realiora со всѣхъ сторонъ окружаютъ человѣка. Не одинокъ и не уединенъ человѣкъ въ мірѣ, — міръ исполненъ смысла и символичности, въ немъ нѣчто подлинное раскрывается и возвѣщается. Я „не принадлежу къ тѣмъ запуганнымъ", пишетъ Ивановъ Гершензону, — „которые все изреченное мнятъ ложью. Я привыкъ бродить въ „лѣсу символовъ", и мнѣ понятенъ символизмъ въ словѣ не менѣе, чѣмъ въ поцѣлуѣ любви. Есть внутреннему опыту словесное знаменованіе, и онъ ищетъ его, и безъ него тоскуетъ, ибо отъ избытка сердца глаголятъ уста"... Исторія для Иванова — символъ, откровеніе: за истертыми письменами онъ прозрѣваетъ когда-то вложенный въ нихъ вѣчный смыслъ, вѣчную правду. Духъ чуетъ ее черезъ всякія одѣянія и покровы. Не эмпирическое бытіе пріемлетъ Ивановъ, а его живой и непреходящій смыслъ, и не принужденіе навязывающейся неотразимости руководитъ имъ, а вольное избраніе. И когда онъ говоритъ о грядущей эпохѣ „великаго, радостнаго, всепостигающаго возврата", когда съ надеждою пророчествуетъ,

что нѣкогда вновь „забьютъ промежъ старыхъ плитъ студеные ключи, и кусты розъ прозябнутъ изъ старыхъ гробницъ“, — не на естественные законы жизни онъ опирается и не на научныя предсказанія: онъ вѣритъ въ смыслъ жизни и въ силу человѣческаго творчества. „Я утверждаю“, говоритъ онъ, „что въ личности, — въ духѣ, ее оживляющемъ — и гора Нево, и сама обѣтованная земля“... Это не значитъ, что есть и „значима“ только индивидуальность, — это значитъ напротивъ, что личность властна припасть къ источнику животворящему и живоносному... „Истина, любовь, красота“, говоритъ Ивановъ, „хотятъ быть евхаристическими: „Ѣшьте Мою плоть и пейте Мою кровь; плоть Моя истинно есть пища, и кровь Моя истинно есть питіе“... Должно цѣнности быть распятой и положенной во гробъ, и заваленной камнемъ, и запечатанной печатями: сердце увидитъ ее воскресшей въ третій день...“ „Марія передъ крестомъ — вотъ символъ сердца передъ великою правдой вселенской цѣнности“. — Вселенская цѣнность, цѣнность абсолютная и всеобщая, но тѣмъ не менѣе вовсе не насильственная, не принудительная, а обрѣтенная въ тяжкомъ подвигѣ самоотверженныхъ исканій, — вотъ въ чемъ разгадка пріятія культуры Вяч. Ивановымъ. Онъ вѣритъ въ Бога и въ личное безсмертіе, и именно поэтому при видѣ унынія и тоски своего сожителя по комнатѣ первая мелькающая у него догадка: „Вы усомнились въ личномъ безсмертіи и въ личномъ Богѣ“, — съ этого начинается переписка. Вѣра въ Бога и въ его откровенія въ мірѣ спасаетъ Иванова отъ упадочническаго томленія, — онъ бодръ и радостенъ, онъ — „веселый странникъ на землѣ“ именно потому, что онъ знаетъ, что онъ — не одинъ, что не одинъ онъ — „цѣнность“; не въ себѣ самомъ и не изъ себя онъ долженъ построить свое „счастье“... „Ясно вижу“, пишетъ онъ, „что не найти мнѣ въ моей мнимой личности и ея многообразныхъ выраженіяхъ ни одного атома, подобнаго хотя-бы только зародышу самостоятельнаго, истиннаго (т. е. вѣчнаго) бытія. Я — сѣмя, умершее въ землѣ; но смерть сѣмени — условіе его оживленія. Богъ меня воскреситъ, потому что Онъ со мной...“ „По истинѣ“, сознается Ивановъ, — и врядъ ли легко дается и переносится это сознаніе, — „я не чувствую въ себѣ самомъ ничего, могущаго притязать на вѣчную жизнь. Ничего, кромѣ того, что уже во всякомъ случаѣ не я, кромѣ того всеобщаго и вселенскаго во мнѣ, что связуетъ и духовно осмысливаетъ, какъ нѣкій свѣтлый гость, мое ограниченное и неизбѣжновременное существованіе во всей сложности его причудливаго и случайнаго состава. Но мнѣ кажется все же, что этотъ гость недаромъ посѣтилъ меня и во мнѣ „обитель сотворилъ“. Цѣль его, думается мнѣ, одарить гостепріимца непонятнымъ моему разсудку безсмертіемъ. Моя личность безсмертна не потому,

что она уже есть, но потому, что призвана къ возникновенію. И какъ возникновеніе, какъ мое рожденіе въ этотъ міръ, — оно представляется мнѣ прямымъ чудомъ". Этотъ „свѣтлый гость" — не искра разлитаго во всемъ мірѣ безличнаго божества, не „часть" вселенской жизни, — нѣтъ, для Иванова это — „живой бытійственный принципъ, болѣе содержательный, чѣмъ я", и потому „принципъ" личный, это живая Божественная Личность. „Изъ него я возникъ, и во мнѣ онъ пребываетъ. И если не покинетъ меня, то создастъ и формы своего дальнѣйшаго во мнѣ пребыванія, т. е. мою личность. Богъ не только создалъ меня, но и создаетъ непрерывно и еще создастъ. Ибо, конечно, желаетъ, чтобы и я создалъ Его въ себѣ и впредь, какъ создавалъ доселѣ. Не можетъ быть нисхожденія безъ вольнаго пріятія; оба подвига въ нѣкоторомъ мыслѣ равноцѣнны и пріемлющіе становятся равными по достоинству Нисходящему. Не можетъ Богъ меня покинуть, если я не покину Его. Итакъ внутренній законъ любви, въ насъ начертанный (такъ какъ мы безъ труда читаемъ его незримую скрижаль), — увѣряетъ насъ, что правъ ветхозавѣтный псалмопѣвецъ, когда онъ говоритъ Богу: „Ты не оставишь души моей во адѣ, и не дашь святому Твоему увидѣть тлѣніе..." — Не въ поглощеніи личности сверхличнымъ началомъ — упованіе Иванова, а въ ея утвержденіи въ вѣчности, въ ея личномъ безсмертіи (въ узкомъ и строгомъ смыслѣ слова), благодатно ниспосылаемомъ и даруемомъ свыше, Тѣмъ, „о комъ мы живемъ, и движемся, и есмы..."

Въ глубочайшемъ и напряженнѣйшемъ реализмѣ жизненной интуиціи Иванова — узелъ всей его философіи. Онъ ярко ощущаетъ, что есть въ мірѣ вѣчное и абсолютное, — и рѣзко отграничиваетъ эти безусловныя цѣнности отъ голой данности, и вовсе не пріемлетъ и не оправдываетъ „существующаго", какъ таковаго: какъ и прежде, онъ весь устремленъ „ab realibus ad realiora". Но не мертвою законченною „системою" предстоитъ его взору этотъ вышній міръ самосущихъ цѣнностей; онъ вѣритъ въ Личнаго Бога, Творца и Промыслителя міра и человѣка, онъ вѣритъ въ личное безсмертіе, — вѣчный міръ для него исполненъ жизни, движенія, трепета и порыва... Это міръ непрестаннаго созиданія. И личность для него не законченная, „данная" монада, а — задача, возникновеніе, — подлинный мостъ, „амфибія" межъ двухъ міровъ, между вѣчностью и бываніемъ. Человѣкъ — больше, чѣмъ „часть природы", больше, чѣмъ „песчинка", атомъ, больше, чѣмъ частное явленіе или случай общаго закона, чѣмъ экземпляръ нѣкотораго вида: въ каждой точкѣ существующаго и воленъ, и силенъ онъ возстановить „вертикаль" — и взойти ввысь, и пріобщиться тому, что выше его и что во-вѣкъ пребываетъ. Не своею монолитностью и законченностью, не своими достояніями и достиженіями цѣнна „культура", а своею внутрен-

ней жизнью, тѣмъ, что въ ней непрестанно раскрываются, осуществляются и творятся Божьи чудеса. — Ивановъ со всей силой переживаетъ и разграниченность, и сочетанность двухъ міровъ: тамошняго и здѣшняго; и здѣшнее легко для него потому, что, во-первыхъ, всегда есть уходъ въ тамошнее, а, во-вторыхъ, „нездѣшнее“ постоянно прорываетъ сѣти посюсторонней ограниченности. И тлѣніе, и зло, и заблужденіе не оправдываются въ своей необходимости или въ грядущемъ, земномъ преодолѣніи, а просвѣтляются сіяніемъ высшаго свѣта. Существуетъ конкретная задача для творческихъ усилій: освящать тлѣнное земное высшими цѣнностями небесными, и именно поэтому личность выводится за свои предѣлы, и ея порывы къ себѣ самой изъ замыкающихъ становятся расширяющими. Именно потому, что есть вѣчный міръ, который отображается въ мірѣ относительномъ и условномъ творчески и свободно, не изливаясь въ него, не переходя въ него, не порождая его изъ себя, а только созидая и осѣняя его изнутри и свыше, — оказывается возможнымъ, по выраженію Иванова, „быть веселымъ странникомъ на землѣ, не покидая родного города, и стать нищимъ въ духѣ, не вовсе забывъ самое ученіе“.

Міроощущеніе Иванова, — и въ этомъ его своеобразіе, — опредѣляется не привычною противоположностью двухъ взаимно-исключающихъ началъ: общаго и единичнаго, міра и индивидуума, космоса и личности и т. д., а, такъ сказать, тремя координатами: это — Богъ, міръ и человѣкъ (точнѣе — люди). И именно поэтому въ немъ преодолѣваются роковыя антиноміи философической мысли. Когда имѣется два начала, ихъ можно согласовать лишь путемъ іерархическаго распорядка. Поэтому неизбѣжно либо за общимъ, либо за единичнымъ признается „приматъ“, а въ конечномъ счетѣ — и единственная подлинность. Въ какой-бы установкѣ, въ какомъ-бы смыслѣ мы ни утвердили „монизмъ“, — индивидуальное въ немъ погибнетъ безъ остатка; человѣкъ станетъ „вещью“, вовлеченной въ закономѣрную и непреодолимую игру безликихъ силъ космоса, въ его непроницаемую для него и внѣшнюю судьбу, радостную или горькую, — личность получитъ значеніе не ради себя самой, а ради чего-то ей посторонняго. И обратно, всякій „индивидуализмъ“ въ послѣдовательности своей тяготѣетъ къ анархизму и солипсизму, гдѣ бы ни лежала его отправная точка: въ онтологіи, въ гносеологіи, или въ этикѣ, — личность данная и готовая, какъ цѣнность, вырывается всецѣло изъ окружающаго ее, изъ всего, что не есть она сама, и естественно отвергаетъ все „остальное“, замыкаясь въ монаду „безъ оконъ“ или уходя въ субъективизмъ оцѣночной этики „категорическаго императива“. Такъ неизбѣжно одно изъ двухъ: либо всецѣлое „оправданіе“ существующаго въ его полнотѣ и цѣльности,

либо „опрощеніе“, „бѣгство“, „забвеніе“, „бунтъ“ — во имя „своеволія“ и „безвластія“. Зачарованное кольцо соотносительныхъ антиномій разрывается только религіозною идеею, только исповѣданіемъ Бога-Отца, Творца и Промыслителя міра и человѣковъ. Міръ и личность предъ нимъ становятся соподчиненными, и обрѣтается недостижимый прежде синтезъ „свободы“ и „необходимости“. — Да, міръ и исторія закономѣрны и необходимы, и эта надчеловѣческая среда объемлетъ личность, — но законы эти не мертвенные переходы діалектики замкнутаго въ себѣ разума, а живая воля Личнаго Бога, недовѣдомая и несоизмѣримая съ выкладками человѣческой мудрости; и въ ней „разумность“ сочетается съ любовью, ибо Λόγος и Σοφία — не абстрактныя схемы, а Сынъ Божій и Божія Премудрость. Да, личность свободна, — но не свободою безбережно-пустого произвола, а свободою волевого избранія между подлинно-реальными путями жизни и смерти... Свобода ея не въ томъ, что она вольна дѣлать „что угодно“, а въ томъ, что бытіе ея въ самосозиданіи, въ творческомъ возникновеніи, и состоитъ въ томъ, что живетъ она лишь постольку, поскольку она самоохотно пріобщается къ истинной жизни. Свобода — не стихійное свойство, а заданіе для тяжкаго жертвеннаго подвига. И въ этомъ контекстѣ идей, дѣйствительно, оживаетъ міръ, весь превращается въ Вефиль, — это библейское имя вспоминаетъ Ивановъ, — и ангелы Божіи непрестанно нисходятъ и восходятъ по лѣстницѣ между двухъ міровъ.

Не о „культурѣ“ спорятъ Ивановъ и Гершензонъ, а о Богѣ. „Мы діагональны по духу“, говоритъ Гершензонъ, и совершенно точно: они движутся въ разныхъ плоскостяхъ, лишь пересѣкающихся въ какой-то линіи общихъ признаній: все существо ихъ міровоззрѣній существенно различно. Предъ нами два ощущенія личности, два „индивидуализма“: монадологія, непослѣдовательно сочетающаяся съ признаніемъ единства по природѣ между отдѣльными монадами и — чистый динамизмъ міра живыхъ цѣнностей, тревожнаго исканія и трепетнаго раскрытія эмпирическихъ „я“ — вышнимъ силамъ нездѣшнимъ. „Мой Богъ, невидимый, — не требуетъ, не пугаетъ, не распинаетъ“, пишетъ Гершензонъ; „Онъ — моя жизнь; мое движеніе, моя свобода, мое подлинное хотѣніе“. Иначе — Богъ во мнѣ, ядро мое. И мы уже видѣли, какъ рѣзко Ивановъ въ противовѣсъ этому имманентизму подчеркиваетъ подлинное „зіяніе“ между „мнимой личностью“ человѣческой и бытіемъ вѣчнымъ. Понятно, что Гершензону доступенъ одинъ путь — вглубь себя одного, а Иванову открытъ — весь Божій міръ...

Въ „Перепискѣ изъ двухъ угловъ“ не исчерпывается вся сложность затронутыхъ въ ней вопросовъ. И не въ этомъ ея смыслъ и значеніе: предъ нами два живыхъ міроощуще-

нія, два стиля жизни... И для „сочувственной“ интуиціи явны всѣ внутреннія тяготѣнія и итоги обоихъ. — Изъ „эгоизма“, изъ самочувствія себя „Единственнымъ“ никакого творческаго импульса не рождается, — твореніе и созиданіе должны какъ-то произойти. Какъ выражается Ивановъ, такой индивидуалистъ неизбѣжно становится „бѣгуномъ“. Но не въ отрицаніи индивидуализма и не въ смиреніи передъ стихіями — преодолѣніе психологіи бѣгущихъ, а только въ страхѣ Божіемъ, въ смиреніи передъ Творцомъ, передъ Богомъ снисходящимъ и любовнымъ, желающимъ не рабскаго, а сыновняго покорства. Тутъ впервые становится возможною творческая жизнь, созиданіе въ исторіи и созиданіе исторіи, какъ претвореніе въ дѣйствительность вѣчныхъ заданій всяческаго бытія.

„Тѣломъ утомлены, но духомъ бодры и непоколебимы“, — да будетъ позволено окончить эти строки цитатою изъ того же письма, словами котораго онѣ начаты. — Въ утвержденіяхъ Иванова явно чувствуются новыя достиженія, новыя обрѣтенія на томъ же пути, по которому давно уже шествуетъ русская религіозно-философская мысль, — по пути въ ограду церковную. Ибо міроощущеніе Иванова не просто религіозное, — хотя ни имени Христова, ни имени Церковнаго онъ не называетъ — а именно Церковно-христіанское. Только Церковь, какъ „единство Божьей благодати, живущей во множествѣ разумныхъ твореній, покоряющихся благодати“ (говоря словами Хомякова), есть та „молитвенная община“, которою чаетъ Вяч. Ивановъ увидѣть грядущее обновленное человѣчество: только въ ней сочетаются и объединяются въ существенномъ Богообщеніи и праотцы, и потомки, только въ ней живые и умершіе, жившіе и еще грядущіе въ міръ во-истину едины силою единства равно помазующей ихъ благодати. Только Церковь есть подлинное всечеловѣчество, возведенное къ Богу. — И не то важно, сдѣлалъ-ли Вяч. Ивановъ самъ уже эти выводы, а то, что онъ достигъ той точки, на которой они становятся неизбѣжны, — да еще то, что съ выразительностью онъ показалъ, какъ тѣсно связаны съ этими выводами наши рѣшенія конкретныхъ проблемъ „философіи жизни“. Въ этомъ смыслѣ „Переписка изъ двухъ угловъ“ — симптомъ и знаменательный, и важный.

II. Соблазнъ прекраснодушія.

Русская мысль проходитъ теперь полосою разлада и сомнѣній, полосой разочарованій и мнимыхъ обрѣтеній, утратъ и новыхъ исканій. Въ разбитыхъ и разсѣянныхъ по всему лицу земному бѣженскихъ ячейкахъ это сказывается, въ общемъ,

болѣе ярко, чѣмъ въ Россіи, и полное отсутствіе установившихся не только воззрѣній, но и заданій выступаетъ здѣсь крайне рѣзко. Есть, правда, нѣсколько идей, вокругъ которыхъ совершаются какіе-то кристаллизаціонные процессы, — но и идеи эти смутны, и процессы сложенія взглядовъ зашли еще очень не далеко. Неизмѣнно повторяется только чувство неувѣренности и безпокойства, какого-то недоосознаннаго ожиданія. Все съ большею и большею силой входитъ въ мысль сознаніе исключительности, поворотности переживаемаго момента; все живѣе и ярче начинаетъ ощущаться, что уже совершился какой-то глубинный духовный сдвигъ. Общность такого ощущенія нисколько не приводитъ къ объединенію и согласованію взглядовъ; напротивъ, какъ разъ съ оцѣнки, — притомъ интуитивной, досознательной, — этого сдвига и начинается наиболѣе рѣзкое расхожденіе. Еще въ 1918 году Гершензонъ заговорилъ о совершающейся на нашихъ глазахъ смерти и гибели стараго міра; теперь онъ печально отходитъ въ сторону, чтобы спастись отъ рушащихся его стѣнъ. Лишь въ отдаленномъ будущемъ видится его взору возможность новаго соціальнаго межчеловѣческаго строительства, — настоящее для него только умираніе, агонія... И онъ весь уходитъ въ отрицаніе, грустное и тревожное, но за предѣлами личности бездѣйственное. Это своего рода призывъ погасить въ своей душѣ „волю къ жизни“: все гибнетъ, все плохо, и потому — пусть умираетъ хилое, истощенное, ненужное... И этому крайнему пессимизму противостоятъ новыя формы прекраснодушной вѣры въ то, что „все къ лучшему въ семъ лучшемъ изъ міровъ“: ибо все хорошо, ибо за смертью идетъ рожденіе, ибо среди кровей и ужаса, среди горя и злодѣйства новый міръ родится, восходитъ и утверждается. Такова идейно-психологическая основа того „пріятія революціи“, которое становится все болѣе заманчивымъ и прельстительнымъ со дня на день, — и должно приглядѣться именно къ этому основному пласту „націоналъ-большевизма“, чтобы понять его возникновеніе и преодолѣть его по существу: позитивно-политическая идеологія есть только надстройка надъ нимъ.

Въ основѣ названныхъ только что взаимно-противоположныхъ, но и полярно-сочетанныхъ міроощущеній лежитъ общее воспріятіе жизни, — воспріятіе жизни, какъ стихійнаго, природнаго процесса умиранія и зарожденія, какъ мощнаго, надличнаго и потому безликаго потока безсознательнаго творчества, тѣмъ не менѣе несущаго все неудержимо къ какой-то предѣльной чертѣ. Черта эта незнаема, — но неизбѣжна; и въ этомъ ощущеніи неизбѣжности, неотвратимости, необходимости коренится обособляющій ужасъ однихъ и объединяющая радость другихъ, — все зависитъ отъ того, въ какую краску одѣвается горизонтъ: въ черную мглу или

въ пурпуръ. Здѣсь характерна всеобщность захвата, безграничность, универсальность, „планетарность“ утвержденія: она не случайна, а вытекаетъ изъ самой сути воспріятія міра и исторіи подъ знакомъ необходимости, — причинныя связи все сковываютъ и во-едино скрѣпляютъ. Либо все хорошо, либо все плохо, — не иначе: непосредственная оцѣнка отдѣльныхъ явленій всецѣло замѣщена „объяснительнымъ“ отнесеніемъ каждаго изъ нихъ къ общей связи, къ цѣлостному плану бытія и свершеній. Отсюда и рождается на первый взглядъ загадочное равнодушіе, какой то дерзостный цинизмъ къ окружающему хаосу, безразличіе къ тому, о́ чемъ поютъ колокола, „зовутъ-ли колокола молиться или поджигать“... Послѣднія слова — подлинная цитата, а между тѣмъ она почти буквально напоминаетъ нѣсколько строкъ изъ Соловьевской „Бѣлой Лиліи“, гдѣ „сокрушенный помѣщикъ“ не знаетъ „чего искать, кого любить: идти ли въ храмъ молиться Богу, иль въ лѣсъ прохожихъ убивать...“ И, вѣдь, если все небходимо, то пустъ и безсодержателенъ всякій „категорическій императивъ“, — тогда „все позволено“ въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова, тогда можно покойника ткнуть ногой и безстыдно радоваться пожарамъ...

* * *

Въ концѣ 1920 года въ Харбинѣ началъ выходить подъ редакціей Н. Устрялова „литературно-художественный ежемѣсячникъ „Окно“, — у меня подъ рукою его первые номера — за ноябрь и декабрь 1920 г. Самъ по себѣ никакими „достоинствами“ этотъ журналъ (кстати замѣтить, чуть ли не единственный изъ теперешнихъ русскихъ журналовъ — программно-„аполитичный“) не обладаетъ: нѣтъ въ немъ ни „новыхъ мыслей“, ни свѣжихъ темъ, ни яркаго дарованія; но, быть можетъ, этимъ только усугубляется его показательность для нашей эпохи безформенныхъ блужданій мысли. На всемъ его содержаніи явная печать глухого провинціализма, — но не простого медвѣжьяго угла, а какихъ-то нездоровыхъ закоулковъ, какого-то ядовитаго болота съ отравляющими испареніями. И тѣмъ яснѣе для наблюдателя та извращенная духовная „установка“, въ которой родится ликующее „примиреніе съ дѣйствительностью“, подлинные — а не придуманные — именины по поводу позора и гибели родины. — Первое впечатлѣніе отъ любой страницы журнала — какая то жуткая смѣсь бездарности, безвкусія и дерзости, облекающейся въ священныя и возвышенныя слова. Въ какую-то кощунственную смѣсь сочетаются здѣсь патріотическія восклицанія, прѣсно-порнографическіе разсказы — „миніатюры“ и стихи, панегирики Скрябину, переводы изъ Сёрена Киркегора и мечты о томъ времени, когда „вмѣсто моногаміи наступитъ свободная форма любви“, „церковь утратитъ силу“ и „формы производства достигнутъ

болѣе высокаго состоянія". И всѣ эти утвержденія выражаются въ какой-то кудряво-мишурной вереницѣ ненужно многихъ словъ... Читая наугадъ раскрытыя страницы журнала, съ тревожнымъ недоумѣніемъ спрашиваешь себя: при чемъ здѣсь „любовь къ родинѣ", при чемъ здѣсь націонализмъ, къ чему пророчества о „Скиѳскомъ расцвѣтѣ"... И чѣмъ болѣе вникаешь въ эту психологическую загадку, тѣмъ яснѣе чувствуется что связь, дѣйствительно, есть, — и жуткое ощущеніе наростаетъ безъ мѣры: развращающее вліяніе „идеи" раскрывается во-очію со всѣмъ его подлиннымъ трагизмомъ. Невольно вспоминаются евангельскія слова о соблазнителяхъ: „уне есть ему, да овѣсится камень осельскій о выю его и да потонетъ въ пучинѣ морстѣй..." — Цинизмъ и патріотизмъ сплетаются въ единый клубокъ потому, что нѣтъ здѣсь любви одухотворенной, просвѣтляющей и дерзновенно-жертвенной: есть голая „зоологическая" стихійная страсть къ родимой плоти, къ „родимому хаосу, древнему", — любовь крови, а не любовь Духа.

„Нашъ храмъ," читаемъ мы въ редакціонномъ предисловіи, — „красота національной души, съ колокольни Кремля подающей руку рукамъ на колокольнѣ „Notre Dame"... Наша любовь къ родинѣ и русской культурѣ — не упадочная немощная привязанность къ куклѣ изъ папье-маше, которую можно трепать по всѣмъ космополитическимъ отелямъ... Это живая, полнокровная страсть ко всему многотысячеверстному черноземному тѣлу Россіи, полному противорѣчивыхъ пульсацій и загадокъ; къ этому родному, жестокому сфинксу въ сарафанѣ съ глазами мягкими, какъ первый снѣгъ. Намъ не избыть этой любви, какъ не избыть сосновому бору своего смолистаго запаха, — какъ не избыть куполу кремлевской звонницы своего златосверканія, все равно — зовутъ ли колокола молиться или — поджигать... Не надо отчаянья! Будьте внимательны къ себѣ и къ жизни. Въ дыму пожара и въ прозрачномъ затишьѣ дня; въ утренней прохладѣ и въ осыпающемся золотѣ вечера — таится одна вѣчная, неизмѣнная, мудрая благодать смысла и красоты. Сегодняшній день невиданно-ужасенъ, но онъ таитъ въ себѣ и невиданно-плодородныя Нови... Нужно только умѣть разслышать сквозь шипѣнье пылающихъ бревенъ ликующія свирѣли Разсвѣта... Нужно только быть достаточно зоркимъ и разглядѣть въ хаосѣ громыхающихъ, желѣзныхъ ногъ — легкія торжествующія сандаліи розосвѣжей зари... Разсвѣтъ поетъ, приближаясь... (№ 1, с. 4, — я привожу эту длинную выдержку въ виду ея яркой характерности.) — Рождается новая жизнь, — а вѣдь всякое рожденіе сопряжено съ муками, съ кровью, а позади стоитъ безуміе, быть можетъ, преступной страсти: одна, вѣдь, Афродита родилась безбольно и прекрасно, — изъ морской пѣны и среди

благоухающихъ розъ. Этимъ „эротизмомъ“ національнаго чувства и объясняется, почему участники „Окна,“ „счастливые своимъ возрожденіемъ,“ — „танцуютъ новый танецъ въ честь гибели старой культуры“ (Ф. Кубка, Гибель декаденства, № 2, с. 36.) Имъ многое безразлично, ибо, какъ формулируетъ со-редакторъ „Окна“ Сергѣй Алымовъ, они не хотятъ смотрѣть на совершающееся „черезъ кулачекъ личнаго“ и потому принципіально оставляютъ „точку зрѣнія личныхъ удобствъ или неудобствъ.“ Они глядятъ „черезъ зоркія стекла мірового бинокля“, — съ „точки зрѣнія творчества міра.“ Они хорошо видятъ, что „умираютъ дѣти, не выдерживая обстановки раскаленной до красна жизни,“ что „дикіе инстинкты пляшутъ у міровыхъ костровъ танецъ каннибаловъ;“ для нихъ это — „только детали чудесной, спокойной и мудрой картины, чье имя — „Новая жизнь“...“ (С. Алымовъ, Пламенная эра, № 2, с. 33.) „Русская жизнь, — это пашня, золото зрѣющихъ нивъ,“ говоритъ тотъ же авторъ стихами. „Въ нихъ наша русская правда, правда казнящихъ вѣхъ. Ими навѣки оправданъ кровопролитный нашъ грѣхъ.“ (С. Алымовъ, Русь надвѣчная № 1, с. 7) Отсюда легокъ и понятенъ переходъ къ „Звѣренью надснѣжному,“ какъ надписано другое стихотвореніе его-же, преисполненное необузданнаго эротизма и кончающееся „молитвой“ — „Милосердія отверзи ми двери, оставь мя звѣремъ!“ Вѣдь только звѣрь подлинно „пріемлетъ божью нѣгу“ природныхъ сбываній! (№ 2, с. 15.) „Не даромъ наши предки на пирахъ пили брагу изъ человѣческихъ череповъ,“ восклицаетъ С. Алымовъ и радостно прибавляетъ: „О, эти чубатые предки, въ которыхъ расцвѣтала жестокая Нѣжность!“ (№ 2, с. 31.)

Не близорукостью, а какимъ-то острымъ порокомъ „центральнаго зрѣнія“ объясняется „пріятіе революціи,“ — я бы назвалъ этотъ порокъ „натурализмомъ,“ слѣпотою страстнаго эроса. „Патріотизма“ нельзя отрицать за тѣми авторами, которыхъ мы только что цитировали, — въ Россію они твердо вѣрятъ. Но никогда не слѣдуетъ забывать, что не всякая вѣра спасаетъ, — ибо „и бѣсы вѣруютъ, и трепещутъ,“ — и даже вѣра, горы силою дерзновенія своего переставляющая, безъ любви не только ничто, но и ложь, святотатство и тяжкій грѣхъ. Достоевскаго не обманывало ясновидѣнье пророка, когда отцомъ своей завѣтнѣйшей идеи о „народѣ-богоносцѣ“ онъ дѣлалъ одержимаго „самозванца“ Ставрогина: „патріотизмъ“ можетъ быть и праведнымъ и грѣховнымъ... И онъ всегда грѣховенъ, когда только голосъ плоти и крови внушаетъ его; святое родится отъ Духа, отъ безраздѣльной, безкорыстной и самоотрекающейся любви къ тому, что превыше всего, и родины, и земли, и міра... Только любовь къ живымъ самоцѣнностямъ рождаетъ его и можетъ его породить. Но она разрываетъ петли роковой необходимости, она не пріемлетъ безликаго творчества міровой стихіи: творчество она

сосредотачиваетъ въ душѣ и дѣлахъ свободнаго и отвѣтственнаго дѣятеля-личности, реально избирающаго пути и цѣнности... — Я не критикую „пріемлющихъ революцію:“ имманентно они неуязвимы; надо разорвать заколдованный кругъ ихъ духовной „установки“... Въ ея предѣлахъ „ярость“ стихій, ихъ косящій и крушащій тѣла и души размахъ — не только не минусъ, но плюсъ: ибо въ немъ выявляется созидающій напоръ творящей Силы.

Изъ психологіи пассивнаго созерцанія, — неизбѣжнаго, разъ „все необходимо“, — родится оправданіе революціи и террора. Въ „Окнѣ“ оно дается Н. Устряловымъ въ двухъ статьяхъ „Ликъ вѣка сего“ (№ 1, стр. 25—29) и „Религія революціи“ (№ 2, стр. 48—55). „Кривыми путями приближаются всѣ прекрасныя вещи къ цѣли своей“, — этотъ афоризмъ Ницше беретъ Устряловъ себѣ за эпиграфъ къ первой изъ нихъ. Связывать себя съ „великими“ — обычная манера „націоналъ-большевиковъ“; и Гегелемъ, и Ж. де Местромъ, и Достоевскимъ, и Влад. Соловьевымъ пытаются они подпереть свои вѣщанія; и въ этомъ кощунственномъ попираніи дорогихъ именъ снова сказывается исходный аморализмъ. Нужды нѣтъ, что Соловьевъ гимновъ рождающейся на кровяхъ культурѣ никогда не пѣлъ и не радовался, а скорбѣлъ о предносившейся ему гибели Запада: весь смыслъ его „катастрофизма“ — въ томъ, что онъ не видѣлъ въ Европѣ „новыхъ идей“ и говорилъ объ истощеніи началъ личнаго творчества. Его можно „поправить“, и „дополнить“ его діагнозъ своимъ, новымъ. „Сумрачное лоно и темный корень — необходимыя условія любого цвѣтенія“, говоритъ Устряловъ и продолжаетъ: „нельзя не чувствовать исключительно напряженной активности и огромнаго размаха въ цѣломъ рядѣ послѣвоенныхъ движеній и, конечно, въ русской революціи прежде всего.“ Его отрицательный характеръ Устрялова не смущаетъ: созиданіе, разрушеніе, — вѣдь, „эти категоріи... — весьма условны. Нерѣдко размахъ отрицанія и ненависти — своеобразное ручательство жизненности организма. Нужно только, чтобы въ послѣднемъ итогѣ поле битвы осталось за началомъ созиданія и любви“ (№ 1, стр. 28). — Но въ томъ-то и трагедія слѣпого натурализма, что для него нѣтъ духа созиданія и любви внѣ стихійнаго круженія историческихъ вихрей. Идеаловъ и цѣнностей ему не предносится никакихъ, — и все „оправданіе жизни“ приводится къ тому, что „жестокая вещь — жизнь, „ранняя грѣшница съ глазами ребенка“, и прекрасная вещь, — недаромъ и приближается она къ цѣли своей кривыми путями“ (№ 1, стр. 29). Устряловъ цитируетъ слова де-Местра, нѣсколько, правда, смущенный ихъ „парадоксальностью“ — „Lorsque l'âme humaine a perdu son ressort par la mollesse, l'incrédulité et les vices gangreneux qui suivent l'éxcès de la civilisation, elle ne peut être retrempée que dans le sang“, ибо „le sang est l'engrais de cette plante qu'on appelle génie

(Considérations sur la France, Lyon, 1834, pp. 43-45). — Такъ оправдывается кровь. „Желѣзнымъ посохомъ Грознаго правитъ нынѣ великая русская революція, и, трепеща, повинуются мятежному жезлу ея“, продолжаетъ эту мысль самъ Устряловъ. „Но придетъ время, и, быть можетъ, уже недалеко оно, — и, какъ нѣкогда жезлъ Аарона, расцвѣтетъ этотъ посохъ, и склонится зачарованный міръ передъ розою живого духа творческой культуры, явленной народомъ-богоносцемъ“. (№ 2, стр. 55). Не на силу личнаго подвига, подъявшаго и свободно свершившаго вольно избранное заданіе, опирается надежда Устрялова: его мысль движется въ „зачарованномъ мірѣ“ всеобщаго — закономѣрностей, свершеній, сбываній... Не на святость русскаго идеала уповаетъ онъ, а на то, что русскій народъ, какъ выражается Алымовъ, этотъ „сѣросермяжный Мессія“, есть „лучшій изъ божьихъ породъ“. (№ 1, стр. 7). Въ глубинахъ этой исторіософіи мы открываемъ знакомыя раціоналистическія признанія о „разумности дѣйствительности“, о „лучшемъ изъ міровъ“ — это не что иное какъ обожествленіе міра, отождествленіе цѣнности и факта, отрицаніе „міровъ иныхъ“. Правда, здѣсь преодолѣнъ „логизмъ“ отвлеченныхъ схемъ и плановъ, здѣсь отвергнутъ голый „матеріализмъ“; но остался тотъ же „паѳосъ необходимости“ и по прежнему нѣтъ морально-автономной личности, нѣтъ мѣста для подвига и для творчества отвѣтственнаго...Нѣтъ потому, что міромъ правитъ слѣпая стихія, а не Богъ — Отецъ, Сынъ и Духъ Святый.

Здѣсь — корень „націоналъ - большевизма“: въ „метафизикѣ“, а не въ поверхностной плоскости политическихъ воспріятій и оцѣнокъ. И отсюда съ особенной ясностью вытекаетъ единственный до конца достигающій путь его преодолѣнія. Не на путяхъ эмпирическихъ доводовъ и расчетовъ, не на путяхъ даже отвлеченнаго философствованія о правѣ и государствѣ, — а только чрезъ огненное „испытаніе духомъ“... Въ основаніи „пріятія революціи“ лежитъ больная душа, и понять эту болѣзнь и искать ей исцѣленія въ напряженіи религіознаго устремленія — единственный путь возстанія и созданія изъ себя подлиннаго строителя грядущей Россіи.

Родится Она только въ духѣ, собирающемъ на небесахъ сокровища свои. И о Духѣ молиться надо намъ въ этотъ часъ сѣянья соблазновъ и душевредной смуты.

Георгій В. Флоровскій.

Прага. 19-III 1922.

Проблема индетерминизма въ свѣтѣ статистической физики.*)

Міръ, какъ массовое явленіе! Эта точка зрѣнія, внесенная въ физику кинетической теоріей теплоты, настолько было потеряла къ концу XIX вѣка симпатіи физиковъ, что Больцманъ — одинъ изъ наиболѣе яркихъ и крупныхъ ея провозвѣстниковъ — съ грустнымъ смиреніемъ заявляетъ въ предисловіи ко второй части своихъ Vorlesungen über Gastheorie, вышедшей въ 1898 г.: „было бы, на мой взглядъ, ущербомъ для науки, если бы теорія газа, подъ дѣйствіемъ царящаго сейчасъ въ наукѣ враждебнаго къ ней отношенія, была такъ же предана забвенію, какъ, напримѣръ, въ свое время теорія волнообразнаго движенія свѣта, подъ давленіемъ авторитета Ньютона". А въ 1921 году профессоръ Тиррингъ въ лекціи „о задачахъ и цѣляхъ теоретической физики", напротивъ,

---

*) Ch.-Eug. Guye, L'évolution physico-chimique. Paris, 1922, стр. 116, Frcs. 5.

Подъ заглавіемъ „Физико-химическая эволюція" профессоръ физики Женевскаго университета Guye выпустилъ въ выходящей въ Парижѣ „Библіотекѣ научнаго синтеза" (Bibliothèque de synthèse scientifique) три популярныхъ статьи по общимъ вопросамъ философіи науки, сопряженнымъ съ тѣми перемѣнами, которыя произошли за послѣднюю четверть вѣка въ области предмета его спеціальности, физики. Книгу нельзя признать удачною. Авторъ плохой популяризаторъ. Онъ не обладаетъ даромъ поставить себя на уровень знаній читателя-не-физика; не обладаетъ и даромъ сжатаго выпуклаго изображенія. Въ той области, гдѣ онъ хозяинъ, онъ ведетъ изложеніе торопливо, испытывая, видимо, чувство, что это и такъ всякому извѣстно. То, чѣмъ онъ самъ владѣетъ менѣе прочно, онъ склоненъ излагать подробнѣе, — опять таки, видимо, изъ чувства, что съ этимъ то не каждый знакомъ. При этомъ и здѣсь онъ не умѣетъ выдержать линію опредѣленныхъ допущеній касательно подготовки читателя, — то пространно излагаетъ сравнительно простыя вещи, то вскользь вплетаетъ очень сложныя. Съ другой стороны, не располагаетъ авторъ и достаточно глубокимъ проникновеніемъ во всѣ тѣ смежныя области знанія, куда заводитъ его поставленная задача: въ теоріи вѣроятностей, на которую ему постоянно приходится опираться, и въ статистикѣ опредѣленно чувствуется, что здѣсь онъ — не дома. Въ какой мѣрѣ онъ — дома въ области философіи, сказать трудно: полной увѣренности не испытываешь въ этомъ при чтеніи.

Но если книга Guye и далека отъ совершенства, то все же она достойна вниманія въ виду глубокаго значенія разсматриваемыхъ въ ней вопросовъ и отсутствія сводныхъ по нимъ трудовъ на книжномъ рынкѣ. Многія изъ ея страницъ заслуживаютъ быть прочтенными каждымъ, кого интересуетъ переворотъ въ научномъ міропониманіи, связанный съ происходящимъ на нашихъ глазахъ претвореніемъ физики въ науку статистическую.

съ сокрушеніемъ взываетъ: „какъ ни понятно, что, въ виду громадныхъ успѣховъ атомистики за послѣднее время, каждый въ первую очередь ею и занимается, все же было бы достойно сожалѣнія, если бы начали разсматривать классическую термодинамику, какъ старый хламъ, или терпѣть ее лишь, какъ описательный добавокъ къ статистикѣ". Такъ за какихъ нибудь два десятилѣтія измѣнилось положеніе!

Основныхъ причинъ такой перемѣны двѣ: работа теоретической мысли, распространившая представленіе объ атомистической, „гранулярной" структурѣ съ матеріи на электричество, на лучистую энергію, — чуть что не на самое время, — и разительные успѣхи эксперимента, дозволившіе представленію о физическихъ процессахъ, какъ массовыхъ явленіяхъ, изъ рабочей гипотезы стать такимъ же неизбывнымъ выводомъ изъ наглядныхъ фактовъ, какъ признаніе массоваго характера за явленіями общественной жизни, изучаемыми статистикой въ стародавнемъ смыслѣ слова. Какъ статистикъ-обществовѣдъ раздѣльно наблюдаетъ и считаетъ тѣ „атомы", изъ которыхъ слагаются его „массы", такъ точно современный физикъ во очію зритъ и подвергаетъ „переписи" свои единицы, выдѣляетъ ихъ изъ множества имъ подобныхъ и улавливаетъ въ отдѣльности своими утонченными инструментами и изощренными методами учета.

Отъ физика-спеціалиста, берущагося за эти темы, слѣдуетъ, казалось бы, ожидать, прежде всего, обстоятельнаго разсказа объ этой метаморфозѣ физики въ статистику. Къ сожалѣнію, Guye не даетъ намъ этого. Такая задача представляется ему, очевидно, слишкомъ мелкою и мало занимательною; онъ лишь попутно, въ видѣ иллюстрацій, сообщаетъ кое что изъ этой области. Его болѣе занимаютъ заботливо, но не очень искусно, развиваемыя начала математической теоріи вѣроятностей и, въ особенности, тѣ заключенія широко-философскаго размаха, которыя примыкаютъ къ новымъ воззрѣніямъ на существо физическихъ явленій и законовъ, — главнѣйше, вопросъ о детерминизмѣ и индетерминизмѣ въ ихъ запутанныхъ взаимоотношеніяхъ.

Вопросъ о детерминизмѣ и индетерминизмѣ всплываетъ въ современной статистической физикѣ въ совершенно иной постановкѣ, нежели въ „соціальной физикѣ" Кетле въ срединѣ XIX вѣка. Кетле и, въ еще большей мѣрѣ, его рьяные почитатели склонны были въ закономѣрности массовыхъ явленій усматривать сильный — и даже рѣшающій — доводъ въ пользу полной детерминированности тѣхъ единичныхъ процессовъ, которые въ своей совокупности предстоятъ передъ окомъ изслѣдователя, какъ массовыя явленія. Обнаруживаемая статистическими подсчетами устойчивость среднихъ величинъ въ области явленій, зависящихъ отъ человѣческой воли, казалась имъ убѣдительнымъ свидѣтельствомъ противъ

допущенія свободы воли. „Сколько раздумья и колебаній предшествуетъ обычно заключенію брака между лицами, очень расходящимися по возрасту“, — писалъ, напримѣръ, А. Вагнеръ въ 1864 г., — „а все же въ концѣ концовъ беретъ верхъ сила обстоятельствъ, какъ мы выражаемся, или, точнѣе, исполняется законъ; лица, вступающія въ бракъ и разводящіяся, думаютъ, что дѣйствуютъ по собственному свободному усмотрѣнію, а на дѣлѣ они являются лишь орудіями исполненія закона“. Отстаиваемая „кетлетистами“ точка зрѣнія долго держалась въ наукѣ, импонируя своей кажущейся научностью и тѣмъ, кто не хотѣлъ мириться съ такимъ гнетомъ какого то внѣшняго „закона“ надъ свободными изъявленіями индивидуальной воли. Между тѣмъ уже въ тѣ времена она стояла въ полномъ несоотвѣтствіи съ выводами, полученными въ области математической теоріи вѣроятностей: изслѣдованія Пуассона позволяли обнаружить съ ясностью ея несостоятельность. Но правильное истолкованіе математическихъ выкладокъ Пуассона съ большимъ трудомъ далося статистикамъ. Мимоходомъ брошенное указаніе Корнваль Льюиса въ статьѣ объ „Исторіи цивилизаціи въ Англіи“ Бокля и яркая формулировка Bienaymé въ разборѣ книги Герри — теорія вѣроятностей s'adapterait au pélagianisme le plus outré, tout aussi bien qu'à l'islamisme le plus résigné; elle ne favorise ni l'un ni l'autre — не привлекли къ себѣ вниманія. Та же участь выпала на долю Ренувье — наиболѣе интереснаго представителя точки зрѣнія, смыкающей признаніе массовой закономѣрности съ допущеніемъ не полной детерминированности единичныхъ явленій. Лишь Лексису удалось, опираясь на Пуассона, довести до сознанія статистиковъ ту несложную истину, что степень устойчивости статистическихъ чиселъ не такъ высока, какъ это казалось Кетле и кетлетистамъ, и что даже наиболѣе устойчивыя изъ нихъ не даютъ права на заключеніе, будто единичныя явленія стоятъ подъ гнетомъ управляющаго ими „закона“.

Но если мы не въ правѣ заключать отъ закономѣрности массоваго результата къ полной детерминированности единичныхъ явленій, то не болѣе обосновано и утвержденіе, будто свобода воли составляетъ предпосылку массовой закономѣрности явленій общественной жизни. Къ такому выводу приходятъ представители группы русскихъ математиковъ, склонныхъ именовать себя „московскою школою“ (П. А. Некрасовъ, В. Г. Алексѣевъ), но аргументація ихъ покоится на столь же недовыясненныхъ представленіяхъ о характерѣ и происхожденіи устойчивыхъ массовыхъ чиселъ, какъ и доводы кетлетистовъ противъ свободы воли (см. мои „Очерки по теоріи статистики“, изданіе второе, стр. 307—309).

Такимъ образомъ, по вопросу о детерминизмѣ и свободѣ воли, возбужденному писаніями Кетле, конечный выводъ, не

могущій нынѣ подвергаться научному оспариванію, гласитъ: закономѣрность массовыхъ явленій ни въ коей мѣрѣ не свидѣтельствуетъ ни въ пользу, ни противъ детерминированности тѣхъ единичныхъ процессовъ, которые слагаются въ массовые итоги: она равно мирится и съ тѣмъ и съ другимъ допущеніемъ.

* *
*

Мирится ли массовая закономѣрность съ неполной детерминированностью единичныхъ процессовъ? — вотъ плоскость, въ которой ставился вопросъ статистиками-обществовѣдами. Неполная детерминированность массовыхъ результатовъ при полной детерминированности единичныхъ процессовъ, — вотъ плоскость, въ которую переноситъ проблему преобразующаяся въ статистику физика. Связующимъ же звеномъ — той основою, которая дозволяетъ стройно сомкнуть всѣ построенія, — служитъ математическая теорія вѣроятностей съ ея „закономъ большихъ чиселъ" (въ самомъ широкомъ смыслѣ этого многозначнаго и расплывчатаго термина).

Вполнѣ новою не является для статистика-обществовѣда и эта постановка проблемы. Съ нею, въ сущности, мы имѣемъ уже дѣло въ концепціи évolution multiforme, развиваемой Г. Тардомъ на основѣ вѣроятностныхъ построеній Авг. Курно. Но въ томъ поворотѣ, который проблема статистическаго индетерминизма получаетъ въ статистической физикѣ, она пріобрѣтаетъ новый размахъ, — физика приходитъ къ выводамъ, глубоко озадачивающимъ своей кажущейся непримиримостью съ коллективнымъ жизненнымъ и научнымъ опытомъ рода человѣческаго за долгій вѣкъ его существованія на землѣ.

Разсматривая физическія явленія, какъ явленія массовыя, физикъ начинаетъ видѣть въ основныхъ законахъ своей науки, незыблемо установленныхъ экспериментомъ, лишь своеобразныя статистическія закономѣрности: они начинаютъ представляться не непреложными, а лишь обладающими высокой степенью вѣроятности. Газъ давитъ на стѣнки сосуда равномѣрно, — учитъ кинетическая теорія въ согласіи съ опытомъ. Но тутъ же она добавляетъ: это — лишь наивѣроятнѣйшій результатъ бомбардировки стѣнокъ сосуда безчисленными частицами, изъ которыхъ слагается масса газа. Если толчковъ отдѣльныхъ молекулъ о стѣнку очень много, то, въ силу закона большихъ чиселъ, малѣйшія уклоненія отъ наивѣроятнѣйшей комбинаціи представляются крайне невѣроятными. Однако, они все же возможны. Мыслимо и такое распредѣленіе движеній отдѣльныхъ частицъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ давленіе будетъ больше, въ другихъ — меньше. Мы не встрѣчаемъ этого на опытѣ лишь въ силу основного начала, которому слѣдуютъ вѣроятныя событія: крайней рѣдкости того, что маловѣроятно. Стоитъ, однако, подождать,

и осуществятся самыя маловѣроятныя комбинаціи. Только ждать можетъ понадобиться миріады тысячелѣтій, такъ какъ на опытѣ мы обычно имѣемъ дѣло съ чрезвычайно большими числами. Но если поставить опытъ въ такія условія, гдѣ числа будутъ не такъ велики, то уклоненія отъ наивѣроятнѣйшаго результата пріобрѣтутъ замѣтныя вѣроятности, и, даже не живя мафусаилова вѣка, мы будемъ наталкиваться на нарушенія тѣхъ законовъ, которые нестатистическая физика считала не допускающими исключеній. Равномѣрное давленіе газа на соприкасающіяся съ нимъ тѣла не представляется неизбѣжнымъ слѣдствіемъ бомбардировки ихъ ударами молекулъ: все время должны имѣть мѣсто болѣе или менѣе значительныя уклоненія отъ полной равномѣрности, и подмѣтить ихъ тѣмъ легче, чѣмъ меньше молекулъ въ полѣ зрѣнія. Возьмемъ, напримѣръ, мелкія, но еще доступныя наблюденію въ микроскопъ частицы, погруженныя въ жидкость. Онѣ описываютъ причудливыя движенія, подмѣченныя впервые англійскимъ ботаникомъ Броуномъ и по его имени названныя „Броуновскими". Что двигаетъ эти частицы изъ стороны въ сторону, вверхъ, внизъ? Давно уже было высказано предположеніе, что дѣло тутъ въ толчкахъ ударяющихся объ нихъ съ разныхъ сторонъ молекулъ окружающей ихъ жидкости: при очень маломъ размѣрѣ частицъ, толчки эти не всегда въ достаточной степени взаимно уравновѣшиваются, а нерѣдко случайно даютъ осязательную равнодѣйствующую въ томъ или иномъ направленіи. Элегантные опыты Perrin показали, можно сказать, воочію, что броуновскія движенія непосредственно опредѣляются такими случайными уклоненіями отъ наивѣроятнѣйшаго состоянія полной взаимной компенсаціи отдѣльныхъ толчковъ. Благодаря такимъ толчкамъ получается, напримѣръ, что частицы, болѣе тяжелыя, чѣмъ окружающая ихъ жидкость, не укладываются чинно на днѣ сосуда, а непрерывно взлетаютъ вверхъ, — то выше, то ниже. Напротивъ, частицы, болѣе легкія, чѣмъ окружающая жидкость, не скопляются спокойно у поверхности, а вталкиваются то и дѣло на большую или меньшую глубину внутрь жидкости. Тяжелыя тѣла не всегда, слѣдовательно, опускаются въ болѣе легкой средѣ внизъ подъ дѣйствіемъ силы тяжести. Камень, брошенный въ воду, не обреченъ „законами физики" идти неизмѣнно ко дну. Камень, подброшенный въ воздухъ, не обреченъ упасть на землю: онъ можетъ остаться висѣть въ воздухѣ. Это лишь очень мало вѣроятно. Такое же броуновское движеніе, какое на нашихъ глазахъ неустанно подкидываетъ кверху малые тяжелые шарики во взятомъ для эксперимента сосудѣ, не давая имъ улечься спокойно на днѣ, способно привести къ тому, что лежащій на землѣ кирпичъ „самъ собою" подпрыгнетъ прямо въ руки каменьщику на высоту второго этажа строящагося

дома. Только вѣроятность этого такъ ничтожна, что каменьщику пришлось бы, согласно выкладкамъ Perrin, простоять на своемъ мѣстѣ десять въ 10,000,000,000-ой степени лѣтъ, дабы шансы получить кирпичъ въ руки тѣмъ порядкомъ, какъ получалъ галушки въ ротъ Пасюкъ, стали сколько нибудь замѣтными.

„Дикіе“ выводы, къ которымъ приводитъ новая точка зрѣнія на законы физики, лишающая ихъ свойства непреложности, находятъ себѣ экспериментальное подтвержденіе повсюду, гдѣ удается сдѣлать доступными наблюденію достаточно малыя группы отдѣльныхъ единицъ. Для статистика-обществовѣда представляетъ трудность при изслѣдованіи массовой закономѣрности находить массы, слагающіяся изъ достаточно большаго числа достаточно однородныхъ единицъ. Физику приходится биться съ трудностью иного рода: его „массы“ обычно слишкомъ ужъ „массивны,“ и законъ большихъ чиселъ такъ выравниваетъ случайныя колебанія, что они становятся недоступными наблюденію. Но современный физикъ-экспериментаторъ научился справляться съ этой трудностью, и для него такія исключенія изъ его законовъ уже не бредъ разстроеннаго воображенія фантаста-теоретика, а реальныя явленія, широко распространенныя и столь же точно установленныя наблюденіемъ, какъ нарушаемые ими „законы.“ „Мы видимъ, какъ малыя тѣла сами собою приходятъ въ движеніе, какъ они даютъ работу, преодолѣвая дѣйствіе силы тяжести или магнетизма: мы видимъ, какъ сами собою возникаютъ различія въ плотности и въ концентраціи,“ — подводитъ итоги даннымъ опыта Смолуховскій, которому физика обязана важнѣйшими достиженіями въ области изслѣдованія этихъ парадоксальныхъ явленій.

Съ особою яркостью перемѣна во взглядѣ на характеръ физическихъ законовъ сказывается на такъ называемомъ второмъ законѣ термодинамики. Въ своей классической формѣ онъ гласитъ, что въ изолированной отъ внѣшняго воздѣйствія системѣ тѣлъ перемѣны могутъ происходить лишь въ одномъ направленіи, — именно, такъ, что нѣкоторая числовая характеристика системы, энтропія, растетъ; перемѣнъ же, при которыхъ энтропія замкнутой системы убывала бы, не бываетъ. Если привести въ соприкосновеніе два тѣла разной температуры, тепло начинаетъ переходить отъ теплаго къ холодному и никогда не переходитъ отъ холоднаго къ теплому. Два газа, диффундируя, смѣшиваются, и никогда смѣсь ихъ сама собою не раздѣляется на составныя части. Такъ рисовалось дѣло еще недавно. Статистическая точка зрѣнія все перевернула. Тотъ ходъ процессовъ, который ранѣе казался единственно возможнымъ, представляется нынѣ лишь въ высокой мѣрѣ вѣроятнымъ: не исключена возможность и противоположнаго направленія. Не невозможно, что при соприкосновеніи теплаго

и холоднаго газовъ газъ теплый еще нагрѣется, а газъ холодный остынетъ: при извѣстной случайной констелляціи движеній молекулъ въ обѣихъ массахъ, — если въ газѣ тепломъ случайно направлены въ сторону, гдѣ онъ соприкасается съ холоднымъ, по преимуществу медленно движущіяся молекулы, а въ холодномъ случайно летятъ въ сторону горячаго наискорѣйшія молекулы, — первый можетъ стать теплѣе, второй охладиться. Правда, когда мы разсматриваемъ сколько нибудь значительныя массы газовъ, такого рода случайность представляется исчезающе маловѣроятной. Но вѣроятность ея не равна нулю, и если слишкомъ довѣряться указаніямъ классической термодинамики, то порою можно ошибиться. Для того, чтобы въ точности предучитывать ходъ массовыхъ процессовъ, необходимо располагать исчерпывающимъ знаніемъ всѣхъ нужныхъ подробностей касательно всѣхъ составляющихъ массу единицъ. Если бы намъ были извѣстны съ абсолютной точностью положенія и скорости всѣхъ отдѣльныхъ молекулъ газа холоднаго и газа теплаго и мы были бы въ состояніи „подвергнуть эти данныя вычисленію," какъ гласитъ извѣстное изреченіе Лапласа, то мы имѣли бы возможность въ каждомъ случаѣ предуказать съ полной увѣренностью, на сколько и въ какую сторону измѣнится температура обѣихъ массъ въ результатѣ ихъ соприкосновенія. И „закономѣрный" результатъ выравниванія температуръ и „противузаконный" нагрѣвъ теплаго тѣла холоднымъ представлялись бы для насъ равно необходимымъ слѣдствіемъ изъ исходныхъ данныхъ. Но связи между тѣми статистическими, сводными характеристиками массъ молекулъ, знаніе которыхъ даютъ наши обычныя измѣренія, — какъ то: температура, давленіе — не носятъ характера неразрывныхъ и однозначныхъ и не позволяютъ увѣренно предучитывать, что послѣдуетъ въ будущемъ, если настоящее слагается опредѣленнымъ образомъ въ своихъ суммарныхъ статистическихъ чертахъ.

Мы встрѣчаемъ, такимъ образомъ, соотношеніе между индетерминизмомъ и детерминизмомъ прямо обратное тому, съ какимъ имѣли дѣло ранѣе. Единичныя явленія строжайше детерминированы во всѣхъ деталяхъ, но связи между суммарными статистическими характеристиками преемственныхъ массовыхъ состояній не всегда однозначны: одно и то же, въ своихъ макроскопическихъ чертахъ, предшествующее смѣняется то тѣмъ, то инымъ послѣдующимъ въ силу разнообразія микроскопическихъ констелляцій, могущихъ за нимъ таиться. Концепція своеобразнаго статистическаго индетерминизма, естественно—можно сказать, неизбѣжно—возникающая на основѣ безраздѣльнаго признанія полной детерминированности сущаго съ переходомъ отъ динамическаго прослѣживанія единичныхъ процессовъ къ статистическому разсматриванію массъ.

Полученный ранѣе выводъ, что массовый детерминизмъ не

обусловливаетъ собою детерминированности единичныхъ явленій, мы можемъ, слѣдовательно, дополнить обратнымъ положеніемъ: массовый индетерминизмъ мирится съ полною детерминированностью единичныхъ явленій. Послѣдовательно проведенная статистическая точка зрѣнія оставляетъ насъ, такимъ образомъ, вполнѣ свободными въ выборѣ исходныхъ допущеній касательно хода мірозданія: съ полнымъ безразличіемъ допускаетъ она обѣ крайности, — и вѣру въ строгое предопредѣленіе предшествующимъ послѣдующаго и допущеніе самаго рѣзкаго разрыва между ними, полной случайности въ смѣнѣ одного другимъ. Къ чему склониться, рѣшается соображеніями иного порядка, — поскольку подобныя „склонности" вообще опредѣляются осознанными „соображеніями", а не тѣми смутными, но властными силами, которыя остаются за порогомъ сознанія. Для такого закоренѣлаго „позитивиста", какъ авторъ настоящей замѣтки, предпочтеніе, оказываемое точкѣ зрѣнія всеохватывающаго детерминизма — въ сочетаніи съ тѣмъ статистическимъ индетерминизмомъ, о которомъ шла рѣчь выше, — диктуется, прежде всего, ея высшею научною продуктивностью.

До сихъ поръ мы оставались съ проф. Guye на почвѣ физики и не выходили за предѣлы точнаго научнаго знанія. Въ своихъ размышленіяхъ о выводахъ, къ которымъ способна приводить новая точка зрѣнія на законы физики, Guye идетъ и далѣе, — въ область полу-научныхъ, и даже внѣнаучныхъ, фантазій. Онъ стремится освѣтить съ нея своеобразіе жизненныхъ процессовъ. Примыкая къ брошенному нѣкогда Гельмгольцемъ вскользь замѣчанію, что, быть можетъ, въ живой органической ткани физико-химическіе процессы протекаютъ не въ соотвѣтствіи со вторымъ закономъ термодинамики, Guye пытается подвести подъ эту мысль основы, заимствуемыя изъ современной „статистической" физики. Поскольку физическіе законы являются лишь вѣроятностно-статистическими закономѣрностями, ихъ кажущаяся непреложность обусловливается тѣмъ, что на практикѣ повседневной жизни, какъ равно и научной работы въ ея обычныхъ условіяхъ, мы имѣемъ неизмѣнно дѣло съ чрезвычайно большими числами тѣхъ единичныхъ явленій, массовую закономѣрность которыхъ раскрываютъ наши „законы". Лишь этимъ оправдывается наша, жизненно вполнѣ обоснованная, увѣренность, что камень въ водѣ тонетъ и не взлетаетъ самъ собою на небеса. Тамъ, гдѣ числа не такъ велики, явленія перестаютъ строго слѣдовать „законамъ": наблюдаются непрерывныя колебанія въ ихъ теченіи, смѣна закономѣрнаго — скажемъ даже, пожалуй, законопослушнаго — поведенія болѣе или менѣе рѣзкими нарушеніями законовъ. Въ частности, и второй законъ термодинамики, обрекающій замкнутыя системы на постепенный переходъ, путемъ „деградаціи

энергіи", къ состоянію недвижнаго оцѣпенѣнія, — на неизбѣжную „смерть", — теряетъ ту тираническую власть, съ которою онъ выступаетъ въ привычной намъ обстановкѣ, едва мы переходимъ къ разсмотрѣнію явленій не столь массоваго характера, какъ охватывающіе неисчислимыя миріады единицъ объекты нашего обычнаго наблюденія. Основа его силы — неизмѣримо большое число: съ нимъ вмѣстѣ исчезаетъ и претензія не безпрекословное повиновеніе. Въ „маломъ" физическіе процессы протекаютъ то такъ, то эдакъ: то въ сторону растущей энтропіи, то въ обратномъ направленіи. Но жизнь, имѣющая своимъ средоточіемъ клѣтку и мелко-дробныя части клѣтки, пріурочена къ такимъ архитектоническимъ размѣрамъ, гдѣ единичныхъ слагаемыхъ, если еще и не мало, то, во всякомъ случаѣ, уже не необозримо много. Случайныя колебанія, уклоненія отъ того, что намъ — въ нашихъ грубо-макроскопическихъ масштабахъ — представляется необходимою закономѣрностью, должны имѣть здѣсь большое распространеніе и весьма большое значеніе. Напрашивается, такимъ образомъ, предположеніе: не въ этой ли подверженности воздѣйствію „случая" вкупѣ съ структурной способностью закрѣплять случайныя „беззаконія" и лежитъ загадочный quid proprium жизненной силы, — того, что отличаетъ біологію живой органической ткани отъ физико-химическихъ процессовъ въ мертвой матеріи. Эту заманчивую мысль Guye развиваетъ въ разныхъ направленіяхъ, не страшась, какъ онъ самъ открыто признаетъ, выходить за предѣлы того, что можетъ быть относимо къ научному познанію, — сплетая въ красивую цѣпь гипотезы и построенія, не допускающія никакой провѣрки. Въ какой мѣрѣ эта смѣлая игра ума можетъ представляться научно плодотворною, — способна ли она дать біологамъ достаточно пригодныя рабочія гипотезы, — я не берусь судить. Но она шевелитъ мысль, и отведенныя ей страницы книги читаются съ неослабнымъ интересомъ.

А. Чупровъ.

Совѣтское хозяйство и экономическое возстановленіе Россіи.

I.

Коммунизмъ, какъ экономическая система, провалился. Оказалось, что на коммунистическихъ началахъ нельзя организовать хозяйства. Во всякомъ случаѣ его не смогли организовать въ Россіи, несмотря на то, что коммунисты вотъ уже скоро 5 лѣтъ стоятъ у власти и развили дьявольскую энергію.

Въ результатѣ утвержденія коммунизма получилось разрушеніе, аналогіи которому надо искать въ самыхъ мрачныхъ эпохахъ европейской исторіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ большевикамъ уже пришлось сдать цѣлый рядъ позицій. Изъ всѣхъ поръ коммунистическаго покрывала, наброшеннаго на Россію, неумолимо выбиваются ненавистныя большевикамъ „капиталистическія“ начала, гораздо глубже заложенныя въ природѣ хозяйствующаго человѣка, чѣмъ это думали большевистскіе вожди. Имъ собственными руками приходится насаждать „капитализмъ“. Провести соціализацію крестьянской земли имъ такъ и не удалось. На урожай, за вычетомъ того, что вырывается продналогомъ, пришлось признать право частной собственности. Съ помощью иностранцевъ даже создаются новыя помѣщичьи хозяйства. Часть городскихъ недвижимостей возвращается собственникамъ. Рядъ промышленныхъ предпріятій большевики вынуждены сдавать въ аренду частнымъ предпринимателямъ. Предположено основаніе новыхъ акціонерныхъ обществъ со смѣшаннымъ государственнымъ и частнымъ капиталомъ. Изъ всего этого, какъ увидимъ далѣе, пока ничего не выходитъ, но этимъ большевики признали значеніе частныхъ предпріятій и возстанавливаютъ ту самую систему наемнаго труда, по поводу которой ими было произнесено столько бичующихъ рѣчей и соціалистами всѣхъ видовъ написано столько томовъ обличительной литературы. Въ извѣстныхъ областяхъ пришлось возстановить свободу торговли, надъ которой такъ издѣвались соціалисты еще со времени Фурье. Вмѣсто упраздненія „капиталистическихъ“ денегъ и введенія проектированныхъ Прудономъ и Родбертусомъ „трудовыхъ знаковъ“ пришлось послѣ разрушенія валюты гоняться

за „буржуазной“ западно-европейской и американской валютой и вернуться хотя бы въ счетѣ къ старому золотому рублю. Пришлось открыть старый государственный банкъ, жаждать поступленія въ него частныхъ вкладовъ и выдавать ссуды частнымъ лицамъ; только во главѣ этого банка стоитъ вмѣсто покойнаго И. П. Шипова – Шейнманъ, и проценты новый банкъ взимаетъ чисто-ростовщическіе. Открыты въ Москвѣ, Петроградѣ и, кажется, уже въ Харьковѣ биржи, тѣ самыя биржи, по поводу которыхъ вылито и еще теперь выливается соціалистами и коммунистами на „капиталистическій“ строй столько ядовитой желчи. Вводятся столь изруганные косвенные налоги. Признаются, правда, для иностранцевъ, старые долги Россіи. И такъ далѣе, и т. д.

Всего черезъ 4-5 лѣтъ, несмотря на весь коммунистическій паѳосъ, получилась какая-то жалкая противоестественная смѣсь выдыхающагося коммунизма съ капитализмомъ. И притомъ капитализмомъ въ формахъ паразитическихъ, эксплоататорскихъ. Возвѣщенная новая эра выявила себя въ видѣ новаго „вандальскаго меркантилизма“, при которомъ соціальный гнетъ и соціальныя неравенства приняли самыя отвратительныя, вопіющія къ небу формы. Милліоны буквально вымираютъ отъ голода, а вновь открывшійся въ Москвѣ гастрономическій магазинъ Елисѣевыхъ продаетъ „коммунистамъ“ своихъ товаровъ на 1 милліардъ рублей въ день.

Однако, если коммунизмъ, какъ экономическая система, провалился, то большевистская власть, разрушившая хозяйство Россіи, остается. Она продолжаетъ держать въ своихъ рукахъ Россію, и въ порядкѣ раціональномъ какъ будто нельзя ожидать ея паденія въ ближайшее время. Наоборотъ, по внѣшности ея престижъ какъ бы возрастаетъ. Эта власть до сихъ поръ представляется заманчивымъ идеаломъ для многихъ вождей „мірового пролетаріата“; мечта о власти, достигнутой вождями русскаго пролетаріата, заслоняетъ для нихъ всѣ мрачныя послѣдствія этого достиженія для самого пролетаріата. На приманки большевистскихъ представителей ловятся не только международные искатели приключеній и капиталисты-авантюристы, разсматривающіе русскія концессіи какъ нѣчто въ родѣ путешествія въ центральную Африку. Передъ большевиками склоняются крупные государственные дѣятели и великія державы, не стыдящіяся въ текстахъ договоровъ ставить рядомъ свои „Gouvernement royal“ и „Gouvernement de la République des Soviets“. Усиленно охраняя отъ покушеній, какъ величайшую драгоцѣнность, везутъ подъ видомъ совѣтской делегаціи въ Геную компанію спеціалистовъ по разрушенію хозяйственной жизни, чтобы съ ней обсуждать способы возстановленія хозяйственной жизни Европы.

Гдѣ же выходъ изъ этой проклятой мертвой полосы? Выходъ важенъ не для одной Россіи, для которой отъ него

зависитъ жизнь многихъ милліоновъ. Онъ важенъ и для западно-европейскихъ государствъ, какъ ни различны ихъ интересы. Въ теченіе двухъ столѣтій Россія была существеннымъ звеномъ въ міровомъ экономическомъ оборотѣ. Выпаденіе этого звена не только спутало всѣ привычные разсчеты, но и угрожаетъ жизненнымъ интересамъ цѣлаго ряда державъ.

II.

Мыслимы двѣ возможности;

I. Большевики упорствуютъ въ своихъ коммунистическихъ принципахъ. Тогда хозяйство продолжаетъ гибнуть, страна вымираетъ. Благодаря уцѣлѣвшимъ оазисамъ, еще, можетъ быть, долго держится совѣтская власть, но, въ концѣ концовъ, разрушеніе страны погребаетъ большевиковъ.

II. Большевики идутъ на дальнѣйшія уступки. Тогда страна постепенно переходитъ къ нормальнымъ основамъ хозяйственной жизни. Но, по Марксовой діалектикѣ, „правовая надстройка" приспособляется къ „производственнымъ отношеніямъ". Поэтому возродившійся частно-хозяйственный строй измѣняетъ не отвѣчающее ему коммунистическое правовое устройство и отстраняетъ враждебныхъ этому строю коммунистовъ. Онъ находитъ иныхъ людей, на которыхъ онъ можетъ положиться.

Какъ видимъ, въ обоихъ случаяхъ судьба большевиковъ предрѣшена. Наступленіе подготовляемой и ожидаемой большевиками міровой соціальной революціи внесло бы громадныя измѣненія въ конкретныя очертанія этого процесса и въ сроки, оно несомнѣнно повлекло бы за собой различныя послѣдствія, которыя совершенно не могутъ быть представлены сейчасъ. Но основное, уже полученное въ результатѣ опыта, продѣланнаго надъ Россіей, осталось бы въ силѣ и при повтореніи опыта въ общеевропейскомъ или общеміровомъ масштабѣ: коммунизмъ все-таки въ концѣ концовъ былъ бы изжитъ и отмѣненъ, такъ какъ онъ противорѣчитъ природѣ современнаго хозяйствующаго человѣка.

Но, поскольку полемъ коммунистическаго эксперимента является одна Россія, изъ двухъ выше указанныхъ возможностей вторая представляла бы менѣе тяжкій и, быть можетъ, болѣе короткій путь.

На этомъ строится много плановъ. Однако, ошибочно было бы въ связи съ этимъ смотрѣть слишкомъ оптимистически на принятый большевиками съ половины 1921 года „новый курсъ" экономической политики.

Прежде всего уступки большевиковъ ненадежны. Съ одной стороны, желаніе остановить хозяйственное крушеніе, чтобы удержаться у власти, заставляетъ большевиковъ расширять сферу частной собственности и экономической свободы. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ наростающій напоръ новой

совѣтской буржуазіи. Но съ другой стороны коммунисты-максималисты и вся чекистская организація, которой держится совѣтская власть, ведутъ упорную борьбу противъ сдачи позицій. А Ленинъ боится своей собственной чрезвычайки. Онъ самъ въ ея рукахъ.

Но уступки большевиковъ вмѣстѣ съ тѣмъ не искренни. Онѣ въ значительной мѣрѣ дѣлаются для обмана западно-европейскихъ капиталистовъ и изъ желанія продержаться до счастливой вспышки на Западѣ. Ленинъ и Каменевъ на IX съѣздѣ Совѣтовъ въ декабрѣ 1921 г. и Бухаринъ на XI конференціи коммунистической партіи заявили, что новая экономическая политика проводится не навсегда, а лишь до тѣхъ поръ, пока „коммунистическая Россія откормится на капитализмѣ", основной же цѣлью остается попрежнему міровая революція. Ленинъ не думалъ при этомъ о томъ, какое testimonium paupertatis выдаетъ онъ коммунизму этими словами объ „откармливаніи коммунизма на капитализмѣ", но они ясно показываютъ, что мы имѣемъ дѣло не съ искренней „эволюціей" большевизма, а съ вынужденнымъ временнымъ „отступленіемъ".

Наконецъ, уступки большевиковъ, пока существуетъ большевистская власть, неизбѣжно ограничены и обречены на неуспѣхъ. Вдвинутыя въ коммунистическую рамку, эти уступки не могутъ повлечь за собою возстановленія нормальной хозяйственной жизни въ Россіи. Такъ, если взять область, въ которой большевики пошли на наибольшія уступки, а именно крестьянское землевладѣніе, то и въ ней большевики объявили „свободу формы землевладѣнія" и даже пытаются возобновить Столыпинское землеустройство. Но при всемъ томъ они опредѣленно подчеркнули, что „земля незыблемо остается въ собственности государства трудящихся". А именно это не удовлетворитъ крестьянъ и не повыситъ интенсивности ихъ труда.

Все сказанное заставляетъ предполагать, что политика уступокъ вѣроятнѣе всего приведетъ лишь къ усложненнымъ послѣдствіямъ перваго пути. Хозяйство Россіи и при этихъ уступкахъ будетъ продолжать разрушаться.

Вотъ картина экономическаго разрушенія, несмотря на „новый курсъ".*)

---

*) Мы пользуемся при этомъ слѣдующими матеріалами:

1) Цѣнные матеріалы, собранные Россійскимъ Финансово-Промышленнымъ Союзомъ для меморандума по поводу Генуэзской конференціи. — 2) Записка комитета частныхъ банковъ въ Парижѣ: „Состояніе финансовъ совѣтской республики". — 3) Bulletin de renseignements de l'Office Commercial Français pour la Russie et les pays limitrophes. — 4) А. Ракетовъ. Очеркъ экономическаго и финансоваго положенія современной Россіи. По оффиціальнымъ даннымъ. Ревель. 1921. — 5) Russian Information and Review (изданіе Красинской делегаціи). — 6) Проф. Г. Г. Швиттау. Революція и народное хозяйство въ Россіи (1917—1921). Лейпцигъ. 1922 (жалкое забѣганіе передъ большевиками передавшагося на ихъ сторону бывшаго профессора новороссійскаго университета, доходящее мѣстами до непонятнаго въ устахъ профессора лакейства).

III.

Что касается главнаго промысла Россіи — земледѣлія, то угасаніе его видно изъ слѣдующихъ данныхъ, сообщенныхъ начальникомъ центральнаго статистическаго управленія Поповымъ. Посѣвная площадь равнялась въ 1915 г. 91 мил. десятинъ, въ 1920 г. — 61 мил. дес., а въ 1921 г. — всего 50 мил. дес. Сборъ хлѣбовъ, составлявшій въ 1908—1912 г. г. 4,3 милліарда пуд., понизился въ 1920 г. до $^1/_2$ этого количества (2,2 мрд. пуд.), а въ 1921 г. — почти до $^1/_3$ прежняго количества. Истощенная и плохо обработанная земля не смогла противостоять засухѣ, и цѣлыя области подверглись ужасамъ голода. Вся помощь голодающимъ массамъ является каплей въ морѣ и не въ состояніи облегчить народнаго бѣдствія. Къ тому же, по признанію главы совѣтской желѣзно-дорожной делегаціи проф. Ломоносова, желѣзныя дороги не могутъ доставить посылаемаго хлѣба въ голодающіе районы. Большевики разсчитывали получить продовольствіе изъ менѣе ими разоренной Сибири и послали туда бывшаго главу чека, а нынѣ народного комиссара путей сообщенія, Дзержинскаго, съ цѣлью продвинуть продовольственные грузы. Но московскія газеты опубликовали крайне пессимистическую телеграмму Дзержинскаго. Въ оффиціальныхъ московскихъ кругахъ считаютъ, что отъ 5 до 7 мил. чел. обречено на неминуемую смерть. Другіе 25 мил. чел. находятся подъ угрозой того же, если техническая помощь придетъ слишкомъ поздно. Перспективы на 1922 г., по словамъ народного комиссара земледѣлія Осинскаго, еще болѣе мрачны. Онъ считаетъ, что катастрофа въ этомъ году неизбѣжна. Весной 1922 г., по его словамъ въ районѣ Волги можетъ быть обсѣменено лишь 20% площади посѣвовъ 1916 г. Согласно докладу агронома Булатко на съѣздѣ совѣтовъ, въ юго-восточныхъ губ. площадь посѣва понижается до 10%. Въ одной Саратовской губ. останется необсѣмененными изъ за недостатка сѣмянъ $1^1/_2$ мил. дес. Но и въ другихъ губерніяхъ, гдѣ не свирѣпствуетъ голодъ, положеніе критическое. Цифры сокращенія скота столь же грозны. Предсѣдатель сельско-хозяйственной секціи совѣтскаго комитета по возстановленію хозяйственной жизни, Середа, исчисляетъ, что для возстановленія русскаго земледѣлія нужна внѣшняя помощь въ 1 милліардъ зол. руб. А кооператоръ С. Маракуевъ въ № 3—4 издающагося въ Прагѣ журнала „Земледѣліе“ считаетъ, что для снабженія самымъ необходимымъ сельскихъ хозяевъ одного Юго-Востока нужно около 300 мил. долларовъ, для всей же Европейской Россіи до 2 милліардовъ дол. или около 4 милліардовъ зол. руб. Ясно, что никакой международный синдикатъ такой помощи не окажетъ. Русскому земледѣлію послѣ преодолѣнія большевизма придется, главнымъ образомъ, самому возстанавливать эти погубленныя цѣнности. Но

приведенные примѣрные подсчеты даютъ понятіе о степени разрушенія главнаго промысла Россіи.

Еще бо́льшія разрушенія выпали на долю молодой русской промышленности. По оптимистическимъ даннымъ высшаго совѣта нар. хозяйства стоимость производства всей добывающей и обрабатывающей промышленности равнялась въ 1920 г. 584 мил. зол. руб., т. е. 10—11% производства 1913 г. Сравненіе 1920 и 1921 г. г. съ 1916 г. показываетъ для ряда отраслей промышленности слѣдующее:

	1916 г.	1920 г.	1921 г.	въ %% къ 1916 г.	
	въ милл. пудовъ			1920 г.	1921 г.
Выплавлено чугуна (безъ Польши и Финл.) . .	221,8	6,3	7,3	2,6	3,1
Производство желѣза (безъ Польши и Финл.)	195,0	9,1	—	4,6	—
Добыча кам. угля . . .	2.101,0	462,0	520	23	25
Добыча кам. угля въ Донецкомъ бас.	1.752,0	276,0	350	16	20
Добыча нефти	602,1	229,0	236	38	39
„ желѣз. руды . .	558,0	9,4	12	1,7	2,1
„ мѣдной „ . .	69,0	0,2	—	0,3	—
„ соли	122,0	37,2	—	30,0	—
Собрано хлопка въ Туркестанѣ	17,0	0,85	0,7	5,0	4,8
Производство хлопчатобум. пряжи	20,0	0,84	1,1	4,2	5,5
Собрано льняного волокна	31,0	2,0	1,1	6,6	4,7
Производство льняной пряжи	3,1	0,8	0,8	25	25
Производство сахара . .	85,5	5,0	2,5	6,0	3
Производство спичекъ (мил. ящ.)	4,2	0,6	—	15,0	—

Выше другихъ отраслей держится добыча нефти, соли, производство льняной пряжи (изъ старыхъ запасовъ волокна), производство спичекъ и, наконецъ, добыча угля. Вслѣдствіе прекращенія военныхъ дѣйствій нѣкоторыя отрасли даже обнаружили въ 1921 г. незначительный подъемъ по сравненію съ 1920 г. Особенно возросла добыча угля въ Донецкомъ бассейнѣ. Объ этомъ успѣхѣ большевики прокричали повсюду. Но ознакомленіе съ обстановкой этого успѣха показываетъ, что этотъ успѣхъ объясняется не чѣмъ инымъ, какъ безраз-

счетливымъ расхищеніемъ прежнихъ подготовокъ, которое при такихъ методахъ работы быстро приведетъ къ полному ихъ исчерпанію (см. „Экономическія Записки". Вып. 3—4. 1922; о томъ же говоритъ „Matin" отъ 16 февр. 1922 г.). Кромѣ того добычѣ угля грозитъ опасность отъ недостатка продовольствія для рабочихъ. „Экономич. Жизнь" (отъ 10 февр. 1922 г.) бьетъ по этому поводу тревогу: копи Донбаса и Урала на порогѣ катастрофы; всѣ планы существуютъ только на бумагѣ; если продовольствіе и деньги не прибудутъ, все остановится. Добыча января 1922 г. уже была 38 мил. пуд. противъ 53 мил. пуд. добычи декабря 1921 г.; нормы хлѣба семьямъ рабочихъ уменьшены съ января въ 2 раза. Большевики, конечно, понимаютъ значеніе Донецкаго бассейна и сосредоточили на немъ всѣ свои силы. Но всѣ усилія пропадаютъ, ибо надъ всѣмъ совѣтскимъ хозяйствомъ виситъ общее проклятіе большевистскаго режима.

Добыча нефти въ 1921 г. осталась приблизительно та же, что и въ 1920 г. Но добыча въ главномъ районѣ — въ Баку — продолжала падать: 1919 г. — 269 м. п., 1920 г. (совѣтскій режимъ съ апрѣля) — 176 м. п., 1921 г. — 157 м. п. До революціи работало около 3500 скважинъ, теперь работаетъ около 1000. Много скважинъ залито водой. Большевики не надѣются сами поставить добычу и предполагаютъ отдать бакинскую нефть иностраннымъ концессіонерамъ. Вывозъ нефти и нефтяныхъ продуктовъ изъ Баку былъ въ 1921 г. больше вывоза 1920 г. (167 м. п. противъ 96 м. п. при 360 м. п. въ 1916 г.). Но это достигнуто исключительно благодаря большимъ запасамъ нефти, захваченнымъ большевиками. По разсчетамъ Главтопа такой же вывозъ можно будетъ произвести и въ 1922 г., но это къ 1 октября 1922 г. исчерпаетъ запасы нефти въ Баку, даже если добыча будетъ не меньше добычи 1921 г. Вообще, совѣтское хозяйство жило тѣми запасами, которые оно получило отъ „капиталистическаго" строя. Эти запасы доходили до 1 милліарда пудовъ хлѣба, 305 мил. пуд. нефти, 104 м. п. кам. угля, 12 мил. куб. саж. дровъ и лѣсныхъ матеріаловъ, 50 м. п. чернаго металла и т. д.

Таково положеніе промышленности. Крушеніе соціалистическихъ методовъ управленія промышленностью ярче всего сказалось на положеніи рабочихъ. Не говоримъ уже о подневольномъ трудѣ, который поставилъ нынѣшняго номинальнаго властителя Россіи въ положеніе каторжника. Но и матеріально рабочій доведенъ до такой степени обнищанія, что въ Москвѣ, т. е. въ центрѣ соціальнаго попеченія, въ наиболѣе привиллегированныхъ предпріятіяхъ, рабочіе, въ томъ числѣ высокой квалификаціи, получаютъ, въ результатѣ новой улучшенной системы оплаты, въ мѣсяцъ отъ 1 р. 43 к. до 7 р. 42 к. золотомъ при переводѣ на золото всего ихъ заработка. Это составляетъ отъ $^1/_{20}$ до $^1/_3$ заработка чернорабочаго въ 1913 г.,

если даже не считать уменьшенія покупной силы золота за это время. Таковъ index реальныхъ завоеваній революціи для рабочаго.

Транспортъ совѣтской Россіи представляетъ типичную картину: съ одной стороны, по магистралямъ пропускаются для цѣлей большевистскаго управленія поѣзда со спальными вагонами и ресторанами, съ другой стороны, $^1/_2$ сѣти почти совершенно закрывается. Такъ, по докладу Дзержинскаго, дороги раздѣлены на 3 категоріи: 1) магистрали (28.000 вер.) — ихъ рѣшено снабдить необходимымъ полностью, 2) линіи, подводящія къ магистралямъ (12.000 в.) — ихъ рѣшено снабжать лишь на 50% и 3) остальныя линіи (23.000 в.) — ихъ рѣшено снабжать на 30%. Если учесть отставаніе дѣйствительнаго снабженія отъ бумажныхъ плановъ, то ясно, что лишь 28.000 вер. будутъ сколько либо функціонировать. Въ 1921 г. желѣзныя дороги перевезли всего 10% того, что онѣ перевозили до войны. Даже по сравненію съ 1920 г., несмотря на новый курсъ, грузооборотъ упалъ съ 1.840 пудо-верстъ на 1 версту до 1.526 п.-в. Замираніе транспорта особенно ярко сказывается въ увеличеніи въ 1921 г. числа неиспользованныхъ, вслѣдствіе недостатка топлива, здоровыхъ паровозовъ и вагоновъ. Вотъ показательныя сравнительныя числа для 1920 и 1921 г. г.:

	1920	1921
Всего паровозовъ	6.962	6.985
% больныхъ паровозовъ	58%	60%
Неиспользованныхъ паровозовъ . .	305	1.834
Всего товарныхъ вагоновъ	313,236	288.644
% больныхъ товарныхъ вагоновъ . .	22,5%	28,5%
Неиспользованныхъ „ „ . .	17.836	46.305

Къ этому надо прибавить массовыя хищенія грузовъ и громадную дефицитность дорогъ. Совѣтская власть отказалась отъ коммунистическаго начала безплатности перевозокъ и съ 9 іюля 1921 г. ввела плату за проѣздъ. Но борьба съ безплатными пассажирами непосильна для большевиковъ, и „рабоче-крестьянская инспекція“ обнаружила, что до 80% ѣздитъ по безплатнымъ билетамъ различныхъ совѣтскихъ учрежденій.

Яркое выраженіе экономическаго краха совѣтской власти представляетъ паденіе совѣтской валюты. Финансовое хозяйство большевиковъ обнаруживаетъ растущіе дефициты. Въ 1918 г. дефицитъ равнялся 44,9 милліардамъ р. (при доходахъ въ 1,8 мрд. р.), въ 1919 г. — 167,7 мрд. р. (при дох. въ 48,9

мрд. р.), въ 1920 г. — 1 трилліонъ р. (при дох. въ 150 мрд. р.). Колоссальные дефициты покрывались потребленіемъ запасовъ прежней хозяйственной дѣятельности страны, растратой золотого фонда, который къ ноябрю 1921 г. сократился до 114 мил. зол. р. (+ нѣсколько пудовъ платины и ок. 1000 каратовъ брилліантовъ), а по новѣйшимъ даннымъ подходитъ къ концу; но главнымъ образомъ дефициты покрывались выпускомъ бумажныхъ денегъ. Однако этотъ источникъ становится все менѣе доходнымъ, такъ какъ цѣнность сов. рубля падаетъ быстрѣе увеличенія количества денегъ. По разсчетамъ Струмилина (Экон. Жизнь отъ 29 октября 1921 г.) къ началу 1921 г. количество денегъ возросло сравнительно съ довоеннымъ временемъ въ 674 раза, а цѣнность рубля упала въ 12.900 разъ, т. е. въ 19 разъ сильнѣе. Нар. Комиссаръ по финансамъ Крестинскій, беря преувеличенную цѣнность рубля въ 1921 г., все же приходитъ къ слѣдующему печальному для совѣтскихъ финансовъ разсчету:

	Выпущено мрд. бум. рубл.	Дало цѣнность въ мил. зол. р.
1918 г.	34	528
1919 г.	163	300
1920 г.	955	200
1921 г.	10.000	значительно менѣе 200

Помощникъ Крестинскаго, Преображенскій, вынужденъ былъ въ виду этого сравнить совѣтскій эмиссіонный аппаратъ съ ведромъ, въ днищѣ котораго имѣется увеличивающаяся дыра. Скоро дыра будетъ во все днище и „тогда этимъ ведромъ ничего изъ населенія больше уже не вычерпать“. Декреты 15 сентября 1921 г. о новыхъ милліонныхъ купюрахъ и 3 ноября 1921 г. о новыхъ рубляхъ, равныхъ 10.000 старыхъ рублей, а также громадныя новыя эмиссіи еще болѣе уронили цѣнность сов. рубля. 1 февраля 1922 г. оффиціальный курсъ золотого рубля, установленный въ Москвѣ госуд. банкомъ, равнялся уже 150 тыс. сов. р., а рыночный курсъ превышалъ 220 тыс. р. Преображенскій (московская „Правда“ отъ 29 января 1922 г.) предвидитъ, что къ 1 іюля 1922 г. золотой рубль дойдетъ до 500—600 тыс. сов. руб. Ибо впереди предстоятъ ни съ чѣмъ не сравнимые выпуски. Бюджетъ на 9 мѣсяцевъ 1922 г. путемъ подтасовки цифръ и произвольнаго пересчета на золотые рубли сведенъ Крестинскимъ съ дефицитомъ всего въ 305 мил. зол. р. (доходы 1.572 мил. зол. р., а расходы 1.877 мил. зол. р.). Если даже дефицитъ не окажется бо́льшимъ, для покрытія его придется, по разсчету самого Крестинскаго, вы-

пустить бумажныхъ знаковъ на 20 трилліоновъ руб. Но при этомъ взятъ курсъ золотого рубля въ 66,6 тыс. р., а онъ уже въ январѣ оффиціально равнялся 150 тыс. р. Если же взять почти достигнутый въ январѣ курсъ въ 250 тыс. р., то 300 мил. зол. р. потребуютъ новаго выпуска 75 трилліоновъ сов. руб. Таковы перспективы.

Это исчерпаніе рессурсовъ и весь крахъ коммунистическаго хозяйства побудили Ленина и его сторонниковъ предложить иностраннымъ капиталистамъ концессіи на использованіе природныхъ богатствъ Россіи и на промышленныя предпріятія, равно какъ пойти на сдачу въ аренду предпріятій туземнымъ капиталистамъ. Что касается арендъ (допущенныхъ декретомъ 5 іюля 1921 г.), то онѣ осуществились лишь для мелкихъ предпріятій. По даннымъ относительно Украйны на 1 января 1922 г. было сдано въ аренду 6015 предпріятій, изъ нихъ 4953 мелкихъ мельницъ и 379 маслобойныхъ заводовъ. Въ великороссійскихъ губерніяхъ изъ 4460 предпріятій, предназначенныхъ къ сдачѣ, сдано было 2044, причемъ на 1 сданное предпріятіе приходится всего 8 рабочихъ. 68% сданныхъ предпріятій составляютъ „маленькія мельницы". Все это такія мелкія предпріятія, которыя раньше совсѣмъ не входили въ статистику промышленныхъ предпріятій. Изъ этого видно, что сколько-либо крупный капиталъ на аренды у большевиковъ не пошелъ. Ибо, если такой капиталъ у кого-либо имѣется, то владѣлецъ не захочетъ вкладывать его въ аренду въ виду полнаго безправія арендатора, зависимости его отъ совѣта народнаго хозяйства, отъ рабоче-крестьянской инспекціи и отъ чека, а также въ виду постоянной возможности аннулированія договора. Еще менѣе успѣшно шла до сихъ поръ выдача концессій иностранцамъ. Пока извѣстно лишь о сдачѣ американской компаніи Алапаевскихъ асбестовыхъ рудниковъ на Уралѣ, о почти законченномъ „полуконцессіонномъ" договорѣ съ группой американскихъ рабочихъ на эксплоатацію части Кузнецкаго бассейна и Надеждинскаго завода на Уралѣ, а также о подготовленной, а можетъ быть уже совершившейся, сдачѣ большихъ имѣній Фальцъ-Фейна (Askania Nova и др. въ Таврич. губ.) нѣмецкой группѣ. Та обстановка окружающаго безправія и зависимость отъ „трибуналовъ революціонной совѣсти" и коммунистическихъ профессіональныхъ союзовъ, которыя отталкиваютъ всякаго серьезнаго и дѣлового иностраннаго капиталиста, подробно изложены въ извѣстномъ письмѣ Лесли Эркхарта къ Красину отъ 11 октября 1921 г.

Въ виду неудачи съ концессіями, большевики въ послѣднее время стали создавать смѣшанныя государственно-частныя предпріятія, возвращая съ этой цѣлью нѣкоторыя имущества ихъ владѣльцамъ. Такъ, государственный „трестъ" Сѣверо-Лѣсъ (для эксплоатаціи лѣсовъ въ Архангельской и др. сѣверныхъ губ.) преобразовывается въ акц. общ. „Англо-Руссо-Лѣсъ". Часть

акцій получаетъ государство, часть англичане за вносимый ими капиталъ, а часть получаютъ прежніе владѣльцы лѣсовъ и лѣсопильныхъ заводовъ съ торговымъ домомъ Шалитъ во главѣ. Создано также акц. общ. для торговли кожей. Капиталъ его въ 15 мил. зол. руб. раздѣленъ на 15.000 акцій, изъ которыхъ государство и Центросоюзъ подписываются на 11.000 акцій и группа капиталистовъ, съ Штейнбергомъ и Томинымъ во главѣ, на 4.000 акцій. Штейнбергъ ставится во главѣ предпріятія въ качествѣ директора-распорядителя. Но и эта форма привлеченія частныхъ капиталовъ пока является исключеніемъ. Въ послѣднее время наблюдается даже усиленіе оппозиціи крайнихъ коммунистическихъ теченій противъ расширенія сферы частныхъ предпріятій. Вмѣсто нихъ усиленно идетъ переводъ коммунистическихъ предпріятій „на начала хозяйственнаго разсчета“ и превращеніе ихъ въ такъ наз. „государственные тресты“ (декретъ 12 августа 1921 г.). Послѣдніе представляютъ объединенія государственныхъ промышленныхъ предпріятій съ широкой самостоятельностью въ дѣлѣ заготовки топлива, сырья и продовольствія. Такихъ „трестовъ“, по словамъ Богданова, уже существуетъ свыше 40 (лѣсные, табачный, сахарный, химическіе, текстильные, горные, металлургическіе и др.), предстоитъ еще образованіе до 30 „трестовъ“. „Тресты“ предположено объединить въ „синдикаты“ и для финансированія ихъ создать Торгово-Промышленный банкъ. Однако, это дѣлается не изъ желанія пробудить личную иниціативу, а, главнымъ образомъ, съ цѣлью спихнуть съ себя заботу о снабженіи. На практикѣ свобода „трестовъ“ и „хозяйственный разсчетъ“ пока вылились въ „разбазариваніе“, т. е. въ распродажу запасовъ товаровъ, а часто и матеріаловъ для производства. Такимъ образомъ, новая политика дала лишь новую формальную группировку коммунистическихъ хозяйствъ, но не создала новой здоровой экономической базы. А потому и при этой политикѣ пока надо ожидать не расширенія производства, а дальнѣйшаго банкротства совѣтской промышленности.

Такъ, колеблясь между коммунизмомъ и концессіями и съ каждымъ мѣсяцемъ все болѣе разрушая хозяйство Россіи, мечется совѣтская власть.

IV.

Приведенный анализъ совѣтскаго хозяйства и продолжающагося экономическаго разрушенія русскаго народнаго хозяйства, несмотря на взятый большевиками „новый курсъ“, даетъ опредѣленный отвѣтъ на вопросъ о способахъ экономическаго возстановленія Россіи. Простая и непреложная сущность этого отвѣта состоитъ въ томъ, что проблема экономическая есть прежде всего проблема измѣненія существующаго сейчасъ въ Россіи правового строя. Изъ правового строя Россіи большевиками выдернутъ стержень собственности и не-

прикосновенности личности, имущества и доходовъ. Пока эти основы нормальнаго правового строя не будутъ вновь поставлены на свое мѣсто, хозяйственная жизнь не возродится. Но нашъ анализъ показываетъ еще одно. Онъ ясно говоритъ, что такое измѣненіе правового строя серьезно и искренно не можетъ быть произведено большевиками. А потому проблема экономическая ставится въ непосредственную связь съ проблемой политической — проблемой смѣны большевиковъ нормальной властью.

Эту связь, однако, игнорируетъ большинство западно-европейскихъ государствъ. Постановленія Каннской конференціи и приглашеніе большевиковъ на Генуэзскую конференцію являются яркимъ выраженіемъ этого игнорированія.

Такая позиція занята Западной Европой подъ вліяніемъ цѣлаго ряда причинъ.

Отчасти это дѣлается по незнанію истиннаго положенія вещей въ Россіи и вслѣдствіе введенія западно-европейскаго общественнаго мнѣнія въ заблужденіе разновидными и многочисленными агентами большевиковъ.

Отчасти это происходитъ подъ давленіемъ рабочихъ партій соотвѣтственныхъ государствъ.

Нѣкоторыя государства прямо преслѣдуютъ цѣль дальнѣйшаго ослабленія Россіи и не желаютъ, чтобы она прочно стала на ноги. Это одинъ изъ мотивовъ, руководящихъ Англіей. Другія государства считаютъ, что именно при совѣтской власти можно извлекать наибольшія выгоды изъ Россіи. Это главное соображеніе Германіи. Съ этимъ связывается цѣлый планъ эксплоатаціи русскихъ богатствъ съ помощью особой международной организаціи съ германскими предпринимателями во главѣ (планъ Стиннесъ-Дейчъ-Ратенау). Цѣнности, выкачиваемыя этимъ путемъ изъ Россіи, должны сдѣлать возможной уплату Германіей репарацій, въ чемъ въ свою очередь заинтересованы страны побѣдительницы и ихъ кредиторы.

Иныя государства обнаруживаютъ боязнь, что ихъ обгонятъ въ использованіи Россіи другія государства. Эта боязнь типична для Франціи. Въ этомъ отношеніи характерно заявленіе, которое сдѣлалъ предсѣдатель Марсельской торговой палаты Hubert Giraud: »si l'Angleterre a repris trop tôt le contact avec la Russie, il serait fâcheux que la France le reprît trop tard«. Особенно боится Франція прибыть на пиръ въ Россію позже, чѣмъ придетъ Германія. Наконецъ, нѣкоторыя государства, переживая послѣвоенную депрессію и правильно связывая ее съ выпаденіемъ изъ международнаго торговаго оборота огромнаго русскаго рынка, считаютъ, что необходимо начать дѣлать дѣла съ Россіей. А такъ какъ сейчасъ въ Россіи правятъ большевики и неизвѣстно, когда они слетятъ, то надо дѣлать дѣла съ большевиками. Это точка зрѣнія Англіи. Этимъ же мотивомъ руководится Чехія.

Поскольку рѣчь идетъ объ экономической сторонѣ перечисленныхъ мотивовъ, то ошибочность ея выявляется при освѣщеніи ея цифрами.

Начнемъ съ грандіозной задачи извлеченія изъ Россіи цѣнностей для уплаты союзникамъ репарацій (моральной стороны вопроса мы нигдѣ не касаемся, для этого время уже прошло и еще не настало). Общая сумма репарацій равна 135 мрд. зол. марокъ; годичный платежъ равенъ 2 мрд. зол. мар. + 26% экспорта, что составляетъ всего $3^1/_2$—$4^1/_2$ мрд. зол. мар. или $1^1/_2$—2 мрд. зол. руб. Между тѣмъ весь народный доходъ совѣтской Россіи оцѣнивается Преображенскимъ въ $4^1/_2$—5 мрд. зол. р., а, значитъ, не превышаетъ 4 мрд. зол. руб. Вычтя изъ него 300 мил. зол. руб. годичныхъ заграничныхъ платежей по однимъ довоеннымъ обязательствамъ, получимъ, что годичные репараціонные платежи равны цѣлой половинѣ чистаго остатка русскаго народнаго дохода. Что же можетъ дать этотъ доходъ вымирающей отъ голода Россіи для уплаты столь громадныхъ репарацій? Даже по отношенію къ довоенному доходу Россіи (безъ Польши и Финляндіи — около 14 мрд. зол. руб.) репараціи + заграничные довоенные платежи Россіи составляютъ около 15%. Можно ли выкачивать изъ Россіи такой % ея дохода, если наложенные на Германію платежи признаются непосильными для нея, хотя они составляютъ $10^1/_2$—13% ея довоеннаго дохода, составлявшаго значительно болѣе высокую сумму на душу? И пусть иностранцы раньше доведутъ съ помощью большевиковъ народный доходъ Россіи до его довоенной высоты.

Еще яснѣе выступаетъ несостоятельность экономическихъ мотивовъ соглашенія съ большевиками при разсмотрѣніи отдѣльныхъ конкретныхъ способовъ извлеченія прибылей изъ эксплоатаціи совѣтской Россіи.

Изъ нея нельзя вывозить сколько-либо значительныхъ количествъ сырья и пищевыхъ продуктовъ. Это видно изъ результатовъ совѣтской внѣшней торговли: за 1921 г. Россія вывезла всего 13,0 мил. пуд. на 20,3 мил. зол. руб., тогда какъ ввезла 55,3 мил. пуд. на 248,6 мил. зол. руб. Такимъ образомъ, товарообмѣнъ далъ пассивное сальдо въ 42,3 мил. пуд. или 228,3 мил. зол. руб., покрытые вывозомъ золота. Лишь при возрожденіи нормальныхъ хозяйственныхъ отношеній Россія вновь можетъ стать экспортеромъ сырья и предметовъ питанія.

Но и сбывать въ совѣтскую Россію крупныхъ количествъ товаровъ и этимъ облегчить промышленную депрессію нельзя. Ввозъ 1921 г. составлялъ всего около 6% ввоза 1913 г. по вѣсу (936,5 мил. пуд.) и около 20% его по цѣнности (1.220,4 милл. зол. руб.). Россія обнищала и покупать ей не на что. Покупательная способность русскаго населенія сведена почти къ нулю. Городской рынокъ почти исчезъ. Крестьянство, вопреки заявленіямъ Радека и Дейча, также не можетъ быть

покупателемъ иностранныхъ товаровъ. Его запашки сокращены, животноводство почти погублено, запасы тезаврированныхъ денегъ обезцѣнены. Въ положеніи русской деревни надо различать три періода: 1) когда обнищавшій городъ, не имѣя промышленныхъ продуктовъ, распродавалъ деревнѣ за хлѣбъ свои домашнія вещи — въ этотъ періодъ сложилась легенда о сказочномъ обогащеніи деревни, начавшей обзаводиться предметами городского комфорта, 2) когда деревня еще не очень нуждалась, но не получая нужныхъ промышленныхъ продуктовъ и опасаясь реквизицій, стала сокращать свое производство до уровня собственныхъ потребностей, и 3) когда сел.-хоз. производство упало ниже потребностей деревни и рядомъ съ обнищавшимъ городомъ оказалась обнищавшая деревня. Въ этотъ третій періодъ даже въ деревнѣ продовольственная нужда сильнѣе нужды въ промышленныхъ продуктахъ. Вслѣдствіе этого послѣдніе расцѣниваются сейчасъ въ Россіи по отношенію къ сел.-хоз. продуктамъ раза въ 2 ниже, нежели до войны, и ниже, нежели на Западѣ (напр., въ 1913 г. аршинъ ситца стоилъ $6^1/_2$ фун. муки, а въ 1921 г. — всего 3 фунта). Это обстоятельство крайне важно съ точки зрѣнія перспективъ экспорта въ Россію. Оно говоритъ, что до дѣйствительнаго возстановленія сельскаго хозяйства Россіи нельзя разсчитывать на выгодный экспортъ промышленныхъ продуктовъ въ Россію. Но и это еще не все. Если просмотрѣть составъ русскаго довоеннаго ввоза, то увидимъ, что свыше половины всего ввоза представляли предметы оборудованія и питанія русской промышленности. Хотя составъ ввоза послѣ революціи долженъ надолго измѣниться, но можно съ увѣренностью сказать, что до начала прочнаго возрожденія русской промышленности иностранные экспортеры не найдутъ въ Россіи одного изъ своихъ крупныхъ покупателей. Ибо, если въ 1921 г. совѣтская Россія ввезла на 2,3 мил. ф. ст. пищевыхъ продуктовъ (при 7,1 мил. ф. ст. всего ввоза изъ этой страны), то въ этой поставкѣ Англіей земледѣльческой Россіи предметовъ питанія болѣе, нежели въ чемъ другомъ, сказывается искусственность и случайный характеръ торговли, которую можно вести съ совѣтской Россіей.

Таковы реальныя перспективы такъ называемой „торговой“ концепціи эксплоатаціи Россіи.

Остается поэтому „производственная“ концепція, состоящая въ планахъ переселенія иностраннаго капитала и иностранныхъ предпринимателей въ Россію и оживленія тамъ промышленнаго и даже крупнаго сельско-хоз. производства. Но мы видѣли выше, какія условія работы ожидаютъ иностранныхъ капиталистовъ при совѣтской власти. Правда, большевики обѣщаютъ особыя правовыя гарантіи для иностранцевъ, т. е. созданіе въ Россіи турецкихъ капитуляцій. Но прежде

всего для дѣйствительности этихъ гарантій иностранный капиталъ долженъ имѣть реальную, т. е. вооруженную, силу, иначе всѣ гарантіи могутъ быть аннулированы налетомъ отряда чекистовъ. А затѣмъ весь этотъ режимъ правового и соціальнаго неравенства накопитъ такую ненависть русскаго образованнаго общества и всей массы населенія къ иностранцамъ, что это, рано или поздно, кончится очень тяжелыми послѣдствіями для пришедшихъ въ Россію иностранныхъ капиталистовъ и вложенныхъ ими капиталовъ. Въ колонію Россію превратить не удастся. Нѣмецкіе и другіе предприниматели должны вспомнитъ, какъ уѣзжали изъ юго-западной Россіи нѣмецкіе оккупаціонные эшелоны въ концѣ 1918 года.

На простомъ кредитованіи совѣтской Россіи иностранными капиталистами не станемъ останавливаться. Предложенный заемъ большевики возьмутъ, но отдадутъ ли — этого мы не знаемъ. Безспорно лишь одно: значительная часть этого займа будетъ затрачена на подготовку соціальнаго переворота въ странахъ-кредиторахъ.

V.

Оставляемъ въ сторонѣ интересы Россіи. Но сказанное выше показываетъ, что путемъ работы съ большевиками Зап. Европа не достигнетъ даже того экономическаго эффекта, который ей необходимъ отъ Россіи для облегченія своего послѣвоеннаго кризиса. Поддержкой большевиковъ она лишь отдалитъ ихъ гибель и углубитъ вредное для нея самой раззореніе огромной русской территоріи. Дѣйствительное экономическое возрожденіе Россіи возможно только путемъ полной и безоговорочной перестройки правового строя Россіи на началахъ частной собственности и индивидуальной свободы и замѣны власти коммунистовъ властью, опирающеюся на довѣріе народа. И если эта перестройка произойдетъ не слишкомъ поздно, уцѣлѣвшія еще живыя силы громаднаго народа и природныя богатства занимаемой имъ территоріи скажутся съ такой быстротой, какая вновь поразитъ не знающихъ Россіи иностранцевъ. А изъ иностранныхъ государствъ выиграютъ тѣ, кто поставитъ свою ставку на эту будущую Россію, а не взроститъ ненависть и недовѣріе къ себѣ безпринципной погоней за призрачными благами, которыя сулитъ имъ сотрудничество съ временными поработителями русскаго народа.

* * *

Когда мы наблюдаемъ своеобразное капиталистическое грюндерство большевиковъ, на которое ловятся нѣкоторые западо-европейскіе капиталисты и даже западно-европейскія правительства, намъ приходитъ на память одна историческая параллель. Капиталистическое грюндерство соціалистовъ уже

разъ наблюдалось въ исторіи. Это грюндерство сенъ-симонистовъ. Одинъ ученикъ St.-Simon'a, Enfantin, началъ съ того, что хотѣлъ соорудить Суэзскій каналъ путемъ „Coopération fraternelle", въ которой энтузіазмъ долженъ былъ замѣнить англійскіе капиталы, а кончилъ тѣмъ, что сталъ директоромъ желѣзной дороги въ Ліонѣ. Другіе же ученики St.-Simon'a, братья Pereire, основали спекулятивный грюндерскій банкъ „Crédit mobilier". Этотъ банкъ получилъ отъ современниковъ названіе „величайшаго игорнаго дома міра" и закончилъ свое существованіе крахомъ. Такъ завершился сенъ-симонизмъ.

Концессіями Ленина-Красина завершается большевистскій марксизмъ.

Эта историческая параллель еще яснѣе выявляетъ разложеніе и банкротство большевиковъ.

Ал. Билимовичъ.

Генуя — Европа — Россія.*)

Рѣчь, произнесенная 19-го марта 1922 г. въ публичномъ собраніи, въ Градцѣ Краловомъ.

Уважаемое Собраніе,

Вы знаете, что рѣшено созвать Конференцію въ Генуѣ. Наше Правительство заняло въ этомъ отношеніи опредѣленную позицію. Я полагаю, что и тѣ, кто стоятъ внѣ правительства, обязаны высказать, что̀ они о Конференціи думаютъ и какимъ образомъ они къ ней относятся. Я не хотѣлъ о Конференціи говорить раньше, ибо считаю своимъ долгомъ не вмѣшиваться въ нашу заграничную политику, пока это вообще возможно, но теперь, — когда все рѣшено, — да будетъ и мнѣ дозволено высказать свое мнѣніе съ чешской и съ славянской точекъ зрѣнія.

Въ Генуѣ будутъ обсуждаться прежде всего вопросы экономическіе. Дѣло идетъ о борьбѣ съ экономической разрухой и огромной безработицей, которыя скоро будутъ угрожать почти всѣмъ государствамъ Европы. Стало какимъ то лозунгомъ, что помочь здѣсь сможетъ только всемірное соглашеніе, слѣдствіемъ котораго будетъ водвореніе порядка. — Признаюсь: въ этомъ вопросѣ я — скептикъ и, можетъ-быть, это уже не такой грѣхъ для того, кто участвовалъ въ работахъ Парижской конференціи.**) Что касается отношеній экономическихъ, то я убѣжденъ, что вообще нѣтъ никакой нужды въ созывѣ всемірной конференціи, да еще съ такимъ большимъ аппаратомъ, ибо тѣ вопросы, которые тамъ могутъ быть рѣшены, — для экономическаго возрожденія Европы далеко не первой важности. Если Европейскія государства хотятъ, чтобы у нихъ все было хорошо, они обязаны помочь себѣ сами своей внутренней политикой. (*Возгласы*: „*Отлично*“.) Тутъ не помогутъ ни большая конференція, ни красивыя рѣчи, которыя такъ и останутся рѣчами. Прежде всего внутри государствъ долженъ быть водворенъ порядокъ.

---

*) Ниже мы воспроизводимъ любезно предоставленную намъ высокоуважаемымъ К. П. Крамаржемъ рѣчь, которая является весьма важнымъ и характернымъ политическимъ документомъ: въ немъ сказалась обычная прямота и дальновидность знаменитаго политическаго дѣятеля Чехословакіи.

**) Мирная Конференція 1918—19 г. г., на которой д-ръ К. П. Крамаржъ, въ то время Министръ-Президентъ Чехословацкаго Правительства, былъ представителемъ Чехословацкой Республики.

Ред.

Центральнымъ вопросомъ, о которомъ будутъ вестись переговоры въ Генуѣ, является вопросъ о Россіи. О Россіи сейчасъ, естественно, думаетъ весь міръ, ибо общее мнѣніе таково, что все, чѣмъ мы страдаемъ на континентѣ и въ Англіи, все это происходитъ отъ того, что Россія исключена изъ экономической жизни Европы; — отъ того, что съ одной стороны она не покупаетъ нашихъ продуктовъ, а съ другой — не можетъ ничего вывозить. Но при этомъ забываютъ о весьма важномъ обстоятельствѣ — о томъ, что европейскій кризисъ не былъ бы столь тяжелымъ, если бы внутри всѣхъ государствъ не было собственныхъ производственныхъ осложненій, которыя являются слѣдствіемъ того тихаго большевизма, который мы называемъ „сухимъ" большевизмомъ. Отъ него страдаютъ всѣ европейскія государства. И только, когда придетъ конецъ большевистской агитаціи, когда установятся упорядоченныя взаимоотношенія, когда, наконецъ, мы уяснимъ себѣ, что экономическая жизнь не азартная игра, что ничто въ ней не достигается насиліемъ, что всего необходимо добиваться спокойнымъ соглашеніемъ и взаимными уступками; только когда мы убѣдимся въ томъ, что каждое насиліе въ экономической жизни означаетъ катастрофу и не только для ненавистныхъ буржуевъ, но и для рабочихъ *(Возгласы: „Правильно! Вѣрно!")*, только когда — повторяю — перестанетъ наша экономическая жизнь отравляться вѣчной агитаціей, оплачиваемой изъ Москвы, — только тогда урегулируются наши экономическія отношенія и уменьшится производственный кризисъ, ибо положеніе будетъ оздоровлено въ самомъ важномъ — т. е. въ области внутренняго сбыта, который для каждаго государства долженъ быть самымъ существеннымъ. Сейчасъ нашъ внутренній сбытъ, вслѣдствіе страшной дороговизны, палъ такъ, что нѣтъ надежды компенсировать его экспортомъ, тѣмъ болѣе, что мы производимъ для заграницы такъ дорого, что не можемъ конкурировать. Все, что говорится о Россіи — все это иллюзія — fata morgana, которую создали нѣкоторые государственные дѣятели и на которую указываютъ другимъ, чтобы облегчить свое положеніе во внутреннихъ затрудненіяхъ. Кто вѣритъ,что можно Россіи помочь при наличіи въ ней большевистскаго правительства, тотъ обнаруживаетъ наивность и поверхностность взгляда. — Это совершенно невозможно. Россія страдаетъ не отъ засухи, не отъ блокады и не отъ гражданской войны — хотя дѣйствительно все это обострило общую обстановку, — Россія страдаетъ больше всего отъ того, что извращены въ корнѣ всѣ экономическія отношенія; — что все перевернуто вверхъ дномъ; — что совершенно уничтожена частная иниціатива; — что во всѣ области жизни вмѣшалось государство, ввело свою организацію и соціалистическіе методы, которые по всей линіи

потерпѣли такой крахъ, какого еще никогда не случалось на свѣтѣ. *(Общіе возгласы одобренія.)* Голодъ, который тамъ царитъ, вымираніе — не сдѣлало солнце, это сдѣлалъ Ленинъ своими декретами, никто иной. (*Бурныя одобренія.)* Этотъ голодъ созданъ непримиримымъ расколомъ между русскимъ крестьяниномъ и большевиками. — Крестьянинъ никогда не будетъ соціалистомъ, ибо иначе онъ долженъ былъ бы перестать быть крестьяниномъ. Мужикъ никогда не согласится дѣлиться съ кѣмъ-нибудь плодами своей работы, о напряженности которой многіе не имѣютъ никакого понятія. (*Возгласы: „Вѣрно!“*). Каждое соціалистическое хозяйство должно неибѣжно пасть подъ тяжестью дѣйствительности. — Города не могли существовать, пришлось производить реквизиціи и брать у мужика все, что онъ имѣлъ И все это дѣлалось при помощи штыковъ, разстрѣловъ, массовыми убійствами — а естественное слѣдствіе всего этого, что мужикъ не сѣетъ больше того, что ему самому нужно, потому что послѣ уничтоженія фабрикъ господа большевики ничего не могли дать мужику въ обмѣнъ. Ихъ же денегъ онъ естественно не хотѣлъ брать, ибо за нихъ нельзя было ничего купить. Вотъ гдѣ кроется глубокая причина русскаго голода и всего того ужаса, который въ Россіи происходитъ. Нѣкоторые думаютъ, что все исправится, если большевики изъ-за голода и изъ-за того, что имъ плохо, признаютъ, хоть отчасти, частную собственность и свободную торговлю; или если въ виду разрушенія, въ которое пришли дома, большевики позовутъ домовладѣльцевъ, чтобы тѣ имъ привели дома въ порядокъ; или — позовутъ фабрикантовъ, въ качествѣ арендаторовъ фабрикъ, для приведенія и ихъ въ порядокъ. — Но вѣдь послѣ всего этого смогутъ снова выгнать предпринимателей! Уже сейчасъ господинъ Ленинъ торжественно объявляетъ, что достаточно дано концессій.

Кто при этомъ положеніи вещей вѣритъ въ эволюцію большевизма, тотъ является дѣйствительно человѣкомъ наивнымъ. Большевики не способны къ эволюціи; объ этомъ я обстоятельно написалъ въ своей книгѣ.*)

Если бы большевизмъ сталъ эволюціонировать, а Ленинъ, Троцкій, Зиновьевъ и всѣ, кто имѣетъ на своей совѣсти жизнь милліоновъ и милліоновъ людей, кто завелъ Россію такъ далеко, что въ ней воцарилось людоѣдство, и малыя дѣти убиваются, чтобы быть съѣденными, — если бы они въ одинъ прекрасный день просто сказали: „Мы ошиблись — начнемъ нѣчто новое“, то начать это новое было бы невозможно потому,

*) „Русскій Кризисъ“ — книга К. П. Крамаржа о русской катастрофѣ, въ которой онъ даетъ глубокій анализъ предшествующихъ революціи общественныхъ настроеній и соціальныхъ явленій. См. отчетъ проф. Ѳ. В. Тарановскаго въ „Русской Мысли“, январь-февраль 1922 г. **Ред.**

что среди нихъ останутся всетаки люди, которые еще вѣрятъ въ коммунизмъ, которые дѣлали все это, хотя въ заблужденіи, но въ дѣйствительномъ и искреннемъ заблужденіи. Прежде всего, должна быть закончена борьба среди самихъ большевиковъ, а тогда мы увидимъ, побѣдятъ ли тѣ изъ нихъ, кто хочетъ осуществлять концессіи, или крайніе коммунисты. И даже если побѣдятъ тѣ, которые хотятъ предоставить концессіи, то произойдетъ это только потому, что тѣ, другіе, которые еше вѣрятъ въ коммунизмъ, вѣрятъ и въ то, что товарищи лгутъ, что они только стараются обмануть Европу, а на самомъ дѣлѣ думаютъ: „Когда съ помощью этихъ концессій мы немного укрѣпимся, мы возьмемъ у европейцевъ — все". Если же побѣдятъ среди большевиковъ лѣвые радикалы — еще менѣе смысла говорить о концессіяхъ.

Не хочу пророчествовать, кто изъ большевиковъ въ этой ихъ внутренней борьбѣ выиграетъ, потому что русскія дѣла таковы, что приходится отучаться предсказывать.

Теперь перехожу опять къ пресловутымъ концессіямъ. Не могу себѣ представить, что думаютъ о концессіяхъ тѣ господа, которые говорятъ о нихъ. Какъ можно вообще говорить о концессіяхъ, если частная собственность и частное хозяйство закрѣплены только за европейскими фабрикантами, но не признаются ни для рабочихъ, которыхъ фабриканты естественно должны будутъ имѣть, такъ какъ сами они ничего не смогутъ дѣлать, ни для тѣхъ, которымъ фабрики будутъ продавать свои продукты! Что-же, эти концессіи будутъ ограждены китайской стѣной, и не будутъ имѣть никакой связи съ остальнымъ міромъ? Это абсолютно невозможно. Представьте себѣ, что въ этихъ концессіяхъ рабочіе и служащіе живутъ въ обстановкѣ европейскаго капиталистическаго порядка, а бокъ-о-бокъ съ ними существуетъ остальной міръ, построенный на основахъ коммунизма, въ которомъ не дѣйствуютъ капиталистическіе порядки, недѣйствительна частная собственность, отсутствуетъ нашъ правопорядокъ и особенно политическая свобода? Какъ это возможно, чтобы въ концессіяхъ рабочій былъ свободенъ, а тутъ же рядомъ оказывался несвободнымъ? Это — абсурдъ. Не знаю, какъ это представляютъ себѣ господа, говорящіе о концессіяхъ, для нихъ, очевидно, достаточенъ лозунгъ: „идемъ въ Россію и будемъ наживаться". Къ этой слѣпой капиталистической тоскѣ по наживѣ — сознаюсь — я не питаю никакого уваженія. Все это — совершенный самообманъ, послѣ котораго неизбѣжно должно наступить разочарованіе. Уже сейчасъ говорятъ, что концессіи должны быть вблизи моря — вѣроятно для того, чтобы эти счастливые европейцы могли своевременно удрать, когда имъ станетъ плохо (*Общій смѣхъ*).

Я убѣжденъ, что они будутъ очень скоро вынуждены обзавестись чѣмъ то бо́льшимъ, нежели концессіи, а именно —

охраной для всего того, что имъ обѣщаютъ большевики. Если же охраны не будетъ, неизвѣстно чѣмъ это кончится. А ея то и не будетъ, потому что большевики на такую охрану никоимъ образомъ согласиться не могутъ.

Европейскіе капиталисты вообще удивительные люди. Имъ извѣстно, что большевики проповѣдуютъ всеобщее уравненіе, уничтоженіе капитала и что, если они до сихъ поръ не овладѣли европейскими капиталами, то только потому, что не имѣютъ достатоточно силъ. Такъ въ этомъ имъ теперь хотятъ пойти навстрѣчу сами европейскіе капиталисты; они готовы вложить въ Россію свои милліарды, хотя знаютъ, что ничего не получатъ обратно. При этомъ они забываютъ еще объ одномъ обстоятельствѣ: признаютъ ли тѣ, которые смѣнятъ большевиковъ, все то, что они сдѣлали? Будутъ ли они къ тому морально обязаны? Будутъ ли они морально обязаны уважать добытыя Европой у большевиковъ права, разъ Европа пошла въ Россію съ цѣлью продлить царство большевиковъ? Думаю, что нѣтъ. Мнѣ кажется, что всеобщій расчетъ на всѣмъ извѣстную, такъ много разъ проявленную, забывчивость добраго русскаго сердца — можетъ именно въ этомъ случаѣ не оправдаться. Думаю, что и тѣ русскіе, которые заграницей должны сейчасъ сносить всякія лишенія, и русскіе, находящіеся у себя дома и терпящіе тамъ всякія лишенія и униженія и невиданныя муки вслѣдствіе большевистскаго владычества, вспомнятъ объ этомъ, когда настанетъ часъ и возможность воспоминаній, и воспоминанія ихъ будутъ горьки.

Нѣтъ сомнѣній, что для русскаго народа, у котораго, какъ и у остальныхъ славянскихъ народовъ, такую большую роль играетъ чувство, эти воспоминанія будутъ имѣть большое значеніе и окажутъ вліяніе не только на политическое будущее всего міра, но и на экономическія отношенія Россіи съ разными націями и съ живущими въ Россіи иностранцами. Тѣ, которые хотятъ ѣхать въ Геную, должны были бы съ этимъ очень посчитаться. По моему сужденію — Генуя не поможетъ. Если дѣло идетъ о помощи безработнымъ въ Англіи, то, думаю, съ такимъ же успѣхомъ можно было бы имъ поручить дробить камни и сбрасывать въ море: милліарды, которые будутъ вложены въ большевистскую Россію, не дадутъ бо́льшихъ плодовъ.

Россію концессіями не спасти, если продолжится существованіе большевиковъ. Россія будетъ спасена, когда въ ней не будетъ большевиковъ, когда въ ней будетъ дѣйствовать законный правопорядокъ, будетъ возстановлена гражданская свобода, и когда Россія вновь станетъ цивилизованной страной (*Бурные апплодисменты, возгласы: „Правильно, превосходно“.*). Тогда обязанностью всѣхъ будетъ оказаніе помощи Россіи въ ея экономическомъ возрожденіи. И тогда каждый сможетъ это сдѣлать безъ боязни, ибо будетъ знать, что капиталы,

которые онъ для этого дастъ, не погибнутъ. Ибо, съ одной стороны, они дѣйствительно помогутъ народу, такъ много претерпѣвшему, а съ другой стороны, капиталы эти будутъ возвращены, какъ все то, что было Россіи дано до появленія большевиковъ, уничтожившихъ частную собственность и отмѣнившихъ иностранные долги. Итакъ, я думаю, что каждый, кто спѣшитъ въ Геную, долженъ быть очень чутокъ къ тому, какъ она отразится на будущей, свободной, умиротворенной Россіи.

Говорятъ обо мнѣ, что я неисправимый наивный романтикъ, не могущій понять того новаго режима, который появился въ Европѣ послѣ войны*). Это правда. Человѣкъ, который такъ долго былъ политикомъ, какъ я, и который работалъ надъ тѣмъ, чѣмъ жила десятилѣтіями Европа, съ трудомъ можетъ освоиться съ новымъ положеніемъ вещей. Увы, я не обладаю столь мягкимъ характеромъ, чтобы приспособляться ко всему новому. Родился я въ горахъ, а тамъ люди твердые. И я не почитаю несчастьемъ, что у насъ есть твердый человѣкъ, который твердымъ и останется. (*Долгія рукоплесканія.*) Тѣ изъ васъ, которые помнятъ о положеніи дѣлъ въ Европѣ передъ войной, знаютъ, чѣмъ Европа была. Европа дѣйствительно гордилась тѣмъ, что въ ней побѣдила человѣчность. Вы знаете, какъ вся Европа содрогалась, когда гдѣ-либо была совершаема жестокость или несправедливость; какъ вся Европа возставала противъ всего, что не отвѣчало вѣчнымъ, неписаннымъ законамъ гуманности и человѣчности.

Теперь, къ сожалѣнію, все иначе. Мы не обладаемъ теперь тѣмъ огромнымъ моральнымъ паѳосомъ, которымъ было одушевлено человѣчество передъ войной, у насъ нѣтъ ни порыва, ни умѣнія воспрепятствовать тому, чтобы цѣлая нація, какъ это происходитъ сейчасъ въ Россіи, подвергалась неслыханнымъ мукамъ и тиранніи.

Наоборотъ, мы видимъ, что большевики приглашены въ Геную. Скажите мнѣ, какое дѣйствіе можетъ оказать на моральное состояніе Европы то обстоятельство, что въ числѣ представителей цивилизованныхъ народовъ приглашаются и тѣ люди, которые за нѣмецкія деньги продали свое отечество, свою Россію и уничтожили славную русскую армію? (*Бурныя одобренія.*) Не правда, будто армія была уже раньше разложена. Въ этомъ убѣждаетъ насъ то, что большевики имѣютъ и сейчасъ красную армію, имъ послушную лишь потому, что въ ней царитъ старая царская дисциплина — только болѣе тяжкая! Что эта армія — не большевистская, знаетъ каждый.

*) Д-ръ К. П. Крамаржъ въ 1915 году былъ преданъ австрійскому суду за симпатіи къ Россіи и съ 1915-1918 г. г. находился въ заключеніи. Въ эти годы онъ былъ оторванъ отъ всего міра и послѣ освобожденія явился въ Европу дѣйствительно новымъ человѣкомъ, который сохранилъ воспоминанія о героическомъ начальномъ періодѣ міровой войны.

Армію разрушили изъ-за наивнаго соціалистическаго фанатизма соціалисты-революціонеры, а за деньги — большевики. За нѣмецкія деньги! Это разрушеніе на нѣмецкія деньги арміи стоило Франціи и Англіи продолженія войны на годъ, сотенъ тысячъ жертвъ и всего того, чѣмъ мы страдаемъ теперь. И это все забывается! Теперь съ тѣми, кто за нѣмецкія деньги измѣнилъ своей родинѣ, садятся за одинъ столъ! Это самая ужасная безнравственность, какую знаетъ исторія (*Крики*: „*Стыдъ, позоръ*".) Это дѣйствительно позоръ и моральное паденіе; это — то, что будетъ Европѣ тяжко отомщено. Какъ вы хотите народу говорить о любви къ отечеству, о жертвахъ для него, разъ вы подаете руку человѣку, который съ помощью чужихъ денегъ измѣнилъ своей родинѣ? Знаю, что нѣкоторые изъ большевиковъ — являются чистыми фанатиками и не брали денегъ для себя, а употребили ихъ на агитацію. Но и это — одинаково ужасно. Измѣна родинѣ — страшнѣйшая измѣна.

Боюсь, что приглашеніе большевиковъ на Генуэзскую конференцію будетъ имѣть глубокое моральное дѣйствіе, которое врядъ-ли будетъ благопріятно для судебъ Европы. Можетъ быть, если бы Россіи это помогло, можно было бы еще многое оправдать, но Россіи то и не помогутъ. Наоборотъ, только утвердится большевизмъ, и отношенія съ русскимъ народомъ станутъ еще болѣе тяжкими, потому что несчастное населеніе Россіи, которое такъ страдаетъ подъ большевистскимъ игомъ, потеряетъ послѣднюю надежду, которую возлагало на цивилизованную Европу. Оно преисполнится безнадежности относительно будущаго, когда увидитъ, что для Европы важнѣе начать торговлю съ Совѣтской властью, чѣмъ сохранить вѣру Русскаго Народа въ цивилизацію и гуманность Европы. (*Бурныя рукоплесканія.*)

И тутъ мнѣ дѣлается страшно, и я останавливаюсь въ недоумѣніи. Такъ неужели, дѣйствительно, то, что называлось европейской совѣстью было лишь романтическимъ миѳомъ? Такъ неужели наша цивилизація оказалась лишь легендой, стараго довоеннаго міра, и мы жили ложью и обманомъ, когда вѣрили, что человѣчество есть нѣчто высшее, нежели общество, помышляющее прежде всего о своемъ карманѣ? Все имѣетъ, однако, свои послѣдствія. Въ этомъ отреченіи отъ самого прекраснаго, что имѣло человѣчество, таится ужасная политическая трагедія. Россія этого не забудетъ и не сможетъ забыть, и мы еще увидимъ тѣ тяжелыя политическія послѣдствія, которыя это будетъ имѣть.

Думаю, что и тѣ, многіе, кто надѣются помочь себѣ провозглашеннымъ, какъ одно изъ условій конференціи, невмѣшательствомъ въ чужія внутреннія дѣла, будутъ горько обмануты. Конечно, западныя державы точно выполнятъ свои обѣщанія и не будутъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи. Но, чтобы большевики согласились прекратить свою агита-

цію, ту агитацію, которая себя такъ блестяще показала въ Египтѣ и въ Ирландіи, и которая себя показываетъ сейчасъ въ Африкѣ и Индіи, — этому никто не повѣритъ. Ее ли должны оставить большевики, имѣющіе единственной цѣлью всемірную соціальную революцію — особенно сейчасъ, когда болѣе ясно, нежели вначалѣ, они видятъ, что только въ этой всемірной революціи заключена для нихъ послѣдняя возможность осуществленія ихъ мечтаній? Они, конечно, сдѣлаютъ такъ, что русское правительство не будетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла другихъ государствъ. На что же имъ III-ій Интернаціоналъ? Онъ все это выполнитъ, но только за деньги русскаго правительства.

Считаю своимъ долгомъ сказать, что единственной свѣтлой точкой въ этомъ положеніи является Америка. Америка рѣшительно отказалась сѣсть за одинъ столъ съ тѣми, кто уничтожилъ Россію. Этимъ, конечно, она уничтожила всѣ надежды на экономическія чудеса, ожидаемыя отъ Генуэзской конференціи. Она осталась вѣрна тому идеализму, съ которымъ, безъ эгоистическихъ цѣлей, она вступила въ войну только для того, чтобы помочь Европѣ освободиться отъ германскаго имперіализма. Нѣтъ сомнѣній, что въ 14 пунктахъ Президента Вильсона было больше философіи, нежели политики. Нѣтъ сомнѣній, что проведеніе ихъ въ жизнь вызвало очень много — скажемъ мягко — непріятностей и создало условія, которыя еще долго, долго будутъ вредить европейскому миру и спокойствію, но все таки нельзя отрицать, что во всемъ этомъ былъ искренній идеализмъ и подлинная гуманность.

И теперь Америка показала Европѣ примѣръ, какъ ей слѣдовало бы помочь самой себѣ. Америка, какъ и Европа, имѣла у себя безработныхъ, но вопросъ о нихъ она разрѣшила дома своими средствами, и для этого ей не понадобилось итти въ Россію. Въ своей экономической жизни она сама, энергіей и рѣшительностью, проявленной и капиталистами и рабочими, преодолѣла свой внутренній кризисъ и безработицу, и ей теперь не нужно, для облегченія этой безработицы, поступаться принципами гуманности и идеализма. Она не идетъ въ Россію и, мнѣ кажется, что это ея рѣшеніе будетъ имѣть гораздо болѣе крупныя политическія послѣдствія, чѣмъ это можно было бы думать сейчасъ. Вѣдь если русскіе не забудутъ всего того зла, которое имъ причинено, то, съ другой стороны, изъ ихъ памяти, конечно, не изгладится и то добро, которое имъ сдѣлала Америка (*Одобреніе*).

Перехожу теперь къ самой жгучей сторонѣ вопроса: къ нашему отношенію къ Генуѣ и къ нашей политикѣ. Сейчасъ положеніе таково, что нужно открыто и прямо сказать то, что является не только моимъ личнымъ мнѣніемъ, но и мнѣніемъ очень многихъ людей во всѣхъ концахъ Чехословакіи. Все таки мы не имѣемъ права забывать, что мы — потомки Колларовъ, Палац-

*

кихъ, Юнгманновъ и Шафариковъ, что мы потомки тѣхъ, кто созвали первый славянскій съѣздъ въ Прагѣ, и что мы сами созвали въ ней второй славянскій съѣздъ. Это былъ съѣздъ, на которомъ мы возвѣстили міру идеологію искренняго, вѣрнаго другъ другу славянства, на которомъ мы провозгласили истинную любовь между славянами и нашимъ лозунгомъ объявили свободу, равенство и братство всѣхъ славянъ. Мы не смѣемъ объ этомъ забывать, ибо есть вещи, которыя обязываютъ. Мы въ Австріи, въ тягчайшей обстановкѣ, не боялись дѣйствовать, какъ славяне. Не люблю говорить о себѣ, но, въ данномъ случаѣ, долженъ сказать нѣсколько словъ, чтобы было ясно, что все выраженное мною не составляетъ оппозиціи противъ какихъ-либо личностей. Передъ военнымъ судомъ, — когда вамъ извѣстно, что́ мнѣ грозило — я сказалъ совершенно открыто: Пусть будетъ, что будетъ, я никогда не откажусь отъ своей любви къ Россіи и Франціи (*„Отлично!“ Бурныя рукоплесканія)*. Поэтому и теперь, думается мнѣ, я имѣю нѣкоторое право говорить о славянствѣ, и я спрашиваю: что же наша славянская идеологія была пустымъ звукомъ, и мы защищали ее лишь, когда намъ было плохо? Что же, все это мы дѣлали только потому, что Россія была сильной и могучей, а мы, какъ бѣдные родственники, стучались къ богатому дядюшкѣ?Неужели, дѣйствительно, въ нашихъ славянскихъ стремленіяхъ не было чего то болѣе глубокаго, идеальнаго и неужели потому, что мы сейчасъ свободны, а Россія унижена — мы должны забыть о томъ, чѣмъ мы жили, на чемъ выросли, чему насъ учили наши отцы и что было нашей самой крѣпкой опорой въ злыя времена? (*Бурныя одобренія*). Неужели все это должно быть забыто? (*Возгласы: „Нѣтъ“!*) Думаю, что никогда. А между тѣмъ, мы въ числѣ первыхъ открыли границы большевистскимъ миссіямъ и еще хвалимся этимъ въ иностранныхъ газетахъ. Всякія оправданія выискивались для этого: то это была лишь миссія краснаго креста, то это вызывалось необходимостью создать условія, при которыхъ можно было бы вывезти изъ Россіи нашихъ соотечественниковъ. Я, конечно, глубоко сочувствую нашимъ соотечественникамъ изъ Россіи и хорошо знаю, въ какой степени мы обязаны имъ своимъ освобожденіемъ, но тѣмъ болѣе мнѣ странно, почему такъ мало для нихъ дѣлается, когда они у насъ оказались,— вѣдь объ нихъ то какъ разъ и забываютъ тѣ, кто, ради помощи имъ, впустилъ къ намъ большевистскія миссіи! Но, такъ или иначе, а первыми открыли двери своего свободнаго государства для тѣхъ, кто уничтожилъ Россію — мы, и невольно возникаетъ вопросъ: для чего собственно мы воевали и страдали, для того ли, чтобы создать свое національное славянское государство или для того, чтобы создать государство интернаціонально-соціалистическое. Неужели мы можемъ забыть, что свободой своей мы прежде всего обязаны русскимъ, что

Россія рѣшилась на войну не ради своихъ эгоистическихъ цѣлей (Россія вначалѣ войны даже Турціи не хотѣла трогать и дѣлала все отъ нея зависящее, чтобы добиться нейтралитета Турціи), а съ единственной лишь цѣлью спасти свободу славянскаго сербскаго народа? Къ сожалѣнію, и сербы идутъ въ Геную и сядутъ тамъ за столъ съ убійцами тѣхъ, которымъ сербы обязаны всѣмъ. Боюсь, что настанетъ время, когда сербы съ горечью вспомнятъ о тѣхъ, кто убѣдилъ ихъ преодолѣть отвращеніе къ большевикамъ! Но и мы то не должны забывать, что первымъ, кто сказалъ намъ, что мы должны быть свободны — была Россія. Это былъ несчастный русскій царь, который обѣщалъ русскимъ чехамъ, что Чехословакія будетъ независимымъ государствомъ. Это обстоятельство долженъ признать всякій, независимо отъ того, кто онъ — республиканецъ или монархистъ. Точно также и русскій министръ С. Д. Сазоновъ открыто сказалъ французскому послу, что одной изъ цѣлей русской политики является независимость Чехословацкаго государства. Все это произошло гораздо раньше, чѣмъ было признано на Западѣ! Не смѣемъ мы забывать и того, что безъ милліоновъ погибшихъ русскихъ жизней никогда мы не добились бы свободы и донынѣ находились бы подъ нѣмецкимъ игомъ, — а вы знаете каково оно было бы! И если мы сейчасъ проявимъ по отношенію къ Россіи неблагодарность, это ляжетъ тяжкимъ грѣхомъ на все наше будущее.

Но не одно чувство, — и интересы реальной политики заставляютъ насъ такъ смотрѣть на этотъ вопросъ. Я цѣлыя десятилѣтія дѣлалъ въ Австріи реальную политику, не сдѣлался я романтическимъ мечтателемъ и за время войны. Наоборотъ, я за это время проникся еще болѣе политическимъ реализмомъ, но я не признаю того политическаго реализма, который отвергаетъ чувство, отвергаетъ то, чѣмъ народъ жилъ, что онъ любилъ, что было его вѣрой и надеждой и что одно только можетъ пробудить въ сердцѣ его новыя надежды и вѣру въ жизнь (*„Отлично!“. Громкія рукоплесканія*). Нельзя дѣлать политику, идущую противъ чувства, противъ народнаго сердца, это плохой реализмъ. Нельзя также дѣлать политику со дня на день; необходимо смотрѣть въ будущее. Кто хочетъ имѣть свободное, независимое національное Чехословацкое государство, тотъ не можетъ мыслить его иначе, какъ при наличіи мощнаго славянства (*Бурныя рукоплесканія*). Нашу внутреннюю національную политику никогда не поймутъ тѣ, кто не сумѣетъ понять нашей исторіи. Я не въ упрекъ это говорю, ибо разобраться въ нашей исторіи весьма нелегко, — я лишь утверждаю, что безъ знанія нашей исторіи нельзя понять вопросовъ, которые съ точки зрѣнія великихъ державъ могутъ казаться неважными, но которые для насъ имѣютъ жизненное значеніе. Англичане, конечно, не понимаютъ борьбы нашихъ меньшинствъ. Не понимаетъ и никогда

не пойметъ ее и американецъ, но мы то хорошо знаемъ, чѣмъ являются для насъ наши меньшинства. Мы знаемъ, что это нашъ чешскій государственный вопросъ, что это первоочередная проблема чешской политики. (*Рукоплесканія*). Поймутъ насъ въ этомъ отношеніи тѣ люди, которые чувствуютъ вмѣстѣ съ нами, любятъ то, что мы любимъ, и ненавидятъ то, что мы ненавидимъ, люди, перенесшіе долгія и тяжелыя испытанія. И русскій народъ, который раньше смотрѣлъ на эти вопросы съ точки зрѣнія великаго народа, не усматривая значенія этихъ такъ называемыхъ мелочей нашей внутренней политики, теперь, перенеся выпавшія на его долю тяжкія испытанія, понимаетъ, что значитъ народное страданіе и борьба съ угнетателями. Это насъ сближаетъ. Но скажите откровенно, можемъ ли мы разсчитывать на славянскія настроенія будущей Россіи, когда мы сами, — авангардъ славянства, — проповѣдовавшіе всѣмъ идею славянства, не даемъ примѣра искренности своихъ славянскихъ убѣжденій? Можемъ ли мы надѣяться на это? Нѣтъ. Было бы большимъ заблужденіемъ думать, что мы, въ то время, когда появится новая и сильная Россія, сможемъ снова начать говорить о славянствѣ, если перестанемъ говорить о немъ теперь, когда Россія унижена.

Когда я говорю о славянствѣ, то — долженъ сказать — цѣль чешской политики я вижу только въ достиженіи тѣснаго единенія свободныхъ славянскихъ народовъ и государствъ. (*Бурныя рукоплесканія*). Раньше мы не могли объ этомъ говорить открыто, мы должны были маскировать фразами и разными формулами то, что было общимъ желаніемъ и общей мечтой. Но теперь, когда мы свободны, мы не имѣемъ права забывать то, чѣмъ жилъ нашъ народъ, что давало ему силы въ тяжкой борьбѣ, и что привело его къ свободѣ. Вспомните, какъ много для нашей независимости сдѣлали тѣ, кто первыми подняли за границей знамя борьбы, именно, русскіе чехи и наши чехи въ Парижѣ. Это они подали сигналъ къ борьбѣ за свободу. Имъ, вступившимъ первыми въ бой, принадлежитъ наша признательность, наша безконечная благодарность, но не забывайте, что всѣ они шли въ бой за нашу свободу въ объединенномъ славянствѣ!

Мы не дѣлаемъ того, что должны были бы дѣлать. Мы много грѣховъ содѣяли противъ того, что является нашимъ жизненнымъ интересомъ.

Дальше, коснувшись вопроса о русскихъ въ Чехословакіи, ораторъ сказалъ:

Мы не имѣемъ права вмѣшиваться въ русскія внутреннія дѣла. Для насъ нѣтъ монархистовъ и нѣтъ республиканцевъ, для насъ есть только русскіе. Мы одинаково хорошо обязаны относиться ко всѣмъ русскимъ, которые любятъ Россію. Вра-

гами для насъ являются лишь тѣ, кто уничтожили Россію, т. е. большевики *(Бурныя рукоплесканія)*. Никто изъ русскихъ не долженъ имѣть основанія ожидать отъ насъ враждебнаго отношенія только потому, что онъ монархистъ. Не нужно забывать, что именно партія праваго крыла и центра своимъ вліяніемъ и своей агитаціей способствовала выступленію Россіи на защиту свободной Сербіи, тогда какъ радикальные круги были лишь увлечены общимъ движеніемъ, когда весь русскій народъ былъ охваченъ энтузіазмомъ войны, начатой во имя освобожденія славянъ отъ нѣмецкаго ига.

Тогда вели войну монархисты, и русскій народъ, который такъ стойко умиралъ и жертвами своими подготовилъ Марну и окончательную побѣду, былъ еще тогда монархическимъ народомъ. Если изъ тогдашнихъ монархистовъ многіе разочаровались въ монархіи, то это вполнѣ естественно, но это не устраняетъ того факта, что именно среди монархистовъ въ то время было больше всего людей славянски и національно настроенныхъ. Мы прекрасно знаемъ, что монархія была плоха и что въ абсолютистской политикѣ русскихъ монарховъ крылась послѣдняя причина гибели Россіи, но какое же мы имѣемъ право осуждать людей, относившихся къ намъ самымъ лучшимъ образомъ, за одно лишь то, что они продолжали вѣрить въ монархію унаслѣдованной отъ отцовъ вѣрой?

Теперь разберемся въ томъ, чѣмъ были соціалисты-революціонеры. Соціалисты-революціонеры были въ числѣ интернаціоналистовъ, которые принесли съ собой въ Россію страшный, приведшій къ разложенію армію, лозунгъ: „безъ аннексій и контрибуцій". Изъ ихъ среды вышелъ приказъ № I, этотъ, изданный подложнымъ образомъ, первый революціонный военный приказъ, который совершенно разрушилъ русскую армію, уничтожилъ ея дисциплину и похоронилъ надежды на дальнѣйшую борьбу этой арміи за нашу свободу, за вѣрность союзникамъ. На соціалъ-революціонерахъ лежитъ тяжкая вина и за то, что появились у власти большевики и за то, что былъ разрушенъ русскій фронтъ. А въ результатѣ развала фронта и большевистской измѣны въ Брестъ-Литовскѣ — мирная конференція собралась безъ представителей сильной славянской Россіи, и на ней оказались лишь мы, юго-славяне и поляки. Славянство въ цѣломъ не приняло участія въ общей работѣ по устроенію новой Европы и будущаго міра; и это соціалъ-революціонеры, сдѣлавъ русскую армію неспособною къ бою и содѣйствуя возникновенію большевизма, — лишили Россію участія въ рѣшеніи вопроса о мирѣ и о судьбѣ нашей и юго-славянъ. Я не хочу ихъ обвинять, я знаю, что они шли за своими соціалистическими идеалами, что они по своему любятъ Россію и что они рѣшительные противники большевиковъ. Я отнюдь не хочу вы-

звать со стороны нашего правительства непріязненное къ нимъ отношеніе. Какъ и всякій русскій монархистъ, такъ и всякій русскій соціалъ-революціонеръ есть для насъ только русскій, и мы хотимъ лишь одного: чтобы обѣимъ сторонамъ мѣрилось одинаковой мѣрой; мы не хотимъ, чтобы съ одной стороны нашими деньгами поддерживалась соціалъ-революціонная партія и соціалъ-революціонная печать, а съ другой были выселяемы изъ республики русскіе только за то, что они монархисты, несмотря на то, что именно монархисты первыми выступили на борьбу за свободу славянства. Отсюда въ 24 часа былъ выселенъ митрополитъ Евлогій, который въ настоящее время по приказу русскаго патріарха Тихона имѣетъ надзоръ надъ русской церковью заграницей. Митрополитъ Евлогій былъ въ свое время противникомъ того неославизма, который особенно сильно я проводилъ, и если неославизмъ не имѣлъ успѣха, то въ большой мѣрѣ этому содѣйствовалъ митрополитъ Евлогій. Я не могу поэтому быть пристрастнымъ къ нему, но долженъ сказать, что мнѣ представляется совершенно недопустимымъ, когда выселяется столь значительное въ русской жизни лицо только потому, что онъ — епископъ и монархистъ. Такъ политику дѣлать нельзя: мы существуемъ не для того, чтобы въ порядкѣ административныхъ мѣропріятій дѣлать пропаганду республиканскимъ идеямъ на весь міръ. Сдѣлаемъ нашу республику здоровой и хорошей, сдѣлаемъ ее желаннымъ примѣромъ для всѣхъ — вотъ что было бы наилучшей пропагандой истиннаго демократическаго республиканства (*Бурныя рукоплесканія*).

Когда мы приведемъ въ порядокъ свое государство, урегулируемъ вопросъ съ валютой, когда мы докажемъ, что республиканство заложено во всѣхъ насъ и что оно означаетъ прогрессъ и дисциплину, когда мы будемъ строги къ тѣмъ, кто вредитъ Республикѣ — тогда мы дѣйствительно выполнимъ свои обязанности передъ республикой, это та подлинная республиканская работа, которую я рекомендую (*Рукоплесканія*). Тѣмъ же, что мы выселимъ за границу Республики какого-то русскаго монархиста, мы ничего не прибавимъ къ ея достоинству, а, наоборотъ, повредимъ ей, ибо объ этомъ вспомнятъ въ будущемъ.

Скажу совершенно откровенно; я не хочу, чтобы русскіе у насъ дѣлали политику. Они не имѣютъ права вмѣшиваться въ наши внутреннія дѣла. Они бы прекрасно сдѣлали, если бы оставили и свои внутреннія распри, которыя такъ вредятъ русской эмиграціи. Но поддерживать или преслѣдовать того или другого изъ русскихъ эмигрантовъ въ зависимости отъ того, къ какому онъ принадлежитъ политическому вѣрованію, это я считаю актомъ, который не можетъ и не долженъ имѣть мѣста въ нашей политикѣ. (*Одобренія.*) Я лично думаю, что въ такой огромной проблемѣ, какой является проблема сла-

вянская, гораздо бо́льшее значеніе будутъ имѣть моральныя цѣнности, чѣмъ самая изощренная политическая изворотливость. Если славянство является нашей политической цѣлью (а таковой оно должно быть), — мы обязаны стараться, чтобы между нами и остальнымъ славянствомъ и, въ особенности, между нами и русскимъ народомъ образовалась прежде всего глубокая нравственная связь, а ее можно создать только вѣрностью въ несчастіи и проявленіемъ благодарности за все то, что для насъ сдѣлала Россія. И именно здѣсь, гдѣ все зависитъ отъ нравственныхъ цѣнностей, нельзя заниматься политикой, которая хочетъ одновременно зажечь свѣчу и передъ чортомъ и передъ Богомъ. Либо Богъ, либо чортъ; или одно, или другое. *(Одобренія.)* Объ этихъ вопросахъ нужно, наконецъ высказаться ясно и точно, и позвольте мнѣ въ концѣ моей рѣчи выразить мое мнѣніе, которое, весьма возможно, совпадетъ съ убѣжденіями гораздо бо́льшаго числа людей, чѣмъ это можно было бы думать. Надѣюсь, что слова мои не останутся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Я имѣю нѣкоторое право надѣятся на это, такъ какъ, и въ довоенные годы, я былъ неизмѣнно у насъ представителемъ славянской политики и занималъ поэтому опредѣленное положеніе и среди остальныхъ славянъ.

Въ настоящій историческій моментъ, когда Европа капитулируетъ предъ самымъ большимъ преступленіемъ исторіи, когда она принимаетъ, въ числѣ представителей другихъ народовъ, палачей, которые оплевали и распяли несчастную Россію, истекавшую кровью за нашу славянскую свободу, я, отъ имени той части чешскаго народа, которая вѣрность и благодарность не считаетъ ошибочнымъ и наивнымъ пережиткомъ романтической политики и которая не перестала вѣрить въ нашу національную славянскую миссію, — заявляю, что мы не виновны въ этомъ тяжкомъ кровномъ оскорбленіи русскаго народа и всѣхъ его героевъ, пожертвовавшихъ своими жизнями за нашу славянскую свободу.

Мы хотимъ въ неприкосновенности, вѣрою и правдою, донести святой завѣтъ нашихъ отцовъ, ихъ надежду и ихъ вѣру въ славянство, до того дня, когда дорогая намъ Россія освободится отъ своихъ палачей, чтобы въ этотъ великій день мы могли съ чистымъ сердцемъ протянуть руку нашимъ русскимъ братьямъ, какъ одни изъ тѣхъ немногихъ, которые, безъ всякихъ условій, безъ всякихъ двусмысленныхъ компромиссовъ, остались имъ вѣрными во времена тягчайшаго униженія русскаго народа (*Бурные рукоплесканія.*)

Мы хотимъ быть тѣми, которые навсегда сохранятъ за собой право говорить о славянствѣ, такъ какъ не переставали въ него вѣрить и поступать по славянски и тогда, когда всѣ склонялись передъ кровавой силой захватчиковъ власти надъ измученной Россіей. (*„Вѣрно!“ Рукоплесканія)* Мы хотимъ имѣть нравственное право сказать въ будущемъ: мы остались вамъ вѣрными, когда вамъ было горше всего, и знайте — вѣрныхъ товарищей, вѣрныхъ друзей, искреннихъ и преданныхъ, вы найдете только среди славянъ и нигдѣ больше. Придетъ великій день освобожденія Россіи, разойдется и та тяжелая мгла, которая, со времени нашего освобожденія, виситъ надъ нашимъ народомъ и душитъ нашъ энтузіазмъ и нашу свѣтлую вѣру въ борьбѣ за свободу. Настанетъ великій день, когда мы снова всѣ ощутимъ нашу завѣтную цѣль — великое славянское единеніе, и это дастъ намъ новыя силы, новую жизнь, и мы сможемъ тогда глядѣть въ будущее со всей полнотой радости и той вѣры, которую мы сумѣли не утратить даже въ тягчайшія времена. Много малодушныхъ перестало надѣяться, но мы продолжаемъ вѣрить, что наступитъ время, когда славянство будетъ имѣть рѣшающій голосъ въ судьбахъ Европы, когда осуществится то, что было всегда нашей надеждой, что одухотворяло нашихъ героевъ и подъ Зборовымъ и во Франціи.

Великое славянство было нашей цѣлью, и мы не смѣемъ отказываться отъ него, когда несчастная Россія унижена и измучена. Пусть спросятъ во всѣхъ концахъ чешской земли кого мы ждали вначалѣ войны? Нельзя безъ умиленія вспомнить съ какимъ трогательнымъ простосердечіемъ ожидалъ тогда нашъ народъ русскихъ. Славянство было тогда во всѣхъ душахъ и во всѣхъ сердцахъ. Народъ вѣрилъ въ славянство и за него готовъ былъ на какія угодно жертвы. И не можемъ мы оказаться невѣрными этому порыву. Тѣ наши воины, которые изъ австрійскихъ полковъ бѣжали въ Россію, — дѣлали это не потому, что были сторонниками западной оріентаціи, но только потому, что въ нихъ говорило славянское чувство и вѣра въ Россію (*„Вѣрно!“*). Не забудьте, что если потомъ не оправдались наши надежды на Россію, то это случилось лишь потому, что Россія принесла себя въ жертву. Если бы Россія не вступила въ войну, она была бы теперь болѣе могущественной, нежели передъ войной, ибо она сильно росла и развивалась. Каждый, знающій русскую исторію, понималъ, какія опасности таитъ для Россіи война. — И если Россія всетаки начала войну, то это было не для „укрѣпленія царизма“, какъ до сихъ поръ продолжаютъ утверждать соціалисты, а во имя великой славянской идеи. Во имя этой идеи вышла Россія на подвигъ великой войны, и не можетъ быть она теперь оскорбляема тѣми, кто не хочетъ оказаться измѣнникомъ славянству. Мы должны сохранить честь славянскаго знамени, и пусть эта вѣра въ сла-

вянство придастъ намъ силу въ борьбѣ даже тогда, когда намъ будетъ казаться, что мы безпомощны противъ „сильныхъ міра сего“.

Придетъ время, когда Россія станетъ вновь великой и могучей, и тогда подлѣ нее окажемся мы, — тѣ, кто и въ годину несчастій остались вѣрными Россіи и гордо несли знамя славянства. Этотъ день и для Россіи, и для насъ, и для всего славянства будетъ свѣтлымъ днемъ свободы и величія (*Долгія и бурныя рукоплесканія*).

К. П. Крамаржъ.

Письмо редактору „Русской Мысли“.*)

Дорогой

Петръ Бернгардовичъ!

Разрѣшите сказать Вамъ нѣсколько словъ по поводу появившихся въ первой книгѣ „Русской Мысли“ текущаго года воспоминаній В. В. Шульгина о кіевскомъ погромѣ 1905 года подъ заглавіемъ „Дни“. Я обращаюсь не столько къ нему, сколько къ Вамъ, такъ какъ Вы въ вводномъ примѣчаніи, которымъ Вы снабдили эти воспоминанія, называете ихъ „искренними, правдивыми и изобразительными“. Я не отрицаю того, что эти воспоминанія написаны, дѣйствительно, съ большой изобразительной силой и что внѣшняя картина погрома, какъ и настроеніе толпы и солдатъ, переданы совершенно вѣрно. Тѣмъ не менѣе не могу признать этихъ записокъ ни правдивыми, ни искренними.

Отношеніе В. В. Шульгина къ еврейскому вопросу въ качествѣ публициста и члена Гос. Думы намъ всѣмъ достаточно извѣстно. Спорить съ нимъ поэтому по еврейскому вопросу по существу, конечно, прежде всего совершенно безцѣльно, но можно было требовать отъ него, чтобы онъ, излагая событія въ Кіевѣ послѣ объявленія манифеста 17 октября, воздержался отъ повторенія слуховъ, во всякомъ случаѣ непровѣренныхъ, какъ напр., того, что какой то рыжій студентъ еврей, пробивъ головой портретъ царствующаго Императора, носилъ на себѣ пробитое полотно, изступленно крича: „Теперь я — Царь“. Эта исторія тогда разсказывалась въ газетахъ. Но вѣдь всякому же ясно, что манифестъ 17 октября никому, ни еврею, ни не еврею, не давалъ никакого права себя считать царемъ. Если этотъ фактъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто, то, слѣдовательно, его можно объяснить лишь двумя версіями: либо, что этотъ студентъ еврей былъ человѣкомъ, во всякомъ случаѣ въ тотъ моментъ совершенно потерявшимъ разсудокъ, либо же, что гораздо вѣроятнѣе, что это былъ одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ провокаторовъ, которые такъ хорошо умѣли

---

*) Печатая это письмо, я имѣю въ виду коснуться затронутыхъ въ немъ и въ „Воспоминаніяхъ“ В. В. Шульгина вопросовъ въ принципіальной статьѣ на тему, выясненіе которой становится и потребностью, и повелительнымъ долгомъ — и нѣкоторыя стороны которой до сихъ поръ, съ обѣихъ сторонъ, замалчиваются.

П. С.

тогда работать въ эту мутную вторую половину октября 1905 года. Вѣроятнѣе же всего, что этотъ рыжій студентъ еврей, провозгласившій себя въ кіевской думѣ царемъ, относится къ области тѣхъ же фактовъ, что и 10.000 жидовъ, засѣвшихъ въ Голосѣевскомъ лѣсу, противъ которыхъ, по наблюденіямъ В. В. Шульгина, были двинуты такія серьезныя военныя силы.

Я не хочу вылавливать всѣхъ „фактовъ“, достовѣрность которыхъ также подлежитъ сомнѣнію, которыми пересыпаны всѣ воспоминанія Шульгина. Такъ, напримѣръ, по его же наблюденіямъ, еврейская „самооборона“ состояла изъ „мальчишекъ“. Между тѣмъ, онъ самъ видитъ трупъ „стараго еврея въ полосатомъ бѣльѣ“, котораго „мальчишкой“ называть, слѣдовательно, трудно, и это не мѣшаетъ ему нѣсколько разъ повторять, что „убиваютъ лишь тѣхъ евреевъ, которые стрѣляютъ“.

Дѣло не въ этихъ, можетъ быть, сравнительно второстепенныхъ неточностяхъ. Гораздо хуже все отношеніе къ еврейскому погрому, которымъ проникнуты воспоминанія и которое очень ярко проявляется въ фразѣ, что погромъ былъ отвѣтомъ „исторической Россіи“ на начатый противъ нея „штурмъ“. Оговорка что „этотъ отвѣтъ принялъ безобразную форму еврейскаго погрома“, конечно, не смягчаетъ этого сужденія. Очевидно, что В. В. Шульгинъ и сейчасъ считаетъ погромъ явленіемъ, правда, не очень эстетическимъ, но все же исторически мотивированнымъ, какъ онъ пишетъ, „вызывающимъ“ поведеніемъ евреевъ.

Шульгину, какъ кіевлянину, публицисту и видному политическому дѣятелю, не могутъ не быть извѣстны тѣ правовыя условія, въ которыхъ билась еврейская масса при старомъ режимѣ. Они ему не только хорошо извѣстны, но, напротивъ, онъ и его фракція въ Думѣ дѣлали все, отъ нихъ зависящее, для того, чтобы это анти-еврейское законодательство сохранить въ полной неприкосновенности. И вѣдь не можетъ же В. В. Шульгинъ не задавать себѣ вопроса, какія чувства къ „Царю“ и „къ исторической Россіи“, какъ ее понимаетъ Шульгинъ, должны были воспитать въ еврейскихъ массахъ эти законы? Евреи пришли въ восторгъ отъ манифеста 17 октября, — какъ потомъ оказалось, безъ всякаго основанія, ибо ихъ положеніе въ періодъ мнимаго конституціонализма 1906—1917 г. г., стало не лучше, а гораздо хуже, чѣмъ оно было до тѣхъ поръ. Эта радость была, — я согласенъ, — съ ихъ стороны необдуманной, если хотите, глупой, но почему же слѣдуетъ видѣть „вызовъ“ въ поведеніи людей, которымъ казалось, что власть, столько ихъ терзавшая, вынуждена была, наконецъ, предоставить имъ права, на которыя они себя считаютъ въ правѣ претендовать? Въ статьѣ въ одной изъ послѣднихъ книгъ „Русской Мысли“, вышедшихъ еще при большевикахъ въ Россіи, Вы, П. Б., писали, что главное преступленіе стараго

режима состоитъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ большевистскую революцію неизбѣжной (я цитирую по памяти, но насколько помнится, именно такъ Вы эту мысль выразили*). Въ отношеніи евреевъ эту мысль можно формулировать такимъ образомъ, что старый режимъ, стремившійся, по выраженію Плеве, „сдѣлать жизнь евреевъ въ Россіи невозможной", этимъ самымъ вызвалъ массовое участіе евреевъ въ революціонномъ движеніи, какъ 1905, такъ и 1917 и слѣдующихъ годовъ. И если теперь, послѣ ужасныхъ пережитыхъ нами лѣтъ, писатель даже праваго направленія, какъ Шульгинъ, можетъ видѣть въ погромѣ, учиненномъ по его же писанію хулиганскими отбросами Кіевскаго населенія, хотя и безобразный, но все таки въ основѣ своей законный отвѣтъ „исторической Россіи" на наглость евреевъ, то приходится очевидно сказать, что, дѣйствительно, люди нашего поколѣнія ничему научиться не въ состояніи. Большевистскій режимъ есть на практикѣ примѣненіе къ „буржуямъ", безъ различія вѣроисповѣданія, тѣхъ идей и представленій, которыя старый режимъ такъ культивировалъ въ русскомъ населеніи по отношенію къ евреямъ. И если погромы 1905 года были проявленіемъ того, что Шульгинъ рѣшается назвать „исторической Россіей", то слѣдовало бы сказать, что тотъ грандіозный погромъ, который учинили большевики надъ всей Россіей тоже находится въ какомъ то соотвѣтствіи съ исторической Россіей. Не знаю будетъ ли этотъ выводъ пріятенъ В. В. Шульгину, а между тѣмъ онъ, по-моему, безошибочно вытекаетъ изъ его мыслей,

Вѣдь въ извѣстномъ смыслѣ погромы октября 1905 г., какъ и предшествовавшіе имъ Кишиневскіе и т. д., неизмѣримо хуже погромовъ, устраивавшихся Петлюровскими войсками или частями добровольческой арміи, несмотря на то, что количество человѣческихъ жертвъ теперь несравненно больше, чѣмъ тогда. Старое правительство даже въ концѣ 1905 года обладало достаточно крѣпко организованнымъ административнымъ аппаратомъ, располагало послушнымъ и дисциплинированнымъ войскомъ, понятіе о правѣ не было такъ глубоко подорвано, какъ теперь. Его власть была очень реальна, что было доказано и тѣмъ, что оно тогда справилось съ революціоннымъ движеніемъ. Оно не зависило отъ настроенія массъ, анархическихъ и не подчиняющихся никакой власти, изъ которыхъ составлялись послѣ октября 1917 г. противобольшевистскія войска. Бороться съ анархическими настроеніями, съ поползновеніями къ грабежу и убійству, старому правительству поэтому было всегда неизмѣримо легче, чѣмъ напримѣръ правительству Деникина и т. д., которое всегда было слабѣе массъ, якобы ими управляемыхъ. У старой власти поэтому нѣтъ того оправданія

*) Я писалъ не о большевистской революціи, а о революціи вообще.
П. С.

безсилія сопротивляться разнузданной толпѣ при еврейскихъ погромахъ, которое до извѣстной степени могутъ теперь приводить въ свое оправданіе правительства, дѣлавшія попытки бороться на территоріи Россіи съ большевиками. Это соображеніе дѣлаетъ еще болѣе недопустимымъ то, якобы объективное, отношеніе къ погрому, какъ къ игрѣ стихійныхъ силъ, съ которыми бороться невозможно, какое проводитъ В. В. Шульгинъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Я не хочу тутъ поднять вопроса о евреяхъ и участіи ихъ въ революціи. Если объ этомъ писать, то надо это сдѣлать не въ видѣ реплики на статью В. В. Шульгина. Я бы хотѣлъ закончить только слѣдующимъ замѣчаніемъ. Играть активную роль въ возстановленіи Россіи послѣ большевистскаго погрома будутъ въ состояніи лишь тѣ, которые ясно уразумѣютъ связь событій, причинность историческихъ явленій, связывающихъ грѣхи прошлаго Россіи съ кризисомъ, ею теперь переживаемымъ, и изъ этого сдѣлаютъ надлежащіе выводы. Эту связь слѣдуетъ наконецъ понять и въ вопросѣ еврейскомъ, вообще, и въ вопросѣ объ участіи евреевъ въ революціи, въ частности. В. В. Шульгинъ, какъ показываютъ его записки, этой связи себѣ не уяснилъ и, повидимому, уяснять не собирается.

Вы меня безконечно обяжете, Петръ Бернгардовичъ, если найдете возможнымъ помѣстить это письмо на страницахъ „Русской Мысли“.

Глубоко Вамъ преданный

И. О. Левинъ.

Памяти
Владиміра Дмитріевича Набокова.

I.

Я помню В. Д. Набокова съ давнихъ поръ. Онъ былъ моимъ старшимъ товарищемъ по гимназіи, и тамъ уже выдѣлялся тѣми внѣшними и въ тоже время внутренне значительными чертами, которыми была отмѣчена потомъ вся его личность. Послѣ окончанія гимназіи и университета передъ нимъ открылся широкій и блестящій жизненный путь и, казалось, наши дороги во всѣхъ смыслахъ разошлись. Но это только казалось.

Набоковъ, какъ сотрудникъ и соредакторъ „Права", былъ насыщенъ идеей и настроеніемъ борьбы за право, и, когда началось „Освобожденіе", основныя мысли котораго были выражены пишущимъ эти строки еще на страницахъ „Права" въ статьѣ „Право и права́", Владиміръ Дмитріевичъ сталъ близкимъ сотрудникомъ-другомъ заграничнаго изданія, ведшаго борьбу за право и права́.

У всякаго значительнаго человѣка есть всегда въ глубинѣ его какая-то основная идея, болѣе того — какое-то опредѣляющее метафизическое ощущеніе. Спокойный, почти холодный и во всякомъ случаѣ всегда сдержанный и часто скептическій, Набоковъ носилъ въ своей душѣ такое глубинное ощущеніе. То было — ощущеніе рока.

Въ первой же статьѣ, которую Набоковъ написалъ для „Освобожденія", оно вылилось съ замѣчательной силой, выпуклостью и красотой. Въ той комбинаціи историческаго наслѣдія, назрѣвающихъ стихійныхъ и подспудныхъ народныхъ силъ и личныхъ свойствъ Монарха, Николая II, которую являла живая исторія Россіи этой эпохи, онъ ощущалъ какое-то роковое сцѣпленіе, катастрофическое и неизбывное.

Тогда въ 1902 г., въ годъ, поворотный для исторической Россіи, онъ видѣлъ на ея горизонтѣ зловѣщія зарницы. Но тогда рокъ носился для него надъ верхами, которые въ безумномъ ослѣпленіи не видѣли прямыхъ путей государственной силы.

Въ 1917 и послѣдующіе годы, особенно часто послѣ 1919 г. я встрѣчался съ Набоковымъ и вновь ощутилъ въ немъ то же глубокое ощущеніе рока, но уже на этотъ разъ направленное въ другую сторону. Набоковъ, быть можетъ, менѣе кого бы то ни было изъ насъ ощущалъ роковую слѣпоту или слѣпой рокъ революціи, которая дошла до того, что многіе въ тяжелыхъ душевныхъ скорбяхъ вопрошаютъ себя: есть ли или же только была Россія и русская культура?

Несчастія Россіи такъ глубоко ранили и грызли его сердце, что они вставали передъ нимъ какъ нѣкій слѣпой рокъ, побороть который сознательными человѣческими усиліями неизмѣримо трудно, пожалуй, даже невозможно.

И вотъ мы видимъ: этотъ рокъ поглотилъ его земное бытіе. Но будемъ благодарны отошедшему отъ насъ другу и за его жизнь, и за его смерть: въ трагическомъ сцѣпленіи роковыхъ силъ онъ явилъ намъ великое начало, преодолѣвающее рокъ нѣкоей высшей силой.

Это — героическое начало личнаго подвига.

Я убѣжденъ, что живымъ осуществленіемъ этого начала Россія спасется отъ удушающихъ объятій безсмысленнаго рока и оживетъ сперва духомъ, а потомъ и плотью. Русская душа оздоровится и спасетъ Россію, когда съ упованіемъ и страстью отдастся героическому началу.

На этомъ пути нужны безчисленныя и большія духовныя силы, и В. Д. Набоковъ своею жизнью и своею смертью, запечатлѣнною героизмомъ, преодолѣвающимъ рокъ, сталъ уже одной изъ такихъ большихъ силъ.

Вотъ почему въ минуты глубокой и неутишимой личной скорби я радостно взываю къ его духу.

Парижъ. 3 Апрѣля 1922 г.

Петръ Струве.

II.

Длятся часы, міровое несущіе.
Ширятся звуки, движенье и свѣтъ.
Прошлое страстно глядится въ грядущее...

Трагическая кончина В. Д. Набокова, какъ это многіе почувствовали, стала поистинѣ явленіемъ общественнымъ. Она привлекла къ себѣ столь общее вниманіе, вызвала повсюду такое единодушное сожалѣніе, такое глубокое горе, что было ясно: ушелъ отъ насъ человѣкъ, объ утратѣ котораго скорбятъ всѣ, который для всего русскаго общества былъ безконечно нуженъ, дорогъ и незамѣнимъ. И тѣ, кто при жизни не всегда соглашался съ нимъ, и тѣ, кто съ нимъ неизмѣнно спорилъ, и тѣ, кто на него нападалъ, не говоря о единомышленникахъ и друзьяхъ, всѣ должны были признать, когда лишились его, что въ какомъ-то отношеніи онъ былъ яркимъ и прекраснымъ образцомъ. У гроба его сошлись правые и лѣвые, крайніе и умѣренные, люди разныхъ общественныхъ положеній и разныхъ духовныхъ настроеній. Иные, недавно чуждые ему, старались причислить его къ своимъ, обнаружить у него склонность стать ихъ единомышленникомъ, другіе, болѣе ему далекіе, отмѣчали благородство и чистоту его побужденій, его искреннюю и горячую любовь къ родинѣ, возвышенность его общественнаго служенія. Но то рѣдкое единодушіе, которое сказалось въ оцѣнкѣ его несравненныхъ личныхъ качествъ и общественныхъ заслугъ, не свидѣтельствуетъ ли о чемъ то иномъ, еще болѣе высокомъ? И то, что всѣ стремились воздать ему должное, не говоритъ ли о томъ, что покойный Владиміръ Дмитріевичъ въ общемъ представленіи занялъ нѣкоторое особое положеніе, болѣе выдающееся, чѣмъ положеніе члена какой либо одной общественной группы, какой либо отдѣльной опредѣленной организаціи?

Въ нашу эпоху общей неясности и гнетущей неопредѣленности и мысль, и чувство наши уже не удовлетворяются старыми словами, старыми партійными лозунгами. Тѣ слова, отъ которыхъ недавно еще ждали спасенія, кажутся сейчасъ жалкими и скудными, ничего не говорящими нашему сердцу

и уму. Старовѣры справа и старовѣры слѣва одинаково представляются безпомощными, а ихъ иллюзіи, при всей искренности и напряженности ихъ субъективнаго переживанія, оказываются безсильными въ объективномъ ходѣ событій. Чувствуется, что нужны какія-то новыя мысли, что нужно „задѣть въ сердцѣ и совѣсти человѣка“ какія-то новыя струны, доселѣ въ немъ не звучавшія. Это сознаніе, которое я выражаю здѣсь словами самого В. Д. Набокова, и является тѣмъ высшимъ свѣтомъ, который такъ ярко освѣщаетъ послѣдніе годы его общественнаго служенія и такъ выдѣляетъ его среди другихъ.

Путь политическихъ и соціальныхъ притязаній, путь „завоеваній революціи“ пройденъ до конца. Эти притязанія и завоеванія, предъявленныя и осуществленныя въ отношеніи того цѣлаго, которое представляла собою историческая Россія, привели это цѣлое къ распаденію и умиранію. И когда нашъ ушедшій другъ созерцалъ этотъ процессъ гибели и смерти, въ которомъ были повинны и тѣ, кто любилъ Россію, но кто мнилъ создать ея благополучіе лишь на полнотѣ осуществленныхъ въ ней свободъ и завоеваній отдѣльныхъ лицъ и группъ, онъ тяжко скорбѣлъ объ ошибкахъ недавняго прошлаго и о длящихся иллюзіяхъ революціоннаго сознанія. Этимъ ошибкамъ и иллюзіямъ В. Д. Набоковъ противопоставляетъ свою новую мысль: „Россію надо не только любить, но и беречь“. Немногіе обратили должное вниманіе на эти слова, немногіе оцѣнили великій скрытый въ нихъ смыслъ. Но по существу тутъ заключалась цѣлая программа новаго политическаго сознанія, новаго отношенія къ задачѣ возрожденія Россіи. Для того, чтобы возстановить и воскресить Россію, надо перестать думать о своихъ притязаніяхъ и правахъ, надо вспомнить о своихъ обязанностяхъ. Углубляя и расширяя завоеванія революціи, не берегли Россіи, не думали о ней, какъ о живомъ цѣломъ. Надо научиться беречь это цѣлое въ его жизненныхъ основахъ, въ его животворящихъ истокахъ. Въ душѣ Владиміра Дмитріевича Набокова, несмотря на все ея тяготѣніе къ новому и грядущему, жило и непосредственное ощущеніе реальныхъ основъ государственнаго бытія. Въ его завѣтѣ беречь Россію заключалось также и требованіе бережно относиться къ тѣмъ созидательнымъ силамъ, которыя образуютъ живой организмъ государства. Но быть живымъ организ-

момъ, это значитъ также расти, измѣняться, совершенствоваться. И эту потребность роста и совершенствованія Владиміръ Дмитріевичъ ощущалъ съ неменьшей силой и остротой. Когда онъ видѣлъ вокругъ себя жалкія попытки отвѣчать на безконечныя затрудненія нашего времени словами консервативной нетерпимости или революціоннаго легкомыслія, онъ съ прискорбіемъ указывалъ на эту „духовную нищету". Онъ искалъ новыхъ словъ и не находилъ ихъ у тѣхъ, которые, несмотря на всѣ пережитыя Россіей испытанія, ищутъ выхода въ томъ, чтобы хранить чистоту революціоннаго сознанія и отождествлять государственный смыслъ съ уступками соціализму и народничеству. Свободное пріятіе новой Россіи онъ сочеталъ съ уваженіемъ къ святынямъ русской жизни, а это уваженіе онъ соединялъ съ жаждой новыхъ формъ, въ которыхъ органическія основы прошлаго не отвергаются, а преобразуются.

Вотъ путь, по которому шелъ В. Д. Набоковъ. Иногда, и притомъ въ самые послѣдніе дни, и у него бывали минуты тяжкаго раздумья. Онъ ясно видѣлъ, что во всемъ, что еще недавно казалось великимъ и полнымъ значенія, разувѣрились, что нуженъ „какой-то новый подходъ", и въ то же время съ грустью спрашивалъ: „или и это иллюзія, и все вообще погибаетъ въ гибнущей Росссіи?" Но въ этой постановкѣ вопроса основная мысль Владиміра Дмитріевича еще болѣе заостряется и углубляется: нужно что-то новое, нуженъ рѣшительный и коренной поворотъ нашего политическаго сознанія, нашего отношенія къ Россіи и, если бы его нельзя было найти, то и Россія погибла бы, и мы погибли бы. Но собственныя горячія исканія Владиміра Дмитріевича и его дѣйствительныя достиженія не служатъ ли намъ порукой, что именно на этомъ пути насъ ждетъ не гибель, а возрожденіе? Пусть же этотъ послѣдній его завѣтъ, послужитъ намъ незабвеннымъ поученіемъ на нашемъ безконечно трудномъ пути!

П. Новгородцевъ.

Политическій обзоръ.

I. Русскія дѣла.

На свободной русской землѣ.

8-го марта агентство Рейтера распространило изъ Токіо лаконическую телеграмму: „Меркуловское правительство свергнуто“. На фонѣ этой телеграммы стали разрисовываться всевозможные узоры, до описанія вступленія большевиковъ во Владивостокъ. Однако, одновременно шли извѣстія о бояхъ у Имана, т. е. близъ Хабаровска и болѣе чѣмъ въ 500 верстахъ отъ столицы Приморья. Тогда появились версіи о внутреннемъ возстаніи коммунистовъ; а затѣмъ толки вдругъ замолкли. Оказалось, въ итогѣ, что во главѣ правительства вмѣсто Меркулова сталъ владивостокскій городской голова Еремѣевъ (избранный на эту должность осенью антисоціалистическимъ блокомъ), а министромъ иностранныхъ дѣлъ — Ефремовъ (по опредѣленію читинскаго радіо — „черносотенецъ“). Къ началу апрѣля большевики продолжаютъ все еще пережевывать „побѣду подъ Хабаровскомъ“, не имѣя, очевидно, новыхъ успѣховъ, — заданіе „до Генуи выйти къ Тихому океану“, видимо, не выполнено.

Что произошло во Владивостокѣ? До полученія мѣстныхъ газетъ съ точностью отвѣтить на это трудно. Хабаровскъ былъ оставленъ 13 февраля, — по сообщеніямъ „бѣлаго“ командованія, сдѣлано это было „ради экономіи живой силы“. Мѣстная печать *) по этому поводу указывала, что наступленіе большевиковъ должно бы прекратить идущую за послѣднее время борьбу за власть между лицами и группами, по идеологіи ничѣмъ не расходящимися между собой. Къ такимъ „личнымъ“ перемѣнамъ, видимо, и сводится уходъ С. Д. Меркулова. Къ лучшему или къ худшему перемѣна — судить сейчасъ трудно; но не можемъ не высказаться, что какія бы то ни было личныя тренія въ правящихъ кругахъ передъ лицомъ наступающаго врага въ высшей степени нежелательны.

Русская зарубежная печать, какъ въ концѣ сентября, снова поддалась на большевистскую провокацію и вторично похоронила Владивостокское антисоціалистическое правительство. Впрочемъ, берлинскій „Руль“ явился въ данномъ случаѣ пріятнымъ исключеніемъ.

---

*) Къ началу апрѣля имѣются газеты не позже 19 февраля.

Въ оккупированной III Интернаціоналомъ области. Весенній кризисъ.

Одною изъ самыхъ яркихъ чертъ упадочности большевистскаго хозяйства является его безпомощная зависимость отъ временъ года. Вмѣсто преодолѣнія не только природы, но и „анархическаго“ начала частнаго хозяйства — получилось впаденіе въ первобытное состояніе, съ пріостановкой жизни изъ за снѣжныхъ заносовъ, разливовъ рѣкъ, съ голодомъ весной и „отъѣданіемъ“ и оживленіемъ осенью. Уже съ 1919 года, и съ каждымъ годомъ ярче, проявляется эта смѣна прилива и отлива, разрушающая всѣ стройныя на бумагѣ предначертанія руководителей „совѣтскаго“ планового „хозяйства“. При этомъ съ каждымъ годомъ эти смѣны — стихійнѣе и катастрофичнѣе, и „отливъ“ 1922 года будетъ стоить Россіи, вѣроятно, на много больше милліоновъ жизней, чѣмъ все ея участіе въ міровой войнѣ.

Сравнивая кризисъ 1921 года и кризисъ 1922 года, изъ которыхъ первый ознаменовался Кронштадтскимъ возстаніемъ, а второй — пока — идетъ безъ выстрѣловъ, можно прежде всего отмѣтить, что въ 1922 году гораздо болѣе рѣзокъ скачекъ цѣнъ. Съ 3.000 р. за фунтъ чернаго хлѣба въ октябрѣ — до 60.-85.000 р. въ концѣ марта — скачекъ раза въ три больше, чѣмъ прошлогодній (съ 400-500 р. до 3.000). Это — въ столицахъ, а въ голодныхъ краяхъ, гдѣ нѣтъ заграничнаго привоза, цѣны въ сотняхъ тысячъ (въ Крыму свыше 200.000 р.). Рѣзкому скачку отчасти способствовало и появленіе новыхъ денегъ (1 р. = 10.000 р. старыхъ), еще болѣе спутавшихъ расчеты. Ростъ цѣнъ въ этомъ году, когда пайковъ гораздо меньше, имѣетъ для большинства населенія много болѣе трагическое значеніе, чѣмъ въ прошломъ.

На желѣзныхъ дорогахъ — перебои, „пробки“; не хватаетъ топлива; паровозы, начавшіе прибывать изъ за границы по прошлогоднимъ заказамъ, — въ 1922 г. для совѣтскихъ желѣзныхъ дорогъ уже какъ бѣлкѣ орѣхи: сообщалось, что тяжелыхъ локомотивовъ не выдерживаютъ обветшалые пути съ прогнившими шпалами; а, главное, топлива не хватаетъ и для тѣхъ паровозовъ, что въ наличности: къ чему тогда новые? Въ прошломъ году въ нихъ была большая нужда, на нынѣшней ступени упадка — это уже роскошь!

На фабрикахъ и заводахъ — „свертываніе“; и совѣтская власть всячески старается снять побольше народу съ „государственнаго снабженія“. Правда, „снабженіе“ — это теперь не пайки, а главнымъ образомъ жалованіе, исчисленное въ золотыхъ рубляхъ и выплачиваемое въ совѣтскихъ по курсу дня; но и на это — не хватаетъ знаковъ, задолженность выражается 12-ти значными цифрами!

О Донецкомъ бассейнѣ, гдѣ къ декабрю было подняли добычу до 60 мил. п., совѣтскія газеты замолчали. Въ январѣ

было добыто всего 38 мил., о февралѣ*) и мартѣ точныхъ свѣдѣній — нѣтъ. Извѣстно только, что въ „Донбассѣ“ голодъ; большевики пишутъ, что тамъ „второе Поволжье“, — а это страшный терминъ въ наше время. Тришкинъ кафтанъ совѣтскаго хозяйства расползается по швамъ.

Трагическая весна 1922 года на огромныхъ пространствахъ Россіи застаетъ вымирающія, буквально вымирающія деревни, людоѣдство и пожираніе труповъ. И все еще — не конецъ. Разложеніе основъ хозяйства продолжается, строй остается тотъ же, и трудно разсчитывать на то, что удастся предотвратить катастрофическое уменьшеніе посѣвовъ. Какъ разъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ голода въ этомъ году еще не было, и гдѣ поэтому особенно ревностно собирался „продналогъ,“ — какъ напр. въ Смоленской губ., — по совѣтскимъ даннымъ грозитъ недосѣвъ.

Причины упадка сельскаго хозяйства глубже одного „страха реквизицій.“ На агрономическомъ съѣздѣ въ Москвѣ и въ совѣтской печати прямо говорится о томъ, что „черный передѣлъ,“ что маломощность мелкаго, малокультурнаго хозяйства и длящаяся земельная анархія — основныя причины голода. Правда, это говорится отчасти чтобы снять вину съ реквизиціоннаго аппарата коммунистической власти, хотя трудно отрицать, что въ этомъ — значительная доля правды. Но каковы бы ни были причины, результатъ на лицо: къ 1922 году убыль скота, изнашиваніе инвентаря и сокращеніе посѣвовъ достигли размѣровъ еще не виданныхъ и нѣтъ пока данныхъ, сулящихъ какое либо улучшеніе.

Банкротство совѣтскаго государства, банкротство всей революціи въ экономической области — совершившійся фактъ. Еще стоитъ фасадъ, — и безъ толчка не рухнетъ, но все внутри источено.

Такъ какъ совѣтская Россія не одна на свѣтѣ, такъ какъ сосѣднія страны не отдѣлены отъ нея переборкой, вполнѣ непроницаемой, то кое какія избытки заграничнаго производства просачиваются въ оскудѣвающую страну. За счетъ этого просачиванія приходится отнести всѣ внѣшнія улучшенія въ бытѣ столицъ, которыя многимъ представляются чуть ли не началомъ возрожденія. Ввозъ — на золото, ввозъ благотворительный, ввозъ изъ пожертвованій и подарковъ — основа московскаго „благополучія.“ Это настолько ясно самимъ большевикамъ, что они всѣ свои надежды возлагаютъ теперь только на заграницу: сельское хозяйство возродитъ „капиталъ“; и все это онъ сдѣлаетъ черезъ совѣтскую власть. Таково наивное, и, пожалуй, просто невѣжественное ихъ представленіе. Въ недавнемъ докладѣ В. Громанъ исчислялъ

*) Первая половина февраля дала противъ января дальнѣйшее, хотя и небольшое, уменьшеніе производства. („Эконом. Жизнь,“ № 56.)

сумму, необходимую на возстановленіе русскаго хозяйства въ 10 милліардовъ золотыхъ рублей. Не углубляясь въ эту цифру, можно сказать, что она не преувеличена. Что совѣтское правительство никогда такого кредита не получитъ и что никакія частныя лица при большевикахъ не смогутъ вообще получить серьезнаго кредита — совершенно несомнѣнно. Поэтому возстановленіе Россіи при большевикахъ исключено; вопросъ только въ томъ, сколько они смогутъ еще протянуть за счетъ остатковъ прошлаго, и во сколько милліоновъ жизней ихъ властвованіе еще обойдется Россіи.

Ограбленіе церквей. Въ поискахъ цѣнностей для вывоза большевики обратились къ церковному имуществу, — и здѣсь встрѣтили сопротивленіе. Дѣйствующіе здѣсь доводы о помощи голодающимъ — тамъ, въ совѣтской области, гдѣ люди голодали изъ года въ годъ, гдѣ отъ голода и въ столицахъ умерли тысячи людей, — звучатъ совсѣмъ иначе. Всѣ отобранія имуществъ, всѣ реквизиціи продовольствія шли неизмѣнно подъ флагомъ покровительства бѣднотѣ, накормленія голоднаго „пролетарія“ и т. д... И когда къ тому же населенію приходитъ та же власть и хочетъ, подъ старымъ предлогомъ необходимости, удовлетворить чьи то матеріальныя нужды, отобрать изъ церквей священные богослужебные сосуды, ризы съ иконъ и т. д., — то отпоръ получается рѣзкій. Никто не вѣритъ, что большевистская власть отобранное имущество дѣйствительно употребитъ на помощь Поволжью; всѣ знаютъ, что оно пойдетъ въ общій котелъ, на содержаніе большевистскаго аппарата угнетенія. И на это отдавать цѣнности, имѣющія огромное нематеріальное значеніе, — конечно, никому не охота. И Патріархъ, и духовенство, и прихожане объединились въ общемъ протестѣ противъ ограбленія церквей. Въ теченіе марта въ нѣсколькихъ мѣстахъ происходили столкновенія вооруженныхъ коммунистическихъ командъ съ населеніемъ. На Сѣнной въ Петроградѣ 17 марта собравшаяся толпа не допустила обобранія храма. 15 марта толпа, преимущественно изъ женщинъ, не допустила комиссара въ Казанскій Соборъ; и большевики тогда произвели выемку цѣнностей изъ собора — ночью. У многихъ церквей, а особенно около Александро-Невской Лавры постоянно дежурятъ толпы народа, — составъ ихъ смѣняется. При подходѣ реквизиціонныхъ командъ мѣстами бьютъ набатъ. Въ Шуѣ произошло столкновеніе съ толпой, были убитые.

Большевики, по своему старому испытанному обыкновенію, ведутъ со второй половины марта неистовую травлю противъ „высшаго духовенства,“ противъ Патріарха Тихона и особенно противъ митрополита Петроградскаго Веніамина, издавшаго объявленіе, согласно церковному уставу, запрещающее прикасаться къ предметамъ священнодѣйствія лицамъ, не посвященнымъ въ духовный санъ, и грозящее нарушителямъ

отлученіемъ отъ церкви. Въ данномъ случаѣ въ населеніи большевистская травля успѣха имѣть не можетъ: слишкомъ явно, что никакого матеріальнаго интереса духовенство въ сохраненіи священныхъ сосудовъ не преслѣдуетъ; протестъ исходитъ болѣе всего отъ самихъ прихожанъ. Но при обостреніи борьбы возможны дальнѣйшія кощунства и жестокость со стороны большевистской власти.*)

Среди коммунистовъ.

Безысходность внутренняго положенія заставляетъ большевиковъ искать утѣшенія во внѣшней политикѣ, и Генуэзская Конференція для коммунистической партіи стала главнымъ предметомъ чаяній и разсчетовъ. Генуей успокаивали недовольныхъ, до Генуи откладывали спорное. Протесты противъ новой экономической политики, дошедшіе до „скандальнаго", съ точки зрѣнія строгой партійной дисциплины, выступленія „22-хъ," — съ Шляпниковымъ и Коллонтай во главѣ, подавшихъ жалобу на высшій органъ своей партіи (Центральный Комитетъ) Конференціи III Интернаціонала, — оппозиціонныя противъ „нэп'а" (новой экономической политики) статьи „Правды" — сдѣлали свое дѣло: для сохраненія единства партіи — главнаго условія существованія большевистской власти — Ленинъ на Съѣздѣ металлистовъ заявилъ о приостановкѣ экономическаго отступленія. Эта общая фраза, испугавшая многихъ „соглашателей" и успокоившая правовѣрныхъ коммунистовъ, имѣетъ значеніе только какъ выявленіе тенденціи. Никакихъ реальныхъ уступокъ — кромѣ легализаціи „Сухаревки" — большевиками принципіально сдѣлано не было, а поскольку оскудѣніе матеріальныхъ средствъ заставило ихъ выпустить изъ рукъ тѣ или иныя отрасли хозяйства, этотъ процессъ вообще внѣ ихъ власти. Большевики никогда не отказывались отъ себя, и вся разница между Ленинымъ и лѣвыми коммунистами — была и есть — чисто тактическая.

Закрытіе полунезависимой „Лѣтописи Дома Литераторовъ" за оппозиціонный духъ, постановка на очередь процесса Центральнаго Комитета эсеровъ (отложеннаго затѣмъ по международно-тактическимъ основаніямъ), — все это свидѣтельствуетъ во всякомъ случаѣ о несломленной „волѣ къ власти" правящей партіи.

Собравшійся 27 марта XI съѣздъ коммунистической партіи, насколько можно судить по еще не полнымъ извѣстіямъ, обсуждалъ главнымъ образомъ два вопроса: о приостановкѣ экономическаго отступленія и о размежеваніи функцій партіи и аппарата совѣтской власти. (О внѣшней политикѣ не сообщалось ничего). Въ рѣчахъ Ленина, путанность и блѣдность которыхъ подтверждаютъ слухи о его крайнемъ переутомленіи, было от-

*) Телеграмма изъ Москвы сообщаетъ объ арестѣ Патріарха и ряда, представителей духовенства „за сопротивленіе декрету." (Руль 5. IV.)

мѣчено, что изданные до сихъ поръ декреты (о концессіяхъ, объ арендахъ, о торговлѣ и т. п.) являются максимумомъ уступокъ; назадъ ихъ не берутъ, — но большаго не обѣщаютъ. Растяжимость этихъ декретовъ даетъ большевистской власти возможность дать, что угодно — и взять обратно, когда угодно. Положеніе, такимъ образомъ, не мѣняется. „Гарантій“ нѣтъ, — а при большевикахъ быть и не можетъ, а обѣщаніямъ границы не поставлено. — Другой вопросъ серьезнѣе: это все та же старая борьба большевистскаго центра съ властями на мѣстахъ. Отдѣленіе органовъ совѣтской власти отъ мѣстныхъ комитетовъ партіи означало бы ихъ полную зависимость отъ центра, т. е. отъ Московскихъ руководящихъ коммунистическихъ круговъ, это была бы попытка управлять въ бо̀льшей мѣрѣ черезъ назначенныхъ чиновниковъ, чѣмъ черезъ провинціальныхъ сотоварищей по партіи. Эту точку зрѣнія всегда отстаивалъ Троцкій (поклонникъ „спецовъ“) и болѣе умѣренно проводилъ Ленинъ. На этомъ съѣздѣ и тотъ, и другой сказали не мало ѣдкихъ словъ по адресу партійныхъ работниковъ, которые, можетъ быть, весьма правовѣрные коммунисты, но ничего не понимаютъ въ хозяйствѣ. — Свѣдѣнія о съѣздѣ отрывочны; повидимому партія на этотъ разъ согласилась на усиленіе правъ центра, но въ то же время постановлено, что ВЦИК будетъ имѣть постоянныя сессіи для обсужденія экономическихъ вопросовъ (можетъ быть — для контроля болѣе широкихъ круговъ партіи надъ Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ?). На Съѣздѣ было также постановлено, при сохраненіи за коммунистами монополіи на политическое руководство, къ вопросамъ хозяйственнымъ привлекать и свѣдущихъ людей изъ безпартійныхъ. Это дѣлалось и донынѣ, — есть ли новизна, и въ чемъ — можно будетъ узнать при полученіи болѣе подробныхъ данныхъ о съѣздѣ.

Въ зарубежной Россіи. Терроръ.

Вымираніе и оскудѣніе совѣтской области тяжело отразилось на русской интеллигенціи: сколькихъ не стало за эти годы, сколько погибло отъ невозможныхъ условій жизни и отъ прямого воздѣйствія большевистскихъ чрезвычаекъ! Зарубежная Россія представляетъ изъ себя какъ бы хранилище, въ которомъ должны бы сберечься русскія силы для будущей работы. И гибель здѣсь является поэтому нарочито безсмысленной. Особенно это чувствуется, когда роковая случайность, пуля, предназначенная другому, — поражаетъ одного изъ самыхъ нужныхъ для Россіи людей. Всѣмъ понятно, что рѣчь идетъ о В. Д. Набоковѣ. Цѣнимый и союзниками и противниками, уважаемый даже врагами, покойный Владиміръ Димитріевичъ былъ однимъ изъ немногихъ дѣятелей, самой своей личностью способствовавшихъ столь трудному и столь нужному въ наше время единенію русскихъ людей. Кончина его — трудно вознаградимая утрата для дѣла возсозданія нашей родины.

Если смерть В. Д. Набокова была роковою случайностью, ею не было, конечно, покушеніе на П. Н. Милюкова. Послѣднее явилось несомнѣнно сознательнымъ актомъ политическаго террора. Оно было плодомъ остраго взаимнаго озлобленія, порожденнаго революціей, переводящаго борьбу идей — въ травлю отдѣльныхъ лицъ.

Никакой организаціи для совершенія такихъ убійствъ, какъ предпринятое 28 марта, конечно, не требуется. Чтобы выстрѣлить въ человѣка, читающаго въ многолюдномъ залѣ заранѣе объявленную публичную лекцію, достаточно одного фанатика и одного револьвера. Это — не то, что организація покушеній на тщательно охранявшихся генералъ-губернаторовъ или министровъ, гдѣ требовалась слѣжка, конспиративныя квартиры и т. д. Поэтому нѣсколько наивны основанныя, вѣроятно, на личномъ террористическомъ опытѣ изысканія эсеровъ по части „монархическаго заговора"(!).

Къ самому факту террора надлежитъ отнестись съ самымъ рѣзкимъ осужденіемъ. Во-первыхъ, заграницей мы вообще какъ бы „въ гостяхъ", на нейтральной территоріи, и здѣсь продолжать вооруженную борьбу, сводить кровавые счеты — недопустимо. Во-вторыхъ, междоусобіе въ предѣлахъ антибольшевистскаго лагеря — даже борьба съ той его частью, которую считаютъ ненадежной въ смыслѣ стойкости, — не должна никоимъ образомъ принимать столь остраго характера. Наконецъ, въ третьихъ, самое главное. Монархисты — или по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ — вѣдь не только потому осуждали революціонный терроръ, что сочувствовали власти, противъ которой онъ былъ направленъ. Политическій терроръ построенъ на ложномъ принципѣ; онъ нарушаетъ основной нравственный законъ соразмѣрности средствъ и цѣлей; въ немъ — анархическое начало самоуправной кровавой мести. Осуждая безчисленныхъ убійцъ слѣва, монархисты должны теперь также осудить и людей, идейно стоящихъ къ нимъ ближе, когда они прибѣгаютъ къ тѣмъ же недопустимымъ средствамъ; осудить, быть можетъ, еще рѣзче, считая, что этими актами они входятъ въ противорѣчіе съ исповѣдуемыми ими идеями.

Русскіе монархисты, какъ правые, такъ и конституціонные, ясно высказались въ этомъ отношеніи. Высшій Монархическій Совѣтъ заявилъ, что право возмездія единственно принадлежитъ Верховному Государственному Суду, имѣющему быть созданнымъ по установленіи въ Россіи порядка, а конституціонно-монархическая конференція вынесла осужденіе политическимъ убійствамъ вообще.

Лѣвая зарубежная печать, конечно, не упустила удобнаго случая обрушиться по поводу безсмысленнаго убійства въ Берлинской Филармоніи на всѣхъ монархистовъ, причемъ по ироніи судьбы наиболѣе въ этомъ отношеніи отличались органы той партіи, которая свою политическую карьеру сдѣлала, главнымъ образомъ, на террористическихъ актахъ.

Конституціонно-Монархическая Конференція. 25-31 марта состоялась, наконецъ, въ Берлинѣ нѣсколько разъ откладывавшаяся учредительная конференція конституціонно-монархическаго союза. Ея задачей было объединеніе разбросанныхъ по разнымъ странамъ монархически настроенныхъ русскихъ людей, какъ входившихъ, такъ и не входившихъ до сихъ поръ въ общемонархическое объединеніе. Созывъ конференціи вызвалъ особенныя нападки справа; указывали, что это начало раскола, что до возстановленія монархіи всѣ монархисты должны работать только вмѣстѣ, и т. д. Но такъ какъ организація монархическихъ объединеній была начата преимущественно крайними правыми, возникла опасность чрезмѣрнаго съуженія монархическаго фронта. Безъ созданія отдѣльныхъ конституціонно-монархическихъ организацій психологическія завоеванія монархической идеи, отрицать которыхъ не могутъ и ея противники, терпѣли бы ущербъ отъ предубѣжденія, окружающаго въ глазахъ „массъ" имена вождей крайней правой.

Не для раскола, а для углубленія монархическаго движенія, созвана была конференція. Въ ней принялъ участіе и рядъ лицъ, въ свое время тактически разошедшихся съ монархическимъ движеніемъ, какъ И. Ф. Наживинъ, и нѣкоторые члены меньшинства собора въ Карловцахъ. Конференція прошла дружно; резолюціи принимались единогласно; избранъ былъ Центральный Комитетъ „Русскаго Народно-Монархическаго Союза (конституціонныхъ монархистовъ)". (Это длиннѣйшее названіе примирило сторонниковъ русскихъ терминовъ со сторонниками точности.)

Однимъ изъ итоговъ конференціи является тотъ фактъ, что въ монархической средѣ династія стоитъ уже внѣ спора; еще есть расхожденія въ вопросахъ престолонаслѣдія, но противъ дома Романовыхъ уже не высказывается — по крайней мѣрѣ открыто — ни одинъ дѣятель, называющій себя монархистомъ. Годъ назадъ еще велика была смута въ умахъ: гадали о заграничныхъ королевичахъ.

Значеніе конституціонно-монархическаго союза въ томъ, что при происходящемъ за послѣдній годъ перемѣщеніи центра антибольшевистскаго фронта вправо — равнодѣйствующая теперь проходитъ около него. Можно, конечно, только гадать, гдѣ пройдетъ въ широкомъ историческомъ планѣ равнодѣйствующая историческихъ судебъ страны; на ней, несомнѣнно, отразится — хотя бы однимъ размѣромъ разрушеній — и дѣятельность большевиковъ. Но линія, опредѣляющая ближайшія дѣйствія новой власти, которая смѣнитъ большевиковъ, пройдетъ не между ними и ихъ противниками, а по центру лагеря этихъ противниковъ; — это выводъ изъ законовъ политической борьбы, и изъ опыта странъ, одолѣвшихъ большевизмъ.

Русская Армія. Съ тревогой и скорбнымъ недоумѣніемъ приходится отмѣтить ту кампанію противъ находящихся въ Болгаріи частей Русской Арміи, которая ведется частью мѣстной прессы и отразилась въ весьма враждебныхъ по тону постановленіяхъ болгарскаго Военно-Административнаго Совѣта объ отобраніи винтовокъ у арміи, объ исходатайствованіи для нея у большевиковъ амнистіи(!) и т. д. Въ Болгаріи, гдѣ русскіе воины содержатся на русскія средства, меньше всего, казалось бы, основаній для придирокъ. Если правительство Стамболійскаго считаетъ нужнымъ дѣлать уступки коммунистамъ, то было бы лучше для будущаго русско-болгарскихъ отношеній, чтобы оно избрало для этого иную сферу. Русская Армія — часть Россіи будущаго, и къ ней нужно особенно бережное и чуткое отношеніе со стороны всѣхъ, кто дорожитъ дружбой съ этой Россіей.

Въ окраинныхъ государствахъ. Окраинныя государства передъ Генуэзской конференціей заключили между собою соглашеніе, подписанное въ Варшавѣ 17-го марта — въ годовщину Рижскаго мира. Польша, Эстонія, Латвія и Финляндія взаимно обязались поддерживать договоры, заключенные ими съ Совѣтской Россіей и соблюдать, по меньшей мѣрѣ, дружественный нейтралитетъ въ случаѣ вступленія одной изъ договаривающихся сторонъ — въ войну. Соглашеніе это встрѣтило наибольшее сопротивленіе въ Финляндіи, гдѣ противъ него возстали, какъ сторонники сближенія съ Совѣтской Россіей — соціалисты, такъ и элементы, симпатизирующіе Германіи и недовольные этимъ полу-союзомъ съ Польшей; ратификація соглашенія Финляндіей сомнительна.

Виленскій вопросъ пока разрѣшился, по возвращеніи къ власти польскаго кабинета, присоединеніемъ Вильны къ Польшѣ; 20 депутатовъ Виленскаго сейма включены въ общепольскій сеймъ. Литва, обойденная этимъ рѣшеніемъ, и не примкнувшая къ Варшавскому соглашенію 17 марта, является въ настоящее время изолированной.

При проѣздѣ совѣтской делегаціи въ Геную черезъ Ригу, большевики имѣли совѣщаніе съ представителями Польши, Эстоніи и Латвіи (т. е. уже безъ Финляндіи). Тамъ они сговорились, повидимому, о нѣкоторыхъ совмѣстныхъ выступленіяхъ по экономическимъ вопросамъ, — и окраинныя государства выразили пожеланіе о признаніи de jure Совѣтской Россіи. Это нѣсколько неожиданное „дружелюбіе“ окраинъ къ большевикамъ объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что въ признаніи de jure Совѣтской Россіи они видятъ и признаніе, подтвержденіе всѣхъ заключенныхъ ею договоровъ, отдавшихъ окраиннымъ государствамъ русскія земли, и освободившихъ ихъ отъ доли отвѣтственности по русскому долгу. Въ этомъ случаѣ интересы окраинъ сходятся съ интересами большевистской власти, — но особенно рѣзко противорѣчатъ интересамъ Россіи.

Большевики и Генуя. Большевики готовятся къ оффиціальной встрѣчѣ съ Европой. Для нихъ Генуэзская конференція — и международный дипломатическій дебютъ (если не считать Брестъ-Литовскаго), и маякъ неясной надежды. Отъ нихъ всѣ чего то ждутъ, и они это чувствуютъ. Заграницу переведены значительные фонды, и при недурной постановкѣ политической режиссуры у большевиковъ можно ожидать, какъ аккомпанимента ко всѣмъ ихъ дѣйствіямъ, и самыхъ разнообразныхъ откликовъ печати, и фейерверко-сенсаціонныхъ, трудно опровержимыхъ, хотя и столь же трудно доказуемыхъ, извѣстій.

Эксперты совѣщаются, вырабатываютъ условія признанія, — контроль надъ выполненіемъ долговыхъ обязательствъ, гарантіи правъ иностранцевъ... Ллойдъ-Джорджъ устанавливаетъ въ своей рѣчи постепенныя градаціи признанія, съ „пробнымъ срокомъ“ для выполненія обязательствъ... Надо сказать, что всѣ выгоды большевикамъ отъ признанія уже болѣе чѣмъ на $^3/_4$ ими получены впередъ, во всевозможныхъ торговыхъ договорахъ и соглашеніяхъ съ окраинами. Поэтому вопросъ о признаніи утратилъ значительную долю своей остроты. Конечно, оно было бы вредно — болѣе всего психологически вредно — для русскаго дѣла, но большевиковъ бы отнюдь не спасло...

Большевики обречены. Они долгое время сулили, что благополучіе настанетъ по окончаніи гражданской войны. — Потомъ — все дѣло было въ „снятіи блокады“. Давно нѣтъ вооруженной борьбы, два года идетъ торговля черезъ Эстонію, болѣе года прошло съ заключенія торговаго договора съ Англіей. Сколько отъ него ждали, какъ его боялись... Теперь — говорятъ: все дѣло въ признаніи. Не нужно быть пророкомъ, чтобы сказать, что и оно окажется пустоцвѣтомъ. Кредитъ — это, конечно, другое дѣло; но кредитъ и признаніе вещи очень разныя.

Въ Генуѣ большевики смогутъ, конечно, проявить и уступчивость, — но въ ихъ ли интересахъ она сейчасъ? На кредитъ шансовъ мало, внутри положеніе плохо, и не исходъ ли — „революціонная война“? Предуказаннымъ противникомъ является Румынія. Тутъ и возможность играть на патріотизмѣ (Бессарабія), и неустранимость конфликта по поводу золотого фонда (не вернутъ же большевики румынамъ 250 милліоновъ золотомъ!), и естественныя богатства Румыніи — особенно хлѣбъ — столь нужныя скудѣющему большевистскому аппарату; тутъ и надежды на балканскихъ, особенно на болгарскихъ коммунистовъ, на болгарскія реваншевыя настроенія. И недаромъ во всѣхъ совѣщаніяхъ съ сосѣдями совѣтская власть избѣгала одной Румыніи. — Но рѣшится ли при расхлябанности всей машины? — Это вопросъ уже недалекаго будущаго. Пугать — будутъ. Маневры у границъ, воин-

ственныя рѣчи, представленныя „Европѣ“ альтернативы: не получимъ отъ васъ помощи — введемъ опять военный коммунизмъ (Троцкій на XI съѣздѣ) — все это симптоматично.

Есть ли и болѣе широкіе планы? Имѣютъ ли значеніе переговоры съ Германіей, любезно вернувшей большевикамъ, въ видѣ подарка къ пріѣзду делегаціи, зданіе русскаго посольства? — Врядъ ли сейчасъ большевики могутъ разсчитывать на что-либо общеевропейское... Ихъ силы слишкомъ подточены внутреннимъ разваломъ.

Ллойдъ-Джоджъ и Россія.

Ллойдъ-Джорджъ и Россія — да, Россія, а не большевики. Англійскій премьеръ одержимъ кошмаромъ — воскресенія подлинной, сильной, настоящей Россіи. Уже осенью 1919 года онъ говорилъ: Къ чему поддерживать русскихъ антибольшевиковъ? Развѣ Великая Россія не была бы грозной лавиной, нависающей надъ Индіей? — Доказывая необходимость примирительной политики къ Германіи, Ллойдъ-Джорджъ въ маѣ 1921 г. сказалъ: русскій народъ сейчасъ въ цѣпяхъ отвратительной тиранніи, но онъ когда нибудь очнется; это — храбрый народъ — и надо какъ то отъ него застраховаться, не слѣдъ и нѣмцевъ поэтому ожесточать. — И опять, 3 апрѣля 1922 г., мерцаетъ въ его рѣчи та же мысль: ждать новаго правительства въ Россіи? „Но, можетъ быть, новое правительство оказалось бы хуже нынѣшняго... Можетъ быть, оно бы зажгло пожаръ во всей Европѣ.“... — Та же ненависть — и та же боязнь Россіи!

Кошмаръ Ллойдъ-Джорджа — для русскихъ людей надежда. Совѣтское навожденіе должно разсѣяться. Россія начнетъ возрождаться, когда будетъ собранъ первый урожай, посѣянный по сверженіи большевиковъ. А тамъ возрожденіе можетъ пойти впередъ гигантскими шагами!

4. IV./22. III. 1922.

II. Дѣла иностранныя.

Германская контрибуція.

Шумъ, поднятый вокругъ открывающагося 10 апр. въ Генуѣ, созваннаго Ллойдъ-Джорджемъ международнаго дипломатическаго турнира, не долженъ отвлекать вниманія отъ основныхъ чертъ положенія, отъ тѣхъ глубокихъ противорѣчій, которыя врядъ ли устранимы дискуссіями на международныхъ конференціяхъ.

Твердое рѣшеніе Франціи добиться осуществленія Версальскаго договора и шаткость позиціи англійскаго правительства привели къ тому, что вопросъ о германской контрибуціи былъ возвращенъ въ комиссію по возмѣщеніямъ и исключенъ съ повѣстки международныхъ совѣщаній. Комиссія по возмѣщенію выработала новыя условія уплаты на 1922 г.,

которыя нѣсколько сокращали сумму, подлежащую взысканію противъ предначертаній лондонскаго ультиматума 5 мая 1921 г. (принятаго Германіей), но выставляла требованія гарантій уплаты.

Вмѣсто 2 милліардовъ мар. золотомъ и 26% со стоимости германскаго вывоза (всего, вѣроятно, это было бы въ 1922 г. около $3^1/_4$ милліардовъ), ко взысканію предположена сумма въ 2170 милліоновъ (720 милл. золотомъ и валютой и 1.450 — поставками натурой); изъ этой суммы около 300 милл. уже внесено десятидневными взносами. Одновременно комиссія потребовала принятія до 30 апрѣля — всѣхъ налоговъ, обѣщанныхъ въ январскомъ отвѣтѣ германскаго правительства; до 31 мая — зведеніе новыхъ налоговъ на сумму не менѣе 60 милліардовъ бумажныхъ марокъ (изъ которыхъ не менѣе 40 милрд. должны быть взысканы до 31 декабря); сокращенія государственныхъ расходовъ, безъ права переложенія ихъ на мѣстныя средства; принятія мѣръ противъ бѣгства капиталовъ заграницу и т. д. Кромѣ того, комиссія требовала предоставленія ей права контроля: мѣры по налоговому и тарифному законодательству должны обсуждаться совмѣстно съ представителями комиссіи; долженъ быть установленъ порядокъ наблюденія за расходованіемъ средствъ германской казной; германское правительство должно сообщать комиссіи всѣ статистическія данныя, которыхъ она потребуетъ, — и въ установленный ею срокъ.

Комиссія заявила, что германскій бюджетъ въ нынѣшнемъ его видѣ явно не обезпечиваетъ причитающихся союзникамъ платежей по контрибуціи.

Германская печать встрѣтила ноту единодушнымъ протестомъ, биржа отозвалась на нее дальнѣйшимъ паденіемъ марки (долларъ достигалъ одно время 350 мар.!) Правительству Вирта-Ратенау, стремящемуся къ возможному смягченію отношеній съ побѣдителями, былъ этимъ нанесенъ тяжелый ударъ. Въ рейхстагѣ Виртъ заявилъ, что требованія комиссіи — непріемлемы, что онѣ посягаютъ на суверитетъ Германіи во внутреннихъ дѣлахъ, что введеніе новыхъ налоговъ на 60 милліардовъ сейчасъ невозможно; и всю надежду возлагалъ на дальнѣйшіе переговоры. Рейхстагъ выразилъ ему довѣріе значительнымъ большинствомъ, но положеніе остается напряженнымъ. Ратенау въ своей рѣчи высказалъ надежды на Генуэзскую конференцію, хотя, сказалъ онъ тутъ-же, исключеніемъ вопроса о контрибуціи изъ ея программы — у нея вырвано сердце.

Первый срокъ — 30 апрѣля — уже не за горами; а трудно ожидать, чтобы комиссія по возмѣщеніямъ, — чтобы Франція пошла на уступки. Капитулируетъ ли Германія и на этотъ разъ? Трудность теперь въ томъ, что требованіе сокращенія расходовъ отразится на всемъ милліонномъ аппаратѣ госу-

дарственныхъ служащихъ, которые еще такъ недавно своими забастовками вынуждали правительство къ увеличенію расходовъ. Противорѣчія во внутреннемъ положеніи Европы, несомнѣнно, обостряются.

Англійскій кризисъ.

Въ Англіи Ллойдъ-Джорджъ за послѣдній мѣсяцъ усиленно выигрывалъ время, чтобы дотянуть до Генуэзской конференціи. Отъ требованія „принять мѣры" противъ непокорнаго сэра Джорджа Іонгера ему пришлось отказаться; собранное спеціально для выраженія довѣрія коалиціонному кабинету собраніе депутатовъ уніонистовъ разошлось, такъ и не принявъ резолюціи; наиболѣе вліятельные органы печати вели рѣзкую кампанію противъ премьера. Въ самомъ кабинетѣ возникъ конфликтъ по поводу опубликованія министромъ по дѣламъ Индіи Монтэгю (либераломъ) — телеграммы Индійскаго правительства, протестующей противъ политики Англіи въ дѣлахъ ближняго востока. Монтэгю долженъ былъ уйти. На его мѣсто стали искать уніониста, но всѣ болѣе или менѣе видные члены партіи отказались, и пришлось назначить одного мало извѣстнаго лорда. Предстоящую отставку Ллойдъ-Джорджа возвѣщали не однажды. А премьеръ „притворился глухимъ", взялъ отпускъ, уѣхалъ въ деревню и прожилъ тамъ три-четыре недѣли на отдыхѣ, обмѣниваясь съ мѣстнымъ пасторомъ привѣтственными рѣчами на тему о суетности земной славы.

Этимъ своего рода перемиріемъ, которое Ллойдъ-Джорджъ какъ бы навязалъ своимъ противникамъ, ему удалось избѣжать выявленія конфликта. Однако, для участія въ Генуэзской конференціи нуженъ былъ вотумъ довѣрія, хотя бы формальный: иначе ѣхать было бы неприлично премьеру парламентарнаго государства! И Ллойдъ-Джорджъ сговорился съ членами своего кабинета — лидерами уніонистовъ: довѣріе должно быть испрошено не въ общей формѣ, а только по отношенію къ Генуэзской конференціи. При сговорѣ Ллойдъ-Джорджу пришлось принять во вниманіе всѣ оттѣнки, включая главнаго врага большевиковъ — Черчилля, возражавшаго противъ признанія совѣтской власти.

Подготовивъ почву, Ллойдъ-Джорджъ выступилъ съ долго ожидавшейся рѣчью въ Палатѣ Общинъ 3 апрѣля. Больше всего въ ней чувствовалось осторожное лавированіе, боязнь вызвать чье-либо отталкиваніе. Вотумъ довѣрія, вынесенный всей коалиціей (противъ были — рабочая партія и независимые либералы, а справа всего нѣсколько человѣкъ), вознаградилъ премьера за его стараніе; но ясно, что если Генуя не дастъ ему какого нибудь неожиданнаго торжества, — (всѣ, чьи дѣла плохи, теперь вздыхаютъ о Генуѣ!) — дни кабинета Ллойдъ-Джорджа уже сочтены.

На перевыборахъ въ одномъ округѣ побѣдилъ — хотя и сильно растаявшимъ большинствомъ — уніонистъ; въ дру-

гомъ — кандидатъ рабочей партіи побѣдилъ ллойдъ-джорджевскаго либерала.

Въ Ирландіи — междоусобіе у границъ Ульстера; „республиканская армія“ синнъ-фейнеровъ объявляетъ ирландское автономное правительство Коллинса измѣнническимъ; правительство Коллинса заключило предварительный миръ съ Ульстеромъ.

Возстаніе рудокоповъ въ автономной Южной Африкѣ, приведшее къ настоящимъ боямъ, но вскорѣ подавленное мѣстной властью, не имѣло отношенія ни къ внутреннему кризису Англіи, ни къ сепаратистскимъ движеніямъ, разлагающимъ Британскую Имперію: это было чисто локальное выступленіе большевистскаго толка.

Изъ разныхъ странъ.

Въ Румыніи открылось національное учредительное собраніе, которое должно выработать конституцію новой „Великой Румыніи“. Верхъ одержала на выборахъ, какъ это всегда бываетъ въ Румыніи, стоящая у власти партія. — Выборы были произведены и въ Бессарабіи.

Въ греко-турецкомъ конфликтѣ — новая стадія: великія державы, наконецъ, сговорились относительно единообразной политики. Рѣшено предложить воюющимъ сторонамъ помириться на слѣдующихъ основаніяхъ. Въ отмѣну севрскаго договора, Смирна и всѣ малоазіатскія владѣнія остаются за Турціей; греческія войска эвакуируются, мѣстному христіанскому населенію обѣщается „самоопредѣленіе“; за то въ Европейской Турціи Адріанополь и Галлиполи остаются за Греціей, Турція же получаетъ здѣсь въ безконтрольное владѣніе Константинополь, съ нѣсколько расширеннымъ кругомъ окрестностей. Въ Греціи проявилось нѣкоторое недовольство въ палатѣ, было выражено недовѣріе премьеру Гунарису — но онъ же составилъ затѣмъ новый кабинетъ; предложеніе о перемиріи Греція согласилась принять. Кемалисты, наоборотъ, проявляютъ опять упорство, не довольствуются уступкой имъ Смирны, разсчитывая, быть можетъ, на какія нибудь большевистскія военныя выступленія.

Въ Фуншанѣ, на островѣ Мадейрѣ, скончался отъ воспаленія легкихъ Карлъ Габсбурскій, заключенный на островѣ великими державами послѣ второй неудачной попытки вернуть себѣ венгерскій престолъ. Въ Австро-Венгріи Карлъ царствовалъ неполныхъ два года. Вступивъ на престолъ въ концѣ 1916 года, онъ пытался — путемъ тайныхъ переговоровъ — вывести свою страну изъ войны, пытался примирить недовольные народы помилованіями, созывомъ рейхсрата, въ послѣднюю минуту — федеративнымъ строемъ. Но устранить роковыя противорѣчія и одолѣть судьбу было бы не подъ силу и болѣе выдающимся людямъ. Событія развивались помимо воли императора-короля... А когда, уже черезъ

два съ половиной года, онъ попытался активно дѣйствовать самъ — то лишь повредилъ своему дѣлу и той странѣ — Венгріи, въ которой надѣялся царствовать. Но смерть въ изгнаніи — примиряетъ. Въ Венгріи правительство, санкціонировавшее изгнаніе короля, объявило теперь національный трауръ. На двѣ недѣли закрыты театры, кинематографы; отмѣнена свадьба дочери правителя Хорти. Венгерскіе легитимисты считаютъ теперь королемъ 10 лѣтняго сына покойнаго — Оттона.

Въ Испаніи кабинетъ Мауро смѣнился кабинетомъ умѣреннаго консерватора Санчэсъ-Гэрра. Къ особенностямъ испанской внутренней политики принадлежитъ своеобразная система полу-коалиціи „династической правой" — консерваторовъ, и „династической лѣвой" — либераловъ. Одна изъ этихъ партій не можетъ долго управлять безъ другой, или, точнѣе, противъ другой. На этотъ разъ къ отставкѣ Мауро привело оффиціально заявленное либералами требованіе о возстановленіи въ странѣ конституціонныхъ гарантій; новый премьеръ это требованіе выполнилъ.

Въ республикѣ Португаліи — въ началѣ апрѣля произошла очередная смѣна кабинета, пятнадцатая за два года.

Генуэзская конференція

Какъ скептически ни смотрѣть на возможные результаты генуэзской попытки найти какіе то новые невѣдомые пути въ лабиринтѣ международныхъ отношеній, самый фактъ созыва конференціи несомнѣнно значителенъ. Впервые послѣ войны на равныхъ — хотя бы формально равныхъ — началахъ сходятся побѣдители, побѣжденные и нейтральные. Это общеевропейское значеніе конференціи затмѣваетъ въ общемъ планѣ тотъ фактъ, что Россія на ней не представлена, — т. е. что отъ ея имени будетъ тамъ говорить секція III-го Интернаціонала. Созывъ Генуэзской конференціи — это разрывъ съ психологіей войны; именно это и внушаетъ къ ней такое недовѣріе тѣмъ французскимъ кругамъ, которые гарантію мира видятъ въ неусыпной бдительности, а не въ „примирительствѣ."

Формальная программа конференціи тщательно очищалась отъ всего стараго. Въ ней остались, въ концѣ концовъ, только вопросы хозяйственнаго возстановленія Россіи, и вопросъ о международныхъ финансовыхъ и торговыхъ отношеніяхъ. Но основная, не выраженная въ параграфахъ, задача, ради которой конференція, собственно, и созвана — это установленіе въ Европѣ настоящаго мира. Думать, что конференцію созвали ради большевиковъ, значитъ безмѣрно преувеличивать ихъ значеніе. Большевики — оффиціальный объектъ дебатовъ, одна изъ наиболѣе занимательныхъ темъ; но главный умыселъ — иной. Другое дѣло, насколько одними благими намѣреніями можно преодолѣть реальные антагонизмы въ международной политикѣ.

Но если конференція созывается совсѣмъ не ради большевиковъ — это не значитъ, что они не могутъ на ней сыграть никакой роли. Наоборотъ: не связанные ни традиціями, ни заботами объ интересахъ какой либо другой страны, они свободнѣе всѣхъ другихъ могутъ итти на эффектныя выступленія, обличать, ссорить, мирить и т. д. Присутствіе большевиковъ, несомнѣнно, открываетъ дверь всякимъ неожиданностямъ.

Франція дѣлаетъ оговорку за оговоркой. Пуанкарэ объявилъ въ Палатѣ, что Германіи, если она попытается вывести дебаты изъ намѣченныхъ рамокъ, будутъ показывать плакатъ съ надписью „Verboten". Сообщается, что французскіе делегаты будутъ снабжены только ограниченными полномочіями, что всѣ рѣшенія считаются не окончательными. Предусматривается и возможный уходъ французскихъ представителей съ конференціи.

Много группъ будетъ въ Генуѣ: „большая," рѣшающая Антанта: Англія, Италія, Франція, съ Бельгіей и съ заморской союзницей Японіей; Антанта малая: Польша, Румынія, Чехословакія, Югославія, съ примыкающими „окраинными государствами" Латвіей и Эстоніей; „нейтральные," государства, не участвовавшія въ міровой войнѣ, собравшіяся въ настоящее время на предварительное совѣщаніе въ Бернѣ: Голландія, Испанія, Швейцарія и три скандинавскихъ страны; отдѣльно — страны, считающіяся благопріятствующими Германіи (основательно или нѣтъ): Греція, Литва, Финляндія; наконецъ, „побѣжденные": Германія, Австрія, Венгрія, Болгарія, — не составляющія какой либо группы, одинокія — каждая со своими заботами. Особо стоятъ большевики, — имѣвшіе передъ конференціей совѣщанія съ окраинами и съ Германіей. — Турція, какъ страна „не европейская," не приглашена. (Японія — другое дѣло: великія державы имѣютъ интересы во всемъ мірѣ.)

Америка и Европа

На конференціи не будетъ представлена держава, голосъ которой въ хозяйственныхъ вопросахъ могъ бы имѣть особое значеніе. Соед. Штаты нотой государственнаго секретаря Юза отъ 9 марта заявили, что исключеніе изъ программы „вопросовъ, безъ удовлетворительнаго разрѣшенія которыхъ главная причина экономическаго разстройства будетъ продолжать дѣйствовать", (иначе говоря — вопроса о контрибуціи) дѣлаетъ всю конференцію политической демонстраціей, участіе въ которой Соед. Штаты считаютъ безполезнымъ. Что касается оффиціальнаго предмета сужденій — возстановленія Россіи, то правительство Соед. Штатовъ считаетъ его неосуществимымъ пока, „люди, несущіе отвѣтственность за нынѣшнее экономическое разстройство," т. е. большевики, „не станутъ на надлежащій путь"; и далѣе идетъ ссылка на сдѣланныя ранѣе С. Штатами заявленія о необходимости возстановленія въ Россіи правового строя.

Отказъ отъ участія въ конференціи, съ открытымъ выраженіемъ сожалѣнія объ исключеніи изъ ея программы вопросовъ, связанныхъ съ миромъ подъ Парижемъ, сопровождался и другимъ симптоматичнымъ выступленіемъ Соед. Штатовъ. Когда совѣщаніе финансовыхъ делегатовъ союзныхъ странъ закончило распредѣленіе перваго милліарда марокъ золотомъ, полученнаго отъ Германіи, сѣверо-американскій делегатъ вдругъ предъявилъ требованіе объ уплатѣ всей суммы, причитающейся за содержаніе оккупаціоннаго американскаго отряда на Рейнѣ, съ процентами это составляло немного болѣе милліарда мар. золотомъ! Это заявленіе Америки, сдѣланное нѣсколько демонстративно, хотя формально вполнѣ справедливое, (если всѣ получаютъ свою долю отъ Германіи — почему Америкѣ одной платить самой!) вызвало большое раздраженіе во французской и, отчасти, въ англійской печати, и нескрываемое злорадство въ германской. Оно, видимо, знаменуетъ желаніе Соед. Штатовъ оказывать финансовое давленіе на политику европейскихъ странъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они ее не одобряютъ.

У Америки есть еще одно финансовое оружіе въ запасѣ. Междусоюзные военные долги въ общемъ итогѣ представляются въ такомъ видѣ: Франціи должны около 300 милл. ф. ст., она — должна свыше милліарда (половину Англіи, половину Америкѣ); Англіи должны свыше полутора милліардовъ, она — около 850 милл. (Америкѣ); Италія, Россія, Бельгія и т. д. — чистые должники, Америка — чистый кредиторъ, на сумму около $1^3/_4$ милліардовъ ф. ст.*) Англія изъ всѣхъ странъ единственная, которая аккуратно платитъ проценты по долгамъ и приступила къ погашенію, Франція не платитъ и процентовъ, указывая на неполученіе причитающихся ей съ Германіи суммъ. Америка до сихъ поръ воздерживалась отъ предъявленія Франціи (и Италіи) счета, — руководствуясь чувствомъ симпатіи къ пострадавшей отъ войны странѣ. Но при новомъ поворотѣ американской политики не исключена теперь возможность предъявленія счета, хотя рѣзкость конфликта, который бы могъ получиться, даетъ основаніе думать, что Соед. Штаты сейчасъ на это не пойдутъ. Финансовое давленіе въ политикѣ имѣетъ предѣлъ, преступить который часто значило бы не усилить, а утратить вліяніе.

Конференція всѣхъ Интернаціоналовъ. 2 апрѣля въ Берлинѣ, въ одной изъ фракціонныхъ комнатъ рейхстага, открылась вступительной рѣчью Фридриха Адлера конференція соціалистовъ всѣхъ направленій. Были представлены: II-й Интернаціоналъ, съ германской с.-д. партіей большинства, англійской рабочей партіей, бельгійскими соціалистами и т. д.; Вѣнское Международное Товарищество

*) Цифры междусоюзныхъ долговъ взяты по исчисленіямъ Кейнса.

рабочихъ („$2^1/_2$-й Интернаціоналъ"), съ германскими независимыми, французскими, австрійскими, швейцарскими соціалистами, съ меньшевиками Мартовымъ и Абрамовичемъ; застрявшая между „$2^1/_2$" и III Интернаціоналомъ итальянская соціалистическая партія (Серрани), и III-й, Коммунистическій Интернаціоналъ, представленный преимущественно западно-европейскими делегатами (изъ московскихъ коммунистовъ — Радекъ и Бухаринъ). Такое соединеніе всѣхъ Интернаціоналистовъ, впервые съ 1914 года, было, по заявленію открывшаго собраніе Ф. Адлера, „не лишено извѣстнаго величія". Иниціатива конференціи исходила отъ „$2^1/_2$-ыхъ", считающихъ необходимымъ объединеніе всѣхъ соціалистовъ для борьбы съ „буржуазной реакціей". Конференція должна обсудить вопросъ о созывѣ международнаго соціалистическаго съѣзда для возсозданія единаго Интернаціонала.

Въ отношеніи поддержки большевистской власти въ Россіи единодушіе въ средѣ Интернаціоналовъ полное; даже органъ II-го, „Vorwärts", за многое коммунистовъ бранящій, писалъ, что совѣтскую власть слѣдуетъ защищать отъ посягательствъ, чтобы Россія не стала очагомъ монархической реакціи. Однако, въ первомъ же засѣданіи конференціи произошли рѣзкія столкновенія. Отъ имени II интернаціонала Вандервельде формулировалъ условія, на которыхъ возможно участіе въ общемъ съѣздѣ съ большевиками. Первое — отказъ отъ полемическихъ пріемовъ противъ „прочихъ соціалистовъ" и отказъ отъ образованія въ рабочихъ организаціяхъ особыхъ ячеекъ; второе — свобода самоопредѣленія для Арменіи, Украины и Грузіи, особенно послѣдней, гдѣ правительство было чисто соціалистическимъ; третье — прекращеніе преслѣдованія соціалистовъ въ совѣтской Россіи.

Принятіе этихъ условій, конечно, весьма мало значило бы для Россіи: Грузія — крошечный клочекъ оккупированной большевиками огромной области, соціалисты составляютъ ничтожную долю преслѣдуемыхъ совѣтской властью. Но коммунисты и эти условія сочли для себя обидными и перешли въ контръ-аттаку. Радекъ выступилъ со страстной рѣчью, въ которой обвинялъ II Интернаціоналъ во всѣхъ бѣдствіяхъ міровой войны. „Королевскому министру Вандервельде — ни на грошъ довѣрія"! восклицалъ онъ. „съ вашихъ рукъ не смыта кровь Либкнехта и Розы Люксембургъ! — На эту конференцію вы пришли потому, что иначе не могли! Вы были орудіями міровой реакціи, а теперь вынуждены, хотите вы или нѣтъ, стать орудіемъ борьбы за пролетаріатъ!" Грузинскихъ меньшевиковъ Радекъ обвинялъ во всевозможныхъ жестокостяхъ. „Наши чекисты" — заявилъ онъ — „не талантливые литераторы, а вотъ грузинскіе — тѣ оставили послѣ себя записки, которыя мы распубликуемъ и вамъ раздадимъ." „Людямъ, къ которымъ 9/10 пролетаріата питаетъ величайшее

недовѣріе", закончилъ Радекъ „мы не позволимъ ставить намъ условія".

Послѣ этого крупнаго разговора конференція цѣлый день не имѣла общихъ собраній, переговоры велись путемъ передачи письменныхъ заявленій. Но на третій день снова сошлись; „$2^1/_2$-ые" усиленно мирили. Произнесъ рѣчь и Серрати, сказавшій между прочимъ: „мы всѣ восхищаемся французской революціей, хотя тамъ была гильотина; можно ли такъ безоговорочно осуждать чрезвычайки?" Радекъ во второй рѣчи уже обнаружилъ извѣстную примирительность; онъ согласился на междусоціалистическую комиссію для разбора нѣкоторыхъ споровъ съ русскими соціалистами, иронически приглашалъ Вандервельде въ Москву защищать эсеровъ, а по поводу ячеекъ старался доказать, что существованіе фракцій въ рабочемъ движеніи не нарушаетъ его единства.

5-го апрѣля конференція закончилась. Созывъ общесоціалистическаго съѣзда признанъ несвоевременнымъ вслѣдствіе возраженій II-го Интернаціонала; о с.-р. и о Грузіи отвѣтъ большевиковъ сочли въ общемъ удовлетворительнымъ, но соглашеніе не было достигнуто въ вопросѣ объ отдѣльныхъ коммунистическихъ профессіональныхъ союзахъ. Создана только своего рода „контактная комиссія" девяти, по три отъ каждаго Интернаціонала, для поддержанія связи. „Vorwärts" обозначилъ это какъ „попытку положить начало" (Versuch zu einem Anfang). Принята общая декларація, предлагающая, между прочимъ, международную рабочую демонстрацію 20 апрѣля; — но къ декларацiи каждый изъ Интернаціоналовъ прибавилъ комментирующее ее заявленіе.

Пока большевики располагаютъ аппаратомъ власти большой страны, они врядъ ли откажутся отъ отдѣльной роли. Но объединеніе Интернаціоналовъ — для нихъ страховка на худой конецъ. Самый фактъ ихъ сближенія свидѣтельствуетъ о томъ, что красная волна въ общемъ идетъ на убыль. И въ рядахъ противниковъ возстановленія Россіи, въ рядахъ защитниковъ большевизма тѣмъ тѣснѣе будутъ объединяться соціалисты всѣхъ мастей, чѣмъ безнадежнѣе будетъ становиться положеніе коммунистической власти на нашей родинѣ. Путь къ спасенію — черезъ преодолѣніе всѣхъ Интернаціоналовъ, а не черезъ раздоры въ соціалистической средѣ.

6. IV/24. III. 1922.

С. С. Ольденбургъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

1. Академикъ С. Ѳ. Платоновъ. Борисъ Годуновъ. Петроградъ 1921 годъ. Книгоиздательство „Огни". Стр. 157.

Послѣ смерти В. О. Ключевскаго С. Ѳ. Платоновъ, — внѣ всякаго сомнѣнія самый выдающійся нашъ историкъ, посвятившій себя изученію судебъ Россіи. У него большой природный даръ обобщенія и не часто встрѣчающееся умѣніе и искусство литературнаго изложенія. Осенью 1919 года въ Ростовѣ н/Д. получилось, одновременно съ извѣстіемъ о смерти М. А. Дьяконова, и извѣстіе о смерти С. Ѳ. Платонова. Я тогда-же посвятилъ имъ обоимъ въ „Великой Россіи" общій некрологъ (подъ заглавіемъ „Два русскихъ историка"), въ которомъ отдалъ должное ихъ большимъ научнымъ заслугамъ. Къ счастію извѣстіе о смерти С. Ѳ. Платонова оказалось ложнымъ, и я надѣюсь, что по примѣтѣ это обстоятельство послужитъ ему къ долголѣтію.

Новая книга С. Ѳ. Платонова о Борисѣ Годуновѣ даетъ не много новаго старымъ читателямъ и почитателямъ петроградскаго историка: она въ значительной мѣрѣ по существу повторяетъ его классическую монографію о Смутномъ Времени и напоминаетъ соотвѣтствующія страницы его университетскаго курса и даже его гимназическаго учебника. Но въ литературномъ отношеніи это — превосходное произведеніе, *) законченное и закругленное, прекрасно начертанная картина рокового поворотнаго момента русской исторіи и мастерски выписанный портретъ крупнаго, но неудачливаго Государя, главная личная неудача котораго состояла въ томъ, что онъ вошелъ въ исторію съ незаслуженнымъ клеймомъ преступника. „Какъ только онъ (Борисъ) въ пылу борьбы и въ полномъ напряженіи труда окончилъ свое земное поприще, интрига и клевета восторжествовали надъ его семьей и погубили ее, а личную память Бориса омрачили тяжкими обвиненіями. Обвиненія однако не были доказаны: они только получили оф-

*) Тѣмъ непріятнѣе та эстетически прямо гнусная орфографія, которою набрана эта прекрасно написанная и хорошо отпечатанная книга. Какъ извѣстно, это эстетически-орфографическое варварство, какъ и все въ совѣтской Россіи, введено и держится принудительно по приказу сверху. Не можемъ не отмѣтить и одной погрѣшности почтеннаго автора противъ чистоты русскаго языка. На стр. 20-21 мы читаемъ фразу: „Старые идеалы еще довлѣли надъ умами этой среды" (княжатъ) и гдѣ то въ другомъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ такое же употребленіе глагола — „довлѣть". Смѣемъ увѣрить С. Ѳ. Платонова, что правильный русскій языкъ не знаетъ употребленія глагола „довлѣть" въ смыслѣ „тяготѣть" или „давить". Русскій (архаическій) глаголъ „довлѣть" имѣетъ смыслъ греческаго „αρκεῖν" (отсюда αυταρκεῖα) и отсюда затѣмъ „πρέπειν" и латинскаго satisfacere или sufficere и отсюда decere т. е. употребляется въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово и употреблено въ цитируемомъ С. Ѳ. Платоновымъ (на страницѣ 116) памятникѣ конца XVI в., гдѣ сказано: „елико довлѣетъ (πρέπει или decet) пречестному ихъ царскому величеству". Какъ это ни странно, ошибка почтеннаго автора вытекаетъ изъ чисто фонетической ассоціаціи смысла архаическаго реченія „довлѣть" со смысломъ современнаго глагола „давить" тяготѣть...

фиціальное утвержденіе государственной и церковной власти и передали потомству загрязненный обликъ Бориса. Его моральная реставрація есть, по нашему мнѣнію, прямой долгъ исторической науки" (стр. 154). Такъ заканчиваетъ академикъ Платоновъ свою монографію, и нельзя не признать, что задача нравственной реабилитаціи Годунова ему блестяще удалась.

Смутное время представляетъ съ точки зрѣнія исторической теоріи чрезвычайно интересную эпоху. Если угодно, это — революціонная эпоха, но она заполнена движеніями, которыя оказываются, какъ движенія революціонныя, и несозрѣвшими, и безплодными. Революція низовъ ни къ чему не приводитъ, и такъ же безплодна и пустоцвѣтна въ смутѣ контръ-революція верховъ. Торжествуютъ и спасаютъ страну средніе элементы, но они то и не участвуютъ активно въ смутѣ, какъ таковой. По незрѣлости и безплодію, какъ я уже развивалъ въ 1919 г. въ своихъ публичныхъ чтеніяхъ въ Ростовѣ н/Д., смута XVII в. есть менѣе грандіозный по размаху прообразъ „великой русской революціи" 1917 и слѣд. годовъ. Сходство между обоими движеніями и въ той роли, которую играютъ въ нихъ цѣли и замыслы иноземцевъ. Но смута XVII в. — это можно уже и теперь безошибочно сказать — обошлась русскому народу дешевле, чѣмъ изживаемая нами революція, которая есть, навѣрное, самое истребительное событіе въ міровой исторіи.

Есть еще другое поразительное сходство между смутой XVII в. и „великой революціей".

Вся смута была въ извѣстномъ смыслѣ психологически построена на лживой легендѣ о мнимомъ преступленіи, — политическомъ убійствѣ царевича Дмитрія. „Великая революція" тоже отправлялась отъ лживой легенды о мнимой измѣнѣ государству, если не самого Государя, то Государыни и ея круга, тогда какъ на самомъ дѣлѣ непререкаемый фактъ, что Александра Ѳедоровна никогда не думала мириться съ Германіей и совершенно отрицательно относилась къ Императору Вильгельму. Въ смутное время тѣ, кто потомъ противъ Годунова и его династіи подъ видомъ спасшагося якобы Царевича, сами выставили самозванца, еще раньше мысль о самозванномъ воскрешеніи Царевича, въ цѣляхъ дискредитированія Годунова, приписывали ему самому, какъ хитроумный пріемъ царскаго свойственника на случай собственной неудачи при избраніи на царство. „Димитрія воскреснувшее имя" произносилось и писалось въ письмахъ въ 1598 году; но отъ Андрея Сапѣги намъ извѣстно, что вначалѣ оно получило не то употребленіе, какъ потомъ. Вначалѣ, обвиняя Бориса въ убійствѣ царевича, говорили, что онъ держитъ у себя самозванца и готовъ подставить ложнаго Димитрія вмѣсто себя, если не будетъ избранъ на царство. Впослѣдствіи же подставили ложнаго Димитрія уже противъ Бориса". (Стр. 135, ср. стр. 124-126). Какъ это напоминаетъ легенду объ Императрицѣ нѣмкѣ, замышляющей сепаратный миръ, легенду, которую распространяли и питали элементы, потомъ сами, дѣйствительно, заключившіе этотъ постыдный миръ!

Роковая моральная аналогія мерзостей смутнаго времени съ мерзостями „великой революціи" неотразимо встаетъ передъ умомъ читателя замѣчательной книги С. Ѳ. Платонова, и мы не можемъ отдѣлаться отъ мысли, что эта аналогія присутствовала и въ его умѣ. Многія черты событій повторяются въ другихъ и весьма несходныхъ комбинаціяхъ. Но надъ этими различіями господствуетъ одно основное и общее сходство, заключающееся въ томъ, что и то и другое движеніе обнаружили и незрѣлость народныхъ массъ, и объективное безплодіе, болѣе того крайнюю вредоносность того потрясенія, въ которое онѣ были вовлечены своею темнотою и чужой похотью власти. Ибо во всѣхъ, „революціяхъ," какъ бы онѣ не происходили и къ чему бы онѣ не приводили, похоть власти есть одинъ изъ самыхъ существенныхъ двигателей. Въ смутѣ похотью власти были объяты и „княжата" въ лицѣ Шуйскихъ, и „исконивѣчные слуги" въ лицѣ Романовыхъ и наконецъ „иноземцы" въ лицѣ польскаго короля. А Годуновъ и его потомство оказались такъ же „политически одинокими", какъ въ 1917 году Николай II и его супруга. Опять поразительная аналогія въ общей

и рѣшающей психологической обстановкѣ. Лично, конечно, Годуновъ былъ сильнымъ человѣкомъ, и потому, можетъ быть, о него самозванческая революція разбилась бы. Николай же былъ человѣкомъ слабымъ, и всего болѣе поэтому пораженческая революція смела его. Ибо не можетъ также подлежать сомнѣнію, что революціонныя движенія сильны не столько своей силою, сколько слабостью своихъ противниковъ.

Мартъ 1922 г. **Петръ Струве.**

2. Henri Berr. L'histoire traditionnelle et la synthèse historique. Paris. 1921. (Alcan.) Pp. X + 146.

Авторъ, являющійся сторонникомъ научной исторіи въ смыслѣ стараго позитивизма и написавшій въ этомъ духѣ цѣлый и весьма интересный томъ, въ которомъ идеи позитивизма являются, впрочемъ, весьма подновленными и освѣженными *), въ разбираемомъ томѣ собралъ статьи, имѣющія весьма различное содержаніе, но группирующіяся вокругъ понятія и проблемы исторіи.

Первая статья (стр. 1-16) даетъ тонко выписанный портретъ историка-эрудита, собирателя документовъ и изслѣдователя мѣстной исторіи, Philippe Tamizey de Larroque (1828—1898), того самаго, о которомъ въ короткомъ діалогѣ двухъ студентовъ идетъ рѣчь въ романѣ Анатоля Франса „Le crime de Silvestre Bonnard". Такихъ историковъ, никогда не приступавшихъ ни къ какому, даже самому скромному синтезу, было и есть много во Франціи, въ Англіи, въ Германіи. Были такіе типы и въ Россіи. Но, кажется, всего болѣе во Франціи они носятъ обликъ подлинныхъ эрудитовъ. Тамизэ де Ларрокъ всю свою жизнь прожилъ въ провинціи, въ деревнѣ, работая надъ книгами и рукописями, собралъ огромную и цѣннѣйшую библіотеку (она почти вся въ 1895 г. сгорѣла) и далъ цѣлый рядъ цѣнныхъ изданій, являющихся матеріалами для французской литературно-общественной исторіи XVI и XVII вѣковъ. Онъ собиралъ и издавалъ матеріалы, но не обрабатывалъ ихъ. Характеристику этого французскаго провинціала-дворянина, погруженнаго въ изслѣдовательскую работу и ею жившаго, нельзя здѣсь передать сколько нибудь выразительно: ее нужно прочесть въ подлинникѣ Бэрра, который лично зналъ Тамизэ и рисуетъ его, какъ живое лицо.

Вторая статья это — полемика съ тѣмъ направленіемъ, которое Бэрръ называетъ „Histoire historisante", въ лицѣ французскаго историка Альфена (Louis Halphen). Альфенъ — „хартистъ и медіэвистъ по исходной точкѣ, постепенно, по словамъ Бэрра, расширилъ свой историческій горизонтъ" и началъ ставить себѣ болѣе широкія и обобщающія задачи. Но онъ попрежнему, несмотря на пропаганду Бэрра, стоитъ на томъ, что исторія есть „science du particulier". Это, въ сущности, та точка зрѣнія которая лежитъ въ основѣ философскаго пониманія исторіи у Ренувье, отчасти у Курно и получила такое яркое выраженіе въ построеніяхъ Виндельбанда и Риккерта. Полемикѣ съ Альфеномъ, который напечаталъ письмо въ журналѣ Бэрра „Revue de synthèse historique", посвящены стр. 17-31 книжки.

Промежуточную позицію занимаетъ въ вопросѣ о „теоріи исторіи" румынскій историкъ Ксенополь († въ 1919 г.) Послѣдній свою концепцію исторіи построилъ на противоположеніи явленія повторенія и явленія послѣдовательности. Бэрръ понимаетъ, что это различеніе приводитъ къ различенію между закономъ и фактомъ и между природой и исторіей, т. е. именно къ тѣмъ различеніямъ, къ которымъ подходилъ

*) La synthèse en histoire. Paris. 1911. Съ 1900 г. Бэрръ издаетъ журналъ „Revue de synthèse historique".

Курно*) и которыя такъ послѣдовательно развернули Виндельбандъ и Риккертъ. Бэрръ., мнѣ кажется, мѣтко указываетъ нѣкоторыя непослѣдовательности автора „La théorie de l'histoire", въ частности, поскольку онъ устанавливаетъ понятіе „ряда", которое критикъ справедливо почитаетъ темнымъ (стр. 39: Sa conception de la série, au lieu de donner „la clef de l'histoire", me semble obscure.) Интересной полемикѣ съ Ксенополемъ посвящены стр. 33-55 томика.

Бо̀льшая его часть (стр. 57-146) содержитъ весьма интересную характеристику „теоретика" „Исторіи — Науки", Поля Лакомба. Это очень любопытная фигура, до сихъ поръ не достаточно оцѣненная на родинѣ. Пожалуй, даже въ кругахъ, интересующихся проблемами философіи исторіи и соціологіи, Лакомбъ извѣстенъ относительно болѣе въ Россіи, чѣмъ во Франціи (его „De l'histoire, considérée comme science" (1894) и его замѣчательная „Appropriation du Sol" переведены на русскій языкъ. Скороли вернется время, когда издатели вродѣ Павленкова каждый мѣсяцъ выбрасывали на книжный рынокъ десятки дешевыхъ хорошихъ переводныхъ и оригинальныхъ книгъ, расходившихся въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ?!) Сквозь толщу банально-позитивистскихъ взглядовъ у Лакомба, на пространствѣ всей его литературной дѣятельности (онъ дожилъ до глубокой старости, родившись въ 1834, скончавшись въ 1919 г.), пробиваются плодотворныя мысли философскаго и подлинно-эмпирическаго характера.

Изъ всѣхъ версій „экономическаго истолкованія" исторіи версія Лакомба самая продуманная и самая эмпирически пріемлемая. Эта версія дана имъ еще въ 1889 г. въ книгѣ, прошедшей мало замѣченной: La Famille dans la Société romaine. Etude de morale comparative. „Что экономика господствуетъ въ исторіи множества явленій неэкономическихъ въ точномъ смыслѣ и что ея вліяніе почти никогда не отсутствуетъ, это неизбѣжно: въ этомъ находитъ себѣ историческое выраженіе (c'est la traduction historique) тотъ великій и простой фактъ, самоочевидный во всякой частной жизни, что прежде всего необходимо позаботиться о своемъ пропитаніи и одѣяніи и что объ этомъ нужно заботиться каждый день. Такъ-же точно какъ спеціальная тяжесть земныхъ предметовъ объясняется всеобщимъ тяготѣніемъ, власть экономики въ исторіи объясняется закономъ болѣе широкимъ, который покрываетъ собою всю человѣческую жизнь: въ средѣ, которая грызетъ и точитъ человѣческое тѣло изнутри и извнѣ, первую по настоятельности изъ всѣхъ человѣческихъ потребностей составляетъ потребность въ возстановленіи этого тѣла. Это первенство, очевидное въ частной жизни, становится равнымъ образомъ очевиднымъ въ жизни исторической, когда мы начинаемъ ее разсматривать взоромъ пристальнымъ и свободнымъ отъ предразсудковъ" (стр. 424-425 назв. соч. цит. у Бэрра на стр. 75).

Лакомбъ стремился построить „научную исторію", какъ науку объ общемъ въ противоположеніи частному, о законахъ, въ противоположеніи фактамъ, объ учрежденіяхъ, понимая это слово въ самомъ отвлеченномъ смыслѣ (Лакомбъ даже выдумалъ варварское существительное l'institutionnel) и въ противоположеніи событіямъ (для которыхъ онъ тоже придумалъ абстрактную категорію „l'événementiel"). Въ то же время Лакомбъ занимался конкретными историческими изслѣдованіями (по исторіи революціи) и ими увлекался, и это приводило его къ исторіи событій, къ »histoire événementielle, accidentelle, individuelle«. Но затѣмъ всетаки тяга къ „всеобщему," къ законамъ, преодолѣвала, и онъ возвращался къ своему „историческому

*) У меня въ рукахъ сейчасъ его „Matérialisme, vitalisme, rationalisme" (Paris, 1875), гдѣ онъ, подходя къ своей основной проблемѣ случая, говоритъ (стр. 67): »En général dans tous les phénomènes s'observe le contraste de la loi et du fait, de ce qui est essentiel ou nécessaire en vertu d'une loi... et de ce qui résulte accidentellement ou fortuitement de certaines dispositions initiales ou de certaines rencontres dont nous n'admettons pas la nécessité en vertu d'une loi".

матеріализму," согласно которому исторической жизнью управляли не идеи, а потребности. Эти колебанія и эту борьбу взглядовъ въ старѣющемъ духѣ Берръ чрезвычайно интересно изображаетъ по письмамъ и дневникамъ Лакомба, переданнымъ ему наслѣдниками послѣдняго.

Лакомбъ былъ настоящимъ типомъ „частнаго ученаго," Privatgelehrter, какъ говорятъ нѣмцы. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ онъ былъ республиканцемъ — индивидуалистомъ, противникомъ революціи, сторонникомъ соціальныхъ реформъ. Когда республика смѣнила имперію, онъ, какъ товарищъ Гамбетты, приблизился даже на короткое время къ чисто-административной дѣятельности, сперва въ роли супрефекта; потомъ онъ перешелъ въ управленіе библіотекъ и архивовъ. Образъ этого замѣчательнаго человѣка, который былъ почти исключительно ученымъ по всему складу своей натуры, хотя многое написанное имъ относится болѣе къ публицистикѣ и популярно-научной литературѣ, чѣмъ къ наукѣ, какъ живой, встаетъ подъ искуснымъ, любовно-изобразительнымъ перомъ Бэрра. Нѣкоторыя книги Лакомба навсегда останутся въ литературѣ обществовѣдѣнія, какъ произведенія глубокой и честной теоретической мысли.

Петръ Струве.

3. Georges Danos, ingénieur des ponts et chaussées, docteur en droit. L'idée de l'autarchie économique et les statistiques du commerce extérieur. Paris 1921 (Librairie de Sociéte du Recueil Sirey.) pp. XXIII+92.

Основная мысль книги заключается въ томъ, что идея экономической „автаркіи", „самодовлѣнія" отдѣльныхъ государствъ не находитъ себѣ никакой опоры въ данныхъ статистики внѣшней торговли. Сперва авторъ излагаетъ и разбираетъ различныя теченія, въ которыхъ выражается эта идея, начиная съ Фихте и кончая новѣйшими авторами (американскими протекціонистами въ лицѣ Симона Паттена, Чемберлэномъ-отцомъ и его послѣдователями и, наконецъ, германскими „экономическими имперіалистами"). Затѣмъ онъ останавливается на идеяхъ меркантилистовъ, которыхъ онъ знаетъ, повидимому, только изъ вторыхъ рукъ, и, наконецъ, вкратцѣ характеризуетъ воззрѣнія Фр. Листа. „Листъ никогда не думалъ изъ идеи экономическаго самодовлѣнія дѣлать стержень своей доктрины". — говоритъ Дано вслѣдъ за Жидомъ и Ристомъ.

Проблема, которою занимается авторъ, представляетъ крупнѣйшій интересъ и по существу, и методологически. Конечно, абсолютнаго „самодовлѣнія" не существуетъ; конечно, ни Британская Имперія, ни Соединенные Штаты, ни Россія не суть самодовлѣющія экономическія цѣлыя. И поскольку авторъ опровергаетъ эти утвержденія, онъ побѣдоносенъ. Но именно анализъ внѣшней торговли разныхъ хозяйственныхъ цѣлыхъ вскрываетъ глубокія различія въ экономической структурѣ различныхъ странъ (авторъ самъ замѣчаетъ это на стр. 26). Внѣшняя торговля, напримѣръ, Россіи весьма явственно отражаетъ исторически сложившійся ея экономическій укладъ, тѣсно связанный и съ величиной, и съ географическимъ положеніемъ Россіи. То же относится къ Соединеннымъ Штатамъ. И въ той, и въ другой изъ этихъ странъ подавляющее значеніе имѣетъ внутренній рынокъ, и этимъ обѣ эти страны, правда въ разной мѣрѣ, отличаются отъ такихъ странъ, какъ Германія, Англія и даже Франція. Этотъ особый экономическій укладъ, преобладаніе внутренняго рынка надъ внѣшнимъ, не слѣдуетъ называть экономическимъ „самодовлѣніемъ", ибо только въ отвлеченно мыслимомъ предѣлѣ первый моментъ можетъ приводить ко второму, или совпадать съ нимъ, но какъ то необходимо и сознавать, и подчеркивать такое своеобразіе.

Формула „экономическаго самодовлѣнія“ дѣйствительно вызываетъ недоразумѣнія, и идея самодовлѣнія въ точномъ смыслѣ есть идея совершенно утопическая. Но вскрывая ея несостоятельность и изгоняя ее изъ употребленія, надлежитъ помнить, что этимъ отрицательнымъ сужденіемъ совершенно ничего положительнаго по существу для экономической характеристики отдѣльныхъ странъ не высказывается. Нѣтъ политическихъ цѣлыхъ, экономически „самодовлѣющихъ“, но разныя политическія цѣлыя весьма разнятся по своему экономическому укладу.

Весьма выпукло въ данныхъ, приводимыхъ Danos, выступаетъ экономически скромная роль колоній для старыхъ странъ-метрополій. Отсюда авторъ справедливо заключаетъ (стр. 69), что „колоніальная политика не можетъ найти себѣ основанія въ миѳѣ „самодовлѣнія“; она можетъ быть оправдана лишь соображеніями общей политики, а не политики экономической. Колоніи какъ Франціи, такъ и Англіи были основаны не потому, что прежде всего нужно было обезпечить этимъ державамъ сырье для ихъ промышленности и рынки для ихъ издѣлій. Колоніи были основаны ради увеличенія политическаго значенія этихъ странъ, дабы открыть новое поле дѣятельности для ихъ гражданъ“.

Интересенъ также по существу и методически и другой выводъ автора, что основными факторами, опредѣляющими внѣшній товарообмѣнъ разныхъ странъ между собою, являются ихъ географическая близость и степень ихъ богатства. Эти два момента, а не мѣропріятія экономической политики обусловливаютъ собой характеръ и направленіе товарообмѣна. „Преобладающая роль этихъ естественныхъ причинъ объясняетъ устойчивость международнаго оборота“ (стр. 69).

Мысли и выводы автора не новы, но его этюдъ, благодаря обилію выразительныхъ статистическихъ таблицъ и діаграммъ, представляетъ весьма удобное и нужное пособіе при анализѣ явленій международнаго товарообмѣна. Для пониманія измѣненій, происшедшихъ въ послѣвоенную эпоху и вообще весьма трудно еще уловимыхъ, трудъ Danos, конечно, почти ничего не даетъ.

Петръ Струве.

4. Домъ Литераторовъ. Пушкинъ. Достоевскій. Петербургъ 1921. Стр. 147.

Маленькая книжечка in 16° — сборникъ, составившійся изъ нѣсколькихъ рѣчей, произнесенныхъ на собраніяхъ „Дома Литераторовъ“, посвященныхъ памяти двухъ великихъ русскихъ творцовъ. Открываетъ сборникъ „декларація (о) ежегодномъ всероссійскомъ чествованіи памяти Пушкина въ день его смерти“, подписанная различными „учрежденіями и организаціями“, въ томъ числѣ „союзомъ пролетарскихъ писателей“ и „цехомъ поэтовъ“. Весьма характеренъ подходъ къ оцѣнкѣ творчества и историческаго значенія Пушкина, которою авторы декларации стараются обосновать „чувство благоговѣнія“ передъ Пушкинымъ — „для всякаго культурнаго русскаго человѣка Пушкинъ прежде всего — символъ общественно-историческаго значенія литературы, а судьба его — прижизненная и посмертная — неповторимый примѣръ могущества пера“.*) За этимъ слѣдуетъ неизбѣжная цитата изъ „Памятника“. Такъ снова творчество духовное, строительство культуры вдвигается въ узкія и тѣснящія рамки общественности: почему, становится понятно изъ пристальнаго вдумыванія во всю идеологію сборника — жизни, стихійно-текущей и замкнутой въ своей самодовлѣющей закономѣрности, противопоставляется только „чи-

*) Мнѣ чуется въ этихъ словахъ преимущественно новая политическая „эзоповщина“, одно изъ непререкаемыхъ „завоеваній революціи“.

П. С.

сто-художественная“ цѣнность поэтическаго созерцанія; о творческихъ идеалахъ, которые были бы заданіемъ превозмогающей стихіи воли, которые бы обновляли жизнь свободно избираемыми цѣнностями, здѣсь не говорится. Наиболѣе характерна въ этомъ отношеніи рѣчь Ал. Блока „О назначеніи поэта“, — ея тезисы отчасти уже извѣстны изъ другихъ недавно опубликованныхъ прозаическихъ опытовъ Блока за послѣдніе годы. Блокъ созерцаетъ міръ и природу существенно натуралистически — „міровая жизнь состоитъ въ непрестанномъ созиданіи новыхъ видовъ, новыхъ породъ“, говоритъ онъ; міръ — творящій хаосъ, изъ котораго неудержимо рождается „космосъ“ и „гармонія“, рождается и гибнетъ. Мы — только сторонніе наблюдатели возникновеній и крушеній, увлекаемые потокомъ жизни — „участіе наше — большей частью бездѣятельно“, мы пассивно „способствуемъ образованію новыхъ породъ“... Здѣсь нѣтъ мѣста творчеству, и понятно, что и поэтъ оказывается для Блока не творцомъ, а какъ бы толкователемъ наличнаго и даннаго. „Три дѣла возложены на него: во-первыхъ, освободить звуки изъ родной безначальной стихіи, въ которой они пребываютъ; во-вторыхъ, — привести эти звуки въ гармонію, дать имъ форму; въ третьихъ — внести эту гармонію во внѣшній міръ“; активность послѣдняго „дѣла“ — мнима, — „похищенные у стихіи и приведенные въ гармонію звуки, внесенные въ міръ“, говоритъ Блокъ, „сами начинаютъ творить свое дѣло“. Гармонія подслушивается, — улавливается чуткимъ слухомъ „на бездонныхъ глубинахъ духа, гдѣ человѣкъ перестаетъ быть человѣкомъ“; тамъ „катятся звуковыя волны, подобныя волнамъ эфира, объемлющимъ вселенную; тамъ идутъ ритмическія колебанія“... „Творитъ“ поэтъ лишь въ области словесной формы, въ области „мастерства“, какъ выражается самъ Блокъ; новаго въ міръ онъ ничего не вноситъ. Его свобода — свобода только отъ „черни“, отъ сложности внѣшней жизни, — и нужна она для того, чтобы проникнуть въ стихійныя нѣдра безличнаго созиданія, гдѣ растворяется въ неизбывныхъ переходахъ всякая индивидуальность. — Съ такимъ міроощущеніемъ нельзя выйти за зачарованныя рамки „даннаго“ и преодолѣть бѣгъ временъ.

Въ пониманіе пушкинскаго творчества три посвященныя этой темѣ статьи (В. Ходасевича, Колеблемый треножникъ; А. Ф. Кони, Общественные взгляды Пушкина; Б. Эйхенбаума, Проблемы поэтики Пушкина) вносятъ не много. Ходасевичъ ставитъ интересный вопросъ объ отношеніи между Пушкинымъ и современностью, но не рѣшаетъ его и даже не намѣчаетъ пути къ рѣшенію: нельзя его рѣшить, не осознавши своего самосозидаемаго лица, — однимъ исканіемъ внѣшне-слагающагося „лика“ современности. Кони со своею обычной манерою „гуманиста“-эстета выдѣляетъ у Пушкина мотивы гражданской скорби и милости къ падшимъ. Эйхенбаумъ сообщаетъ рядъ стилистическихъ наблюденій надъ пушкинскимъ стихомъ и ритмикою его прозы, — кромѣ стиля для него въ „искусствѣ“ Пушкина нѣтъ ничего. — Все это въ качествѣ деталей какой-то углубленной работы надъ осознаніемъ Пушкина, какъ русскаго генія, безспорно было бы интересно. Но этой работы еще нѣтъ, и тогда такого рода „александрійскія“ изысканія безплодны и ни къ чему. „Душа“ Пушкина не можетъ быть уловлена иначе, какъ напряженною думой надъ „загадками мірозданья“, тревожившими ее — и только въ свѣтѣ общей „философской“ интиуціи великаго поэта могутъ быть поняты его „общественные“ взгляды, разгадано его художественное мастерство и найдено ему мѣсто въ тревожномъ сознаніи современности.

Отдѣлъ сборника о Достоевскомъ представленъ въ сущности одною статьей А. Г. Горнфельда — „Два сорокалѣтія“ (имѣются въ виду сорокалѣтія прижизненной критики и посмертнаго изученія); — очеркъ А. Ремизова — „Огненная Россія“, написанный съ несомнѣннымъ эмоціональнымъ подъемомъ, насыщенный чувствомъ рождающейся жизни, для пониманія Достоевскаго не даетъ ничего. — Горнфельдъ производитъ очень тонко-выполненное обозрѣніе „критической литературы“ о Достоевскомъ, — такого очерка мы до сихъ поръ не имѣли. Очень ярко выступаетъ передъ нами

картина сплошного непониманія Достоевскаго его современниками, тщетно вдвигавшими его въ рамки бытописанія и психопатологическаго анализа: ни „таланта", ни „міровоззрѣнія" его они просто не замѣчали. Удачно изображается дальнѣйшее возникновеніе и наростаніе пониманія и „вкуса" къ Достоевскому, связанное съ именами Влад. Соловьева, Михайловскаго и Розанова; однако, сопоставленіе этихъ именъ вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе. Можно-ли „Жестокій талантъ" назвать вслѣдъ за Горнфельдомъ „изслѣдованіемъ" творчества Достоевскаго и признать психологически-вѣрной, — хотя-бы и не исчерпывающей, — характеристику, данную Михайловскимъ Достоевскому, какъ человѣку и наблюдателю жизни? Какъ разъ „изслѣдованія" Соловьева, Розанова и шедшаго за ними Мережковскаго показываютъ всю неосновательность того внѣшняго и формальнаго опредѣленія, въ которомъ Михайловскій шелъ въ сущности за „критикой" 60 и 70-хъ годовъ: внѣ содержанія собственныхъ положительныхъ идеаловъ автора „Братьевъ Карамазовыхъ" „жестокость" его таланта и страдность его образовъ рѣшительно непонятна. — Непонятно отсутствіе въ обозрѣніи Горнфельда хотя-бы бѣглаго упоминанія о проникновенныхъ опытахъ истолкованія Достоевскаго, сдѣланныхъ Вяч. Ивановымъ давно уже на страницахъ „Русской Мысли", — они заслуживаютъ бо́льшаго вниманія, чѣмъ поминаемые въ текстѣ Вересаевъ и Переверзевъ. Врядъ-ли это случайно: Горнфельдъ правильно связываетъ развитіе взглядовъ на Достоевскаго съ общею эволюціей русскаго сознанія, но онъ не улавливаетъ подлиннаго, „содержательнаго" смысла этой эволюціи, — однимъ наростаніемъ „романтизма", вѣдь, она не исчерпывается... Ирраціонализмъ, интуитивизмъ, „религіозность" — все это только формальная поверхность; ядро совершавшагося въ истекшіе полвѣка сдвига интеллигентской мысли состоитъ изъ сплетенія національно-русской и церковно-православной идей... Достоевскій, какъ пророкъ раскрывающейся русской народной тайны, какъ проповѣдникъ назрѣвающаго православнаго „возрожденія", — вотъ образъ, угаданный уже Соловьевымъ, почти что очерченный Мережковскимъ... И съ этимъ полнокровнымъ и яркоцвѣтнымъ образомъ связана тяга русской мысли и русской воли къ Достоевскому. Понять этотъ узелъ совершающихся нынѣ возвратовъ къ нашему „прошлому", опять таки, можно единственно самому взойдя на путь исканія. — Пушкинъ и Достоевскій, — такъ они противоположны. Почему теперь идутъ ко второму, а не къ первому? Это сложная загадка, но не психологическая только, а идеологическая, — явленіе это связано съ самимъ содержаніемъ современныхъ вопросовъ.

Наше прошлое мы знаемъ плохо. Идейное наслѣдіе „отцовъ" мы изучили, поняли и восприняли плохо. Но путь плодотворнаго освоенія „преданій" ведетъ только черезъ творчество и исканіе новаго, а не чрезъ то „ученое" изслѣдованіе, примѣры котораго даютъ намъ опыты петербургскихъ „литераторовъ".

Прага Чешская, 21-III-1922.

Георгій В. Флоровскій.

Дополненіе къ замѣткѣ „Вѣхи“ и „Смѣна Вѣхъ“.

Въ № 3 (7) „Лѣтописи Дома Литераторовъ“ отъ 1 февраля 1922 г. помѣщена существенная поправка А. С. Изгоева къ изложенію его доклада, помѣщенному въ № 2 (5-6) той же „Лѣтописи“ и перепечатанному нами въ № 3 (Мартъ) Русской Мысли. Приводимъ эту поправку:

Въ своемъ заключительномъ словѣ я не могъ говорить, что „среди всѣхъ абсолютныхъ цѣнностей одна изъ самыхъ великихъ цѣнностей должна быть Россія“.

Абсолютную цѣнность я знаю только одну. Это — во всемъ его многообразіи — то, что люди называютъ Богомъ. Все остальное — внѣшній міръ, постепенно познаваемый и даже преобразуемый человѣкомъ. Что касается Россіи, то я говорилъ, что она для насъ не географическое понятіе, не механическое сцѣпленіе земель и народовъ, а живой образъ, всякое покушеніе на который больно ранитъ наше сердце.

Поправка.

Въ статьѣ моей „Россія“ въ мартовской книжкѣ надлежитъ исправить слѣдующія опечатки:

Страница	*Строка*	*напечатано*	*слѣдуетъ читать*
109	22 сверху	выработался	выработалъ
114	14 снизу	Льву Толстому	Льва Толстого

Петръ Струве.

Изданіе О-ва „И. Отто“ въ Прагѣ. — Société J. Otto, Éditeur à Prague.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. БѢГСТВО. (Повѣсть въ трехъ частяхъ). ч. II гл. V—IX. *Продолженіе.* — **Ивана Бѣленихина** 3
2. СТИХОТВОРЕНІЯ. — **Леонида Чацкаго** 31
3. ЦАРЬ БЕРЕНДѢЙ. Таёжная побывальщина. — **С. Р. Минцлова** 33
4. ПИСЬМО. Стихотвореніе. — **Вл. Холодковскаго** . . 63
5. ДНИ. *Продолженіе.* — **В. Шульгина** 65
6. ВЪ СТАРОМЪ ПАРКѢ. Стихотвореніе. — **В. Саянова** 90
7. ПѢСНИ ЮЖНЫХЪ СЛАВЯНЪ. — **В. Н. Нечитайлова** 91
8. ЦЕРКОВЬ И РЕВОЛЮЦІЯ. — Протопресвит. **Георгія Шавельскаго** 102
9. ОПЫТЫ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПУШКИНСКАГО ТВОРЧЕСТВА. I. — **П. Бицилли** 117
10. ВЪ МІРѢ ИСКАНІЙ И БЛУЖДАНІЙ. I. Знаменательный споръ. II. Соблазнъ прекраснодушія. — **Георгія В. Флоровскаго** 129
11. ПРОБЛЕМА ИНДЕТЕРМИНИЗМА ВЪ СВѢТѢ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ФИЗИКИ. **А. Чупрова** 147
12. СОВѢТСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ РОССІИ. — **Алекс. Билимовича** 156
13. „ГЕНУЯ — ЕВРОПА — РОССІЯ“. — **К. П. Крамаржа** 172
14. ПИСЬМО РЕДАКТОРУ „РУССКОЙ МЫСЛИ“. — **И. О. Левина** 188
15. ПАМЯТИ ВЛАДИМІРА ДМИТРІЕВИЧА НАБОКОВА. I. **Петра Струве.** II. **П. Новгородцева** 192
16. ПОЛИТИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ. I Дѣла русскія. II Дѣла иностранныя. — **С. С. Ольденбурга** 197
17. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ. 1. Академикъ С. Ѳ. Платоновъ. Борисъ Годуновъ. — **Петра Струве**. 2. Henri Berr. L'histoire traditionnelle et la synthèse historique. — **Петра Струве**. 3. Georges Danos. L'idée de l'autarchie économique et les statistiques du commerce extérieur. — **Петра Струве**. 4. Домъ Литераторовъ. Пушкинъ—Достоевскій. — **Г. В. Флоровскаго** 216
18. ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ЗАМѢТКѢ „ВѢХИ“ И „СМѢНА ВѢХЪ“ 224

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

Органъ Русской Освободительной Національно-Государственной Мысли.

НОВАЯ РУССКАЯ ЖИЗНЬ.

Выходитъ въ Гельсингфорсѣ (Финляндія)

при ближайшемъ участіи проф. Д. Д. Гримма и проф. А. В. Карташева. Постоянные сотрудники газеты: А. В. Амфитеатровъ, Діонео, В. А. Кадашевъ, А. И. Купринъ, Г. А. Ландау, С. С. Ольденбургъ, П. Б. Струве, проф. Н. С. Тимашевъ, М. К. Первухинъ, Потресовъ-Яблоновскій и др.

Редакторъ Ю. А. Григорковъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1922-й ГОДЪ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ФИНЛЯНДІИ. **Гельсингфорсъ,** Елизаветинская 29, кв. 2 (Elisabetsgatan 29, lok. 2). **Выборгъ,** Viipurin Paperi- ja Kirjakauppa O. Y. Katariinankatu 23, Русскій кн. маг. А. Иванкова, Екатеринин. 8. **Келломяки,** А. Рейхе, М. Морозовъ. **Перкъярви,** В. Клейнъ. **Вильманстрандъ,** М. Тазихинъ. **Теріоки,** Р. Клейнъ — **и во всѣхъ почтовыхъ конторахъ страны.**

ВО ФРАНЦІИ. Paris XVI. 1, Jacques Offenbach, M-me Kirilin; Agence internationale de journaux Frères Gorbaty, 16, rue St. Cecile; 13 Rue Bonaparte, J. Povolzky & C-ie, и др.

ВЪ ИТАЛІИ. Roma, Libreria Russa »Slovo« 18, plazzo del Popolo.

ВЪ ШВЕЦІИ. Stockholm, Svenska Pressbyrän, Drottningsgatan 30.

ВЪ НОРВЕГІИ. Kristiania, Kioskkompaniet, Stortingsgade 20.

ВЪ ДАНІИ. Kjøhenhavn, Tourist-kiosken, Hotel d'Anglettere Kangens Nystrov; B. F:s Boghandel, Raadhuspladsen 55, B.

ВЪ ГЕРМАНІИ. Berlin, Scharlottenburg, Buchhandlung »Rodina«, Kantstr. 24. Eingang Bleiftreustr.; Berlin, Russische Buchhandlung Heinrich Sachs, Wilhelmstrasse 20, и др.

ВЪ АНГЛІИ. London, W. C. I. The Russian Book Store 18, Bury Street.

ВЪ БЕЛЬГІИ. Esneux, Liège, Edition Nouveautés de la Littérature Etrangère.

ВЪ ЧЕХОСЛОВАКІИ. Praha II, Kateřinská 40, »Naša Rječ«.

ВЪ ДАНЦИГѢ. Flaschergasse 7, Forum.

ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ. 451, Grand rue de Péra, 451 M. Chacaille & O. Tsigoian.

ВЪ АМЕРИКѢ. New-York, N. Y. Ill. East 4 th. Street, A. R. Bogin.

ВЪ ЭСТОНІИ. Reval, Rana 5, krt. 3, Lolly Lvoff.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА въ Финляндіи повсемѣстно съ доставкой и пересылкой 12 мар. въ мѣс. Во Франціи и Бельгіи 7 фр., Голландіи 2 фл., Даніи, Норвегіи и Швеціи 3 кр., Англіи 4 шил., Германіи и Австріи 25 герм. мар., Италіи 10 лиръ, Америкѣ ½ дол., Швейцаріи 4 фр., въ другихъ странахъ 15 фин. мар., которыя можно высылать иностранной в лютой. Отдѣльные №№ въ Финляндіи: въ Гельсингфорсѣ 50 пенни, въ провинціи и въ желѣзнодорожныхъ кіоскахъ 75 пенни, з. границей 75 пенни.

Адресъ редакціи и конторы: Helsingfors, Elisabetsgat. 29 Finland.

ИЗДАТЕЛЬСТВО РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ ВЪ БЕРЛИНѢ ЕВГЕНІЯ АЛЕКС. ГУТНОВА.

Второй годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1922 ГОДЪ

НА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВ. И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

»СПОЛОХИ«

РЕДАКТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ДРОЗДОВЪ. ИЗДАТЕЛЬ ЕВГЕНІЙ АЛЕКС. ГУТНОВЪ.

Подписка принимается во всѣхъ почт. отдѣленіяхъ Германіи, а также непосредственно въ издательствѣ. Подписная цѣна въ Германіи и странахъ съ низкой валютой: на ¼ года (3 номера) 50·— герм. м., на ½ года (6 ном.) 100·— г. м., на 1 годъ (12 ном.) 200·— г. м. Цѣна отдѣльнаго номера 20·— герм. марокъ. Въ Западной Европѣ, въ Америкѣ и Азіи другія цѣны. Объявленія: Въ одномъ номерѣ журнала: 1 стр. 1200·— м., ½ стр. 700·— м., ¼ стр. 400·— м., въ Зап. Европѣ на 100%, въ Америкѣ и Азіи на 200% доро. е. Деньги можно переводить черезъ любой банкъ.

Адресъ редакціи, пріема подписки и объявленій:

Eugen Gutnoff, Buchdruckerei u. Verlag Berlin S 14. Dresdner Str. 82-83

На 1922 год

Ежедневная общественно-полит. и торговопромышленная газета

ШАНХАЙСКАЯ ЖИЗНЬ

издающаяся в г. Шанхаѣ.

В газетѣ принимают участіе: А. Ф. Агарев, А. Н. Байдужный, М. И. Барановскій, Іона Вочревѣсущій, М. Л. Гутман, В. Костенко, Л. Г. Кауфман. В. Ф. Классинг, С. Д. Мельниченко, Н. К. Новицкій, Обозрѣватель, Павлов, В Подгурскій (худ.), Гр. Ф. Семеш о, А. Е. Толин, Тор (худ.), К. Х. и другіе.

В крупных центрахъ Россіи, Китая, Японіи и Америки — собственные корреспонденты.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на мѣсяц 2 дол. 50 с.

КОНТОРА И РЕДАКЦІЯ ПОМѢЩАЮТСЯ В ДОМѢ № 12 BOONE ROAD Shanghai.

Редактор: Редакціонный коллектив. Издатель: Издательство „Шанхайская Жизнь"

Ежедневная литератур. общественно-политическая и экономическая газета

Вольная Литва

Органъ независимой демократическ. мысли.

Подписная цѣна заграницей с пересылкой на 1 мѣс. — 80 нѣм. м., на 3 мѣс. — 230 м. и на 6 мѣс. 400 м.

Адресъ редакціи и конторы:

Ковно, Laisvės Aléja 35.

Редакторъ-Издатель І. Я. ВОРОНКО.

Открыта подписка на 1922 г. на общественно-политическую и литератур. газету

СВОБОДНАЯ РѢЧЬ

Газета выходитъ: по вторник., четверг. и суббот. **При участіи:** Г. В. Алексѣева, Б. Г. Валленбургера, А. Н. Грабаря, проф. Э. Д. Гримма, проф. В. В. Завьялова, И. С. Лукаша, К. В. Мочульскаго, И. П. Нилова, К. К. Парчевскаго, М. И. Печковскаго, Ю. К. Рапопорта, проф. А. П. Рождественскаго, В. И. Снегирева, К. Н. Соколова, Ф. В. Татаринова, Е. Н. Чирикова, протопресв. Г. И. Шавельскаго, В. В. Шульгина и П. М. Ярцева. Подписная цѣна: въ Болгаріи: 1 м. — 24 л., на 3 м. — 60 л. и на 6 м. — 110 л. Заграницей: на 1 м. 3 фр. фр., на 3 м. 8 фр. фр. и на 6 м. 15 фр. фр. Подписка принимается съ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца.

Адресъ редакціи: Софія, Бул. Дондуковъ No. 40.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ БОЛЬШОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ

при ближайшемъ участіи:

Н. Д. АВКСЕНТЬЕВА, И. И. БУНАКОВА, М. В. ВИШНЯКА, А. И. ГУКОВСКАГО и В. В. РУДНЕВА.

*

Адресъ редакціи:

9 bis, rue Vineuse Paris (XVIe)

Téléphone: PASSY 89-61.

*

Подписка, продажа и пріемъ объявленій въ книжномъ магазинѣ

J. POVOLOZKY

13, rue Bonaparte, Paris (VIe).

Téléphone: GOBELINS 53-62

*

Подписная цѣна на каждые 3 мѣсяца: во Франціи 30 фр., въ другихъ странахъ 33 фр. Цѣна отдѣльного номера журнала 10 фр., съ пересылк. заказн. бандеролью 11 фр.

Принимается подписка на 1922 год на еженедельник

»ВОЛЯ РОССИИ«

под ред. В. И. Лебедева, М. Л. Слонима и В. В. Сухомлина.

Условия подписки:

На 1 мес. в Чехословакии, Австрии, Окраинных государств, в Румынии, Турции, Палестине — 20 чеш. крон, в Германии — 45 мар., в Скандинавских стран. — 2 шв. кр., во Франции и Бельгии — 5 фр., в Соединенных Штатах ½ дол., в Англии — 2 шил., Швейцарии — 2 фр. 40 с., в Италии — 10 лир.

Адрес конторы и редакции:

VOLJA ROSSII

UHELNÝ TRH 1, PRAGUE

Tchécoslovaquie.

Голосъ Эмигранта

двухнедѣльный журналъ посвященный защитѣ культурныхъ, правовыхъ и экономическихъ интересовъ русской эмиграціи

Пріемъ подписки и объявленій на означенныя изданія въ конторѣ издательства Г. М. Бейленсона

Berlin W. 50, Pragerstr. 14.

Цѣна отд. ном. 3 м., для странъ съ высокой валютой 5 марокъ.

„РУССКАЯ СИЛА"

ДЕМОКРАТИЧЕСКІЙ ОРГАНЪ РУССКОЙ ЭМИГРАЦІИ

посвященный вопросамъ практическ. работы русск. силъ за-границей, при ближ. участіи кружка „РУССКАЯ СИЛА" и Н. Н. Иванова.

При каждомъ номерѣ иллюстрированное приложеніе. Выход. въ концѣ каждой недѣли въ Берлинѣ.

Редакція и контора:

BERLIN W 62, WORMSERSTR. 6a III
(am Wittenbergpl.)

Цѣна номера въ Германіи съ иллюстр. прилож. 3 марки, въ Берлинѣ 2 марки.

ГАЗЕТА

„Новый Путь"

Выходитъ ежедневно.

Редакція и контора:

Романовская, 14, кв. 7 :: РИГА.

Подписная цѣна:

въ мѣсяцъ 125 р., въ Бельгіи и Франціи 10 фр., Англіи 4 шил., Америки ½ дол.

Открыта подписка на 1922 г. на газету

НОВОЕ ВРЕМЯ

Редакторъ-Издатель М. А. СУВОРИНЪ.
Газета выходитъ ежеднев., исключая послѣпразд. дни.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.
Въ Чехословакіи (въ чешск. крон.) . . .	30 ч. кр.	85 ч. кр.	160 ч. кр.
Въ Германіи, Австріи, Венгріи и Польшѣ (въ герм. мар.) . .	50 мар.	145 мар.	280 мар.
Въ Болгаріи (въ левахъ)	40 л.	115 л.	220 л.
Во Франціи, Англіи и друг. странахъ (во франкахъ)	10 фр.	28 фр.	50 фр.

Пріемъ подп. и объявл. произв. въ главной конторѣ »Новаго Времени«, Београд, Кр. Натазіја ул., 21 и во всѣхъ агентствахъ газеты.

Товарищество Издательства

Свободная Россія

ВЛАДИВОСТОК, Пушкинская с. д. 28

Отдѣл издательскій:

Ежедневная демократич. газета

ГОЛОС РОДИНЫ

в мѣс. 4 р. 50 к., с перес. 6 р. зол.

Еженедѣльная безпарт. демокр.

Крестьянская Газета

в мѣсяц с перес. 50 копѣек зол.

Библіотека Свободной Россіи (Изящная, научная и учебная литература). Каталоги высылаются безплатно. — Стѣнные и отрывные Календари.

Отдѣл графических искусств:

ЛИНОТИПО-ТИПОГРАФІЯ.
ФОТО-ЦИНКО-ЛИТОГРАФІЯ.
СТЕРЕОТИПНАЯ.
ШТЕМПЕЛЬНАЯ.
ЛИНОВАЛЬНО-ПЕРЕПЛЕТНАЯ.

Отдѣл торговый:

Книжн. магазин Голоса Родины с отдѣлом писчебумажных и канцелярских принадлежностей и пишущих машин.

Принимается подписка на русскую газету

»НОВЫЙ МІРЪ«

Цѣна подписки:

На годъ — 6 пезо; полъ года 3·50 и 3 мѣсяца — 2 пезо.

Деньги могутъ посылаться переводами, чеками и марками по слѣдующему адресу:

Semanario „Nuevo Mundo"
Buyacà 619 — Buenos Aires.

РУССКІЙ ГОЛОС

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА.
Г. ХАРБИН.

*

Подписка и объявленія: принимаются в Новом Харбинѣ в конторѣ газеты (Московскіе ряды, № 10).

»ЗЕМЛЕДѢЛІЕ«

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ОБЩЕСТВЕННОЙ АГРОНОМІИ, ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ
КООПЕРАЦІИ И АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ.

Подъ редакціей:

И. В. ЕМЕЛЬЯНОВА, С. В. МАРАКУЕВА
И ПРОФ. Г. К. ШИНДЛЕРА.

Вышелъ (двойной) № 3—4.

Содержаніе: С. В. МАРАКУЕВЪ: О возстановленіи народнаго хозяйства въ Россіи. Н. МАЛИЦКІЙ: Кооперація въ Болгаріи. Проф. АНЦЫФЕРОВЪ: † А. Н. Балакшинъ. Проф. МАКЛЕЦОВЪ: Аграрная реформа въ Югославіи. А. С. РОМАНОВСКІЙ-РОМАНЬКО: Орошеніе Туркестана. Н. С. ВОРОБЬЕВЪ: Медово-фруктовое виноделіе. К. В. ГРЕГРЪ: Кооперація въ Чехословакіи. ЗЕМСКІЙ АГРОНОМЪ: О направленіяхъ и методахъ общественно-агрономической работы. И. В. ЕМЕЛЬЯНОВЪ: Голосъ изъ могилы. ХРОНИКА. БИБЛІОГРАФІЯ.

Условія подписки: На годъ съ I сент. по I сент. — 180 Кч, въ Америкѣ — 4 долл. 80 цент. Цѣна отдѣльнаго номера: 15 Кч или 40 центовъ. Выписывающіе изъ конторы за пересылку не платятъ. Цѣна объявленій по соглашенію.

Адресъ: ПРАГА-СМИХОВЪ, Пшемыслова 16.

СЛАВЯНСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

Адресъ по чешски: PRAHA XI (SMÍCHOV), Přemyslova 16.

Вышелъ и поступилъ въ продажу второй номеръ ежемѣсячнаго критико-библіографическаго журнала

НОВАЯ РУССКАЯ КНИГА

подъ редакціей проф. А. С. Ященко. Издательство И. П. Ладыжникова.

Содержаніе: Статьи Бориса Пильняка „Нашъ заказъ", Георгія Лукомскаго „Итоги и задачи русской художественной дѣятельности за границей", Давида Бурлюка „Литература и художество въ Сибири и на Дальнемъ Востокѣ" (1919—1922), Ю. Геккера „По книжнымъ лавкамъ Москвы" и др. — Рецензіи. — Книгоиздательская хроника. — Судьба и работы писателей. — Писатели о себѣ. — Пресса. — Книжная лѣтопись.

Цѣна номера 25 марокъ. Для странъ съ высокой валютой цѣна повышается на 100%.

Адресъ редакціи: Berlin W. 50, Augsburger Straße 33.
Адресъ конторы: Berlin W. 50, Rankestraße 33.

Ежедневная политическая, литературная и обществен. газета въ Варшавѣ

„ЗА СВОБОДУ"

Девизъ:
„ЗА РОДИНУ И СВОБОДУ".

Условія подписки:

Въ Польшѣ въ мѣсяцъ — 830 м. польск. За границу — 900 м. польск. Цѣна отдѣльнаго No. — 30 мар. польскихъ.

Адресъ редакціи и конторы:
Варшава, Новый Свѣтъ 22, кв. 47.

Открыта подписка на 1922 г.
на большую ежедневную газету

„Послѣднія Новости"

выходящую въ Парижѣ подъ редакціей **П. Н. Милюкова.**

Собственные корреспонденты во всѣхъ европейскихъ столицахъ и во всѣхъ центрахъ русской эмиграціи.

Обширная информация изъ жизни Советск. Россіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	12 мѣс.
Во Франціи . .	10 фр.	27 фр.	50 фр.	95 фр.
За границей . .	12 фр.	33 фр.	60 фр.	110 фр.

Адресъ конторы и редакціи: 5, rue de Gobelins, Paris XIII. Телефонъ: Gobelins 22—94.

Представители „Русской Мысли“ за границей:

Для Франціи, Англіи, Италіи и Швейцаріи: Société de Presse, de Publicité & d'Editions, Paris (8e), 22 rue d'Anjou.
Для Германіи, Польши, Литвы и Эстоніи: Russischer Universal Verlag G. M. B. H., Berlin W 62, Lutherstrasse 29.
Для Константинополя: Dépôt central de l'Union des Villes russes, Constantinople, Grand' rue de Péra, 388/8.
Для Америки: G. A. Malishevsky, New York, 144—23 Str. Elmhurst N. I.
Для Бельгіи: Librairie Franco-Russe, S. Feldman, Bruxelles, Avenue Louise 112.
Для Латвіи: A. Valters, J. Rapa & Co, Riga, Boite Postale № 130. Riga, Lettonie.
Для Румыніи и Бессарабіи: A. Skomorovsky, Verlag „Kniga“, Kischineff.
Для Сербіи: SHS. Belgrade, книж. магазинъ. Свеслов. книж. М. И. Стефановичъ & Ко., 36, ул. Поенкарева.
Для Болгаріи: „Россійско-Болгарское книгоизд во“, Софійскій Банкъ. Sophia, Bulgarie.
Въ Вѣнѣ: Russische Buchhandlung Jacub Persky, Wien VII, Mechitharisteng. 4.
Въ Данцигѣ: Verlag „Vek Kultury“, Danzig, Promenade 6.
Въ Финляндіи: „Novaïa Ruskaïa Žizn“, Helsingfors, Elisabetsgatan, 29.
Во Владивостокѣ: „Golos Rodiny“, Vladivostok, Svetlanskaïa, 37.

Рекомендуемъ всѣмъ изучающимъ чешскій языкъ!

РУССКІЕ КЛАССИКИ НА ЧЕШСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

RUSKÁ KNIHOVNA.

До сихъ поръ вышло 80 томовъ.
Изданіе „**И. Отто**“ въ Прагѣ, Karlovo nám. 34—35.
Спрашивайте во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Чехословакіи.

На чешскомъ языкѣ

РУССКІЙ КРИЗИСЪ. RUSKA KRISE

Napsal Dr. Karel Kramář.

(Большой in 8°) 585 страницъ. Цѣна Kč. 88·—.
Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Чехословакіи.

Библіографическая рѣдкость:

Историческая драма въ 5 дѣйствіяхъ, изъ событій 1848 года, въ свое время запрещенная русской цензурой, и главная роль которой отведена великому чешскому писателю-поэту Карлу Гавличку Боровскому.

Д. Л. Мордовцева

ПРАЖСКІЙ ПОГРОМЪ

Изданіе второе Типографіи Э. П. Гейстлиха въ Прагѣ, съ предисловіемъ профессора В. А. Францева.

Цѣна Kč 30·—.

Цѣна нумерован. экземпляровъ на роскошной бумагѣ Kč **50.**

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Чехословакіи.

Главный складъ у Т-ва „И. Отто“ въ Прагѣ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРЕМЛЬ“ ВЪ ПРАГѢ.

J. OTTO, Éditeur. Prague, Karlovo nám. č. 34. (Tchécoslovaquie).

Отдѣленія Из-ва: въ Вѣнѣ: I. Gluckgasse 3, Wien; въ Братиславѣ: Bratislava, Laurinská ul. 8; въ Константинополѣ: Dépôt central de l'Union des Villes russes, Constantinople, Grand' rue de Péra 388/8.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ:

Для Франціи: J. Povolozky & Cie, Éditeurs, Paris, 13, rue Bonaparte.
Для Германіи: Russ. Buchhandlung „Heinrich Sachs“, Berlin SW, Wilhelmstr. 20.
Для Америки: A. G. Malishevsky. New York. 144—23 Str. Elmhurst N. I.
Для Англіи: Русскій книж. магазинъ. N. Makaroff, 18, Bury St., London, W. C. 1.
Для Бельгіи: Librairie Franco-Russe, S. Feldman, Bruxelles, Avenue Louise, 112.
Для Литвы: M. Z. Lwovič. Lithuanie, Kovno, Loisves aleja, 68.
Для Латвіи: A. Valter, J. Rapa & Co. Riga, Boite Postale Nr. 158. Riga, Lettonie.
Для Румыніи и Бессарабіи: „K. Schechter & Fii“, Chişinău, Roumanie.
Для Сербіи: SHS. Belgrade, книж. магазинъ „Руска Мисао“, Поенкаревя ул. 20.
Для Болгаріи: „Росс.-Болгарское книгоизд-во“, Софійскій Банкъ. Sophia, Bulgarie.
Въ Вѣнѣ: Russische Buchhandlung „Jacub Persky“, Wien VII, Mechitharisteng. 4.
Въ Данцигѣ: Verlag »Vek Kultury«, Danzig, Promenade 6.

УЧЕБНИКИ ДЛЯ РУССКИХЪ ШКОЛЪ:

„НОВАЯ НАРОДНАЯ ШКОЛА.“ Первая послѣ букваря книга. (Съ иллюстр.) . . . . . кр. ч. 24·—

»COURS PRATIQUE DE LANGUE FRANÇAISE«, Méthode Chancel et Glaeser.
Pour la 1—2me année 1-я ч. . . . . 24·—
Pour la 3—4me année 2-я ч. . . . . 24·—

François Coppée: »CONTES CHOISIS«. Со словаремъ и объясненіями. — Для чтенія, школъ и самообразованія . . . . . 18·—

Большой ФРАНЦУЗСКО-РУССКІЙ СЛОВАРЬ.
DICTIONNAIRE FRANÇAIS RUSSE. Par A. Elaguine, Prof. **Совершенно новое изданіе** по Макарову и Larousse, съ обновл. техн. терминол. 900 стр. (paraîtra prochainement).

СЛОВАРИ изданія J. Otto:
Словарь чешско-французскій. Prof. Dr. J. Herzer. 705 страницъ мал. разм., въ перепл. . . . . 45·—
Словарь французско-чешскій. Prof. Dr. J. Herzer. 600 страницъ мал. разм., въ перепл. . . . . 40·—
Русско-чешскій словарь. Б. Морковинъ. 775 стр. мал. размѣра 77·—
Словарь Чешско-нѣмецкій и Нѣмецко-чешскій. Въ перепл. . . 24·—
Имѣются также большіе **словари англ., франц. и нѣмецко-чешскіе.**

ИЗБРАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

I. Серія. **Для старшаго возраста.**

Л. Н. Толстой, А. С. Пушкинъ, В. Г. Короленко, А. Чеховъ, Скиталецъ, Н. В. Гоголь, И. С. Тургеневъ.

II. Серія. **Для средняго возраста.**

Л. Н. Толстой, Ѳ. М. Достоевскій, А. П. Чеховъ, М. Н. Богдановъ, Д. В. Григоровичъ, В. М. Гаршинъ, В. И. Немировичъ Данченко, И. А. Крыловъ, В. Д. Сиповскій, И. С. Тургеневъ, С. Т. Аксаковъ, Н. В. Гоголь.

Сборникъ стихотвореній Извѣстныхъ русскихъ поэтовъ (Антологія.) 505 стр. . . . . кр. ч. 40·—
Л. Н. Толстой: „Воскресеніе“. Полное изданіе . . . . . 36·—

J. OTTO, ÉDITEUR. PRAGUE, TCHÉCOSLOVAQUIE.

„Русская Мысль“ основана въ Москвѣ въ 1880 г. *С. А. Юрьевымъ*, продолжателемъ котораго были *В. М. Лавровъ* и *В. А. Гольцевъ*. Съ 1907 по 1911 г. она выходила подъ редакціей *А. А. Кизеветтера* и *П. Б. Струве*, а съ 1911 по 1918 г. — одного *П. Б. Струве*.

„Русская Мысль“, нынѣ издаваемая заграницей, въ условіяхъ полнаго упраздненія въ Россіи свободы слова и книгопечатанія, будетъ осуществлять ту же задачу, которой она служила всегда: **быть органомъ свободной русской національной мысли, политической и культурной.** Имя ея редактора, который былъ единственнымъ отвѣтственнымъ руководителемъ журнала въ послѣдніе восемь лѣтъ его существованія, достаточно опредѣляетъ характеръ возобновляемаго литературнаго предпріятія. **Оно попытается сплотить вокругъ себя всѣ живыя духовныя силы, преданныя идеалу органическаго національнаго возрожденія Россіи, ея государственности и культуры.**

Въ ближайшее время редакція можетъ расчитывать на сотрудничество слѣдующихъ лицъ: **Г. А. Алексинскаго, М. Арнаудова, Н. С. Арсеньева, Г. Аѳанасьева, кн. В. В. Барятинскаго, М. В. Бернацкаго, А. Д. Билимовича, П. М. Бицилли, А. Блоха, С. С. Бобчева, П. М. Богаевскаго, Б. Божнева, И. А. Бунина, И. Бѣленихина, Г. В. Вильямса, П. Г. Виноградова, кн. С. Волконскаго, Кн. С. А. Гагарина, В. Ф. Гефдинга, З. Н. Гиппіусъ, А. Н. Грабара, Г. Д. Гребенщикова, Д. Д. Гримма, Э. Д. Гримма, В. Х. Даватца, Г. Ѳ. Данаилова, С. С. Демосѳенова, Вл. Дитерихса, Н. В. Долинскаго, В. Б. Ельяшевича, Н. С. Жекулина, К. С. Зайцева, Б. П. Кадомцева, А. В. Карташева, Н. П. Кондакова, В. Костецкаго, К. Крамаржа, С. Кречетова, Н. К. Кульмана, А. И. Куприна, Б. А. Лазаревскаго, Г. Ландау, И. Лаппо, В. Лебедева, А. Г. Левенсона, И. О. Левина, В. М. Левитскаго, Е. Лопатиной, М. Лотъ-Бородиной, И. Лукаша, Л. Львова, Н. Н. Львова, С. Маковскаго, Д. С. Мережковскаго, С. Метальникова, С. Минцлова, Д. Михальчева, Н. Могилянскаго, К. В. Мочульскаго, М. Невзоровой, В. Нечитайлова, С. Никонова, Б. А. Никольскаго, Ю. А. Никольскаго, П. И. Новгородцева, бар. Б. Э. Нольде, Н. Н. Нордмана, кн. В. А. Оболенскаго, Ник. Окунева, С. С. Ольденбурга, П. А. Остроухова, Л. Олатовскаго, А. Погодина, М. Попруженко, В. Раевскаго, И. Радославова, З. Розовой, М. И. Ростовцева, П. Н. Савицкаго, И. Савченко, В. Свѣтлова, Ю. Ѳ. Семенова, В. Сирина, К. Н. Соколова, А. Соколовскаго, Е. Спекторскаго, Г. П. Струве, М. Струве, П. П. Сувчинскаго, И. Д. Сургучева, Ѳ. Тарановскаго, Ѳ. В. Татаринова, Н. С. Тимашева, гр. Ал. Н. Толстого, кн. Гр. Н. Трубецкого, кн. Н. С. Трубецкого, А. В. Тырковой, Г. В. Флоровскаго, Е. Холодковскаго, А. Цанкова, Л. Чацкаго, Н. Н. Чебышева, Е. Н. Чирикова, А. А. Чупрова, Г. И. Шавельскаго, В. В. Шульгина, П. Ярцева, Е. Яшнова, А. Ѳедорова.**

ЦѢНА настоящаго номера (мартъ), безъ пересылки: 28 к. ч.; 7 фр. фр.

Подписная цѣна сообщается немедленно по требованію. Справки въ конторѣ журнала: Prague, Karlovo nám. 3. **Тамъ же принимаются объявленія:**

Передъ текстомъ: за 1 стр. 800 Кч.; за 1/2 стр. 400 Кч.; за 1/4 стр. 250 Кч.
Позади текста: за 1 стр. 600 Кч.; за 1/2 стр. 300 Кч.; за 1/4 стр. 150 Кч.

Т-во „И. ОТТО“ въ Прагѣ, Чехословакія.

J. OTTO. Éditeur, Prague, Tchécoslovaquie.

Отвѣтственный редакторъ В. Червинка. — Типографія „Политика“, Прага.

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ОСНОВАНА ВЪ 1880 ГОДУ

МАЙ

ПРАГА
1922

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. ЛУННЫЙ ВОДОЕМЪ. Сонеты. — **Сергѣя Маковскаго** 3
2. БѢГСТВО. (Повѣсть въ трехъ частяхъ). Часть III. *Окончаніе.* — **Ивана Бѣленихина** 11
3. РУССКОЙ АРМІИ. Стихотвореніе. — **Алексѣя Гессена** 38
4. СТИХОТВОРЕНІЕ. — **Любови Столицы** 39
5. ЦАРЬ БЕРЕНДѢЙ. Таёжная побывальщина. Гл. VII—XI. *Продолженіе.* — **С. Р. Минцлова** 40
6. СТИХОТВОРЕНІЯ. — **П. Бринскаго** 67
7. О ДЕКАБРИСТАХЪ. По семейнымъ воспоминаніямъ. Гл. VII—X. *Продолженіе.* — **Князя Сергѣя Волконскаго** 68
8. СТИХОТВОРЕНІЕ. — **А. Соколовскаго** 97
9. МУСА. Разсказъ. — **А. Ѳедорова** 98
10. СТИХОТВОРЕНІЕ. — **Кн. Д. А. Шаховскаго** 113
11. ЦЕРКОВЬ И БОЛЬШЕВИЗМЪ. — **С.** 114
12. СОВѢТЫ И КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТІЯ. — **Н. С. Тимашева** 135
13. ТИХІЙ СВѢТЪ. Вершины актерскаго художества. — **П. Ярцева** 155
14. ТАМЪ И ЗДѢСЬ. — **А. Г.** 182
15. ПОЛИТИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ. I. Русскія дѣла. II. Генуэзская конференція. III. Дѣла иностранныя. — **С. С. Ольденбурга** 188
16. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ. 1. Б. Д. Бруцкусъ. Аграрный вопросъ и аграрная политика. — **К. Зайцева.** 2. Rosa Luxemburg. Die russische Revolution. — **С. С. Ольденбурга** 215
17. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію для отзыва 223

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Представители „Русской Мысли“ за границей:

Для Франціи, Англіи, Италіи и Швейцаріи: Société de Presse, de Publicité & d'Editions, Paris (8e), 22 rue d'Anjou.
Для Германіи, Польши, Литвы и Эстоніи и Латвіи: Russischer Universal Verlag G. M. B. H., Berlin W 62, Lutherstrasse 29.
Для Константинополя: Dépôt central de l'Union des Villes russes, Constantinople, Grand' rue de Péra, 388/8.
Для Америки: G. A. Malishevsky, New York, 144—23 Str. Elmhurst N. I.
Для Бельгіи: Librairie Franco-Russe, S. Feldman, Bruxelles, Avenue Louise 112.
Для Румыніи и Бессарабіи: A. Skomorovsky, Verlag „Kniga“, Kischineff.
Для Сербіи: SHS. Belgrade, книж. магазинъ. Свеслов. книж. М. И. Стефановичъ & Ко., 36, ул. Поенкарева.
Для Болгаріи: „Россійско-Болгарское книгоизд-во“, Софійскій Банкъ. Sophia, Bulgarie.
Въ Вѣнѣ: Russische Buchhandlung Jacub Persky, Wien VII, Mechitharisteng. 4.
Въ Данцигѣ: Verlag „Vek Kultury“, Danzig, Promenade 6.
Въ Финляндіи: „Novaïa Ruskaïa Žizn“, Helsingfors, Elisabetsgatan, 29.
Во Владивостокѣ: „Golos Rodiny“, Vladivostok, Svetlanskaïa, 37.

Рекомендуемъ всѣмъ изучающимъ чешскій языкъ!

РУССКІЕ КЛАССИКИ НА ЧЕШСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

RUSKÁ KNIHOVNA.

До сихъ поръ вышло 80 томовъ.
Изданіе „**И. Отто**“ въ Прагѣ, Karlovo nám. 34—35.
Спрашивайте во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Чехословакіи.

На чешскомъ языкѣ

РУССКІЙ КРИЗИСЪ. RUSKA KRISE

Napsal Dr. Karel Kramář.

(Большой in 8°) 585 страницъ. Цѣна Kč. 88·—.
Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Чехословакіи.

Библіографическая рѣдкость:

Историческая драма въ 5 дѣйствіяхъ, изъ событій 1848 года, въ свое время запрещенная русской цензурой, и главная роль которой отведена великому чешскому писателю-поэту Карлу Гавличку Боровскому.

Д. Л. Мордовцева

ПРАЖСКІЙ ПОГРОМЪ

Изданіе второе Типографіи Э. П. Гейстлиха въ Прагѣ, съ предисловіемъ профессора В. А. Францева.

Цѣна Kč 30·—.

Цѣна нумерован. экземпляровъ на роскошной бумагѣ Kč **50.**

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Чехословакіи.
Главный складъ у Т-ва „И. Отто“ въ Прагѣ.

АКЦІОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

раньше

ЗАВОДЫ ШКОДА

(соединенные съ „Соединенными Машиностроительными Заводами, акціонерное общество, бывшіе Шкода, Рустонъ, Бромовскій и Ринггофферъ“).

Главное Управленіе:

ПРАГА-СМИХОВЪ

Чехословацкая республика.

Заводы въ Пильзенѣ, Доудлевцѣ, Нержанахъ, Градцѣ Королевы и Смиховѣ.

ВЫВОЗЪ ВО ВСѢ СТРАНЫ!

- Необработанныя, полуобработанныя и вполнѣ обработанныя части изъ стали и изъ сѣраго чугуна, поковки самыхъ большихъ размѣровъ и вѣса для всякаго рода промышленности, желѣзныхъ дорогъ, шахтъ, судоходства, равно какъ для сельскохозяйственныхъ надобностей.
- Отливки изъ всякаго рода металловъ и изъ электростали.
- Зубчатыя колеса („Цитроенъ“, „Маагъ“ и др.), рессоры всевозможныхъ видовъ и сортовъ, инструменты, наковальни и т. д.
- Желѣзныя конструкціи и краны для всевозмож. цѣлей.
- Паровые котлы разныхъ системъ.
- Локомотивы и тендеры для различныхъ ширинъ пути.
- Двигатели паровые, газовые и нефтяные разныхъ системъ и конструкцій, холодильн. и ледотворныя машины.
- Обрабатывающія машины, гидравлическіе прессы, паровые молоты, дробилки, компрессоры для воздуха, подвижныя автомобильныя мастерскія, тракторы, моторные и паровые плуги, бензинные локомобили и шоссейные катки.
- Сепараторы для молока „Либелла“. Типографскія машины и т. д., и т. д.
- Полное механическое оборудованіе заводовъ: сахарныхъ, рафинадныхъ, дистиллировочныхъ, мыловаренныхъ, пивоваренныхъ, сушиленъ, солодовенъ, холодильниковъ, ледниковъ, скотобоенъ, шахтъ, рудниковъ и желѣзопрокатныхъ заводовъ, верфей, арсеналовъ, равно какъ морскихъ судовъ и рѣчныхъ пароходовъ, электр. центральныхъ станцій и т. д. и т. д.

Проспекты и смѣты по требованію.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
ПЕТРА СТРУВЕ

КНИГА V.

ПРАГА
1922

Типографія „Политика“ въ Прагѣ.

Лунный водоемъ.

(Сонеты.)

I.

Огонь погасъ. И пусть — оставь заботу!
Пусть лунный лучъ туманитъ шелкъ гардинъ,
Узоръ ковра и старину картинъ,
И мебели сѣдую позолоту.

Такъ, день за днемъ, — о, сколько разъ, безъ счету, —
Сидѣлъ я здѣсь и вспоминалъ одинъ,
И тлѣющей золой мерцалъ каминъ
И наводилъ свою печаль-дремоту.

Донгъ-донгъ! Часы двѣнадцать бьютъ въ углу.
Гляжу сквозь сонъ на мертвую золу,
Сквозъ сонъ внимаю хриплому ихъ басу.
Звонъ, равнодушный звонъ къ добру и злу,
Что шепчешь ты таинственному часу?
Умолкъ... И дверь открылась на террасу.

II.

Блистала ночь. Полуувядшій садъ
Изнемогалъ въ серебролунныхъ дымахъ.
Эллизіумъ аллей неисчислимыхъ,
Осенній лабиринтъ сквозныхъ аркадъ!

Я долго шелъ вдоль миртовыхъ оградъ
И слушалъ плескъ фонтановъ еле-зримыхъ.
Вотъ и бассейнъ... На водахъ недвижимыхъ
Спятъ лебеди у бѣлыхъ баллюстрадъ.

Колдунья-ночь воздушной паутиной
Заткала все, и все казалось сномъ, —
Магноліи надъ сказочной руиной,
Скамьи и статуи богинь кружкомъ.
Искрясь алмазами, изъ пасти львиной
Стекали капли въ сонный водоемъ.

III.

Я наклонилъ лицо надъ водоемомъ.
Въ мои глаза взглянула глубина
Зеленой мглы. Огромная луна
Была внизу на небѣ незнакомомъ.

О, какъ влекла зеркальная страна!
Въ свой замокъ лунный, къ отраженнымъ дрёмамъ,
Туда, туда, къ незнаемымъ истомамъ
Вела меня Царевна-тишина.

По заламъ призрачнымъ благоговѣйно
Я слѣдовалъ за ней. И все яснѣй
Звучала музыка печали фейной,
Журчанье-лепеты въ тѣни аллей
И переливъ чуть зыблемыхъ тѣней
На мраморѣ стариннаго бассейна.

IV.

И все смѣшалось — водоемъ и тѣни,
И лунный садъ, и статуи богинь.
Одинъ среди мерцающихъ пустынь
Я плылъ въ ладьѣ по волѣ наважденій.

Гдѣ я? Куда?.. Лишь хаосъ отраженій,
Невѣрный свѣтъ, волшебная теплынь,
Качанье волнъ, опаловая синь,
Да парусъ надъ кормой въ жемчужной пѣнѣ.

Гдѣ я? Кто я? Ахъ, эти небеса,
Ладья моя, и парусъ, и краса
Скалистыхъ береговъ — все было вновѣ.
Куда?.. И вдругъ запѣли голоса
Морскихъ сиренъ и райскихъ птицъ медовѣй:
Въ Анулъ, въ Анулъ, къ прекрасной Меодовѣ!

V.

Медвяный звукъ! Лепечущіе зовы!..
Глядь — пристань. Молъ. Гора. Дубовый тынъ.
И ужъ несутъ ковровый паланкинъ
Навстрѣчу мнѣ послы отъ Меодовы.

Ихъ — шесть, и всѣ горбаты, какъ одинъ.
Страшилища, но мнѣ служить готовы.
Безмолствуютъ, почтительно-суровы,
И вмигъ — меня подъ пестрый балдахинъ...

И вотъ, дивясь горбатымъ скороходамъ,
Не вѣря сну, одолѣвая страхъ,
Вознесся я на шелковыхъ коврахъ,
И колыхался въ шагъ подъ зыбкимъ сводомъ,—
Изъ темноты, невидимый уродамъ,
Разглядывалъ ихъ тѣни на скалахъ.

VI.

Тропа давно кружилась въ гору. Слѣва
Отвѣсныя бѣжали скалы ввысь,
И корни кое-гдѣ по нимъ вились
Змѣинаго распластаннаго древа.

А справа — тамъ, гдѣ, выдохнутъ изъ зѣва
Стремнинъ, туманъ надъ пропастью повисъ,
Тамъ черный цвѣлъ между камней ирисъ,
Цвѣтокъ заботъ, унынія и гнѣва.

Все глуше, сумрачнѣй кремнистый путь
Къ вратамъ Анула на горѣ безбожной.
О, если бы минуту отдохнуть!
Да нѣтъ! Бредутъ уроды. Бездны. Жуть.
Свистящій шипъ гадюки осторожной
И сѣрный духъ изъ щели придорожной.

VII.

Семь ярусовъ диковинно-зубчатыхъ
Винтомъ въ поднебесье. Шатры, столбы,
Узорочье невиданной рѣзьбы
На башенкахъ и куполахъ рогатыхъ.

Зловѣщій видъ! У входа — въ шлемахъ, въ латахъ,
Опершись на щиты, стоятъ рабы.
А на щитахъ — поганые гербы:
Паукъ, да по угламъ семь жабъ крылатыхъ.

— Она въ плѣну, въ плѣну у колдуна, —
Подумалъ я и медлилъ на порогѣ.
Но тутъ ворота настежь. Евнухъ строгій
Махнулъ клюкой изъ своего окна.
И подъ-руки четыре горбуна
Ввели меня въ заклятые чертоги.

VIII.

Насупленный, носъ клювомъ, одноглазъ,
Сидитъ — хрипитъ, на паука похожій,
Губастъ, клыкастъ, Кикиморъ-желтокожій,
Колдунъ-шептунъ, косматый дикобразъ.

А вкругъ — толпа. Весь дворъ встрѣчаетъ насъ:
Старухи, евнухи, шуты, вельможи,
Все страшныя, оскаленныя рожи...
Привелъ меня Господь не въ добрый часъ.

Но гдѣ-жъ она, царевна Меодова?
— Отдай уродъ! — кричу на карлу злого,
Да самъ не знаю какъ, за космы — хвать.
Что было тутъ! Вой, визгъ, взбѣсилась рать
И разорвать въ клочки меня готова.
А я волчкомъ — въ окошко и бѣжать.

IX.

Коня, коня! И вотъ — крылатый конь.
Храпитъ и ржетъ и вздрагиваетъ въ мылѣ.
Слились, взвились, помчались, закружили,
А сзади свистъ неистовыхъ погонь.

И мимо — черный бредъ и злыя были,
Дремучій долъ и высей горныхъ сонь.
И степь, и топь. Летитъ мой конь-огонь,
Отгулъ копытъ, клубы горючей пыли.

Скорѣй, скорѣй, пламеннокрылъ-скакунъ,
Въ полдневный край, къ великому Султану!
Онъ вѣрный другъ, я рать его достану.
Остерегись, кикимора-колдунъ!
Нагряну въ твой вертепъ, какъ буйный гуннъ, —
Испепелю и горевать не стану.

X.

Не знаетъ бѣдъ Султанъ-Мухмедъ давно.
Въ его дворцѣ — серебряныя руды,
Безцѣнныхъ чашъ, клинковъ Дамасскихъ груды
И всякаго добра припасено.

Коврами славятся его верблюды,
И въ закрома ссыпается зерно,
А въ сундуки, набитые полно,
Алмазы, жемчуга, да изумруды.

Но краше всѣхъ сокровищъ для него
И сундуковъ, и золотого хлѣба,
Слоновъ, коней, верблюдовъ и всего
(И я милѣй не видѣлъ ничего) —
Смиренница полуденнаго неба,
Родная дочь его, весна-Зенеба.

XI.

„Люблю тебя, Зенеба. Образъ твой —
Волшебный цвѣтъ съ невѣдомой вершины“.
„Меня къ тебѣ приворожили джины.
Люблю тебя, пришельникъ роковой“.

„Твой взглядъ, Зенеба, розовой звѣздой
Во мнѣ горитъ, невѣста, другъ единый.“
„Какъ небо звѣздное — твой взоръ орлиный,
Женихъ мой грозный, витязь молодой“.

„Твой голосъ, нѣжная, какъ гудъ пчелинный“.
„Твой поцѣлуй, какъ медъ, любовникъ мой“.
„Мы здѣсь одни, Зенеба. Спитъ долина...“
„Но поздно, поздно, милый. Мнѣ — домой...“
„Съ твоей груди возьму-ли два рубина?“
„Мнѣ сладко, рыцарь, ихъ отдать самой“.

XII.

Горой веселый пиръ въ палатахъ злачныхъ.
Краса цвѣтовъ, заморскіе плоды
За трапезой наполнили ряды
Фарфоровъ, бронзъ и хрусталей прозрачныхъ.

Подъ рокотъ музыки текутъ меды.
Не молкнутъ здравицы за новобрачныхъ.
И руки быстрыя араповъ мрачныхъ
На дно глубокихъ чаръ не льютъ воды.

Зенеба за столомъ со мною рядомъ.
Не говоритъ... Сіяетъ и тайкомъ
Мнѣ ногу жметъ атласнымъ башмачкомъ.
То пригрозитъ невинно-смѣло взглядомъ,
То манитъ нехотя къ ночнымъ усладамъ
И вспыхиваетъ дѣвичьимъ стыдомъ.

XIII.

Мы были съ ней одни въ опочивальнѣ.
Луна плыла средь вешней вышины.
И, на полу забытая, — луны
Вѣнчальная фата была печальнѣй.

Свѣжѣе розъ и ключевой волны
Лицо Зенебы, міръ святыни дальней.
И я, какъ грѣшный рабъ въ исповѣдальнѣ,
Дрожалъ предъ алтаремъ ея весны...

Но вдругъ... О, Боже, Боже, — свистъ ужасный!
И свѣтъ погасъ. И буря ворвалась.
Въ моихъ рукахъ ласкалась и тряслась
Плоть скользкая старухи сладострастной.
Проклятье! Вѣдьма! Ты! Колдунъ опасный!
И въ дымахъ тьмы все сгинуло тотчасъ.

XIV.

Я вздрогнулъ... Донгъ! Послѣдніе удары.
Все тотъ же бой! И лепетъ тишины,
Узоръ ковра, гардины, цвѣтъ луны,
И на картинахъ — море и корсары.

И та же грусть моя, товарищъ старый...
Зола въ каминѣ, тѣни старины.
Все тѣ же, Господи, и быль и сны.
Но странно... нѣтъ! Все измѣнили чары.

Я комнату съ тревогой оглянулъ.
Здѣсь кто-то былъ и холодомъ дохнулъ
И сдвинулъ этотъ стулъ! Я зналъ. И чьи-то
Шаги мнѣ слышались... И вѣтра гулъ,
И рядомъ дверь захлопнулась сердито.
Я вздрогнулъ. Дверь... въ мой садъ... была открыта.

XV.

Я вышелъ. Блескъ и тѣни. Я былъ радъ
Забыться вновь въ тиши аллей любимыхъ,
Такихъ пустыхъ, увядшихъ, нелюдимыхъ.
Но было жутко. Все — и статуй рядъ,

И шорохъ листьевъ, пó вѣтру гонимыхъ,
И будто звукъ шаговъ среди аркадъ.
Вотъ и бассейнъ... У бѣлыхъ баллюстрадъ
Спятъ лебеди на водахъ недвижимыхъ.

И подлѣ женщина стояла — Тѣнь.
Ея лицо затмило покрывало,
И только долгій взоръ манилъ устало, —
Въ немъ были свѣтъ и мракъ, и ночь и день.
И въ ужасѣ вскричалъ я: Кто ты, Тѣнь!
И медленно: Я Смерть! — она сказала.

Сергѣй Маковскій.

Бѣгство.

(Окончаніе.)

Часть III.

По пятамъ.

ГЛАВА I.

Старики. Зима.

Когда я проснулся, было уже совсѣмъ свѣтло. Подъ утро выпалъ настоящій снѣгъ, и стала зима. Въ небольшое окно избы проникалъ яркій, ослѣпительный для отвыкшаго отъ него глаза, свѣтъ перваго снѣга.

Алеша уже вставалъ, старуха возилась съ печкой, старика въ избѣ не было. Торопиться не приходилось, все равно днемъ итти уже было нельзя, и я съ полчаса пролежалъ еще на печкѣ, обдумывая все происшедшее.

Положеніе наше послѣ вчерашней ночи рѣзко измѣнилось. Фронта съ болѣе или менѣе установившейся линіей, которая была цѣлью нашего движенія и которую надо было гдѣ-то переходить, уже больше не было. Компаса и картъ незнакомой намъ мѣстности тоже не было. Наша задача была уже другая, она была, если и не легче, то, во всякомъ случаѣ, проще и грубѣе. Очевидно, фронтъ былъ сбитъ, и началось отступленіе съ одной стороны и преслѣдованіе съ другой. Осторожность и точное знаніе мѣстности не могли уже играть такой роли, войска были въ движеніи, и главное дѣло было въ томъ, чтобы двигаться какъ можно скорѣе и догнать своихъ.

Мы съ Алешей чувствовали себя во всѣ послѣдующіе дни, выражаясь языкомъ оффиціальныхъ реляцій, такъ, какъ чувствуетъ себя „воинская часть послѣ упорнаго боя съ превосходными силами противника, потерявшая всю свою артиллерію и обозъ, но удачно вышедшая изъ боя“ — и легко, и пусто. Съ этого дня мы съ нимъ какъ то уже не въ силахъ были больше осторожничать по прежнему. Нами овладѣла рѣшимость отчаянія. Мы уже не отпирались, когда насъ съ первыхъ же словъ признавали за дезертировъ и развѣ только

не разсказывали о своемъ прошломъ. Не вздрагивали при каждомъ стукѣ въ дверь, сидя въ пріютившихъ насъ домахъ, замолкая при появленіи каждаго новаго лица. И не стояли въ грустномъ раздумьѣ, когда, выйдя изъ какой нибудь хаты, послѣ долгихъ разспросовъ и объясненій дороги, уже черезъ минуту не знали, куда итти.

Мы провели у нашихъ хозяевъ весь день до темноты. Если бы мы были въ другомъ положеніи, то эта пара могла бы дать наблюденій для цѣлаго большого бытового разсказа. Жили они въ общемъ дружно, но, какъ это всегда бываетъ у одинокихъ крестьянъ, — единственный ихъ сынъ былъ убитъ на войнѣ, — у нихъ былъ потерянъ стимулъ къ жизни. Все дѣлалось ими, какъ и у „людей", но какъ-то вяло, безъ любви и жара, который обычно вкладывается въ работу многосемейными. Работали, чтобы ѣсть, ѣли, чтобы жить, жили... чтобы не умереть раньше смерти. Нѣсколько разъ при насъ между супругами происходили всетаки порядочныя перепалки. Начинала обыкновенно, какъ и полагается, старуха. Она долго попрекала мужа за то, что „вотъ онъ ничего не дѣлаетъ и какъ-то они будутъ зиму жить, да что вотъ онъ все на лавкѣ сидитъ" и т. д. Тотъ сперва долго отмалчивался, но потомъ, наконецъ, не выдерживалъ и, выругавъ ее, уходилъ или подбросить овцамъ соломки, или попоить лошадку, или гусей запереть и т. д.

Старикъ былъ человѣкъ добрый и умный, судя по нѣкоторымъ его фразамъ, онъ догадывался о томъ, кто мы такіе. Мы разсказали ему и про ночное приключеніе и про дальнѣйшій нашъ путь. Онъ выслушалъ насъ, грустно вздыхая и сочувственно покачивая головой. Въ деревнѣ, гдѣ мы ночевали, красныхъ еще не было, но утромъ уже пріѣзжали конные красноармейцы за баранами, и старикъ, какъ только прошелъ объ этомъ слухъ, еще до „оффиціальнаго извѣщенія" рѣшилъ зарѣзать всѣхъ своихъ овецъ до „нормы".

Старуха сперва его ругательски изругала, но потомъ, сраженная въ концѣ концовъ сознаніемъ необходимости этого, поплакавъ, пошла помогать ему „управляться".

Въ деревнѣ ждали красныхъ съ тревогой, особенно родственники бывшихъ при добровольцахъ должностныхъ лицъ; старикъ, не смотря на возраженіе жены, ходилъ при насъ на сходку, обсуждавшую, какъ помочь и заступиться за бабу-

вдову, деверь которой былъ при бѣлыхъ старостой и бѣжалъ съ ними. Но больше боялись не самихъ красныхъ, а момента смѣны властей, всѣ были полны ожиданіями, и крестьяне, нѣсколько разъ заходившіе въ избу, даже мало обращали на насъ вниманія: такъ были заняты своимъ.

— А что, ребятушки — ласково, по отечески сказалъ намъ старикъ, когда я съ трудомъ напялилъ на себя не сходившуюся на мнѣ старикову одежду — моя все еще не высохла — я васъ пріютилъ, накормлю чѣмъ Богъ послалъ, подсобите мнѣ, сынки, ворохъ перевѣять, а то мы со старухой вдвоемъ не управимся, привезъ отъ зятя вѣялку анадысь, да тяжела.

Мы съ радостью согласились, это напоминало „домъ“ и помогало и отвлечься, и скоротать день.

Вчетверомъ мы отправились на гумно въ ригу. Вѣялка, дѣйствительно, оказалась конной, мы съ трудомъ вдвоемъ съ Алешей поворачивали ее. Однако, часа черезъ три весь запасъ ржи былъ перевѣянъ, оставалось только хорошенько спрятать его во избѣжаніе реквизицій, и довольный хозяинъ позвалъ насъ, порядочно таки уставшихъ, — обѣдать.

Поблагодаривъ въ душѣ „товарищей“ за прекрасныя щи съ массой свѣжей баранины и условившись съ хозяиномъ на случай прихода въ деревню красныхъ, гдѣ намъ спрятаться, мы залегли послѣ обѣда спать. Пообѣдали мы рано и проснулись еще часа за два до темноты. Мой „костюмъ“ высохъ, мы стали потихоньку собираться, и перспектива новыхъ ночныхъ блужданій по замерзшей пахотѣ и снѣгу послѣ теплой хаты заставила насъ пригорюниться; отвлекшій насъ отъ дѣйствительности эпизодъ подходилъ къ концу.

Временами, мы, еще не терявшіе способности анализировать свои настроенія, даже смѣялись надъ собой, настолько наши желанія раздваивались между общей задачей, ставившей одни только максимальныя суровыя требованія, и желаніями сегодняшняго дня и данной минуты, просившими о пощадѣ и старавшимися усыпить и бодрствованіе, и бодрость.

Когда впослѣдствіи мнѣ пришлось изо дня въ день проходить по тридцать верстъ въ сутки, то вся задача была въ томъ, чтобы вложить всю свою энергію только въ сегодняшній день, не растрачивая ея на предвидѣніе многихъ такихъ же дней впереди. „Довлѣетъ дневи злоба его“. Иначе было

нестерпимо. Когда однажды я, выходя изъ деревни послѣ ночлега, — у меня была натерта нога, — разсчиталъ, что мнѣ придется, пройдя тридцать верстъ, сорокъ пять тысячъ разъ наступить на больное мѣсто, я сразу же не въ силахъ былъ уже двигаться. Здѣсь и этой экономіи энергіи у насъ не могло быть и не было.

По нашей просьбѣ старикъ, подъ конецъ принявшій въ нашей судьбѣ самое живое участіе, пошелъ къ своему племяннику, чтобы уговорить его за хорошую плату провести насъ до первой желѣзной дороги. Вернулся онъ огорченный и грустный, миссія не удалась. — Того и гляди мятель начнется, куда въ такую погоду и темноту итти, да и опасно — отвѣчалъ онъ. До желѣзной дороги было, по словамъ старика, верстъ семь, но дѣлать было нечего, мы простились и вышли изъ избы. Старикъ передъ отходомъ предупредилъ насъ, что „по чугункѣ“ стоятъ войска.

Шелъ легкій снѣжокъ, замерзшія колчи пахоты и зеленей, по которымъ иногда приходилось итти, больно разбивали ноги. Часа черезъ полтора въ темнотѣ стали вырисовываться телеграфные столбы и насыпь, обсаженная колючимъ, давно не стриженнымъ кустарникомъ. Послѣднія двѣсти саженей мы не шли, а медленно переступали съ ноги на ногу, готовые каждую минуту бѣжать, ноги какъ-то не слушались и все отводили въ сторону. Я не очень вѣрилъ въ „войска по чугункѣ“, но во первыхъ мы не знали, какъ далеко станція, около которой могли быть солдаты, а во вторыхъ, вчерашнее еще было памятно, и потому, подойдя къ изгороди, мы рѣшили, что осторожнѣе будетъ желѣзную дорогу не перейти, а переползти.

Все было тихо, и потому, какъ это всегда бываетъ, особенно тревожно. Мы проползли черезъ кусты, спустились въ выемку, вползли на противоположную насыпь, никого не было. На все это ушло не меньше часа. Когда мы наконецъ поднялись, я почувствовалъ, что колѣнки у меня сильно озябли и, нащупавъ ихъ рукой, увидалъ, что штаны на колѣняхъ розорваны въ ключья, локти на пиджакѣ тоже были прорваны.

Показался лѣсокъ, мы вошли въ него и закурили. Теперь предстояло найти вторую желѣзную дорогу, это было нетрудно. Мы могли просто пройти влѣво по полотну до узловой станціи и отъ нея по новой дорогѣ, но рельсы какъ-то

не манили, да и хотѣлось сократить путь, срѣзавъ уголъ. Только что мы вышли изъ лѣса, какъ началась метель. Ночи были уже лунныя и, хотя луна была и за тучами, но было свѣтло. Прошли еще съ часъ, дороги все не было, неожиданно передъ нами выросъ одинокій хуторъ. Итти въ морозъ въ тысячу разъ легче и лучше, чѣмъ въ дождь; онъ не удерживаетъ, а гонитъ, не давая остановиться. Но, не чувствуя при ходьбѣ холода, пробывъ нѣсколько часовъ на морозѣ, начинаешь какъ-то весь стынуть и деревенѣть, пальцы не слушаются, лицо припухаетъ, и настроеніе, особенно въ метель, дѣлается спокойнымъ и безразличнымъ, какъ будто тоже замораживаясь.

Подойдя къ хатѣ, черезъ замерзшее окно я увидалъ нѣсколькихъ бабъ, мужиковъ не было. Мы постучались, залаяли собаки, и вмигъ потухъ огонь; намъ не отвѣчали.

Я опять сталъ стучать, наконецъ, за дверью послышался бабій полуплачъ-полуголосъ: „кто тамъ?“

— Тетенька, пусти на минуту обогрѣться, дюже застыли — сказалъ я.

— Голубчикъ ты мой, да какъ же я тебя пущу, мужиковъ дома нѣтъ, дѣтей полна хата. Господь тебя знаетъ, что ты за человѣкъ, уже почти плакала она, какъ бы и прося о пощадѣ, и чувствуя, что не сможетъ насъ не пустить, если мы захотимъ войти, и оправдываясь за свой страхъ.

— А гдѣ же мужики?

— Съ подводами уѣхали, родимый.

— Да не бойся, тетенька, мы не изъ тѣхъ, кто обижаетъ, сами еле живы.

Искренность моего тона, повидимому, ее убѣдила, и она отперла дверь. Насъ окружили дѣти, съ любопытствомъ и страхомъ насъ разглядывая, мы сѣли къ топившейся печкѣ, грѣясь и куря. Баба никакъ не могла успокоиться и увидѣвъ, кто мы, оправдывалась въ своемъ страхѣ безпомощностью и одиночествомъ.

По ея словамъ, дорога была верстахъ въ пяти, красные къ нимъ еще не приходили. Мы повеселѣли и, посидѣвъ у нея съ полчаса, опять тронулись. Ненадолго показалась луна, мятель стихла, снѣгъ падалъ рѣдкими хлопьями.

По дорогѣ показалась разрушенная усадьба. Нѣсколько камней отъ фундамента, старыя елки въ саду и большая бе-

резовая аллея — вотъ и все, что осталось отъ нея. Мы невольно на минуту задержались, было удивительно красиво и вмѣстѣ съ тѣмъ нестерпимо грустно смотрѣть на это кладбище чужой жизни. Чье-то гнѣздо разорено, кто-то жилъ здѣсь долгіе годы и бросилъ теперь все это...

Наконецъ, мы съ радостью увидали и вторую дорогу, но дойдя до нея, почувствовали, не сговорясь, что итти по высокой насыпи, на виду, — мы не въ силахъ. Тогда, зная, что вдоль дороги идетъ до города В., который теперь былъ нашимъ маякомъ, также и большакъ, мы рѣшили итти большакомъ.

Это было, конечно, большой ошибкой, но тогда я еще не зналъ обычаевъ гражданской войны и того, что все движеніе какъ отступающихъ, такъ и преслѣдующихъ идетъ на крестьянскихъ подводахъ по грунтовымъ дорогамъ.

Скоро нашли мы и большакъ. Огромное село съ церковью и старой большой барской усадьбой открылось передъ нами. Полуразрушенная каменная ограда и большой бѣлый двухъэтажный каменный домъ съ зіяющими дырами вмѣсто оконъ, и старый большой паркъ — все это было тихо и безмолвно, все умерло.

Еще подходя къ селу, мы условились, какъ спрашивать дорогу, въ предположеніи, что въ избѣ могутъ быть и красные. Подойдя къ хатѣ, стоящей на отшибѣ, я остановился невдалекѣ, Алеша постучалъ въ окно.

— Эй, товарищи, что **** полкъ здѣсь стоитъ? — назвалъ онъ номеръ того полка, которому мы попались на станціи; ему что то отвѣчали, онъ еще что-то спросилъ и вернулся ко мнѣ, опустивъ голову.

— Ну что? — спросилъ я.

— Плохо, братъ, — отвѣчалъ онъ, — красные еще вчера днемъ прошли здѣсь и по слухамъ ночуютъ верстахъ въ десяти впереди. Что же теперь дѣлать?

— Какъ что дѣлать, — отвѣчалъ я, — итти, итти и итти, другого выхода нѣтъ.

Большакъ шелъ черезъ деревню, надо было ее обойти, такъ какъ кое-кто изъ красныхъ въ деревнѣ еще остался. Но сколько мы ни искали за деревней большака, онъ какъ будто пропалъ въ ней. Часа два мы бродили вокругъ безъ толку и только по своему собственному слѣду, оставленному въ глубокой ка-

навѣ, наполненной снѣгомъ, увидали, что кружились все на одномъ и томъ же мѣстѣ.

— Да что же это — мы съ тобою спимъ, или подъ гипнозомъ, — разсердился Алеша — битыхъ два часа ищемъ этотъ проклятый большакъ, бросимъ его, идемъ цѣликомъ.

Дѣйствительно я сталъ ощущать въ душѣ какую-то пустоту и безразличіе, — вѣрный признакъ переутомленія. Это была уже прямая опасность, и я сказалъ объ этомъ Алешѣ. Надо было подтянуться и взять себя въ руки.

Не знаю, сколько уже часовъ мы шли и много ли верстъ прошли, но уже совсѣмъ было свѣтло, когда мы подъ утро пришли въ большую деревню; невдалекѣ виднѣлась и насыпь съ телеграфными столбами. Въ деревнѣ еще спали. Переднева́ть на дворѣ мы были, конечно, не въ состояніи.

Алеша, послѣ моей неудачи, безъ уговора, ходившій все время на развѣдку одинъ, почти безсмѣнно, выбравъ побѣднѣе хату, постучалъ въ окно. Скоро онъ вернулся, разводя руками.

— Въ деревнѣ стоятъ красные, у этихъ никого нѣтъ, хозяева ласковые, пускаютъ!

Я махнулъ рукой, и мы вошли въ избу.

ГЛАВА II.

Дворовые. Отказъ въ помощи.

Семья состояла изъ матери и двухъ сыновей: одинъ лѣтъ двадцати, другой восемнадцати. Кромѣ того съ ними жилъ, подновляя хату, прохожій плотникъ изъ сосѣдней губерніи, работавшій не за деньги, а за хлѣбъ. Судя и по одеждѣ и по нѣкоторымъ оборотамъ рѣчи, хозяева были не изъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, а изъ дворовыхъ.

— Вѣрно, вѣрно, батюшка, признали, у сосѣдней барыни, вонъ усадебка на бугрѣ виднѣется, папаша мой еще до воли кучеромъ жилъ — подтвердила хозяйка.

Старшій сынъ полуинтеллигентнаго, некрестьянскаго типа, удивившій меня сперва нѣкоторыми своими словечками, красивый, стройный малый, какъ оказалось, служилъ прежде въ одномъ изъ крупныхъ столичныхъ магазиновъ и съ удовольствіемъ вспоминалъ прежнюю „чистую“ жизнь. Онъ явно былъ любимцемъ матери. Второй здоровый, сильный, несклад-

ный, „дурной“, какъ его рекомендовала намъ мать, все время жилъ дома, несъ черную работу и ненавидѣлъ брата, завидуя и его жизни, и его успѣху, и ухваткѣ. Плотникъ, человѣкъ еще не старый, работалъ у нихъ уже недѣли двѣ и, повидимому, уже сжился съ ними. Онъ, и какъ спеціалистъ, и какъ старшій мужчина въ домѣ, велъ себя здѣсь, какъ хозяинъ.

Какъ простые и непосредственные люди, они совершенно не стѣснялись постороннихъ, вся жизнь была у нихъ наружу. Старшій братъ отдавалъ какія нибудь приказанія, младшій отвѣчалъ грубостями, вступалась мать, онъ и ей дерзилъ и даже грозилъ, плотникъ, на правахъ старшаго, бралъ въ руки ремень, приказывая обиженному судьбой дикарю замолчать. Всѣ эти сцены происходили при насъ нѣсколько разъ.

Въ деревнѣ были красные, и, конечно, хозяева, которымъ мы, не обинуясь, сказали, что насъ „ждетъ“ на „этой“ сторонѣ и къ кому мы идемъ, понимали, чѣмъ они рискуютъ, укрывая насъ и тѣмъ не менѣе ни одного слова объ этомъ сказано не было. Больше всего это была простая жалость къ людямъ, попавшимъ въ „бѣду неминучую“ — по выраженію плотника — и страдавшихъ отъ тѣхъ же людей, отъ которыхъ страдали и всѣ кругомъ.

Мы совсѣмъ по культурному, какъ „полагается“, утромъ заварили остатки нашего чая и напились вмѣстѣ съ хозяевами. Печка уже топилась. — Дай-ка я занавѣсочку повѣшу, все не такъ видно будетъ, береженаго Богъ бережетъ — сказала хозяйка, развѣсивъ около печки, на которую мы уже взобрались, на веревкѣ какую-то юбку.

— Боже мой, какое блаженство — протянулся Алеша на самомъ горячемъ мѣстѣ и въ мигъ заснулъ.

Я началъ закуривать, вдругъ вбѣжалъ старшій изъ ребятъ и испуганнымъ голосомъ сказалъ мнѣ: — тише, господа, къ намъ „товарищи“ идутъ.

Только что онъ успѣлъ это сказать, какъ въ избу вошли два красноармейца. Я, загороженный юбкой, ихъ не видалъ, но, судя по разговору, это были коммунисты. Предупредившій насъ хозяинъ, сказавъ двѣ-три фразы, благоразумно куда-то исчезъ, Алеша тихо похрапывалъ.

Какъ ни жалко мнѣ было его будить, но я, зажавъ ему рукою ротъ и носъ, тихо сказалъ ему на ухо: — проснись, красные здѣсь.

Онъ вздрогнулъ и открылъ усталые глаза. Такъ, притаившись и боясь шелохнуться, борясь со сномъ, мы промучились съ часъ, пока хозяйка не накормила „гостей“. Плотникъ, постукивая топоромъ, поддакивалъ имъ такъ же привѣтливо, какъ и намъ, хваля совѣтскіе порядки. Трудно даже было понять, что это съ его стороны хитрость, или онъ, по свойству своего характера, какъ человѣкъ мягкій и податливый, просто не можетъ удержаться отъ удовольствія быть согласнымъ со своимъ собесѣдникомъ. Наконецъ, эта пытка кончилась — они ушли, и мы заснули.

Насъ разбудили къ обѣду и разсказали послѣднія деревенскія новости. Только что въ деревню вернулись подводчики, отвозившіе добровольцевъ. Они разсказывали, что ихъ отпустили верстъ за двадцать отсюда, что по дорогѣ красныхъ они не видали, но остались ли добровольцы въ двадцати верстахъ или, смѣнивъ подводы, поѣхали дальше, они не знали.

Тоскливое чувство овладѣло мной. Наше спасеніе, наша свобода и жизнь были, быть можетъ, всего въ четырехъ часахъ пути отъ насъ, но мы чувствовали, что насъ отдаляютъ отъ нихъ не двадцать верстъ, а цѣлая пропасть. Разбитыя ноги, усталость, ночныя блужданія — все это обращало эти, какъ будто короткія, двадцать верстъ въ цѣлую вѣчность.

— А что — спросилъ я хозяйку, — нѣтъ ли у васъ на деревнѣ такого человѣка, поухватистѣе, чтобы взялся насъ за хорошую плату довести до бѣлыхъ?

Она задумалась и стала перебирать въ памяти имена знакомыхъ крестьянъ. Долго они совѣщались съ сыномъ: одинъ былъ боленъ, у другого лошадь захромала, у третьяго сани не налажены.

— А Антипъ не поѣдетъ? Онъ мужикъ смѣлый и извозомъ занимается, сходи, сынокъ, пошукай его, скажи, люди хорошіе и въ большой нуждѣ — вдругъ вспомнила она.

Тотъ одѣлся и вышелъ. Съ полчаса онъ не возвращался, намъ не сидѣлось на мѣстѣ, съ нетерпѣніемъ ожидали мы рѣшенія своей участи. Наша нервность передалась и хозяевамъ. Наконецъ, парень вернулся.

— Ну что? — встрѣтили его всѣ вопросомъ.

— Прійти обѣщался, да что-то запинается — отвѣтилъ тотъ.

Прошло съ полчаса. Наконецъ стукнула дверь въ сѣнцы, слышно было, какъ обиваютъ снѣгъ съ сапогъ, и въ хату вошли два мужика. Поздоровавшись, они сѣли и начали разговоръ о постороннихъ предметахъ.

Крестьяне всегда заходили къ намъ въ гости, и я уже привыкъ, что, въ противоположность намъ, они дѣловую часть разговора всегда откладываютъ до послѣдней минуты. Сперва пьютъ чай, говорятъ, говорятъ о чемъ угодно, о погодѣ, объ урожаѣ, политикѣ, мѣстныхъ новостяхъ, но только не о дѣлѣ, и уже взявшись за шапку, какъ будто между прочимъ, невзначай, гость спроситъ: — а что, Иванъ Николаевичъ, у васъ тутъ дубокъ на дворѣ лежитъ, онъ вамъ безъ надобности, не продадите ли мнѣ?

Это и правило хорошаго тона и классическій пріемъ доказательства своей незаинтересованности, чтобы убѣдить продавца, что для покупателя это дѣло совсѣмъ „не стоющее".

И потому я не удивился, что они не говорятъ о дѣлѣ. Наконецъ, однако, я не выдержалъ и, отозвавъ хозяина, спросилъ, кто это. Онъ отвѣчалъ, что это Антипъ и его зять. Тогда, не обинуясь, я приступилъ къ дѣлу.

Никогда передъ самыми большими аудиторіями, въ самые отвѣтственные и серьезные моменты былой своей дѣятельности, я не вкладывалъ такъ всю душу въ свою рѣчь.

Я началъ съ практической стороны вопроса: сказавъ, что намъ большая нужда догнать бѣлыхъ, я изложилъ имъ свой планъ дѣйствій. Мы поѣдемъ ночью, или заложенными въ возъ, или порожнякомъ, въ послѣднемъ случаѣ при всѣхъ встрѣчахъ мы будемъ сходить, какъ будто незнакомы. При проѣздѣ деревень, мы будемъ обходить ихъ „задами", встрѣчаясь за деревней, у околицы, а онъ заѣзжать къ знакомымъ крестьянамъ, узнавать, кто здѣсь стоитъ. Если насъ накроютъ всетаки вмѣстѣ, онъ скажетъ, что попросились, молъ, подвезти, а кто такіе, — не знаетъ, назвавъ точно, куда, къ кому и зачѣмъ ѣдетъ. За поѣздку мы предлагали ему всѣ наши деньги — пять тысячъ рублей, по тому времени за четыре-пять часовъ ѣзды деньги очень большія, далеко превышавшія всѣ нормы.

— Да это что говорить — отвѣчалъ онъ, — деньги прямо за такую работу, можно сказать, шальныя, да не могу я, боязно, неровенъ часъ, что̀ случится, а я человѣкъ семейный.

Упоминаніе о документахъ и еще кое какіе аргументы практическаго характера тоже ни къ чему не привели, онъ упорно отказывался. Съ этой стороны ничего не выходило. Тогда я просто сталъ просить его пожалѣть насъ и спасти, какъ спасаютъ утопающаго, несмотря ни на опасность, ни на то, что̀ за это будетъ дано. Я замолкалъ и опять начиналъ говорить горячо и убѣжденно. Онъ сидѣлъ потупившись, хозяйка вздыхала, зять все время молчалъ, вставляя одни междометія, плотникъ, напряженно, съ серьезнымъ и сосредоточеннымъ выраженіемъ лица слушавшій нашъ діалогъ, какъ будто онъ присутствовалъ при торжественномъ и важномъ религіозномъ обрядѣ, наконецъ не выдержалъ и заговорилъ:

— Эхъ, Антипъ, — началъ онъ, — грѣхъ тебѣ будетъ, коли не поможешь ребятамъ, коли откажешь имъ, должонъ ты христіанскую душу изъ бѣды вызволить, видишь къ нимъ какая крайность пришла, съ кѣмъ теперь бѣды не бываетъ, не случается.

Хозяйка поддакивала. Антипъ видимо началъ колебаться. Жалость къ намъ боролась въ немъ со страхомъ. Мы всѣ хоромъ напирали на него съ уговорами.

— Ну, по рукамъ, што-ль, посылать запрягать? — старался плотникъ вырвать у него рѣшеніе.

Наконецъ, опять всѣ смолкли, мы съ трепетомъ ждали рѣшенія своей судьбы.

— Пойти съ хозяйкой поговорить — тихо и не глядя на насъ, сказалъ онъ.

Оба встали и вышли изъ избы.

— Ну, — грустно сказалъ плотникъ, — прогорѣло ваше дѣло, ребята, къ бабѣ пошелъ совѣтоваться, не ждать вамъ добра, извѣстно, что баба скажетъ — лѣзь на печку, пока цѣлъ, что въ чужія дѣла встрѣваешь?

Мы стали тѣмъ временемъ понемногу собираться. Минутъ черезъ пять прибѣжалъ мальчикъ и сказалъ, что тятенька не поѣдетъ. Всѣ грустно молчали. Съ наивной эпической простотой и откровенностью, и трогательной и жестокой, плотникъ сталъ выражать намъ свое соболѣзнованіе.

— Эхъ кабы мнѣ лошадку-то — въ разъ бы довезъ, деньги въ карманъ, да и домой — говорилъ онъ, — а пѣшкомъ не дойти вамъ, ребятушки, не догнать, э, эхъ, эхъ, эхъ, жаль мнѣ васъ, охъ какъ жаль, пропали ваши головушки.

Мы наскоро разспросили про дорогу. По большаку и желѣзной дорогѣ до города было верстъ пятьдесятъ, проселками тридцать, мы выбрали второй путь, записали на клочкѣ бумажки деревни, сунули хозяйкѣ почти насильно деньги и вышли. Первая деревня была верстахъ въ пяти, и хозяйка посовѣтовала зайти тамъ на всякій случай къ ея брату, тоже извозчику.

ГЛАВА III.

Въ полусознаніи.

Смеркалось. Небо было въ тучахъ. Неудачный наемъ и послѣдняя сцена сдѣлали свое дѣло, сомнѣнія въ успѣхѣ уже начали меня мучить. Погода какъ нельзя лучше отвѣчала нашему настроенію. Дулъ холодный рѣзкій вѣтеръ, по землѣ струясь бѣжали змѣйки поземки.

На минуту небо очистилось, показалась луна, и сквозь туманъ мы нашли кастрюльку Сѣверной Медвѣдицы и по ней Полярную звѣзду. Опредѣливъ по звѣздѣ свой путь и предвидя, что она можетъ сейчасъ же закрыться тучами, мы оріентировали по ней вѣтеръ. При правильномъ направленіи онъ долженъ былъ намъ дуть справа, сзади. Дѣйствительно все скоро потемнѣло и скрылось.

Зимой всего легче сбиться въ февралѣ и въ ноябрѣ. Въ февралѣ — изъ-за страшныхъ, иногда трехъ и семидневныхъ метелей, а въ ноябрѣ изъ за отсутствія дороги — старыя колесныя дороги уже скрыты въ снѣгу, новыя санныя еще не наѣзжены. Мы прошли часа два, не зная, по дорогѣ ли мы идемъ или по полю.

— Опять сбились — мрачно проговорилъ Алеша. Вдругъ невдалекѣ загромыхала по замерзшимъ колчамъ телѣга. Мы окликнули ее издалека, спрашивая, далеко ли до нашей деревни; женскій голосъ отвѣчалъ что-то, но вѣтеръ относилъ слова. Мы подошли къ телѣгѣ и повторили вопросъ.

— А вотъ мы туда какъ разъ и ѣдемъ: вотъ она — указывая куда-то въ темноту, отвѣчалъ съ телѣги мужской голосъ, — а вы кто такіе? —

— Такъ, прохожіе — сказалъ я.

— Э, да это никакъ наши попутчики, что на станціи попались — вдругъ весело заговорилъ другой мужской голосъ,

— такъ и есть, они, съ сумкой, ну и рѣзвачи, опять съ развѣдкой прутъ, какъ же вы сюда попали? —

— Да насъ отпустили — отвѣчалъ я.

— Ладно — продолжалъ онъ явно съ насмѣшкой, — сказываете вамъ сюда, ну, такъ и айда за нами, тамъ разберемъ, да не отставайте — полуприказывалъ, полуприглашалъ онъ.

Мы стояли отъ телѣги шагахъ въ пяти, сейчасъ же кинуться бѣжать было неблагоразумно, слишкомъ разбиты были ноги и недостаточно было темно, надо было изобрѣтать что нибудь другое.

Телѣга тронулась, баба сидѣла за кучера и что-то причитала, солдаты понукали лошаденку, она тронулась рысцой и стала отдѣляться отъ насъ. Мы сдѣлали видъ, что ускоряемъ шаги.

— Не отставай, не отставай, товарищи — покрикивалъ на насъ красноармеецъ.

Разстояніе все росло.

— Надо бѣжать — шепнулъ мнѣ Алеша.

— Ясно — отвѣчалъ я.

Чтобы маскировать свой планъ, какъ только телѣга отъѣхала сажень на десять, мы стали то итти за ней, то пятиться назадъ, но все время не останавливаясь. Впереди показалась деревня, и телѣга неожиданно свернула и скрылась за поворотомъ. Не сговариваясь, мы бросились со всѣхъ ногъ въ сторону.

— Тише, тише, — взмолился Алеша, — ноги очень болятъ, совсѣмъ сапоги разлѣзаются, — когда, пробѣжавъ саженей сто, мы, задохнувшись, свалились въ лѣсистый оврагъ.

— Въ третій разъ, однако, попадаться не стоитъ — грустно пошутилъ Алеша, — пожалуй ужъ не выпустятъ.

Повидимому, полкъ шелъ въ направленіи желѣзной дороги, останавливаясь въ ближайшихъ деревняхъ. Почему то, — трудно уже было говорить въ эту ночь о логичности нашихъ рѣшеній, — мы рѣшили повернуть въ сторону, отойти верстъ десять и уже потомъ опять двигаться параллельно желѣзной дорогѣ.

Вся эта ночь слилась у меня въ памяти въ какую-то жуткую, неясную и однотонную картину. Мы уже не шли, а куда-то устало брели, въ какомъ-то полузабытьи, толкаемые еще не совсѣмъ истраченнымъ, но уже приходившимъ къ концу запасомъ энергіи, полученной еще дома и почти не возобно-

влявшейся, ежеминутно задремывая, спотыкаясь, останавливаясь и повѣряя вѣтеръ въ новомъ взятомъ нами направленіи. Холодъ механически заставлялъ все время итти по вѣтру, хотя это было и неправильно. Кругомъ темно, мрачно, тоскливо и страшно безлюдно. Помню, что мы все пересѣкали глубокіе, поросшіе лѣсомъ и занесенные снѣгомъ овраги. На переходъ каждаго, вѣроятно, выходило не менѣе часа, времени мы не знали, мои часы уже дня три какъ остановились. По дну овраговъ протекали полузамерзшіе ручьи, каменистыя кручи выступали какъ то причудливо и странно. Только что выбравшись изъ одного, мы сейчасъ же попадали въ другой, ноги промокли и заледенѣли. Въ ушахъ все время стоялъ лай собакъ, непрерывно доносившійся откуда-то издалека по вѣтру. Этотъ лай преслѣдовалъ меня потомъ долгое время по ночамъ, и какъ только я его слышалъ гдѣ нибудь, вся картина этой ночи немедленно воскресала въ памяти.

Временами мы какъ будто приходили въ себя, брали себя въ руки, старались даже смѣяться надъ своимъ положеніемъ, подбадривать другъ друга, посылали какой-то вызовъ вѣтру и ночи, вспоминая все, что намъ прежде съ Алешей приходилось переживать молодого, веселаго и беззаботнаго, нашу поѣздку за границу, юношескія приключенія, оживленно разговаривали... но усталость и холодъ опять брали свое. Вѣтеръ все вылъ, приходилось почти кричать, чтобы разговаривать, сухіе дубовые листья, сорванные вѣтромъ, далеко уносились въ поле по снѣгу. Овраги до того измучили насъ, что мы, наконецъ, пошли вдоль одного изъ нихъ и, какъ и слѣдовало ожидать, уткнулись въ рѣку. Алеша остановился передъ ней въ недоумѣніи, стараясь припомнить мѣстность.

— Не помню рѣки, мы крутимъ — сказалъ онъ. Въ полуверстѣ виднѣлась деревня. Она притягивала насъ къ себѣ, какъ голодныхъ волковъ, но и какъ волковъ же инстинктивно отталкивала, когда мы подошли ближе. Однако надо было хоть сколько нибудь отдохнуть. Мы тихо подошли къ гумнамъ, прокопали въ одномъ изъ ометовъ длинный ходъ и залегли въ него, тѣсно прижавшись другъ къ другу.

Не знаю, сколько мы пробыли тамъ въ какомъ-то полуснѣ, въ головѣ проносились короткіе тревожные сны, въ ушахъ все стоялъ лай собакъ. Я не то очнулся, не то проснулся отъ пронизывающаго холода, ноги не чувствовались.

— Идемъ, идемъ скорѣе, — тормошилъ я Алешу, — мы замерзнемъ.

Мы встали и опять пошли, не чувствуя отдыха.

— Что это такое? — вдругъ спросилъ я, протирая глаза — у меня уже галлюцинаціи начинаются, смотри — телеграфные столбы, это желѣзная дорога?

— Не вижу, не можетъ быть — отвѣчалъ Алеша.

Черезъ минуту, однако, мы уже убѣдились, что я не галлюцинировалъ. Но мало того, что мы опять пришли къ желѣзной дорогѣ, вмѣсто того, чтобы быть слѣва, она была справа, мы не переходили ее и значитъ шли обратно.

— Такъ и есть, проклятый вѣтеръ измѣнилъ направленіе — устало сказалъ Алеша, — дуетъ вѣдь такъ, какъ мы его оріентировали.

Мы опять попытались оторваться отъ желѣзной дороги и версты черезъ три опять уткнулись въ большую деревню на большакѣ. Почти у самаго въѣзда стоялъ столбъ съ указателемъ, но разобрать надписи съ земли было невозможно. Вѣтеръ какъ будто притихъ, но хотя въ деревнѣ всѣ и спали, зажигать спички мы не рѣшились. Я, нагнувшись, прислонился къ столбу, Алеша полѣзъ на меня, чтобы прочесть надпись и упалъ.

— Нѣтъ не могу, силъ нѣтъ — какъ будто извиняясь, сказалъ онъ.

Съ его помощью я влѣзъ на столбъ, но безъ огня все-таки разобрать старыхъ, почти стертыхъ бѣлыхъ буквъ на черной жестяной доскѣ не могъ и рѣшилъ отодрать ее.

Какъ ни тяжело было наше положеніе, а все-таки, портя общественное имущество, да еще такого назначенія, я испытывалъ непріятное чувство отъ своего некультурнаго поступка.

— Въ этомъ, если хочешь, и есть и наша слабость, и преимущество враговъ, имъ легче, средствъ борьбы больше. Мы будемъ умирать, а все бояться некорректности — улыбнулся Алеша на мои слова.

Отойдя въ сторону въ лощину и прикрывъ полой зажженную спичку отъ вѣтра, мы прочли: до города В. сорокъ верстъ, до села Воронцова десять верстъ. Это было то село, гдѣ мы провели день, въ пути мы были уже часовъ десять и за все время прошли тоже только десять верстъ. Ни слова не говоря другъ другу, мы опять побрели, съ трудомъ пере-

двигая ноги. Было еще темно, но по какимъ-то неуловимымъ признакамъ видно, что близится утро.

— Давай искать деревню для дневки — сказалъ Алеша, — заберемся въ ометъ, а когда утромъ бабы придутъ за соломой, спросимъ, гдѣ мы и кто въ деревнѣ.

Стало свѣтать. Овраги кончились, мѣсто было ровное, но какъ на грѣхъ деревни не было, вотъ зачернѣется что-то въ сторонѣ, мы идемъ туда — лѣсъ. Такъ было нѣсколько разъ.

— Скорѣе, скорѣе, голубчикъ мой, ради Бога, скорѣе — торопилъ я бѣднаго Алешу, совсѣмъ измученнаго — надо до свѣта найти дорогу — мы шли полемъ, — и по ней къ деревнѣ. — Иначе конецъ, первый же кавалеристъ — и мы пойманы.

Наконецъ мы набрели на дорогу, широкій полозъ „розвальней“ на нее указывалъ. Полубѣгомъ, на подкашивающихся ногахъ, изъ послѣднихъ силъ мы двигались по слѣду. Разсвѣтъ приходилъ быстро, какими-то рѣзкими скачками, какъ это бываетъ въ театрѣ. Впереди что-то затемнѣло. Лѣсъ или деревня? Нѣтъ, какъ будто деревня. Уже совсѣмъ засвѣтло, перейдя оврагъ, мы подкрадывались къ гумнамъ еще спящей деревни. На краю, далеко отъ построекъ, чуть надъ землей возвышался небольшой, крытый соломой погребокъ, входъ былъ заткнутъ обмолоченнымъ снопомъ.

Черезъ минуту мы уже лежали внутри на соломенныхъ матахъ, снопъ по прежнему затыкалъ входъ. Но какъ ни старались мы согрѣться, прижавшись другъ къ другу, а вѣтеръ, пронизывавшій насквозь жиденькую крышу, не давалъ покою.

— Богъ ты мой, ну и сельскіе хозяева,— стукнулъ себя по лбу Алеша, — вѣдь не надъ землей же устроена эта крыша, что это съ нами сегодня дѣлается?

Объяснять не приходилось и, ни слова не отвѣчая, раздвинувъ маты, я нащупалъ подъ ними доски.

Уже черезъ минуту, поднявъ маты и доски, мы, заложивъ все по старому, по лѣсенкѣ спустились внизъ и, разровнявъ картошку, на которой мы стояли, легли въ этой гостепріимной не то берлогѣ, не то гробу, въ абсолютной темнотѣ. Только что мы стали засыпать, какъ надъ самой головой послышался топотъ копытъ. Очевидно проѣхало нѣсколько человѣкъ и при томъ верховыхъ, ни шума колесъ, ни скрипа саней по снѣгу слышно не было.

— Разъѣздъ — сквозь сонъ пробормоталъ Алеша.

— Вѣроятно — отвѣтилъ я.

Должно быть, уже проспавъ нѣсколько часовъ, я услыхалъ орудійный выстрѣлъ и полубезсознательно перекрестился. Алеша проснулся, вѣроятно, крестясь, я его толкнулъ.

— Что ты? — испуганно вскочилъ онъ.

— Крещусь — отвѣчалъ я.

— Почему?

— Выстрѣлъ, фронтъ близко, — и мы оба заснули.

ГЛАВА IV.

Безнадежно.

Черезъ сколько времени мы проснулись, было ли утро, день или вечеръ — мы не знали, въ нашей могилѣ было все такъ же темно. Алеша зажегъ спичку, досталъ изъ моей сумки двѣ послѣднія домашнія лепешки и протянулъ мнѣ одну; я попробовалъ и не смогъ — тошнило. Ноги болѣли, должно быть, мы ихъ подморозили прошлой ночью.

— Ну, я иду на развѣдку, въ случаѣ чего крикну, ты меня подожди здѣсь — сказалъ Алеша и полѣзъ вверхъ.

На минутку, пока онъ поднималъ доски и маты, ко мнѣ проскользнулъ тусклый свѣтъ. Я сталъ уже волноваться, такъ долго онъ не возвращался, когда онъ негромко окликнулъ меня.

Полулежа на соломенныхъ матахъ въ верхнемъ этажѣ нашего пріюта, мы стали совѣщаться.

Алеша разсказалъ о результатахъ своей вылазки. Выйдя изъ засады, онъ увидалъ, что мы на краю деревни, расположенной у рѣки, мимо погреба шла протоптанная по снѣгу дорожка къ колодцу, и вскорѣ по ней прошелъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати съ ведромъ. Алеша окликнулъ его, тотъ сначала испугался, увидавъ человѣка, выглядывавшаго изъ погреба, но потомъ подошелъ. Оказалось, что мы проспали часовъ восемь, было уже далеко за полдень. Дѣйствительно утромъ черезъ деревню проѣхалъ разъѣздъ красныхъ, днемъ стрѣляли изъ орудій.

— Вотъ наша изба, крайняя, пойдемъ къ намъ обогрѣться, мамка ушла, „нянька“ дома — закончилъ мальчикъ.

Въ теплой избѣ насъ ласково, какъ знакомыхъ, встрѣтила дѣвушка лѣтъ шестнадцати, замѣчательно красивая и изящная. Неизбѣжно грубая и суровая деревенская жизнь часто даетъ

здоровыхъ, красивыхъ и сильныхъ женщинъ, но не часто изящныхъ. Но если уже деревенская дѣвушка изящна, то изящество ея дѣйствительно исключительное – нѣжное, правдивое, чистое и простое — какъ полевой цвѣтокъ. Именно такой и была наша молодая хозяйка. Она ни слова не спросила, ни кто мы, ни откуда; было видно, что ей и такъ все ясно и что она готова на все, лишь бы помочь и спасти своихъ. Насъ сразу овѣяло тепломъ.

Только потомъ, когда я уже смогъ оглянуться назадъ на все нами пережитое, я понялъ, какую огромную роль въ успѣхѣ нашего побѣга и не только просто практическую, а главное нравственную, играло то общее сочувствіе, которымъ мы вездѣ въ пути пользовались. Безъ этого сочувствія едва ли у насъ хватило бы бодрости до конца.

Мы попросили разрѣшенія отдохнуть у нихъ до ночи и, получивъ его, только что собирались лѣзть на печку, какъ отворилась дверь и вошла уже пожилая баба. Увидавъ насъ, она молча остановилась.

— Это еще что за люди? — обратилась она къ дочери.

Та смущенно стала объяснять.

— Уходите, уходите скорѣе, — сразу закричала она — по деревнѣ красные рыщутъ, ищутъ дезертировъ, барскій домъ разграбили, господа съ добровольцами ушли, старосту чуть не убили, застанутъ васъ здѣсь — пропали мы всѣ.

Дочь попыталась что-то возразить.

— Молчи, дура сердобольная, ребятъ не видала, мало своихъ деревенскихъ, чужихъ зазвала — грубо оборвала ее старуха.

Та замолчала, опустивъ голову.

— Покажите тогда, хоть, гдѣ намъ до темноты спрятаться — попросилъ я.

— Покажи имъ, Петя, сведи ихъ къ сусѣдямъ въ закутку, она порожняя — охотно согласилась хозяйка.

Мальчикъ осторожно провелъ насъ въ пустой плетневый сарайчикъ.

Часа два до темноты простояли мы тамъ, ожидая каждую минуту красныхъ, окончательно продрогшіе, переступая отъ холода съ ноги на ногу.

Когда стемнѣло, я опять пошелъ въ избу попросить обогрѣться, но опять встрѣтилъ тѣ же вопли, получилъ кусокъ хлѣба и узналъ дорогу на В.

Намъ надо было перейти рѣку или здѣсь или въ двухъ верстахъ отсюда въ другой деревнѣ, оттуда до желѣзной дороги было версты три, а до города тридцать пять.

Когда я вернулся въ сарайчикъ съ этими свѣдѣніями, Алеша стоялъ, прислонившись къ стѣнкѣ сарая и спалъ. Я тихо подошелъ къ нему и съ нѣжностью и жалостью сталъ вглядываться въ его лицо. Онъ страшно за послѣдніе дни похудѣлъ и осунулся, цвѣтъ лица былъ какой-то желто-землистый.

— Безнадежно, — вдругъ проговорилъ онъ, бредя, и сразу проснувшись отъ звука собственнаго голоса и увидавъ, что я пристально смотрю на него, грустно потупился.

Нѣсколько секундъ мы простояли молча. Я не могъ не понять, о чемъ онъ бредилъ во снѣ, и слова его, отвѣчавшія и на мои, откуда-то издалека все время начинавшія прорываться и подкрадываться, мысли, острой болью сдавили мнѣ грудь. Безысходная тоска охватила меня. Но ни одинъ изъ насъ не смогъ начать этого разговора, и наскоро условившись перейти рѣку въ другой деревнѣ, такъ какъ здѣсь было страшнѣе, мы вышли изъ сарая.

— Сдѣлаемъ послѣднюю попытку — какъ будто отвѣчая на его слова, сказалъ я.

Онъ молчалъ.

Мы подошли къ рѣкѣ, съ воды сорвалась стайка запоздавшихъ дикихъ утокъ и съ характернымъ свистомъ полета унеслась куда-то вдаль, снѣгу здѣсь было меньше. Скоро по обѣимъ сторонамъ рѣки завиднѣлись огоньки деревни.

На наше счастье мостъ оказался на самомъ краю. Съ часъ мы простояли, прижавшись къ вороху замашекъ, дожидаясь пока на улицѣ прекратится ходьба, поискали лодку, нашли ее, но полную льда, воды и безъ веселъ. Наконецъ, когда совсѣмъ уже стемнѣло, пригнувшись, почти ползкомъ, по колѣно въ водѣ, черезъ лежавшій прямо на водѣ плетневый мостъ, мы перешли черезъ сильно вздувшуюся рѣку.

Скоро передъ нами опять завиднѣлись все тѣ же телеграфные столбы, высокая насыпь и та же безмолвная мертвая дорога. Въ проволокѣ нылъ вѣтеръ, столбы монотонно гудѣли.

И странная вещь, стоило мнѣ только дойти до дороги, преодолѣвъ первый барьеръ сегодняшней ночи, какъ силы меня въ первый разъ за все время пути совершенно оставили. Я каждую минуту спотыкался, почти падая, все время подъ раз-

ными предлогами останавливался, прося Алешу подождать. Сорвавшееся у Алеши во снѣ слово, очевидно, подрѣзало меня, физическихъ силъ было немного, ѣсть я уже не могъ, а нервы больше уже не служили. Наконецъ, я совсѣмъ остановился.

Алеша, шедшій впереди, замѣтивъ, что я стою, окликнулъ меня.

Я не отвѣчалъ, такъ было мнѣ тяжело.

Тогда онъ подошелъ ко мнѣ и какъ-то ласково и нѣжно взялъ меня за руку.

— Ваничка — началъ онъ — не намъ съ тобой обманывать другъ друга, вѣдь ты, какъ ни стараешься подбодрить меня, а тоже не вѣришь въ успѣхъ, какъ и я. Къ чему скрывать правду, разъ мы оба не вѣримъ въ него. Надо честно признаться въ ней другъ другу. Дальше итти въ такомъ видѣ и безполезно, и опасно. Мы не въ силахъ „ихъ" догнать. Черезъ день пути даже документы насъ уже не спасутъ, когда мы пройдемъ свой городъ. Надо придумывать что нибудь другое.

Трудно передать до чего тяжело было, признаваться въ своемъ пораженіи. Признаваться послѣ столькихъ усилій, мыслей, вѣры, столькихъ удачъ и успѣховъ. Все это пропадало, все это шло на смарку. Я живо представилъ, въ какомъ горѣ будутъ наши, узнавъ о нашемъ провалѣ, и съ ноющей болью все думалъ о томъ, какъ можетъ быть близки тѣ, у кого мы искали защиты и кто уходилъ и уходилъ отъ насъ каждый часъ. Но и правда словъ Алеши, а главное та непоправимая брешь, которая была уже нанесена однимъ тѣмъ, что эти слова были уже произнесены, уже сказаны — покорили меня.

Недолго поговоривъ, мы рѣшили зайти въ первую же деревню, остановиться у кого нибудь и прожить тамъ дня три-четыре, пока фронтъ отхлынетъ и мы окажемся въ глубокомъ тылу. Тогда, повернувъ, итти въ ближайшій уѣздный городъ, гдѣ у насъ были знакомые, написать своимъ, попросить продать все, что можно, и, получивъ деньги, съ помощью комиссіонеровъ-евреевъ перебраться гдѣ нибудь на западѣ черезъ границу.

ГЛАВА V.

Унтеръ-офицеръ.

Съ этимъ рѣшеніемъ, какъ то уныло успокоившись, мы уже черезъ полчаса входили въ какую-то небольшую деревню, свернувъ отъ желѣзной дороги въ сторону по первой попавшейся полевой дорогѣ. Долго стучали въ первую хату, пока не увидали, что на ней виситъ замокъ и не подошли къ другой. Изба была кирпичная и богатая. Мы постучали, кто-то отвернулъ въ лампѣ огонь и спросилъ, что надо.

— Нельзя ли у васъ переночевать? — сказалъ Алеша.

— Заходите, сейчасъ отворю — отвѣчалъ мужской голосъ.

Мы вошли. Насъ впустилъ молодой мужчина, крестьянинъ лѣтъ тридцати, въ чистой бѣлой рубашкѣ, коротко остриженный, съ большими усами и безъ бороды. Кромѣ него въ хатѣ были только его отецъ и мать. Оба уже спали. Онъ предложилъ намъ поѣсть, но, полѣзши въ печку, извинился, что щи съѣли и больше ничего нѣтъ, и мы ограничились хлѣбомъ съ квасомъ.

Хозяинъ, вопреки общему обыкновенію, не спросилъ, откуда мы и кто такіе, и на вопросъ, нельзя ли будетъ у нихъ прожить дня три, отвѣчалъ согласіемъ, а мы уже, стараясь не думать о прошломъ, не спрашивали, сколько верстъ до В. и не предлагали обычныхъ вопросовъ, а понемногу стали разузнавать, далеко ли до того уѣзднаго города, который теперь насъ интересовалъ. Новый планъ и тѣ новыя трудности, которыя съ нимъ неизбѣжно были сопряжены, перенесли уже всѣ мысли и настроеніе въ новое предпріятіе, заставивъ понемногу успокоиться, старое тихо уплывало куда-то назадъ.

Закусывая и уже готовясь къ ночевкѣ, — дешевые, стѣнные часы показывали уже восемь, — я сталъ отъ нечего дѣлать, что-бы только поддержать разговоръ спрашивать хозяина о хозяйствѣ, мѣстной жизни, цѣнахъ и пр.

— Богъ знаетъ, что дальше будетъ, а сейчасъ хорошо было: и соль, и сахаръ, и керосинъ, все было — отвѣчалъ онъ, — сегодня только наши мужики съ базара пріѣхали, на послѣдяхъ прямо возами привезли.

— Какъ съ базара? — спросилъ я, — развѣ у васъ на базарѣ торгуютъ этимъ?

— У бѣлыхъ все есть — отвѣчалъ онъ.

Я насторожился.

— А гдѣ же это былъ базаръ?

— А въ В.

— Да развѣ В. не занятъ красными?

— В.?... Нѣтъ, не занятъ...

Я взглянулъ на Алешу, тотъ также сидѣлъ, насторожившись, хозяинъ, замѣтивъ, что мы переглянулись и волнуемся, какъ мнѣ показалось, чуть улыбнулся.

— А гдѣ же красные?.. — опять продолжалъ я.

— Красные?... — Онъ на секунду замялся, какъ будто для большаго эффекта своихъ послѣдующихъ словъ, — красные позади, а бѣлые впереди...

Въ этотъ моментъ я совершенно случайно взглянулъ на стѣнку: среди вѣеромъ прибитыхъ безвкусныхъ поздравительныхъ открытокъ, съ обычными трафаретными, банальными надписями, висѣло нѣсколько фотографій, и по серединѣ портретъ солдата въ молодцеватой позѣ съ тремя нашивками на погонахъ. Весь нашъ діалогъ съ самаго начала шелъ въ самомъ ускоренномъ темпѣ. Сходство фотографіи съ хозяиномъ было несомнѣнное.

— Это вашъ портретъ? — спросилъ я.

— Мой...

— Вы старшій унтеръ-офицеръ?

— Такъ точно — вытянувшись по военному и весело улыбаясь, отрапортовалъ онъ.

— Охъ, Боже мой! — вздохнулъ Алеша, — ну, тогда нечего скрываться, вы догадываетесь, кто мы?

— Сразу догадался — отвѣтилъ тотъ.

За минуту передъ тѣмъ вялые и устало спокойные, мы оживленно и нервно стали буквально засыпать его вопросами.

— Такъ, скажите, гдѣ же мы сейчасъ? — гдѣ фронтъ?

— Вы въ междуфронтовой полосѣ, красные остались уже сзади, а бѣлые еще впереди, сейчасъ навѣрно они еще въ В.

— Но откуда же вы все это знаете? — вы понимаете, что значатъ для насъ ваши слова, увѣрены ли вы въ томъ, что говорите, вѣдь вопросъ идетъ о нашей жизни — наперерывъ аттаковали мы его вопросами.

— Помилуйте, — съ нѣкоторой даже какъ будто обидой отвѣчалъ онъ, — мнѣ ли ужъ не понять дѣла? Я въ полку былъ старшимъ въ командѣ развѣдчикомъ. Разрѣшите, доложу

вамъ все по порядку, какъ на службѣ полагается. Сегодня днемъ послѣ полдня въ деревню пріѣхалъ разъѣздъ красныхъ, ну, по всей повадкѣ, сразу видно, что передовая конная развѣдка. Пріѣхали съ опаской, понюхали, спросили, гдѣ бѣлые, и сейчасъ же ускакали назадъ, пѣхота не приходила. Я сейчасъ пришелъ съ караула, — у насъ въ деревнѣ теперь по очереди караулъ несутъ по случаю тревожнаго времени, — и не больше, какъ съ полчаса тому назадъ видѣлъ, какъ наши мужики, что я вамъ сказывалъ, — съ базара вернулись изъ В. Бѣлые въ городѣ, войска стоятъ, но неспокойно, верстъ за десять отсюда видали казаковъ, красныхъ нигдѣ по дорогѣ не видно. Бои сегодня шли тамъ-то — онъ назвалъ рядъ деревень, — изъ всего выходитъ, что фронтъ вы уже перешли, настоящаго фронта вѣдь нѣтъ, такъ по деревнямъ раскиданы, ни окоповъ, ничего... Если сможете сегодня ночью дойти до В., завтра будете у „нихъ". А тамъ, какъ хотите, если не въ моготу, ночевать оставайтесь.

Мы даже засмѣялись его послѣднимъ словамъ. Усталости какъ не бывало. Черезъ четверть часа, пожавъ руку хозяину и получивъ отъ него рядъ указаній о всѣхъ опасныхъ мѣстахъ, мы быстро двинулись опять къ желѣзной дорогѣ. До В. было тридцать двѣ версты.

— Неужели мы спасены? — возбужденно заговорилъ Алеша, когда мы остались вдвоемъ, — подумай только, вѣдь это прямо невѣроятно какое счастье, вѣдь попади мы въ другую избу и все было бы, можетъ быть, по другому, опять бабы стали бы про барановъ разсказывать, и ничего бы мы не узнали. Вѣдь такой человѣкъ, какъ этотъ, можетъ быть, одинъ только на всю волость и есть, и мы случайно попадаемъ именно въ эту деревню и именно въ его хату. Нѣтъ, это удивительно, это какое-то сверхъестественное счастье.

Я дрожалъ, но уже не отъ холода, а отъ волненія.

— Погоди, погоди радоваться, голубчикъ, а то сглазишь — какъ-то суевѣрно останавливалъ я его, — еще неизвѣстно, спасены ли мы, уйти отъ красныхъ это еще не значитъ догнать бѣлыхъ, и ушли ли мы еще отъ нихъ? Еще успѣемъ и отдохнуть и облегченно вздохнуть. Не торопись, не спугни нашего счастья.

ГЛАВА VI.

Послѣдніе часы.

Мы вышли на желѣзную дорогу, она уже не пугала, было довольно свѣтло — и зашагали по шпаламъ. Я шелъ всю дорогу впереди. Сперва мы еще боязливо обходили всѣ будки и станціонныя постройки, часа полтора истратили изъ предосторожности на блужданія и обходъ большого села, въ которомъ мужики будто бы видѣли казаковъ, но пройдя его и никого не встрѣтивъ, рѣшили итти на проломъ, не сходя съ пути и ничего не обходя. За всю ночь мы не встрѣтили ни души.

— Впередъ, впередъ, еще немного — поддерживалъ я самъ себя, равномѣрно ступая по шпаламъ, ноги двигались сами, версты оставались позади. Все время я задремывалъ, но слухъ напряженно бодрствовалъ. Временами однако, засыпая, я спотыкался.

— Ты спишь? — спросилъ меня Алеша.

— Сплю — отвѣтилъ я.

— А сны видишь?

— Вижу.

— И я тоже, — отозвался онъ.

Такъ прошла вся эта однотонная, но, какъ намъ показалось, недлинная ночь.

Уже совсѣмъ разсвѣло, когда мы, пройдя сквозь большое, еще спящее село, расположенное съ обѣихъ сторонъ вдоль желѣзной дороги, какъ-то неожиданно уперлись въ какую-то большую станцію; сколько мы прошли — мы не знали.

— Ужъ не В. ли? — спросилъ Алеша. Мы шли уже рядомъ.

— Богъ знаетъ — отвѣчалъ я.

На путяхъ стали попадаться желѣзно-дорожные служащіе, подозрительно на насъ поглядывавшіе.

— Какая это станція? — спросилъ я одного.

— В. — отвѣчалъ онъ.

— А кто же здѣсь? — неопредѣленно спросилъ я.

— Не поймешь — сумрачно и коротко отвѣтилъ онъ и ушелъ.

Около вокзала стоялъ бронепоѣздъ, вокругъ ходило нѣсколько человѣкъ солдатъ обтрепанныхъ и безъ погонъ.

— Офицеръ — прочелъ я, и сердце мое радостно забилось.

— Ну, кажется, больше сомнѣваться нечего? — радостно, съ сіяющими глазами и съ совершенно преображеннымъ лицомъ, обратился ко мнѣ Алеша.

— Ну, нѣтъ — отвѣчалъ я, — разъ мы смогли пройти триста верстъ, то отъ версты ноги не отвалятся, идемъ въ городъ на развѣдку, бронепоѣздъ могъ быть захваченъ, на солдатахъ нѣтъ погонъ.

Алеша заворчалъ, но пошелъ за мной.

Городъ только что просыпался. Намъ встрѣтилась молоденькая барышня, собесѣдникъ самый безопасный и подходящій.

— Скажите пожалуйста — обратился я къ ней, — въ чьихъ рукахъ городъ?

— Право не знаю, бѣлые ушли, а красные не приходили — отвѣчала она.

Мы стали искать коменданта. Наконецъ кто-то намъ указалъ домъ. Большой домъ, въ которомъ вѣроятно было прежде какое нибудь правительственное учрежденіе, былъ пустъ, двери были вездѣ открыты настежь. Когда мы вошли внутрь, намъ прежде всего бросились въ глаза развѣшенные на стѣнахъ портреты нѣсколькихъ генераловъ; среди извѣстныхъ именъ Корнилова, Алексѣева, Деникина, нѣкоторые были новыя, намъ незнакомыя: Марковъ, Дроздовскій, Врангель, подъ нѣкоторыми были выдержки изъ ихъ писемъ и рѣчей. Мы чувствовали себя, какъ попавшіе въ другую страну. Все ново, все незнакомо, здѣсь была какая-то другая, неизвѣстная намъ жизнь. Настроеніе наше все повышалось.

Коменданта нигдѣ однако не было. Мы опять вышли въ недоумѣніи на улицу. Все было пусто. Вдругъ откуда-то выбѣжалъ мужичекъ съ испуганнымъ лицомъ и растрепанной бѣлокурой бороденкой.

— Стой, ребята, не ходи на вокзалъ, тамъ бѣлые забираютъ — закричалъ онъ.

— Гдѣ? На вокзалѣ? Ну, туда-то намъ, значитъ и надо. — Радостно отвѣчалъ Алеша.

Тотъ на секунду остановился, съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на насъ, махнулъ рукой и побѣжалъ дальше.

Уже не сомнѣваясь больше, мы быстро входили на вокзалъ.

— Гдѣ комендантъ?

Намъ указали комнату.

Войдя въ нее, мы увидали человѣкъ пятнадцать офицеровъ и солдатъ въ погонахъ и съ кокардами. Очевидно здѣсь помѣщался штабъ какой-то части, такъ какъ ежеминутно приходили все новыя и новыя лица, отдавались распоряженія боевого характера, нѣсколько офицеровъ сидѣло за столомъ надъ картами, шелъ разговоръ по телефону. Настроеніе было приподнятое, но спокойное. Никто не обратилъ на насъ вниманія.

Алеша медленно вынулъ перочинный ножъ, вспоролъ свои штаны, досталъ зашитые въ нихъ документы и, подойдя къ капитану — старшему въ чинѣ изъ всѣхъ присутствующихъ офицеровъ, — молча протянулъ ему ихъ. Тотъ, оторвавшись отъ картъ, съ изумленіемъ взглянулъ на него.

— Позвольте представиться — вытянулся Алеша, по военному взявъ подъ козырекъ — штабъ-ротмистръ Алексѣй Бѣленихинъ, это мой двоюродный братъ, поручикъ такой-то — представилъ онъ меня, — мы только что вырвались отъ красныхъ.

Голосъ его дрожалъ и прерывался.

Мы вышли въ сосѣднюю комнату и молча, ни слова ни говоря отъ волненія, протянули другъ другу руки, и не столько радость, сколько чувство ужасной усталости и жажды отдыха и покоя охватили насъ.

Черезъ два часа мы уже уѣзжали съ послѣднимъ уходящимъ изъ В. поѣздомъ, шрапнель съ визгомъ рвалась надъ нами. По бокамъ дороги тянулись безконечныя вереницы уходившихъ изъ города.

Заключеніе.

На этомъ я и заканчиваю эту страницу своей жизни.

И часто теперь, одинокій, никому не нужный и всѣмъ чужой, идя подъ вечеръ домой, съ тоской смотрю я въ освѣщенныя окна, завидуя чужому счастью. И, бродя по улицамъ, мучительно вглядываюсь въ незнакомыя лица прохожихъ: не онъ ли, не она ли?... А вдругъ?... А можетъ быть?...

Гдѣ вы, живы ли вы, услышите ли вы меня, мои близкіе, мои родные?

Гдѣ ты, мой неизмѣнный и вѣрный товарищъ и въ горѣ и въ радости, мой вѣрный другъ и братъ, гдѣ ты теперь, Алеша?

Что съ тобою, моя радость, моя бѣдная, измученная Катя?

Все такъ же ли ты смотришь своими большими усталыми глазами въ безконечную даль, куда я ушелъ отъ тебя?

По старому ли молишься ты за меня, мой дорогой одинокій мальчикъ, молишься за своего безъ вѣсти пропавшаго отца и за его неизмѣнную вѣру въ святое и правое дѣло?

Чувствуете ли вы, какъ подъ лучами нашей любви какъ будто таетъ временами злое бездушное пространство, насъ разлучившее и мы вмѣстѣ попрежнему?

Гдѣ вы, родные мои?... Отзовитесь...

Иванъ Бѣленихинъ.

Севастополь. Октябрь.
Парижъ. Декабрь. } 1920 года.

Русской арміи.

Слава свѣтлому Воинству Крыма,
Побѣдившему тягостный плѣнъ,
Тѣмъ, чьи очи не слѣпли отъ дыма,
Тѣмъ, чья вѣрность не знала измѣнъ.

Тѣмъ, чья мощь подъ ударами крѣпла
И въ сраженьяхъ не гнулся чей мечъ,
Кто сумѣлъ и подъ грудою пепла
Нехладѣющимъ сердце сберечь.

Тѣмъ, кто, преданный мукамъ безмѣрнымъ,
Тѣмъ, кто, зноемъ и жаждой томимъ,
Оставался безтрепетно-вѣрнымъ
Нерушимымъ обѣтамъ своимъ.

Вамъ, чьи очи не слѣпли отъ дыма,
Вамъ, чьи жизни сгорали до тла —
Бѣлокрылому Воинству Крыма —
Хвала!

Алексѣй Гессенъ.

* * *

Лампаду синюю заправила
Передъ московскою иконой,
Благословенной, серебреной,
И встала около за Правило
Творить молитвы и поклоны.

Вдругъ воздухъ комнаты натопленной
Запахъ знакомой чайной розой
И легкой — русской — папиросой...
Качнулась, ахнула озлобленно,
Взглянула, полная вопроса...

Два слова. Два лишь! И... все брошено.
Вновь — міръ, и лунный хладъ крещенскій,
И санный путь, нашъ деревенскій,
И ликъ твой нѣжный, запорошенный,
Тотъ ликъ таинственнѣйше женскій!..

Кафе: убитыя латаніи,
Хромающіе уанстэпы.
А мнилось — вкругъ лѣса и степи,
И птичій свистъ, и пчелъ летанія!..
Нѣтъ! Не порвать мнѣ наши цѣпи.

Весной московской, волжской, крымскою
Мы связаны нерасторжимо.
Прости, Господь! Одной земли мы, —
Сквозь грѣхъ и радость серафимскую
Несемъ обѣтъ свой нерушимо.

Любовь Столица.

Царь Берендѣй.

(Продолженіе.)

ГЛАВА VII.

Прошло еще четыре дня, добрались Ананьевски послы до Минусинскаго. Ѣхали въ ростепель: такъ тепло стало, что Григорій съ Нилкой даже дохи съ себя поскидали.

Привольно разлеглось на гладкой степи Минусинское!

Улицы въ немъ прямыя да ровныя, а ужъ широки, что дорога столбовая! Но строенью куды жъ до Красноярскаго: все избы, домишки мелконькіе, горницы на двѣ, на три самые наибольшіе. За то лѣсъ, изъ коего рублены, и по Сибири на диво: бревна одно къ одному, по аршину и по полтора въ поперечникѣ; всѣ дома тесомъ покрыты, а ужъ и тесъ — по два вершка доска!

Невелико строенье, зато все высокое: отъ земли до окошка въ пору, развѣ рукой достать. Дворы, что остроги казацкіе, стародавніе, стѣнами бревенчатыми обнесены: амбарами, кладовками да конюшнями, замѣсто забора, кругомъ огорожены; у домовъ, что шатры, вездѣ крыльца съ навѣсами на столбахъ виднѣются... Сытно живутъ люди, крѣпко!

Да и съ чего бъ не жить? Минусинскія степи всей Сибири житница: оттоль хлѣбъ, оттоль скотъ, кожи и всякое сырье идетъ. Горы добра оттолѣ открыто везутъ, а назадъ везутъ подъ полой кубышечки, серебромъ-золотомъ побрякиваютъ.

Схоронитъ хозяинъ въ землю подъ поломъ таку кубышечку, гулятъ, бороду гладитъ, посмѣиватся: не страшны ему ни воры, ни пожары Минусинскіе!

Присталъ Веденѣй Саввичъ на заѣзжемъ дворѣ, отдохнулъ отъ пути, выспался, а на утро пошелъ въ трактиръ чайку попить, рѣчей послушать, дѣло развѣдать: Минусинское послѣднимъ станомъ было, дальше ужъ гону ямского не было; приходилось либо своихъ коней покупать, либо на весь путь возчиковъ договаривать.

Только отворилъ дверь въ трактиръ Веденѣй Саввичъ — такъ и обдало застольнымъ духомъ и голосами. Хоть и ранній былъ часъ, а въ трактирѣ что въ ульѣ — полнымъ полно было. Кто чай, весь распотѣвши, пилъ, кто закусывалъ и водочкой баловался.

Высмотрѣлъ себѣ Веденѣй Саввичъ столикъ у стѣнки, красною скатереткой покрытый, прошелъ туда и поманулъ полового.

Тотъ, что вьюнъ, проскочилъ промежду столовъ. Заказалъ Веденѣй Саввичъ пару чаю и про знакомцевъ своихъ спросилъ — вернулись ли? Нѣтъ, оказалось, не ворочались еще!

— Красноярскіе вы, полагать надо, ваше степенство, пріѣзжіе? освѣдомился половой.

Веденѣй Саввичъ головою кивнулъ.

— Далече ль ѣхать изволите?

— Въ Урянхай сбираюсь... какъ у васъ тутъ на счетъ коней, съ кѣмъ сговариваются?

— Туды ѣзды настоящей нѣтъ съ... развѣ со случаемъ какимъ поѣдете?

— Оно бы и лучше! Не сбирается ли кто туда, не знаешь ли?

— За рѣдкость, однако, туда ѣзда, ваше степенство: вродѣ какъ бы на тотъ свѣтъ съ!... Я поспрошаю сейчасъ... вильнулъ, что хвостомъ, салфеткою и ужъ у стойки стоялъ, съ хозяиномъ переговариваться зачалъ. А хозяинъ толстъ былъ! ровно бы у него, а не у кита, Іона во чревѣ сидѣлъ! Весь жиромъ оплылъ, съ того, должно быть, и волосъ на лицѣ не росло: какъ комъ тѣста скатаный голова на плечахъ у человѣка сидѣла!

Посмотрѣлъ толстякъ на Веденѣй Саввича, перстомъ, что пестикомъ, указалъ на кого то въ другомъ углу.

Взметнулъ малый головою, пересыпалъ волосами, какъ мочалкой на швабрѣ, и около Веденѣй Саввича выросъ. Изогнулся и доложилъ: — Марковыхъ, Маркъ Ивановичъ, ѣхать сбирается...

— Не здѣсь онъ?

— Здѣсь съ... вонъ высокій, чернявый такой сидитъ: они это самые!...

— А, ну ка, нырни до него, скажи молъ, нужу имѣетъ до него старшой приказчикъ Ананьевыхъ, Матвѣй Палыча!

Оглянуться не поспѣлъ Веденѣй Саввичъ, а ужъ къ нему половой назадъ пробирается, бѣлые чайники со стаканомъ выше головы несетъ — покачиваетъ; за имъ Марковыхъ не спѣша идетъ.

Поставилъ половой на столикъ Веденѣй Саввича Марковскій приборъ и отступилъ въ сторонку: тѣ поздравствовались, обзнакомились.

На новомъ знакомствѣ не чаемъ же кишки полоскать: приказалъ Веденѣй Саввичъ подать закуску и водочку. Честь-честью выпили, балычкомъ покрыли и стали бесѣдовать.

— Такъ въ Урянхай вы сбираетесь? молвилъ Маркъ Иванычъ и бородку черную огладилъ. — Въ кое мѣсто?

Затруднился Веденѣй Саввичъ: не хотѣлось ему Вабилина называть, а обойтись безъ того нельзя было.

— Къ Вабилину имѣю дѣльцо... отвѣтилъ.

— Да, вѣдь вы по красному товару займаетесь? спросилъ Маркъ Иванычъ.

— По красному... Поставочка одна подвертывается, такъ надумалъ Матвѣй Палычъ скота у него приторговать...

— Тэкъ съ, тэкъ съ... Большія дѣла по этой части Вабилинъ дѣлаетъ!...

— И вы, слыхалъ я, туда жъ ѣдете?

— Собираемся...

— Меня съ молодцами въ конпанію не возьмете ли?

— Съ нашимъ удовольствіемъ! Только я до степи до Чакульской, а оттуда вамъ на восходъ, а мнѣ на закатъ пути пойдутъ. Вы на виланы Енисейскіе, я на Кемчикъ ѣду. Вмѣстѣ, стало быть, только сквозь Саяны пройдемъ.

— А тамъ то я его какъ же сыщу? усомнился Веденѣй Саввичъ.

— Тамъ пустое: всякій сойотъ за восьмушку махорки доведетъ... Усмѣхнулся даже Маркъ Иванычъ: — царя Берендѣя да не сыскать?!

— Когда же вы въ путь?

— Дня черезъ три-четыре разсчитываю... Заболѣлъ я тутъ не во время, запоздалъ шибко: въ этомъ году самыми что ни на есть послѣдними отсюда мы съ вами тронемся! Лошадокъ имѣете?

— Нѣтъ, на ямскихъ пріѣхали!

— Приторговать, либо подрядить надобно-съ. Человѣчка

я къ вамъ по этой части пришлю, съ нимъ сладитесь... Впервой въ тѣ мѣста сбираетесь?

— Впервые...

— Такъ совѣтцемъ позвольте вамъ сослужить: запасу всякаго побольше съ собой прихватите. Для сойотни махорки наберите, чаю кирпичнаго, ситчику поярче, кремешковъ съ кресалами, ножичковъ — всякаго пустого прибору!

— А на кую стать?

— Замѣсто денегъ понадобится: не понимаютъ, вѣдь, тамъ ихъ!

— Мѣновой, стало быть, торгъ ведете?

— Мѣновой. А вамъ конька ли прикупить затребуеся, проводнику ли заплатить — сейчасъ изъ мѣшка махорочку! Да очень то не балуйте ихъ, не портите: фунтъ-два за коня и достаточно!

Усмѣхнулся Веденѣй Саввичъ. — Не дорого!... молвилъ.

— А махорку берите не листовую, а толченую, мелкую: тамъ не курятъ, а нюхаютъ...

Много полезныхъ совѣтовъ надавалъ новый знакомецъ Веденѣй Саввичу: человѣкъ откровенный былъ и очень тѣмъ ему понравился.

Только вышелъ изъ трактира Веденѣй Саввичъ — на своихъ молодцовъ наткнулся: по улицамъ гуляли, на народъ глядѣли, себя показывали. Шапки набекрень, зипуны разстегнуты, изъ подъ нихъ суконные кафтаны видать — одно слово: франты!

А на дворѣ весна совсѣмъ! солнце смѣется, грѣетъ, съ крышъ снѣгъ то и дѣло что те пышная барыня въ кринолинѣ плыветъ — шумитъ-рушится, а ужъ вода льетъ — что дождь хорошій! Забралъ молодцовъ старшій приказчикъ и пошелъ съ ними на площадь, въ ряды, хурду-мурду всякую покупать. Извелъ двѣ красненькихъ, а товару огребъ — не унести было: салазки верхомъ ему нагрузили.

Воротились къ себѣ на заѣзжій дворъ, а ужъ тамъ борода поджидаетъ ихъ о лошадяхъ договариваться.

Глаза ажъ выпучилъ Веденѣй Саввичъ, какъ услыхалъ цѣну: въ оба конца ихъ четверыхъ свозить заломила борода двѣ сѣренькихъ! А сталъ въ дѣло вникать — видитъ человѣкъ спросилъ по совѣсти; подъ сѣдоковъ надобились двѣ тройки, да двѣ пары подъ сѣно съ овсомъ: въ пути и клока

моху не получить для лошадей, съ собой все везти требуется. Десять коней, да четверо ребятъ, да шесть недѣль времени, да харчъ въ пути... и слѣдъ бы дать, да безъ торгу не жить же?

— Эко сказалъ что! молвилъ Веденѣй Саввичъ: — вѣдь ты зашибить эдакимъ словомъ человѣка можешь!

— Отъ слова не станется, ваше степенство! отвѣтилъ рядчикъ: — а спрошено не обидно, по Божески!

Зачали торгъ вести: вымучилъ приказчикъ въ уваженье себѣ одну красненькую, на томъ и пошабашили: оба довольны остались.

Три дня проваландались гонцы въ Минусинскомъ; молодцы по рядамъ, по базару ходили, къ торгу присматривались, Веденѣй Саввичъ въ трактирѣ посиживалъ, бесѣды съ купцами велъ. У Марковыхъ побывалъ — тамъ хозяинъ только что волосы на себѣ не рвалъ: давно у него во дворѣ шестеро саней съ кладью стояло увязанныхъ: хоть сейчасъ бы въ путь, да сукна цвѣтныя припоздали изъ Красноярскаго. Безъ сукна не торгъ; по всѣмъ монгольскимъ землямъ они первый товаръ: красныя — ламы — духовный чинъ ихній — носятъ, кирпичнаго цвѣту — простой народъ, синія да голубыя берутъ поменѣе, а другихъ окрасокъ сукно и совсѣмъ на рукахъ у купца останется.

Подоспѣло наконецъ и сукно: двое саней съ нимъ еще уклали-увязали у Марковыхъ; совсѣмъ сготовились въ путь и Ананьевски послы: на зорькѣ положено было выѣхать.

Порѣшили на томъ въ обѣдъ; сумеречить зачало — вышелъ Веденѣй Саввичъ съ молодцами у воротъ постоять: теплынь была, тишина, мягкій снѣжокъ пушилъ — благодать, одно слово! Прохожихъ, почесть, вовсе не было, только обозъ, саней съ десятокъ, съ кожами съ Енисейскаго рукава въ улицу втягивался.

— Гляньте кось, никакъ медвѣжьи шкуры везутъ?! Нилка сказалъ.

Вглядѣлись всѣ: возы высоченные ѣхали; тамъ и медвѣжьи, тамъ оленьи и всякихъ звѣрей шкуры были.

Взяло любопытство Веденѣй Саввича. — Эй, почтенные, отколь Богъ несетъ? крикнулъ.

Одинъ изъ возчиковъ подошелъ къ стоявшимъ. Весь былъ въ снѣгу, какъ вывалянный.

— Здравствуйте, молвилъ. И шапку приподнялъ. — Изъ Урянхая, однако...

— Да ну ка ты?! обрадовался Веденѣй Саввичъ: — хорошо ли ѣздилось?

— Вызволилъ на этотъ разъ Господь!

— О, что такъ? иль путь не хорошъ стоитъ?

— Путь то хорошъ, да чуть на дно не пустилъ насъ Енисей-батюшка!

— Какимъ родомъ!

— Вскрылся на Большомъ порогѣ безо времени! Только мы его миновали, онъ какъ зачалъ палить-крутить! на пять минутъ запоздай мы — и крышка бы!

Ахнулъ приказчикъ.

— Да что ты?! молвилъ. — Какъ же, все таки можно еще въ Урянхай пробраться?

Возчикъ свистнулъ и рукой махнулъ.

— Нѣтъ, ужъ шабашъ! ворону теперь въ Урянхай пролетѣть, развѣ, въ пору!

Кровь запечаталась въ жилахъ Веденѣй Саввича. Стало быть, не добыть отъ Вабилина денегъ, не выйти въ люди, не быть съ Матвѣй Палычемъ въ пайщикахъ?!

Взмахнулъ обѣими руками и что шаръ покатился, почесть побѣжалъ, къ Марковыхъ.

— Что, иль онъ въ Урянхай сбирался? спросилъ возчикъ.

— Да... отозвался Григорій.

— И вы съ нимъ?

— И мы...

— Ну, это до будущаго году вамъ отложить придется! Прощевайте, однако, молодцы... и заспѣшилъ за обозомъ.

А тѣ остались у воротъ стоять: глядѣли какъ, ровно бы челны по рѣкѣ, уплывали въ потемки сани; въ домахъ огоньки помаргивали... снѣжокъ щеки нѣжилъ... Сказываютъ люди — Христосъ родился въ такую жъ ночь!

ГЛАВА VIII.

Надѣлалъ переполоху у Марковыхъ Веденѣй Саввичъ! Хозяинъ руками объ полы ударилъ.

— Да не можетъ быть?! вскрикнулъ. Схватилъ шапку и въ чемъ былъ, въ одномъ кафтанѣ, на улицу кинулся, узнавать чей обозъ прошелъ.

Съ полчаса минуло времени, воротился ночи чернѣй, брови въ одну тучу сдвинулись. Вошелъ въ горенку и шапку объ лавку шваркнулъ.

— Нѣтъ фарту ни въ чемъ! сказалъ. — Надо жъ такому горю быть: вѣдь за тридцать лѣтъ только во второй разъ Енисей въ такую рань вскрылся! На зло будто!...

— Какъ же теперь будемъ? Веденѣй Саввичъ спросилъ. А самъ изъ лица что стѣна бѣленая.

— Мнѣ новую зиму ждать приходится... отвѣтъ далъ Маркъ Ивановичъ. И руки въ карманы засунулъ, въ окошко сталъ зрить.

— А намъ? Неужто жъ такъ таки и ходу нѣтъ нигдѣ сквозь горы?

— И есть и нѣтъ... процѣдилъ сквозь зубы хозяинъ.

У Веденѣй Саввича ажъ глаза зажглись: обрадовался!

— Такъ чего жъ лучше? Ѣдемъ, стало быть?!

Маркъ Ивановичъ глянулъ на него искоса. — Горячъ ты, вижу... отозвался.

— Коль о двухъ головахъ — поѣзжай!...

— При чемъ тутъ двѣ головы? Иль опаснѣй по горамъ ѣзда, чѣмъ по рѣкѣ?

— А ты равнять, что ль, рѣку съ тропой думаешь? Горъ то, вѣдь, верстъ на четыреста до Урянхаю пошло, тайга, кручи. Коней половину въ пропастяхъ побьешь, покуль туда доберешься; верхомъ, вѣдь, туда вникнуть только можно, съ вьюками. А конь въ горахъ всего четыре пуда во вьюкѣ несетъ. Ну ка, прикинь, сколько мнѣ ихъ потребуется? Сотня головъ!... Отколѣ ихъ взять?

Замолчали. Потеребилъ Веденѣй Саввичъ бородку-клинышекъ, подумалъ...

— Видать, одному мнѣ съ молодцами ѣхать придется. Каравану у насъ нѣтъ, налегкѣ мы...

— Налегкѣ то налегкѣ, да не совѣтую...

— Почему?

— Опять онъ свое! Мѣста не хороши, вотъ почему!...

Въ другой разъ смолкъ Веденѣй Саввичъ: почудилось, будто не договариваетъ что-то Маркъ Иванычъ. А съ чѣмъ бы прятаться? Нечистой силы поминать, что ль, къ ночи не хочетъ.

Ударилъ онъ кулакомъ по столу. — Ѣду! отрѣзалъ. — Нельзя мнѣ ворочаться дѣла не сдѣлавши!

— Ваша воля... молвилъ Маркъ Иванычъ: — только по Енисею вы бы прямо къ Вабилину доспѣли, а тропой еще верстъ двѣсти крюку дадите!

— Пущай хоть триста!

Сталъ онъ хозяина насчетъ новаго пути допытывать; тотъ отвѣчалъ нехотя, — самъ, де, не ѣздилъ, да и рѣдко, молъ, отъ кого что слыхивалъ. А пошелъ гостя провожать, на крыльцѣ сказалъ: — такъ помните, Веденѣй Саввичъ, не было вамъ моего совѣту тропой ѣздить!

— Не коммерцію ль какую выгодную въ тѣхъ мѣстахъ онъ отъ людей прячетъ? осѣнило дорогой Веденѣй Саввича. И усмѣхнулся: забавно показалось!

А молодцы все у воротъ стояли, ждали его, дождаться не могли; куды какъ не хотѣлось Григорію съ Нилкой домой, въ Красноярскъ, ворочаться! Микита помалкивалъ — тому все едино было. Увидали Веденѣй Саввича — на встрѣчу бросились.

— Ну, ребятки! объявилъ приказчикъ: — пріѣхали мы сюда на саняхъ, отсюда верхами дальше поѣдемъ, по казацки!

Григорій шапку съ себя сорвалъ и вверхъ подбросилъ, Нилка заухмылялся востроносой рожей. Принялись они съ радости кулаками въ бока другъ другу совать, а тамъ въ сугробъ повалились и забарахтались, снѣгомъ другъ дружку кормить зачали.

Веденѣй Саввичъ въ домъ пошелъ; какъ взялъ онъ рѣшенье не ворочаться, а дальше ѣхать, такъ и на душѣ у него опять легко и спокойно стало. А что великъ и тяжекъ путь предстоялъ, его не тревожило: труденъ путь, да сладокъ кусъ по концѣ его!

На другое утро спосылалъ Веденѣй Саввичъ за бородой — съизнова съ ней договариваться приходилось.

А ужъ не то, что возчикъ — весь Минусинскъ зналъ, что Енисей на порогахъ ледъ поломалъ. Толкамъ конца не предвидѣлось: на памяти стариковъ всего два такихъ раннихъ вскрытія было. — Къ войнѣ такое дѣло случилось, сказывали.

На отрѣзъ отказался возчикъ везти гонцовъ въ Урянхай черезъ горы: не бывалъ, дескать, тамъ и путей не знаетъ. И коней вьючныхъ не имѣетъ. Взялся только до Григорьевки, за сто верстъ доставить: деревушка такая къ самому хребту прижалась, черезъ нее промышленники по тропѣ въ горы хаживали. Но и туда ѣхать сразу не доводилось: надо было

весны ожидать — зимой въ тайгѣ, на коняхъ дѣлать нечего! Въ Красный-Яръ ворочаться — опять не рука: туда бъ доѣхали, черезъ недѣлю назадъ въ путь выбираться надо было бы. А распутица, если захватитъ — бѣда! Земля въ степи черная, жирная; развезетъ ее — ни одна тройка не вытянетъ: засядешь горе-горевать на полъ пути недѣли на двѣ!

И такъ и сякъ пораскинулъ мозгами Веденѣй Саввичъ, видитъ — въ Минусинскомъ слѣдъ ждать; оно, пожалуй, и не къ худу все вышло: особо торопиться нужды не было, а отговѣть и пасху святую съ людьми встрѣнуть куда лучше, чѣмъ въ тайгѣ съ медвѣдями!

Послалъ онъ своихъ молодцовъ квартерку подходящую выискать — не на заѣзжемъ же дворѣ было три недѣли сидѣть, а самъ за гусиное перо взялся — цидулку отписать обо всемъ Матвѣй Палычу.

* * *

Дружная весна накатила, ранняя! Не думали, не гадали минусинцы — Святую недѣлю на колесахъ встрѣтили; улицы песчаныя въ городѣ, такъ на солнечныхъ сторонахъ ажъ пыль вѣтерокъ вздымать зачалъ!

Время ушло — и не видать его было.

Обзнакомились молодцы чуть не со всѣмъ городомъ: у хозяина, гдѣ на квартерѣ пристали, съ дочками къ празднику яйца красили, тѣсто для куличей дѣвки мѣсить ихъ заставили; хоть и Страшнàя недѣля шла, а молодежи весело: чуть старшіе изъ кухни вонъ, у тѣхъ и смѣхи, и переглядки, и разговоры веселые... Григорій Нилкѣ, будто невзначай, носъ сандаломъ замѣсто яйца выкрасилъ, тотъ его тѣстомъ по щекѣ смазалъ, Микитѣ за то, что молчаливъ былъ, горшокъ большой на голову надѣли.

Праздникъ насталъ — воистину Свѣтлый день. Солнце не то что грѣло — пекло, небо словно въ іюнѣ, синее, синее... Ни вѣтра не было, ни воздыханія!

И малъ и старъ, всѣ на улицы повысыпали: всѣ въ новомъ, всѣ разодѣтые. А ужъ женскій полъ вышелъ — заглядѣнье одно: въ цвѣтныхъ сарафанахъ шелковыхъ; на головахъ, на бѣлыхъ шеяхъ нити-уборы жемчужныя, у другихъ въ кичкахъ каменье самоцвѣтное...

Хорошъ исконный сибирскій мужикъ — здоровъ, плечистъ, словъ нѣтъ! По всей Руси супротивъ него развѣ рязанцу вы-

стоять. Ну, а до дѣвки минусинской — куда жъ ему! Любую веди, на королевство сажай! Высокая да статная, грудь что валъ на рѣкѣ несетъ, глаза синіе, ясные; не коса, а канатъ тугой, чуть не до полу; поступью пава, по уму княгиня! Есть на что поглядѣть, есть что рядить, есть что хлѣбомъ кормить!

Съ такой женой, что у Христа за пазушкой: весь домъ поведетъ — не нарадуешся. И гостя, кто бъ ни былъ, съумѣетъ принять и бѣду того лучше встрѣнетъ. Эта не обезпамятѣетъ, киселемъ не скинется; нужда придетъ — въ огонь первая бросится, отъ разбойниковъ одна отстрѣляется.

На площади рядъ качелей поставленъ былъ: парни съ дѣвками живыми на небо летали. Вкругъ качель торгъ въ разносъ шелъ; стрючки, пряники, кедровы орѣхи продавали: они по Сибири замѣсто сѣмячекъ. Тамъ же и яйца крашеныя съ лубковъ катали, другіе бились ими — чье крѣпче. Всюду христосованье шло, съ поклонами съ поясными, истовое.

Нилка яицъ десятка два съ собой взялъ, да халда былъ: пускалъ ихъ кое-какъ, всѣ прокаталъ-прохристосовалъ; Микита, сурьезный человѣкъ, съ пяткомъ пришелъ, да не на дѣвокъ глаза за игрой косилъ, а на конъ глядѣлъ, безъ промаху попадалъ — цѣльное лукошко домой отнесъ.

Григорій и на качеляхъ катался, и яйцами бился, и орѣхами-пряниками знакомыхъ дѣвицъ угащивалъ. О товарищахъ только подъ вечеръ вспомнилъ; глядь, а ихъ и нѣтъ никого: всѣ по разнымъ мѣстамъ разбились.

Воротился Григорій домой, а тамъ ужинать уже на столъ собираютъ. Поодаль ото всѣхъ на лавкѣ кто-то похожій на Нилку сидѣлъ, только сумрачный, да скучный, все въ окошко засматривалъ. Вглядѣлся въ него Григорій — да, вѣдь это самъ Нилка!

— Нилка, ты, что-ль? окликнулъ.

— Я... отозвался тотъ и пуще отворотился. Подскочилъ къ нему Григорій, ухватилъ за голову, повернулъ лицомъ къ себѣ: анъ у того лѣвая щека, что бугоръ вздулась, даже глазъ заплывать зачалъ.

— Гдѣ тебя угораздило? спросилъ.

— Такъ... качелью зашибло маленько...

Хорошо совралъ молодецъ, да не задачливо: выдала дѣвочка, меньшая дочка хозяйская.

— Анъ врешь! сказала: — я видала, онъ Полю Смирновыхъ щипнулъ, а она его по щекѣ треснула!

— Разговѣлся, стало быть?.,. молвилъ Веденѣй Саввичъ. Хохотъ кругомъ грохнулъ такой, что на улицѣ слыхать было. Нилка краской весь залился, ровно бы фуксиномъ рожу ему облили. Трунить, потѣшаться надъ нимъ всѣ зачали.

— Ничего, не стыдись, быль молодцу не въ укоръ! вступился, наконецъ, за парня хозяинъ. — Напредки только помни: на Красноярски повадки въ Минусинскомъ свои отвѣты живутъ!

ГЛАВА IX.

Отгуляли Ананьевски послы два дня Святой, на третій день подъ ихними окнами на улицѣ двѣ тройки копытами землю рыли, бубенцами погрохатывали. На новыхъ дугахъ ленты алыя да синія повязаны, въ гривахъ у коней онѣ жъ вплетены, у ямщиковъ кушаки на кафтанахъ красные, въ шляпахъ перья павлиньи радугой отливаются... Въ тарантасахъ на сѣнѣ ковры пестрые наброшены... что жениховъ къ вѣнцу собралась борода везти красноярскихъ гостей ради праздника!

Народу сошлось поглазѣть полна улица; пришли проводить и всѣ знакомые — тѣ въ избѣ были. Стоитъ стѣной на улицѣ крещеный людъ, лущитъ орѣшки, пересмѣивается. Снарядились, наконецъ, гонцы, распрощались, вышли, по мѣстамъ посѣдали.

Веденѣй Саввичъ шапку приподнялъ.

— Здоровы будьте, господа честные! сказалъ. Глядя на него и трое молодцовъ шапки скинули, народу поклонъ отдали.

— Счастливо ѣхать! въ добрый часъ! раздалось кругомъ. Разступился народъ, подобрали ямщики возжи, гикнули, и только пыль вскрутилась на мѣстахъ, гдѣ тарантасы стояли. Зарокотали, залились бубенцы, зашарахались люди къ домамъ поближе; будто облако бѣлое пало на земь и понеслось по улицѣ, а изъ него ленты цвѣтныя, перья золотыя посверкивали.

Мигнуть не поспѣли сѣдоки, а ужъ Минусинское позади осталось, впереди степь раскинулась — зеленѣть она уже взялась, а по-за ней, какъ въ дыму, горы по краю земли встали.

Хороша ѣзда по степи зимой, а весной того лучше! Ни ухабовъ нѣтъ, ни заносовъ; не тряхнетъ тебя, ни качнетъ... тепло... глазъ на травку, на даль радуется! Сусликъ на дыбки

подымется, на тебя глядитъ; заяцъ куцый во всю прыть отъ дороги бросится, куропатки въ пыли, что куры, нѣжатся... Паритъ земля, духъ ея теплый, могутный чуешь, силъ съ него набираешься!

Верстъ черезъ двадцать лѣсокъ пошелъ рѣденькій — пихта, да кедры попадались; еще съ двадцать отъѣхали — у ключа на обѣдъ остановились. Безъ чаю нѣтъ ѣды въ пути; ямщики костеръ развели, воду въ котелкѣ грѣть на шестахъ подвѣсили, гонцы припасъ всякій вынули, на бугоркѣ замѣсто стола расклали. А коней къ деревамъ на туго привязали: нѣтъ обычаю по Сибири, чтобъ послѣ бѣгу коню сразу сѣно давать — съ часъ выстаивается.

Съ того привалу тайга надвинулась — не настоящая еще, рубленая, а все жъ подходящая!

Выскочитъ къ ней съ шири степной ѣздокъ — за неволю не разъ и не два оглянется: все сдается — ужъ не въ рать ли несмѣтную онъ попалъ? Дерева ль это кругомъ, не богатыри ль суровые съ горъ, долинъ, со всего свѣту сошлись, на веселую степь войной идутъ, крещеный міръ полонить хотятъ?

Дорога съ горки на горку бѣжать пустилась. Ни въ день, ни въ вечеръ — въ волчье утречко загремѣли бубенцы въ Григорьевкѣ: колесному пути гонцовъ конецъ пришелъ.

Не велика, не богата жила Григорьевка — дворовъ изъ десяти была. И строеньемъ неказиста, избы все маленькія да темныя. Одна на отлетѣ стояла, побольше и посытнѣй другихъ выглядѣла; туда во дворъ и тройки свернули. Далеко ль отъ Минусинскаго уѣхали гонцы, а ужъ ровно бы въ другое царство попали: кругомъ горы темныя, тайга и народъ другой, хоть и крещеный, а не свой — инородцы; и ростомъ они приземистѣй и лицомъ — волосами чернявы: что ночь глядятъ безъ привѣту безъ русскаго.

Хозяинъ на бубенцы пріѣзжихъ встрѣтить вышелъ. Ну, куды жъ ему до Михалъ Федорыча! Съ того хоть Авраама патріарха пиши, а съ этого, прости Господи, развѣ лѣшаго! На головѣ кудлы черные, нечесанные, а бороденка такъ только щеки попачкала; брови срослись, носъ сплющенный, глаза врозь разскочились — ровно бы его кто невзначай по переносицѣ ахнулъ! Ни ступить, ни слова привѣтнаго гостямъ сказать не умѣетъ. И изба не та: почернѣй, ниже, поменѣе. Одначе и щи нашлись и самоварчикъ. Внесли его — отъ водя-

ного изъ болота будто вытащили — весь въ плѣсени; какъ изъ Тулы пріѣхалъ, такъ съ той поры, видать, годовъ двадцать сердечнаго и не чистили!

Отужинали гонцы, взялись чаевничать; пригласили вмѣстѣ чайку попить и хозяина; тотъ присѣлъ, что волкъ у дороги, съ краешку, хлебаетъ, молчитъ, черными глазами въ два разныхъ угла коситъ.

Заговорилъ Веденѣй Саввичъ о коняхъ, чтобы черезъ горы ѣхать; воззрился на него косой однимъ зракомъ, ровно бы о чудѣ какомъ услыхалъ. Другимъ на работника своего глянулъ, а тотъ у печки стоялъ, гостей слушалъ. И работникъ зорко на него посмотрѣлъ, потомъ отворотился.

Не показалось это приказчику.

— Что, иль коней у васъ нѣту? спросилъ.

— Нѣту, однако... отвѣтилъ хозяинъ: — въ деревнѣ поспрошать надо... Погоди, скоро народъ самъ сюда придетъ...

Правду сказалъ. Не успѣли послы чаю отпить, стали мужики въ избу по одному вваливаться: всякому любопытно на пріѣзжихъ поглядѣть, новыхъ рѣчей-вѣстей послушать. Собралась вся деревня; разсѣлись вдоль стѣнъ по лавкамъ, глядятъ на гостей, помалкиваютъ. Все инородцы чернявые да сутулые были; русскихъ только двѣ бороды сидѣло.

Спросилъ Веденѣй Саввичъ мужиковъ про коней — опять переглянулись всѣ.

— Что жъ... можно!... отозвался одинъ изъ бородачей. — А по что тебѣ туды ѣхать?

— По дѣламъ по торговымъ... Къ Вабилину, къ Петру Мосѣичу. Знаете его?

— Знаемъ... отозвались всѣ.

Зачали рядиться. Но какъ ни бился Веденѣй Саввичъ, чтобъ въ наемъ коней взять — не соглашались мужики.

— Нѣтъ, ты коней совсѣмъ откупи! твердили; — мало ли что въ пути можетъ статься; пропадетъ — пущай твой убытокъ будетъ! назадъ воротишься, мы ихъ у тебя по той же цѣнѣ возьмемъ!

Правы мужики были; согласился, наконецъ, на ихъ слова приказчикъ, и за шесть коней съ вьюками и сѣдлами выложилъ полторы сѣренькихъ. Окромя того двухъ проводниковъ верховыхъ нанялъ: тѣмъ особо, тоже впередъ, уплатилъ по семи

рублей. Прикинулъ въ умѣ — супротивъ Минусинской ряды въ барышахъ остался: къ добру, видать, вышло, что не во время Енисей открылся!

Порѣшили съ зорькою выѣхать: солнышка въ горахъ не ждутъ, поздно оно изъ за хребтовъ выглядываетъ.

Передъ тѣмъ какъ спать лечь, вышелъ Веденѣй Саввичъ изъ избы и только зашелъ за сарай по нужному дѣлу — глядь за нимъ изъ потемокъ человѣкъ вывернулся. Всмотрѣлся — работникъ хозяйскій.

— Слышь ка, купецъ?... шепнулъ Веденѣй Саввичу: — слово имѣю къ тебѣ. Какъ улягутся всѣ, постучу въ окошко, подойди тогда...

Не поспѣлъ рта раскрыть приказчикъ, чтобъ спросить въ чемъ дѣло — нѣтъ никого, исчезъ человѣкъ, какъ не былъ. А кругомъ тишина... что угли тайга и горы, холодкомъ отъ нихъ тянетъ... только самое донышко неба видать — свѣтлѣй оно и звѣздочка на немъ теплится...

Воротился въ избу, тамъ ужъ молодцы спать поклались, хозяева ночевать въ другое мѣсто ушли.

— А пистоли съ ружьями гдѣ наши? спросилъ.

— Здѣсь... на лавкѣ лежатъ... отозвался Нилка.

Попробовалъ приказчикъ дверь запереть — нечѣмъ: ни крючка, ни задвижки. Взялъ онъ пару пистолетовъ и подъ подушку свою сунулъ. Легъ, но не спитъ, слушаетъ. Похрапывать молодцы зачали; сперва Микита уснулъ, за нимъ Григорій, а тамъ и Нилка подсвистывать принялся... стуку все не было.

И вдругъ почудилось приказчику, будто песокъ хруститъ за стѣной, крадется вдоль нея, будто, кто. Всталъ онъ; только что сѣлъ — въ оконце, совсѣмъ чуть слыхать, два раза легонько стукнули.

Приподнялъ раму Веденѣй Саввичъ; снаружи черное пятно — голова — обозначилась.

— Ты это, купецъ?... шепотомъ спросила.

— Я...

— Спятъ, что ль всѣ?

— Спятъ. Что хотѣлъ сказать?

— Добра тебѣ желаю... вертайся назадъ! Не гожее дѣло затѣяли...

Будто талый снѣжокъ проползъ межъ лопатокъ Веденѣй Саввича.

— Ну ка, ты?!... сказалъ; — что ты мнѣ голову морочишь?

— Не морочу, по душѣ упреждаю: уѣзжай въ Минусинское!

— По что?

— А по то, что живъ будешь!

— Иль и впрямь въ Урянхаѣ разбойники живутъ?! чуть не вскрикнулъ Веденѣй Саввичъ. — Такъ что ли?!

— Не знаю, кто тамъ живетъ, только назадъ оттолѣ не вертаются...

— Въ правду ты это?!

— Не сорока я, зря болтать не стану!

По лбу себя ударилъ приказчикъ. — Ахъ ты, грѣхъ какой!!... вымолвилъ. — Неужто Вабилинъ такими дѣлами займается?!

— Не могу этого сказать: не знаю...

— Такъ кто жъ тогда? Крестьяне здѣшніе душегубствуютъ?

— Нѣтъ, они ничего, ихъ не бойся...

— А они то знаютъ, чай, кто? Они жъ туда людей возятъ?

— Какъ имъ не знать! Да не говорятъ и не скажутъ никому!

— Почему?

— Всякому своя шкура дорога! А ты думалъ съ чего тебѣ коней въ наемъ отдавать не хотѣли? Убьютъ тебя, съ кого имъ коней искать?

— О Господи!!... только и обронилъ приказчикъ. — Какъ же быть теперь?

— Назадъ ворочайся... повторила голова: — и я бъ съ тобой уѣхалъ! Опостылѣло мнѣ здѣсь съ этими лѣшаками, глаза бы мои на нихъ не глядѣли!...

— А давно ты?

— Годъ доживаю... Томскій я самъ то... Мотри купецъ, не обмолвись невзначай, что я упредилъ тебя!

— Кому говорить то?

— Ну то то же!...

Исчезло черное пятно.

Опустилъ раму приказчикъ, сѣлъ на лавку, за бороду взялся: не даромъ сказъ повелся отъ отцовъ — бородою, де,

умъ держится. Вспомнились загадки, что въ Минусинскомъ Маркъ Ивановичъ заганывалъ, вспомнились и рѣчи-переглядки пріятелей-торгашей въ Красноярскомъ. Вотъ, стало быть, что на умѣ у нихъ было, вотъ чего они не хотѣли сказывать!! А почему? зачѣмъ имъ разбойниковъ покрывать надобно?!

Жутко ему сдѣлалось. — Какъ же быть? встала задача.

Впередъ поѣдешь — смерть примешь: назадъ ворочаться — доли-фарта лишишься. И не только доли — скажетъ еще Матвѣй Палычъ — бабу, молъ, я послалъ. а не приказчика, слуху-бреху испугался дорожняго; лясы, молъ, точить тебя посылать, а не дѣло дѣлать! Довѣрья своего лишитъ... и будетъ за что!

Какъ подумалъ Веденѣй Саввичъ, что придется оплеванному жизнь доживать, страхъ, что въ душѣ шевелился, какъ огонекъ отъ вѣтра, загасъ. Можно жить больному, можно жить глупому, но оплеваннымъ стать — лучше въ воду броситься. Тряхнулъ онъ головой по старому, какъ тряхивалъ, когда молодъ-кучерявъ былъ; досталъ изъ за пазушки небольшой мѣдянъ складень, поставилъ его на окошечко и молиться зачалъ, удачи себѣ у Заступницы всѣхъ людей просить.

Много передъ тѣмъ складнемъ душъ человѣческихъ маливалось: за-прадѣдовскій еще былъ. А изображены были на немъ въ середкѣ сама Владычица, по правую руку ея, на воротцахъ, Спаситель, а на другой, лѣвой створкѣ, Иванъ Креститель съ крыльями: такъ его до патріарха Никона рисовывали и на складняхъ лили.

Пѣтухъ прокричалъ впервой, когда всталъ съ колѣнъ Веденѣй Саввичъ. Перекрестился въ останный разъ, приложился къ иконѣ и на мѣсто ее спряталъ. И легъ.

Прояснѣла душа отъ молитвы. Волосъ человѣческій съ головы не спадетъ безъ воли Божьей, стало быть и въ Урянхай Его перстъ ихъ ведетъ! Впередъ ли идти, назадъ ли ворочаться — вездѣ твоя судьба съ тобой пойдетъ... чему быть, тому не миновать, сказываютъ люди!

И какъ понялъ, что надо ѣхать дальше, улетѣли мухи-заботы, опустилъ голову на подушку и уснулъ, какъ окаменѣлъ сразу.

ГЛАВА X.

Раннимъ рано взбудили гонцовъ говоръ и гамъ во дворѣ: коней привели мужики.

Выскочили Григорій съ Нилкой безъ кафтановъ поглядѣть на нихъ — сразу заежились: холодно на дворѣ было, роса, что свинцовой листъ, всю траву покрывала, да крупная, какъ слеза оленья.

Вышелъ и Веденѣй Саввичъ. Что въ темную ночку изжилъ-передумалъ, того и примѣты никакой не было: будто даже еще степеннѣй и спокойнѣе сталъ! Оглядѣлъ коней и сѣдла. Худоваты были кони, да къ веснѣ гдѣ же по деревнямъ сытыхъ сыскать? Сѣдла плохи были, самодѣльныя, но въ ѣзду ничего, годились.

Поплескались гонцы на дворѣ у чайника глинянаго — висѣлъ у крылечка на веровочкѣ, позавтракали и на коней сѣли.

Вся деревня пришла проводить ихъ. Вникалъ взглядомъ въ душу каждаго мужика Веденѣй Саввичъ, что бъ разгадать — худое не мыслитъ ли кто; нѣтъ, не видать того было, веселые провожали всѣ, открытые: глазъ никто не отводилъ, не переглядывался. Одинъ работникъ хозяйскій суровъ былъ: встрѣнулся съ Веденѣй Саввичемъ у избы — такъ и спросилъ глазами — ѣдешь ли?

А Веденѣй Саввичъ какъ не узналъ его, и рѣчей, будто, никакихъ съ нимъ никогда не велъ: мимо прошелъ. Онъ и насупился.

Сѣлъ на сѣдло приказчикъ, стремена ему по ногѣ пригнали, оправился и шапку, какъ въ Минусинскомъ, приподнялъ.

— Прощевайте, братцы!

— Съ Богомъ! Счастливо воротиться! въ голосъ отвѣтили мужики.

Первымъ въ ворота выѣхалъ проводникъ Иванъ, за нимъ Веденѣй Саввичъ, а тамъ и остальные всѣ гусемъ; у кажнаго за спиной по ружью висѣло. Позади два коня съ вьюками шло, а хвостъ каравана другой проводникъ замыкалъ — опять же Иванъ. Инородцы — они, почитай всѣ Иваны! Головного дѣло — дороги держаться, задняго за конями глядѣть, чтобъ не отбились, вьюковъ не обронили бы.

Зазвякали на вьючныхъ коняхъ на одномъ колокольчикъ, на другомъ балаболка: хоть и уменъ конь, да не ровенъ случай — шарахнется отъ звѣря въ тайгу, какъ его безъ звонка сыщешь? А идутъ вьючники безъ привязи: нельзя, погубить, либо изувѣчить коня иначе можно!

Только миновали послѣднюю избенку — тайга началась;

саженъ на сто еще кой какая дорога была, а тамъ сѣрымъ ручейкомъ завилась-побѣжала по зеленому моху межъ деревами тропочка. Еще подалѣй и ея не стало, такъ вродѣ какъ бы слѣдъ какой чуть намѣтился: это тропа пошла настоящая. Обступила пословъ тайга вѣковѣчная.

Видалъ ты, ай нѣтъ, тайгу? Коль не видалъ, послушай про нее сказу сибирскаго!

Создалъ Господь рай-садъ огромаднѣющій. По всему раю золоты песчаны дорожки проложены, по тому по песку камни-самоцвѣты разсыпаны; по сторонамъ дерева стоятъ, всѣ въ яблокахъ въ золотыхъ да серебряныхъ, мурава подъ ними зеленая, шелковая, а по ней цвѣты алые, синіе и всякіе; росы на нихъ по утрамъ чистаго земчугу.

Ходитъ Господь по раю, передъ нимъ деревья-травы преклоняются, ангелы и птицы разноперыя хвалу поютъ.

Обзнакомились Адамъ съ Евой съ раемъ и скушно имъ стало: понятное дѣло, хоть и великъ рай, одначе все жъ таки садъ онъ былъ, въ оградѣ они, какъ бы, состояли. Заскучали они, ну, а нечистому это на руку: черезъ скуку́ онъ человѣка на всякую пакость наводитъ. Согрѣшили они. Разгнѣвался Господь, выгналъ ихъ изъ раю и слѣдъ ихній велѣлъ архангелу Гавріилу огненной метлой замести: значитъ, чтобъ ужъ ходу назадъ сыскать человѣку никакъ нельзя было.

Уходили изъ раю Адамъ съ Евой и горько плакали. А на дорожкѣ Енохъ пророкъ съ матерью Божіей гуляли; увидала ихъ Пречистая, и жалко ей людей стало: кругомъ раю, вѣдь, степь голая разстилалась, а по ней звѣри лютые рыскали — ручные то всѣ въ раю содержались.

Взмолилась Матерь Божья къ Господу, чтобъ простилъ онъ людей, но Господь отказалъ: сердцемъ еще не уходился. — Они, де, мнѣ, Господу, плохо маливались, на цвѣты, камни, на золоты яблоки больше зарились.

Возропталъ Енохъ пророкъ.

— Не человѣка въ томъ вина, а твоя, Господи! Человѣку тебѣ, Господу, въ пресвѣтломъ храмѣ не маливаться; въ пресвѣтломъ храмѣ только себя казать, на людей глядѣть: для моленья надобно мѣсто потаенное!

Задумался Господь. — Правда твоя, молвилъ: — не зря, вижу, я тебя для совѣту живымъ на небо взялъ!

И дунулъ онъ великимъ дыханіемъ. И съ того духу Бо-

жія отъ Камня Уральскаго до окіянъ-моря тайга взошла, на тысячи верстъ разлилась, по степямъ, по горамъ засинѣла-раскинулась. Темная встала, да страшная...

— Вотъ ему за мѣсто раю!... рекъ Господь. — Не искалъ онъ меня во пресвѣтломъ раю, пусть же теперь здѣсь меня ищетъ! А раю больше не быть на землѣ, быть ему за облаками набесными!...

И повелѣлъ архангеламъ-ангеламъ весь обиходъ райскій по землѣ раскидать.

Понесли ангелы златъ-песокъ, каменье самоцвѣтное, травы-цвѣты несказанные.

И разсыпали все по тайгѣ; ино мѣсто на ключи-на рѣки златъ песокъ палъ, на щели-долины пало серебро-каменье самоцвѣтное, на горахъ на высокіихъ райскія свѣчечки-цвѣты затеплились...

Вотъ что сказываютъ стары люди про тайгу про сибирскую!

Оттого какъ вступитъ въ нее человѣкъ, шапка у него сама съ головы долой просится, на умъ молитва идетъ. Оттого въ старину и храмы повелись на святой Руси темные да низенькіе, на столпахъ на тяжелыхъ; — въ нихъ точь въ точь будто въ тайгѣ стоишь: кедры-сосны столпы, суки-вѣтви своды надъ головой сплелись. И тишина въ ней какъ въ храмѣ и сумерки... Оттого и птицъ пѣвчихъ нѣту въ тайгѣ — не мѣсто въ ней веселью да пѣнію!

Осторожно идетъ конь въ тайгѣ: на ровныхъ мѣстахъ корни, что жилы стариковскія переплелись, выставились: ступать между ними надо въ выбоинки въ глубокія; ино мѣсто дерево поперекъ пути лежитъ, бурей сваленное; коль объѣхать нельзя — черезъ него кони лѣзутъ: станетъ на него передними колѣнами, да на животѣ по стволу-богатырю и перепалзываетъ; прыгать съ вьюкомъ куда жъ? — ногу сломать ни по чемъ можно! — А по горамъ и того хуже: кручи, вездѣ вострые камни торчатъ; то, какъ по лѣстницѣ, по уступамъ вверхъ надо взбираться, то по осыпямъ скалы отвѣсныя огибать. Глянешь внизъ — голова закружится: нѣтъ мѣры провалью, а по дну его рѣчка-ключъ по таежному — гремитъ-шумитъ, по камнямъ сигаетъ. Тропка развѣ въ ладонь шириной; ступаетъ по ней конь, а изъ подъ копытъ песокъ и плитнякъ мелкій внизъ дождемъ шуршитъ-сыплется.

Осклизнись нога — закувыркаешься, что турманъ московскій, живой до низу не долетишь!

Ѣхалъ Григорій и все озирался: впервой онъ въ тайгу попалъ въ настоящую.

Было на что глядѣть, на что подивиться!

Чуть тропа на низы къ водѣ сбѣжитъ — и, Боже мой, чего тамъ нѣтъ! И облѣпиха сѣрая и черемуха и смородиные кусты всякіе и хмѣль буйный! Подъ земляничнымъ цвѣтомъ земли не видать — что снѣгомъ она имъ усыпана; малинникъ стѣной стоитъ, коню едва продраться въ немъ. Идетъ конь, а у него изъ малины только уши видать, прядаетъ ими, по сторонамъ поглядываетъ: знаетъ, что самое это мѣсто любимое Михайлы Ивановича!

Встрѣча съ нимъ въ тайгѣ не диковина. Но недаромъ сказъ идетъ — не бойся въ тайгѣ звѣря, бойся человѣка. Не тронь только Махайлу Ивановича — и онъ тебя не зацѣпитъ. Бываетъ, невзначай, плечо о плечо съ нимъ разминешься, и ничего: остановится, морганетъ по свиному глазками, понюхаетъ... и уйдетъ не спѣша, по хозяйскому, а не то чтобъ по заячьи ослѣпя прочь бросился: это съ нимъ только съ перепугу бываетъ.

Въ гору тропа пошла — тутъ всѣ взлобки клубника покрыла; про чернику съ голубикой и сказывать нечего: этого добра и глазомъ не окинуть! На горахъ тайга порѣже: на кручи только богатыри лѣсные — кедры лѣзутъ.

Что ни поворотъ, то ахай, да глаза открывай шире! Былъ въ лѣсу, въ сумеркахъ и вдругъ, передъ тобой просвѣтъ въ рай разверзся: небо видишь голубое да ясное, даль горы заполонили, а на нихъ ровно бы коверъ синяго бархату накинутъ. Ино мѣсто обрывы красные да желтые проглядаютъ, скалы, будто вымершіе города-крѣпости, застыли. А еще ихъ выше небо съ землей, бѣлымъ поясомъ перепоясались — снѣговыя горы встали; и лѣтомъ онѣ льдовъ-снѣговъ не скидываютъ, вѣкъ въ серебряныхъ вѣнцахъ стоятъ. Араданскій хребетъ это видать было: нѣтъ его въ Саянахъ выше и отвѣснѣе!

На темячкахъ горъ и цвѣты иные, чѣмъ по долинамъ, вправду, должно быть, райскіе! то вдругъ померещится, будто поземка-пожаръ рядомъ съ тобой зачался; воззришься, анъ это огневки, что Неопалимая Купина, полымемъ вспыхнули;

то синій-синій глазъ на тебя изъ травы проглянетъ, да такой, что весь свѣтъ изойди, равной красоты-синевы не увидишь. А подснѣжники пушистые, а лиловые, а желто-алые цвѣты? Да развѣ перечтешь ихъ?

Внесетъ тебя конь въ поднебесье, на лобъ иной горы, идетъ, водитъ тяжко боками, копытами по цвѣтамъ, по травѣ хлюпаетъ: мокрая подъ ними земля, вязкая.

Куда ни обернись — ни кустика кругомъ, со всѣхъ четырехъ сторонъ міръ открытъ. Приволье! выше облака ходячаго ѣдешь! Солнце на полднѣ стоитъ, а свѣжо что на зорькѣ на утренней. Куды до тебя лѣсу стоячему — не дотянуться ему, далеко позади внизу онъ остался! Жаворонки поютъ надъ тобой. Что за чудо? — не жить бы, кажись, жаворонку на такой высотѣ? И вверхъ глянешь и въ бокъ — нѣтъ ихъ! А сотни голосовъ переливаются... и хрусталь позваниваетъ и серебро чистое... Станешь съ такой горы спускаться — поймешь загадку: не жаворонки, ручейки тебѣ въ травѣ пѣли! Гору всю хоть выжми — какъ губка она водой полная. Тысячи ихъ бѣгутъ-пробираются съ нея; что невѣста фатой, вся она ими покрыта; чѣмъ ниже, тѣмъ они все смѣлѣй да говорливѣе дѣлаются; съ полугоры ручейки ужъ въ ключи выросли, шумятъ, водопадами прыгаютъ. А внизу въ грозные потоки оборотились, камни ворочаютъ, пѣну клубятъ, радугой брызги надъ своимъ ложемъ раскидываютъ.

Наверху все чудесъ полно и внизъ спустился — опять же на каждомъ шагу дивись!

Нѣту въ тайгѣ пѣвчихъ птицъ, поетъ-веселится за мѣсто ихъ сердце человѣка, самъ собой на уста стихъ просится. — „Мати прекрасная пустыня“ — это про тебя, тайга, люди складывали, на твоихъ горахъ стихомъ Богу маливались!...

ГЛАВА XI.

Подъ вечеръ, однако, до солнечнаго еще заката, остановился караванъ на ночь. Выбрали проводники мѣстечко у ключа, гдѣ трава для коней получше да гуще была, разсѣдлали ихъ, развьючили, сѣдла съ вьоками подъ кедръ, подъ большой отнесли, кучей сложили, а конямъ ноги чуть спутали и пастись пустили.

Подъ самымъ кедромъ костеръ разложили, принялись воду кипятить, ужинъ готовить. Оглянуться не поспѣли — ночь

пала; засвѣжѣло такъ, что вотъ-вотъ мороза жди. Забрались всѣ, какъ въ шатеръ, подъ кедръ, на моховой коверъ, къ костру ближе; тепло тамъ, уютно, завсегда промышленники ночевать подъ кедры идутъ: никакой дождь подъ нимъ не замочитъ.

Пожалѣлъ Веденѣй Саввичъ, что дохи съ тулупами въ Минусинскомъ оставилъ: охъ, какъ сгодились бы!

Поужинали, подостлали потники, завернулись поплотнѣй въ азямы и спать вкругъ огня полегли: караулить не надо было — на псовъ надѣялись. Съ устатку крѣпко уснули гонцы, да не надолго; одинъ за другимъ стали ворочаться, то грудь, то спину къ огню подставлять: холодъ донималъ крѣпко!

Григорій подъ азямъ съ головой спрятался, въ калачъ свернулся; тепло одному боку, пріятно; другой, за то, что̀ на льду лежитъ. Перевернется — таково хорошо станетъ, а черезъ четверть часа опять вертись-отогрѣвайся.

Не стерпѣлъ, наконецъ, Григорій, сѣлъ и азямъ съ головы скинулъ. Глядитъ — по ту сторону костра Нилка торчитъ заспанный да взъерошенный: и его тоже холодъ поднялъ. А ночь мѣсячная, свѣтлая... не шелохнетъ ничто. И ключъ тише шумитъ, будто съ просонокъ...

Впервые увидалъ Григорій, какъ туманы ростутъ: вдругъ ни съ того ни съ сего, что думка у человѣка, легкое пятнышко на землѣ обозначится — ладонью его прикрыть можно. Безъ дыханья, безъ шероха струйкою вытянется чуть вверхъ, а изъ подъ кустовъ руки прозрачныя, что змѣи, ползутъ.

Больше и больше дымковъ появляется: уже будто молоко налито на землю по колѣно человѣку. А надъ нимъ что души людей безтѣлесныя вздыматься зачинаютъ... другъ къ дружкѣ склоняются, безъ вѣтру колышатся-движутся... Только къ кедрамъ да елямъ не приближаются: изорваться объ иглы можно.

— А ты не таращись зря! Еще примерещится что!... — Нилка сказалъ. — Давай-ка лучше огонь разведемъ пожарче?...

Набросали молодцы сучьевъ въ костеръ и опять на своихъ мѣстахъ умостились, да не на прежнюю стать, а какъ проводники лежали — ногами къ огню — такъ много теплѣй и способнѣе оказалось.

Еще не свѣтало, а ужъ сѣренькая тѣнь мелькнула и сѣла на кедръ надъ спавшими. Не поетъ эта птичка, а все стонетъ

— жалобится: — пи-и-къ... пи-и-къ!... только и слыхать отъ нея. Завсегда она человѣка въ тайгѣ провожаетъ; первой она просыпается, послѣдней глаза заводитъ: ужъ ночь настанетъ, а ея пи-и-къ все слышится. Нѣту имени у чудной пичуги. Сказываютъ люди — душа это некрещеная человѣческая носится, крещенья себѣ проситъ. И ежели окропить ее свяченой водой и сказать: во имя отца и сына и св. духа, нарекаю тебя, душа, коль ты рабъ Божій — Иваномъ, коль раба Божья — Марьей — пропадетъ птичка, не будетъ больше по тайгѣ за человѣкомъ носиться.

На зовъ ея поднялись проводники, а за ними и остальные. Кто воду для чая принялся грѣть, кто за конями пошелъ: разбрелись, шельмы, съ разныхъ сторонъ балаболки слышались. Пригнали ихъ, а одного — вьючнаго — не досчитались; далече забрался внизъ по ключу, тамъ гдѣ то балаболка чуть позванивала.

Нилка взялъ оброть, пошелъ искать. Не отошелъ и полверсты, почудилось ему будто что сѣрое въ заросли возится. Любопытенъ парень былъ, сунулся ближе, раздвинулъ кусты, да такъ душа въ пятки и ухнула: прямо на медвѣдя на большого напоролся: у ключа тотъ сидѣлъ, пеструшку изъ воды лапами вылавливалъ — на мелкое мѣсто попала. Крѣпко былъ занятъ своимъ дѣломъ Михайло Иванычъ, весь перемокъ, задрызгался, не зачуялъ подхода гостя, услыхалъ только, когда кусты вдругъ шибко затрещали: это Нилка, сломя голову, на утекъ пустился; подралъ не глядя, черезъ что пришлось; не хуже козы черезъ бугры, черезъ камни скакалъ. Поднялся на дыбки лѣсной хозяинъ, повелъ чернымъ носомъ, поглядѣлъ поверхъ кустовъ на Нилкины пятки и опять за свое дѣло взялся.

Нилка вылетѣлъ къ костру, что мѣлъ бѣлый.

— Медвѣдь!... — выговорилъ. И руки растопырилъ будто крылья.

Всѣ къ ружьямъ метнулись: за нимъ, думали, звѣрь гонится.

— Коня задралъ?! спросилъ Веденѣй Саввичъ.

— Нѣту... у ключа онъ... рыбу ловитъ...

Не успѣлъ слова молвить приказчикъ, а ужъ проводники ружья въ руки и въ чащобу бросились.

Веденѣй Саввичъ съ молодцами около привязанныхъ коней на караулѣ стали. Ни выстрѣла, ни крика не раздава-

лось... немного сгодя топъ мѣрный послышался, а тамъ и проводники показались: одинъ верхомъ ѣхалъ, другой рядомъ шагалъ.

— Что жъ не стрѣлили? спросилъ Веденѣй Саввичъ: — иль ушелъ медвѣдь?

— Тамъ все возится... отозвался пѣшій Иванъ: — по что его стрѣлить? Заряды дороги, а шкура, однако, теперь худая на немъ!

Позавтракали всѣ, посмѣялись надъ Нилкой и коней принялись вьючить.

Сѣлъ въ сѣдло Веденѣй Саввичъ и видитъ, что и проводники садятся, а костеръ горитъ, никто о немъ и не думаетъ.

— Что жъ вы, братцы, огонь не зальете? оборотился къ Иванамъ.

— А пущай его... тѣ отвѣтили.

— Да вѣдь, раздуетъ вѣтеръ, пожаръ можетъ отъ него приключиться, тайга выгоритъ?

— Много ея, тайги то; вся не выгоритъ!...

Съ тѣмъ и въ путь тронулись. Такъ ужъ повелось въ тайгѣ: нѣтъ того человѣка, кто-бъ костеръ за собой загасилъ!

А что съ того заведенья бываетъ, гонцы увидали скоро; взобрались они передъ полднемъ на небольшой перевалъ и вдругъ ровно бы въ другой край попали. Разомъ свѣтло стало. Да не по настоящему посвѣтлѣло, а по чудному: и впереди и кругомъ, все, будто, въ сѣрый цвѣтъ окрасилось. Не понять сразу было что случилось — думалось не дымъ ли это, не туманъ ли?

На деревахъ ни на одномъ ни листа, ни зеленаго пятнышка: стоятъ мертвыя, не шелохнутся, сучья голые въ разныя стороны тянутъ. Ни шуму, ни говору промежду нихъ съ вѣтромъ... чуть только посвистываетъ онъ, будто въ трубѣ осенью. Нѣтъ ни травы, ни цвѣтовъ, ни зарослей — одна земля бурая. А по ней, что по полю послѣ страженья, тысячи тѣлъ богатырей лѣсныхъ лежатъ. Тѣ что стоятъ еще — тѣ до первой бури держатся: давно пожаръ прошелъ, успѣлъ ихъ послѣ него всѣхъ червь источить-изъѣсть... вотъ-вотъ рушатся мощи стоячія.

Мертвая тайга!... Что по кладбищу по ней ѣдешь... часъ ѣдешь, а бываетъ, и другой и третій, и конца ей не видишь. Иной разъ верстъ на сорокъ пожарище тянется. Да

еще не во всякую пору въ нее суйся: въ вѣтеръ нѣтъ мѣста ея опаснѣе — того гляди деревомъ пришибетъ!

Трудно пришлось каравану: что ни шагъ, то поперекъ тропы лѣсной мертвецъ аршина полтора-два въ поперечникѣ — лежалъ, объѣзжать ихъ кругомъ приходилось; такъ должно быть верстъ съ пять все время по заячьи петли выписывали; счастье еще, что мѣсто дозволяло, ровное было, а то хлебнули бы горя ковшикомъ!

На гору ѣхать — коню тяжело, внизъ съѣзжать — всаднику. Кручи такія, что то и дѣло на спину коню ложись, ноги къ ушамъ его вытягивай; задняя лука въ крестецъ тебя бьетъ, конь на хвосту сидитъ, внизъ ѣдетъ, того и гляди вмѣстѣ съ нимъ колесомъ покатишься. А упалъ — либо нога, либо рука пополамъ, а то и голову, что горшокъ разобьешь: камни кругомъ ребрами изъ земли выперло.

Ужъ не тропа идетъ, а промоинка водяная; ино мѣсто, что по лѣстницѣ исковерканной цапаешься.

Спустились, наконецъ, въ долину, опять ровное мѣсто пошло.

Задній проводникъ подогналъ коня, съ Григоріемъ поровнялся — тотъ послѣднимъ ѣхалъ.

— Ойскій хребетъ, однако, перевалили!... сказалъ: — Малымъ его кличутъ!...

— А и Большой есть?

— Есть... эва, глядитъ!... Иванъ рукой впередъ указалъ. — На него послѣ обѣда подыматься будемъ. А дальше Марковъ хребетъ пойдетъ, потомъ Араданскій...

— Много ль всего то ихъ?

— Много!... большихъ семь, а тамъ рѣка Усъ будетъ. У, какая рѣка!... бѣда!

— А за ней ужъ и Урянхай?

Проводникъ мотнулъ черными кудлами: нѣтъ, дескать.

— До Урянхаю, куды вамъ надо, отъ нея еще дня на три пути будетъ! Ты, слышь, запомни: съ рѣки Уса все на полдень держись, прямикомъ на мѣсто попадешь!

— А чего мнѣ помнить? не я караванъ веду!

— То то же... отъ Уса, говорю, все на полдень надо...

Впереди въ просвѣтъ рѣка блеснула. Головной проводникъ остановился и сталъ поджидать караванъ — растянулся очень.

Не велика, не широка Ойя, глубиной гдѣ по колѣно, гдѣ по поясъ. А перебродить черезъ нее надо съ оглядкою: больно ужъ шибко струя бьетъ, того и жди опрокинетъ, о камни убьетъ. Камню этого сѣраго — гальки обточенной — видимо-невидимо... и на днѣ она, и берега изъ нея, ровно бы кто потокомъ широкимъ ее съ горъ спустилъ, Ойя по ней, что синяя жилка по виску, пробирается.

— На воду не гляди, купцы, вверхъ смотрите! упредилъ передовой: — голова закружиться можетъ!

И съѣхалъ съ бережка въ воду; за нимъ остальные гуськомъ спустились. Загремѣла галька; забрызгала, зажурчала вода вокругъ ногъ конскихъ. Покосился Григорій внизъ, видитъ стремглавъ несется рѣка, рветъ коня съ ногъ, ужъ подъ животъ тому. И вдругъ ровно бы смыло его съ заднихъ ногъ, осѣлъ конь крупомъ, мотнуло его въ сторону, потащило внизъ.

Духъ занялся у Григорія: озирнулся на рѣку и не узналъ ее — не она, будто, кругомъ, а живое что, необоримое, холодное, страшное...

— Брось повода! Не правь! Пусти слободно коня!... закричали голоса.

Понялъ Григорій, что ему кричатъ, выпустилъ поводья; оправился конь, повернулъ къ струѣ не всѣмъ бокомъ, а наискосокъ взялъ, чтобъ грудью напоръ встрѣчать... пузыри, пѣна побѣжали кругомъ. А тамъ мельче стало; выбрался Григорій на кручу, вода изъ обоихъ сапоговъ какъ изъ кувшиновъ изъ пробитыхъ льетъ — не поднялъ ногъ во время. Взъѣхалъ на берегъ и креститься зачалъ... сразу выучила Ойя какъ черезъ горные ключи въ бродъ ѣздить!

За Ойей опять живая тайга зазеленѣла — не дали ходу пожару вода и потокъ каменный.

Выдумалъ себѣ человѣкъ въ городахъ разные приборы: даже погоду онъ узнавать по коробкѣ со стекломъ можетъ. Ну, да и врутъ же эти коробки! Не вретъ за то таежный приборъ, Господомъ созданный — желна, птица монашенка да бурундукъ, звѣрекъ пестренькій. Молчитъ въ ясные дни желна, черною тѣнью съ кедра на кедръ носится; бурундука и слыхомъ не слыхать и видомъ не видать нигдѣ. А какъ зацокаетъ, забѣгаетъ онъ по палымъ деревамъ, да почнетъ кричать желна — будь покоенъ, умоешься дождикомъ!

Такъ и съ гонцами приключилось: ясный былъ день, а еще въ горѣлой тайгѣ застенала желна, бурундуковъ высыпало — ровно бы ихъ изъ мѣшка натрясли! Стали поторапливать караванъ проводники — надо было скорѣй до мѣста ночевки добираться. Только перевалили второй Ойскій хребетъ, зачали въ долину спускаться — дождь принялся крапать: ровно бы листъ сухой безъ вѣтру по всей тайгѣ зашелестѣлъ.

Еще засвѣтло сошелъ караванъ подъ Марковъ хребетъ. Не высокъ онъ, да весь кудрявъ, а ужъ долина подъ нимъ — неба не увидишь изъ подъ деревъ; травы-цвѣты коню по грудь.

Только поспѣли огонь развести подъ кедромъ, ноченька пала, да темная — зги не видать. Легъ Веденѣй Саввичъ у костра, а сну не было: въ потемки глядѣлъ, шепотъ тайги слушалъ. Днемъ ѣхалъ и ничего, никакого страху не было; въ ненастье да къ ночи загребтѣло на сердцѣ у него. — Гдѣ разбойниковъ ждать? думалось: — Вабилинъ ли это? Не въ горахъ ли какая шайка, не здѣсь ли они изъ потемокъ на насъ глядятъ, нашего сну дожидаются?

Да вспомнилъ, что велика ль корысть на тропѣ въ глухой тайгѣ сидѣть, по году безпартошныхъ прохожихъ ждать, и опять успокоился: явное дѣло не про горы, а про Вабилина худая слава идетъ! Съ Вабилинымъ столковаться приказчикъ крѣпко разсчитывалъ: старая, дескать, хлѣбъ соль не забывается!

А дождь шелестѣлъ — убаюкивалъ; во тьмѣ рядомъ балаболки позванивали...

Страшна тайга тому, кто не знаетъ ее, а кто позналъ — тому она мать родная!

Нѣтъ той бѣды, нѣтъ думы-заботы, что бъ не избыла, не развѣяла тайга.

Надежнѣй каменныхъ стѣнъ ухоронитъ она человѣка, накормитъ, напоитъ, живой водой душу взбрызнетъ. Въ нее вступишь вахлакомъ, назадъ выйдешь соколомъ: не то что куста — медвѣдя ночью не испугаешься, подъ облака на кручу взберешься не поморщишься!

Уснулъ караванъ. Уснулъ, что дома, и Веденѣй Саввичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

С. Р. Минцловъ.

Стихотворенія.

* * *

Огромными недвижными волнами
Легла моя страна.
Надъ топями болотъ, надъ цѣлинами
Плыветъ туманомъ ласковымъ весна.

И, вотъ, слилася съ горестной и чудной
Душой моей земли
Въ пустыхъ поляхъ, что рожью изумрудной
И горькою полынью поросли.

Гафизу.

Я не видалъ садовъ Шираза,
Я не слыхалъ твоихъ газеллъ,
И не меня плѣнить хотѣлъ
Суровой важностью разсказа

Чужой и странный твой языкъ.
Но я пришелъ къ тебѣ — случайный
Поэтъ иныхъ временъ — и къ тайной
Оградѣ, трепетный, приникъ.

И пѣснь твоя мнѣ стала внятной
И ясною сквозь шумъ вѣковъ,
Какъ пѣнье птицъ, какъ розы статной
Благоуханный, алый зовъ.

П. Бринской.

О Декабристахъ.

По семейнымъ воспоминаніямъ.

(Продолженіе.)

VII.

Пушкинъ былъ свой человѣкъ въ семьѣ Раевскихъ. Старикъ Николай Николаевичъ приблизилъ его къ себѣ, ввелъ въ домъ, окружилъ его теплотою семейственности въ суровые годы изгнанія, когда поэтъ долженъ былъ скитаніями по Бессарабіи искупать шаловливость юной музы. И Пушкинъ высоко цѣнилъ его: „Свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ двѣнадцатаго года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества“.

Не однимъ старикомъ былъ очарованъ Пушкинъ. Онъ, можно сказать, былъ влюбленъ во всю семью. Въ его стихахъ разсыпаны свидѣтельства о его привязанности: „Демонъ“ посвященъ Александру Раевскому, „Кавказскій плѣнникъ“ — Николаю, „Нереида“ — старшей изъ сестеръ, Екатеринѣ Николаевнѣ. Но больше всѣхъ прошла черезъ его душу и оставила слѣдъ въ его творчествѣ младшая изъ сестеръ, Марія Николаевна. Существуетъ мнѣніе, высказанное въ нашей критической литературѣ, по которому Марія Николаевна была слишкомъ молода, чтобы могъ въ нее влюбиться нашъ поэтъ. По неопровержимымъ даннымъ нашего архива, она родилась въ 1805 году; ей было, слѣдовательно, шестнадцать лѣтъ, когда Пушкинъ зналъ ее дѣвушкой. Что она сама въ „Запискахъ“ говоритъ о себѣ, какъ о дѣвочкѣ, весьма естественно при скромности, съ какою она всегда о себѣ говорила. Но она могла, конечно, умалять въ памяти своей значеніе произведеннаго на Пушкина впечалѣнія, она не смогла умалить той силы, съ которой запечатлѣвался ея образъ.

Стройная, тонкая, смуглая, съ удивительными, какъ выразился декабристъ баронъ Розенъ, „говорящими“ глазами, съ чуднымъ голосомъ, она плѣнила поэта, и онъ, вспоминая эти глаза, въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“ писалъ:

...ея очи
Яснѣе дня,
Темнѣе ночи.

Эти строки въ „Запискахъ“ Марія Николаевна признаетъ обращенными къ ней, къ ея глазамъ. Не знаемъ, какія были у нея данныя для такого утвержденія, но опять скажу: скромность ея лучшее ручательство, что это такъ и было и что образъ ея жилъ въ поэтическомъ воображеніи Пушкина.

Прелестныя строки о ножкахъ въ первой главѣ „Евгенія Онѣгина“ вызваны слѣдующимъ случаемъ. Николай Николаевичъ пригласилъ Пушкина сопутствовать имъ въ путешествіи по Крыму и Кавказу. „Не далеко отъ Таганрога, пишетъ Марія Николаевна въ своихъ „Запискахъ“, я ѣхала въ каретѣ съ Софьей, нашей англичанкой, русской няней и компаньонкой. Увидя море, мы приказали остановиться, и вся наша ватага, выйдя изъ кареты, бросилась къ морю любоваться имъ. Оно было покрыто волнами и, не подозрѣвая, что поэтъ шелъ за нами, я стала для забавы бѣгать за волной и вновь убѣгать отъ нея, когда она меня настигала; подъ конецъ у меня вымокли ноги; я это, конечно, скрыла и вернулась въ карету“. Но дѣтская шалость, которую она скрыла отъ гувернантки, была выдана поэтомъ:

Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами!

А въ другомъ мѣстѣ:

Ахъ ножки, ножки, гдѣ вы нынѣ,
Гдѣ мнете вешніе цвѣты?

Да, гдѣ? Въ Сибири, почти тридцать лѣтъ въ Сибири онѣ мяли вешніе цвѣты...

Ей же, Маріи Николаевнѣ, хотя и негласно, посвящена „Полтава“. Найденъ Пушкинскій черновикъ, въ которомъ вмѣсто „Твоя печальная пустыня“ стоитъ „Твоя сибирская пустыня“:

Тебѣ, — но голосъ музы томной
Коснется-ль слуха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвященіе поэта,
Какъ нѣкогда его любовь,
Передъ тобою безъ отвѣта
Пройдетъ, непризнанное вновь?
Узнай, по крайней мѣрѣ, звуки,
Бывало, милые тебѣ,
И думай, что во дни разлуки,
Въ моей измѣнчивой судьбѣ,
Твоя сибирская пустыня,
Послѣдній звукъ твоихъ рѣчей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ посвященіе „Полтавы“ сопровождается примѣчаніемъ: „Къ кому относится это посвященіе — неизвѣстно“. Благодаря изслѣдованіямъ П. О. Морозова, отыскавшаго упомянутый варіантъ, нынѣ извѣстно, что оно относится къ княгинѣ Маріи Николаевнѣ Волконской. Надо думать, что она сама объ этомъ не знала, иначе въ своихъ запискахъ она бы объ этомъ упомянула. Не лишено интереса и нѣкоторое внутреннее сходство: героиню „Полтавы“ зовутъ Маріей, она выходитъ за человѣка много старше ея, онъ политическій преступникъ, она жертва, гибнущая изъ за него.

Еще одинъ разъ образъ Маріи Николаевны проходитъ подъ перомъ Пушкина. Есть недоконченное стихотвореніе „Графу О.“. Это былъ нѣкій графъ Олизаръ, полякъ, который былъ влюбленъ въ Марію Николаевну и дѣлалъ ей предложеніе; но, говоритъ Пушкинъ въ стихотвореніи, дышащемъ русско-польской враждой:

Но наша дѣва молодая,
Привлекши сердце...
Отвергла...
Любовь... нашего... врага...

Это было въ 1824 г. Черезъ тридцать три года, когда, послѣ возвращенія изъ Сибири, Марія Николаевна поѣхала заграницу, она встрѣтилась съ Олизаромъ. У насъ осталось два письма, полученныхъ княгинею отъ ея прежняго вздыхателя: обезвреженная старостью, въ нихъ дышетъ искренность восторженнаго преклоненія.

Была въ нашей семьѣ и вещественная память о Пушкинѣ. Однажды у Раевскихъ разыгрывалась лотерея, — Пушкинъ положилъ свое кольцо, моя бабушка его выиграла. Это кольцо я подарилъ „Пушкинскому Дому“ при Академіи Наукъ. Кстати, здѣсь о Пушкинскихъ кольцахъ. Ихъ было три. Одинъ знаменитый „талисманъ“, который, по Тропининскому портрету, онъ носилъ на большомъ пальцѣ. Это кольцо вдова Пушкина у смертнаго одра его надѣла на палецъ Жуковскому, принявшему послѣдній вздохъ поэта. Жуковскій завѣщалъ его Тургеневу. Тургеневъ — Льву Толстому. Но Тургеневъ, какъ извѣстно, умеръ подъ Парижемъ на дачѣ знаменитой пѣвицы г-жи Віардо. Гдѣ оно, неизвѣстно, но только отъ г-жи Віардо до Ясной Поляны кольцо никогда не дошло. Второе кольцо я видѣлъ на рукѣ Великаго Князя Константина Константиновича, поэта К. Р. и президента Академіи Наукъ. Оно ему досталось по завѣщанію отъ одной дамы, но отъ кого, — не помню. Великій Князь завѣщалъ его Академіи Наукъ. Третье кольцо — мое. Осенью 1917 года я читалъ въ газетѣ, что „во время іюльскихъ безпорядковъ въ Петроградѣ разгромленъ музей Академіи Наукъ. Между прочимъ пропало кольцо Пушкина“. Которое изъ двухъ?...

Черезъ Раевскихъ Пушкинъ былъ близокъ къ декабристамъ: мы видѣли, что онъ писалъ „Кавказскаго плѣнника“ въ Каменкѣ; онъ въ Каменкѣ живалъ подолгу. Но близость эта не довела его до вступленія въ ряды Тайнаго Общества.

Здѣсь умѣстно упомянуть подробность, которая, кажется, въ литературу не проникла, но сохранилась въ нашемъ семействѣ, какъ драгоцѣнное преданіе. Дѣду моему Сергѣю Григорьевичу было поручено завербовать Пушкина въ члены Тайнаго Общества; но онъ, угадавъ великій талантъ, предвидя славное его будущее и не желая подвергать его случайностямъ политической кары, воздержался отъ исполненія возложеннаго на него порученія. Между тѣмъ, декабрьская буря прошла близко мимо Пушкина, и даже непонятно, какъ могла она совсѣмъ его не задѣть, когда и за „шалостями“ его такъ зорко слѣдило правительство. Онъ и самъ ощущалъ сообщность съ потерпѣвшими друзьями и, судя по прелестному стихотворенію „Аріонъ“, самъ недоумѣвалъ, какъ это случилось, что онъ спасся:

Насъ было много на челнѣ:
Иные парусъ напрягали,
Другіе дружно напирали
Въ глубь мощны весла. Въ тишинѣ,
На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный
Въ молчаньи правилъ грузный челнъ;
А я — безпечной вѣры полнъ —
Пловцамъ я пѣлъ... Вдругъ лоно волнъ
Измялъ съ налету вихорь шумный...
Погибъ и кормщикъ, и пловецъ.
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозою;
Я гимны прежніе пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнцѣ подъ скалою.

Извѣстно, что въ бумагахъ Пушкина найденъ рисунокъ съ пятью висѣлицами пяти декабристовъ и рукою поэта приписано: „И я могъ бы также...“

Среди декабристовъ былъ такой человѣкъ, какъ Иванъ Ивановичъ Пущинъ, лицейскій товарищъ Пушкина. Что можетъ быть трогательнѣе тѣхъ нѣсколькихъ строкъ, которыя Пушкинъ послалъ ему въ Сибирь:

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье
Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ то-же утѣшенье,
Да озаритъ онъ заточенье
Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней.

Эти строки повезла въ Сибирь Александра Григорьевна Муравьева и передала Пущину въ день его пріѣзда въ Читу сквозь щель острожнаго частокола. Въ прелестныхъ своихъ запискахъ Пущинъ говоритъ объ этомъ съ той удивительной теплотой, которой согрѣто его перо каждый разъ, какъ пишетъ о Пушкинѣ. Иванъ Ивановичъ Пущинъ былъ близкимъ другомъ Волконскихъ и крестнымъ отцомъ моего отца, родившагося въ Сибири.

Свое знаменитое „Посланіе Декабристамъ" Пушкинъ имѣлъ намѣреніе вручить Маріи Николаевнѣ передъ ея отъѣздомъ для передачи имъ въ Сибири. Но онъ пришелъ днемъ, а княгиня выѣхала въ четыре часа утра. Свое посланіе онъ передалъ той же Александрѣ Григорьевнѣ Муравьевой. Хотя Муравьева выѣхала послѣ Волконской, однако, онѣ съѣхались, такъ какъ Марія Николаевна задержалась въ Москвѣ и нагнала Александру Григорьевну въ Иркутскѣ; онѣ вмѣстѣ передали посланіе Пушкина. Привожу это хорошо извѣстное стихотвореніе и менѣе извѣстный отвѣтъ декабриста князя Одоевскаго.

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье.
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.

*

Несчастью вѣрная сестра, —
Надежда въ мрачномъ подземельѣ
Разбудитъ бодрость и веселье,
Придетъ желанная пора.

*

Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ.

*

Оковы тяжкіе падутъ,
Темницы рухнутъ, и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ.

Отвѣтъ декабриста князя Одоевскаго:

Струнъ вашихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли;
Къ мечамъ рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрѣли.

*

Но будь спокоенъ, Бардъ, — цѣпями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
Обѣтъ святой пребудетъ съ нами.

*

Нашъ скорбный трудъ не пропадетъ;
Изъ искры разгорится пламя,
И просвѣщенный нашъ народъ
Сберется подъ святое знамя.

Въ отношеніяхъ, сближавшихъ Пушкина съ декабристами, есть нѣкоторая недоговоренность, своего рода драматическое молчаніе съ обѣихъ сторонъ. Пущинъ остановился на краю признанія. Съ другой стороны, Якушкинъ разсказываетъ, какъ однажды въ Каменкѣ, въ присутствіи Пушкина, говорили откровенно, настолько, что сочли нужнымъ тутъ же замазать и превратить въ шутку, а Пушкинъ воскликнулъ: „Я никогда не былъ такъ несчастливъ, какъ теперь; я уже видѣлъ жизнь мою облагороженною и высокую цѣль передъ собой, а это была только злая шутка". Слова его остались безъ отклика. Можетъ быть, боялись пылкости, неуравновѣшенности поэта. Драматическое молчаніе этой недоговоренности, длившейся столько лѣтъ, освѣщается горькими словами поэта при прощаніи съ Александрой Григорьевой Муравьевой: „Я очень понимаю, почему они не хотѣли принять меня въ свое общество, я не стоилъ этой чести". Какъ согласовать эту недоговоренность и опасливое отношеніе декабристовъ къ Пушкину съ преданіемъ о возложенномъ на моего дѣда порученіи, не берусь судить, но счелъ долгомъ упомянуть о немъ.

Пушкину суждено было еще разъ увидѣть Марію Николаевну; онъ поѣхалъ въ Москву, гдѣ княгиня была вынуждена остаться нѣсколько долѣе, чѣмъ разсчитывала. Она остановилась у своей невѣстки, жены Никиты Григорьевича, обворожительной Зинаиды Волконской. О ней не можемъ не сказать здѣсь нѣсколько словъ. Слишкомъ ярокъ ея образъ, слишкомъ видное мѣсто занимаетъ она въ тогдашней жизни, и слишкомъ свѣтелъ теплый лучъ, которымъ она озарила образъ княгини Маріи Николаевны, передъ тѣмъ какъ онъ скрылся въ сибирскую ночь. Красавица, женщина очаровательнаго ума, блестящихъ художественныхъ дарованій, другъ Пушкина, Мицкевича, Гоголя, Веневитинова, она оставила слѣдъ въ исторіи нашего художественно-литературнаго развитія. О ней много писано и, однако, не довольно. Еще не перешла въ потомство вся прелесть этого характера, столь же живого, разносторонняго, сколько пламеннаго.

Утонченная представительница юнаго романтизма въ его сочетаніи съ пробуждающимся и мало осознаннымъ еще націонализмомъ, она была типичный плодъ западной цивилизаціи, приносящій себя на служеніе родного искусства, родной литературы. Подъ вліяніемъ Карамзинскаго отношенія къ отечественной исторіи, того дидактизма, которымъ проникнуто его изложеніе; подъ вліяніемъ „Венеціановскаго" пониманія русскаго народа, во слѣдъ романтическому увлеченію рыцарствомъ, которое позднѣе нашло себѣ выраженіе въ Никола-

евской готикѣ, — пошла въ культурныхъ кругахъ нашихъ полоса какого-то страннаго славяно-готическаго патріотизма. Люди, очень мало имѣвшіе корней въ своей странѣ, получившіе умственное пробужденіе съ запада, душою все же тяготѣли къ родинѣ и желали видѣть ее культурно равною другимъ странамъ. Этимъ желаніемъ, гораздо болѣе, нежели побужденіями внутренняго свойства, объясняются тѣ сюжеты изъ древне-славянской исторіи, въ которыхъ вращалось тогдашнее творчество патріотическихъ празднествъ, игръ, кантатъ, тріумфовъ и живыхъ картинъ. Княгиня Зинаида заплатила дань этому влеченію въ своихъ писаніяхъ и своихъ музыкальныхъ произведеніяхъ. Въ ней все это было согрѣто пламенемъ искренней любви къ искусству, къ родинѣ и, что цѣннѣе всего, — къ людямъ. Она умѣла принять, обласкать человѣка, поставить его въ обстановку нравственную, физическую и общественную, нужную для его работы, для его вдохновенія. Такъ, она приняла и обласкала поэта Веневитинова, такъ она согрѣла тяжелые дни Гоголя въ Римѣ, такъ она спасла отъ болѣзни, привезя съ собою въ Римъ, Шевырева.

Княгиня Зинаида Александровна играла видную роль въ свѣтѣ. Ея гостиная въ Москвѣ (она жила въ домѣ отца своего, князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, на Тверской, гдѣ впослѣдствіи былъ магазинъ Елисѣева) была мѣстомъ встрѣчи всего, что было выдающагося въ области литературы и науки. Ей, между прочимъ, принадлежитъ мысль созданія въ Москвѣ музея европейской скульптуры, — мысль, осуществленная только въ 1912 г. основаніемъ Музея Императора Александра III; но потомство не забыло ея, и въ брошюрѣ профессора И. В. Цвѣтаева объ исторіи музея имя княгини Зинаиды Волконской поставлено, можно сказать, во главу угла новаго зданія.

Значительную часть своей жизни Зинаида Александровна провела въ Римѣ, гдѣ пріобрѣла свою извѣстную впослѣдствіи „Виллу Волконскую,“ расположенную на землѣ, по преданію принадлежавшей Императрицѣ Еленѣ, матери Равноапостольнаго Константина. Мѣсто, ею пріобрѣтенное, въ то время находилось на самомъ краю Вѣчнаго Города, и только великолѣпный фасадъ базилики св. Іоанна Латеранскаго осѣнялъ виллу съ этой стороны, въ то время какъ по далеко разстилавшейся Кампаніи изъ голубого лона Албанскихъ и Сабинскихъ горъ тянулись къ ней и входили въ самый садъ старые своды римскихъ акведуковъ... „Вилла Волконская“ долго была мѣстомъ встрѣчи стекавшихся въ Римъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ и литераторовъ.

Послѣдніе годы жизни Зинаиды Александровны были отданы вопросамъ религіознымъ и дѣламъ благотворительности. Она приняла католичество много лѣтъ передъ тѣмъ.

Римская бѣднота ее боготворила, католической церковью она причислена къ лику „блаженныхъ.“

Современники высоко чтили ее. Пушкинъ, посылая ей „Цыганъ,“ писалъ:

Среди разсѣянной Москвы,
При толкахъ виста и бостона,
При бальномъ лепетѣ молвы,
Ты любишь игры Аполлона.
Царица музъ и красоты,
Рукою нѣжной держишь ты
Волшебный скипетръ вдохновеній,
И надъ задумчивымъ челомъ,
Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ,
И вьется и пылаетъ геній.
Пѣвца, плѣненнаго тобой,
Не отвергай смиренной дани;
Внемли съ улыбкой голосъ мой.
Такъ мимоѣздомъ Каталани
Цыганкѣ внемлетъ кочевой.

Въ нашей семьѣ сохранялся портретъ Зинаиды Александровны работы Бруни въ костюмѣ рыцаря Танкреда, роль котораго она пѣла въ одноименной оперѣ Россини на торжествахъ Веронскаго Конгресса.

У нея остановилась Марія Николаевна, чтобы въ послѣдній разъ отдохнуть передъ отъѣздомъ въ Сибирь. Зинаида устроила для нея званый вечеръ, на которомъ собрались лучшіе, въ то время бывшіе въ Москвѣ, пѣвцы. На этомъ вечерѣ былъ и Пушкинъ. Въ бумагахъ поэта Веневитинова нашли на мелкіе клочки разорванную рукопись; когда ее сложили, то оказалось, что это было описаніе музыкальнаго вечера у Зинаиды Волконской. Трогателенъ образъ Маріи Николаевны, сидящей въ дверяхъ сосѣдней комнаты изъ боязни выдать людямъ глубину своего волненія; но трогательно и отношеніе автора къ ней, бережное, какъ къ чему-то драгоцѣнному и хрупкому.

Этотъ вечеръ былъ послѣднимъ видѣніемъ счастливаго, свѣтлаго прошлаго; послѣ него начиналось длинное, мрачное завтра. Она слушала музыку и все говорила: „Еще, еще! Подумайте, я никогда больше ничего не услышу“.

Въ печатномъ томѣ французскихъ сочиненій княгини Зинаиды Волконской, изданномъ въ Парижѣ въ 1865 г., есть слѣдующій отрывокъ:

„Княгинѣ Маріи Волконской, рожденной Раевской.

О ты, вошедшая отдохнуть въ моемъ дому! Ты, которую я знала всего три дня и которую назвала моимъ другомъ. Отраженіе твоего образа осталось въ моей душѣ. Мой взоръ еще видитъ тебя: твой высокій станъ встаетъ предо мной,

какъ высокая мысль, и твои красивыя движенія какъ будто сливаются въ ту мелодію, которую древніе приписывали звѣздамъ небеснымъ. У тебя глаза, волосы, цвѣтъ лица, какъ у дѣвы Ганга, и, подобно ей, жизнь твоя запечатлѣна долгомъ и жертвою. Ты молода... а между тѣмъ въ твоей жизни прошлое уже оторвалось отъ настоящаго; твой ясный день прошелъ, и не принесъ тебѣ тихій вечеръ темной ночи. Она пришла, какъ зима нашего сѣвера, и земля, еще горячая, покрылась снѣгомъ... „Прежде, говорила ты мнѣ, мой голосъ былъ звученъ, но пропалъ отъ страданій...“ А между тѣмъ я слышала твое пѣніе, и оно еще звучитъ, оно никогда не смолкнетъ; вѣдь твои рѣчи, твоя молодость, твой взоръ, все это звучитъ звуками, звучащими въ будущемъ. О, какъ ты насъ слушала, когда мы, сливаясь въ хоры, пѣли вокругъ тебя... „Еще, еще, все повторяла ты, — еще... вѣдь я никогда не услышу болѣе музыки...“ Но теперь ты просишь, чтобы я отдала тебѣ твою лиру: прижми же ее къ твоему разбитому сердцу, ударь по ея струнамъ, и да будетъ для тебя каждый звукъ, каждый аккордъ ея такъ же дорогъ, какъ голосъ друга. Окружи себя гармоніей, дыши ею, пой, пой всегда. Развѣ жизнь твоя не гимнъ?...“

Такъ говорила одна о другой. Для того, кто умѣетъ читать, этотъ отрывокъ полонъ прелести помимо своего содержанія, помимо двухъ прелестныхъ женскихъ образовъ — той, о комъ пишутъ, и той, кто пишетъ. Отрывокъ этотъ есть въ маломъ видѣ вся тогдашняя культура, корнями сидящая въ классицизмѣ и цвѣтущая цвѣтами романтизма. Развѣ не классицизмъ первыя строки этого обращенія: „О ты, вошедшая отдохнуть въ моемъ дому.“ Развѣ это не Гомеръ, не дышитъ Навзикаей? А конецъ — развѣ не до послѣдней степени напряженная струна романтическаго лиризма? Какой длинный путь человѣчества въ этихъ немногихъ строкахъ...

Въ самые праздники уѣхала Марья Николаевна, держа путь на Нерчинскъ. Передъ отъѣздомъ еще записочка отъ отца, изъ деревни: „Снѣгъ идетъ, путь тебѣ добрый, благополучный, — молю Бога за тебя, жертву невинную, да утѣшитъ твою душу, да укрѣпитъ твое сердце...“ Она проѣзжала Казань подъ самый Новый годъ; мимо ярко освѣщенныхъ оконъ Дворянскаго Собранія, куда входили ряженые въ маскахъ, проѣзжала она въ то время, когда сестра Екатерина Николаевна писала ей и помѣчала письмо, первое адресованное въ Иркутскъ“: „31-го декабря печальнаго 1826 года“.

Кибитка уносила княгиню Марію Николаевну въ неразгаданную тьму. Чуя приближеніе полночи, она заставила свои карманные часы прозвонить въ темнотѣ и послѣ двѣнадцатаго удара поздравила ямщика съ Новымъ годомъ...

VIII.

Мы съ трудомъ можемъ себѣ представить, что была Сибирь того времени. Не только Сибирь недавняго прошлаго, съ желѣзной дорогой, съ флотомъ на дальневосточныхъ водахъ, съ университетомъ и т. д., но даже Сибирь пятидесятыхъ годовъ, Сибирь Муравьева Амурскаго, — съ присоединеннымъ Амуромъ и съ выходомъ на Тихій океанъ, — представляется какимъ-то инымъ миромъ по сравненію съ Сибирью двадцатыхъ годовъ. Какъ выразился впослѣдствіи канцлеръ графъ Нессельроде — „дно мѣшка"; это былъ конецъ свѣта; выходъ оттуда былъ одинъ, — по той же дорогѣ назадъ.

Куда, собственно, ѣхала княгиня, на что себя обрекала, этого не зналъ никто, меньше всѣхъ она сама. И тѣмъ не менѣе она ѣхала съ какимъ-то восторгомъ. Алина Волконская писала матери изъ Москвы: „Я видѣла Каташу (это княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая, жена декабриста), — она уѣзжала, какъ на праздникъ. И это было дѣйствительное настроеніе ихъ. Окружающіе мало понимали это настроеніе; для нихъ ссыльные были отрѣзаннымъ ломтемъ, а жизнь была тутъ, въ Петербургѣ и Москвѣ; для этихъ женщинъ — наоборотъ, они были отрѣзаннымъ ломтемъ, а жизнь была тамъ, въ Сибири. И они ѣхали, какъ на праздникъ. „Волконскія бабы" создавали подобное настроеніе; оно исходило не изнаружи, а изнутри. Да, только потому было оно такъ сильно, только потому могло оно восторжествовать надъ всѣми препятствіями, и надъ противодѣйствіемъ семьи, и надъ затрудненіями со стороны властей и, наконецъ, надъ страшными условіями жизни.

Чтобы дать понятіе объ этихъ условіяхъ, вотъ нѣсколько подробностей экономическаго характера. Не было въ той мѣстности, гдѣ жила Марія Николаевна, нитокъ; шить приходилось рыбьими кишками или китайскимъ шелкомъ, когда онъ попадался. Не было нигдѣ, даже въ Иркутскѣ, часовщика; выписанные изъ Петербурга часы пришли разбитые вдребезги. Не было зубного врача, Марія Николаевна была вынуждена сама прижечь себѣ зубъ раскаленнымъ гвоздемъ. Аптекъ не было; піявки выписывались изъ Красноярска за 2000 верстъ; медикаменты изъ Петербурга или выписывались въ предвидѣніи будущаго, или приходили по минованіи надобности. Всего этого Марія Николаевна еще не знала, да и не думала объ этомъ, занятая мыслью о нравственной помощи, которую она несетъ съ собой. Нѣтъ, не думала и не знала, куда она ѣдетъ. Это она узнала только, когда пріѣхала. Когда, послѣ восьминедѣльнаго путешествія, по пріѣздѣ въ деревушку, расположенную вокругъ Благодатскаго рудника, она вышла изъ кибитки, когда, съ неумолкнувшимъ еще въ ушахъ шумомъ полозьевъ, она вошла въ избу и огля-

дѣлась въ нанятой ею коморкѣ, такой маленькой, что могла головой упереться въ одну стѣну, а ногами въ другую, тогда, за восемь тысячъ верстъ отъ родного дома, она увидала, куда она пріѣхала и на что себя обрекала. И окружавшая пустыня понемногу овладѣвала ея душой. Для мужа она пріѣхала, но что могла она для него?... Отъ нея была отобрана подписка, что она будетъ съ нимъ видаться два раза въ недѣлю, въ острогѣ, въ присутствіи офицера, не говорить съ нимъ на иномъ языкѣ, кромѣ русскаго „паче же не говорить ничего не принадлежащаго". А въ теченіе прочаго времени, что она могла? Она могла въ пять часовъ утра по звону кандаловъ знать, что они идутъ на работу, въ одиннадцать утра знать, что они возвращаются и, гуляя по обезлѣсеннымъ холмамъ, могла думать, что мужъ изъ острога, можетъ быть, ее видитъ, знаетъ, что она здорова. Вотъ все, къ чему привела ее принесенная жертва.

Изъ Нерчинска, въ послѣднемъ письмѣ къ мужу, передъ свиданіемъ она писала: „Наконецъ въ обѣтованной землѣ." Передъ въѣздомъ въ эту обѣтованную землю жены декабристовъ натыкались на казенный шлагбаумъ; и шлагбаумъ неохотно поднимался, онъ поднимался, наконецъ, только передъ непреклонностью ихъ героической воли... Николай I, въ Петербугѣ разрѣшившій ихъ отъѣздъ, въ Иркутскѣ, предписаніями губернатору, ставилъ препятствія ихъ въѣзду. Ему не нравился этотъ восторженный порывъ; онъ предвидѣлъ, что присутствіе женъ облегчитъ участь государственныхъ преступниковъ; онъ предвидѣлъ и то, что жены будутъ поддерживать сношенія со своими родственниками въ Россіи, что такимъ образомъ о декабристахъ будутъ знать и помнить. а онъ хотѣлъ, чтобы о нихъ забыли. Но вмѣстѣ съ тѣмъ запретить женамъ ѣхать къ мужьямъ онъ не рѣшался. Это противорѣчило бы тому, что почитатели Николая I (а у него было много искреннихъ почитателей) называли рыцарствомъ его. Онъ не могъ примириться съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвело бы въ Европѣ, что Николай I воспротивился романтическому порыву этихъ молодыхъ женщинъ. И вотъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшалъ выѣздъ, но обставлялъ въѣздъ такими условіями, которыя были расчитаны на то, что онѣ откажутся отъ дальнѣйшаго слѣдованія. Въ своемъ письмѣ къ Маріи Николаевнѣ Государь приглашалъ ее подумать о тѣхъ ограниченіяхъ, которыя ее ожидаютъ за Иркутскомъ. Эти ограниченія можно свести къ двумъ словамъ: отказъ отъ всякаго покровительства закона и властей. И этотъ отказъ подписали всѣ наши добровольныя изгнанницы, — всѣ восемь.

Если, говоря о выѣздѣ княгини Волконской, нельзя не вспомнить Пушкина, то, говоря объ ея пріѣздѣ въ мѣста ссылки, нельзя не помянуть Некрасова. Слишкомъ хорошо

извѣстна его поэма „Русскія женщины“, но, можетъ быть, не всѣмъ извѣстна исторія ея возникновенія. Выписываю ее изъ предисловія моего отца къ „Запискамъ“ его матери.

„Съ Некрасовымъ я былъ знакомъ долгіе годы. Насъ сблизила любовь моя къ поэзіи и частыя зимнія охоты, во время которыхъ мы много бесѣдовали, причемъ я, однако-же, обходилъ разговоры о сосланныхъ въ Сибирь, не желая, чтобы они проскользнули несвоевременно въ печать. Однажды, встрѣтивъ меня въ театрѣ, Некрасовъ сказалъ мнѣ, что написалъ поэму „Княгиня Е. И. Трубецкая“, и просилъ меня ее прочесть и сдѣлать свои замѣчанія. Я ему отвѣтилъ, что нахожусь въ самыхъ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ семьею Трубецкихъ, и что, если впослѣдствіи найдутся въ поэмѣ мѣста, для семьи непріятныя, то, зная, что поэма была предварительно сообщена мнѣ, Трубецкіе могутъ меня, весьма основательно, подвергнуть укору; поэтому я готовъ сообщить свои замѣчанія въ томъ лишь случаѣ, если авторъ ихъ приметъ. Получивъ на это утвердительный отвѣтъ Николая Алексѣевича, а на другой день и самую поэму въ корректурномъ еще видѣ, я тотчасъ ее прочелъ и свезъ автору со своими замѣтками, касавшимися преимущественно характеровъ описываемыхъ лицъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, для красоты мысли и стиха, онъ измѣнилъ характеръ этой высокодобродѣтельной и кроткой сердцемъ женщины, — на что я и обратилъ его вниманіе. Многія замѣчанія онъ принялъ, но отъ нѣкоторыхъ отказался и, между прочимъ, отказался выпустить четырехстишіе, въ которомъ княгиня бросаетъ кускомъ грязи въ только что покинутое ею высшее петербургское общество, къ которому она въ дѣйствительности стремилась душой изъ далекой ссылки до конца своихъ дней...

„Поэма имѣла громадный успѣхъ, и Некрасовъ задумалъ другую. Разъ онъ, пріѣхавъ ко мнѣ, сказалъ, что пишетъ о моей матери и просилъ меня дать ему ея „Записки“, о существованіи которыхъ ему было извѣстно; отъ этого я отказался наотрѣзъ, такъ какъ не сообщалъ до тѣхъ поръ этихъ „Записокъ“ никому, даже людямъ, мнѣ наиболѣе близкимъ. „Ну такъ прочтите мнѣ ихъ“, сказалъ онъ мнѣ. Я отказался и отъ этого. Тогда онъ сталъ меня убѣждать, говоря, что данныхъ о княгинѣ Волконской у него гораздо меньше, чѣмъ было о княгинѣ Трубецкой, что образъ ея выйдетъ искаженнымъ, невѣрными явятся и факты и что мнѣ первому это будетъ непріятно и тяжело, а опроверженіе будетъ для меня затруднительно. При этомъ онъ давалъ мнѣ слово принять всѣ мои замѣчанія и не выпускать поэмы безъ моего согласія на всѣ ея подробности. Я просилъ дать мнѣ нѣсколько дней на размышленіе, еще разъ прочелъ записки моей матери и, въ концѣ концовъ, согласился, несмотря на то, что мнѣ была крайнѣ непріятна мысль о появленіи поэмы весьма интимнаго харак-

тера, основанной на разсказѣ, который въ то время я не предполагалъ предавать печати.

„Некрасовъ по-французски не зналъ, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы понимать текстъ при чтеніи, и я долженъ былъ читать, переводя по-русски, при чемъ онъ дѣлалъ замѣтки карандашемъ въ принесенной имъ тетради. Въ три вечера чтеніе было закончено. Вспоминаю, какъ при этомъ Николай Алексѣевичъ по нѣскольку разъ въ вечеръ вскакивалъ со словами: „Довольно, не могу", бѣжалъ къ камину, садился къ нему и, схватясь руками за голову, плакалъ, какъ ребенокъ. Тутъ я видѣлъ, насколько нашъ поэтъ жилъ нервами, и какое мѣсто они должны были занимать въ его творчествѣ.

„Когда поэма была кончена, онъ принялъ мои замѣчанія и просилъ лишь ему оставить сцену встрѣчи княгини Волконской съ мужемъ не въ тюрьмѣ, какъ изложено въ „Запискахъ", а въ шахтѣ. „Не все ли вамъ равно, съ кѣмъ встрѣтилась тамъ княгиня: съ мужемъ ли, или съ дядей Давыдовымъ, они оба работали подъ землей, а эта встрѣча у меня такъ красиво выходитъ". Я уступилъ, но, уѣзжая изъ Петербурга, просилъ выслать мнѣ для просмотра еще послѣднюю корректуру. Поэтъ этого не исполнилъ, и я получилъ отъ него при письмѣ, полномъ извиненій, поэму, уже выпущенную („Отечественныя записки" генварь 1873 г.). Этимъ объясняется, что въ поэму проскользнуло нѣсколько выраженій, не отвѣчающихъ характеру воспѣтой имъ женщины".

Такова исторія возникновенія одного изъ популярнѣйшихъ произведеній нашей литературы. Долженъ сказать, что, при всѣхъ достоинствахъ, поэма Некрасова представляется мнѣ, послѣ того какъ я познакомился съ собственноручными письмами княгини Маріи Николаевны, очень грубой; въ ней есть что-то кустарное. Скажемъ прямо — въ ней сквозитъ самъ Некрасовъ, въ ней больше Некрасова, нежели той, кого онъ воспѣваетъ. Всякій авторъ проявляетъ себя, не можетъ не проявить; о чемъ бы онъ ни писалъ, въ томъ, какъ онъ пишетъ, подъ какимъ угломъ видитъ, какую оцѣнку даетъ, наконецъ, — и, можетъ быть, это самое главное, — какія рѣчи вкладываетъ въ уста другого, во всемъ этомъ всегда сквозитъ авторъ. И здѣсь неизбѣжно дѣйствуетъ сліяніе двухъ, иногда далеко неравноцѣнныхъ, величинъ: описываемаго героя и описывающаго автора. Не всякій выдерживаетъ сопоставленія. И въ то время, какъ, можетъ быть, самое дорогое для насъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ" есть непрестанно ощутимое присутствіе Пушкина, — въ „Русскихъ Женщинахъ" насъ разстраиваетъ соприкосновеніе съ Некрасовымъ. Это, конечно, не потому, что Пушкинъ писалъ объ обыденныхъ людяхъ, а Некрасовъ пишетъ объ исключительной женщинѣ въ исключительныхъ обстоятельствахъ: о комъ бы Пушкинъ ни писалъ, онъ всегда будетъ выше своего предмета.

Не о всякомъ поэтѣ это можно сказать.

Нельзя, однако, не признать за произведеніемъ Некрасова, кромѣ литературныхъ его достоинствъ, еще и культурно-воспитательное значеніе. То, что было достояніемъ узкаго кружка двухъ поколѣній, потомковъ декабристовъ, что послѣ изданія „Записокъ" княгини Волконской стало бы достояніемъ небольшого круга любителей исторической литературы, то, благодаря Некрасову, стало достояніемъ всякаго читающаго.

Постараемся же теперь, — не по Некрасову, а изъ собственныхъ ея писемъ, увы, на память, возстановить ея духовный образъ.

IX.

Въ этой унылой обстановкѣ, которую мы мелькомъ очертили, только почта могла бы доставить минуты просвѣтленія. Но какъ мало она приносила и какъ рѣдко... Только въ пятидесятыхъ годахъ при Муравьевѣ зазвенѣлъ почтовый колокольчикъ непрерывной нитью отъ Балтійскаго моря до Тихаго океана, а въ тѣ времена... Почта изъ Петербурга уходила разъ въ недѣлю, а изъ Иркутска въ Забайкалье иногда только разъ въ мѣсяцъ. И какимъ только случайностямъ не подвергалась она. Разливы рѣкъ, метели, неточности адресовъ, путаницы въ раздачѣ... Письма изъ Кіевской губерніи шли почти три мѣсяца; по полгода нужно было ждать отвѣта на свое письмо. Какая могла быть при этомъ поддержка отношеній, какая была возможна дѣловая переписка?.. Марія Николаевна была обречена на постоянную жизнь въ прошломъ. Девять писемъ писано къ уже умершей свекрови; въ теченіе трехъ мѣсяцевъ получаетъ княгиня отъ сестеръ поцѣлуи уже умершему своему ребенку, родившемуся въ Читѣ младенцу Софьѣ... Докторъ прописалъ Сергѣю Григорьевичу, сильно ослабѣвшему въ каторжныхъ работахъ вина, по рюмкѣ въ день. Начальство разрѣшило. Марія Николаевна пишетъ свекрови, старуха высылаетъ, — бутылки приходятъ разбитыя. Цѣлый годъ проходитъ въ ожиданіи второй высылки. Въ январѣ 1831 г. она проситъ свекровь выслать судковъ для пересылки пищи мужу, а то по пути изъ ея жилища въ острогъ пища стынетъ, а разогрѣвать въ острогѣ, — посуда лопается. Не знаю, когда прибыли судки, но въ январѣ 1832 года княгиня ихъ еще не получила.

Вся переписка проходила въ Петербургѣ цензуру III Отдѣленія, въ Сибири — цензуру губернатора, затѣмъ коменданта; въ канцеляріяхъ письма пропадали, — это легко прослѣдить при тогдашней привычкѣ нумеровать письма; посылки развязывались, содержаніе вываливалось, попадало подъ другой аресъ или совсѣмъ въ другое мѣсто назначенія.

Отвѣтная корреспонденція изъ Сибири подвергалась тѣмъ же случайностямъ и еще большимъ стѣсненіямъ. Самое стѣс-

нительное было требованіе, въ силу котораго отвѣтныя письма должны были представляться въ канцелярію коменданта вечеромъ того же дня, когда почта была получена. Стѣснительность этого требованія станетъ понятна, когда вспомнимъ, что самимъ государственнымъ преступникамъ было запрещено писать, и потому Маріи Николаевнѣ приходилось писать и за себя, и за мужа, и за другихъ. Декабристъ Баронъ Розенъ въ своихъ — „Запискахъ" говоритъ, что княгини Трубецкая и Волконская иногда писали по двадцати писемъ въ одинъ почтовый день. Прибавить къ этому, что въ нашемъ архивѣ сохранились альбомы исходящихъ писемъ, въ которыхъ рукою Маріи Николаевны изложено содержаніе каждаго написаннаго ею письма, — и понятнымъ станетъ, что почтовые дни были для нея мученіемъ; зато декабристы звали ее „Наше окно въ свѣтъ."

Великъ былъ трудъ ея, но мало вознаграждался. Изъ семьи мужа почти никто не писалъ. Только старуха Александра Николаевна каждую пятницу писала свои мало содержательныя, но съ точностью часового механизма отсылаемыя письма. Переписка съ свекровью становится русломъ, по которому мы можемъ прослѣдить теченіе матеріальной, практической жизни. Всѣ заботы о мужѣ, о его здоровьи восходятъ къ Александрѣ Николаевнѣ, и удивляться приходится готовности и заботливости, съ какою старуха исполняетъ всѣ порученія; сама ѣздитъ, сама выбираетъ, сама укладываетъ. Много лѣтъ позднѣе, въ одномъ письмѣ къ сестрѣ Софьѣ, Марія Николаевна вспоминаетъ ея всегдашнюю отзывчивость и готовность помочь. Съ такою же аккуратностью писала и Жозефина. Но за исключеніемъ этого, извѣстій со стороны Волконскихъ почти не было. Въ особенности огорчало Сергѣя Григорьевича молчаніе сестры. Послѣ его ухода въ ссылку, она совсѣмъ исчезла съ его горизонта, чтобы снова всплыть уже въ 1854 году, когда она навѣстила брата въ Иркутскѣ и цѣлый годъ прогостила у него. Объ этомъ — въ своемъ мѣстѣ. Среди рѣдкихъ писемъ другихъ членовъ семьи Волконскихъ горѣли лаской и привѣтомъ письма очаровательной Зинаиды. Никогда она не забывала той, которая пришла отдохнуть въ ея дому и, хорошо зная, кого она любитъ, что она любитъ и что ей нужно, присылаетъ ей то непромокаемые чулки для Сергѣя, то ноты итальянской музыки, то огородныхъ семянъ.

Переписка съ семьею Раевскихъ была оживленнѣе, но мало содержательна, а главное мало утѣшительна; мало было въ ней ласки, очень мало пониманія. Какова была мать Маріи Николаевны, мы видѣли, и что могли быть ея письма при такомъ характерѣ, мы можемъ себѣ представить. Два эпизода запомнилось мнѣ. Марія Николаевна, узнавъ, что ея племянница Рѣпнина выходитъ замужъ за графа Кушелева-Безбо-

родко, проситъ мать подарить ей оставленный ею дома браслетъ. Мать отвѣчаетъ, что желаніе ея будетъ исполнено, тѣмъ болѣе, что изъ своей семьи никто, конечно, не захочетъ носить вещь, подаренную ея мужемъ. Послѣ смерти своего первенца Николиньки Марія Николаевна въ одномъ письмѣ къ сестрамъ сѣтовала на то, что ея мать, какъ будто, мало раздѣляетъ ея горе. Софья Алексѣевна ей пишетъ. „А развѣ вы не замѣтили, что я никогда не говорю вамъ о дѣтяхъ вашей сестры, — это для того, чтобы васъ не огорчать.“ Мы говорили уже о сестрѣ Софьѣ Николаевнѣ, о ея постоянномъ дидактизмѣ. Съ годами онъ возросталъ. Она писала сестрѣ фразы вродѣ слѣдующихъ: „я рада видѣть, что здоровье ваше поправляется настолько, что вы свободно переносите суровость сибирской зимы.“ Марія Николаевна проситъ подробностей о житьѣ бытьѣ, что дѣлаютъ, кого видаютъ и. т. д.; — Софья Николаевна не остается въ долгу и посылаетъ ей расписаніе дня по часамъ. И здѣсь сколько забывчивости, нерадѣнія. Три года она проситъ прислать ей ея любимую тетрадку нотъ сочиненія Мейера... Я забылъ сказать, что у Маріи Николаевны было фортепіано. Когда она пріѣхала въ Иркутскъ, она къ изумленію своему увидѣла, что сзади кибитки подвязано фортепіано, — это былъ подарокъ Зинаиды. Конечно, то были маленькіе клавикорды на четырехъ ножкахъ, на которыхъ можно было скорѣе тренькать, нежели играть, но какая радость, сколько горькой услады принесло оно ей въ одинокіе часы сибирскихъ сумерекъ...

Совсѣмъ отдѣльно отъ всего стоятъ письма отца, старика Николая Николаевича Раевскаго. Онъ писалъ мало. Княгиня пріѣхала въ Благодатскій рудникъ въ началѣ марта, и первое письмо отъ отца получила въ половинѣ іюня. Онъ писалъ мало, но его письма, столь удивительныя по почерку и по складу рѣчи, — какъ литыя бронзовыя доски. И какъ она ихъ ждала! Что былъ отецъ для нея, видно изъ такихъ подробностей: она проситъ сестеръ, чтобы на ихъ письмахъ хотя адресъ былъ бы написанъ рукою отца; она проситъ прислать ей для Сергѣя табаку, того, что куритъ отецъ, и проситъ съ этимъ вмѣстѣ мундштукъ, такой, какой она видала во рту отца... Да, онъ мало писалъ, но видно, что всегда передъ нимъ носился образъ той, которая, какъ тучка, ночевала на груди утеса великана, умчалась рано, и остался влажный слѣдъ.

И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ...

На смертномъ одрѣ онъ указалъ на ея портретъ и сказалъ „Вотъ самая замѣчательная женщина, которую я зналъ.“ Со взоромъ, устремленнымъ на Сибирь, угасалъ суровый воинъ. На его могилѣ, въ деревнѣ Болтышка, Кіевской губерніи, вырѣзанъ стихъ Жуковскаго:

Онъ былъ въ Смоленскѣ щитъ, въ Парижѣ мечъ Россіи.

Надъ могилой виситъ изображеніе Сикстинской Мадонны Рафаэля, которое княгиня Марія Николаевна вышивала бисеромъ въ Читѣ.

Таковы были письма, которыя княгиня получала изъ Россіи. И вотъ, когда сопоставить все это, скупость того, что она получала, скудость того, что ее окружало, изумляться приходится богатству внутренняго содержанія, на которомъ она строила свою скромную, убогую жизнь; преклоняться приходится передъ той стойкостью, тѣмъ мужествомъ и постоянствомъ, съ какими она противупоставляла свою личность окружающимъ условіямъ жизни. Въ этой странѣ, гдѣ по нѣскольку мѣсяцевъ подрядъ морозы въ 40°, она занимается садоводствомъ; въ этой обстановкѣ, гдѣ, казалось бы, всякіе духовные интересы должны отступить передъ непрестанной борьбой за матеріальное существованіе, она занимается музыкой, и ноты, которыя ей присылаетъ Зинаида изъ Италіи, она переписываетъ и пересылаетъ своей сестрѣ Софьѣ въ Малороссію. Она собираетъ гербарій сибирской флоры для какого-то доктора Даулера въ Петербургѣ, составляетъ минералогическій кабинетъ для Николеньки, когда онъ выростетъ. Въ этой обстановкѣ, гдѣ, казалось бы, всякое сознаніе своей личности должно поникнуть передъ постояннымъ гнетомъ безправія, она всегда выше обстоятельствъ, всегда пріодѣта, аккуратна, всегда въ перчаткахъ и вуалеткѣ. Тамъ, въ этой нескончаемо одинаковой, длительно безнадежной смѣнѣ дней, она съ какимъ-то религіознымъ этикетомъ соблюдаетъ семейныя годовщины рожденій, именинъ. Она вспоминаетъ въ іюлѣ 1827 г., что въ первый разъ послѣ замужества она проводитъ 5-е число, день именинъ Сергѣя, въ его обществѣ: въ 1825 году онъ былъ въ отъѣздѣ по службѣ, въ 1826 году онъ сидѣлъ въ крѣпости, а въ этотъ годъ 5-е число какъ разъ случилось въ день свиданія съ заключенными. И какъ трогательно, напримѣръ, читать ея благодарность мужу по поводу того, что онъ просилъ ее въ день его именинъ не снимать траура по ея отцу. Это можетъ показаться мелочами въ наши дни; я же думаю, что великая сила воспитанія и великая сила воли сказывается въ этихъ подробностяхъ жизни. Это больше, нежели приспособляемость къ обстоятельствамъ — это нежеланіе подчиниться имъ; это есть отказъ въ капитуляціи, это свѣтъ, котораго тьма не можетъ объять. Эту сторону ея характера, эти условія ея положенія домашніе ея не понимали; они не понимали, сколько величія въ этихъ мелочахъ, сколько потрясеній за этой стойкостью. Они не сознавали и того, какое значеніе для нея могли имѣть мелочи ихъ домашняго деревенскаго бытья. Какъ она, за восемь тысячъ верстъ, мучительно переживала жизнь далекаго дома, видно изъ того, что однажды княгиня Трубецкая нашла нужнымъ написать сестрамъ Маріи Николаевны, чтобы онѣ ей писали о болѣз-

няхъ ея домашнихъ уже по выздоровленіи ихъ, — до такой степени извѣстія вліяютъ на ея здоровье. Изумляться приходится какъ при скудости своей жизни, она находила, чѣмъ наполнять шесть, восемь страницъ большой почтовой бумаги. „Если я могу писать, неужели вамъ нечего разсказать,“ писала она сестрамъ. Она даже находила возможнымъ шутить; хотя за этимъ смѣхомъ всегда блестятъ слезы, все равно, какъ когда она садилась пѣть за клавикорды, слезы пресѣкали ея голосъ. А изъ дому она получала жалобы. „Но если вы несчастны, отвѣчаетъ она матери, то что же я?...“ Рѣдко попадаются такія слова подъ ея перомъ. Опять изумляться приходится крѣпости, съ какой она не позволяетъ себѣ отвѣчать на незаслуженныя нападки матери: она знаетъ, мать сама ей пишетъ, что таковъ уже ея характеръ — горе у нее всегда переходитъ въ гнѣвъ, но при всемъ томъ высока духовная выдержка, которая на это отвѣчаетъ просьбою благословить и ее, и Сергѣя.

Образъ княгини Маріи Николаевны еще выростаетъ, когда разсматриваешь ея отношеніе къ другимъ. Ея потребность помогать не знала предѣловъ, а готовность помочь поражаетъ, когда знаешь скудость средствъ, которыми она жила. Въ книгѣ Дмитріева-Мамонова „Декабристы въ Западной Сибири“ только три раза упоминается имя княгини Маріи Николаевны, но каждый разъ въ связи съ денежной помощью, которую кто-нибудь изъ сосланныхъ получалъ отъ нея изъ Восточной Сибири. Но не только матеріальная помощь; трогательны примѣры ея проникновенія въ чужую духовную жизнь. Для какого-то каторжнаго татарина, невинно осужденнаго за убійство, она выписываетъ коранъ по татарски, для каторжнаго еврея изъ Бѣлой Церкви выписываетъ еврейскую библію. А какъ трогательно, напримѣръ, отношеніе ея къ любимой ея дѣвушкѣ Машѣ, пріѣхавшей изъ деревни Болтышки раздѣлить съ ней тяготы изгнанія. Эта Маша безутѣшно тосковала, не получая писемъ изъ дому отъ своего брата Василія. Сколько Марія Николаевна ни писала сестрамъ, — Василій не откликался. Что же придумываетъ княгиня? Она сама пишетъ письма, будто отъ Василія, и въ почтовые дни читаетъ ихъ Машѣ, будто бы сейчасъ полученныя.

Дополнимъ образъ Маріи Николаевны тѣмъ еще, какъ другіе къ ней относились. Когда декабристъ Кюхельбекеръ, по отбытіи срока наказанія, уѣзжалъ изъ Красноярска, онъ написалъ Маріи Николаевнѣ свое прощальное письмо, прося передать иркутскимъ своимъ товарищамъ привѣтъ и извиненіе, что не можетъ писать каждому въ отдѣльности. Онъ говоритъ, между прочимъ, что со дня знакомства съ ней для его жены началась новая жизнь. Далѣе онъ выражаетъ увѣренность, что никто изъ товарищей по ссылкѣ не посѣтуетъ за то, что онъ ее выбираетъ выразительницею своихъ чувствъ,

ибо, прибавляетъ онъ, „все, что есть достойнаго уваженія и прекраснаго въ характерѣ каждаго изъ нихъ, все это въ наибольшей и чистѣйшей степени, представлено Вами, ихъ ангеломъ хранителемъ и утѣшителемъ“. Эти немногіе слова вмѣщаютъ въ себѣ все, что разсыпано по многочисленнымъ „Запискамъ“, „Воспоминаніямъ“ того времени и тѣхъ людей. Что такъ мыслили и чувствовали люди ея круга, это не удивительно; но чрезвычайно знаменательно отношеніе къ ней и къ другимъ женамъ декабристовъ мѣстнаго населенія, крестьянъ и уголовныхъ каторжанъ. Никогда эти дамы не встрѣтили ничего, кромѣ вниманія и уваженія. О томъ, какую память онѣ оставили, я имѣлъ трогательное свидѣтельство въ письмахъ старожиловъ, о которыхъ упоминалъ. Знаменательно и то, что населеніе называло декабристовъ общимъ именемъ „наши князья“; правда, что среди нихъ были такія имена, какъ Трубецкіе, Волконскіе, Одоевскіе, Барятинскіе, Оболенскіе, Шаховскіе... Опять скажу, что не удивительно уважительное отношеніе со стороны людей, испытавшихъ вліяніе ихъ добраго отношенія къ себѣ, культурнаго воздѣйствія на ихъ дѣтей; но вотъ примѣръ того, какъ къ этимъ — съ позволенія сказать — „буржуйкамъ“ относились каторжане.

Въ отобранной отъ княгини Волконской въ Иркутскѣ подпискѣ значилось, между прочимъ, что мѣстныя власти отказываются оказывать женамъ государственныхъ преступниковъ какую-либо защиту „отъ ежечасныхъ могущихъ быть оскорбленій отъ людей самаго развратнаго класса, которые найдутъ въ томъ какъ будто нѣкоторое право считать жену государственнаго преступника, несущую равную съ нимъ участь, себѣ подобною; оскорбленія сіи могутъ быть даже насильственныя“. Въ такую-то среду пріѣхала княгиня Волконская, среди нихъ жила. И что же нашла? Заимствую изъ „Записокъ“ слѣдующій разсказъ.

„Кромѣ нашей тюрьмы была еще другая, въ которой содержались бѣгавшіе нѣсколько разъ и совершившіе грабежи. Ихъ кандалы были гораздо тяжелѣе и работы труднѣе. Между ними находился извѣстный разбойникъ Орловъ, своего рода герой. Онъ никогда не нападалъ на людей бѣдныхъ, а только на купцовъ и, въ особенности, на чиновниковъ; онъ даже доставилъ себѣ удовольствіе нѣкоторыхъ изъ нихъ высѣчь. У этого Орлова былъ чудный голосъ, онъ составилъ хоръ изъ своихъ товарищей по тюрьмѣ и, при заходѣ солнца, я слушала, какъ они пѣли съ удивительной стройностью и выраженіемъ; одну пѣснь, полную глубокой грусти, они особенно часто повторяли: „Воля, воля дорогая“. Пѣніе было ихъ единственнымъ развлеченіемъ; скученные въ тѣсной темной тюрьмѣ, они выходили изъ нея только на работы. Я имъ помогала, насколько позволяли мои средства, и поощряла ихъ пѣніе, садясь у ихъ грустнаго жилища. Однажды я вдругъ

узнаю, что Орловъ бѣжалъ. Всѣ поиски за нимъ остались тщетны. Гуляя какъ-то въ направленіи нашей тюрьмы, я увидѣла слѣдовавшаго за мной каторжника; это былъ когда-то бравый гусаръ, онъ мнѣ сказалъ вполголоса: „Княгиня, Орловъ меня посылаетъ къ вамъ, онъ скрывается на этихъ горахъ, на скалахъ надъ вашимъ домомъ, онъ уже давно тамъ и проситъ васъ прислать ему денегъ на шубу, ночи стали уже холодныя.“ Я очень испугалась этого сообщенія, а между тѣмъ, какъ оставить несчастнаго безъ помощи? Я вернулась домой и взяла 10 рублей; я заранѣе сказала бывшему гусару, чтобы онъ за мной не слѣдовалъ, но замѣтилъ бы то мѣсто, гдѣ я во время прогулки нагнусь, чтобы положить деньги подъ камень. Онъ все исполнилъ, какъ я ему сказала, и тотчасъ же нашелъ ихъ. Прошло еще двѣ недѣли, я была одна въ своей комнатѣ. Каташа еще не возвращалась со свиданія съ мужемъ, я пѣла за фортепіано, было довольно темно; вдругъ кто-то вошелъ, очень высокаго роста и сталъ на колѣни у порога. Я подошла — это былъ Орловъ, „въ шубѣ“, съ двумя ножами за поясомъ. Онъ мнѣ сказалъ: „Я опять къ вамъ, дайте мнѣ что-нибудь, мнѣ нечѣмъ больше жить, Богъ вернетъ вамъ, ваше сіятельство.“ Я дала ему пять рублей, прося его скорѣе уйти. Каташа по возвращеніи изъ тюрьмы очень встревожилась отъ этого появленія, да и было отъ чего, какъ вы увидите. Я легла поздно, все думая объ этомъ разбойникѣ, котораго могли схватить, и тогда Бурнашевъ не преминулъ бы повторить свои обычныя слова — „вы хотите поднять каторжниковъ“. Среди ночи я услыхала выстрѣлы. Бужу Каташу, и мы посылаемъ въ тюрьму за извѣстіями. Тамъ все спокойно, но вся деревня поднялась на ноги, и мнѣ говорятъ, что бѣглыхъ схватили на горѣ и всѣхъ арестовали, кромѣ Орлова, который бѣжалъ, вылѣзши сквозь трубу, или вѣрнѣе, сквозь дымовое отверстіе. Несчастный, вмѣсто того, чтобы купить себѣ хлѣба, устроилъ попойку съ товарищами, празднуя ихъ побѣгъ. На другой день — наказаніе плетьми съ цѣлью узнать, отъ кого получены деньги на покупку водки; никто меня не назвалъ. Гусаръ предпочелъ обвинить себя въ кражѣ, чѣмъ выдать меня, какъ онъ мнѣ сказалъ впослѣдствіи“.

Таковъ внутренній образъ княгини Маріи Николаевны, какъ онъ вырисовывается изъ ея писемъ и частью изъ отзывовъ другихъ. Мы прослѣдили ее по письмамъ первыхъ одиннадцати лѣтъ пребыванія въ Сибири. Въ это время ссыльнымъ не позволялось писать, и вся скорбная лѣтопись этихъ одиннадцати лѣтъ начертана тонкимъ, изящнымъ почеркомъ княгини. Эти одиннадцать лѣтъ начались въ Благодатскомъ рудникѣ, гдѣ она нанимала въ крестьянской избѣ каморку за десять рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ (три съ полтиной) съ дровами и водой; комнату эту она дѣлила съ княгиней Трубецкой. Продолжались эти одиннадцать лѣтъ въ Читѣ.

Здѣсъ она жила въ домѣ діакона, въ верхнемъ этажѣ; къ нимъ присоединилась ихъ подруга, жена декабриста Ентальцева; комната просторная; домъ стоялъ высоко надъ рѣкой, изъ окна видъ на Алтайскія горы, внизу ловили рыбу. Здѣсь, въ Читѣ, родился у Маріи Николаевны и умеръ въ тотъ же день младенецъ Софья. Изъ Читы черезъ два года ссыльные переведены въ Петровскій заводъ. Тамъ княгиня сперва раздѣляла съ мужемъ его камеру въ казематѣ, а потомъ поселилась въ собственномъ домикѣ. О матеріальномъ бытѣ нашихъ изгнанниковъ за это время поговоримъ ниже; имъ было нелегко, и на перепискѣ всего этого періода лежитъ печать нужды, борьбы и терпѣнія.

У меня было нѣсколько портретовъ Маріи Николаевны въ ту эпоху, — преимущественно акварели работы декабриста Николая Бестужева. Въ особенности одинъ поражаетъ своей мечтательной прелестью. Облокотившись на столъ съ красной скатертью, сидитъ она у раскрытаго окна, въ черномъ платьѣ, подперевъ щеку рукой; широкіе у плечъ рукава, большой на плечахъ бѣлый батистовый съ прошивками воротникъ, волосы, какъ во времена Евгенія Онѣгина, — собраны на маковкѣ, а надъ ушами спадаютъ локонами. Въ окно виденъ высокій мачтовый тынъ, около тына полосатая будка, и рядомъ съ ней — съ ружьемъ, въ киверѣ часовой; за тыномъ крыша острога, Читинскаго острога. За спиной княгини, на стѣнѣ виситъ портретъ отца ея въ генеральскомъ сюртукѣ, — тоже работы Бестужева, копія съ Соколова; и этотъ портретъ отца ея тоже былъ у меня... Я не могу передать впечатлѣнія великой печали, которая дышитъ въ этой маленькой картинкѣ. Но всякій разъ, какъ я смотрѣлъ на нее, мнѣ слышались слова одного ея письма изъ Читы: „Во всей окружающей природѣ одно только мнѣ родное, — трава на могилѣ моего ребенка“.

X.

Матеріальное положеніе нашихъ изгнанниковъ было не легко. Передъ своей гражданской смертью, въ Петропавловской крѣпости Сергѣй Григорьевичъ написалъ свое завѣщаніе, которымъ отказывалъ свое состояніе сыну своему Николаю. Между прочимъ, это послѣдняя его полная подпись: „генералъ-майоръ князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій“. Княгиня, какъ вдова, сохраняла право на свое приданое и на седьмую часть съ имѣнія мужа. Изъ своего достоянія ей разрѣшалось въ ссылкѣ пользоваться десятью тысячами въ годъ; тогда считали ассигнаціями, это составляло немного больше трехъ тысячъ. Этой суммы въ тогдашней Сибири, пожалуй, и было бы достаточно; но вдругъ по приказанію свыше она была сведена къ двумъ тысячамъ ассигнаціями. Между тѣмъ у Волконскихъ родилось двое дѣтей, расходы возрастали. Марія Николаевна

въ 1838 году обратилась съ просьбой въ III Отдѣленіе о томъ, чтобы ей было разрѣшено получать изъ собственныхъ же денегъ нѣсколько большую сумму ввиду расходовъ по воспитанію дѣтей. Ей было отвѣчено, что по докладѣ ея прошенія Государю Императору, „Его Величеству благоугодно было отозваться, что въ Сибири учителей нѣтъ, а потому воспитаніе дѣтей требуетъ не расходовъ, а лишь одного попеченія родителей". Черезъ годъ просьба была повторена и вторично отклонена. При такихъ обстоятельствахъ особенную цѣнность пріобрѣтаетъ та репутація благотворительности и отзывчивости, которую стяжала княгиня Марія Николаевна въ обѣихъ Сибиряхъ — Восточной и Западной.

Повторяю, матеріальное положеніе было тяжкое. Изъ собственныхъ писемъ, но еще больше изъ воспоминаній другихъ декабристовъ, мы видимъ, какъ имъ приходилось трудно. Баронъ Розенъ говоритъ о княгиняхъ Волконской и Трубецкой: „Страннымъ показалось бы, если бы я вздумалъ подробно описать, какъ онѣ сами стирали бѣлье, мыли полы, питались хлѣбомъ и квасомъ, когда страданія ихъ были гораздо важнѣе и другого рода, когда онѣ видѣли мужей своихъ за работою въ подземельи подъ властью грубаго и дерзкаго начальства".

Трудность положенія увеличивалась еще и тѣмъ, что небольшія средства, которыми располагала княгиня Марія Николаевна поступали чрезвычайно неаккуратно, задержки происходили и въ Петербургѣ при высылкѣ, и на мѣстѣ, въ канцеляріяхъ губернатора и коменданта. На руки отпускалось очень мало; къ сожалѣнію, не могу наизусть сказать, во сколько опредѣлялась сумма тою расчетной книгой, которая была выдана княгинѣ съ предписаніемъ „предъявлять оную по первому требованію".

Существенную перемѣну въ матеріальномъ бытѣ Маріи Николаевны внесло поселеніе ея въ острогѣ. Уже давно страдала она отъ мысли, что не раздѣляетъ съ мужемъ тяготы заключенія.

Если она воздерживалась отъ шаговъ въ этомъ направленіи, то потому, что опасалась послѣ острога уже утратить возможность вернуться въ Россію и, такимъ образомъ, потерять надежду на свиданіе съ сыномъ. Но со смертью Николеньки это соображеніе отпадало. Отпадалъ и послѣдній аргументъ въ рукахъ ея семьи: родители и сестры теперь знали, что она уже не вернется. Всѣ помыслы ея теперь сосредоточивались на томъ, чтобы получить разрѣшеніе поселиться съ мужемъ. Она обратилась за помощью къ отцу. Есть отвѣтное письмо, изъ котораго видно, что онъ хлопочетъ, но столь же ясно сквозитъ и то, что ему вовсе не такъ хочется, чтобы просьба дочери была уважена. Но Марія Николаевна работала и съ другого конца, — она просила свекровь поддержать ея просьбу. Долго пришлось ей ждать. Тѣмъ временемъ въ 1828 году

сняли съ государственныхъ преступниковъ кандалы... Но вотъ, наконецъ, письмо отъ старой княгини изъ Царскаго Села: она читала ея письмо Государю, и Государь отвѣтилъ, что просьба ея будетъ исполнена, какъ только камера Сергѣя это дозволитъ. Кто знаетъ придворную жизнь, тотъ знаетъ, какъ подобные шаги трудны, какъ они были въ особенности трудны въ тѣ времена. Кто знаетъ отношеніе Николая I къ декабристамъ, тотъ знаетъ, какъ должно было быть страшно подойти къ нему съ заступничествомъ за тѣхъ, кого онъ хотѣлъ забыть и о комъ помнилъ до послѣдняго дня своего. Дѣло казалось безнадежнымъ. Царствующія особы очень любятъ оказывать милость на свѣтломъ безоблачномъ пути своего шествія по красному сукну предначертанныхъ событій, но онѣ очень не любятъ, когда на этомъ пути встаетъ и останавливаетъ ихъ вниманіе и нарушаетъ установленность настроеній и отношеній что-нибудь такое, что онѣ желали предать забвенію и что заявляетъ о своемъ существованіи наперекоръ ихъ желаніямъ. И, однако, княгинѣ Александрѣ Николаевнѣ удалось исхлопотать то, о чемъ такъ слезно молила Марія Николаевна. Осенью 1830 г. ссыльные были переведены въ Петровскій заводъ, въ выстроенный для нихъ огромный казематъ. Сюда въѣхала и княгиня Марія Николаевна, чтобы раздѣлить съ мужемъ камеру № 54.

У меня была маленькая акварель, изображавшая эту камеру. Бревенчатыя перегородки въ одномъ углу обиты темно-синей матеріей, занавѣской, привезенной изъ Петербурга; у одной стѣны диванъ, передъ нимъ круглый столъ; у другой стѣны клавикорды, конечно, тѣ самые, которые Зинаида приказала подвязать къ кибиткѣ; за клавикордами княгиня Марія Николаевна съ той же типичной прической; около клавикордовъ, прислонясь къ стѣнѣ, Сергѣй Григорьевичъ въ арестантскомъ халатѣ. Надъ диваномъ портретъ Николая Николаевича Раевскаго, надъ клавикордами на стѣнѣ маленькіе портреты, медальоны, миніатюры; многіе изъ этихъ портретовъ, несмотря на мелкій размѣръ, легко можно узнать; они впослѣдствіи вернулись изъ Сибири и висѣли у меня въ „Музеѣ декабристовъ“ и въ моей комнатѣ, когда у меня былъ „музей“, когда у меня была комната... Это изображеніе камеры № 54 интересно тѣмъ, что сдѣлано до пробитія окна, что послѣдовало лишь черезъ годъ послѣ вселенія заключенныхъ по совмѣстному прошенію женъ начальнику III Отдѣленія графу Бенкендорфу. Я долго не зналъ, чьей работы эта акварель. Но въ февралѣ 1917 года, будучи въ Крыму, я посѣтилъ въ Симферополѣ дочь декабриста Юшневскаго. Я предупредилъ о своемъ приходѣ; она ждала меня, окруженная портретами, альбомами, вещицами и портфелями со множествомъ рисунковъ ея отца. Я сейчасъ же узналъ, кто авторъ рисунка, изображающаго камеру № 54. Незабвенный вечеръ! Изъ этой ветоши — сколько живого

благоуханія. И гдѣ теперь вся эта цѣнность, что ей принадлежала? И гдѣ она сама? Тамъ же, въ пятнадцати верстахъ отъ Симферополя, засталъ я доживающую въ своемъ Потемкинскомъ имѣніи Елизавету Сергѣевну Давыдову, дочь декабриста Трубецкого, вышедшую за сына декабриста Давыдова. Она была очень стара, съ совершенно ослабѣвшей памятью, но тоже окружена портретами, рисунками. Навстрѣчу этимъ изображеніямъ поднимались изъ ея меркнувшаго сознанія имена людей, мѣстностей... Такъ, наканунѣ Мартовской революціи, среди пробуждающейся картины Крымской весны, передъ картинами сибирской ночи догорали послѣдніе проблески далекаго прошлаго...

Изъ эпохи Петровскаго завода у меня было очень много рисунковъ и акварелей. Были виды каземата, внутреннихъ его дворовъ, сцены изъ жизни государственныхъ преступниковъ, ихъ работы, ихъ отдыхъ, внутренніе виды камеръ. Все это нарисовано чисто, аккуратно; николаевскіе солдатики изображены съ иголочки, бѣлыя лосины, ремешки, ружья, кивера, лядунки, все это написано въ совершенствѣ. Повидимому, рисунки принадлежатъ кисти декабриста Рѣпина, — того, который такъ ужасно погибъ при пожарѣ своего дома вмѣстѣ съ Андреевымъ, заѣхавшимъ къ нему переночевать. Видъ каземата съ птичьяго полета, помѣщенный въ запискахъ „княгини Маріи Николаевны Волконской“ подписанъ „писарь Керенскій“.

Когда заключеннымъ стали разрѣшать отлучаться изъ тюрьмы, княгиня Волконская обзавелась собственнымъ домикомъ. Обзавелись домами и другія жены. Эти дома всѣ стояли врядъ по одной улицѣ. Улица называлась, у нихъ „La rue des Dames“ (Дамская улица). По лѣвой сторонѣ, если итти къ церкви, предпослѣдній домъ — Волконскихъ. Здѣсь родились у княгини Маріи Николаевны — сынъ Михаилъ въ 1832 году и въ 1834 г. дочь Елена.

О тогдашнемъ начальствѣ въ письмахъ, конечно, нѣтъ упоминаній. Но изъ „записокъ“ и воспоминаній обрисовывается мрачная галлерея портретовъ; среди нихъ самые мрачные — смотритель Нерчинскихъ заводовъ Бурнашевъ, человѣкъ грубый, говорившій съ заключенными на „ты,“ и генералъ-губернаторъ Рупертъ. Имя послѣдняго связано со скорбнымъ событіемъ въ жизни декабристовъ. Въ 1841 году правительство пожелало по случаю бракосочетанія Наслѣдника, будущаго Александра II, оказать какую-нибудь милость сосланнымъ. Было рѣшено принять дѣтей декабристовъ на казенный счетъ, сыновей въ корпуса, дочерей въ институты, но при этомъ было поставлено условіемъ — дѣти должны лишиться фамилій своихъ отцовъ и именоваться по отчеству, Сергѣевыми, Васильевыми и т. д. Сосланнымъ было дано сорокъ восемь часовъ на размышленіе. Они отказались отъ царской милости, указавъ на то, что подобное отреченіе отъ имени отцовъ,

разрывая послѣднюю связь съ прошлымъ, кромѣ того, поставило бы ихъ дѣтей въ положеніе незаконнорожденныхъ и наложило бы пятно на чело ихъ матерей. Генералъ Рупертъ, препровождая письменные отвѣты декабристовъ, снабдилъ ихъ отзывомъ, въ которомъ высказывался, что по его мнѣнію упорствомъ своимъ ссыльные лишили себя, „всякаго права на какое бы то ни было снисхожденіе Правительства.“

Въ длинной вереницѣ мрачныхъ именъ сіяетъ незакатнымъ блескомъ благодарности имя коменданта Лепарскаго. Нѣтъ среди многочисленныхъ книгъ, оставленныхъ намъ декабристами, ни одной, въ которой бы не было посвящено нѣсколько самыхъ теплыхъ, прочувствованныхъ страницъ этому человѣку. Изъ нашего архива припоминаю два эпизода. Когда Марія Николаевна ждала своего второго ребенка, генералъ Лепарскій прислалъ ей акушерку двумя недѣлями раньше того срока, который назначила она сама. Послѣ родовъ онъ пишетъ Сергѣю Григорьевичу, чтобы онъ не позволялъ своей женѣ самой писать, а предлагалъ свои услуги, чтобы извѣстить генерала Раевского. „Княгинѣ же Александрѣ Николаевнѣ можетъ написать княгиня Трубецкая.“

Прелестный рядъ женскихъ портретовъ встаетъ со страницъ сибирскихъ писемъ. Ближайшія подруги Маріи Николаевны были: княгиня Трубецкая, жена Фонъ-Визина и Ентальцева. Но самая любимая была Александра Григорьевна Муравьева. Очаровательный ея внѣшній образъ начертанъ въ „запискахъ“ барона Розена. На страницахъ писемъ Маріи Николаевны проходитъ скорбная повѣсть ея угасанія. Она скончалась въ Петровскомъ заводѣ отъ чахотки; она умирала ночью и, не желая будить свою маленькую дочь, просила принести ей ея куклу и простилась съ куклой. Она похоронена въ церковной оградѣ при церкви Петровскаго завода. Надъ ея могилой часовня, хорошо видная на всѣхъ картинахъ и снимкахъ, изображающихъ эту церковь.

Нонушка, любимица декабристовъ, осталась на попеченіи отца, Никиты Михайловича Муравьева. Когда въ 1843 году онъ умеръ, его мать, старуха Екатерина Федоровна Муравьева, испросила разрѣшеніе привезти ее въ Москву съ тѣмъ, чтобы помѣстить въ институтъ. Разрѣшеніе было дано; была послана за ней классная дама, не помню имени, нѣмецкая фамилія. Дѣвочкѣ очень не хотѣлось уѣзжать; когда ее усаживали въ карету, она плакала и металась, рвалась вонъ изъ кареты. Марія Никоваевна долго не могла забыть эту отъѣзжающую карету... Нонушку помѣстили въ институтъ подъ фамиліей Никитина. Она на это имя не откликалась, несмотря на всѣ наказанія. Наконецъ, ее стали звать просто по имени. Она была ребенокъ съ сильной волей, своенравный. Когда Императрица Александра Федоровна, посѣщая институтъ, сказала ей однажды: „Почему, Нонушка, ты мнѣ говоришь

„Madame,“ а не называешь „Maman,“ какъ всѣ другія дѣвочки?“ Нонушка отвѣтила: „У меня одна только мать, и та похоронена въ Сибири.“ У меня былъ дѣтскій рисунокъ, — какія-то дамы разговариваютъ съ какими-то кавалерами; подписано дѣтскимъ почеркомъ: „Нонушка Катѣ.“ Кто была Катя, не извѣстно, и гдѣ теперь рисунокъ, тоже неизвѣстно.

Удивительная дружба царила между нашими дамами. Одинаковость интересовъ, судьба мужей, рожденія, болѣзни дѣтей, — спаяли ихъ въ тѣсную семью. Ни разу во всей тогдашней перепискѣ не проскальзываетъ даже намека на какую-нибудь ссору, малѣйшее недоразумѣніе. И при скученности, въ какой онѣ жили, это являлось свидѣтельствомъ высокой ихъ воспитанности; рѣдко когда съ большей наглядностью выступала благотворная сила житейскихъ формъ, и надо сказать, что, несмотря на всѣ единичные случаи тяжелыхъ испытаній, общій тонъ жизни былъ бодрый; онѣ не позволяли себѣ распускаться, поддерживали и подбадривали другъ друга: пусть, молъ, недоумѣваетъ угрюмое начальство. Скоро дѣти стали главнымъ центромъ жизни: все вращалось вокругъ нихъ; праздники, имянины, рожденія подавали поводъ матерямъ изощряться въ пріисканіи развлеченій; посылки изъ Россіи вызывали радостный визгъ, становились предлогомъ дружескаго обмѣна. Новая, нѣжная струя вливается въ суровую жизнь. Это была улыбка каторги...

Легко понять, что внесли жены въ жизнь изгнанниковъ и какъ бѣдные узники ихъ цѣнили. Вотъ стихотвореніе декабриста князя Одоевскаго, въ которомъ чувства ихъ нашли рѣдкой прелести выраженіе. Чтобы его понять, надо помнить, что узники жили въ тюрьмѣ, окруженной высокимъ мачтовымъ тыномъ; къ этому тыну, въ часы прогулки заключенныхъ по двору, подходили наши дамы и сквозь щели ограды разговаривали, разсказывали новости, передавали письма. Сперва часовые противились, одинъ даже ударилъ княгиню Трубецкую прикладомъ, но потомъ начальство приказало не противиться; ходить „къ оградѣ“ вошло въ обычай; это стало гостиной, клубомъ; княгиня Трубецкая, которая при полнотѣ своей легко уставала, приносила даже съ собой складной табуретъ. Вотъ какъ прелестно запечатлѣлъ эту картину Одоевскій:

Былъ край, слезамъ и скорби посвященный,
Восточный край, гдѣ розовыхъ зарей
Лучъ радостный, на небѣ тамъ рожденный,
Не услаждалъ страдальческихъ очей.

*

Гдѣ душенъ былъ и воздухъ вѣчно ясный,
И узникамъ кровъ свѣтлый докучалъ,
И весь обзоръ, обширный и прекрасный,
Мучительно на волю вызывалъ.

*

Вдругъ ангелы съ лазури низлетѣли
Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
Но прежде свой небесный духъ одѣли
Въ прозрачныя земныя пелены,

*

И, вѣстники благіе Провидѣнья,
Явилися, какъ дочери земли,
И узникамъ съ улыбкой утѣшенья
Любовь и миръ душевный принесли.

*

И каждый день садились у ограды,
И сквозь нее небесныя уста
По каплѣ имъ точили медъ отрады.
Съ тѣхъ поръ лились въ темницѣ дни, лѣта.

*

Въ затворникахъ печали всѣ уснули,
И лишь они страшились одного, —
Чтобъ ангелы на небо не вспорхнули,
Не бросили покрова своего.

Мы прослѣдили внѣшнія условія жизни. Они были тяжелы. Однако великая цѣлительница, привычка, оказывала и здѣсь долгое, но вѣрное свое дѣйствіе. Первые пять лѣтъ надѣялись, вторые пять лѣтъ надѣялись меньше, а потомъ и ждать перестали. Когда заходила рѣчь о родинѣ, княгиня Марія Николаевна съ покорностью и разумной ясностью говорила: „Моя родина тамъ, гдѣ мои дѣти“.

Мы подходимъ къ тому періоду нашего разсказа, про который могли бы намъ разсказать люди предшествующаго поколѣнія. И вотъ, память моя летитъ къ тѣмъ бумагамъ, которыя были у меня отобраны. Въ ихъ числѣ были замѣчанія моей родной тетки Елены Сергѣевны Рахмановой на „записки“ Н. А. Бѣлоголоваго. Бѣлоголовый, извѣстный докторъ, родомъ сибирякъ, воспитывался въ домѣ декабриста Поджіо, когда они жили на поселеніи. Его книга, очень интересная, заключала въ себѣ кое-какія неточности; моя тетка написала къ нимъ „поправки“, кое-что расширила собственными воспоминаніями. Эту тетрадку она мнѣ подарила; сколько „благоуханнаго“ пролилось бы здѣсь на мой разсказъ, если бы она была у меня подъ рукой... Чѣмъ дальше подвигаюсь въ моемъ повѣствованіи, тѣмъ больше мнѣ приходится черпать въ памяти, тѣмъ меньше въ письменномъ документѣ. Но вѣдь не можетъ человѣкъ въ памяти все сохранить; кромѣ того, готовя свои бумаги къ изданію, я естественно удѣлялъ больше вниманія тѣмъ изъ нихъ, которыя должны были составить первые томы; эти я перечиталъ по три, по четыре раза, а дальнѣйшее по разу и то многія письма только, что называется, пробѣжалъ, тогда не было причины торопиться. И вотъ, переступая порогъ новой главы нашего разсказа, вспоминаю замѣтки моей тетки. Портреты всѣхъ тѣхъ лицъ, о которыхъ здѣсь упоминалось, про-

ходятъ подъ ея перомъ, но уже не въ молодости, а въ зрѣломъ возрастѣ и въ старости. Очаровательное описаніе княгини Трубецкой: шаль и чепецъ, привѣтливое общительное лицо, ласковыя пухлыя руки, тонкій умъ, блестящій разговоръ... Она умерла въ началѣ пятидесятыхъ годовъ отъ рака, въ страшныхъ мученіяхъ, и похоронена въ оградѣ Иркутскаго Знаменскаго женскаго монастыря. У меня было прелестное письмо отъ дочери ея, Зинаиды Сергѣевны Свербѣевой, съ описаніемъ ихъ жизни въ Сибири и выѣзда въ Россію. И это письмо пропало... Помню лишь, что старику Трубецкому не хотѣлось уѣзжать изъ Иркутска и дѣтямъ стоило большихъ трудовъ оторвать его отъ могилы жены; только ради воспитанія своего сына Ивана онъ сдался на увѣщанія. Князя Ивана Сергѣевича Трубецкого я помню въ дѣтствѣ; онъ умеръ отъ разрыва сердца, выѣзжая изъ дома Кочубеевъ у Краснаго Моста на Мойкѣ, того дома, гдѣ впослѣдствіи жилъ Куропаткинъ. Зинаида Сергѣевна Свербѣева жива и посейчасъ, ей за 80 лѣтъ; выселенная изъ своего имѣнія, она живетъ въ Орлѣ. Ея сынъ Сергѣй Николаевичъ былъ русскимъ посломъ въ Берлинѣ во время объявленія войны...*) Возвращаемся къ „замѣткамъ“ Елены Сергѣевны.

Скорбный портретъ Іосифа Поджіо, этого страдальца, проведшаго восемь лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости, въ то время какъ несчастной матери и сестрѣ на всѣ вопросы о мѣстѣ нахожденія его отвѣчали неизмѣннымъ „мѣсто ссылки неизвѣстно“. Онъ пріѣхалъ наконецъ въ Усть-Куду, мѣсто своего поселенія, когда наши переѣзжали въ Урикъ, за мѣсяцъ до рожденія Елены Сергѣевны. Къ тому времени мать его умерла, жена, урожденная Бороздина, вышла замужъ за князя Гагарина. Чѣмъ-то разбитымъ, какимъ-то осеннимъ сумракомъ вѣетъ отъ строкъ Елены Сергѣевны, когда она описываетъ клочки этой страдальческой жизни. Тринадцатилѣтнимъ ребенкомъ она провожала его гробъ, — это была первая смерть, которую она видѣла въ лицо... И все это возникаетъ подъ перомъ Елены Сергѣевны изъ случайной прогулки на кладбище въ Крыму; солнце, море, глициніи, кресты и на одной мраморной плитѣ: „Княгиня Гагарина, рожденная Бороздина“. Вспоминаетъ она какихъ-то черкесовъ, которые убили ея второго мужа, вспоминается сынъ Александръ, который оставался въ Россіи, о которомъ отецъ неутѣшно тосковалъ... Не могу, при всемъ желаніи, передать прелести этихъ замѣтокъ Елены Сергѣевны. Я берегъ эту тетрадку, какъ цѣннѣйшій матеріалъ, которымъ думалъ воспользоваться для предисловія къ третьей части предполагавшагося изданія, для той части, которая должна была быть озаглавлена — „поселеніе“. Да, безконечно жаль этихъ прелестныхъ записокъ. Еще разъ повторяю, чѣмъ

*) Недавно скончался. **Ред.**

дальше подвигаюсь въ моемъ разсказѣ, тѣмъ труднѣе мнѣ: долженъ припоминать по такимъ даннымъ, которыя одинъ только разъ перелисталъ. Читатель долженъ вѣрить правдивости и искренности разсказчика, а справиться уже не по чему, спросить не у кого:

Увы, на жизненныхъ браздахъ,
Мгновенной жатвой поколѣнья,
По тайной волѣ Провидѣнья,
Восходятъ, зрѣютъ и падутъ.
Другія имъ во слѣдъ идутъ...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Князь Сергѣй Волконскій.

* * *

Завидуй пастырямъ: тонзурой
Отмѣтилъ избранныхъ Господь,
И ветхій Римъ милотью бурой
Смирилъ бунтующую плоть.
Завидуй воинамъ: мечами
Ихъ пояса отягчены,
И дѣвы жадными очами
Глядятъ на вѣстниковъ войны.
Завидуй клеркамъ: ихъ святыни
Не поругать и не отнять —
Они мудры, и по латыни
Стихи умѣютъ сочинять.
Завидуй нищимъ: имъ дается
Вершить великія дѣла —
Кирпичъ отвергнутый кладется
Владыкой во главѣ угла.
Но въ жизни сей, чья прелесть тлѣнна,
Всего завиднѣй, милый другъ,
Уединеннаго шатлэна
Невозмущаемый досугъ:
Вдали трудовъ и безпокойства,
Питомецъ сладостной звѣзды,
Благополучнаго устройства
Вкушаетъ мирные плоды.
Его довольство не скудѣетъ,
И небогатый блещетъ домъ:
Ему завидуй: онъ владѣетъ
Женою, сыномъ и конемъ.

Генуя 1921.

А. Соколовскій.

Муса.

I.

Муса стараго княжескаго рода, но этого никто бы не сказалъ, глядя на его полуистлѣвшій кульмякъ и выцвѣтшій рваный азямъ, такой выцвѣтшій и рваный, какъ будто онъ весь сшитъ изъ опавшихъ осеннихъ листьевъ, а не изъ сукна. Чалма у Мусы тоже неизвѣстно изъ какой матеріи, а между тѣмъ онъ могъ бы носить зеленую чалму, такъ какъ побывалъ два раза въ Меккѣ: одинъ разъ съ муллой, который взялъ его съ собой какъ слугу, другой разъ за одного богатаго башкира, который самъ не могъ поѣхать въ такой далекій путь и отправилъ за себя Мусу въ надеждѣ, что Аллахъ приметъ этого замѣстителя, какъ самого богача, который старъ и боленъ.

Родъ Мусы былъ богатъ и знатенъ, но обѣднѣлъ. У Мусы, правда, какъ у всѣхъ башкиръ, было пятнадцать десятинъ на душу, но такъ какъ скотины у Мусы не было никакой, онъ не пользовался этой землей; частью изъ лѣни, частью потому, что считалъ грѣхомъ пахать землю.

— Нельзя земля рѣзать — съ убѣжденіемъ заявлялъ Муса. — Божья тѣло земля. Бульно и грѣхъ земля рѣзать.

Да и нужды у Мусы пахать землю не было. Одинокъ Муса. Ему немного надо. Служитъ онъ при мечети мухариномъ и сторожемъ, помогаетъ по хозяйству муллѣ, а питается тѣмъ, что мулла и добрые люди дадутъ за службу. Не больше, чѣмъ птицѣ или овцѣ, надо Мусѣ. Башкиры, что побогаче да посолиднѣй, считаютъ Мусу чуть ли не дурачкомъ, а бѣдняки — чѣмъ то вродѣ блаженнаго, но обижать его никто, даже злые люди, не обижаютъ. Грѣхъ обидѣть Мусу, да и самъ онъ никого не обидитъ. Даже если собака заберется на ступеньки мечети, Муса не ударитъ ее палкой, не броситъ въ нее камнемъ, а только замахаетъ руками, напугаетъ ее громкимъ крикомъ.

Первый, кого я встрѣтилъ въ Курманкаѣ, былъ Муса. Вѣрнѣе, онъ меня встрѣтилъ. Мулла, у котораго я снялъ на лѣто комнату, выслалъ ко мнѣ на станцію Мусу съ бричкой на высо-

кихъ колесахъ. И хорошо, что у брички были высокія колеса, а то пришлось бы мнѣ поплавать раньше, чѣмъ я добрался до деревни. Дема и озера въ эту весну разлились широко по степи. Лошадь временами шла чуть не по поясъ въ водѣ и съ трудомъ тащила бричку и насъ двоихъ въ ней. Но Муса ни разу не ударилъ лошадь. Куда тутъ! Онъ такъ жалѣлъ ее, что, кажется, самъ бы впрягся, чтобы помочь бѣдной скотинѣ.

Когда я выражалъ опасаніе, какъ бы бричка не перевернулась, или поднималъ насколько возможно ноги, чтобы не вымокнуть въ ледяной водѣ, Муса наклонялся ко мнѣ всей своей нескладной фигурой; его изрытое оспой худое и скуластое лицо съ загрубѣлой и старчески сморщенной кожей, хотя Муса былъ не такъ старъ, ласково и виновато улыбалось, и онъ торопливо и какъ-то таинственно бормоталъ.

— Нисява, нисява. Не бойсь, хагретъ. Нисява. Будь хоросъ. Самъ онъ успѣлъ весь вымокнуть съ головы до ногъ, но не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія.

— Нисява, нисява. Солнса добрый. — Алла добрый. — Все добрый. — Все хоросъ. —

Губы его непрестанно шевелились; не то молитву Аллаху шепталъ беззвучно Муса, не то такая у него была привычка — шевелить губами. При этомъ его рѣдкіе сѣдѣющіе усы и тоже рѣдкая маленькая бородка шевелились, точно считали, сколько разъ Муса произнесетъ имя Аллаха.

Добродушное настроеніе Мусы сообщилось и мнѣ. Разговориться намъ было трудно, особенно на первыхъ порахъ. Я не говорю по башкирски, а Муса коверкалъ всего нѣсколько словъ по русски. Но майское утро было такъ свѣтло и такъ благословенно прекрасно было вокругъ, что я забылъ объ опасномъ путешествіи и даже о томъ, что ноги мои успѣли таки промокнуть; бричка черпнула таки воды.

— Да, да, солнце доброе и Аллахъ добрый и все хорошо — повторилъ я слова Мусы, улыбаясь и ему и всей красотѣ земной: мутной новой водѣ, блестѣвшей подъ солнцемъ, какъ разлитая улыбка счастія, холмамъ и островамъ, которые выступали изъ воды, какъ живые, зеленые и цвѣтущіе, дальней деревнѣ, отражавшейся въ водѣ, какъ миражъ, — каждому деревцу, каждому кустику съ еще клейкими янтарными листиками, каждой былинкѣ, выступавшей изъ воды и точно молящейся яркому солнцу и синему небу съ палевыми пушистыми облаками.

А сколько жизни было въ этомъ степномъ разливѣ, сколько птицъ, которыя выражали свою радость всевозможными звуками. Тутъ были и утки, и чибисы, и кулики разныхъ породъ, а тамъ, гдѣ за густой травой скрывались озера, слышался крикъ дикихъ гусей.

Вотъ и сами гуси, встревоженные нашимъ приближеніемъ, поднялись съ озера, бѣлые и величавые, и, сначала тяжело махая крыльями, а потомъ все легче и красивѣй, полетѣли вдаль, туда, гдѣ за открывшейся на большое пространство землей, опять блестѣла подъ солнцемъ вода, доходившая до невысокихъ горъ, плавно протянувшихся надъ извилистой Демой и кое-гдѣ покрытыхъ кустарникомъ и даже лѣскомъ. Отраженія гусей серебрились въ водѣ наравнѣ съ облаками и, восторженно улыбаясь имъ и мнѣ, Муса закивалъ гусямъ вслѣдъ: — Божій — Божій. Барансюкъ Божій. — Усѣ барансюкъ. — Мой барансюкъ. — Твой барансюкъ. — Усѣ барансюкъ. — Одна маленькій, другой больса — усѣ барансюкъ. И конь — барансюкъ. Прибавилъ онъ уже почти строго, чтобы у меня не оставалось сомнѣнія, что вся живая тварь вокругъ, какъ и мы сами, — всѣ — барансюкъ божій, дѣти божіи, и надо радоваться тому, что у всѣхъ одна душа, способная благословить Аллаха за всѣ его заботы, за это солнце, за эту нѣжную весну, за эти новыя воды, оплодотворяющія степь, которая, послѣ ихъ спада, зацвѣтетъ и засіяетъ великолѣпными цвѣтами и травами и серебристымъ ковылемъ и хлѣбомъ. Всѣмъ хорошо: и скотинѣ, и птицѣ, и человѣку, и каждому муравью, и каждой былинкѣ.

Самъ Муса всю зиму голодалъ и добывалъ себѣ пропитаніе на подобіе тѣхъ невзыскательныхъ башкирскихъ лошадокъ, о которыхъ не порадѣлъ хозяинъ; кружась на тибиневкѣ въ степи, онѣ должны нерѣдко зимой изъ-подъ снѣга сами добывать свой жалкій кормъ. Но и зимой не ропталъ Муса на Аллаха-Кисметъ.

II.

Хорошо лѣтомъ въ Курманкаѣ. Всего вдоволь — и хлѣба, и кумыса, и яицъ, и всякой зелени. За мѣсяцъ — за два я подучился по башкирски. Въ полудикой отдаленной отъ города башкирской деревушкѣ рѣдко кто можетъ объясниться по русски, волей-неволей научишься по ихнему.

Теперь уже мы съ Мусой больше понимали другъ друга, и онъ отъ меня тоже научился немного по русски.

— Я маленьки барансюкъ былъ, не хотѣлъ барашкамъ ашать. — Барашкамъ живой бѣгай. — Муса живой бѣгай. Волкъ барашкамъ ашайтъ, медвѣдь барашкамъ ашайтъ. Муса нѣтъ барашкамъ ашайтъ. Муса месеть ходилъ, Аллахъ слушалъ, Коранъ слушалъ, Магометъ слушалъ. Волкъ месеть нѣтъ, медвѣдь Магометъ нѣтъ. — Волкъ, медвѣдь нѣтъ кого слушать. — Муса Мекка гулялъ. — Кабръ Магометъ салямъ дѣлалъ. Муса грѣхъ барашкамъ ашать, — объяснялъ онъ мнѣ, однако не упрекая и не осуждая за этотъ грѣхъ ни меня, ни другихъ.

Съ большимъ вниманіемъ слушалъ Муса мои разсказы о томъ, что знаютъ, чему учатся люди и какія диковины открываетъ сильный человѣческій разумъ. — Разсказывалъ я о городахъ, которые видѣлъ, но Муса повидалъ больше меня, путешествуя въ Мекку. Онъ, конечно, многаго не понималъ изъ того, что я старался объяснить ему, но многое и угадывалъ чутьемъ и всему радовался и дивился, какъ ребенокъ, тому, что творится подъ солнцемъ.

— Солнса добрый. — Алла добрый. — Все хоросъ.

И прибавлялъ къ этимъ первымъ услышаннымъ мною отъ него словамъ:

— Аллахъ селовѣкъ глаза далъ, голову далъ, дуса далъ. Глаза далъ — видѣть Аллахъ, голова далъ — знать Аллахъ, дуса далъ — любить Аллахъ. Усе Аллахъ селовѣкъ далъ, чтобы селовѣкъ кланялся Аллахъ — хосетъ селовѣкъ рыбой плавать, — рыбой плаваетъ, хосетъ птицей летай — птицей летай. Усе селовѣкъ Аллахъ далъ, Магометъ, велій пигамбяръ далъ. Иса Христосъ велій пигамбяръ далъ. Коранъ знай Иса Христосъ, велій пигамбяръ. Я гуляй кабръ Магомета Мекка, ты гуляй кабръ Иса Христосъ — Ерузалемъ. Муса много видалъ урусъ-паломникъ. Хоросъ людя. Кто Аллахъ любитъ, его пигамбяръ любитъ — хоросъ людя. Всѣ хоросъ людя.

И Муса разсказывалъ мнѣ восторженно о своихъ далекихъ путешествіяхъ въ Мекку, о городахъ, которые онъ видѣлъ, о безконечныхъ моряхъ, о черныхъ людяхъ.

— Станболъ видалъ? Нѣтъ видалъ. Ай-ай, больса городъ. Уфа бери, Казань бери, сто Казань-Уфа бери — Станболъ больше. Всякій людя Станболъ, столько людя — ай-ай... — Закрывая глаза изумлялся Муса при воспоминаніи о Стамбулѣ. — Звѣзды видяй въ небѣ — столько людя Станболъ. — Но больше всего поразили Мусу, конечно, Мекка и Медина. Онъ разсказывалъ о Меккѣ такія чудеса, которыя, несомнѣнно, были снами дѣтской фантазіи

Мусы, снами, видѣнными въ религіозномъ экстазѣ. Не чудо было, что выздоравливали больные, касаясь священнаго камня Каабы въ Мединѣ, гдѣ въ мѣсяцъ Моратремъ схороненъ былъ Магометъ, не чудо, какъ Аллахъ на пути къ мусульманской святынѣ спасалъ паломниковъ въ пустынѣ песчаной и мертвой отъ голода, жажды и дикихъ звѣрей и разбойниковъ бедуиновъ. Но то, какъ одинъ старый правовѣрный рабъ Аллаха самъ принесъ домой свою голову, отрубленную разбойникомъ арабомъ, это ужъ, конечно, было чудо изъ чудесъ, а между тѣмъ Муса разсказывалъ, что самъ видѣлъ этого добраго стараго мусульманина, какъ онъ шелъ домой по пустынѣ въ звѣздную ночь, держа голову въ рукахъ, шелъ въ томъ самомъ бѣломъ хирамѣ, въ который переодѣлся, когда сходилъ съ корабля въ Амедду, чтобы отправиться въ послѣдній путь.

III.

Уже вступили въ берега озера, и Дема, точно буйная страсть природы, угомонилась и вошла въ русло спокойной и тихой жизни. Запетлила всю степь Дема, точно по громадной узорной ткани священнаго ковра, расцвѣченной всѣми цвѣтами небесной радуги, серебромъ начертаны были божественныя изреченія Корана затѣйливыми арабскими буквами. Стали неподвижно озера въ зеленыхъ берегахъ, гдѣ весною гремѣли по горамъ соловьи; притаились воды, полныя рыбы и дичи, которую рѣдко пугала человѣческая жестокость.

Послѣ Петровокъ охота разрѣшается. — Искушеніе было слишкомъ велико, да и надоѣло все одно и то же: кумысъ, баранина да яйца. Дичь подъ бокомъ, а тутъ пріѣхалъ изъ Уфы пріятель охотникъ, секретарь Земской Управы, Костевичъ.

— Какъ, ружье есть и ты не охотишся! — завопилъ онъ, таращa глаза въ такомъ изумленіи, точно негодовалъ на меня за то, что у меня руки и я не работаю, ноги и я не хожу. Я хотѣлъ ему признаться, что не охочусь, потому что мнѣ неловко передъ Мусой послѣ всѣхъ нашихъ трогательныхъ бесѣдъ съ нимъ. Не то, чтобы Муса имѣлъ на меня такое неотразимое вліяніе, что я покаялся и отрекся отъ своихъ хищныхъ склонностей или боялся прослыть передъ нимъ лицемѣромъ и обманщикомъ. Я никогда не скрывалъ своихъ недостатковъ, а страсть къ охотѣ не считалъ даже большимъ грѣхомъ, но у меня настоящей охотничьей страсти и не было. Я любилъ не столько самую охоту, сколько

это славное шатанье съ ружьемъ по озерамъ, полямъ, лѣсамъ, бекасинымъ мочежинамъ-кочкарникамъ и болотамъ. Обычное гулянье это не то, что съ ружьемъ. — Гуляешь всегда нѣсколько разсѣянно, да и скучно гулять безъ дѣла. Ну, побродишь часъ, много два, глаза какъ будто насыщаются природой, а душа глохнетъ къ трепетамъ и зовамъ, какъ глохнетъ и притупляется слухъ къ ея голосамъ и звукамъ.

Во время охоты глазъ особенно зорокъ и обостренъ, слухъ и нервы неустанно приподняты. Все ищешь, все ждешь. Взволнованная и настороженная душа жадно ловитъ каждый шорохъ, каждое обѣщающее движеніе и звукъ. Слѣдишь за каждой мелочью, замѣчаешь малѣйшіе намеки на дичь. Во время охоты я убѣдился въ этомъ: какъ то по звѣриному обостряется инстинктъ и лучше видишь и глубже слышишь и острѣй воспринимаешь всѣ запахи, а главное — больше угадываешь, чѣмъ всегда, точно таинственно появляется, вызванное древней страстью, чутье, родственное чутью охотничьей собаки.

У моего пріятеля былъ сетеръ гордонъ, благородный и красивый песъ, охотиться съ которымъ настоящему охотнику, должно быть, истинное наслажденіе. Но, признаюсь, чѣмъ лучше собака, тѣмъ у меня меньше желанія охотиться съ ней. Я плохой стрѣлокъ, и мнѣ непріятно чувствовать свое униженіе передъ собакой.

Оттого я больше всего люблю вальдшнепную тягу. На вечерней зарѣ стоишь, какъ на молитвѣ, гдѣ-нибудь въ лѣсной балкѣ у перелѣска. Предвечерняя тишина небеснымъ благословеніемъ нисходитъ на землю, и душа пріобщается великой тайны земного безмолвія. Кажется, видишь, какъ опускаются почти незримыя рѣсницы дня, какъ вспыхиваетъ пламенемъ зари, точно заплутавшееся дитя, одинокое облачко, и въ то время, какъ земля начинаетъ тускнѣть, точно задремывать, легендарные маки ложатся на нее въ видѣ прозрачныхъ сумерекъ, небо оживаетъ для воздушнаго торжества вмѣстѣ съ первой лучистой звѣздочкой.

Тогда, въ этой тишинѣ, вальдшнепный хрипъ и быстрый, тонкій, какъ силуэтъ, очеркъ вальдшнепа, дѣлающаго перелетъ, кажется чѣмъ-то сказочнымъ, и хочется поймать, остановить эту сказку, хотя бы выстрѣломъ. И самый ударъ выстрѣла въ этой тишинѣ звучитъ какъ то торжественно и важно, и дымокъ, синимъ облачкомъ растекающійся надъ росистой травой, примѣшиваясь къ запахамъ влажной земли, не оскорбляетъ, а дополняетъ ихъ, какъ запахъ ладана въ церкви дополняетъ ароматъ свѣжихъ

и увядающихъ цвѣтовъ, украшающихъ въ страстной четвергъ плащаницу.

Все это своей дѣтской открытой душой такъ же хорошо чувствовалъ Муса, какъ я, искушенный тонкостью культурныхъ переживаній.

Да нѣтъ, гдѣ мнѣ! Для него природа была весь смыслъ, все очарованіе жизни. Всходя на минаретъ, чтобы благовѣстнымъ Аллахъ акбатъ — призвать правовѣрныхъ къ молитвѣ, Муса повиновался не только требованіямъ обряда, но и природѣ, какъ повинуется природѣ пѣтухъ, который въ извѣстные часы долженъ прокричать то, что ему полагается.

Мнѣ не хотѣлось, чтобы Муса видѣлъ мою охоту. Мнѣ непріятно было огорчить его. Но говорить объ этомъ своему пріятелю не хотѣлъ. Такое объясненіе не вызвало бы у него ничего, кромѣ громкаго смѣха и обычныхъ въ такихъ случаяхъ возраженій.

Я рѣшилъ уговорить Костевича отправиться съ утренней зарей на дальнее озеро Исыыкъ-Куль, и не бродить съ ружьемъ и собакой, а охотиться въ лодкѣ на дикихъ утокъ, причемъ собака будетъ лишь приносить намъ убитую дичь.

Такъ можно было разсчитывать не встрѣтиться съ Мусой, который проводитъ цѣлые дни и ночи въ одиночествѣ, среди родной ему степи и живыхъ существъ.

IV.

Хорошо было проснуться на зарѣ и ступить послѣ пыльной дороги на росистую траву, гдѣ каждый шагъ нашъ отпечатлѣвался матовымъ слѣдкомъ, а на влажной кожѣ сапогъ оставались какія-то золотистыя пылинки и усики травокъ.

Еще рано. Еще скотъ не выгнали изъ дворовъ и на небѣ кое-гдѣ остались звѣзды, какъ въ церкви, послѣ того, какъ отойдетъ служба, оставляютъ непотушенными нѣкоторыя свѣчечки передъ особенно чтимыми образами, даже тогда, когда церковь опустѣетъ совсѣмъ и ее запираютъ наглухо до новаго богослуженія.

Изъ ночныхъ голосовъ слышался только скрипъ коростеля, какъ будто продолжало раскачиваться звенящее кадило въ рукахъ священника, да перепелъ точно и отчетливо бросалъ свои короткіе призывы, какъ всплески звонкаго колокольчика церковнаго сборщика.

— А-аллахъ-акбатъ... донесся съ минарета дрожащій и печальный призывъ Мусы. Онъ, вѣрно, видѣлъ насъ съ высоты мечети, и мнѣ стало такъ не по себѣ, что хоть въ пору вернуться домой.

Но пріятель мой, одѣтый въ охотничій нарядъ, хоть фотографію снимай съ него, — громко выражалъ восторги своихъ ожиданій, свистѣлъ собакѣ, разговаривалъ съ ней, обѣщая богатое поле, и даже самъ съ собой разговаривалъ, когда замѣтилъ, что я не особенно охотно ему отвѣчаю, и торопилъ меня, не давая опомниться.

Мнѣ хотѣлось взглянуть на минаретъ, Муса обыкновенно, закрывалъ глаза, когда пѣлъ съ минарета, поднявъ голову и подперевъ щеку худой рукой съ длинными грязными, но красивыми пальцами, которые, казалось, созданы были, чтобы держать или смычекъ или дирижерскую палочку.

Но я не рѣшился оглянуться, точно томимый предчувствіемъ, что нынѣшній день положитъ конецъ нашей дружбѣ, что случится что-то, что оттолкнетъ отъ меня Мусу, даже оскорбитъ его.

— Магометъ рассуль Алла, — кроткимъ укоромъ летѣлъ за мной голосъ Мусы, пріятный и трогательный, какъ пѣсня курая.

Когда то у Мусы, говорилъ мнѣ мулла, былъ голосъ необыкновенной красоты, и уфимскій муфтій, случайно услышавъ его проѣздомъ черезъ Курманкай, звалъ Мусу съ собой въ Уфу, но Муса, не смѣя ослушаться муфтія, такъ поблѣднѣлъ при мысли, что ему придется разстаться навсегда съ родной, хотя и бѣдной деревней, что муфтій, видя его печаль и испугъ, не сталъ его приневоливать.

Теперь голосъ Мусы отъ постоянныхъ голодовокъ, съ которыми легче было справиться въ молодости, а главное — отъ болѣзней, ослабѣлъ и надорвался, но, потерявъ въ красотѣ и силѣ, онъ еще сильнѣй хваталъ за сердце, чѣмъ раньше.

Голосъ пропѣлъ, что полагалось и оборвался, — переставъ тревожить меня. — А вмѣстѣ съ этимъ уступало знакомому волненію и ожиданію и еле-ощутимо уколовшее меня предчувствіе.

Скоро предчувствіе и совсѣмъ погасло, какъ погасали и послѣднія звѣзды на небѣ и, освѣженный заревой свѣжестью, затянувшись вкуснымъ дымомъ первой утренней папиросы, я даже забылъ о Мусѣ, любуясь красотой степи и собакой, которая съ радостнымъ возбужденіемъ нюхала воздухъ и то отбѣгала отъ насъ, теряясь въ травѣ, то возвращалась съ влажной шерстью,

осыпанной золотистой пылью медуницы съ серебристыми пушинками ковыля, приставшими къ черной съ рыжими подпалинами шерсти.

V.

На озерѣ была зеркальная тишина; тростники и даже травки, выступавшія изъ воды у берега и на мелкихъ мѣстахъ, не шевелились.

Съ береговъ озеро было все окружено лознякомъ и притаилось. Оно точно хотѣло спрятаться отъ рѣки, которая бѣжала по степи, бросаясь то въ одну, то въ другую сторону. Въ одномъ мѣстѣ рѣка подходила къ озеру совсѣмъ близко, но, не угадавъ этой близости, дѣлала отъ него крутой поворотъ и уже дальше бѣжала, отчаявшись, къ другому, но и того не могла поймать, и отъ него уходила совсѣмъ уже, теряясь въ степи, къ третьему, которое также не хотѣло ее знать до новой весны, и скрывалось за небольшими холмиками.

Свистъ куликовъ и кряканье утокъ на водѣ были еще сдержанны. — Еще матова сѣра была поверхность озера, и въ тростникахъ и уремѣ прятались туманы, которые, подобно блѣднымъ тѣнямъ, качались, поднимались и падали на водѣ.

Но по мѣрѣ того, какъ заря все живѣе дышала на востокѣ, и все выше подымались розовые вздохи ея, оживало озеро, свѣтлѣла гладь его и начинала рябиться струйками и кружочками, на изломахъ которыхъ заблистали заревые отсвѣты.

Туманы совсѣмъ спрятались въ кустахъ, или, припавъ къ водѣ, соединились съ нею, ушли въ ея глубину, какъ призраки, вызванные ночью со дна и опять возвращающіеся въ свою прозрачную могилу при наступленіи дня.

Съ дальняго озера протянули утки, перекликаясь съ тѣми, которыя, очевидно, ждали ихъ тутъ. Теперь уже ихъ кряканье было дѣловито серьезно и даже строго. Онѣ окликали своихъ друзей, спрашивали все ли благополучно и имъ отвѣчали также дѣловито изъ камышей.

Сердце начинало сладостно замирать отъ ожиданія счастливой охоты. Взглядъ сталъ зорокъ, движенія сдержанны. Собака, зная куда мы идемъ и что намъ нужно, вытянувъ красивую морду, бѣжала легко — и тоже осторожно.

Я подошелъ къ знакомому потаенному мѣстечку, гдѣ былъ привязанъ мой челнокъ. Онъ, какъ влитый, стоялъ на мѣстѣ. Я взялъ также припрятанную лопатку-весло и сѣлъ на корму.

Костевичъ позвалъ собаку тихимъ свистомъ. Какъ только мы подошли къ озеру и вступили, такимъ образомъ, въ волшебный кругъ охоты, онъ сразу точно переродился. Громкій голосъ его осѣлъ, шутки и круглыя словца исчезли.

Собака была нѣсколько разочарована его зовомъ: въ лодку, — значитъ, стѣсненіе свободы, значитъ, мало интересная для нея охота.

Она покосилась недружелюбно на меня, видя во мнѣ, очевидно, главнаго виновника этого грустнаго для нея разочарованія. Но ослушаться не смѣла, а лишь нѣсколько мгновеній умоляюще глядѣла на хозяина большими неподвижными глазами.

Костевичъ такъ строго указалъ ей мѣсто въ лодкѣ, что она покорно прыгнула ко мнѣ, а за ней, слегка оттолкнувъ челнокъ, навалившись сначала на носъ лодки всѣмъ своимъ полнымъ, но легкимъ тѣломъ, а затѣмъ, усѣвшись на скамеечкѣ, устроился и хозяинъ.

Закачался челнокъ, заколыхалась вода, ласково поплескивая въ кустахъ, заколебались тростники и лозы, совсѣмъ разбуженные нашимъ вступленіемъ, и вода на озерѣ стала уже розовой и живой и расколдованной отъ ночныхъ чаръ.

Медленно пошевеливая весломъ, не вынимая его изъ воды, я заставилъ лодку безшумно обогнуть зеленый, покрытый пушистой, какъ дѣтскіе волосы, травой, островокъ, изъ-за котораго съ шумомъ вылетѣло двѣ пары кряковыхъ. Но онѣ полетѣли низко надъ талами въ уровень съ моей головой. Костевичу нельзя было стрѣлять, хотя онъ и вскинулъ ружье. Когда же утки поднялись, онѣ были уже далеко и не стоило рисковать выстрѣломъ, который могъ лишь напрасно вспугнуть дичь. А я проворонилъ утокъ.

Однако, охоту надо было начать до восхода солнца, и лодка быстрѣе пошла впередъ, туда, откуда доносилось кряканье утокъ.

Большое, запестренное топкими островками, мысками и выступавшими на обмелѣвшихъ мѣстахъ кустами, озеро каждую минуту могло открыть намъ добычу, и потому я, дѣйствуя весломъ, не спускалъ глазъ съ ружья, чтобы на этотъ разъ не оплошать.

Вдругъ съ того мѣста, куда шла лодка, поднялась внѣ выстрѣла стая утокъ, метнулась было издали къ намъ, но передовая утка насъ замѣтила и быстро повернула прочь, а съ ней и вся стая.

— Ахъ, чертъ! — выругался Костевичъ. — Чего это онѣ!

Другая стая поднялась въ ту же минуту съ другой стороны.

— Что за дьяволы! Чего это онѣ всполошились такъ внезапно? Вѣтерокъ противъ насъ. Неужели учуяли?

Отчетливый всплескъ воды за талами, довольно далеко отъ насъ, нарушилъ заревую тишину. Мнѣ показалось, что это упалъ камень, но когда пріятель мой выразилъ такое же предположеніе, я поспѣшилъ разувѣрить его.

— Нѣтъ, это вѣрно щука метнулась за рыбкой. Здѣсь въ озерахъ такія огромныя щуки водятся, что рыболовы бьютъ ихъ ночью острогами. Вообще, тутъ рыбы масса, — прибавилъ я, хотя это и безъ того было видно по вспыхивавшимъ на водѣ кружкамъ и всплескамъ и по тому, что запахъ рыбы чувствовался даже въ воздухѣ, полномъ сочныхъ и нѣжныхъ ароматовъ степи и воды.

Но уже у меня у самаго явилось, правда, еще слабое подозрѣніе, что этотъ всплескъ не похожъ былъ на всплескъ рыбы: вода какъ-то чмокнула, какъ будто проглотила что-то упавшее извнѣ.

Это подозрѣніе еще болѣе обозначилось, когда послышался въ отдаленіи новый всплескъ и снова всполошилась дичь.

— Неужели Муса? — шевельнулась у меня тревожная мысль

Я старался держаться близъ кустовъ, которые иногда задѣвали насъ, обрызгивая росой, не успѣвшей высохнуть на листьяхъ. Иногда весло задѣвало за травы, поднимавшіяся со дна, такія мягкія и нѣжныя, что, казалось, онѣ могли растаять на поверхости, иногда оно задѣвало и путалось въ крѣпкихъ длинныхъ стебляхъ кувшинокъ, которыя бѣлѣли на водѣ среди круглыхъ листьевъ своихъ, какъ серебряныя чаши съ каплей золота посрединѣ.

Всполохи утокъ и кряканье ихъ становилось настолько тревожнымъ, что уже теперь не было никакого сомнѣнія, что кто-то пугаетъ ихъ, то перебѣгая съ мѣста на мѣсто, то бросая камни.

Собака также чуяла, что дичиная тревога не спроста. Она неловольно и хмуро поводила носомъ, вотъ-вотъ готовая залаять, но не смѣла сдѣлать этого, а только выражала своими умными глазами:

— Я же была права, что не стоило пускаться въ такое недостойное предпріятіе. Вотъ вы и будете наказаны, что не послушались меня, хотя я вамъ ясно давала это понять.

— Несомнѣнно, это какой-то мерзавецъ озорничаетъ, — шипѣлъ злобно Костевичъ. — Только бы мнѣ запримѣтить этого каналью, я бы угостилъ его зарядную часть такъ, что онъ на цѣлый мѣсяцъ забылъ бы, какъ сидятъ.

По его шипящей ярости ясно было, что онъ дѣйствительно на это способенъ. — Я нѣсколько обезпокоился за Мусу, кото-

рый одинъ могъ рѣшиться на такое опасное дѣло, и, чтобы предупредить возможное несчастье, сталъ успокаивать его.

— Полно. Что за угрозы! Во-первыхъ, кому нужно портить намъ охоту, а во-вторыхъ, стоитъ ли изъ-за утокъ стрѣлять въ человѣка.

— Какой же онъ человѣкъ, если гадости такія ближнему дѣлаетъ!

— Ну, это не такія ужъ великія гадости, чтобы за нихъ такъ наказывать человѣка...

— Какъ не великія! — взъѣлся на меня Костевичъ. — Какой же ты охотникъ послѣ этого, если для тебя это не великія гадости! Что же можетъ быть подлѣе этого мерзоозорничества!

— Пусть твое предположеніе основательно, а если онъ дѣлаетъ это вовсе не изъ за мерзоозорничества, а изъ любви къ живымъ существамъ?

Костевичъ готовъ былъ расхохотаться во все горло по своему обыкновенію, но вспомнилъ, что онъ на охотѣ, и опять зашипѣлъ.

— Желалъ бы я видѣть такого осла, который такъ думаетъ...

— Но однако такъ думали многіе, которые далеко не считались ослами.

Костевичъ скруглилъ на меня глаза отъ раздраженія, которому нельзя было къ тому же излиться, какъ надо.

— Да ты что, іогомъ что ли сталъ? На какой же ты чертъ за ружье берешься? А еще...

Не успѣлъ онъ докончить этой рѣчи, какъ снова поднявшіяся утки закрякали, захлопавъ крыльями, на этотъ разъ совсѣмъ недалеко отъ насъ. Забилось сердце. Захватило дыханіе. Я видѣлъ, какъ Костевичъ съ сразу измѣнившимся лицомъ вскинулъ ружье. Моя двухстволка также очутилась въ моихъ рукахъ.

Утки летѣли прямо на насъ цѣлой стаей, шумя крыльями, вытянувъ длинныя шеи.

Костевичъ выстрѣлилъ первый. Но я не слѣдилъ за его выстрѣломъ и выстрѣлилъ также — изъ одного, изъ другого ствола.

— Бацъ-бацъ. — Оба выстрѣла удачные.

Онъ также пустилъ запоздалый выстрѣлъ въ догонку улетающимъ и однимъ ударомъ срѣзалъ сразу пару утокъ, шлепнувшихся на водѣ вдали.

Ни одинъ выстрѣлъ не пропалъ. Мы сразу взяли пять штукъ. Но изъ послѣдней пары одна утка была лишь подстрѣлена Ко-

стевичемъ и съ перебитымъ крыломъ, хлопая другимъ крыломъ по водѣ, стала уплывать.

— Пиль, Каро.

Но Каро и безъ того уже дрожалъ, стоя въ лодкѣ. Однимъ прыжкомъ онъ очутился за бортомъ и поплылъ, водя изъ стороны въ сторону красивой головой, встряхивая иногда длинными ушами, въ которыя во время прыжка, очевидно, попала вода.

Я тоже схватился за весло, чтобы помочь собакѣ подобрать дичь, въ то время, какъ Костевичъ, забывъ о своей злобѣ противъ меня, вкладывалъ въ мою двухстволку патроны, продѣлавъ то же самое съ своей.

Собака прежде всего погналась за подстрѣленной уткой, справедливо разсудивъ, что убитыя отъ нея не уйдутъ, да и мы можемъ подобрать ихъ сами. Но въ ту самую минуту, какъ она уже приближалась къ раненой птицѣ, спѣшившей укрыться въ тростникахъ, что-то тяжело шлепнулось въ воду, а вслѣдъ затѣмъ я увидалъ надъ водой голову Мусы въ его нищенской чалмѣ.

Костевичъ такъ и налился яростью при видѣ него.

— Ага! Такъ вотъ онъ, этотъ мерзо-іогъ! Ну, стой же, я тебя, сукина сына угощу бекасинникомъ!

И онъ быстрымъ движеніемъ выронилъ патронъ съ утиной дробью, чтобы вставить бекасинникъ.

— Брось! — крикнулъ я ему. — Ты съ ума сошелъ.

И, бросивъ весло, я выхватилъ у него винтовку. Собака уже совсѣмъ была возлѣ утки, но Муса также протягивалъ къ ней руки, поднимая цѣлую бучу на водѣ, чтобы поспѣть ухватить раненую утку, прежде, чѣмъ ее схватитъ собака. Уже вода была ему по грудь, онъ былъ одѣтъ и къ тому же не умѣлъ плавать, а отошелъ довольно далеко отъ берега. Видно было, какъ собака яростно скалила на него зубы, готовая хотя до смерти драться за добычу.

Муса отчаянно замахалъ на нее руками и закричалъ что-то по башкирски.

Каро, на мгновеніе ошеломленный, остановился, но исполненіе долга было для него выше всего. Онъ рванулся въ сторону птицы, но та съ испуга, или почуявъ, гдѣ ея спасеніе, метнулась въ сторону Мусы.

Муса также двинулся къ ней, но въ ту минуту, когда онъ схватилъ птицу, собака бросилась на него и вцѣпилась ему въ лохмотья рукава.

— Такъ его, распроканалью, возьми его, — яростно завопилъ Костевичъ — кусай его! За носъ его! За носъ его, черто-іога.

Держа надъ водой одной рукой птицу, Муса другой рукой. которую схватила собака, старался отбиться отъ нее.

— Мою собаку бить! — окончательно взбѣсившись, заоралъ Костевичъ. — Вотъ я тебѣ покажу сейчасъ, какъ мою собаку бить!

— Отдай ружье! — Набросился онъ уже на меня. — Ты не смѣешь мое ружье брать... Отдай, говорятъ тебѣ.

Онъ началъ вырывать у меня ружье, не смотря на всѣ мои уговоры. — Наконецъ, хотѣлъ схватить мое, но я не давалъ и этого. Весло, оброненное мною въ воду отъ безпрерывнаго качанья челнока, отошло въ сторону, такъ что и его нельзя было достать, чтобы хоть въ челнокѣ приблизиться на помощь собакѣ и наказать достойнымъ образомъ башкира.

Теперь и собака и башкиръ уже дрались настоящимъ образомъ и, кажется, человѣкъ побѣждалъ, и собака уже не разъ оглядывалась на хозяина, призывая на выручку. Безсиліе приводило того въ полное неистовство: онъ то едва сдерживался, чтобы не броситься на Мусу, то грозилъ башкиру кулаками, кричалъ, что убьетъ его, какъ собаку, застрѣлитъ, какъ разбойника, то опять пытался отнять у меня ружье.

— Отдай, иначе я знать тебя не хочу.

Во время борьбы моей съ нимъ, челнокъ нашъ крутился, качался. Утки, встревоженныя неслыханнымъ событіемъ, летали растерянно прямо надъ головами, точно издѣваясь надъ нами.

— Нѣтъ, ты отдашь! — Весь въ поту отъ борьбы уже хрипѣлъ Костевичъ и, дѣйствительно, вырвалъ у меня ружье изъ рукъ, но въ эту минуту челнокъ нашъ перевернулся, и оба мы бухнулись въ воду, въ полномъ охотничьемъ вооруженіи, не выпуская изъ рукъ винтовокъ.

VI.

По счастью, мѣсто было не глубокое, но все же мы очутились по плечи въ водѣ и, отфыркиваясь, такъ какъ вода во время этого переворота попала и въ ротъ и въ носъ, взглянули другъ на друга. Видъ у обоихъ былъ такой плачевный, что ссора сразу была забыта, и мы разразились неудержимымъ смѣхомъ.

У Костевича исчезла даже тѣнь злобы на Мусу. Онъ взглянулъ туда, гдѣ за минуту передъ тѣмъ дрались человѣкъ съ со-

бакой, но и тѣ, очевидно, покончили дѣло миромъ. Собака уступила и человѣкъ, держа раненую птицу въ рукахъ, вышелъ на берегъ.

Каро, взволнованный катастрофой съ нами, не хотѣлъ, однако, возвращаться ни съ чѣмъ и держалъ въ зубахъ, вмѣсто подстрѣленной, одну изъ убитыхъ утокъ.

Подплывъ прямо къ своему хозяину, онъ положилъ передъ нимъ на воду красивую, еще теплую птицу и готовъ былъ отправиться за остальными. Но Костевичъ не могъ ничего сказать собакѣ.

Продолжая хохотать во все горло, онъ поймалъ слетѣвшую съ него во время паденія шляпу и надѣлъ ее на голову комическимъ жестомъ.

Вода ручьями потекла по его добродушному широкому лицу. Вода была теплая, лѣтняя. Къ тому же всходило солнце и, скользнувъ между мокрыми лозами, лучи его также ярко засмѣялись надъ нашей бѣдой, скользнувъ съ этимъ веселымъ смѣхомъ по зеркальной водѣ, по серебрянымъ чашамъ бѣлыхъ водяныхъ лилій, по деревьямъ и травамъ. И все — и вода, и цвѣты, и травы, и стрекозы отвѣтили солнцу веселымъ утреннимъ смѣхомъ.

А. Ѳедоровъ.

* * *

Хотя прекрасны дни былые,
А нынѣ чуждъ родимый край,
Но ты молчи, моя Россія,
И голосовъ не подавай!

Придутъ года, ты скажешь слово,
Тобой зажженное въ ночи...
Но на закатѣ дня людского,
Ты, униженная, молчи.

Молчи и вѣрь словамъ поэта: —
„Быстроизмѣнчивы года“.
Бываютъ ночи безъ просвѣта,
Но безъ надежды — никогда!

Кн. Д. А. Шаховской.

Церковь и большевизмъ.*)

Несмотря на то, что положеніе Россіи сейчасъ настолько тяжело, что порой кажется, что раны ея смертельны, всеже и теперь въ ея жизни наблюдается кое что отрадное, заставляющее думать, что если она, дастъ Богъ, скоро избавится отъ ига большевиковъ, многое въ ней, послѣ тяжелаго урока, будетъ даже здоровѣе и крѣпче, чѣмъ прежде.

Такія надежды подаетъ прежде всего православная церковь. Какъ ни бѣдствуетъ она матеріально, теперь, болѣе чѣмъ когда либо, даже и невѣрующимъ стало ясно, что „врата адовы не одолѣютъ ю", а если будетъ жива Церковь, то спасется и народъ.

При отсутствіи какихъ бы то ни было органовъ печати, кромѣ враждебныхъ церкви клеветническихъ офиціозовъ, составить вѣрное и полное понятіе о церковной жизни въ Россіи, конечно, невозможно, но личныя наблюденія и живые разсказы другихъ лицъ даютъ всетаки извѣстный матеріалъ, на основаніи котораго начертать общую картину церковной жизни становится возможнымъ.

Попыткой такого рода и является предлагаемая статья.

Думается, что, какъ бы эта попытка ни была несовершенна, все же она не будетъ лишней. Свѣдѣній о Россіи, въ частности о русской церкви, такъ мало, что наше изложеніе, въ которомъ мы старались свести воедино различныя данныя и впечатлѣнія, не можетъ не имѣть извѣстной цѣнности.

Съ самаго момента захвата политической власти, большевизмъ занялъ враждебную позицію по отношенію къ церкви, причемъ сразу же выяснилось, какія послѣдствія можетъ имѣть эта вражда. Послѣдствія эти вызывались двумя факторами. Первымъ факторомъ были фанатическія предвзятыя убѣжденія большевистскихъ вождей, основывавшихъ свое ученіе на узкомъ старомодномъ матеріализмѣ и видѣвшихъ въ церкви не только идейнаго врага, но и политическаго врага; вторымъ — разбушевавшіяся страсти общественныхъ подонковъ, желавшихъ, гдѣ только можно, проявить свою, такъ называемую революціонную, а вѣрнѣе, просто разбойную удаль. Этотъ второй факторъ вызвалъ не мало рѣзкихъ эксцессовъ: поруганія святынь и убійства священнослужителей. Эксцессы эти, однако,

---

*) Статья, написанная на основаніи непосредственныхъ впечатлѣній и наблюденій. **Ред.**

продолжались не долго: въ самомъ народѣ не было никакой серьезной вражды не только къ религіи, но и къ духовенству, быть можетъ, потому, что послѣднее всегда было сословіемъ отнюдь не привилегированнымъ.

Первый же факторъ, фанатическій атеизмъ и матеріализмъ большевистскихъ заправилъ, оказался, конечно, болѣе живучимъ и опаснымъ, и силу свою онъ потеряетъ окончательно только съ паденіемъ большевистской власти.

Борьбу свою съ церковью большевики повели, не брезгуя средствами, стараясь уязвить ее, чѣмъ только можно. Борьба эта выразилась въ террорѣ по отношенію къ духовенству, въ политикѣ экономическаго подрыва церкви и административныхъ стѣсненій ея жизни, а, наконецъ, и въ антирелигіозной пропагандѣ, не останавливающейся передъ кощунствомъ.

Терроръ проявлялся въ постоянныхъ и массовыхъ арестахъ, производившихся безъ всякихъ поводовъ, въ лучшемъ случаѣ по клеветническимъ навѣтамъ, въ разстрѣлѣ священниковъ, взятыхъ въ качествѣ заложниковъ, и въ цѣлой системѣ другихъ административныхъ мѣръ, ставившихъ лицъ духовнаго званія въ смѣшное и приниженное положеніе.

Можно утверждать, не рискуя впасть въ ошибку, что въ Петроградѣ, хотя бы на короткое время, побывалъ подъ арестомъ почти весь составъ служителей алтаря, а не мало было и казнено.

Какъ на примѣръ такого убійства нельзя не указать на памятную многимъ мученическую смерть настоятеля Казанскаго Собора, протоіерея Орнатскаго, разстрѣляннаго въ Кронштадтѣ, послѣ убійства Урицкаго, вмѣстѣ со своими сыновьями-офицерами, въ общемъ числѣ болѣе 500 человѣкъ невинныхъ заложниковъ.

Другой формой террора, какъ сказано выше, были нѣкоторыя административныя мѣры — какъ-то взятіе духовенства на принудительныя работы, а затѣмъ и привлеченіе его къ воинской повинности.

Въ первые же дни своего властвованія большевики раздѣлили всѣхъ гражданъ на категоріи трудящихся и людей, живущихъ нетрудовыми доходами; первая категорія пользовалась, или вѣрнѣе, должна была пользоваться кое-какими привилегіями, въ частности она получала больше продуктовъ по карточкамъ и освобождалась отъ трудовой физической повинности, вторая же имѣла право только на восьмушку хлѣба въ день и постоянно гонялась на тяжелыя, совершенно для нея непривычныя и большей частью безсмысленныя работы.

Къ этой-то второй категоріи и было причислено священство. Хорошо еще, если принудительныя работы занимали нѣсколько часовъ въ день, но нерѣдко онѣ принимали характеръ длительныхъ командировокъ, отрывавшихъ духовенство отъ службы церкви.

Привлеченіе духовенства къ воинской повинности произошло позже, и хотя въ войскахъ лица духовнаго сана и освобождаются отъ строевой службы, тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что положеніе мобилизованныхъ очень тяжелое, потому что въ большинствѣ случаевъ они уже совершенно оторваны отъ церкви и отъ своего основного призванія. И поистинѣ для вѣрующаго грустно видѣть, напримѣръ, дьякона въ качествѣ военнаго писаря и священника въ роли ямщика военной почты, а такія картины приходилось наблюдать не разъ.

Переходя къ политикѣ большевиковъ въ отношеніи церковнаго имущества и матеріальнаго положенія духовенства, надо сказать, что тутъ надлежитъ различать двѣ категоріи мѣръ. Съ одной стороны — это общегосударственныя мѣропріятія, съ другой распоряженія, касающіяся спеціально церкви. Первыя, какъ-то: уничтоженіе права собственности на недвижимыя (напр. дома) и движимыя имущества (всѣ виды денежныхъ вкладовъ) общеизвѣстны, и поэтому о нихъ достаточно только напомнить. Вторыя-же носятъ болѣе разнообразный характеръ и требуютъ кое-какихъ поясненій. Къ нимъ относятся, во-первыхъ, лишеніе духовенства всякаго содержанія (въ силу декрета объ отдѣленіи церкви отъ государства); во-вторыхъ, конфискація церковныхъ и монастырскихъ земель, въ-третьихъ, осуществленныя въ нѣкоторыхъ случаяхъ попытки реквизиціи самыхъ церковныхъ зданій и утвари, и, наконецъ, въ-четвертыхъ — постоянныя стѣсненія сельскаго духовенства въ его хозяйственныхъ правахъ. Относительно конфискаціи монастырскихъ земель надо сказать, что извѣстная доля послѣднихъ оставлялась все же за монастырями въ случаѣ, если монахи, въ качествѣ трудовой сельской коммуны, брались обрабатывать ее, не прибѣгая къ наемному труду. Относительно покушенія на церковныя зданія и утварь слѣдуетъ замѣтить, что такія покушенія, въ большинствѣ случаевъ, не удавались, благодаря тому, что они были основаны на предпосылкахъ, обнаружившихъ полное невѣжество зачинщиковъ въ вопросахъ церковной жизни; такъ, осенью 1919 года было издано распоряженіе, согласно коему духовенству предписывалось сдать всѣ церковныя зданія и утварь коммунамъ вѣрующихъ, если таковыя могутъ образоваться, въ противномъ же случаѣ (т. е. если коммуны не составятся) то казнѣ, или иначе совѣтамъ.*)

Декретъ этотъ, за немногими исключеніями, никакихъ послѣдствій не могъ имѣть, такъ какъ представителямъ власти, къ ихъ великому изумленію и конфузу, пришлось узнать, что церковныя зданія и утварь, уже издревле принадлежатъ не духовенству, а именно коммунамъ гражданъ, именуемымъ... приходами.

---

*) Написано до конфискаціи утвари и другихъ цѣнныхъ церковныхъ предметовъ. **Ред.**

Все же на основаніи этой мѣры могли пострадать, да навѣрное и пострадали нѣкоторыя домашнія церкви, но число ихъ не могло быть значительнымъ, такъ какъ, съ одной стороны, вокругъ многихъ домашнихъ храмовъ образовались новые приходы, а, съ другой, — не малое число ихъ было уничтожено уже раньше въ административномъ порядкѣ.

Такая именно участь постигла большинство храмовъ разныхъ вѣдомствъ, а преимущественно учебныхъ заведеній, причемъ нѣкоторые изъ нихъ были использованы, демонстративно-кощунственнымъ образомъ, въ качествѣ театральныхъ и танцовальныхъ помѣщеній. Стѣсненія сельскаго духовенства въ хозяйственномъ быту выразились, кромѣ лишенія права нанимать рабочихъ, въ постоянныхъ, значительно болѣе частыхъ, чѣмъ у другихъ лицъ, реквизиціяхъ, а иногда и въ отобраніи самихъ земельныхъ надѣловъ.

Къ категоріи мѣръ, подрывающихъ матеріальное благополучіе духовенства, можно отнести и ограниченіе его права по службѣ въ гражданскихъ учрежденіяхъ. Лицамъ духовнаго званія въ началѣ 1921 г. запрещено занимать отвѣтственныя должности вообще (начиная съ начальниковъ отдѣленій) и, кромѣ того, служить во многихъ вѣдомствахъ (народнаго просвѣщенія, рабоче-крестьянской инспекціи, многихъ учрежденіяхъ комисаріата земледѣлія и т. п.). Такое ограниченіе, какъ это ни кажется парадоксальнымъ, безусловно сильно задѣло духовенство, ибо многіе изъ его среды, чтобы не умереть съ голоду, особенно въ провинціальныхъ городахъ, поступили на совѣтскую службу, гдѣ иногда занимали сравнительно отвѣтственные посты. Само собой разумѣется, что службу свою духовенство избирало, такъ сказать, въ болѣе или менѣе аполитичныхъ вѣдомствахъ, главнымъ образомъ, въ статистическихъ учрежденіяхъ комиссаріата земледѣлія.

Къ административнымъ мѣрамъ, стѣсняющимъ церковную жизнь, относятся: во-первыхъ, запрещеніе преподавать въ школахъ законъ Божій; во-вторыхъ, закрытіе всѣхъ учебныхъ заведеній, начиная отъ низшихъ епархіальныхъ училищъ и кончая Духовной Академіей; въ третьихъ, запрещеніе безъ особаго на каждый случай разрѣшенія совершать крестные ходы; въ четвертыхъ, тайное наблюденіе за церковными проповѣдями; въ пятыхъ, закрытіе консисторій и, въ шестыхъ, лишеніе церкви органовъ печати, типографій и многихъ книжныхъ магазиновъ.

Общимъ слѣдствіемъ такихъ стѣсненій является невозможность организовать на правильныхъ началахъ церковное управленіе. Къ числу такихъ затрудненій относятся и такія общія явленія совѣтской жизни, какъ желѣзнодорожная разруха, запрещеніе въѣзда и выѣзда, разстройство почты и система перлюстраціи корреспонденціи, отсутствіе свободнаго времени, невозможность содержать достаточный штатъ канцелярскихъ служащихъ и прочее.

Если говорить о томъ, въ какой области большевики проявляютъ наибольшую энергію въ борьбѣ съ церковью, то область эта — сама религія. Здѣсь борьба принимаетъ, характеръ, какъ сказано выше, агитаціи и пропаганды. Эти названія имѣютъ здѣсь условное примѣненіе — изъ дальнѣйшаго изложенія будетъ видно, что въ понятіе пропаганды входятъ и такія дѣйствія, которыя нельзя охарактеризировать иначе какъ самое кощунственное озорство.

Полемъ агитаціи служитъ большевикамъ прежде всего монополизированная ими пресса. Газетныя статьи и замѣтки противъ религіи носятъ всегда трафаретный характеръ и ихъ можно раздѣлить на двѣ категоріи:

1) статьи антирелигіознаго содержанія вообще, доказывающія, что религія — выдумка господствующихъ классовъ, а христіанство — только извращенная исторіей ранняя попытка коммунизма;

2) клеветническія статьи и замѣтки, рисующія духовенство, какъ корыстнаго дѣятеля реакціи, а храмы, какъ тайные склады частныхъ сокровищъ, оружія и пр.

На болѣе серьезный характеръ оппонента защитникамъ религіи претендуетъ издающійся въ Москвѣ журналъ „Церковь и Революція". Тамъ преподносятся статьи на тѣ же темы, съ попытками философскаго и научнаго обоснованій, причемъ временами допускается и снисходительный тонъ въ отношеніи врага. Журналъ этотъ широкаго распространенія не имѣетъ и кромѣ коммунистическихъ клубовъ, агитаціонныхъ пунктовъ, (напр. на станціяхъ жел. дор.) и „политотдѣловъ" (отдѣловъ пропаганды при военныхъ учрежденіяхъ), его можно встрѣтить только у духовенства, старающагося (по крайней мѣрѣ въ столицахъ) быть въ курсѣ антирелигіозной литературы.

Считая все же и такіе методы борьбы недостаточными, такъ какъ отсутствіе средствъ печатанія бьетъ, конечно, и по большевикамъ, послѣдніе, помимо печатнаго слова, прибѣгаютъ и къ устной рѣчи, и къ распространенію каррикатуръ и лубковъ противъ церкви и духовенства. Каррикатуры-лубки, съ бойкимъ стихотворнымъ текстомъ, расклеиваются какъ на перекресткахъ улицъ, такъ и на стѣнахъ внутри совѣтскихъ учрежденій. На нихъ изображаются или бытовыя сценки, рисующія корысть духовенства, или аллегорическія шествія реакціонныхъ силъ, гдѣ священникъ фигурируетъ обязательно рядомъ съ купцами, банкирами и фантастически разряженными генералами звѣрскаго вида. Однажды довелось видѣть каррикатуру, на которой въ шествіи „темныхъ силъ" участвовали представители и другихъ, кромѣ православной, религій, въ томъ числѣ и раввинъ, изображенный въ такомъ крохотномъ размѣрѣ, что только старательный глазъ могъ обнаружить его.

Устная антирелигіозная агитація выражается въ устройствѣ антирелигіозныхъ лекцій и диспутовъ, на которыхъ вы-

ступаютъ обыкновенно 3 главныхъ спеціалиста по матеріализму: „самъ“ Луначарскій, Шпицбергъ и Поссе. Диспуты эти происходятъ, главнымъ образомъ, въ столицахъ.

Къ устной антирелигіозной агитаціи, въ широкомъ смыслѣ слова, надо отнести и преподаваніе въ Университетѣ. Вмѣсто прежде обязательнаго богословія тамъ читается (едва ли не на всѣхъ факультетахъ) „историческій матеріализмъ,“ излагаемый въ догматической формѣ. Программу же бывшаго „историко“-филологическаго факультета нынѣ и узнать нельзя. Она вся переполнена новыми предметами, какъ то: исторія матеріализма, историческій матеріализмъ, исторія соціализма, психологія пролетаріата и т. п. — особенно курьезнымъ представляется „исторія пролетарскаго искусства.“ На эту послѣднюю кафедру лектора (по крайней мѣрѣ, въ теченіе перваго семестра 1921-22 г.) не нашлось.

Наконецъ, въ области устной агитаціи можно отмѣтить дозволеніе выводить на театральной сценѣ лицъ духовнаго сана. Впрочемъ, кромѣ одной, идущей на сценѣ „Народнаго Дома“ пьесы, гдѣ священникъ снимаетъ рясу, желая вступить во второй бракъ, представленій этого рода не было.

Къ наиболѣе грубымъ методамъ антирелигіозной агитаціи принадлежитъ отмѣченное выше превращеніе церквей въ увеселительныя заведенія или тюремныя помѣщенія (въ Смоленскѣ въ Авраамiевскомъ монастырѣ устроенъ концентраціонный лагерь) и кощунственное вскрытіе мощей.

Такое кощунство произведено надъ мощами Св. Сергія Радонежскаго, св. Митрофанія Воронежскаго, многихъ святыхъ, почивающихъ въ Новгородѣ и Псковѣ, и можетъ быть, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

Этого рода дѣянія производились всегда послѣ широкаго оповѣщенія, въ присутствіи народа, доктора, археолога и духовенства. Подробные протоколы вскрытія, съ фотографическими снимками, печатались впослѣдствіи въ газетахъ.

Въ качествѣ послѣдняго средства давленія на религіозныя убѣжденія надлежитъ отмѣтить еще запрещеніе исповѣдывать какую бы то ни было религію членамъ коммунистической партіи. Въ видѣ исключенія имъ разрѣшается иногда вступать въ церковные браки въ тѣхъ сельскихъ мѣстностяхъ, гдѣ, какъ говорится въ декретѣ, „слишкомъ живы религіозные предразсудки“; этимъ послабленіемъ, по словамъ того же декрета, имѣется въ виду, не отвращать симпатій „темныхъ массъ“ отъ партіи.

Всѣ мѣры, направленныя противъ религіи и церкви, не остались безъ отвѣта. Вѣрующіе отвѣтили на нихъ борьбой, но борьбой особаго характера. Такая разница въ характерѣ и способахъ борьбы объясняется тѣмъ, что вѣрующіе, съ одной стороны, были безсильны предпринять болѣе рѣшительныя дѣйствія, и, съ другой, и не желали итти на нихъ, такъ

какъ христіанская мораль не позволяетъ прибѣгать въ защитѣ церкви къ такимъ дѣйствіямъ, которыя противорѣчатъ завѣтамъ Христовымъ.

И всетаки, хотя церковь только оборонялась или даже только терпѣла, она побѣждала, а во многихъ случаяхъ уже побѣдила, несмотря на многія обнаружившіяся внутри ея болѣзни и неудачи.

Террору было противопоставлено только одно средство — терпѣніе и вѣрность религіи, хотя не всѣ члены церкви оказались стойкими. Правда заставляетъ сказать, — и этого никто изъ православныхъ въ Совдепіи не замалчиваетъ, — въ первый годъ злосчастнаго владычества коммунистовъ сняло съ себя духовный санъ не малое количество духовныхъ лицъ (больше изъ сельскаго духовенства). Но причинило ли это вредъ церкви? Конечно, нѣтъ. Совершенно очевидно, что отпавшіе нужныхъ для пастырей церкви качествъ не имѣли и не представляли для нея какой либо цѣнности, что съ уходомъ ихъ церковь только очистилась и внутренне окрѣпла. Случаи такого отпаденія объясняются какъ общественными, такъ и личными причинами. Большинство людей, чье мнѣніе мнѣ довелось слышать, сводитъ это явленіе къ сословно-наслѣдственной организаціи духовенства, благодаря которой очень многія лица духовнаго происхожденія шли въ священство только по семейнымъ традиціямъ, безъ всякаго внутренняго влеченія.

Былая замкнутость духовенства несомнѣнно только угашала его духъ и мѣшала доступу въ него свѣжихъ силъ извнѣ. Если благодаря своей замкнутости духовенство и сохранило много положительныхъ бытовыхъ чертъ и традицій, которыхъ такъ не достаетъ другимъ классамъ русскаго общества, то, думается, эта бытовая консервативность, цѣнная во многихъ случаяхъ, именно въ духовенствѣ меньше всего необходима, такъ какъ у служителей Христа скромность образа жизни, стойкость морали должны создаваться личнымъ живымъ религіознымъ дѣланіемъ, подъ руководствомъ священнаго писанія, твореній святыхъ отцовъ и священныхъ преданій, которыя „не прейдутъ во вѣкъ.“

Возвращаясь къ борьбѣ народа за церковь, нельзя не замѣтить, что въ Петроградѣ арестованные священники, во время своего сидѣнія въ тюрьмахъ, всегда поддерживались прихожанами, какъ морально, такъ и матеріально.

Такъ, напр., они обычно получали отъ прихожанъ столько пищи, что свободно могли дѣлиться ею со своими товарищами по заключенію.

Моральная поддержка выражалась, между прочимъ, въ горячемъ участіи прихожанъ въ хлопотахъ по освобожденію арестованныхъ. Такъ, въ Смоленскѣ, арестованный молодой чрезвычайно популярный епископъ Филиппъ былъ освобож-

денъ по требованію не только прихожанъ, но и многихъ профессіональныхъ союзовъ.

Епископъ, какъ передаютъ, былъ арестованъ вмѣстѣ съ представителями другихъ христіанскихъ культовъ просто какъ бы за компанію, одновременно съ раввиномъ, не желавшимъ отдать синагогу для устройства въ ней оперныхъ спектаклей.

Справедливость требуетъ сказать, что большевики постоянно заявляютъ о своей борьбѣ противъ религіи вообще, а не только противъ христіанства или одного изъ его вѣроисповѣданій. Однако, несомнѣнно и то, что страдаютъ отъ этой борьбы главнымъ образомъ христіане и не только православные. Не мало потерпѣло духовенство римской церкви вовремя войны съ поляками. При наличіи большей дисциплины, католики отстаивали свои права болѣе рѣшительно, чѣмъ православные. Эта солидарность католиковъ, напримѣръ, выразилась въ томъ, что, во время ареста ихъ епископа въ Минскѣ лѣтомъ 1920 г., подъ ходатайствомъ объ его освобожденіи подписалось почти все католическое населеніе города.

Не мало терпятъ и нѣкоторые сектанты, въ особенности, толстовцы, за отказы отъ воинской повинности, хотя и существуетъ законъ, освобождающій отъ строевой службы лицъ, не принимающихъ войны по религіознымъ убѣжденіямъ. Между прочимъ толстовцы, руководимые Чертковымъ, издаютъ въ Москвѣ свои журналы, въ которыхъ, высказывая не мало сочувствія нѣкоторымъ коммунистическимъ принципамъ, все же очень рѣзко осуждаютъ большевизмъ, въ особенности за насилія. Въ послѣднее время большевики стали менѣе снисходительны къ толстовцамъ, такъ какъ ихъ дѣятельность стала сильно оппозиціонной.

Наконецъ, въ желаніи помочь арестованнымъ и поддержать морально ихъ близкихъ, сама церковь постоянно возноситъ молитвы о нихъ. Слезы навертываются, когда во время обѣдни или постоянныхъ молебствій, напримѣръ, въ часовнѣ Спасителя, или передъ иконой Казанской Божьей Матери, іерей или дьяконъ возглашаетъ длинный перечень „въ узахъ сущихъ". Въ этомъ перечнѣ всегда упоминается не менѣе 2-3 епископовъ и 10-15 іереевъ.

Еще тяжелѣе слышать во время панихидъ перечень — „новопреставленныхъ убіенныхъ рабовъ Божіихъ"...

Не менѣе трудно бороться церкви и вѣрующимъ съ экономическимъ обездоленіемъ какъ самой церкви, такъ и духовенства. Тутъ имѣется единственное средство, это добрая воля жертвователей, также нуждающихся и обездоленныхъ. Несмотря на нужду, желаніе поддержать церковь и духовенство настолько ярко обнаруживается, что въ столицахъ духовенство послѣднее время въ большинствѣ случаевъ почти вполнѣ обезпечивается добровольными пожертвованіями, поступающими въ качествѣ членскихъ взносовъ прихожанъ,

кружечнаго сбора и платы за требы. Распредѣляются же эти поступленія согласно выработаннымъ прихожанами окладамъ жалованія для духовенства. Эти оклады въ 1919 и 1920 гг. опредѣлялись примѣнительно къ ставкамъ совѣтскихъ учрежденій, причемъ священники и дьякона получали одинаковую сумму, церковнослужителямъ же былъ положенъ нѣсколько меньшій окладъ.

Въ провинціи положеніе духовенства тяжелѣе. Правильныхъ окладовъ изъ поступающихъ пожертвованій невозможно было установить, почему, какъ сказано выше, священники принуждены искать добавочнаго заработка на службѣ въ совѣтскихъ учрежденіяхъ.

Тяжелѣе всего оказалось, или, вѣрнѣе сказать, осталось положеніе сельскаго духовенства. Его хозяйственная дѣятельность сильно затруднялась, а пожертвованія за полнымъ почти отсутствіемъ интеллигенціи въ сельскихъ мѣстностяхъ могли поступать только отъ крестьянъ. Послѣдніе же въ большинствѣ случаевъ, даже и религіозные, часто весьма скупы.

Что касается монастырей, то уцѣлѣвшіе живутъ, главнымъ образомъ только своимъ чернымъ трудомъ.

Уцѣлѣли же далеко не всѣ монастыри. Многіе заняты, особенно въ городахъ, подъ разныя учрежденія, а монахи переведены въ какой либо изъ оставшихся. Да и тамъ имъ часто приходится сильно тѣсниться, такъ какъ зачастую лучшія зданія реквизированы и у нихъ.

Такія насилія не всюду однако удаются, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ насильникамъ приходилось встрѣчаться съ сопротивленіемъ толпы. Такъ, попытки вторженія въ Александро-Невскую Лавру въ Петроградѣ были остановлены такой внушительной толпой, что болѣе не повторялись. Вообще надо сказать, что большевики хорошо понимаютъ, что слишкомъ шутить съ религіей нельзя и чѣмъ дальше, тѣмъ больше измѣняется ихъ тактика борьбы съ церковью. Въ своихъ статьяхъ они все чаще признаются, что „религіозные предразсудки“ настолько сильны, что съ ними можно бороться только очень медленно и осторожно. Также, все чаще появляются инструкціи, гдѣ, напримѣръ, рекомендуется особая осторожность при обыскахъ въ церквахъ; обыски эти надлежитъ производить руками священнослужителей, только въ присутствіи властей; рекомендуется избѣгать кощунства въ религіозныхъ спорахъ.

Въ виду того, что этого рода предписанія появились не сразу, можно съ удвоенной увѣренностью сказать, что они являются слѣдствіемъ отпора, который далъ народъ своимъ не останавливающимся ни передъ чѣмъ властителямъ.

Переходя къ вопросу, какъ отразились на церкви тѣ пріемы борьбы съ ней большевиковъ, которые выше охарактеризованы, какъ административныя мѣры, стѣсняющія церковную жизнь, слѣдуетъ замѣтить, что этотъ вопросъ удобнѣе раз-

смотрѣть въ связи съ борьбою церкви противъ антирелигіозной пропаганды, коснувшись предварительно только измѣненій, происшедшихъ въ области церковнаго управленія.

Измѣненія эти, кромѣ закрытія большевиками консисторій, замѣненныхъ полу-частнымъ совѣщаніемъ при епископахъ, и снятія съ церкви обязанностей по веденію метрическихъ актовъ, произошли преимущественно по доброй волѣ самой церкви и въ конечномъ выводѣ должны быть признаны для церковныхъ учрежденій полезными.

Церковное управленіе значительно упростилось, въ немъ не осталось никакой канцелярской волокиты, и даже такія сложныя дѣла, какъ расторженіе браковъ, происходятъ быстро. Для развода требуется (помимо каноническихъ условій) только мотивированный отзывъ духовника и согласіе мѣстнаго епископа. Упрощены и отношенія высшей церковной іерархіи къ низшему духовенству и паствѣ.

Въ предѣлахъ своихъ епархій епископы стали гораздо болѣе подвижными. Они постоянно обходятъ и объѣзжаютъ подчиненные имъ приходы, и архіерейское служеніе стало нерѣдкостью въ самыхъ скромныхъ храмахъ.

Конечно, есть печальныя стороны и тутъ. Къ нимъ, какъ сказано выше, относятся главнымъ образомъ, трудность поддерживать связь между центрами и удаленными отъ нихъ мѣстами, такъ же какъ трудность имѣть болѣе крѣпкую связь съ Москвою — съ Патріархомъ.

Поэтому посланія и распоряженія Патріарха чрезвычайно запаздываютъ на мѣстахъ, и въ большинствѣ случаевъ замѣчается сильная децентрализація въ церковномъ управленіи, какъ бы автономность мѣстныхъ епархій.

Конечно, прежняя централизація, когда церковью управляли въ значительной мѣрѣ гражданскіе чиновники, нежелательна, но не хороша и нынѣшняя отчужденность отъ церковнаго центра, каковымъ является вполнѣ независимый Патріархъ.

Это слово „независимый“, требуетъ оговорокъ.

Нынѣшняя церковная власть независима только въ томъ смыслѣ, что свѣтская власть не вліяетъ на внутреннюю политику церкви, внѣшне же церковь и ея власть далеко не свободны, что видно какъ изъ всего изложеннаго, такъ и изъ того факта, что самъ Владыка-Патріархъ чаще пребываетъ подъ домашнимъ арестомъ, чѣмъ на полной свободѣ. Достовѣрно извѣстно, что въ 1919 г. было произведено и покушеніе на жизнь Патріарха, къ которому онъ отнесся со свойственнымъ ему благодушнымъ юморомъ.

На всю антирелигіозную пропаганду и сопутствующія ей разнаго рода стѣснительныя мѣры, церковь могла отвѣтить, главнымъ образомъ, устнымъ словомъ и преимущественно съ церковной каѳедры. Помимо же церковной каѳедры голосъ представителей церкви раздавался только на такъ называ-

емыхъ церковныхъ диспутахъ и на урокахъ и лекціяхъ по религіознымъ предметамъ.

На диспутахъ въ большинствѣ случаевъ удачно оппонировали коммунистамъ какъ священники, такъ и нѣкоторые міряне. Очень распространенъ разсказъ, какъ на одномъ изъ послѣднихъ диспутовъ въ 1921 г. въ Москвѣ, на которомъ предсѣдатель собранія явно покровительствовалъ коммунистамъ, одинъ священникъ попросилъ слова, обѣщавъ быть краткимъ, и затѣмъ, взойдя на каѳедру, произнесъ: „Христосъ Воскресе", на что со стороны собравшихся послѣдовало громкое: „Воистину Воскресе". Предсѣдатель послѣ этого счелъ безполезнымъ продолжать собраніе и закрылъ его.

Говорятъ, что послѣ этого урока было рѣшено вовсе не устраивать подобныхъ собраній. Такъ-ли это — неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ о диспутахъ въ послѣднее время мало было слышно.

За то не прекращаются иного рода диспуты о религіи — въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ. Если срокъ ѣзды болѣе сутокъ, разговоры о бытіи Бога среди простолюдиновъ возникаютъ почти неизмѣнно. Зачинщикомъ спора обычно бываетъ кто либо изъ коммунистовъ, желающихъ поддѣть подозрительнаго человѣка. Коммунистъ, понявъ, что сочувствующихъ ему мало, быстро ретируется, принявъ гордый и угрюмый видъ, и разговоръ продолжается между остальными. Аргументація обыкновенно съ обѣихъ сторонъ очень наивная и сводится къ обсужденію вопроса о чудѣ или къ противопоставленію понятій Провидѣнія и Судьбы. Спорятъ больше люди пожилые и женщины.

Что касается преподаванія Закона Божія, то оно теперь происходитъ или на дому у священниковъ, или въ самихъ приходскихъ храмахъ. Въ Петроградѣ обучающихся много, но больше дѣтей младшаго возраста; въ провинціальныхъ же городахъ обучающихся немного, и далеко не всѣ священники имѣютъ учениковъ. Въ Смоленскѣ, напр., преподаваніе ведетъ только самъ епископъ. Объясняется это малое количество учениковъ не столько индифферентизмомъ къ религіи, сколько техническими трудностями, отсутствіемъ свободнаго времени у священниковъ и у дѣтей (вѣдь дѣти часто служатъ или заняты домашней работой). Точно такъ же, многіе родители стѣсняются обучать дѣтей даромъ, а платить за уроки не могутъ. Конечно доля вины остается и на родителяхъ, и на священствѣ, которое въ столицахъ проявляетъ въ этомъ вопросѣ куда больше иниціативы, чѣмъ въ провинціи.

Еще плачевнѣе, какъ слышно, дѣло обстоитъ въ деревняхъ.

Относительно закрытія духовныхъ учебныхъ заведеній слѣдуетъ сказать, что ожила нынѣ только высшая школа, такъ какъ вмѣсто закрытой Духовной Академіи въ Петроградѣ сперва возникли богословскіе частные курсы, а теперь от-

крылся (съ разрѣшенія властей) и Богословскій Институтъ, богатый научными силами какъ духовными, такъ и свѣтскими. Слушателей въ немъ много, причемъ половина изъ среды недуховной.

Возвращаясь къ голосу церкви съ церковной каѳедры, надо констатировать, что этотъ голосъ звучитъ наиболѣе мощно.

Охарактеризовать достаточно полно все то новое, что произносится оттуда, конечно очень трудно, но нѣкоторыя общія черты можно легко отмѣтить. Прежде всего — это усиленный призывъ къ покаянію, терпѣнію и надеждѣ; потомъ — предостереженіе отъ увлеченія духомъ времени, враждебнымъ церкви, обличеніе этого духа, наконецъ, постоянное ободреніе и указаніе на то, что вѣрность Христу неминуемо, черезъ личныя скорби, приведетъ къ спасенію родины и спокойствію частной жизни. Само собою разумѣется, что проповѣдники, затрагивая общественныя темы, чтобы не навлечь бѣды на церковь, выражаются осторожно, но напряженное и единодушное состояніе молящихся настолько воспріимчиво, что всѣ отлично понимаютъ, кто, напримѣръ, подразумѣвается подъ „врагами церкви“ и т. п. Такая недоговоренность дѣйствуетъ еще сильнѣе, такъ какъ въ ней лишній разъ чувствуется, что врагъ это не отвлеченное понятіе, а нѣкто, можетъ быть, тутъ невидимо присутствующій, каждую минуту готовый обрушиться на того, кто говоритъ проповѣдь.

Не менѣе, чѣмъ проповѣдь, дѣйствуютъ въ этомъ смыслѣ и многія, казалось бы, простыя слова богослуженія и нѣкоторые пропуски въ знакомыхъ мѣстахъ. Такъ народъ всегда весьма усердно крестится при словахъ ектеніи: „о Державѣ Россійской и спасеніи ея“ и проникается грустнымъ чувствомъ, когда не слышитъ привычнаго призыва помолиться „о христолюбивомъ воинствѣ“.

Какъ могутъ дѣйствовать призывы молиться о „во узахъ сущихъ“ или объ „убіенныхъ“, — упомянуто выше.

Конечно, священникамъ приходится касаться въ своихъ рѣчахъ и темы о мощахъ. Тутъ приходится слышать, что нетлѣнность не есть главный признакъ святости и главное основаніе почитанія останковъ святыхъ, что къ почитанію побуждаетъ чудотворная сила послѣднихъ и память о самомъ святомъ. Указываетъ духовенство и на то, что, какъ это уже давно было извѣстно, фактъ нетлѣнности далеко не былъ частымъ явленіемъ, что не сохранилось останковъ даже самыхъ великихъ и наиболѣе почитаемыхъ святыхъ. Можно констатировать, что испытаніе вѣры, которое вызываетъ постановка этого вопроса большевиками, далеко не такъ опасно, какъ думаютъ сами большевики. У многихъ вѣра, которая „есть вещей обличеніе невидимыхъ“ только окрѣпла послѣ этого, и есть всѣ данныя сомнѣваться, могли ли быть дѣй-

ствительные случаи отпаденія отъ вѣры на основаніи произведенныхъ большевиками „экспертизъ“. За то самый фактъ кощунственнаго прикосновенія къ мощамъ будитъ, конечно, у большинства чувство негодованія къ тѣмъ, кто на это рѣшился, независимо отъ вопроса о нетлѣнности, ибо русскій народъ всегда относился съ уваженіемъ не только къ особо почитаемымъ останкамъ, но къ останкамъ усопшихъ вообще.

Возвращаясь опять къ проповѣдямъ, нельзя не подчеркнуть что проповѣдь звучитъ гораздо ярче и смѣлѣе въ столицахъ, чѣмъ въ провинціи, гдѣ духовенство менѣе образовано и краснорѣчиво. Въ Петроградѣ же нѣкоторые проповѣдники пользуются совершенно исключительной популярностью, небывалой въ прежнія времена (за исключеніемъ, можетъ быть, такого примѣра, какъ популярность Отца Іонна Сергіева-Кронштадскаго). Нѣкоторые изъ этихъ популярныхъ священниковъ проявляютъ дѣйствительно рѣдкій талантъ, энергію, организаторскія способности и смѣлость, за которую платятся постояннымъ періодическимъ отсиживаніемъ на Гороховой и Шпалерной.

И сила ихъ вліянія на массы вѣроятно удерживаетъ отъ убійства и большевиковъ, которые стали теперь, напротивъ, стараться при арестѣ подобныхъ популярныхъ лицъ быть съ ними особо обходительными. Были даже, говорятъ, попытки со стороны власти, въ частности Ч. К., склонить такихъ лицъ на тайную службу въ пользу большевизма.

Наибольшимъ внѣшнимъ тріумфомъ Петроградской Церкви былъ общегородской крестный ходъ въ воскресеніе Ѳоминой недѣли 1921 г.

О предстоящемъ торжествѣ было объявлено съ церковныхъ каѳедръ и амвоновъ и въ краткихъ рукописныхъ запискахъ, прибитыхъ къ дверямъ церквей. Народу собралось такъ много, что врядъ ли и патріотическія манифестаціи 1914 г., когда въ Петроградѣ было гораздо болѣе 700.000 жителей (число жителей весною 1921 г.), собирали такую толпу. Когда крестные ходы отдѣльныхъ частей города слились въ одну общую процессію, то Невскій просп. отъ Казанскаго Собора до Лавры представлялъ собою сплошное море головъ. Шествіе было самымъ мирнымъ и чиннымъ. Только не снимавшимъ шапки предлагали ихъ снять, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и сбивали ихъ съ головъ, но съ тѣхъ субъектовъ, которые демонстративно внѣдрялись въ процессію съ покрытой головой, а порой и съ папиросой въ зубахъ. Въ общемъ, такихъ случаевъ было мало, и даже встрѣчавшіеся въ автомобиляхъ комисары снимали фуражки или отдавали честь.

Нечего говорить, какой гвалтъ подняли красныя „газеты“ — единственныя существующія — на слѣдующій день послѣ небывалой процессіи. Здѣсь снова спали надѣтыя было маски корректности, и большевики не удержались отъ явной пло-

щадной брани. Въ пылу азарта „Красная Газета“ утверждала: „наглость дошла до того, что на улицахъ Красной Столицы пѣли даже такую контръ-революціонную молитву какъ „Спаси Господи за царя“.

Конечно, для православныхъ читателей было ясно, что приведеннаго „газетою“ текста молитвы никогда не существовало и что рѣчь могла быть только о молитвѣ „Спаси Господи люди Твоя“. Что касается упоминанія о царѣ, то такого упоминанія не было и быть не могло, просто потому, что Императоръ Николай II звѣрски убитъ, а другого царя въ Россіи нѣтъ.

Особенно обиднымъ показалось большевикамъ массовое и организованное шествіе дѣтей и безнадежный провалъ ихъ собственнаго большевистскаго праздника и демонстрацій 1-го Мая, совпавшихъ съ Праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Послѣ описаннаго знаменательнаго для церкви дня, никакіе крестные ходы больше не разрѣшались, ни православные, ни римско-католическіе.

* * *

Теперь, когда охарактеризованы главныя, конкретныя формы борьбы большевиковъ съ церковью и отношеніе церкви и народа къ нимъ, остается использовать еще кое какой, не вмѣстившійся въ рамки предшествующаго изложенія, матеріалъ, и на основаніи его и всего вышеизложеннаго перейти къ общимъ выводамъ.

Прежде всего надлежитъ сдѣлать попытку обрисовать религіозную жизнь сельскихъ народныхъ массъ.

Къ сожалѣнію, матеріала для выводовъ въ этомъ вопросѣ не слишкомъ много, такъ какъ источниками нашихъ свѣдѣній являются разсказы духовенства западныхъ губерній (Смоленской, Минской), сообщенія немногихъ лицъ, побывавшихъ въ Центральной Россіи и, наконецъ, наблюденія надъ представителями сельскаго населенія въ городахъ, въ частности надъ красноармейцами.

Свѣдѣнія, почерпнутыя изъ этихъ источниковъ, обязываютъ сказать, что усиленіе религіознаго чувства въ народѣ, сознаніе, что Богъ караетъ Россію, — имѣется главнымъ образомъ у лицъ болѣе стараго возраста, деревенская же молодежь въ значительной мѣрѣ деморализована, и, хотя далеко не склоняется къ коммунизму, все же стала безразлична и небрежна въ вопросахъ вѣры и личной нравственности. Она въ общемъ и „аполитична“, а если и увлекается чѣмъ либо новымъ, связаннымъ съ революціей, то это теперь шире проникшими въ деревню плодами внѣшней цивилизаціи: спектаклями, танцульками, пародіями на европейскія моды.

Среди молодежи религіозныя традиціи хранятъ главнымъ образомъ женщины; онѣ усердно посѣщаютъ Божьи храмы и исполняютъ обряды. Особенно ярко вліяніе женщины сказывается въ томъ, что онѣ упорныя противницы гражданскаго брака, вслѣдствіе чего и коммунисты, которымъ церковный бракъ, кромѣ вышеуказанныхъ исключеній запрещенъ, все же, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, вступаютъ тайно отъ партіи въ церковные браки.

Относительно деревни можно сказать еще, что хотя она матеріально во многихъ мѣстахъ, въ сравненіи съ городомъ, благоденствуетъ и несмотря на то, что она активнѣе города въ борьбѣ съ властью, все же она во многихъ отношеніяхъ оказывается болѣе забитой и безпомощной, напр. въ случаѣ ареста священника.

Этимъ объясняется и меньшая активность сельскаго духовенства, какъ бы брошеннаго на произволъ судьбы въ народной стихіи. Впрочемъ, недостаточной его авторитетности способствуетъ и его меньшая, чѣмъ въ городахъ, интеллигентность.

Всѣ наши данныя и свѣдѣнія побуждаютъ думать, что вліяніе церкви въ деревнѣ не можетъ сыграть рѣшающей роли въ борьбѣ съ большевиками. И даже больше того: сейчасъ нельзя еще и говорить о наличіи религіознаго возрожденія широкихъ народныхъ массъ.

Пока что, результатъ вліянія церкви на нихъ можно опредѣлить какъ спасеніе отъ дальнѣйшаго разложенія, сбереженіе лучшихъ нравственныхъ и бытовыхъ традицій и сохраненіе зачатковъ національнаго сознанія, такъ какъ для человѣка изъ „народа“ выраженіе „по-русски“ и „по-православному“ — синонимы.

Религіозное же возрожденіе опредѣленно замѣчается въ городахъ и идетъ сверху внизъ, отъ интеллигенціи къ народу.

По интенсивности этого процесса, уже сейчасъ ярко обнаружившагося, можно сказать, что онъ захватитъ и народъ, въ которомъ почва для этого всегда есть, но этотъ процессъ все же не слишкомъ быстрый, и результаты его скажутся можетъ быть, только въ новой, послѣ-большевистской Россіи.

Все сказанное о народѣ отнюдь не должно внушить мысли, что онъ поддерживаетъ большевиковъ и доволенъ ими. Недовольство безусловно повсемѣстное и небывалое. Коммунистовъ незначительное меньшинство (по оффиціальнымъ подсчетамъ начала 1921 г. — около 500.000 на 130 милліоновъ населенія, а теперь, послѣ чистки партіи и массового ухода, начиная съ февраля, вѣроятно, не болѣе 300.000 человѣкъ), и почти каждый хотѣлъ бы отъ нихъ избавиться, и крестьянинъ не меньше, чѣмъ интеллигентъ, но къ пріобрѣтенію болѣе твердаго и яснаго національнаго и государ-

ственнаго сознанія аполитичный и анархичный по природѣ крестьянинъ идетъ болѣе сложнымъ путемъ, въ которомъ церковь играетъ меньшую роль, чѣмъ, какъ это ни парадоксально, въ средѣ интеллигентовъ.

Настроенію народа въ значительной степени соотвѣтствуетъ и настроеніе красной арміи. Красноармеецъ отличается отъ прежняго солдата только тѣмъ, что онъ недисциплинированъ, плохо обученъ, хотя въ значительной степени больше забитъ и потому постоянно недоволенъ. Впрочемъ, причиной его недовольства является и то обстоятельство, что онъ всегда голоденъ и полуодѣтъ. Отсюда ясно, что онъ въ большинствѣ случаевъ не только равнодушно, но и враждебно относится къ внѣдряемымъ въ его голову коммунистическимъ идеямъ, въ частности, и къ антирелигіознымъ.

Коммунистическая пропаганда для него только ненавистная казенщина. Конечно, есть въ красной арміи и коммунисты (по оффиціальнымъ даннымъ 6%), но это или командный составъ или немногіе прыткіе карьеристы.

Революціонный фанатизмъ, могущій итти въ сравненіе съ религіознымъ воодушевленіемъ, рѣдкое исключеніе, и мужество, проявляемое нѣкоторыми курсантскими частями, объясняется не имъ.

Курсантамъ просто лестно играть роль до нѣкоторой степени привилегированной гвардіи и будущаго краснаго офицерства, и они сражаются за тѣхъ, кто вывелъ ихъ какъ бы въ люди. Революціонныя же идеи только придатокъ, или наряду съ приличной формой одежды — лишній поводъ блеснуть.

Такого рода коммунизмъ заразителенъ для молодежи, главнымъ образомъ, въ возрастѣ 15—18 лѣтъ, въ годы полового созрѣванія. Потомъ пылъ его проходитъ, и курсанты, свыкнувшіеся, въ качествѣ командировъ, съ массой рядовыхъ солдатъ, насильно мобилизованныхъ, испытываютъ разочарованіе, такъ какъ ихъ познанія, духъ и умственный кругозоръ не даетъ имъ никакого авторитета среди измученной и голодной красноармейской массы.

Тѣмъ не менѣе, надо сказать, что служба въ красной арміи, если и не слишкомъ опасна, какъ школа атеизма, все же является сильно деморализующимъ факторомъ, такъ какъ жизнь среди полуголодныхъ бандъ хорошихъ привычекъ создать не можетъ. Эта служба опасна еще тѣмъ, что она вызываетъ такое отвращеніе къ воинскому долгу, какого не могли бы вызвать и самыя плохія въ бытовомъ отношеніи воинскія части старой арміи.

Вопросъ о деморализаціи затронутъ здѣсь потому, что онъ стоитъ въ тѣсной связи съ религіозной жизнью и что всеобщее паденіе нравовъ, вызванное экономической разрухой, преступностью власти, отсутствіемъ культурнаго правопорядка и войной, слишкомъ ужъ бросается въ глаза. Правда

и эта власть вынуждена сдерживать нѣкоторыя преступныя проявленія, напр. разбой въ городахъ, но во все увеличивающейся анархіи отъ проступковъ уголовнаго характера удерживаетъ, главнымъ образомъ, только религіозное сознаніе и вѣковое религіозное воспитаніе. И можно удивляться во многихъ случаяхъ, что моральный развалъ сдерживается и имѣетъ предѣлъ.

Самымъ безудержнымъ порокомъ, имѣющимъ теперь безусловно достаточно оправданій, является постоянный обманъ „гражданами" „своей власти", особенно въ отношеніи казны, поглотившей и промотавшей, какъ извѣстно, почти все имущество самихъ гражданъ.

Указанный, совершенно неизбѣжный нынѣ порокъ можетъ все же воспитать въ народѣ, не имѣющемъ твердаго правового сознанія, опасную для будущаго времени привычку. Моральное будущее, въ особенности судьба новыхъ поколѣній, внушаютъ вообще самое серьезное опасеніе, и здѣсь, пока что, ждать спасенія можно только отъ церкви, поддерживающей свѣтъ нравственнаго сознанія.

Одно право будетъ безсильнымъ справиться съ гніеніемъ, такъ какъ право, въ концѣ концовъ, только отражаетъ нравственныя нормы, слѣдуя за моралью. Вѣдь общественный прогрессъ въ исторіи заключается почти только въ томъ, что идеи нравственнаго сознанія постепенно воспринимаются сознаніемъ правовымъ. Но какъ бы ни было глубоко моральное разложеніе и какъ бы мрачно ни рисовалась намъ жизнь широкихъ народныхъ массъ, общее состояніе духовной жизни въ Россіи не должно внушать отчаянія. Имѣются на лицо и свѣтлые признаки. Этими свѣтлыми признаками являются: во-первыхъ, очищеніе духовенства отъ самаго ненадежнаго элемента и, во вторыхъ, безусловное повышеніе религіознаго чувства въ городахъ. О первомъ рѣчь была выше, второе же надлежитъ освѣтить шире и глубже.

Повышеніе религіознаго чувства въ городахъ видно не только изъ многаго, сказаннаго выше. Его можно наблюдать и по многимъ другимъ проявленіямъ. Оно проявляется какъ въ постоянномъ переполненіи храмовъ молящимися, такъ и въ томъ участіи, которое принимаютъ прихожане въ церковной жизни и богослуженіи.

Теперь во всякое время года (зимой при морозѣ въ храмахъ!) богослуженіе протекаетъ очень торжественно. Если почему либо организованные прихожанами хорошіе хоры пѣвчихъ не могутъ пѣть, то поютъ, и при томъ достаточно стройно, обычно сами молящіеся. При отсутствіи спеціальныхъ чтецовъ всегда находится кто либо изъ прихожанъ, кто охотно исполняетъ эту обязанность. Между прочимъ, нерѣдко читаютъ женщины. Участвуютъ въ богослуженіи постоянно и дѣти.

Въ нѣкоторыхъ храмахъ, ввиду исключительнаго скопленія народа, на Страстной недѣлѣ для дѣтей устраиваются отдѣльныя сокращенныя службы, причемъ для дѣтскихъ крестныхъ ходовъ существуютъ особыя небольшія хоругви.

Дѣти, присутствующія на этихъ службахъ, большею частью ученики по Закону Божьему храмовыхъ священниковъ. Нельзя не отмѣтить, что дѣти проявляютъ въ этихъ случаяхъ всегда особую привѣтливость къ своему учителю, которая раньше, когда преподаваніе велось рутиннымъ порядкомъ въ школахъ, врядъ ли имѣла мѣсто.

Что касается оживленія, такъ сказать, дѣловой приходской жизни, то оно тѣмъ удивительнѣе, что приходы лишены всѣхъ своихъ благотворительныхъ учрежденій, которыя переданы въ коммисаріатъ Соціальнаго Обезпеченія.

Дѣятельность приходскихъ собраній и совѣтовъ, ограниченная оффиціально вопросами содержанія храма и духовенства, казалось бы должна была съузиться, но на дѣлѣ это не такъ.

Приходы не отказались отъ частной благотворительности опредѣленнымъ лицамъ и, кромѣ того, взяли на себя заботу о духовномъ образованіи и воспитаніи. Кромѣ обычныхъ приходскихъ органовъ при многихъ изъ храмовъ возникли многочисленные по составу, такъ называемыя братства, имѣющія присвоенныя храмамъ названія и объединенныя въ общій союзъ. Цѣль братства — „отстаиваніе, гдѣ только можно, интересовъ церкви и христіанства“. Все расширяющаяся дѣятельность ихъ выражается какъ въ благотворительности, такъ и въ возможной пропагандѣ; во время богослуженія члены братствъ поддерживаютъ порядокъ, напримѣръ, при прикладываніи къ иконамъ и кресту, и носятъ особые значки, какъ то Андреевскій крестъ изъ голубого шелка и т. п. Пока что, братства имѣются главнымъ образомъ въ столицахъ, но распространяются и въ провинціи. Кромѣ идеи поддержать церковь, братства лелѣютъ мечту подготовлять вообще и кадры будущихъ честныхъ дѣятелей Россіи. Политическихъ тенденцій въ братствѣ нѣтъ.

Въ составѣ братствъ немало молодыхъ интеллигентныхъ людей. Изъ политическихъ теченій при возникновеніи братствъ пожалуй большее сочувствіе къ нимъ проявляютъ кадеты и націоналисты.

Теперь, впрочемъ, всѣ партійныя дѣленія среди русской интеллигенціи потеряли значеніе, и потому прежняя партійная окраска вліянія въ братствахъ не имѣетъ.

Говоря о повышеніи религіознаго чувства въ городахъ, мы имѣемъ въ виду прежде всего интеллигенцію. Поворотъ интеллигенціи въ сторону религіи выражается еще въ томъ, что немало лицъ, принадлежащихъ къ ней, вовсе не духовнаго происхожденія, охотно принимаютъ духовный санъ. Среди

новыхъ священниковъ есть и юристы, и врачи, и бывшіе военные и т. п. Въ такомъ обновленіи духовной среды многіе склонны видѣть также одинъ изъ залоговъ возрожденія церкви.

Особыхъ объясненій перемѣна міросозерцанія сравнительно широкихъ слоевъ интеллигенціи, думается, не требуетъ. Стихійность послѣднихъ катастрофъ невольно обращаетъ всѣхъ къ мысли о Богѣ, такъ же дѣйствуетъ и полная безпомощность въ частномъ быту, которую испытываешь на каждомъ шагу. Кромѣ того, способствуетъ проявленію религіознаго духа и почти аскетическій образъ жизни, который приходится вести большинству городского населенія.

Въ этихъ условіяхъ человѣческая душа какъ бы обнажается, и такіе мотивы и страсти, какъ голодъ, озлобленіе, отчаяніе, съ одной стороны, и, наоборотъ, любовь, самоотверженіе, терпѣніе, съ другой, выступаютъ настолько ярко, что языкъ отцовъ церкви, этихъ глубокихъ психологовъ, и созданныя ими молитвы, напримѣръ, о преобореніи страстей, становятся особенно доступными пониманію, глубоко проникаютъ въ душу.

Наконецъ, къ религіи и церкви влечетъ мысль о Россіи. Интеллигенты, да и народъ во многихъ случаяхъ понимаютъ, что русской, святой-русской, нынѣ осталась только церковь. Понимаетъ интеллигенція и то, что при безднѣ, которая со времени Петра I. возникла между образованнымъ классомъ и народомъ, единственной прочной культурной связью между ними оставалась церковь и только она одна тѣмъ самымъ оберегла интеллигенцію отъ еще болѣе ужасныхъ и разрушительныхъ формъ народнаго озвѣрѣнія.

Не забывается вся вообще огромная культурная историческая роль церкви, особенно въ допетровское время, когда она была дѣйствительно душою народа, хранилищемъ всѣхъ его лучшихъ идеаловъ, залогомъ его объединенія.

Эти мысли и историческія напоминанія не только заставляютъ беречь церковь, какъ единственный живой образъ былой славы народнаго духа, но и внушаютъ надежды, что и нынѣ церковь сыграетъ спасительную роль. Эти надежды подкрѣпляются еще сознаніемъ, что культурный уровень большинства народа немногимъ еще отличается отъ эпохи смутнаго времени, когда церковь сыграла такую значительную роль въ спасеніи и возрожденіи народа.

Эта вѣра въ церковь и ея благую помощь безусловно имѣетъ много основаній, но наблюденія заставляютъ предполагать, что нынѣ благотворное вліяніе выразится все же иначе, чѣмъ въ смутное время. Активной политической роли въ возможномъ ниспроверженіи большевиковъ церковь играть не будетъ.

Стоя искренно, во главѣ съ Патріархомъ, внѣ политики, Церковь хранитъ и спасаетъ, кромѣ чисто религіозныхъ иде-

аловъ, также и идеи единства, духовной мощи и житейской правды русскаго народа.

Церковь сохраняетъ и, думается, сохранитъ эти сокровища, главнымъ образомъ, для будущихъ временъ, для новой Россіи, оставаясь въ сторонѣ отъ активной политической борьбы. Нельзя забывать, что какъ бы церковь ни сроднилась съ русскимъ государствомъ, ея идеалы и борьба за нихъ не совпадаютъ все же ни съ цѣлями государства, ни съ методами его борьбы. Всѣ государственные и гражданскіе идеалы, какъ бы ни были они высоки, сами по себѣ для церкви не имѣютъ цѣнности, и она борется поэтому не противъ экономическихъ и политическихъ идей большевиковъ, а противъ ихъ моральной и религіозной неправды, противъ зла, которое они причиняютъ ея дѣтямъ и вообще людямъ, въ томъ числѣ и себѣ самимъ.

Единственной же настоящей абсолютной цѣнностью для церкви является только духъ Христовой любви и возможность жить въ этомъ духѣ. Если же въ исторіи Россіи православная церковь сыграла роль въ борьбѣ народа за свое національное существованіе, благословляя народъ и его правителей на войну, а также причисляла ихъ къ лику святыхъ — воиновъ и государственныхъ мужей, то и тутъ она имѣла въ виду духовныя цѣнности, правду Божію.

Воиновъ и правителей она причисляла къ лику святыхъ не за побѣды и государственные успѣхи, а за мощь и жертвенную чистоту духа. Побѣды же просила она въ своихъ молитвахъ, конечно, также для цѣлей духовныхъ.

Плотскою мірскою жизнью управляютъ свои законы, духовной — другіе. Церковь заботится о соблюденіи законовъ духовнаго бытія и молится, чтобы законы, царящіе въ бытіи плотскомъ, не вредили жизни духа, но на управленіе законами природной, плотской жизни она не претендуетъ. Церковь знаетъ молитвы передъ принятіемъ ѣды, но она не даетъ совѣтовъ, какъ приготовлять пищу. Такъ думаютъ и представители духовенства и многіе вдумчивые міряне. И есть основаніе предполагать, что таково и настроеніе высшей іерархіи, которая вмѣстѣ съ паствой радуется, что теперь церковь стала свободной отъ случавшихся ранѣе попытокъ навязать ей мірскія политическія задачи.

Но этотъ взглядъ на отношенія церкви и государства, конечно, не исключаетъ участія членовъ церкви въ мірскихъ дѣлахъ, въ частности, въ государственной жизни, и не умаляетъ значенія вліянія церкви, въ качествѣ таковой, на исторію страны.

Однако, это положеніе надо понимать въ томъ смыслѣ, что духовное объединеніе и оздоровленіе русскихъ, которое создаетъ церковь, и та духовная борьба, которую она ведетъ съ большевиками, только способствуетъ (неизбѣжно и сильно) и государственному объединенію и политической борьбѣ съ

преступной властью. Жизнь Россіи такъ неузнаваемо измѣнилась и приняла такія ужасныя формы, что даже одинъ внѣшній видъ храмовъ и одна церковная обстановка уже много говорятъ русскому сердцу: побывавъ въ храмѣ, русскій не только чувствуетъ себя духовно освѣженнымъ, но и вновь патріотомъ. Храмъ Божій теперь единственный родной уголокъ, и тѣ чувства, которыя онъ вызываетъ, помимо всего прочаго, являются такимъ сильнымъ національнымъ факторомъ, что можно не сомнѣваться, что у III-го интернаціонала нѣтъ бо́льшаго врага, чѣмъ русская церковь, какъ бы далеко отъ политики она ни стояла.

Политическая борьба съ большевизмомъ не можетъ не быть, по существу, дѣломъ жестокимъ, и большинство православной интеллигенціи въ Совдепіи придерживается, насколько я знаю, того взгляда, что въ этой борьбѣ церковь не должна принимать активнаго участія.

Пусть она сохраняется совершенно чистой для новой Россіи, чтобы потомъ съ тѣмъ большимъ авторитетомъ способствовать ея возрожденію и возстановленію въ ней любви и мира.

С.

Совѣты и коммунистическая партія.

I.

„Вся власть совѣтамъ“ — вотъ тотъ политическій лозунгъ, подъ которымъ 4 года тому назадъ совершилась октябрьская революція. Въ совѣтахъ массы видѣли надежное средство къ немедленному осуществленію своихъ чаяній, выраженныхъ въ словахъ: „миръ, хлѣбъ и земля“. Этимъ массамъ большевики говорили: то, что вы захотите, вы сами и сдѣлаете, ибо власть будетъ принадлежать вамъ, подлинно вамъ, а не тѣмъ „господамъ“, которые какъ то умудряются всюду пролѣзать при всеобщемъ избирательномъ правѣ; если вы пойдете за нами, большевиками, то вся власть сосредоточится безъ остатка въ совѣтахъ, т. е. въ рукахъ вашихъ непосредственныхъ избранниковъ, тѣхъ людей, которыхъ вы знаете лично, а не только изъ избирательныхъ плакатовъ и газетныхъ статей.

И народъ пошелъ за сладко пѣвшими сиренами. Рушилась тѣнь власти, возглавлявшаяся каррикатурой на государственнаго человѣка. Создалась новая власть, которая получила названіе власти совѣтской.

Что-же это за власть? По идеѣ, это есть перевернутое на-изнанку буржуазное государство (въ его соціалистическомъ пониманіи). Если въ буржуазномъ государствѣ власть мыслится принадлежащею организованному опредѣленнымъ образомъ коллективу капиталистовъ, землевладѣльцевъ и т. п., при полномъ безправіи пролетаріата, то совѣтское государство есть въ идеѣ властвованіе организованнаго пролетаріата, подавляющее лишаемую правъ буржуазію. Совѣтская власть есть государственно-правовая формула политической идеи диктатуры пролетаріата.

Властвованіе пролетаріата въ совѣтскомъ государствѣ достигается такимъ образомъ, что „трудящіеся“, собираясь по тѣмъ хозяйственнымъ единицамъ, въ коихъ они прилагаютъ свой трудъ, избираютъ довѣренныхъ людей, которые образуютъ совѣтъ рабочихъ (крестьянскихъ и т. д.) депутатовъ данной мѣстности. Такой совѣтъ объявляется для соотвѣтствующаго района единственнымъ источникомъ власти: нѣсть власти, аще не отъ совѣта. Механическимъ соединеніемъ нѣсколькихъ мѣстныхъ совѣтовъ, или делегаціей представителей отъ нихъ, образуются совѣты высшихъ ступеней, властвующіе надъ болѣе обширными территоріями: уѣздомъ, губерніей, областью, наконецъ, цѣлымъ государствомъ. Всякая

власть, дѣйствующая на такой территоріи, находится въ такомъ же отношеніи къ мѣстному совѣту, какъ мѣстная власть къ мѣстному совѣту. Во всей странѣ по идеѣ не можетъ быть власти, которая не являлась бы эманаціей одного изъ совѣтовъ, а такъ какъ совѣты являются прямыми выразителями воли опредѣленныхъ группъ пролетаріата, то политическое господство послѣдняго при проведеніи формулы представляется обезпеченнымъ, въ особенности, если принять во вниманіе провозглашеніе принципа краткосрочности выборовъ и права досрочнаго отозванія депутатовъ, которые, въ противоположность членамъ буржуазныхъ парламентовъ, связаны императивнымъ мандатомъ.

Изложенная схема, повидимому, полностью проводится въ основныхъ законахъ Р. С. Ф. С. Р. Высшимъ органомъ государства признается всероссійскій съѣздъ совѣтовъ, составляющійся изъ делегацій отъ совѣтовъ высшихъ ранговъ; этотъ органъ выдѣляетъ изъ себя для текущей работы В. Ц. И. К.; верховная исполнительная власть принадлежитъ совѣту народныхъ комиссаровъ, отвѣтственному передъ съѣздомъ совѣтовъ и его центральнымъ комитетомъ.

Конституція эта представляется конституціей дѣйствующей, а не только провозглашенной. Въ совѣты происходятъ выборы, совѣты собираются, что-то обсуждаютъ, что-то рѣшаютъ; по временамъ устраиваются и всероссійскіе съѣзды. Значеніе совѣтскаго принципа подчеркивается тѣмъ, что слово „совѣтская“ включено въ оффиціальное обозначеніе россійской республики. Болѣе того, изъ всего пятичленнаго обозначенія, какъ извѣстно, чаще всего употребляется именно названный терминъ. Можно ли при этихъ условіяхъ сомнѣваться въ томъ, что въ Россіи подлинно осуществленъ принципъ совѣтской власти, т. е. раскрывая скобки, диктатура пролетаріата?

И тѣмъ не менѣе, можно опредѣленно утверждать: никакой диктатуры пролетаріата въ современной Россіи нѣтъ; диктатура, правда, существуетъ, но принадлежитъ она не пролетаріату, а кому-то иному. Реально совѣтское властвованіе организовано такъ, что никакой власти совѣтамъ не принадлежитъ; реально совѣты построены такъ, что никакого представительства пролетаріата въ нихъ не заключается.

Разсмотримъ сначала второе положеніе. Единственное достоинство совѣтской схемы заключается въ ея простотѣ. Что можетъ быть проще, нежели выборы въ мѣстный совѣтъ? Собрались рабочіе данной фабрики и т. п., потолковали между собою и выдвинули людей, которымъ они довѣряютъ. Но для того, чтобы и эта простѣйшая схема осуществилась, нужны нѣкоторыя условія. Нужно чтобы люди могли дѣйствительно свободно потолковать, и притомъ, конечно, не только въ тѣсномъ кружкѣ, но съ любымъ гражданиномъ. Нужно, чтобы люди, такъ или иначе пришедшіе къ извѣст-

ному убѣжденію, могли его проявить подачей голоса за любого кандидата по своему усмотрѣнію.

Ни одно изъ этихъ условій не является осуществленнымъ въ совѣтской Россіи. Печать существуетъ только правительственная; въ ней, конечно, не найти матеріала для формированія мнѣнія передъ выборами. Созвать собраніе можетъ только тотъ, кто явно угоденъ власти; говорить на немъ — опять только другъ правительства. Никакая сколько нибудь правильная предвыборная агитація въ современной Россіи невозможна; агитація, правда, временами идетъ, но только въ формѣ разговоровъ вполголоса, прерываемыхъ при всякомъ появленіи третьяго лица, если на него нельзя безусловно положиться. А съ другой стороны, со стороны правительства развивается огромная агитаціонная дѣятельность, для которой созданы спеціальныя учрежденія и растрачиваются чуть ли не всѣ запасы бумаги и наличныя силы типографскихъ работниковъ. Русскій избиратель находится подъ постояннымъ, неуклоннымъ, планомѣрнымъ натискомъ опредѣленныхъ идей, диктуемыхъ изъ правительственнаго центра; и этому натиску не противодѣйствуютъ волны, исходящія изъ частныхъ агитаціонныхъ центровъ, такъ какъ всѣ такіе центры разрушены, и всякія попытки ихъ возродить немедленно энергично пресѣкаются. И если русскій избиратель и не увѣровалъ еще безраздѣльно въ преподносимыя ему истины, то не потому, чтобы ему ихъ слишкомъ рѣдко твердили, а скорѣе всего потому, что къ источнику поученій понемногу утратилось всякое довѣріе, отчасти же потому, что, въ силу заложеннаго въ насъ духа противорѣчія, оффиціальная истина всегда инстинктивно вызываетъ въ насъ скепсисъ.

Но, можетъ быть, упущенное въ предвыборный періодъ можно наверстать въ самомъ процессѣ выборовъ? Быть можетъ, тутъ, на собраніи, непосредственно призванномъ создавать народную волю избраніемъ депутата въ совѣтъ, можно договориться съ согражданами и послать истиннаго печальника о своихъ нуждахъ, стойкаго единомышленника? Вѣдь слы: шимъ же мы о митингахъ на фабрикахъ и въ казармахъ, митингахъ, на которыхъ не гнушаются участвовать высшіе представители власти, въ Москвѣ Ленинъ и Троцкій, въ Петроградѣ Зиновьевъ и др.?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны прежде всего напомнить, что совѣтская избирательная система отвергла, какъ буржуазный предразсудокъ, принципъ отдѣленія агитаціи отъ акта выборовъ, въ силу котораго делигированіе народнаго избранника въ Европѣ сводится къ безмолвной подачѣ записокъ и сухому ихъ подсчету. Въ совѣтской Россіи тутъ-же оцѣниваютъ кандидатовъ и программы, и тутъ-же выбираютъ. Мы еще остановимся на вопросѣ о томъ, какъ намѣчаются кандидаты и проводятся выборы. Пока возьмемъ

только ту сторону избирательнаго митинга, которая относится еще къ области формированія мнѣнія.

Митингъ назначенъ. По одиночкѣ или маленькими кучками сходятся избиратели, усталые не столько отъ работы, сколько отъ тяготъ, связанныхъ съ самымъ процессомъ жизни въ смыслѣ пріисканія продовольствія и топлива, иногда отъ сидѣнія на обязательномъ собраніи или лекціи или стоянія въ очереди за разрѣшеніемъ на что-то. Давно уже пробилъ намѣченный часъ, но митингъ не начинается — кого-то ждутъ, ждутъ тѣхъ, слову которыхъ заранѣе суждено стать выраженіемъ воли собравшихся. Эти ожидаемые опаздываютъ отчасти потому, что они, получивъ власть, не сумѣли еще пріобрѣсти лоскъ власти (l'exactitude c'est la politesse des rois) отчасти же потому, что ихъ мало, и что имъ нужно „провести" выборы въ пяти или шести мѣстахъ. Въ ожиданіи начинаются разговоры вполголоса; даются обѣщанія постоять за себя, не уступить, разоблачить ненавистную ложь. Но часы идутъ за часами. Одолѣваютъ тоска и усталость. Понемногу все становится безразличнымъ — лишь бы поскорѣе отпустили по домамъ (уйти самовольно нельзя).

Но вотъ, наконецъ, раздаются радостные возгласы: „пріѣхали!" Въ залъ вваливаются нѣсколько человѣкъ съ печатью самоувѣренности на лицѣ. Митингъ открывается. Пріѣхавшіе предлагаютъ имена въ составъ президіума. Иногда слышатся и другія имена, но заявленныя первыми подхватываются разсѣянными по залѣ клевретами, а послѣдующія отчасти замалчиваются, отчасти взаимно устраняютъ другъ друга, какъ бы путемъ интерференціи — вѣдь не было технической возможности сговориться. Усаживается угодный „пріѣхавшимъ" президіумъ. Одинъ изъ послѣднихъ беретъ слово. Твердо звучитъ заученная рѣчь, повторенная уже десятки разъ въ другихъ мѣстахъ; увѣренно приводятся цифры, въ основѣ которыхъ лежитъ Богъ вѣсть какая статистика, вѣрнѣе всего просто фантазія говорящаго; какъ фейерверкъ вылетаютъ трафаретныя схемы и слова — буржуазія, пролетаріатъ, имперіализмъ, міровая революція, интернаціоналъ; въ концѣ предлагается резолюція, одобряющая дѣятельность власти и клеймящая всѣхъ противниковъ ея; одновременно указывается, кого избрать для дальнѣйшаго насажденія соціалистическаго рая.

А что толпа, слушатели?! По большей части они просто подавлены словеснымъ искусствомъ; чувствуется гдѣ-то огромная натяжка, при обнаруженіи которой рухнуло бы все гордое зданіе. Но какъ выразить эти мысли? Что противопоставить блестящему оружію? Къ тому же поздно, глаза смыкаются. Если начать спорить, то когда-то придешь домой; да того и гляди, возьмутъ на примѣту и или посадятъ или куда-нибудь угонятъ при ближайшей перегруппировкѣ рабочаго люда.

А если промолчать и принять резолюцію, то все разыграется какъ по нотамъ. И по большей части никакихъ оппонентовъ не оказывается, или же появляются оппоненты фиктивные, выставленные для того, чтобы опроверженіемъ ихъ доводовъ еще усилить позицію „пріѣхавшихъ". Резолюція принимается. Исходъ выборовъ предрѣшенъ.

Но вотъ иногда найдется смѣльчакъ, который вступитъ въ серьезный бой съ руководителями. Его обычный доводъ — до васъ, большевиковъ, хотя и сидѣли помѣщики и капиталисты, но народу то жилось значительно лучше, чѣмъ теперь. Подымаются возгласы „вѣрно", отрывочныя ругательства по адресу власти. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ оппозиція овладѣваетъ положеніемъ; произносятся форменныя „контръ-революціонныя" рѣчи; „пріѣхавшимъ" приходится спѣшно бѣжать, причемъ бывали случаи, когда толпа не позволяла имъ воспользоваться автомобилями и заставляла итти пѣшкомъ. Но это — рѣдкое исключеніе, почти не могущее отразиться на общемъ результатѣ выборовъ. Обыкновенно „пріѣхавшіе" выпускаютъ новыхъ ораторовъ, которые пускаютъ въ ходъ и ссылки на козни буржуазіи и антанты, не дающія подвезти хлѣбъ и топливо, и обѣщанія значительнаго улучшенія положенія въ ближайшемъ будущемъ и, наконецъ, форменныя угрозы: несогласные съ оффиціальной истиной объявляются контръ-революціонерами, и имъ недвусмысленно даютъ понять, что мѣстъ въ тюрьмахъ хватитъ на всѣхъ. Эти рѣчи произносятся, если нужно, въ безконечно растянутомъ стилѣ и длятся въ такихъ случаяхъ часами; почти всѣ расходятся (теперь никого больше не держатъ); наконецъ, остаются одни вѣрные, и казенная резолюція оказывается принятой „единогласно". Дѣло опять заканчивается выборами, результатъ которыхъ очевиденъ.

Перейдемъ теперь къ самой процедурѣ выборовъ. Такъ, какъ закономъ она не регулирована, то она устанавливается инструкціями мѣстныхъ властей. Сущность этихъ инструкцій обыкновенно сводится къ тому, что списки кандидатовъ должны быть заранѣе заявлены, а самые выборы произведены открытой подачей голосовъ.

Первое требованіе, вполнѣ законное тамъ, гдѣ имѣются организованныя политическія партіи, и гдѣ режимъ достаточно свободенъ для того, чтобы всякій имѣющій шансы на успѣхъ списокъ былъ выставленъ, въ странѣ безправія имѣетъ специфическій эффектъ: списокъ своевременно можетъ быть представленъ только единственною допускаемой въ странѣ политической партіей—партіей правительственной. Допустимъ, однако, что несмотря на всѣ препятствія, нѣсколько энергичныхъ человѣкъ столкуются и составятъ свой списокъ, и притомъ удачный въ смыслѣ соотвѣтствія настроенію избирателей. Подать такой списокъ можно. Но въ условіяхъ совѣтской Россіи тутъ

приходится много подумать: подача оппозиціоннаго списка подвергаетъ опасности какъ подавшихъ, такъ и включенныхъ въ него; имена тотчасъ будутъ „взяты на учетъ“, и стоитъ только на данной фабрикѣ произойти волненію, какъ отмѣченные немедленно извѣдаютъ всю прелесть совѣтскихъ тюремъ. Пусть страхъ преодолѣнъ, и списокъ поданъ. Что же дальше? Мы видѣли, какъ течетъ избирательный митингъ. Охарактеризованные нами пріемы насилія надъ убѣжденіями примѣняются и къ акту выборовъ. Обыкновенно, проводя резолюцію, руководители собранія рекомендуютъ свой списокъ, кокоторый часто и принимается par acclamation. Иногда производится видимость голосованія поднятіемъ рукъ. Характерною особенностью такихъ выборовъ является подача небольшого числа положительныхъ голосовъ и полное отсутствіе отрицательныхъ; громадное большинство не голосуетъ вовсе, не желая подавать голоса за и не смѣя высказываться противъ; тѣмъ не менѣе, кандидаты объявляются избранными единогласно.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ пріемы видоизмѣняются. Тамъ, гдѣ избиратель нѣсколько болѣе интеллигентенъ, приходится дѣйствовать культурнѣе — голосуютъ, напр., не цѣлый списокъ, а отдѣльныхъ кандидатовъ. Къ такимъ выборамъ относятся болѣе осторожно, и на нихъ присылаютъ инструкторовъ-спеціалистовъ. Правда, спеціалистами ихъ можно назвать лишь cum grano salis. Мнѣ удалось присутствовать на такихъ руководимыхъ инструкторомъ выборахъ. Въ выборахъ участвовало около 200 человѣкъ; избрать нужно было семерыхъ, а всего заявлено 13 кандидатовъ. Инструкторъ далъ слѣдующее разъясненіе: нужно голосовать каждаго кандидата отдѣльно, при чемъ каждый присутствующій имѣетъ право поднять руку (т. е. голосовать „за“) не болѣе 7 разъ. Интересно, какъ представлялъ себѣ наивный человѣкъ контроль за выполненіемъ этого требованія.

Если иногда примѣняются болѣе утонченные пріемы, то въ другихъ случаяхъ дѣло устраивается еще проще. Лѣтомъ 1918 г. мнѣ довелось слѣдить за выборами въ уѣздный совѣтъ въ провинціи. Крестьяне къ этому времени успѣли уже разобраться въ большевикахъ, и настроеніе было рѣзко оппозиціонное; выбраны были не тѣ крикуны и хулиганы, которые составляли совѣты перваго призыва, а степенные мужики, хорошіе хозяева, которые, конечно, тоже не прочь были попользоваться помѣщичьей землей, но по остальнымъ пунктамъ были безконечно далеки отъ коммунизма. Какъ же поступили мѣстные заправилы? Уступили они, быть можетъ, свою власть? Конечно, и не подумали. Пріѣзжавшихъ депутатовъ подвергли порознь допросу, при чемъ главный пунктъ былъ: покупаешь ли ты хлѣбъ? Хозяинъ съ гордостью отвѣчалъ, что ему и своего хватаетъ. Тогда депутата немед-

ленно „разъясняли“, признавая его буржуемъ, лишеннымъ активнаго и пассивнаго избирательнаго права. А тутъ подоспѣло проведеніе въ жизнь декретовъ о комитетахъ деревенской бѣдноты, и вопросъ былъ благополучно ликвидированъ.

Такимъ образомъ, совѣты, которые по идеѣ должны служить непосредственнымъ отраженіемъ вѣяній, господствующихъ въ народныхъ массахъ, въ дѣйствительности никого не представляютъ. Механизмъ выборовъ таковъ, что результатъ ихъ предрѣшенъ заранѣе — въ составъ совѣтовъ могутъ войти и дѣйствительно входятъ только люди, угодные власть имущимъ, вѣрнѣе, ими указанные. Совѣты фактически образуются не по выборамъ, а по назначенію, и нужно обладать нахальствомъ большевиковъ, чтобы послѣ выборовъ провозглашать ихъ результатъ какъ побѣды коммунистической программы. Приходится изумляться не тому, что въ совѣтахъ оказываются 60-70-80% коммунистовъ, а тому, что набирается въ нихъ 20% и болѣе некоммунистовъ. Впрочемъ, это все безпартійные, при томъ безпартійные спокойнаго типа, которые, навѣрное, не станутъ мѣшать.

Казалось бы, что при изложенномъ механизмѣ выборовъ можно было бы положиться на совѣты и дать имъ то значеніе, которое принадлежитъ имъ по конституціи. На первыхъ порахъ дѣло такъ и стояло. Къ голосу совѣтовъ прислушивались и, безъ ихъ участія, никакихъ важныхъ рѣшеній не принимали; частенько созывали всероссійскіе съѣзды.

Положеніе, однако, весьма быстро измѣнилось. Уже составъ совѣтовъ оказался помѣхою къ сколько-нибудь активной роли въ государственномъ механизмѣ. Совѣты неработоспособны уже въ силу своей многочисленности. Еще важнѣе уровень составляющихъ ихъ лицъ: интеллигентныхъ силъ въ нихъ нѣтъ и не можетъ быть, потому что такіе элементы не пропускаются тѣми, отъ кого зависитъ ихъ подборъ; составляющая же ихъ сѣрая масса не видитъ дальше своей колокольни и легко поддается на воздѣйствіе тѣхъ опытныхъ митинговыхъ ораторовъ, которыми являются ихъ руководители. Поэтому совѣты не въ состояніи выполнить и функцій направленія и контроля. Засѣданія ихъ производятъ впечатлѣніе хорошо разученнаго спектакля. По вопросамъ, отъ которыхъ иногда зависятъ судьбы страны, читается небольшой докладъ, всегда однимъ изъ власть имущихъ или близкихъ къ нимъ. Затѣмъ происходятъ короткія пренія, которыя даютъ поводъ къ новымъ эффектнымъ выступленіямъ правительственныхъ ораторовъ. Въ результатѣ принимается (обыкновенно единогласно) резолюція предложенная въ концѣ доклада и сводящаяся къ восторженному одобренію дѣйствій и предположеній правительства. Случаевъ ухода народнаго комиссара или вообще отвѣтственнаго лица по причинѣ несогласія съ соотвѣтствующимъ совѣтомъ почти не бываетъ.

Такимъ же образомъ происходятъ и выборы на правительственные посты, на нихъ попадаютъ неизмѣнно тѣ, на кого укажутъ сидящіе у кормила правленія.

Къ этой внутренней безсодержательности дѣятельности совѣтовъ понемногу приспособилась и внѣшняя сторона. Совѣты, въ особенности ихъ всероссійскіе съѣзды, засѣдаютъ все рѣже и рѣже; крупнѣйшія мѣропріятія послѣдующаго времени въ значительной части прошли безъ обсужденія ихъ въ пленумѣ совѣтовъ. Руководители стали относиться къ этимъ засѣданіямъ такъ же пренебрежительно, какъ къ любому митингу; многочасовыя запозданія ихъ, влекущія отсрочку открытій засѣданій, стали рядовымъ явленіемъ. Попытки наладить дѣловую работу въ секціяхъ, комиссіяхъ и пр. не удались — желающихъ работать не находилось; отмѣна засѣданій за неявкою членовъ стала для такихъ организацій чѣмъ то повседневнымъ. Совѣты все больше и больше стали превращаться въ декорацію.

Къ настоящему времени совѣты свелись къ своимъ „отдѣламъ", т. е. къ состоящимъ номинально при нихъ, фактически же при соотвѣтствующихъ властителяхъ, бюрократическимъ органамъ, завѣдующимъ разными вѣтвями государственной дѣятельности. Сами совѣты не значатъ почти ничего. Видѣть въ нихъ средоточіе власти, полагать, что въ нихъ формируются директивы для органовъ управленія — грубый анахронизмъ; это было, но давно прошло. Совѣтская организація была нужна для того, чтобы привлечь народныя организаціи и взять власть. Теперь, когда массы попались и власть дали, надобность въ совѣтахъ миновала. Упразднить ихъ было бы неприлично, да и не нужно. Поэтому совѣты остаются, останутся до конца большевистской Россіи; но реальная жизнь изъ нихъ испарилась.

Эта полная атрофія совѣтовъ стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ механизмомъ выборовъ, которые сводятся къ провозглашенію указанныхъ властями кандидатовъ. Тамъ, гдѣ политическое собраніе подстраивается властью, оно всегда будетъ говорить только да. А собранію, которое знаетъ только это одно слово, не нужно ни власти, ни самому себѣ, ни странѣ; оно всегда, такъ или иначе, само себя ликвидируетъ.

II.

Итакъ, „совѣтская власть" далеко не есть „власть совѣтовъ". У совѣтовъ власти нѣтъ. Но было бы ошибкою думать, что вовсе нѣтъ власти въ совѣтской Россіи. Власть есть, и власть многоразвѣтвленная и всюду проникающая. И этой властью является „россійская коммунистическая партія" (Р. К. П.)

Господство коммунистической партіи не вызываетъ никакихъ сомнѣній. Если мы, пробиваясь черезъ фикціи, захотимъ

дойти до реальныхъ соотношеній силъ, до подлинныхъ носителей власти, то мы вездѣ дойдемъ до коммунистовъ. Кто тѣ лица, которыя, какъ было описано въ предыдущей главѣ, „дѣлаютъ“ всѣ выборы и проводятъ свои резолюціи, все равно, на избирательномъ митингѣ или въ совѣтѣ любого ранга? Коммунисты. Кто занимаетъ всѣ сколько-нибудь отвѣтственные посты въ аппаратѣ управленія, кто сидитъ въ разныхъ президіумахъ, исполкомахъ и т. д., кто выступаетъ въ роли комиссаровъ? Коммунисты или такіе безпартійные, въ которыхъ коммунисты абсолютно увѣрены. Откуда идутъ директивы, фактически опредѣляющія дѣятельность всего государственнаго аппарата? Изъ нѣдръ коммунистической партіи. Кто держитъ въ своихъ рукахъ вооруженную силу, кто вдохновляетъ безмѣрно разросшуюся политическую полицію, именуемую „чрезвычайной комиссіей“? Коммунистическая партія. Кто льетъ широкой волной свои рѣчи по лику земли русской, откуда идетъ государственная агитаціонная дѣятельность? Исключительно изъ коммунистической партіи. Всѣ нити сходятся въ одинъ узелъ, и этимъ узломъ является „партія“. Ленинъ правитъ страной не какъ предсѣдатель С. Н. К., а какъ лицо, пользующееся наибольшимъ вліяніемъ въ партіи.

Партія большевиковъ была первоначально малочисленной и хорошо сплоченной группой, съ явнымъ преобладаніемъ интеллигентскаго элемента. Эта первоначальная ячейка несомнѣнно состояла почти цѣликомъ изъ людей, глубоко проникнутыхъ партійной программой; шансы быстраго полученія власти были такъ невелики, что никакой расчетъ не могъ побудить итти въ нее невѣрующаго. И тѣмъ не менѣе у партіи было сравнительно съ другими одно огромное преимущество: въ ея составѣ были люди, исполненные воли властвовать, чуждые русской интеллигентщинѣ съ ея медово-анархическимъ налетомъ. Это были люди, которые знали и понимали, что властвовать — значитъ повелѣвать, принуждать, ломать сопротивленіе и, если нужно, проливать кровь. Это были люди, которые отвергали не только традиціонную мораль съ ея критеріями, но самую основу морали — различіе между добромъ и зломъ. Принципъ: „цѣль оправдываетъ средство“ былъ для нихъ не реторической фразой, а подлинной составной частью ихъ самыхъ глубокихъ психическихъ переживаній. Понятно, какую силу дала имъ въ борьбѣ эта, возведенная въ принципъ, безпринципность. И такъ какъ помимо нихъ не было никого, кто бы тоже имѣлъ подлинную волю властвовать, власть, послѣ восьми-мѣсячныхъ шатаній, докатилась до нихъ.

Этотъ фактъ возымѣлъ непосредственнымъ слѣдствіемъ огромный притокъ въ партію людей, которые или внезапно „увѣровали“ въ коммунистическую программу, или просто поняли выгодность „примазаться“ къ партіи. Въ нее повалили толпами всѣ тѣ, кого прельстилъ узаконенный грабежъ, а при-

липшіе къ рукамъ большевиковъ, кровь и грязь, — не претили. Бурному разростанію партіи былъ положенъ предѣлъ только властными приказами старинныхъ ея руководителей, дѣйствовавшихъ по мотивамъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Изъ кого же составилось то новое соціальное образованіе, которое сгруппировалось вокругъ прежней ничтожной ячейки? Нашъ склонный къ упрощенію разумъ нерѣдко даетъ на этотъ вопросъ слишкомъ элементарные отвѣты, подчасъ подсказываемые самими большевиками. Такъ, они любятъ называть себя „авангардомъ пролетаріата", а осуществляемую ими власть „рабоче-крестьянскимъ правительствомъ". На самомъ дѣлѣ, отождествить партію съ той или иною группой пролетаріата было бы совершенно невѣрно: въ ней встрѣчаются представители всѣхъ классовъ — отъ городскихъ и сельскихъ рабочихъ до членовъ зажиточныхъ буржуазныхъ семействъ и представителей поземельной аристократіи. Что же касается „рабоче-крестьянского правительства", то въ бытіе въ Россіи таковаго не вѣритъ больше ни одинъ рабочій и ни одинъ крестьянинъ; если бы ихъ, подлинныхъ рабочихъ и крестьянъ, хотя бы только спрашивали, то дѣло шло бы совершенно иначе. — Разыгрывающаяся фантазія иногда приписываетъ властвованіе „жидамъ"; серьезно защищать такое положеніе нельзя; конечно, евреи занимаютъ въ современной русской власти гораздо большее мѣсто, нежели то отвѣчаетъ ихъ относительной численности; но все-же имъ далеко до преобладанія въ руководящихъ центрахъ, а огромная масса еврейства стоитъ внѣ участія во власти.

Разнообразію происхожденія отвѣчаетъ и разнокалиберность развитія: наряду съ лицами прошедшими высшую школу, въ партіи встрѣчаются люди неграмотные, психологически примитивные. Полнѣйшее смѣшеніе элементовъ можетъ быть установлено и съ точки зрѣнія профессіональной принадлежности: въ партіи встрѣчаются бывшій чиновникъ съ ремесленникомъ, адвокатъ съ грузчикомъ, дама изъ общества съ проституткой. Правда, можно подмѣтить высокую численность людей, которые въ прежнее время отмѣчались статистикой какъ не имѣющіе никакой профессіи, а на самомъ дѣлѣ жили профессіями запрещенными. Къ нимъ, впрочемъ, близки и тѣ члены, которые вышли изъ иныхъ соціальныхъ группировокъ. Къ коммунистамъ отовсюду отошли преимущественно неудачники: врачи и адвокаты безъ практики, ученые, провалившіеся на диспутѣ или на конкурсѣ, чиновники, выгнанные со службы, рабочіе, которыхъ не хотѣлъ держать ни одинъ хозяинъ, крестьяне, пропившіе свои надѣлы и т. д.

Коммунистическая партія образовалась, такимъ образомъ, изъ отщепленья отъ самыхъ разнообразныхъ группъ, причемъ въ составъ ея вошли тѣ элементы, которые въ прежнемъ обществѣ характеризовались пониженностью соціаль-

ныхъ связей. Что же общаго у этихъ людей, помимо только-что отмѣченнаго, скорѣе отрицательнаго, признака? Соединяющее звено лежитъ, скорѣе всего, въ области психологіи и состоитъ въ прирожденномъ или благопріобрѣтенномъ пониженіи нравственнаго чувства — такое пониженіе стоитъ въ непосредственной связи съ отмѣченной слабостью соціальнаго сцѣпленія, такъ какъ общая этика есть, можетъ быть, наиболѣе характерный продуктъ жизнедѣятельности соціальныхъ группъ. Въ коммунистическую партію пошли люди съ высоко развитой ненавистью противъ стараго общества, ненавистью неудачника, и съ твердой рѣшимостью использовать новый режимъ для своихъ цѣлей, не стѣсняясь кровью и грязью, въ которыхъ для этого нужно было вымараться съ ногъ до головы.

Какъ же велика численность этой всплывшей на поверхность мути? Какъ по оффиціальнымъ заявленіямъ, такъ и по частнымъ подсчетамъ К. П. состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ. На сто съ лишнимъ милліоновъ населенія господствующая организація составляетъ менѣе 1%. Симпатіями въ стоящихъ внѣ ея массахъ она не пользуется; наоборотъ, властвованіе ея переносится страной съ тѣми же ощущеніями и настроеніями, съ какими переносится власть иноплеменниковъ-завоевателей. И, тѣмъ не менѣе, власть эта держится. Такое положеніе вещей возможно единственно вслѣдствіе исключительно прочной организованности властвующей группы.

Чтобы уяснить себѣ эту организованность нужно представить себѣ нынѣшнюю роль партіи въ глазахъ ея давнишнихъ руководителей, сохранившихъ свое значеніе и сейчасъ. Когда партія еще только стремилась къ власти, то она, по заданію, должна была сыграть роль руководительницы рабочаго класса: естественные интересы послѣдняго, думали партійные руководители, должны были обезпечить партіи его восторженное сотрудничество. Дѣйствительность показала иное. Мимолетное увлеченіе, охватившее рабочій классъ, улеглось очень скоро; его роль, какъ революціонной силы оказалась оконченной; никакого новаго союзника въ лицѣ той или иной соціальной группы не нашлось. Почва ускользала изъ подъ ногъ. Но вожди партіи были люди рѣшительные. Надулъ естественный базисъ — создадимъ искусственный, рѣшили они. И вотъ партія, которая предназначалась къ роли авангарда пролетаріата, въ дѣйствительности стала суррогатомъ его. Вмѣсто естественнаго классоваго сцѣпленія пришлось организовать сцѣпленіе искусственное.

Это предполагало прежде всего тщательный подборъ новыхъ членовъ партіи. Пополненіе ея оказалось поставленнымъ подъ контроль ея наличнаго состава и, въ особенности, ея руководящаго центра, чѣмъ въ значительной степени была обезпечена преемственность поколѣній и одновременное домини-

рующее положеніе первоначальной ячейки. Пріемъ въ партію производится лишь послѣ тщательнаго искуса, непремѣнно по рекомендаціи лицъ, состоящихъ ея членами, и при томъ не иначе, какъ по постановленію партійныхъ органовъ. Большое вниманіе обращено на подготовку психологической почвы для обращенія въ коммунизмъ. Этой задачѣ служатъ: періодическое объявленіе „недѣль коммуниста", въ теченіе которыхъ всѣ члены партіи обязаны отдавать себя дѣлу вербовки новыхъ надежныхъ членовъ, огромное развитіе агитаціонной дѣятельности, ставшей понемногу государственной функціей, и особенно работа среди подростающаго поколѣнія путемъ созданія союзовъ и клубовъ коммунистической молодежи и организаціи специфическаго преподаванія общественныхъ наукъ въ старшихъ классахъ средней школы.

Конечно, эта организація прироста не вполнѣ гарантируетъ партію отъ попаданія въ нее нежелательныхъ элементовъ, тѣхъ элементовъ, которые могли бы двинуть ее по новому пути, или, что еще хуже, поколебать значеніе старыхъ руководителей. Въ видахъ устраненія этихъ опасностей отъ времени до времени декретируется пересмотръ партійныхъ списковъ съ цѣлью удаленія всѣхъ сомнительныхъ элементовъ. Эта „чистка" предполагаетъ постоянную подготовительную работу, производимую вожаками и ихъ довѣренными людьми. Это есть не что иное, какъ работа по связыванію неразрывными нитями судебъ отдѣльныхъ коммунистовъ съ судьбами партіи. Всякій вновь вошедшій ставится, по тому или иному поводу, въ условія, когда онъ долженъ недвусмысленно себя выявить или произнесеніемъ безвозвратныхъ словъ, или, что лучше, совершеніемъ навсегда клеймящихъ дѣлъ (напр.: участіемъ въ разстрѣлахъ, обыскахъ, конфискаціяхъ и т. д.), и при пересмотрѣ списковъ въ партіи оставляются лишь тѣ, кто рѣшился на эти непоправимые шаги; тѣ же, кто поколебался или постарался ускользнуть, безпощадно исключаются. Такимъ образомъ, партія является прежде всего сообществомъ людей, связанныхъ между собою сознаніемъ коллективной отвѣтственности за такія дѣянія, которыя при всякой перемѣнѣ режима не смогутъ остаться безнаказанными. Борьба за партію становится для каждаго коммуниста борьбой за себя. И въ борьбѣ за себя, знаетъ коммунистъ, ему можетъ помочь только партія, ибо вступленіе въ партію, въ силу всеобщей къ ней ненависти, обыкновенно разрываетъ всѣ прежнія соціальныя связи. Все это въ совокупности, конечно, въ высокой степени повышаетъ партійную солидарность.

Въ еще большей степени служитъ на пользу партійной спайки та строгая централизація и дисциплина, которыя привились въ ней со временъ подполья. Можно сказать, что только партійная централизація скрѣпляетъ во едино ту разрозненную храмину, каковую представило бы собой совѣт-

ское государство, конституція котораго не провозглашаетъ принципа перевѣса центра надъ мѣстами.

Формальная организація партіи совершенно параллельна совѣтской схемѣ, съ тѣмъ отличіемъ, что низшей ячейкой является „коммунистическій коллективъ“ даннаго учрежденія или предпріятія. Но въ отличіе отъ близкой къ вѣчному сну атрофіи совѣтовъ, въ партійныхъ единицахъ снизу доверху царитъ оживленная дѣятельность. Снизу вверхъ текутъ донесенія, а сверху внизъ стремятся директивы, и эти директивы, въ силу той партійной дисциплины, о которой сейчасъ будетъ рѣчь, приводятъ въ движеніе отдѣльныя ячейки партійнаго аппарата, а, въ виду личной уніи между партійными и государственными органами, и государственный механизмъ.

Что касается дисциплины, то эта послѣдняя связываетъ коммунистовъ по рукамъ и по ногамъ. На нихъ возлагается бремя посѣщенія довольно частыхъ партійныхъ собраній, на которыхъ излагаются и, такъ сказать, вдалбливаются директивы, пришедшія отъ партійныхъ верховъ. Для коммуниста недопустимъ отказъ отъ избраній или назначеній — онъ долженъ браться за всякое дѣло, на которое онъ будетъ признанъ годнымъ товарищами по партіи. Каждый коммунистъ, какъ таковой, долженъ нести обязанности шпіона: онъ долженъ прислушиваться къ тому, что вокругъ него говорится и въ подлежащихъ случаяхъ доносить объ этомъ правительственнымъ или партійнымъ органамъ. Наконецъ, коммунистъ подвергается постояннымъ партійнымъ мобилизаціямъ: чуть начнется нажимъ на внѣшнемъ фронтѣ, или волненія на фабрикѣ, или положеніе какого либо вопроса (обыкновенно продовольственнаго или топливнаго) обострилось до крайности, какъ сверху приходитъ приказъ — направить туда-то столько-то партійныхъ работниковъ, иногда всѣхъ членовъ партіи даннаго возраста. И коммунисты идутъ на фронтъ, идутъ на пропаганду, идутъ на работу, идутъ часто на мѣсяцы, при томъ нерѣдко почти мгновенно (бывали случаи, когда за партійными работниками пріѣзжали на автомобилѣ). И никакая уже исполняемая, тѣмъ болѣе исполненная работа не гарантируетъ отъ того, чтобы не быть посланнымъ на новое, ставшее внезапно экстреннымъ, дѣло.

Принадлежность къ партіи налагаетъ обязанности и въ частной жизни. Тутъ наиболѣе характеренъ запретъ общенія съ церковью и вообще религіей, запретъ, вытекающій изъ матеріалистическаго міровоззрѣнія марксизма и лишній разъ подчеркивающій фактъ, что коммунизмъ есть нѣчто большее, чѣмъ политическое теченіе. Коммунистъ не имѣетъ права вѣнчаться и крестить дѣтей, тѣмъ болѣе подходить къ Св. Причастію. Нарушеніе этого запрета часто ведетъ за собою исключеніе изъ партіи. Въ качествѣ курьеза можно отмѣтить, что этимъ обстоятельствомъ пользуются иногда лица, жела-

ющія изъ нея выйти, ибо добровольный выходъ почти невозможенъ.

Характерно далѣе, что постояно провозглашается и нерѣдко на практикѣ проводится принципъ усиленной уголовной отвѣтственности коммуниста за преступленія, особенно по должности. Несомнѣнно, что принадлежность къ партіи часто позволяетъ прикрывать такія дѣла, за которыя безпартійный поплатился бы жестоко. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда партія признаетъ нужнымъ „убрать" своего члена, судъ оказывается очень строгимъ. Это имѣетъ мѣсто, если данное лицо „слишкомъ много знаетъ" и могло бы своими разсказами повредить партіи, или если положеніе таково, что безъ жертвы партія не могла бы сохранить лицо.

Но главное значеніе принадлежитъ, конечно, обязанности коммуниста въ служебной и политической дѣятельности строго слѣдовать партійнымъ директивамъ. Рѣшеніе, принятое партійнымъ органомъ, безусловно и безоговорочно обязательно для каждаго партійнаго дѣятеля. Рѣшеніе можетъ быть формально неправильнымъ, нарушающимъ нормы совѣтскаго права, но занимающій соотвѣтствующій постъ коммунистъ исполнитъ его, и можетъ исполнить, не боясь отвѣтственности. Онъ исполнитъ его даже, если по существу совершенно съ нимъ не согласенъ. И нѣтъ такого высокаго положенія, которое давало бы возможность бороться съ партійными директивами. Весной 1921 г. нѣкоторые народные комиссары обѣщали представителямъ московской профессуры свое содѣйствіе по вопросу сохраненія свободнаго ея объединенія; но политическое бюро партіи большинствомъ 3-хъ голосовъ противъ 2-хъ высказалось противъ; и тѣ же комиссары принуждены были голосовать противъ въ засѣданіи совнаркома. Вообще, партійное постановленіе немедленно пріостанавливаетъ всякое свободное усмотрѣніе. Партія сказала — партійный работникъ обязанъ замолчать и подчиниться.

Громадная внутренняя сплоченность, вытекающая изъ сознанія коллективной отвѣтственности, и строгая дисциплина объясняютъ въ значительной степени наружную мощь партіи. Къ этому еще нужно присоединить то обстоятельство, что партія, очень скоро послѣ октябрьскаго переворота, смогла провести въ свою пользу принципъ монополіи общественности. Коммунистическая партія есть единственная въ современной Россіи. Въ оффиціальной литературѣ она нерѣдко именуется просто „партіей". Это, конечно, не означаетъ, что въ Россіи царитъ политическое единомысліе; ибо, во всякомъ случаѣ, кромѣ большевиковъ существуетъ и антибольшевистскій лагерь. Но этотъ лагерь не въ состояніи выкристализоваться въ одну или нѣсколько партій. Власть не терпитъ иныхъ партій, кромѣ коммунистической, и пока достаточно сильна для того, чтобы фактически устранить всякое враждебное ей пар-

тійно-политическое образованіе. Понятно, что отсутствіе соперничающихъ организацій является еще новымъ, многозначительнымъ факторомъ господства коммунистической партіи.

Но этого мало. Сила коммунистической партіи въ значительной степени основана на томъ, что она въ массѣ своей состоитъ изъ людей, которые дѣйствительно цѣнятъ власть партіи и прилагаютъ всѣ усилія къ ея укрѣпленію и развитію. И достигнуто это тѣмъ, что участіе во властвованіи партіи превращено ея главарями прежде всего въ выгодное для членовъ ея дѣло.

Правда, вопреки распространенному мнѣнію, простая принадлежность къ партіи не даетъ не только власти, но даже, за малыми исключеніями, привилегированнаго участія въ благахъ земныхъ. Вновь вступившій въ партію какъ бы подвергается искусу. И только, когда онъ окончательно станетъ своимъ въ партійномъ кругу, онъ можетъ разсчитывать достигнуть положенія, которое быстро вознаградитъ его за перенесенныя невзгоды. Очень скоро выясняется, что значеніе его на службѣ много выше соотвѣтствующаго занимаемой имъ должности: та „неписанная субординація“, о которой Толстой говоритъ въ „Войнѣ и Мирѣ“, извѣстна и въ совѣтской Россіи. Уже теперь новый работникъ можетъ себѣ позволить многое въ частной жизни: приглянется ему, напримѣръ, какая нибудь квартира, и онъ свободно можетъ ее занять въ нарушеніе всѣхъ правилъ и пріобрѣтенныхъ правъ — зарекомендовавшаго себя партійнаго работника никто не посмѣетъ тронуть. Первой постоянной наградой ему является, обыкновенно, мѣсто какого нибудь мелкаго комиссара, на которомъ, при небольшомъ умѣніи можно жить припѣваючи. А если онъ здѣсь не зарвется (ибо мѣра нужна во всемъ, даже въ организованномъ грабежѣ), и проявитъ нѣкоторую иниціативу въ смыслѣ ущемленія ненавистной буржуазіи, привлеченія новыхъ силъ въ партію и т. п., то онъ можетъ разсчитывать на повышеніе и при томъ головокружительно-быстрое: карьера наполеоновскихъ маршаловъ ничто въ сравненіи съ карьерами, возносящими въ нѣсколько мѣсяцевъ какого нибудь рабочаго до положенія правителя обширной области, завѣдующаго цѣлой отраслью промышленности или ректора высшаго учебнаго заведенія. Существованіе выдвинувшагося партійнаго работника — mutatis mutandis — мало отличается отъ существованія прежнихъ сильныхъ міра сего, этихъ ненавистныхъ „помѣщиковъ и банкировъ“; а если и наблюдаются отличія, то только тѣ, коими всегда и вездѣ „нувориши“ отдѣляются отъ представителей родовой аристократіи или старой буржуазіи.

Мы видимъ теперь, какіе могучіе стимулы поддерживаютъ внутреннее сцѣпленіе партіи и даютъ ей возможность выступать во-внѣ въ качествѣ непреодолимой силы. Два самыхъ

интенсивныхъ мотива нашихъ поступковъ — корысть и страхъ — заставляютъ партійнаго работника слѣдовать исходящимъ изъ центра директивамъ, а хорошо налаженный аппаратъ все время поддерживаетъ тѣсный контактъ между партійнымъ мозгомъ и периферіей.

Какова-же истинная внутренняя структура той соціальной группы, которая именуется коммунистической партіей? Построена-ли она на началахъ демократіи, олигархіи или монархіи? По этому поводу нужно отмѣтить, что недавнее прошлое партіи еще сильно сквозитъ въ настоящемъ, и что въ организаціи партіи явно распознаются моменты конспиративности. Эта конспиративность выражается въ томъ, что свѣдѣнія о внутренней организаціи партіи, о сужденіяхъ ея руководителей, о столкновеніяхъ, имѣющихъ мѣсто между ними, держатся по возможности въ тайнѣ. Видимость говоритъ въ значительной мѣрѣ за олигархію: въ партіи пользуются рѣшающимъ значеніемъ нѣсколько человѣкъ изъ числа прежнихъ вождей, которые очень осмотрительно и постепенно приближаютъ къ себѣ вновь выдвинутыхъ партійныхъ дѣятелей.

Нѣтъ сомнѣнія, однако, что въ партіи силенъ и демократическій моментъ. Иначе и быть не можетъ, потому что отъ рядовыхъ членовъ требуется не только пассивное повиновеніе, но и активная работа на благо партіи во-внѣ ея, а таковая была бы психологически невозможна при проведеніи въ партіи принципа слѣпого повиновенія. Къ тому же надъ партіей нѣтъ такой силы, которая могла бы вынудить подчиненіе внутри ея самой. Конечно, и въ партіи имѣетъ значеніе принципъ beati possidentes; конечно, тотъ, кто разъ сталъ во главѣ партіи, имѣетъ огромное преимущество сравнительно съ новыми аспирантами на его мѣсто. Но лидерамъ свое значеніе приходится поддерживать и при томъ нерѣдко посредствомъ огромной затраты силъ. Къ партійнымъ конференціямъ серьезно готовятся, и къ рѣчамъ и голосованіямъ на нихъ прислушиваются съ замираніемъ сердца. Здѣсь, и только здѣсь, формулируется та воля, которая во-внѣ проступаетъ, какъ современная русская власть.

Составъ партіи, какъ мы знаемъ, въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ руководителей, которымъ принадлежитъ рѣшающее слово по вопросамъ принятія или исключенія. Но партійная масса не есть совокупность пѣшекъ въ рукахъ руководителей; эти послѣдніе выдвигаются, поддерживаются и низвергаются именно самой партіей; партіей, какъ цѣлымъ, устанавливаются директивы для дѣятельности ея членовъ, что, вслѣдствіе своеобразнаго соотношенія между партіей и государственнымъ аппаратомъ, сводится къ руководству жизнью государства.

Въ предѣлахъ партіи ведется острая борьба. Въ коммунистической партіи всегда было нѣсколько теченій. Одно бо-

лѣе спокойное, хотѣло сотрудничества съ техническимъ аппаратомъ буржуазнаго строя и допускало ради его пріобрѣтенія значительныя уступки и проволочки. Другое, болѣе прямолинейное, хотѣло смести все и строить новое зданіе на tabula rasa. Въ партійныхъ верхахъ всегда преобладало первое, въ низахъ — второе направленіе; послѣднее до сихъ поръ не можетъ одолѣть, такъ какъ его сторонники по большой части люди мало уравновѣшенные и далекіе отъ тѣхъ тонкихъ пріемовъ, которыми дается побѣда въ политической борьбѣ.

Но во всякомъ случаѣ во внутрипартійной борьбѣ примѣняется не убѣжденіе силой, а сила убѣжденія, — конечно, со всѣми его варіантами, начиная отъ дѣловой аргументаціи и кончая демагогическими выпадами, личными инсинуаціями, оклеветаніемъ противниковъ и т. д. Возможно, что когда-либо произойдетъ разрывъ между теченіями; при всеобщей ненависти къ большевикамъ это будетъ началомъ конца для господства Р. К. П. Но это положеніе такъ ясно каждому, что до сихъ поръ главари обоихъ теченій прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы предотвратить расколъ, и идутъ на компромиссы. Этимъ объясняется въ значительной степени непослѣдовательность въ дѣятельности т. н. совѣтской власти, такъ, напр., перерывы политики „новаго курса“ актами, которые по духу лежатъ въ плоскости старыхъ пріемовъ.

Итакъ, во внутреннихъ отношеніяхъ коммунистическая партія есть демократія съ уклономъ въ сторону олигархіи. Что-же представляетъ она собою по отношенію ко внѣ ея стоящимъ группамъ? Ибо, что она не есть больше политическая партія, это положеніе можно считать очевиднымъ. Дѣйствительно, партія по самой своей идеѣ предполагаетъ соподчиненіе съ другими. Партія значитъ часть; это есть часть населенія, объединенная по опредѣленному признаку — однороднымъ политическимъ убѣжденіемъ. Коммунистическая же партія есть. единственная въ современной Россіи.

Другимъ моментомъ, отдѣляющимъ К. П. отъ чисто партійно-политическихъ организацій, является господствующая въ ней дисциплина. Дисциплина, конечно, возможна и желательна вездѣ. Но при условіи нормальной политической жизни, при наличности борящихся партій, эта дисциплина по необходимости бываетъ весьма слаба. Она въ концѣ концовъ сводится къ требованію не совершать поступковъ, приносящихъ вредъ партіи (какъ, напр., агитація или голосованіе за чужого кандидата); но даже на неисполненіе такой обязанности, какъ участіе въ голосованіи, политическія партіи смотрятъ сквозь пальцы: и то хорошо, думаютъ руководители, что оставшійся пассивнымъ членъ не сталъ добычею другой партіи и не усилилъ собой ея голосовъ. Всякое натягиваніе вождей вызвало бы или расколъ, или отколъ и переходъ въ другую партію многочисленной группы недовольныхъ. Не такъ, какъ мы зна-

емъ, стоитъ дѣло въ коммунистической партіи. Члены ея несутъ многочисленныя и при томъ глубоко вторгающіяся въ ихъ жизнь положительныя обязанности.

Въ третьихъ, всякая политическая партія стремится къ возможному расширенію и охотно открываетъ свои ряды желающимъ. Коммунистическая же партія представляетъ собой полузамкнутое общество.

Наконецъ, принадлежность къ политической партіи нормально не вступаетъ въ коллизію съ другими соціальными связями: вступившій въ партію остается членомъ своей семьи, своего дружескаго круга, своего вѣроисповѣднаго общества и т. д. Иначе стоитъ дѣло съ коммунистической партіей. Нѣкоторыя связи, какъ напр. религіозную, она обрываетъ даже формально. Другія связи рушатся сами собой, такъ какъ, въ силу всеобщей ненависти и презрѣнія къ коммунистамъ, со вступленіемъ въ партію расторгаются прежнія узы и при томъ безвозвратно: разъ вступившему въ партію обратная дорога закрыта.

Коммунистическая партія есть, такимъ образомъ, нѣчто гораздо большее, нежели партія. Она фактически стала новымъ привилегированнымъ сословіемъ. Такое обозначеніе лучше всѣхъ иныхъ раскрываетъ ея сущность. Извѣстный намъ затрудненный порядокъ вступленія вполнѣ отвѣчаетъ той замкнутости дворянства, которое имѣетъ мѣсто въ монархическомъ государствѣ, гдѣ существовали настоящія сословія. Тѣ преимущества, которыми пользуются коммунисты — привилегіи при замѣщеніи должностей, фактическій иммунитетъ отъ совѣтской формы обложенія (національзацій, конфискацій и реквизицій), матеріальныя выгоды — это обычныя привилегіи высшаго сословія. Вполнѣ понятны съ точки зрѣнія „noblesse oblige“ и тѣ тяготы, которыя лежатъ на коммунистахъ.

Такой переходъ одного соціальнаго образованія въ другое, въ данномъ случаѣ политической партіи въ привилегированное сословіе — не есть нѣчто исключительное, изъ ряду вонъ выходящее. Передъ нами типичный случай не рѣдкаго въ соціальной жизни явленія сохраненія организаціи и послѣ того, какъ цѣль ея достигнута или перестала быть цѣлью для кого бы то ни было. К. П. была партіей, такъ какъ ставила себѣ цѣлью осуществленіе опредѣленной политической программы и въ особенности достиженіе власти. Когда власть оказалась захваченной, а политическая программа неисполнимой, то организація не распалась, а сохранилась, но уже ради другой цѣли — а именно ради цѣли поддержанія, развитія и использованія пріобрѣтенной власти.

Процессъ перерожденія въ привилигированное сословіе могъ протечь сравнительно легко не только потому, что нахлынувшая въ партію въ болѣе позднѣе время масса не искала рѣшительно ничего, кромѣ выгоды, но и потому, что въ про-

граммѣ ея основоположниковъ съ самаго начала преобладалъ формальный моментъ надъ матеріальнымъ, способъ надъ цѣлью. Партійная программа состояла въ общемъ изъ двухъ положеній: 1) конечной цѣлью является соціалистическій строй (въ коммунистической разновидности); 2) этотъ строй долженъ быть введенъ въ ускоренномъ порядкѣ, посредствомъ захвата власти пролетаріатомъ и проведенія его диктатуры. Изъ обѣихъ частей программы большевики особенно выдвигали вторую. И ради осуществленія идеи непосредственнаго захвата власти они съ самаго начала готовы были на серьезныя уступки въ области основной программы. Наиболѣе разительнымъ примѣромъ является ихъ политика по аграрному вопросу. Въ условіяхъ русской дореволюціонной дѣйствительности этотъ вопросъ занималъ центральное мѣсто во всякой политической программѣ. Большевики были вѣтвью соціалъ-демократіи; они стояли на платформѣ марксизма и притомъ придерживались строгой ортодоксальности. Для аграрной программы это создавало необходимость выставленія приципа крупнаго производства. Какъ извѣстно, р. с.-д. п. проектировала такъ наз. муниципализацію помѣщичьихъ и государственныхъ земель и, очевидно, имѣла въ виду сохраненіе имѣній въ качествѣ эксплоатаціонныхъ единицъ, обрабатываемыхъ подъ эгидой крупныхъ органовъ самоуправленія. Этотъ пунктъ соціалъ-демократической программы былъ причиной весьма слабаго проникновенія партіи въ деревенскія массы. Программа соціалистовъ-революціонеровъ, въ которой можно было при желаніи вычитать черный передѣлъ, была этимъ массамъ гораздо ближе. Отсюда головокружительный успѣхъ партіи на первыхъ порахъ революціи. И вотъ произошло явленіе, глубоко поразившее русскую интеллигенцію: на съѣздѣ крестьянскихъ депутатовъ, имѣвшемъ мѣсто въ Петроградѣ весной 1917 года, признанный глава большевиковъ Ленинъ публично отрекся отъ аграрной программы партіи и присоединился къ программѣ с-р. Всѣ тогда смѣялись надъ лидеромъ, который можетъ проявлять соглашательство по вопросу такой важности. Но Ленинъ тоже смѣялся. И онъ былъ правъ. Принятіе большевиками аграрной программы соперниковъ выбило главный козырь изъ рукъ эсъ-эровъ. По остальнымъ вопросамъ большевики давали больше, и массы потянулись къ нимъ. Тактическій успѣхъ былъ достигнутъ отреченіемъ отъ одного изъ центральныхъ пунктовъ партійной программы. Но большевики ни на секунду не призадумались купить власть этой цѣной.

Эта удивительная „гибкость“ политическихъ убѣжденій составила ту почву, на которой сталъ возможенъ процессъ перерожденія партійнаго аппарата, превращенія его въ механизмъ властвованія. Эта гибкость позволяетъ партіи сохранять власть и послѣ того, какъ вся партійная программа отъ A до Z съ невѣроятнымъ трескомъ провалилась на опытѣ.

Три съ лишкомъ года длилось соціалистическое строительство. Всѣ личныя и матеріальныя средства расточались безъ счета и сожалѣнія для того, чтобы возможно скорѣе перекроить Россію на соціалистическій ладъ. Кронштадское возстаніе и рядъ грозныхъ крестьянскихъ волненій на Югѣ и Востокѣ Россіи показали, какъ въ дѣйствительности относятся массы къ коммунистическимъ идеаламъ. Какъ ни силенъ сдавливающій аппаратъ, ежедневнаго повсемѣстнаго натиска онъ не выдержитъ — это ясно всякому стоящему у власти. И власть имущіе въ Россіи поняли, что сохранить власть можно только, ослабивъ натискъ, а ослабить натискъ можно, только отказавшись отъ программы. И вотъ весной минувшаго года провозглашается „новый курсъ," сущность котораго сводится къ возрожденію капитализма при условіи неприкосновенности совѣтскаго строя. Партійная программа переворачивается на изнанку; для приличія, конечно, произносятся фразы о временномъ отступленіи, о передышкѣ и т. д. Процессъ перерожденія оказывается завершеннымъ: организація, которая сложилась ради осуществленія коммунистическаго строя, стремится теперь вернуть къ жизни его злѣйшаго врага — капитализмъ. Вскрывается единственная истинная цѣль бытія и дѣятельности власти — сохраненіе ея за тѣми, кому она принадлежитъ. Партійно-политическая организація оказывается переродившейся въ полузамкнутое сообщество, имѣющее цѣлью эксплоатацію страны въ формѣ осуществленія въ ней функцій власти.

И если вспомнить, изъ кого сложилось это сообщество, если вспомнить, что р. к. п. составили тѣ элементы, которые образовали нижній этажъ политическаго подполья, тѣ элементы, которые населяли собою тюрьмы и притомъ не столько за политическія, сколько за уголовныя преступленія, тѣ элементы, которые терроризировали населеніе окраинъ большихъ городовъ и безчинствовали по деревнямъ, разбавленные достойными товарищами, отщепившимися отъ другихъ общественныхъ группъ, то станетъ явной вся тяжесть русской болѣзни. Худшаго, нежели стать объектомъ безжалостной, ни съ чѣмъ не считающейся эксплоатаціи собственныхъ подонковъ, съ народомъ произойти не можетъ. И это самое ужасное стало дѣйствительностью въ жизни нашего богато одареннаго, способнаго къ великому подвигу и высокому творчеству, но лишеннаго государственнаго инстинкта и погрязшаго — не по своей винѣ — въ глубокомъ невѣжествѣ народа.

Н. С. Тимашевъ.

Баденъ-Баденъ, февраль 1922 г.

Тихій свѣтъ.

Вершины актерскаго художества.*)

I.

Не такъ давно и, по случайности, на площади Софійскаго народнаго театра, русскій писатель А. М. Ѳедоровъ говорилъ: „Театръ грубъ. Онъ разрушаетъ „золотой туманъ“, то неопредѣлимое, что возникаетъ при чтеніи произведеній слова. И, потому что театръ все договариваетъ, все показываетъ въ преувеличенныхъ формахъ, онъ огрубляетъ вкусъ, и толпа начинаетъ требовать и отъ литературы театральной выразительности“.

Въ томъ, что говорилъ писатель А. М. Ѳедоровъ, ново опредѣленіе: „золотой туманъ“. Самое же негодованіе противъ театра у лирическаго поэта, повѣствователя и драматурга лирическихъ формъ, въ сердцѣ человѣка русской келейной интимной культуры, нынѣ затопляемой демократическимъ моремъ, не ново. Еще въ девяностыхъ годахъ прошлаго вѣка Чеховъ писалъ Щеглову: „Современный театръ, это — сыпь, дурная болѣзнь городовъ. Онъ не только не выше толпы, а жизнь толпы выше и умнѣе театра“. Если бы Богъ судилъ Чехову дожить до нашихъ дней, онъ увидалъ бы, какъ въ бывшей Россіи, больной, кромѣ всего иного, еще и дурною болѣзнью театральнаго театра, развѣваются послѣдніе остатки „золотого тумана“ въ душахъ у людей.

Зимой 1913 года русскій литературный критикъ Айхенвальдъ выступилъ со статьею „Отрицаніе театра“, напечатанной въ газетѣ „Рѣчь“. Поводы къ отрицанію театра были у него тѣ-же, что у Чехова и у Ѳедорова: театръ грубъ, матеріаленъ, обнажаетъ и принижаетъ все, къ чему прикасается. Айхенвальдъ отвергалъ театръ во имя того, что читатель получаетъ отъ произведенія художественнаго слова, представляемаго на театрѣ, у себя въ комнатѣ, „при свѣтѣ своей лампы“, т. е. во имя того-же „золотого тумана“. Онъ утверждалъ, что искусство актера не есть искусство; онъ доказывалъ, что театръ питается, какъ паразитъ, другими искусствами (искусствами слова, живописи, музыки), обезпложивая и огрубляя ихъ, вынимая изъ нихъ живую душу.

---

*) Публичная лекція, прочитанная въ залѣ Славянскаго Дружества и въ „Свободномъ театрѣ“, въ Софіи.

Насколько упоренъ, негибокъ, тяжекъ, вещенъ матеріалъ театральнаго искусства — темная плоть человѣческая — знаютъ всѣ подлинные театральные художники: актеры. Но они знаютъ также, что матеріалъ этотъ преодолимъ, что въ ихъ мучительномъ искусствѣ возможны минуты полнаго одухотворенія вещнаго матеріала: „касанія мірамъ инымъ"; театръ уничтожаетъ „золотой туманъ", возникающій при чтеніи произведеній художественнаго слова „при свѣтѣ своей лампы". Но театру доступно творить свое неуловимое и неопредѣлимое вокругъ произведенія художественнаго слова, представляемаго на театрѣ. Художества, которыя въ себѣ вмѣщаетъ театральное представленіе (рѣчь идетъ о драматическомъ театрѣ), — литература, живопись, музыка — должны умереть, чтобы зажить новою жизнью въ искусствѣ театра. „Если ячменное зерно, падши въ землю, не умретъ, то останется одно. А если умретъ, то принесетъ много плода".

Минуты полнаго одухотворенія вещнаго матеріала въ искусствѣ актера не только не всегда совпадаютъ съ наилучшими страницами художественнаго слова, на которыя актеръ опираетъ свое творчество, а наоборотъ: чѣмъ выше произведеніе художественнаго слова, упавшее въ театральную землю, тѣмъ творчеству актера труднѣе побороть его и умертвить, дабы пробиться черезъ него къ свѣту, какъ пробивается къ солнцу ростокъ изъ зерна. Съ другой стороны: издавна существующій особый родъ сценической литературы, по отношенію къ словесному художеству ничтожный, не почитаемый художествомъ (сценическая драматургія), бываетъ способенъ давать матеріалъ для значительнаго актерскаго творчества. Въ чемъ разгадка? Рядовыхъ актеровъ упрекаютъ въ низменности литературнаго вкуса. Но и такіе сценическіе художники, которыхъ никакъ невозможно въ этомъ упрекнуть, наряду съ образцами высокой литературы, опирались въ своемъ творчествѣ на вещи ничтожныя въ литературномъ отношеніи, и — нельзя сказать, что поднимали ихъ, а, умерщвляя, взращивали изъ ихъ зеренъ такіе плоды, о которыхъ и не грезили ихъ сочинители. Разгадка въ томъ, что произведеніе художественнаго слова и произведеніе это, представленное на театрѣ, не только различествуютъ, а суть два совершенно отдѣльныхъ самостоятельныхъ произведенія. Одно принадлежитъ литературѣ, и, чтобы воспринять его, его надо прочитать; другое создано на театрѣ и живетъ до тѣхъ поръ, пока представляется.

Средство поэзіи въ широкомъ смыслѣ, то есть литературы, заключено въ словѣ. Средство актерскаго художества двулико и заключено въ глазахъ, способныхъ потухать и загораться, выражать и вызывать многообразные оттѣнки чувствъ, и въ многообразіи окрасокъ человѣческаго голоса, способныхъ передавать и вызывать многообразные мельчайшіе оттѣнки душевныхъ движеній. Мимика, жестъ, движеніе и

поза (остановка движенія) суть производныя отъ этого основного двуликаго средства актера; отъ него исходятъ и имъ управляются. Это значитъ: мимическія маски на лицѣ актера смѣняются сами собою, когда мѣняются глаза. Интонація вызываетъ жестъ, управляетъ движеніемъ; молчаніе, наполненное душевнымъ движеніемъ (пауза), дабы перейти въ позу, должно выразиться въ глазахъ актера, хотя бы даже невидныхъ зрителю (когда актеръ стоитъ спиною къ публикѣ). Въ средствахъ искусства актера нѣтъ слова въ томъ смыслѣ, въ какомъ слово составляетъ единое средство поэзіи.

Актеры сами собою произносятъ на сценѣ слова, смыслъ которыхъ, вмѣстѣ со звукомъ, доходитъ до зрителя. Но смыслъ словъ въ искусствѣ актера не составляетъ творчества и, при воспоминаніи о прекрасныхъ сценическихъ изображеніяхъ, смыслъ словъ приходитъ послѣднимъ. Съ другой стороны: игра актеровъ на незнакомомъ языкѣ способна доходить и, чѣмъ игра выше, тѣмъ понятнѣе зрителю. Для человѣка, желающаго развить въ себѣ чувство художества сценическаго и постигнуть его существо, нѣтъ лучше средства, какъ смотрѣть игру хорошихъ актеровъ на незнакомомъ языкѣ. Онъ достигнетъ того, что научится понимать до мельчайшихъ оттѣнковъ чувства, творимыя этими актерами на сценѣ. Онъ разучится вслушиваться въ слова, произносимыя актерами на родномъ ему или извѣстномъ ему языкѣ, и научится слушать оттѣнки человѣческаго голоса, способныя открывать и рисовать сокровенное въ движеніяхъ человѣческой души. Само собою, вмѣстѣ съ движеніями, какъ родныхъ, такъ и иноязычныхъ актеровъ, будутъ ему разсказывать о чувствахъ, творимыхъ актерами на сценѣ, ихъ глаза и помогать воспріятію средства актерскаго художества, исходящія отъ основныхъ: мимика, жестъ, поза, движеніе. Но звукъ, интонація это — то, безъ чего нѣтъ искусства драматическаго. Слѣпому открыто искусство актера. Одна полуслѣпая старушка изъ Харькова продиктовала своей дочери рядъ писемъ ко мнѣ о театрѣ, въ которыхъ разсказывала о томъ, какую радость она испытываетъ отъ того, что отъ нея за слѣпотою не сокрылось искусство сценическое, а, напротивъ, открылось съ до того невѣдомою полнотой. „Я научилась слушать молчаніе“, пишетъ она между прочимъ въ одномъ письмѣ. Глухой же видитъ на драматической сценѣ „мимодраму“, фальшивѣйшій родъ театральнаго представленія. Основа искусства театра есть звукъ.

То, что въ средствахъ искусства актера нѣтъ слова въ томъ значеніи, въ какомъ слово составляетъ средство поэзіи, породило много недоразумѣній, несправедливыхъ нападокъ на театръ и принесло много разочарованій художникамъ слова, а иныхъ заставило возненавидѣть театръ. Авторъ драматическій, въ особенности, неискушенный въ театрѣ, съ тре-

вогой видитъ, какъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, пока идутъ репетиціи, онъ перестаетъ узнавать свое произведеніе. Страннымъ образомъ тѣ слова, которыя онъ любилъ у себя, считалъ удавшимися, которыя всегда волновали его въ чтеніи, со сцены звучатъ пусто и ненужно, и ему хочется ихъ вычеркнуть. Съ другой стороны, сцены, которыя онъ считалъ мелкими, второстепенными, исполнились на театрѣ неожиданнымъ содержаніемъ, и онъ смотритъ ихъ съ волненіемъ, чувствуя, какъ это хорошо. Когда онъ дома беретъ въ руки свою пьесу и перечитываетъ (авторъ перестаетъ со сцены узнавать свои слова), онъ убѣждается, что въ этихъ сценахъ съ подмостковъ произносится слово въ слово то, что у него написано, а играется то, чего онъ не писалъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше начинаютъ разрушаться ткани его произведенія, отмирать, разваливаться, и изъ подъ нихъ пробиваться новое художество, рождаемое театромъ. Авторъ ненавидитъ это новое художество, потому что оно, дабы родиться, должно было убить его созданіе. Часто случается такъ, что произведеніе художественнаго слова, пройдя черезъ театръ, лежитъ распластанное, омертвѣлое, — никакого новаго художества не проростаетъ. Тогда авторы хватаются за голову и бѣгутъ отъ театра, какъ отъ чумы. Рѣдко совершается (но пусть бы свершилось одинъ только разъ — и театръ оправданъ), что высокое произведеніе художественнаго слова порождаетъ на театрѣ новое, не уступающее ему по высотѣ, произведеніе искусства театральнаго. Таковы, между прочимъ, драмы Чехова на сценѣ Московскаго Художественнаго Театра: въ особенности „Чайка“ и „Три сестры“.

Теперь, перечитывая пьесу Чехова, кажется, что театръ просто игралъ то, что написано. На самомъ дѣлѣ это было не такъ просто. Послѣ провала „Чайки“ въ Петербургѣ, въ Александринскомъ театрѣ *), Чеховъ боялся театра панически.

---

*) Событіе это — театральный скандалъ на представленіи Чеховской „Чайки“ —, пріобрѣтшее потомъ большое значеніе въ исторіи русскаго театра, но тогда немногими, въ ихъ числѣ впереди всѣхъ Ал. С. Суворинымъ, правильно оцѣненное (онъ писалъ, что пьеса съ признаками геніальности, но что театръ не доросъ до пьесы), случилось осенью 1896 года. Манера письма въ „Чайкѣ“ та же, какою Чеховъ до того за три года, написалъ первый актъ „Иванова“, благополучно разыграннаго на театрѣ у Корша въ Москвѣ и въ томъ-же Петербургскомъ Александринскомъ театрѣ для бенефиса Давыдова.

Это — манера, при которой будничные образы, истончаясь, просвѣчиваютъ; такъ, что за ними пріоткрывается горній міръ, и музыка горняго міра вплетается въ діалоги о самыхъ будничныхъ вещахъ въ мірѣ дольнемъ. Въ „Чайкѣ“ ощущается, какъ за болью о томъ, что убиваетъ „Чайку“, пробивается радость: „тайна земная соприкасается съ тайной небесной“. „Ивановъ“ выдержалъ театръ потому, что, кромѣ перваго, три послѣдніе акта „Иванова“ написаны въ обычной для того времени плотной манерѣ. „Чайка“—вся сквозная, и со стороны письма смѣлѣе перваго акта „Иванова“.

Роли въ „Чайкѣ“ на Петербургскомъ представленіи занимали прекрасные актеры, и роли эти были вполнѣ въ ихъ сценическихъ средствахъ въ

Зиму 1898—99 года Чеховъ жилъ больной въ Ялтѣ, когда на сценѣ Московскаго Художественнаго Театра должны были быть разыграны „Дядя Ваня“ и „Чайка“. Къ представленію „Дяди Вани“ Чеховъ относился болѣе или менѣе равнодушно, но „Чайку“ онъ не хотѣлъ больше подвергать театральному испытанію, и Вл. И. Немировичу-Данченко стоило великаго труда уговорить его. Между тѣмъ дѣло съ „Чайкой“ шло плохо. Актеры не находили „тона“ — звука для этой пьесы. Станиславскій (разсказываю со словъ Мейерхольда, игравшаго Треплева) игралъ Григорина и, участвуя въ постановкѣ пьесы, говорилъ, что не понимаетъ, какъ играть „Чайку“: шелъ ощупью, отчаиваясь, что въ темнотѣ блеснетъ свѣтъ. Если-бы не выдержка Немировича-Данченко, также въ душѣ смущеннаго, но знающаго, что въ театрѣ упорство иногда, — но не всегда, конечно, — бываетъ вознаграждено, „Чайку“ бросили бы репетировать. Отъ муки и усталости у актеровъ къ послѣднимъ репетиціямъ сталъ угасать, приглушаться слишкомъ опредѣленный краснощекій характеръ звука, который былъ взятъ сначала. Пьеса отъ этого упала, потухла, погрузилась въ сумерки; ея образы поблѣднѣли: ихъ стало едва возможно разсмотрѣть.

Но тутъ то и блеснулъ свѣтъ. Осторожно поднимая пьесу, укрѣпляя звукъ, — не болѣе, чѣмъ до того, чтобы расплывшіеся образы получили очертанія, — „Чайку“ нашли на театрѣ. Достиженіе это было однако столь хрупко, что могло разрушиться каждую минуту. Нужно было сыграть пьесу, чтобы закрѣпить ее, и чѣмъ возможно обезопасить первый спектакль

томъ, что касалось „земли“. Съ этой стороны нельзя было и отыскать въ русскомъ театрѣ лучшей Аркадиной, чѣмъ М. Г. Савина, лучшаго Сорина, нежели Вл. Н. Давыдовъ, а Нину Зарѣчную играла В. Ѳ. Комиссаржевская, которой земная Нина необычайно подходила и которой было открыто и „небо“. И со всѣмъ тѣмъ пьеса рухнула подъ несмолкаемый хохотъ публики. По несчастной странной случайности, она, ко всему прочему, была поставлена для бенефиса Левкѣевой, отличной бытовой актрисы, любимицы гостинодворской прикащичьей публики, наполнившей залъ, а ставилъ пьесу Е. П. Карповъ, режиссеръ съ благороднымъ вкусомъ и самъ литераторъ, но мало чуткій къ міру горнему. Но и при всѣхъ иныхъ условіяхъ пьеса не могла бы пройти на сценѣ Александринскаго театра: въ немъ для нея тогда не хватало воздуха.

Чеховъ прятался въ темныхъ кулисахъ, слушая, какъ надрывался отъ хохота залъ, мѣшая актерамъ играть, былъ „тихій и странный“, разсказывала Комиссаржевская. „Пришелъ ко мнѣ въ уборную, долго смотрѣлъ на меня, сказалъ: какіе у Васъ — глаза! — и вышелъ“. Глаза у Комиссаржевской были дѣйствительно необычайны: другихъ такихъ глазъ не было. Изъ театра Чеховъ скрылся незамѣченнымъ и не вернулся ночевать къ Суворину, у котораго въ тотъ періодъ всегда останавливался, когда пріѣзжалъ въ Петербургъ. Суворинъ обожалъ Чехова, до конца дней своихъ показывалъ диванъ въ своей библіотекѣ и говорилъ: „Здѣсь спалъ Антонъ Павловичъ“.

Проплутавши по городу эту самую страшную ночь въ своей жизни Чеховъ съ первымъ утреннимъ поѣздомъ уѣхалъ въ Москву.

отъ того, чтобы его не сдунула зрительная зала. При томъ напряженіи, въ какомъ были актеры, малѣйшее невниманіе, случайный шумъ, малѣйшій неумѣстный смѣхъ могли все погубить. Вл. И. Немировичъ-Данченко рѣшился, ограждая спектакль и больного Чехова отъ случайностей, распространить билеты на первое представленіе „Чайки“ среди почитателей Антона Павловича. Только немногое количество билетовъ поступило въ кассу.

Это былъ незабываемый спектакль. За кулисами была такая тишина, какой должно быть никогда не бывало въ театрѣ. Никто не говорилъ ни слова; всѣ машинально одѣвались, гримировались и сидѣли неподвижно, ожидая выхода, какъ ожидаютъ казни. Передъ выходомъ актеры крестились. Первый звукъ — важный, часто рѣшающій на театрѣ — прозвучалъ тускло: пьеса готова была сразу покатиться подъ гору и еле удержалась. Монологъ Зарѣчной со сцены надъ озеромъ (Нину играла Роксанова), надъ которымъ за два года передъ тѣмъ Александринская зала стала впервые смѣяться, послѣ чего прорвалась и до конца представленія надрывалась отъ хохота, — былъ принятъ въ полной тишинѣ. Еще было невѣдомо, что въ себѣ таила эта тишина, но первое испытаніе было пройдено. Это разсѣяло тягость, нависшую надъ представленіемъ, и оно стало крѣпнуть. Лица у актеровъ стали свѣтлѣть. Вторая половина акта — послѣ сцены на театрѣ — прошла твердо.

Когда послѣ перваго акта задвинулся занавѣсъ, то зрители при мертвой тишинѣ на сценѣ и въ залѣ, долго оставались неподвижными. Потомъ, точно по знаку, зала сверху до низу стала бурно апплодировать. Обнаружился рѣдкій успѣхъ. До конца спектакля успѣхъ былъ полный, непрерывный. Актеры плакали отъ радости за сценой и цѣловали другъ друга. „Точно было Свѣтлое Воскресеніе“, вспоминалъ Вл. И. Немировичъ-Данченко.

„Ваша телеграмма сдѣлала меня здоровымъ и счастливымъ“, отвѣчалъ Чеховъ на телеграмму, которую послалъ ему театръ послѣ представленія. Этой телеграммы Чеховъ ждалъ и лежалъ не раздѣваясь, ожидая, когда придетъ телеграфистъ. Второе представленіе „Чайки“ прошло уже крѣпко. Такъ продолжалось весь сезонъ.

Лѣтомъ, когда Чеховъ пріѣхалъ въ Москву, театръ показалъ ему „Чайку“. Въ театрѣ „Эрмитажъ“, въ которомъ Московскій Художественный театръ игралъ въ первые годы, лѣтомъ шла оперетка, и представленіе „Чайки“ для Чехова было въ театрѣ „Парадизъ“ на Никитской. Въ полномъ составѣ: съ декораціями, костюмами, обстановкой и бутафоріей до послѣдныхъ мелочей. Начался первый актъ; ко времени сцены надъ озеромъ Аркадина, Дорнъ, Шамраевъ, Медвѣденко, Маша усаживались на зеленую скамейку, поставленную на первомъ планѣ, — всѣ спинами къ зрителямъ, — чтобы смотрѣть, какъ будетъ играть Нина. Для того времени было не-

привычно сидѣть актерамъ спинами къ зрителямъ, и это видимо раздражило Чехова. Онъ прослѣдилъ всю пьесу, хвалилъ, но было очевидно, что онъ смущенъ и опечаленъ. И смущеніе и печаль его происходили отъ того, что Чеховъ увидѣлъ на сценѣ новое твореніе черезъ пьесу, которую написалъ. Онъ оцѣнилъ его и принялъ это новое художество, рожденное театромъ, но погрустилъ о своемъ.

Въ слѣдующую зиму Чеховъ написалъ для Художественнаго театра пьесу „Три сестры". Пока пьеса репетировалась, Чеховъ не переставалъ дѣлать въ ней измѣненія и присылать изъ Ялты выпуски и вставки въ текстъ. Такъ, между прочимъ, онъ опустилъ прекрасный монологъ Андрея о томъ, что такое жена: прислалъ его въ театръ зачеркнутымъ, вмѣсто чего было надписано: „жена есть жена". По совѣту Немировича-Данченко, потому что театру требовались въ третьемъ актѣ болѣе вещныя средства, нежели у литературы, для созданія воздуха тревоги въ домѣ у сестеръ, Чеховъ переписалъ этотъ актъ на фонѣ ночного пожара въ провинціальномъ городѣ. Пиша „Трехъ сестеръ", Чеховъ сотрудничалъ съ театромъ. То-же онъ дѣлалъ, когда, вслѣдъ за этой пьесой, писалъ „Вишневый садъ". Пиша центральную фигуру, онъ видѣлъ за нею актрису, тогда жену свою О. Л. Книпперъ, и Ѳирса онъ написалъ для Артема.

Сотрудничая съ театромъ, Чеховъ оставался тончайшимъ художникомъ слова. Его образы просвѣчиваютъ; за ними вездѣ видно русское небо. „Весь, весь бѣлый, — чистота наша!" Пьесы Чехова на сценѣ Художественнаго театра такъ-же прозрачны, такія же бѣлыя и чистыя, и „Золотой туманъ", — невѣдомо откуда притекающая сладкая печаль, неуловимое вѣяніе нездѣшняго міра, — пронизываютъ ихъ. Но на театрѣ все это свое, отличное и созданное средствами театра. Въ представленіи „Чайки" Художественный театръ показалъ Чехову твореніе интимно близкаго къ нему, Чехову, художника, но иного искусства, нежели онъ, иныхъ средствъ и иного предѣла возможностей. Чеховъ полюбилъ этого художника, а, полюбивши, почувствовалъ тайны его искусства. Бросая въ его землю зерна, — свои высокія созданія, онъ, нигдѣ не поступаясь своимъ искусствомъ, что̀ было бы и невозможно для истиннаго художника слова, сталъ обрабатывать ихъ такъ, чтобы въ искусствѣ театра они давали полный зрѣлый плодъ. „Художественный театръ" сдѣлался и остался до конца театромъ Чехова, и схематическое изображеніе „Чайки", бѣлой птицы, прилетѣвшей въ его колыбель, — на его занавѣси, программахъ, афишахъ, билетахъ, почтовой бумагѣ, — сопровождало его во всю его жизнь.

Сліяніе театра и литературы, то есть претвореніе безъ остатка въ театрѣ литературныхъ образовъ, есть идеалъ

театра, но онъ крайне рѣдко достижимъ, — не по винѣ актера. Нельзя играть всего прекраснаго, что написано въ драматической формѣ, и даже можно сказать, что изъ этого рѣдко, что можно играть. Предѣлы театра очень трудно раздвигаемы; театръ — тяжелое, упрямое искусство: въ немъ каждый новый шагъ стоитъ годовъ и мученій. И многое прекрасное въ художествѣ слова, будучи брошено въ театральную землю, лежитъ распластанное, омертвѣлое, и никакого новаго художества изъ него не произрастаетъ. Поэтому пребывалъ издавна и пребудетъ, пока будетъ жить театръ, особый родъ литературы, оживающій лишь на театрѣ, не почитаемый за художество слова и не являющій собою этого художества. Это сценическая драматургія.

О ней можно такъ сказать: она даетъ сценическія положенія, мотивы, вѣхи, побужденія для творчества актера. Приводитъ влюбленныхъ другъ къ другу; создаетъ побужденія для выраженія печали, радости, страсти, нѣжности, гнѣва; указываетъ на образы, на характеры, но не пишетъ ихъ, а оставляетъ создавать актеру. Она записываетъ слова, и слова эти произносятъ со сцены актеры. Но, потому что средство актеровъ не въ словѣ (въ томъ значеніи, какое слово имѣетъ въ словесномъ художествѣ), зрители, слушая, не слушаютъ этихъ словъ такъ, какъ ихъ слушаютъ читатели, а слушаютъ впереди словъ интонаціи, окраски человѣческаго голоса; безсловесный языкъ чувствъ, творимый актеромъ. Въ словесномъ художествѣ слова живописуютъ: сами вмѣщаютъ въ себѣ краски, то есть интонаціи, — и кромѣ сего содержатъ неизвѣстно откуда притекающую мелодію души творящаго художника, ею же и порождается „золотой туманъ". „Стиль это — человѣкъ", говорятъ французы по отношенію не къ одному только художественному слову. Въ сценической драматургіи слова не звучатъ безъ актера. Трудно повѣрить, если не знать, въ какой степени изъ ничтожныхъ банальныхъ словъ способны актеры выращивать подлинное художество. Для того, чтобы знать это, надо читать образцы сценической драматургіи, со сцены волнующіе не однихъ только грубыхъ людей. Но, кромѣ актеровъ и театральныхъ работниковъ, никто не читаетъ этихъ образцовъ, въ Россіи они даже не всегда печатались, а издавались въ литографированномъ видѣ.

Они не то, что созданы для того, чтобы умеретъ въ искусствѣ актера, они не живутъ безъ театра. Въ нихъ театру нечего преодолѣвать. Для того, чтобы выростить новое художество изъ произведенія художественнаго слова, упавшаго въ театральную землю, театру надо, когда брошенное въ его землю зерно станетъ умирать и распадаться, вобрать въ себя его соки, то, что даетъ ему жизнь, и претворить ихъ въ новое художество. Краски, т. е. интонаціи, заключенныя въ художественномъ словѣ, мелодію души творящаго художника,

заключенную въ словѣ, образы, живописуемые художественнымъ словомъ. Сценическая драматургія ничего этого не содержитъ, а содержитъ сценическія положенія, многократно провѣренныя на театрѣ, напримѣръ: мужъ застаетъ жену свою съ любовникомъ (кто то изъ французовъ даже подсчиталъ число сценическихъ положеній, и оно вышло весьма ограниченнымъ), среду и обстановку дѣйствія, которыхъ авторъ не пишетъ, а на которыя онъ только указываетъ, предоставляя создавать ихъ театру, и роли, то есть персонажи сценическаго дѣйствія, издревле утвердившіяся на театрѣ. Героиня: печальная наивная дѣвушка; веселая наивная дѣвушка; важная дама; смѣшная старуха; кокетка; любовникъ-герой (арлекинъ); любовникъ пассивный, страдающій и мужъ (Пьеро); любовникъ-фатъ, благородный отецъ; злодѣй; разсудительные мужи, веселый и печальный, привлекаемые къ объясненію дѣйствія. Образцы сценической драматургіи могутъ быть бытовые, гражданскіе, „Чеховскіе" (подражающіе внѣшней формѣ чеховскихъ пьесъ), неврастеническіе (ввели новый персонажъ и породили амплуа „актеровъ-неврастениковъ"), такъ называвшіеся „ницшеанскіе". Каковы бы они ни были, они могутъ избирать любые сюжеты, любую среду, но они остаются составленными изъ утвержденныхъ на театрѣ персонажей и подвигаемыми сценическими положеніями, провѣренными на театрѣ.

То же мы видимъ у истоковъ европейскаго театра: итальянской неписанной комедіи и французскаго театра, который преобразовалъ ее и создалъ ту классическую технику, на которой взросли и воспитались всѣ современныя европейскія сцены.

Французская сценическая техника, то есть французская школа актерской игры, есть техника притворства, и на высокихъ ступеняхъ своихъ очаровательнаго, и вплоть до самаго скромнаго ремесленничества исполненнаго вкуса на своей родинѣ. Огромная культура: традиціи, навыки, вѣками накопленное богатство отборныхъ сценическихъ формъ, — давно сдѣлали французскую сцену классической сценою. Европейскіе театры приняли французскую игру, и ни одинъ изъ нихъ не только не превзошелъ ее, но и не могъ равняться съ нею. Тяжеловатый, аккуратный, по-военному, какъ на парадѣ, выступающій нѣмецкій театръ („die erste Kolonne marschiert!", — „die zweite Kolonne marschiert!"), сухой и острый, чѣмъ-то спортсмэнскій, англійскій театръ и близкій къ нему шведскій, пластичный, звучный, солнечный итальянскій театръ, четкая, сочная, пьянящая, какъ старый медъ, польская комедія (отличный театръ, достойно воспринявшій французскую технику), душевный, увлекающійся, съ первыхъ дней своей жизни выбивающійся изъ оковъ школы русскій тертръ, — всѣ они получили бытіе свое отъ французскаго театра и приняли французскую сценическую технику. Русскій театръ къ концу

дней своихъ въ рѣдчайшихъ достиженіяхъ преодолѣлъ французскую игру и создалъ свою школу, технику русской игры. Но и здѣсь онъ не могъ отвергнуть окончательно французскую школу и долженъ былъ прибѣгать къ ней всякій разъ, когда въ представленіи готова была разорваться слишкомъ хрупкая ткань русской игры.

Сущность французской игры заключается въ томъ, что актеръ творитъ роль до спектакля, наединѣ съ собой, а на спектаклѣ показываетъ, представляетъ передъ публикой свое созданіе. На творчество роли актеръ затрачиваетъ творческое волненіе, видѣніе, догадку, отборъ, — словомъ всѣ элементы творчества; при представленіи роли актеръ долженъ быть холоденъ и внимательно спокоенъ. Все перечувствовано, теперь надо это показать. И въ томъ, какъ представиться взволнованнымъ, будучи спокойнымъ, заставить глаза блеснуть, потухнуть, затуманиться, когда надо, смѣяться и плакать, по произволу блѣднѣть и краснѣть (блѣднѣть и краснѣть по желанію на сценѣ умѣютъ немногіе, и отлично умѣла посредственная итальянская актриса Тина-ди-Лоренцо: неизвѣстнымъ мышечнымъ движеніемъ она заставляла кровь приливать къ лицу и отливать отъ лица), повторить передъ публикой ранѣе отобранныя окраски голоса, сверхсловесный языкъ чувствъ, — во всемъ этомъ французская школа достигла совершенства. Жестъ, исходящій въ творчествѣ наединѣ съ собой отъ интонаціи, при представленіи французской техникой запоминается актеромъ и точно повторяется, независимо отъ интонаціи, молчаніе не требуетъ, чтобы на сценѣ говорили глаза, если они не видны зрителю: поза, найденная въ творчествѣ, когда говорили глаза, запомнена. Вообще на сценѣ нѣтъ творчества, и идетъ напряженная, четкая, точная работа, для которой надо много самообладанія, ловкости, находчивости и знанія своего ремесла. На сценѣ актеръ французской школы не любитъ, не ревнуетъ, не страдаетъ, не радуется, а показываетъ публикѣ, какъ онъ любитъ, ревнуетъ, страдаетъ... Вотъ почему Сарра Бернаръ въ „Дамѣ съ камеліями“ смотритъ съ нѣжностью (нѣжность, разлитая по всей роли, передается ею несравненно) не на Армана, который для нея не существуетъ, а... въ публику. Поэтому Томазо Сальвини въ Отелло однажды, когда подошелъ къ занавѣскѣ, за которой спала Дездемона, то, стоя въ полуоборотъ и играя обращеннымъ къ публикѣ лицомъ, правую руку просунулъ за занавѣску и погрозилъ кулакомъ театральному рабочему, который опоздалъ помочь ему раздвинуть занавѣску (Сальвини нужно было, чтобы занавѣска раздвигалась легко безъ усилій, а она шла туго, и Сальвини поставилъ около нея театральнаго рабочаго). Поэтому Поссартъ въ одной плохой сентиментальной драмѣ, въ которой онъ, между прочимъ, игралъ въ свой послѣдній пріѣздъ въ Петербургъ (1913 г.), въ сценѣ, гдѣ онъ узнаетъ на фотогра-

фіи своего сына, отвернувшись отъ публики, какъ бы разсматриваетъ фотографію, а самъ приготовляется; когда же готовъ, — оборачивается и играетъ радостнымъ лицомъ. Если бы спросить Поссарта, какую фотографію онъ держалъ въ рукахъ, то онъ не сказалъ бы: онъ, смотря, не видалъ ея, поглощенный своею работой. Поэтому покойная Миронова, средняя русская актриса, но актриса въ совершенствѣ владѣвшая французскою техникой, что̀ было рѣдкостью на русской сценѣ, не могла разсказать, какое лицо, какой цвѣтъ глазъ у молодого актера, который недавно появился въ труппѣ и, замѣняя внезапно заболѣвшаго любовника, игралъ съ ней только-что сцены, исполненныя самой бурной страсти. Миронова расхохоталась и сказала: „Откуда я знаю? Я его не видала.“

Изъ залы кажется, когда актеръ достаточно владѣетъ французскою техникой, что играть ему очень легко. На самомъ дѣлѣ это та же призрачная легкость, съ какою жонглеръ ловитъ въ воздухѣ ножи или канатоходецъ ходитъ по канату. Необычайное физическое утомленіе чувствуетъ актеръ послѣ сыгранной роли. Она проистекаетъ не отъ затраченнаго „жара души“, котораго техника велитъ не затрачивать на сценѣ (если „жаръ души“ кое-гдѣ пробивается у актера на сценѣ, то его техника несовершенна; если же „жаръ“ прорывается и затопляетъ технику, то игра никуда не годится). Физическое утомленіе послѣ сыгранной роли у представляющаго актера проистекаетъ отъ напряженія, которое онъ затрачиваетъ на то, чтобы не дать пробиться черезъ технику „душѣ“. Въ роли все раньше взвѣшено, измѣрено, согласовано, приведено въ строй, возвышено до доступнаго данному актеру предѣла прекраснаго, — и жаръ, увлеченіе при представленіи роли на сценѣ, могутъ только испортить, и неминуемо испортятъ дѣло. Дурной театръ, все непереносимое въ театрѣ для болѣе или менѣе тонкаго художественнаго вкуса, проистекаютъ отъ „жара души“ не владѣющихъ техникой „вдохновенныхъ“ актеровъ.

Есть одна подробность, тайна ремесла, объясняющая, почему „жаръ души“, т. е. творческое волненіе, какъ полагаютъ зрители и сами „вдохновенные“ актеры, способенъ давать на сценѣ не прекрасное, а безобразное. То волненіе, которое „вдохновенный“ актеръ испытываетъ на сценѣ вовсе не творчество, и актеръ такой ошибается, когда онъ думаетъ, что, вопреки притворщику-французу, онъ не играетъ, а, какъ любили писать театральные рецензенты: „живетъ на сценѣ“. На самомъ дѣлѣ, онъ не „живетъ“, а прескверно играетъ. Если онъ, повергая на колѣни свою преступную возлюбленную вывихнетъ ей руку, а, убивая соперника, контузитъ его бутафорскимъ ножомъ (что бывало), — то онъ не скажетъ, какой взглядъ былъ у его возлюбленной, когда онъ повергалъ ее, какое лицо, какой цвѣтъ волосъ у его соперника. Онъ, смот-

ря, не видалъ ихъ. Если онъ актеръ лирическій (страдающій мужъ или любовникъ, Пьерро) и, предположимъ, играетъ сцену, въ которой онъ по роли тайно пробирается въ домъ женщины, безнадежно любимой, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на ея комнату, то здѣсь онъ способенъ заиграться до слезъ. Но онъ не способенъ, окончивши сцену, сказать, какая была эта комната, какія вещи въ ней стояли. Онъ ничего на сценѣ не видалъ.

Онъ управляется на сценѣ силою, которая полагается исходящею отъ свободнаго вдохновенія, называется „нутромъ", „темпераментомъ", „жизненностью" (въ расхожемъ театрѣ всѣ теоретическія и техническія понятія безнадежно перепутаны) и почитается за проявленіе художественнаго творчества. На самомъ дѣлѣ онъ такъ-же свободенъ, какъ человѣкъ не умѣющій плавать, брошенный въ воду. Его горячность, пожалуй, исходитъ отъ „нутра", если „нутромъ" считать утробное, физіологическое въ природѣ человѣка (актеры имѣютъ въ виду душу, когда говорятъ о „нутрѣ"). Она выражается то въ гремящемъ, то въ сладкомъ, то въ трепетномъ голосѣ, нисходящемъ до шопота, въ усиленной мимикѣ, въ подчеркнутыхъ движеніяхъ, но не свидѣтельствуетъ о темпераментѣ, не имѣетъ никакого отношенія къ жизненной правдѣ и никакого касательства — къ творчеству. Актеръ такой на сценѣ, подобно человѣку, брошенному въ воду и не умѣющему плавать, просто барахтается, звѣринымъ инстинктомъ пытаясь спастись отъ гибели. Въ водѣ онъ неизбѣжно потонетъ. Въ той стихіи, съ которой борется актеръ, — въ зрительной залѣ, — онъ можетъ выплыть.

Онъ дѣйствительно за секунду не знаетъ того, что сдѣлаетъ на сценѣ черезъ секунду, почему и думаетъ, что не играетъ, а „живетъ". Но это въ ту секунду, когда онъ не знаетъ, какъ отражается въ зрительномъ залѣ то, что онъ только-что сдѣлалъ. Если то, что онъ сдѣлалъ, какъ говорятъ въ театрѣ, „принимается", напримѣръ, если публика, — актеръ это ощущаетъ, — взволнована тѣмъ, какъ онъ, самъ не зная почему, ходитъ крупными шагами вокругъ своей возлюбленной, онъ суживаетъ кругъ и начинаетъ двигаться мягко, медленно, крадучись, вродѣ пантеры, самъ не зная почему, потому только, — онъ инстинктомъ угадываетъ, — что это способно еще больше волновать. Если дѣло идетъ, актеръ, зная инстинктомъ, что рѣзкія впечатлѣнія, дабы не ослабѣть, требуютъ еще болѣе рѣзкихъ, пускаетъ себя изо всѣхъ силъ и повергаетъ на колѣни свою женщину, причемъ случается, что вывихнетъ ей руку. Публика холодѣетъ отъ восторга. Но бываетъ, что публика, вмѣсто того, чтобы похолодѣть, приходитъ въ веселое настроеніе. Какая нибудь несчастная случайность, курьезный непроизвольный жестъ (у актера „вдохновеннаго" на сценѣ все непроизвольно), неожиданно со-

рвавшаяся смѣшная нота въ голосѣ — дѣлаютъ это. Тогда актеръ тонетъ, „проваливается“, и про него напишутъ рецензенты, что онъ „живетъ“ на „сценѣ“, но иногда переигрываетъ, увлекаемый своимъ „темпераментомъ“.

Выходитъ такъ, что самоощущеніе у „вдохновеннаго“ актера, т, е. у якобы творящаго на самой сценѣ, такое же, какъ у актера представляющаго ранѣе сотворенное свое созданіе. Онъ чувствуетъ лишь зрительную залу, передъ которою играетъ, не видитъ и не ощущаетъ людей, вещей, его на сценѣ окружающихъ. Его вниманіе все собрано на то, чтобы улавливать, какъ отражается въ зрительной залѣ то, что онъ, не зная почему, дѣлаетъ на сценѣ, и почерпать отъ публики толчки къ тому, что надо дѣлать, (не зная почему, кромѣ того, что это, если не сорвется, произведетъ впечатлѣніе). И такое же, какъ актеръ представляющій, только безмѣрно большее физическое напряженіе, ощущаетъ на сценѣ „вдохновенный“ актеръ. Послѣ сыгранной роли, онъ валится съ ногъ отъ утомленія.

Утомленіе это неправдиво почитается усталостью отъ „творчества“. Это усталость отъ работы вниманія къ тому, какъ отражается на публикѣ то, что дѣлаетъ актеръ. Т. е. усталость отъ представленія, притворства на театрѣ. Актеръ, якобы „вдохновенный“, отличается отъ актера представляющаго тѣмъ, что представляетъ, самъ не зная что. У актера, владѣющаго французской школой, есть моментъ творчества, предваряющій представленіе, скрытый отъ публики; у актера, презирающаго школу, желающаго не играть, а „жить“ на сценѣ, нѣтъ момента творчества, а есть одно ломаніе, дурное представленіе.

Тайна ремесла заключается въ томъ, что сценическая техника, до сихъ поръ бывшая единственно доступной театру, техника въ совершенствѣ разработанная, есть техника представленія. И что актеръ, отвергающій технику, полагающій, что онъ не представляетъ а „живетъ“ на сценѣ, на самомъ дѣлѣ, выходя на сцену, инстинктомъ примѣняетъ ту же технику, которой не владѣетъ, какъ человѣкъ не умѣющій плавать, въ водѣ инстинктивно дѣлаетъ движенія, подобныя тѣмъ движеніямъ пловцовъ, которыхъ онъ не умѣетъ дѣлать. Ибо, какъ движенія пловцовъ не выдуманы, а родились изъ опытовъ, путемъ которыхъ человѣкъ домогался держаться на водѣ, такъ французская сценическая техника, утвердившаяся на европейскомъ театрѣ, не выдумана, а родилась изъ самихъ свойствъ театральнаго представленія, изъ опытовъ доносить до публики актерское искусство. Для того, чтобы актеръ могъ творить или „жить“ на самой сценѣ, нужно созданіе иной, чѣмъ французская, техники, иной школы актерской игры.

Чуждый русскому чувству (въ его чистотѣ, не въ теперешнемъ мутномъ потокѣ) — мишурный, внѣшній, „театраль-

ный“ — французскій театръ, съ первыхъ же дней, когда былъ занесенъ въ Россію, сталъ выбиваться изъ школы. Уже въ первомъ поколѣніи русскихъ актеровъ появился актеръ Яковлевъ, поражавшій современниковъ „естественностью“ своей игры. Яковлевъ былъ очень даровитый человѣкъ (это чувствуется и по его личности: безпокойной, иногда безудержной, тоскующей), но цѣна естественности его игры была не высока: это могло лишь быть и было безпомощное представленіе, т. е. дурное притворство, не обладающаго техникой актера. Не даромъ Дмитревскій, — насадитель театральнаго искусства въ Россіи, его истинный первый мастеръ-режиссеръ, — не признавалъ игры Яковлева. Сохранился разсказъ, о томъ, что Дмитревскій былъ побѣжденъ, когда прослушалъ какъ Яковлевъ у себя дома, въ своей комнатѣ, прочиталъ ему какой-то монологъ. Въ этомъ разсказѣ характерно невѣдѣніе театральнаго ремесла. Яковлевъ былъ даровитый человѣкъ, и у себя дома, въ своей комнатѣ, онъ могъ творить. Но онъ не могъ на театрѣ доносить до публики свое созданіе, потому что не хотѣлъ на сценѣ представлять и не желалъ тому учиться, а хотѣлъ творить на сценѣ, вмѣсто чего неизбѣжно долженъ былъ дурно представлять. Дмитревскій, прослушавшій Яковлева у него дома, могъ только лишній разъ пожалѣть о томъ, чего лишалась сцена отъ того, что Яковлевъ не могъ и не хотѣлъ подчинить себя школѣ.

Послѣ того приблизительно черезъ семьдесятъ лѣтъ, — отъ того, что не могъ уложиться въ существовавшую школу, а иной не было, — погибъ для сцены, не далъ и самой малой доли изъ того, что могъ дать, буйный геній Мочалова. Ни одной роли Мочаловъ не сыгралъ сначала до конца. Были вспышки, рѣдкіе моменты совершенной вдохновенной красоты, — когда они были. Чаще же всего Мочаловъ сплошь кривлялся: такъ, что на него было жалко смотрѣть. Выбивали Мочалова изъ рѣдкихъ творческихъ минутъ на сценѣ зрители. „Пока ладони зрителей не приходили въ возбужденіе“, записалъ невѣдомый современникъ объ игрѣ Мочалова, Мочаловъ былъ прекрасенъ. Послѣ же того „онъ начиналъ свои скороговорки, бѣганье по сценѣ, маханье руками и тогда увы!..“

„Ладони зрителей“ и вообще мѣсто зрителей въ театральномъ представленіи есть фундаментъ сценической школы. Для того, чтобы преодолѣть французскую технику, надо перемѣстить ея фундаментъ. Тѣ „нити“, связывающія актера и зрительный залъ, о которыхъ говорятъ, когда хотятъ похвалить актера, появляются не въ тѣ моменты, когда актеръ воистину поднимается до творчества на самой сценѣ, а какъ разъ въ тѣ моменты когда актеръ обрубаетъ ихъ, забываетъ о публикѣ. Актеръ „вдохновенный“ игрушка публики. Актеръ „представляющій“, владѣющій французской сценической школой, ни на минуту не забывается; для него забыться значитъ пе-

рестать „играть“. Онъ играетъ передъ публикой, показываетъ ей ранѣе сотворенное свое созданіе. И, чѣмъ совершеннѣе управляетъ онъ публикой помощью нитей, къ ней протянутыхъ, тѣмъ совершеннѣе его техника. Для него загорѣться отъ публики, выбиться изъ представленія отъ ея одобренія — значитъ выпустить ее изъ рукъ, позволить публикѣ собою управлять и неминуемо испортить, извратить свое созданіе, то, что онъ хочетъ показать. У него къ публикѣ отношеніе зоркаго обманщика; онъ прикованъ къ ней, потому что его обманъ каждую минуту можетъ быть обнаруженъ; ему надо неустанно слѣдить за собой и за публикой, чтобы не попасться. Смотрѣть игру совершенныхъ въ техническомъ смыслѣ самыхъ среднихъ акеровъ — весьма своеобразное наслажденіе. Оно похоже на то, которое испытываешь, когда наблюдаешь любую увѣренную, точную, четкую работу. Независимо отъ того, что дѣлается, радуешься тому, какъ ловко это дѣлается.

II.

Начатки новой техники, техники переживанія на самой сценѣ, рождались медленно въ русскомъ театрѣ. Вся его исторія, есть исторія преодолѣнія французской сценической школы. Много погибло дарованій въ этой неравной борьбѣ ничѣмъ инымъ, кромѣ „жара души“, не вооруженныхъ сценическихъ художниковъ съ холодными желѣзными законами театра. Еще больше дурного, растрепаннаго, „какъ Богъ на душу положитъ“, якобы „вдохновеннаго“ актерства, „грязи“, какъ называлъ актеръ Щепкинъ, породила на театрѣ эта борьба. Впервые твердый путь открылся передъ Щепкинымъ, но онъ смогъ лишь указать на направленіе дороги, самъ не зная какъ по ней итти. Надо, чтобы театръ ушелъ отъ театра къ природѣ, къ природѣ души человѣческой, — такъ можно выразить то, что открылось Щепкину, — что означаетъ: надо, чтобы театръ пересталъ представлять пріукрашенныя театральныя чувства, а сталъ представлять правдивыя, прекрасныя человѣческія чувства („Бери образцы у природы“, училъ Щепкинъ). Но правдивыя чувства нельзя представлять, то есть передавать со сцены въ публику средствами техники, которой обладала сцена, путемъ высокаго притворства, — а Щепкинъ зналъ, что на волю случая нельзя ничего оставить въ театрѣ. Щепкинъ пытался утончить технику, но она не поддавалась: въ тишинѣ и тайнѣ (наединѣ съ собой) созданныя правильныя прекрасныя чувства, при передачѣ со сцены, неизбѣжно становились театральною прикрашенною правдою, не красотой, а красивостью, то есть ложью. Дѣло Щепкина, неправильно понятое, породило на русской сценѣ печальную полосу такъ называемой „простой игры“. Актеры, пренебрегая не только существомъ художества, которое въ прекрасномъ,

а и элементарными сценическими требованіями (напримѣръ, тѣмъ, чтобы все то, что говоритъ актеръ, было слышно публикѣ), бродили, заложивши руки въ карманы, по сценѣ и невнятно бормотали свои реплики, что называлось играть „просто“.*) Эта непереносимая „простота“ оказалась подверженной на сценѣ тѣмъ же законамъ, что и очаровательное „притворство“ французовъ. Актеръ „представлялъ“ простоту передъ публикой, скованный физически отъ напряженнаго вниманія, не видѣлъ и не чувствовалъ ни людей, ни вещей вокругъ себя на сценѣ и, окончивши „просто“ играть, валился съ ногъ отъ утомленія.

Открыть начатки техники переживанія, актерскаго творчества на самой сценѣ, дано было Константину Сергѣевичу Алексѣеву (по сценѣ Станиславскому), геніальному сценическому художнику, рожденному въ московскомъ именитомъ купечествѣ, въ Рогожской Слободѣ, на золото-канительной фабрикѣ. Говорить о немъ и о театрѣ имъ созданномъ трудно попутно: онъ и театръ его — это самое значительное, что за послѣдніе полвѣка появилось въ европейскомъ театрѣ. Какъ актеръ, Станиславскій прошелъ длинный путь: отъ опыта держаться французской школы, которою онъ отлично овладѣлъ, до попытокъ выбиться изъ нея, кончавшихся „вдохновенною“ игрою, отъ натурализма до реализма, отъ театральности до высшей простоты. Достаточно того, что въ юности Станиславскій готовился стать опернымъ пѣвцемъ, то есть тяготѣлъ къ наиболѣе искуственному пышному роду театральнаго представленія; довольно того, что въ то время онъ былъ настолько пропитанъ актерствомъ, что на похоронахъ директора московской консерваторіи Николая Рубинштейна, появился въ погребальной процессіи, на черномъ конѣ въ черной одеждѣ и съ чернымъ, низко опускавшимся крепомъ на шляпѣ.**)

Въ воздухѣ театра Алексѣевъ сталъ жить съ того времени, какъ сталъ себя помнить. Въ домѣ у Красныхъ воротъ, гдѣ жила по зимамъ огромная семья Алексѣева, и на дачѣ, на Мамонтовской платформѣ, подъ Москвой, куда она переселялась лѣтомъ, были построены сцены, причемъ сцена въ Московскомъ домѣ была настолько хорошо оборудована, что во время коронаціи Государя Александра III-го на ней былъ

*) Въ увлеченіи „простотой“ игры, актеры, — и актеры извѣстные, — доходили до курьезовъ. Вспоминается, какъ однажды, одинъ популярный актеръ одного частнаго Петербургскаго театра (въ концѣ девяностыхъ годовъ, когда „простота“, особо расцвѣтшая въ восьмидесятые годы, была на ущербѣ), играя Арбенина въ „Маскарадѣ“, когда давалъ Нинѣ ядъ, то небрежно протянулъ ей стаканъ и спокойно отошелъ въ сторону. Спрошенный о томъ, что означала такая игра, онъ отвѣтилъ: Я такъ и хотѣлъ: я сыгралъ это „просто“.

**) Эти, какъ и другія подробности, разсказанныя ниже, К. С. самъ повѣдалъ для работы о немъ, которая не могла быть исполнена. П. Я.

данъ казенными актерами спектакль для иностранныхъ дипломатовъ. Въ огромной семьѣ Алексѣевыхъ, съ няньками, мамками и гувернантками, съ русскимъ укладомъ и иноземной просвѣщенностью, было много молодежи: братья, сестры, родственники Константина Алексѣева, ихъ пріятели и пріятельницы, гостившіе въ домѣ и приходившіе въ домъ. Молодежь эта увлекалась театромъ. Всегда что нибудь представляли или готовились представлять. Самъ Константинъ Сергѣевичъ сталъ помнить себя съ того времени, когда ребенкомъ, въ образѣ амура съ золотымъ лукомъ, участвовалъ въ живой картинѣ въ Мамонтовкѣ, при чемъ отъ бенгальскаго огня, освѣщавшаго зрѣлище, загорѣлась вата, покрывавшая полъ, ради зимняго пейзажа, и суетня возможнаго пожара испугала Константина Сергѣевича и навсегда запомнилась. Когда Константинъ Алексѣевичъ подросъ, онъ сталъ верховодить театральними представленіями въ Алексѣевскомъ домѣ.

Сначала онъ увлекъ всѣхъ оперой, которой самъ былъ увлеченъ: гимназистомъ бралъ уроки пѣнія и ставилъ на домашней сценѣ отрывки изъ оперъ. Когда же юношей былъ посланъ за-границу по торговому дѣлу, за покупкою машинъ, то привезъ оттуда „на слуху“ множество опереточныхъ мотивовъ — и открылась полоса опереточная, т. е. болѣе гибкая, живая и свободная, на алексѣевскихъ сценахъ. Оперетки составлялись по памяти и сочинялись; музыка подбиралась изъ того, что было „на слуху“. Отъ оперетокъ перешли къ комедіямъ, причемъ вотъ что примѣчательно: изобрѣли игру въ то, чтобы въ живой жизни, оставаясь собою, изображать то лицо, которое готовились играть на сценѣ. Прошло много лѣтъ — и мастеръ Станиславскій, геніальный учитель сцены, ввелъ въ своей школѣ представленіе импровизацій и упражнялъ своихъ учениковъ въ томъ, чтобы въ живой жизни — на улицѣ, въ трамваѣ, въ комнатѣ, въ любой обстановкѣ, — вызывать и создавать импровизированныя сцены, вовлекая въ нихъ стороннихъ людей и не подозрѣвающихъ, что они участвуютъ въ представленіи. Это для того, чтобы воочію увидѣть грань между жизнью и сценой: живымъ правдивымъ чувствомъ и фальшивымъ изображеніемъ чувства на сценѣ. Не у актеровъ, представляющихъ испугъ, а у людей, дѣйствительно испуганныхъ, учиться выраженіямъ испуга; у людей, по настоящему умиленныхъ или раздосадованныхъ, учиться изображенію умиленія или досады. Такъ осуществлялся завѣтъ Щепкина: „бери образцы у природы“, который Станиславскій впослѣдствіи назвалъ „своей путеводною звѣздою“ (въ рѣчи къ актерамъ передъ началомъ работъ надъ „Синею Птицею“).

Но подражаніе природѣ, такой, какой она видится нетворческому, нехудожественному глазу, не составляетъ художества. Природу для художества надо украшать, embellir, говорятъ французы, и въ искусствѣ актера, въ богатой и не-

превзойденной техникѣ представленія на сценѣ украшенныхъ выраженій чувствъ, французская техника достигла совершенства. Станиславскому дано было пройти ея путь.

Въ 1898 году Станиславскій вступилъ въ число членовъ зародившагося въ Москвѣ Общества Искусства и Литературы. При обществѣ открылась драматическая школа, подъ руководствомъ драматурга и режиссера Ал. Фил. Ѳедотова, оперный классъ, которымъ вѣдалъ Ѳед. Петр. Комиссаржевскій, извѣстный пѣвецъ, отецъ впослѣдствіи знаменитой актрисы, и любительскій кружокъ, подъ руководствомъ Станиславскаго. Станиславскій сталъ ходить въ школу Ѳедотова, по его словамъ блестящаго преподавателя французской техники, — и скоро и свободно ею овладѣлъ. Какъ полагалъ, изъ за того обстоятельства, которое считалъ счастливымъ для себя, что въ немъ течетъ французская артистическая кровь. Его бабка по матери была французская актриса Верле; она играла въ Петербургѣ, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Дѣдъ Станиславскаго, крупный каменный подрядчикъ, женившись на Верле, скоро разорился и сошелъ съ ума. Онъ взялъ подрядъ на гранитъ для Александровской колонны въ память побѣды надъ французами въ двѣнадцатомъ году. Когда везли моремъ изъ Финляндіи безмѣрную гранитную глыбу, то корабль затонулъ и гранитъ погибъ въ морѣ. Дѣвочка, которая родилась отъ этого брака, стала впослѣдствіи матерью Станиславскаго.

Станиславскій, и ставши творцомъ новой сценической техники, не пересталъ придавать огромное значеніе и чувству французской сценической школы. Когда на репетиціи какая нибудь сцена не ладилась (техника переживанія на самой сценѣ требуетъ великаго успокоенія, самонахожденія, сосредоточенія актера въ самомъ себѣ для своего примѣненія, и въ ней бываютъ трудны первые шаги), Станиславскій изъ зрительной залы, откуда смотрѣлъ репетицію, вбѣгалъ на подмостки со словами: „французская игра!“ — и съ необычновеннымъ блескомъ представлялъ эту сцену передъ актерами. Обычно послѣ этого всѣ на сценѣ начинали смѣяться и апплодировать: такъ тонко, съ такой чистотой, съ такой четкостью распоряжался Станиславскій ходовыми изображеніями на сценѣ пріукрашенныхъ чувствъ, которыя онъ называлъ „штампами“. Настроеніе на сценѣ разряжалось: то, какъ можно сыграть эту сцену, но какъ не надо ее играть, развѣивалось у актеровъ, которые, — оттого, что были несобраны и безпокойны, — сбивались на тѣ самые пріемы, которые Станиславскій всѣ передъ ними показалъ. И искушеніе французской техники бывало преодолѣно. Свободное и точное распоряженіе французской техникой Станиславскій всегда почиталъ необходимымъ для актера. Онъ училъ: когда на сценѣ выбился изъ переживанія и не вернулъ еще себя къ нему пріемами новой техники, заполни промежутокъ французской игрой.

Итакъ, въ 1898 году Станиславскій учился у Ѳедотова и руководилъ любительскимъ кружкомъ Общества Искусства и Литературы. Въ кружкѣ дѣло шло плохо. Станиславскій, скоро овладѣвши французской школой, въ то же самое время самъ въ себѣ несознательно преодолѣвалъ ее. Онъ инстинктомъ зналъ, чего хотѣлъ отъ актера на сценѣ, но не зналъ практическихъ способовъ добиться того, чего хотѣлъ. Въ концѣ концовъ онъ и тогда боролся со „штампами", съ отлившимися пріемами изображенія на сценѣ человѣческихъ чувствъ, хотя въ то время и не вѣдалъ, что будетъ нѣкогда употреблять это слово для выраженія того, съ чѣмъ онъ боролся. Кружокъ готовъ былъ распасться. И вотъ въ кружокъ вошла Гликерія Николаевна Ѳедотова, одна изъ крупнѣйшихъ и своеобразнѣйшихъ русскихъ актрисъ, тогда занимавшая амплуа героинь на Маломъ Московскомъ театрѣ. Александръ Филипповичъ, что̀ велъ школу въ Обществѣ Искусства и Литературы, былъ ея мужемъ, и ея сынъ, Александръ Александровичъ (впослѣдствіи актеръ Малаго театра), тогда служилъ чиновникомъ въ Городской Управѣ и любительствовалъ въ Кружкѣ у Станиславскаго. „Гликерія Николаевна — разсказывалъ Станиславскій, — пришла, сѣла и сказала: ну, теперь давайте работать."

Гликерія Ѳедотова, любимая ученица Щепкина, что̀ въ годы школы, до замужества, была своей у него въ домѣ, начала свое сценическое поприще въ драмѣ „Ребенокъ" Боборыкина, въ 60-хъ годахъ, въ эпоху знаменательную на Маломъ Московскомъ театрѣ. Двѣ творческія силы тогда боролись въ немъ: реализмъ Щепкина („бери образцы у природы", но отбирай въ нихъ для искусства лишь прекрасное) и бытовой романтизмъ, который принесъ въ русскій театръ Островскій и который на сценѣ нашелъ своего выразителя въ Провѣ Садовскомъ („Полюби до восторга, до любованія, до предпочтенія всему на свѣтѣ родной бытъ и неси его безъ отбора на сцену: въ немъ все прекрасно"). Щепкинское направленіе, правильно понятое, въ концѣ концовъ требовало для осуществленія на сценѣ утонченнѣйшей французской техники,*) а ложно понятое сбивалось на „простоту". Направленіе Садовского на сценѣ сводилось къ игрѣ „нутромъ". Къ тому времени, когда Гл. Н. Ѳедотова пришла въ кружокъ Станиславскаго, „садовское" на сценѣ Малаго театра давно влилось въ „щепкинское", паѳосъ національный огранился болѣе или менѣе строгою французскою школою, и самый этотъ несравненный театръ, который до конца остался кошницею русскаго

*) Щепкинъ не открылъ техники переживанія на самой сценѣ. То, что называется „щепкинской школой", есть примѣненіе французской сценической школы къ русскому театральному художеству, тяготѣвшему къ высшей простотѣ.

чувства, хранителемъ русскаго звука, то есть національныхъ интонацій (такъ, какъ звучалъ русскій языкъ на сценѣ Малаго театра, онъ нигдѣ не звучалъ), сталъ называться „домомъ Щепкина“.

Ѳедотова передала Станиславскому, — не на словахъ, не въ формулахъ, а непосредственно въ работѣ съ кружкомъ его любителей, — пріемы своего учителя, указавшаго направленіе дороги, которую открыть дано было Станиславскому спустя долгое время. Значеніе Ѳедотовой на своемъ сценическомъ пути Станиславскій считалъ огромнымъ, помнилъ дословно и впослѣдствіи передавалъ своимъ ученикамъ ея замѣчанія и, въ особенности, высоко цѣнилъ одно изъ нихъ, касающееся работы надъ ролью: „Когда играешь добраго, ищи, гдѣ онъ злой; когда играешь злого, — смотри, гдѣ онъ добрый“. Станиславскій почиталъ это замѣчаніе одной изъ первоосновныхъ заповѣдей для актера. То же, чему всего главнѣе онъ научился отъ Ѳедотовой, Станиславскій на своемъ необыкновенно точномъ и выразительномъ сценическомъ языкѣ называлъ „краскою“. Онъ разсказывалъ, какъ однажды (позднѣе того времени, когда онъ работалъ съ Ѳедотовой) онъ зашелъ къ ней вечеромъ. Ѳедотова въ этотъ вечеръ не была занята въ театрѣ; въ ея роли въ первый разъ выступала Грибунина, которая должна была играть съ ней въ очереди. Во всемъ актриса, и въ большомъ и въ маломъ, Ѳедотова послала свою горничную въ театръ посмотрѣть, какъ будутъ принимать Грибунину и тотчасъ прибѣжать донести, а въ ожиданіи развлекала себя для чуждаго театру человѣка необычайнымъ образомъ. Когда Станиславскій, которому открыла дверь кухарка, сказала, что барыня дома одна, и ушла на кухню (бытъ старинный, московскій), пошелъ искать Ѳедотову по пустымъ комнатамъ, то нашелъ ее въ ея гардеробной передъ большимъ трюмо. Она стояла полуодѣтая угловато прижимаясь и конфузясь, смѣшно потирая животъ. Это была она — и не она. Черезъ секунду Станиславскій увидалъ съ несомнѣнностью, что это была крестьянская баба въ образѣ Ѳедотовой. И дѣйствительно, Ѳедотова развлекала себя тѣмъ, что изображала, провѣряя въ зеркалѣ свои движенія, крестьянскую бабу на пріемѣ у доктора. Ея изображеніе было необыкновенно жизненно, и вмѣстѣ съ тѣмъ чудеснымъ образомъ ея движенія нигдѣ не были грубы, нигдѣ не оскорбляли, а вездѣ радовали глазъ („бери образцы у природы“, но отбирай лишь прекрасное). И движенія эти не давали одного только рисунка движенія бабы, а „красили“ изображеніе, придавали ему цвѣта. Окрашивали всю Ѳедотову, ея лицо, глаза, волосы, даже, казалось, ея нарядъ, совсѣмъ некрестьянскій, въ крестьянскую бабу. Несомнѣнно было, что если бы она заговорила, она заговорила бы бабьимъ звукомъ. Это уже не были „штампы“, условныя сценическія бабьи движенія; это была сама природа

и сама правда, отобранная для искусства и возведенная въ красоту. Средствами французской сценической техники оставалось закрѣпить ее и перенести на сцену.

Станиславскій бросился къ природѣ. Онъ почувствовалъ, что такъ бороться съ отложившимися застывшими пріемами, какъ онъ дѣлалъ это до сихъ поръ, значитъ, просто замѣнять одни штампы другими, и не лучшими, а худшими. Если, положимъ, онъ не дозволялъ актеру, изображая отчаяніе, хвататься за голову, покачаться въ такой позѣ у рампы, а потомъ, отступая назадъ, упасть, какъ бы въ изнеможеніи, на раньше подставленный стулъ, а указывалъ, — представимъ себѣ, — застыть на мѣстѣ, какъ бы окаменѣть, сжаться всѣмъ тѣломъ, послѣ чего шатаясь, отойти въ глубь сцены, то этотъ пріемъ, какъ бы болѣе жизненный, дважды повторенный, застывалъ и обращался въ штампъ, никогда въ концѣ концовъ не лучшій, а худшій. Ибо первый велъ свое происхожденіе отъ какого-нибудь крупнаго художника, впервые показавшаго его на сценѣ, былъ испытанъ, — а второй былъ придуманъ наскоро, лишь бы не повторять театральныхъ пріемовъ. Надо, чтобы свѣжія сценическія изображенія сами родились изъ нѣдръ живой природы.

И Станиславскій начинаетъ съ того, что переноситъ на сцену во всемъ возможно болѣе живой жизни. Вмѣсто условныхъ павильоновъ, строитъ на сценѣ жилыя комнаты съ настоящими окнами, дверьми, дверными ручками, задвижками; вмѣсто лѣсныхъ кулисъ домогается впечатлѣнія дремучаго лѣса. Наполняетъ сцену отсвѣтами, звуками, шумами, подражающими подлинной живой жизни. Отъ актеровъ добивается прежде всего внѣшней характерности, „краски“: чтобы старикъ былъ старикъ, чтобы профессоръ ходилъ, какъ ходятъ профессора; одному характеру пристало нѣсколько заикаться, другому подергивать плечомъ. чтобы гриммы были, какъ живые; чтобы костюмы и всѣ вещи на сценѣ были подлинные, тѣ самые, какіе должны носить и употреблять и воображаемые люди въ живой жизни; чтобы группировки и передвиженія актеровъ по сценѣ были, „какъ въ жизни“.

Чтобы создать на сценѣ протекающія картины живой, звучащей, свѣтящейся жизни, и вещи и приспособленія для производства звуковъ, отсвѣтовъ и самые люди (актеры) должны управляться единою рукою, и здѣсь люди неразличимы отъ вещей. Если, положимъ, цвѣтокъ долженъ быть будто бы брошенъ на подоконникъ именно въ этомъ, а не въ томъ его углу, то актеръ въ данную секунду текущихъ смѣняющихся картинъ живой жизни на сценѣ, долженъ находится на этой именно, а не на другой точкѣ сцены. Это породило легенду о томъ, что у Станиславскаго сцена расчерчена на квадраты, дабы каждый актеръ безъ ошибки занималъ свой квадратъ, Но въ ней столько же правды, какъ въ томъ, что Станиславскій позаимствовалъ у Мейнингенцевъ свой тогдаш-

ній театръ. Трупа Герцога Мейнингенскаго, подъ режиссерствомъ Кронена пріѣзжала въ Россію два раза: въ 1885 и въ 1887 годахъ — и поразила Станиславскаго невиданной сценической дисциплиной въ изображеніи массовыхъ сценъ. Но нѣмцы (они играли Шекспира и Шиллера) были романтики на нѣмецкій ладъ, а Станиславскій, самъ того не вѣдая, уклонился въ натурализмъ. Онъ переносилъ на сцену природу золотоносными глыбами, вмѣстѣ съ землей и пескомъ, ожидая, что золото само отсѣется. И оказался правъ въ пути своемъ: золото стало отсѣиваться — медленно, еле замѣтно.

Живого воздуха, жизни вещей на сценѣ, которыя чувствовали зрители, актеры, разумѣется, не чувствовали (имъ не давало ихъ чувствовать самоощущеніе представляющаго актера на сценѣ), но укрѣпленные, какъ каркасомъ, натуральными подробностями, указанными режиссеромъ (манерой ходить, говорить, смѣяться, заикаться, подергивать плечомъ и т. п.), они находили свѣжія и неожиданныя выраженія для представленія на сценѣ человѣческихъ чувствъ. Спектакли Кружка Общества Искуства и Литературы стали привлекать вниманіе. Что это былъ невиданный театръ, ничѣмъ не похожій на другія сцены — это было для всѣхъ несомнѣнно. Представленіемъ пьесы „Плоды просвѣщенія“ на сценѣ Охотничьяго клуба Кружокъ праздновалъ полную побѣду: и публика и критика нашли, что „Плоды просвѣщенія“ въ кружкѣ играются столь жизненно, что выходятъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ лучше, нежели на Маломъ театрѣ.

Именно „жизненность“, то, что все приходитъ „совсѣмъ какъ живое“, радовало зрителей въ театрѣ Станиславскаго, какъ всегда радуетъ людей, изумляетъ, подобно ловкому фокусу, похожесть въ искусствѣ. Но въ художествѣ „совсѣмъ какъ живое“ не составляетъ, или, точнѣе, еще не составляетъ художества. Художество начинается тамъ, гдѣ открывается въ живомъ сокровенное, становится видимымъ до того невидимое. Путь Станиславскаго былъ вѣренъ, а золото еще замѣтно не отсѣивалось, скрывалось въ глыбахъ вмѣстѣ съ землей и пескомъ (послѣ того приблизительно черезъ 20 лѣтъ творческой работы Станиславскаго стало замѣтно отсѣиваться золото). Но „штампы“, застывшіе актерскіе пріемы для изображенія пріукрашенныхъ чувствъ, исчезали. „Театральный“ театръ былъ преодолѣнъ.

Съ Кружкомъ Общества Искусства и Литературы Станиславскій работалъ 10 лѣтъ. Весной 1898 года онъ встрѣтился съ Вл. Ив. Немировичемъ-Данченко, драматическимъ писателемъ и преподавателемъ сценическаго искусства въ школѣ Филармоническаго Общества. До того тяготѣвшіе другъ къ другу, но лично незнакомые, Станиславскій и Немировичъ, когда встрѣтились, пошли вмѣстѣ пообѣдать въ ресторанъ. Въ ресторанѣ „Славянскій Базаръ“ они засидѣлись до ве-

чера, проговорили всю и ночь и на утро разстались съ готовымъ планомъ новаго театра. Такъ родился Московскій Художественный театръ (въ первый годъ онъ носилъ неудачное наименованіе: „Общедоступно-художественный“). Его труппа составилась изъ любителей Станиславскаго и кончающихъ учениковъ Немировича-Данченко. Театръ готовился въ дачной мѣстности Пушкино подъ Москвой. 14 октября 1898 года въ помѣщеніи театра „Эрмитажъ“, принадлежавшемъ Щукину въ Каретномъ ряду, представленіемъ трагедіи гр. Ал. К. Толстого „Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ“ театръ былъ открытъ.

Помню этотъ вечеръ и день передъ нимъ, сырой и сѣрый. Театральная Москва была взволнована. Не было и не будетъ земли, гдѣ бы такъ цѣнили театръ, какъ въ Москвѣ. Однако, въ новый театръ мало кто запасался билетами, и въ кассѣ продавались недорогія мѣста передъ самымъ представленіемъ (Москва была во всемъ консервативна). Сборъ былъ всетаки полный. Зала праздничная. Уже послѣ первыхъ сценъ для всѣхъ стало ясно, что родился театръ съ большимъ будущимъ.

Древняя Москва, оживая, звучала, переливалась красками, звенѣла колоколами, плотно, кругло, важевато двигалась по сценѣ. Безпредѣльнымъ любованіемъ, влюбленностью въ Русь было овѣяно все это натуральное представленіе и становилось отъ того своеобразно романтическимъ. Нельзя было слѣдить за нимъ безъ волненія: все хотѣлось улыбаться отъ радости. Изъ главныхъ участниковъ этого представленія, актеровъ изъ первоначальной труппы Художественнаго театра здравствуютъ: Москвинъ (Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ), Книппер (Царица Ирина), Санинъ (Лупъ-Клешнинъ), Лужскій (Шуйскій), Вишневскій (Годуновъ). Могилы Савицкой и Артема, — на кладбищѣ Ново-Дѣвичьяго монастыря, недалеко отъ Чехова.

Художественный театръ имѣлъ свою исторію, но дѣло Станиславскаго въ Художественномъ театрѣ есть непосредственное продолженіе дѣла, начатаго въ спектакляхъ Общества Искусства и Литературы. Долго не отсѣивалось золото. Когда же стало отсѣиваться (первоначальныя оформленія новой школы актерской игры, открытой Станиславскимъ, относятся къ 1903 — 04 гг.), то оказалось, что, дабы получить чистое золото, открыть и показать со сцены сокровенное въ живомъ человѣческомъ чувствѣ, надо творить на самой сценѣ, а не представлять ранѣе сотворенное. Потому что сокровенное нельзя донести до сцены, не расплескавъ его, нельзя показать средствами техники представленія.

Станиславскій совсѣмъ не хотѣлъ ничего „открывать“ въ театрѣ; самъ не зналъ и не сказалъ бы, что́ въ немъ надо открывать. Въ немъ не было и тѣни „исканій“, какъ стали говорить въ театрѣ въ позднѣйшее время, т. е. попытокъ придумать что нибудь такое, чего въ театрѣ не было. Онъ шелъ,

побуждаемый силой, какъ бы не въ немъ лежавшей, медленно и мучительно, путемъ сверкающихъ догадокъ, къ тому, къ чему дано было ему прійти. Новая техника создалась сама собою: изъ записанныхъ учениками Станиславскаго въ школѣ и его помощниками на репетиціяхъ необыкновенныхъ по глубинѣ и формѣ замѣчаній, которыя онъ ронялъ безъ системы, въ порывѣ вдохновенія, тотчасъ же забывая о нихъ. Когда ихъ собрали всѣ вмѣстѣ, то оказалось, что онѣ составили полныя и четкія основанія новой школы актерской игры: техники переживаній. Открытіе это поразило самого Станиславскаго, и онъ долго не довѣрялъ ему. Потомъ, при помощи учениковъ, сталъ пополнять и обрабатывать свою „систему", какъ онъ это называлъ. Еще живъ былъ Чеховъ, когда Станиславскій робко его спрашивалъ, какъ надо писать. Чеховъ сказалъ, что писать надо „просто". Прошло болѣе 15 лѣтъ, и Чеховъ давно умеръ, — а „система" все еще писалась, не была напечатана. Въ послѣдній разъ, когда я видѣлъ Станиславскаго зимою 1919 г., онъ лежалъ, хворая почками, въ маленькой внутренней комнаткѣ своей пустой и холодной квартиры (скоро потомъ, я слышалъ, она была реквизирована) и, обложенный рукописями, блокнотами съ замѣтками, которыя собирались на репетиціяхъ и въ школѣ, писалъ свою систему.

Вотъ нѣсколько случайныхъ матеріаловъ, изъ которыхъ Станиславскій творилъ свою систему, — тѣ, что пришли мнѣ на память. Въ нихъ, мнѣ кажется, сохранился не только ихъ смыслъ, а болѣе или менѣе и ихъ языкъ, характеръ слова у Станиславскаго. Разумѣется въ нихъ нѣтъ полной точности.

— Хорошій жестъ, — тутъ есть какой то коршунъ! Запомните, какъ это передать. (Замѣчаніе записано на репетиціи „Бранда" и обращено къ актрисѣ, игравшей безумную Гердъ). Не позу брать, а запомните чувство, которое было у Васъ, когда вы взяли эту позу.

— Актеръ спрашиваетъ: „Что такое: я плакалъ на сценѣ, а публика холодна?" Станиславскій отвѣчаетъ ему вопросомъ: „Ну, а ваши партнеры на сценѣ плакали?" (Записано учениками).

— Человѣкъ не знаетъ, что онъ сейчасъ скажетъ. Это только актеръ знаетъ. (Записано мною на репетиціи „Хозяйки Гостиницы").

— Какой это ужасъ: пустые глаза у актера! (Записано учениками).

— Человѣкъ входитъ въ комнату. Это только актеръ выходитъ на сцену. (Записано на репетиціи „Хозяйки-Гостинницы").

— Вы подметаете полъ (на сценѣ), а сами думаете о томъ, что сейчасъ скажете. А вы не думайте, подметайте внимательно. Разсмотрите, гдѣ щелочка, гдѣ сучекъ. (Работа въ школѣ).

— Сядьте покойно, облегчите свое тѣло. Вотъ столикъ у Вашего кресла: погладьте его рукой, почувствуйте, какой

онъ гладкій и холодный; посмотрите, какой краской онъ окрашенъ. Тогда вы найдете себя. А то вы весь стальной отъ мускульнаго напряженія; черезъ него не пробиться никакому чувству. У меня, бывало, отъ такого напряженія лопались мелкія жилки на ногахъ, и въ сапогахъ бывала кровь. (Работа въ школѣ).

— Введите себя въ кругъ (въ кругъ ощущеній другихъ людей на сценѣ). Здѣсь вашъ міръ; тамъ (т. е. въ зрительной залѣ) ничего нѣтъ. (Работа въ школѣ).

— Вы носите браслетку на ногѣ (къ модернизированной дѣвушкѣ, пришедшей на испытаніе въ школу), вамъ нечего учиться играть. Вы уже умѣете. (Разсказано учениками).

— Почему это ни одна актриса не можетъ выйти на сцену безъ того, чтобы не повиснуть на портьерѣ? (Записано на репетиціи).

— Женщины любятъ казаться на сценѣ не тѣмъ, что онѣ суть. Бойкая хочетъ быть тихой, веселая хочетъ казаться печальной. На сценѣ нужно быть тѣмъ, что ты есть. Это — самое трудное. (Записано въ школѣ).

— Вы не можете сдѣлаться Вѣрочкой („Гдѣ тонко, тамъ и рвется") или Штокманомъ. Вы можете лишь найти въ себѣ и передать то, что вы сами бы чувствовали, еслибы сдѣлались Штокманомъ или Вѣрочкой. (Тамъ же).

— Не надо смѣяться, когда невесело у васъ на душѣ. Голосъ у васъ, (т. е. звукъ, интонація) не проситъ смѣха, а вы его тянете. (Тамъ же).

— Глаза, глаза! Пустые глаза!!! (На репетиціи).

— Вы не играете, а вы докладываете слова своей роли. Вы — докладчикъ, а не актеръ. (На репетиціи).

— Никогда не надо говорить на сценѣ не своимъ голосомъ. Вы играете старика, а у васъ молодой голосъ. Что дѣлать? Дышите медленно, тогда будете медленно говорить, и будетъ старикъ. (Въ школѣ).

— Когда выбились изъ круга (переживаній по сценѣ), то осторожно вводите себя въ кругъ. А промежутокъ заполните игрой (т. е. представленіемъ)

Уже въ этихъ немногихъ и случайныхъ замѣчаніяхъ заключены основы техники переживанія на самой сценѣ. Актеръ отрѣзаетъ себя отъ зрительной залы, замыкается „въ кругъ", въ міръ чувствъ, людей, вещей на сценѣ. („Сядьте покойно, погладьте столъ, почувствуйте, какой онъ гладкій и холодный; посмотрите какой краской онъ окрашенъ" ... „Разсмотрите, гдѣ щелочка, гдѣ сучекъ"). Такъ освобожденный отъ мускульнаго напряженія, которое сковываетъ актера, связаннаго съ зрительной залой (актера представляющаго), „переживающій" актеръ открываетъ возможность пробиться въ себѣ подлинному творческому чувству, которое онъ почерпаетъ изъ живыхъ глазъ людей, съ нимъ творящихъ. Почерпаетъ – самъ же въ свою оче-

редь отдаетъ на сцену творящимъ съ нимъ свои переживанія черезъ свои глаза. Творчество на самой сценѣ проявляется въ полной чистотѣ. Жестъ не запоминается, а запоминается и каждый разъ творится вновь на самой сценѣ чувство, порождающее жестъ. Интонаціи управляютъ движеніемъ; глаза рождаютъ мимику.

Теоретически понимая все это, я лично очень долго не постигалъ, какъ это можно „творить чувства". Я думалъ, что чувства можно или испытывать, — въ чемъ не будетъ никакого творчества, — или вспоминать, вызывать въ себѣ, отбирать и представлять, въ чемъ и будетъ состоять искусство актера. Объясненіе открылось мнѣ нежданно въ Оптиной пустыни. Я пошелъ на выходъ къ народу оптинскаго старца Анатолія и тутъ понялъ въ чемъ дѣло.

Я увидѣлъ нѣчто близкое тому, что описано Достоевскимъ въ „Карамазовыхъ". Въ этомъ не было для меня ничего неожиданнаго, но вообще говоря характеръ города Козельска, бокъ о бокъ съ которымъ стоитъ Оптина, слободы на его окраинѣ, дороги въ Оптинъ монастырь, монастырь на рѣкѣ Жиздрѣ, дороги въ скитъ въ вѣковыхъ соснахъ, съ полною точностью описанныя въ романѣ, способны волновать. Я отыскалъ въ Козельскѣ (для меня осталось несомнѣннымъ) домъ Ѳедора Павловича, трактиръ „Столичный городъ", гдѣ Иванъ исповѣдывалъ Алешѣ свой бунтъ противъ Бога, слободу, гдѣ жила Грушенька, и не разъ проходилъ, по дорогѣ въ городъ изъ монастыря, мимо растрепаннаго одинокаго вяза, изъ за котораго Митя въ темнотѣ крикнулъ Алешѣ: „жизнь или кошелекъ!" Я ходилъ въ скитъ среди вѣковыхъ сосенъ, по той тропинкѣ, на которой Алеша постигнулъ, какъ тайна земная соприкасается съ тайной небесной, и въ восторгѣ повергся на землю. Говорю все это къ тому, что глаза мои были открыты на то, чтобы увидѣть то, что я увидалъ.

Когда келейникъ открылъ дверцу кельи (старецъ Анатолій жилъ не въ скиту, какъ прежніе старцы, а въ самомъ монастырѣ, въ кельѣ, выходящей на паперть одного изъ храмовъ) и кивнулъ намъ головой, что значило, что старецъ сейчасъ выйдетъ, то мы опустились на колѣни. Рядомъ со мною, по правую сторону, стоялъ дьяконъ, мой сосѣдъ по гостиницѣ, съ двумя малыми мальчиками, которыхъ онъ поставилъ передъ собой, а отъ меня налѣво — старая женщина въ платкѣ по купечески. Съ нами въ рядъ и за нами (мы стояли впереди) тѣсно стояла на колѣняхъ толпа человѣкъ въ тридцать, большею частью крестьянскихъ бабъ. Когда старецъ показался, толпа вздохнула — вся въ разъ, какъ бы однимъ дыханіемъ, — и притихла.

Старецъ вышелъ очень поспѣшно, почти выбѣжалъ, накрылъ эпитрахилью и благословилъ обоихъ мальчиковъ и остановилъ на дьяконѣ свои глаза. Сбоку мнѣ не было видно

глазъ старца; я только видѣлъ профиль сухого, — какъ бумага, бѣлаго, — и малаго, какъ у ребенка, древняго личика.

Спустя нѣсколько секундъ, я увидалъ, что дьяконъ потянулся къ рукѣ старца, потомъ какъ будто хотѣлъ приподняться (онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ такъ, что я рядомъ чувствовалъ эту дрожь) — и вдругъ зарылъ лицо свое въ складкахъ мантіи старца. — „Ничего, ничего, ты ей прости, ты приходи... поговоримъ"... скороговоркой промолвилъ старецъ, накрылъ эпитрахилью голову дьякона и, еще держа свои руки на его головѣ, обратился ко мнѣ. Глаза его свѣтились вдохновеніемъ. — „Какъ ваше имя святое?"

Я понялъ, что онъ меня видитъ, всего, до глубины, какъ видѣлъ дьякона, способенъ открыть во мнѣ и вызвать къ жизни чувства, которыхъ я не зналъ въ себѣ и безъ него не узналъ бы, способенъ показать мнѣ Божій міръ и меня самого въ Божьемъ мірѣ такимъ, какимъ я безъ него никогда не увидалъ бы Божьяго міра и въ немъ себя самого. И этотъ дивный даръ проистекаетъ не отъ доброты и даже не отъ любви, — хотя, какъ дарованіе творческое, и оно направляется любовью. А проистекаетъ оно отъ духовнаго дѣланія, постояннаго упражненія въ прозрѣніи и творчествѣ (т. е. въ вызываніи изъ небытія къ бытію) въ себѣ и въ другихъ тончайшихъ душевныхъ движеній. „Художествомъ изъ художествъ" называли святые отцы аскетику, дѣланіе въ себѣ человѣка свѣтлаго и излучающаго свѣтъ.

Когда мы пришли въ гостинницу, дьяконъ сказалъ мнѣ, что его оставила жена, которую онъ безконечно любилъ. Онъ видѣлъ старца въ первый разъ, и старецъ ничего ранѣе не зналъ о томъ.

* * *

На высотахъ своихъ актерское художество излучаетъ тотъ-же тихій свѣтъ.

Времена пришли темныя. Человѣчество толкается въ бездну черной плоти дьяволомъ, искушающимъ людскія массы хлѣбомъ и царствомъ. Скоро зги не будетъ видно на землѣ.

„Ходите въ свѣтѣ, пока есть свѣтъ."

П. Ярцевъ.

Тамъ и здѣсь.

Впечатлѣнія и мысли недавно вырвавшагося.*)

Много есть способовъ бѣгства изъ совѣтской Россіи. Отъ Петрограда всего доступнѣе и ближе Финляндская граница. Идутъ или ѣдутъ на саняхъ по льду Финскаго залива, переходятъ Сеструрѣку, въ сопровожденіи финновъ, для которыхъ спасеніе людей изъ Совѣтскаго ада стало хлѣбной профессіей; пробираются съ компасомъ и самодѣльнымъ планомъ черезъ лѣсъ, блуждая всю ночь, въ глубокомъ снѣгу протаптывая путь къ спасенію. Больше или меньше трудностей и риска — это неважно. Для всѣхъ, на финской ли сторонѣ Сестры-рѣки или на финскомъ берегу залива, брезжитъ надежда на человѣческую жизнь, на отдыхъ, на свободу. И, наконецъ, всѣ, разными путями, послѣ недолгихъ, но тяжкихъ порой лишеній, собираются вмѣстѣ и на короткій срокъ живутъ общей, одинаковой жизнью. Этотъ срокъ — двухнедѣльный искусъ въ карантинѣ на финской границѣ, въ Келомякахъ. Здѣсь всѣ еще полны такими недавними, только-что пережитыми, впечатлѣніями бѣгства, перехода завѣтной черты... Вырвавшіеся изъ темницы, уже недоступные для погони,всѣ мы съ одинаковой радостью смотрѣли кругомъ, ослѣпленные солнцемъ, опьяненные воздухомъ свободы и, оборачиваясь назадъ, глядя на только что покинутыя стѣны нашей тюрьмы, съ одинаковымъ гнѣвомъ и ненавистью проклинали тюремщиковъ, отъ которыхъ ускользнули, но подъ властью которыхъ еще томятся наши братья. И, единственное, что мы знали твердо, въ чемъ всѣ были между собой согласны, это — то, что они тоже должны быть освобождены, какими угодно средствами, какой угодно цѣной, что стѣны ихъ темницы должны быть разбиты, палачи и тюремщики уничтожены.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, и за все это время я ни разу не встрѣтилъ, не почувствовалъ заграницей этого всеобщаго согласія, этой единодушной ненависти къ большевикамъ, насильникамъ Родины. Здѣсь заграницей, нѣтъ этого священнаго гнѣва, этой рѣшимости никогда не уступить, никогда не примириться, не поклониться грубой силѣ. А тамъ вѣдь это было труднѣе. Въ Россіи голодъ и физическія лишенія, иногда угрозы самому существованію, могутъ заставлять итти на компромиссы, на соглашенія, на уступки. Тѣмъ же, которые здѣсь, въ безопасности, въ

---

*) Эти „впечатлѣнія и мысли“ принадлежатъ представителю выросшей въ Совѣтскихъ условіяхъ патріотической молодежи и заслуживаютъ, какъ человѣческій документъ, особаго вниманія. **Ред.**

довольствѣ, ради выгодъ или изъ малодушія, готовы протянуть руку палачамъ Россіи — нѣтъ оправданія, нѣтъ и не будетъ прощенія.

Послѣднее мое воспоминаніе о полномъ согласіи, единодушіи, единомысліи въ вопросѣ о борьбѣ съ большевиками, борьбѣ во что бы-то ни стало, безъ пощады и до конца, всѣми средствами и всѣми силами, относится къ нашему карантинному сидѣнію. Тамъ было все еще такъ же, какъ въ Россіи. Съ тѣхъ поръ все, что я въ теченіе мѣсяцевъ видѣлъ и слышалъ въ Финляндіи, въ Берлинѣ, въ Парижѣ, такъ непонятно, такъ необъяснимо и такъ печально! Здѣсь за рубежомъ столько партій и группъ, сколько людей въ эмиграціи. Рѣдко встрѣтишь двухъ человѣкъ, согласныхъ между собой. И я вспоминаю первое утро въ карантинѣ, когда послѣ ночи проведенной на узкихъ койкахъ, въ мечтахъ о будущемъ, въ безпокойной, все еще неувѣренной радости — неужели свобода? — въ некрѣпкомъ, прерываемымъ вздохами и стонами, снѣ — мы, въ невольномъ бездѣльи карантиннаго ареста, говорили, говорили безъ конца о Россіи, о прошломъ и будущемъ, о нашихъ разочарованіяхъ и надеждахъ.

О чемъ же и говорить теперь намъ, русскимъ, когда, лишенные Родины, мы собираемся вмѣстѣ и, говоря о Ней, чувствуемъ, что Она все-таки существуетъ, что Россія есть, не тамъ за Совѣтской чертой и не здѣсь, среди перешедшихъ эту черту, а гдѣ то еще, внѣ географическихъ границъ, и все-таки реальная, живая и вѣчная?!

Мы не спорили тогда, у насъ не было разногласій и вражды. Слишкомъ недавно всѣ мы страдали въ одинаковомъ кошмарѣ, слишкомъ больны были раны, нанесенныя общимъ врагомъ, слишкомъ сильны были въ насъ гнѣвъ и ненависть къ нему. Я взялъ на себя неблагодарную и въ сущности неразрѣшимую задачу доказать, что въ Совѣтской Россіи въ анти-большевистскомъ лагерѣ нѣтъ разногласій, нѣтъ группъ, нѣтъ партій. Можно съ цифрами въ рукахъ доказывать обратное, можно приводить статистику партійныхъ организацій и группировокъ, я же въ доказательство своего утвержденія могу только привести свое личное свидѣтельство, свои впечатлѣнія отъ четырехлѣтняго пребыванія въ большевистской Россіи.

Обстоятельства и случай, отъ которыхъ теперь человѣческая жизнь зависитъ больше, чѣмъ когда бы то ни было, заставили меня не только близко узнать настроенія интеллигенціи, (въ частности студенчества), но и понять, о чемъ думаютъ, чего хотятъ въ деревнѣ: я побывалъ на югѣ Россіи, прожилъ долго въ центральныхъ губерніяхъ — Владимирской, Костромской, Нижегородской, около полугода въ Вятской губерніи и, наконецъ, лѣтніе мѣсяцы 1921 года — въ Олонецкой деревнѣ.

Я жилъ мѣсяцы въ крестьянскихъ избахъ и, во-время безконечнодолгихъ путешествій по желѣзнымъ дорогамъ, въ душномъ и тѣсномъ вагонѣ-теплушкѣ, гдѣ, подъ шумъ и грохотъ колесъ, развязываются языки въ откровенной бесѣдѣ — я многое слышалъ и многое узналъ. И я утверждаю, что за всѣ эти годы нигдѣ

и никогда я не встрѣчалъ партійныхъ людей, партійныхъ взглядовъ. О деревнѣ и говорить нечего, но даже въ городахъ, среди интеллигенціи, студенчества, я ни разу не наткнулся на тайную или явную партійную организацію, подпольную партійную работу. Больше того, разногласія и споры на политическія темы — были исключеніемъ, рѣдкостью. Я рѣшительно ихъ не помню. Навсегда у меня осталось общее впечатлѣніе единодушія и согласія въ антибольшевистскомъ лагерѣ, среди всѣхъ не-большевиковъ, объединенныхъ одинаковой ненавистью, связанныхъ между собой круговой порукой непримиримой вражды къ насильникамъ Родины.

Я помню, какъ зимой 1918—1919 года, когда въ Петербургѣ шли упорные слухи о томъ, что городъ будетъ оккупированъ иностранными цвѣтными войсками — многіе, очень многіе — таково было общее настроеніе — ждали ихъ прихода, какъ долгочаемаго, давно-желаннаго спасенія. Все равно откуда, отъ кого и какъ придетъ освобожденіе, чьими руками будетъ свергнута Совѣтская власть, какая партія или группа займетъ ея мѣсто. И пусть прольются еще рѣки крови, пусть настанетъ неизбѣжный періодъ анархіи, пусть воцарится самая черная „реакція“ — лишь бы окончился безумный кошмаръ, сковавшій Россію.

Кто тамъ въ Россіи боится новой крови? Пусть прольется еще, если только въ ней можно потопить большевизмъ. Страшнали — недолговременная, явная, ничѣмъ не прикрытая анархія — странѣ находящейся въ длительномъ и безнадежномъ состояніи скрытой анархіи? А реакціи боятся только тѣ, кто чувствуетъ за собой тяжкіе грѣхи, за которые придется отвѣтить передъ всякой властью, не связанной съ большевистской революціей. Я помню, какъ, въ дни Кронштадскаго возстанія, весь городъ прислушивался съ жадной надеждой, съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ къ несмолкаемому гулу канонады; какъ носились самые фантастическіе, невѣроятные слухи о близкомъ паденіи власти, о паникѣ среди нашихъ тюремщиковъ. И я помню то молчаливое отчаяніе, ту мертвую безнадежность, которыя повисли надъ ожившимъ было городомъ, когда торжествующіе большевики объявили одновременно о двухъ своихъ побѣдахъ: подавленіи возстанія и заключеніи торговаго договора съ Англіей. И, право, не знаю, какое изъ двухъ извѣстій глубже и болѣзненнѣе отозвалось въ усталыхъ и извѣрившихся душахъ.

Что сказать о настроеніяхъ студенчества, того стараго студенчества, которое сражалось за Родину въ рядахъ Царской Арміи и продолжало ту-же борьбу со злѣйшими врагами Россіи на всѣхъ противо-большевистскихъ фронтахъ?

Въ томъ высшемъ учебномъ заведеніи, въ которомъ я числился студентомъ, на 1500 слушателей коммунистовъ была горсточка, человѣкъ 10—15. Къ нимъ относились нетерпимо; имъ не давали говорить на сходкахъ, когда они выставляли свою кандидатуру въ какой-нибудь студенческій органъ — достаточно было выступить кому-нибудь и заявить безъ дальнѣйшихъ коментарій,

баллотирующійся — коммунистъ, и его кандидатура единогласно проваливалась. Слово „товарищъ“, такъ часто раздававшееся прежде въ стѣнахъ нашей Высшей Школы, теперь и, надо надѣяться, навсегда изгнано оттуда. Неписанный законъ замѣнилъ его словомъ „коллега“. Когда нашъ Институтъ праздновалъ годовщину своего основанія, то на огромной афишѣ, въ вестибюлѣ, дата основанія была обвита виньеткой изъ розъ, тогда какъ новую дату — 1921 годъ — обрамлялъ вѣнокъ изъ терній; въ кабарэ, устраивавшемся часто по вечерамъ въ студенческомъ общежитіи, стѣны украшались неизмѣнно рисунками и каррикатурами самаго „контръ-революціоннаго“ содержанія, и въ куплетахъ, сочиненныхъ студентами, съ эстрады, осторожно, но зло, высмѣивались всѣ порядки и мѣропріятія Совѣтской власти.

Наконецъ, во время послѣднихъ выборовъ въ Петросовѣтъ осенью 1921 г. все петербургское студенчество показало свое единодушіе, устроивъ обструкцію Луначарскому, прибывшему по случаю выборовъ изъ Москвы, и сорвавъ выборы по нѣкоторымъ районамъ. Конечно, большевики не смутились. На другой день мы прочли въ ихъ „Правдѣ“, что „послѣ того, какъ кучка контръ-революціонно настроенныхъ студентовъ покинула залъ, оставшіеся единогласно приняли списокъ коммунистическихъ кандидатовъ,“ но мы-то отлично знали, что залъ покинула не кучка студентовъ, а подавляющее большинство ихъ послѣ того, какъ собравшимся было объявлено, что выборы не состоятся ввиду вызывающаго поведенія студентовъ, и что согнанные изъ другихъ районовъ коммунисты остались въ небольшомъ числѣ, чтобы единогласно принять коммунистическій списокъ.

Эти осенніе выборы 1921 года показали большевикамъ, насколько непримиримо настроено студенчество, и власти, разумѣется, не замедлили наказать мятежниковъ. Аресты профессоровъ и студентовъ, сокращеніе числа учебныхъ пайковъ, введеніе новаго устава — были непосредственными послѣдствіями студенческихъ выборовъ. Еще одинъ маленькій, но характерный фактъ. Совершенно случайно я встрѣтился въ карантинѣ со студентомъ нашего Института, бѣжавшимъ, какъ и я, безъ проводниковъ, черезъ финляндскую границу. Его краткая біографія не лишена интереса. Больше 12 лѣтъ тому назадъ онъ окончилъ одно изъ Петроградскихъ Высшихъ Учебныхъ Заведеній и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, до большевистскаго переворота, будучи инженеромъ, занималъ видную должность на заводѣ. Для того, чтобы не служить Совѣтской Власти, онъ въ 1918 году вновь сталъ студентомъ, ибо, какъ ни голодно и тяжко живется этимъ пасынкамъ пролетарскаго государства, но зато они наименѣе зависимы отъ большевистскаго произвола. Теперь, уже кончая во второй разъ Институтъ, немолодой, при первой возможности, онъ бѣжалъ заграницу, не имѣя здѣсь ни друзей, ни родныхъ, безъ гроша въ карманѣ. Все его богатство, принесенное изъ Совдепіи, было 7 серебряныхъ чайныхъ ложекъ.

Но съ какой бодростью и какъ радостно смотрѣлъ онъ в будущее, отправляясь въ Тавастгусъ рубить дрова. Самые чер е дни остались позади. Кто станетъ бояться будущаго, если въ пр шломъ пережито все самое горькое, самое тяжкое?!

Этотъ случай характеренъ, но это не единичный случай. Мно есть людей въ Россіи, пошедшихъ на компромиссы, готовыхъ за скудную подачку отказаться отъ самыхъ завѣтныхъ убѣжденій, забыть требованія чести и морали, но тѣ, кто остался твердымъ и вѣрнымъ, кого не согнули ни лишенія, ни голодъ — тѣ непримиримы до конца, и они — то лучшее, здоровое ядро, существованіе котораго въ Россіи даетъ силу вѣрить въ ея грядущее возрожденіе. Если бы Вы спросили такихъ людей, если бы Вы, вообще, спросили любого гражданина Совѣтской Россіи изъ антибольшевистскаго лагеря — къ какой группѣ или партіи онъ принадлежитъ, какъ онъ мыслитъ себѣ будущій государственный строй Россіи (ибо въ долговѣчность большевиковъ никто — и они меньше всѣхъ — не вѣритъ), онъ посмотрѣлъ бы на Васъ, какъ на существо, явившееся съ другой планеты. Въ Россіи нѣтъ группъ, нѣтъ партій, нѣтъ направленій. И Совѣтская Власть отлично это знаетъ, недаромъ же на оффиціальномъ языкѣ существуетъ только двѣ „партіи“: коммунисты и всѣ имъ сочувствующіе, съ одной стороны, и безпартійные, съ другой. Между тѣми и другими — пропасть, но внутри этихъ лагерей нѣтъ споровъ. Чѣмъ неограниченнѣй и безпощаднѣй диктатура властвующихъ, тѣмъ непримиримѣе глухое, пассивное сопротивленіе подвластныхъ. Я монархистъ, но въ Совѣтской Россіи я не былъ монархистомъ. Тамъ соціалистъ — не соціалистъ и республиканецъ — не республиканецъ. Всѣ они безпартійны, всѣ принадлежатъ къ одной партіи — партіи непримиримыхъ враговъ большевизма и всего, что съ нимъ связано. Никогда, никогда у насъ не было споровъ, если въ одномъ, главномъ — ненависти къ коммунистическому строю — мы сходились. Остальное потомъ, остальное неважно. Мы были всѣ за Россію и противъ ея палачей.

Если таковы настроенія интеллигенціи, то тѣмъ болѣе безпартійно крестьянство. Крестьяне не одинаково всюду относятся къ Совѣтской Власти, но здѣсь различіе не въ существѣ, а только въ степени ихъ ненависти къ коммунистическому строю. Эта ненависть вытекаетъ, разумѣется, не изъ теоретическихъ соображеній, она порождена самой жизнью, непосредственнымъ соприкосновеніемъ со всѣми прелестями режима и тѣмъ она дѣйственнѣй и живѣе. Крестьянству нуженъ порядокъ, крестьянину нуженъ полный продуктъ его труда, нужна возможность получить въ обмѣнъ за свой хлѣбъ все необходимое въ хозяйствѣ. Прошлое въ его глазахъ какъ, впрочемъ, и въ глазахъ каждаго, кто не ослѣпляетъ себя сознательно — лучше, неизмѣримо лучше настоящаго. Въ прошломъ онъ помнитъ Царя и, естественно, видитъ въ немъ гарантію законности и порядка. Это настроеніе особенно усиливается чувствомъ своей вины и сознаніемъ тяжкихъ преступленій,

заставляющими видѣть въ переживаемыхъ лишеніяхъ и невзгодахъ — возмездіе за грѣхъ, которому нѣтъ прощенія. Ошибочно было бы сдѣлать изъ этого выводъ, что крестьянство, въ цѣломъ, настроено монархически-реставраціонно. И для него, какъ для всѣхъ, это вопросъ второстепенный, только оттѣнокъ. И въ городѣ, и въ деревнѣ одинъ врагъ — большевики. Всѣ кто не съ ними — противъ нихъ и вмѣстѣ.

Антибольшевистская Россія безпартійна, и въ этомъ сила ея пассивнаго сопротивленія. Такъ было тамъ. А здѣсь? Нужно-ли, стоитъ-ли говорить объ этомъ? Ничего не поняли, ничему не научились. То, что твердили 10—20—30 лѣтъ тому назадъ, продолжаютъ твердить и теперь. Зрѣлище воистину жалкое и смѣшное. Немногіе только имѣли мужество пересмотрѣть прошлое, признать свои ошибки и заблужденія, большинство, вопреки разуму, здравому смыслу, очевидности, какъ баба изъ малороссійскаго анекдота, утопая уже до макушки въ водѣ, высовываетъ пальцы надъ поверхностью пруда, показывая жестомъ: „а все таки стрижено, стрижено, а не брито!“ Надъ полемъ, заросшимъ чертополохомъ и бурьяномъ, который сами они усердно сѣяли, они утверждаютъ, что посѣвъ былъ хорошъ, а если всходы плохи — не ихъ вина. Дьявольскія шутки! Объ этомъ писать безполезно. Здѣсь это всѣ знаютъ. Тамъ мы думали иначе. Мы вѣрили еще въ „соль земли“.

— Но „если соль потеряетъ силу, то чѣмъ сдѣлаешь ее соленою? Она уже ни къ чему не годна, какъ развѣ выбросить ее вонъ на попранье людямъ“.

Тамъ мы поняли, что могутъ быть святой гнѣвъ и святая ненависть, что есть случаи, когда надо быть безпощаднымъ и непримиримымъ, когда слабость и колебанія — преступленіе. Въ той борьбѣ, которая сейчасъ ведется за жизнь нашей Родины, побѣдитъ тотъ, кто будетъ твердъ и вѣренъ себѣ до конца, у кого не дрогнетъ рука и не сожмется сердце при видѣ неизбѣжной крови и неотвратимыхъ жертвъ. Не побѣдятъ, не сохранятъ плодовъ побѣды тѣ, кто сомнѣвается, колеблется, оглядывается на каждомъ шагу. Изъ разногласій и споровъ не возникнетъ сила, способная свергнуть кремлевскихъ палачей. Тѣмъ изъ оставшихся тамъ, кто выдержалъ всѣ испытанія, вынесъ тяжелый искусъ, не согнулся и не уступилъ, будетъ дана великая радость стать строителями разрушенной Родины, и немногіе изъ пребывающихъ за рубежомъ смогутъ помочь имъ въ ихъ трудномъ и свѣтломъ дѣлѣ. Надо имѣть пылающее сердце въ груди, сердце полное любви и святого гнѣва.

Какъ сказано въ Писаніи, „о если бы ты былъ холоденъ или горячъ, но поелику ты тепелъ, а не горячъ и не холоденъ, то извергну тебя изъ устъ моихъ“.

А. Г.

Мартъ 1922 г. Парижъ.

Политическій обзоръ.

I. Русскія дѣла.

На свободной русской землѣ. Вѣсти съ Дальняго Востока еще разъ подтверждаютъ, какъ умѣло используется большевиками дальность разстоянія и дороговизна телеграфныхъ сообщеній для распространенія своихъ измышленій о единственной незавоеванной ими русской области. Въ мартѣ не только не произошло взятія Владивостока большевиками, не только не было переворота, — не произошло даже измѣненій въ построеніи власти. По прежнему во главѣ области — Приамурское Правительство, „директорія", изъ президіума несоціалистическаго съѣзда, возглавляемая С. Д. Меркуловымъ (котораго лишь на время его болѣзни замѣнялъ Еремѣевъ). Произошло только образованіе новаго совѣта министровъ, во главѣ съ С. И. Ефремовымъ. Около двухъ мѣсяцевъ у власти передъ тѣмъ находился временный „дѣловой" кабинетъ В. П. Разумова послѣ того, какъ въ январѣ вышелъ въ отставку кабинетъ В. Ф. Иванова. Причины частой смѣны министровъ, повидимому, коренятся въ общей затруднительности положенія; оно заслуживало бы внимательнаго изученія, какъ нѣкоторый возможный прообразъ слѣдующаго дня по паденіи большевиковъ. Одна изъ главныхъ трудностей — отсутствіе средствъ. Приамурское правительство живетъ безъ эмиссіи, нормальными государственными доходами (налогами, пошлинами, доходами отъ жел. дор.), счетъ идетъ въ золотыхъ рубляхъ, при этомъ въ отношеніи таможенныхъ пошлинъ несомнѣнно приходится считаться съ интересами союзной Японіи. Другая трудность — отсутствіе энергичнаго активнаго меньшинства, которое бы вело. По словамъ русскихъ харбинскихъ газетъ „приморскіе несоціалистическіе круги проявляютъ всѣ характерныя черты соціалистической кружковщины".*) Народное собраніе, состоящее въ большинствѣ изъ тѣхъ же группъ, что и несоціалистическій съѣздъ, ведетъ борьбу за власть съ совѣтомъ съѣзда. 24 марта состоялось общее собраніе представителей всѣхъ несоціалистическихъ организацій Владивостока; на немъ было выражено единодушное довѣріе С. Д. Меркулову; оппозиція

---

*) Русскій Голосъ. 16. III. 1922. Послѣднія имѣющіяся газеты отъ 26-го марта.

нѣкоторыхъ мѣстныхъ политическихъ „лидеровъ“ оказалась не имѣющей подъ собою почвы. Это совѣщаніе несомнѣнно укрѣпило положеніе правительства.

Состоявшаяся въ концѣ февраля на ст. Пограничной конференція мѣстныхъ коммунистовъ рѣшила усилить активность ввиду наступленія красной Арміи. При этомъ на конференціи было сообщено, что во внутреннихъ дѣлахъ области японцы хотятъ держать нейтралитетъ и что, будто бы, если бы коммунистамъ удалось изнутри совершить переворотъ безкровно, японцы бы не противились, но вооруженныхъ столкновеній допускать не намѣрены.

Россія и Японія.

Въ началѣ апрѣля — насколько можно пока установить, 2-го, — произошло около Спасска столкновеніе наступавшей отъ Хабаровска Красной Арміи съ японскими отрядами, прикрывавшими отходъ каппелевскихъ частей. Японцы оказались, повидимому, болѣе надежными союзниками русскихъ національныхъ силъ, чѣмъ о нихъ многіе думали; они отбили большевистское нападеніе и, судя по большевистскимъ же телеграммамъ, сами перешли въ наступленіе.

Совѣтская печать, конечно, будетъ кричать о „японскомъ имперіализмѣ“ и, какъ во всѣхъ столкновеніяхъ большевиковъ съ иностранцами, постарается использовать въ своихъ интересахъ патріотическое чувство. Но надо разобрать по существу: гдѣ, въ данномъ случаѣ, интересы Россіи?

Для русскихъ существованіе русской территоріи, свободной отъ краснаго ига, является уже само по себѣ огромной моральной цѣнностью, даже если не имѣть ввиду болѣе широкихъ надеждъ на возстановленіе Россіи съ Востока. Въ чемъ же интересы Японіи? Можно думать, врядъ-ли въ присоединеніи новыхъ земель, къ тому же съ климатомъ, для японцевъ убійственнымъ; изъ за нихъ ссориться съ настоящей Россіей и нарушать недавно заключенныя въ Вашингтонѣ соглашенія, и тѣмъ вызывать конфликтъ съ Америкой — врядъ ли стоило бы! Съ другой стороны, одни приторговыя имущества въ краѣ съ 1—2 милліонами жителей не окупали бы содержанія цѣлыхъ дивизій. Нѣтъ, Японія просто не можетъ допустить большевизаціи Кореи и Китая. Утвержденіе большевистскаго полновластія во Владивостокѣ было бы для коммунистовъ огромной психологической побѣдой. На Востокѣ вѣрятъ силѣ, или ея видимости, и трудно учесть послѣдствія соприкосновенія торжествующаго большевизма и бродящей трехсотмилліонной массы китайскаго народа. И въ предупрежденіи этой опасности интересы Россіи и всей европейской культуры сходятся съ интересами Японіи.

Попытка японцевъ сторговаться съ большевиками сорвалась. Тянувшаяся больше полугода Дайренская конференція кончилась ничѣмъ въ серединѣ апрѣля. Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ торжественно заявляетъ, что „подастъ помощь Дальневосточной республикѣ“. Съ другой стороны, и Японія заняла на Генуэзской конференціи болѣе рѣзкую позицію противъ большевиковъ.

Въ оккупированной III интернаціоналомъ области. Рѣчь Ленина. Полученныя въ настоящее время болѣе полныя свѣдѣнія объ XI съѣздѣ коммунистической партіи даютъ существенныя новыя черты. Прежде всего, столь путанно переданная заграницу рѣчь Ленина оказывается поразительной по своему откровенному пессимизму, превосходящему все говорившееся имъ до сихъ поръ.

Ленинъ начинаетъ съ предостереженія отъ увлеченій Генуэзской конференціей: ея значеніе умышленно раздуто „буржуазіей". Главное сейчасъ — сумѣть помочь „обнищавшему и голодающему крестьянину", — иначе „онъ пошлетъ насъ къ черту". Новой экономической политикой за первый годъ ничего не достигнуто. „Это надо прямо сказать". Коммунистамъ былъ оказанъ массами кредитъ, имъ была дана отсрочка, но „все дѣлается до извѣстнаго срока... Мы хозяйничать не умѣемъ. За годъ это доказано... Когда векселя будутъ предъявлены ко взысканію, этого изъ текста ихъ не узнаешь: такова особенность политическихъ векселей..." Государство за этотъ годъ уже дѣйствовало, не всегда по нашему": „вырывается машина изъ рукъ; какъ будто сидитъ человѣкъ, который ею правитъ, а машина идетъ не туда, куда ее направляютъ, а туда, куда ее направляетъ кто то другой, не то легальный, не то беззаконный, Богъ знаетъ откуда взявшійся..." „Мы годъ отступали; мы должны сказать отъ имени партіи — достаточно. Дѣло теперь въ перегруппировкѣ силъ... У насъ не хватаетъ культурности тому слою коммунистовъ, который управляетъ. Построить коммунистическое отечество руками коммунистовъ — ребячья, совершенно ребячья затѣя. Коммунисты это капля въ морѣ"... „Крестьянинъ скажетъ: если ты хозяйничать не умѣешь, то пойди вонъ. Да, крестьянинъ это скажетъ". Дѣло — не въ „политикѣ", а въ „подборѣ людей". — Къ тѣмъ, кто критикуетъ, должны примѣняться суровѣйшія мѣры: преступнѣе всего — вносить панику въ отступленіе. Революціонные трибуналы должны бы разстрѣливать всѣхъ меньшевиковъ, утверждающихъ, что новая экономическая политика ведетъ къ возстановленію капитализма! Надвигается тяжелый финансовый кризисъ, и „придется многое перестраивать и тогда все бросать на дно".

Въ сущности, Ленинъ не указываетъ и не видитъ выхода. На какія силы онъ еще разсчитываетъ въ „борьбѣ не на животъ, а на смерть между капиталомъ и коммунизмомъ", какъ онъ опредѣляетъ наступающій періодъ? Кого, кромѣ самихъ же коммунистовъ, этой „капли въ морѣ", можетъ еще двинуть большевистская власть на борьбу съ капитализмомъ? Отвѣта нѣтъ...

Кризисъ партіи. Наоборотъ: не только не появляется новыхъ союзниковъ, но въ средѣ коммунистовъ замѣчаются признаки разброда. „Группировки, тренія и склока" — какъ опредѣлилъ на томъ же съѣздѣ Зиновьевъ — „самаго различнаго вида: болѣе молодые противъ болѣе старыхъ, уѣздные

противъ городскихъ, партійные противъ совѣтскихъ, совнархозовцы противъ профсоюзовцевъ, и наоборотъ, губпродкомы съ совнархозами, и прочая, и прочая... Каковы же причины? Низкій уровень рядового члена нашей партіи. — Трудно вымолвить, но это такъ..." Правда, въ красной арміи 98000 коммунистовъ (болѣе $^1/_5$ всей партіи!), но зато есть крупные поселки, шахты и т. д., гдѣ на 10—12.000 рабочихъ приходится комячейка въ 6 человѣкъ.

Зиновьевъ взываетъ къ сохраненію единства партіи. Кромѣ „треній и склоки" есть и болѣе глубокія идейныя расхожденія, — это показываетъ наглядно резолюція по вопросу о т. н. рабочей оппозиціи. „Слѣва" или „справа" эта оппозиція, – объ этомъ можно было еще спорить въ прошломъ году; теперь видно отчетливо, что „слѣва". Рабочая опозиція стоитъ за оживленіе „рабочей демократіи" и за прекращеніе „уступокъ капитализму". Если она терпимѣе къ меньшевикамъ и эссерамъ, то суровѣе къ „капиталистамъ", „спекулянтамъ" и т. д., и сейчасъ стремится покончить съ политикой компромиссовъ.

Какъ установило „дознаніе", для котораго ея лидеры, въ томъ числѣ члены Ц. К. коммунистической партіи Медвѣдевъ и Шляпниковъ, а также извѣстная г-жа Коллонтай, были даже задержаны, рабочая оппозиція, несмотря на запрещеніе X-го съѣзда, организовала подпольную фракцію и систематически вела борьбу за захватъ своими единомышленниками руководящей роли въ президіумахъ профессіональныхъ союзовъ (особенно у металлистовъ), устраивала конспиративныя совѣщанія, входила въ сношенія съ группами, стремившимися создать IV Интернаціоналъ, и т. д. Внѣшнимъ выступленіемъ группы явилась подача заявленія „22-хъ" на конференцію III Интернаціонала.

XI-й съѣздъ выразилъ большинствомъ голосовъ осужденіе этой группѣ; но исключены были только два ея второстепенныхъ члена; видимо (какъ уже было въ августѣ 1921 г.) требуемыхъ двухъ третей для исключенія могло не набраться. Правда, въ Ц. К. Медвѣдева и Шляпникова уже больше не выбрали.

Наконецъ, въ итогѣ было принято поразительное постановленіе: не принимать въ теченіе года новыхъ членовъ въ партію. Этимъ коммунисты хотятъ отгородиться отъ чуждыхъ имъ элементовъ, хотятъ сохранить свою партію, какъ обособленную отъ всей страны силу. Не допустить растворенія партіи въ „мелкобуржуазной, анархической стихіи", поменьше имѣть „примазавшихся" въ своей средѣ, — всегда было предметомъ особой заботы большевиковъ. Они открывали свободный доступъ въ партію только въ минуты величайшей опасности, когда врядъ ли кто-нибудь бы пошелъ къ нимъ ради карьеры. Закрытіе доступа сейчасъ благопріятнѣе для лѣваго крыла.

Экономическій кризисъ.

Ростъ цѣнъ, какъ всегда бывало весной, въ апрѣлѣ замедлился; въ прошлые годы онъ такн же останавливался — обычно до ноября; черный хлѣбъ въ столицахъ стоитъ около 100.000 (въ 1921 г. —-

3000 р., въ 1920 — 400 р., 1919 г. — 100-200 р., въ 1918 г. — 10-15 р.; малый скачекъ съ 1919 г. на 1920 г. объясняется завоеваніемъ Юга и Сибири).

Выпускъ бумажныхъ денегъ къ концу апрѣля долженъ былъ достигнуть 15-значной цифры (100 трилліоновъ, 100.000.000.000.000); съ перваго апрѣля предписано однако счетъ вести въ „рубляхъ 1922 г.“ — четыре нуля откидывается., и остается скромная сумма въ 10 милліардовъ! Золотой рубль на „старые рубли“ котировался въ апрѣлѣ до двухъ милліоновъ. Иначе говоря, вся гора совѣтскихъ бумажекъ стоитъ всего 20—25 милліоновъ долларовъ! Отъ оффиціальнаго исчисленія курса и выплаты по нему жалованія совѣтское правительство отказалось. Введенные налоги, при всей фантастичности ихъ цифръ (подушный налогъ — 1—3 милліона, сборъ за телефоны 75 милліоновъ; билетъ Петроградъ—Москва $2^1/_2$ милліона, и т. д.) конечно, не могутъ при быстромъ паденіи курса и несовершенствѣ аппарата взиманія, имѣть никакого значенія для поправленія финансовъ.

Изъ предположеннаго бюджета въ 1.800.000 золотыхъ рублей дефицитъ уже оказывается не въ какую то одну седьмую; по заявленію Сокольникова на XI съѣздѣ онъ — болѣе половины. „Государственная промышленность“, заявилъ Сокольниковъ, „является калѣкой, живущимъ на средства государства“ — а въ бюджетъ были внесены значительные доходы отъ нея!

Но самой поразительной чертой послѣдняго мѣсяца является, пожалуй, констатированіе совѣтской печатью*) того факта, что въ совѣтской Россіи наблюдается... перепроизводство мануфактуры и нѣкоторыхъ другихъ промышленныхъ издѣлій.

Не то, чтобы ихъ производилось больше, чѣмъ раньше. Нѣтъ, ихъ изготовляется какихъ нибудь 5—10% прежняго. Если бы ихъ, какъ раньше, выдавали на пайки, нехватка была бы всюду. Но соотвѣтственно новой экономической политикѣ ихъ пытаются продать, ищутъ рынка — и оказывается, рынка нѣтъ — даже на мануфактуру. Это — страшный фактъ, несомнѣнно стоящій въ связи съ голодомъ деревни. Городъ уже давно пересталъ быть рынкомъ, онъ жилъ запасами, получая ихъ изъ казны, и сбывая свои — деревнѣ. Теперь перестаетъ быть рынкомъ и деревня. Продовольствіе — хлѣбъ — остается почти единственнымъ товаромъ, на который спросъ есть — да и не можетъ его не быть, пока люди живы. „Перепроизводство“ — симптомъ пожалуй много болѣе грозный, чѣмъ нуллификація совѣтскаго рубля.

Волненія и репрессіи.

Продолжаются, въ связи съ ограбленіемъ церквей, протесты прихожанъ по всей Россіи; извѣстіе объ арестѣ Патріарха было опровергнуто, но травля въ печати противъ него ведется во всю. Въ Шуѣ за „устройство волненій“ при изъятіи цѣнностей изъ церквей приговорены къ разстрѣлу три священника.

---

*) Въ частности Ломовымъ въ „Эконом. жизни“.

Глухія вѣсти о волненіяхъ въ Средней Азіи доходятъ, за послѣднее время, урывками. Отряды „басмачей“ хозяйничаютъ въ Туркестанѣ, убиваютъ коммунистовъ. Сообщается, будто, назначенный большевиками командующимъ войсками въ Бухарѣ извѣстный Энверъ-Паша объявилъ себя независимымъ правителемъ. На Кавказѣ — возстаніе въ Кахетіи. Изъ Тифлиса и Батума выселены всѣ иностранные консула.

Въ Кіевѣ — массовые аресты (650 человѣкъ по совѣтской печати), открытъ будто бы какой то „петлюровскій“ заговоръ. Въ Крыму попрежнему мерещатся большевикамъ фантастическіе десанты арміи генерала Врангеля.

Продолжаются и репрессіи противъ „прочихъ соціалистовъ“, несмотря на всѣ разговоры объ единомъ фронтѣ. Процессъ эсеровъ отложенъ. Но комиссаръ юстиціи Курскій заявилъ, что обѣщаніе, данное Радекомъ на конференціи всѣхъ интернаціоналовъ о непримѣненіи къ эсерамъ смертной казни, нисколько не связываетъ революціонный трибуналъ. Со своей стороны и Ленинъ высказалъ осужденіе Радеку.

Въ данномъ случаѣ дѣло не въ томъ, что Курскій и Ленинъ хотятъ обязательно казнить эсеровъ: Совѣту Народныхъ Комиссаровъ, передъ заграницей позирующему какъ русское правительство, неудобно выявлять свою формальную зависимость отъ чисто партійныхъ учрежденій. Тутъ какъ бы ящикъ съ двойнымъ дномъ. Когда коммунистической партіи желательно провести то или иное рѣшеніе, она его безпрепятственно проводитъ черезъ всѣ совѣтскія инстанціи или помимо нихъ. Но если бы она захотѣла отъ отвѣтственности за то или иное рѣшеніе уклониться, то могла бы передать его „суверенным“ совѣтамъ, трибуналамъ и т. д. Есть ли это идеологическая уступка? Скорѣе — военная хитрость. На дѣйствительныя задачи совѣтской власти прямо указываютъ слѣдующія примѣчательныя слова красноармейскаго оффиціоза: „При новомъ курсѣ экономической политики Красная Армія остается арміей Коминтерна... Для развитія наступательно-революціонной идеологіи въ распоряженіи государства есть агитаціонно-просвѣтительный аппаратъ... настоящій періодъ въ развитіи арміи усиленно выдвигаетъ идею содѣйствія международному пролетаріату, идею интернаціональныхъ дѣйствій Красной Арміи въ обстановкѣ грядущей соціальной европейской революціи. Эта идея и является движущей силой, направляющей современное военное строительство Красной Арміи“.*) Но, конечно, и отъ использованія въ своихъ интересахъ по существу имъ враждебныхъ національныхъ эмоцій большевики при этомъ не откажутся. Третій интернаціоналъ не прочь, когда это ему нужно, кощунственно играть именемъ Россіи.

Репрессіи не миновали и столь, казалось бы, лояльную „оппо-

*) „Красная Армія“, журналъ изд. при Военной Академіи, № 9, декабрь 1921 г. („Соціалистическій Вѣстникъ“ 2. V. 1922).

зицію Его Величества Пролетаріата“ меньшевиковъ. Заграничная делегація с.-д. опубликовала 2-го мая воззваніе, въ которомъ указываетъ на массовые аресты с.-д. за послѣднія недѣли; одною изъ главныхъ причинъ, будто бы, явилось ихъ участіе въ забастовкахъ рабочихъ противъ совѣтскихъ „трестовъ“. Кромѣ арестовъ примѣняется и ссылка — главнымъ образомъ въ Туркестанъ.

Въ зарубежной Россіи.

Въ зарубежной Россіи праздникъ Пасхи и связанныя съ Генуэзской конференціей ожиданія и тревоги въ значительной мѣрѣ пріостановили на апрѣль мѣсяцъ общественную и политическую работу.

Въ Прагѣ создается русскій юридическій факультетъ, гдѣ русскіе студенты могутъ получать образованіе, котораго не получить нигдѣ въ другомъ мѣстѣ: ни въ совѣтской Россіи, гдѣ перековерканы факультеты, ни въ заграничныхъ университетахъ, гдѣ русскому праву мало удѣлено мѣста.

Въ окраинныхъ государствахъ за послѣднее время полоса гоненій на русскихъ. Изъ Польши въ Данцигъ выселены свыше ста человѣкъ подъ предлогомъ „монархическаго заговора“. Въ объясненіяхъ, которыя давалъ по этому поводу сеймовой комиссіи польскій министръ внутреннихъ дѣлъ, говорилось о томъ, что конспиративная монархическая организація подготовляла вооруженные отряды для переброски „на восточную границу“; дѣятельность этой организаціи будто бы особенно усилилась послѣ рейхенгальскаго съѣзда; она имѣла связи „въ высокихъ сферахъ польскаго общества“. Польское правительство, учитывая возможность нежелательныхъ осложненій съ совѣтской Россіей, въ связи съ мобилизаціей большевистскихъ войскъ у границы, желало устранить одинъ изъ возможныхъ поводовъ конфликта. Въ преніяхъ польскіе депутаты обнаружили большое незнаніе вопросовъ русской внутренней политики (какъ, впрочемъ, и министръ внутреннихъ дѣлъ, въ одну кучу валившій смѣновѣховца Носкова, ген. Врангеля, казачьихъ атамановъ и монархистовъ), а также большую дозу руссофобства. Заслуживаетъ, впрочемъ, вниманія правдивое и умное заявленіе деп. Грабскаго, который сказалъ: „ничего удивительнаго въ томъ нѣтъ, что русскіе антибольшевистскіе элементы конспирируютъ противъ большевиковъ, и этому не сможетъ помѣшать ни одно правительство, какъ не смогъ никто въ свое время прекратить работу польской эмиграціи, направленную на освобожденіе родины“.

Въ другихъ странахъ — Эстоніи, Латвіи — аресты носили тотъ же характеръ, только производились въ меньшемъ размѣрѣ. Особо стоитъ дѣло, повидимому, въ Румыніи, гдѣ подъ видомъ „монархической“ организаціи работали большевистскіе агенты; во всякомъ случаѣ, къ охватывающему всѣхъ организованныхъ монархистовъ объединенію („Рейхенгаллю“) румынскія группы никакого отношенія не имѣли.

Большевистская печать заграницей — изъ экономіи? — прекратила свое существованіе, частью совсѣмъ („Новый Путь“ въ

Ригѣ), частью съ замѣной „органами большевистствующей обывательщины“ — „смѣновѣховскими“ изданіями („Наканунѣ“ въ Берлинѣ вмѣсто „Новаго міра“). Въ эти изданія удалось привлечь нѣсколькихъ стоявшихъ донынѣ внѣ политики художниковъ и критиковъ (А. Н. Толстой, З. Венгерова); это вызвало по ихъ адресу рѣзкую отповѣдь со стороны независимой печати, начиная отъ эсеровъ. Въ зарубежной Россіи реагируютъ однако менѣе рѣзко противъ переходящихъ въ лагерь враговъ, — чѣмъ въ Совѣтской области, гдѣ при внѣшнемъ подчиненіи гораздо сильнѣе внутреннее отталкиваніе.

Всѣ вопросы отношеній Россіи и большевиковъ къ внѣшнему міру въ этомъ мѣсяцѣ неразрывно сплелись съ Генуэзской конференціей. Даже германо-большевистское соглашеніе, перерастающее, быть можетъ, по своему значенію все, что эта конференція можетъ дать въ законченномъ видѣ, — нельзя всетаки выдѣлить изъ ея рамки. Такъ же и условія хозяйственнаго возстановленія Россіи (лишенныя смысла при большевикахъ, но могущія послужить основой для переговоровъ той или иной будущей власти) удобнѣе разсматривать въ общемъ планѣ конференціи.

Одно только можно здѣсь же сказать: русскія дѣла рѣшатся не въ Генуѣ. Для тѣхъ героическихъ пріемовъ, которые одни могли бы разрѣшить ихъ извнѣ, нужны были бы совершенно иныя предпосылки, чѣмъ тѣ, на которыхъ Ллойдъ Джорджъ пытается основать свои проекты новаго устройства Европы.

4/V 22/IV 1922.

II. Генуэзская конференція.*)

Задачи и замыслы. Въ оффиціальной программѣ Генуэзской конференціи стоятъ: вопросъ о содѣйствіи хозяйственному возстановленію Россіи и вопросы объ урегулированіи валютныхъ отношеній, международной торговли и транспорта. Почему же на нее, вмѣсто финансовыхъ экспертовъ, съѣзжаются премьеры большинства европейскихъ странъ?

Въ меню — по образному выраженію графа Аппоньи — остались только бульонъ да горчица. Почему же на собраніе въ Генуѣ стремятся какъ на роскошный пиръ? Неужели дѣйствительно, какъ думаютъ нѣкоторые, всѣ правительства видятъ въ облегченіи торговыхъ сношеній съ большевиками — давно уже ведущихся! — выходъ изъ мірового кризиса?

Конечно — нѣтъ. Изъ задачъ Генуэзской конференціи оффиціально исключена ея главная цѣль: общій пересмотръ положенія, созданнаго мирами подъ Парижемъ. Это — попытка, путемъ давленія „мірового общественнаго мнѣнія“, провести „англійскую“ точку зрѣнія на Версальскій договоръ: осуществлять его путемъ

*) Закончено 8-го мая с. г.

постепенныхъ смягченій. Въ Каннахъ Ллойдъ-Джорджъ пытался склонить Францію на этотъ путь; отставка Бріана сдѣлала соглашеніе съ нею невозможнымъ. Но осталось — уже принятое Бріаномъ за Францію — рѣшеніе созвать Генуэзскую конференцію. Ллойдъ-Джорджъ держался за данное слово, и, путемъ всевозможныхъ уступокъ въ вопросахъ ея программы, добился того, что конференція всетаки состоялась. Пусть въ меню — бульонъ и горчица; когда гости съѣдутся — посмотримъ, не потребуютъ ли они чего нибудь болѣе питательнаго, — и кто посмѣетъ отказать „всей Европѣ"!

Главный иниціаторъ конференціи, Ллойдъ-Джорджъ, въ ея удачѣ заинтересованъ и лично: внутри — его положеніе нетвердо, власть онъ можетъ сохранить только при успѣхѣ во внѣ. Укоры въ карьеризмѣ, въ цѣпляніи за власть въ данномъ случаѣ были бы неумѣстны: не изъ за матеріальныхъ выгодъ или внѣшнихъ почестей Ллойдъ-Джорджъ не хочетъ уходить; онъ убѣжденъ, что безъ него все въ мірѣ пойдетъ хуже, что онъ одинъ обладаетъ должнымъ чутьемъ дѣйствительности. Другой вопросъ, насколько это убѣжденіе правильно!

Англія, въ общемъ, раздѣляетъ внѣшнюю политику Ллойдъ Джорджа; но въ то время какъ оппозиція слѣва считаетъ ее еще недостаточно категоричной, — коалиціонное большинство, особенно правое его крыло, стоятъ нѣсколько ближе къ „французской" позиціи, чѣмъ премьеръ; въ частности, вліятельная „печать лорда Нортклиффа" — „Times", „Daily Mail" и т. д.

Отношеніе Франціи къ конференціи — естественно — крайне недовѣрчивое. Она отлично сознаетъ, что главная цѣль Ллойдъ Джорджа — оказать „моральное давленіе" главнымъ образомъ на нее. Но предлоги, оффиціальныя задачи конференціи настолько какъ будто невинны и почтенны, что неудобно взять обратно данное Бріаномъ согласіе. Впрочемъ, и на большевиковъ Франція смотритъ не такъ по маниловски, какъ нѣкоторыя другія страны. И позиція Пуанкарэ (который болѣе выражаетъ мнѣніе Франціи, чѣмъ Ллойдъ Джорджъ — Англіи) ясна: на конференціи, при соблюденіи программы, присутствіе премьеровъ излишне; выходъ изъ рамокъ былъ бы нарушеніемъ обязательствъ, принятыхъ иниціаторами.

Для Германіи — надежды на Геную являлись какъ бы послѣдней соломинкой, послѣднимъ шансомъ мирнаго исхода изъ положенія. Какъ ни взывали справа къ скептицизму, неясная надежда на какой то все-европейскій миръ была широко распространена въ народѣ.

Италія примыкала къ „англійской" позиціи. За послѣдній годъ недружелюбіе къ тому, что называли французской гегемоніей, сильно распространилось въ итальянской средѣ; неоднократно имѣли мѣсто анти-французскіе инциденты. Къ тому же, въ Италіи наименѣе себѣ представляютъ дѣйствительное положеніе Россіи и наиболѣе склонны вѣрить въ ея возстановимость черезъ

большевиковъ. Наконецъ, хозяевамъ Генуи было бы лестно, чтобы на ихъ землѣ состоялось великое всеобщее примиреніе.

Другія страны? Нейтральныя въ общемъ настроены благожелательно къ Германіи, и склонны поддержать всякое облегченіе ея положенія; сосѣди Совѣтской Россій — колеблются между враждою къ ней и страхомъ передъ осложненіями; Бельгія и государства Малой Антанты склоняются къ позиціи Франціи.

Для большевиковъ — Генуэзская конференція прежде всего огромная реклама. Тотъ фактъ, что при запретѣ говорить объ истинныхъ цѣляхъ конференціи большевики оказались первымъ номеромъ программы — явился для нихъ подаркомъ судьбы. Кромѣ готовности при случаѣ урвать кредитъ, основной задачей большевиковъ являлось углубленіе противорѣчій въ „буржуазной Европѣ", — задача, по существу противуположная ллойдъ-джорджевскому замиренію...

Россія на конференціи представлена не была. По поводу приглашенія большевиковъ, русскими національными кругами былъ поданъ рядъ протестовъ. Приамурское правительство, какъ единственная русская власть на русской землѣ, черезъ ген. Лохвицкаго передало заявленіе созвавшимъ конференцію державамъ, въ которомъ говорилось, что „правительство Совѣтовъ не имѣетъ права представлять собою Россію и русскій народъ," и что „всѣ договоры и обязательства, заключенные большевиками отъ имени Россіи, не будутъ обязательными для русскаго народа и его будущаго законнаго правительства". Высшій Монархическій Совѣтъ разослалъ участникамъ конференціи письмо, въ которомъ отъ имени „грядущей царской Россіи" заявлялось: „Всѣ обязательства, подписанная во имя Россіи ея палачами, будутъ отвергнуты русскимъ народомъ, какъ только онъ получитъ возможность свободно изъявлять свою волю". Русскій Національный Комитетъ составилъ для всѣхъ правительствъ записку, доказывающую утопичность надеждъ на эволюцію большевиковъ и протестующую противъ ихъ приглашенія въ Геную, и вмѣстѣ съ другими русскими общественными организаціями послалъ привѣтствіе статсъ-секретарю Юзу по поводу отказа Соед. Штатовъ отъ участія въ конференціи съ большевиками. Русскій Финансово-Торгово-Промышленный Союзъ составилъ обширный меморандумъ, дающій сводку современнаго положенія Совѣтской Россіи. На состоявшемся 6-го апрѣля въ Парижѣ совѣщаніи всѣхъ отдѣловъ Союза были приняты резолюціи, подчеркивающія полную непримиримость русскихъ дѣловыхъ круговъ въ отношеніи большевистской власти. Предположено было послать въ Геную особую делегацію, но это встрѣтило внѣшнія препятствія, чрезвычайно характерныя и воспринятыя русскимъ общественнымъ мнѣніемъ, какъ прямая и незабываемая обида. Наконецъ, Объединенный Совѣтъ Дона, Кубани и Терека, за подписью всѣхъ казачьихъ атамановъ, послалъ предсѣдателю конференціи протестъ противъ переговоровъ съ коммунистической партіей, какъ съ русской законной властью. „Ка-

заки“, говорилось въ заявленіи, — „привѣтствовали бы сотрудничество иностраннаго капитала въ своихъ земляхъ при условіи освобожденія ихъ отъ власти коммунистовъ“. Къ сожалѣнію, всѣ эти заявленія и протесты были поданы разрозненно, безъ общаго плана.

Русская точка зрѣнія на Геную проста: главный интересъ Россіи — скорѣйшее ея освобожденіе отъ ига большевиковъ. Этой цѣли конференція не способствуетъ — быть можетъ, наоборотъ! Основную ея цѣль — установленіе прочнаго мира — русскіе могли бы привѣтствовать, но только въ иной обстановкѣ. Въ Генуѣ со злѣшими врагами Россіи говорятъ, какъ съ ея представителями; и страданіями русскаго народа пытаются оправдать поддержку основной причины этихъ страданій. Поэтому отношеніе русскихъ къ Генуѣ въ цѣломъ не можетъ не быть рѣзко отрицательнымъ.

Открытіе. Во дворцѣ Санъ-Джорджіо, въ живописно расположенной амфитеатромъ вокругъ полудуги залива старой Генуѣ, засѣдаетъ конференція. Въ съѣздъ делегатовъ нѣкоторую экзотику внесли большевики, время прибытія которыхъ тщательно скрывалось, — остановившіеся въ элегантномъ отелѣ въ Санта-Маргерита подъ охраной отряда въ нѣсколько сотъ карабинеровъ. За ними первые дни гонялись репортеры, тщательно отмѣчая, сколько рубашекъ купилъ себѣ Чичеринъ.

Предварительными совѣщаніями установленъ распорядокъ: за предсѣдательскимъ столомъ сидятъ державы приглашающія — въ центрѣ Италія, справа Франція и Японія, слѣва — Англія и Бельгія. Остальныя приглашенныя страны сидятъ за четырьмя длинными параллельными столами (большевики рядомъ со Швеціей, въ концѣ третьяго стола справа).

На первомъ общемъ собраніи, состоявшемся 10 апрѣля, былъ произнесенъ рядъ рѣчей — представителями приглашающихъ державъ (кромѣ Японіи), рейхсканцлеромъ Виртомъ и Чичеринымъ. Общею чертой рѣчей Факта, Ллойдъ Джорджа и Вирта было превознесеніе, въ неопредѣленныхъ, но сильныхъ выраженіяхъ, значенія Генуэзской конференціи. „Во всѣхъ странахъ“ восклицалъ Ллойдъ Джорджъ „есть теперь собаки, своимъ лаемъ оглушающія Европу. Это, наконецъ, дѣйствуетъ на нервы!... Если бы конференція не удалась, весь міръ охватило бы отчаяніе“. Барту, глава французской делегаціи, заявилъ, что всѣ устали отъ словъ; Франція готова помочь въ реальной работѣ. Генуя, конечно, не кассаціонная инстанція для дѣйствующихъ договоровъ, но духъ ненависти Франціи чуждъ, ея лозунги — миръ и трудъ. Сенсацій все не было; ихъ ждали отъ Чичерина, не связаннаго никакими обязательствами; но и его рѣчь — которую въ произнесеніи почти никто не понялъ — оказалась сравнительно блѣдной; однако, въ ней говорилось о томъ, что международныя конференціи должны стать постояннымъ учрежденіемъ; высказывалось намѣреніе внести предложеніе о всеобщемъ разоруженіи; предла-

гался удивительнѣйшій планъ разрѣшенія валютной проблемы: распредѣленіе золота между всѣми странами, соотвѣтственно численности ихъ населенія!

Признать, что конференція можетъ обсуждать вопросъ о разоруженіи — значило сразу расширить ея рамки; и Барту немедленно заявилъ протестъ: вопросъ о созывѣ ряда дальнѣйшихъ конференцій и разоруженіе — выходятъ за предѣлы намѣченной программы. Ллойдъ Джорджъ воспользовался случаемъ: возражая, будто бы, Чичерину, онъ сказалъ, что конференція должна создать ту атмосферу, при которой разоруженіе само собой придетъ. Факта затѣмъ отказалъ Чичерину и Барту въ словѣ. Инцидентъ перваго дня былъ благопріятенъ „генуэзцамъ": общее настроеніе делегатовъ въ данномъ случаѣ въ большинствѣ оказалось противъ Франціи; Ллойдъ Джорджъ могъ регистрировать свой первый успѣхъ.

Первая недѣля. Затѣмъ — разбились на четыре комиссіи: по вопросамъ политическимъ, экономическимъ (главнымъ образомъ торговымъ), финансовымъ и транспортнымъ. Комиссіи приступили къ работамъ 11-го и 12-го. Въ каждой участвуютъ представители всѣхъ 28 государствъ. Въ политической комиссіи — предсѣдателемъ избранъ Факта, въ финансовой — сэръ Р. Хорнъ, въ экономической — французъ Кольра и въ транспортной — бельгіецъ Тёнисъ.

Политическая комиссія избрала двѣ подкомиссіи изъ 11 членовъ: одну „по каннскимъ резолюціямъ" т. е. по русскому вопросу (въ нее вошли: державы приглашающія, Германія, большевики, Польша, Чехословакія, Голландія, Швейцарія); при выборахъ другой — по защитѣ національныхъ меньшинствъ — большевики сдѣлали неудачную попытку отвести делегатовъ Румыніи и Японіи на томъ основаніи, что эти государства оккупируютъ русскую территорію.

Въ началѣ работъ подкомиссіи большевикамъ былъ предложенъ меморандумъ, выработанный въ Лондонѣ совѣщаніемъ экспертовъ. Во введеніи высказывалось нѣсколько здравыхъ мыслей: „при господствующемъ въ Россіи положеніи туда склонны итти только азартные спекулянты"... „Основа — сельское хозяйство; для его возстановленія необходима увѣренность въ своемъ владѣніи и право свободнаго распоряженія урожаемъ" и т. д. Выводы были довольно скромные: требовали признанія долговъ, созданія комиссіи по взысканію долга, освобожденія иностранцевъ отъ принудительныхъ работъ, производства полицейскихъ и судебныхъ дѣйствій (обысковъ и арестовъ) только въ присутствіи соотвѣтственныхъ консуловъ, допущенія реквизицій — только при условіи должной оплаты; всѣ эти условія, излишнія при нормальномъ строѣ, совершенно были бы недостаточны при большевистскомъ режимѣ, т. е. при фактически полномъ отсутствіи какихъ либо гарантій.

Большевики пытались сначала поднять шумъ, протестовать, утверждали, что эти условія обратили бы Россію въ иностранную

колонію; заявляли, что готовы порвать; но, въ концѣ концовъ, не ушли.

Они свое положеніе использовали во всю: открыли особую пріемную для журналистовъ, гдѣ съ превеликой охотой давали объясненія по любому вопросу и первое время привлекали массу народа. Такая даровая возможность пропаганды „въ міровомъ масштабѣ“ давалась имъ впервые! Иногда на „пріемахъ“ выходили и недоразумѣнія: такъ, Раковскій на ехидные вопросы французскаго соціалиста антибольшевика, принялся выхваливать коммерческія выгоды и вычислять феерическіе барыши отъ торговли съ „совѣтами“, принявъ спрашивающаго за „капиталиста“; французъ злорадно выслушивалъ похвальбу, пока Раковскаго не предупредили, и онъ спѣшно не оборвалъ интервью! Въ комиссіяхъ большевики продолжали поражать своими заявленіями: тотъ же Раковскій утверждалъ, что финансы Совѣтской Россіи почти блестящи; нормальные доходы покрываютъ $^{6}/_{7}$ бюджета; и отстаивалъ пресловутый проектъ Чичерина о перераспредѣленіи золотыхъ запасовъ, указывая, что особенно много золота скопилось въ Соед. Штатахъ; въ транспортной комиссіи для того, чтобы иностранные поѣзда могли ходить по болѣе широкой русской колеѣ, большевики предложили на русскихъ путяхъ положить третью рельсу! Они также, въ отвѣтъ на требованіе признать долги, предъявили „контръ-счетъ“ юмористическаго характера; исчисляя въ 50 милліардовъ золотыхъ рублей убытки, причиненные внутренними возстаніями противъ Совѣтской власти, они требовали ихъ возмѣщенія съ Антанты! На самомъ дѣлѣ, русскія „бѣлыя“ движенія сберегли на 1—2 года обширныя области отъ совѣтскаго разоренія; „союзники“ же, къ сожалѣнію, поддерживали эти движенія слишкомъ вяло. Но изъ этого, конечно, еще не вытекаетъ ничьихъ финансовыхъ обязательствъ! На суммѣ своего „контръ-счета“ большевики не настаивали, признавая, что „15 милліардовъ можетъ быть и не достаточно обоснованы“; и видя, что объ этихъ безсмысленныхъ (по выраженію Ллойдъ Джорджа) претензіяхъ никто серьезно не разговариваетъ, они ихъ сняли.

Но надо было отвѣчать по существу меморандума. Его принятіе роняло бы престижъ большевиковъ; его отклоненіе могло бы знаменовать ихъ уходъ.

„Генуэзцы“ были довольны началомъ конференціи; „европейское мнѣніе“ какъ будто создавалось. Надо только продолжать безъ скандаловъ, полагали они. Ллойдъ Джорджу поэтому было желательно договориться и съ большевиками. Дѣлать это безъ союзниковъ было неудобно, и на виллѣ Ллойдъ Джорджа начались во второй половинѣ Страстной недѣли „частныя совѣщанія“ державъ приглашающихъ — съ большевиками. Тѣ держались своей обычной тактики: протестовали, путали, затягивали. И въ этой обстановкѣ большевикамъ удалось добиться весьма важнаго по своимъ послѣдствіямъ акта.

Германо-большевистское соглашеніе.

Германская делегація, сперва было удовлетворенная непривычнымъ за послѣдніе годы „равноправіемъ“ и сочувственнымъ настроеніемъ, стала нервничать, когда начались совѣщанія на виллѣ Ллойдъ Джорджа. И тотъ шантажъ, который не удался въ февралѣ Радеку, пугавшему нѣмцевъ „русско-французскимъ“ союзомъ, на этотъ разъ возымѣлъ успѣхъ. Большевики стали нѣмцевъ бомбардировать извѣстіями о томъ, что вотъ-вотъ будетъ ими заключено соглашеніе съ Антантой, что они уступятъ союзникамъ право взысканія съ Германіи по ст. 116 Версальскаго мира, и т. д. — а затѣмъ предложили Германіи „гарантировать себя отъ неожиданностей“, подписавъ тутъ же давно уже намѣчавшееся соглашеніе. Ратенау и Виртъ сдались, и 16 апрѣля въ первый день Пасхи, день отдыха для конференціи, германо-большевистскій договоръ былъ подписанъ въ Рапалло.

Содержаніе договора сводится: къ признанію Совѣтской власти Германіей de jure; ко взаимному отказу отъ взысканія военныхъ убытковъ; къ отказу Германіи отъ претензій по поводу національзацій — въ случаѣ, если не будутъ удовлетворены и претензіи другихъ странъ; — и къ установленію принципа наибольшаго благопріятствованія въ сношеніяхъ. Подписи: Чичеринъ. Ратенау.

Но значеніе договора совершенно не въ его формальномъ содержаніи.

Когда на слѣдующій же день договоръ былъ большевиками опубликованъ, то произвелъ, по общему выраженію, впечатлѣніе разорвавшейся бомбы.

Для Франціи явился онъ подтвержденіемъ худшихъ ея опасеній. „Соглашеніе Берлинъ — Москва означаетъ войну!“ былъ единодушный крикъ французской печати.

„Генуэзцы“ съ Ллойдъ Джорджемъ во главѣ были взбѣшены. Сепаратное соглашеніе, предвосхищавшее главный пунктъ оффиціальной программы, разрушало всѣ паутинныя ткани международной солидарности, которыя они съ такимъ стараніемъ плели.

Впечатлѣніе въ Германіи было огромное, и въ большинствѣ ярко сочувственное. Но замѣчательно, что въ наибольшей мѣрѣ актъ германской делегаціи привѣтствовали круги, стоящіе въ рѣзкой оппозиціи къ Вирту и Ратенау. Договоръ привѣтствовали, какъ смѣлый поступокъ („endlich eine deutsche Tat!“), какъ вызовъ, брошенный Франціи и Польшѣ. Активистское психологическое значеніе договора оттѣнялось еще тѣмъ, что всѣ опредѣленные сторонники примирительной политики осудили его: Гарденъ назвалъ его прямо „колоссальной глупостью“, независимый соціалистъ Брейтшейдъ заявилъ, что договоръ — пагубная ошибка, въ томъ же духѣ высказывался крайній радикалъ Германъ въ своей „Welt am Montag“.

Среди русскихъ договоръ не могъ не вызвать крупнаго поворота отъ Германіи даже въ тѣхъ кругахъ, которые наиболѣе ей

сочувствовали. Можно теоретически разсуждать, что Германія дѣйствовала не изъ любви къ большевикамъ, а „съ отчаянія“, но фактъ демонстративнаго сближенія съ оккупантами, съ поработителями нашей родины оставилъ глубокій слѣдъ въ русской психологіи. Въ особенности отталкивало то упорное, систематическое отождествленіе большевиковъ съ Россіей, которое стало проявляться въ Германіи на каждомъ шагу.

Въ Совѣтской Россіи, при слабой международно-политической освѣдомленности населенія, могутъ, конечно, сперва появиться надежды на то, что „нѣмецъ“ („Вильгельмъ“, какъ выражаются въ народѣ) скушаетъ теперь большевиковъ. Но ясно, что изъ договаривающихся сторонъ сейчасъ сильнѣе недосягаемые и дѣеспособные большевики; что Германія ждетъ отъ нихъ помощи, а не обратно. И разочарованіе въ „нѣмцѣ“ наступить не замедлитъ.

Каковы ни были намѣренія германской делегаціи; есть ли еще какое либо тайное соглашеніе или его нѣтъ; но договоромъ въ Рапалло вызваны духи, которыхъ Вирту и Ратенау врядъ ли уже заклясть. Дальнѣйшія уступки дальнѣйшимъ требованіямъ побѣдителей сдѣлались, вѣроятно, немыслимыми при той надеждѣ на возможность военной поддержки, которую пробудилъ договоръ съ Совѣтской Россіей въ широчайшихъ слояхъ германскаго народа.

Большевики, конечно, довольны. Они вбили клинъ въ „буржуазную Европу“; они получили признаніе de jure отъ хотя и разоруженной, но все же великой державы. На случай активнаго выступленія у нихъ есть теперь шансъ имѣть солиднаго попутчика. Совѣтская печать не замедлила повысить тонъ. „Посмотрите“, писала „Правда“ „какъ оскалила зубы самая злая собака — французская буржуазія, какъ залаялъ предсѣдатель ея делегаціи Барту... Отъ велерѣчивыхъ изліяній пора перейти къ дѣлу!“ „Красная Газета“ не отставала: „Контръ-ударъ попалъ прямо въ сердце, и стая шакаловъ всполошилась... Въ шумѣ и гамѣ, которые поднимаютъ дипломаты буржуазіи, явственно слышится вой шакаловъ, которые думали поживиться на полѣ боя, но встрѣтили мужественный отпоръ“. Въ другой статьѣ представители Антанты называются „сумасшедшими, вырвавшимися изъ банкирскихъ домовъ и генеральныхъ штабовъ“ (!).

Шатанія. Въ первую минуту послѣ опубликованія договора, который самъ Ллойдъ-Джорджъ назвалъ „пощечиной всей конференціи,“ раздраженіе было настолько велико, что могла быть принята любая форма протеста. Но тотчасъ-же итальянская делегація, съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Сканцеромъ, принялась „спасать конференцію,“ и къ ней вскорѣ примкнулъ и Ллойдъ-Джорджъ.

Было созвано засѣданіе Антантъ большой и малой, и отъ имени этихъ девяти державъ (къ которымъ была присоединена еще Португалія), письмомъ на имя предсѣдателя конференціи заяв-

лено было требованіе объ удаленіи Германіи изъ подкомиссіи по русскимъ дѣламъ, такъ какъ она уже всѣ вопросы за себя рѣшила безъ другихъ. Такое выступленіе группы державъ за всю конференцію вызвало нѣкоторое раздраженіе нейтральныхъ, что еще осложнило обстановку.

Французская печать требовала либо отмѣны договора, либо ухода Франціи изъ Генуи. Былъ поднятъ вопросъ, не стоитъ ли договоръ въ Рапалло въ противорѣчіи съ Версальскимъ миромъ, не расходится ли онъ съ Каннскими условіями. Одно время казалось, что возстановлено единство Антанты.

Къ большевикамъ, какъ политически невмѣняемымъ и международно непризнаннымъ, не обращался никто; всѣ громы обрушились на Германію. Ее упрекали въ томъ, что она сама уничтожила создавшееся благопріятное для нея настроеніе („къ сожалѣнію, настроенія не питательны“ отвѣчалъ „Berliner Tageblatt“). 20 апрѣля Ллойдъ-Джорджъ выступилъ съ эффектнымъ интервью передъ собраніемъ въ 600 журналистовъ, рѣзко критиковалъ поведеніе Германіи, но заявилъ что съ ея исключеніемъ изъ „русской“ подкомиссіи инцидентъ будетъ исчерпанъ, и высказалъ убѣжденіе въ томъ, что конференція успѣшно завершитъ свои работы, и всѣ государства примутъ на себя торжественное обязательство десять лѣтъ жить другъ съ другомъ въ мирѣ.

21 апрѣля германская делегація подала самооправдательную ноту. 22-го Барту послалъ предсѣдателю конференціи заявленіе, называвшее лживыми рядъ утвержденій ноты, и потребовалъ болѣе категорическаго постановленія объ исключеніи. Снова были созваны обѣ Антанты, и послѣ принятія второй, болѣе рѣзкой ноты, подчеркивающей карательный характеръ исключенія Германіи — инцидентъ былъ признанъ исчерпаннымъ, на чемъ особенно настаивали Ллойдъ-Джорджъ и Сканцеръ.

За это время большевики послали (21), за подписью Чичерина, ноту, въ которой соглашались принять часть предложеній лондонскаго меморандума, но требовали, чтобы военные долги были понижены (по англійски: written down), чтобы Совѣтской Россіи былъ предоставленъ заемъ и чтобы она была признана de jure. Однако, 22-го, въ засѣданіи подкомиссіи, отъ большевистской делегаціи былъ розданъ меморандумъ, въ рѣзкой формѣ полемизировавшій съ предложеніями экспертовъ, и совершенно не согласованный съ нотой Чичерина. Франція и Японія при такихъ условіяхъ отказались продолжать переговоры, и ихъ делегаты покинули засѣданіе. Тогда большевики объявили, что свой меморандумъ роздали „къ свѣдѣнію“ и готовы взять его обратно. А 24-го они сообщили, что ихъ невѣрно поняли, что военные долги должны быть не понижены, а списаны (written off); и потребовали вообще для уплаты мораторія въ 30 лѣтъ.

Такъ среди сумбура закончилась вторая недѣля. 22-го итальянскій король, тоже стремившійся спасать конференцію, прибылъ въ Геную на броненосцѣ „Данте Алигіери“ и принималъ у себя

делегатовъ всѣхъ странъ. Явились и большевики; и тоже обмѣнивались тостами и рѣчами съ королемъ... Впечатлѣніе было довольно тягостное.

Рѣчь Пуанкарэ. Изъ лабиринта условностей, изъ борьбы за настроенія и впечатлѣнія, рано или поздно надо было выйти. Французскій премьеръ, посѣщавшій городъ Баръ-ле-Дюкъ въ Лотарингіи, произнесъ тамъ 23 апрѣля большую рѣчь, опредѣлявшую его взглядъ на создавшееся положеніе.

Онъ заявилъ, что его, лотарингца, не напрасно называютъ французомъ изъ приграничныхъ (français de la frontière). Да, сказалъ онъ, мы, французы изъ приграничныхъ, цѣнимъ миръ много болѣе всѣхъ другихъ, такъ какъ всякая война проходитъ разрушеніемъ по нашимъ роднымъ мѣстамъ; но мы также знаемъ, что только огромнымъ напряженіемъ воли, никогда не слабѣющимъ, можно бываетъ этой войны избѣжать. Франція находится подъ большей угрозой, чѣмъ другіе союзники; и хотя она стремится дѣйствовать съ ними за одно, она не можетъ остановиться, въ случаѣ надобности, передъ сепаратнымъ дѣйствіемъ. Сколькихъ пробудилъ отъ вчерашняго благодушнаго спокойствія германо-большевистскій договоръ! Угроза Франціи и особенно Польшѣ каждую минуту можетъ стать реальной, и болѣе, чѣмъ когда либо, надо стоять на точномъ выполненіи Версальскаго мира. 31 мая настанетъ важный срокъ. Если комиссія по возмѣщеніямъ признаетъ, что Германія обязательствъ своихъ не намѣрена выполнить, то союзники вправѣ и должны будутъ дѣйствовать. По договору санкціи могутъ быть приведены въ исполненіе каждымъ союзнымъ государствомъ въ отдѣльности. Мы желаемъ дѣйствовать солидарно съ союзниками, но не можемъ отказаться отъ защиты своихъ правъ. Затѣмъ — по адресу Генуи: ни консорціумы банкировъ, ни мудрые совѣты по вопросамъ валюты и транспорта не разрѣшатъ политическихъ противорѣчій... Торговля, какъ и краснорѣчіе, объединяетъ людей — во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ не разъединяетъ! — но нельзя безнаказанно игнорировать въ политикѣ моральныя силы, добрыя и злыя. Одна изъ этихъ силъ — и изъ наиболѣе дѣйственныхъ – господствующая въ широкихъ слояхъ Германіи — жажда реванша; другая — и изъ наиболѣе опасныхъ — это стремленіе большевиковъ навязать міру свое новое евангеліе. Отъ нихъ не защититься экономическими соглашеніями, имъ должна быть противопоставлена нравственная стойкость, и Франція останется въ Генуѣ только въ томъ случаѣ, если ей не придется дѣлать уступокъ Германіи и Совѣтской Россіи. Въ 1914 г. угроза была болѣе непосредственно-грозной, — менѣе коварно-затемненной; и Франція, сильная своимъ правомъ, должна оставаться на сторожѣ.

Реплика Ллойдъ-Джорджа. Рѣчь Пуанкарэ, почти игнорировавшая всеспасающую Генуя, вызвала со стороны „генуэзцевъ“ отвѣтные шаги. Англійское бюро печати при конференціи издало оффиціозное оповѣщеніе, въ которомъ высказывалась тревога по поводу возможныхъ сепаратныхъ

дѣйствій Франціи, и выдвигалось пожеланіе о немедленномъ созывѣ въ Генуѣ совѣщанія державъ, подписавшихъ Версальскій миръ, для обсужденія вопроса о санкціяхъ. Съ французской стороны Пуанкарэ далъ комментарій къ своей рѣчи: никакихъ сепаратныхъ выступленій Франція не замышляетъ; до 31 мая вообще неизвѣстно, будетъ ли надобность въ санкціяхъ; рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ состоящей изъ всѣхъ союзниковъ комиссіи по возмѣщеніямъ; и новой инстанціи нечего создавать въ лицѣ совѣщанія державъ, подписавшихъ договоръ, — особенно въ Генуѣ, гдѣ было бы неизбѣжно то или иное смѣшеніе съ конференціей, созванной въ иномъ составѣ и — по условію — для иныхъ цѣлей.

26 апрѣля Ллойдъ-Джорджъ на банкетѣ англійскихъ и американскихъ журналистовъ произнесъ знаменательную рѣчь. Онъ открыто указалъ на главную цѣль созыва конференціи. Въ Европѣ нѣтъ настоящаго міра, говоритъ онъ, Германія и Россія составляютъ двѣ трети ея населенія. Игнорировать ихъ нельзя. Германо-совѣтскій договоръ для многихъ явился откровеніемъ, но сближеніе этихъ двухъ силъ было легко предвидѣть, и не надо доводить ихъ до отчаянія. Какія возможности нашествій нашла бы въ себѣ вооруженная Германіей голодающая Россія! Сейчасъ мы — побѣдители, но положеніе можетъ измѣниться. Если мы сдѣлаемъ нашу побѣду источникомъ угнетенія, то возмездіе насъ не минуетъ, и еще на глазахъ людей съ сѣдыми головами, подобныхъ мнѣ, Европа обратится снова въ кровавый хаосъ. Меня страшатъ, воскликнулъ Ллойдъ-Джорджъ, тѣ грозовыя тучи, которыя быстро поднимаются на политическомъ горизонтѣ. И рѣчь свою онъ заключилъ обращеніемъ къ Америкѣ: пусть она, стоящая внѣ застарѣлыхъ распрей, скажетъ, наконецъ, свое вѣское слово въ пользу общаго мира.

Проблема „побѣдителей и побѣжденныхъ", недосказанная главная цѣль конференціи, выдвигалась такимъ образомъ на первый планъ. Съ французской стороны указывалось, что выступленіе Ллойдъ-Джорджа является обходомъ принятыхъ обязательствъ. Были такіе же голоса и въ Англіи; такъ, членъ парламента, маршалъ Вильсонъ выступилъ съ рѣчью, примыкающей къ позиціи Франціи и рѣзко критиковалъ Ллойдъ-Джорджа. Зато вся оппозиція слѣва, независимые либералы и рабочая партія, горячо одобрили рѣчь премьера. Это явилось шагомъ, могущимъ подготовить распадъ нынѣшней англійской коалиціи и возсозданіе старой либеральной партіи, союзной съ рабочей, возвращеніе Ллойдъ Джорджа въ составъ лѣваго блока. (Но трудно ожидать, чтобы онъ могъ стать его лидеромъ: слишкомъ велики тамъ предубѣжденія противъ него, накопившіяся за послѣдніе 6-7 лѣтъ).

Попытки закончить.

Когда позиціи опредѣлились, надо было дѣлать выводы. Чувствовалось, что въ Генуѣ вопросъ не разрѣшится. Европейскаго общественнаго мнѣнія, какъ дѣйственнаго фактора, не создалось; надо было кончать конференцію и сговариваться потомъ по существу. Но не такъ просто

кончить; психологически полная неудача конференціи была бы слишкомъ рѣзкимъ ударомъ по „генуэзцамъ“ — главнымъ образомъ Англіи и Италіи; и добиться хотя бы формальнаго успѣха было трудно. Выдвинута была идея „Божьяго перемирія“, торжественнаго обязательства всѣхъ странъ не посягать другъ на друга втеченіе десяти лѣтъ. Но и тутъ были препятствія: не только санкціи въ отношеніи къ Германіи, но и вопросъ о Габсбургахъ въ Австріи и Венгріи заинтересованныя державы хотѣли особо оговорить; а это, съ другой стороны, вызывало протестъ.

Оставалась еще оффиціальная программа. Снова вернулись къ вопросу о большевикахъ. За послѣдніе дней десять они какъ то были отодвинуты на задній планъ, и, не трогая „большихъ“, отводили душу въ рѣзкихъ нотахъ по адресу Польши: съ какой стати она, заключившая Рижскій миръ, дала свою подпись подъ осужденіемъ договора въ Раппало? Какъ это, послѣ совѣщанія въ Ригѣ въ концѣ марта, гдѣ Польша обязалась поддерживать признаніе de jure Совѣтской Россіи, она теперь занимаетъ какъ будто иную позицію? Германіи эти окрики приходились очень по душѣ; польскій министръ иностранныхъ дѣлъ Скирмунтъ неизмѣнно отвѣчалъ съ холодной вѣжливостью, что совѣтскія претензіи лишены всякаго формальнаго основанія, что въ Ригѣ въ концѣ марта были только высказаны пожеланія совѣщаніемъ экспертовъ и т. д.

27 апрѣля германская делегація съ Виртомъ и Ратенау во главѣ была на банкетѣ у Чичерина и обмѣнивалась съ большевиками изысканнѣйшими безсодержательными любезностями, избѣгая въ тостахъ всякой „политики“.

Пока за кулисами велись разговоры о созывѣ державъ, подписавшихъ Версальскій миръ, о санкціяхъ и т. д., „генуэзцы“ стали спѣшно подготовлять проектъ соглашенія съ большевиками, чтобы хотя бы этотъ сомнительный результатъ записать въ активъ конференціи. Въ то же время, продолжали работу финансово-экономическія комиссіи.

Генуэзскій меморандумъ.

Глава французской делегаціи, Барту, долженъ былъ поѣхать въ Парижъ для совѣщанія съ Пуанкарэ и другими министрами по вопросамъ тактики въ заключительной стадіи конференціи. Вокругъ его отъѣзда создалось довольно нервное настроеніе; въ немъ видѣли начало распада Генуи. Ѣдетъ? Не ѣдетъ? — гадали отъ часа къ часу, когда отъѣздъ Барту замедлялся изъ за выработки меморандума для передачи большивикамъ. Наконецъ, Барту уѣхалъ утромъ 30-го.

При формулировкѣ предложеній, надо было согласовать двѣ редакціи — французскую и англійскую. Англичане и итальянцы стремились пролавировать между Сциллой и Харибдой: не сдѣлать явной нелѣпости и избѣжать въ то же время отказа большевиковъ; Франція „Харибды“ — большевистскаго отказа — не боялась и въ бо́льшей мѣрѣ отстаивала здравый смыслъ, хотя тоже шла довольно далеко навстрѣчу большевикамъ. Въ засѣданіи „русской“ подкомиссіи, состоявшемся послѣ долгаго перерыва 28 апрѣля,

присутствовали, кромѣ пяти державъ приглашающихъ, Польша, Чехословакія, Голландія и Швейцарія; не были приглашены: исключенная Германія и сами большевики, какъ „сторона". Въ этомъ составѣ и вырабатывался генуэзскій меморандумъ.

Подкомиссія работала четыре дня, съ 28 апрѣля по 2 мая. Результатъ ея работъ явился своеобразной попыткой примирить „методическое безуміе" большевиковъ съ нормальнымъ хозяйственнымъ порядкомъ. Во вступленіи говорится объ экономическомъ значеніи Россіи для Европы; затѣмъ, попадается примѣчательная фраза: „Возстановленіе Россіи необходимо въ собственныхъ интересахъ Россіи". Эта поразительная аксіома становится понятной, если принять во вниманіе, что нота обращается не къ Россіи, а къ „Россіи"; смыслъ ея: и вамъ, большевикамъ, будетъ лучше, если перестанетъ вымирать подвластная вамъ страна! Дальше большевиковъ старательно убѣждаютъ, что для возстановленія нуженъ иностранный капиталъ, который не пойдетъ, если ему не дадутъ гарантій. Затѣмъ указывается, какіе кредиты правительства могли бы открыть своимъ торговцамъ и промышленникамъ, желающимъ работать въ Совѣтской Россіи: Англія 25 милл. ф. ст.; Франція — около 1200 локомотивовъ и 25.000 вагоновъ на льготныхъ условіяхъ; Японія 8 милл. іенъ (кредитъ русско-японскому торговому обществу); Бельгія 250 милл. фр. Кромѣ того, предположено учредить международный трестъ, въ которомъ каждое государство участвуетъ въ суммѣ 20 милл. ф. ст. Намекъ на возможность кредита совѣтскому правительству былъ только въ формулировкѣ предложеній Италіи. Затѣмъ слѣдуютъ условія, идущія большевикамъ болѣе навстрѣчу, чѣмъ лондонскій проектъ: 1) воздержаніе отъ пропаганды, и недопущеніе ея организаціи на своей территоріи; содѣйствіе заключенію мира между кемалистами и Греціей; 2-5) признаніе долговъ; то или иное рѣшеніе вопроса о военныхъ долгахъ — только въ связи съ междусоюзнымъ соглашеніемъ по этому вопросу; отказъ отъ всякихъ контръ-требованій; признаніе долговъ частнымъ лицамъ — иностранцамъ, и долговъ мѣстныхъ самоуправленій; 6) обязательство, въ теченіе года, заключить соглашеніе съ кредиторами по вопросу о возобновленіи уплаты процентовъ; въ случаѣ надобности, третейскій судъ съ суперъ-арбитромъ, назначеннымъ президентомъ Соед. Штатовъ; 7) возвращеніе національзованныхъ иностранныхъ имуществъ или возмѣщеніе понесенныхъ убытковъ главнымъ образомъ путемъ новыхъ концессій; о формахъ и размѣрахъ, въ случаѣ несогласія — третейскій судъ; 8-10) облегченіе требованія долговъ отъ русскихъ подданныхъ; когда эти лица совѣтскимъ правительствомъ поставлены въ невозможность платить, долгъ переходитъ на правительство; для разрѣшенія конфликтовъ особая смѣшанная комиссія для каждой страны: большевикъ; подданный этой страны; и предсѣдатель, назначенный общимъ третейскимъ судомъ; 11) гарантіи личной и имущественной безопасности иностранцевъ, согласно лондонскимъ предложеніямъ; 12) соглашеніе по вопросамъ ликвидаціи до-воен-

ныхъ договоровъ между русскими и иностранными подданными; 13) возвращеніе Румыніи депонированныхъ ею въ Москвѣ золота и прочихъ цѣнностей.

Вокругъ параграфа 7-го завязалась неожиданно борьба; Бельгія требовала, чтобы въ него внесли оговорку: если національзованное имущество владѣльцу не возвращается, то оно не можетъ быть передано и третьему лицу. Поправка принята не была; Барту уѣхалъ въ Парижъ, его временно замѣнилъ Барреръ. Въ заключительномъ засѣданіи 2 мая Бельгія отказалась подписать меморандумъ; Барреръ пытался добиться принятія бельгійской поправки, согласно телеграфной инструкціи изъ Парижа. Но Ллойдъ-Джорджъ рѣшительнс настоялъ на немедленномъ принятіи всего меморандума безъ дальнѣйшихъ поправокъ, его поддержали Италія и нейтральные, и Барреръ заявилъ, что въ такомъ случаѣ онъ можетъ подписать только условно, съ оговоркой о томъ, что окончательное рѣшеніе будетъ принято по полученіи инструкцій. Въ такомъ видѣ 3 мая меморандумъ былъ переданъ большевикамъ, за подписями Англіи, Италіи, Японіи, Польши, Чехословакіи, Голландіи и Швейцаріи, и — условно — Франціи.

Оказалось, что бельгійская поправка имѣла вполнѣ опредѣленный смыслъ. У бельгійцевъ возникло опасеніе, что принадлежащія имъ угольныя копи и нефтяные промыслы, нынѣ національзованные, будутъ переданы другимъ, — голландскимъ и англійскимъ концессіонерамъ, а бельгійскимъ владѣльцамъ будетъ дана „компенсація“ вродѣ лѣсныхъ концессій на Алтаѣ. По этому поводу англійскіе промышленники опубликовали заявленіе, въ которомъ признавали наличіе переговоровъ о нефтяныхъ концессіяхъ, но утверждали, что переговоры прерваны впредь до окончанія Генуэзской конференціи.

Въ Парижѣ совѣтъ министровъ, съ участіемъ Барту, постановилъ присоединиться къ бельгійской точкѣ зрѣнія, и меморандумъ подписать только въ томъ случаѣ, если его подпишетъ и Бельгія.

Многообразныя вліянія, клонящія, вопреки разсудку, къ соглашенію съ большевиками дополнились за послѣднія недѣли своеобразнымъ факторомъ: католическая церковь, въ лицѣ папы Пія XI и генуэзскаго архіепископа, опредѣленно высказалась за „помощь страждущимъ народамъ Восточной Европы“, понимая подъ этимъ содѣйствіе Совѣтской власти. Повидимому, у католическаго духовенства появилась мечта — воспользоваться господствомъ въ Россіи антирелигіозной власти для насажденія въ ней католичества! Врядъ ли это можетъ содѣйствовать увеличенію русскихъ симпатій къ католицизму. Безпринципный союзъ съ врагами всякой религіи врядъ ли приличествуетъ одной изъ великихъ христіанскихъ церквей!

Большевики не торопятся давать отвѣта на меморандумъ, да и срока имъ не поставлено. Даетъ онъ имъ мало; правда, и требуетъ не очень многаго. О наиболѣе интересномъ для большевиковъ — о займѣ въ немъ не говорится ничего. Есть въ немъ и конкретное

требованіе: возвращенія Румыніи золотого запаса. У большевиковъ готовый отвѣтъ на него: а Бессарабія? Надо сказать, — большевики не имѣютъ правъ ни на золото, ни на Бессарабію. Золото принадлежитъ Румыніи, Бессарабія — Россіи. Захватъ Бессарабіи большевиками могъ бы — какъ и всѣ большевистскія завоеванія — пойти на пользу Россіи только въ томъ случаѣ, если бы большевистская власть была затѣмъ немедленно свергнута. Иначе, годъ большевистскаго хозяйничанія могъ бы превратить Бессарабію изъ ирриденты русской — въ ирриденту румынскую...

Второе общее собраніе. 3-го мая состоялось второе общее собраніе конференціи. Оно совершенно не касалось „боевыхъ темъ". Представили свои доклады комиссіи финансовая и транспортная. Предложенія первой въ общихъ чертахъ воспроизводили постановленія Брюссельской финансовой конференціи 1920 г., оставшіяся на бумагѣ; вторая примыкала къ рѣшеніямъ конференціи въ Порто-Роза въ 1921 г. Наиболѣе опредѣленнымъ было предложеніе принять мѣры къ возстановленію золотого обращенія, которое одно могло бы прекратить колебанія курсовъ; для этого рекомендовалось сокращеніе государственныхъ расходовъ, соблюденіе бюджетнаго равновѣсія и девальвація въ странахъ съ обезцѣненной валютой. Окончательныя рѣшенія по этому вопросу предлагалось передать конференціи директоровъ эмиссіонныхъ банковъ.

Всѣ эти пожеланія были приняты безъ возраженій. Въ довольно блѣдныхъ преніяхъ голландскій делегатъ Карнебеекъ указывалъ на невозможность упорядочить валютныя отношенія, когда на нѣкоторыхъ странахъ лежатъ непосильныя долговыя обязательства — прозрачный намекъ на германскую контрибуцію.

Въ другихъ комиссіяхъ еще не закончено обсужденіе вопросовъ таможенныхъ, транспортныхъ. Въ финансовую комиссію Раковскій внесъ заявленіе, гдѣ указываетъ, что Совѣтской Россіи на возстановленіе сельскаго хозяйства нуженъ кредитъ въ 2797 (обязательно „97"!) милліоновъ золотыхъ рублей, что она намѣревается построить 4534 версты новыхъ ж.-д. путей и т. д.

Что же дальше? Сейчасъ конференція стоитъ на мертвой точкѣ: не можетъ ничѣмъ закончиться, не можетъ прерваться! По основному вопросу — о санкціяхъ — Чемберлэнъ въ Палатѣ Общинъ заявилъ, что Англія не стала бы участвовать въ оккупаціи Рурской области. Это показываетъ, что англійское правительство пока цѣликомъ поддерживаетъ Ллойдъ-Джорджа. „Генуэзцы" бы не прочь затянуть конференцію до 31 мая, — срока, поставленнаго Германіи комиссіей по возмѣщеніямъ — если бы это можно было сдѣлать безъ явнаго „злого умысла". Но Генуя, въ сущности, уже не является сейчасъ силой; теперь рѣшенія дадутъ скорѣе переговоры въ другихъ мѣстахъ — Парижѣ, Лондонѣ и т. д. Европейскаго мощнаго мнѣнія не сложилось.

Въ общемъ, опытъ Генуэзской конференціи показываетъ, что попытки изобрѣсти новую „открытую" дипломатію являются уто-

пичными, что тайна лежитъ въ самой природѣ незаконченныхъ международныхъ сношеній. Мнѣніе о томъ, что нѣкоторыя „эгоистическія“ цѣли не выдержатъ свѣта гласности, оказалось невѣрнымъ: въ концѣ концовъ, всякій серьезный національный интересъ можно достаточно обосновать теоретически. И наоборотъ: гласное обсужденіе заставляетъ заострять, утрировать положенія, доказывать ихъ абсолютную жизненную необходимость — и тѣмъ существенно затрудняетъ всякіе компромиссы. Къ „тайной дипломатіи“ пришлось перейти и въ Генуѣ, когда дошли до сколько нибудь конкретныхъ вопросовъ. Но нужны ли въ такомъ случаѣ торжественныя инсценировки, вызывающія преувеличенные ожиданія и страхи?

Что дальше? Попытка договориться съ большевиками будетъ вѣроятно еще продолжена. Ллойдъ-Джорджъ, въ сущности, не прочь имъ дать „отступного“ въ видѣ кредита изъ англійской казны, чтобы они пока „сидѣли смирно“, не воевали. Но врядъ ли на это пойдетъ весь англійскій кабинетъ, съ Черчиллемъ. А на экономическое возстановленіе Россіи при большевикахъ врядъ ли надѣется и Ллойдъ-Джорджъ. Со стороны нѣкоторыхъ круговъ — Италія, католицизмъ, отчасти нѣмцы — замѣчается одновременное преувеличеніе силы большевиковъ и преуменьшеніе ихъ идейной „твердокаменности“. Думаютъ, что они то или иное могутъ реально дать (концессіи, возможность развитія миссіонерства) и что они за нѣкоторыя матеріальныя выгоды откажутся отъ всѣхъ своихъ цѣлей; что ихъ слова — только слова, на которыя вниманія можно не обращать. Всѣ эти круги разочарованіе ждетъ во всякомъ случаѣ: если большевики скоро падутъ, связь съ ними не пойдетъ на пользу ни комми-вояжерамъ, ни іезуитамъ; если они удержатся, то въ удобную минуту сумѣютъ все „прибрать къ рукамъ“.

Политическій барометръ показываетъ, во всякомъ случаѣ, „перемѣнно“. Будетъ ли война? — въ Варшавѣ этотъ вопросъ на всѣхъ устахъ. На это же — надежды нѣмецкаго обывателя. Рѣшатся ли большевики? И перенесутъ ли ударъ, Германіи ради, съ болѣе удобной для нихъ Румыніи — на Польшу? Поводовъ найти можно сколько угодно. Изъ Москвы — минуя Чичерина — на этихъ дняхъ послана Польшѣ нота, требующая съ нея возмѣщенія убытковъ отъ дѣятельности Балаховича, Петлюры и Савинкова. Стоитъ заострить это требованіе до ультиматума — и война неизбѣжна.

Въ сложныхъ сплетеніяхъ международной политики сейчасъ къ русской точкѣ зрѣнія наиболѣе приблизились Франція и Соед. Штаты. Отвѣтъ Барту Чичерину, жаловавшемуся на плохое отношеніе Франціи къ „Россіи“, заслуживаетъ того, чтобы его запомнили: „Франція къ русскому народу всегда относилась съ величайшимъ сочувствіемъ, но она боролась и продолжаетъ бороться съ правительствомъ, подписавшимъ брестъ-литовскій миръ“.

6/V 24/IV 1922.

III. Дѣла иностранныя.

Германская контрибуція. Внѣ рамокъ Генуэзской конференціи жизнь шла по прежнимъ русламъ. Въ положеніи вопроса о германской контрибуціи не произошло пока перемѣнъ. Первый изъ сроковъ, указанныхъ въ мартовской нотѣ комиссіи по возмѣщеніямъ — 30 апрѣля, — былъ Германіей соблюденъ: еще за двадцать дней до его истеченія новые налоги, возвѣщенные въ концѣ января, приняты рейхстагомъ въ окончательной формѣ. Взносъ золотомъ за апрѣль (18 мил. марокъ) сдѣланъ, какъ полагалось, 15-го. Передышка во взносахъ (послѣ уплатъ каждые десять дней по 31 мил., производившихся во второй половинѣ марта), — отразилась повышеніемъ курса марки — долларъ съ 350 спустился до 300, временно даже до 250 м. Ближайшій взносъ — 50 мил. марокъ золотомъ къ 15 мая — будетъ, повидимому, также произведенъ въ срокъ. Но грознымъ memento продолжаетъ стоять дата 31 мая; почти невѣроятно, чтобы германское правительство — особенно въ новой общей обстановкѣ, захотѣло или смогло бы исполнить требованія комиссіи по возмѣщеніямъ. Отказъ отъ ихъ исполненія не былъ бы равносиленъ отказу отъ платежа по долгамъ и не влекъ бы за собой автоматически санкцій; но онъ былъ бы вѣроятно признанъ за отказъ Германіи отъ предложенныхъ ей облегченныхъ условій платежа на основаніи Каннскихъ резолюцій; могла бы итти рѣчь о возвратѣ къ условіямъ принятаго Германіей въ маѣ 1921 г. лондонскаго ультиматума. И здѣсь уже грань конфликта; если Германія откажется отъ облегченныхъ условій платежа, то можно ли ожидать, что прежнія она захочетъ или сможетъ выполнить?

Въ германской печати идутъ толки о планѣ сокращенія контрибуціи въ связи съ погашеніемъ международныхъ долговъ, но нѣтъ пока реальныхъ признаковъ такой возможности. Въ то же время, получить заграничный заемъ на покрытіе ближайшихъ взносовъ, при современномъ состояніи ея финансовъ, Германія видимо не можетъ.

Въ связи съ ростомъ цѣнъ ростутъ въ то же время требованія рабочихъ и служащихъ. Сократить расходы нынѣшнее германское правительство и германскіе муниципалитеты явно не въ силахъ: они ихъ вынуждены постоянно повышать. Рабочіе подъ вліяніемъ коммунистической агитаціи, принимаютъ все болѣе повелительный тонъ; 2-го мая огромныя толпы окружили берлинскую городскую думу, гдѣ обсуждался вопросъ о повышеніи жалованія. Попытки проникнуть въ зданіе были отражены полиціей; на улицѣ произошла схватка съ демонстрантами, въ городской думѣ коммунисты и независимые подняли бурю по поводу „насилій полиціи,“ засѣданіе пришлось прервать. Демонстранты долго не расходились, хотя и были оттѣснены отъ зданія думы. Въ видѣ протеста противъ дѣйствій полиціи городскими рабочими объявлена на сутки общая забастовка (кромѣ водопровода).

Ирландія. Въ Ирландіи положеніе становится близкимъ къ анархіи. Сѣверъ и Югъ находятся почти въ состояніи войны; не удается заключить соглашенія по поводу нормальнаго функціонированія желѣзныхъ дорогъ, широко проводится „бойкотъ“ грузовъ, идущихъ изъ Ульстера и въ Ульстеръ — товары выбрасываются летучими отрядами изъ поѣздовъ, частью уничтожаются. Господствуетъ система мести: такъ, напр., въ томъ или иномъ городѣ южной Ирландіи убиваются нѣсколько протестантовъ и затѣмъ объявляется, что это сдѣлано въ видѣ репрессаліи за убійство или казнь столькихъ то католиковъ въ Бельфастѣ.

Но нѣтъ согласія и среди южанъ. Правительство Коллинса и Гриффита, стоящее сейчасъ у власти въ Ирландскомъ Свободномъ Государствѣ, не можетъ добиться подчиненія себѣ „ирландской арміи“, состоящей изъ добровольцевъ синнъ-фейнеровъ. Эта „армія“ — I. R. A., ирландская республиканская армія — повинуется не оффиціальной власти, а своему штабу, состоящему изъ сторонниковъ полной независимости (партіи де-Валера, даже крайнему крылу этой партіи). Она не возстаетъ; она не свергаетъ, но и не признаетъ правительства; захватываетъ для своихъ нуждъ дома, самовольно чинитъ репрессіи и т. д. Повторяются картины Россіи 1917 г. съ домомъ Кшесинской, дачей Дурново, Кронштадтомъ и т. д. Главная разница въ томъ, что ирландскіе „большевики“ — непримиримые синнъ-фейнеры — являются крайними націоналистами безъ всякой примѣси соціализма.

Правительство Коллинса стремится столковаться со сторонниками де-Валера, желая обезпечить свободу выборовъ, намѣчаемыхъ на іюнь. Но любопытно, что крайніе синнъ-фейнеры отказываются дать какія-либо обѣщанія — воздержаться отъ давленія на выборы; это „активное меньшинство“ не желаетъ рисковать быть побѣжденнымъ формальнымъ голосованіемъ. Когда большинство немножко хочетъ чего нибудь, а меньшинство очень хочетъ противоположнаго, то трудно и ожидать, чтобы меньшинство пассивно подчинилось: дѣло не только въ направленіи воли, — дѣло и въ ея интенсивности.

Изъ ирландскаго тупика — или вѣрнѣе лабиринта! — исхода пока не видно. Рабочая партія устроила демонстративную однодневную забастовку съ лозунгами „прекращенія гражданской войны“ — и тѣмъ показала, что въ ирландской смутѣ есть еще одна, четвертая борющаяся сторона (кромѣ Ульстера, сторонниковъ Коллинса и крайнихъ). Пятая сила, Англія, за которой, быть можетъ, останется послѣднее слово, стоитъ пока совершенно въ сторонѣ.

Изъ разныхъ странъ. Въ самой Англіи процессъ возвращенія къ нормальнымъ экономическимъ условіямъ продолжается. Онъ идетъ толчками, черезъ временные кризисы, — но идетъ. Въ связи съ паденіемъ цѣнъ на предметы первой необходимости, понижается и выросшая за войну заработная плата. Англія, какъ вся Европа, за войну обѣднѣла и не можетъ сохранить искусственно повышеннаго уровня потребленія;

это повело бы къ расточенію капитала страны. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ приходится итти черезъ забастовки или предупреждающіе ихъ локауты; наряду съ вопросами заработной платы борьба ведется вокругъ правъ всяческихъ фабричныхъ комитетовъ.

Процессъ возстановленія жизни отразился и на внесенномъ въ парламентъ новомъ бюджетѣ. Прошлый годъ далъ излишекъ въ 42 милл. фун. ст., обращенный на погашеніе долговъ. Бюджетъ этого года сокращенъ на 250 милл. противъ прошлогодняго, и, — невиданное за эти годы явленіе! — предлагается понизить на 1 шил. съ фунта подоходный налогъ и понизить пошлины на чай, кофе и какао, а также оплату корреспонденціи!

Путешествіе въ Алжиръ президента Мильерана — послужившее поводомъ къ отказу Пуанкарэ ѣхать въ Геную — является однимъ изъ проявленій тенденціи къ расширенію понятія „Франціи". Алжиръ — старѣйшую африканскую колонію — французы хотѣли бы сдѣлать уже не колоніей, а частью родины, — какъ для Россіи, скажемъ, Сибирь. Насколько африканскія племена смогутъ воспринять французскую культуру — судить еще трудно, но, во всякомъ случаѣ, французамъ уже вполнѣ удалось создать регулярныя черныя войска, превосходно несущія службу и въ Европѣ.

Процессъ Фехенбаха, вмѣстѣ съ нынѣ покойнымъ Эйснеромъ опубликовавшаго въ началѣ 1919 г. тайные германскіе дипломатическіе документы, возлагавшіе на Германію вину за начало войны, привлекаетъ усиленное вниманіе нѣмецкой печати. Рядъ экспертовъ доказываетъ, что документы препарированы, что тексты сокращены, рядъ важныхъ актовъ обратнаго характера — утаенъ; нѣкоторые свидѣтели стремятся установить связь Эйснера съ Клемансо. Повидимому, несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ крайніе лѣвые германскіе круги послужили орудіемъ враговъ своей родины. Прямого подлога, однако, какъ будто не было, — только тенденціозный подборъ.

Греко-турецкій конфликтъ не сдвинулся съ мѣста. Турки-кемалисты перемирія принимать не склонны безъ немедленной эвакуаціи Смирны. Съ другой стороны, въ греческихъ малоазіатскихъ кругахъ готовятся къ „самопомощи" въ видѣ объявленія независимаго греческаго государства Малой Азіи, въ случаѣ согласія афинскаго правительства на отдачу Смирны Туркамъ, — причемъ ожидается, что на службу новому государству перейдетъ значительная часть греческихъ войскъ, находящихся тамъ. Примѣръ Желиговскаго въ Вильнѣ — да и самихъ кемалистовъ послѣ Севрскаго договора! — располагаетъ къ подражанію...

Италія заключила съ Ангорскимъ правительствомъ отдѣльное торговое соглашеніе. Это вызываетъ рѣзкую критику англійской печати по адресу вѣрной соратницы Ллойдъ-Джорджа по Генуѣ.

Анархія, длящаяся въ Китаѣ скоро десять лѣтъ, то становится болѣе мирной, то — снова кровавой. Сейчасъ въ сѣверной части Китая начались военныя дѣйствія между арміей генерала Ву-Пей-Фу и отрядами министра Чанъ-Со-Лина. Войска Ву-Пей-

Фу стремятся продвинуться къ Пекину. Въ случаѣ ихъ побѣды, возможно, что исчезло бы даже то номинальное, столичное правительство Китая, отъ имени котораго засѣдаютъ въ Лигѣ Націй китайскіе делегаты.

Въ Аргентинѣ состоялись выборы новаго президента; побѣдила радикальная партія (сторонники нынѣшняго президента Иригойена) противъ консерваторовъ и соціалистовъ. Иригойенъ во время войны отстаивалъ политику нейтралитета — и тѣмъ стяжалъ въ Южной Америкѣ репутацію германофила. При немъ же Аргентина демонстративно ушла изъ Лиги Націй, послѣ отклоненія ея предложенія — допустить въ Лигу всѣ суверенныя государства. Такъ какъ вторичное переизбраніе аргентинской конституціей допускается только послѣ перерыва, президентомъ будетъ на ближайшіе годы де Альвеаръ, сотоварищъ Иригойена по партіи.

Среди Интернаціоналовъ.

Единый пролетарскій фронтъ пока налаживается плохо. Демонстрація 20 апрѣля не объединила всѣхъ соціалистовъ; германскіе с.-д. большинства отказались въ ней участвовать, ссылаясь на то, что большевики въ Совѣтской Россіи не будутъ манифестировать вмѣстѣ съ меньшевиками и эсерами.

„Комиссія девяти“ составлена заново; отъ II-го Интернаціонала въ нее вошли Вандервельде, Вельсъ (Германія) и Рамзэй Макдональдъ; отъ „$2^1/_2$-го“ Фр. Адлеръ, Браккъ (Франція) и Криспинъ (Германія); отъ III-го, — Радекъ, Клара Цеткинъ и Фроссаръ. Соберется ли она и когда — пока неизвѣстно.

Исполнительный Комитетъ III Интернаціонала публикуетъ воззваніе, призывающее рабочихъ всѣхъ странъ бороться противъ разъединяющей политики вождей и требовать созыва всемірнаго конгресса труда. Но соціалистическая не-большевистская печать большевиками опять очень недовольна, иронизируетъ надъ ихъ поведеніемъ въ Генуѣ, возмущается репрессіями противъ меньшевиковъ и эсеровъ и двойственной ихъ политикой въ вопросѣ о судѣ надъ соціалистами.

Большевикамъ сейчасъ нѣтъ еще интереса перекрашиваться въ защитный цвѣтъ единаго фронта. Ставку они дѣлаютъ, повидимому, на „попутчиковъ“ съ иной идеологіей! Впрочемъ, нити къ сосѣдямъ протянуты, Комиссія Девяти существуетъ. Большаго пока III-му Интернаціоналу не надо.

4/V 22/IV 1922 г.

С. С. Ольденбургъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

1. Б. Д. Бруцкусъ. Аграрный вопросъ и аграрная политика. (Экономика. Выпускъ 6) Петербургъ. Издательство „Право“ 1922 г. Стр. 234.*)

Центральное мѣсто книги Бруцкуса, какъ по внѣшнему размѣру, такъ и по внутренней значительности занимаетъ очеркъ „Аграрная эволюція и аграрная политика Россіи“ (стр. 26—132.). Въ первой главѣ („эпоха великихъ реформъ“) дается сжатая экономическая характеристика крѣпостного права и его упраздненія въ 1861 г. Въ характеристикѣ русскаго крѣпостного строя правильно оттѣнена правовая безграничность помѣщичьей власти, но все же преувеличеніемъ значенія формальнаго момента по сравненію съ бытомъ грѣшитъ категорическое утвержденіе автора, будто крѣпостные были крѣпки не землѣ, а господамъ. Правильно отмѣчена экономическая неизжитость крѣпостного хозяйственнаго строя; но нельзя не отмѣтить, что существо этой экономической неизжитости авторомъ въ достаточной полнотѣ не раскрыто. А между тѣмъ тутъ важно расчленить два момента. Во-первыхъ, существенно то, что рынокъ питался исключительно помѣщичьимъ хлѣбомъ т. е. другими словами, что народно-хозяйственная функція крѣпостного строя сводилась къ тому, что онъ кормилъ города и вообще снабжалъ зерномъ рынокъ. Но рядомъ съ этимъ не менѣе важно и то обстоятельство, что создавались эти запасы хлѣба въ порядкѣ использованія почти исключительно крестьянскаго труда и капитала, использованія крестьянскаго хозяйства, какъ основной хозяйственно-предпринимательской единицы. Крестьянинъ своимъ инвентаремъ обрабатывалъ свой надѣлъ, затѣмъ, своимъ же инвентаремъ обрабатывалъ барскую землю. Помѣщикъ руководилъ всѣмъ предпріятіемъ въ цѣломъ, наблюдая за работой, производимой крестьянами какъ на себя, такъ и на барина. Организація хозяйства формально всецѣло зависѣла отъ помѣщика — по существу онъ былъ ограниченъ бытомъ — но въ основѣ своей внутренняя экономическая структура помѣщичьяго хозяйства отвѣчала его народнохозяйственной функціи вовнѣ: крѣпостное крестьянство, такъ сказать, въ порядкѣ барщины, содержало города и вообще давало запасы для вывоза на рынокъ. Такимъ образомъ, при крѣпостномъ правѣ помѣщикъ являлся лишь организаторомъ и руководителемъ крупнаго сельскохозяйственнаго производства, основаннаго исключительно на использованіи мелкохозяйственныхъ крестьянскихъ производственныхъ единицъ. Это положеніе оставалось характернымъ и для эпохи, примыкающей къ великой реформѣ. Ни процесса образованія самостоятельныхъ, сильныхъ, мелкихъ хозяйствъ, работающихъ на рынокъ, ни, напротивъ, процесса образованія крупныхъ хозяйствъ съ самостоятельной хозяйственно-производственной базой — въ рамкахъ крѣпостного строя не произошло. Другими словами, крестьянинъ не превратился ни въ самостоятельнаго мелкаго хозяина, ни въ безземельнаго батрака, такъ же какъ и помѣщикъ не превратился ни въ самостоятельнаго крупнаго хозяина, ни въ рантье, обладающаго нѣкоторыми правами феодальнаго верховенства. Поэтому великая реформа являлась не оформляющимъ назрѣвшіе соціально-экономическіе процессы юридическимъ актомъ, а политической реформой, разрубавшей

---

*) На научной книгѣ, вышедшей въ 1922 г. сакраментальная помѣтка „Р. В. Ц.“ = Разрѣшено Военною Цензурою!

„цѣпь великую", дотолѣ неразрывно связывавшую основанное на принудительномъ трудѣ помѣщичье хозяйство, и рвавшей одновременно всѣ тѣ связи, которыми вообще держалось снабженіе страны. Реформа не замыкала экономическій процессъ перестройки сельско-хозяйственнаго производства, а лишь ставила фактомъ своего осуществленія эту проблему во весь ея грандіозный ростъ. Вотъ это-то и значитъ, что великая реформа проходила подъ знакомъ не экономическихъ мѣропріятій, а политическаго освобожденія.

Авторъ во всякомъ случаѣ вполнѣ ясно понимаетъ политическій паѳосъ реформы; весьма жаль, однако, что, вообще проявляя недюжинную независимость и широту взгляда, онъ въ данномъ случаѣ — какъ и въ другихъ мѣстахъ книги — не можетъ окончательно порвать съ трафаретами экономическаго матеріализма въ самомъ тривіальномъ его варіантѣ, именно въ формѣ наложенія всей соціально политической дѣйствительности на транспарантъ классовыхъ экономическихъ интересовъ. Совершенно правильно разслояя интересы различныхъ помѣщичьихъ группъ примѣнительно къ реальной заинтересованности ихъ, какъ въ самомъ фактѣ освобожденія крестьянъ, такъ и въ формахъ этого освобожденія, онъ, однако, исторически невѣрно рисуетъ значеніе этой заинтересованности. Конечно, на реформу оказали вліяніе всѣ тѣ экономическіе интересы, на которые указываетъ авторъ, но все же реформа остается въ своей основѣ совмѣстнымъ достиженіемъ самодержавной власти и лучшихъ умовъ русскаго общества, одухотворенныхъ глубокимъ сознаніемъ первостепенной государственной важности этого политическаго акта. Тутъ рѣшающее значеніе имѣло не совпаденіе интересовъ отдѣльныхъ элементовъ правящаго класса съ интересами государства, а сознательно поставленная и съ полнымъ убѣжденіемъ осуществленная государственная задача.

Оцѣнивая экономическое содержаніе реформы по существу, авторъ правильно констатируетъ два основныхъ дефекта ея, тяжкимъ бременемъ легшихъ на всю послѣдующую исторію Россіи: во-первыхъ, лишеніе крестьянъ части ихъ земельнаго владѣнія, и во-вторыхъ, преувеличеніе размѣровъ выкупныхъ платежей, таящихъ въ себѣ выкупъ и живой силы. Однако, авторъ, оставаясь въ убѣжденіи — оправданномъ формальнымъ воспріятіемъ буквы законодательныхъ актовъ — что земля и раньше принадлежала господамъ, къ коимъ и были прикрѣплены крестьяне, мыслитъ великую реформу вмѣстѣ съ творцами ея, съ одной стороны, какъ уничтоженіе личной крѣпостной зависимости и, съ другой стороны, какъ надѣленіе крестьянъ землей. Поэтому для него все же остается неяснымъ то опредѣляющее значеніе, которое пріобрѣтаютъ указанные имъ дефекты на фонѣ крестьянскаго воспріятія великой реформы въ ея конкретномъ осуществленіи. А между тѣмъ корень дѣла заключается именно въ томъ, что расчлененіе вопроса земли и вопроса воли, разложеніе крѣпостного права на публично-правовое властвованіе помѣщика надъ личностью крестьянина и на обладаніе помѣщикомъ землей на правѣ частной собственности — было лишь оффиціальнымъ толкованіемъ крѣпостного права, исторически необоснованнымъ и не вошедшимъ въ народное міровоззрѣніе. *)

*) Любопытно, что три послѣдовательно смѣнившихся при русскомъ дворѣ французскихъ посла въ этомъ непріятіи крестьянами оффиціальной точки зрѣнія на землю, какъ на частную собственность помѣщиковъ, видѣли основную трудность проблемы освобожденія. „Самое серьезное препятствіе, писалъ Казимиръ Перье въ 1842 г., заключается въ состояніи нравственнаго огрубѣнія или по крайнѣй мѣрѣ совершеннаго невѣжества сельскаго населенія. Почти всюду оно воображаетъ, что, будучи лично въ рабствѣ, оно одно имѣетъ реальныя права на обладаніе землей. Очень часто владѣльцу, желающему переселить земледѣльцевъ, отправить ихъ изъ одной губерніи въ другую, противопостовляется страшная сила инерціи, подкрѣпляемая слѣдующими словами, въ которыхъ заключается кодексъ русскаго крѣпостного: наша жизнь принадлежитъ тебѣ, ты можешь ее взять, но ты не имѣешь права отнимать у насъ землю, которая намъ принадлежитъ. Этотъ опасный предразсудокъ укоренился въ умахъ милліоновъ

Поэтому, независимо отъ экономической квалификаціи установленныхъ реформой размѣровъ крестьянскаго надѣла и размѣровъ выкупной платы за него, существенно отмѣтить, что и сокращеніе площади крестьянкаго землевладѣнія, и форма и размѣры выкупной платы могли ощущаться и дѣйствительно ощущались крестьянствомъ, какъ извѣстная неправда а не только, какъ невыгода. Не даромъ И. С. Аксаковъ, вскорѣ послѣ манифеста 19 февраля писалъ: „Это дурацкое положеніе на первой страницѣ объявляетъ, что земля составляетъ неотъемлемую собственность помѣщиковъ и, такимъ образомъ, идетъ прямо наперекоръ народнымъ понятіямъ, выработаннымъ его исторической жизнью. Тутъ очень важенъ провозглашенный принципъ. Скажите крестьянину, что земля его, но что помѣщика слѣдуетъ вознаградить за эту землю, вознаградить обязано государство (а не крестьянинъ выкупать ее). Государству для этого нужны деньги, и участвовать въ этомъ вознагражденіи, наравнѣ съ другими, готовы и крестьяне. Это я слышалъ отъ мужиковъ". Только учтя это основное противорѣчіе правовыхъ воззрѣній оффиціальной и крестьянской Россіи можно понять и правильно оцѣнить вѣсъ отмѣченныхъ авторомъ дефектовъ реформы въ судьбахъ Россіи. Не только и не столько имѣетъ значеніе то обстоятельство, что крестьянамъ назначили абсолютно недостаточные надѣлы и назначили за нихъ абсолютно преувеличенный выкупъ по сравненію съ цѣнностью земли; особенно важно то, что и ту землю, которую крестьянамъ оставили на условіяхъ выкупа и ту, которую у нихъ отняли, — они считали своею. Между тѣмъ, этотъ аспектъ остается совершенно внѣ поля зрѣнія автора, который все вниманіе свое фиксируетъ исключительно на чисто экономической характеристикѣ разбираемыхъ имъ явленій. И тутъ онъ правильно отмѣчаетъ одинъ весьма существенный фактъ, именно претвореніе юридической зависимости мѣстныхъ крестьянъ отъ мѣстнаго помѣщика, лежащей въ основѣ помѣщичьяго хозяйствованія при крѣпостномъ правѣ, въ зависимость экономическую. Крестьянство, прилагавшее свой трудъ къ своей запашкѣ и запашкѣ барской, получивъ примѣрно прежнее количество земли, расчитанное на покрытіе его продовольственныхъ нуждъ, должно было продолжать прилагать свой трудъ и свой инвентарь къ той же оставшейся въ распоряженіи помѣщика землѣ, добывая этимъ необходимыя для уплаты податей и выкупныхъ платежей суммы. Тамъ же, гдѣ крестьянинъ былъ на оброкѣ, этотъ же оброкъ въ сущности онъ долженъ былъ продолжать уплачивать помѣщику, такъ какъ, оставаясь крѣпкимъ землѣ (круговая порука!), онъ долженъ былъ въ составѣ преувеличенно исчисленнаго выкупного платежа выплачивать, въ той или другой долѣ, прежній оброкъ.

Такимъ образомъ, крестьянство переходило къ свободѣ въ экономически ослабленномъ видѣ. Но оно переходило къ свободѣ! И вотъ наступаетъ эпоха экономической борьбы ставшихъ юридически независимыми двухъ, дотолѣ въ крѣпостномъ хозяйствѣ неразрывно связанныхъ, элементовъ русскаго сельскаго быта — помѣщика и крестьянина. Привыкшее къ использованію крестьянскаго труда и инвентаря, помѣщичье хозяйство оказалось по общему правилу слабѣйшей стороной и съ первыхъ

людей и не указами онъ будетъ побѣжденъ". Аналогичныя мысли высказывали преемники Казимира Перье при русскомъ дворѣ — д'Андре и Рейневаль. См. проф. Е. В. Тарле. Западъ и Россія. Статьи и документы изъ исторіи XVIII и XIX вѣковъ. Изданіе „Былое" П. 1918 г. Ст.: Императоръ Николай I и крестьянскій вопросъ въ Россіи по неизданнымъ донесеніямъ французскихъ дипломатовъ 1842—1847. Стр. 17—24.

Характерно, что въ то же приблизительно время Императоръ Николай Павловичъ въ своей рѣчи 20-го марта 1842 г. въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу проекта объ обязанныхъ крестьянахъ подчеркивалъ полезность этого закона въ томъ смыслѣ, что „онъ выражаетъ прямо волю и убѣжденіе правительства, что земля есть собственность не поселенныхъ на ней крестьянъ, а помѣщиковъ, предметъ — также первостепенной важности для будущаго спокойствія".

же шаговъ стало сдавать свои позиціи. Напротивъ, впервые „созданный“ (по слову Якова Ростовцева въ письмѣ къ Государю послѣ назначенія его предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій) народъ проявилъ огромную хозяйственную энергію. Усиленіе производительности свободнаго труда, въ связи съ перестройкой всего хозяйственнаго и правового уклада въ направленіи современнаго капиталистическаго строя, создало невиданную волну подъема, и можно было надѣяться, что въ этой волнѣ утонутъ указанные выше дефекты реформы, что въ общемъ ростѣ цѣнъ растворятся тѣ сверхъ-платежи, которые легли на крестьянъ, а въ процессѣ земельной мобилизаціи и въ формѣ свободныхъ частно-правовыхъ сдѣлокъ произойдетъ должное насыщеніе землей крестьянскихъ хозяйствъ и осуществится отборъ хозяйственно годныхъ крупныхъ сельскихъ хозяйствъ.

Но случилось иначе, и авторъ (въ главѣ „эпоха реакціи“) достаточно наглядно и убѣдительно разъясняетъ причины роковой задержки капиталистической метаморфозы русскаго сельскаго быта.

Авторъ справедливо отмѣчаетъ значеніе коллективистской тенденціи, лежавшей въ основѣ устройства крестьянъ по положенію 1861 года. Жаль только, что авторъ, въ ущербъ исторической правдѣ, не отмѣчаетъ наряду съ мотивами фискальными такихъ мотивовъ, какъ извѣстный консерватизмъ (сохраненіе бытовыхъ устоевъ исконнаго сельскаго мірского самоуправленія) и какъ желаніе усилить сопротивляемость крестьянства предъ лицомъ бывшаго барина и чиновниковъ, каковые мотивы играли далеко не послѣднюю роль при выработкѣ хозяйственныхъ, административныхъ и финансовыхъ мѣропріятій, связанныхъ съ реформой. Кстати, нужно сказать, что исторически нереальнымъ и потому безплоднымъ явилось бы обсужденіе великой реформы съ точки зрѣнія возможности осуществленія въ ней современныхъ индивидуалистическихъ тенденцій. Редакціонныя комиссіи вырабатывали компромиссное рѣшеніе, которое отвѣчало міровоззрѣніямъ того времени, но онѣ отнюдь не придавали — какъ то правильно отмѣчаетъ и авторъ — своимъ рѣшеніямъ какого либо приципіальнаго, нормативнаго, общеобязательнаго значенія. Гордіевъ узелъ былъ разрубленъ, и не въ томъ бѣда, что онъ былъ разрубленъ въ формахъ, примыкающихъ къ коллективистскому хозяйственному строю того времени. Въ иныхъ формахъ немыслимо рѣшеніе вопроса въ ту эпоху. Важно то, что жизни былъ данъ выходъ, а дальнѣйшее строительство должно было опредѣлиться направленіемъ, принятымъ дѣйствительной жизнью. Бѣда была въ томъ, что дальнѣйшая политика сдерживала потокъ жизни именно тамъ, гдѣ онъ постепенно исправлялъ и уничтожалъ дефекты реформы, а тѣ части ея, которыя носили принципіально временный характеръ, которыя должны были видоизмѣняться и даже упраздняться въ процессѣ живого развитія, — эта политика отверждала и провозглашала нерушимымъ устоемъ.

Когда мы выше говорили, что освобожденіе крестьянъ произошло не въ процессѣ экономическаго созрѣнія, а какъ актъ по существу политическій, мы подъ этимъ понимали не только то, что крѣпостное хозяйство, какъ таковое, осуществляло опредѣленную и весьма значительную народно-хозяйственную функцію; мы этимъ хотѣли обозначить и то обстоятельство, что въ сельскомъ хозяйствѣ не дифференцировались крупныя и крестьянскія предпріятія, что не образовалось ни крестьянскаго самостоятельнаго хозяйства, ни самостоятельныхъ крупныхъ экономій, стоящихъ на собственномъ матеріально-хозяйственномъ базисѣ. Реформа формально-юридически „развела“ помѣщиковъ и крестьянъ. Но оставалась задача экономическая: созданіе самостоятельнаго и сильнаго мелкаго хозяйства и самостоятельнаго и сильнаго крупнаго хозяйства. Пореформенная политика должна была всецѣло проникнуться духомъ производственной активности; всѣ мѣропріятія въ отношеніи какъ помѣстнаго класса, такъ и крестьянства должны были оцѣниваться съ точки зрѣнія ихъ производительной эффективности и ихъ отраженія на основной задачѣ — созданіи самостоятельныхъ производственныхъ единицъ. Между тѣмъ, какъ

разъ наоборотъ, вся политика послѣ реформы опредѣлялась какимъ то средневѣковымъ консерватизмомъ чисто потребительскаго склада какъ въ отношеніи земельнаго дворянства, такъ и въ отношеніи крестьянства. Правительство хотѣло сохранить соціальный status quo ante, не взирая на производственную революцію, которая перекраивала всю хозяйственную жизнь. Если — поскольку мы говоримъ исключительно объ экономикѣ — мѣропріятія въ отношеніи дворянства являлись по существу лишь организаціей чисто потребительскаго кредита, дававшаго возможность дворянству на болѣе выгодныхъ для него условіяхъ и нѣсколько медленнѣе очищать арену сельскаго хозяйства, если, такимъ образомъ, помощь дворянству лишь отсрочивала уходъ хозяйственно-негодныхъ и не поощряла отборъ хозяйственно-годныхъ — то политика правительства въ отношеніи крестьянства имѣла гораздо болѣе глубокія послѣдствія.

Тутъ мы подходимъ къ основному вопросу земельной эволюціи второй половины XIX вѣка: къ проблемѣ такъ называемаго малоземелья, правильно разсматриваемой авторомъ въ связи съ коллективистскими формами хозяйственной жизни русскаго крестьянства. Это одно изъ наиболѣе удачныхъ мѣстъ книги. Авторъ наглядно раскрываетъ экономическую безсодержательность термина „малоземеліе“ и даетъ достаточно вдумчивый и ясный анализъ того сложнаго хозяйственнаго кризиса, который создавалъ въ данной соціальной и агрикультурной обстановкѣ атмосферу все болѣе сгущающагося аграрнаго перенаселенія и въ которомъ, вопреки общественному и правительственному мнѣнію, абсолютный размѣръ надѣльнаго землевладѣнія и даже всего фактическаго землепользованія игралъ, въ сущности говоря, второстепенную роль.

Въ изложеніи автора можно реально нащупать два основныхъ соціально-политическихъ фактора, въ дѣйствительности обусловившихъ тяжкій кризисъ земледѣльческаго центра. Во первыхъ, косность помѣщичьяго хозяйства, остающагося по общему правилу на основѣ чистаго рантьерства и стабилизирующаго экономическій status момента ликвидаціи крѣпостного права, т. е. такія формы арендного землепользованія, которыя исключаютъ производственный прогрессъ, и, во вторыхъ, косность крестьянскаго хозяйства, вытекающая также изъ стабилизаціи тѣхъ временныхъ компромиссныхъ рѣшеній, коими было разрублено крѣпостное право. Въ частности, авторъ совершенно справедливо дѣлаетъ удареніе на томъ реакціонномъ вліяніи, которое имѣло общинное землепользованіе и принудительная связь крестьянства съ землей, отмѣчая значеніе этихъ факторовъ, какъ нарочито задерживавшихъ въ народномъ сознаніи потребительскую идеологію земельнаго пользованія и заставлявшихъ искать выхода лишь въ расширеніи его площади. Постепенно растущая перегрузка крестьянскаго хозяйства трудовой силой и связанное съ этимъ потребительское оскудѣніе его, въ условіяхъ искусственнаго затрудненія разрыва избыточнаго населенія съ землей, въ условіяхъ соціально-политическаго быта, исключающихъ возможность агрикультурнаго прогресса, единственно способнаго увеличить трудоемкость хозяйства въ предѣлахъ той же земельной площади, и въ атмосферѣ идеологіи, проникнутой принципомъ права на землю, какъ на кормящій крестьянина надѣлъ, — вотъ въ общихъ чертахъ сущность того „земельнаго голода“, того „малоземелья“, которое назрѣвало въ теченіе первыхъ десятилѣтій послѣ великой реформы. Если припомнить, что крестьянская „земельная тѣснота“ была внѣшне отграничена помѣщичьими землями, связь съ которыми для крестьянъ была весьма памятна и которыя по общему правилу не пріобрѣли хозяйственной самостоятельности, а продолжали лишь быть площадью приложенія крестьянскаго труда и инвентаря, то станетъ понятнымъ, въ какую сторону оказалась направленной стихійная жажда земельнаго расширенія. Отмѣчая географическое распространеніе аграрныхъ волненій 1905—6 годовъ и степень ихъ интенсивности, авторъ совершенно справедливо подчеркиваетъ характерное соотношеніе между интенсивностью и формами хозяйственнаго использованія площади крупнаго землевладѣнія и интенсивностью и формами аграрнаго движенія. По общему правилу, волна погромовъ этой

эпохи особенно сильна была тамъ, гдѣ крупное землевладѣніе не вылилось въ крупное самостоятельное хозяйственное предпріятіе, а сводилось лишь къ рантьерскому взиманію съ крестьянъ вознагражденія за пользованіе ими землей.

Обрисовавъ ту экономическую подпочву, на которой выросла первая аграрная революція, авторъ переходитъ къ изложенію аграрной политики и аграрной эволюціи послѣ 1905 г. („эпохи контръ-революціи" по терминологіи автора.) Нужно вообще сказать, что нѣтъ, кажется, болѣе вызывающей на размышленія и болѣе драматической темы, чѣмъ сопоставленіе общественной идеологіи и правительственной дѣятельности этой эпохи примѣнительно къ земельному вопросу. Изъ спокойнаго и объективнаго, избѣгающаго рѣзкихъ оцѣнокъ, изложенія автора, съ полной отчетливостью вырисовывается грандіозная реформаторская работа правительства, съ лихорадочной поспѣшностью стремящагося наверстать потерянныя десятилѣтія въ дѣлѣ хозяйственной реконструкціи сельскаго быта и тѣмъ защитить страну отъ вырвавшейся было наружу земельно-уравнительной стихіи. Можно многое говорить и по существу заданія и, особенно, по техникѣ его выполненія — авторъ останавливается и на нѣкоторыхъ дефектахъ реформы — но все же цѣлая духовная пропасть лежитъ между свободной, здоровой и творческой государственной мыслью, которой одухотворена правительственная земельная политика эпохи „контръ-революціи", и между „общественностью", безнадежно замкнутой въ кругу условностей, лишенной интуитивнаго воспріятія живыхъ, созидающихъ народныхъ силъ и потому обреченной въ своей кабинетной обывательщинѣ на то, чтобы идеологическимъ покровомъ облекать злѣйшую экономическую и культурную реакцію. Въ преодолѣніи каноновъ дореволюціонной общественной мысли, въ созданіи здоровой государственной идеологіи — залогъ творческой годности современной интеллигенціи, и съ этой точки зрѣнія книга Бруцкуса, посвященная въ сущности цѣликомъ реабилитаціи Столыпинскаго дѣла, и въ идеѣ и въ его конкретномъ осуществленіи, — есть явленіе знаменательное и утѣшительное. Дѣйствительно много воды (и, увы, крови!) должно было утечь, чтобы не въ качествѣ протестующаго и тонущаго въ общемъ хорѣ особаго мнѣнія, а какъ выраженіе взглядовъ несомнѣнно широкаго общественнаго слоя интеллигенціи, могло быть провозглашено Столыпинское motto: „ставка не на убогихъ и пьяныхъ, а на крѣпкихъ и сильныхъ." Правда, нельзя не отмѣтить, что авторъ то и дѣло прослаиваетъ свое изложеніе комментаріями самаго благонамѣреннаго прогрессивнаго радикализма, но все же этимъ не устраняется основной здоровый фонъ воспріятія земельныхъ отношеній. Ознакомивъ читателя съ ходомъ аграрной эволюціи Россіи, авторъ посвящаетъ затѣмъ особые очерки характеристикѣ русскаго землеустройства и земельной (и землеустроительной) политикѣ иностранныхъ государствъ, гораздо менѣе удачные, чѣмъ разобранный выше очеркъ, но все же вводящія читателя въ кругъ вопросовъ и проникнутые той же idée maîtresse, что внѣ принциповъ земельной политики, которые характерны для „эпохи контръ-революціи", нѣтъ и не можетъ быть путей ни въ Россіи, ни гдѣ либо во всемъ мірѣ. Къ чему ведутъ другіе пути, — автору въ Россіи, къ сожалѣнію, разъяснять не приходится. Оцѣнивая результатъ дѣйствія „закона о землѣ" 1918 г. онъ могъ ограничиться словами: „народное хозяйство, поскольку оно было построено на частной собственности и свободномъ обмѣнѣ, на территоріи Россіи больше не существовало, и новое соціалистическое хозяйство можно было строить на чистомъ мѣстѣ..."

Въ результатѣ попытки осуществленія соціалистическаго хозяйства мы видимъ въ Россіи цѣлыя области, къ которымъ теперь уже языкъ не повернется примѣнить эвфемизмъ „чистое мѣсто"... Къ сожалѣнію, авторъ не даетъ нигдѣ никакого матеріала для сужденія, какъ о процессахъ оформленія земельныхъ отношеній, которые, такъ или иначе, слагаются въ сохранившейся отъ вымиранія деревнѣ, такъ и о степени сопротивляемости и живучести натуральнаго крестьянскаго хозяйства, съ которыми деревня вышла изъ періода воинствующаго коммунизма. А именно къ разъясненію

этого вопроса устремлены въ первую очередь всѣ наши тревожные помыслы...

Издана книга внѣшне прилично. Обращаетъ вниманіе крайняя скудость и случайность библіографическихъ указаній, не характерныхъ для опредѣленія рабочаго процесса автора и явно недостаточныхъ для оріентированія въ литературѣ вопроса интересующагося читателя.

К. Зайцевъ.

2. Rosa Luxemburg. Die russische Revolution. Aus dem Nachlass, herausgegeben und eingeleitet von Paul Levi. Berlin. 1922. 120 стр.

Когда между людьми одного и того же лагеря идутъ споры, подчасъ ожесточенные, по вопросамъ тактики (въ широкомъ смыслѣ этого слова), то противникамъ, одинаково далекимъ отъ обоихъ спорящихъ, нѣтъ надобности и часто нѣтъ возможности становиться на ту или другую сторону. Примитивное представленіе о томъ, что всякій, кто бранитъ врага, — союзникъ, далеко не всегда правильно: часто бываетъ, что врага бранитъ врагъ злѣйшій, за то, что онъ недостаточно умѣло или рѣшительно ведетъ борьбу. Но и за такими спорами во вражеской средѣ надо внимательно слѣдить, такъ какъ въ нихъ вскрывается наиболѣе ярко идейная сущность противника.

Съ этой точки зрѣнія чрезвычайно интересна статья Розы Люксембургъ о большевикахъ, изданная черезъ три года послѣ смерти автора извѣстнымъ нѣмецкимъ коммунистомъ П. Леви, (исключеннымъ изъ германской коммунистической партіи въ первой половинѣ 1921 г. за несочувствіе московскимъ директивамъ).

Было бы совершенно ошибочно Розу Люксембургъ причислять къ противникамъ большевизма. Наоборотъ, и въ этой своей статьѣ она говоритъ объ ихъ „безсмертныхъ заслугахъ“ передъ революціей и ставитъ ихъ въ примѣръ германскимъ с.-д.. „Октябрьскій переворотъ“, пишетъ она, „не только явился спасеніемъ русской революціи, — онъ спасъ честь международнаго соціализма.“ Ея возраженія противъ тактики большевиковъ (статья написана въ сентябрѣ 1918 г.) сводятся главнымъ образомъ къ слѣдующему: проведенная большевиками аграрная реформа, отдавшая всю землю крестьянамъ — мелкимъ собственникамъ, создала классъ, который явится препятствіемъ для введенія соціализма. Лозунгъ „самоопредѣленія народностей вплоть до полнаго отдѣленія“ вызвалъ на окраинахъ націоналистическія настроенія, которыми воспользовалась буржуазія для своихъ цѣлей. (Между прочимъ, Р. Люксембургъ очень рѣшительно отзывается объ „украинствѣ“: „Украинскій націонализмъ въ Россіи былъ только вздорной выдумкой (war eine Schrulle, eine Fatzkerei) дюжины, другой мелко-буржуазныхъ интеллигентиковъ, безъ малѣйшихъ корней въ экономическихъ, политическихъ или духовныхъ условіяхъ края, безъ всякой исторической традиціи, безъ какой либо національной культуры“). Третье возраженіе — противъ злоупотребленія диктатурой, ведущаго къ омертвенію массъ и тѣмъ убивающаго революцію: „Съ подавленіемъ политической жизни въ странѣ должна замереть жизнь и въ совѣтахъ. Безъ всеобщихъ выборовъ, неограниченной свободы печати и собраній, свободной борьбы мнѣній, — замираетъ жизнь во всякомъ общественномъ учрежденіи; она обращается въ жизнь призрачную, при которой бюрократія остается единственнымъ дѣйственнымъ элементомъ. Отъ этого закона не уйдетъ никто. Общественная жизнь постепенно засыпаетъ, нѣсколько десятковъ партійныхъ вождей съ неизсякаемой энергіей и безграничнымъ идеализмомъ управляютъ и властвуютъ, среди нихъ фактически правитъ десятокъ выдающихся людей, отборная часть рабочихъ созывается отъ времени до времени, чтобы апплодировать рѣчамъ вождей и единогласно принимать предлагаемыя резолюціи“...

При этомъ Роза Люксембургъ оговаривается, что всѣ недостатки большевистской тактики навязаны условіями борьбы и бездѣйствіемъ западнаго пролетаріата, — и возражаетъ только противъ возведенія этихъ, вынужденныхъ обстоятельствами шаговъ — въ принципъ, противъ "обращенія необходимости въ добродѣтель."

Тѣ, кто слѣдилъ за совѣтской печатью въ 1918 г., вѣроятно, помнятъ, что аналогичныя мнѣнія высказывались тогда же и нѣкоторыми русскими большевиками (Рязановымъ, Лозовскимъ и др;)

Гораздо интереснѣе и „злободневнѣе" самой статьи — предисловіе Леви (занимающее, между прочимъ, болѣе половины книги). Въ немъ говорится объ отрицательномъ значеніи новой экономической политики для міровой революціи. „Россійская совѣтская республика", пишетъ Леви, „на которую одни смотрѣли съ усмѣшкой, другіе — съ любовью и благоговѣніемъ, всѣми пролетаріями ощущалась какъ первый героическій натискъ противъ твердыни капитализма... Какъ будящій призывный кличъ, какъ собиратель пролетарскихъ силъ всего міра, Совѣтская Россія излучала силу бо́льшую, чѣмъ что либо донынѣ." Это налагало обязанности: „если бы ее менѣе любили, меньше бы теперь и осуждали". Признаніе долговъ, свобода торговли, концессіи и т. д. стоятъ въ вопіющемъ противорѣчіи съ идеологической задачей большевиковъ. Что возразить Стиннесу, требующему денаціонализаціи германскихъ желѣзныхъ дорогъ, когда самъ Ленинъ пишетъ въ „Rothe Fahne", что личная заинтересованность способствуетъ поднятію производства?!

Леви разматриваетъ новую экономическую политику, какъ капитуляцію, онъ объясняетъ ее тѣмъ, что сбылись предвидѣнія Розы Люксембургъ: крестьянство обратилось въ мелкихъ собственниковъ; еще хуже обстоитъ дѣло съ „пролетаріатомъ": „совѣты умерли... Они — отгорѣвшая зола... Есть ли болѣе тяжкій укоръ, чѣмъ тотъ фактъ, что въ пролетаріатѣ, который съ 1905 г. служилъ примѣромъ всѣмъ пролетаріямъ, послѣ четырехъ лѣтъ пролетарскаго владычества подавляющее большинство безпартійно?...Русская революція и ея правящая партія не сумѣла связать массы съ судьбами революціи. Онѣ стоятъ въ сторонѣ и внѣ рядовъ борцовъ... Стройно централизированная партія, блестящій центральный комитетъ, скверная бюрократія носятся надъ водами. Но подъ ними все дико и пусто." Власть оказалась безъ всякой классовой базы. Организація — не все; „есть не только мѣры и числа въ вещахъ, есть духъ, который долженъ всюду вѣять"; безъ него невозможенъ успѣхъ. Конечно, — говоритъ и Леви, — главная вина — на западно-европейскомъ пролетаріатѣ, но заниматься тѣмъ, что укорять его за это — безплодно; надо, наконецъ, сознать дѣйствительное положеніе вещей.

Критикуя, Леви недосказываетъ: что же по его мнѣнію должны сдѣлать теперь большевики? Но изъ его разсужденій самъ собою напрашивается выводъ: они должны „достойно погибнуть". — „У большевиковъ былъ величайшій моральный фондъ... Если онъ будетъ цѣликомъ растраченъ, то рабочія массы всего міра духовно объднѣютъ, и понадобится работа, быть можетъ, десятилѣтій, чтобы снова воздвигнуть то, что было къ 1918 году"... Можно думать, что этотъ „моральный фондъ" Леви ставитъ выше тѣхъ реальныхъ силъ, которыми еще располагаетъ большевистская власть, и судьбу Парижской Коммуны онъ счелъ бы для нея болѣе достойнымъ исходомъ, чѣмъ медленное гніеніе на корню. Обратно — можно думать — какой нибудь иностранецъ, врагъ соціализма, могъ бы желать продлить господство большевиковъ, чтобы въ конецъ дискредитировать соціализмъ (для русскихъ — такое желаніе непріемлемо: это дискредитированіе, полезное другимъ народамъ, шло бы за счетъ вымиранія нашего!)

Несомнѣнно, что ходъ мыслей Леви не чуждъ и многимъ изъ дѣйствующихъ въ Россіи большевиковъ; что и передъ ними стоитъ грозный вопросъ: удерживать власть цѣною безконечныхъ уступокъ не значитъ ли propter vitam vivendi perdere causam?! Поэтому-то такъ половинчаты и неискренни всѣ ихъ шаги въ сторону капитализма; поэтому для нихъ сохраненіе за собой монополіи на власть — съ возможностью рѣзко по-

вернуть обратно — является категорическимъ императивомъ; имъ это нужно для нравственнаго самооправданія. Здѣсь — роковой кругъ, изъ котораго большевикамъ исхода нѣтъ.

Для пониманія тяжелаго кризиса большевистской идеологіи книга Розы Люксембургъ и Леви даетъ очень много.

30/IV 1922. **С. С. Ольденбургъ.**

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію для отзыва:

Ксенія Абковичъ. Огни и Дали. Стихи. 1922. Складъ изданія: Книжный маг. А. Г. Сыркина, Вильно. Стр. 165.

С. Т. Аксаковъ. Семейная хроника. Книгоиздательство „Русь". Вѣна 1922 г., стр. XXI + 256.

В. Амфитеатровъ-Кадашевъ. Очерки исторіи русской литературы. Прага 1922. Акц. общ. „Славянское издательство", стр. 262.

Ж. Барнишъ. Принципы позитивной политики по Сольвею. Переводъ съ французскаго. Съ предисловіемъ Бориса Соколова. Edition, »Librairie Franco-Russe«. Bruxelles. Стр. 187.

„Воля Россіи". Еженедѣльникъ. Подъ редакцій Вл. Лебедева, М. Слонима и В. Сухомлина. Прага 1922 г. №№ 4—16.

Донъ-Карлосъ. Вѣщіе сны. Wiborg 1921, стр. 64.

П. Жилльяръ. Императоръ Николай II и его семья (Петергофъ, сентябрь 1905 — Екатеринбургъ, май 1918 г.) По личнымъ воспоминаніямъ. Съ предисловіемъ С. Д. Сазонова, б. мин. иностр. дѣлъ. Единственное полное разрѣшенное авторомъ русское изданіе, съ 60 фотогр. снимками, 2 факсимиле, 1 картой и 3 планами. Книгоиздательство „Русь". Вѣна 1921 г. XV + 243 стр.

Н. Н. Зворыкинъ. Крушеніе золота — валютной монетной системы. Берлинъ 1922 г. Стр. 176.

Н. И. Костомаровъ. Дѣятели русской церкви въ старину. Кн-во „Дѣтинецъ". Мюнхенъ 1922. Стр. 116.

Кл. Лукашевичъ. Одинъ изъ многихъ и другіе разсказы для дѣтей средняго возраста со многими рисунками въ текстѣ. Книгоиздательство „Русь". Вѣна 1922 г., стр. 94.

Кл. Лукашевичъ. Славная севастопольская оборона. Книга для дѣтей съ 30 иллюстраціями. Книгоиздательство „Русь". Вѣна 1922 г., стр. 90.

И. Лукашъ. Голое поле. Книга о Галлиполи. Софія 1922 года. стр. 77.

Младорусь. Періодическій сборникъ подъ ред. В. Ильинскаго, книга 1-ая. Славянское издательство. Прага 1922 г., стр. 113.

Ив. Наживинъ. Во мглѣ грядущаго. Повѣсти. К-во „Дѣтинецъ". Вѣна 1921. Стр. 203.

Ив. Наживинъ. Передъ катастрофой. Разсказы. К-во „Дѣтинецъ". Мюнхенъ 1922. Стр. 268.

Ив. Наживинъ. Въ деревнѣ. Разсказы для дѣтей. Изданіе 3-е. Кн-во „Дѣтинецъ". Берлинъ 1922. Стр. 141.

Ив. Наживинъ. Четверть вѣка спустя. Повѣсть. Кн-во „Дѣтинецъ". Берлинъ 1922. Стр. 73.

Ив. Наживинъ. Зеленя. Разсказы изъ школьной жизни для дѣтей. Кн-во „Дѣтинецъ". Берлинъ 1922. Стр. 137.

В. Сергѣевъ. Три года въ Совѣтской Россіи (очерки). Paris, 1921 г. Цѣна 5 фр., стр. 139.

V. Červinka. Tragédie Ruska. S dodatečnou kapitolou: Tragédie ruské inteligence. V Praze 1922. Nakladatelství J. Otto. Стр. VIII + 168.

La débacle des Soviets et la restauration économique de la Russie. Mémoires présentés à la Conférence de Gênes par l'Association Financière, Industrielle et Commerciale Russe et le Comité des Représentants des Banques Russes à Paris. Paris 1922. Pp. XXXI + 208 + 78.

Padesátka. Veselé i tragické obrázky současného Ruska. Uspořádal a přeložil V. Červinka. Praha 1922.

Paměti hraběte Sergěje Witte, ruského ministra financí a ministerského předsedy za cara Mikuláše II. Z angličtiny přeložil Th. Pistorius. Praha 1922.

Revue de l' Institut de Sociologie (Solvay). Deuxième année 1921-1922. Tome II: № 1 (Janvier), № 2 (Mars). Bruxelles.

P-ce A. Wolkonsky. Les Soviets. La destruction de la Russie et le peril mondial. Mémoire soumis à la conférence de Gênes. Rome 1922. pp. 40.

Изданіе О-ва „И. Отто" въ Прагѣ. — Société J. Otto, Éditeur à Prague.

Живностенскій Банкъ
въ Прагѣ.

Правленіе: Прага, Příkopy 30. Телефонъ 6720-32.

Акціонерый капиталъ: Кч. 200,000.000·—. Запасный и страховой фонды: Кч. 113,696.289·53.

Главное отдѣленіе: Королевскіе Виноградъ, Уголъ Гавличковой ул. и Тылова нам. 13.

Отдѣленія: Млада Болеславъ, Братислава, Брно, Нѣмецкій Бродъ, Чешскія Будейовице, Ходонинъ, Градецъ Королевы, Ихлава, Клатовы, Колинъ, Кошице, Либерецъ (Рейхенбергъ), Мельникъ, Оломуцъ, Моравска Острава, Пардубице, Писекъ, Пильзенъ, Простѣовъ, Таборъ, Теплицъ, Тріестъ, Устье н. Э., Карловы Вары (Карлсбадъ); Вѣна I, Херренгассе 12. Экспозитура Тріестскаго отдѣленія въ Опатіи (Opatiji).

Производитъ всевозможныя торговыя операціи какъ въ Чехословакіи, такъ и заграницей.

LA CAUSE COMMUNE

„ОБЩЕЕ ДѢЛО"

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: (во франкахъ)

	1 м.	3 м.	6 м.	1 г.
Франія и Бельгія	8	22	40	75
Друг. стр.	10	27	50	90

Ежедневная Газета.

Редакторъ-издатель В. Л. БУРЦЕВЪ.

РЕДАКЦІЯ И ГЛАВНАЯ КОНТОРА: *142, Rue Montmartre, 142, Paris.*
Тел.: Louvre 36·51. Телегр. адр.: Bourtzeff-Paris.

ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ И ОБЪЯВЛЕНІЙ
съ 10 до 12 утра и съ 2½ до 6 час. дня ежедневно, кромѣ праздниковъ.

Отдѣленіе редакціи и конторы въ Чехословакіи: Praha II., v Jámě, č. 1., b. VIII.

Въ газетѣ принимаютъ участіе:

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ: А. В. Амфитеатровъ, акад. И. А. Бунинъ, З. Гиппіусъ, А. И. Купринъ, Борисъ Лазаревскій, Д. Мережковскій и другіе.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЙ И ДРУГІЕ ОТДѢЛЫ: Н. И. Астровъ, Л. Б. Бернштейнъ, М. А. Богуславскій, А. А. Бубликовъ, В. Л. Бурцевъ, А. Ветлугинъ, В. В. Викторовъ-Топоровъ, проф. А. М. Горовцевъ, Діонео, князь П. Д. Долгоруковъ, прис. пов. И. В. Дуссанъ, проф. А. В. Карташевъ, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Л. Ф. Магеровскій, проф. А. В. Маклецовъ, Б. Немировъ, А. А. Осбергъ, гр. С. В. Панина, Д. С. Пасмаикъ, М. К. Первухинъ, Ал. Рогожинъ, Ф. И. Родичевъ, С. Г. Сватиковъ, Ю. Ф. Семеновъ. прис. пов. Г. Б. Сліозбергъ, А. В. Тыркова-Вильямсъ, И. К. Тимковскій, А. И. Филипповъ, Ал-дръ Яблоновскій, Сергѣй Яблоновскій (Потресовъ) и другіе.

СОБСТВЕННЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ „ОБЩАГО ДѢЛА" въ Берлинѣ, Бѣлградѣ, Варшавѣ, Владивостокѣ, Вѣнѣ, Гельсингфорсѣ, Женевѣ, Кишиневѣ, Константинополѣ, Лондонѣ, Нью-Іоркѣ, Прагѣ, Ревелѣ, Ригѣ, Римѣ и Софіи.

»ЗЕМЛЕДѢЛІЕ«

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ОБЩЕСТВЕННОЙ АГРОНОМІИ, ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ
КООПЕРАЦІИ И АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ.

Подъ редакціей:

И. В. ЕМЕЛЬЯНОВА, С. В. МАРАКУЕВА
И ПРОФ. Г. К. ШИНДЛЕРА.

Вышелъ (двойной) № 3—4.

Содержаніе: С. В. МАРАКУЕВЪ: О возстановленіи народнаго хозяйства въ Россіи. Н. МАЛИЦКІЙ: Кооперація въ Болгаріи. Проф. АНЦЫФЕРОВЪ: † А. Н. Балакшинъ. Проф. МАКЛЕЦОВЪ: Аграрная реформа въ Югославіи. А. С. РОМАНОВСКІЙ-РОМАНЬКО: Орошеніе Туркестана. Н. С. ВОРОБЬЕВЪ: Медово-фруктовое виноделіе. К. В. ГРЕГРЪ: Кооперація въ Чехословакіи. ЗЕМСКІЙ АГРОНОМЪ: О направленіяхъ и методахъ общественно-агрономической работы. И. В. ЕМЕЛЬЯНОВЪ: Голосъ изъ могилы. ХРОНИКА. БИБЛІОГРАФІЯ.

Условія подписки: На годъ съ I сент. по I сент. — 180 Кч, въ Америкѣ — 4 долл. 80 цент. Цѣна отдѣльнаго номера: 15 Кч или 40 центовъ. Выписывающіе изъ конторы за пересылку не платятъ. Цѣна объявленій по соглашенію.

Адресъ: ПРАГА-СМИХОВЪ, Пшемыслова 16.

СЛАВЯНСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

Адресъ по чешски: PRAHA XI (SMÍCHOV), Přemyslova 16.

Вышелъ и поступилъ въ продажу второй номеръ ежемѣсячнаго критико-библіографическаго журнала

НОВАЯ РУССКАЯ КНИГА

подъ редакціей проф. А. С. Ященко. Издательство И. П. Ладыжникова.

Содержаніе: Статьи Бориса Пильняка „Нашъ заказъ", Георгія Лукомскаго „Итоги и задачи русской художественной дѣятельности за границей", Давида Бурлюка „Литература и художество въ Сибири и на Дальнемъ Востокѣ" (1919—1922), Ю. Геккера „По книжнымъ лавкамъ Москвы" и др. — Рецензіи. — Книгоиздательская хроника. — Судьба и работы писателей. — Писатели о себѣ. — Пресса. — Книжная лѣтопись.

Цѣна номера 25 марокъ. Для странъ съ высокой валютой цѣна повышается на 100%.

Адресъ редакціи: Berlin W. 50, Augsburger Straße 33.
Адресъ конторы: Berlin W. 50, Rankestraße 33.

Ежедневная политическая, литературная и обществен. газета въ Варшавѣ

„ЗА СВОБОДУ"

Девизъ:
„ЗА РОДИНУ И СВОБОДУ".

Условія подписки:

Въ Польшѣ въ мѣсяцъ — 830 м. польск. За границу — 900 м. польск. Цѣна отдѣльнаго No. — 30 мар. польскихъ.

Адресъ редакціи и конторы:
Варшава, Новый Свѣтъ 22, кв. 47.

Принимается подписка на русскую газету

»НОВЫЙ МІРЪ«

Цѣна подписки:
На годъ — 6 пезо; полъ года 3·50 и 3 мѣсяца — 2 пезо.
Деньги могутъ посылаться переводами, чеками и марками по слѣдующему адресу:

Semanario „Nuevo Mundo"
Buyacà 619 — Buenos Aires.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

Органъ Русской Освободительной Національно-Государственной Мысли.

НОВАЯ РУССКАЯ ЖИЗНЬ.

Выходитъ въ Гельсингфорсѣ (Финляндія)

при ближайшемъ участіи проф. Д. Д. Гримма и проф. А. В. Карташева. Постоянные сотрудники газеты: А. В. Амфитеатровъ, Діонео, В. А. Кадашевъ, А. И. Купринъ, Г. А. Ландау, С. С. Ольденбургъ, П. Б. Струве, проф. Н. С. Тимашевъ, М. К. Первухинъ, Потресовъ-Яблоновскій и др.

Редакторъ Ю. А. Григорковъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1922-й ГОДЪ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ФИНЛЯНДІИ. **Гельсингфорсъ,** Елизаветинская 29, кв. 2 (Elisabetsgatan 29, lok. 2). **Выборгъ,** Viipurin Paperi- ja Kirjakauppa O. Y. Katariinankatu 23, Русскій кн. маг. А. Иванкова, ЕкатерININ. 8. **Келломяки,** А. Рейхе, М. Морозовъ. **Перкъярви,** В. Клейнъ. **Вильманстрандъ,** М. Тазихинъ. **Теріоки,** Р. Клейнъ — **и во всѣхъ почтовыхъ конторахъ страны.**

ВО ФРАНЦІИ. Paris XVI. 1, Jacques Offenbach, M-me Kirilin; Agence internationale de journaux Frères Gorbaty, 16, rue St. Cecile; 13 Rue Bonaparte, J. Povolzky & C-ie, и др.

ВЪ ИТАЛІИ. Roma, Libreria Russa »Slovo« 18, plazzo del Popolo.

ВЪ ШВЕЦІИ. Stockholm, Svenska Pressbyrån, Drottningsgatan 30.

ВЪ НОРВЕГІИ. Kristiania, Kioskkompaniet, Stortingsgade 20.

ВЪ ДАНІИ. Kjøhenhavn, Tourist-kiosken, Hotel d'Anglettere Kangens Nystrov; B. F:s Boghandel, Raadhuspladsen 55, B.

ВЪ ГЕРМАНІИ. Berlin, Scharlottenburg, Buchhandlung »Rodina«, Kantstr. 24. Eingang Bleiftreustr.; Berlin, Russische Buchhandlung Heinrich Sachs, Wilhelmstrasse 20, и др.

ВЪ АНГЛІИ. London, W. C. I. The Russian Book Store 18, Bury Street.

ВЪ БЕЛЬГІИ. Esneux, Liège, Edition Nouveautés de la Littérature Etrangère.

ВЪ ЧЕХОСЛОВАКІИ. Praha II, Kateřinská 40, »Naša Rječ«.

ВЪ ДАНЦИГѢ. Flaschergasse 7, Forum.

ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ. 451, Grand rue de Péra, 451 M. Chacaille & O. Tsigoian.

ВЪ АМЕРИКѢ. New-York, N. Y. Ill. East 4 th. Street, A. R. Bogin.

ВЪ ЭСТОНІИ. Reval, Rana 5, krt. 3, Lolly Lvoff.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА въ Финляндіи повсемѣстно съ доставкой и пересылкой 12 мар. въ мѣс. Во Франціи и Бельгіи 7 фр., Голландіи 2 фл., Даніи, Норвегіи и Швеціи 3 кр., Англіи 4 шил., Германіи и Австріи 25 герм. мар., Италіи 10 лиръ, Америкѣ ½ дол., Швейцаріи 4 фр., въ другихъ странахъ 15 фин. мар., которыя можно высылать иностранной валютой. Отдѣльные №№ въ Финляндіи: въ Гельсингфорсѣ 50 пенни, въ провинціи и въ желѣзнодорожныхъ кіоскахъ 75 пенни, заграницей 75 пенни.

Адресъ редакціи и конторы: Helsingfors, Elisabetsgat. 29 Finland.

ИЗДАТЕЛЬСТВО РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ ВЪ БЕРЛИНѢ ЕВГЕНІЯ АЛЕКС. ГУТНОВА.

Второй годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1922 ГОДЪ

НА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВ. И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

»СПОЛОХИ«

РЕДАКТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ДРОЗДОВЪ. ИЗДАТЕЛЬ ЕВГЕНІЙ АЛЕКС. ГУТНОВЪ.

Подписка принимается во всѣхъ почт. отдѣленіяхъ Германіи, а также непосредственно въ издательствѣ. Подписная цѣна въ Германіи и странахъ съ низкой валютой: на ¼ года (3 номера) 50·— герм. м., на ½ года (6 ном.) 100·— г. м., на 1 годъ (12 ном.) 200·—г. м. Цѣна отдѣльнаго номера 20·— герм. марокъ. Въ Западной Европѣ, въ Америкѣ и Азіи другія цѣны. Объявленія: Въ одномъ номерѣ журнала: 1 стр. 1200·— м., ½ стр. 700·— м., ¼ стр. 400·— м., въ Зап. Европѣ на 100%, въ Америкѣ и Азіи на 200% дороже. Деньги можно переводить черезъ любой банкъ.

Адресъ редакціи, пріема подписки и объявленій:

Eugen Gutnoff, Buchdruckerei u. Verlag Berlin S 14. Dresdner Str. 82-83.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1922 ГОДЪ на единственную на Балканахъ большую политическую и литератур. газету

РУССКОЕ ДѢЛО

Газета выходитъ въ гор. Софіи по средамъ, пятницамъ и воскресеньямъ въ форматѣ четырехъ больш. страницъ. Въ газетѣ принимаютъ участіе лучш. журнальныя силы.

Съ 1 января 1922 г. подписная цѣна: 1 мѣс.: въ Болгаріи 24 лева, Кор. С.Х.С. 18 дин., Германіи 24 мар., Чехіи, Венгріи и Австріи 20 ч.кр., Франціи и др. стр. 4 ф. ф. При подп. на 3 мѣс. и больше 10% скидки.

Пріемъ подписки и объявл. производ. въ конторѣ „Русскаго Дѣла". Софія, ул. Веслецъ, 2.

„РУССКАЯ СИЛА"

ДЕМОКРАТИЧЕСКІЙ ОРГАНЪ РУССКОЙ ЭМИГРАЦІИ

посвященный вопросамъ практическ. работы русск. силъ за-границей, при ближ. участіи кружка „РУССКАЯ СИЛА" и Н. Н. Иванова.

При каждомъ номерѣ иллюстрированное приложеніе. Выход. въ концѣ каждой недѣли въ Берлинѣ.

Редакція и контора:

BERLIN W 62, WORMSERSTR. 6a III

(am Wittenbergpl.)

Цѣна номера въ Германіи съ иллюстр. прилож. 3 марки, въ Берлинѣ 2 марки.

„СЕГОДНЯ"

Независимая демократическая газета.

Редакція, главная контора и экспедиція:

РИГА,

Гердерова площадь № 1.

Цѣна отдѣльн, номера 5 рублей.

Подписная плата за мѣсяцъ:

Въ Латвіи 125 рбл.

За границей 135 рбл.

Ежедневная литератур. общественно-политическая и экономическая газета

Вольная Литва

Органъ независимой демократическ. мысли.

Подписная цѣна заграницей с пересылкой на 1 мѣс. — 80 нѣм. м., на 3 мѣс. — 230 м. и на 6 мѣс. 400 м.

Адресъ редакціи и конторы:

Ковно, Laisvės Aléja 35.

Редакторъ-Издатель І. Я. ВОРОНКО.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ БОЛЬШОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ

при ближайшемъ участіи:

Н. Д. АВКСЕНТЬЕВА, И. И. БУНАКОВА, М. В. ВИШНЯКА, А. И. ГУКОВСКАГО и В. В. РУДНЕВА.

*

Адресъ редакціи:

9 bis, rue Vineuse Paris (XVIe)

Téléphone: PASSY 89-61.

*

Подписка, продажа и пріемъ объявленій въ книжномъ магазинѣ

J. POVOLOZKY

13, rue Bonaparte, Paris (VIe).

Téléphone: GOBELINS 53-62

*

Подписная цѣна на каждые 3 мѣсяца: во Франціи 30 фр., въ другихъ странахъ 33 фр. Цѣна отдѣльного номера журнала 10 фр., съ пересылк. заказн. бандеролью 11 фр.

На 1922 год

Ежедневная общественно-полит. и торговопромышленная газета

ШАНХАЙСКАЯ ЖИЗНЬ

издающаяся в г. Шанхаѣ.

В газетѣ принимают участіе: А. Ф. Агарев, А. Н. Байдужный, М. И. Барановскій, Іона Вочревѣсущій, М. Л. Гутман, В. Костенко, Л. Г. Кауфман. В. Ф. Классинг, С. Д. Мельниченко, Н. К. Новицкій, Обозрѣватель, Павлов, В. Подгурскій (худ.), Гр. Ф. Семешко, А. Е. Толин, Тор (худ.), К. Х. и другіе.

В крупных центрахъ Россіи, Китая, Японіи и Америки — собственные корреспонденты.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
на мѣсяц 2 дол. 50 с.

КОНТОРА И РЕДАКЦІЯ ПОМѢЩАЮТСЯ В ДОМѢ № 12 BOONE ROAD Shanghai.

Редактор: Редакціонный коллектив.
Издатель:
Издательство „Шанхайская Жизнь."

Открыта подписка на 1922 годъ

(второй годъ изданія)

на ежедневную газету

„РИЖСКІЙ КУРЬЕРЪ“

Подписная плата на мѣсяцъ въ Латвіи 125 лат. р. Заграницей 160 л. руб.

Плата за объявленія: За строку петита или занимаемое ею мѣсто: Позади текста 7 латв. руб., фирмы и увеселит. учрежд. 10 латв. руб., спросъ и предложеніе труда 4 латв. руб., въ текстѣ 30 латв. рублей.

Адресъ редакціи и конторы: **Рига, бл. Грѣшная 21, тел. 28-53.**

Въ 1921 г. въ газ. ближайшее участіе принимали: Б. І. Витвицкая, Пр. В. М. Грибовскій, В. В. Гадалинъ, А. Дагаровъ, Д. І. Заборовскій, Л. Кормчій, Нео-Сильвестръ, Ю. Л. Маевскій, М. Мироновъ, Спектаторъ, А. Цвѣтковъ. Помѣстили статьи: О. Гросбергъ, И. М. Суховъ, Н. Н. Бордоносъ, С. Димовъ, Борисъ Ольгинскій, А. Г. Алексинскій, проф. Жаковъ, магистръ слов. В. М. Алексѣевъ, И. Славинскій, худ. Р. Депрерадовичъ, В. Семигальскій. Постоянные корреспонденты въ Ревелѣ, Вильнѣ, Варшавѣ, Парижѣ и др. городахъ. Ред.-Издат. **Д. І. Заборовскій.**

Продолжается подписка на 1922 год

на выходящий в Праге большой общест.-политическ. экономич. ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

„ВОЛЯ РОССИИ“

Под редакцией: **В. И. Лебедева, М. О. Слонима и В. В. Сухомлина.**

Издатель **Е. Е. Лазарев.**

Журнал большого формата в 24 стр., в цветной обложке.

Постоянные отделы: Статьи по вопросам русской и международной политики. Материалы и корреспонденции из России. Статьи по национальному вопросу. Экономическая жизнь. Обзор иностранной жизни. Россия и Чехословакия. Россия и Балканы. Россия и новообразовшиеся республики, входившие ранее в состав России. Хроника социалистического и рабочего движения. Литературно-художественный отдел. Вопросы культуры, искусства, литературы и науки. Критика и библиография. Русские заграницей. Казачество. Жизнь студенчества и т. д.

В журнале, кроме русских общественных деятелей и писателей, учавствуют крупнейшие европойские деятели, как Филипп Сноуден, Рамзай Макдональд, Ренодель, Штребель, Брейтшейд, Вандервельде и другие, а также выдающиеся политические деятели Чехословакии и всего славянского мира, как и деятели новообразовавшихся республик, ранее входивших в состав России.

Условия подписки: Чехословакия, Австрия, Финляндия на **1** мес. **20** чешск. крон, на **3** мес. **60** чешск. крон, **6** мес. **120** ч. кр.; Скандинавские страны в шведских кронах: на **1** мес. **2** кр., на **3** мес. **6** кр., на **6** мес. **12** кр.; Германия, Литва, Польша, Латвия, Эстония в герман. марках: на **1** мес. **56** марок, на **3** мес. **168** мар., на **6** мес. **320** марок; Франция, Бельгия и Турция во франках: на **1** мес. **5** фр. фр., на **3** мес. **15** фр. фр., на **6** мес. **30** фр. фр.; С. Ш. Сев. Америки на **1** мес. **50** цент., на **3** м. **1** долл. **50** цен., на **6** мес. **3** долл.; Англия на **1** мес. **2** шилл., на **3** мес. **5** шилл., на **6** мес. **10** шилл.; Швейцария на **1** мес. **2·50** шв. фр., на **3** мес. **7·50** шв. фр., на **6** мес. **15** шв. фр.; Италия на **1** мес. **10** лир, на **3** мес. **30** лир, на **6** мес. **60** лир.

Адрес конторы и редакции:

„Volja Rossii“, Uhelný trh 1, Prague, Tchécoslovaquie.

Адрес для телеграмм: **Volross, Prague.**

Новая Органъ русской освободит. націонал.-государств. мысли

„Русская Жизнь“

ежедневная газета.

Издается въ Гельсингфорсѣ подъ редакціей Ю. А. Григоркова.

Подписная цѣна на 1922 г.:

Для Финляндіи на 1 мѣс. 12 м. Заграницей въ Германіи и Австріи 25 герм. мар., во Франціи и Бельгіи 7 фр., въ Англіи 4 шил., въ Америкѣ 5 цент.

Адресъ редакціи и главной конторы: Fienland, Helsingfors, Elisabetsgatan 29, lok. 2.

»РУССКИЙ ГОЛОС«

Самая распространенная в Соедин. Штатах и Канаде ежедневная кооперативная газета RUSSKY GOLOS Corporation 64 East Seventh Street, New York.

Подписная цена.

В Нью Иорке и заграницу:
На год Д. 10·—, на 1 месяц Д. 1·—.

Голосъ Эмигранта

двухнедѣльный журналъ посвященный защитѣ культурныхъ, правовыхъ и экономич. интересовъ русской эмиграціи.

Пріемъ подписки и объявленій на означенныя изданія въ конторѣ издательства Г. М. Бейленсона

Berlin W. 50, Pragerstr. 14.

Цѣна отд. ном. 3 м., для странъ съ высокой валютой 5 марокъ.

От русского книжного магазина „МОСКВА“
в Берлине.

I. 1-го апреля магазин „МОСКВА“ преобразован в общество с ограниченною ответственностью.
II. Открыто отделение магазина на углу Лейпцигер и Мауерстрассе.
III. Получено генеральное представительство от Акц. Об-ва Вальтерс и Рапа, в Риге на Западную Европу.*)

Русский книжный магазин „МОСКВА“ в Берлине.

Заведующий А. С. Закс. Уполномоченный А. С. Таль.

Адрес: **Russischer Buchhandel H. Sachs G. m. b. H., Berlin S. W. 48, Wilhelmstr. 20 (Tel. Lützow 567).** Библиотека и отд. „Westen“: W. 62, Nettelbeckstr. 15 (Tel. Lützow 2847). Отделение „Zentrum“: W. 9, Mauerstrasse 68. Ecke Leipzigerstr. (Tel. Zentrum 9271).

*) Полный список изданий Акц. О-ва Вальтерс и Рапа напечатан во 2-ом № „Вестника русского книжного рынка“.

Продолжается подписка на газету

НОВОЕ ВРЕМЯ

Редакторъ-Издатель М. А. СУВОРИНЪ. Газета выходитъ ежеднев., исключая послѣпразд дни. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.
Въ предѣл. Кор. С. Х. С.	25 дин.	70 дин.	130 дин.
Въ Чехословакіи (въ чешск. крон.) . . .	30 ч. кр.	85 ч. кр.	160 ч. кр.
Въ Германіи, Австріи, Венгріи и Польшѣ (въ герм. мар.) . .	65 мар.	190 мар.	370 мар.
Въ Болгаріи (въ левахъ)	40 л.	115 л.	220 л.
Во Франціи, Англіи и др. странахъ (во франк.)	10 фр.	28 фр.	50 фр.

Пріемъ подп. и объявл. провзв. въ главной конторѣ »Новаго Времени«, Болгрвд, Кр. Натазіи ул., 21 и во всѣхъ агентствахъ газеты.

Открыта подписка на газету

„Свободная Рѣчь“

выходящую въ Софіи по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ.

При участіи: Г. В. Алексѣева, Б. Г. Вазенбургера, А. Н. Грабаря, проф. Э. Д. Гримма, проф. В. В. Завьялова, К. В. Мочульскаго, Н. П. Низова, К. К. Парчевскаго, М. И. Печковскаго, Ю. К. Рапопорта, проф. А. П. Рождественскаго, В. Н. Снегирева, К. Н. Соколова, Ф. В. Татаринова, Е. Н. Чирикова, протопресв. Г. Н. Шавельскаго, В. В. Шульгина и П. М. Ярцева.

Адресъ редакціи: Софія, Бул. Дондуковъ No. 40.

Изданіе О-ва „И. Отто“ въ Прагѣ. — Société J. Otto, Éditeur à Prague.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРЕМЛЬ“ ЪПРАГѢ.

J. OTTO, Éditeur. Prague, Karlovo nám. č. 34. (Tchécoslovaquie).

Отдѣленія Из-ва: въ Вѣнѣ: I. Gluckgasse 3, Wien; въ Братиславѣ: Bratislava, Laurinská ul. 8; въ Константинополѣ: Dépôt central de l'Union des Villes russes, Constantinople, Grand' rue de Péra 388/8.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ:

Для Франціи: J. Povolozky & Cie, Éditeurs, Paris, 13, rue Bonaparte.
Для Германіи: Russ. Buchhandlung „Heinrich Sachs“, Berlin SW, Wilhelmstr. 20.
Для Америки: A. G. Malishevsky. New York. 144—23 Str. Elmhurst N. I.
Для Англіи: Русскій книж. магазинъ. N. Makaroff, 18, Bury St., London, W. C. 1.
Для Бельгіи: Librairie Franco-Russe, S. Feldman, Bruxelles, Avenue Louise, 112.
Для Литвы: M. Z. Lwovič. Lithuanie, Kovno, Loisves aleja, 68.
Для Латвіи: A. Valter, J. Rapa & Co. Riga, Boîte Postale Nr. 158. Riga, Lettonie.
Для Румыніи и Бессарабіи: „K. Schechter & Fii“, Chişinău, Roumanie.
Для Сербіи: SHS. Belgrade, книж. магазинъ „Руска Мисао“, Поенкаревя ул. 20.
Для Болгаріи: „Росс.-Болгарское книгоизд-во“, Софійскій Банкъ. Sophia, Bulgarie.
Въ Вѣнѣ: Russische Buchhandlung „Jacub Persky“, Wien VII, Mechitharisteng. 4.
Въ Данцигѣ: Verlag »Vek Kultury«, Danzig, Promenade 6.

УЧЕБНИКИ ДЛЯ РУССКИХЪ ШКОЛЪ:

„НОВАЯ НАРОДНАЯ ШКОЛА.“ Первая послѣ букваря книга. (Съ иллюстр.) . . . . . кр. ч. 24·—

»COURS PRATIQUE DE LANGUE FRANÇAISE«, Méthode Chancel et Glaeser.
Pour la 1—2me année 1-я ч. . . . . 24·—
Pour la 3—4me année 2-я ч. . . . . 24·—

François Coppée: »CONTES CHOISIS«. Со словаремъ и объясненіями. — Для чтенія, школъ и самообразованія . . . . . 18·—

Большой ФРАНЦУЗСКО-РУССКІЙ СЛОВАРЬ.
DICTIONNAIRE FRANÇAIS RUSSE. Par A. Elaguine, Prof. **Совершенно новое изданіе** по Макарову и Larousse, съ обновл. техн. терминол. 900 стр. (paraîtra prochainement).

СЛОВАРИ изданія J. Otto:
Словарь чешско-французскій. Prof. Dr. J. Herzer. 705 страницъ мал. разм., въ перепл. . . . . 45·—
Словарь французско-чешскій. Prof. Dr. J. Herzer. 600 страницъ мал. разм., въ перепл. . . . . 40·—
Русско-чешскій словарь. Б. Морковинъ. 775 стр. мал. размѣра 77·—
Словарь Чешско-нѣмецкій и Нѣмецко-чешскій. Въ перепл. . . 24·—
Имѣются также большіе **словари англ., франц. и нѣмецко-чешскіе.**

ИЗБРАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

I. Серія. Для старшаго возраста.

Л. Н. Толстой, А. С. Пушкинъ, В. Г. Короленко, А. Чеховъ, Скиталецъ, Н. В. Гоголь, И. С. Тургеневъ.

II. Серія. Для средняго возраста.

Л. Н. Толстой, Ѳ. М. Достоевскій, А. П. Чеховъ, М. Н. Богдановъ, Д. В. Григоровичъ, В. М. Гаршинъ, В. И. Немировичъ Данченко, И. А. Крыловъ, В. Д. Сиповскій, И. С. Тургеневъ, С. Т. Аксаковъ, Н. В. Гоголь.

Сборникъ стихотвореній Извѣстныхъ русскихъ поэтовъ (Антологія.) 506 стр. . . . . кр. ч. 40·—
Л. Н. Толстой: „Воскресеніе“. Полное изданіе . . . . . 36·—

J. OTTO, ÉDITEUR. PRAGUE, TCHÉCOSLOVAQUIE.

„Русская Мысль“ основана въ Москвѣ въ 1880 г. *С. А. Юрьевымъ*, продолжателемъ котораго были *В. М. Лавровъ* и *В. А. Гольцевъ*. Съ 1907 по 1911 г. она выходила подъ редакціей *А. А. Кизеветтера* и *П. Б. Струве*, а съ 1911 по 1918 г. — одного *П. Б. Струве*.

„Русская Мысль“, нынѣ издаваемая заграницей, въ условіяхъ полнаго упраздненія въ Россіи свободы слова и книгопечатанія, будетъ осуществлять ту же задачу, которой она служила всегда: **быть органомъ свободной русской національной мысли, политической и культурной.** Имя ея редактора, который былъ единственнымъ отвѣтственнымъ руководителемъ журнала въ послѣдніе восемь лѣтъ его существованія, достаточно опредѣляетъ характеръ возобновляемаго литературнаго предпріятія. **Оно попытается сплотить вокругъ себя всѣ живыя духовныя силы, преданныя идеалу органическаго національнаго возрожденія Россіи, ея государственности и культуры.**

Въ ближайшее время редакція можетъ расчитывать на сотрудничество слѣдующихъ лицъ: **Г. А. Алексинскаго, М. Арнаудова, Н. С. Арсеньева, Г. Аѳанасьева, кн. В. В. Барятинскаго, М. В. Бернацкаго, А. Д. Билимовича, П. М. Бицилли, А. Блоха. С. С. Бобчева, П. М. Богаевскаго, Б. Божнева, П. Бринскаго, И. А. Бунина. И. Бѣленихина, Г. В. Вильямса, П. Г. Виноградова, кн. С. Волконскаго, Кн. С. А. Гагарина, А. Геесена, В. Ф. Гефдинга, З. Н. Гиппіусъ, А. Н. Грабара, Г. Д. Гребенщикова. Д. Д. Гримма, Э. Д. Гримма, В. Х. Даватца, Г. Ѳ. Данаилова, С. С. Демосѳенова, Вл. Дитерихса, Н. В. Долинскаго, В. Б. Ельяшевича, Н. С. Жекулина, К. О. Зайцева, Б. П. Кадомцева, А. В. Карташева, Н. П. Кондакова, В. Костецкаго, К. Крамаржа, С. Кречетова, Н. К. Кульмана, А. И. Куприна, Б. А. Лазаревскаго, Г. Ландау, И. Лаппо, В. Лебедева. А. Г. Левенсона, И. О. Левина, В. М. Левитскаго. Е. Лопатиной, М. Лотъ, Бородиной, И. Лукаша, Л. Львова, Н. Н. Львова, С. Маковскаго, Д. С. Мережковскаго, С. Метальникова, С. Минцлова, Д. Михальчева, Н. Могилянскаго, К. В. Мочульскаго, М. Невзоровой, В. Нечитайлова, С. Никонова, Б. А. Никольскаго, Ю. А. Никольскаго, П. И. Новгородцева, бар. Б. Э. Нольде, Н. Н. Нордмана, кн. В. А. Оболенскаго, Ник. Окунева, С. С. Ольденбурга, П. А. Остроухова. Л. Опатовскаго, А. Погодина, М. Попруженко, В. Раевскаго, И. Радославова. З. Розовой, М. И. Ростовцева, П. Н. Савицкаго, И. Савченко, В. Свѣтлова, Ю. Ѳ. Семенова, В. Сирина, К. Н. Соколова, А. Соколовскаго, Е. Спекторскаго, Л. Столицы, Г. П. Струве, М. Струве, П. П. Сувчинскаго, И. Д. Сургучева, Ѳ. Тарановскаго, Ѳ. В. Татаринова, Н. С. Тимашева, гр. Ал. Н. Толстого, кн. Гр. Н. Трубецкого, кн. Н. С. Трубецкого, А. В. Тырковой, Г. В. Флоровскаго, В. Холодковскаго, А. Цанкова, Л. Чацкаго, Н. Н. Чебышева, Е. Н. Чирикова, Г. И. Шавельскаго, кн. Д. А. Шаховского, В. В. Шульгина, П Ярцева, Е. Яшнова, А. Ѳедорова.**

ЦѢНА настоящаго номера (май), безъ пересылки: 28 к. ч.; 10 фр. фр.

Подписная цѣна сообщается немедленно по требованію. Справки въ конторѣ журнала: Prague, Karlovo nám. 35. **Тамъ же принимаются объявленія:**

Передъ текстомъ: за 1 стр. 800 Кч.; за 1/2 стр. 400 Кч.; за 1/4 стр. 250 Кч.
Позади текста: за 1 стр. 600 Кч.; за 1/2 стр. 300 Кч.; за 1/4 стр. 150 Кч.

Т-во „И. ОТТО“ въ Прагѣ, Чехословакія.

J. OTTO. Éditeur, Prague, Tchécoslovaquie.

Отвѣтственный редакторъ В. Червинка. — Типографія „Политика“, Прага.

BINDING SECT. NOV 11 1975

AP
50
R8
g.42
kn.3-5

Russkaia mysl'

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY